

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919788 9

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

1862

Я Н В А Р Ъ

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

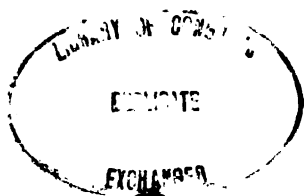
- I. ПОПЫТКИ МѢСТНАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ ВО ФРАНЦІИ. **Ф. Т. Тернера.**
- II. ВОСПОМИНАНІЕ О ГОГОЛѢ. **Л. Арнольди.**
- III. НОВЫЙ ТАЛАНТЬ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. **А. В. Дружинина.**
- IV. ЗАПИСКИ ВИЛЬСОНА. **Ю. В. Толстаго.**
- V. СТОЯЧАЯ ВОДА. Повесть. **В. Крестовскаго.**
- VI. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА МУРАВЬЕВА О ВОЙНѢ 1855 ГОДА ВЪ МАЛОЙ АЗИИ.
- VII. ЧЕШСКАЯ ДЕРЕВНЯ. **А. С. Троинскаго.**
- VIII. ИЗЪ ДОРОЖНАГО ДНЕВНИКА, ВЕДЕННАГО ЗА ГРАНИЦЕЙ. **Я. К. Грота.**
- IX. HOTEL „LA SIRENA“. Стихотвореніе. **Н. Ф. Щербинны.**
- X. ПОДРАЖАНІЕ ШЕНЬЕ. Стих. **Б. И. Алмазова.**
- XI. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: *Дожныя и отреченныя книги русской старинѣ.* Собр. **А. И. Шпыпинъ. Н. С. Тихомирова.**
- XII. ЗАМѢТКА.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

UNIVERSITY OF
MICHIGAN
LIBRARY

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ.

—~888~—

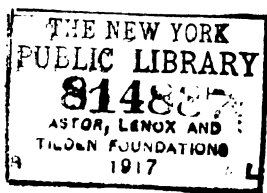
ТОМЪ ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ.

—~888~—

МОСКВА

Въ типографіи Каткова и К^о.

1862.

ХОУ ВАН
СЛЕН
УВАТЛ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва 8-го января 1862 года.

Цензоръ А. Петровъ.

ПОПЫТКИ МѢСТНАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ

ВО ФРАНЦІИ

L. de Lavergne, *Les assemblées provinciales en France avant 1789*
(*Revue des Deux Mondes*).

H. T. Buckle, *History of civilisation in England*.

J. Stuart Mill, *On liberty*.

По какому-то странному капризу судьбы, Франція считающаяся родоначальницею либеральныхъ идей, центромъ, изъ котораго онѣ распространились по материку всей Европы, отстала въ ихъ практическомъ, примѣненіи почти отъ всѣхъ европейскихъ странъ.

Вмѣсто гражданской свободы и мѣстнаго самоуправленія, мы находимъ во Франціи всепоглощающее начало правительственной централизаціи; вмѣсто экономической свободы, встрѣчаемъ протекціонизмъ, всемогущій до послѣднихъ реформъ произведенныхъ Наполеономъ III во французскомъ тарифѣ.

Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ централизаціонное начало постоянно крѣпло, расло и расширялось во Франціи, несмотря ни на какіе государственные перевороты. Во всѣхъ формахъ государственнаго устройства, централизаціонное направленіе находитъ себѣ постоянную опору для дальнѣйшаго развитія.

Исторія французской административной жизни представляетъ намъ только одинъ моментъ, когда проявляет-

ся стремленіе къ правильнѣйшему распредѣленію административной дѣятельности между всѣми частями страны. Но этотъ опытъ развитія мѣстнаго самоуправления во Франціи принадлежитъ не революціи и непосредственнымъ правительствамъ, а до-революціонной монархіи, именно Лудовику XVI.

Это знаменательное явленіе служитъ доказательствомъ, что реформы, предпринятыя Лудовикомъ XVI и заглушенныя послѣдовавшимъ громомъ революціи, имѣли важное значеніе; оно указываетъ на необходимость ближайшаго изученія характера этихъ реформъ, довольно мало извѣстныхъ до настоящаго времени.

Сравнивая результаты достигнутые этими реформами съ наслѣдіемъ, которое было завѣщано Франціи революціей, какъ-то естественно задеешь себѣ вопросъ: что бы произошло во Франціи, еслибы эта блестящая, но грозная эпоха была вычеркнута судьбою изъ ея исторіи, еслибы революціи не случилось? На сколько успѣла бы эта страна подвинуться въ своемъ развитіи путемъ естественныхъ реформъ, и на сколько революція, разумѣя подъ этими словами событія 1789—1794 годовъ, ускорила осуществленіе тѣхъ либеральныхъ началъ, которыя были ею провозглашены?

Чтобы составить себѣ ясное понятіе объ этомъ вопросѣ и произнести сколько-нибудь основательное рѣшеніе, необходимо предварительно вникнуть въ сущность той преобразовательной дѣятельности, которая развилась при Лудовикѣ XVI въ провинціальныхъ собраніяхъ, вызванныхъ Тюрго и Некеромъ, и сдужившихъ въ царствованіе Лудовика XVI средоточіемъ главнѣйшихъ до-революціонныхъ преобразованій.

Посвящая нашу статью изслѣдованію этого важнаго и еще мало извѣстнаго момента исторіи Франціи, мы для большей ясности раздѣлимъ нашу статью на три части. Въ первой коснемся слегка историческихъ условій развитія централизаціи во Франціи, пользуясь остроумными очерками Бека; вторую часть посвятимъ обзору дѣятельности провинціальныхъ собраній при Лудовикѣ XVI, при чемъ примемъ въ руководство трудъ Лаверна; наконецъ въ третьей части представимъ нѣкоторые выводы и соображенія.

I.

Причины содѣйствовавшія во Франціи развитію централизаціи и духа правительственной опеки, въ противоположность болѣе нормальному направленію, въ которомъ стала развиваться государственная жизнь въ Англіи, начинаютъ оказываться уже въ ту темную и отдаленную эпоху исторіи, которой принадлежатъ первые зачатки гражданского устройства въ Европѣ, тѣ-есть въ X и XI столѣтіяхъ. До того времени невѣжество и суевѣріе почти въ равной мѣрѣ господствовали повсюду. Во времена общаго мрака и хаоса, духовенство было единственнымъ хранителемъ умственного и нравственного достоянія; оно было единственною нравственною силою, простиравшею свое покровительство на всѣ народы. Но съ XI и особенно XII вѣка начинаютъ возникать самостоятельная гражданская жизнь и умственная дѣятельность. Оба эти новые элемента стремятся приобрести независимую почву.

Первая самостоятельная, независимая отъ клерикальнаго начала, административная форма является въ феодальной организаціи. Въ этихъ зачаткахъ гражданского устройства является въ первый разъ нѣкоторое различіе въ условіяхъ французской и англійской жизни; это различіе слѣдуетъ признать первою причиною той противоположности въ направленіяхъ, которымъ слѣдовали эти двѣ страны въ развитіи ихъ внутренней гражданской дѣятельности. Означенныя причины слѣдуетъ искать въ условіяхъ, предоставившихъ въ самаго начала французской аристократіи болѣшую силу, но и въ большей степени отдѣлившія ее отъ народа.

Утвердившись въ Англіи, во второй половинѣ XI столѣтія, Вильгельмъ Нормандскій, ввелъ въ завоеванной странѣ тѣ же феодальныя учрежденія, которыя господствовали и въ его отечествѣ; но при этомъ перенесеніи феодальныхъ учрежденій на новую почву измѣнился нѣсколько и самый характеръ ихъ въ пользу усиленія королевской власти. Бароны, находившіеся въ арміи Вильгельма-Завоевателя, получивъ отъ него земли въ завоеванной странѣ,

должны были вмѣстѣ съ тѣмъ утратить часть той независимости, которою пользовались феодальные землевладѣльцы во Франціи. Первымъ разительнымъ примѣромъ отступленія отъ обычныхъ условій феодализма является требованіе Вильгельма, чтобы всѣ землевладѣльцы присягали прямо ему, между тѣмъ какъ по феодальному праву каждый вассалъ присягалъ только своему сюзерену, то-есть лицу, отъ котораго онъ получилъ землю, такъ что нижніе вассалы присягали среднимъ, средніе высшимъ, и уже эти послѣдніе королю. Отъ этого обычая отступилъ Вильгельмъ, потребовавъ за нѣсколько лѣтъ до своей смерти прямой присяги отъ всѣхъ вассаловъ то-есть землевладѣльцевъ страны.

Во Франціи, напротивъ, дворяне пользовались почти неограниченною властію въ своихъ помѣстьяхъ. Владѣя землями по стародавнему праву, они не признавали въ этомъ отношеніи за королемъ никакого права ограничивать ихъ произволь. Разность въ характерѣ власти, принадлежавшей въ феодальную эпоху каждой изъ этихъ двухъ аристократій, обнаруживается, напримѣръ, въ томъ обстоятельстве, что французскіе дворяне имѣли право чеканить монету, право, которымъ никогда не обладали англійскіе вассалы въ своихъ владѣніяхъ.

Это обстоятельство имѣло важное вліяніе на послѣдующую судьбу обоихъ государствъ. Въ Англіи относительная слабость дворянства и большее подчиненіе его центральной власти побуждали дворянское сословіе съ самыхъ раннихъ временъ искать опоры въ народѣ и славать съ его интересами свои. Вотъ почему всѣ права, въ разное время дарованныя въ Англіи королями своимъ подданнымъ, относились не къ одному дворянству, а къ цѣлому народу. При такихъ отношеніяхъ между дворянствомъ и народомъ, послѣдній не былъ поставленъ въ такую безусловную зависимость отъ феодальной аристократіи, какъ во Франціи. Вслѣдствіе этого, въ Англіи очень рано начинаютъ развиваться первые элементы общиннаго самоуправленія, и развитіе ихъ шло безпрепятственно впередъ, все болѣе и болѣе сливаясь съ народною жизнью. Въ Англіи, уже въ первое время существованія государства, были мелкіе землевладѣльцы изъ свободнаго не-дворянскаго сословія (*freeholder, yeomanry*), классъ людей, который во Франціи не существовалъ почти до XVIII столѣтія. Самое крѣпостное право исчезло въ Анг-

аи совершенно уже въ XVI столѣтіи, между тѣмъ какъ во Франціи оно продолжало существовать еще два столѣтія и рушилось только подъ ударомъ революціи. Классъ свободныхъ собственниковъ не изъ дворянъ, не мало содѣйствовалъ въ Англіи развитію духа мѣстной самостоятельности и обычаевъ мѣстнаго самоуправления, развитію, однимъ словомъ, въ англійскомъ народѣ той нравственной силы, которая побуждаетъ его непреклонно стоять за свои права, но также и безусловно исполнять свои обязанности, вызывая въ людяхъ глубокое уваженіе къ закону, какъ священному хранящему этихъ правъ и соединенныхъ съ ними обязанностей.

Во Франціи, напротивъ, феодальная аристократія была слишкомъ сильна, слишкомъ независима отъ центральной власти, а потому не нуждалась въ поддержкѣ народа. Вотъ почему дворянство смотрѣло съ презрѣніемъ на народъ, отъ котораго отдѣляли его непроходимыя грани и съ которымъ не связывалъ его никакой общій интересъ. При неограниченномъ господствѣ феодальнаго права, во Франціи не только не существовало свободныхъ владѣльцевъ не-дворянскаго сословія, какъ въ Англіи, но даже не были извѣстны потомственные арендные владѣнія въ средѣ народа. Не-дворяне пользовались землею исключительно на *лежкомъ* правѣ, то-есть въ полной зависимости отъ феодальныхъ землевладѣльцевъ. При такихъ условіяхъ, когда вся власть была сосредоточена исключительно въ рукахъ дворянства, могли ли выработаться въ народѣ какія-либо самостоятельныя мѣстныя учрежденія, могло ли развиваться общинное или муниципальное самоуправленіе?

Вотъ почему, когда въ послѣдствіи французскимъ городамъ было дано муниципальное устройство, оно оставалось только внѣшнимъ призракомъ гражданскаго городского самоуправления; не находя подготовленной почвы, оно и не могло бросить глубокихъ корней въ народной жизни. О сельскомъ же общинномъ устройствѣ и самоуправленіи не могло быть и рѣчи при исключительномъ господствѣ крѣпостнаго права. Всѣмъ этимъ объясняется, почему, послѣ упадка феодальной аристократіи, всеобъемлющая власть ея должна была, по необходимости, замѣниться правительственной централизаціей; народъ не былъ воспитанъ для самоуправления и для самодѣтельности; выйдя изъ

крѣпостной зависимости, онъ какъ беспомощное дитя, не умѣвшее даже въ своихъ частныхъ, мѣстныхъ интересахъ дѣйствовать самостоятельно, долженъ былъ подчиниться во всемъ опеку бюрократической централизаціи.

Въ XIV столѣтіи королевская власть замѣтно усилилась во Франціи. Роль дворянства относительно центрального правительства значительно уменьшилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ не видно еще никакихъ льготъ для народа. Попрежнему, онъ находится въ узахъ крѣпостнаго права. Попрежнему, дворянство пользуется полнымъ изъятіемъ отъ платежа налоговъ, считая дѣломъ постыднымъ участвовать наравнѣ съ простонародьемъ въ жертвахъ необходимыхъ для доставленія государству средствъ существованія. По прежнему, дворянству исключительно предоставлены всѣ мѣста въ военномъ и духовномъ управленіи и т. п. Духъ привилегіи и исключительности обнаруживается во всемъ, отъ важныхъ предметовъ до пустыхъ мелочей; такъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, право содержать голубятни на своей землѣ исключительно принадлежало дворянству.

Такимъ образомъ, пока въ средѣ англійскаго народа все болѣе и болѣе развивался духъ гражданской самостоятельности, основанный на привычкѣ жить своимъ умомъ, во Франціи народъ не имѣлъ и тѣни гражданской или умственной самостоятельности. Реформація была подавлена во Франціи, между тѣмъ какъ она восторжествовала въ Англіи. Реформація была проявленіемъ того же духа анализа и самосужденія въ духовныхъ дѣлахъ, который въ гражданской сферѣ уже существовалъ въ Англіи. Католицизмъ, власть котораго зиждется на преданіи, не могъ не противодѣйствовать развитію въ народѣ личнаго анализа, грозившаго ему потерю свѣтской власти. Но мудрая дочь Генриха VIII стала на сторону народа, и рѣшилась поддержать протестантизмъ. Понимая, что въ этомъ стремленіи ей не найдти поддержки въ дворянствѣ, она избрала главныхъ своихъ совѣтниковъ не изъ аристократической среды; главные государственные люди при Елисаветѣ, Сесиль, Садаеръ, Смитъ, носили имена весьма мало извѣстныя до того времени.

Значительная разница между развитіемъ французской и англійской государственной жизни обнаружилась, между

прочимъ, въ двухъ важныхъ политическихъ событіяхъ, весьма близкихъ одно къ другому по времени: это войны фронды во Франціи и революція въ Англіи. Между тѣмъ какъ послѣдняя приняла совершенно общественный характеръ, изъ котораго должна была выработаться новая гражданская жизнь Англіи, между тѣмъ какъ здѣсь движеніе не имѣло въ себѣ ничего сословнаго, и во главѣ его являются люди все не изъ бароновъ, какъ и самъ Кромвель,—во Франціи фронда не измѣнила отношеній народа къ дворянству. Она добивалась только осуществленія нѣкоторыхъ исключительно сословныхъ интересовъ,—и въ числѣ ихъ было не мало самыхъ мелочныхъ вопросовъ мѣстничества и этикета.

При Лудовикѣ XIV, съ окончательнымъ низверженіемъ фронды, власть надъ умственною, политическою и матеріальною жизнью народа перешла изъ рукъ дворянства въ руки правительства. Феодальный гнетъ преобразовался въ правительственную централизацию. Централизовавъ гражданскую власть, Лудовикъ XIV подчинилъ себѣ и клерикальную партію; но достигнувъ этой цѣли, онъ не только не считалъ уже нужнымъ противодействовать ея исключительной опека надъ умственною жизнью страны, а даже сталъ содѣйствовать ея усиленію. Отмѣною Нантскаго эдикта онъ лишилъ Францію и той доли религіозной свободы, которою она пользовалась до него. Но Лудовикъ XIV не удовольствовался этимъ. Онъ поработилъ себѣ и умственную жизнь страны въ ея литературѣ. Съ помощію денегъ и почестей, онъ овладѣлъ всѣми замѣчательными писателями своего времени, и превратилъ ихъ въ хвалителей своихъ дѣяній. Его старанія не остались безуспѣшными. Дѣйствительно, благодаря льстивымъ возгласамъ современныхъ ему писателей, его царствованіе казалось самою блестящею эпохою науки и искусства во Франціи. Мнѣніе это, господствовавшее довольно долго, не устояло однако передъ анализомъ исторіи. Этотъ анализъ раскрылъ прежде всего, что Лудовикъ покровительствовалъ преимущественно искусствамъ. Между тѣмъ какъ искусства и литература, по видимому, процвѣтали въ его царствованіе, науки приходили въ упадокъ. Время Лудовика XIV было въ сущности эпохой упадка умственной жизни Франціи, стоявшей до того времени гораздо выше. Въ духовной жизни человѣка и народа различные элементы находятся въ тѣсной между собою связи, такъ что одинъ не можетъ развиваться безъ

другаго. Съ подавленіемъ всякой самостоятельной умственной жизни, была подавлена и всякая творческая сила въ народѣ, — а безъ нея и искусство не могло процвѣтать. Упадокъ искусства обнаружился еще при жизни Лудовика XIV. Если сравнить послѣднюю половину его царствованія съ первою, то нельзя не удивиться разительному между ними контрасту; все что было блестящаго при Лудовикѣ XIV принадлежитъ первой половинѣ его царствованія. Этотъ контрастъ ясно доказываетъ, что послѣ искусственного блеска неизбежно слѣдуетъ внезапный упадокъ. Послѣдніе годы царствованія Лудовика XIV представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ зрѣлище самой безотраднѣйшей пустоты; въ это время во Франціи уже не было ни одного знаменитаго ученаго, ни одного замѣчательнаго государственнаго человѣка, ни одного истинно-даровитаго художника. Повсюду самая ужасная бездарность. Вотъ какихъ результатовъ достигъ Лудовикъ XIV, всю жизнь свою стремившійся поработить всякую самостоятельную мысль, уничтожить всякую критику и поставить на ея мѣсто одну лесть, безусловно преклонявшуюся передъ нимъ, какъ при дворѣ, такъ и въ литературѣ. При вступленіи на престолъ, онъ нашелъ богатые зародыши умственной дѣятельности въ наукѣ и искусствѣ, — зародыши, возникшіе въ предшествующія правленія Рихелье и Мазарина; а къ концу своего царствованія, онъ оставилъ Франціи одну бездарность, и на долгое время подавилъ въ ней всякое честное, добросовѣстное и независимое умственное направленіе.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, царствованіе Лудовика XIV является одною изъ коренныхъ причинъ революціи. Не скоро послѣ него очнулась самостоятельная мысль; но, проснувшись отъ своего искусственнаго сна, она безотчетно бросается къ удовлетворенію тѣхъ потребностей, которыя такъ долго были въ ней совершенно подавлены. Въ своемъ анализѣ, въ своей критикѣ, она уже не знаетъ границъ, она не останавливается ни передъ чѣмъ, какъ бы желая этимъ излишкомъ дѣятельности искупить свое продолжительное и насильственное бездѣйствіе. Оторванное отъ дѣйствительной жизни, умственное движеніе бросается исключительно въ самую отвлеченную теорію; то приходитъ къ утопіямъ, въ неосуществимости которыхъ убѣждается не прежде какъ перейдя рѣку крови, проли-

тыя революціей. Могла ли изъ подобныхъ элементовъ выработаться здоровая политическая жизнь во Франціи? Съ одной стороны, народъ лишенный всякихъ правъ, подавленный и униженный; съ другой стороны, умственная дѣятельность, возбужденная до нельзя, совершенно отрѣшившаяся отъ дѣйствительной жизни, стремившаяся все пересоздать по новымъ утопическимъ началамъ: подобное сочетаніе должно было неминуемо повести къ той ужасной катастрофѣ, которая разразилась во Франціи въ концѣ XVIII вѣка. Послѣ всего сказаннаго не удивительно, что этотъ ужасный переворотъ, потрясшій все государственное и общественное устройство въ его основахъ, не могъ немедленно создать во Франціи нормальную политическую жизнь, для которой въ народѣ еще не доставало элементовъ. Подъ именемъ свободы революція еще болѣе укоренила во Франціи самую деспотическую централизацию. Когда же республика пала предъ имперіей, то въ сущности это былъ только вѣншній переворотъ; внутренніе элементы гражданской жизни отъ этого нисколько не измѣнились; одна деспотія смѣнилась другой, а централизція только усилилась.

„Революція, замѣчаетъ г. Бодрильяръ въ *Journal des Débats*, по поводу книги Реньйо, *La province ce qu'elle est et ce qu'elle doit être*, освятила диктатуру Парижа. Ей принадлежитъ развитіе до крайнихъ предѣловъ теоріи единства. Она же, повѣривъ Руссо и нѣкоторымъ другимъ своимъ учителямъ, возвела въ апогею государство. Теоріи революціи, дополненныя дисциплинарными идеями имперіи, привели Францію къ настоящему порядку вещей.“

Этотъ порядокъ вещей Бекль описываетъ весьма остроумно и характеристически слѣдующимъ образомъ:

„Во Франціи все сводится къ одному общему центру, которымъ поглощаются всѣ гражданскія функціи страны. Всѣ сколько-нибудь значительныя улучшенія, всѣ планы, касающіеся даже матеріальныхъ вопросовъ народнаго благосостоянія, должны быть утверждаемы центральнымъ правительствомъ, потому что оно считаетъ мѣстныя учрежденія недостойными права рѣшать столь затруднительные вопросы. Дабы предохранить мѣстныя учрежденія отъ злоупотребленій власти, имъ не предоставляется никакой власти. Все что происходитъ въ этой странѣ должно

рѣшаться въ главной квартирѣ. Центральное правительство должно все видѣть, все знать и обо всемъ заботиться. Для приведенія въ дѣйствіе этой чудовищной монополіи, придумана достойная машина. Вся страна покрыта несмѣтною арміею чиновниковъ, которые по правильности своей іерархіи и по порядку восходящихъ ступеней, представляютъ поразительную картину феодальнаго принципа, превращеннаго изъ поземельнаго въ личный. Все государственное дѣло ведется въ томъ предположеніи, что ни одинъ человѣкъ не способенъ во Франціи сознать свой личный интересъ и самъ о немъ заботиться. Французское правительство печется съ такою отеческою предусмотрительностію о благѣ своихъ подданныхъ, что подчинило своей опецѣ какъ самые обыкновенные, такъ и самые рѣдкіе случаи жизни. Опасаясь чтобы Французы не совершали безразсудныхъ духовныхъ завѣщаній, оно ограничило самое право завѣщаній, и опасаясь чтобы они не передавали неправильно своего имущества, оно вообще запретило имъ передавать большую часть имущества. Изъ желанія охранять общество въ полицейскомъ отношеніи, оно запретило развѣзжаться безъ паспорта. Отправляясь въ путешествіе, французскій подданный встрѣчаетъ въ каждомъ закоулкѣ тотъ же духъ вмѣшательства, который, подъ предлогомъ охраненія его личности, ограничиваетъ его личную свободу. Та же самая система введена во Францію и въ другую, еще гораздо высшую сферу, — въ судопроизводство. Правительство французское до того заботится объ охраненіи общества отъ преступниковъ, что преслѣдованіе обвиняемаго передъ судомъ представляетъ зрѣлище, котораго въ Англии общественное мнѣніе не вынесло бы ни одной минуты. Важный государственный сановникъ, которому поручено судить обвиняемаго, самъ его допрашиваетъ, стараясь всевозможными доводами довести его до сознанія предполагаемой вины, дѣйствуя такимъ образомъ не какъ судья, а какъ публичный обвинитель. Этотъ важный сановникъ употребляетъ противъ обвиняемаго все значеніе своего высокаго положенія, всѣ тонкости своего юридическаго искусства, всю свою опытность и всю ловкость своего ума. Это едва ли не одно изъ опаснѣйшихъ проявленій французскаго централизованнаго духа, потому что подобный порядокъ вещей лишаетъ судъ, это высокое прав-

ественное учрежденіе, всякой независимости по отношенію къ центральной власти, и вслѣдствіе того лишаетъ его довѣрія въ глазахъ общества. Нарушая у судьи необходимое ему спокойствіе духа, французское судоустройство прямо ведетъ къ несправедливости, потому что не даетъ судья возможности сохранять полное безпристрастіе. Можетъ ли судья сохранять спокойствіе духа, когда онъ превращается въ заинтересованную сторону? Но это только часть обширнаго механизма. Къ такого рода средствамъ для открытія преступленія присовокупляются всевозможныя средства для его предупрежденія. Съ этою цѣлю, народъ подвергается охраненію и опека, даже при самыхъ невинныхъ, ежедневныхъ своихъ удовольствіяхъ. Для предупрежденія могущихъ встрѣтиться при этомъ, по необдуманности частныхъ лицъ, обидъ или поврежденій, правительство охраняетъ ихъ мѣрами, которыя употребилъ бы отецъ чтобъ оградить своихъ дѣтей отъ всякаго необдуманнаго поступка могущаго причинить имъ вредъ. На ярмаркахъ, въ театрахъ, въ концертахъ, во всѣхъ публичныхъ увеселительныхъ мѣстахъ, всегда присутствуютъ солдаты ¹, надзирая за тѣмъ, чтобы никому не было причинено вреда, чтобы не было лишней тѣсноты и чтобы никто не побранился съ своимъ сосѣдомъ. Но и этимъ не ограничивается бдительность правительства. Самое воспитаніе дѣтей не предоставлено личному воззрѣнію родителей и учителей, а поставлено подъ непосредственную опеку государства. Вся централизованная организація проведена съ такимъ искусствомъ, съ такою послѣдовательностію, что ни въ какую эпоху жизни Французы не бываютъ оставлены на собственный произволъ; въ дѣтствѣ, юношествѣ, въ зрѣломъ возрастѣ,—всѣ ихъ дѣйствія совершаются подъ опекою правительства. Нельзя предполагать, чтобы люди воспитанные въ подобной опека имѣли въ чемъ-либо, даже въ выборѣ пищи, вѣрное сужденіе. Поэтому правительство позаботилось и объ опека матеріальной стороны ихъ жизни.

¹ Бекъ говоритъ здѣсь исключительно о присутствіи военной силы во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ. Трудно предполагать, чтобъ онъ порицалъ присутствіе на нихъ обыкновенной полиціи, потому что и въ Англіи, на публичныхъ собраніяхъ, бываютъ полиціемены.

Зоркій глазъ его слѣдитъ за мясникомъ на бойнѣ и за булочникомъ въ его печи. Отецеская рука правительства испытываетъ все продаваемое мясо, чтобъ убѣдиться хорошаго ли оно качества, и весь хлѣбъ, чтобъ убѣдиться полновѣсенъ ли онъ. Однимъ словомъ, во Франціи, вслѣдствіе развитія духа опеки и централизаціи, правительство монополизировало всѣ отправленія жизненной дѣятельности какъ дѣлой страны, такъ и каждаго гражданина. Эта монополія инициативы, это вмѣшательство проникающее въ частныя дѣла и помышленія каждаго человѣка, особенно опасны по своимъ нравственнымъ послѣдствіямъ. Слагая съ каждаго члена общества естественно лежащую на немъ отвѣтственность передъ самимъ собою, оно лишаетъ его такимъ образомъ главной побудительной причины къ нравственному развитію, заключающейся какъ въ постоянной необходимости заботиться о своихъ потребностяхъ, такъ и въ навыкѣ бороться съ трудностями жизни. Вотъ почему Французы, при малѣйшихъ затрудненіяхъ, обращаются къ помощи правительства. Чтò въ Англіи приводится въ исполненіе подъ вліяніемъ конкуренціи, то совершается во Франціи съ помощью монополіи. Чтò въ Англіи дѣлается частными обществами, на то во Франціи требуется содѣйствіе правительственныхъ департаментовъ. Во Франціи общество во всемъ сообразуется съ мнѣніемъ центрального управленія и живетъ его жизнью; въ Англіи правительство, напротивъ того, слѣдитъ за общественнымъ мнѣніемъ въ народѣ и сообразуется съ его направленіемъ. Во Франціи, исполнительная власть есть центръ, изъ котораго исходитъ лучеобразно всякая инициатива общественной жизни. Въ Англіи эта инициатива принадлежит обществу, а центральное управленіе удерживаетъ только значеніе органа народной жизни. Разница въ результатахъ объясняется разницею въ условіяхъ общественнаго организма. Англійское общество постепенно пришло къ участию въ политическомъ управленіи страны, воспитавъ себя къ этому участию продолжительнымъ пользованіемъ гражданскими правами и исполненіемъ гражданскихъ обязанностей возлагаемыхъ на него мѣстнымъ самоуправленіемъ; французское общество пренебрегло пользованіемъ гражданскими правами и несеніемъ соединенныхъ съ ними обязанностей, оно захотѣло прямо перейти къ пользованію

политическими правами. Вслѣдствіе этого, до сихъ поръ пользованіе законною свободою было во Франціи несомнѣнимо съ существованіемъ твердаго правительства; французское общество могло переходить только отъ неограниченной свободы съ шаткою правительственною организаціей къ твердымъ правительственнымъ формамъ не предоставлявшимъ обществу никакой обезпеченной свободы. Вотъ тѣ два полюса, между которыми вращается французское общество со времени революціи.“

Пагубныя послѣдствія, которыя должно было имѣть, для гражданской и общественной жизни Франціи, развитіе духа централизаціи,—послѣдствія такъ рельефно и эффектно описанныя Бекломъ,—были уже предугаданы Некеромъ, какъ мы увидимъ ниже.

Коснувшись главныхъ условій историческаго развитія французской централизаціи, мы обозримъ теперь, хотя кратковременную, но въ высшей степени замѣчательную эпоху, когда французское правительство, измѣнивъ внезапно свою внутреннюю политику, само пыталось уменьшить всепоглощающее дѣйствіе уродливой централизаціи въ организмъ Франціи равномѣрнымъ распределеніемъ экономической, гражданской и политической жизни между всѣми частями страны.

II.

Единственный существенный опытъ децентрализаціи, въ продолженіи всей государственной жизни Франціи, былъ сдѣланъ въ послѣднія десять лѣтъ царствованія Людовика XVI. Призванные имъ къ дѣятельности, провинціальныя собранія успѣли, несмотря на свое кратковременное существованіе, сосредоточить въ себѣ всю мѣстную административно-хозяйственную власть, и оживить ее началомъ мѣстнаго самоуправленія въ замѣнъ исключительно-бюрократическаго начала. Изучая живую дѣятельность, которая кипѣла въ средѣ провинціальныя собранія, массу вопросовъ, которые были возбуждены ими и которыхъ значительная часть была окончательно разрѣшена этими собраніями, не можемъ не удивляться, что исторія почти забыла объ ихъ существованіи. Казалось,

ихъ скромная дѣятельность была совершенно заглушена громомъ разразившихся вслѣдъ за тѣмъ событій, такъ что даже память объ этихъ собраніяхъ исчезла со страницъ исторіи. Даровитому перу де-Лаверня было дано воскресить ихъ забытое значеніе.

Уже въ средніе вѣка, почти во всѣхъ провинціяхъ Французскаго королевства, возникали провинціальныя собранія для вотированія и раскладки налоговъ. Но по причинамъ, о которыхъ рѣчь была выше, эти учрежденія не могли пустить глубокихъ корней въ народной жизни. Они исчезали одно за другимъ передъ напоромъ центральной власти, и послѣдній ударъ имъ былъ нанесенъ рукою Ришелье, такъ что въ началѣ XVII вѣка почти всѣ провинціальныя собранія уже прекратили свое существованіе. Франція, вмѣсто прежнихъ областей, была раздѣлена на двадцать провинцій, *généralités*, которыя управлялись королевскими наместниками, *интендантами*. Власть этихъ послѣднихъ не знала другихъ границъ кромѣ личнаго произвола. Только нѣкоторыя области (Бретань, Бургундія, Лангедокъ, Фландрія и Артуа) сохранили свое древнее историческое устройство и тѣнь мѣстнаго самоуправленія. Управление интендантовъ, истощавшихъ и угнетавшихъ провинціи всѣми возможными способами, вызывало всеобщіе вопли негодованія; жалобы на нихъ слышались повсюду, и общественное мнѣніе было страшно возстановлено противъ нихъ. Буажильберъ, Вобанъ, Буленвилье, указываютъ въ своихъ мемуарахъ на вопіющіе недостатки и злоупотребленія существовавшего въ то время интендантскаго управления. Первый пытавшійся указать средства къ исправленію столь вреднаго порядка вещей былъ Фенелонъ. Въ планѣ необходимыхъ реформъ, писанномъ имъ секретно для наследника престола Лудовика XIV, герцога Бургундскаго, онъ требовалъ, въ числѣ самыхъ необходимыхъ мѣръ, возстановленія прежнихъ областей съ ихъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, объявляя, что безъ этого преобразованія невозможно и помышлять объ улучшеніи существовавшей тогда системы податей. Онъ предлагалъ, кромѣ того, собирать отъ времени до времени генеральныя штаты, но такимъ образомъ чтобъ ихъ дѣятельность основывалась главнымъ образомъ на дѣятельности провинціальныхъ штатовъ, находясь съ ними

въ тѣсной связи. Фенелонъ оканчивалъ свой проектъ словами: „Plus d'intendant.“

Всѣмъ этимъ мыслямъ не было суждено осуществиться. Со смертію герцога Бургундскаго, пали въ прахъ и всѣ великодушныя стремленія его мудрыхъ воспитателей; со смертію герцога Бургундскаго, погибла и всякая надежда на политическое и общественное возрожденіе страны. Въ теченіи продолжительнаго царствованія Лудовика XV, обычаи производства и централизаціи, введенныя въ государственное управленіе кардиналомъ Ришелье и Лудовикомъ XIV, сохранились почти безъ измѣненія. Но мысль о необходимости децентрализаціи и восстановленіи мѣстнаго управленія однако не исчезла. Въ первый разъ она начинаетъ высказываться въ литературѣ около половины XVIII столѣтія, въ сочиненіяхъ тогдашнихъ экономистовъ. Мысль о провинціальныхъ собраніяхъ подробно развивалась между прочимъ въ спеціальному мемуарѣ, напечатанномъ маркизомъ Мирабо въ 1750 году. Авторъ этого мемуара напоминалъ въ немъ Лудовику XV, что еще отецъ его помышлялъ о восстановленіи мѣстнаго самоуправления. Но мемуаръ этотъ остался безъ всякаго вліянія на Лудовика XV.

Уже при Лудовикѣ XVI, Тюрго, немедленно по вступленіи въ министерство, занялся составленіемъ плана всеобщаго преобразованія внутренняго управленія Франціи. Работа эта, какъ полагаютъ, была поручена имъ Дюпонъ-де-Немуру. Предполагалось учредить въ каждой общинѣ выборное собраніе; избирателями должны были быть исключительно мѣстные землевладѣльцы имѣющіе извѣстный доходъ, безъ различія сословій; наравнѣ съ сельскими обществами, подобныя учрежденія должны были образоваться и въ городскихъ обществахъ. Эти собранія должны были заниматься распределеніемъ податей, распоряженіемъ общественными работами и попечительствомъ о бѣдныхъ. На нихъ же возлагался выборъ членовъ въ окружныя собранія; послѣднія съ своей стороны должны были выбирать членовъ въ провинціальныя собранія, и уже провинціальныя собранія назначали членовъ въ генеральныя штаты. Тюрго такимъ образомъ совершенно устранилъ сословный элементъ; полагаютъ, что это и было причиною, почему король не утвердилъ его предложенія. Впрочемъ, неизвѣстно, былъ ли даже представленъ этотъ планъ королю; потому

что, получивъ проектъ отъ Дюпонъ-де-Немура, Тюрго оставилъ его у себя для дальнѣйшей разработки.

Несмотря на то что вся сила интендантовъ основывалась главнымъ образомъ на разъединеніи, которое они старались поддерживать между сословіями, послѣднія, какъ бы не понимая настоящаго положенія дѣлъ, не хотѣли соединить своихъ силъ для общаго противодѣйствія произволу интендантовъ. Проектъ Тюрго въ сущности оставлялъ главную власть въ рукахъ дворянства, потому что выборы были основаны на поземельномъ цензѣ, а большая часть земель находилась въ рукахъ дворянъ. Но сословныя предубѣжденія до того еще были сильны, что проектъ, основанный не на сословныхъ выборахъ, никакъ не могъ надѣяться найти поддержку въ общественномъ мнѣніи.

Тюрго оставилъ министерство въ 1776 г., не успѣвъ еще дать никакого движенія своему проекту. Вскорѣ ему наследовалъ Некеръ. Хотя и Некеръ не сочувствовалъ сословнымъ началамъ, но понимая ихъ силу въ господствовавшемъ мнѣніи, онъ предложилъ Людовику XVI проектъ мѣстнаго самоуправленія, съ выборами отъ сословій; планъ этотъ былъ принятъ и утвержденъ королемъ. Въ запискѣ представленной королю, Некеръ указывалъ главнымъ образомъ на злоупотребленія власти со стороны интендантовъ и на всеобщія жалобы вызываемыя ихъ управленіемъ. „Едва ли заслуживаетъ названія администраціи,“ замѣчалъ онъ, „порядокъ вещей, при которомъ всѣ дѣла въ провинціи зависаютъ отъ произвола одного лица,—интенданта. Этому человѣку, находящемуся часто въ отсутствіи, иногда хорошо знакомому съ бытомъ провинціи, но часто совершенно не посвященному въ мѣстныя потребности, предоставлено безусловное распоряженіе самыми важными дѣлами общественнаго порядка и мѣстныхъ интересовъ. Могутъ ли предшествующія исключительно бюрократическія занятія интенданта, подготовить его къ удовлетворительному исполненію тѣхъ обязанностей, которыя на него возлагаются? Не сознавая большею частію самой важности этихъ обязанностей, онъ обыкновенно смотритъ на свое положеніе только какъ на средство для удовлетворенія своего честолюбія. Зная что онъ часто занимаетъ свое мѣсто только

временно, может ли онъ дѣйствительно заботиться о благосостояніи порученной ему провинціи, предвидя, что многое ему не удастся докончить, и исполненіе начатаго придется предоставить своему преемнику? Увѣренные большею частію, что легче сдѣлать карьеру интригами чѣмъ усиленнымъ и совѣстливымъ трудомъ, эти лица только и помышляютъ о томъ какъ бы урваться въ Парижъ, сваливая исполненіе всѣхъ возложенныхъ на нихъ обязанностей на своихъ дѣлопроизводителей.“

Нельзя не признать вѣрности этого очерка, который можетъ быть примѣненъ ко всякому бюрократически-централизованному порядку управленія. Далѣе, указывая на необходимость развитія мѣстнаго самоуправленія, Некеръ говоритъ въ своей запискѣ: „Нѣкоторыя части администраціи, касающіяся полиціи, общественнаго порядка, исполненія повелѣній вашего величества, не могутъ быть раздѣлены, и должны быть поѣтому вполне предоставлены въ вѣдѣніе непосредственнаго органа центральнаго правительства или интенданта; но многія другія дѣла, какъ напримѣръ распределеніе и взиманіе налоговъ, содержаніе и устройство дорогъ, выборъ средствъ для поощренія торговли и труда, и забота объ открытіи новыхъ рынковъ для сбыта произведеній мѣстной промышленности,—подобныя дѣла, исполненіе которыхъ идетъ медленнымъ, но непрерывнымъ шагомъ, преимущественно должны быть поручены мѣстнымъ комиссіямъ состоящимъ изъ землевладельцевъ; дѣйствіе же интендантовъ по этимъ дѣламъ должно ограничиваться исключительно доставленіемъ правительству необходимыхъ свѣдѣній относительно ихъ хода и образа ихъ исполненія.“ Указывая на разнообразіе провинцій по ихъ мѣстнымъ условіямъ и мѣстнымъ интересамъ, Некеръ продолжаетъ: „Такъ какъ умственные и физическія силы одного лица, какъ бы онъ ни были обширны, не въ состояніи обнять столь обширной и многосложной задачи какъ разсмотрѣніе и удовлетвореніе такихъ разнообразныхъ интересовъ, то по необходимости, при существующемъ порядкѣ вещей, управленіе переходитъ изъ рукъ министра въ руки его канцеляріи. Отъ степени знакомства канцелярій съ дѣломъ, отъ ихъ безпристрастія и внимательности къ исполненію своихъ обязанностей, зависитъ поѣтому большая или меньшая удовлетворительность всего

государственнаго управленія. Приводя всѣ нити управленія къ одному пункту, Парижу, правительство сосредоточиваетъ распоряженіе всѣми административными и исполнительными мѣрами въ такомъ центрѣ, который можетъ судить о мѣстныхъ нуждахъ только по отдаленнымъ отчетамъ, который довѣряетъ только одному лицу и который не имѣетъ ни времени, ни возможности глубоко вникать во всѣ подлежащія его разрѣшенію вопросы. Министры должны бы сознавать, что доводя до себя столь значительную массу дѣлъ, которая превышаетъ силу вниманія одного человѣка, они тѣмъ самымъ отказываются отъ управленія, передавая оное въ руки своихъ чиновниковъ.“ Въ заключеніе Некеръ высказываетъ слѣдующее соображеніе: „Не подлежитъ сомнѣнію“, говоритъ онъ, „что сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ значительно увеличиваетъ ея дѣйствительность; но хотя я и вѣрю, столько же какъ и всякій другой, въ силу дѣятельности одного лица соединяющаго въ себѣ гений, силу, мудрость и добродѣтель, но я убѣжденъ въ то же самое время, что подобныхъ людей не много, что не всегда легко ихъ отыскать и особенно трудно найти ихъ въ томъ небольшомъ кружкѣ, изъ котораго выбираются интенданты. Опытъ и теорія учатъ, что провинціальную администрацію невозможно составлять изъ гениальныхъ людей, что приходится только избирать провинціальныхъ дѣятелей изъ наибольшаго числа людей, извѣстныхъ съ хорошей стороны, и если только можно достигнуть этого послѣдняго условія, то задачу слѣдуетъ считать удовлетворительно разрѣшенною. Въ постоянной коммисіи, состоящей изъ главнѣйшихъ землевладѣльцевъ провинціи, совокупность познаній и непрерывность работъ придаютъ значеніе даже дѣятельности посредственныхъ умовъ; публичность обсужденій вынуждаетъ къ честности; если полезное дѣло исполняется при такихъ средствахъ медленнѣе чѣмъ при руководствѣ гениальныхъ личностей, то по крайней мѣрѣ достигнутые результаты остаются прочнымъ достояніемъ извѣстной мѣстности, и въ существованіи своемъ не зависятъ отъ личнаго произвола, между тѣмъ какъ самый благомыслящій и мудрый интендантъ можетъ быть замѣненъ другимъ, который испортитъ все дѣло, начатое его предшественникомъ.“

Предвидя со стороны государственнаго совѣта сильное

сопротивленіе совершенной отиѣнѣ интендантской должности, Некеръ не рѣшался предлагать такой радикальной мѣры, а старался только ограничить дѣятельность этихъ савонниковъ болѣе тѣснымъ кругомъ. При такомъ ограниченіи, интенданты могли даже приносить пользу, какъ прямые исполнители воли правительства; это доказывала дѣятельность Тюрго, который также служилъ интендантомъ.

Представленныя Некеромъ соображенія вполнѣ убѣдили Лудовика XVI, и въ 1778 г. было предписано открытіе провинціального собранія въ Берри. Въ началѣ, для опыта, была избрана эта провинція именно потому, что она находилась въ самомъ печальномъ положеніи. Осторожныя и истинно-полезныя реформы рѣдко удовлетворяютъ всѣхъ. Въ настоящемъ случаѣ особенно возстали двѣ самыя крайнія партіи; именно партія ультра-консерваторовъ, которая находила что правительство зашло уже слишкомъ далеко на пути нововведеній, и партія ультра-либераловъ, находившая что сдѣланнаго слишкомъ мало.

Скоро послѣ того было рѣшено открытіе подобныхъ собраній въ Дофинѣ, Гиенѣ и въ Бургундіи. Гиенское собраніе удалось вполнѣ; два другія не состоялись. Въ Дофинѣ, которая сохранила прежніе штаты, преобразование ихъ въ провинціальныя собранія встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны сословій; а въ Бургундіи Некеръ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны интенданта, который отказался открыть собраніе. Онъ воспользовался секретною запискою, представленною королю (въ которой Некеръ высказывался противъ вмѣшательства въ административныя дѣла со стороны парижскаго парламента, указывая на пользу ограниченія этого вліянія съ предоставленіемъ большей свободы мѣстнымъ учрежденіямъ),—чтобы возстановить противъ Некера парижскій парламента, такъ что когда Некеръ потребовалъ отъ короля удаленія непослушнаго интенданта, король отказался исполнить его желаніе, и Некеръ подалъ въ отставку. Это происшествіе отсрочило дальнѣйшее осуществленіе проекта на семь лѣтъ. Только въ 1787 году Калонъ представилъ Лудовику XVI объ учрежденіи новыхъ провинціальныхъ собраній въ большей части провинцій. Польза дѣятельности Беррійскаго и Гиенскаго собраній, имѣвшихъ

значительное вліяніе на общественное мнѣніе, привела правительство къ убѣжденію въ необходимости дальнѣйшаго развитія проекта Некера. Замѣчательно, что несмотря на успѣхи самой мысли въ общественномъ мнѣніи и на убѣдительный примѣръ провинціи Берри, новыя учрежденія снова встрѣтили сопротивленіе въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, со стороны разныхъ эгоистическихъ и дурно-понятыхъ мѣстныхъ интересовъ. Но это были уже только исключенія изъ общаго правила; вообще можно было сказать, что дѣло удалось.

Разсматривая общіе результаты дѣятельности провинціальныхъ собраній, Лаверьнъ старается опровергнуть мнѣніе Токвиля, который, несмотря на свою непріязнь къ централизаціи, не только не оцѣнилъ достаточно пользы этихъ учрежденій, но даже упрекаетъ ихъ въ томъ, что они въ слишкомъ-короткое время возбудили слишкомъ много вопросовъ. Возможно ли однако, возражаетъ Лаверьнъ, приступивъ къ реформамъ, касаться однихъ вопросовъ и не касаться другихъ, которые тѣсно съ ними связаны? Не реформы произвели броженіе въ умахъ, а броженіе умовъ остановило дальнѣйшее ихъ осуществленіе. Еслибы Некеръ могъ привести въ исполненіе весь свой планъ въ 1778 году, еслибы бѣольшая часть провинціальныхъ собраній, открытыхъ въ 1787 году, дѣйствовали одновременно съ Беррійскимъ и Гіенскимъ, то-есть десять лѣтъ ранѣе, когда умы еще не были такъ возбуждены и когда благоразумная спокойная дѣятельность была еще возможна, то, можетъ-быть, всѣ эти вопросы, при тѣхъ предосторожностяхъ, которыми они были обставлены Некеромъ, разрѣшились бы удовлетворительно и постепенно, и, можетъ-быть, Франція, вмѣсто ужасной революціи, ограничилась бы только полезными административными и политическими реформами.

Чтобы лучше оцѣнить образъ дѣятельности провинціальныхъ собраній и достигнутые ими результаты, мы должны прослѣдить съ нѣкоторою подробностію дѣйствія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Только подобный обзоръ позволитъ намъ судить о числѣ, характерѣ и свойствахъ возбужденныхъ ими вопросовъ, равно какъ о способѣ и степени ихъ разрѣшенія. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ этому обзору, мы считаемъ нужнымъ сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о личномъ составѣ провинціальныхъ собраній.

Даверь приводит имена лицъ бывшихъ членами каждаго изъ этихъ собраній. Въ его перечнѣ мы встрѣчаемъ имена какъ высшихъ дворянскихъ фамилій и духовенства, такъ и средняго сословія, которое до сихъ поръ нигдѣ еще не слывалось, въ одномъ и томъ же учрежденіи, съ представителями высшей дворянской аристократіи. Несмотря на такой разнородный составъ, несмотря на сопротивление, которое учрежденіе провинціальныхъ собраній встрѣтило со стороны дворянства вообще, а въ особенности со стороны парижской аристократіи,—въ дѣятельности провинціальныхъ собраній проявляется большое единство; мы видимъ въ нихъ общій духъ, одно направленіе, стремящееся только къ возможно-лучшему устройству дѣлъ и интересовъ всѣхъ жителей провинціи. Всякіе отдѣльные интересы,—интересы касты, сословія,—забываются въ средѣ этихъ собраній; мы видимъ какъ представители первыхъ дворянскихъ фамилій проводятъ самыя либеральныя идеи, сознавая, что истинное значеніе высшаго сословія, то-есть самаго образованнаго и самаго богатаго, какъ бы оно ни называлось, заключается въ заботахъ о благѣ страны, а не въ мелкихъ вопросахъ личнаго тщеславія и ложно-понятаго властолюбиваго произвола надъ низшими классами. Это, можно сказать, былъ исключительный случай, когда французское дворянство поняло свое истинное назначеніе. Предшествующій очеркъ показываетъ намъ, какъ далеко оно было отъ пониманія этого назначенія до того времени. Въ послѣдующую же затѣмъ эпоху мы видимъ, что революція совершенно подавляетъ и вытѣсняетъ дворянство. Потомъ, по возвращеніи въ страну, оно распадается на двѣ партіи: одна сливается съ наполеоновскимъ правительствомъ; другая держится совершенно въ сторонѣ, какъ бы чуждая странѣ и ея жизни. Совокупно же, въ видѣ высшаго сословія, двигателемъ какихъ-либо важныхъ политическихъ или нравственныхъ интересовъ, оно уже не является. Въ настоящее время часть дворянства совершенно слилась съ народомъ, но такъ какъ это слияніе произошло путемъ административнымъ, такъ какъ народъ дворянству, какъ сословію, ничѣмъ не былъ обязанъ во Франціи, то оно и потеряло всякое значеніе. Остальную же часть дворянства постигла еще худ-

шая участь; отдѣлившись совершенно отъ политической жизни страны, оно подверглось необходимымъ послѣдствіямъ такого уединенія. Жизнь, оставила его далеко за собою, и нынѣ между обществомъ предмѣстій Сентъ-Оноре и Сентъ-Жермена и національною жизнью всей Франціи, нѣтъ никакого общаго интереса, ничего родственнаго: это уже не часть общаго политическаго тѣла, а отрѣзанный мертвый членъ.

Но перейдемъ теперь къ ближайшему разсмотрѣнію дѣятельности главнѣйшихъ провинціальныхъ собраній. Этотъ обзоръ лучше всего разъяснить намъ какъ значеніе разныхъ элементовъ дѣйствовавшихъ въ этой средѣ, такъ и самый характеръ результатовъ этой дѣятельности.

Первое провинціальное собраніе въ царствованіе Лудовика XVI, какъ уже было замѣчено, открылось въ провинціи Берри. Провинція эта, нѣкогда одна изъ самыхъ цвѣтущихъ во всей Франціи, находилась въ XVIII вѣкѣ въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Мирабо называлъ ее Сибирью Франціи. Буржь, главный городъ провинціи, былъ при Карлѣ VII столицею Франціи; но въ 1487 году, бѣлая часть города была разрушена ужаснымъ пожаромъ; а въ слѣдъ за тѣмъ, по освобожденіи Франціи отъ ига Англичанъ, столица была переведена въ Парижь, и съ этихъ поръ начинается упадокъ Берри, значительно пострадавшей отъ междоусобныхъ войнъ XVI и XVII столѣтій и еще болѣе во время царствованія Лудовика XIV. При Лудовикѣ XV положеніе жителей нѣсколько улучшилось, но Беррійская провинція все еще принадлежала къ бѣднѣйшимъ во Франціи. Во вторую половину XVIII столѣтія, при пространствѣ 1.500.000 гектаровъ (около 1.370.000 дес.), во всей провинціи было около полумилліона жителей. Вся сумма податей, лежавшихъ на этой провинціи, составляла по разчету Некера 8 милліоновъ франковъ нынѣ два ея департамента, Шерскій и Эндерскій, платятъ вдвое болѣе (16 милліоновъ) налоговъ. Беррійская провинція затруднялась особенно въ платежѣ денежныхъ повинностей по недостатку сбыта сельскихъ произведеній. Способъ взиманія налоговъ тоже представлялъ множество неудобствъ. Самый значительный налогъ, la taille, взимался не съ цѣнности земли, а съ предполагаемаго имущества или скорѣе съ предполагаемыхъ платежныхъ силъ (taille personnelle), не

допуская никакого справедливаго распределеія. Натуральныя повинности на содержаніе дорогъ, находившихся тѣмъ же менѣе въ самомъ печальномъ положеніи, очень тяготѣли на податномъ населеніи; наконецъ, кромѣ того, Беррійская провинція была обложена, въ сравненіи съ прочими, чрезвычайно высокимъ налогомъ на соль, *la grande gabelle*.

Открывая провинціальное собраніе въ Берри, Некеръ намѣревался, какъ мы видѣли, распространить это полезное учрежденіе мало-по-малу и на всѣ прочія провинціи королевства. Въ исполненіи этого намѣренія, онъ встрѣтилъ почти всеобщее сопротивленіе со стороны чиновниковъ и части дворянства. Чтобы нѣсколько успокоить этихъ людей и облегчить проведеніе своей мысли, онъ былъ принужденъ вставить въ эдиктъ, которымъ предпринималось открытіе Беррійскаго провинціального собранія, слова: „Возложенныя на оное обязанности остаются въ вѣдѣніи собранія до тѣхъ поръ, пока это будетъ угодно королю (*aussi longtems qu'il plairait à Sa Majeste*)“. Этими словами какъ бы лишалъ новое учрежденіе окончательнаго узаконенія, подвергая вопросъ о существованіи его исключительно волѣ короля.

Правительствомъ были назначены первые шестнадцать членовъ собранія, то-есть одна треть, — и имъ предоставлялся выборъ остальныхъ тридцати двухъ членовъ. Засѣданія собранія въ полномъ составѣ открылись въ Буржѣ, 12-го ноября 1778 года, послѣ торжественнаго молебна въ соборѣ. Начавъ свои работы, собраніе, для болѣе успѣшнаго производства ихъ, раздѣлилось на четыре бюро или отдѣленія, распредѣливъ между ними вопросы о податяхъ, объ общественныхъ работахъ, о земледѣліи и торговлѣ и объ устройствѣ будущихъ собраній (*réglement*). Опредѣливъ выборъ членовъ для перваго собранія, Некеръ предоставилъ ему составить проектъ послѣдующихъ выборовъ. Эта работа и была поручена четвертому отдѣленію, которое прежде другихъ окончило свои занятія; оно предложило слѣдующій порядокъ выборовъ: для выбора депутатовъ изъ средняго сословія вся провинція должна была дѣлиться на двадцать четыре округа, съ предоставленіемъ каждому права выбора одного депутата. Избирательныя коллегіи должны были состоять изъ бургомистровъ (*maires*) и другихъ городскихъ должностныхъ лицъ главнаго города въ округѣ

(chef-lieu) и шести представителей сельского населенія, избираемыхъ приходами; въ каждомъ приходѣ представители избирались исключительно крестьянскими должностными лицами, то-есть синдиками и мерами. Депутаты двѣнадцати округовъ, въ которыхъ находились главнѣйшіе города провинціи, должны были считаться городскими представителями; остальные двѣнадцать — сельскими. Этимъ самымъ измѣнялся существовавшій до тѣхъ поръ порядокъ, по которому право выбора депутатовъ предоставлялось исключительно нѣкоторымъ привилегированнымъ городамъ; принимая въ соображеніе, что тогда въ городовъ развилось уже значительное среднее сословіе въ сельской средѣ, состоявшее изъ мелкихъ собственниковъ, отдѣлъ нашелъ необходимымъ и справедливымъ распространить и на нихъ право выбора, не оставляя его исключительно привилегіею городовъ. Въ депутаты изъ дворянства положено было выбирать только владѣльцевъ большихъ имѣній, приносящихъ не менѣе четырехъ тысячъ франковъ дохода, съ условіемъ въ то же время, чтобъ эти лица принадлежали къ древнему дворянству. Въ этомъ постановленіи высказывалось очевидно желаніе ограничить число лицъ составляющихъ привилегированное сословіе, принудивъ такимъ образомъ все мелкое дворянство сдаться съ среднимъ сословіемъ. Наконецъ, депутаты отъ духовенства должны были назначаться самимъ провинціальнымъ собраніемъ; одинъ архіепископъ Буржскій былъ непремѣннымъ депутатомъ. Выработанный на этихъ главныхъ основаніяхъ проектъ выборовъ былъ принятъ общимъ собраніемъ, и представленъ на утвержденіе короля.

Вслѣдъ за четвертымъ отдѣломъ кончилъ свои работы податной отдѣлъ. Разсмотрѣнію провинціального собранія были предоставлены одни прямые налоги, дававшие доходу 2.500.000 франковъ. Они состояли изъ поголовнаго сбора (capitation), личного поимущественнаго сбора (taille personnelle) и добавочнаго сбора, называемаго двадцатою частію (les vingtièmes). Самый значительный и самый обременительный изъ нихъ былъ личный поимущественный сборъ (taille personnelle). При распределеніи этого налога, сборщики соображались только съ предполагаемою ими степенью богатства каждаго податнаго лица,

и плательщики такимъ образомъ подвергались полному произволу сборщиковъ. Личные интересы, благорасположеніе, ненависть, наконецъ подкупъ—все это дѣйствовало совокупно на сборщиковъ, такъ что они не имѣли ни возможности, ни желанія распредѣлять налогъ сколько-нибудь справедливо, причемъ, разумѣется, самые бѣдные жители страдали наиболѣе. Подобный порядокъ имѣлъ самыя печальныя послѣдствія. Такъ какъ на исправнаго плательщика возлагалась обыкновенно самая большая цифра налога, то каждое податное лицо старалось скрыть свое имущество, чтобы не быть наказаннымъ за видимое благосостояніе и исправность въ платежѣ увеличеніемъ налога. Вслѣдствіе этого, жители не только отказывали себѣ въ существенныхъ предметахъ благосостоянія, ограничиваясь въ своемъ помѣщеніи, пищѣ и одеждѣ только самымъ необходимымъ,—но даже уклонялись отъ труда, въ увѣренности, что всякая лишняя заработанная копѣйка уйдетъ въ руки сборщика. Для устраненія недостатковъ существовавшей системы, отдѣлу представились два средства: кадастръ и взиманіе налога натурою, опредѣливъ его извѣстнымъ процентомъ урожая, приплода и т. д. на подобіе церковной десятины. Этотъ послѣдній способъ имѣлъ достоинство соразмѣрности съ валовымъ доходомъ, весьма важное особенно въ неурожайные года, въ которые существовавшій тогда поимущественный сборъ совершенно раззорялъ жителей своею неизмѣнностію. Несмотря на это отдѣлъ отвергъ натуральный налогъ по слѣдующимъ соображеніямъ: во первыхъ, хотя этотъ способъ и соразмѣряетъ цифру налога съ валовымъ доходомъ, однако, съ другой стороны, онъ въ значительной степени оказывается несправедливымъ по отношенію къ чистому доходу, не принимая въ соображеніе издержекъ производства; а во вторыхъ, самое взиманіе податей натурою представляетъ множество трудностей. Второй способъ, предложенный отдѣлу, состоялъ въ кадастраціи страны; но отдѣлъ не рѣшался и на эту операцію, требующую весьма продолжительнаго времени и значительныхъ издержекъ. Замѣчательно, что въ преніяхъ, происходившихъ по этимъ вопросамъ, уже тогда высказалась мысль принятая въ послѣдствіи въ основаніе французской податной системы. Графъ Дю-Бюа предлагалъ обложить податью три рода дохода: доходъ съ недвижимостей (земли и дома), доходъ съ движимостей (mobilier), и доходъ промы-

словый. Отдѣлъ, сознавъ справедливость этой системы съ теоретической точки зрѣнія, нашелъ однако невозможнымъ привести ее немедленно въ исполненіе. Не отыскавъ такимъ образомъ средства къ немедленному радикальному преобразованію существовавшей тогда податной системы, собраніе рѣшилось ограничиться на первое время нѣкоторыми частными въ немъ измѣненіями. Оно предложило консолидацію добавочнаго налога и предоставляло распределеніе поимущественнаго налога (taille) сборщикамъ *выбираемымъ* самими приходами. Обѣ эти частныя мѣры, принесли значительное облегченіе мѣстному населенію.

Вслѣдъ за податнымъ отдѣломъ окончилъ свои труды отдѣлъ публичныхъ работъ. Въ Беррійской провинціи, гдѣ въ настоящее время 4.500 верстъ дорогъ, не считая желѣзныхъ и мелкихъ проселочныхъ, тогда было подъ дорогами всего 368 верстъ; всѣ дороги сооружались натуральною повинностію (corvée), и лишь въ послѣднее время были постановлены нѣкоторыя ограниченія относительно разстояній, на которыхъ мѣстные жители могутъ высылаться на работу. Имѣя въ виду трудность немедленнаго замѣна натуральныхъ повинностей денежными по устройству путей сообщенія, собраніе постановило продлить натуральную повинность до 1779, распредѣливъ работы уроками между обществами,—съ тѣмъ однако, чтобы слѣдующее собраніе прежде всего приступило къ разсмотрѣнію вопроса о принятіи необходимыхъ мѣръ для совершеннаго, если возможно, прекращенія натуральной повинности, или по крайней мѣрѣ, для значительнаго ея облегченія.

Давернь не упоминаетъ о трудахъ отдѣла земледѣлія и торговли; вѣроятно, они не имѣли особеннаго значенія.

Хотя результаты перваго собранія и не были еще очень значительны на практикѣ, однако по крайней мѣрѣ бѣольшая часть мѣстныхъ вопросовъ были уже затронуты имъ и подготовлены для слѣдующаго рѣшенія.

Второе собраніе было созвано, до истеченія двухлѣтняго срока, именно 16 августа 1779 года. Оно продолжалось только двѣ недѣли и было посвящено главнымъ образомъ разсмотрѣнію изслѣдованій промежуточной комиссіи (для занятій въ двухлѣтній промежутокъ отъ одного собранія до другаго, послѣднее собраніе составляло изъ своихъ членовъ промежуточную комиссію).

По этимъ изслѣдованіямъ оказывалось, что для постройки одной мили дороги наймомъ требовалось 24.000 франковъ, такъ что ассигнуя ежегодно 250.000 франковъ можно было строить ежегодно шесть миль новыхъ дорогъ и починять старыя, между тѣмъ какъ при натуральной повинности издерживалось ежегодно пѣшихъ и конныхъ рабочихъ дней суммою на 624.000 франковъ, съ помощью которыхъ оканчивалось ежегодно не болѣе трехъ миль новыхъ дорогъ; то-есть расходъ при натуральномъ отправленіи повинности превышалъ на 374.000 франковъ вышеисчисленный расходъ при исполненіи работъ наймомъ, а между тѣмъ, при натуральной повинности, работъ исполнялось вдвое менѣе.

Окончательное разрѣшеніе этого важнаго вопроса собраніе отложило до третьяго своего засѣданія, открывшагося въ 1780 г., и принадлежащаго къ самымъ замѣчательнымъ, по важности достигнутыхъ результатовъ.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія на обстоятельство, которое обнаружилось уже при самомъ началѣ этихъ учреждений, именно: на жалобы собраній касательно противодѣйствія, которое они встрѣчали со стороны мѣстныхъ чиновниковъ, а равно членовъ инженернаго вѣдомства путей сообщенія. Такое столкновеніе между органами централизаціи и органами мѣстнаго самоуправления можно было легко предвидѣть, ибо едва ли возможна совокупная дѣятельность этихъ разнородныхъ органовъ по однимъ и тѣмъ же предметамъ. Мѣстное выборное самоуправленіе полезно только тогда, когда оно можетъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, подчиняясь только контролю закона и общественнаго мнѣнія; — лучше, поэтому, ограничить кругъ его дѣятельности, но за то предоставить ему въ этомъ тѣсномъ кругу полную самостоятельность, чѣмъ приводить въ столкновеніе два совершенно разнородные органа управленія, — столкновеніе всегда вредное для самаго дѣла, уже потому что оно задерживаетъ его ходъ. Тогдашнее французское правительство, кажется, лучше нынѣшняго понимало эту необходимость, и потому рѣшилось предоставить болѣе значительную самостоятельность провинціальнымъ собраніямъ. Третье засѣданіе было открыто извѣщеніемъ объ этомъ благопріятномъ оборотѣ дѣла, и также сообщеніемъ о согласіи короля на консолидацію добавочнаго налога. Затѣмъ началась подписка на покрытіе расходовъ по разнымъ

полезнымъ мѣстнымъ сооруженіямъ, и въ нѣсколько часовъ духовенство подписало до 68.000 франковъ, а дворянство до 20.000. Окончательно было приступлено къ разрѣшенію вопроса о натуральныхъ земскихъ повинностяхъ. Некеръ желалъ совершенной ихъ отмены. Собраніе опасалось однако податься на такую радикальную мѣру; оно склонялось болѣе къ предоставленію самимъ приходамъ—отправлять дорожную повинность, по ихъ желанію, деньгами или натурой, тѣмъ болѣе что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были сдѣланы тогда опыты лучшаго распредѣленія натуральныхъ повинностей и болѣе экономическаго употребленія ихъ, давшіе весьма удовлетворительные результаты. Несмотря на то, вслѣдствіе желанія Некера, собраніе согласилось на немедленное и обязательное преобразование натуральной дорожной повинности въ денежную. Поступая такимъ образомъ, оно дѣйствовало, по мнѣнію Лаверья, опрометчиво и слишкомъ радикально. При превращеніи натуральной повинности въ денежный налогъ, являлась необходимость уменьшить ее на одну треть. По этому поводу, сторонники предложеннаго преобразованія возражали, что путемъ найма съ гораздо-меньшими издержками можно будетъ достигнуть болѣшихъ результатовъ. Мнѣніе это, справедливое само по себѣ, не всегда однако безусловно примѣнимо въ частности, вслѣдствіе разныхъ мѣстныхъ условій. Лаверь полагаетъ, что лучше было бы превратить только часть повинности въ деньги, оставивъ другую въ натурѣ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что отъ внезапнаго прекращенія натуральной повинности дороги во Франціи значительно пострадали, такъ что въ послѣдствіи французское правительство принуждено было возстановить часть натуральной дорожной повинности, хотя и подъ другимъ названіемъ (*prestations*), которая сохранилась тамъ и до сихъ поръ; можно предполагать поэтому, что еслибы тогда рѣшено было предоставить каждому приходу право выбора между натуральнымъ и денежнымъ способомъ исполненія дорожной повинности, какъ это предлагали нѣкоторые члены собранія, мѣра эта принесла бы гораздо болѣе пользы странѣ.

Некеръ не могъ однако остановиться на этихъ соображеніяхъ, потому что онъ здѣсь имѣлъ въ виду политическій интересъ, желая уничтоженіемъ ненавистныхъ народу нату-

ральныхъ повинностей, популяризовать значеніе провинціальныхъ собраній въ общественномъ мнѣніи.

Уничтоживъ натуральную повинность, беррійское собраніе заимствовало ее прибавочнымъ окладомъ къ поимущественному налогу (taille); занявшись, кромѣ того, рассмотрѣніемъ косвенныхъ сборовъ, оно предложило многочисленныя измѣненія и улучшенія въ системѣ налога на соль, напитки, также въ гербовыхъ пошлинахъ, и т. п. Наконецъ герцогъ Шаростъ, богатѣйшій землевладѣлецъ Беррійской провинціи, извѣстный своими личными трудами и значительными денежными пожертвованіями на дѣло общественной пользы, предложилъ, слѣдуя примѣру герцога Бриджвatera въ Англіи, обширную систему канализаціи, долженствовавшую открыть произведеніямъ Беррійской провинціи легкій сбытъ на главнѣйшіе рынки Франціи. Но въ то время Франція принимала участіе въ американской войнѣ; расходы государственныя увеличались до чрезвычайности, и потому нельзя было и думать о немедленномъ приведеніи въ исполненіе этого полезнаго предположенія. Собраніе рѣшило подвергнуть его новому изслѣдованію, и только шесть лѣтъ спустя, въ послѣднюю свою сессію, бывшую въ 1786 г., разрѣшило заключать, въ теченіе десяти лѣтъ, ежегодный заемъ въ 150.000 фр. для производства канализаціонныхъ работъ, предложенныхъ герцогомъ Шаростомъ. При началѣ революціи, этотъ проектъ былъ оставленъ; затѣмъ онъ возобновленъ въ 1807 году, опять оставленъ къ концу имперіи, и отчасти приведенъ въ исполненіе во время реставраціи, — и вотъ, благодаря осуществленію этого проекта, хотя и далеко неполному, Шерскій департаментъ принадлежитъ, въ настоящее время, вслѣдствіе своей канализаціи, къ числу самыхъ благосостоятельныхъ и богатыхъ департаментовъ Франціи. Окончивъ свои работы въ томъ же 1780 г., собраніе постановило печатать и обнародовать протоколы засѣданій, и издало ихъ немедленно въ одномъ большомъ томѣ, напечатанномъ въ Буржѣ.

Четвертая сессія была уже гораздо бездѣятельнѣе. Некеръ оставилъ въ это время министерство. Новое министерство смотрѣло враждебно на это учрежденіе, и потому, въ 1782 г., когда собраніе должно было открыться, отсрочило его до слѣдующаго года, запретивъ въ то же время печатаніе протоколовъ. Засѣданія его, открытыя въ 1783 г., были

посвящены рассмотрѣнiю разныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ; кромѣ того, оно выразило благодарность Некеру за выработанный и проведенный имъ уже въ послѣднiе дни своей министерской дѣятельности законъ, установившiй, что окладъ прямаго налога можетъ увеличиваться только законодательнымъ порядкомъ, а не простыми приказами совѣта и министровъ, какъ это было до тѣхъ поръ, и полагавшiй такимъ образомъ границу слишкомъ быстрое возвышенiю его.

Пятая сессiя въ 1786 г. ознаменовалась утвержденiемъ проекта канализацiи, предложеннаго герцогомъ Шарлотомъ. Въ слѣдующемъ году, провинциальное собранiе послало своихъ депутатовъ въ такъ-называемую *assemblée des notables*. Въ 1788 г. слѣдовало быть шестой сессiи, но ея не было, по причинѣ всеобщаго возбужденiя умовъ произведеннаго созванiемъ генеральныхъ штатовъ;—наконецъ учредительное собранiе (*assemblée constituante*) совершенно уничтожило провинциальныя собранiя, устроивъ новое мѣстное управленiе съ раздѣленiемъ Францiи на департаменты.

Мы рассмотрѣли довольно подробно дѣятельность беррiйскихъ провинциальныхъ собранiй, особенно замѣчательныхъ по своимъ занятiямъ и представляющихъ наилучшую характеристику какъ самой задачи возложенной на эти собранiя, такъ и образа ея исполненiя. Выпнувъ во всѣ подробности работъ и очертивъ по возможности точно значенiе беррiйскихъ собранiй, мы теперь только упомянемъ кратко о замѣчательнѣйшихъ результатахъ дѣятельности главнѣйшихъ изъ остальныхъ провинциальныхъ собранiй.

На первомъ планѣ послѣ беррiйскихъ являются провинциальныя собранiя Верхней Гиени (*Haute Guienne*), заключающей въ себѣ прежнiя провинцiи Руэргъ и Керси, которыя уже въ среднiе вѣка имѣли свои самостоятельныя собранiя отличенныя только при Ришелье. Къ концу XVIII столѣтiя положенiе Гиени было нѣсколько лучше положенiя Беррiйской провинцiи. Окладъ поимущественнаго сбора (*taille*) хотя и былъ въ ней нѣсколько значительнѣе, но за то съ одной стороны распределенiе его было справедливѣе и менѣе произвольно, а съ другой стороны косвенныя сборы, особенно селенной налогъ, были тамъ гораздо легче.

Гіенское провинціальное собраніе было открыто въ 1779 г. въ Вилльфраншѣ. Оно занялось сначала вопросомъ объ устраненіи многочисленныхъ препятствій затруднявшихъ, въ видѣ внутреннихъ таможенъ и другихъ подобныхъ учреждений, сбытъ главнаго мѣстнаго произведенія, то-есть вина. Затѣмъ оно перешло къ податному вопросу. Поимущественный сборъ (taille) былъ въ Гиени не личный, какъ въ Берри, а разложенъ на недвижимыя имущества, на основаніи издревле-существовавшаго кадастра. Кадастръ этотъ однако былъ до такой степени неудовлетворителенъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ весь доходъ съ недвижимости поглощался налогомъ, что можно заключить изъ слѣдующихъ словъ закона, дозволявшаго *„владельцамъ отказываться отъ своихъ недвижимыхъ имуществъ, слишкомъ обремененныхъ податью, только съ условіемъ, чтобъ они одновременно отказывались и отъ всѣхъ другихъ недвижимостей, которыми они обладаютъ въ томъ же обществѣ.“* При невозможности приступить къ совершенно новому кадастру, провинціальное собраніе рѣшило ограничиться частнымъ пересмотромъ кадастра въ наиболѣе обремененныхъ налогомъ обществахъ. Окончательно собраніе вотировало нѣкоторую прибавку къ прямому налогу для покрытія расходовъ на необходимыя сооруженія дорогъ. При этомъ случаѣ дворянство и духовенство, изъятыя отъ платежа додатеи, объявили, что они добровольно принимаютъ на себя обязанность дести даравитъ съ прочими сословіями вновь-устанавлиемый налогъ.

Вторая сессія была въ 1780 г. Большая часть представленій первой сессіи были утверждены правительствомъ. Выслушавъ это сообщеніе, собраніе посвятило главную свою дѣятельность вопросу о болѣе-справедливомъ распредѣленіи налога, и объ облегченіи наиболѣе-обложенныхъ лицъ и мѣстностей. Одинъ изъ членовъ собранія, г. де-Ришедрей (Richeprey), предложилъ новую систему кадастраціи, которая передъ тѣмъ была уже испытана въ виллафраншскомъ округѣ съ полнымъ успѣхомъ. Собраніе постановило подвергнуть ее подробному изслѣдованію. Улучшеніе дорогъ и усовершенствованіе разработки мѣстныхъ рудниковъ не остались безъ вниманія со стороны собранія. Но особенно интересны предположенія его о раздѣлѣ общинныхъ, *коммунальныхъ* земель. „Общественное мнѣніе во Франціи“, говорилъ докладчикъ по этому вопросу, „уже давно тре-

буетъ раздѣла общинныхъ земель, а начала политической экономіи не могутъ не порицать учрежденія уменьшающаго массу производства и задерживающаго развитіе мѣстнаго сельскаго хозяйства. Общинныя земли, предназначенныя на обезпеченіе судьбы бѣдныхъ людей, никогда не достигаютъ своей цѣли. Бѣднякъ, не имѣя скота, не можетъ пользоваться общинными пастбищами, которыя такимъ образомъ оказываются бесполезными какъ ему, такъ и самому обществу. Предпріимчивые крестьяне забираютъ обыкновенно въ свои руки значительныя части общинныхъ земель, сваливая налогъ на другихъ бѣднѣйшихъ членовъ общества. Отъ этого возникаютъ безчисленные процессы и всеобщее требованіе раздѣла, для устраненія столь вреднаго порядка вещей, ведущаго только къ раззоренію обществъ.“ Побужденное этими доводами, собраніе склонилось на сторону общественнаго мнѣнія и опредѣлило раздѣлить общинныя земли, частію равными участками между всѣми жителями страны, частію пропорціонально цифрѣ налога платимаго каждымъ.

Третья сессія состоялась въ 1781 г., несмотря на то что Некеръ оставилъ тогда министерство. Труды этой сессіи замѣчательны по изслѣдованію о состояніи мѣстнаго сельскаго хозяйства, которое было произведено г-мъ де-Ришепреемъ и напечатано подъ заглавіемъ: „Описаніе различныхъ родовъ почвы въ провинціи.“ Собирая свѣдѣнія для этой важной работы, авторъ ея отправлялся лично, въ сопровожденіи двухъ инженеровъ, въ каждое общество, сзывалъ тамъ главнѣйшихъ мѣстныхъ жителей, и старался получить отъ нихъ на мѣстѣ необходимыя ему данныя въ возможной точности.

Дѣятельность четвертой сессіи въ 1788 г. началась не совсемъ удачно; она была стѣсняема противодѣйствіемъ мѣстной администраціи и особенно казенной палаты (*la cour des aides*), которая даже приказала прекратить кадастровыя работы начатыя собраніемъ. Приказаніе это было однако отмѣнено высшимъ правительствомъ, но несмотря на то противодѣйствіе мѣстныхъ административныхъ учрежденій продолжало значительно затруднять работы провинціального собранія. Когда наконецъ интендантъ запретилъ печатаніе протоколовъ собранія, предсѣдатель комиссіи, епископъ Кольберъ, потомокъ знаменитаго Кольбера, отправилъ къ ми-

квистру энергической мемуаръ съ изложениемъ дѣла. Такъ какъ основаніемъ запрещенія было опасеніе, что публикація протоколовъ распространяетъ въ народѣ опасныя извѣстія о урожаѣ, то въ опроверженіе этого довода Кольберъ старался доказать, что искусственными правительственными мѣрами невозможно ни обезпечить общественное продовольствіе, ни успокоить общественное мнѣніе, что урожаѣ нельзя скрыть отъ народа, который самъ видитъ положеніе дѣлъ, и что потому гораздо полезнѣе распространять о немъ точныя свѣдѣнія, чтобы тѣмъ самымъ вызвать необходимую осторожность и бережливость. „Вѣрныя свѣдѣнія о мѣстныхъ интересахъ, продолжалъ онъ, правительство можетъ получать только отъ мѣстныхъ представителей; поэтому оно должно не противодействовать, а содѣйствовать ихъ изслѣдованіямъ. Обнародованіе протоколовъ возбудило въ жителяхъ провинціи особенную энергію, показавъ имъ истинное положеніе дѣлъ и стараніе правительства объ улучшеніи ихъ участи. Во всякомъ случаѣ публикація протоколовъ, прибавлялъ онъ, не можетъ компрометировать губернскія правительственныя власти, потому что отвѣтственность за высказанныя въ оныхъ мнѣнія падаетъ не на послѣднія, а на провинціальное собраніе.“ Эта записка имѣла полный успѣхъ, и министерство разрѣшило Гіенскому провинціальному собранію продолжать публикацію протоколовъ своихъ засѣданій. Несмотря на несовсѣмъ удачное начало работъ собранія 1782 г., оно затѣмъ успѣло развить свою дѣятельность самымъ многостороннимъ образомъ, и дѣятельность эта особенно усилилась въ слѣдующую сессію, въ 1784 г. Учрежденіе агрономическихъ съѣздовъ, съ цѣлію поднять мѣстное хозяйство, улучшеніе содержанія саучныхъ конюшенъ, привозъ фламандскихъ барановъ для усовершенствованія мѣстной породы овецъ, устройство путей сообщенія, на которыя собраніе вытѣрило 3.000.000 фр., основаніе родовспомогательныхъ заведеній для предотвращенія смертности новорожденныхъ дѣтей погибавшихъ во множествѣ отъ недостатка медицинскихъ пособій,—вотъ тѣ разнообразныя предметы, на которые это собраніе обратило свое вниманіе и свою полезную дѣятельность. Въ то же время, желая провѣрить свои предположенія о кадастрѣ, собраніе послало свой проектъ на критику парижской академіи, которая вполне одобрила его. Тогда собра-

нѣ, увѣренное въ своемъ дѣлѣ, рѣшило учредить въ Кагорѣ школу межевщиковъ, подъ начальствомъ самаго автора проекта, Ришенпрея. Наконецъ, по поводу кадастраціоннаго вопроса, въ собраніи возникъ вопросъ о введеніи единообразной системы мѣръ и вѣсовъ во всей Франціи. Сессія 1786 г. была послѣдняя; изъ предполагаемаго займа въ 3.000.000 фр. король утвердилъ только половинную цифру; заемъ долженъ былъ ограничиться суммою 1.500.000 фр., и подписка на него должна была продолжаться пять лѣтъ. По открытіи подписки, первая доля займа была собрана въ одну недѣлю: до такой степени было велико довѣріе къ этому предпріятію и желаніе всѣхъ въ немъ участвовать. Означенный заемъ и нѣкоторыя другія вспомогательныя мѣры весьма значительно развили средства провинціи, и усилили работы по сооруженію разныхъ путей сообщенія.

Всеобщее возбужденіе умовъ, послѣ 1786 г., распространилось и на Гіенскую провинцію; неопредѣленные идеи о всеобщемъ перерожденіи занимали мысли всѣхъ людей и приводили ихъ къ забвенію существенныхъ мѣстныхъ интересовъ. Гіенскому провинціальному собранію уже не суждено было болѣе сходитья.

Мы не будемъ слѣдить за всѣми работами остальныхъ собраній, которыя были открыты въ Шампани, Пикардіи, Суассонѣ, Генегау, Иль-де-Франсѣ и Орлеанской провинціи. Предметы ихъ занятій весьма похожи на занятія уже разсмотрѣнныхъ нами провинціальныхъ собраній: преобразование натуральныхъ повинностей въ денежные и распределение денежныхъ налоговъ, мѣры для улучшенія сельскаго хозяйства, собираніе статистическихъ свѣдѣній, общественныя работы, осушеніе болотъ, уничтоженіе нищенства, и тому подобныя вопросы мѣстнаго интереса были возбуждены почти въ каждомъ изъ нихъ. Замѣчательныя соображенія, заключавшіяся въ рѣшеніи короля, которое было сообщено провинціальному собранію Шампани, о дозволеніи свободной торговли хлѣбомъ, какъ внутренней, такъ и вѣшной. Король оставлялъ за собою только право приостановить на одинъ годъ свободную хлѣбную торговлю, въ томъ случаѣ еслибы вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ сами мѣстности стали о томъ ходатайствовать. Въ соображеніяхъ этихъ было сказано:

Мы убѣдились, что тѣ же доводы, которые требуютъ свободы внутренней торговли хлѣбомъ, указываютъ и на необходимость свободы внѣшней торговли, что запрещеніе вывоза хлѣба, когда цѣна его достигаетъ извѣстныхъ границъ, не только совершенно излишне, потому что, по необходимости, хлѣбъ остается въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ дорогъ, но даже причиняетъ положительный вредъ, потому что оно пугаетъ общественное мнѣніе, искусственно усиливаетъ покупки, затрудняетъ торговлю и не допускаетъ привоза; наконецъ, потому что высокая цѣна хлѣба можетъ быть произведена на разныхъ рынкахъ искусственнымъ образомъ и, следовательно никакъ не въ состояніи служить указаніемъ того момента, когда отпускъ могъ бы сдѣлаться опаснымъ.“ Мысль эта, высказанная до революціи, была забыта послѣ революціи, и свобода торговли хлѣбомъ восстановлена только въ послѣднее время Людовикомъ-Наполеономъ, послѣ полулѣтковаго господства запретительной системы. Такимъ образомъ, надобно было болѣе полулѣткіа, чтобы восстановить въ полной силѣ начало признанное уже въ концѣ прошлаго столѣтія. Не менѣе замѣчательны господствовавшія въ то время мнѣнія о расходахъ на военныя надобности. Вопросъ объ организаціи военныхъ силъ страны и о степени ихъ развитія занималъ тогда не только администраторовъ, но и чуждыхъ администраціи ученыхъ теоретиковъ; общественное мнѣніе сознавало тогда, что свобода тѣсно связана съ миромъ, а потому и развитіе значительной военной силы въ государствѣ считалось излишнимъ бременемъ, истощающимъ благосостояніе страны. Еще Монтескье чуть ли не разчитывалъ, что всякая страна можетъ содержать, безъ истощенія себя, войска не болѣе какъ на одинъ процентъ всего населенія, то-есть не болѣе десяти тысячъ на каждый миллионъ жителей. Адамъ Смитъ принималъ тотъ же расчетъ. По этому расчету, Франція при ея тогдашнемъ населеніи, въ 26 миллионѣвъ жителей, могла содержать не болѣе 260.000 человекъ войска. Къ такой умѣренной цифрѣ она съ тѣхъ поръ уже не возвращалась. Во время войнъ революціи и имперіи у нея было по крайней мѣрѣ двойное число солдатъ, а въ настоящее время численность французскаго войска чуть ли не превзошла и эту пропорцію.

До Людовика XVI рекрутскими наборами вызывались

самыя ужасныя бѣдствія и безпорядки. Жители деревень уходили въ лѣса; между ними и пресѣдователями ихъ обыкновенно происходили драки, которыя оканчивались смертоубійствами и разными безпорядками. При Лудовикѣ XVI, особенно во время министерства Тюрго, способъ наборовъ былъ значительно улучшенъ; предоставленіе рекрутамъ права ставить за себя другихъ лицъ, наймитовъ, много смягчило эту повинность. Но несмотря на эти облегченія, воинская повинность была все еще очень ненавистна народу. Возбуждаемое ею неудовольствіе особенно поддерживалось привилегією, которою пользовались многія лица и сословія, освобожденные отъ обязанности отправлять ее; тяготѣя исключительно на нѣкоторыхъ сословіяхъ, она и физически и нравственно ложилась на нихъ двойнымъ бременемъ. Въ настоящее время, когда число лицъ несущихъ обязательную военную службу во Франціи относительно гораздо значительнѣе чѣмъ въ то время, народъ несетъ повинность безропотно; она не кажется тягостною народу только потому, что распределена равномерно на всѣхъ жителей страны, только потому, что уже нѣтъ болѣе изъятій.

Обозрѣвая дѣятельность провинціальныхъ собраній, не можемъ не подивиться массѣ возбужденныхъ вопросовъ и значительности достигнутыхъ результатовъ, если принять въ соображеніе кратковременность существованія этихъ полезныхъ учрежденій. Не служитъ ли это обстоятельство лучшимъ возраженіемъ противъ доводовъ тѣхъ централизаторовъ, которые утверждаютъ, что одною изъ причинъ затрудняющихъ развитіе мѣстнаго самоуправленія, бываетъ недостатокъ въ странѣ людей способныхъ принять на себя управленіе дѣлами мѣстнаго интереса? Не доказываетъ ли этотъ фактъ, напротивъ, что гдѣ является дѣйствительная потребность въ способныхъ людяхъ, гдѣ открывается поприще для ихъ дѣятельности,—дѣятельности не бюрократической, а живой, непосредственной, тѣсно связанной съ практическою жизнію,—тамъ находятся и люди способные для исполненія возлагаемыхъ на нихъ общественныхъ довѣріемъ обязанностей? Печальнымъ заключеніемъ была бы та страна, гдѣ въ минуту надобности не нашлось бы необходимыхъ дѣятелей. Исторія доказываетъ непреложно, что гдѣ правительство обращается къ

обществу съ довѣріемъ, предоставляя ему нравственно и логически возможный кругъ дѣятельности, тамъ на призвѣвъ правительства и общественнаго мнѣнія всегда являлись способные дѣятели.

Лучшимъ доказательствомъ справедливости этой мысли служатъ, какъ мы видѣли, французскія провинціальныя собранія. Не слѣдуетъ забывать, что они встрѣчали въ своей живой и полезной дѣятельности не мало препятствій, какъ сверху такъ и снизу, для преодоленія которыхъ требовалась значительная энергія: сверху—со стороны органовъ центральной власти, которые долго не могли свыкнуться съ мыслію Тюрго о предоставленіи мѣстнымъ собраніямъ полнаго *хозяйственнаго* самоуправленія; а снизу—со стороны народа, смотрѣвшаго съ недоувѣріемъ на каждое новое учрежденіе и видѣвшаго въ немъ только поводъ къ усиленію налоговъ и къ новому отягощенію. Если, несмотря на то, провинціальныя собранія въ такое кратковременное существованіе могли достигнуть значительныхъ, полезныхъ результатовъ, то лишь благодаря живой энергіи ихъ дѣятельности, проникнутой патриотическимъ духомъ, который въ общемъ дѣлѣ сливалъ всѣ сословія въ единство, какого мы ни до того, ни послѣ того уже не видимъ во Франціи. Казалось, будто всякіе эгоистическіе интересы касты исчезли въ лицахъ сходящихся на этихъ собраніяхъ; ихъ занимала единственно забота о благосостояніи страны и о необходимыхъ, для достиженія этой цѣли, учрежденіяхъ и мѣрахъ. Въ этомъ дѣлѣ, ни одно изъ сословій, ни дворянство, ни духовенство, ни среднее, ни сельское сословіе, не отставали одно отъ другаго. Въ этой общей гармоніи, въ этомъ истинно-патриотическомъ чувствѣ проникавшемъ провинціальныя собранія, не было ничего утопическаго; это не были тѣ теоретическія увлеченія которыя высказывались въ послѣдствіи въ центральныхъ парижскихъ собраніяхъ,—въ мѣрахъ чуждыхъ дѣйствительной жизни и не имѣвшихъ потому дѣйствительной силы. Дѣятельность провинціальныя собраній непосредственно вызывалась мѣстными практическими интересами, и результаты ея прямо обращались въ практическую жизнь страны. Чтобы судить о духѣ, которымъ были проникнуты тогда общественные дѣятели, приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ рѣчи, произнесенной архіепископомъ Талейранъ-

Перигоромъ, председателемъ провинціального собранія Шампана, при открытіи этого собранія: „Изученіе общественной администраціи, говоритъ онъ, возвышаетъ духъ, занимая умственные способности. Время употребленное на сужденія и размысленія о предметахъ государственной экономіи наполняетъ сердце пріятными впечатлѣніями; оно удовлетворяетъ той настоящей потребности, которую ощущаетъ каждый человѣкъ, быть полезну своимъ согражданамъ. Въ этомъ дѣлѣ сама работа несетъ съ собою награду, въ этомъ дѣлѣ душа можетъ спокойно наслаждаться успѣхами ума.“

III.

Въ виду столь энергической и живой дѣятельности, въ виду патріотическаго и истинно-просвѣщеннаго духа, которыми были проникнуты самые дѣятели, нельзя удержаться отъ глубокаго сожалѣнія, что обстоятельства не дозволили этимъ полезнымъ учрежденіямъ закончить свое дѣло.

Учрежденіе провинціальныхъ собраній не могло устоять противъ всеобщаго недоброжелательства и со стороны бюрократіи, и со стороны высшихъ классовъ, и даже со стороны народа, смотрѣвшаго на нихъ съ недоумѣніемъ. Изъ первыхъ собраній, открытыхъ Некеромъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, продолжали работать только два: Беррійское и Генское; всѣ остальные прекратили свое существованіе въ самомъ началѣ. Около десяти лѣтъ спустя, правительство и общество, видя на дѣлѣ полезныя результаты дѣятельности двухъ собраній оставшихся въ жизни, опять обратились къ покинутой мысли, стараясь окончательно и повсюду ввести провинціальныя собранія въ политическую организацію страны. Но было уже поздно, удобный моментъ былъ упущенъ: революціонный духъ сдѣлалъ страшные успѣхи, и его уже нельзя было остановить никакими реформами. Грянула революція и поглотила всѣ юные зачатки мѣстнаго самоуправленія, замѣнивъ ихъ сильнѣйшимъ противъ прежняго сосредоточеніемъ правительственной власти. Дѣло начатое революціей было достойно и ревностно продолжаемо первою имперіей. Съ возстановленія Бурбоновъ и

по настоящее время централизованное начало то ослабляло, то усиливалось во Франціи, но въ общемъ результатъ окончательное влияние его скорѣе увеличилось чѣмъ уменьшилось, какъ можно судить по рельефной картинѣ настоящаго устройства правительственной организаціи въ этой странѣ, представляемой Бекломъ и приведенной въ первой части нашей статьи.

При поверхностномъ взглядѣ на ходъ упомянутыхъ событій, можно удивиться тому, что революція во многихъ, даже главныхъ, вопросахъ пришла къ результату совершенно противоположному тѣмъ началамъ, которыя она сама же провозгласила. Провозгласивъ своимъ догматомъ безусловную власть народа и всеобщую свободу, она не только уничтожила возникшія до нея зачатки мѣстнаго самоуправленія, но и лишила отдѣльныя лица всякой свободы и всякаго участія въ государственномъ управленіи.

Это кажущееся противорѣчіе совершенно исчезаетъ, если нѣсколько глубже вникнуть въ дѣло. При болѣе подробномъ анализѣ фактовъ въ ихъ общей связи, мы видимъ, что революція была строго послѣдовательна, и что она никакъ не могла придти къ другимъ результатамъ.

Французская революція, разумѣя подъ этимъ названіемъ событія 1789 — 1794 годовъ, не могла сама создать ничего существенно-новаго; начала, провозглашенныя ею выработались въ общественномъ мнѣніи Франціи задолго до того времени, когда разразилась революція; она была только окончательнымъ и крайнимъ выраженіемъ тѣхъ идей, которыя господствовали во Франціи въ концѣ XVIII вѣка. Утверждать, что революція, то-есть эпоха 1789—1794 года, создала всѣ тѣ элементы, которые въ ней обнаружили, значило бы принимать послѣдствія за причину. Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что зачатки того новаго порядка, которому революція положила начало въ практическомъ примѣненіи, уже существовали въ странѣ до того времени.

Переворотъ въ государственномъ устройствѣ Франціи могъ произойти путемъ естественныхъ и послѣдовательныхъ реформъ, постепеннымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ существовавшаго тогда устройства, то-есть тѣмъ путемъ, по которому шли провинціальныя собранія, — или же онъ долженъ былъ совершиться насильственнымъ внезапнымъ переломомъ.

Революція именно и была этотъ насильственный переходъ, а потому она и не могла сохранить необходимую связь съ исторически-выработавшимися обычаями и учрежденіями страны. Прервавъ внезапно всякую связь съ исторіей и съ существовавшимъ порядкомъ вещей, революція могла выработать только утопическую государственную организацію, которая была исключительно продуктомъ теоретическихъ идей. Иначе и быть не могло. Всякое государственное устройство только тогда можетъ бросить глубокіе корни въ странѣ, когда оно вышло изъ жизни самого народа и сообразуется съ ея потребностями. Достоинство государственнаго устройства зависитъ поэтому не столько отъ того, въ какой мѣрѣ оно правильно съ отвлеченной точки зрѣнія, а въ какой мѣрѣ примѣняется оно къ историческому характеру, сообразуется съ его дѣйствительными потребностями. Англійская конституція, съ отвлеченной точки зрѣнія, представляетъ можетъ-быть значительныя и многочисленныя шероховатости; но тѣмъ не менѣе она предметъ удивленія всѣхъ образованныхъ людей, она могущественна въ своихъ результатахъ, именно потому, что она порождена жизнію, что она выработалась на почвѣ исторіи, что она превосходно примѣняется ко всѣмъ потребностямъ и обычаямъ англійскаго народа. Та же самая конституція, дѣйствующая такъ превосходно въ Англіи оказалась бы несостоятельною, еслибы нѣкоторыя формы ея взяли да перенесли въ другую страну, въ среду другаго народа. Но точно также какъ формы организаціи, оказавшейся вполнѣ удовлетворительною въ одной странѣ, нельзя механически переносить, съ надеждой на успѣхъ, въ другую страну, точно также невозможно привить къ странѣ государственное устройство выработанное исключительно на началахъ отвлеченной теоріи и не имѣющее никакой связи съ народною жизнію, какъ бы это устройство само по себѣ ни казалось правильнымъ.

Расторгнувъ всякую связь съ историческими преданіями страны, революція должна была создать утопическую организацію, которую трудно было поставить на твердыя основанія, при невозможности вселить искусственно или насильственно въ народную жизнь элементъ совершенно ей чуждый. Выступивъ на этотъ путь, революція не могла остановиться

передъ такою трудностію; разорвавъ связь съ исторіей, она должна была идти на проломъ народной жизни. То, что не прививалось къ странѣ естественнымъ образомъ, она рѣшилась ввести насильственно, деспотически. Эта печальная необходимость должна была неизбѣжно привести революцію къ принятію политическаго принципа древней исторіи, провозглашавшаго *апострофу государства*. Желая ввести, въ видахъ воображаемой высшей государственной пользы, устройство противное народной жизни, революція необходимо должна была провозгласить принципъ, что не государство существуетъ для блага гражданъ, а граждане существуютъ для блага государства, или, другими словами, что не только не слѣдуетъ смотрѣть на государственное устройство какъ на учрежденіе главнымъ образомъ направленное къ охраненію и обезпеченію законныхъ правъ всѣхъ жителей страны, а что напротивъ вѣтъ столь важнаго, столь священнаго права, которымъ граждане не должны были бы жертвовать для государства. Видя главное условіе этого блага въ единствѣ и однообразіи доведенномъ до послѣднихъ границъ, революція не могла остановиться передъ необходимостію пожертвовать этой идеѣ личною свободою и правомъ самодѣятельности гражданъ. Такимъ образомъ, незамѣтно и послѣдовательно, революція была приведена къ крайней демократіи, или скорѣе демагогіи, высказавшейся во всеобщемъ равенствѣ, при совершенномъ отсутствіи свободы и въ самой тиранической централизаціи. Мы видимъ такимъ образомъ, что ходъ революціи былъ вполнѣ послѣдователенъ, и съ практической, и съ теоретической точки зрѣнія. На практикѣ она должна была прибѣгнуть къ терроризму, чтобы утвердить насильственно то, что не слывалось естественнымъ образомъ съ народною жизнью, а въ теоріи она была совершенно послѣдовательна, не предоставляя отдѣльнымъ личностямъ, значеніе которыхъ въ государствѣ она отвергла, ни малѣйшаго участія въ рѣшеніи даже самыхъ обиходныхъ дѣлъ мѣстнаго интереса, то-есть доводя систему централизаціи до послѣднихъ границъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что революція должна была придти къ двумъ капитальнымъ ошибкамъ, которыя по необходимости должны были повлечь за собою всѣ печальныя послѣдствія, завѣщанныя ею Франціи.

Эти двѣ капитальныя ошибки заключаются въ непризна-

днѣ святости нѣкоторыхъ законныхъ правъ отдѣльныхъ личностей въ виду государства и второе въ отрицаніи вообще высокаго значенія индивидуальности.

Эти два начала такъ важны и представляютъ столь значительныя условія нормальнаго развитія государственнаго благоустройства, что мы считаемъ нелишнимъ остановиться на нихъ и посвятить имъ здѣсь нѣсколько соображеній, основываясь на книгѣ извѣстнаго англійскаго мыслителя Джона Стюарта Милля по этому предмету.

Принимая за исходную точку, что государство не есть окончательная цѣль, а только средство къ достиженію цѣли, заключающейся въ благосостояніи наибольшаго числа лицъ оставляющихъ общество, мы приходимъ къ двумъ разнороднымъ началамъ, въ гармоническомъ сочетаніи которыхъ заключается разрѣшеніе вопроса о наилучшемъ устройствѣ государственной организаціи. Принимая за цѣль благосостояніе гражданъ, государство должно искать, по возможности, полнаго и всесторонняго охраненія тѣхъ личныхъ правъ, которыя составляютъ непремѣнное условіе благосостоянія каждаго лица; но, въ то же время, чтобы по возможности обезпечить за всѣми гражданами пользованіе этими личными правами, необходимо положить нѣкоторыя законныя ограниченія ихъ свободѣ, — ограниченія необходимыя для существованія общества. Всякое право должно окупаться извѣстными жертвованіями, а потому неудобомыслимо такое право, которое не влекло бы за собою извѣстныхъ обязанностей. Въ настоящемъ случаѣ жертва заключается въ огражденіи *закономъ* произвола личной дѣятельности каждаго человѣка. Истинная свобода обуславливается святостію закона ограждающаго всѣхъ и каждаго въ пользованіи правами, предоставленными закономъ каждому гражданину въ обществѣ, и принуждающаго въ то же время всѣхъ и каждаго подчиняться тѣмъ ограниченіямъ и тѣмъ обязанностямъ, которыя возлагаются на каждаго гражданина самою идеей существованія государства. Весь вопросъ между централизаціей и свободой заключается въ трудности найти эту границу. Гдѣ та черта, за которою государственное устройство затрогиваетъ естественныя права каждаго лица и потому возлагаетъ на гражданина жертву выше мѣры?

По мнѣнію Милля, *самоохраненіе* есть то единствен-

ное начало, въ силу котораго можетъ быть предоставлено какъ обществу, такъ и отдѣльному лицу, право ограничивать свободу дѣятельности другихъ лицъ; — только для предупрежденія ущерба законнымъ интересамъ другихъ, можетъ быть, по его мнѣнію, употреблена, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, помудительная сила противъ члена общества. Никого нельзя принуждать дѣйствовать въ извѣстномъ смыслѣ или воздерживаться отъ извѣстнаго дѣйствія только потому, что, по мнѣнію правительства, отъ того произошедъ бы какаа-либо польза для самого дѣятеля или было бы устранено какое-либо вредное для него послѣдствіе. Въ подобномъ случаѣ можно увѣщевать, совѣтовать, но всякое понужденіе становится несправедливостію, потому что каждому чловѣку должна быть предоставлена полная отвѣтственность въ его личномъ счастіи или несчастіи. Насильственное вмѣшательство, законодательное запрещеніе, оправдываются только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствіе, которое желали бы мы предупредить, можетъ нанести вредъ третьему лицу.

Кромѣ вмѣшательства закона для предупрежденія такихъ дѣйствій, отъ которыхъ можетъ произойти вредъ для третьихъ лицъ, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ справедливость можетъ допускать еще вмѣшательство закона для понужденія отдѣльныхъ лицъ къ совершенію извѣстныхъ дѣйствій, непосредственно необходимыхъ для блага другихъ лицъ: такъ можетъ быть обязательна подача извѣстнаго свидѣтельства передъ судомъ, участіе въ общественной защитѣ, или въ другихъ дѣйствіяхъ необходимыхъ для процвѣтанія общества, въ видѣ платы за доставляемое обществомъ членамъ своимъ охраненіе; таковы, напримѣръ, спасеніе жизни согражданина, охраненіе беззащитныхъ отъ обидъ и т. д. Подобныя дѣйствія, составляя обязанность каждаго гражданина, въ случаѣ уклоненія отъ нихъ, по всей справедливости, могутъ подать поводъ къ преслѣдованію виновнаго карательною силой закона или общественнаго мнѣнія. Но допущеніе помудительныхъ мѣръ въ послѣднемъ случаѣ требуетъ гораздо большей осторожности чѣмъ въ первомъ случаѣ. Отвѣтственность за вредъ, причиняемый другимъ лицамъ, должна быть общимъ правиломъ; отвѣтственность же за уклоненіе отъ предупрежденія вреда, наносимаго другимъ лицамъ, можетъ быть допускаема только въ видѣ исключе-

нія, которое впрочемъ становится въ извѣстныхъ случаяхъ необходимою.

Итакъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ касающихся отношеній къ третьимъ лицамъ, то-есть къ обществу, каждое отдѣльное лицо, по всей справедливости, несетъ ответственность передъ тѣми лицами, интересы которыхъ оно затрагиваетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и передъ обществомъ, которое есть хранитель интересовъ всѣхъ гражданъ.

Затѣмъ есть еще значительный кругъ дѣйствій только косвенно касающихся общества, имѣющихъ значеніе только для самого дѣяателя, а если и другихъ лицъ, то при полномъ, непринужденномъ ихъ согласіи. Кругомъ подобныхъ дѣйствій очерчивается поле совершенной свободы дѣятельности каждаго отдѣльнаго лица. Къ этимъ дѣйствіямъ относится, прежде всего, внутренняя душевная дѣятельность человѣка; поэтому, все что касается совѣсти, убѣжденій, внутреннихъ ощущеній человѣка, должно стоять внѣ всякаго вліянія внѣшней власти закона; каждому должна быть предоставлена полная свобода думать и чувствовать по всѣмъ предметамъ, какъ практическимъ такъ и умственнымъ, научнымъ, религиознымъ, нравственнымъ и общественнымъ; свобода труда и пользованія его результатами, свобода образа жизни подъ личною ответственностію человѣка за могущіе произойти отъ его неблагоразумія неблагоприятныя послѣдствія, и наконецъ свобода ассоціаціи для извѣстныхъ цѣлей, пока эти цѣли и результаты дѣятельности ассоціаціи не причиняютъ вреда другимъ лицамъ, и пока не употребляется никакихъ принудительныхъ средствъ къ вступленію въ подобную ассоціацію.

Только такое общество можетъ считать себя свободнымъ, въ которомъ всѣ эти личные права достаточно ограждены; въ противномъ случаѣ, какой бы ни былъ образъ правленія въ странѣ, она не заслуживаетъ названія свободной; республика можетъ въ этомъ отношеніи быть менѣе свободна чѣмъ неограниченная монархическая форма правленія. Свободою требуется только, чтобы каждому предоставлено было полное право искать своего счастья какъ и гдѣ ему заблагоразсудится лишь бы только не были нарушаемы интересы другихъ лицъ.

Уваженіе со стороны общества къ извѣстнымъ пра-

вань личности и невмѣшательство въ извѣстный кругъ частной дѣятельности, оправдываются кромѣ того еще однимъ соображеніемъ. Только при подобномъ порядкѣ возможно развитіе индивидуальности въ людяхъ составляющихъ общество, а развитіе индивидуальности и собственной инициативы въ характерѣ гражданъ необходимо для благосостоянія самого общества.

Не подлежитъ сомнѣнію, что степень благосостоянія общества зависитъ отъ степени его развитія, а чѣмъ болѣе развиты отдѣльныя личности въ обществѣ, тѣмъ на высшей степени развитія стоитъ и само общество. Поэтому, въ интересѣ собственнаго своего благосостоянія, общество должно стремиться къ развитію личностей, его составляющихъ. „Главное назначеніе развитія человѣка,“ говоритъ Вильгельмъ-фонъ-Гумбольдтъ, „заключается въ самостоятельности, а для этого необходима свобода дѣйствій и многообразіе положеній, въ которыя онъ приводится жизнью; только сочетаніемъ этихъ двухъ элементовъ поддерживается сила отдѣльныхъ личностей и разнообразіе ихъ характеровъ, то-есть, другими словами, оригинальность людей.“

Дѣйствительно, всѣ нравственныя качества человѣка получаютъ только тогда силу и значеніе, когда развитіе ихъ предоставлено личной самодѣятельности. Способность наблюденія, сужденія, восприимчивости, и вообще всѣ нравственныя стремленія въ человѣкѣ будутъ развиваться только тогда, когда онъ можетъ дѣйствовать вполне свободно. Человѣческая природа не машина, которую можно выстроить по извѣстному плану, предназначивъ ее къ извѣстной работѣ; подобно растенію, она должна развиваться и расширяться по всѣмъ тѣмъ направленіямъ, куда ее выдвигаютъ внутреннія стремленія. При самостоятельномъ развитіи характера, нечего опасаться преобладанія инстинктовъ и чувственныхъ стремленій, если только развитіе ума идетъ съ ними гармонически рука объ руку; нечего опасаться сильной восприимчивости, если соразмѣрно развиваются и умственныя способности, потому что послѣднія всегда сумѣютъ удерживать инстинктивную восприимчивость отъ вредныхъ уклоновъ, — а между тѣмъ результатъ всей дѣятельности будетъ тѣмъ сильнѣе, тѣмъ здоровѣе, тѣмъ полезнѣе. Сила

восприимчивости, придающая всѣмъ стремленіямъ чело-
вѣка болѣе жизненности, болѣе напряженія, слу-
жить въ то же время тою пружиной, которая возбуж-
даетъ въ немъ стремленіе ко всему хорошему и высокому,
и придаетъ ему способность самоуправленія и само-
ограниченія. Поэтому только развитіемъ этихъ способно-
стей общество исполняетъ свой долгъ относительно от-
дѣльных личностей и въ то же время возвышаетъ собствен-
ное благосостояніе. Вся задача заключается въ благоразум-
номъ развитіи данныхъ элементовъ, а не въ заглушеніи нѣко-
торыхъ за неумѣніемъ развить ихъ. Соразмѣрно съ разви-
тіемъ индивидуальности каждаго челоувѣка, возрастаетъ и
достоинство его, и польза, которую онъ въ состояніи при-
нести другимъ своимъ согражданамъ. Индивидуальность и
стремленіе къ развитію являются такимъ образомъ одно-
значными понятіями,—а потому можно сказать, что обще-
ственное устройство тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе при-
ближаетъ оно каждаго челоувѣка къ его цѣли, то-есть къ
развитію его индивидуальности. Съ чисто-практической
точки зрѣнія не слѣдуетъ наконецъ забывать, что всѣ от-
крытія и вообще всѣ полезныя дѣйствія суть продукты
извѣстныхъ индивидуальностей; слѣдовательно, чѣмъ болѣе
будетъ въ обществѣ индивидуальностей, тѣмъ болѣе въ его
средѣ будетъ происходить полезныхъ дѣйствій.

Прилагая эти общія начала къ вопросу о централизаціи,
мы легко находимъ черту, которою разграничивается цен-
трализація съ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Какъ централи-
зація при излишнемъ развитіи становится зломъ, нанося-
щимъ вредъ всему государству, такъ точно и мѣстное само-
управленіе развитое далѣе извѣстныхъ границъ наноситъ
вредъ единству государственнаго устройства и приводитъ къ
федерации, то-есть къ распаденію государства на отдѣльныя
части, соединенныя между собою весьма слабыми узами.
Границею между этими двумя противоположными началами
должно принять характеръ интереса, затронутого въ каж-
домъ данномъ случаѣ. Вѣдвію центральной правитель-
ственной власти должны подлежать всѣ тѣ явленія, въ
которыхъ прямо и непосредственно затронуты инте-
ресы цѣлаго государства. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ
дѣло идетъ о частныхъ интересахъ извѣстной мѣстности,
не касаясь прямо общихъ государственныхъ интересовъ,

долженъ быть предоставленъ полный просторъ мѣстной самодѣятельности.

При естественномъ ходѣ дѣлъ, правительство должно начинать свои реформы съ развитія въ народѣ гражданской свободы, обнаруживающейся главнымъ образомъ въ уваженіи къ святости закона и въ мѣстномъ самоуправленіи.

Эти два условія служатъ необходимымъ основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ реформъ. Стремясь укоренить въ обществѣ убѣжденіе въ святости закона и въ непоколебимости правъ и обязанностей опредѣляемыхъ закономъ, правительство лучше всего можетъ достигнуть этого собственнымъ примѣромъ. Уважая во всѣхъ случаяхъ непреклонность закона, ограничивая имъ постоянно всякій произволъ, правительство достигнетъ скорѣйшимъ образомъ своей цѣли, именно привитія законности къ нравамъ народа. Затѣмъ не менѣе важно развитіе мѣстнаго самоуправления. Только въ средѣ мѣстной самостоятельной администраціи развиваются политическіе люди, то есть лица способныя принять участіе въ общемъ политическомъ управленіи всей страны. Наконецъ, какъ мы уже замѣтили выше, только съ развитіемъ самостоятельныхъ органовъ мѣстнаго самоуправления центральное правительство можетъ получать основательныя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ потребностяхъ каждой мѣстности въ данный моментъ.

Съ постепенностію и послѣдовательностію въ системѣ реформъ должна быть соединена и непрерывность ихъ. Начать преобразованія съ тѣмъ чтобъ остановиться на полъ-пути, съ тѣмъ чтобы прервать ихъ, не окончивъ начатаго дѣла, значитъ возбуждать неосуществимыя надежды въ обществѣ. Въ этомъ случаѣ, едва ли не лучше не трогать стараго порядка. Между всѣми проявленіями какъ государственной, такъ и частной жизни, существуетъ нѣкоторая связь, а потому трудно затронуть одинъ предметъ, не трогая другаго. Для полученія удовлетворительнаго результата, необходимо въ самомъ преобразованіи сохранить гармоническую стройность и, начавъ дѣло, совершить его вполне.

Не менѣе важна и необходима ясная система, отсутствіе противорѣчій въ дѣйствіяхъ. Мы видали, что при началѣ своихъ преобразованій, правительство Лудовика XVI не совершенно сознавало эту необходимость. Вводя

съ одной стороны въ провинціальныхъ собраніяхъ начала полнаго мѣстнаго самоуправленія, оно сохраняло неизмѣнно кругъ власти интендантовъ. Отъ этого необходимо должны были происходить столкновения между означенными двумя разнородными органами управленія, столкновения, которыя во всякомъ случаѣ не могли приносить пользы. Убѣдившись въ несообразности подобнаго порядка вещей, французское правительство позаботилось впрочемъ, какъ мы видѣли, объ его устраниніи. Характеръ отношеній интендантовъ къ провинціальнымъ собраніямъ вскорѣ совершенно измѣнился; предупредительность и содѣйствіе заступила мѣсто прежняго противодѣйствія и вмѣшательства. Свободное развитіе мѣстнаго самоуправленія возможно только при полномъ невмѣшательствѣ органовъ центрального правленія въ тотъ кругъ дѣятельности, который предоставленъ мѣстнымъ учрежденіямъ. Созывать же послѣднія только для виду, не предоставляя имъ никакой инициативы и подчиняя ихъ безусловно органамъ центрального правительства, значитъ возлагать на общество новую тягость, безъ всякой пользы для него. Эта тягость является въ видѣ мѣстнаго сбора въ тѣхъ случаяхъ, когда лица выбранныя въ мѣстное учрежденіе получаютъ жалованье отъ общества; если же служба ихъ безвозмездна, то вся тягость ложится непосредственно на выборныхъ, и является уже не правомъ, а обремененіемъ. Только въ такомъ случаѣ могутъ найдтись достойные люди, которые согласятся принять безвозмездно выборныя должности, когда они не будутъ связаны въ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ ко благу мѣстнаго общества. Только въ сознаніи пользы своей дѣятельности въ уваженіи и почетѣ въ средѣ мѣстныхъ жителей,—подобныя лица могутъ найти вознагражденіе и поощреніе въ своей безкорыстной дѣятельности на пользу общую.

Итакъ постепенность, послѣдовательность и ясная система—вотъ главнѣйшія условія удовлетворительнаго хода правительственнаго преобразованія въ каждой странѣ.

Примѣняя эти начала къ исторіи государственныхъ преобразованій во Франціи, мы не можемъ не остановиться съ уваженіемъ передъ дѣятельностію провинціальныхъ собраній, умѣвшихъ удовлетворить означеннымъ условіямъ. Не отрываясь отъ прошедшаго, не пренебрегая историческою

жизнію страны, они стремились къ постепенному, но въ то же время коренному и энергическому преобразованію существовавшего во Франціи порядка, на началахъ выработанныхъ знаніемъ. Ихъ реформы не были безжизненными, утопическими созданіями, а практическимъ примѣненіемъ знанія къ дѣлу. Нельзя не удивляться безчисленному множеству экономическихъ и разнаго рода другихъ вопросовъ, возбужденныхъ этими собраніями, и истинамъ высказаннымъ въ ихъ средѣ. Нельзя не согласиться въ то же время, что революція успѣла осуществить только часть той обширной программы реформъ, которая была задумана провинціальными собраніями. Желая разрѣшить гордіевъ узелъ разомъ и насильственно, революція не могла придти къ удовлетворительному результату. Можно предположить, что еслибы полезная дѣятельность провинціальныхъ собраній не была прервана, то политическое и административное преобразование Франціи совершилось бы хотя и болѣе медленнымъ, но болѣе существеннымъ образомъ. Реформы начатыя провинціальными собраніями могли положить начало образованію новой самостоятельной формѣ правленія, сообразной съ потребностями страны и съ народною жизнію, и предохранили бы Францію отъ кровавыхъ политическихъ переворотовъ, которымъ она съ тѣхъ поръ періодически подвергается.

Полезная дѣятельность провинціальныхъ собраній должна была однако испытать судьбу всѣхъ умѣренныхъ, но энергическихъ стремленій,—она должна встрѣтиться сильное противодействие со стороны двухъ крайнихъ партій. Ультраконсерваторы и ультрарадикалы соединились въ своихъ напакахъ на провинціальныя собранія. Коалиція этихъ двухъ противоположныхъ партій одержала верхъ. Провинціальныя собранія пали, не окончивъ своего дѣла, то-есть, не успѣвъ окончательно установить въ странѣ ни гражданской свободы, ни мѣстнаго самоуправления.

Но какими результатами увѣнчались стремленія ихъ противниковъ?

Ө. Тернеръ.

✓ МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ГОГОЛЕМЪ¹

Я познакомился съ Гоголемъ въ Москвѣ въ маѣ мѣсяцѣ, въ году, скоро послѣ его возвращенія въ Россію, слѣдовательно, уже послѣ всѣхъ толковъ о немъ и его книгѣ *Переписка съ друзьями*. Любопытство мое было сильно возбуждено; мнѣ хотѣлось ближе узнать эту замѣчательную личность, въ которую бросали камни со всѣхъ концевъ Россіи. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, я былъ поклонникомъ Гоголя; я зналъ почти наизусть его *Арабески*, его *Вечера на хуторѣ*, его *Ревизора*. *Мертвые Души* долго были моею настольною книгою. Но понятіе, составленное мною о преемствѣ Гоголѣ, теперь казалось никуда не годилось. Гоголь, заставлявшій насъ смѣяться до слезъ своими гениально-художественными произведеніями, выступалъ теперь передъ публикой, послѣ долгаго молчанія, какаимъ-то проповѣдникомъ, аскетомъ и монахомъ, и обманулъ всѣхъ своихъ почитателей и враговъ. Я вѣроятно былъ бы тоже пораженъ не менѣе другихъ появленіемъ въ свѣтъ этой книги, еслибы не особенное обстоятельство, о которомъ скажу послѣ. Всѣ увидѣли тогда, что ошибались въ Гоголѣ, что не поняли его. Враги Гоголя извѣстны: это люди стараго времени, которые никогда не могли простить ему его таланта, его успѣховъ, его славы. Мелкая зависть, или грубое пониманіе его произведеній, заставляли ихъ отзываться о Гоголѣ съ пренебреженіемъ, называть его героевъ каррикатурами и бранить его за то, что онъ описывалъ

¹ Автора этихъ воспоминаній о покойномъ Гоголѣ нѣтъ уже самого въ живыхъ, и статья его доставлена въ редакцію уже по его смерти.

всегда съ любовію предметы грязныя и людей пошлыхъ, а не свѣтскихъ львовъ или героевъ добродѣтели. Изъ этого, и въ особенности изъ долгаго пребыванія его за границей, вывели заключеніе, что онъ мало любитъ Россію. Съ такими людьми спорить нельзя, точно также какъ нельзя спорить съ слѣпыми о цвѣтахъ и краскахъ. Если они не поняли, что Гоголь въ лицѣ Акакія Акакіевича или въ Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ заставлялъ любить своего брата, своего ближняго, простаго, бѣднаго, показывая, что и они такіе же люди какъ мы, и что у нихъ есть душа, требующая отъ насъ любви и справедливости; если они не поняли, что Маниловы, Сабакевичи, Ноздревы, и въ особенности Хлестаковы и Чичиковы, бываютъ вездѣ, во всѣхъ слояхъ русскаго общества, что съ ними можно встрѣтиться и въ блестящей гостиной знатнаго вельможи въ Петербургѣ, и въ скромномъ уѣздномъ городишкѣ,—то стоить ли съ ними спорить? Пусть восхищаются сочиненіями гг. Масальскаго, Зотова, и другими историческими и нраво-описательными романами. Эти люди вездѣ, при всякомъ случаѣ, кстати и некстати, печатно и изустно, бранили Гоголя; они видѣли въ немъ начальника какой-то школы, человѣка не уважавшаго никакихъ авторитетовъ, вреднаго и даже опаснаго писателя, увлекавшаго за собою все новое поколѣніе и грозившаго отбить у нихъ всѣхъ читателей. Вдругъ Гоголь совершенно неожиданно сбиваетъ ихъ съ толку своею *Перепиской съ друзьями*. Они видятъ съ удивленіемъ, что онъ говоритъ въ этой книгѣ съ уваженіемъ о классической литературѣ, о церкви, о властяхъ, о Россіи. Они видятъ, что онъ не проповѣдуетъ никакихъ переворотовъ, бранитъ только себя, унижаетъ только свои прежнія произведенія. И съ злобною радостію пишутъ эти отстаемые люди: вы видите, что мы были правы; Гоголь самъ отказывается отъ своихъ ничтожныхъ созданій, онъ самъ ихъ унижаетъ; но, слава Богу, онъ опомнился. И они хвалятъ съ какимъ-то снисхожденіемъ, съ какою-то злобною радостію, его новую книгу, и прощаютъ ему прежнія его заблужденія. Вотъ каково было положеніе противниковъ Гоголя, при выходѣ въ свѣтъ *Переписки съ друзьями*. Съ почитателями же его таланта было совсѣмъ другое. Они всегда раздѣлялись на два лагеря. Въ одномъ засѣдали люди прогресса, всякаго движенія впередъ, почти все новое

покоявнне, всѣ студенты, профессора, учителя, и за ними цѣлая толпа молодежи читающей и мыслящей. Они уважали Гоголя: во первыхъ за его громадный талантъ, а вторыхъ за то, что онъ употреблялъ этотъ талантъ на пользу своимъ ближнимъ, въ томъ смыслѣ какъ понимали они пользу. Вліяніе Гоголя въ самомъ дѣлѣ было огромное. Онъ заставлялъ всѣхъ погружаться въ самихъ себя, отвращалъ отъ порока и въ особенности отъ этихъ мелкихъ презрѣнныхъ слабостей, которыми заражена большая часть людей нашего времени. Онъ казнилъ и бичевалъ всенародно эти маленькія страстишки, эти ежедневныя подлости, которыхъ не оскоро заметишь подъ маскою какого-то приличія, съ которыми между тѣмъ сталкиваешься на каждомъ шагѣ и которые, къ сожалѣнію, очень часто не жьшаютъ человѣку проснуться въ свѣтѣ благороднымъ и честнымъ. Эти первые почитатели Гоголя видѣли въ немъ передоваго человѣка на пути просвѣщенія своего отечества, и страстно любили его глубоко-нравственныя очищенія. Другой лагерь составляли люди не менѣ ихъ достойные, столь же умные и просвѣщаемые, но съ другими убѣжденіями, съ другими вѣрованіями. Сочувствуя всему прекрасному и доброму, они вывѣтъ съ тѣмъ подняли знамя исключительной національности, и явились жаркими противниками всякаго иностраннаго, западнаго вліянія. Гоголя считали они совершенно раздѣляющимъ ихъ убѣжденія, писателемъ народнымъ по преимуществу, и слѣдовательно писателемъ ихъ школы, представителемъ ихъ направленія. Эти два направленія, столь различныя въ своихъ основаніяхъ, въ своихъ принципахъ, имѣли впрочемъ между собою много общаго. Были вопросы, въ которыхъ они сходились совершенно. Гоголь въ своей *Перепискѣ съ друзьями*, разрѣшилъ нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ по своему, такъ что не угодилъ ни тѣмъ, ни другимъ. Къ тому же всѣ были возмущены и оскорблены его завѣщаніемъ, тономъ нѣкоторыхъ писемъ его, и наконецъ его отреченіемъ отъ прежнихъ своихъ произведеній. Друзья, или тѣ которые считали себя друзьями Гоголя, возстали на него съ непостижимою злобой! Одни называли его безумнымъ, больнымъ; другіе упрекали въ лести и подлостяхъ всякаго рода; третьи провозглашали совершенное паденіе его таланта; наконецъ, почти всѣ сомнѣвались въ искренности его смиренія и называли его въ глаза

безчестнымъ человекомъ. Бѣдный Гоголь! Какъ вспомнишь все что говорили, писали и даже печатали про него въ то время, то становится страшно за человека, и удивляешься, какъ могъ онъ все это вынести и не изнемочь. Я читалъ все, что писали тогда про Гоголя и къ Гоголю, всё оскорбленія, всё проклятія посланныя къ нему за границу его мнимыми друзьями. Я говорю—мнимыми, потому что они всё ошибались въ немъ, никто его не боялся, никто не вступился за него. Забыли его талантъ, забыли то высокое наслажденіе, которое доставлялъ онъ намъ такъ долго своими чудными созданіями, забыли всякое приличіе, всякую справедливость, не обратили никакого вниманія на нѣкоторыя прекрасныя страницы въ его новой книгѣ, все смѣшали, перепутали, и не разобравъ дѣла, осыпали бѣднаго автора неслыханными подозрѣніями и язвительными насмѣшками. Признаюсь, я не раздѣлялъ мнѣнія друзей Гоголя, точно также какъ не раздѣлялъ мнѣнія его противниковъ, и послѣ, познакомившись съ нимъ короче, слушая второй томъ его *Мертвыхъ Душъ*, имъ самимъ при мнѣ читанный, бесѣдуя съ нимъ о разныхъ современныхъ вопросахъ, присутствуя наконецъ при его кончинѣ и прочитавъ его *Авторскую Исповѣдь*, я всегда радовался тому, что не оскорбилъ его ни однимъ подозрѣніемъ, ни однимъ изъ тѣхъ страшныхъ упрековъ, на которые такъ были щедры его поклонники. Не скажу, чтобъ я былъ совершенно доволенъ книгою Гоголя, нѣтъ, я особенно былъ не доволенъ ея появленіемъ въ свѣтъ; меня огорчили два, три письма Гоголя, завѣщаніе и предисловіе; но я прощалъ ему его заблужденіе, я восхищался нѣкоторыми чудными мѣстами его *Переписки*, точно также какъ восхищаюсь ими и теперь; я вѣрилъ въ его искренность, я не сомнѣвался ни одной минуты въ его талантъ, я не боялся за него, но напротивъ того ожидалъ съ нетерпѣніемъ втораго тома *Мертвыхъ Душъ*, и былъ убѣжденъ, что Гоголь появится въ немъ еще съ большею силою, чѣмъ въ первомъ томѣ, еще глубже заглянетъ въ душу человѣческую и выразитъ все въ истинно-художественной формѣ. Я думалъ такъ потому, что зналъ Гоголя можетъ-быть лучше всѣхъ друзей его, хотя и не былъ знакомъ съ нимъ, хотя никогда не видалъ его. Узналъ же я Гоголя именно не задолго до появленія въ свѣтъ его новой книги, изъ разказовъ сестры моей, съ которою Гоголь былъ

дружень и находился въ постоянной дружеской перепискѣ, въ теченіи четырнадцати лѣтъ. Читая эти прекрасныя, откровенныя письма, я видѣлъ всё сомнѣнія тревожившія поэта, я видѣлъ его борьбу, я догадывался чего онъ такъ сильно желалъ, чего такъ страстно добивался. Содержаніе *Мертвыхъ Душъ* стало мнѣ понятно. Не скажу, чтобъ я надѣялся вмѣстѣ съ Гоголемъ на полный успѣхъ его втораго тома, чтобъ я думалъ найдти въ немъ послѣднее слово, чтобъ я вѣрилъ, что ему удастся все согласить, все примирить, и выставить ясно передъ очами читателя тѣ идеалы, которые еще смутно носились даже въ его воображеніи. Нѣтъ, я не смѣлъ вѣрить этому; но я былъ твердо убѣжденъ, что во второмъ томѣ Гоголь еще ближе подойдетъ къ дѣйствительности, и что герои его поэмы будутъ еще человѣчнѣе, еще понятнѣе для насъ;—и думалъ такъ потому, что видѣлъ изъ писемъ его къ сестрѣ моей, что онъ сталъ строже къ самому себѣ, и строже глядѣлъ на искусство. Даже въ неотдѣланныхъ пяти главахъ втораго тома, мы видимъ уже, что характеры дѣйствующихъ лицъ задуманы глубже; а что бы сдѣлалъ изъ нихъ Гоголь, еслибъ они явились въ совершенно-оконченномъ видѣ? Генералъ Бетрищевъ, Генетниковъ, Кошкаревъ, и въ особенности Хлобуевъ, не имѣютъ уже въ себѣ ничего каррикатурнаго, ничего преувеличеннаго; это живые люди, со всѣми своими дурными и хорошими наклонностями, люди, которыхъ мы встрѣчаемъ каждый день, но въ которыхъ не замѣчали, по свойственному намъ легкомыслію, тѣхъ слабыхъ сторонъ, тѣхъ душевныхъ болѣзней, которыя такъ тонко подмѣтилъ Гоголь. Собакевича и Ноздрева мы замѣтили сами, а Хлобуевыхъ мы очень часто принимаемъ за людей достойныхъ и милыхъ, но только несчастныхъ. А самъ Чичиковъ? Посмотрите, какъ вырастаетъ онъ постепенно во второмъ томѣ, какъ онъ дѣлается еще противнѣе, по мѣрѣ того какъ становится приличнѣе, по мѣрѣ того какъ ему все удается; прежде онъ внушалъ къ себѣ презрѣніе вмѣстѣ съ тѣмъ—какое-то состраданіе; теперь же онъ просто дѣлается гадокъ въ своемъ фракѣ наваринскаго дыма съ пламенемъ. И вотъ по какой причинѣ *Переписка съ друзьями* не такъ сильно поразила меня, какъ остальныхъ читателей. Я видѣлъ, что Гоголь ошибся въ своихъ

смахъ, ошибся въ томъ, что хотѣлъ невозможнаго, хотѣлъ разрѣшить неразрѣшимое, хотѣлъ намъ добра и пользы, и не зналъ какъ за это взяться, съ чего начать и какъ кончить. И вотъ, вровень этой сильной любви, какъ плодъ долгаго, мучительнаго страданія, является сперва *Переписка съ друзьями*, а потомъ отысканные уже послѣ смерти Гоголя—пять главъ съ непонятнымъ Муразовымъ, съ неудачнымъ Костанжого и идеальнымъ генералъ-губернаторомъ! Велика была ошибка, но за то и несоразмѣрно наказаніе! Бѣдный Гоголь! Ты не ожидалъ, что всѣ отъ тебя отвернутся, что самые близкіе друзья твои пошлютъ тебѣ проклятіе, обвинять тебя въ притворствѣ, въ тщеславіи и гордости, въ пристрастіи къ знатымъ и богатымъ, въ желаніи достигнуть этимъ путемъ какихъ-то своекорыстныхъ цѣлей. Чѣмъ можно было болѣе поразить человека въ самое сердце, за нѣсколько страницъ временнаго заблужденія? Миръ праху твоему, бѣдный страдалецъ! Своею смертию, своею авторскою исповѣдью, своимъ пожертвованіемъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ послѣдняго своего достоянія, ты доказалъ намъ, что былъ искрененъ и не лукавилъ ни передъ собою, ни передъ нами. Къ чести одного изъ друзей Гоголя, болѣе другихъ возставшаго противъ него за его *Переписку съ друзьями*, мы должны вспомнить здѣсь, что вскорѣ послѣ кончины Гоголя, онъ печатно сознался, что былъ виноватъ передъ нимъ, сомнѣваясь въ его искренности, но что теперь видитъ ясно, что ошибался¹. Впрочемъ, къ сожалѣнію, такихъ людей немного. Иные и до сихъ поръ еще, по какому-то непонятному для насъ упрямству, называютъ его иезуитомъ Тартюфомъ! Вотъ что думалъ я о Гоголѣ въ году, и вотъ почему такъ сильно желалъ я познакомиться съ нимъ и увидать своими глазами этого знаменитаго автора, строгаго художника-монаха, возбуждавшаго столько шума и разныхъ толковъ. Я жилъ тогда въ Москвѣ; сестра моя пріѣхала изъ Каулуи и остановилась въ гостинницѣ Дрезденъ. При первомъ же свиданіи, она объявила мнѣ, что Гоголь здѣсь, и въ 6 часовъ вечера¹ будетъ къ ней. Я, разумеется, остался обѣдать и ждалъ Гоголя съ нетерпѣніемъ. Ровно въ 6 часовъ, вошелъ въ комнату человекъ маленькаго роста съ

¹ С. Т. Аксаковъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

длинными бѣлокурыми волосами причесанными à la mougik, маленькими карими глазками, и необыкновенно длиннымъ и тонкимъ, птичьимъ носомъ. Это былъ Гоголь! Онъ носилъ усы, чрезвычайно странно тарантилъ ногами, недовко махалъ одною рукою, въ которой держалъ палку и сѣрую пуховую шляпу; былъ одѣтъ вовсе не по модѣ и даже безъ вкуса. Улыбка его была очень добрая и пріятная, въ глазахъ замѣчалось какое-то нравственное утомленіе. Сестра моя познакомила насъ, и Гоголь дружески обнялъ меня, сказавъ сестрѣ: „ну теперь я знакомъ кажется со всѣми вашими братьями; это кажется самый младшій.“ Дѣйствительно, я былъ младшій. Мы сѣли вокругъ стола; разговоръ завязался о здоровьи; Гоголь внимательно спрашивалъ сестру о ея положеніи, давалъ какіе-то совѣты, и не сказалъ ничего замѣчательнаго. Вечеромъ я проводилъ его домой; намъ было по дорогѣ, потому что онъ жилъ тогда на Никитскомъ бульварѣ у графа А. П. Т.....го, а я у Никитскихъ воротъ. Гоголь говорилъ со мною о моей службѣ, и совѣтовалъ не брать видныхъ мѣстъ. „На нихъ всегда найдутся охотники, прибавилъ онъ; а вы возьмите должность скромную, не блестящую, и постарайтесь быть именно въ этой должности полезнымъ; тогда вы увидите какъ будетъ вамъ весело на душѣ.“ Я отвѣчалъ, что надѣюсь скоро быть совѣтникомъ въ губернскомъ правленіи. „Вотъ и хорошо, отвѣчалъ Гоголь, тутъ работы будетъ много и пользу принести можно; это не то что франты чиновники по особымъ порученіямъ, или служба министерская; очень, очень радъ за васъ, и душевно поздравлю васъ, когда получите это мѣсто.“ На другой день, вечеромъ, Гоголь опять былъ у сестры, но почти все время молчалъ. Пришелъ С...; говорили много о Нѣмцахъ, шутили, смѣялись. С., со свойственнымъ ему остроуміемъ, представлялъ все въ лицахъ и смѣшилъ насъ до слезъ. Такъ прошелъ почти весь вечеръ. Гоголь упорно молчалъ и наконецъ сказалъ: „Да, Нѣмецъ вообще не очень пріятель; но ничего нельзя себѣ представлять непріятѣе Нѣмца-Ловеласа, Нѣмца-любезника, который хочетъ нравиться; тогда можетъ онъ дойти до страшныхъ нелѣпостей. Я встрѣтилъ однажды такого Ловеласа въ Германіи. Его возлюбленная, за которую онъ ужаживалъ долгое время безъ успѣха, жила на берегу какаго-то пруда, и всѣ вечера проводила на балконѣ передъ

этимъ прудомъ, занимаясь вязаніемъ чулокъ и наслаждаясь вмѣстѣ съ тѣмъ природой. Мой Нѣмецъ, видя безуспѣшность своихъ преслѣдованій, выдумалъ наконецъ вѣрное средство плавить сердце неумолимой Нѣмки. Ну что вы думаете? Какое средство? Да вамъ и въ голову не придетъ что! Вообразите себѣ, онъ каждый вечеръ раздѣвшись бросался въ прудъ, и плавалъ передъ глазами своей возлюбленной, обнявши двухъ лебедей, нарочно имъ для сего приготовленныхъ! Ужь право не знаю, зачѣмъ были эти лебеди, только нѣсколько дней сряду, каждый вечеръ, онъ все плавалъ и красовался съ ними передъ заливнымъ балкономъ. Воображалъ ли онъ въ этомъ что-то античное, мифологическое, или разчитывалъ на что-нибудь другое, только дѣло кончилось въ его пользу: Нѣмка дѣйствительно плавилась этимъ Ловеласомъ и вышла скоро за него замужъ. Всѣ мы расхохотались, Гоголь же очень серьезно увѣрялъ, что это не выдумка, а фактъ, и что онъ можетъ даже назвать и Нѣмца и Нѣмку, которые живутъ и теперь еще счастливо на берегу все того же пруда. Когда мы остались втроемъ, сестра попросила Гоголя разказать ей что-нибудь о его путешествіи въ Іерусалимъ. „Теперь уже поздно, отвѣчалъ онъ, вамъ пора и на отдыхъ, лучше когда-нибудь въ другой разъ. Скажу вамъ только, что природа тамъ не похожа нисколько на все то, что мы съ вами видѣли; но тѣмъ не менѣе поражаетъ васъ своимъ великолѣпіемъ, своею шириной. А Мертвое море—что за прелесть! Я ѣхалъ съ Базили, онъ былъ моимъ путешводителемъ. Когда мы оставили море, онъ взялъ съ меня слово, чтобъ я не смотрѣлъ назадъ, прежде чѣмъ онъ мнѣ скажетъ. Четыре часа продолжали мы наше путешествіе отъ самаго берега, въ степяхъ, и точно шли по ровному мѣсту, а между тѣмъ незамѣтно мы поднимались въ гору; я уставалъ, сердился, но все-таки сдержалъ слово и ни разу не оглянулся. Наконецъ Базили остановился, и велѣлъ мнѣ посмотреть на пройденное нами пространство. Я такъ и ахнулъ отъ удивленія! Вообразите себѣ что я увидалъ! На нѣсколько десятковъ верстъ, тянулась степь все подъ гору; ни одного деревца, ни одного кустарника, все ровная, широкая степь; у подошвы этой степи, или лучше сказать—горы, внизу, видѣлось Мертвое море, а за нимъ прямо, и направо, и налѣво, со всѣхъ сторонъ

„опять то же раздолье, опять та же гладкая степь, подни-
 „мающаяся со всѣхъ сторонъ въ гору. Не могу вамъ
 „описать какъ хорошо было это море, при захожде-
 „нiи солнца! Вода въ немъ не синяя, не зеленая и не го-
 „лубая, а фіолетовая. На этомъ далекомъ пространствѣ не
 „было видно никакихъ неровностей у береговъ; оно было
 „правильно-овальное и имѣло совершенный видъ большой
 „чаши, наполненной какою-то фіолетовою жидкостію.“

Разказывая это, Гоголь оживился, говорилъ съ жа-
 ромъ, глаза его блестяли; я узналъ поэта, и вспомнилъ
 лучшія лирическія мѣста въ его произведеніяхъ! На дру-
 гой день, я съ сестрой заѣхалъ къ Гоголю утромъ. Въ
 комнатѣ его былъ большой беспорядокъ; онъ былъ занятъ
 чтеніемъ какой-то старинной ботаники. Покуда онъ разго-
 варивалъ съ сестрой, я нескромно заглянулъ въ толстую
 тетрадь лѣжавшую на его письменномъ столѣ, и прочелъ
 только: *Генералъ-губернаторъ*,—какъ Гоголь бросился ко мнѣ,
 взялъ тетрадь и немного разсердился. Я сдѣлалъ это не-
 умышленно и безсознательно, и тотчасъ же попросилъ у
 него извиненія. Гоголь улыбнулся, и спряталъ тетрадь въ
 ящикъ. „А что ваши *Мертвыя Души* Николай Василье-
 „вичъ?“ спросила у него сестра. „Да такъ себѣ подвига-
 „ются понемногу. Вотъ приѣду къ вамъ въ Калугу, и мы
 „почитаемъ.“ Вообще Гоголь былъ очень веселъ и бодръ
 въ этотъ день. Вечеромъ онъ опять явился къ намъ въ
 гостиницу. Мы пили чай, а онъ красное вино съ теплою
 водою и сахаромъ. Въ одиннадцать часовъ я провожалъ его
 снова до Никитскихъ воротъ. Ночь была чудная, свѣтлая,
 теплая. Гоголь шелъ очень скоро и все повторялъ какіе-то
 звучные стихи. На Тверскомъ бульварѣ, мы встрѣтили
 стройную женщину, закутанную съ ногъ до головы въ чер-
 ный плащъ. На лицо опущенъ былъ черный вуаль. Гоголь
 вдругъ остановился и сказалъ: „Знаете ли вы это двусту-
 „шіе Н.....? ¹ А стихъ? какъ вамъ нравится рѣма: флера,
 „полотера?“

До моей квартиры онъ нѣсколько разъ повторилъ это
 двустушіе, и смѣялся.

Въ продолженіи двухъ недѣль, я видѣлся съ Гоголемъ

¹ Я не повторю здѣсь этого двустушія: слишкомъ грязно! Н... писалъ
 всегда стихи въ этомъ родѣ, и сдѣлалъ себѣ имя этою спеціальностію.

почти каждый день; онъ былъ здоровъ, веселъ, но ничего не говорилъ ни о *Мертвыхъ Душахъ*, ни о *Перепискѣ съ друзьями*, и вообще, сколько я помню, ничего не сказалъ, все это время, особенно замѣчательнаго. Разъ только, ночью, когда я по обыкновенію провожалъ его до Никитскихъ воротъ, и намъ опять попалось на встрѣчу нѣсколько таинственныхъ лицъ женскаго пола, выползающихъ обыкновенно на бульваръ при наступленіи ночи, Гоголь сказалъ мнѣ: „Знаете ли, что на дняхъ случилось со мной? Я поздно шелъ по глухому переулку, въ отдаленной части города: изъ нижняго этажа одного грязнаго дома раздавалось духовное пѣніе. Окна были открыты, но завѣшены легкими кисейными занавѣсками, какими обыкновенно завѣшиваются окна въ такихъ домахъ. Я остановился, заглянулъ въ одно окно, и увидалъ страшное зрѣлище! Шесть или семь молодыхъ женщинъ, которыхъ постыдное ремесло сейчасъ можно было узнать по бѣлиламъ и румянамъ покрывающимъ ихъ лица, опухлыя, изношенныя, да еще одна толстая старуха отвратительной наружности, усердно молились Богу передъ иконою, поставленною въ углу на шаткомъ столикѣ. Маленькая комната, своимъ убранствомъ напоминающая всѣ комнаты въ такихъ пріютахъ, была сильно освѣщена нѣсколькими свѣчами. Священникъ въ облаченіи служилъ всеобщую, дьяконъ съ причтомъ пѣлъ стихиры. Развратницы усердно клали поклоны. Болѣе четверти часа простоялъ я у окна... На улицѣ никого не было, и я помолился вмѣстѣ съ ними, дождавшись конца всеобщей. Страшно, очень страшно, продолжалъ Гоголь; эта комната въ безпорядкѣ имѣющая свой особенный видъ, свой особенный воздухъ, эти раскрашенныя развратныя куклы, эта толстая старуха, и тутъ же—образа, священникъ, Евангеліе и духовное пѣніе! Не правда ли, что все это очень страшно?“ Этотъ разказъ Гоголя напомнилъ мнѣ сцену изъ *Клариссы Гарло*. Тамъ тоже Ричардсонъ описываетъ сцену въ этомъ родѣ!

Наконецъ, сестра моя уѣхала въ свою калуцкую деревню, и Гоголь далъ ей слово пріѣхать погостить къ ней на цѣлый мѣсяцъ. Я собирался тоже туда, и мы сговорились съ нимъ ѣхать вмѣстѣ. На недѣлѣ, два или три раза, Гоголь заходилъ ко мнѣ, но не заставлялъ дома. Въ послѣдній разъ онъ приказалъ сказать мнѣ, что готовъ ѣхать, и

просить меня дать ему знать, какъ, въ чемъ и когда мы отправимся. У меня былъ прекрасный, большой тарантасъ, въ родѣ коляски на дрогахъ. Гоголь былъ очень доволенъ экипажемъ, и увѣрялъ меня, что въ телѣгахъ и тарантасахъ ѣздить очень здорово, особенно людямъ подверженнымъ апохондріи и геморюю. Когда наступилъ день отъѣзда, Гоголь пріѣхалъ ко мнѣ съ своимъ маленькимъ чемоданомъ и большимъ портфелемъ. Этотъ знаменитый портфель, заключающій въ себѣ второй томъ *Мертвыхъ Душъ*, тогда уже почти конченныхъ вчернѣ.

Могъ ли думать Гоголь, что никто не прочтетъ того, надъ чѣмъ онъ въ то время такъ бодро трудился, что та же участь, какая постигла *первый второй* томъ, ожидаетъ и эти разрозненные листы, тщательно отъ всѣхъ скрываемые до времени.

Портфеля не покидалъ Гоголь во всю дорогу. На станціяхъ онъ бралъ его въ комнаты, а въ тарантасѣ ставилъ всегда подлѣ себя, и опирался на него рукою. Не мудрено, что онъ такъ заботился о немъ: здѣсь было все его достоинствіе, все прошедшее и будущее, вся его слава! Грустно подумать, что все это погибло навсегда,—и зачѣмъ погибло? Кто изъ насъ дастъ отвѣтъ на это „зачѣмъ“? Кто можетъ сказать утвердительно, что знаетъ какая мысль, какое чувство, руководили поэта, когда онъ предавалъ пламени свое любимое дѣтище, плодъ долгой борьбы и мучительныхъ вдохновеній!

Я взялъ съ собою въ Калугу одного Француза вмѣсто камердиера, предобраго малаго, но до чрезвычайности тупаго и глупаго. Онъ никогда не выѣзжалъ изъ Москвы, и кромѣ того, будучи слабого здоровья, съ великимъ удовольствіемъ отправлялся со мной, чтобы подышать деревенскимъ воздухомъ. Наконецъ, въ 5 часовъ вечера, мы усѣлись съ Гоголемъ въ тарантасъ, Французъ взобрался на козлы, ямщикъ стегнулъ лошадей, и все пошло плясать и подпрыгивать по мостовой до самой Серпуховской заставы. Французъ, не привыкшій къ такому экипажу, безпрестанно вскрикивалъ, держась за бока, и ругался на чемъ свѣтъ стоитъ. Мы только и слышали: *Sacristie!... Diable de tarantasse!* Гоголь смѣялся отъ души, и при всякомъ новомъ толчкѣ все приговаривалъ: „Ну еще!... ну хорошенько его, хорошенько... вотъ такъ!... А что Французъ, будешь помнить тарантасъ?“ Ямщика тоже забав-

даль гнѣвъ моего Француза, и онъ не только не сдерживалъ лошадей, но какъ нарочно вѣхалъ крупною рысью черезъ весь городъ. Наконецъ, потянулось передъ нами прямое, какъ вытянутая лента, шоссе и мы поскакали, качаясь какъ въ люлькѣ, въ нашемъ легкомъ тарантасѣ. Даже Французу понравилась такая шибкая ѣзда, и онъ закуривъ сигару, безпрестанно поворачивался къ намъ, и какъ-то весело улыбался, при чемъ называлъ Гоголя—*М-г Gogo*. Я вѣсколько разъ поправляялъ его; но онъ извинялся и черезъ пять минутъ, опять называлъ его также. Въ продолженіи всего мѣсяца, пока мы оставались въ Калугѣ, онъ никакъ не могъ запомнить, что Гоголя зовутъ *Гоголь* а не *Gogo*. Такъ вѣхали мы до Малоярославца. Гоголь много бесѣдовалъ со мной; мы говорили о русской литературѣ, о Пушкинѣ, въ которомъ онъ любилъ удивительно добраго и снисходительнаго человѣка, и умнаго, великаго поэта. Говорили о Языковѣ, о Баратынскомъ. Гоголь превосходно прочелъ мнѣ два стихотворенія Языкова: *Землетрясеніе* и еще другое. По его мнѣнію, *Землетрясеніе* было лучшее русское стихотвореніе. Потомъ говорилъ Гоголь о Малороссіи, о характерѣ Малороссіянина, и такъ развеселился, что сталъ разказывать анекдоты, одинъ другаго забавнѣе и остроумнѣе. Въ сожалѣнію, всѣ они такого рода, что не годятся для печати. Особенно забавенъ показался мнѣ анекдотъ о кавказскомъ героѣ, генералѣ Вельяминовѣ, верблюдѣ и военномъ докторѣ Малороссіянинѣ. Мы много смѣялись, Гоголь былъ въ духѣ, безпрестанно снималъ свою круглую сѣрую шляпу, скидывалъ свой зеленый камлотовый плащъ, и казалось, вполнѣ наслаждался чуднымъ теплымъ іюньскимъ вечеромъ, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ полей. Наконецъ, когда совершенно стемнѣло, мы оба задремали, и проснулись только въ 12 часовъ утра отъ солнечныхъ лучей, которые стали сильно жарить лица наши. Малоярославецъ былъ уже въ виду. Вдругъ ямщикъ остановился, передалъ вожжи Французу и соскочилъ съ козелъ. „Что случилось?“ спросилъ я.— „Тарантасъ сломался“ отвѣчалъ хладнокровно ямщикъ, заглядывая подъ тарантасъ. „Одна дрога треснула, да заднее колесо не совсѣмъ-то здорово... не доѣдешь, баринъ, здѣсь чинить надоть!...“ Экая досада, а мы хотѣли поспѣть вечеромъ въ деревню; но дѣлать было нечего, надо было кое-какъ доѣхать до станціи, и мы шажкомъ поплелись по

скверной городской мостовой. Когда тарантасъ нашъ остановился передъ станціоннымъ домомъ, толпа ямщиковъ съ любопытствомъ окружила его, и каждый почелъ долгомъ осмотрѣть дрогу, заднее колесо, и потомъ сказать свое мнѣніе. Гоголь тоже очень внимательно разсматривалъ экипажъ. Въ это время я замѣтилъ вдали какія-то дрожки и на нихъ человека въ военной шинели. Узнавъ отъ станціоннаго смотрителя, что это городничій, я вспомнилъ, что зналъ его прежде, когда служилъ въ Кадугѣ, а потому сталъ знаками просить его подъѣхать къ намъ. Онъ былъ такъ любезенъ, что велѣлъ кучеру ѣхать въ нашу сторону. Я пошелъ къ нему навстрѣчу, и, объяснивъ наше положеніе, просилъ помочь намъ своимъ вліяніемъ. Городничій, баронъ Э... кликнулъ ямщиковъ, послалъ за кузнецами, условился въ цѣнѣ и велѣлъ, чтобы все было готово черезъ часъ. Успокоивъ меня такимъ образомъ, онъ вдругъ спросилъ меня совсѣмъ неожиданно: позвольте узнать, кто ѣдетъ съ вами въ сѣрой шляпѣ? Гоголь, отвѣчалъ я.—Какой Гоголь? вскрикнулъ городничій! Ужь не писатель ли Гоголь, сочинившій *Ревизора*?—Онъ самый.—Ахъ сдѣлайте одолженіе, познакомьте меня съ нимъ; я много уважаю этого сочинителя, читалъ всѣ его сочиненія, и былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ могъ поговорить съ нимъ. Я зналъ странный характеръ Гоголя, нелюбившаго никакихъ новыхъ знакомствъ, и потому боялся, что онъ послѣ будетъ сердиться на меня, если я представлю ему городничаго; но отказать любезному майору въ такой пустой вещи за всѣ его хлопоты не было возможности, и я повелъ его прямо къ Гоголю.—Николай Васильевичъ, позвольте вамъ представить начальника здѣшняго города барона Э... по милости котораго, мы еще можемъ поспѣть сегодня въ деревню.—Къ моему удивленію, Гоголь весьма любезно поклонился майору и протянулъ ему руку, прибавивъ: очень радъ съ вами познакомиться.—А я совершенно счастливъ, что вижу нашего знаменитаго писателя, отвѣчалъ городничій; давно желалъ гдѣ-нибудь васъ увидѣть; читалъ всѣ ваши сочиненія и *Мертвые Души*, но въ особенности люблю *Ревизора*, гдѣ вы такъ вѣрно описали нашего брата городничаго. Да, встрѣчаются до сихъ поръ еще... встрѣчаются такіе городничіе.

Гоголь улыбнулся и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ.

— Вы давно здѣсь?

— Нѣтъ, только полтора года.

— А городокъ, кажется, порядочный?

— Помилуйте, прескверный городишка, скука смертная, общества никакого!

— Ну а кромѣ чиновниковъ, живутъ ли здѣсь помѣщики?

— Есть, но немного, всего три семейства, но отъ нихъ никакого прока, всё между собой въ ссорѣ.

— Отчего это, за что поссорились?

Тутъ я оставилъ Гоголя съ городничимъ, и пошелъ на станцію. Черезъ четверть часа, я засталъ ихъ еще на томъ же мѣстѣ. Гоголь говорилъ съ нимъ уже о купцахъ, и внимательно спрашивалъ, кто именно и чѣмъ торгуетъ, гдѣ сбываетъ свои товары, какимъ промысломъ занимаются крестьяне въ уѣздѣ; бывають ли въ городѣ ярмарки и тому подобное. Я перебилъ ихъ живой разговоръ предложеніемъ Гоголю позавтракать. Услыхавъ это, городничій сталъ извиняться, что уже отобѣдалъ, и потому жалѣеть, что не можетъ просить насъ къ себѣ; но кликнувъ будочника, послалъ его впередъ въ трактиръ, приготовить намъ особенную комнату и обѣдъ, а самъ пошелъ провожать насъ. Гоголь впился въ моего городничаго, какъ пиявка, и не уставалъ спрашивать его обо всемъ, что его занимало. У трактира городничій съ нами раскланялся. На сцену явился половой, и бойко повелъ насъ по лѣстницѣ въ особый номеръ. Гоголь сталъ заказывать обѣдъ, выдумалъ какое-то новое блюдо изъ ягодъ, муки, сливокъ и еще чего-то, помню только, что оно вовсе не было вкусно. Покуда мы обѣдали, онъ все время разговаривалъ съ половымъ, спрашивалъ его, откуда онъ, сколько получаетъ жалованья, гдѣ его родители, кто чаще другихъ заходитъ къ нимъ въ трактиръ, какое кушанье больше любятъ чиновники въ Малоярославцѣ, и какую волку употребляютъ, хороша ли у нихъ городничій и тому подобное. Разспросилъ о всѣхъ живущихъ въ городѣ и близь города, и остался очень доволенъ остроумными отвѣтами бойкаго парня въ бѣлой рубашкѣ, который лукаво улыбался, сплетничалъ на славу, и, какъ я полагаю, намѣренно отвѣчалъ всякій разъ такъ, чтобы вызвать Гоголя на новые разспросы и шутки. Наконецъ, ровно черезъ часъ, тарантасъ подкатилъ къ крыльцу, и мы простившись съ шоссее, поѣхали уже по большой

калужской дорогѣ. Гоголь продолжалъ быть въ духѣ, восхищался свѣжею зеленью деревьевъ, безоблачнымъ небомъ, запахомъ полевыхъ цвѣтовъ и всеми прелестями деревни. Мы ѣхали довольно тихо, а онъ безпрестанно останавливалъ кучера, выскакивалъ изъ тарантаса, бѣжалъ черезъ дорогу въ поле, и срывалъ какой-нибудь цвѣтокъ; потомъ садился, разказывалъ мнѣ довольно подробно, какого онъ класса, рода, какое его лѣчебное свойство, какъ называется онъ по-латыни, и какъ называютъ его наши крестьяне. Окончивъ трактатъ о цвѣткѣ, онъ втыкалъ его передъ собой за козсами тарантаса, и черезъ пять минутъ, опять бѣжалъ за другимъ цвѣткомъ, опять объяснялъ мнѣ его качества, происхожденіе и ставилъ на то же мѣсто. Такимъ образомъ, черезъ часъ съ небольшимъ, образовался у насъ въ тарантасѣ цѣлый цвѣтникъ желтыхъ, лиловыхъ, розовыхъ цвѣтовъ. Гоголь признался, что всегда любилъ ботанику и въ особенности любилъ знать свойства, качества растеній, и доискиваться, подъ какими именами эти растенія извѣстны въ народѣ и на что имъ употребляются. Терпѣть не могу, прибавилъ онъ, эти новыя ботаники, въ которыхъ темно и ученымъ слогомъ толкуютъ о вещахъ самыхъ простыхъ. Я всегда читаю тѣ старинныя ботаники и русскія и иностранныя, которыя теперь уже не въ модѣ, а которыя между тѣмъ сто разъ лучше объясняютъ вамъ дѣло.

Но вотъ мы свернули съ большой дороги, и поѣхали проселкомъ. Солнце садилось. Гоголь то и дѣло спрашивалъ меня, да гдѣ же это Бѣгичево? Наконецъ, направо отъ дороги показалось бѣлое каменное строеніе, блеснулъ между деревьями прудъ, и черезъ пять минутъ мы подъѣхали къ крыльцу господскаго дома. Намъ, разумѣется, очень обрадовались, напоили насъ чаемъ, и мы скоро улеглись спать. На другой день, Гоголь уже бѣгалъ по старинному, стриженному саду съ прямыми аллеями, и вернулся усталый.

Четыре дня, проведенные нами въ деревнѣ, не оставили во мнѣ никакихъ особенныхъ воспоминаній... Помню, что мы ходили въ большомъ обществѣ за грибами, помню, что ѣздили въ длинной, восьми-мѣстной линейкѣ въ имѣнье г. Гончарова въ пяти верстахъ отъ Бѣгичева, гдѣ одно время, кажется, вскорѣ послѣ свадьбы своей, жилъ Пушкинъ; помню, что каждый вечеръ читалъ намъ Гоголь *Одиссею* въ переводѣ Жуковского и восхищался каждой строчкой. Читалъ онъ

стихи превосходно и досадовалъ, когда мы не восхищались тѣми мѣстами, на которыя онъ особенно указывалъ; вотъ и все.

На пятый день, мы перѣехали въ Калугу, въ загородный губернаторскій домъ. При перѣздѣ, я ѣхалъ въ коляскѣ съ Гоголемъ и моимъ зятемъ. Здѣсь, въ первый разъ, Гоголь произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе и даже, могу сказать, разсердилъ меня. Заговорили объ охотѣ. Надо было знать, что зять мой имѣетъ отличную охоту, и его борзья и въ особенности гончія извѣстны всѣмъ знаменитымъ русскимъ охотникамъ, и собиралъ онъ ее, а теперь поддерживаетъ съ знаніемъ дѣла и съ любовію. Гоголь вмѣшивался безпрестанно въ разговоръ, спорилъ съ моимъ зятемъ, не понимая дѣла, и вообще высказалъ много самонадѣянности и мало желанія узнать отъ стариннаго охотника то, что ему подробнѣе и лучше было извѣстно чѣмъ Гоголю. Послѣ заговорили о сельскомъ хозяйствѣ. У зятя моего около пяти тысячъ душъ въ шести губерніяхъ, и онъ всегда самъ управлялъ своими имѣніями, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ, хотя на опытѣ только узнать болѣе чѣмъ Гоголь, который, сколько мнѣ извѣстно, никогда не занимался хозяйствомъ, и если зналъ что, то отъ другихъ помѣщиковъ; но онъ и тутъ не преминулъ поспорить; говорилъ свысока, какимъ-то диктаторскимъ тономъ, однѣ общія мѣста, не выслушивалъ опроверженій, и вообще показался мнѣ самолюбивымъ, самонадѣяннымъ, гордымъ и даже неумнымъ человекомъ. Я не боюсь нисколько сказать здѣсь откровенно мое мнѣніе, но и тогда, и послѣ, также какъ и въ этотъ разъ, я замѣчалъ въ Гоголѣ странную претензію знать все лучше другихъ. Онъ иногда, правда, разспрашивалъ специалистовъ, но разспрашивалъ ихъ такимъ образомъ, что клонилъ всѣ подробности и объясненія въ ту сторону, куда ему хотѣлось, чтобы набрать еще болѣе подтверженій той мысли, или тому понятію, которыя онъ себѣ составилъ уже заранѣе о предметахъ. Если вы разказывали ему что-нибудь для него новое, бросающее новый свѣтъ на отдѣльнаго человека, или даже на цѣлое сословіе, онъ никогда не старался выикнуть внимательно въ вашъ разказъ, замѣтить, на сколько онъ былъ справедливъ, и усвоить его себѣ или взять изъ него что-нибудь, какъ бы слѣдовало писателю съ такимъ

громаднымъ талантомъ, задумавшему описать всю Россію въ одной повѣсти,—нѣтъ. Онъ просто переставалъ васъ слушать, дѣлался разсѣяннымъ, и ясно показывалъ вамъ, что разказъ не занимаетъ его. Учиться у другихъ онъ не любилъ, и вотъ какимъ образомъ объясняются тѣ промахи, которые были замѣчены всѣми въ его сочиненіяхъ! Онъ не зналъ нашего гражданскаго устройства, нашего судопроизводства, нашихъ чиновническихъ отношеній, даже нашего купеческаго быта; однимъ словомъ, вещи самыя простыя, извѣстныя послѣднему гимназисту, были для него новостію.

Заглядывая въ душу русскаго человѣка, подмѣчая всѣ малѣйшія отгѣнки его душевныхъ слабостей, вырывая все это съ необыкновеннымъ искусствомъ въ своихъ произведеніяхъ, онъ не обращалъ вниманія на внѣшнее устройство Россіи, на всѣ малыя пружины, которыми двигается машина, и вотъ почему онъ серьезно думалъ, что у насъ существуютъ еще капитанъ-исправники, что и теперь еще возможно безъ свидѣтельствъ совершать купчія крѣпости въ гражданскихъ палатахъ, что никто не спроситъ подорожной у проѣзжаго чиновника и, отпустить ему курьерскихъ лошадей, не узнавъ его фамиліи, что наконецъ въ домѣ у губернатора, во время бала, можетъ сидѣть пьяный помѣщикъ и хватать за ноги танцующихъ гостей. И много, очень много подобныхъ несообразностей можно отыскать въ сочиненіяхъ Гоголя. Иной разъ подумаешь, что онъ описываетъ какое-то далекое прошлое, извѣстное намъ по преданіямъ; а между тѣмъ разговоръ о 12-мъ годѣ, генералъ-губернаторъ, и другія мѣста, показываютъ, что онъ желалъ рисовать Россію въ ея настоящемъ видѣ. Разумѣется, все это нисколько не можетъ вредить произведеніямъ Гоголя, и не отнимаетъ у нихъ нравственнаго ихъ достоинства. Характеры его героевъ все тѣже; задуманы глубоко, подмѣчены вѣрно, и выражены съ необыкновеннымъ талантомъ, но подтверждаютъ вполне мое мнѣніе, и доказываютъ только, что Гоголь не желалъ научиться чему-нибудь отъ другихъ и не любилъ никакихъ противорѣчій. Такъ поступалъ онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось важныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ въ наукѣ, въ искусствѣ, или даже какомъ-нибудь новомъ изобрѣтеніи ума человѣческаго. Сколько разъ приходилось мнѣ удивляться громадности его

способностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣть, что въ немъ такъ много гордости. Вдругъ заговорить Гоголь о какой-нибудь картинѣ и выскажетъ при этомъ свои понятія объ искусствѣ, и выскажетъ прекрасно, думая, что для васъ это новость, а между тѣмъ эта мысль уже была высказана прежде гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь сочиненіи, о которомъ Гоголь не имѣлъ никакого понятія! Онъ дѣйствительно дошелъ до этой мысли самъ, выработалъ ее въ головѣ своей, вслѣдствіе долгихъ разсужденій объ искусствѣ, а не взялъ ее изъ книги совсѣмъ готовою. Такъ поступалъ онъ и въ исторіи. Онъ не читалъ никакихъ новыхъ сочиненій, новыхъ критикъ и разныхъ взглядовъ на замѣчательныя историческія личности, или цѣлыя историческія эпохи, а между тѣмъ, съ необыкновенною гениальностію, угадывалъ ихъ мировое значеніе, и выражалъ это, какъ истинный художникъ, въ свѣтлыхъ, прекрасныхъ и поэтическихъ формахъ. Разумѣется жаль, что Гоголь, и для своего предмета, для своихъ сочиненій, пренебрегалъ этими бездѣлцами, и не далъ себѣ труда узнать, что русское общество далеко ушло впередъ, какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и въ политическомъ и гражданскомъ устройствѣ, съ тѣхъ поръ какъ онъ пересталъ вглядываться въ нее, а занялся, какъ самъ онъ говоритъ въ своей Авторской Исповѣди, исключительно душою Русскаго человѣка. Разумѣется, тѣмъ, которые понимаютъ искусство, эти маленькіе промахи не мѣшаютъ наслаждаться его произведеніями, но за то люди, которые ничего не смыслятъ въ искусствѣ, критики, которымъ Гоголь былъ всегда, какъ бѣльмо на глазу, которые никогда не любили его за то, что онъ сдѣлалъ себѣ славное имя въ русской литературѣ, безъ всякой помощи съ ихъ стороны, не прибѣгая къ ихъ покровительству,—эти люди схватились съ радостью за эти промахи, и, выказывая всѣ эти маленькія несообразности передъ читателями, повторяли, а нѣкоторые повторяютъ и до сихъ поръ еще, кстати и некстати:

Съ кого они портреты пишутъ?

Гдѣ разговоры эти слышатъ?

Гоголь самъ далъ имъ орудіе противъ себя; а между тѣмъ исправить эти мелочи было такъ легко; ему стоило

бы для этого разспросить перваго губернскаго чиновника и наконецъ любого господина изъ провинціи!

По приѣздѣ въ Калугу, Гоголь и я помѣстились во флигель, въ двухъ комнаткахъ рядомъ. По утрамъ Гоголь заперся у себя, что-то писалъ, всегда стоя, потомъ гулялъ по саду одинъ, и являлся въ гостиную передъ самымъ обѣдомъ. Отъ обѣда до поздняго вечера, онъ всегда оставался съ нами, или съ сестрой, гулялъ, бесѣдовалъ и былъ большую часть времени веселъ; съ чиновниками и ихъ женами онъ знакомился мало и неохотно, а они смотрѣли на него съ любопытствомъ и нѣкоторымъ удивленіемъ. Иногда Гоголь поражалъ меня своими странностями. Вдругъ явится къ обѣду въ яркихъ желтыхъ панталонахъ и въ жилетѣ свѣтлоглубаго, бирюзоваго цвѣта; иногда же одѣнется весь въ черное, даже спрячетъ воротничокъ рубашки и волосы не причешетъ, а на другой день, опять безъ всякой причины, явится въ платьѣ яркихъ цвѣтовъ, приглаженный, откроетъ бѣлую, какъ снѣгъ, рубашку, развѣситъ золотую цѣпь по жилету, и весь смотритъ какимъ-то именинникомъ. Одѣвался онъ вообще безъ всякаго вкуса, и, казалось, мало заботился объ одеждѣ, а за то, въ другой разъ, надѣнетъ что-нибудь очень безобразное, а между тѣмъ видно, что онъ много думалъ, какъ бы нарядиться покрасивѣе. Знакомые Гоголя увѣряли меня, что иногда встрѣчали его въ Москвѣ у куаферовъ и что онъ завивалъ свои волосы. Усами своими онъ тоже занимался не мало. Странно все это въ человѣкѣ, который такъ тонко смѣялся надъ смѣшными привычками и слабостями другихъ людей: отъ вниманія котораго ничего не ускользало, и который подмѣчалъ не только душевныя качества и недостатки человѣка, не только его наружность въ совершенствѣ, но и какъ онъ говоритъ, ходитъ, ѣсть, спитъ, одѣвается, всю его внѣшность до послѣдней булавки, до самой ничтожной вещи, отличающей его отъ другихъ людей. Кто зналъ Гоголя коротко, тотъ не можетъ не вѣрить его признанію, когда онъ говоритъ, что большую часть своихъ пороковъ и слабостей онъ передавалъ своимъ героямъ, осмѣивалъ ихъ въ своихъ повѣстяхъ, и такимъ образомъ избавлялся отъ нихъ навсегда. Я рѣшительно вѣрю этому наивному откровенному признанію. Гоголь былъ необыкновенно строгъ къ себѣ, постоянно боролся съ своими слабостями, и отъ этого часто

впадалъ въ другую крайность, и бывалъ иногда такъ странный и оригинальный, что многіе принимали это за аффектацію и говорили, что онъ рисуется. Много можно привести доказательствъ тому, что Гоголь дѣйствительно работалъ всю свою жизнь надъ собою, и въ своихъ сочиненіяхъ осуживалъ часто самого себя. Вотъ, покуда, что извѣстно и чему я былъ свидѣтелемъ. Гоголь любилъ хорошо поѣсть, и въ состояніи былъ, какъ Пятухъ, толковать съ поваромъ цѣлый часъ о какой-нибудь кудебѣ; наѣдался очень часто до того, что бывалъ боленъ; о малороссійскихъ вареникахъ и пампушкахъ говорилъ съ наслажденіемъ и такъ увлекательно, что *у мертваго разбѣдлся аппетитъ*, въ Италиіи самъ бѣгалъ на кухню, и учился готовить макароны. А между тѣмъ онъ очень рѣдко позволялъ себѣ такіа увлеченія и былъ въ состояніи довольствоваться самою скудною пищею, и постился иногда какъ самый строгій отшельникъ, а во время говѣнья почти ничего не ѣлъ. Гоголь очень любилъ и цѣнилъ хорошія вещи и въ молодости, какъ самъ онъ мнѣ говорилъ, имѣлъ страстишку къ приобрѣтенію разныхъ ненужныхъ вещицъ: чернилицъ, вазочекъ, пресъ-папье и пр. Страсть эта могла бы, безъ сомнѣнія, развиться въ громадный порокъ Чичикова хозяина-приобрѣтателя. Но отказавшись разъ навсегда отъ всякихъ удобствъ, отъ всякаго комфорта, отдавъ свое имѣніе матери и сестрамъ, онъ уже никогда ничего не покупалъ, даже не любилъ заходить въ магазины, и могъ, указывая на свой маленькій чемоданъ, сказать скорѣй другаго: *omnia tecum porto*, — потому что съ этимъ чемоданчикомъ онъ прожилъ почти тридцать лѣтъ, и въ немъ дѣйствительно было все его достояніе. Когда случалось, что друзья, не зная его твердаго намѣренія не имѣть ничего лишняго и затѣливаго, дарили Гоголю какую-нибудь вещь красивую и даже полезную, то онъ приходилъ въ волненіе, дѣлался скученъ, озабоченъ, и рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать. Вещь ему нравилась, она была въ самомъ дѣлѣ хороша, прочна и удобна; но для этой вещи требовался и приличный столъ, необходимо было особое мѣсто въ чемоданѣ, и Гоголь скучалъ все это время, покуда продолжалась перѣшительность, и успокоивался тольکو тогда, когда дарилъ ее кому-нибудь изъ пріятелей. Такъ, въ самыхъ бездѣлицахъ онъ былъ твердъ и непоколебимъ. Онъ

боялся всякаго увлеченія. Разъ въ жизни удалось ему скопить небольшой капиталъ, кажется въ 5,000 р. с., и онъ тотчасъ же отдаетъ его, подъ большою тайною, своему пріятелю профессору, для раздачи бѣднымъ студентамъ, чтобы не имѣть никакой собственности и не получить страсти къ приобрѣтенію; а между тѣмъ черезъ полъ-года уже, самъ нуждается въ деньгахъ и долженъ прибѣгнуть къ займамъ. Вотъ еще одинъ примѣръ. Глава перваго тома *Мертвыхъ Душъ* оканчивается такимъ образомъ: одинъ капитанъ страстный охотникъ до сапоговъ, полежитъ, полежитъ и соскочитъ съ постели, чтобы примѣрить сапоги и походить въ нихъ по комнатѣ, потомъ опять ляжетъ и опять примѣряетъ ихъ. Кто повѣритъ, что этотъ страстный охотникъ до сапоговъ никто иной, какъ самъ Гоголь? И онъ даже нисколько не скрывалъ этого, и признавался въ этой слабости, почитая слабостью всякую привычку, всякую излишнюю привязанность къ чему бы то ни было. Въ его маленькомъ чемоданѣ всего было очень немного и платья и бѣлья ровно столько, сколько необходимо, а сапогъ было всегда три, часто даже четыре пары, и они никогда не были изношены. Очень можетъ быть, что Гоголь тоже, оставаясь у себя одинъ въ комнатѣ, надѣвалъ новую пару, и наслаждался какъ и тотъ капитанъ, формою своихъ сапогъ, а послѣ самъ же смѣялся надъ собою.

Черезъ недѣлю съ небольшимъ, послѣ нашего пріѣзда въ Калугу въ одно утро я захотѣлъ войти къ сестрѣ моей въ кабинетъ; но мнѣ сказали, что тамъ Гоголь читаетъ свои сочиненія, и что сестра просила, по желанію Гоголя, никого не впускать къ ней. Постоявъ у дверей, я дѣйствительно услышалъ чтеніе Гоголя. Оно продолжалось до обѣда. Вечеромъ сестра разказывала мнѣ, что Гоголь прочелъ ей нѣсколько главъ изъ втораго тома *Мертвыхъ Душъ*, и что все имъ прочитанное было превосходно. Я, разумѣется, просилъ ее уговорить Гоголя допустить и меня къ слушанію; онъ сейчасъ же согласился и на другой день мы собрались для этого, въ одиннадцать часовъ утра, на балконѣ, уставленномъ цвѣтами. Сестра сѣла за пядьцы, я покойно помѣстился въ креслѣ противъ Гоголя, и онъ началъ читать намъ сначала ту первую главу втораго тома, которая вышла въ свѣтъ послѣ его смерти уже. Сколько мнѣ помнится, она начиналась иначе и, вообще, была лучше обра-

ботана, хотя содержаніе было то же. Хохотомъ генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею слѣдовала другая, въ которой описанъ весь день въ генеральскомъ домѣ. Чичиковъ остался обѣдать. Къ столу явились, кромѣ Улиньки, еще два лица: Англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то Испанецъ, или Португалецъ, проживавшій у Бетрищева въ деревнѣ съ незапамятныхъ временъ, и не извѣстно для какой надобности. Первая была дѣвица среднихъ лѣтъ, существо безцвѣтное, некрасивой наружности, съ большимъ тонкимъ носомъ и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по дѣлымъ днямъ, и только непрерывно вертѣла глазами въ разныя стороны съ глупо-вопросительнымъ взглядомъ. Португалецъ, сколько я помню, назывался Экспантонъ, Хситендонъ, или что-то въ этомъ родѣ; но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто—Эскадронъ. Онъ тоже постоянно молчалъ, но послѣ обѣда долженъ былъ играть съ генераломъ въ шахматы. За обѣдомъ не произошло ничего необыкновеннаго. Генераль былъ веселъ, и шутилъ съ Чичиковымъ, который ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; Улинька была задумчива, и лицо ея оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетниковѣ. Послѣ обѣда генераль съѣлъ играть съ Испанцемъ въ шахматы и, подвигая шашки впередъ, непрерывно повторялъ: „полюби насъ бѣленькими.....“ „Черненькими, ваше превосходительство,“ перебивалъ его Чичиковъ. „Да, повторялъ генераль, полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ самъ Господь Богъ полюбитъ.“ Черезъ пять минутъ онъ опять ошибался, и начиналъ опять: „полюби насъ бѣленькими“, и опять Чичиковъ поправлялъ его, и опять генераль смѣясь повторялъ: „полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ самъ Господь Богъ полюбитъ“. Послѣ нѣсколькихъ партій съ испанцемъ, генераль предложилъ Чичикову сыграть одну или двѣ партіи, и тутъ Чичиковъ выказалъ необыкновенную ловкость. Онъ игралъ очень хорошо, затрудняя генерала своими ходами, и кончилъ тѣмъ, что проигралъ; генераль былъ очень доволенъ тѣмъ, что побѣдилъ такого сильнаго игрока, и еще болѣе полюбилъ за это Чичикова. Прощаясь съ нимъ, онъ просилъ его возвратиться скорѣе и привести съ собою Тентетникова. Пріѣхавъ къ Тентетникову въ деревню, Чичиковъ рассказываетъ ему, какъ грустна Улинька, какъ жалѣеть генераль;

что его не видятъ, что генералъ совершенно раскаивается, и чтобы кончить недоразумѣнїе, намѣренъ самъ первый къ нему прїѣхать съ визитомъ, и просить у него прощенїа. Все это Чичиковъ выдумалъ. Но Тентетниковъ, влюбленный въ Уленьку, разумѣется, радуется предлогу, и говоритъ, что если все это такъ, то онъ не допуститъ генерала до этого, а самъ завтра-же готовъ ѣхать, чтобы предупредить его визитъ. Чичиковъ это ободряетъ, и они условливаются ѣхать вмѣстѣ на другой день къ генералу Бетрищеву. Вечеромъ того-же дня Чичиковъ признается Тентетникову, — что совралъ разказавъ Бетрищеву, что будто бы Тентетниковъ пишетъ исторїю о генералахъ. Тотъ не понимаетъ, зачѣмъ это Чичиковъ выдумалъ, и не знаетъ, что ему дѣлать, если генералъ заговоритъ съ нимъ объ этой исторїи. Чичиковъ объясняетъ, что и самъ не знаетъ, какъ это у него сорвалось съ языка; но что дѣло уже сдѣлано, а потому убѣдительно проситъ его, ежели онъ уже не намѣренъ лгать, то чтобы ничего не говорить, а только бы не отказывался рѣшительно отъ этой исторїи, чтобы его не скомпрометировать передъ генераломъ. За этимъ слѣдуетъ поѣздка ихъ въ деревню генерала; встрѣча Тентетникова съ Бетрищевымъ, съ Уленькой, и наконецъ обѣдъ. Описание этого обѣда, по моему мнѣнїю, было лучшее мѣсто втораго тома. Генералъ сидѣлъ по серединѣ, по правую его руку Тентетниковъ, по лѣвую Чичиковъ, подлѣ Чичикова Уленька, подлѣ Тентетникова Испанецъ, а между Испанцемъ и Уленькой Англичанка; всѣ казались довольны и веселы. Генералъ былъ доволенъ, что помирился съ Тентетниковымъ и что могъ поболтать съ человѣкомъ, который пишетъ исторїю отечественныхъ генераловъ; Тентетниковъ тѣмъ, что почти противъ него сидѣла Уленька, съ которою онъ по временамъ встрѣчался взглядами; Уленька была счастлива тѣмъ, что тотъ, кого она любила, опять съ ними, и что отецъ опять съ нимъ въ хорошихъ отношенїяхъ, и наконецъ Чичиковъ былъ доволенъ своимъ положенїемъ примирителя въ этой знатной и богатой семьѣ. Англичанка свободно вращала глазами, Испанецъ глядѣлъ въ тарелку, и поднималъ свои глаза только тогда, какъ вносили новое блюдо. Примѣтивъ лучшїй кусокъ, онъ не спускалъ съ него глазъ во все время, покуда блюдо обходило кругомъ стола, или покуда лакомый кусокъ не попадалъ къ кому-нибудь на

тарелку. Послѣ втораго блюда генераль заговорилъ съ Тентетниковымъ о его сочиненіи, и коснулся 12-го года. Чичиковъ струхнулъ, и со вниманіемъ ждалъ отвѣта. Тентетниковъ ловко вывернулся. Онъ отвѣчалъ, что не его дѣло писать исторію кампаніи, отдѣльныхъ сраженій, и отдѣльныхъ личностей, игравшихъ роль въ этой войнѣ, что не этими геройскими подвигами замѣчательнъ 12-й годъ, что много было историковъ этого времени и безъ него; но что надобно взглянуть на эту эпоху съ другой стороны: важно не его мнѣнію то, что весь народъ всталъ какъ одинъ человекъ въ защиту отечества; что всѣ расчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, какъ всѣ сословія соединились въ одномъ чувствѣ любви къ отечеству, какъ каждый спѣшилъ отдать послѣднее свое достояніе, и жертвовалъ всѣмъ для спасенія общаго дѣла; вотъ что важно въ этой войнѣ, и вотъ что желалъ онъ описать въ одной яркой картинѣ, со всѣми подробностями этихъ невидимыхъ подвиговъ и высокихъ, но тайныхъ жертвъ! Тентетниковъ говорилъ довольно долго и съ увлеченіемъ, весь проникнулся въ эту минуту чувствомъ любви къ Россіи. Бетрищевъ слушалъ его съ восторгомъ, и въ первый разъ такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слезла, какъ брильянтъ чистѣйшей воды, повисла на свѣдыхъ усахъ. Генераль былъ прекрасенъ; а Уленька? Она вся впиалась глазами въ Тентетникова, она, казалось, ловила съ жадностію каждое его слово, она, какъ музыкой, упивалась его рѣчами, она любила его, она гордилась имъ! Испанецъ еще болѣе потупился въ тарелку, Англичанка съ глупымъ видомъ оглядывала всѣхъ, ничего не понимая. Когда Тентетниковъ кончилъ, водворилась тишина, всѣ были взволнованы... Чичиковъ, желая помѣстить и свое слово, первый прервалъ молчаніе; „Да, сказалъ онъ, страшныя холода были въ 12-мъ году!“ — „Не о холодахъ тутъ рѣчь,“ замѣтилъ генераль, взглянувъ на него строго. Чичиковъ сконфузился. Генераль протянулъ руку Тентетникову и дружески благодарилъ его; — но Тентетниковъ, былъ совершенно счастливъ тѣмъ уже, что въ глазахъ Уленьки прочелъ себѣ одобреніе. Исторія о генералахъ была забыта. День прошелъ тихо и пріятно для всѣхъ. — Послѣ этого, я не помню порядка, въ которомъ слѣдовали главы; помню, что послѣ этого дня, Уленька рѣшилась говорить съ отцомъ своимъ серіозно о Тентетниковѣ.

Передъ этимъ рѣшительнымъ разговоромъ, вечеромъ, она ходила на могилу матери, и въ молитвѣ искала подкрѣпленія своей рѣшимости. Послѣ молитвы, вошла она къ отцу въ кабинетъ, стала передъ нимъ на колѣни и просила его согласія и благословенія на бракъ съ Тентетниковымъ. Генераль долго колебался, и наконецъ согласился. Былъ призванъ Тентетниковъ и ему объявили о согласіи генерала. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ мировой. Получивъ согласіе, Тентетниковъ, вѣв себя отъ счастья, оставилъ на минуту Уленьку, и выбѣжалъ въ садъ. Ему нужно было остаться одному, съ самимъ собою: счастье его душило!... Тутъ у Гоголя были двѣ чудныя лирическія страницы. — Въ жаркій лѣтній день, въ самый полдень, Тентетниковъ—въ густомъ, тѣнистомъ саду, и кругомъ его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описанъ былъ этотъ садъ, каждая вѣтка на деревьяхъ, палачій зной въ воздухѣ, кузнечики въ травѣ, и всѣ насѣкомые, и наконецъ все то, чтò чувствовалъ Тентетниковъ, счастливый, любящій и взаимно любимый!—Я живо помню, что это описаніе было такъ хорошо, въ немъ было столько силы, колорита, поэзіи, что у меня захватывало дыханіе. Гоголь читалъ превосходно! Въ избыткѣ чувствъ, отъ полноты счастья, Тентетниковъ плакалъ, и тутъ же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невѣстѣ. Въ эту минуту, въ концѣ аллеи показывается Чичиковъ. Тентетниковъ бросается къ нему на шею и благодаритъ его. „Вы мой благодѣтель, вамъ обязанъ я моимъ счастіемъ; чѣмъ могу возблагодарить васъ?... всей моей жизни мало для этого...“ У Чичикова въ головѣ тотчасъ блеснула своя мысль: „Я ничего для васъ не сдѣлалъ; это случай, отвѣчалъ онъ, я очень счастливъ, но вы легко можете отблагодарить меня! „Чѣмъ, чѣмъ“ повторилъ Тентетниковъ, скажите скорѣе, и я все сдѣлаю. Тутъ Чичиковъ разказываетъ о своемъ мнимомъ дядѣ, и о томъ, что ему необходимо хотя на бумагѣ имѣть 300 душъ. „Да за чѣмъ же непременно мертвыхъ“ говоритъ Тентетниковъ, не хорошо понявшій, чего собственно добивается Чичиковъ. „Я вамъ на бумагѣ отдамъ всѣ мои 300 душъ, и вы можете показать наше условіе вашему дядюшкѣ, а послѣ, когда получите отъ него имѣніе, мы увичтожимъ купчую.“ Чичиковъ остолбенѣлъ отъ удивленія! „Какъ вы не боитесь сдѣлать это?.. вы не боитесь, что я могу васъ об-

мануть... употребить во зло ваше довѣріе?" Но Тентетниковъ не далъ ему кончить. „Какъ? воскликнулъ онъ, сомнѣваться въ васъ, которому я обязанъ оубе чѣмъ жизнію.“ Тутъ они обнялись, и дѣло было рѣшено между ними. Чичиковъ заснулъ сладко въ этотъ вечеръ. На другой день въ генеральскомъ домѣ было совѣщаніе, какъ объявить роднымъ генерала о помолвкѣ его дочери, письменно или чрезъ кого-нибудь, или самимъ ѣхать. Видно, что Бетрищевъ очень беспокоился о томъ, какъ примутъ княгиня Зюзюкина и другіе знатные его родные эту новость. Чичиковъ и тутъ оказался очень полезенъ: онъ предложилъ объѣхать всѣхъ родныхъ генерала, и извѣстить о помолвкѣ Уленьки и Тентетникова. Разумѣется, онъ имѣлъ въ виду при этомъ все тѣже мертвыя души. Его предложеніе принято съ благодарностію. Чего лучше? думалъ генералъ, онъ человекъ умный, приличныи; онъ съумѣетъ объявить объ этой свадьбѣ такимъ образомъ, что всѣ будутъ довольны. Генералъ для этой поѣздки предложилъ Чичикову дорожную двухмѣстную коляску заграничной работы, а Тентетниковъ четвертую лошадь. Чичиковъ долженъ былъ отправиться черезъ нѣсколько дней. Съ этой минуты, на него всѣ стали смотрѣть въ домѣ генерала Бетрищева, какъ на домашняго, какъ на друга дома. Вернувшись къ Тентетникову, Чичиковъ тотчасъ же позвалъ къ себѣ Селифана и Петрушку, и объявилъ имъ, чтобъ они готовились къ отъѣзду. Селифанъ въ деревнѣ Тентетникова совсѣмъ излѣнился, спился, и не походилъ вовсе на кучера, а лошади совсѣмъ оставались безъ присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими дѣвками. Когда же привезли отъ генерала легкую, почти новую коляску, и Селифанъ увидѣлъ, что онъ будетъ сидѣть на широкихъ козлахъ и править четырьмя лошадьми въ рядъ, то всѣ кучерскія побужденія въ немъ проснулись, и онъ сталъ, съ большимъ вниманіемъ и съ видомъ знатока осматривать экипажъ и требовать отъ генеральскихъ людей разныхъ запасныхъ винтовъ и такихъ ключей, какихъ даже никогда и не бываетъ. Чичиковъ тоже думалъ съ удовольствіемъ о своей поѣздкѣ: какъ онъ разляжется на эластическихъ съ пружинами подушкахъ, и какъ четверня въ рядъ понесетъ его легкую, какъ перышко, коляску.

Вотъ все, что читалъ при мнѣ Гоголь изъ втораго

тома *Мертвыхъ Душъ*. Сестрѣ же моей онъ прочелъ, кажется, девять главъ. Она разказывала мнѣ послѣ, что удивительно хорошо отдѣлано было одно лицо въ одной изъ главъ; это лицо: эманципированная женщина-красавица, избалованная свѣтомъ, кокетка, проведенная свою молодость въ столицѣ, при дворѣ и за границей. Судьба привела ее въ провинцію; ей уже за тридцать пять лѣтъ, она начинаетъ это чувствовать, ей скучно, жизнь ей въ тягость. Въ это время она встрѣчается съ вездѣ и всегда скучающимъ Платоновымъ, который также израсходовалъ всего себя, таскаясь по свѣтскимъ гостиницамъ. Имъ обоимъ показалась ихъ встрѣча въ глуши, среди ничтожныхъ людей ихъ окружающихъ какимъ то великимъ счастьемъ; они начинаютъ привязываться другъ къ другу, и это новое чувство, имъ незнакомое, оживляетъ ихъ; они думаютъ, что любятъ другъ друга, и съ восторгомъ предаются этому чувству. Но это оживленіе, это счастье было только на минуту, и чрезъ мѣсяцъ послѣ перваго признанія, они замѣчаютъ, что эта была только вспышка, капризъ, что истинной любви тутъ не было, что они и не способны къ ней, и затѣмъ наступаетъ съ обѣихъ сторонъ охлажденіе и потомъ опять скука и скука, и они, разумеется, начинаютъ скучать, въ этотъ разъ, еще болѣе чѣмъ прежде. Сестра увѣряла меня, а С. П. Шевыревъ подтвердилъ, что характеръ этой женщины, и вообще вся ея связь съ Платоновымъ, изображены были у Гоголя съ такимъ мастерствомъ, что ежели это правда, то особенно жаль, что именно эта глава не дошла до насъ, потому что мы всѣ остаемся теперь въ томъ убѣжденіи, что Гоголь не умѣлъ изображать женскіе характеры; и дѣйствительно вездѣ, гдѣ они являлись въ его произведеніяхъ, они выходили слабы и блѣдны. Это было замѣчено даже всѣми критиками.

Когда Гоголь окончилъ чтеніе, то обратился ко мнѣ съ вопросомъ. Ну что вы скажете? Нравится ли вамъ?—Удивительно, неподобно! воскликнулъ я. Въ этихъ главахъ вы гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ въ первомъ томѣ; тутъ вездѣ слышится жизнь, какъ она есть, безъ всякихъ преувеличеній; а описаніе сада—верхъ совершенства.—Ну, а не сдѣлаете ли вы мнѣ какого-либо замѣчанія? Нѣтъ ли тутъ вещи, которая бы вамъ несовсѣмъ понравилась? возразилъ снова Гоголь.—Я немного подумалъ, и откровенно отвѣчалъ ему, что Уленька кажется мнѣ лицомъ немного идеальнымъ,

блѣднымъ, несовершеннымъ. Къ тому же, прибавилъ я, вы изобразили ее какою-то совершенствомъ, а не говорите между тѣмъ, отчего она вышла такою, кто въ этомъ виновать, каково было ея воспитаніе, кому она этимъ обязана... Не отцу же своему и глупой молчаливой Англичанкѣ. Гоголь немного задумался, и прибавилъ: „Можетъ быть и такъ. Впрочемъ въ послѣдующихъ главахъ она выдетъ у меня реалъфигурою. Я вообще несомнѣнъ доволенъ; еще много надо будетъ дополнить, чтобы характеры вышли покрупнѣе.“ Онъ не былъ доволенъ, а мнѣ казалось, что я не выбросилъ бы ни единого слова, не прибавилъ ни одной черты: такъ все было обработано и окончено, кромѣ одной Уленьки.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого чтенія, я и братъ мой К. О. Р. собрались поздно вечеромъ у графа А. К. Т., который былъ тогда въ Калугѣ. Разговоръ зашелъ о Гоголѣ: каждый изъ насъ дѣлалъ свои замѣчанія о немъ и его характерѣ, о его странностяхъ. Разбирали его, какъ писателя и какъ человека, и многое казалось намъ въ немъ необъяснимымъ и загадочнымъ. Какъ напримѣръ согласить его постоянное стремленіе къ нравственному совершенству съ его гордостью, которой мы всѣ были не разъ свидѣтелями? его удивительно тонкій, наблюдательный умъ, видный во всѣхъ его сочиненіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обыкновенной жизни, какую-то тупость и непониманіе вещей самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ? Вспомнили мы также его странную манеру одѣваться, и его насмѣшки надъ тѣми кто одѣвался смѣшно и безъ вкуса, его религіозность и смиреніе, и слишкомъ уже подчасъ странную нетерпѣливость и малое снисхожденіе къ ближнимъ; однимъ словомъ, нашли бездну противорѣчій, которыя, казалось, трудно было и совмѣстить въ одномъ человекѣ. При этомъ братъ мой сдѣлалъ замѣчаніе, которое поразило тогда своею вѣрностью и меня, и графа Т. Онъ нашелъ большое сходство между Гоголемъ и Жанъ-Жакомъ Руссо. И въ самомъ дѣлѣ, разбирая жизнь Руссо, читая его исповѣдь и его письма, нельзя не замѣтить въ немъ множества тѣхъ же достоинствъ, слабостей и недостатковъ, которые поражаютъ насъ въ Гоголѣ. Кто коротко зналъ послѣдняго, тотъ согласится съ нами. Постараемся доказать это сравненіями. Руссо никогда не готовился быть писателемъ, а никогда ничему не учился систематически. Обширныя познанія, ко-

торыя поражаютъ насъ въ его сочиненіяхъ, приобретенны имъ случайно въ разное время, безъ всякой послѣдовательности. Гоголь, также, учился, что называется на мѣдный грошъ, и если что зналъ потомъ основательно, то добылъ это въ зрѣломъ возрастѣ и долго блуждалъ, куда попалъ на свою настоящую дорогу. Гордость, самолюбіе и подозрительность были причиною несчастія всей жизни Руссо. Эти же свойства перессорили Гоголя съ самыми жаркими его почитателями, доставивши ему много горькихъ минутъ въ жизни. И тотъ и другой сами запутывали свои отношенія къ людямъ, наиболѣе къ нимъ расположеннымъ. Всѣ знаютъ, какъ Гоголь боялся смерти и ада, и какъ эта мысль постоянно была для него причиною невыразимыхъ страданій. Руссо въ своей исповѣди говоритъ то же; среди занятій и жизни самой чистой, страхъ загробныхъ мученій не давалъ ему покоя, и когда онъ описываетъ, какъ ему пришло въ голову бросать въ дерево камни, сказавъ себѣ что онъ будетъ спасенъ, если упадетъ камень въ дѣль, и будетъ проклятъ если промахнется, то кто изъ насъ не согласится читая это, что и Гоголь по своему мечтательному характеру, былъ способенъ завѣяться такимъ же опытомъ? И Гоголь, и Руссо писали свои сочиненія съ большимъ трудомъ; каждое слово, каждую фразу перемѣняли они по нѣскольку разъ, иногда совершенно уничтожали написанное, и начинали снова, переправляли, отдѣлывая безпрестанно, и оба рѣдко бывали довольны своими произведеніями. Руссо говоритъ, что онъ никогда не могъ украшать, а долженъ былъ творить, и прибавляетъ, что для описанія весны онъ долженъ былъ среди зимы начертить красивую мѣстность. Онъ могъ писать только тогда, когда бывалъ заключенъ въ стѣнахъ, и увѣряетъ, что еслибъ его посадили въ Бастилію, то, ему кажется, онъ только тамъ могъ бы написать яркую картину свободы. Не то же ли говоритъ и Гоголь, когда признается, что онъ только въ Италіи, изъ своего прекраснаго *далека* видѣлъ ясно Россію и могъ рисовать ее, но что каждый разъ, какъ возвращался онъ въ отечество, все ускользало отъ него, и онъ не понималъ и не видѣлъ ничего того, что хотѣлъ въ ней описывать. Руссо любилъ писать письма, предостерегать, давать совѣты, наставленія, не только друзьямъ своимъ, но и людямъ мало ему знакомымъ, которые даже никогда не видали его, какъ напримѣръ Фридриху II, Вольтеру и

другимъ. Онъ имѣлъ большую склонность къ поученію, къ докторальному тону, къ проповѣди. *Переписка съ друзьями* Гоголя и множество другихъ неизданныхъ писемъ его, доказываютъ, что и Гоголь имѣлъ то же стремленіе, и особенно любилъ въ письмахъ излагать свои мысли. Руссо болѣе всего любилъ въ жизни природу, деревню, уединеніе. Гоголь тоже былъ истинно счастливъ, только вдали отъ городской суеты, въ хорошую лѣтнюю погоду, гдѣ-нибудь въ деревнѣ, въ маломъ кругу друзей. Тамъ только работалъ онъ безъ усталы и съ наслажденіемъ. И Гоголь, и Руссо любили ботанику и занимались ею постоянно, но изучали ее не въ книгахъ, а въ лѣсахъ, поляхъ, повѣряя свои знанія на практикѣ. Истинные друзья Жанъ-Жака были все люди высшаго круга, которые по своему общественному положенію, по богатству, мало имѣли съ нимъ общаго. Такъ было и съ Гоголемъ. Если кто любилъ его до конца и никогда къ нему не измѣнялся, такъ то были люди служившіе при дворѣ, люди такъ-называемаго большаго свѣта, а съ литераторами онъ постоянно, какъ и Руссо, былъ въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ. Въ обществѣ, и Руссо, и Гоголь были очень скучны и неразговорчивы, очень часто говорили вещи далеко не умныя; тогда какъ въ кругу пріятелей разговоръ ихъ всегда былъ умнѣе и занимательнѣе. Руссо постоянно проживалъ у кого-нибудь, и дожилъ до глубокой старости, не имѣя своего угла, своего хозяйства. Такъ жилъ и Гоголь всю жизнь свою. Руссо, несмотря на свою робость, позволялъ себѣ въ обществѣ очень много, и часто оскорблялъ этимъ друзей своихъ. Безцеремонность Гоголя бросается всякому въ глаза. Посмотримъ теперь на ихъ отношенія къ женщинамъ. И Руссо и Гоголь имѣли между ними много друзей, почитательницъ, но въ эту дружбу они оба вносили что-то особенно нѣжное, мечтательное, и даже страстное. Какъ истинные поэты они смотрѣли на женщину, какъ на ангела, на существо высшее, и въ своемъ воображеніи всегда надѣлялъ ее такими рѣдкими достоинствами ума и души, которыхъ въ нихъ, какъ оказывается, на дѣлѣ и не было. Оба были съ женщинами робки, и эта робость, несмотря на ихъ страстныя натуры, мѣшала имъ, даже во дни ихъ молодости, наслаждаться взаимною любовью. Наконецъ, вся жизнь и того и другаго прошла въ борьбѣ съ грязною дѣйствительностью,

въ чистыхъ стремленіяхъ, въ тайныхъ душевныхъ страданіяхъ. Сколько разъ въ минуты отчаянія Руссо хотѣлъ перестать писать вовсе! Жизнь литератора, человѣка публичнаго, его тяготила, и онъ жаждалъ покоя. А Гоголь? Кто изъ знавшихъ его коротко не замѣчалъ въ немъ особенно въ послѣднее время, какой-то нравственной усталости, кто не видалъ, что онъ былъ бы гораздо счастливѣе гдѣ-нибудь въ монастырѣ, что его талантъ мѣшалъ ему жить, какъ онъ желалъ, что онъ смотрѣлъ на этотъ талантъ какъ на испытаніе, какъ на тяжелый даръ? Можно бы было найдти еще нѣсколько свойствъ и особенностей въ характерахъ этихъ двухъ писателей, по-видимому столь различныхъ между собою, которыя бы доказали еще сильнѣе, что между ними было много общаго; но довольно кажется и этого. Даже въ сочиненіяхъ ихъ, во всемъ направленіи ихъ талантовъ, можно найдти черты одинаковыя. Не мечталъ ли Руссо перестроить все общественное зданіе своего времени, въ которомъ его воображеніе видѣло гибель человѣчества? Не слышится ли въ его твореніяхъ постоянная грусть, сѣтованіе о порокахъ, столь свойственныхъ людямъ? Его мысли о воспитаніи, его письмо о театрѣ, его *Contrat Social*, наконецъ всѣ его письма и памфлеты доказываютъ, что общественная реформа была его постоянною мыслию. Гоголь думалъ своими *Мертвыми Душами* и своими комедіями дѣйствовать такимъ же образомъ на русское общество. И тотъ и другой сдѣлали много, и вліяніе ихъ несомнѣнно, но мы скажемъ, можетъ-быть, что всякій гениальный писатель произведетъ такое же вліяніе на общество, и что мысли его, какъ сѣмена падающія на плодородную почву, всегда произведутъ плоды, что и произведенія Байрона, Гете и другихъ, также имѣли сильное вліяніе. Это такъ, объ этомъ никто не спорить, но я хочу сказать, что иной поэтъ, какъ Байронъ, страдаетъ, любитъ и прощаетъ, для звуковъ сладкихъ и молитвъ, не заботясь о томъ, что останется людямъ отъ его пѣсень, или выражаясь словами поэта: *онъ поетъ какъ птица, потому что онъ птица*,—тогда какъ въ пѣснѣ другого поэта постоянно слышится одна, и та же струна, одна и та же строгая цѣль! Онъ поетъ не изъ наслажденія пѣть, онъ любитъ и страдаетъ сознательно, и смотритъ на свой талантъ какъ на оружіе, какъ на средство, которое онъ долженъ употреблять

на пользу ближнихъ. Онъ постоянный мученикъ, онъ какъ будто исполняетъ чужую волю, высшее предназначеніе...

Иди, пророкъ, и вѣдь и внемая,
Исполни волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей..-

По силѣ своего таланта, Пушкинъ ничуть не ниже Гоголя, но вліаніе его отразилось только въ нашей литературѣ, въ языкѣ, въ стихотвореніяхъ и на нѣкоторыхъ личностяхъ, тогда какъ Гоголь имѣлъ прекрасное вліаніе на все наше юное поколѣніе, на весь складъ нашихъ общественныхъ понятій. Такъ было и съ Руссо! Исчезли изъ общества, изъ жизни волтерьянцы, смѣшны Чайльдъ-Гарольды, а мыслями Руссо до сихъ поръ еще живетъ Европа, а общество, послѣ столькихъ сильныхъ переворотовъ, страшныхъ потрясеній и потоковъ крови, все еще стремится осуществить тотъ общественный идеалъ, который заглаживалъ ему Руссо въ своихъ произведеніяхъ!

Вскорѣ послѣ чтенія втораго тома *Мертвыхъ Душъ*, я уѣхалъ въ Москву, а Гоголь остался въ Калугѣ еще на двѣ недѣли. Прошелъ мѣсяцъ съ небольшимъ. Я былъ званъ на именинный обѣдъ въ Сокольники, къ почтенному И. В. К. Гостей было человекъ семьдесятъ. Обѣдали въ палаткѣ, украшенной цвѣтами; въ саду гремѣла полковая музыка. Гоголь опоздалъ, и вошелъ въ палатку, когда уже всѣ сидѣли за столомъ. Его усадили между двумя дамами, его великими почитательницами. Послѣ обѣда, мужчины, какъ водится, ушли за карты; дѣвицы и молодежь разсыпались по саду. Около Гоголя образовался кружокъ; но онъ молчалъ и, развалившись небрежно въ покойномъ креслѣ, забавлялся зубочисткой. Я сидѣлъ возлѣ зеленого стола, за которымъ играли въ ералашъ три сенатора и военный генералъ. Одинъ изъ сенаторовъ, въ военномъ же мундирѣ, съ негодованіемъ поглядывалъ на Гоголя. „Не могу видѣть этого человѣка, сказалъ онъ наконецъ, обращаясь къ другому сенатору во фракѣ. Посмотрите на этого гуся, какъ важничаетъ, какъ за нимъ ухаживаютъ! Чтò за *аттитюда*, чтò за *аплонъ*! и всѣ четверо взглянули на Гоголя съ презрѣніемъ, и пожали плечами. „Вѣдь это революціонеръ, продолжалъ военный сенаторъ, я удивляюсь право, какъ это пускаютъ его въ по-

рядочные дома? Когда я былъ губернаторомъ, и когда давали его пьесы въ театрѣ, повѣрите ли, что при всякой глупой шуткѣ или какой-нибудь пошлости, насмѣшкѣ надъ властью, весь партеръ обращался къ губернаторской ложѣ. Я не зналъ куда дѣться, наконецъ не вытерпѣлъ, и запретилъ давать его пьесы. У меня въ губерніи никто не смѣлъ и думать о *Ревизорѣ* и другихъ его сочиненіяхъ. Я всегда удивлялся, какъ это правительство наше не обращало вниманія на него: вѣдь его стоило бы, за эти *Мертвые Души*, и въ особенности за *Ревизора*, сослать въ такое мѣсто, куда воронъ костей не заноситъ!“ Остальные партнеры почтеннаго сенатора совершенно были согласны съ его замѣчаніями и прибавили только: „что и говорить, онъ опасный человѣкъ, мы давно это знаемъ.“

Черезъ нѣсколько дней, я встрѣтилъ Гоголя на Тверскомъ бульварѣ, и мы гуляли вмѣстѣ часа два. Разговоръ зашелъ о современной литературѣ. Я прежде никогда не видалъ у Гоголя ни одной книги, кромѣ сочиненій отцовъ церкви и старинной ботаники, и потому весьма удивился, когда онъ заговорилъ о русскихъ журналахъ, о русскихъ новостяхъ, о русскихъ поэтахъ. Онъ все читалъ и за всѣмъ слѣдилъ. О сочиненіяхъ Тургенева, Григоровича, Гончарова: отзывался съ большою похвалою. Это все явленія утѣшительныя для будущаго, говорилъ онъ. Наша литература въ послѣднее время сдѣлала крутой поворотъ, и попала на настоящую дорогу. Только стихотворцы наши хромаютъ, и времена Пушкина, Баратынскаго и Языкова возвратиться не могутъ!

— Вы вчера, кажется, читали нѣсколько главъ изъ втораго тома И. В. Ку? сказалъ я.

— Читалъ, а что?

— Я не понимаю, Николай Васильевичъ, какую вы имѣете охоту читать ему ваши сочиненія! Онъ васъ очень любитъ и уважаетъ, но какъ человѣка, а вовсе не какъ писателя! Знаете ли, что онъ мнѣ сказалъ вчера? Что, по его мнѣнію, у васъ нѣтъ ни на грошъ таланта! Несмотря на свой обширный умъ, И. В. ничего не смыслить въ изящной литературѣ и поэзіи; я не могу слышать его сужденій о нашихъ писателяхъ. Онъ остановился на *Водопадъ* Державина, и дальше не пошелъ. Даже Пушкина не любитъ; говорить, что стихи его звучны, гладки, но что мыслей у него нѣтъ, и что онъ ничего не произвелъ замѣчательнаго.

Гоголь улыбнулся... — Вотъ что онъ такъ отзывается о Пушкинѣ, я этого не зналъ; а что мои сочиненія онъ не любитъ, это мнѣ давно извѣстно, но я уважаю И. В. и давно его знаю. Я читалъ ему мои сочиненія именно потому, что онъ ихъ не любитъ и предупрежденъ противъ нихъ, Что мнѣ за польза читать вамъ или другому, кто восхищается всѣмъ, что я ни написалъ? Вы, господа, заранѣе предупреждены въ мою пользу, и настроили себя на то, чтобы находить все прекраснымъ въ моихъ сочиненіяхъ. Вы рѣдко, очень рѣдко сдѣлаете мнѣ дѣльное строгое замѣчаніе, а И. В., слушая мое чтеніе, отыскиваетъ только одни слабыя мѣста, и критикуетъ строго и безощадно, а иногда и очень умно. Какъ свѣтскій человекъ, какъ человекъ практическій и ничего не смыслящій въ литературѣ, онъ иногда, разумѣется, говорить вздоръ, но за то въ другой разъ сдѣлаетъ такое замѣчаніе, которымъ я могу воспользоваться. Мнѣ именно полезно читать такимъ умнымъ не литературнымъ судьямъ. Я сужу о достоинствѣ моихъ сочиненій, по тому впечатлѣнію, какое они производятъ на людей, мало читающихъ повѣсти и романы. Если они разсмѣются, то значить, уже дѣйствительно смѣшно, если будутъ тронуты, то значить, уже дѣйствительно трогательно, потому что они съ тѣмъ усѣлись слушать меня, чтобы ни за что не смѣяться, чтобы ничѣмъ не трогаться, ничѣмъ не восхищаться.

Слушая Гоголя, я невольно вспомнилъ о кухаркѣ Мольера.

Зимой я видался съ Гоголемъ рѣдко, и не знаю, что онъ дѣлалъ, чѣмъ занимался; но вотъ наступила весна, и Гоголь сталъ чаще заходить ко мнѣ, въ послѣобѣденное время. Сестра моя перѣехала въ подмосковную, въ 25 верстахъ отъ Коломны. Въ одно утро, Гоголь явился ко мнѣ, съ предложеньемъ ѣхать недѣлю на три въ деревню къ сестрѣ. Я на нѣсколько дней получилъ отпускъ, и мы отправились. Гоголь былъ необыкновенно веселъ во всю дорогу, и опять смѣшилъ меня своими малороссійскими разказами; потомъ не помню уже какимъ образомъ, отъ смѣшнаго разговоръ перешелъ въ серьезный. Гоголь заговорилъ о монастыряхъ, о ихъ общественномъ значеніи въ прошедшемъ и настоящемъ. Онъ говорилъ прекрасно о монастырской жизни, о той простотѣ, въ какой живутъ истинные монахи, о томъ счастьи, какое находятъ они въ молитвѣ, среди прекрасной

природы, въ глуши, въ дремучихъ лѣсахъ! „Вотъ напримѣръ, сказалъ онъ, вы были въ Казугѣ, а ѣздилъ ли вы въ Оптиную пустынь, что подѣ Козельска?“—Какъ же, отвѣчалъ я, былъ. „Ну неправда ли что за прелесть! Какая тишина, какая простота!“—Я знаю, что вы бывали тамъ часто, Николай Васильевичъ, и въ послѣдній разъ, когда хотѣли ѣхать въ Малороссію, не довѣли, и остановились въ Оптиной пустыни, кажется, на нѣсколько дней.—„Да, я на перепутьи всегда заѣзжаю въ эту пустынь, и отдыхаю душой. Тамъ у меня въ монастырѣ есть человекъ, котораго я очень люблю... Я хорошо знаю и настоятеля отца Моисея.“—Кто же этотъ другъ вашъ?—„Нѣкто Григорьевъ, дворянинъ, который былъ прежде артиллерійскимъ офицеромъ, а теперь сдѣлался усерднымъ и благочестивымъ монахомъ, и говорить, что никогда въ свѣтѣ не былъ такъ счастливъ какъ въ монастырѣ. Онъ славный человекъ и настоящій христіанинъ; душа его такая дѣтская, свѣтлая, прозрачная! Онъ вовсе не пасмурный монахъ, бѣгающій отъ людей, не любящій бесѣды. Нѣтъ, онъ, напротивъ того, любитъ всѣхъ людей какъ братьевъ; онъ всегда веселъ, всегда снисходителенъ. Это высшая степень совершенства, до которой только можетъ дойти истинный христіанинъ. Покуда человекъ еще не выработался, не совершенно воспиталъ себя, хотя онъ и стремится къ совершенству, въ немъ все еще слишкомъ много строгости, слишкомъ много угламъ и много отталкивающаго ¹. Если же разъ онъ успѣетъ, съ Божьею помощію, уничтожить въ себѣ всѣ сомнѣнія, примириться съ жизнью, и дойдетъ до настоящей любви, то сдѣлается тогда совершенно спокойнъ, веселъ, ко всѣмъ добръ, со всѣми ласковъ. Таковы всѣ эти монахи въ пустыни: отецъ Моисей, отецъ Антоній, отецъ Макарій; таковъ и мой другъ Григорьевъ.“—А не знаете ли вы, какая причина заставила его оставить свѣтъ и поступить въ монастырь? Не было ли въ его жизни какого-нибудь особеннаго обстоятельства, которое дало ему эту мысль?—„Этого

¹ Гоголь очень часто употреблялъ слово: „слишкомъ“. Это одна изъ особенностей его слога, часто неправильнаго, иногда запутаннаго, но въ которомъ за то было такъ много крупнаго, сильнаго, и мало той легкости, съ которою пишутся нѣкоторые русскіе фельетоны, заботящіеся не о силѣ слога, вѣрности, нѣжности, а только о правильности языка.

я хорошенько не знаю, отвѣчалъ мнѣ Гоголь, только знаю, что онъ всегда былъ поэтомъ и мечтателемъ. Онъ всегда поступалъ по увлеченію, и способенъ былъ на всякіе внезапные порывы. Вотъ я вамъ разкажу про него одинъ очень забавный анекдотъ, который случился съ нимъ, когда ему было лѣтъ восемнадцать, не болѣе, но который объяснитъ вамъ всю страстную натуру этого человѣка. Григорьевъ, какъ я вамъ уже сказалъ, служилъ въ армейской артиллеріи. Батарея, въ которой онъ числился, была расположена съ другими войсками въ одной изъ великороссійскихъ губерній; весь корпусъ былъ въ сборѣ, въ лагеряхъ, и корпусный командиръ производилъ ученіе, маневры и артиллерійскую практическую пальбу. Григорьевъ тогда очень любилъ чтеніе и бредилъ стихами. Этому направленію способствовалъ въ то время Пушкинъ, котораго поэмы расходились въ множествѣ, по всѣмъ угламъ и закоулкамъ Россіи. Вы знаете, съ какою жадностію вездѣ читались, переписывались и затверживались наизусть его стихи. Имя Пушкина было тогда у всякаго порядочнаго человѣка и на языкѣ, и въ сердцѣ. Григорьевъ, какъ и всѣ другіе, былъ въ восторгѣ отъ *Кавказскаго пльмика*, *Бахчисарайскаго фонтана* и прочаго. Вотъ, разъ былъ онъ дежурнымъ, что ли, или взводъ его былъ выведенъ на ученье, я право не умю вамъ сказать, только случилось такъ, что онъ одинъ находился на дивизиѣ, а всѣ офицеры были еще по своимъ палаткамъ. Артиллерійская прислуга стояла по мѣстамъ, фитили курились. Григорьевъ въ задумчивости ходилъ подлѣ своихъ двухъ орудій. Вдругъ видитъ онъ: съ большой дороги свернула коляска, за нею взвилось облако пыли, коляска катитъ прямо на батарею. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Григорьева экипажъ остановился; изъ него вышелъ молодой человѣкъ, небольшого роста, черноволосый, кудрявый, съ быстрыми, умными черными глазами. Слегка поклонившись, онъ вѣжливо подошелъ къ Григорьеву, съ вопросомъ: позвольте узнать, гдѣ могу я отыскать полковника N? „Онъ въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, въ другой деревнѣ“, отвѣчалъ Григорьевъ, и сталъ объяснять, какъ ближе пробхать до деревни. Выслушавъ это объясненіе со вниманіемъ, молодой человѣкъ поблагодарилъ за услугу и хотѣлъ уже удалиться, какъ Григорьевъ, почувствовавъ внезапно необыкновенную симпатію къ незнакомцу, спро-

силъ его: извините за нескромность, я желаю бы знать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

— Пушкинъ...

— Какой Пушкинъ?.. вскрикнулъ Григорьевъ.

— Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, отвѣчалъ молодой человекъ улыбаясь. Вы Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, вы нашъ поэтъ, наша гордость, честь и слава... Вы сочинитель Бахчисарайскаго фонтана, Руслана и Людмиллы... и Григорьевъ, весь красный отъ восторга, замахалъ руками и вдругъ крикнулъ: „Орудіе! Первая пли...“ и вслѣдъ за тѣмъ, раздался выстрѣлъ... „вторая... пли...“ и опять выстрѣлъ. На эти выстрѣлы, конечно, высыпали и солдаты и офицеры изъ своихъ палатокъ, гдѣ-то забила тревогу, прискакалъ самъ батарейный командиръ, и бѣднаго моего Григорьева, страстнаго поклонника поэзіи, за неумѣстный восторгъ, посадили подъ арестъ, несмотря на всѣ просьбы А. С. Пушкина, который, вѣроятно, много смѣялся этому неожиданному происшествію.“

— И по двамъ посадили молодца подъ арестъ, сказалъ я смѣясь; вотъ и выходитъ, что городничій правъ. Положимъ, что Александръ Македонскій—герой, да за чѣмъ же стулья-то ломать!

Подмосковная деревня, въ которой мы поселились на цѣлый мѣсяцъ, очень понравилась Гоголю. Все время, которое онъ тамъ прожилъ, онъ былъ необыкновенно бодръ, здоровъ и доволенъ. Домъ прекрасной архитектуры, построенный по планамъ Гр. Растрелли, расположенъ на горѣ; два флигеля того же вкуса соединяются съ домомъ галереями, съ цвѣтами и деревьями; посреди дома круглая зала съ обширнымъ балкономъ, окруженнымъ легкою колоннадой. Направо отъ дома стриженный французскій садъ съ бесѣдками, фруктовыми деревьями, грунтовыми сараями и оранжереями; налѣво англійскій паркъ съ ручьями, гротами, мостиками, развалинами, и густою прохладною тѣнью. Передъ домомъ, черезъ террасу, уставленную померанцами и лимонами, и мраморными статуями, ровный скатъ, покрытый ярко-свѣжею зеленью, и внизу — Москва-рѣка, съ бѣлою купальнею и большимъ красивымъ паромомъ. За рѣчкой небольшія возвышенности, деревушка сосѣда съ усадьбою, обрѣзнымъ господскимъ домикомъ, маленькимъ садомъ и покачившимися на бокъ крестьянскими избами.

На одной линіи съ господскимъ домомъ, по сю сторону рѣки, на разстояніи четверти версты отъ сада, скотный дворъ, бѣлый домъ съ красною крышею, гдѣ помещалась контора и жилъ управляющій, и наконецъ, десять или двѣнадцать кирпичныхъ не оштукатуренныхъ крестьянскихъ домиковъ, съ огородами, конопляниками и прочими хозяйскими заведеніями. По другую сторону дома зеленый лугъ, вѣтвики, качели и китайская бесѣдка, съ видомъ на господское поле, и темный сосновый лѣсъ. Вотъ и все. Гоголь жилъ подлѣ меня во флигелѣ, вставалъ рано, гулялъ одинъ въ паркѣ и въ полѣ, потомъ завтракалъ, и запирался часа на три у себя въ комнату. Передъ обѣдомъ мы ходили съ нимъ купаться. Онъ уморительно плясалъ въ водѣ, и дѣлалъ въ ней разныя гимнастическія упражненія, находя это очень здоровымъ. Потомъ мы опять гуляли съ нимъ по саду, въ три часа обѣдали, а вечеромъ ѣздили иногда на дрогахъ, гулять, къ сосѣдямъ, или въ лѣсъ. Къ сожалѣнію сестра моя скоро захворала, и прогулки наши прекратились. Чтобы разсѣять ее, Гоголь самъ предложилъ прочесть окончаніе втораго тома *Мертвыхъ Душъ*; но сестра откровенно сказала Гоголю, что ей теперь не до чтенія и не до его сочиненій. Мнѣ показалось, что онъ немного обидѣлся этимъ отказомъ; я же былъ въ большомъ горѣ, что не удалось мнѣ дослушать втораго тома до конца, хотя и ожидалъ тогда его скорого появленія въ печати; но одно уже чтеніе Гоголя было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Я все надѣялся, что здоровье сестры поправится, и что Гоголь будетъ читать; но ожиданія мои не сбылись. Сестрѣ сдѣлалось хуже, и она должна была переѣхать въ Москву, чтобы начать серіозное лѣченіе. Гоголь, разумеется, тоже оставилъ деревню... Въ Москвѣ онъ каждый вечеръ бывалъ у сестры и забавлялъ насъ своими разказами.— Однажды онъ пришелъ къ намъ отъ С. Т. Аксакова, гдѣ авторъ *Семейной Хроники* читалъ ему свои *Записки Русскаго охотника*. Это было года за два до ихъ появленія въ свѣтъ. Гоголь говорилъ тогда, что никто изъ русскихъ писателей не умѣетъ описывать природу такими сильными, свѣжими красками, какъ Аксаковъ. Въ другой разъ я встрѣтилъ Гоголя у сестры и объявилъ ему, что иду въ театръ, гдѣ даютъ *Ревизора*, и что Шумскій въ первый разъ играетъ въ его комедіи роль Хлестакова. Гоголь поѣхалъ

съ нами, и мы повѣстались, едва доставъ ложи, въ бедуарѣ. Театръ былъ полонъ. Гоголь говорилъ, что Шумскій лучше всѣхъ другихъ актеровъ петербургскихъ и московскихъ передавалъ эту трудную роль, но не былъ доволенъ, сколько я помню, тою сценою, гдѣ Хлестаковъ начинаетъ заворачиваться передъ чиновниками. Онъ находилъ, что Шумскій передавалъ этотъ монологъ слишкомъ тихо, мало, съ остановками, а онъ желалъ представить въ Хлестаковѣ человека, который разказываетъ небылицы съ жаромъ, съ увлеченіемъ, который самъ не знаетъ, какимъ образомъ слова вылетаютъ у него изо рта, который, въ ту минуту какъ жетъ, не думаетъ вовсе, что онъ жетъ, а просто разказываетъ то, что грезится ему постоянно, чего онъ желалъ бы достигнуть, и разказываетъ какъ будто эти грезы его воображенія одѣлались уже дѣйствительностію, но иногда въ порывѣ болтовни заговаривается, дѣйствительность мѣшается у него съ мечтами, и онъ отъ посланниковъ, отъ управленія департаментомъ, отъ приѣмной залы переходитъ, самъ того не замѣчая, на пятый этажъ, къ кухаркѣ Марѳушѣ. „Хлестаковъ, это—живчикъ, говорилъ Гоголь, онъ все долженъ дѣлать скоро, живо, не разсуждая, почти безсознательно, не думая ни одной минуты что изъ этого выйдетъ, какъ это кончится, и какъ его слова и дѣйствія будутъ приняты другими.“ Вообще комедія, въ этотъ разъ, была разыграна превосходно. Многіе въ партерѣ замѣтили Гоголя, и лоржеты стали обращаться на нашу ложу.—Гоголь видимо испугался какой-нибудь демонстраціи со стороны публики, и можетъ-быть—вызововъ, и послѣ вышеописанной сцены, вышелъ изъ ложи такъ тихо, что мы и не замѣтили его отсутствія.—Возвратившись домой, мы застали его у сестры распивающимъ, по обыкновенію, теплую воду съ сахаромъ и красивымъ виномъ. Тутъ онъ и передалъ намъ свое мнѣніе объ игрѣ Шумскаго, котораго талантъ онъ ставилъ очень высоко.

Зимой этого года я видался съ Гоголемъ довольно часто, бывалъ у него по утрамъ и заставалъ его почти всегда за работой. Разъ только, нашелъ я у него одного Итальянца, съ которымъ онъ говорилъ по-итальянски довольно свободно, но съ ужаснымъ выговоромъ. Впрочемъ по-французски онъ говорилъ еще хуже, и выговаривалъ такъ, что

иной разъ съ трудомъ было можно его понять. Этотъ Итальянецъ былъ очень бѣденъ и несчастливъ, и Гоголь помогалъ ему и принималъ въ немъ живое участіе. Въ послѣдній разъ я былъ у Гоголя въ новый годъ; онъ былъ немного грустенъ, разспрашивалъ меня очень долго о здоровьѣ сестры, говорилъ, что имѣеть намѣреніе ѣхать въ Петербургъ, когда окончится новое изданіе его сочиненій, и когда выйдетъ въ свѣтъ второй томъ *Мертвыхъ Душъ*, который, по его словамъ, былъ совершенно оконченъ. Потомъ тутъ же при мнѣ взялъ почтовый листъ бумаги и написалъ сестрѣ нѣсколько поздравительныхъ словъ, запечаталъ и, отдавая его мнѣ, просилъ переслать въ Петербургъ. Этимъ письмомъ оканчивается переписка его съ сестрой, продолжавшаяся четырнадцать лѣтъ. Обстоятельства заставили меня скоро оставить Москву: я переѣхалъ родъ службы, и долженъ былъ отправиться въ Петербургъ. Въ хлопотахъ и переѣздѣ, я не имѣлъ времени заходить къ Гоголю, и совершенно потерялъ его изъ виду. Такъ прошелъ февраль мѣсяцъ, и только на первой недѣлѣ поста, узналъ я, что Гоголь боленъ. Одинъ разъ, заѣхавъ на Никитскую спросить о его здоровьѣ, но мнѣ сказали, что онъ въ постелѣ и что видѣть его нельзя. Я и не думалъ, что онъ въ опасности, и близокъ къ смерти. Черезъ нѣсколько дней, захожу я проститься къ И. В. К., и онъ встрѣчаетъ меня грустный и встревоженный..... У него былъ графъ Т..... —Какъ здоровье Николая Васильевича? спрашиваю я у графа. „Онъ очень плохъ, почти безъ надежды, отвѣчалъ графъ. Сегодня будетъ еще консультація, посмотримъ, что скажутъ доктора. Гоголь никого не слушается, не принимаетъ никакихъ лекарствъ и никакой пищи, и я пришелъ просить И. В., котораго Гоголь очень любитъ и уважаетъ, заѣхать къ нему еще разъ, и уговорить его послушаться приказаній медиковъ. Не знаю, удастся ли вамъ?“..... Я потѣхалъ въ присутствіе и, окончивъ свои дѣла, отправился къ Гоголю. У подъезда стояло нѣсколько экипажей. Человѣкъ сказалъ мнѣ, что доктора всѣ здѣсь, что консультація кончилась, и что всѣ присутствовавшіе на ней отправились на верхъ, въ кабинетъ графа.—А что Николай Васильевичъ? „Все въ одномъ положеніи.“—Можно его видѣть? „Войдите, отвѣчалъ онъ мнѣ, отворяя дверь. Гоголь, видно, переѣхалъ комнаты въ послѣднее время, или былъ перенесенъ туда уже боль-

ной, потому что прежде я бывалъ у него отъ входной двери направо, а теперь меня ввели направо, въ томъ же первомъ этажѣ. Въ первой комнатѣ никого не было; во второй, на постели, съ закрытыми глазами, худой, блѣдный, лежалъ Гоголь; длинные волосы его были спутаны, и падали въ беспорядкѣ на лицо и на глаза; онъ иногда вздыхалъ тяжело, шепталъ какую-то молитву, и по временамъ бросалъ мутный взоръ на икону, стоявшую у ногъ на постелѣ, прямо противъ больного. Въ углу, въ креслѣ, вѣроятно утомленный долгими бессонными ночами, спалъ его слуга, Малороссіянинъ. Долго стоялъ я передъ Гоголемъ, вглядываясь въ лицо его, и не знаю отчего, почувствовалъ въ эту минуту, что для него все кончено, что онъ болѣе не встанетъ. Раза два Гоголь вскинулъ глазами вверхъ, взглянулъ на меня, но не узнавъ, закрылъ ихъ опять. „Пить..... дайте пить“ проговорилъ онъ наконецъ хриплымъ, но невнятнымъ голосомъ. Человѣкъ, вошедшій вслѣдъ за мною въ комнату, подалъ ему въ рюмкѣ воду съ краснымъ виномъ. Гоголь не много приподнялъ голову, обмочилъ губы, и опять, съ закрытыми глазами, упалъ на подушку. Человѣкъ графа разбудилъ мальчика, который, увидѣвъ меня, оробѣлъ и подошелъ къ постели больного. Тутъ я былъ свидѣтелемъ страшнаго разговора между двумя служителями, и не знаю, чѣмъ бы кончилась эта сцена, еслибы меня тутъ не было.

— Если его такъ оставить, то онъ не выздоровѣетъ, говорилъ одинъ изъ нихъ,—повѣрь, что не встанетъ, умретъ, безпремѣнно умретъ.

— Такъ чтожь по твоему..... отвѣчалъ другой.

— Да вотъ возьмемъ его насильно, стащимъ съ постели, да и поведемъ по комнатѣ, повѣрь, что разойдется и живъ будетъ.

— Да какъ же это можно? онъ не захочетъ..... кричать станетъ.

— Пусть его кричитъ..... послѣ самъ благодарить будетъ, вѣдь для его же пользы!

— Оно такъ, да я боюсь..... какъ же это безъ его воли-то?

— Экой ты неразумный; что нужды, что безъ его воли, когда оно полезно. Вѣдь ты рассуди самъ, какая у него болѣзнь-то?..... никакой нѣтъ, просто такъ..... не вѣсть, не

вѣсть, не спать, и все лежить, ну какъ тутъ не умереть? У него всѣ чувства замерли, а вотъ какъ мы разматываемъ его, онъ очнется, повѣрь, что очнется..... на свѣтъ Божій взглянетъ, и самъ жить захочетъ. Да что долго толковать, бери его съ одной стороны, а я вотъ отсюда, и все хорошо будетъ!

Мальчикъ, кажется, начиналъ колебаться..... Я наконецъ не вытерпѣлъ и вышлася въ ихъ разговоръ.

— Что вы хотите это дѣлать, какъ же можно умирающаго человѣка тревожить? Оставьте его въ покоѣ, сказалъ я строго.

— Да право лучше будетъ, судары! Вѣдь у него вся больнь отъ этого, что какъ пластъ лежить который ужъ день безъ всякаго движенія. Позвольте..... Вы увидите, какъ мы его раскачаемъ, и живъ будетъ.

Я насилу уговорилъ ихъ не дѣлать этого опыта съ умирающимъ Гоголемъ, но прекративъ ихъ разговоръ, кажется, нисколько не убѣдилъ того, который первый предложилъ этотъ новый способъ лѣченія, потому что, выходя, онъ все еще говорилъ про себя: „Ну, умереть, безпремѣнно умереть..... вотъ увидите, что умереть.“ И дѣйствительно, на другой день, когда я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, Гоголь умеръ въ Москвѣ.....

Левъ Арнольди.

НОВЫЙ ТАЛАНТЪ

ВЪ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Года три тому назадъ, въ Англіи, одинъ молодой лейтенантъ 48-го ея величества полка, не удачно поохотившись съ борзыми, повредилъ ногу и былъ засаженъ докторами недѣли на двѣ въ свою комнату. Никогда еще, со времени школьнаго затворничества, бѣдный офицеръ не выдерживалъ подобнаго насильственнаго уединенія. Читать онъ любилъ, но вслѣдствіе разсѣянной своей жизни давно уже отвыкъ отъ всѣхъ книгъ за исключеніемъ романовъ и двухъ-трѣхъ древнихъ поэтовъ, особенно полюбившихся ему еще на школьной скамейкѣ. Дни тянулись медленно, романы, даже Теккереевы и Диккенсовы, на вкусъ ему не приходились. „Право, я и самъ могу сочинить кое-что не хуже,“ говорилъ онъ посвящавшимъ его пріятелямъ, а одинъ разъ, разсердившись за ихъ шутаивые отвѣты, схватилъ листъ бумаги и сталъ строчить на немъ съ рвеніемъ совершенно празднаго человѣка. Черезъ семь дней кончилъ онъ цѣлый романъ, отправилъ его къ книгопродавцу, выздоровѣлъ и забылъ и о романѣ, и о предстоящей ему участи. Къ счастью, книгопродавецъ оказался умнымъ человѣкомъ: онъ прочелъ рукопись и предсказалъ блестящій успѣхъ автору.

Гей Ливингстонъ обошелъ всю читающую Англiю, но въ особенноти поразилъ собой Французовъ. Бойкій и талантливый Альберикъ Сезонъ объявилъ своимъ многочисленнымъ читателямъ, что въ Англiи родился новый Байронъ. *Revue des Deux Mondes* воспѣла молодого офицера, парижскiй литературный мiръ съ завистью услышалъ, что автору *Гей Ливингстона* за его второй романъ заплатили въ Англiи семьдесятъ шесть тысячъ франковъ, считая на французскiя деньги. Затѣмъ стало извѣстнымъ, что мистеръ Лоуренсъ (такъ звали талантливаго офицера), дѣйствительно взявъ за свою книгу семьдесятъ шесть тысячъ, самымъ гладнокровнымъ образомъ, проигралъ ихъ въ одинъ день на баденской рулеткѣ. Тогда общая симпатiя еще усилилась; не оставалось никакихъ сомнѣнiй: XIX столѣтiе имѣло своего второго лорда Байрона.

Въ Англiи Лоуренсъ встрѣтилъ одобренiе болѣе сдержанное и даже смѣшанное съ словами рѣзкаго осужденiя. Отдавая справедливость таланту автора, даже симпатическiе рецензенты заявили, что такъ попрасть всѣ законы свѣтскаго и политическаго декорума возможно лишь въ поручишьемъ чинѣ и въ годы первой молодости. И въ цѣломъ и въ мелочахъ, новый писатель поперечилъ литературной рутинѣ и литературнымъ обычаямъ болѣе законнымъ чѣмъ рутина. Политическiя понятiя его принадлежали къ разряду неистово-отсталыхъ, съ примѣсю небольшого числа мнѣнiй достойныхъ сумазброднаго радикала. Уже одно это совмѣщенiе крайностей показывало авторскую юность. Герой романа былъ офицеръ и денди; другiя лица изъ разряда симпатическихъ оказывались тоже денди и офицерами. Злодѣи, уроды и чудачи принадлежали къ другимъ, болѣе мирнымъ сословiямъ: Лоуренсъ охотно называлъ бы ихъ *requins* (рыбчиками), еслибы на англiйскомъ языкѣ имѣлось такое глупое слово. Аристократическiя дѣвушки, выведенныя въ романѣ, ведутъ себя ужаснѣ пылкихъ Испанокъ, на балахъ цѣлуются съ молодежью, посвѣщаютъ квартиры холостыхъ людей, скачутъ съ своими поклонниками на бѣшеныхъ лошадяхъ, бравятся съ ними какъ задранный прапорщикъ съ другимъ прапорщикомъ такого же разбора. Весь романъ, весьма умѣренный по объему, изобилуетъ потрясающими сценами, которыя, можно сказать смѣло, и въ дальнемъ Техасѣ не часто происходятъ. Люди живутъ съ чужими же-

нами, при спорѣ колотятъ другъ друга по физиономіи, за-
пираются въ замкахъ и отстрѣливаются отъ толпы прада-
скихъ буяновъ, дѣлаютъ салто-морталя съ лошадей и лома-
ютъ себя спинаую кость, при общемъ ужасѣ. Все это очень
странно; но за то въ романѣ есть что-то говорящее про
молодость и свѣжесть, про артистическую независимость
и то плѣнительное довѣріе къ своей силѣ, безъ котораго и
юность человѣка не въ юность. Чтò бы ни говорили иные
рецензенты, мы стоимъ за Лоуренса и въ лицѣ его за
всѣхъ молодыхъ лейтенантовъ литературы, бурно врыва-
ющихся въ ея область съ своими бойкими романами. Иногда
и намѣстивіе Вандамовъ бываетъ полезно. Никогда не пре-
клонимся мы передъ новизною только за то, что она нова
и задорна, но всегда наше сочувствіе было открыто всему
юно-талантливому. Всю нашу жизнь мы, съ волненіемъ
сестры Анны, глядѣли на дальній горизонтъ, поджидая появ-
ленія новыхъ и сильныхъ дѣятелей; мы радостными сло-
вами всегда встрѣчали смѣлыхъ новыхъ людей, если
только они были дѣйствительно новы, и имѣли право быть
смѣлыми. Намъ противенъ книжный забіяка, изъ чужихъ
книгъ и собственнаго мышленія создающій себѣ подобіе ори-
гинальности и рвущійся озадачить міръ эксцентрическими
выходками; но когда въ литературу, съ юношескою пы-
лкостью, врывался дѣятель дѣйствительно жившій и жизнью
выработавшій себѣ многое, хотя совершенно не согласное
съ установившимся литературнымъ типомъ, мы радостно
его привѣтствовали и ждали отъ него многого. Да и какъ же
иначе? Новый человѣкъ, живой и талантливый, освѣжаетъ
насъ своею бесѣдой, даже его юношескія сумасбродства
насъ подстрекаютъ и расшевеливаютъ. Оно такъ должно
быть во всѣхъ литературахъ, а въ англійской болѣе чѣмъ
въ какой-либо. Молодость Англичанина—золотая моло-
дость, съ ея поэтическими школами посреди загород-
наго приволья, съ готическими коллегіями, живою ил-
люстраціей того, о чемъ остальная Европа читаетъ только
въ средневѣковыхъ поэтахъ, съ путешествіемъ по Европѣ,
съ удобствомъ посѣщать отдаленныя части свѣта и появ-
ляться въ нихъ съ правомъ гражданина, представителя
славной націи. Кто знаетъ чтò видалъ на своемъ вѣку
и гдѣ перебивалъ до сей поры молодой лейтенантъ
Лоуренсъ, проигравшій семьдесятъ пять тысячъ франковъ

и не поморщившійся отъ проигрыша? Подъ какими небесами квартировалъ сорокъ восьмой пѣхотный ея величества полкъ за послѣднія десять лѣтъ своего существованія? Драмса ли онъ на штыкахъ подъ Инкерманомъ, отбивалса ли отъ полчищъ Нена-Сагиба въ какомъ-нибудь индустанскомъ храмѣ, перестрѣливался ли съ дикарями Новой Зеландіи? Во всякомъ случаѣ, гдѣ бы ни былъ этотъ полкъ, молодежь его наполнявшая не могла быть чужда новымъ событіямъ, новымъ людямъ, новымъ потребностямъ, даже до нѣкоторой степени новымъ взглядамъ на дѣло искусства. О чемъ будетъ писать, и какъ будетъ бесѣдовать съ нами господинъ лейтенантъ Лоуренсъ, мы вовсе не знаемъ и даже не можемъ составить себѣ приблизительнаго понятія. Дастъ ли онъ намъ еще нѣчто юношески-свѣжее, разразится ли положительною чепухой, станетъ ли подражать самому себѣ (этого можно бояться, судя по второму его роману), этого мы не въ состояніи предвидѣть.

Главная прелесть романа *Гей Ливингстонъ* и несомнѣнное его право на особенное вниманіе цѣнителей есть его *духъ*, совершенно противоположный зыбкому, рефлектерскому, аналитическому, полу-грустному, полу-сатирическому духу главныхъ дѣятелей современнаго искусства. Весь тонъ произведенія показываетъ, что авторъ не подражаетъ никому, и никого изъ лучшихъ своихъ предшественниковъ не считаетъ достойнымъ подражанія. Онъ не задумывается ни передъ чѣмъ, не отступаетъ со страхомъ ни передъ какою житейскою проблемою, не опускаетъ головы ни передъ какимъ противорѣчіемъ человѣческой природы. Онъ оцѣнилъ и рѣшилъ все въ жизни, какъ причестствуетъ художнику уже вступившему въ третій десятокъ годовъ, но еще не добравшемуся до начала четвертаго. Самый призракъ колебанія, раздвоенія и иныхъ нравственныхъ недуговъ противенъ ему, какъ нескладный фронтъ дурно обученнаго эскадрона. Если онъ кого любитъ, то готовъ за него умереть безъ ропота, нежелаемаго человѣка считаетъ полезнымъ застрѣлить или побить всенародно; о томъ же, что иногда любовь смѣшивается съ ненавистью, и что враждебныя отношенія могутъ смягчаться иными чувствами, онъ и думать не желаетъ. Все это даетъ ясную физиономію созданіямъ автора, съ силою отводя ихъ отъ всего, что имѣетъ видъ дѣла уже начатаго другими, или

колея рамѣ его проложенной. Даже тамъ, гдѣ по ходу замысла, Лоуренсу неизбѣжно пойдти одною дорогою съ кѣмъ-либо изъ знаменитыхъ сверстниковъ, складъ дарованія беретъ свое, выбивая вымыселъ изъ проторенной уже тропивки. Во всемъ вышесказанномъ мы безъ труда убѣдимся, ознакомившись съ содержаніемъ романа *Гей Ливингстонъ*, и лицами въ немъ изображенными.

Первыя страницы книги, какъ всегда бываетъ въ юношескихъ произведеніяхъ, тянутся довольно вяло. Передъ нами школьныя воспоминанія самого разказчика,—воспоминанія, можетъ-быть еще не достаточно улегшіяся въ его памяти и оттого замѣтныя лишь своею неполнотою и отрывочностію. Но на нихъ не потрачено много времени толпа ребятишекъ и юношей, разсыпавшаяся передъ нами, выведена только для того чтобы въ ней яснѣе обозначилась будущій герой произведенія. Гей Ливингстонъ, школьный герой, повелитель и кумиръ притѣсняемыхъ мальчиковъ, замѣчательнѣе всего по физической силѣ да по упорству характера. Въ пятнадцать лѣтъ отъ роду, онъ имѣетъ видъ суровый и нескладный; только съ помощію особенной провицательности можно догадаться, что нескладность происходитъ отъ неполнаго развитія тѣла, при могучихъ мускулахъ, а угловатое, не привлекательное лицо съ годами станетъ лицомъ красавца. Въ школѣ и въ Оксфордѣ, герой дѣлаетъ все чтó обыкновенно очаровываетъ товарищей-школьниковъ, то-есть волочится за женами учителей, знаетъ всѣ тонкости лошадиной науки, одолѣваетъ записныхъ забіякъ боксеровъ, и въ добрыя минуты лѣзетъ на вѣрную бѣду, заступаясь за любимаго товарища. Небольшимъ числомъ подобныхъ эпизодовъ школьная жизнь кончается, и дѣйствіе переносится въ Лондонъ. Гей Ливингстонъ живетъ въ свѣтѣ и считается блистательнѣйшимъ офицеромъ въ рядахъ королевской лейбъ-гвардіи ¹. Другъ и исторіографъ Гея, Гаммондъ, покинувъ Оксфордъ, нѣсколько лѣтъ

¹ Лейбъ-гвардія въ Англіи, отборная часть гвардіи, имѣетъ кирасы и считается старшею по всей арміи. Въ крымской кампаніи она не участвовала, и со времени Ватерлоо не была въ походахъ: лошади лейбъ-гвардейцевъ до того рѣдки и дороги, что рисковать ими не возможно.

лѣчится въ Италиі и наконецъ, по возвращеніи въ Лондонъ, является къ своему бывшему кумиру и заступнику. Показъ былъ на ученьи, но слуга мистера Ливингстона пригласилъ гостя войти въ комнаты барина, гдѣ его уже ждалъ капитанъ Форрестеръ извѣстный Гаммонду по письмамъ Гея. Капитанъ, другъ хозяина, былъ типомъ деда, но не дедки старыхъ временъ, миновавшихъ невозвратно. Въ его извѣженной манерѣ не было ничего отталкивающаго, его миловидное и женоподобное личико не отличалось чваннымъ или нахальнымъ выраженіемъ. Долгая демократическая школа, которую Европа прошла за послѣднія двадцать пять лѣтъ, навѣки порѣшила съ Нашими и Друмелями. Форрестеръ оказывался просто милымъ и ласковымъ лѣнливцемъ, отчасти избалованнымъ общеою пріязнью всѣхъ его знавшихъ, но неспособнымъ даже на помысль о самолюбивѣмъ подвигѣ нахальства изъ разряда тѣхъ, которые прославили его предшественниковъ. Онъ не ломался ни передъ кѣмъ, не задѣвалъ никого и своими дѣтски-ласковыми пріемами будто просилъ снисхожденія за лѣность и безполезность своей особы. Онъ ласково принялъ Гаммонда и сказалъ, что Гей сейчасъ будетъ дома.

„Въ самомъ дѣлѣ, мы чрезъ нѣсколько минутъ услышали стукъ подковъ и рѣзкій лязгъ стальныхъ ноженъ. Я выглянулъ въ окно: эскадроны вѣзжали на внутренній дворъ казарменнаго строенія. Мои глаза сразу упали на Ливингстона, и не мудро: немногіе въ этой толпѣ красавцевъ, отобранныхъ по одному изъ самыхъ могучихъ людей на сѣверъ отъ Гумбера, могли равняться съ нимъ по росту и широтѣ плечъ. Я съ гордостью глядѣлъ на него, героя моего дѣтства. Мнѣ весело было видѣть какъ онъ сидитъ крѣпко и не колыхаясь, подобно башнѣ, на своемъ огромномъ ворономъ парадерѣ.

„Слуга, впустившій меня, сказалъ ему что-то пока онъ сѣздалъ съ лошади. Я разглядѣлъ какъ черты лица его смягчались и просіяли въ одно мгновеніе, черезъ пять секундъ онъ уже былъ у себя, съ тѣмъ же свѣтлымъ лицомъ,—мнѣ пріятно вспомнить про это,—и держалъ меня за руку, весело произнося слова дружески-искренняго привѣтствія.

„Онъ много перемѣнился, разумѣется,—но перемѣнился къ лучшему. Черты лица, въ дѣтствѣ казавшіяся рѣзкими и суровыми, теперь превосходно гармонировали съ могучими

пропорціями стана вполнѣ развившагося, но нѣсколько под-
старого въ бокахъ, какъ у собаки волчьей породы (wolf hound).
 Выраженіе упорства, которое всегда хранили его губы,
 осталось во всей силѣ и было еще отчасти увеличено чер-
 ными усами, волнистыми и спускавшимися внизъ. Лицо
 Гей припомнило мнѣ лицо каменныхъ крестовосцевъ гля-
 дящихъ на посѣтителя съ гробницъ круглой церкви въ
 Темплѣ.“

Въ нѣсколькихъ дополнительныхъ очеркахъ развивается
 передъ нами нравственная сторона героя, безъ понима-
 нія которой все вышеприведенное описаніе не имѣло бы
 особеннаго значенія. Гей Ливингстонъ — аристократъ и
 денди, но, какъ Форрестеръ, онъ членъ современнаго обще-
 ства и одинъ изъ новыхъ типовъ, еще нѣкѣмъ не испом-
 ленныхъ. Отецъ его убитъ въ испанскую войну. Всѣ Ливинг-
 стоны съ незапамятныхъ временъ были великими вои-
 нами и охотниками; о гражданской и политической дѣятель-
 ности имъ было думать нѣкогда. Величавая, сосредоточен-
 ная, страстная мать воспитала мальчика, никогда не по-
 переча ни малѣйшей его прихоти, но поддерживая въ немъ
 предрасудки и стремленія своей старинной породы. Гей былъ
 настолько понятливъ что еще до совершеннолѣтія распро-
 стился съ отжившими идеями, но добыть себѣ убѣжденія
 новыя и подладиться къ обычному ходу жизни онъ не ста-
 рался, — отчасти изъ любви къ матери, отчасти изъ враж-
 деной неподатливости, отчасти оттого что жизнь шла лег-
 ко, и ломать головы не стоило. Житейская борьба, необ-
 ходимость добыть себѣ хлѣбъ и положеніе, могли бы осмы-
 слить, выдвинуть далеко впередъ эту норманскую, энерги-
 ческую натуру, но ни того ни другаго не предстояло. Гей
 оставался тѣмъ чѣмъ судьба создала его, не тяготясь, не
 набиваясь ни на какую дѣятельность, почти не сознавая
 того, что ему, человѣку созданному для войны или тяжкихъ
 эпохъ кризиса, какъ будто нечего дѣлать при мирномъ за-
 тихьѣ. Индѣйское возстаніе 1857 года показало какъ много
 Ливингстоновъ въ Англіи, и на какія дѣла средневѣковой
 удали способны подобныя Ливингстоны. Конечно, истин-
 ный морякъ тотъ, кто остается мастеромъ дѣла и въ бурю,
 и въ утомительное безвѣтріе; однако нельзя назвать несча-
 стною для той страны, у которой есть сыновья, не имѣющие
 себѣ цѣны именно въ горькій часъ бури.

Въ Англiи служба комино-гвардейскаго офицера не тяжела, и потому Ливингстонъ большую часть времени проводить въ вратѣдовскомъ замкѣ своей матери, описанiе котораго необходимо привести хотя въ сокращенiи: такъ много свѣта кидаетъ оно на самую личность героя.

Древнее зданiе Куртонъ Манора стоитъ на берегу рѣки, окруженное дремучимъ, немного запущеннымъ паркомъ. Въковыя аллеи и группы колоссальныхъ дубовъ показываютъ, что замокъ когда-то стоялъ посреди королевскаго заказнаго лѣса. Вся обстановка такова, что сумрачное влiяние ея не можетъ не отражаться даже на самомъ свѣтскомъ и современномъ человѣкѣ. Первая, прiемная зала, съ рѣзнымъ дубовымъ потолкомъ опершимся на дубовыя же четырехугольныя столбы, увѣшана фамилльнымъ оружиемъ и трофеями охоты: тутъ увидите вы военное облаченiе крестоносцевъ, миланскiя кольчуги испещренныя золотомъ, легкiя пышныя кирасы изнѣженныхъ кавалеровъ, и между всѣмъ этимъ чучела медвѣдей, головы кабановъ, оленьи рога, кожи другихъ звѣрей, болѣе рѣдкихъ. Въ залѣ множество портретовъ; подъ однимъ, изображающимъ красиваго молодаго человѣка, въ старой драгунской формѣ, висятъ палашь и мѣдная каска съ конскимъ хвостомъ. Портретъ изображаетъ отца Гея Ливингстона, убитаго въ испанскую кампанiю; палашь и французская кирасирская каска напоминаютъ день его смерти. Въ стычкѣ съ кирасирами Келлермана, полковникъ Ливингстонъ былъ насквозь проколотъ Французомъ захватившимъ сзади; но *Ливингстонъ трудно умираютъ*,—эта особенность признана за всѣмъ ихъ домомъ. Полковникъ стиснулъ зубы, ловко повернулся въ сѣдлѣ, и свалилъ своего противника такимъ ударомъ, который до сей поры всѣхъ приводитъ въ удивленiе. Каска кирасира разсѣчена до чешуи, ее застегивавшей. Любопытно слѣдить, глядя на портреты, какъ одно и то же выраженiе твердости и упорства въ губахъ и всей нижней части лица, проходитъ по всей длинной линiи портретовъ. Вотъ это выраженiе, подъ приподнятымъ забраломъ сѣр-Мелейза Ливингстона вошедшаго на Аскаловскую брешь рядомъ съ силачомъ-королемъ Ричардомъ; вотъ оно, достигшее особой сумрачности, подъ клобукомъ аскетическаго прiора Бернарда; вотъ оно опять, въ значительно-смягченномъ видѣ, на лицѣ одного изъ адъютантовъ принца Руперта,

мужественно кончившаго жизнь въ безбійскомъ сраженіи. Мало того, взгляните въ портреты этихъ прелестныхъ Аансъ и Эдней, и въ нихъ вы найдете ту же черту, живо противорѣчащую магнетической прелести ихъ вѣжныхъ глазокъ.

На солнечной сторонѣ замка, окнами къ цвѣточному партеру, была половина леди Катерины Ливингстонъ. Лѣтомъ у окна, зимой у камина, блѣдая *châtelaine* постоянно сидѣла за вышиваньемъ, какъ сживали принцессы въ старое время. Что за рѣки ковровъ и всякаго шитья выдѣлись изъ этихъ блѣлыхъ, худенькихъ рукъ, за послѣднія двадцать лѣтъ одинокой жизни!

Трудно разказать про всѣ добрыя дѣла, ею сдѣланныя въ окрестности. Она была радушна и ласкова съ гостями, ласкова посвоему, то-есть сдержанно и величаво. Жены и дочери сосѣдей глядѣли на нее съ большою неловкостью и даже страхомъ. Вѣроятно она понимала это, но передѣлать себя не умѣла, а чувство одиночества еще усиливало тѣнь на ея грустномъ лицѣ. Только на одномъ существѣ въ мірѣ сосредоточивались всѣ ея привязанности, и она обожала это существо сильнѣе нежели самый долгъ приказывала; ибо, со времени смерти мужа, у ней не доставало духа пойти наперекоръ самой незначительной прихоти Гея.

Когда у него собиралась большая партія охотниковъ,— она не показывалась по днямъ въ приемныхъ комнатахъ, но какъ бы рано ни назначался часъ выѣзда, едва ли Гей покидалъ свою комнату, не вынося на щекѣ материнскаго поцѣлуя. Она знала, какъ и всѣ сосѣди, необычайную его смѣлость въ верховой ѣздѣ, хорошо помнила сколько разъ одно искусство и твердость въ сѣдлѣ спасали Гея отъ явной гибели. „Много разъ, въ самый разгаръ полеваго дѣла, посѣщала меня, говорить разказчикъ, грустная мысль объ этой блѣдной и одинокой женщинѣ, молящейся и трепещущей въ пустынныхъ покояхъ, за своего любимца....“

Этихъ живыхъ очерковъ довольно, и вслѣдъ за ними мы можемъ прямо перейти къ завязкѣ романа. Гей Ливингстонъ мирно живетъ до той поры, пока наконецъ судьба не сводитъ его съ мужчинами и женщинами одного съ ними покроя. Это не Ловласъ былого времени вмѣняющій себя въ наслажденіе безбожную игру съ слабою женщиной, не мрачный дикарь въ гарольдовомъ плащѣ, воображающій, что

міръ долженъ передъ нимъ преклоняться за его силу духа и доблести, вичтывъ еще не высказавшіяся. Какъ воѣ сильныя животныя (мистеръ Лоренсъ любитъ сравнивать дѣтей своей фантазіи съ тигрицами, лошадьми, борзыми собаками), Гей ласковъ и безвреденъ съ людьми, особенно слабыми. Около него цѣлый кругъ друзей и молодыхъ женщинъ, какъ будто пріютившихся подъ тѣнь этого могучаго дуба; несмотря на свою молодость и славу свѣтскаго льва съ нимъ отецъ или старшій братъ, всегда готовый на услугу, на помощь, на положительное пожертваніе. Онъ полѣзеть въ огонь за Гаммонда извѣдавшаго въ школѣ что значитъ заступничество Ливингстона,—за Форрестера извѣдываго, но благороднаго мальчика,—за свою кузину Беллу Ремондъ, которую собираются, противъ ея воли, выдать за какого-то злаго шотландскаго сутягу. Можетъ-быть его и тѣшить ихъ благодарность, ихъ наивное поклоненіе, ихъ всегдашняя потребность совѣта и помощи, но этого чувства нельзя назвать постыднымъ, тѣмъ болѣе что Гей ихъ не очень занимаетъ. Жизнь ему не скучна, отъ разочарованія онъ далекъ, но все-таки онъ смотритъ вдаль, все-таки не въ силахъ примириться съ настоящимъ, заснуть подъ сладкія рѣчи людей около него пріютившихся. Можетъ-быть тутъ разгадка его отчаянныхъ охотъ, его ѣзды на бѣшеныхъ лошадяхъ, его поѣздокъ за море, въ Парижъ, въ Гомбургъ, гдѣ можно сильно играть на жизнь и деньги. Потомукѣ воиновъ, сыну война и воину въ душѣ не куда броситься, о крымской кампаніи еще никто не пророчить, Индія далека отъ возстанія, Гарибальди грузить купеческія суда, Ломбардія еще и во снѣ не видитъ своего освобожденія!... Хотя бы минутная потребность родимому краю въ человекѣ, который можетъ повалить пятерыхъ непріятелей! Хотя бы кружокъ людей такихъ же упорныхъ и сильныхъ, съ которыми можно поцѣловаться и навраждоваться вдоволь! Последнее отыскать легче, и вотъ мало-помалу около Ливингстона сходятся люди одного съ нимъ закала, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается разыгрываться драма ве джизивнаго разбора.

Леди Катерина Ливингстонъ давно уже замышляетъ женить своего сына. Съ этою цѣлю она поддерживаетъ лондонскія связи, собираетъ гостей въ Куртонъ-Маноръ. Двѣ дѣвушки, по знатности рода и своимъ достоинствамъ, вра-

вѣтся ей болѣе прочихъ. Гей оиѣ вращается оиѣ, не взирая на ихъ крайне-противоположныя натуры. Оиѣ самѣ еще недостаточно выяснилъ свое чувство къ миссъ Флорѣ Беллессизъ и леди Констанціи Брандонъ; но внутренній голосъ безошибочно говоритъ, что и къ той и къ другой оиѣ находится въ отношеніи равенства, безъ всякихъ признаковъ власти или покровительства. Миссъ Флора обрисована авторомъ съ цѣлѣтостью, отъ которой отвыкъ современный читатель. Сквозь эти перы, взгляды газели, волны морей, однакоже обрисовывается фигура высокой, изящной, гордой брѣтетки, испорченной свѣтомъ, доведшей кокетство до размѣровъ поэтической смѣлости, умной, насмѣшливой, острой на языкъ и сосредоточенно-чувственной. Въ исторіи можно найти типы подобныхъ женщинъ; при власти и отсутствіи противодѣйствія, оиѣ доходила до послѣднихъ граней преступленій, какъ напримеръ кровожадная Джіованна Неаполитанская, или та красавица королева, которая бросала своихъ мертвыхъ любовниковъ въ рѣку изъ Нельской башни. Миссъ Флора любитъ Ливингстона, любитъ его можетъ-быть очень чистою любовью, но между ею и героемъ романа есть и для вражды довольно поводовъ. Она доводитъ до отчаянія людей связанныхъ съ нимъ пріязнью, она оскорбляетъ женщинъ нравившихся ему въ его дѣтскіе годы; въ ней, при всей нравственной силѣ, положительно нѣтъ того, что извиняетъ нѣкоторую величавость Гей, то-есть тихой ласковости ко всему слабому, молодому, кроткому и не становящемуся на чужой дорогѣ.

Другая героиня романа, которой нравственная энергія высказывается только въ послѣдствіи, принадлежитъ къ разряду лицъ положительно типическихъ. Миссъ Констанція Брандонъ, высокая блѣдуристая красавица (пропускаемъ опять лазурь морей и золото Феба), съ правильными чертами лица, съ губами нѣсколько тонкими и поражающими прелестью выраженія только людей весьма сблизившихся съ миссъ Констанціей. Сблизиться съ нею не легко, даже полюбивши ее, даже чрезвычайно ей поврававшись. Сдержанность чистой и гордо-стыдливой натуры, помимо всѣхъ симпатій и желаній брошенной въ болото свѣтской жизни, сказывается въ каждомъ движеніи этой дѣвушки. Дуракамъ она можетъ показаться холодной, пыкій

воженикъ придетъ въ ужасъ отъ ея мнимой надменности; можетъ-быть одинъ лишь опытный знатокъ женскихъ, за старостью лѣтъ ни къ чему непригодный, догадается, что любовь такой женщины способна дать и трудъ, и счастье на цѣлую жизнь человѣка. Гей Ливингстонъ инстинктивно признаетъ превосходство миссъ Констанціи Брандонъ; первыя движенія его сердца всегда правильны, но на однихъ первыхъ движеніяхъ еще не построилъ себѣ здравой житейской тактики. Безъ большихъ усилій, Гей Ливингстонъ отстраняется отъ миссъ Флоры; дѣлаетъ предложеніе Констанціи, радуется получивъ ея согласіе. Но женихъ и невѣста, не взирая на взаимную симпатію, не взирая на обоюдное прамодушіе, еще не успѣли дочитать первой страницы своего романа. Имъ весело вмѣстѣ, но они оба—загадка другъ для друга. Для обоихъ еще не настала пора полного сближенія; оба они ласково, но недоувѣрчиво приглядываются другъ къ другу. Имъ не вѣрится, что въ свѣтѣ, въ океанѣ разврата и себялюбія, могутъ встрѣтиться и сдружиться двѣ гордыя, сильныя, но чистыя душою натуры. Для уясненія самихъ себя другъ другу, для полной гармоніи, имъ нуженъ быть-можетъ не одинъ годъ жизни подъ общимъ кровомъ... но судьба не даетъ имъ этого, и только въ годину отчаянія, при крушеніи послѣдней надежды на счастье, женихъ и невѣста вполне угадываютъ то, чего они оба стоять и чѣмъ могли бы быть при иныхъ условіяхъ. „Передайте Гею, говоритъ лордъ Могокъ (о которомъ мы сейчасъ упоминаемъ подробнѣе), передайте ему, чтобъ онъ берегъ себя какъ только можетъ. Я зналъ отца миссъ Флоры; онъ былъ убитъ на дуэли; въ тридцати пяти годахъ своей жизни онъ совѣстилъ больше зла и пороковъ чѣмъ кто-либо изъ людей мнѣ извѣстныхъ!“

Читатель догадывается, что миссъ Флора достойна своего родителя, хотя ее нельзя назвать злою женщиной. Ея гордость не глубоко задѣта пренебреженіемъ Ливингстона; ежедневные успѣхи въ свѣтѣ быстро залѣчиваютъ эту рану. Но миссъ Флора чувствозна какъ Джіованна Неаполитанская. Она не въ силахъ отдать другой женщинѣ красавца и силача ломающаго куски желѣза, перваго вздока Адама, садящагося не задумавшись на любую бѣшеную лошадь, юношу съ геркулесовскою грудью. Смѣлость замысла и ловкость съ какою онъ выполненъ, показываютъ въ по-

ручикъ-романтистъ дарованіе крайне-оригинальное. До Гея Ливингстона, всякій англійскій писатель съ ужасомъ отшатнулся бы отъ совѣтника предложившаго ему изобразить типъ чувственной аристократической дѣвушки. Но въ книгѣ нами разбираемой, этотъ типъ приведенъ съ разительною ясностью, безъ жесткихъ поясненій, безъ всякой непристойной подробности, безъ всякаго утонченнаго намека изъ разряда тѣхъ намековъ, которые хуже отъявленнаго неприличія.

Свадьба Гея и миссъ Констанціи назначена къ осени: цѣлый столичный сезонъ остается для борьбы между двумя соперницами. Счастливая невеста слишкомъ чиста душою для того чтобы предвидѣть опасность ей грозящую; оттого; въ строгомъ смыслѣ слова, тутъ не можетъ быть долгой борьбы; одинъ ударъ, нанесенный вовремя, прямѣе всякихъ изворотовъ вель къ данной цѣли. Миссъ Флора ждала своей минуты, поддерживая дружескія отношенія къ своему бывшему поклоннику, не выказывая никакой неприязни къ будущей его супругѣ. Ей было жалко, что Гея женится; она въ томъ открыто признавалась. Его семейная жизнь и домашніе интересы должны были положить предѣлъ ихъ прежнимъ веселымъ отношеніямъ *en bon camaraderie*, ихъ спорамъ, ихъ дружескимъ шуткамъ другъ надъ другомъ, ихъ отчасти эксцентрическимъ, но привлекательнымъ охотамъ. Женитьба Гея напоминала и ей, что пора покончить съ молодостью, увѣстися на одномъ мѣстѣ, въ послѣдній разъ провести сезонъ веселою, независимою дѣвушкой. На этомъ основаніи миссъ Флорѣ было весьма удобно дѣйствовать и выжидать своего часа.

И вотъ, на одномъ балѣ, въ чьемъ-то загородномъ замкѣ, ловкая тигрица почувствовала, что подошла минута броситься на свою добычу. Гея Ливингстонъ пріѣхалъ поздно; какой-то особенный обѣдъ въ офицерской мессѣ задержала его болѣе обыкновеннаго. На Гея вино никогда не дѣйствовало замѣтнымъ образомъ; одинъ лишь зоркій глазъ миссъ Флоры могъ замѣтить, что бѣшеная ливингстонская кровь на этотъ разъ обращается быстрѣе обыкновеннаго. Она шепнула слова два преданнѣйшей изъ своихъ подобострастныхъ поклонницъ — командное слово хитраго полководца, рѣшающее судьбу цѣлой кампаніи! Гея

подождем къ невѣсть, которая на этотъ вечеръ оказалась холоднѣе, сосредоточеннѣе обыкновеннаго. Обязательная карьера съ будущею женою прошла скучно. Онъ провальсировалъ съ миссъ Флорой; танецъ ихъ длился болѣе и былъ сто разъ живѣе. Почти задыхаясь, соблазнительница прошла въ зимній садъ и бросилась на кушетку между цвѣтами. Все вокругъ было пусто и заманчиво. „Это нашъ послѣдній вальсъ, сказала она Гейю, какъ товарищъ говорить своему товарищу: это наша послѣдняя шалость передъ старостью.“ Ливингстонъ сѣлъ около нея, невольнo любясь на ея глаза, на плечи, ея платье какой-то прозрачной матеріи, цвѣта морской воды, съ разсыпанными по немъ букетами гераніума. Миссъ Флора шутило и грустно стала набрасывать исторію ихъ будущей семейной жизни: Гей приметъ должность по выборамъ и станетъ выкармливать огромный скотъ для хозяйственныхъ выставокъ; она выйдетъ за ревниваго богача, который не подпуститъ ея на выстрѣлъ къ строеніямъ Киртонъ Манора.

— Впрочемъ я сама туда не поѣду, заключила она свою рѣчь и вздохнула. Изъ-подъ маски веселаго, незыскательнаго товарища юности, вспыхнулъ взглядъ влюбленной женщины.

Еще минута, и Гей Ливингстонъ, не помня себя, цѣловалъ искусительницу, а миссъ Констанція Брандонъ, заведенная въ зимній садъ тою креатурой, съ которою перешептулась миссъ Флора, стояла передъ забывшеюся группой.

Не много странно свести три энергическія натуры и устроить между ними смертное столкновение при помощи водълау, хотя бы и крайне неприличнаго, принимая во вниманіе всѣ предшествовавшія обстоятельства. Оно отчасти похоже на залпъ тяжелой батареи по зайцу; но общественное мнѣніе въ Англіи имѣетъ свои цензурныя условія, переступить которыя рѣшится лишь одинъ полужителенно грязный писатель. А поступить изъ разряда литераторовъ уважаемыхъ въ клыку эротическихъ писакъ никому не весело. Итакъ поцѣлуй долженъ оставаться поцѣлуемъ изъ разряда самыхъ разрушительныхъ въ мірѣ. Гей Ливингстонъ и миссъ Констанція Брандонъ остались

одни въ зимнемъ саду: она—твердая и спокойная какъ умирающій гладиаторъ, онъ—полный гнѣва, какъ человѣкъ смертно обидѣвшій : угадою человѣка, раздраженный тою мыслью, что невыносимо-дѣломудренная невѣста подстерегла его злонамѣренно. Ихъ объясненіе хорошо ведено авторомъ; намъ особенно понравилась одна психологическая черта, безъ которой не были бы совсѣмъ понятны послѣдующія событія. Рѣчь Ливингстона дерзка и почти не достойна джентльмена; но въ самыхъ рѣзкихъ и неправедныхъ выходкахъ грѣшника отражается безпредѣльная, имъ самимъ еще не вполнѣ сознавая любовь къ прежней невѣстѣ. „Я предостерегаю васъ, миссъ Констанція,“ говоритъ онъ послѣ первыхъ словъ разрыва. „Я не романтикъ и всегда говорю все что думаю. Когда вы выберете человѣка болѣе меня достойнаго, не спѣшите соединеніемъ. Повремените вашимъ согласіемъ, поберегите его. Или, еще лучше, подождите моей смерти.“

Черезъ день послѣ катастрофы Ливингстонъ уже во Франціи. На твердой землѣ у него много друзей: кузина Изабелла, убѣждавшая съ Форрестеромъ и сдѣлавшаяся супругой капитана, самъ разкащикъ на время оставившій Англію, наконецъ тотъ лордъ Моговъ, съ которымъ мы собирались знакомить читателя. Лордъ Моговъ, какъ характеръ, стѣбитъ всего произведенія; за него именно поручикъ Лоуренсъ и попалъ въ Байроны. Это колоссъ и силачъ, до времени посѣдѣлый, воинъ въ полномъ смыслѣ слова, человѣкъ выбитый изъ обычной житейской колеи, чрезъ печальную исторію своей юности. Онъ увезъ замужнюю женщину; лордъ Маннерингъ, мужъ его возлюбленной, отмстилъ за безчестіе тѣмъ, что не соглашался на разводъ съ бѣглою женой. Моговъ поступилъ въ австрійскую службу; на родинѣ ему не было ни крова, ни почета. Но и въ чужой землѣ жизнь удавалась не легче. Любимая женщина, убитая своимъ двусмысленнымъ положеніемъ, гасла на его глазахъ цѣлые годы. Въ злою минуту, неосторожная шутка иностранца оскорбляла эту женщину; при ссорахъ, обычныхъ въ военной жизни, первое рѣзкое слово противника падало на особу, за которую лордъ Моговъ былъ готовъ идти на всѣ мученія. Онъ застрѣлилъ на дуэли нѣсколькихъ товарищей, и это еще усилило тягость: никто не говорилъ громко, но шепотъ, усиливался втрое. Наконецъ она умерла. Моговъ

вернулся домой и поселился въ старомъ, угрюмомъ загородномъ домѣ, посреди одного изъ безпокойнѣйшихъ уголковъ Ирландіи. Тамъ онъ охотился, рыскалъ безъ дѣла по окрестностямъ и изрѣдка принималъ немногихъ пріятелей. Сосѣди его боялись, буйное населеніе окрестныхъ деревень подстрѣкаемое демагогами (тогда было время волненій въ Ирландіи) глядѣло на лорда Могона крайне мелаково. Иногда наскучивъ Ирландіей, ѣздилъ онъ въ Парижъ, въ Гомбургъ, въ Бадень, играя, сходясь съ такими же безпокойными скитальцами какъ самъ, и натываясь на мрачныя исторіи, которыя однѣ могли еще шевелить его могучую натуру, отступившую отъ всякой разумной дѣятельности.

Одинъ эпизодъ изъ приключеній лорда Могона въ Ирландіи принадлежитъ къ числу разказовъ, которые остаются въ литературѣ навсегда, хотя онъ не имѣетъ никакого отношенія къ исторіи Гея Ливингстона. Мы остановимся съ особеннымъ вниманіемъ на означенномъ эпизодѣ. Разказъ идетъ отъ третьяго лица, не принимающаго участія въ романѣ. Передаемъ его съ нѣкоторыми сокращеніями.

„Въ началѣ декабря 184* года, разказывалъ Фредъ Керью, мы сидѣли и обѣдали въ замкѣ лорда Могона послѣ удачной охоты. Кромѣ меня и хозяина, тутъ были лордъ Клонгарфъ и жена моя Катя. Едва обѣдъ начался какъ раздался цѣлый градъ ударовъ въ главную дверь строенія. Фрицъ, старый слуга Могона, вывезенный имъ изъ Австріи, сошелъ внизъ, отворилъ двери и былъ сбитъ съ ногъ ворвавшимся въ нее человѣкомъ. Особа, вломившаяся такъ отчаянно, носила имя Михаила Келли и совокупляла званіе страпчачаго съ занятіями по управленію полудюжины окрестныхъ помѣстьевъ. Исправляя двѣ сказанныя должности, Келли нажилъ ненависть всего окрестнаго населенія, которое изловило его на пути домой въ этотъ вечеръ, нахреваясь убить его, напередъ помучивши какъ слѣдуетъ, съ тою изобрѣтательностью, за какую этотъ великодушный и пылкій народъ достойно славится.

„Враги Келли не спѣшили исполненіемъ своего умысла; они заперли его гдѣ-то на чердакѣ, дали знать сосѣдямъ, и въ ожиданіи желаннаго часа, пьянствовали въ нижнемъ

этажъ. Жертва кое-какъ добралась до окошка; спустилась изъ него и во весь духъ бросилась бѣжать къ ближайшему строенію, а ближайшимъ строеніемъ, по несчастію, оказался домъ Ральфа Могона. Двое мальчиковъ, видѣвшихъ бѣгство и открывшихъ вриютъ страпчого, подняли тревогу и крикъ, какой обыкновенно подается во время охоты за лисицами.

„Вотъ все, что могли мы понять изъ прерывистыхъ словъ поствителя, лежавшаго у нашихъ ногъ, задыхавшагося и почти доведеннаго до безчувствія агоніей страха.

„Моговъ во все время разказа сидѣлъ на столѣ приемной залы, покачивая ногами и глядя на своего гостя съ лѣнливымъ вниманіемъ человека смотрящаго на кривлянья какой-нибудь новооткрытой и вновь-привезенной обезьяны. Когда разказъ былъ конченъ, онъ холодно показалъ рукой на двери.

„Никогда не забуду я крика испущеннаго жалкимъ существомъ при видѣ этого жеста.

„Я вопросительно взглянулъ на Ральфа.—Мой домъ не приютъ для страпчого, сказалъ онъ на это.—Изъ-за одного того, что ваша жена подъ моею кровлею, я долженъ быть остороженъ. Въ нашемъ краѣ, подобныя исторіи не дѣтская забава.

„—Катя въ это время вышла къ намъ изъ столовой. Она услышала послѣднія слова, и сказала, вспыхнувъ отъ гнѣва.

„—Если мое присутствіе мѣшаетъ первымъ законамъ человѣколюбія, то въ такомъ случаѣ, полковникъ Моговъ, я готова оставить вашъ домъ сейчасъ же.

„Ральфъ слегка улыбулся и вѣжливо наклонилъ голову.

„—Успокойтесь, мистриссъ Керью. Если вамъ угодно испытать нѣсколько возбуждательныхъ оцень, я исполню вашу волю съ удовольствіемъ. Рѣшено, мы за страпчого. Встаньте, сэръ,—полно валяться на полу какъ высвѣченная собака. Вы покуда въ безопасности.

„Едва онъ кончилъ, какъ передъ входомъ послышался шумъ толпы, переговоры шепотомъ, потомъ стукъ въ дверь и слова: „намъ надо говорить съ полковникомъ, сейчасъ же“.

„—Я здѣсь; что вамъ надо? сумрачно произнесъ Ральфъ.

„—Намъ надо страпчого. Онъ у васъ въ домѣ.

„—Очень жаль; но выдать его мнѣ не угодно.

„— Такъ мы его возьмемъ сами, крикнули два или три голоса.

„— Попробуйте! отвѣтилъ Ральфъ.—А теперь я иду обѣдать. Доброй ночи!

„Тутъ раздался рѣзкій голосъ, еще не говорившій до этого времени.

„—Купайте хорошенько, милый полковникъ, да поскорѣе. Парсъ Делени задастъ вамъ сегодня ужинъ.

„И люди ушли.

„— Этотъ Делени силачъ, каменщикъ, объяснилъ Ральфъ, — его всѣ боится. Будетъ горячая ночь. Фрицъ, отыщите Коввела.

„Пришелъ дворецкій; онъ только что узналъ о случившемся.

„— Приготовьте ружья и штуцера, пули и картечь, сказалъ хозяинъ замка. На насъ нападутъ ночью.

„Смѣлое лицо слуги помертвѣло.

„— Во всемъ домѣ вѣтъ золотника пороху, отвѣчалъ онъ: — а хотѣлъ посылать за нимъ утромъ.

„Моговъ слегка засвисталъ, пожавъ плечами.

„— Не хорошо, сказалъ онъ. Въ пистолетномъ ящикѣ есть зарядовъ пятнадцать. Чтò же дѣлать? будемъ заряжать новымъ зарядомъ. Меддоксъ, обратился онъ къ груму, отдайте Луча, скачите въ А..., передайте полковнику Гардингу, что мнѣ нуженъ взводъ драгунъ. Дорогу стерегутъ; пробирайтесь подъ деревьями, какъ можете. По васъ будутъ стрѣлять, они стрѣлки плохіе. Не испортите лошади.

„Грумъ поправилъ волосы, будто выслушавъ самое простое приказаніе, и вышелъ изъ комнаты.

„—Коввель, продолжалъ Ральфъ, возьмите Фрица и загородите мебелью дѣйствицу. Галлереею обложите матрацами, по два мѣста, только между ними оставьте мѣсто для стрѣльбы. Зажгите всѣ лампы и принесите свѣчи: первые выстрѣлы надымятъ, такъ что ничего потомъ не увидишь. Ну, теперь я думаю можно идти обѣдать?

„Признаюсь, что у меня осталось мало аппетита. Катя ушла въ свою комнату, лордъ Клонтарфъ весело пилъ вино съ хозяиномъ; опасность не наложила ни малѣйшей тѣни на его лицо, розовое и юное какъ лицо пажей на картинахъ Буше.

„Я ушелъ провѣдать жену, и когда воротился, то не засталъ уже своихъ собесѣдниковъ на галлерей, которая огибала

двѣ стороны зданія. Единственный доступъ въ жилые покои былъ по каменной, не очень широкой лѣстницѣ. Кухня и службы находились въ нижнемъ этажѣ почти необитаемаго строенія.

„Ральфъ имѣлъ при себѣ пистолеты, а кавалерійскій его палашь, длинный и тяжелый, но удивительно ловкій для схватки, лежалъ подъ рукою.

„—Вотъ какъ мы устроили, сказалъ онъ.—Вы и Коннелъ возьмете ружья. Гладкіе стволы скорѣй заряжаются. да и разстояние не велико. Клонтарфъ, какъ стрѣлокъ не знаменитый, будетъ съ саблей защищать лѣстницу. Кстати, я имѣю сказать вамъ слова два, Керью.

„Онъ отвелъ меня въ сторону; лицо его было сурово и строго.

„—Чѣмъ бы дѣло ни кончилось, сказалъ онъ,—вы отдадите мнѣ справедливость, я не рискнулъ бы волоскомъ вашей жены для спасенія всѣхъ стряпчихъ на свѣтѣ. Но помните одно: если насъ одолѣютъ, держите одну пулю въ запасъ для *меня*. Я знаю этихъ дикихъ бездѣльниковъ. Ей лучше десять разъ умереть нежели попасть въ ихъ руки. Впрочемъ, я надѣюсь, до этого не дойдетъ. Ружья не заряжайте послѣ выстрѣла, Фрицъ станетъ заряжать ружья. Цѣльтесь спокойно, мы не въ состояніи терять ни одной пули. Выберите себѣ саблю или палашь, сзади васъ ихъ довольно. А! вотъ они идутъ. Ну, теперь всѣ по мѣстамъ, и за дѣло!

„Раздался топотъ многихъ ногъ и гулъ набѣжавшей толпы по сторонамъ двери въ аванъ-залу. Вслѣдъ за тѣмъ возвысился чей-то грубый и рѣзкій голосъ:

„—Отвѣчайте разъ навсегда, выдаете намъ стряпчаго, или хотите чтобы вамъ самимъ пришлось плохо? У васъ въ замкѣ женщины, и...

„Мнѣ стыдно сказать, какими словами кончилась угроза. Я принадлежу къ числу смиренныхъ людей, но въ эти минуты я почувствовалъ себя злымъ волкомъ. Могонъ, далеко не смиренный по натурѣ, бѣшено закусилъ усь, и почти дрожащимъ голосомъ произнесъ:

„—Ну, Ширсъ Делени, если вы проживете до утра, то пусть моя правая рука отсохнет!

„Раздался рѣзкій крикъ со стороны нападающихъ, крѣпкая дубовая дверь застонала и заколыхалась подъ ударами тя-

железа бревна, заранѣе приготовленнаго; черезъ двѣ минуты она слетѣла съ петель, и черезъ нее подѣзли три дикія фигуры, съ факелами и пиками; но предводителя ихъ, Делени, не оказалось между передовыми.

„—Вамъ лѣвый фланговый, Керью. Комнелъ, цѣльтесь въ середяго, сказалъ Ральфъ такъ холодно, какъ будто бы дѣло шло о тетеревахъ или другой дичи. Въ то же время онъ спустилъ курокъ пистолета, и бездѣльникъ стоявшій правѣ прочихъ упалъ на порогъ, не шевельнувшись и не крикнувъ, съ прострѣленною головою; дворецкій и я выстрѣлили почти также удачно. Нападеніе приостановилось: но потомъ вся толпа кинулась разомъ, беспорядочно выстрѣлила изъ ружей, и вся незагороженная часть передней залы наполнилась непріятелями.

„Не могу въ подробности передать того, что было послѣ. Они отступали нѣсколько разъ: перейти баррикаду было невозможно; а между тѣмъ, пока ихъ пули безвредно вязли въ матрацахъ, каждый нашъ выстрѣлъ дѣлалъ свое дѣло: человѣкъ стрѣляетъ мастерски, когда у него пороха мало. Однако, несмотря на все, непріятель не отступалъ, а продолжалъ подаваться впередъ, каждый разъ съ удвоенною яростію.

„Нѣсколько разъ слышалъ я, какъ Могонъ ворчалъ съ неудовольствіемъ: „да гдѣ же эта каналья, что онъ не показывается?“ Онъ высматривалъ своего врага Делени. Внезапно я услышалъ съ правой стороны прерывистый крикъ, и, повернувшись, увидалъ лорда Клонтарфа въ ужасномъ положеніи. Приземистый человѣкъ держалъ его за горло и тащилъ съ балюстрады подъ прикрытіемъ облаковъ дыма. Парсъ Делени успѣлъ пробраться на лѣстницу, и схвативъ неосторожнаго мальчика, спрыгнулъ внизъ, въ Абакъ-залу, вмѣстѣ съ своею жертвою.

„Съ радостнымъ крикомъ дикіе звѣри стѣснились около добычи, прежде чѣмъ я успѣлъ подумать о средствахъ спасенія. Вблизи меня раздалось ругательство, заставившее меня вздрогнуть даже въ эту критическую минуту: то былъ голосъ Ральфа, но какой-то дикій и горловой, вслѣдствіе бѣшенства. Не колеблясь ни минуты, онъ соскочилъ съ балюстрады прямехонько въ толпу нападающихъ. Они были пьяны, обезумлены запахомъ крови; но такъ ужасно было для нихъ имя Ральфа, что всѣ отступили на минуту передъ

палатомъ и сверкавшими глазами. Это мгновеніе спасло Кловтарфа. Ральфъ бросилъ его подъ арку ближайшей двери и сталъ между своимъ безчувственнымъ гостемъ и толпой неприятелей. Раздались два или три выстрѣла, но посреди этого хаоса цѣлиться было невозможно, и одинъ боець, именно Делеки, кинулся впередъ, замахнувшись ружейнымъ прикладомъ: „Наконецъ-то!“ дико произнесъ Моговъ и сбѣдалъ шагъ навстрѣчу. Ударъ, способный сваалить бегемота, былъ ловко отраженъ движеніемъ палаша, и въ ту же секунду, однимъ быстрымъ и ловкимъ ударомъ, Ральфъ разобѣлъ лицо разбойника, отъ бровей до подбородка.

„Пирсъ упалъ, товарищи кинулись черезъ его тѣло, но оны напали на человѣка, въ свое время не пугавшагося полудюжины венгерскихъ гусарскихъ сабель. Куда ни бросались оны, всюду встрѣчало ихъ остріе палаша и удары самые жестокіе. Слова отшатнулись оны, а въ то же время Делеки, очнувшись отъ своей жестокой раны, ловко протѣлъ впередъ, и весь въ крови, изрыгая проклятія, попытался повалить Ральфа на полъ, ухвативъ его колѣни.

„Брр! тутъ произошло дѣло, которое иногда и теперь по ночамъ мнѣ снится.

„Ральфъ поглядѣлъ внизъ, на врага, поглядѣлъ, и засмѣялся.

„Рука его съ палатомъ описала широкій кругъ въ воздухѣ, а затѣмъ Моговъ наступилъ ногой на равнаго, и опустивъ руку, буквально припилилъ его къ полу. Эти уши ясно слышали какъ сталь заскрипѣла по камню. Затѣмъ послѣдовали страшныя послѣднія судороги....

„Послѣ того на нѣсколько мгновеній все затихло. Ирландцы, какъ оробѣвшіе бараны, стѣснились около выхода: у нихъ не было зарядовъ, и ни одинъ человѣкъ не смѣлъ двинуться впередъ, черезъ ужасную преграду лежавшую теперь между ними и страшнымъ кирасиромъ.

“Все мною разказанное произошло вдвое быстрѣе нежели я разказываю. Я стоялъ и колебался, не зная сойдти ли къ Ральфу, или идти, куда звалъ меня долгъ—къ бѣдной моей женѣ. Фрицъ находился позади меня, безъ движенія и пристѣвши на колѣна; ему было приказано охранять меня до послѣдней крайности, но за то предатель, буфетчикъ Коннелъ, не выдержалъ и всталъ на ноги.

„—Чортъ возьми! сказалъ онъ:—я рубиться не мастеръ,

однако надо выручать барина,—и полѣзъ черезъ балюстраду и матрацы. Зоркій глазъ полковника замѣтилъ самое первое его движеніе.

„—Ни съ мѣста, Коннелъ, сказалъ онъ твердо, коротко и рѣзко.—Оставайтесь тамъ, я и одинъ управлюсь.

„И нагнувъ голову, онъ взмахнулъ палашомъ, а потомъ кинулся на разбойниковъ.

„Не удивительно, что они еще разъ отшатнулись: его лицо и вся фигура страшно преобразились, каждый волосокъ его окладистой бороды приподнялся отъ ярости, демонъ убійства зажегъ въ глазахъ Могона красное пламя.

„Въ это самое время раздался на дворѣ оглушительный крикъ, которому отвѣтилъ крикъ моей жены, молчавшей все время. Сначала я думалъ, что нападающіе взбираются къ окнамъ, но скоро понялъ что въ послѣднемъ крикѣ слышалась радость. Бѣдная Катя! Не даромъ она жила со мною въ казармахъ: стукъ стальныхъ кавалерійскихъ ноженъ былъ ей знакомъ какъ нельзя болѣе. Драгуны примчались во всю прыть коней, но на дворѣ и кругомъ дома остались лишь убитые и умирающіе. Могонъ проводилъ бѣглецовъ, и послѣдними ударами повалилъ двухъ оставшихъ. Мы снова вошли въ залу, и въ это время одинъ изъ раненыхъ приподнялся съ пола, умоляя о пощадѣ. Жалкій бѣднякъ, лучше было бы ему просить милости у голоднаго тигра въ Индіи! снова опустилась рука, такъ часто опускавшаяся въ эту ночь, жалкій голосъ мольбы смѣнился смертнымъ воплемъ,—и когда мы подскочили къ Ральфу, онъ уже съхладнокровнымъ видомъ обтиралъ свой палашъ, окончившій работу.

„Дрожь пробѣжала у меня по тѣлу, когда я тронулъ его протянутую руку. Коннелъ задрожалъ и перекрестился...“

Пора однако вернуться къ самому роману.

Гей Ливингстонъ въ Парижѣ, съ Ральфомъ Могономъ и другими товарищами, жадными до игры, сильныхъ ощущеній и оргій. Цѣлая панорама мрачнаго безпутства, дуадей, гибельныхъ излишествъ, проходитъ передъ нами; изрѣдка во всей этой отчаянной гадости мелькнетъ какое-нибудь благородное дѣло, проблескъ души, заблуждающейся, но не безчестной. Миссъ Флора Беллесизъ тоже въ Парижѣ, окру-

живая толпой старыхъ и новыхъ поклонниковъ. Ея не пугаетъ бѣшеная жизнь Гея; ей извѣстно, что эта жизнь не можетъ длиться, и она спокойно ждетъ своего часа. И Ливингстонъ готовъ вернуться къ хитрой оболъстительницѣ, когда новое осязательное доказательство ея вѣроломства наконецъ открываетъ глаза герою романа.

Безпорядочная жизнь и душевное горе раздражили характеръ Гея, раздражили до того что постоянный и повидимому вѣрный слуга его Виллисъ счелъ за нужное оставить своего барина. Черезъ нѣсколько дней по его уходѣ, въ числѣ обыкновенныхъ писемъ, Гей получаетъ записочку, при чтеніи которой отчаянный стонъ вылетаетъ изъ его груди. Записка писана рукою Констанціи Брандонъ! „Я силюсь увѣрить себя, пишетъ бывшая невѣста, что вы не получили моего письма, посланнаго назадъ тому два мѣсяца... Но я рѣшаюсь писать снова... Я умираю; мнѣ остается жить нѣсколько недѣль, если не дней. Не знаю, позволять ли мнѣ увидать васъ,—но все-таки пріѣзжайте. Я не должна умереть не сказавъ вамъ нѣсколькихъ словъ...“ Любовь и предсмертная тоска слышались въ этомъ письмѣ; но гдѣ же было первое, писанное за два мѣсяца, первое письмо, которое могло бы предохранить и Гея, и можетъ-быть миссъ Констанцію, отъ всего чтò принесено было этими двумя горькими мѣсяцами?

Минуты были дороги. Поручивъ Ральфу розыскъ о пропавшемъ посланіи, Ливингстонъ полетѣлъ въ Англію. Онъ зналъ, что можетъ-быть ѣдетъ на смерть; до него дошло извѣстіе, что братъ миссъ Констанціи прибылъ изъ Индіи; онъ зналъ, что этотъ братъ далъ клятву сосчитаться съ человѣкомъ обидѣвшимъ его сестру и единственную родственницу въ мірѣ. Но еслибы Гей и могъ бояться кого-нибудь, чего-нибудь, то настоящее положеніе дѣлъ не позволило бы ему думать про опасность. Бѣдный герой чувствовалъ, что любитъ миссъ Констанцію всѣми силами души своей; только наканунѣ вѣчной разлуки гордое сердце его поняло, какое сокровище отнято у него судьбою. Не помня себя отъ страсти и отчаянія, Ливингстонъ прискакалъ на родину, далъ знать бывшей невѣстѣ о причинахъ своей медленности, и весь вечеръ, подобно мальчику-любовнику, провелъ подъ окномъ ея дома. Но окна были закрыты и завѣшены: бѣдная дѣвушка уже не могла переносить свѣ-

жаго вочнаго воздуха. Только одно изъ оконъ ѳотворилось на минуту, и въ окнѣ показалась красивая, мрачная, грозная фигура молодого человѣка, по чертамъ лица сходнаго съ миссъ Констанціей. Черные глаза энергически сжатые губы молодого Брандона говорили, что съ этимъ юношей страшно встрѣчаться на тѣсной дорогѣ. И несмотря на то, воротясь домой, Ливингстонъ нашелъ у себя записку отъ миссъ Констанціи. Ей было *дозволено* одинъ разъ, и *только одинъ*, увидѣться съ человѣкомъ, отъ котораго она умирала.

Мы не беремъ передавать содержаніе одной изъ лучшихъ сценъ во всемъ романѣ, послѣдняго свиданія Гея съ любимою, умирающею дѣвушкой. Она писана слезами и кровью, если можно такъ выразиться. Исчезнулъ послѣдній слѣдъ гордости и неразумія; Гей съ рыданіемъ лежитъ у ногъ существа до тѣхъ поръ имъ не понятаго, называетъ себя убійцей, и порывы его отчаянія уступаютъ лишь кроткимъ утѣшеніямъ миссъ Брандонъ. Она приказываетъ ему простить ея непріятелей, не принимать вызова отъ ея брата, если будетъ вызовъ, требуетъ чтобъ онъ перемѣнилъ жизнь и сталъ инымъ человѣкомъ. Три часа любовники проводятъ, не отрываясь другъ отъ друга; эти три часа—горькій медовый мѣсяцъ всей страсти передъ раскрытою могилою.

Черезъ нѣсколько дней миссъ Констанція умираетъ и Гей Ливингстонъ находится на волосъ отъ смерти. Жестокая болѣзнь поразила его почти немедленно послѣ свиданія съ бывшею невѣстой. У постели больного находятся лучшіе его друзья, прибывшіе въ Лондонъ. Леди Катерина Ливингстонъ отъ него не отходитъ, Ральфъ Могонъ привезъ изъ Парижа вѣрныя доказательства тому, что первое письмо миссъ Брандонъ къ Гею было перехвачено по распоряженію миссъ Флоры. Но леди Катерина не охотно подпускаетъ Ральфа къ больному; ей конечно страшно видѣть эту суровую фигуру возлѣ блѣдной, изглоданной болѣзнію фигуры ея сына...

Желѣзное сложеніе не уступило недугу, Ливингстонъ начинаетъ медленно оправляться. Съ одра болѣзни встаетъ человѣкъ совершенно новый, безъ слѣда бывшей гордости и строптивости; три часа у ногъ умирающаго ангела изломали, пересоздали, осмыслили эту неукротимую натуру воина. Ни одного рѣзкаго слова, ни одного камриза, даже

дозволеннаго больному, ни одного помысла о мщеніи такъ заслуженномъ нѣкоторыми... Разказъ Могона о преступныхъ дѣйствіяхъ миссъ Флоры встрѣченъ холодно, извѣстіе о смерти миссъ Констанціи не вызвало проклятій или взрывовъ безумнаго отчаянія. Ливингстонъ только приказалъ не принимать никого изъ посѣтителей: въ одиночествѣ, въ молчаніи, можетъ-быть въ давно-забытыхъ молитвахъ провелъ онъ цѣлый день послѣ роковаго извѣстія... Лордъ Могонъ не зналъ что подумать, услыхавъ объ этомъ.

Прошло еще нѣсколько дней, Ливингстонъ, слабый и исхудалый, сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, когда ему доложили, что дама, не сказывающая своего имени, желаетъ его видѣть на самое короткое время. У Гея занялся духъ: онъ чувствовалъ, что настала минута страшнаго испытанія, что ему предстоитъ встрѣча съ женщиной погубившею и его, и существо которое онъ любилъ болѣе своей жизни. Предчувствіе оказалось не лживымъ предчувствіемъ; черезъ минуту миссъ Флора Беллесизъ явилась на порогъ его кабинета.

Инстинктивно выполняя родовой законъ вѣжливости передъ женщиной, Ливингстонъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ей навстрѣчу. „Признайтесь, что вы удивлены визитомъ,“ шутливо сказала миссъ Флора, дружески протягивая свою маленькую руку; но рука Гея только встрѣтилась съ нею безъ пожатія, безъ слѣда той сдержанной силы, которая когда-то такъ нравилась чувственной дѣвушкѣ...

Она сѣла и попыталась начать дружескую, насмѣшливо-нѣжную бесѣду прежнихъ дней искушенія, отвѣты хозяина были коротки и холодны.

— Я полагаю, сказалъ онъ между прочимъ, я полагаю что вы имѣете сообщить мнѣ нѣчто важное; безъ этого вы не могли бы рѣшиться посѣтить меня, холостаго и одиокаго человѣка.

Безконечная увѣренность миссъ Флоры начала колебаться. И для нея стало ясно, что приближались минуты роковаго испытанія.

— Гей, сказала она, говорите со мной ласковѣе.— Не глядите на меня такимъ страннымъ взглядомъ.

— Да, намъ пора объясниться, сказалъ онъ коротко и

рѣзко.—Миссъ Беллесизъ, по какому праву осмѣлились вы перехватить письмо ко мнѣ адресованное?..

Она попробовала представиться удивленною. Ливингстонъ съ презрѣніемъ объявилъ, что слуга ея подкупленный признался во всемъ и на бумагѣ скрѣпилъ подписью свое признаніе. Отвѣты миссъ Флора были опасны и хорошо разчитаны.

— Не смѣя упрекать меня въ этомъ дѣлѣ. Я сама не знала что дѣлала. Я не знала, что она больна при смерти. Гей, пожалуйте меня...

— Вы не знали что она больна при смерти? Но вы знали что ее убьетъ ея письмо,—и такое письмо! — оставшееся безъ отвѣта! Вы знали все что она выстрадала, прежде нежели рѣшилась написать его. Вы знали все это, и не будьте вы женщиной, я бы отдалъ мою душу за право отмстить обидчику. И если я не могу мстить, то могу ли не чувствовать обиды и не понимать преступленія?..

Горькое сознаніе пораженія, отчаянное чувство, изъ-за котораго люди искали смерти и кидались въ безнадежную стѣчу, сильно уязвило душу, не привыкшую къ пораженіямъ.

— Такъ вотъ ваше рѣшеніе? вскричала она гнѣвно, и глаза ея засверкали, и губы судорожно сдвинулись.—Послѣ всего что я вынесла, послѣ всего чѣмъ я для васъ жертвовала, я сама принесена въ жертву этой тѣни, этой блѣдной и холодной статуѣ благоправія?..

Тутъ миссъ Флора съ усиліемъ остановилась, и хорошо сдѣлала.

Ливингстонъ вскочилъ на ноги, вся его бывшая сила къ нему вернулась, демонъ бѣшенства, хорошо знакомый Ральфу Могому, еще не былъ совершенно изгнанъ изъ этой неукротимой натуры.

— И вы смѣете оскорблять ее, ее передъ ея недавней могилой, оскорблять меня, еще не прожившаго мѣсяца съ ея смерти? Это опасныя шутки, берегитесь!

Миссъ Флора все-таки была женщина, не взирая на свой смѣлый духъ и неукротимое сердце. Ужасъ охватилъ ее при видѣ этого забывшагося, вытянувагося во весь ростъ великана, ея собственный гнѣвъ замеръ передъ его гнѣвомъ, какъ замираетъ лагерный костеръ передъ пламенемъ степи объятаго пожаромъ. Она закрыла лицо руками и задрожала въ припадкѣ чисто физическаго ужаса. Это

спасло ее. Гей устыдилася своего бѣшенства, и рѣчь его стала ласковѣе.

— Простите меня. Я забылся, я не имѣлъ никогда и, кажется, никогда не буду, имѣть власти надъ собою. Теперь намъ пора разстаться. Вы были у меня слишкомъ долго, вамъ нельзя рисковать орбой для человека, который даже не можетъ платить вамъ за то благодарностию. Мы никогда не встрѣтимся болѣе.

— Да, намъ нужно разстаться, сказала она.—Но неужели мы разстанемся врагами? Ахъ, Гей, неужели вы не скажете мнѣ ласковаго слова? Припомните часы, которые я старалась сдѣлать для васъ радостными... Подарите меня на разставанье однимъ дружескимъ выраженіемъ участія...

И она схватила руку больного.

Онъ отвѣчалъ тихо и не торопиво; каждое слово звучало какъ звучать засовы запираемой тюремной двери.

— Изъ всего прошлаго я помню одинъ вашъ послѣдній поступокъ, и за него никогда, никогда вамъ не будетъ прощенья. Я не желаю вамъ ни счастья, ни несчастья. Между нами не можетъ быть тѣни чего-либо общаго. Пасъ разлучаетъ бездонная пропасть свѣжей могилы, и самая мысль моя не перейдетъ этой пропасти, призываю Господа моего въ свидѣтели!...

Этимъ горькимъ прощаніемъ, по нашему мнѣнію, романъ долженъ былъ бы окончиться съ добавленіемъ нѣсколькихъ страницъ послѣдняго эпизода. Но молодой романистъ ведетъ насъ въ Италію, гдѣ Ливингстонъ теряетъ своего друга Форрестера, предательски убитаго бывшимъ поклонникомъ настоящей мистриссъ Форрестеръ. Убійца съ адскимъ искусствомъ скрывается отъ преслѣдованій, и это обстоятельство пробуждаетъ уснувшую энергію Гей. Безъ отдыха и остановки, Гей преслѣдуетъ предателя изъ края въ край, изъ города въ городъ, неотступностию своею изумляетъ лучшихъ офицеровъ полиціи и напослѣдокъ овладѣваетъ виновнымъ. Все это очень занимательно и показывается въ Ливингстонѣ человека готоваго отдать душу свою за друга, но мы сознаемся, что дѣятельность сыщика насъ мало трогаетъ, даже кажется намъ вовсе не соответствующею тому, чего мы въ правѣ ждаты отъ героя, просвѣщеннаго тяжкимъ страданіемъ и часами проведенными у

востела любимой, умирающей женщины; мы хотѣли бы видѣть новаго Ливингстона на войнѣ, въ парламентѣ, посреди трудовъ и страстей сообразныхъ съ его богато-одаренною натурой, наконецъ онъ былъ бы понятенъ въ горькомъ и безотрадномъ бездѣйствіи; но полицейская неумолимость и поимка убійцы — чистая авторская неловкость. Тутъ вѣтъ ни величавой скорби разбитаго сердца, ни задатковъ новой широкой дѣятельности.

Заключительный эпизодъ романа болѣе достоинъ авторскаго таланта. Ливингстонъ опять на родинѣ, опять въ замкѣ своей матери, посреди небольшого круга людей преданныхъ. Если въ душѣ своей онъ сталъ инымъ человѣкомъ, то эта перемѣна не высказывается въ его дѣятельности и образѣ жизни; скорбь гнететъ его душу, не позволяетъ ей выискивать себѣ новыхъ путей, новыхъ интересовъ. Къ душевной тоскѣ присоединяется вѣчто въ родѣ предчувствія близкой кончины. И предчувствіе не обманываетъ его; на одной охотѣ съ борзыми (охотѣ описанной со страстію истиннаго собачника) Ливингстонъ, на минуту забывъ свою апатію, въ жару преслѣдованія, хочетъ перескочить изгородь на своемъ великолѣпномъ конѣ, издавна привыкшемъ къ подобнымъ подвигамъ. На бѣду, въ минуту прыжка, заднія ноги лошади поскользнулись, и вѣрный скакунъ тяжело грянулся о землю, придавивъ вздока подъ собою. Когда товарищи подъѣхали къ Гюю, ихъ опытный глазъ безъ труда проникъ всю безнадежность его положенія. Спинная кость была сломана, не оставалось надежды на жизнь, и мало того, кончина должна была произойти медленно, страшно, мучительно.

Вотъ весь первый романъ Лоуренса; при всей блѣдности нашего разказа, мы надѣемся, что причина его успѣха очень понятна. Несмотря на ужасъ послѣдней главы, которой мы не касались, не взирая на эпизоды жесткіе и слишкомъ дѣйствующие на нервы, общее впечатлѣніе можетъ назваться здоровымъ и свѣжимъ. Читателю, давно отвыкшему отъ всего молодаго и энергическаго, пріятно остановиться на этихъ силачахъ-герояхъ; на этихъ смѣ-

лыхъ женщинѣхъ, на этихъ горячихъ сценахъ, совершенно не подходящихъ къ дарованію Троллопа или Бульвера. Слава молодого писателя распространилась быстро, можетъ-быть даже слишкомъ быстро, а результатомъ этой быстрой извѣстности, и неразлучныхъ съ нею книгопродавческихъ искушеній, въ самое короткое время появился новый романъ, который безъ сомнѣнія будетъ ненавистенъ самому автору въ годы его зрѣлости.

Мы можемъ посвятить этому роману лишь нѣсколько замѣчаній; подробнаго разбора онъ не стоить, да наконецъ онъ уже переведенъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, подъ заглавіемъ *Мечъ и Плахо. Sword and Gown* г. Лоуренса не можетъ даже назваться неудачнымъ произведеніемъ; названная книга есть просто сколокъ съ Гея Ливингстона; поэтому, она имѣетъ прелесть для нечитавшихъ Гея, но для знакомаго съ нимъ читателя обильна одною скукой. Такъ подражать самому себѣ возможно лишь въ пору дряхлости таланта, или въ эпоху юношеской неосмотрительности. Къ счастью, однако, не все заслуживаетъ порицанія въ послѣднемъ романѣ Лоуренса: его заключительныя главы не только свидѣлствуютъ о силѣ авторскаго дарованія, но еще и высказываютъ въ немъ новую, истинно поэтическую сторону. Короче сказать, за романы въ родѣ *Sword and Gown* авторовъ ругаютъ нещадно, но они не разрушаютъ надеждъ возбужденныхъ первыми, болѣе счастливыми произведеніями.

На югѣ Франціи, въ одномъ изъ приморскихъ мѣстъ, особенно любимыхъ Англичанами, пріютилось маленькое семейство изъ трехъ лицъ, находящихся между собою въ довольно странныхъ отношеніяхъ. Гарри Молиньюкъ и жена его Фанни принадлежатъ къ разряду людей всѣми любимыхъ и всѣми ласкаемыхъ, такъ они хороши, добры, милы, ласковы и отчасти безпомощны. Оба молоды, оба нѣсколько избалованы общою ласкою, бракъ ихъ былъ бракомъ по страсти, и ихъ любовь поддерживается во всей силѣ печальнымъ обстоятельствомъ: Гарри, отставной кавалеристъ, разстроилъ свое здоровье шумною жизнію и ему угрожаетъ ачка. Третій членъ семейства, другъ и бывшій командиръ Гарри, приобрѣлъ себѣ извѣстность подвигами въ Индіи и жизнію болѣе бурною чѣмъ назидательною. И ростомъ, и мрачною красотой лица, и суровою энергіей духа,

майоръ Ройстонъ-Кинъ рѣзко отащается отъ друзей своихъ: противъ воли своей они глядятъ на него почти какъ на защитника и старшаго брата; для Гарри какъ будто не вѣданы прежнія отношенія субалтернъ-офицера; мистриссъ Фанни и любитъ, и страшится угрюмаго майора. Очень трогательно и мило это изображеніе двухъ молодыхъ и слабыхъ существъ, прикинувшихъ къ сильному человѣку, какъ вѣтвь обвивается около могучаго дуба; но, къ сожалѣнію, вымыселъ не пѣбегъ для насъ ничего новаго, и лица выведенныя авторомъ уже были нами встрѣчены подъ именемъ супруговъ Форрестеровъ, пользующихся защитой и покровительствомъ суроваго кирасира Гея Ливингстона.

Небольшая английская колонія, къ представителямъ которой принадлежатъ Гарри и его семейство, взволнована прибытіемъ миссъ Сесиліи Трезильянь, первой красавицы послѣдняго лондонскаго сезона. Несмотря на авторскія старанія и метафорическій языкъ, какимъ онъ описываетъ свою героиню, она не что иное какъ сліяніе двухъ героинь Гея Ливингстона, то-есть знакомой намъ миссъ Флоры Беллессизъ съ добрыми качествами миссъ Констанціи Брандонъ, и миссъ Констанціи Брандонъ съ гордостью и блескомъ миссъ Флоры Беллессизъ. Новая гостя стоила своей славы и общаго поклоненія; ея прибытіе расшевелило всѣхъ холопковъ и искателей вѣжвыхъ исторій; самъ угрюмый майоръ Кинъ смотритъ на нее не безъ любопытства и симпатіи. Въ свою очередь Ройстонъ-Кинъ интересуется собою дѣвушкой, не выдавшюю другихъ мушкетеровъ, кромѣ львовъ столичнаго круга. Ей занимательны даже неодобрительныя разказы сплетниковъ; она не тревожится тѣмъ, что молодость майора была полна эксцентрическихъ пожденій; ея не ужасаетъ свидѣтельство очевидцевъ о томъ, что Ройстонъ-Кинъ, знаменитый въ Индіи за свою храбрость, портилъ себя военную славу тою жадностью до убійства и кровопролитія, которая всегда разгаралась въ немъ въ минуты боя. Повято, къ чему ведетъ это взаимное вниманіе. Послѣ нѣсколькихъ недѣль въ одномъ городѣ, послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ и прогулокъ, между Ройстонъ-Киномъ и Сесиліей завязывается, противъ ихъ воли, романъ страстный и причудливый какъ они сами. Можетъ-быть романъ этотъ не дошелъ бы до своего полного развитія, еслибы вѣроломное вниманіе одного дѣйствующаго лица не

подлило масла въ огонь начинавшій разгараться. Пасторъ Фуллертонъ, вредное и лицемерное созданіе, давно свѣдѣть за Сесиліей и старается всѣми силами разрушить ея начинающіяся отношенія къ майору, котораго ненавидитъ всею душой. Онъ добываетъ положительное свѣдѣніе о томъ что Ройстонъ-Кинъ женатъ весьма несчастлииво, что жена, отравившая всю его молодость, живетъ гдѣ-то на югѣ Италіи,—и добывъ это извѣстіе, сообщилъ его миссъ Трезильянь въ самую неподходящую минуту, въ кругу ея близкихъ, въ обществѣ людей заинтересованныхъ ея положеніемъ. Ловко подготовленный эффектъ однако пропадаетъ попустому, и Ройстонъ, какъ и молодая дѣвица, достаточно владѣютъ собою для того чтобы не потеряться на первыхъ же минутахъ, а ихъ взаимная привязанность, по своей необузданной силѣ, не можетъ уступать препятствіямъ страшнымъ для свѣта.

Со дня роковаго открытія, герои и героиня обличаются еще болѣе. Ройстонъ-Кинъ не скрывалъ своего несчастнаго брака; если онъ молчалъ о своей женѣ и разлукѣ съ нею, въ томъ не было никакихъ разчетовъ; до его семейныхъ несчастій никому не могло быть дѣла. Онъ не гонялся за Сесиліей, какъ за богатою невѣстой; ихъ отношенія были просто отношенія двухъ друзей сходныхъ натурами. Но когда клевета стала ихъ преслѣдовать, когда ихъ возникавшей любви былъ указанъ одинъ лишь исходъ, и исходъ неминуемо несчастный—ихъ гордость и презрѣніе къ свѣту явились и усилили собою горячность двухъ существъ, и безъ того горячихъ. Послѣ недолгихъ колебаній было рѣшено торжественно разорвать связи съ обществомъ и жить для однихъ себя, наперекоръ всѣмъ приговорамъ и самой будущности. Если бракъ былъ невозможенъ, оставалась возможность жизни вдвоемъ гдѣ угодно, кромѣ Англіи. Любовники рѣшаются уѣхать вмѣстѣ, слово дано, день назначенъ. Ройстонъ-Кинъ отлучается отъ морскаго берега для небольшихъ приготовленій; Сесилія остается одна на сутки, послѣднія сутки дѣвственной жизни, подъ эгидой и законами европейскаго общества, посреди людей одного съ нею края, которыхъ уваженіемъ пользовалась она и пользовался весь родъ ея, и дома и на чужбинѣ.

Судьба, однакоже, не даетъ погибнуть этой блистательной дѣвушкѣ. Сесилія имѣетъ между своими отвергнутыми по-

любовниками одного друга. Этотъ другъ, знаменитый юристъ и свѣтло судебнымъ вѣсть своей родины, подоспѣваетъ на выручку въ самую рѣшительную пору. Рядомъ пламенныхъ доводовъ, онъ раскрываетъ передъ гордою красавицей всѣ послѣдствія ея губительнаго рѣшенія. Сильнымъ словомъ убѣжденія пробуждаетъ въ ней всѣ инстинкты чистой дѣвической натуры и въ довершеніе даетъ знать, что во всякомъ случаѣ онъ, Маркъ Ворингъ, станетъ между двумя любовниками, какъ старшій братъ между сестрой и человекомъ ее губящимъ. Искушеніе миновало благополучно; на слѣдующій день Ройстонъ-Кинъ не находитъ уже своей избранной; миссъ Сесилія Трезильякъ постѣпно оставила морской берегъ и южную Францію.

Все это, какъ читатель видитъ, не очень ново и даже не очень занимательно. Кромѣ лицъ, сходство которыхъ съ дѣйствующими лицами Гея Ливингстона нами указано, въ романѣ найдется еще не мало фотографій съ прежнихъ, удавшихся портретовъ. Лордъ Могонъ снова выглядываетъ на насъ въ мрачной фигурѣ израненаго ротмистра африканскихъ конно-егерей, виконта де-Шатоменаля; пасторъ Фудертонъ взятъ съ шотландскаго адвоката, бывшаго жениха Изабеллы Форрестеръ и убійцы ея мужа.

Но мы уже сказали, что въ романѣ *Sword and Gown*, несмотря на его вопіющіе недостатки, есть эпизодъ, показывающій въ авторѣ силу первокласснаго романиста. Эпизодомъ этимъ заняты послѣднія главы произведенія. Загорѣлась крымская кампанія, войска союзниковъ обложили Севастополь, въ траншеяхъ и на чистомъ полѣ открылась работа множеству людей, не знавшихъ до той поры что съ собой дѣлать. Майоръ Ройстонъ Кинъ однимъ изъ первыхъ откликнулся на призывъ отечества, вступилъ въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ участвовавшихъ въ высадкѣ, и подъ Балаклавой очутился дѣйствующимъ лицомъ въ той загадочной, но героической кавалерійской атакѣ, которой до сихъ поръ ни одинъ военный писатель ни понять, ни объяснить не можетъ. Нелѣпѣйшій приказъ, исторія котораго погибла съ адъютантомъ, его передавшимъ, погубилъ цѣлую бригаду, безропотно бросившуюся на вѣрную смерть, даже безъ надежды столкнуться съ неприятелемъ. Въ числѣ убитыхъ офицеровъ показанъ былъ и герой романа,—но смерть приходитъ медленно къ такимъ сильнымъ людямъ:

майоръ Кинъ израненный, лишившійся лошади, брошенный на пустомъ полѣ, отбился отъ наскочавшихъ казаковъ, и со смертельною раной былъ перевезенъ въ Скутари, въ тотъ самый госпиталь, гдѣ миссъ Найтингейлъ, съ партией неутомимыхъ подругъ, совершала свои христіанскіе подвиги.

И тутъ-то, въ обители смерти и страданія, суждено было развязаться исторіи миссъ Сесалии Тризилиенъ и умирающаго Ройстонъ-Кина. Нужно ли говорить, что Сесалия, посавъ своей разлуки съ любимымъ человѣкомъ, посвятила себя дѣламъ благотворительности, что она прибыла въ Константинополь вмѣстѣ съ миссъ Найтингейлъ, что она проводила дни и ночи у одра раненыхъ, и что въ тотъ день когда госпиталь наполнился жертвами безумнаго балаклавскаго дѣла, на ея руки поступилъ тотъ человѣкъ, который когда-то пробудилъ всѣ любящіе инстинкты въ гордой дѣвической натурѣ.

Ройстонъ-Кинъ хорошо зналъ, что ему остается жизни лишь на нѣсколько дней; Сесалия видѣла, что неутомимая смерть стоитъ на концѣ ихъ послѣдняго свиданія. И не смотря на то, оба успѣли взять свою долю земнаго счастья. Любящіе и неразлучные, смягченныя сердцами, они прильнули другъ къ другу какъ дѣти, и безмѣрно трогательны вышли отношенія умирающаго къ сестрѣ милосердія. Анализировать этотъ послѣдній эпизодъ мы не можемъ; это вышло бы все равно, что анализировать строфу изъ *Чайльдъ-Гарольда*: такъ много въ ней глубочайшей поэзіи и святаго чувства. Достаточно будетъ сказать, что подобному эпизоду и подобной развязкѣ позавидовали бы лучшіе изъ истинныхъ поэтовъ. Странно встрѣтить такой конецъ въ такомъ неудачномъ романѣ; но нельзя не признаться, что писатель, способный заключать свою прозу такимъ блескомъ поэзіи, предназначенъ на что-нибудь не совсѣмъ обыкновенное.

А. Дружининъ.

ЗАПИСКИ СЭРЪ-РОБЕРТА ВИЛЬСОНА

О НАШЕСТВИИ НАПОЛЕОНА НА РОССИЮ И ОБЪ ОТСТУПЛЕНИИ ЕГО АРМІИ.

Въ 1860 году издана въ Лондонѣ книга подъ заглавіемъ: *Повѣствованіе событій, случившихся во время нашествія Наполеона Бонапарта на Россію и отступленія французской арміи въ 1812 году*, соч. генерала сэръ-Роберта Вильсона ¹. Вслѣдъ за нею, въ прошломъ году, въ Лондонѣ же напечатанъ его: *Частный дневникъ о его путешествіяхъ и служебныхъ порученіяхъ, также какъ и о народныхъ событіяхъ, случившихся во время его нахожденія при европейскіхъ арміяхъ въ продолженіи походовъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, отъ нашествія на Россію до взятія Парижа.* ²

¹ Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte and the retreat of the French army. 1812. By general sir Robert Wilson, knight of Maria Theresa, baron of Austria and of the holy Roman empire; grand cross of St. Anne of Russia; knight commander of St. George of Russia, etc. etc. British commissioner at the head-quarters of the Russian army. London. 1860.

² Private diary of travels, personal services, and public events, during mission and employment with the european armies in the campaigns of 1812, 1813, 1814, from the invasion of Russia to the capture of Paris. By the same. in two volumes. London. 1861. Оба сочиненія издавы зятемъ сочинителя, оксфордскимъ магистромъ, пасторомъ Гербертомъ Радольфомъ. Первое изъ нихъ еще въ 1860 году вышло вторымъ изданіемъ.

Оба эти сочиненія замѣчательны не только по своимъ литературнымъ достоинствамъ: сжатости, картинности, силѣ и необыкновенной ясности изложенія, но и въ историческомъ отношеніи, по причинѣ того исключительнаго положенія, которое занималъ Вильсонъ. Какъ англійскій генералъ и военный агентъ англійскаго правительства при главной квартирѣ русской арміи, онъ былъ единственнымъ во всемъ войскѣ офицеромъ, который, не состоя въ подчиненіи главнокомандующаго, имѣлъ право подавать свои мнѣнія на военныхъ совѣтахъ, и былъ обязанъ сообщать своему правительству сужденія свои обо всѣхъ военныхъ распоряженіяхъ. И то, и другое Вильсонъ, какъ видно изъ его записокъ, исполнялъ дѣлательно, иногда, можетъ-быть, съ излишнею настойчивостью, нерѣдко, кажется, съ односторонностію увлеченія, но всегда съ добросовѣстностію, съ правдивостію и по внушенію твердаго убѣжденія.

Обстоятельства предшествовавшей его жизни служатъ объясненіемъ тѣхъ вліяній, подъ которыми онъ находился при составленіи своихъ записокъ. Не зная ихъ, не возможно было бы отличить въ его сужденіяхъ тѣхъ убѣжденій, которыя, будучи внушены пристрастіемъ, не могутъ быть признаны истинными, хотя и высказаны правдиво, отъ тѣхъ мнѣній, которыя, какъ прямое выраженіе его разсудка, согласны съ справедливою историческою критикою.

I.

Сэръ-Робертъ Вильсонъ рано посвятилъ себя военному поприщу: въ концѣ 1793 года, едва достигнувъ шестнадцатилѣтняго возраста, онъ вступилъ въ англійскія войска, находившіяся въ Голландіи, и съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ Ирландіи (1797—1799), другихъ двухъ лѣтъ, съ Тильзитскаго мира до 1808 года, и наконецъ еще двухъ лѣтъ, со времени окончанія португальской кампаніи до 1812 года, почти не сходилъ съ боеваго коня, сражаясь то въ Голландіи, то въ Египтѣ, то на мысѣ Доброй Надежды, то въ Польшѣ и въ Пруссіи, то въ Португаліи и въ Испаніи; посѣтилъ въ это время, кромѣ означенныхъ странъ, Италію, Австрію, Россію, Швецію, Давію,

Малую Азію и Бразилію и видасть вблизи смерти на сушѣ и на морѣ.¹

Въ награду за столь дѣятельную службу, стяжавшую ему между прочимъ одобреніе знаменитаго лорда Веллеслея (въ послѣдствіи герцога Веллингтона), Вильсонъ въ 1812 году, имѣя всего 35 лѣтъ отъ роду, былъ уже генералъ-бригадиромъ англійской арміи, барономъ Священной Римской имперіи, кавалеромъ австрійскаго ордена Маріи-Терезіи и имѣлъ медали австрійскую за военныя дѣйствія въ Голландіи (1794), англійскую за португальскій походъ (1796) и турецкую за египетскій походъ.

Кромѣ качествъ хорошаго боеваго офицера, Вильсонъ, находясь въ званіи великобританскаго военнаго агента при русской арміи во время прусскаго похода, успѣлъ доказать свои способности къ этой должности; во время свиданія двухъ императоровъ въ Тильзитѣ, онъ собралъ нѣкоторыя нужныя для англійскаго правительства свѣдѣнія, для чего даже переодѣвался казакомъ; и потомъ, онъ первый привезъ изъ Петербурга въ Стокгольмъ и въ Лондонъ извѣстіе о намѣреніи Россіи вторгнуться въ Финляндію и разорвать миръ съ Англіей.

Вѣроятно, эти соображенія побудили принца-регента (Георга IV) отправить Вильсона въ Константинополь, съ тѣмъ чтобъ онъ состоялъ въ распоряженіи г. Листона, ѣхавшаго туда въ званіи посланника его великобританскаго величества при Портѣ Оттоманской. По крайней мѣрѣ, сообщая Вильсону объ этомъ назначеніи его, тогдашній статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, лордъ Кастлери (Castlereagh) выражалъ надежду, что его „военная опытность, равно какъ и короткое знакомство съ русскимъ войскомъ и со многими изъ главныхъ въ ономъ начальниковъ“ дадутъ ему возможность „быть полезнымъ г. Листону и

¹ Вильсонъ нѣсколько разъ находился въ опасности потонуть: два раза на пути въ Египетъ, при перѣздѣ изъ Мессины въ Мальту; однажды въ виду бразильскихъ береговъ, когда погибли три корабля изъ англійской флотиліи; еще разъ, при возвращеніи съ мыса Доброй Надежды въ Англію, когда, перѣѣзжая въ шлюпкѣ съ одного корабля на другой, онъ былъ застигнутъ ночью среди Атлантическаго океана; и наконецъ въ Категатѣ, на пути въ Пруссію.

² Чинъ генерала-бригадира, кинъ не существующій, соответствовалъ нашему, также уничтоженному, чину бригадира.

доставлять ему свѣдѣнія о расположеніи и состояніи этихъ войскъ и о ходѣ военныхъ дѣйствій.“

Но еще прежде прибытія Листона въ Константинополь былъ подписанъ Букарестскій договоръ. Такимъ образомъ уничтожалась цѣль посланки Вильсона, который, какъ видно изъ его записокъ, назначался главнымъ образомъ для того чтобы способствовать Листону въ примиреніи Россіи съ Турціей и въ возбужденіи послѣдней къ войнѣ съ Наполеономъ. Впрочемъ Листонъ, познакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Константинополѣ и переговоровъ съ находившимся тамъ русскимъ уполномоченнымъ Италинскимъ, убѣдился въ пользѣ отправленія Вильсона къ императору Александру для представленія, что Букарестскій миръ не можетъ быть надеженъ иначе какъ если Россія, откажется отъ плаванія по рѣкѣ Фазису (то-есть Ріону), составлявшей часть границы ея со стороны азіатской Турціи, и что предположенный проходъ русскихъ войскъ въ Далмацію черезъ турецкія владѣнія послужитъ неминуемымъ предлогомъ къ возобновленію со стороны Турціи военныхъ дѣйствій, къ разрыву мира, который она считаетъ оскорбительнымъ для себя, и къ заключенію ею наступательнаго союза съ Наполеономъ. Кроме того, такъ какъ въ это время уже получено было въ Константинополѣ извѣстіе о вступленіи французской арміи въ Россію, то Листонъ нашелъ нужнымъ назначить Вильсона для состоянія при главной русской арміи въ званіи англійскаго военнаго агента. Италинскій и бывший съ нимъ русскій адмиралъ Грейгъ засвидѣтельствовали Листону, что назначеніе Вильсона въ эту должность будетъ пріятно императору Александру, лично его знавшему, и Листонъ обратился къ турецкому правительству съ требованіемъ о немедленномъ снабженіи Вильсона паспортомъ для отъѣзда въ Россію.

Требованіе это было исполнено не ранѣе какъ черезъ двѣ недѣли: предлогомъ этого замедленія служила печаль султана по случаю смерти его сына, но истинною его причиною было опасеніе дивана возбудить неудовольствіе Франціи. Настоянія Листона одержали однакоже верхъ надъ этими опасеніями, и ¹⁵/₂₇ іюля 1812 года сэръ-Робертъ Вильсонъ выѣхалъ изъ Константинополя; пробылъ три дня въ Букарестѣ для объясненій съ главнокомандующимъ дунайскою арміей, адмираломъ Чичаговымъ, и ²/₁₁ августа, на двадцатый

день послѣ своего выѣзда, уже былъ въ Смоленскѣ, въ кругу своихъ сослуживцевъ по прусскому походу, Беннигсена, князя Голицына и другихъ.

Доведя этотъ обзоръ служебнаго поприща сэръ-Роберта Вильсона до начала его офиціальной дѣятельности въ Россіи въ 1812 году, мы должны упомянуть о личныхъ его свойствахъ: иначе понятіе о его сочиненіяхъ будетъ неполно, ибо свойства эти отражаются въ нихъ съ такою естественною живостію, какая встрѣчается развѣ лишь въ иныхъ портретахъ, поражающихъ своимъ сходствомъ даже тѣхъ людей, которые не знаютъ лицъ, на нихъ изображенныхъ.

Прежде всего, и по преимуществу, сэръ-Робертъ былъ военнымъ человекомъ: первое впечатлѣніе, которое произвелъ на него Константинополь было удивленіе, что столько султановъ могли погибнуть жертвами мятежей въ городѣ, представляющемъ правительству такія удобства для защиты; цѣлый вечеръ, по его собственному сознанию, провелъ онъ въ обдумываніи какъ слѣдовало бы расположить въ Константинополѣ укрѣпленія, и гдѣ распределить караулы. Любовь къ войнѣ преобладала у него надъ всѣми прочими склонностями: какъ только раздавалась гдѣ-нибудь канонада, Вильсонъ уже спѣшилъ съѣсть на коня, чтобы не пропустить случая видѣть какую-нибудь удалую кавалерійскую атаку, или чудную рукопашную схватку, или великолѣпное зрѣлище упорнаго боя на пылающихъ развалинахъ какаго-нибудь города. Бивачная жизнь была исполнена для него неизъяснимой прелести, и онъ съ увлеченіемъ поэта говоритъ, что воспоминаніе прежнихъ битвъ, очарованіе звуковъ военной музыки, радостные крики: ура! переносятъ его въ такой рай, въ которомъ, для полноты наслажденія, не нужно даже непремѣннаго условія Магомета райа.

Понятно, что при такомъ боевомъ настроеніи духа, соединенномъ съ пламенною, восторженною любовью къ Россіи и съ законною, чисто-британскою, ненавистью къ Наполеону, Вильсонъ заслужилъ отъ казаковъ лестное для него названіе „нашъ англійскій генералъ“, и снискалъ пріязнь многихъ изъ тогдашнихъ русскихъ генераловъ, съ которыми уже былъ соединенъ узами военного товарищества прежде, на поляхъ Эйлау, Гейльсберга и Фридланда.

Но именно эта дружба Вильсона съ самыми предпріим-

чивыми изъ русскихъ генераловъ, равно какъ и пристрастіе его къ *лихимъ* схваткамъ и къ *чуднымъ* подвигамъ, съ самаго начала внушили ему неприязнь къ нашему Фабію-Медлителю, который сдерживалъ и озлобленіе Беннигсена, и отвагу Ермолова, и пылъ Милорадовича, и давалъ только одному Платову полную волю бичевать фланги и тылъ отступавшаго врага. По выступленіи изъ Тарутина, неприязнь Вильсона къ Кутузову увеличивалась съ каждымъ сраженіемъ, и возрастая по мѣрѣ того какъ „зловѣй вселенной“ проходилъ мимо русскихъ войскъ подъ Вязмою, подъ Краснымъ и наконецъ окончательно ускользнулъ изъ рукъ у Березины, перешла въ ненависть, заглушившую въ Вильсонѣ всякое чувство справедливости въ отношеніи къ Кутузову и заставлявшую его отрицать въ этомъ полководцѣ не только всякую воинскую способность, но и личную храбрость, и даже чувство преданности отечеству. Вильсонъ, по временамъ, до того ожесточается противъ Кутузова, что даже осыпаетъ его ругательствами, которыя однако не могутъ помрачить славу этого полководца.

Не должно впрочемъ думать, чтобы Вильсонъ во всѣхъ случаяхъ приносилъ справедливость въ жертву своимъ предубѣжденіямъ: не смотря на очевидную нелюбовь свою къ Барклаю де-Толли, онъ съ уваженіемъ отзывается объ его личной храбрости; несмотря на свою ненависть къ Наполеону и ко всѣмъ его маршаламъ-*самозванцамъ*, какъ онъ ихъ называетъ, онъ воздастъ должную дань уваженія пылкой отвагѣ Мюрата подъ Чернишною, благородному мужеству Богарне при Вови, геройскому хладнокровію Нея на походѣ въ Оршу. При видѣ страданій французскихъ плѣнныхъ, ожесточеніе Вильсона противъ Французовъ прекращается: подъ Дорогобужемъ онъ отдаетъ французскому гренадеру сухарь, который уже подносилъ ко рту; въ Тарутинѣ снабжаетъ деньгами взятаго въ плѣнъ племянника генерала Кларка; въ Минскѣ, кромѣ денегъ, дѣлится своимъ скуднымъ запасомъ бѣлья съ плѣннымъ племянникомъ Талейрана. Особенно заботится онъ о плѣнныхъ Испанцахъ и, въ угожденіе дочери своего короля ¹, хлопочетъ въ До-

¹ Старшая дочь короля Георга III, принцесса Шарлотта, была второю супругой Фридриха, перваго короля вуртембергскаго.

рогобужѣ объ отпускѣ на родину двухъ пльнныхъ Виртембергцевъ. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ сердце Вильсона было доступно нѣжной привязанности, служатъ проникнутыя неподдѣльною скорбію строки, которыя онъ посвящаетъ памяти умершаго въ Вильнѣ своего друга и бывшаго адъютанта, лорда Тэрконеля.

Къ этимъ прекраснымъ качествамъ сэръ-Роберта должно присовокупить другія, которыя обнаруживаются въ его запискахъ и которыя должны были придавать особенную прелесть личнымъ съ нимъ сношеніямъ. Получивъ основательное классическое образованіе, онъ еще усовершенствовалъ его, благодаря своей любознательности; вездѣ, куда его заносила кочевая служебная дѣятельность, онъ, посѣщая памятники древности или мѣстности прославленныя исторіей, провѣрялъ личными впечатлѣніями понятія вынесенныя имъ изъ книгъ, и впечатлѣнія, эти умѣлъ передавать живо, умно и изящно. Притомъ, по любви къ художествамъ, наслѣдованной можетъ-быть отъ отца¹, онъ, въ минуты самой кипучей своей дѣятельности, не пропускалъ случая купить для отсылки въ Англію,—въ Константинополь,—обломки какой-нибудь греческой статуи, носившей слѣды искусства рѣзца,—въ Петербургъ, какі-й-нибудь гобеленъ, мозаику и т. п. Вообще изящное, какъ въ искусствѣ, такъ и въ природѣ, имѣло особенную привлекательность для сэръ-Роберта и, не смотря на засвидѣтельствованную его *Дневникомъ* искреннюю привязанность къ своей женѣ, онъ ни разу не забываетъ отмѣтить о встрѣчѣ съ хорошенькою женщиной.

Для составленія полнаго понятія о личности Вильсона, нужно упомянуть еще о настойчивости его, доходившей до упрямства, и самонадѣянности, иногда превращавшейся въ хвастливость. Вильсонъ былъ настойчивъ не только въ дѣлахъ важныхъ, но и въ предметахъ вседневной жизни: на всѣхъ военныхъ совѣтахъ онъ заявлялъ одно мнѣніе—истребить всю армию Наполеона и его смертію утвердить спокойствіе вселенной, и это мнѣніе свое онъ

¹ Отецъ сэръ-Роберта, Векьямилъ Вильсонъ, былъ членомъ Лондонской академіи наукъ (fellow of the Royal Society) и хорошимъ историческимъ живописцемъ; его картина, воскресеніе дщери Іаировой, находится въ госпиталѣ города Лидса.

повторялъ съ такимъ же упорствомъ, съ какимъ Катонъ произносилъ въ римскомъ сенатѣ свое знаменитое: „Delenda est Carthago!“ Но и въ мелочныхъ случаяхъ Вильсонъ любилъ отстаивать свои мнѣнія: посѣщая равнину Трои, онъ сказалъ, что вода въ Скамандрѣ не будетъ ему выше колѣна; его стали оспаривать, и онъ, въ доказательство, весь измокъ перейдя этотъ ручей. Въ Константинополѣ ему вздумалось ходить по городу безъ явычара, и отъ этого не могли отвратить его никакія представленія объ опасности этихъ прогулокъ и о противности ихъ принятому этикету, и т. п. Честолюбивыя и самонадѣянныя его выходки также иногда неволью вызываютъ улыбку. „Стоило бы мнѣ пробить посланникомъ въ Петербургъ одну недѣлю;“ „сѣздить бы мнѣ только въ Вѣну, съ полномочіемъ отъ англійскаго правительства;“ „Будь я въ этомъ случаѣ главнокомандующимъ арміею;“ „Имѣй я только требуемый мною англійскій отрядъ“ и т. д.,—такъ вы простодушныя замѣтки, попадающіяся въ *Дневникъ* Вильсона. Но самое это простодушіе кладетъ несомнѣнную печать чистосердечія и правдивости на этотъ *Дневникъ*, въ который Вильсонъ вносилъ задушевныя свои мысли, записывая ихъ на лету между двухъ маршей у бивачнаго костра, или въ обгорѣлой избѣ, гдѣ дрозъ отъ мороза, или въ бѣлорусской лачугѣ, гдѣ не зналъ, куда дѣваться отъ ребятшекъ, кошекъ и насѣкомыхъ.

Сэръ-Робертъ Вильсонъ никогда не былъ ни посланникомъ, ни главнокомандующимъ, ни даже отдѣльнымъ отряднымъ начальникомъ. Но въ бытность свою въ 1812 году военнымъ агентомъ англійскаго правительства при главной русской арміи, онъ всегда оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, правдиво высказывалъ ихъ и честно держался постоянного своего правила—служить съ пользою для своего отечества. Не ошибался онъ, когда однажды встрѣтивъ въ гостиницѣ гравюру съ картины своего отца, онъ, при видѣ ея, перенесся воспоминаніемъ въ лѣта своей юности, и пройдя всѣ событія своей жизни, въ трогательномъ порывѣ сыновней любви, воскликнулъ: „Еслибы мой отецъ былъ живъ, мнѣ кажется, онъ былъ бы мною доволенъ!“

Самое заглавіе этой статьи показываетъ, что она заключаетъ въ себѣ только ту часть сочиненій Вильсона, гдѣ онъ говоритъ о пребываніи своемъ при русской арміи въ

1812 году. Въ нее не вошли ни событія его предшествовавшей жизни, ни происшествія послѣдующихъ годовъ. Не включены также разказы о дѣйствіяхъ дунайской арміи, корпуса графа Витгенштейна и другихъ отдѣльныхъ частей войскъ, и даже о тѣхъ дѣлахъ главной арміи, которыхъ Вильсонъ не былъ очевидцемъ. Цѣль этой статьи—ознакомить читателей съ замѣчательною личностію сэръ-Роберта Вильсона, передать современныя сужденія многихъ изъ русскихъ генераловъ, которыхъ сэръ-Робертъ былъ вѣрнымъ отголоскомъ, пополнить нѣсколькими достовѣрными анекдотами исторію этой великой эпохи, а не описывать всѣхъ ея событій; что было бы чрезвычайно трудно послѣ сочиненія генерала Богдановича, умѣвшаго такъ искусно соединить занимательность и ясность изложенія съ отчетливостію обработки обширныхъ матеріаловъ бывшихъ въ его распоряженіи. Можно однакоже сказать, въ доказательство достовѣрности фактовъ повѣствуемыхъ сэръ-Робертомъ Вильсономъ, что весь ходъ разказываемыхъ имъ событій, въ изложеніи своемъ, совершенно согласуется съ изложеніемъ генерала Богдановича; между тѣмъ какъ ошибочное правописание большей части собственныхъ именъ, которое издатель объясняетъ неразборчивостію почерка англійскаго генерала, доказываетъ, что его сочиненія не были исправлены по труду русскаго военнаго историка, и напечатаны въ томъ видѣ, въ какомъ вышли изъ-подъ пера сочинителя.

II.

„Quel moment de bonheur, когда я обнялъ моихъ друзей, князя Багратиона и графа Воронцова!“ пишетъ сэръ-Робертъ Вильсонъ въ своемъ *Дневникѣ*, разказывая, какъ отбѣдавъ наканунѣ въ Смоленскѣ у Беннигсена, и явившись къ главнокомандующему Барклаю де-Толли, онъ пріѣхалъ $\frac{3}{15}$ августа 1812 года въ армію Багратиона, расположенную на высотахъ передъ Смоленскомъ. На другой день, чѣмъ свѣтъ, онъ уже сопровождалъ Багратиона въ объѣздѣ передовыхъ постовъ; во время этого объѣзда, ему пришлось остано-

виться, чтобы подковать свою лошадь, и хотя Багратионъ далъ ему бурку и русскую форменную фуражку, но, благодаря своему англійскому мундиру, онъ былъ принятъ за французскаго парламентаря и приведенъ къ графу Сиверсу, который нѣсколько минутъ находился въ томъ же заблужденіи.

Въ послѣдствіи, изъ-за подобной же ошибки, онъ едва не поплатился жизнью и (подъ Тарутинымъ 24 сентября ст. ст.) Уваровъ и графъ Остерманъ Толстой едва успѣли остановить выстрѣлъ егеря, который уже нацѣлился въ него.

До $\frac{1}{2}$ августа Вильсонъ находился при Барклаѣ: описаніе сраженій подъ Смоленскомъ и при Лубинѣ (или при Вадутиной горѣ) принадлежатъ военной исторіи: здѣсь же достаточно упомянуть о тѣхъ встрѣчающихся у него подробностяхъ, которыя, — или какъ лично до него касающіяся, или по другимъ причинамъ, — не могли найдти мѣста въ исторіи, но любопытны какъ разказъ очевидца и одного изъ дѣятелей войны двѣнадцатаго года.

$\frac{5}{11}$ августа, при наступленіи корпуса Понятовскаго на Смоленскъ, Французы устроили 60 ти-пушечную батарею, которая, господствуя надъ мостомъ и понтонами, препятствовала сообщенію русскихъ войскъ, находившихся въ Смоленскѣ, съ главными силами Барклая, стоявшими за Днѣпромъ. Вильсонъ устроилъ батарею на противномъ берегу, и несмотря на то что она состояла изъ меньшаго количества орудій меньшаго калибра, успѣлъ сбить нѣсколько пушекъ, взорвать шесть пороховыхъ ящиковъ и наконецъ принудить Понятовскаго снести батарею. Храбрость русскихъ солдатъ (а именно егерей) въ этомъ сраженіи доходила до того, что заслуживала порицанія: нѣсколько не щадя себя, они безъ нужды выставлялись и бесполезно подвергались смерти и ранамъ. Вопросъ объ удержаніи или уступкѣ Смоленска, возбуждалъ живѣйшее участіе всего русскаго войска: не было генерала, офицера или солдата, который бы не рвался стать въ ряды защитниковъ Смоленска. Въ 11 часовъ вечера, Вильсонъ былъ посланъ осмотрѣть Смоленскъ; онъ привезъ Барклаю отзывъ генерала Дохтурова, привца Евгенія Виртембергскаго и другихъ находившихся тамъ генераловъ, что „они могутъ про-

держаться еще десять дней, если только их снабдят припасами, и что укрѣпленія нисколько не повреждены“. Но Барклай уже рѣшился въ ту же ночь вывести войска изъ Смоленска, опасаясь что ему придется произвести это движеніе днемъ, если Французы пойдуть въ обходъ его лѣваго фланга и такимъ образомъ стануть на пути его сообщенія съ Москвой; защищать же Смоленскъ не рѣшался онъ во избѣжаніе ежедневной траты людей, боясь истощить армію и ослабить ее для будущихъ предпріятій. Напрасно Вильсонъ представлялъ ему о вредномъ нравственномъ вліяніи, которое можетъ имѣть оставленіе *священнаго города Смоленска*. „Этого нечего опасаться“, отвѣчалъ Барклай, „я уже приналя свои мѣры: икона Божіей Матери вывезена и находится у насъ въ лагерѣ; это единственный предметъ придающій городу особенную важность для Русскихъ; ее повезуть при арміи на особой колесницѣ, и я назначилъ батальионъ для постояннаго ея сопровожденія и охраненія“. Ночью войска вышли изъ Смоленска, и, по сожженіи мостовъ, построились въ боевыхъ колоннахъ на противоположномъ берегу.

По занятіи Смоленска непріятелемъ, узнавъ отъ плѣнныхъ, что городъ наполненъ французскими артиллерійскими снарядами и пороховыми ящиками, Барклай приказалъ бросить туда нѣсколько бомбъ: но приказаніе это артиллеристы исполнили весьма не охотно, потому что, *хотя чудотворная икона и была вывезена*, они все-таки опасались за бомбардированіе подвергнуться обвиненію въ святотатствѣ.

Послѣ отступленія войскъ, Вильсонъ ни на минуту не оставялъ Барклая и, когда, при усиленіи пальбы около Валутиной горы, Барклай поскакалъ къ авангарду Тучкова 3, Вильсонъ вмѣстѣ съ его штабомъ и ординарцами послѣдовалъ за нимъ. „Огонь былъ необыкновенно силенъ; но *да поможетъ мнѣ Богъ и мой мечъ*, я скорѣе умеръ бы съ Барклаемъ чѣмъ оставилъ бы поле битвы, и вмѣстѣ съ нимъ я рѣшился не искать спасенія въ бѣгствѣ. Русскія пушки и прикрывавшія ихъ войска, одоlvаемыя ядрами, картечью и пулями, на одно мгновеніе обратились было въ бѣгство, чтобы скрыться за вершиной горы; но въ эту минуту Барклай прискакалъ и, со шпагой въ рукѣ, остановилъ бѣгущихъ, крича имъ: „Побѣда или смерть! „Нужно держаться или погибнуть!“ Его присутствіе духа и

примѣръ воодушевили всѣхъ, вершина горы была вновь занята и, по милости Божіей, армія была спасена!⁴

9/21 августа, видя что Барклай отмѣнилъ свое первоначальное намѣреніе принять сраженіе при Андреевкѣ и отдалъ приказъ идти на Дорогобужъ, Вильсонъ черезъ Вязьму отправился въ Петербургъ, въ сопровожденіи своего капрала, одного изъ своихъ драгунъ и состоявшаго при немъ за адъютанта, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабъ-ротмистра барона Бринкена. Остальныхъ своихъ двухъ драгунъ и своихъ лошадей Вильсонъ оставилъ въ Дорогобужѣ при графѣ Воронцовѣ.

Всѣмъ извѣстны неудовольствія, бывшія между главнокомандующими двухъ западныхъ армій — Барклаемъ-де-Толли и княземъ Багратиономъ. Тѣмъ любопытнѣе слѣдующія сужденія Вильсона, помѣщенные имъ въ двухъ депешахъ на имя англійскаго посланника въ С.-Петербургѣ, графа Каткарта (Cathcart):¹

„Бывъ участникомъ въ событіяхъ, отчасти мною изложенныхъ, могу достоверно засвидѣтельствовать вашему лордству, что несмотря на трудные переходы, безпрестанно дѣлаемые русскою арміей, несмотря на ея утомительныя отступленія и тяжелую службу, она мало пострадала относительно своего первоначальнаго отличнаго состоянія, и что самоувѣренность ея увеличивалась случайностями каждой битвы. Нетерпѣливое желаніе рѣшительнаго сраженія выражается тономъ, который, можетъ-быть, переходить за предѣлы строгой подчиненности; но видъ раззоренія возлюбленнаго отечества усугубляетъ чувство оскорбленія, которое каждый испытываетъ, будучи твердо убѣжденъ, „что бесполезно приносятся въ жертву и добрая слава, и имущество.“⁴

(13/27 августа.) „Нужно сказать, что генералъ Барклай не пользуется довѣріемъ войска. Мнѣ было бы весьма прискорбно говорить въ моемъ донесеніи что-либо против-

¹ Первая изъ этихъ депешъ написана въ Андреевкѣ 10/22 августа и послана изъ Дорогобужа того же числа, то-есть на другой же день, по отъѣздѣ Вильсона изъ арміи, и слѣдовательно подъ живыми впечатлѣніемъ всего имъ видѣннаго и слышаннаго; вторая депеша писана пять дней спустя 15/27 августа, немедленно по приѣздѣ его въ С.-Петербургъ (*Narrative* pp.100—111, 384—387).

вое его выгодамъ, еслибы важнѣйшія общественныя выгоды не зависѣли отъ вѣрной оцѣнки его способностей и побудительныхъ причинъ его образа дѣйствій.

„Итакъ вмѣняю себѣ въ обязанность, хотя и въ неприятную обязанность, сказать, что я считаю генерала Барклая *запуганнымъ* (если только могу употребить это выраженіе) славой своего врага. Я убѣжденъ, что въ веденіи войны онъ не маневрируетъ на основаніи какой-нибудь прочной и заранѣе обдуманной системы, но дѣлаетъ марши безъ достаточной послѣдовательности и методы, которыя могли бы предупредить важное несчастье, въ случаѣ еслибы неприятель сталъ дѣйствовать съ большею энергіей чѣмъ сколько онъ выказалъ ее доселѣ.

„Въ минуту сраженія я видѣлъ его храбымъ, дѣятельнымъ и способнымъ; но этихъ качествъ, когда они проявляются только въ сраженіи, недостаточно, особенно для начальствованія русскою арміей. Войскамъ нужно общее направленіе; вынѣшній кризисъ требуетъ соединенія всѣхъ способностей, составляющихъ великаго полководца.

„Можно надѣяться, что сознаніе этой необходимости и невозможности внушить къ себѣ довѣріе офицерамъ и солдатамъ побудитъ его отказаться отъ своего званія, и съ отпачіемъ служить своей странѣ въ званіи сопряженномъ съ меньшею отвѣтственностію.

„Положеніе дѣлъ слишкомъ отчаянно, нельзя и думать о какой-либо попыткѣ силою утвердить его власть.

„Не могу представить вашему лордству разительнѣйшаго примѣра того, до какой степени дошелъ духъ противодѣйствія послѣ происшедшихъ событій, какъ привелъ слова, сказанныя при мнѣ генераломъ Платовымъ генералу Барклаю послѣ оставленія Смоленска: „Вы видите, я въ одной шивели: я не надѣну болѣе русскаго мундира.“

Еще рѣзче описываетъ Вильсонъ негодованіе войска на Барклая въ своемъ *Повѣствованіи 1812 года*.

Пріѣхавъ въ русскую армію, Вильсонъ нашелъ генераловъ въ раздорѣ съ Барклаемъ, за то что онъ допустилъ неприятеля опустошить столько губерній и не предпринялъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для защищенія линіи Днѣпра. Нѣкоторые желали, чтобы начальство было дано генералу Беннигсену, другіе—князю Багратіону. Когда сдѣлалось извѣстно, что Смоленскъ будетъ оставленъ, генераль Бен-

нигсень оставилъ армию и уѣхалъ назадъ за нѣсколько маршей, съ тѣмъ чтобы повелѣнiе государя о назначенiи новаго начальника прибыло въ его отсутствiе.

Въ *Дневникѣ* своемъ Вильсонъ говоритъ, что, при его отъѣздѣ, *вся армiя убедительно просила его представить государю всю истину*. Въ чемъ должно было состоять его донесенiе, можно догадываться уже изъ предыдущаго: но изъ болѣе подробнаго разказа о порученiи, данномъ ему отъ армiи, видно что кромѣ просьбы о назначенiи новаго начальника, на Вильсона было возложено представить, что „армiя опасается, чтобы настоящею причиною отступательныхъ движенiй не была политика канцлера гр. Румянцева и чтобы не было дано повелѣнiя о прекращенiи военныхъ дѣйствiй и о заключенiи дружбы съ врагами, что напротивъ армiя готова пребыть вѣрною своему долгу и не кончать войны, пока врагъ не будетъ прогнанъ за предѣлы отечества.“ Порученiе это было дано Вильсону, такъ какъ по причинѣ извѣстной его привязанности къ государю, равно какъ и не менѣе извѣстныхъ чувствъ государя къ нему, никто не соединялъ въ себѣ столько условiй для заявленiя передъ государемъ чувствованiй армiи, тѣмъ болѣе что причины, побудившия его принять на себя это порученiе, не могли подвергнуться подозрѣнiю. Съ своей стороны, сэръ-Робертъ Вильсонъ, обсудивъ съ должнымъ вниманiемъ столь важное порученiе, рѣшился исполнить его въ той мѣрѣ, въ какой оно касалось вопроса о мирѣ и войнѣ; онъ и взялся за него лишь съ тѣмъ чтобы исполнить его со всевозможною мягкостiю... Впрочемъ онъ взялся сказать, что удаленiе графа Румянцева изъ министерства поддержитъ полную вѣру въ мѣры правительства.

Но попятiе о расположенiи умовъ въ армiи будетъ неполно, если не привести еще слѣдующаго отзыва Вильсона о воодушевленiи войска:

„Люди желающiе перемѣны (то-есть вся армiя) возражаютъ на неопровержимый доводъ о численномъ превосходствѣ непрiятеля тѣмъ, что сила непрiятеля не единоплеменна и что она не состоитъ изъ такихъ опытныхъ войскъ, съ какими Русскимъ приходилось сражаться прежде испанской войны; настаиваютъ на томъ, что непрiятельская конница пришла въ худшее положенiе, тогда какъ русская — сравнительно въ лучшее; что русская артиллерiя безспорно дѣйствуетъ го-

раздо успѣшнѣе, хотя она и слабѣе по численности; и наконецъ на томъ, что каждый человѣкъ въ русской арміи до такой степени преданъ дѣлу, какъ будто бы судьба всей страны зависѣла отъ однихъ его усилій.“¹

Изъ Вязьмы Вильсонъ заѣхалъ въ имѣніе графа Панина, которому привезъ извѣстіе объ оставленіи Смоленска: графъ принялъ его съ большимъ радушіемъ, и въ разговорѣ продолжавшемся четыре часа сообщилъ ему болѣе свѣдѣній о положеніи Россіи чѣмъ Вильсонъ самъ „могъ бы приобрести ихъ въ теченіи столькихъ же лѣтъ“. Если вспомнить, какое важное мѣсто графъ Никита Петровичъ занималъ нѣкогда въ государствѣ, то справедливость этого отзыва не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Въ трехъ стахъ верстахъ отъ Петербурга, Вильсона нагналъ ѣхавшій изъ арміи великій князь Константинъ Павловичъ, который, войдя въ комнату, гдѣ Вильсонъ только что успѣлъ переодѣться, посадилъ его и разговаривалъ съ нимъ около часа.

„Со времени Тильзитскаго мира я не удостоивался благорасположенія его высочества, но на этотъ разъ онъ разстался со мною нѣсколько благосклоннѣе. Въ продолженіи разговора, онъ упомянулъ о *Наполеонѣ*; отвѣчая, я назвалъ его *Бонапартомъ*. „О комъ говорите вы?“ спросилъ цесаревичъ. „О Бонапартѣ, ваше высочество, о Бонапартѣ!“—„Я думалъ, возразилъ онъ, что вы говорите о *Луцианѣ*, а не о *Наполеонѣ*, *императорѣ Франціи*, *королѣ Италіи* и проч.“—„Я знаю, ваше высочество, отвѣчалъ я, что вы познакомились съ нимъ подъ этими титулами, и увѣренъ, что сожалѣете о томъ; я, слава Богу, въ другомъ положеніи, и даже по требованіямъ этикета не могу давать ему никакого почетнаго титула.“ Великій князь не разсердился за мою вольность--- Верстъ съ сотню далѣе я встрѣтилъ князя Кутузова, который ѣхалъ принять начальство надъ арміями, употребить въ дѣло Беннигсена и такъ далѣе.² Князь вышелъ изъ экипажа, и мы около часа разговаривали подъ навѣсомъ--- Мнѣ очень лестно было его дружеское приглашеніе возвратитъ-

¹ Денеша ¹¹/₂₂ августа.

² Неблаговоленіе, обнаруженное въ послѣдствіи княземъ Кутузовымъ къ Беннигсену и кончившееся высылкой этого послѣдняго изъ арміи, имеетъ особенное ироническое значеніе этому: и такъ далѣе.

ся въ армію. Взявъ меня за руку, онъ сказалъ: „Возвращайтесь не теряя времени. Я очень нуждаюсь въ такихъ „сослуживцахъ какъ вы, и въ совѣтѣ, и въ полѣ.“¹

„Вечеромъ 27 (15) числа я пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ гостиницѣ *Европы*, гдѣ нашелъ моего добраго пріятеля лорда Тэрконеля.“²

Въ Петербургѣ собственно начиналось для Вильсона исполненіе роли дипломатическаго агента, возложенной на него англійскимъ правительствомъ, или точнѣе, англійскимъ посланникомъ въ Константинополь, г. Листономъ. Но, по пріѣздѣ своемъ, онъ узналъ, что англійскій посланникъ въ Россіи, генераль графъ Каткартъ отправился въ Або, чтобы присутствовать при свиданіи императора Александра Павловича съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, Бернадотомъ.

Въ тотъ же день, донося Каткарту о прибытіи своемъ въ Петербургъ, Вильсонъ писалъ, что назначенія Кутузова не достаточно для успокоенія умовъ, и что вся армія, дворянство и прочія сословія ожесточены противъ графа Румянцева: „Теперь нѣтъ возможности вступать въ пренія о томъ, согласно или несогласно было съ мудрою политикою допустить непріятеля до Смоленска, такъ же какъ и о томъ, была ли потеря этого города просто военною ошибкою или слѣдствіемъ *соглашенія съ предначертаніями министерства?* Это не крики какой-нибудь партіи, но убѣжденіе людей умныхъ, равно какъ и самыхъ безразсудныхъ, самыхъ умѣренныхъ, равно какъ и самыхъ раздраженныхъ, что Румянцевъ велъ войну съ Англіей, чтобы сохранить миръ съ Франціей; безъ пользы сгубилъ сто тысячъ чловѣкъ въ Турціи, единственно въ угоду Франціи; кромѣ войны съ Англіей и войны съ Турціей (въ окончаніи которой не имѣлъ никакого участія), допустилъ тѣхъ же самыхъ Французовъ, для чьихъ выгодъ принесъ всѣ эти жертвы, напасть

¹ Упомянувъ объ этомъ свиданіи съ княземъ Кутузовымъ въ депешѣ отъ 15/27 августа, на имя лорда Каткарта, Вильсонъ говоритъ, что князь, на прощаніи, сказалъ ему: „Vous êtes un galant homme et Anglais: j'espère que vous vous proposerez de dire à l'Empereur les vérités que vous venez de me dire.“ (Вы честный чловѣкъ и Англичанинъ: надѣюсь, что вы настрены сказать государю тѣ истины, которыя сейчасъ мнѣ высказали.)

² Графъ Георгъ Тэрконель (Turkonne). бывшій въ послѣдствіи адъютантомъ при Вильсонѣ и командированный имъ въ армію Чичагова, ум. 8/хв декабря 1812 г. въ Вильнѣ.

врасплохъ на Россію; наконецъ войну эту началъ уступкою семи губерній и привелъ непріятеля къ воротамъ Москвы; всѣ убѣждены, что такой министръ долженъ лишиться своего мѣста въ предупрежденіе дальнѣйшихъ несчастій, которыя могутъ произойти отъ его измѣны или неспособности. Что касается до меня, я не личный врагъ канцлера, напротивъ я готовъ чувствовать доброе расположеніе къ нему, какъ къ частному лицу; но я не исполнилъ бы своего долга, если бы не довелъ до вашего свѣдѣнія чувствованій всей страны въ отношеніи къ нему какъ къ министру.“

Вильсонъ цѣлую недѣлю ожидалъ въ Петербургѣ возвращенія государя. Обѣ императрицы, Марія Феодоровна и Елисавета Алексѣевна, сдѣлали ему самый благосклонный приемъ; вдовствующая государыня удостоила его слѣдующаго отзыва: „Генераль! Пріѣздомъ своимъ вы оказываете величайшую услугу моему сыну и государству. Это новое одолженіе, которымъ мы вамъ обязаны, въ добавокъ ко многимъ прежнимъ. Надѣюсь часто васъ видѣть во время вашего пребыванія здѣсь.“ Лордъ Каткартъ также писалъ Вильсону: „Вашъ пріѣздъ въ столицу и вашъ образъ дѣйствій въ теперешнее критическое время оказали важную услугу.“ Дѣйствительно, въ Петербургѣ всѣ были встревожены, зная, что всѣ архивы, казна и дворцовыя драгоценности были уложены и приготовлены къ отсылкѣ.

Объ обществѣ Вильсонъ пишетъ, что оно было очень малочисленно, потому что бѣольшая часть дворянства разъѣхалась по губерніямъ. Вильсонъ былъ разъ во Французскомъ театрѣ, въ тотъ день когда г-жа Жоржъ играла роль Федры; не смотря на знаменитость этой актрисы, ложи и кресла были почти всѣ пусты. „Такое патриотическое пожертвованіе удовольствіемъ было мнѣ очень пріятно: я жалѣлъ только, что оно не было ранѣе.“

Въ самый день своего возвращенія въ Петербургъ (22 августа) государь удостоилъ Вильсона приглашеніемъ къ обѣду и потомъ имѣлъ съ нимъ конфиденціальныя разговоры, который продолжался цѣлые два часа съ половиною. Вильсонъ вышелъ изъ кабинета императора, проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ его разсудительности и любви откровенности.

„Мнѣ не возможно, пишетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, передать что-либо изъ говореннаго о политическихъ предметахъ.

Долгъ, честь и торжественно данное мною обѣщаніе не позволяютъ мнѣ это сдѣлать. ¹ Могу только сказать, что государь совершенно одобрилъ всѣ мои мнѣнія по военнымъ дѣламъ и что я прочелъ ему свою военную депешу (о битвахъ подъ Смоленскомъ). Относительно войны, могу прибавить, что онъ объявилъ мнѣ свою рѣшимость продолжать ее, еслибы даже потерялъ Петербургъ и Москву, доколѣ останется при немъ хотя одинъ человекъ въ имперіи.“

Порученіе, данное ему г. Листономъ относительно домогательства Турціи о восстановленіи ея прежнихъ границъ въ Азіи, уступленныхъ ею по Букаретскому миру, Вильсонъ долженъ былъ передать прибывшему въ Петербургъ англійскому посланнику: „Я думаю, говорить онъ въ своемъ *Дневникѣ*, что еслибы я могъ получить полномочіе лорда Каткарта на одну только недѣлю, я, изъ любви къ общей пользѣ, согласился бы за это провести всю остальную жизнь въ одиночествѣ и былъ бы счастливъ убѣжденіемъ, что вмѣшательство мое въ государственныя дѣла сопровождалось бы благими послѣдствіями для цѣлаго міра---“ „Но, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, пріѣздъ лорда Каткарта связалъ мнѣ языкъ по нѣкоторымъ предметамъ; какъ и прежде, дипломатическій этикетъ, въ ущербъ международныхъ выгодъ, представилъ мнѣ препятствія“.

Несмотря на то, Вильсонъ лично подалъ государю записку о требованіяхъ Порты и при этомъ разказалъ, что, въ случаѣ удачи его переговоровъ, великій визирь обѣщалъ ему, кромѣ другихъ наградъ отъ султана, деньгами до 50 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. „Что же отвѣчали вы?“ спросилъ государь. „Я засмѣялся, отвѣчалъ Вильсонъ, и выразилъ надежду, что его предложеніе основывается не на опытѣ подкупа англійскихъ агентовъ. Тогда великій визиръ произнесъ: „Алла иль Алла!“ засмѣялся вмѣстѣ со мною и сказалъ, что какъ только онъ увидѣлъ улыбку на моемъ лицѣ, то былъ увѣренъ, что его попытка со мною не удастся; потому что всѣ дипломатическіе барышники (jobbers), съ которыми онъ имѣлъ дѣло, всегда представлялись чрезвычайно

¹ Но въ послѣдствіи, въ *Повѣствованіи о 1812 годѣ*, Вильсонъ передаетъ всѣ подробности этого разговора. Любопытные могутъ прочесть его на стр. 114—118 англійскаго подлинника.

разсерженными, пока онъ ни ублаговорялъ ихъ, предлагая имъ вдвое противъ первоначальной цѣны...» Императоръ весьма весело замѣтилъ, что по опыту знаетъ, какъ Турки набиваютъ цѣны (spoil the market) своими чрезмѣрными предложеніями; и при этомъ прибавилъ, что Русскимъ обыкновенно приходится употреблять тѣхъ же сводчиковъ (contractors) и агентовъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, Вильсонъ присутствовалъ въ Александро-Невской лаврѣ при торжественномъ празднованіи тезоименитства государя императора. „Это было одно изъ занимательнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ зрѣлищъ въ свѣтѣ;— я никогда не видалъ ничего величественнѣе. Императрица украсила церемонію несравненною прелестью своего присутствія. По окончаніи службы, князь Горчаковъ прочелъ депешу князя Кутузова, извѣщавшую о поражени Бонапарта въ большомъ сраженіи. Чтеніе это имѣло дѣйствіе неописанное. Потомъ были провозглашены награды пожалованныя государемъ.“¹

²/₄ сентября Вильсонъ имѣлъ прощальную аудіенцію у государя, который, дозволивъ сэръ-Роберту Вильсону находиться при русской арміи въ званіи великобританскаго комиссара, „разрѣшилъ ему, по этому званію, употреблять всѣ зависящія отъ него средства и все свое вліяніе на защиту правъ императорской власти, во всѣхъ случаяхъ, когда онъ усмотритъ расположеніе или намѣреніе дѣйствовать во вредъ или въ ущербъ сихъ правъ.“ Прощаясь съ нимъ, „его императорское величество объявилъ торжественно, что ручается честію и уполномочиваетъ его во всей точности объявить, что не вступить самъ и не дозволить никому вступить въ какіе-либо переговоры съ Наполеономъ, пока хотя одинъ вооруженный Французъ останется на землѣ Русской.“ „Скорѣе, прибавилъ государь, я отрощу бороду по поясъ и стану питаться картофелемъ въ Сибири.“ Государыни императрицы повторили Вильсону каждая въ свою очередь

¹ Вильсонъ въ послѣдствіи укоряетъ Кутузова въ приписаніи себѣ победы подъ Бородинымъ и въ томъ, что въ доносеніи своемъ онъ будто бы умолчалъ объ отступленіи своемъ за Можайскъ. Изъ *Исторіи* генерала Богдановича (II. 230) видно, что это несправедливо, и что, при обнаруженіи доносенія Кутузова, въ немъ было опущено извѣстіе объ этомъ отступленіи.

порученіе отъ лица ихъ передать „твердое увѣреніе въ непреклонной рѣшимости государя тѣмъ изъ вліятельныхъ начальниковъ войска, которые удостоены чести пользоваться ихъ довѣренностію.“

На другой день (3¹/₁₆ сентября) Вильсонъ выѣхалъ въ армію, не дожидаясь назначеннаго къ нему въ адъютанты отъ русскаго правительства барона Бринкена, который остался въ Петербургѣ по случаю перемѣны своей обмундировки. Вильсона сопровождалъ его пріятель, лордъ Тэрконель, котораго лордъ Каткартъ далъ ему въ адъютанты со стороны англійскаго посольства. Кромѣ того съ нимъ ѣхали его капрадь, камердинеръ Тэрконеля и фельдъегерь.

О тогдашнемъ настроеніи его можно составить понятіе по слѣдующимъ словамъ, за нѣсколько дней до отъѣзда внесеннымъ въ его *Дневникъ*: „Съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе люблю Россію!“ Въ Твери Вильсонъ узналъ объ оставленіи Москвы; не доѣзжая пятидесяти верстъ до нея, вмѣстѣ съ Тэрконелемъ, при заревѣ пылающей столицы, онъ своротилъ съ петербургской дороги на владимірскую и, черезъ Коломну, Каширу и Серпуховъ, 10¹/₂₃ сентября, настигъ главную армію на старой калужской дорогѣ, въ позиціи при Красной Пахрѣ, которую армія заняла только наканунѣ. Послѣдніе три дня они ѣхали подъ непрерывнымъ проливнымъ дождемъ, „но намъ приходилось забывать наши неудобства, при видѣ бѣжавшихъ изъ Москвы и покрывавшихъ дорогу дворянъ и гражданъ; они являли благородный примѣръ патриотизма: не было ни одного изъ нихъ, кто бы не гнушался скорбѣть о своихъ личныхъ потеряхъ, и когда я объявлялъ имъ рѣшимость государя не прекращать войны, пока хотя одинъ вооруженный Французъ останется на Русской землѣ, многіе отъ радости плакали, многіе старые и молодые, мужчины и женщины, цѣловали меня; они радовались какъ могли бы радоваться другіе, еслибъ ихъ потери были вознаграждены и еслибы кончилось ихъ скитальчество. Тѣми же чувствами одушевлены и всѣ чины въ этомъ знаменитомъ войскѣ. Меня почти задушили ласками, когда я ручался въ непреклонности императора.“ На владимірской дорогѣ, Вильсонъ встрѣтилъ князя Багратіона, котораго послѣ раны подъ Бородинымъ и по оставленіи Москвы, несли гренадеры на носилкахъ. Увѣреніе Вильсона было принято имъ съ восторгомъ: онъ

судорожно сжалъ ему руку и оказалъ: „Любезный генералъ, благодаря вамъ, умру спокойно, ибо если такъ, то Россія вѣрно не осрачится! *Accipio solatium mortis!*“ (Это мое предсмертное утѣшеніе).

Здѣсь кажется не будетъ неумѣстно привести характеристику Багратіона, дружбою котораго Вильсонъ всегда гордился, а также и отзывы его о другихъ генералахъ отечественной войны, съ которыми онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ. Отзывы эти, собранные изъ разныхъ мѣстъ его сочиненій, но приведенные въ точномъ переводѣ съ подлинниковъ, тѣмъ любопытнѣе, что по нимъ можно объяснить себѣ нѣкоторыя увлеченія Вильсона при сужденіяхъ о дѣйствіяхъ полководца, который, по собственному своему выраженію, находилъ, *что дѣло идетъ не о славу выигранныхъ только баталій, но вся цѣль будучи устремлена на истребленіе французской арміи.*¹

Багратіонъ былъ Грузинъ по рожденію; малъ ростомъ, смуглъ, съ рѣзкими чертами лица; въ глазахъ его сверкала азиатскій огонь. Кроткій, обходительный, щедрый, рыцарски храбрый, онъ былъ любимъ всѣми и почитаемъ всякимъ, кто былъ свидѣтелемъ его подвиговъ. Ни одинъ начальникъ никогда не превзошелъ его ни въ распоряженіи наступательными движеніями, ни въ командованіи арріергардомъ; никогда также способности какого-либо начальника въ этомъ отношеніи не подвергались тягчайшимъ испытаніямъ: въ особенности въ прошедшую войну, при отступленіи отъ Пултуска до Эилау,—отступленіи, продолжавшемся семнадцать дней, сопровождавшемся столькими же сраженіями, въ которыхъ онъ непрерывно являлъ опыты искусства, неутомимой энергіи и беззаветной отваги. Истинно, эти семнадцать дней были столькими же днями торжества его славы.

Генералъ *Милорадовичъ* столь же щедръ и столь же храбръ какъ его другъ, незабвенный Багратіонъ--- Нѣтъ чело-вѣка болѣе способнаго вести переговоры съ Мюратомъ какъ Милорадовичъ. Его манера, его голосъ, тѣлодвиженія и пр. даютъ ему надъ Мюратомъ превосходство въ хвастливости, а его необыкновенное мужество и безпредѣльная

¹ Всеподлиннѣйшій рапортъ князя Кутузова отъ 27 авг. 1812 г. изъ подъ позиціи при Бородинѣ (Богдановичъ II. 230).

вѣра въ него солдатъ возбуждаютъ къ нему уваженіе непріятеля.“

О *Беннигсенъ* Вильсонъ приводитъ слѣдующую весьма характеристическую черту: „Подъ Эйлау, Русскіе, не имѣя ни хлѣба, ни воды, питались сѣвгомъ. Беннигсену и его штабу достался только одинъ горшокъ небольшихъ картофеливъ съ полудня передъ сраженіемъ до слѣдующей полудни. Невозможно было убѣдить Беннигсена взять болѣе одной картофелины, потому что приходилось всего по одной на каждого. Онъ удовольствовался этимъ до слѣдующаго утра, когда, послѣ долгаго ночнаго марша, прибылъ въ Кенигсбергъ.“ Нельзя умолчать о томъ, что „въ комнатѣ, гдѣ происходила раздача картофеля, находилось около сотни солдатъ, которымъ отнимали руки и ноги.“ Послѣ того, какъ Беннигсенъ былъ высланъ Кутузовымъ изъ арміи (15/27 ноября подъ Круглымъ) въ Калугу, Вильсонъ пишетъ о немъ: „Не беру на себя сказать, что Беннигсенъ, будь онъ *главнокомандующимъ*, послѣдовалъ бы тѣмъ самымъ совѣтамъ, которые давалъ будучи *вторымъ въ командованіи*, но знаю, что еслибъ онъ управлялъ рѣшеніями фельдмаршала, то Бонапартъ въ эту пору былъ бы въ всякой сферѣ заведнаго вліянія на семь свѣтъ.“

Мнѣніе Вильсона о Барклаѣ де-Толли уже видно изъ приведенныхъ выше отрывковъ. Оно вкратцѣ повторяется въ слѣдующемъ отзывѣ:

„Затрудненія *Барклая*, какъ уже было сказано, несравненно превосходили его способности къ ихъ удовлетворительному разрѣшенію или преодолѣнію. Онъ искалъ средствъ уладить ихъ но самымъ этимъ исканіемъ лишь усугубилъ ихъ вредъ, пока наконецъ не стали они такъ грозны, что нельзя было довѣрять ихъ его управленію. Онъ былъ храбрый воинъ и хорошій начальникъ, но не полководецъ съ тѣмъ выпревшимъ умомъ, въ какомъ настояла необходимость.“

„Фельдмаршалъ *князь Кутузовъ* происходилъ изъ дворянъ и, по супругѣ своей, ¹ находилася въ родствѣ съ знаменитѣйшимъ дворянствомъ. Въ молодости онъ былъ извѣстенъ какъ очень храбрый офицеръ и служилъ съ отличіемъ; былъ

¹ Сестрѣ знаменитаго Александра Ильича Бибикова, Катеринѣ Ильиницѣ.

нѣсколько разъ раненъ, и вслѣдствіе одной изъ ранъ, лишился одного глаза; но несмотря на то, сохранилъ умное и пріятное выраженіе лица. Въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, онъ начальствовалъ крѣпкими войсками; но его репутація отъ этого не потеряна, потому что еще до начала битвы онъ осуждалъ несчастное фланговое движеніе, которое было причиною ея потери. Въ 1811 году онъ одержалъ большіе успѣхи надъ Турками, и въ слѣдующемъ году, съ помощію англійскаго и шведскаго вліяній, заключилъ миръ (Букарестскій), который такъ много способствовалъ безопасности Русской имперіи. Проведя нѣсколько времени въ Парижѣ, онъ сохранялъ пристрастіе къ Французамъ; не довѣряя Наполеону, не имѣлъ однако же личной къ нему неприязни. Bon vivant, утонченно образованный, глживый, хитрый, какъ Грекъ, смѣтливый отъ природы какъ Азіятецъ и просвѣщенный какъ Европейецъ, онъ болѣе былъ склоненъ разчитывать на успѣхъ отъ своей дипломатіи чѣмъ отъ военной отваги, къ которой не былъ уже способенъ ни по своимъ лѣтамъ, ни по состоянію своего здоровья. Когда онъ пріѣхалъ въ армію, ему было семьдесятъ четыре года отъ роду, и хотя онъ былъ еще бодръ, но до того тученъ и неповоротливъ, что даже на полѣ сраженія долженъ былъ ѣздить въ небольшихъ крытыхъ дрожкахъ.“

„Таковъ, заключаетъ Вильсонъ, былъ преемникъ Барклая, котораго, какъ говорилъ императоръ Александръ, русское дворянство избрало для восстановленія чести русскаго оружія и для защиты остающихся русскихъ владѣній.“

По пріѣздѣ своемъ въ армію, Вильсонъ засталъ между генералами много недовольныхъ княземъ Кутузовымъ: Барклай, Беннигсенъ, братъ вдовствующей императрицы, герцогъ Александръ Виртембергскій, жаловались на нерѣшительность фельдмаршала; если вѣрить Вильсону, то братъ зятя государева, принцъ Августъ Ольденбургскій, шелъ даже и не скрывалъ своего сомнѣнія въ томъ, что съ лѣтами и утратою здоровья Кутузовъ утратилъ и личную храбрость. ¹

¹ Вильсонъ разказываетъ, будто бы, послѣ сраженія подъ Малоярославцемъ (12/24 октября), на вопросъ принца: „не видалъ ли онъ фельдмаршала?“ онъ отвѣчалъ, указывая на дальнее дерево: „кажется, онъ въ этомъ направленіи,“ и будто бы принцъ отвѣчалъ ему: „Этого быть не можетъ; а сейчасъ видѣлъ какъ туда пролетѣла бомба!“

Платовъ былъ оскорбленъ лишеніемъ команды и удаленіемъ отъ всякаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Графъ Раstopчинъ „не могъ простить Кутузову, что онъ не сдержалъ своего обѣщанія предупредить его за три дня объ оставленіи Москвы—обѣщаніе, которое, какъ Раstopчинъ разказывалъ всѣмъ и каждому, Кутузовъ своими сѣдыми волосами поклялся ему сдержать.“ Всѣ эти лица, за исключеніемъ Барклая, были въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ къ Вильсоу, и Вильсонъ, хотя и ласково принятый Кутузовымъ, и даже жившій съ нимъ въ Красной Пахрѣ въ одномъ домѣ, сдѣлался ежедневнымъ ихъ собесѣдникомъ. Такимъ образомъ, можетъ-быть незамѣтно для себя, онъ съ самаго начала поддался неприязненному чувству въ отношеніи къ главнокомандующему, и чувство это, постоянно развиваясь, часто съ ожесточеніемъ высказывается въ его сочиненіяхъ.

Причины неудовольствія всѣхъ поименованныхъ генераловъ весьма понятны: Барклай былъ оскорбленъ тѣмъ, что отъ главнаго командованія долженъ былъ перейти въ званіе начальника второстепеннаго; Беннигсенъ, надѣявшійся преобладать въ совѣтахъ фельдмаршала, видѣлъ всѣ мнѣнія свои переданными на обсужденіе генераль-квартирмейстера полковника Толя¹ и большею частію отвергнутыми; герцогъ Виртембергскій, еще въ Можайскѣ, подавалъ письменный голосъ о необходимости не отступать далѣе, и перейти къ дѣйствіямъ наступательнымъ. У Платова отнято было, послѣ отступленія изъ Можайска, командованіе арріергардомъ, за то, что онъ не успѣлъ удержать непріятеля въ значительномъ разстояніи отъ арміи.²

Болѣе всѣхъ имѣлъ причинъ жаловаться на Кутузова Раstopчинъ. Не будучи заранѣе предувѣдомленъ объ оставленіи Москвы, „онъ былъ принужденъ дѣлать приготовленія къ тому тайно и прибѣгать къ мѣрамъ, какъ бы клонившимся ко вреду его отечества, тогда какъ если бы фельдмаршалъ сдержалъ данное ему обѣщаніе, онъ имѣлъ бы случай открыто принять на себя отвѣтственность въ подвигѣ гражданского мужества, имѣвшемъ цѣлью народную славу.“

¹ См. у Богдановича III гл. XLII. пр. 52 письмо Беннигсена отъ 9 ноября 1812.

² Богдановичъ II. 239.

Но Растопчинъ тоько временно находился при арміи, и послѣ сожженія имъ богатаго помѣстья его, Воронова, о немъ болѣе не упоминается въ отечественной войнѣ. Барклай подъ Тарутинымъ уѣхалъ изъ арміи; Беннигсенъ, истощивъ терпѣніе Кутузова своею настойчивостію, дерзостію и доносами, былъ изъ нея высланъ (¹⁵/₂₇ ноября подъ Круглымъ); Платовъ (если вѣрить Вильсону, по его ходатайству) былъ скоро вновь поставленъ во главѣ своихъ храбрыхъ Донцовъ и прославился тѣми ежедневными подвигами, благодаря которымъ память о немъ нераздѣльна съ воспоминаніемъ о гибели *великой* арміи. Слѣдовательно, мало-помалу партія недовольныхъ уничтожилась. Но Вильсонъ до конца оставался порицателемъ Кутузова, и порицателемъ тѣмъ болѣе опаснымъ, что, какъ англійскій генераль, онъ не состоялъ въ зависимости отъ фельдмаршала, а какъ военный агентъ, онъ могъ представлять свои сужденія обо всѣхъ дѣйствіяхъ главнокомандующаго въ Петербургъ—императору и лорду Каткарту, въ Константинополь—Листону, въ Лондонъ—первому министру лорду Кастльри. Кроме того, въ обращеніи съ нимъ должно было помнить, что Англія была въ то время единственною державой, которая, вмѣстѣ съ Швеціей, давала точку опоры для борьбы Россіи съ Наполеономъ.

Съ самаго дня занятія на Пахрѣ позиціи выбранной Беннигсеномъ (⁹/₂₁ сентября), духъ русскаго войска совершенно измѣнился. „Благопріятствуемая счастіемъ, при ослабѣвшей энергіи и бдительности непріятеля, русская армія находилась въ безопасности, развернувъ свои угрожающія знамена въ 40 верстахъ отъ Москвы и имѣя свои авангарды въ 20 верстахъ отъ нея; опираясь на Оку, она имѣла прямое и легкое сообщеніе съ Калугой и съ своими складами и запасами въ губерніяхъ еще не занятыхъ непріятелемъ. Послѣдній солдатъ въ арміи сознавалъ цѣну и, можно сказать, достоинство этой позиціи. Не было уже отчаянія, не было уже унынія, прекратился ропотъ осужденія: часть мнимаго стыда и униженія миновалась, возвратилась увѣренность. Солдаты вновь ободрились, предвѣщая борьбу съ непріятелемъ: въ самой ихъ поступи, въ самомъ обращеніи ихъ съ оружіемъ, видѣлась ихъ готовность сразиться, прорвать вражескіе ряды и отбить свои пылающія жилища.“

Напротивъ, духъ Наполеоновой арміи, съ самаго дня занятія Москвы, ежедневно все болѣе упадалъ; объ этомъ можно было судить по словамъ пѣвчихъ, которыхъ безпрестанно приводили въ главную квартиру. „Всѣ эти пѣвчіе называли себя жертвами ненасытнаго честолюбія, и говорили, что пѣвчу ихъ предшествовали всякаго рода лишения.“

„Я не скажу, говорить далѣе Вильсонъ, чтобы мнѣ не оставалось ничего желать, для ускоренія успѣха: но, несмотря на разные недостатки, которые могутъ еще оказаться въ арміи, несмотря на необходимость нѣкоторыхъ перемѣнъ и распоряженій, которыхъ еще не сдѣлано, Бонапартъ, славу Богу! въ такомъ положеніи, что ему нельзя избѣгнуть рѣшительной гибели. *Когда судьба предопредѣляетъ и русская доблесть служитъ ей орудіемъ*, то не спасутъ врага распри и ошибки вождей, не принесетъ ему пользы пренебреженіе ими нужныхъ предосторожностей: онъ долженъ пастъ!“

Пѣвчихъ ежедневно приводили партіями отъ 50 до 100 человекъ. Въ продолженіе пяти дней нашего пребыванія въ Красной Пахрѣ, ихъ было сдано 1.342 человекъ начальнику главной квартиры. Разумѣется, убито ихъ гораздо болѣе, потому что крестьяне до того озлоблены, что берутъ пѣвчихъ у казаковъ, чтобъ убивать ихъ. Крестьяне отбили двѣ пушки; захвачено множество повозокъ и пр. на пути, какъ въ Москву, такъ и оттуда. Много слитковъ серебра, которые я самъ видѣлъ; нѣсколько гвардейцевъ изъ двухъ взятыхъ въ пѣвчій эскадронъ, говорили мнѣ, что они должны были взорвать шестьдесятъ пороховыхъ ящиковъ, чтобъ они не достались Русскимъ. Словомъ сказать, никогда война гверильсовъ въ Испаніи не была болѣе успѣшна, и навѣрное не была столь пагубна для непріятели.“ О количествѣ добычи отнятой у непріятели можно судить потому, что въ одномъ изъ казачьихъ полковъ пришлось по 84 фунта стерл. на человека: ¹ Несмотря на то, Вильсонъ былъ личнымъ свидѣтелемъ безкорыстія русскихъ войскъ: онъ разказываетъ, что однажды, когда онъ обѣдалъ у Платова, атаманъ получилъ донесеніе отъ одного изъ татарскихъ (вѣроятно башкирскихъ) полковъ о томъ, что захвачено значительное количество золота и

¹ Вильсонъ считаетъ два шиллинга въ рубль, следовательно 84 ф. ст. составляли 840 рублей.

серебра, слагая непріятелемъ изъ церковной утвари, но что поакъ „передаетъ эту добычу въ его распоряженіе, считая святотатствомъ отнять ее у своего отечества.“ Точно также, разказывая о взятіи въ плѣнь генерала Феррье (у Вильсона Fevrier) и его двухъ адъютантовъ, онъ говоритъ, что урядникъ, которому онъ сдался, благородно отказался принять его часы и его кошелекъ.

„*Прекрасное чувство* (le beau sentiment), столь рѣдкое въ наше время, не угасло здѣсь, и я могъ бы исписать много страданій достовѣрными анекдотами о Русскихъ, и они устыдили бы любостыжательность другихъ, болѣе образованныхъ народовъ.“

Во время перехода войскъ изъ Красной Пахры въ Тарутно, Вильсонъ вмѣстѣ съ Беннигсеномъ посѣтилъ графа Раstopчина въ его извѣстномъ селѣ Вороновѣ. Недѣлю спустя, онъ присутствовалъ при сожженіи тамошняго дома. Описаніе этого дома и разказъ о патриотическомъ подвигѣ графа Раstopчина такъ замѣчательны, что нельзя не выписать ихъ впоая.

„Прошлую ночь (15го сентября) генералъ Беннигсенъ оставилъ въ деревнѣ за версту отъ Воронова, и мы отправились вмѣстѣ въ домъ графа—одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій, когда-либо мною виданныхъ. Тамъ есть двѣ группы античныхъ фигуръ: жокаты, удерживающіе коней, подыавшихся на дыбы; онѣ сняты съ коней Монте-Кавалло и, по огромности своей и искусной отдѣлкѣ, стоатъ римскихъ подианниковъ¹. Все строено здѣсь въ самомъ лучшемъ архитектурномъ стилѣ а паркъ своими видами, отличнымъ расположеніемъ и распределеніемъ лѣса и воды, не уступаетъ любому загородному замку въ британскихъ владѣніяхъ.

„Я не могъ удержаться отъ грусти при видѣ такого великолѣпнаго помѣстья, которое подвергалось раззоренію и разрушенію, и не могъ не принести данн уваженія

¹ Подводы проѣзжали по десяти верстѣ въ день.

² Въ *Повѣствованіи* Вильсонъ говоритъ, что эти группы были привезены Раstopчинымъ изъ Рима, вмѣстѣ съ цѣлыми моделями извѣстнѣйшихъ римскихъ и греческихъ зданій и статуй, для которыхъ была устроена особая большая галлерей. Самый же домъ былъ съ величайшимъ миколѣпиемъ и вкусомъ снабженъ всякими удобствами и украшениями, какія только могли быть доставлены изъ чужихъ краевъ.

народной доблести, великодушной мудрости человека, который спокойно смотритъ на развореніе своего достоянія, потерявъ уже въ пожарѣ московскомъ домъ цѣною болѣе чѣмъ во 100 тысячъ фунт. ст. и содержавшій второе книгохранилище въ имперіи и собраніе драгоценностей, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ принадлежавшихъ его роду. ¹ Единственное выражаемое имъ сожалѣніе состоитъ въ томъ, что ему не было позволено, какъ онъ просилъ государя и фельдмаршала, самому зажечь свой домъ и систематически спалить всю столицу. Москва, къ счастью Россіи и вселенной, сдѣлалась жертвою пожара; но это было дѣйствіе отдѣльныхъ лицъ, а не правильная мѣра сановниковъ государства, которую эти знаменитые патріоты хотѣли исполнить, въ доказательство своей рѣшимости принести все въ жертву своей чести и своей преданности престолу.⁴

Шесть дней спустя, Вильсонъ былъ очевидцемъ того, что рѣшимость эта была не на однихъ словахъ, но на самомъ дѣлѣ.

„Въ ночь, предшествовавшую отступленію изъ Воронова, на 19 сентября (1 окт.), Раstopчинъ, Беннигсенъ Ермоловъ и другіе генералы и офицеры, вмѣстѣ со мною и моимъ адъютантомъ лордомъ Тэрконелемъ, стояли на бивакахъ, кругомъ костра разложеннаго передъ конюшнями. Мы не спали, слушая горькія жалобы Раstopчина на Кутузова, за то что онъ оставилъ Москву не давъ ему условеннаго предувѣдомленія, такъ что и власти и жители столицы лишились возможности явить *болѣе чѣмъ римскую* — *русскую доблесть*, правильнымъ и народнымъ сожженіемъ столицы, прежде чѣмъ она была осквернена присутствіемъ хищника. Раstopчинъ объявлялъ, что никогда не проститъ фельдмаршалу его обмана (и онъ сдержалъ свое обѣщаніе), что онъ изъ своихъ рукъ зажжетъ теперь дворецъ, которымъ мы такъ любуемся, если только непріятель будетъ продолжать наступленіе, что онъ жалѣетъ лишь о

¹ Два дома графа Раstopчина — одинъ въ Москвѣ и другой подмосковный, по словамъ Вильсона, вопреки распоряженіямъ графа и даже именному повелѣнію Наполеона, не были сожжены, потому что были заняты нѣсколькими французскими генералами.

тожь, что дворець этотъ не гораздо болѣе заслуживаетъ сохраненія. Безполезно было отговаривать Растопчина; рѣшеніе его было непреложно.

„На разсвѣтѣ явилась депутація сельскихъ старшинъ: они объявили, что приготовились выступить съ войсками и просятъ позволенія своего помѣщика оставить свои дома, хозяйства и кости своихъ предковъ, и идти въ одно изъ помѣстій графа внутри Россіи, ибо предпочитаютъ Сибирь французскому владычеству. Просимое позволеніе было дано, и все поселеніе (1.720 душъ) отправилось въ путь: шествіе это представляло одно изъ трогательнѣйшихъ, когда-либо виданныхъ шествій; не было слышно ни единой жалобы; только и вырывались у иныхъ восклицанія: *Даруй, Господи, побѣду царю и Россіи!* да *Благослови, Господи, нашего барина!*

„Что за страна эта Россія! Что за любовь къ отечеству! Что за благородство духа!

„Прибывъ къ церковнымъ дверямъ объявленіе на трехъ языкахъ, Растопчинъ услышалъ, что въ пикетахъ началась перестрѣлка и увидѣлъ, что непріятель пришелъ въ движеніе: онъ вошелъ въ домъ, пригласивъ друзей своихъ идти съ нимъ. При входѣ, каждому дали по зажженному факелу. Растопчинъ поднялся на лѣстницу и, войдя въ свою парадную опочивальню, остановился на минуту и потомъ сказалъ мнѣ: „Это моя брачная постель; мнѣ не достаетъ духа поджечь ее: избавьте меня отъ этого горя.“ Я исполнилъ его желаніе, но не прежде какъ когда Растопчинъ зажегъ все остальное, находившееся въ комнатѣ. По мѣрѣ того какъ мы шли впередъ, мы зажигали каждую комнату, и въ четверть часа все зданіе пылало. Изъ дома Растопчинъ послѣдно пошелъ къ конюшнямъ, которыя быстро загорѣлись; потомъ онъ сталъ передъ домомъ, наблюдая за ходомъ пожара и смотря какъ падали горѣвшія развалины.

„Когда рухнула послѣдняя группа статуй Монте-Кавалло, онъ сказалъ:—Я спокоенъ!—и, такъ какъ непріятельскія пули начинали уже свистать около насъ, онъ вмѣстѣ съ другими удалился, оставивъ врагу слѣдующее грозное и поучительное наставленіе, прибитое на видномъ столбѣ:

„Восемь лѣтъ украпаждь я это помѣстье, въ которомъ жилъ счастливо среди моего семейства.

„Здѣшніе поселяне, въ числѣ 1.720 человекъ, съ вашимъ приближеніемъ, оставляютъ свое село, а я, по своей волѣ, зажигаю свой домъ, чтобы ваше присутствіе не осквернило его.

„Французы! Въ Москвѣ я оставилъ вамъ два своихъ дома, съ имуществомъ цѣной въ полмилліона рублей; *здесь* найдете вы одинъ пепелъ!“

„Это былъ поступокъ прекрасный, исполненный съ чувствомъ, достоинствомъ и мудростью. Поводомъ былъ чистый патриотизмъ: сожженіе Эфеса снискало постыдное безсмертіе; сожженіе Воронова должно пребыть и пребудеть вѣчнымъ памятникомъ русскаго патриотизма.

„Пожаръ уже продолжался около двухъ часовъ, когда намъ дали знать, что непріятель отступилъ; но графъ не изъясвилъ никакого сожалѣнія и продолжалъ совершенно спокойно разговаривать со мной.“

Не извѣстно въ какой степени Вильсонъ былъ одаренъ дипломатическими способностями и въ какой мѣрѣ можно довѣрять его сужденіямъ о военныхъ дѣйствіяхъ: есть даже поводъ сомнѣваться въ безпристрастіи послѣднихъ и въ томъ, чтобы онъ обладалъ главнѣйшимъ качествомъ дипломата, хладнокровіемъ. За то любовь къ военному ремеслу и храбрость Вильсона не могутъ подлежать никакому сомнѣнію: „въ двѣнадцатомъ году, трусовъ въ армию не было,“ говорятъ оставшіеся въ живыхъ подвижники отечественной войны; во всякомъ случаѣ, человекъ храбрости неблестательной не могъ бы въ то время пользоваться пріязнью Багратиона, Платова, Милорадовича, Беннигсена, Воронцова. И дѣйствительно, Вильсонъ не любилъ оставаться въ главной квартирѣ, а постоянно участвовалъ то въ развѣздахъ Платова, то въ рекогносцировкахъ Беннигсена, то въ авангардныхъ сшибкахъ Милорадовича, выказывая часто удалство, можетъ-быть излишнее, и всюду являясь въ своемъ, издали видномъ, красномъ англійскомъ мундирѣ. Наполеона, или какъ онъ его называетъ, *Бонапарта*, ненавидѣлъ онъ всею ненавистью Англичанина, поставляя смерть его условіемъ *sine qua non* къ восстановленію спокойствія въ Европѣ. Къ Россіи, напротивъ, питалъ онъ любовь, доходящую до восторженности, какъ можно видѣть изъ многихъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ и какъ свидѣлствуютъ между прочимъ выше

приведенныя выдержки изъ его записокъ, которыя онъ никакъ не хотѣлъ печатать при своей жизни. Слѣдуетъ еще прибавить, что къ Платову питалъ онъ дружбу задумчивую, называя его своимъ *храбрымъ братомъ*¹ и говоря, что, когда онъ свидѣлся съ нимъ подъ Смоленскомъ, то „обнявъ его съ радостію, какую могъ испытать развѣ тотъ, кто обнималъ отца послѣ долгой разлуки, но вѣрно никто другой.“

Появно, что, при всѣхъ этихъ условіяхъ „его товарищи, казаки-молодцы, очень его любили, и что вообще вся армія оказывала ему всякаго рода вниманіе.“

Со времени вступленія въ тарутинскій лагерь, въ русскихъ войскахъ водворилось твердое убѣжденіе, что гибель неприятеля неизбежна, если ему не удастся спастись заключеніемъ мира; но въ то же время распространилось неясное подозрѣніе, будто бы Кутузовъ не хочетъ допустить совершеннаго истребленія французской арміи. Эта увѣренность и это подозрѣніе вполне выражаются въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ письма, полученнаго Вильсономъ отъ графа Воронцова.²

„Умоляю васъ всѣми зависящими отъ васъ средствами не допускать какихъ бы то ни было переговоровъ, ибо Наполеонъ непремѣнно будетъ истребленъ, какъ только онъ попробуетъ отступать: благодаря морозамъ, армія его будетъ легкою добычей; Русскимъ стоить только поставить свои пушки на возвышенностяхъ, которыя господствуютъ надъ дорогами и оврагами, и съ которыхъ имъ можно будетъ, безо всякой опасности, цѣлыми рядами побивать неприятеля (косить его какъ сѣно). Кавалерія его едва ли подкована на шпашъ, а пѣхота не будетъ въ силахъ и не будетъ имѣть времени нападать или оставлять дорогу для фуражировки. Русскимъ можно будетъ даже выпрячь лошадей изъ пушекъ: хотя бы неприятель и захватилъ эти пушки, ему нельзя будетъ ихъ увезти.“

¹ Братомъ по масонству, какъ объясняетъ издатель сочиненій Вильсона.

² Графъ (въ послѣдствіи фельдмаршалъ и князь) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ дѣлался въ то время въ своей деревнѣ отъ тяжкой раны, полученной штыкомъ подъ Бородинымъ, при защитѣ его гренадерскою дивизіею Багратионовыхъ флешей.

22 сент.
4 октяб. въ то время какъ Вильсонъ былъ въ Томилъ-цахъ, на бивакѣ Милорадовича, къ нему прискакала казакъ, требуя его немедленно въ главную квартиру, къ Беннигсену. По приѣздѣ своемъ, Вильсонъ засталъ у Беннигсена нѣсколько генераловъ, которые сообщили ему, „что фельдмаршалъ письменно изъявилъ Лористону ° согласіе имѣть съ нимъ свиданіе, въ полночь, за линіей передовыхъ русскихъ постовъ;“ въ то же время всѣ присутствовавшіе просили Вильсона убѣдить фельдмаршала отказать отъ этого намѣренія.

Вильсонъ передаетъ разговоръ свой съ Беннигсеномъ и потомъ свиданіе съ Кутузовымъ, съ чрезвычайно-любопытными подробностями (*Narrative*, pp. 183—189.) Кутузовъ сперва очень сухо отозвался, что „онъ—главнокомандующій войсками, и лучше знаетъ что требуется для вѣранныхъ ему интересовъ;—что онъ дѣйствительно согласился, по просьбѣ императора Французовъ, имѣть свиданіе съ генераломъ Лористонемъ ночью, при означенныхъ обстоятельствахъ, дабы избѣгнуть огласки этого свиданія, а съ тѣмъ вмѣстѣ толковъ или ложнаго сужденія о побудительныхъ къ тому причинахъ;—что онъ исполнить свое намѣреніе, выслушаетъ предложенія генерала Лористона и, сообразно съ ними, опредѣлитъ свои будущія распоряженія.“ Онъ прибавилъ, что „сознается, что ему уже извѣстна миролюбивая цѣль этихъ предложеній, которыя могутъ повести къ удовлетворительной и честной для Россіи развязкѣ.“ Въ заключеніе, Кутузовъ объявилъ, что рѣшеніе его неизмѣнно и саркастически „изъявилъ надежду, что англійскій генералъ, обдумавъ, признаетъ его приличнымъ; и что сообразивъ надлежащимъ образомъ положеніе Россіи, сообразивъ то, что не смотря на постепенное увеличеніе численности русскихъ войскъ, она относительно далеко неудовлетворительна, генералъ на этотъ разъ дастъ своей преданности къ государю и къ Россіи взять верхъ надъ своею извѣстною непріязнью къ французскому императору.“

Напрасно Вильсонъ старался поколебать рѣшимость фельдмаршала. Кутузовъ остался непреклоненъ, даже когда

° Генералъ-адъютантъ Царя, Александръ Бернардъ Лоу (Law) маркизъ Лористонъ.

онъ представилъ ему на видъ необходимость немедленно отправить увѣдомленіе о назначенномъ свиданіи въ Константинополь, Вѣну, Лондонъ и Петербургъ. Наконецъ, Кутузовъ уступилъ, когда герцогъ Александръ Виртембергскій, принцъ Ольденбургскій и только что прибывшій изъ Петербурга генераль-адъютантъ князь Волконскій присоединили свои представленія къ убѣжденіямъ Вильсона. Въ Лористону было отправлено увѣдомленіе, что „фельдмаршалъ не можетъ пріѣхать къ назначенному свиданію, и приглашаетъ генерала Лористона въ свою главную квартиру въ тотъ же вечеръ, въ 10 часовъ.“ Въ отвѣтъ на убѣдительною просьбу Лористона, чтобы „фельдмаршалъ сдержалъ свое первое назначеніе, измѣненіе котораго сопряжено съ большимъ разстройствомъ и неудобствомъ,“ фельдмаршалъ возразилъ, что „обстоятельства не позволяютъ ему исполнить это желаніе.“ На встрѣчу Лористону былъ посланъ на аванпосты генераль-адъютантъ князь Волконскій.

Вильсонъ объясняетъ, что, по мнѣнію Беннигсена и другихъ, Наполеонъ долженъ былъ самъ присутствовать при свиданіи Лористона съ Кутузовымъ.

„Вечеромъ, фельдмаршалъ Кутузовъ пригласилъ герцога Виртембергскаго и меня присутствовать при свиданіи съ Лористономъ, которому онъ хотѣлъ показать къмъ онъ окруженъ въ своемъ совѣтѣ. По прибытіи Лористона *съ завязанными глазами*¹, около 11 часовъ ночи, онъ былъ введенъ въ избу фельдмаршала, который познакомилъ его съ находившимися тамъ генералами. Въ послѣдствіи Лористонъ говорилъ, что при имени англійскаго генерала онъ немедленно поаялъ, откуда вышло препятствіе къ исполненію первоначально-предположеннаго свиданія.

Послѣ небольшого общаго разговора, всѣ вышли, оставивъ фельдмаршала наединѣ съ посланнымъ; но мы оста-

¹ Богдановичъ (II. 391) пишетъ: „фельдмаршалъ, пригласивъ его (Лористона) въ избу, бесѣдовалъ съ нимъ безъ свидѣтелей, и потому ихъ переговоры сдѣлались извѣстны единственно изъ донесенія государю Кутузову“. Тамъ любопытнае современнае разказъ Вильсона, тогда же записанный имъ со словъ фельдмаршала, которая кромѣ его были извѣстны только герцогу Виртембергскому и князю Петру Михайловичу Волконскому.

вались вблизи и видѣли, по тѣлодвиженіямъ фельдмаршала, что разговоръ, съ его стороны, былъ очень оживленъ, и что Лористонъ вручилъ ему письмо отъ Наполеона къ императору Александру.

„Полчаса спустя, фельдмаршалъ позвалъ князя Волконскаго, а съ четверть часа потомъ, генералъ Лористонъ вышелъ съ очень недовольнымъ видомъ; всякій могъ съ удовольствіемъ замѣтить, что ожиданія его не исполнились. Когда мы вошли, фельдмаршалъ разказалъ намъ что произошло между ними.

„Лористонъ началъ жалобами на жестокость Русскихъ съ Французами. Фельдмаршалъ сказалъ на это, что онъ не могъ въ три мѣсяца образовать народъ, который считаетъ врага хуже чѣмъ ордою татарскихъ хищниковъ подъ предводительствомъ Чингисъ-хана. „Согласитесь однако, отвѣчалъ Лористонъ, что есть нѣсколько разницы. — Можетъ-быть, возразилъ фельдмаршалъ, но не въ глазахъ народа; я же могу отвѣчать только за поведение своихъ войскъ“. На нихъ Лористонъ не имѣлъ никакихъ жалобъ.

„Потомъ, упомянувъ о перемиріи, онъ сказалъ: „Сама природа, въ скоромъ времени, вынудитъ перемиріе.“ Фельдмаршалъ отозвался неимѣніемъ полномочія наэтотъ предметъ, и сказалъ: „Еслибъ я далъ вамъ перемиріе на шесть дней и, шесть мѣсяцевъ спустя, былъ бы заключенъ миръ не-благопріятный для имперіи, я былъ бы сочтенъ его причиною, и мое потомство подверглось бы проклятію. Это не обыкновенная война, милостивый государь! она должна имѣть рѣшительныя послѣдствія. Мы не стали бы переговариваться о мирѣ, еслибы даже были оттѣснены за Волгу.“ Продолжая говорить о перемиріи, Лористонъ сказалъ: „Вы не должны думать, что мы желаемъ его потому, чтобы *наше* положеніе было безнадежно. Наши войска почти одинаковы. Правда, вы ближе насъ къ своимъ запасамъ и подкрѣпленіямъ, но и къ намъ подходятъ подкрѣпленія. Можетъ-быть вы слышали, что наши дѣла плохи въ Испаніи?“—„Слышала, отвѣчалъ фельдмаршалъ, отъ сэръ-Роберта Вильсона, котораго вы сейчасъ видѣли при мнѣ, и съ которымъ я ежедневно вижу.“—„О! возразилъ Лористонъ, Вильсонъ можетъ имѣть причины преувеличивать свои извѣстія.“ Никакихъ, сказалъ фельдмаршалъ, онъ мнѣ говорить, дѣло

„такъ какъ оно есть, со всею откровенностию искренности.“
 „Дѣйствительно, продолжалъ Лористонъ, благодаря *глупости*
 „(bêtise) маршала Мармона, мы понесли пораженіе и, по-
 „*куда* (en attendant), Мадритъ занятъ Англичанами; но ихъ
 „скоро прогонятъ и все будетъ приведено тамъ въ поряд-
 „докъ многочисленными войсками, которыя идутъ туда.“
 Потомъ онъ опровергалъ мнѣніе, будто бы Москва сож-
 жена Французами, и обвинялъ губернатора въ этомъ по-
 ступкѣ, замѣтивъ: „Это такъ не свойственно француз-
 „скому характеру, что еслибы мы взяли даже Лондонъ, то
 „не сожгли бы.“

„Главный предметъ домогательствъ Лористона заклю-
 чался въ перемиріи, и я полагаю, что перемиріе это и
 соглашеніе объ отступленіи арміи были предметы, на ко-
 торые Бонапартъ намекалъ въ своемъ письмѣ къ фельд-
 маршалу словами: „прошу васъ вѣрить всему, что онъ
 „вамъ будетъ говорить по дѣламъ чрезвычайно важнымъ.“¹

Еще прежде свиданія Кутузова съ Лористономъ, „съ са-
 маго времени занятія славною русскою арміею позиціи при
 Тарутинѣ, а Мюратомъ при Винковѣ, ежедневно происхо-
 дили на аванпостахъ разговоры главныхъ русскихъ началь-
 никовъ съ Мюратомъ и его генералами; разговоры эти нача-
 лись съ прекращеніемъ ежедневныхъ утреннихъ сшибокъ;
 при посѣщеніи линій ведетовъ происходили взаимныя вѣ-
 жливости; послѣдствіемъ своимъ имѣли онъ то, что проме-
 жуточное между аванпостами пространство стали считать
 нейтральнымъ, на которомъ обѣ стороны могли безопасно
 встрѣчаться и разговаривать.

„Мюратъ однажды изъявилъ желаніе видѣть на другой
 день Беннигсена, который, вопреки повелѣнію государя,
 явился на свиданіе.“² Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій, Мю-

¹ „Ajoutez foi à tout ce qu'il dira sur des affaires très importantes“, такъ
 у Вильсона (*Riary*. 1. 186); но въ подлинномъ письмѣ Наполеона, отъ 3
 октября: „Je désire que votre altesse ajoute foi à ce qu'il lui dira, surtout
 lorsqu'il exprimera les sentimens d'estime et de particulière considération,
 que j'ai depuis long tems pour sa personne.“ (Прошу вашу свѣтлость вѣ-
 рить словамъ его, особенно когда онъ станетъ выражать вамъ чувства
 уваженія и особеннаго вниманія, издавна мною къ вамъ питаемыхъ.“ (Бог-
 лавовичъ. II. 392 и прим. 42 къ га. XXVIII).

² Именно въ то время, какъ князь Волконскій былъ присланъ чтобы
 проводить Лористона въ Тарутино.

ратъ сказалъ: „Миръ необходимъ, желаю его какъ король „неаполитанскій, имѣющій государство, которымъ нужно „управлять.“ Беннигсенъ отвѣчалъ: „Сколько вы желаете „мира, столько мы предпочитаемъ войну: притомъ... Русскіе „не захотятъ мириться и, признаюсь откровенно, а ихъ „мнѣнія.“ Мюратъ замѣтилъ, что можно превозмочь народныя предразсудки. „О! нѣтъ возразилъ Беннигсенъ, не въ „Россіи! Русскіе — народъ страшный: на мѣствъ убьютъ „того, кто только заведетъ рѣчь о переговорахъ.“

„Генераль Корфъ, отличнѣйшій человекъ и мастеръ придавать серьезный тонъ своимъ шуткамъ, встрѣтился съ генераломъ Амандомъ (Amande). Разговоръ вскорѣ обратился на миръ. Амандъ замѣтилъ: „Мы, право, устали отъ этой войны: „дайте намъ паспорта и отпустите насъ.“ — „О! нѣтъ, генераль, отвѣчалъ Корфъ, вы пришли къ намъ незваные, — такъ вамъ придется и уходить *по-французски*, не прощаясь.“ — „Но, сказалъ Амандъ, право жалко, что два народа, уважающіе другъ друга, ведутъ такую истребительную войну? Мы принесемъ наши оправданія, пожалуй, „если вы того непременно требуете, даже наши извиненія „въ томъ что обезпокоили васъ, и пожмемъ другъ другу „руки на нашихъ взаимныхъ границахъ.“ — „Да, дѣйствительно, возразилъ Корфъ, мы вѣримъ, что въ послѣднее „время вы стали считать насъ болѣе достойными вашего „уваженія чѣмъ думали прежде. Но, генераль, станете ли „вы также думать, если мы допустимъ васъ уйдти съ оружіемъ въ рукахъ?“ — „*Parbleu!* со вздохомъ сказалъ *Monsieur* „Амандъ, вижу, что съ вами теперь не столкуешься о мирѣ, „и что намъ не удастся заключить его!“

Чаще всѣхъ видались Милорадовичъ и Мюратъ. При одномъ изъ этихъ свиданій, Милорадовичъ сказалъ Мюрату: „Мнѣ хотѣлось бы видѣть настоящую кавалерійскую „атаку; того жъ желаютъ наши офицеры и солдаты, въ особенности на такой прекрасной равнинѣ; но какъ только „мы сдѣлаемъ движеніе, ваши эскадроны ищутъ укрытія въ „своей пѣхотѣ или въ артиллеріи.“ — Мюратъ молчалъ. Милорадовичъ продолжалъ говорить: „Право, стыдно оставлять „столько вашихъ мертвыхъ безъ погребенія и больныхъ „въ этомъ лѣсу. Я позволю вамъ пріѣхать въ мою дѣль и „убрать ихъ.“ Въ этомъ разговорѣ Мюратъ сознался, что

Русскимъ безспорно принадлежала честь сраженія 23 сентября (4 окт.).¹

Нѣсколько дней спустя, казаки захватили въ плѣнъ двѣсти французскихъ латниковъ вѣхавшихъ на фуражировку. Какой-то французскій генералъ выѣхалъ парламентаріомъ съ упреками въ томъ, что „жестоко нападать на бѣдныхъ людей плавшихъ добыть себѣ немного стна!“ О, милая невинность! Какъ нѣжны, какъ челоуѣколюбивы, какъ мягкосерды стали эти Французы! восклицаетъ Вильсонъ.

Въроятно, это было причиною просьбы, лично высказанной Мюратомъ Милорадовичу—„дозволить французской кавалеріи безпрепятственно высылать фуражировъ вправо и влево отъ своего лагеря.“—„Неужели, отвѣчалъ Милорадовичъ, вы хотите лишить насъ удовольствія хватать *какъ куръ* (comme des poules) лучшихъ вашихъ французскихъ кавалеристовъ?“—„Если такъ, сказалъ Мюрать, то я прикажу принять нужныя мѣры предосторожности и посылать колонны фуражировъ, съ пѣхотой и артиллеріей по флангамъ.“—„Этого-то мы и желаемъ, возразилъ Милорадовичъ: мы ждемъ не дождемся схватки.“ Мюрать поскакалъ прочь и въ слѣдующую же ночь казаки захватили 43 чел. латниковъ и карабинеровъ, а подъ утро еще 53 чел.

Впрочемъ, русскіе генералы не всегда пріѣзжали на приглашенія Французовъ, и Вильсонъ разказываетъ, что на изъявленное Мюратомъ желаніе говорить съ Корфомъ, этотъ послѣдній отправилъ его къ чорту (sent him to Coventry). Самъ Вильсонъ находилъ, что всѣ эти свиданія имѣютъ очень вредное вліяніе и считалъ не нужное величаніе этихъ хищниковъ титуломъ государей за добровольное униженіе, которое, по его мнѣнію, должно было навлечь неудовольствіе императора. Поэтому, хотя онъ и не лишалъ себя удовольствія погарцовать передъ французскими линіями и даже нарочно бралъ съ собою своего англійскаго драгуна (бывшаго при графѣ Воронцовѣ подъ Бородинымъ), чтобы

¹ Въ этомъ авангардномъ дѣлѣ французская кавалерія попала въ засаду казаковъ, которые положили на мѣстѣ 500 чел. и взяли въ плѣнъ 180 чел. По словамъ Вильсона, это было удаое, отаично веденное и чрезвычайно любопытное сраженіе, въ которомъ русская артиллерія, коюща и вѣхота доказали, что увѣренность ихъ въ себѣ была не напрасна. Кромя убитыхъ, которые наполнили поле и лѣсъ, непріятель оставилъ на мѣстѣ четыре пороховыхъ ящика.

Французы знали, кто онъ?—однакоже постоянно отклонялъ приглашенія Мюрата вступать въ разговоръ. Два года спустя, Мюратъ въ Италиі самъ говорилъ ему, что не приписывалъ этого намѣренію лично оскорбить его послѣ предшествовавшихъ частыхъ встрѣчъ ихъ, и послѣ взаимно-списканнаго уваженія въ почетныхъ бояхъ; а также и не отсутствію свойственнаго Англичанамъ любопытства и желанія узнать разныя извѣстія какъ относительно Европы, такъ и Россіи.“ Поведеніе Вильсона было первымъ поводомъ Мюрату считать несправедливымъ распространившійся въ то время слухъ о заключенномъ будто бы перемиріи. Слухъ этотъ до того утвердился даже въ русскомъ войскѣ, что Вильсонъ разувѣрился въ немъ не прежде какъ фельдмаршалъ честью своею ручался ему, что никакого перемирія заключено не было, и что онъ не имѣетъ власти заключить его, ни даже вступить въ переговоры. Слѣдующее опроверженіе Вильсономъ этого слуха и объясненіе его происхожденія особенно важно, потому что Тьеръ¹ положительно говоритъ о *словесномъ* обязательствѣ Кутузова прекратить дѣйствія на аванпостахъ и увѣдомить за три часа до возобновленія ихъ, а Наполеонъ утвердительно писалъ, что „непріятель постыдно нарушилъ перемиріе между авангардами, что почти не слыханны.“

Вильсонъ пишетъ: „Нѣкоторые французскіе писатели утверждаютъ, и даже въ одномъ изъ бюллетеней содержится обвиненіе, будто было заключено перемиріе, въ вѣроломномъ нарушеніи котораго они обвиняютъ Русскихъ. Перемирія никогда не было: это выдумка сочиненная въ послѣдствіи, съ цѣлію замаскировать недостатки необходимой бдительности и предосторожности. Причины, подавшія поводъ къ сношеніямъ между начальниками были совершенно таковы, какъ изложено выше. Это дѣлалось безъ всякихъ основаній, безъ всякаго уговора, безъ всякаго письменнаго или словеснаго соглашенія, а единственно по невысказанному согласію отдѣльныхъ лицъ, которыя

¹ Thiers. *Histoire du Consulat et de l'Empire.* (Ed de Leipzig 1856.) XIV pp. 341. 372.

² L'ennemi a la honte d'avoir violé une trêve d'avant-garde, ce qu'on ne vit presque jamais (26 бюллетень отъ 23 октября к. ст. Богдановичъ гл. XXXII pp. 30).

брали на свою отвѣтственность поступать такъ со дня на день и съ часа на часъ, но не давали никакого, основаннаго на законахъ войны, ручательства въ томъ, что неприязненныя дѣйствія не будутъ внезапно возобновлены, и даже что высшая власть не велитъ захватить или задержать вступившихъ въ разговоръ.“

Въ послѣдствіи Мюрать сознавался Вильсону, что онъ самъ сомнѣвался въ томъ: не слишкомъ ли считаетъ себя безопаснымъ; „но, прибавлялъ онъ, я поддался вліянію моей дурной звѣзды и, подобно Наполеону, былъ ослѣпленъ блестящимъ призракомъ мира.“

Свиданія русскихъ генераловъ съ французскими и недолговѣя относительно перемирія прекратились, когда князь Бутузовъ получилъ высочайшій рескриптъ отъ 9 октября, въ которомъ императоръ Александръ I, высказывая свое неудовольствіе по поводу свиданія фельдмаршала съ Лористономъ, *поставлялъ* генералу Беннигсену на видъ его *несовмѣстный поступокъ* (свиданіе съ королемъ неаполитанскимъ безо всякой къ тому побудительной причины) и вновь выражалъ свою *рѣшимость, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ его прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отмстить за оскорбленное отечество.*

Вильсонъ говоритъ, что пришедшіе въ тарутинскій лагерь казачьи полки привезли съ Дона отличныхъ винъ, балыковъ, икры и огромныя бочки съ виноградомъ, и что всѣмъ этимъ Платовъ щедро съ нимъ подѣлился; онъ упоминаетъ также съ благодарностію о коровѣ, которую прислалъ къ нему въ подарокъ князь Голицынъ. Несмотря однакоже на это обиліе лакомствъ, изъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ подъ Тарутинымъ у Русскихъ только и были мука да ржаные сухари; масла нельзя было найти вовсе; за одинъ хлѣбъ платили по 3 рубля, за фунтъ сахара по 5 рублей. За недостаткомъ свѣчъ, Вильсону пришлось однажды пролежать цѣлую ночь въ темной избѣ, куда его привезли послѣ паденія съ дрожекъ, опрокинувшихся на его правую ногу, которою онъ страдалъ болѣе недѣли послѣ того. Ему пришлось также терпѣть отъ начивавшихся холодовъ, потому что онъ потерялъ свою бурку, которой не могъ отыскать, хотя за находку ея было обѣщано въ приказахъ по арміи (general order) 100 рублей

награды. Несмотря на то, подъ Тарутиннымъ жили весело, и каждый день устраивался какой-нибудь пиръ; лагерь расположенный въ боевомъ порядкѣ, представлялъ очень красивое и оживленное зрѣлище. Особенно всѣ были обрадованы извѣстіемъ (которое сообщил Лористонъ) о взятіи Мадрита Англичанами, и Вильсонъ, за отъѣздомъ Тэрконела въ армію Чичагова, остававшійся единственнымъ англійскимъ офицеромъ въ главной арміи, являлся, разумѣется, главнымъ лицомъ на этихъ пирахъ. Болѣе всѣхъ угощали его, кажется, атаманъ съ своими храбрыми Довцами: во время одного изъ подобныхъ угощеній, происходившаго въ какихъ-нибудь шести стахъ шагахъ отъ непріятели, Французы стояли на своихъ форпостахъ слушать удаляя пѣсни русскихъ пѣсенниковъ; на восклицанія ихъ, доказывавшія что они узнали англійскій мундиръ Вильсона, имъ отвѣчали крикомъ: „онъ намъ несетъ испанскія побѣды!“¹

Приступая къ разказу о пораженіи Мюрата при рѣчкѣ Чернишнѣ, Вильсонъ говоритъ: „Бездѣйствіе главной русской арміи подавало поводъ къ неудовольствію, которое все усиливалось. Опасались, чтобы съ приближеніемъ зимы непріятель не выступилъ неожиданно изъ Москвы и, отозвавъ вовремя свои отдѣльные корпуса, не успѣлъ вывести ихъ изъ опасныхъ мѣстъ ихъ расположенія. По этой причинѣ, всѣ настаивали на необходимости безотлагательно нанести рѣшительный ударъ, и обезсилить непріятели, еще болѣе облегчить его гибель, которую всѣ считали несомнѣнною. По настояніямъ Беннигсена, Толя и другихъ, Кутузовъ наконецъ весьма неохотно изъявилъ свое согласіе.“ Отсрочка сраженія, первоначально назначеннаго на $\frac{1}{4}$ октября и даннаго только два дня спустя $\frac{1}{10}$, служитъ Вильсону поводомъ къ весьма неумѣстной выходкѣ противъ главнокомандующаго: „позволительно портному примѣрять платье, чтобъ узнать: такъ ли оно сидитъ; но полководецъ не портной, и ему не пристало примѣрять своихъ распоряженій.“ Въ послѣдствіи, впрочемъ Вильсонъ, какъ видно, отказывается отъ этой выходки, сторяча внесенной въ *Дневникъ*, и въ своемъ *Повѣствованіи*

¹ „Пѣсенники пропѣли мнѣ свою знаменитую лодочную пѣсню—their famous boat song (?)—и когда непріятель распозналъ мой корабль, ему отвѣчали на оклики: „онъ нагруженъ испанскими побѣдами“ (*Diary*. 1. 197.)

нѣ сознается, что „армія послѣ небольшого марша, возвратилась въ свой лагерь, потому что нѣкоторыя войска не заняли вовремя назначенныхъ имъ мѣстъ.“

По диспозиціи сраженія, нападающія войска были распределены на пять колоннъ, которымъ назначалось: 1-ой Орлова-Денисова, обойти лѣвый флангъ непріятеля и, въ тылу его, занять на московской дорогѣ тѣснину при Спасѣ-Куплѣ; 2-ой Баггевута атаковать лѣвый флангъ непріятеля; 3-ей графа Остермана сохранять связь между главною арміею и Баггевутомъ, которому соединиться съ Орловымъ-Денисовымъ; 4-ой и 5-ой Дохтурова и Раевского напасть у Вилкова на центръ и правый флангъ непріятеля, препятствуя ему отрядить помощь своему лѣвому флангу. Первыми тремя колоннами командовалъ Беннигсенъ; авангардомъ двухъ послѣднихъ Милорадовичъ.

Извѣстно, что изъ назначенныхъ въ этой диспозиціи войскъ, только колонны Орлова-Денисова и Баггевута и авангардъ Милорадовича были въ огнѣ; что поздній приходъ Остермана вынудилъ отдѣленіе корпуса графа Строганова отъ колонны Баггевута, и тѣмъ далъ возможность атакованному лѣвому флангу отбиться, хотя съ огромною потерей, отъ остальныхъ войскъ второй колонны и соединиться подъ Спасѣ-Куплею съ прочими войсками Мюрата, которыхъ прогнаніе было предоставлено одному авангарду Милорадовича; и наконецъ, что колонны Остермана, Дохтурова и Раевского получили отъ Кутузова приказаніе остановиться, и не принимали никакого участія въ сраженіи.

Очевидно, что не говоря уже о задержаніи этихъ трехъ колоннъ, уцѣлѣхъ сраженія былъ главнѣйше ослабленъ отдѣленіемъ Строганова отъ атакующихъ въ самую рѣшительную минуту нападенія на лѣвый флангъ непріятеля. Генералъ Богдановичъ въ своей *Исторіи Отечественной Войны*, признавая всю ошибочность этого движенія (II. 480), приписываетъ его Беннигсену. Слѣдующее свидѣтельство Вильсона совершенно оправдываетъ этого послѣдняго.

Вслѣдъ за единовременнымъ нападеніемъ Баггевута и Орлова-Денисова на дивизію Себастьяни послѣдовало нежданное и послѣшное бѣгство ея за Чернишну на соединеніе съ стоявшимъ за нею корпусомъ; но всѣ орудія

и всѣ принадлежности были оставлены на мѣстѣ и, кромѣ множества убитыхъ, полторы тысячи человекъ были взяты въ плѣнъ. По одержаніи этого успѣха, Беннигсенъ послалъ меня къ фельдмаршалу съ убѣдительною просьбой о быстромъ движеніи прочихъ колоннъ. „Просите фельдмаршала, сказалъ мнѣ Беннигсенъ, чтобъ онъ не далъ времени „непріятелю устроиться или сдѣлать какую-нибудь новую „диспозицію; теперь осталось только гнать непріятеля бѣг- „дымъ шагомъ въ настоящемъ безпорядкѣ на Спасъ-Куплѣ, „покуда я со всею поспѣшностію перехвачу ему тамъ про- „ходъ; а за это я берусь. Но Кутузовъ холодно остановилъ это рвеніе, приказалъ Беннигсену прекратить наступленіе, потому что третья Остерманова колонна еще не пришла на свое мѣсто, *отрядилъ третій (Строганова) корпусъ второй колонны, на замѣщеніе ея, и остановилъ движеніе впередъ всѣхъ остальныхъ колоннъ, исключая Милорадовича, которому онъ дозволилъ двинуться впередъ на Вилково, перейти Чернышну и напасть на непріятеля, удерживая лѣвъ вправо отъ своей позиціи, для прикрытія отступленія.*“

Когда Вильсонъ передалъ отказъ Кутузова Беннигсену, ему удалось присутствовать при кавалерійскомъ дѣлѣ, которое, по его словамъ, продолжительностію своею превосходитъ всѣ подобныя дѣла извѣстныя въ новѣйшее время, „Казаки во все время не были далѣе какъ на полпистолетнаго выстрѣла отъ непріятельскихъ эскадроновъ, которые представляли плотно-сомкнутый строй; сражающіеся не только во все время не прекращали рукопашной схватки но даже обмѣнивались ругательствами. Еслибы не латы спереди и сзади, казаки своими пиками непременно переклоли бы до послѣдняго всадника.“

Еще оживленнѣе шло сраженіе въ центрѣ и на правомъ флангѣ, гдѣ былъ самъ Мюратъ. „Захваченный совершенно врасплохъ, онъ былъ на ногахъ при первыхъ выстрѣлахъ, и едва успѣлъ сѣсть на коня прежде чѣмъ Русскіе завладѣли его лагеремъ. Въ отчаяніи отъ мысли объ опасности, угрожавшей его товарищамъ (ибо войска смотрѣли на него какъ на своего брата-солдата, и онъ самъ старался расположить ихъ къ себѣ такимъ образомъ) и о безславіи, которое повлечетъ за собою его небрежность, онъ выказалъ въ полной силѣ свою энергію и дѣятельность: вездѣ, гдѣ кипѣла самая силь-

вая съча, развѣвался его султанъ; то онъ останавливалъ бѣгущихъ, то возстановлялъ порядокъ въ колоннахъ; то нападалъ на пресѣдующихъ; то прикрывалъ свое отступленіе, прибѣгая къ самымъ смѣлымъ мѣрамъ обороны и являя подвиги величайшей отваги. Ни одинъ начальникъ не могъ съ большимъ самоотверженіемъ стараться объ исправленіи своей ошибки,—ибо онъ сдѣлалъ ошибку и самъ въ томъ сознавался,—или явить болѣе блистательное мужество среди самой грозной и обезумливающей опасности.“

Бѣгство Мюрата прекратилось только въ Ариновѣ; Милорадовичъ съ авангардомъ остался въ Вилковѣ; русская армія возвратилась въ Тарутино.

Потеря обѣихъ сторонъ показана у Вильсона не совсемъ согласно съ цифрами приведенными у генерала Богдановича; со стороны Русскихъ не болѣе 500 (вмѣсто 1200) человекъ, въ томъ числѣ генералъ Баггевуть; со стороны Французовъ: убитыми—генералы Дери и Фишеръ и 2000 (вмѣсто 1500) человекъ; взятыми въ плѣнъ: генерала Бальтье, 2000 (вмѣсто 1500) человекъ, штандартъ, 38 пушекъ, 40 зарядныхъ ящиковъ, весь обозъ и множество негодныхъ лошадей. Сверхъ того, были отбиты 300 раненыхъ русскихъ плѣнныхъ въ церкви, которую непріятель зажегъ при своемъ отступленіи. Такъ какъ Французы были застигнуты въ то время какъ они готовили себѣ завтракъ, то были также захвачены ихъ котлы, въ которыхъ варилась конина; даже въ серебряныхъ кострюляхъ Мюрата найдены были куски кошачьяго и лошадиного мяса. Остатки убитыхъ лошадей валялись около французскихъ биваковъ и заражали воздухъ завономіемъ. Взятый въ этотъ день въ плѣнъ, племянникъ генерала Кларка (герцога Фельтрскаго), Эллиотъ, разказывалъ Уильсону, что цѣлые двѣнадцать дней передъ сраженіемъ, войска Мюрата питались кониной и, на предложеніе быть обмѣненнымъ, отвѣчалъ отказомъ, говоря что съ него уже довольно было конскаго мяса и казачьихъ пикъ.“ Этотъ же Эллиотъ разказывалъ, что Бонапарта ожидали въ тотъ же день въ главную квартиру Мюрата, куда, какъ предполагали, онъ долженъ былъ прибыть съ намѣреніемъ вновь предложить миръ и, въ случаѣ отказа, пробиться въ Украину, потому что отступленіе по дорогѣ, по которой онъ пришелъ, было невозможно, такъ какъ всѣ припасы на ней были потреблены.

Въ сужденіи своемъ объ этомъ сраженіи, Вильсонъ строго обвиняетъ Кутузова: „По причинѣ огромнаго превосходства силъ Кутузова и невыгоднаго расположенія непріятеля, одержанный успѣхъ вовсе не соотвѣтствовалъ употребленнымъ средствамъ. Еслибы Орловъ-Денисовъ былъ поддержанъ какъ садовало, еслибы Беннигсенъ былъ допущенъ поддержать его у Спасъ-Купли, куда достигли его казаки, и еслибы прочія колонны были во время двинуты,—ни талантъ Мюрата, ни его отвага, ни его усилія, не могли бы спасти ни одного изъ его солдатъ; ни единый изъ нихъ не избѣгъ бы смерти или плѣна. Отъ Кутузова зависѣла судьба непріятеля, когда онъ остановилъ наступленіе и перешелъ къ робкой оборонѣ, какъ бы намѣренно спасая непріятеля отъ гибели. Поведеніе его могло бы быть объяснено этимъ предположеніемъ, но повѣствованіе послѣдующихъ его дѣйствій обнаруживаетъ, что причину тому справедливѣе приписать его сопернической зависти къ главному послѣ него начальнику.“

Дѣйствительно, соображая распоряженія Кутузова съ самаго свиданія его съ Лористонемъ и до перехода французской арміи черезъ Березину, слухи о перемиріи, допущеніе имъ разговоровъ между начальниками воюющихъ армій подъ Тарутинымъ, остановленіе имъ нападеній въ минуту самаго ожесточеннаго ихъ разгара, не только при Чернишѣ, но и въ послѣдствіи—подъ Малоярославцемъ, подъ Вязьмой, подъ Краснымъ,—нельзя не сознаться, что всѣ эти дѣйствія въ военномъ отношеніи, не могутъ не подлежать осужденію, и что еслибы цѣлю Кутузова была единственно воинская слава, то образомъ веденія войны въ 1812 году, можетъ-быть, онъ бы не достигъ ея. Но на Кутузовѣ лежала отвѣтственность гораздо болѣе тяжелая. По словамъ рескрипта императора Александра I (отъ 2 октября), онъ былъ *обязанъ отътомъ оскорбленному Отечеству въ потерю Москвы*; ему предстояло отмстить за эту потерю, а побѣда надъ Мюратомъ, хотя бы надъ самимъ Наполеономъ, не исполнила бы мѣры этого мщенія. Какъ бы блистательна ни была побѣда, она могла повести лишь къ разбитію непріятеля, можетъ-быть къ положенію имъ оружія, можетъ-быть даже къ смерти или взятію въ плѣнъ Наполеона; но такой результатъ былъ сопряженъ съ несомнѣннымъ пожертвованіемъ значительной части русскихъ войскъ, и велъ за собой не-

медленное прекращеніе войны; притомъ непріатель, претерпѣвшій пораженіе въ честномъ бою, не подверглася никакому большому стыду, кромѣ стыда неудачнаго похода, и покорялся лишь одной изъ обыкновенныхъ случайностей войны. Мщеніе Кутузова было болѣе соразмѣрно съ оскорбленіемъ: не одни войска русскія были оскорблены поруганіемъ московской святыни; весь народъ русскій понесъ это оскорбленіе, и всѣмъ Русскимъ предоставилъ Кутузовъ быть причастниками отмщенія; войско онъ употребилъ только какъ средство принудить непріателя идти по той же дорогѣ, которую онъ раззорилъ при шествіи своемъ въ Москву. Такимъ образомъ онъ явилъ позорище постыднаго бѣгства Французовъ тѣмъ самымъ жителямъ, которые были свидѣтелями его успѣховъ. Пренебрегая славою *выигранныхъ баталій*, щадя кровь своихъ солдатъ, Кутузовъ употреблялъ ихъ только для разбитія непріательскихъ отрядовъ на шайки мародеровъ, которые находили безславную смерть подъ пиками казаковъ, подъ пулями партизановъ, подъ топорами мужиковъ.

„За десятерыхъ Французовъ не отдамъ я одного Русскаго Непріателя скоро всѣ пропадутъ, а если мы потеряемъ много людей, то съ чѣмъ придемъ на границу?“ говорилъ Кутузовъ¹. И мудрое предвидѣніе его оправдалось, когда, вслѣдъ за выступленіемъ немногихъ уцѣлѣвшихъ шайкъ измѣожившихъ бѣглецовъ, собрались въ Вильнѣ, жаждавшія битвы и исполненныя духа не насыщеннаго мщенія, ополченія русскихъ воиновъ.

По полученіи княземъ Кутузовымъ извѣстія, что на рѣкѣ Нарѣ, у Омиинскаго, появился непріательскій корпусъ, фельдмаршалъ отправилъ Дохтурова съ 3 тыс. конницы и 12 тыс. пѣхоты при 84 орудіяхъ, съ тѣмъ чтобъ онъ „шелъ на Омиинское и, если возможно, захватилъ непріателя врасплохъ; но еслибы этотъ корпусъ былъ поддержанъ другимъ, или еслибы оказалось, что онъ принялъ нужныя предосторожности для обороны своей позиціи до прихода къ нему подкрѣпленій, Дохтуровъ не долженъ былъ ни подъ какимъ видомъ вступать въ сраженіе, которое потре-

¹ Военная галлерей Зимняго Дворца. III. Біографія князя М. И. Голицына-Кутузова Смоленскаго.

бывало бы отраженія помощи отъ главной арміи и могло бы поставить его собственный отрядъ въ опасность или повлечь за собою принатіе генеральнаго сраженія при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ.“ Ермоловъ сопровождалъ Дохтурова. Вильсонъ также находился при его отрядѣ.

Дохтуровъ выступилъ 11^{1/2} октября¹, и около 4 часовъ пополудни, не доходя до Наро-Фоминскаго семи верстъ, расположился у Аристова, въ лѣсистой долинѣ, откуда окрестность открывалась для наблюденія на дальнее разстояніе. По добытіи развѣздами нужныхъ свѣдѣній, Дохтуровъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ, объявивъ данныя ему фельдмаршаломъ приказанія, объяснилъ, что непріятель, въ числѣ 12 тыс. чел., находится въ семи верстахъ; что намѣренія его неизвѣстны, но что онъ занимаетъ сильную и хорошо защищаемую позицію; что зоркость его пикетовъ устраниваетъ возможность нечаяннаго нападенія. Затѣмъ Дохтуровъ и прочіе присутствующіе желали знать мнѣніе Вильсона. „Я считалъ нападеніе безразсуднымъ: отрядъ непріятеля былъ расположенъ не въ городѣ и слѣдовательно имѣлъ возможность къ защитѣ, равно какъ и къ отступленію; извѣстно было, что вся непріятельская армія наканунѣ находилась въ Вороновѣ;¹ по всей вѣроятности Бонапартъ былъ на сторожѣ и движеніемъ вправо хотѣлъ обойти наше лѣвое крыло. Я успѣлъ настоять на томъ, чтобъ ожидать вѣрнѣйшихъ свѣдѣній.“

Съ часъ спустя, прискакалъ въ Аристово знаменитый, храбрый партизанъ Сеславинъ съ извѣстіемъ, что онъ ви-

¹ Такъ въ *Narrative*, но въ *Diary* у Вильсона показано время выступленія согласно съ Богдановичемъ (III, 11) 10^{10, 22} т. е. еще наканунѣ. По разсчету времени однакоже первое показаніе вѣроятнѣе: въ Аристово (23 версты) Дохтуровъ пришелъ къ 4 часамъ пополудни; оттуда въ 7 часовъ вечера былъ на походѣ въ Малоярославецъ, куда прибылъ къ разсвѣту 11^{1/2} октября. Не могъ же онъ на послѣдній переходъ (30 верстъ) употребить полторы сутки. (*Narrative*. 222, 223; *Diary*. 1.202).

Впередѣ отъ Воронова въ нѣсколькихъ верстахъ ближе Москвы, 9^{1/2} октября, оставались только кавалерія Мюрата и корпусъ Нея; главная же квартира Наполеона находилась въ Пасковѣ между этимъ отрядомъ и корпусомъ Богарне, пришедшимъ къ Фоминскому, на боровской (новой каужской) дорогѣ. Но, по доносенію Дорохова отъ того же числа, въ арміи предполагали, что главные силы Наполеона расположены у Воронова, куда, на этомъ основаніи, и отправленъ былъ Милорадовичъ съ цѣлю привлечь вниманіе Мюрата.“ (Богдановичъ. III. 10 и II; ср. также *Narrative* p. 219.)

дѣлъ какъ французская армія выступила изъ Игнатова въ Оминское; вслѣдъ за нимъ, казаки донесли, что они видѣли вступленіе непріятели въ большихъ силахъ въ Боровскъ; наконецъ, пѣвннй французскій офицеръ показалъ, что Москва очищена, что Наполеонъ съ своею колонной въ Игнатовѣ, но что ему неизвѣстно направление арміи; извѣстно только, что она выступаетъ къ границамъ.

Очевидно было, что непріятель шелъ на Малоярославецъ. „Тогда воздана была честь моей предусмотрительности и осторожности: „Хотя еще до собранія совѣта мы, „по совѣсти, были одного съ вами мнѣнія, говорили мнѣ русскіе генералы, никто изъ насъ однако не рѣшился бы „подать совѣтъ о благоразумномъ образѣ дѣйствій. При „востоящемъ настроеніи умовъ въ войскахъ, особенно послѣ „слѣ послѣдняго дѣла подъ Тарутинымъ, мы не могли бы „исполнить условныхъ приказаній фельдмаршала и должны „были бы единогласно рѣшить: *en avant coûte qui coûte!* Но ваше антифранцузское „ревнеіе (anti French zeal) такъ извѣстно солдатамъ, что всякій „будетъ убѣжденъ вашимъ мнѣніемъ и рѣшится терпѣливо „ждать.“

До Малоярославца было тридцать верстъ; ¹ времени траты было некогда; къ тому же, не успѣлъ отрядъ Доктурова стать подъ ружье, какъ уже получено было извѣстіе, что непріятель двинулся изъ Оминскаго по этому направленію. Въ семь часовъ вечера. Доктуровъ вышелъ усиленнымъ маршемъ изъ Аристова; несмотря на совершенное бездорожье, на безпрестанные переходы черезъ ручьи и широкіе рвы, на отсутствіе мостовъ и неимѣніе понтоновъ, до разсвѣта онъ перешелъ Протву у Спасскаго и расположился около Малоярославца, на правомъ берегу рѣки Луки, прикрывая дороги въ Вязьму, въ Медынь, въ Калугу и Тулу (на Серпуховѣ).

Въ *Дневникѣ* своемъ Вильсонъ, опускаая подробное описаніе сраженія подъ Малоярославцемъ, упоминаетъ только,

¹ Въ показаніи разстояній въ двухъ сочиненіяхъ Вильсона встрѣчается разпорѣчіе: въ *Diary* (201, 202) показано отъ Тарутина до Оминскаго 30 верстъ, а до Аристова 3 версты, отъ Аристова до Малоярославца 30 верстъ; въ *Narrative* (222) отъ Малоярославца до Аристова 12 миль, то-есть 18 верстъ, а до Тарутина 10 миль, то-есть 15 верстъ.

что ему досталась честь открыть балъ, поставивъ первыя пушки, которыя на цѣлый часъ задержали стремленіе непріятеля и произвели ужасное опустошеніе въ его рядахъ. Въ *Повѣствованіи* онъ говоритъ, что имъ поставлена была легкая батарея на возвышеніи, которое, со стороны города, господствовало надъ противоположнымъ берегомъ, и съ котораго онъ нѣсколькими картечными выстрѣлами разсѣялъ непріятеля, толпившагося на спускѣ къ мосту черезъ рѣку Лужу. Богарне говорилъ потомъ Вильсону въ Мантуѣ, что отъ перваго выстрѣла онъ вздрогнулъ и пришелъ въ такое безпокойство, какого не чувствовалъ во всю свою жизнь, ибо сразу понималъ гибельныя послѣдствія.

Кутузовъ, еще въ девять часовъ вечера наканунѣ, получилъ донесеніе Дохтурова о движеніи его на Малоарславецъ для отрѣзанія непріятелю путей на Калугу и на Медынь; еще прежде Милорадовичъ донесъ ему объ отступленіи Мюрата отъ Воронова и о переходѣ его на новую калужскую дорогу къ Наро-Фоминскому. Слѣдовательно, фельдмаршалу было извѣстно, что Дохтурову приходилось выдержать натискъ большей части силъ Наполеона. Несмотря однакоже на безпрестанныя просьбы Дохтурова о подкрѣпленіи, корпусъ Раевского пришелъ къ Малоарславцу не ранѣе какъ черезъ семь часовъ послѣ начала сраженія, когда изъ войскъ Дохтурова, изнуренныхъ и труднымъ переходомъ и упорнымъ боемъ, длившимся съ самаго разсвѣта, убыль простиралась до 5 тысячъ чел., и когда каждый изъ его полковъ перебивалъ въ огнѣ. Къ тремъ часамъ подоспѣло еще нѣсколько отстающихъ баталіоновъ корпуса Раевского. Самъ же Кутузовъ, еще съ утра находившійся въ селѣтъ Спасскомъ, гдѣ окна въ его домѣ тряслись отъ пушечныхъ выстрѣловъ, только послѣ своего обѣда сѣлъ въ свои дрожки и двинулъ остальныя войска подъ Малоарславецъ.

Вильсонъ пишетъ: „Хотя съ самаго разсвѣта фельдмаршалъ находился въ пяти верстахъ отъ сраженія, но до 5 часовъ вечера онъ даже не полюбобытствовалъ взглянуть на него; когда же пріѣхалъ, то, оставаясь назади, сѣлъ какъ нѣкогда Кануть на берегу моря, и сказалъ ядрамъ: „Не долетайте ближе трехъ сотъ шаговъ отъ меня,—и ядра повиновались ему не такъ какъ непокорныя волны.“

Эта выходка, очевидно писанная подъ внушеніемъ озабоченія, опровергается однакоже свидѣтельствомъ Левенштерна, по словамъ котораго генералъ Богдановичъ пишетъ (III. 37, гл. XXXIV, прим. 17), что „фельдмаршалъ оставался въ огнѣ, не обращая вниманія на представленія бывшихъ тогда при немъ ген. Тормасова и ген. интенданта Ланскаго.“

Но героемъ Вильсона былъ Беннигсенъ. „Онъ былъ вездѣ: я одинъ сопровождалъ его въ городѣ при его прїѣздѣ, потому что онъ не хотѣлъ дозволить никому изъ его свиты съ нимъ ѣхать.“ Перестрѣлка продолжалась до 11 часовъ вечера, пушечная пальба начала слабѣть съ 9 часовъ, но бомбы были пускаемы почти до полночи. Въ сраженіи съ каждой изъ обѣихъ сторонъ участвовали отъ 22 до 23 тыс. человекъ. Потеря Французовъ простиралась до 10 тыс. чел.; потеря Русскихъ была нѣсколько менѣе: въ числѣ первыхъ были убиты генералы: Дельзонъ и Леви, ранены: Пино, Джеффенга и Фонтана; съ нашей стороны, смертельно раненъ генералъ Дороховъ.

По захожденію солнца, зрѣнище было неописанно великолѣпно и занимательно. Трескъ пламени, темныя тѣни сражающихся, выдающіяся на огнѣ; звонкое шипѣніе картечи, вылетающей изъ пушекъ; перекаты перестрѣлки; зажженные бомбы, летящія по воздуху на перерѣзъ одна другой; дикіе вопли сражающихся и всѣ принадлежности кроваваго боя; все это въ совокупности представляло рѣдкое зрѣнище и становилось еще сильнѣе при мыслѣ о рѣшительныхъ послѣдствіяхъ, сопряженныхъ съ исходомъ дѣла.

„Въ 11 часовъ Кутузовъ созвалъ всѣхъ генераловъ на свой бивакъ, въ виду города, и объявилъ диспозицію сраженія, сказавъ, что: „рѣшился противостать наступленію Наполеона и готовъ рѣшить судьбу непріятеля генеральнымъ сраженіемъ.“ Тогда я подошелъ къ нему, и сжавъ ему руку, „поздравилъ его съ рѣшеніемъ столь достойнымъ его свойствъ и великаго дѣла, на него возложеннаго.“ При этомъ я просилъ его „забыть всѣ бывшія недоразумѣнія“, и изъявилъ надежду, что завтрашній день представитъ мнѣ случай быть ему полезнымъ по службѣ. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, что онъ рѣшился кончить войну на этомъ мѣстѣ, одержать верхъ или пастъ, и говорилъ тономъ торжественнаго патриотизма, который присталъ бы Леониду въ ущельѣ Термопиль. Онъ просилъ меня постоянно съ ними сно-

ситься въ какомъ бы мѣстѣ битвы я ни находился, и уполномочивалъ меня при всякомъ случаѣ дѣйствовать его именемъ, какъ бы по имениному его приказанію...“

„По истеченіи трехъ часовъ, проведенныхъ въ поспѣшныхъ и усердныхъ приготовленіяхъ, около двухъ часовъ утра, генералы были вновь созваны къ Кутузову: всѣ, по собственному сознанію, собрались съ одинаковыми подозрѣніями относительно этого призыва. Кутузовъ, сѣвъ въ срединѣ нашего кружка, коротко объявилъ намъ, что по донесеніямъ, имъ полученнымъ, онъ принужденъ оставить свое намѣреніе защищать позицію передъ Малоарославцемъ и рѣшился отступить за Корицу¹ для защищенія калужской дороги и сообщенія съ Окой.“ Отъ этого объявленія, будто отъ громоваго удара, всѣ остолебѣли. Начались представленія, что подобное движеніе, въ такую минуту, при невыгодахъ темноты и узкаго пути отступленія, не можетъ быть исполнено безъ пагубнаго замѣшательства; что неприятель, замѣтивъ это, безъ сомнѣнія, будетъ стараться увеличить наше замѣшательство нападеніемъ, что если онъ воспользуется своею выгодою, то все войско подвергнется опасности, а арріергардъ неизбѣжной гибели. На усиленное представленіе мною этихъ соображеній, фельдмаршалъ отвѣчалъ: „Не нуждаюсь въ вашихъ возраженіяхъ: предпочитаю пропустить неприятеля по *золотому мосту* (pont d'or), какъ вы говорите чѣмъ получить отъ него *затылочный ударъ* (coup de collier). Притомъ повторю, что уже говорилъ вамъ прежде: я нисколько не полагаю, чтобы совершенное истребленіе императора Наполеона и его арміи было такимъ благодѣяніемъ для вселенной; наследство его достанется не Россіи или какой-либо другой изъ державъ материка, но той державѣ, которая уже теперь господствуетъ на моряхъ и которой преобладаніе сдѣлается тогда невыносимо.“

Этотъ отвѣтъ, можетъ-быть, вырвался изъ устъ Кутузова въ минуту негодованія на Вильсона за его настойчивость; однакоже Кутузовъ, въ послѣдствіи, при подобныхъ же его представленіяхъ подъ Краснымъ о возможности кончить

¹ Корица—небольшой притокъ рѣки Лужи, который пересѣкаетъ лозую калужскую дорогу къ югу отъ Малоарославца, и обогнувъ плоскую возвышенность, на которой построены Малоарославецъ, впадаетъ въ рѣку Лужу на сѣверо-востокъ отъ него.

войну въ часъ времени, припомнилъ свой прежній отвѣтъ. Слова эти доказываютъ, что уже въ то время созрѣло въ головѣ Кутузова убѣжденіе въ необходимости окончить борьбу императора Александра I съ Наполеономъ не въ Россіи, а предъ лицомъ всей Европы, и въ томъ что русскому народу предстоитъ слава освободить прочіе народы отъ ига завоевателя, а русскому царю слава рѣшить судьбы этихъ народовъ.

Отступленіе отъ Мало-Ярославца открывало Наполеону, кромѣ возвратнаго пути чрезъ Боровскъ на Можайскъ, дорогу на Медынь, и очищало пятнадцать верстъ новой калужской; если вѣрить Вильсону, то Кутузовъ былъ готовъ отступить за Оку и даже отдалъ приказаніе перейти за нее, въ случаѣ если непріятель будетъ наступать на его новую позицію.“

При отступленіи къ Горкамъ (*Копу*, въ 40 верстахъ отъ Калуги) конницы сталкивались, лошади едва тащались по грязи, мосты черезъ болота были изломаны, раненые ползали, умолая о помощи. Несмотря на то, что отступленіе совершенно было съ расторопностію, быстротою и успѣхомъ, которымъ едва могли вѣрить сами очевидцы, и хотя до разсвѣта бѣлая часть артиллеріи прошла черезъ болотную дорогу, но множество повозокъ и войскъ еще не успѣли на нее выдаться и толпились въ ложбинѣ, которая служила ей входомъ. Вильсонъ поскакалъ къ генералу Уварову, оставшемуся въ арріергардѣ съ значительнымъ отрядомъ кавалеріи, и передалъ ему, что необходимо держаться еще нѣсколько времени. Въ эту минуту была брошена изъ окраины города бомба, за нею другая... съ минуты на минуту раздавались начала канонады и вылазки. „Мы будемъ держаться до конца, сказалъ Вильсону Уваровъ,—по крайней мѣрѣ съ честью погибнемъ; — но мы пропали!“ По счастливому и непостижимому случаю, непріятель прекратилъ огонь и не выходилъ изъ города. Брошенные бомбы только ускорили движеніе. Около 11-ти часовъ, Уваровъ спокойно отступилъ съ своимъ арріергардомъ на новую позицію.

„Ничѣмъ нельзя объяснить бездѣйствіе непріятеля: спасеніе русской армии можно приписать только Провидѣнію.“

По отступленіи отъ Мало-Ярославца Вильсонъ отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Надѣюсь только на казаковъ и

на отдѣльные корпуса и непремѣнно присоединюсь къ нимъ, если увижу, что главная армія обречена на бездѣйствіе. Къ этому убѣжденію пришелъ онъ наконецъ, когда на разсвѣтъ 22 октября (3 ноября) Кутузовъ, приведя свои войска въ Быково, приказалъ имъ остановиться, не смотря на раскаты канонады сражавшагося въ десяти верстахъ Милорадовича, который, въ надеждѣ что фельдмаршалъ захватитъ корпусъ Богарне въ Вязьмѣ, отрѣзывалъ отступление въ этотъ городъ войскамъ Даву, Поятовскаго и Нея, тѣснимымъ съ тыла казаками Платова. Убѣжденія Беннигсена, Вильсона и другихъ—отрядить къ Вязьмѣ хотя одну кавалерійскую дивизію съ нѣсколькими орудіями, не могли колебать Кутузова, который на всѣ представленія отвѣчалъ одно: „еще не время.“ Между тѣмъ, по словамъ Вильсона, „солдаты съ величайшимъ негодованіемъ сложили свои ружья и съ нетерпѣніемъ ожидали барабаннаго боя, чтобы опять за нихъ взяться,“ прислушиваясь къ пушечнымъ выстрѣламъ, „изъ которыхъ каждый, казалось, раздражался осужденіемъ государя, негодованіемъ отечества, упрекомъ сослуживцевъ.“ Вильсонъ, взявъ своихъ ангаііскихъ драгунъ, трехъ казаковъ и своего русскаго адъютанта барона Бринкена, ¹ отправился къ мѣсту сраженія, направляясь по звуку канонады; дорогой онъ едва не потонулъ, увязнувъ по грудь въ трясины, изъ которой съ большимъ трудомъ вытащили его верховую и заводную лошадь. Не смотря на послѣдовавшую черезъ это потерю времени и крокъ, который пришлось ему сдѣлать, онъ успѣлъ вовремя, чтобы видѣть *великолѣпное зрѣлище*, какъ Милорадовичъ „гналъ передъ собой маршаловъ Мюрата, Даву и Богарне, громя ихъ своею *могучею* артиллеріей и напирая тяжелыми массами конницы и пѣхоты, между тѣмъ какъ въ тылу слѣва Платовъ, справа Орловъ-Денисовъ, угрожали ихъ сообщеніямъ. Принужденный безостановочно отступать 12 верстъ, непріятель взорвалъ множество пороховыхъ ящиковъ, покидалъ повозки, всѣ тяжести, и оставилъ всѣхъ раненыхъ, которые не были въ состояніи идти. Вся дорога и

¹ Бринкенъ прибылъ въ главную квартиру въ день сраженія подъ Мало-Ярославцемъ (13/25 октября), отправленъ съ депешами въ Петербургъ послѣ сраженія подъ Вязьмою, 24 октября (5 ноября), и произведенный въ ротмистры, возвратился въ Вильну 2/16 декабря.

окужающія поля были покрыты ими; уже много лѣтъ какъ Франгузы не видали такого несчастнаго дня: потеря ихъ была болѣе 6 тысячъ человекъ убитыми и ранеными; 2 тысячи плѣнныхъ, въ томъ числѣ генералъ Пеллетье; орелъ и три орудія. Убыль русскихъ, убитыми и ранеными, болѣе 2 тысячъ человекъ; плѣнными одинъ генералъ Свѣчинъ, который въ атакѣ былъ унесенъ своею лошадью.“

Въ этомъ славномъ дѣлѣ Вильсонъ былъ не только очевидецъ, но и участникомъ, потому что получивъ въ команду отъ Милорадовича 500 казаковъ, онъ успѣлъ съ ними ворваться въ Вязьму и захватилъ тамъ нѣсколько плѣнныхъ, отъ которыхъ узналъ о всеобщемъ отступленіи Франгузовъ по мостамъ, переброшеннымъ черезъ рѣку Вязьму, и о томъ, что Наполеонъ съ своею гвардіей уже два дня какъ прошелъ черезъ городъ. Это даетъ ему новый поводъ упрекать Кутузова въ томъ, что отказомъ своимъ идти отъ Мало-Ярославца на Юхновъ, онъ не предупредилъ Наполеона въ Вязьмѣ, а остановкою движенія своихъ главныхъ силъ у Быкова и поздною присылкою трехъ-тысячнаго отряда генерала Уварова подъ Вязьму (въ 2 часа по полудни) спасъ корпуса Богарне, Понятовскаго, Даву и Нея отъ совершеннаго истребленія.

Для задержанія преслѣдованія, непріятель, уходя изъ города, зажегъ всѣ оставшіяся въ немъ строенія, при чемъ произошелъ взрывъ множества чинельныхъ ядеръ. Подозрѣвая, что эти ядра были оставлены намеренно, русскіе солдаты дошли до крайняго ожесточенія, не давая никому пощады. Вильсонъ успѣлъ однакоже спасти какое-то швейцарское семейство, состоявшее изъ матери и двухъ красавицъ дочерей, которыхъ отправилъ въ безопасное мѣсто.

Вильсонъ оставался еще нѣсколько дней въ авангардѣ и вмѣстѣ съ Милорадовичемъ вступилъ въ Дорогобужъ 26 октября (7 ноября). Если вѣрить ему, то Милорадовичъ тоаько по его убѣжденію выслалъ нѣсколько егерей, которые обнаружили, что городъ не очищенъ непріателемъ, какъ полагали, но что въ немъ еще были оставлены двѣ дивизіи. ¹ „Совѣтъ былъ полезенъ: при всемъ томъ Милорадовичъ зараромъ потерялъ 100 человекъ; насъ самихъ едва не убили.

¹ Въ Дорогобужѣ собственно оставлена была Неемъ одна дивизія П'азу; дивизія Ледрю стояла позади города, въ резервѣ. (Богдан. III, 90).

На войнѣ всегда должно опасаться самонадѣянности и ея послѣдствія—оплошности. Потеря чести хуже чѣмъ потеря жизни.“

На другой день, въ однихъ саняхъ съ графомъ Остерманомъ, Вильсонъ отправился въ главную квартиру въ Ельню; на этомъ переѣздѣ въ 45 верстъ, его два раза вывалили въ сѣдлѣ „что было очень неприятною холодною ванной.“ Въ Ельнѣ его встрѣтили извѣстія о пораженіи Богарне Платовымъ у рѣки Вопи, 28 октября (9 ноября), и о сдачѣ генерала Ожеро—Орлову-Денисову подъ Ляховымъ (того же числа). Четыре дня спустя, въ Лабковѣ, Вильсонъ пишетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Отмѣчаю для памяти, что послѣ дѣла подъ Вязьмой, 22 октября (3 ноября) до 31 октября (12 ноября), взято въ плѣнъ 12.583 человекъ, а съ $\frac{6}{18}$ октября (дѣла при Тарутинѣ) сдано въ русскую артиллерію 183 неприятельскихъ орудій, не считая множества пушекъ, найденныхъ въ рѣкахъ. Я думаю, что со времени оставленія Москвы, неприятель потерялъ умершими, убитыми и ранеными до 25.000 человекъ, кромѣ раненыхъ, идущихъ при его войскѣ. Отбито или взорвано у него не менѣе 1.200 ящиковъ съ зарядами.“

Пребываніе Вильсона при главной квартирѣ доставляетъ ему новые случаи упрекать Кутузова — въ безполезной двухдневной дѣлкѣ у Юрова 2 и 3 (14 и 15) ноября, въ продолженіе которой остатки польскаго корпуса, были пропущены въ десяти верстахъ отъ русской арміи, а Наполеону съ его гвардіей дана была возможность занять Красный, находившійся отъ Юрова на разстояніи одного перехода.

Но негодованіе Вильсона не знаетъ границъ, когда при изложеніи дѣлъ подъ Краснымъ, онъ передаетъ распоряженія Кутузова и разказываетъ какъ Кутузовъ остановилъ дѣйствія Милорадовича, въ то время какъ нашъ авангардъ, отбросивъ корпусъ Богарне въ сторону отъ дороги въ Крас-

¹ Вильсонъ пишетъ, что Кутузовъ пропустилъ *Понатовскаго* (*Diary*. 1, 222). Но, за болѣзнію Понатовскаго, Заюичеку вѣрено было начальство надъ польскимъ корпусомъ, который ему было поручено вести для перформирования въ Могилевъ, но который былъ отброшенъ Орловымъ-Денисовымъ и принужденъ споротить на Красный при Волковѣ, то-есть дѣйствительно верстахъ въ десяти отъ главной квартиры Кутузова. (Богдан. III 104 и 110.)

ной, отрѣзалъ Наполеона отъ слѣдовавшаго изъ Смоленска корпуса Даву; какъ дозволеніе Милорадовичу продолжать наступленіе было дано уже по соединеніи Даву съ Наполеономъ; какъ, подъ предлогомъ опасенія, чтобы Ней не подоспѣлъ изъ Смоленска, Кутузовъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ не допускалъ войска Торماسова исполнить данной имъ же самимъ диспозиціи и движеніемъ на Доброе воспрепятствовать отступленію Наполеона по дорогѣ въ Оршу; и наконецъ какъ онъ двинулъ Торماسова только по совершеніи уже и Наполеономъ, и Даву этого отступленія.

„Кутузовъ, на походѣ изъ Быкова, объявилъ, что *подъ Краснымъ не будетъ больше дѣйствовать какъ Фабій, но обнужитъ мечъ какъ Марцеллъ*. Онъ достигъ предѣла своихъ Фабіевыхъ дѣйствій въ два часа пополудни $\frac{1}{10}$ ноября, когда получилъ донесеніе, что не далѣе трехъ верстъ (двухъ миль) отъ обозрѣваемаго имъ мѣста (Шилова)—въ Красномъ находилась Наполеонъ съ своею гвардіей и дивизіей Клапареда, между тѣмъ какъ остальные его войска еще въ Смоленскѣ или на походѣ въ Красной.

„Громко и единодушно требовали немедленнаго наступленія на Красной войска, построенныя въ маршевую колонну: по рядамъ раздавался крикъ: *Москва! Москва!*—Но у Кутузова достало духа отказать, и онъ велѣлъ арміи стать на бивуакахъ кругомъ Шилова, въ виду Краснаго и каждаго изъ движеній непріятели.

„Опасаясь однако показать слишкомъ рѣшительное сопротивленіе желанію арміи, столь сильно и явно выраженному, онъ объявилъ диспозицію „для нападенія на непріятели *на слѣдующее утро*.“ Такимъ образомъ, онъ намѣренно и умышленно представлялъ непріятели цѣлый вечеръ и цѣлую ночь на безпрепятственное отступленіе къ Лядамъ и на соединеніе съ войсками идущими изъ Смоленска.

„Съ разсвѣтомъ $\frac{5}{17}$ числа завидѣли непріятели на его позиціи: часъ проходилъ за часомъ, а исполненіе данныхъ наканунѣ Кутузовымъ приказаній было остановлено по всей линіи.

„Всѣ негодовали на это бездѣйствіе.

„Отрядъ князя Голицына, ближе всѣхъ стоявшій къ непріятели, не могъ долѣе быть удержанъ, и Голицынъ, подъ отвѣтственностію Бенвигсена, уступилъ всеобщему требо-

ванію, приказавъ (кирасирской бригадѣ генерала Дуки) атаковать гвардейскихъ вольтижеровъ. (Слѣдствіемъ чего было истребленіе цѣлаго вольтижерскаго полка и занятіе селенія Уварова.)

„Беннигсенъ, послѣ этой атаки, послалъ адъютанта довести Кутузову объ ея успѣхѣ и „о вѣрномъ истребленіи непріятеля, если только дано будетъ позволеніе исполнить прежде приказанное движеніе.“ „Кто прислалъ вась?“ спросилъ Кутузовъ. „Самъ генералъ Беннигсенъ съ поля сраженія. Мы ожидаемъ лишь приказанія вашей свѣтлости, чтобы собственными своими силами взять Красной и всѣ войска какъ внутри, такъ и около его.“

Отказъ Кутузова былъ сдѣланъ по-французски. Онъ означенъ у Вильсона начальными буквами (*Narrative* p. 273). На представленія Вильсона, также пріѣхавшаго отъ Беннигсена, что „одно слово *маршъ* приведетъ войну къ окончанію черезъ часъ времени“, Кутузовъ сухо отвѣчалъ: „Я далъ вамъ свой отвѣтъ подъ Малоярославцемъ.“

Разрѣшеніе Торماسову и передовому отряду Розена двинуться дано было Кутузовымъ только въ два часа. Когда Розенъ вышелъ на оршанскую дорогу у Добраго, верстахъ въ двухъ отъ Краснаго, было уже 4 часа пополудни: Наполеонъ, его гвардія и прочія войска уже успѣли пройти; оставался только арріергардъ корпуса Даву, который, охваченный отвсюду Русскими, принужденъ былъ кинуться вправо въ лѣса между большою дорогою и Двѣпромъ.

Въ числѣ добычи, захваченной въ арріергардѣ Даву, были между прочимъ его карета, въ которой найденъ его маршальскій жезлъ, далѣе фургоны со слитками золота и серебра, другой съ казною на сумму 200.000 фунт. стерл. и наконецъ третій съ картами, не только Россіи и Турціи, а также Средней Азіи и Индіи; ибо Наполеонъ предполагалъ поставить нашествіе на Индостанъ однимъ изъ условій мирнаго договора о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, который намѣревался заключить съ Александромъ I. Вильсонъ разказываетъ, что императоръ Александръ, разговаривая съ нимъ въ послѣдствіи объ этихъ картахъ, сказалъ ему: „Англія мнѣ болѣе обязана чѣмъ она предполагаетъ; отказавъ въ мирѣ, я можетъ-быть спасъ ея владѣнія на востокъ.“ „Чтобы довершить дѣйствіе вашего милосердія и устранить всякое искушеніе, замѣтилъ Вильсонъ,

ваше величество лучше бы отослали въ Англію весь фурго́въ, взятый подъ Краснымъ.“ „Нѣтъ, шутиuvo отвѣтилъ государь, находившіяся въ немъ бумаги очень хорошо будутъ сохранены въ моей канцеляріи: но признаюсь, я удивляюсь какъ, убѣдившись, что вы не можете захватить этотъ фурго́въ, вы его не взорвали.“

О томъ, какъ смотрѣли войска на образъ дѣйствій Кутузова, можно судить по словамъ одного казака, котораго слышалъ Вильсонъ, когда при занятіи арміей позиціи при Добромъ, онъ вмѣстѣ съ генераломъ Кикинымъ смотрѣлъ какъ по дорогѣ ведущей изъ Краснаго въ Оршу непріятель проходилъ *безъ выстрѣли, подобно стаду бирановъ*. „Не слѣдовало бы фельдмаршалу, сказалъ казакъ, давать этимъ мертвецамъ спокойно выходить изъ своихъ могилъ.“ Впрочемъ, еще прежде, на другой день послѣ перваго выпавшаго снѣга, казаки, увидавъ, что брошенные по дорогѣ изъ Вазьмы въ Дорогобужь французскія лошади подкованы не на шипахъ, стали какъ сумашедшіе кричать, бѣгать, плясать, цѣловать колѣни и лошадей ѣхавшаго съ ними Вильсона, говоря ему: „Наполеонъ забылъ, что у насъ есть зима. Наперекоръ Кутузову, вражьи кости останутся въ Россіи.“

Послѣднее дѣло, при которомъ присутствовалъ Вильсонъ въ кампаніи двѣнадцатаго года, была отчаянная попытка Нея прорваться чрезъ войска Милорадовича въ Красной, гдѣ онъ надѣялся застать Наполеона. Вильсонъ успѣлъ еще во время прискакать въ Микулино, чтобы видѣть „эту рукопашную битву великановъ, которая, по относительной численности сражавшихся, была однимъ изъ кровопролитнѣйшихъ сраженій всего похода. Вершина и покатоности холма, на которомъ стояла русская батарея (у рѣки Лосины) были покрыты мертвыми и умирающими, съ русскихъ штыковъ капала кровь, и раненые, истекая кровью и валяясь въ снѣгѣ, громко призывали смерть, какъ величайшее благодѣяніе въ ихъ безнадежномъ положеніи.“

Вильсонъ чрезвычайно живописно разказываетъ геройское отступленіе Нея въ темную ночь, безъ провожатыхъ, по снѣгу, отъ Микулина къ Днѣпру, переправу его у Воршекъ и трехдневный походъ при непрестанномъ преслѣдованіи казаковъ, отъ которыхъ онъ спасся сперва прикртіемъ лѣса, а въ послѣднюю ночь единственно густымъ

туманомъ, хотя и защитившимъ Французовъ отъ казаковъ, но весьма затруднившимъ ихъ походъ. Особенно хорошо у Вильсона описанъ ужасъ Французовъ, когда, уже вблизи Орши, они, поднявшись на крутую гору, увидѣли длинный рядъ огней, освѣщавшихъ огромную равнину: „не было сомнѣнія—это былъ русскій отрядъ, поставленный чтобы перерѣзать имъ путь. Все кончено—мы погибли! заговорили самые смѣлые. Но Ней, который самъ въ первую минуту содрогнулся, опять вдохнулъ всѣмъ мужество и убѣдилъ молча идти впередъ, и сдѣлать быстрый натискъ, такъ чтобы, если они и погибнутъ, непріятель долго бы могъ помнить, что они жили. Всѣ двинулись впередъ и, приблизившись на нужное для атаки разстояніе, устремились на *воздухъ* и на *бивачныя огни*, которые Платовъ велѣлъ зажечь, чтобъ остановить или замедлить ихъ отступление.“

„Нельзя воздать достаточныхъ похвалъ бодрости, энергіи и постоянству Нейя въ тяжелыхъ испытаніяхъ, которыми подверглись всѣ эти его качества. Весь этотъ подвигъ дѣлаетъ честь не одному Нейю съ его достойными товарищами, но вообще всему военному званію, которое можетъ ознаменовываться такимъ доблестными трудами и такимъ мужествомъ.“

Говоря о потеряхъ Французовъ послѣ сраженій подъ Краснымъ, Вильсонъ пишетъ: „Всего Бонапартъ потерялъ теперь (7/10 ноября) отъ начала похода, 200 тысячъ чел., изъ коихъ 82 тыс. взяты въ плѣнъ; въ числѣ плѣнныхъ 17 генераловъ, болѣе 400 непріятельскихъ пушекъ находятся въ русскихъ паркахъ; болѣе 40 знаменъ отправлены въ Петербургъ, и еще множество различныхъ трофеевъ украсятъ храмъ побѣды. Въ цѣломъ гибель огромная; но гибель могла бы быть конечная, и памятникъ русской славы уже теперь могъ бы выситься на могилахъ врага вселенной.“

Уже черезъ недѣлю послѣ выступленія изъ Тарутина, Вильсонъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ (11/10 октября) „страшно холодный день.“ Шестъ дней спустя, 23 октября, (4 ноября) выпалъ первый снѣгъ, который продолжалъ идти большими хлопьями и на другой день, а на третій окрѣпъ отъ подымавшагося *рыжяго какъ бритва* вѣтра, до того разрѣдившаго атмосферу, что она наполнялась безпрестаннымъ звономъ, и была *хрупка и ломка*. Съ этого времени дружно стала зима, а на другой день послѣ Березин-

ской переправы пошла без перерыва тѣ страшные морозы двѣнадцатаго года, которые до сихъ поръ живутъ въ памяти народа и которымъ Французы такъ любятъ приписывать гибель „великой арміи“, умалчивая, что разстройство ея началось болѣе чѣмъ за мѣсяць передъ первымъ саѣгомъ, и что русскіе солдаты страдали отъ морозовъ почти не менѣе наполеоновскихъ. Эти морозы принудили Вильсона одѣтъ бывшихъ съ нимъ англійскихъ драгунъ въ нагольные тулупы, самъ онъ безпрестанно морозилъ себѣ щеки и носъ, чему особенно способствовала носимая имъ генеральская фуражка безъ козырька. А такъ какъ *„слива безъ носа вовсе не заманчива,“* то онъ пришелъ къ убѣжденію, что „война въ такомъ климатѣ саишкомъ опасна, чтобы заниматся ею изъ одной охоты,“ прекратилъ свои любимыя поѣздки на авангардныя сшибки и, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Минскѣ, находился при главной арміи во весь 27ми дневный походъ ея отъ Краснаго до Вильны. При вступленіи въ Бѣлоруссію, онъ радовался, что, „несмотря на нерасположеніе жителей къ Русскимъ, вступаетъ въ страну, гдѣ образъ жизни болѣе похожъ на европейскій,“ и надѣялся, что найдетъ болѣе удобствъ, но вскорѣ увидалъ, что „увы! тамъ еще болѣе грязи, болѣе ребятишекъ и болѣе кошекъ чѣмъ въ Россіи.. Правду сказать сіяніе славы очень тускло въ польской лачугѣ!“ Къ этому должно присовокупить, что со времени перехода черезъ Двѣпръ, русскія войска, „проходя по странѣ, раззоренной непріятелемъ, почти столько же, сколько и онъ, страдали отъ недостатка пищи, топлива и одежды.

„Почуя на бивакахъ, на мерзломъ снѣгѣ, солдату не чѣмъ было укрыться: спать долѣе получаса заразъ было почти вѣрною смертью, офицеры и рядовые должны были безпрестанно будить другъ друга и насильно поднимать засыпавшихъ, которые часто имъ противились. Рѣдко удавалось достать топливо; если же и случалось развести огонь, къ нему должно было приближаться съ величайшею осторожностію, потому что онъ причинялъ автоновъ огонь въ замороженныхъ частяхъ, а такъ какъ даже вода на разстояніи трехъ футовъ отъ самыхъ большихъ костровъ уже замерзала, то, чтобы почувствовать сколько-нибудь теплоту огня, было почти необходимо обжечься. Около 90 тысячъ человекъ (Русскихъ) погибло, а изъ 10 тысячъ рекрутъ,

присланныхъ въ послѣдствіи въ Вильну для усиленія арміи, пришли въ этотъ городъ только 1500 человекъ, и изъ нихъ бѣольшая часть была отправлена въ госпитали какъ больные и изуродованные (морозомъ). Одною изъ главныхъ причинъ этой убыли было то, что отъ безпрестанныхъ переходовъ обнашивались штаны, и у солдатъ обнажалось мясо въ паху, а морозъ, поражая ссадины, производилъ сильнѣйшее раздраженіе въ этихъ ранахъ. Безпрестанно происходили случаи, подтверждавшіе разказъ римскаго историка о страданіяхъ Римлянъ въ одномъ изъ ихъ походовъ противъ Пареванъ, когда, по его словамъ, отъ суровой погоды, многіе лишались употребленія своихъ членовъ, караульные часто умирали стоя на стражѣ; особенно былъ тогда замѣчательный случай съ однимъ воиномъ, у котораго, въ то время какъ онъ носилъ дрова, кисти его рукъ отнялись отъ морозу, примерзли къ вязанкѣ дровъ и, вмѣстѣ съ нею, отвалились отъ его рукъ.“¹

Гораздо ранѣе начались бѣдствія наполеоновыхъ войскъ, еще жесточе и разнообразнѣе были ихъ страданія и несравненно обширнѣе были губительныя послѣдствія этихъ бѣдствій и этихъ страданій.

Уже выше упомянуто, какъ сраженіе при Чернишѣ, подъ Тарутиннымъ, обнаружило, что еще съ конца сентября авангардъ Мюрата питался одною кониною; вскорѣ по выступленіи Наполеона изъ Москвы, она сдѣлалась единственною пищей его арміи. Когда по занятіи Русскими Медыни, Беннигсенъ вошелъ въ острогъ, гдѣ содержались плѣнные, то они кинулись умолять его, чтобъ онъ велѣлъ отдать имъ на съѣденіе лошадь, которая пала подъ ихъ окнами. На пути отступленія французской арміи вездѣ попадались лошади часто еще живыя, у которыхъ цѣлыя куски

¹ Въ подтвержденіе этого, по крайней мѣрѣ несмысленнаго, если не вполнѣ сомнительнаго разказа, Вильсонъ не приводитъ никакого случая, имъ самимъ видѣннаго, но въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что: „при обыкновенной температурѣ въ 27 и въ 30° ниже замерзанія, небо почти всегда было ясно, и дулъ тонкій, острый, прозительный вѣтеръ, который проликалъ сквозь кожу, въ мускулы и въ самый мозгъ костей: причѣмъ тѣло снаружи было и цѣлый пораженный членъ становился *ломокъ какъ алебастръ*.“ Случалось, что весь оставъ былъ пораженъ, еще дышащее тѣло оставалось недвижимо, и при малѣйшемъ дерганіи (wrench), ноги и руки вылащивались изъ суставовъ безо всякой боли. (*Narrative* pp. 342. 343.)

маса были вырваны изъ шеи и другихъ частей тѣла проходившими солдатами. Въ Смоленскѣ, несмотря на присутствіе Наполеона, солдаты, которымъ не достало розданныхъ припасовъ, отбили триста годныхъ лошадей изъ-подъ военныхъ повозокъ, убили и съѣли ихъ. Но скоро недостало и этой пищи, распространявшей болѣзни въ войскѣ. Тогда начались сцены неистовства; всякая находка чего-либо съѣстного подавала поводъ къ дракѣ и часто къ убійству; были даже случаи людоедства, и Вильсонъ разказываетъ, какъ онъ самъ однажды видѣлъ нѣсколько раненыхъ, сидѣвшихъ около изжареннаго ими трупа своего товарища, котораго уже они начали ѣсть. На вопросъ сдѣланный имъ одному изъ нихъ, гренадеру съ чрезвычайно воинственнымъ выраженіемъ лица: „неужели эта пища не отвратительна?“ — „Да, отвѣчалъ гренадеръ, она отвратительна; но я ѣмъ ее не для спасенія жизни, а только, чтобы заглушить мученія голода.“ Когда Вильсонъ далъ ему кусокъ хлѣба, то онъ съ жадностію было бросился на этотъ хлѣбъ, но потомъ, какъ бы задыхаясь отъ чувства, остановился, взглянулъ на хлѣбъ, потомъ на Вильсона: глаза его наполнились слезами и, прежде чѣмъ успѣли подхватить его, онъ повалился и умеръ.¹

Вскорѣ къ голоду присоединилась стужа: изнемогая отъ холода, французскіе солдаты срывали платье съ товарищей своихъ, которые за ранами оставались на дорогѣ, и бросали ихъ обнаженными на свѣтъ. Весь путь французской арміи былъ усыпанъ тѣлами людей, замерзшихъ въ самыхъ страшныхъ судорогахъ предсмертной муки. Валавшіеся по дорогѣ умоляли какъ о величайшей милости убить ихъ. Множество собакъ лежало на трупахъ своихъ прежнихъ хозяевъ, воя съ голода и съ горя. Другія собаки грызли мясо на рукахъ и на ногахъ несчастныхъ, вѣрѣно

¹ Къ одной изъ неизданныхъ депешъ Вильсона на имя лорда Каткарта приложено слѣдующее свидѣтельство: „Я, генералъ-майоръ Саблуковъ, свидѣтельствую, что видѣлъ трехъ Французовъ, изжаренныхъ около огня, а четвертый сидѣлъ у огня и ѣлъ ихъ мясо; въ другомъ мѣстѣ видѣлъ двухъ Французовъ, которые изжарили умершаго своего товарища и ѣли его мясо, говоря, что сіе мясо вкуснѣе лошадиного. Дорогобузъ 26 октября 1812.“ Это свидѣтельство подтверждено генераломъ Корфомъ и тремя другими генералами.

еще живыхъ. Вильсонъ самъ видѣлъ близъ Вильны четырехъ людей, сидѣвшихъ вмѣстѣ съ отмороженными руками и ногами, но въ полной памяти, у которыхъ двѣ собаки грызли ноги. Около Вязьмы видѣлъ онъ почти столь же страшную картину: нѣсколько обнаженныхъ людей, еще живыхъ, которые, пока отогрѣвались у горѣвшей избы, отморозили себѣ спину; замѣтивъ это, они повернулись спинами къ огню, и отмороженные мѣста покрылись жесткою обожженною корой на ихъ спинахъ.

Случались между Французами примѣры безчеловѣчя совершенно бесполезнаго. Такъ Вильсонъ близъ Дорогобужа увидалъ на дорогѣ молодую и красивую Француженку валяющуюся на снѣгѣ въ одной окровавленной рубашкѣ. „Услышавъ звукъ голосовъ, она подняла голову, съ которой спускались длинныя черныя волосы, и съ дикимъ отчаяніемъ ломая себѣ руки, стала кричать: „отдайте мнѣ моего ребенка!“ Когда ее успокоили, она разказала, что упавъ отъ изможенія, она была обобрана своими спутниками, которые унесли ея новорожденнаго ребенка и приколоди ее, чтобъ не дать ей попасться въ руки Русскихъ.“

Бертъе $\frac{1}{13}$ декабря доносилъ изъ Вирбалена Наполеону, что четыре пятыхъ французской арміи имѣютъ отмороженныя ноги, руки или лицо.

Но описаніе ужасовъ, сопровождавшихъ отступленіе „великой, арміи“ будетъ неполно, если умолчать объ ожесточеніи, съ которымъ русскіе поселане истребляли всѣхъ неприятелей, попадавшихъ имъ въ руки. Французы, пока они еще брали плѣнныхъ, обыкновенно разстрѣливали тѣхъ изъ нихъ, которые за ранами не могли продолжать путь, а при оставленіи городовъ, когда наступали Русскіе, большею частію запирали плѣнныхъ въ церковь или въ какое-нибудь строеніе, которое потомъ предавали огню: „я такъ часто это видалъ, говоритъ Вильсонъ, что уже пересталъ чувствовать тотъ ужасъ, который мнѣ это сперва внушало.“ Но мщеніе Русскихъ было еще страшнѣе, тѣмъ болѣе что между крестьянами водворилось убѣжденіе, что щадить врага есть грѣхъ „оскорбляющій Бога Мстителя Россіи и что помилованіе можетъ лишить Русскихъ его давленнѣйшей защиты.“

Счастливы были тѣ, которые теряли жизнь въ битвѣ;

счастливы даже и тѣ, которые, взятые въ плѣвъ, могли упросить крестьянъ скорѣе убить ихъ: но не всегда доставалась имъ такая завидная доля! Страдальцы оглашали воздухъ пронзительнымъ крикомъ: „Смерть! Смерть! Смерть!“ (La mort, la mort, la mort!)

Прочтя описаніе этихъ ужасовъ, нельзя не согласиться съ сужденіемъ Вильсона: „Русскій набоженъ, но вѣротерпимъ: онъ не оскорбляетъ никого за поклоненіе Богу по обрядамъ праотцевъ или по личному убѣжденію; онъ живетъ въ пріязни съ иновѣрцемъ, не присвоетъ никакихъ преимуществъ собственному своему вѣроисповѣданію. Но голодный тигръ алчущій пды не соизмѣнитъ и не кровосжадитъ Русскаго, когда онъ видитъ оскверненіе своихъ храмовъ и поруганіе своихъ алтарей.“

Государь, узнавъ обо всѣхъ этихъ ужасахъ, не медленно прислалъ курьера съ повелѣніемъ „воспретить ихъ подъ строжайшею угрозой его неудовольствія и наказанія“, и въ то же время приказалъ платить „по червонцу за каждаго плѣннаго крестьянамъ и солдатамъ, которые представляютъ ихъ въ сохранности гражданскимъ властямъ.“¹

Окачивая выписки изъ разныхъ извѣстій Вильсона о бѣдствіяхъ Французовъ въ послѣднюю половину отечественной войны, мы не можемъ пропустить слѣдующій его отзывъ о чувствѣ чести, которое въ нихъ сохранилось: „Должно сдѣлать одно исключеніе, служащее къ чести Французовъ: взятые въ плѣвъ, они, не взирая ни на какія убѣжденія, ни на какія угрозы, ни на какія лишенія, не соглашались признавать, что ихъ императоръ вина ихъ несчастій и страданій. По ихъ словамъ, виною этому были случайности войны, непреодолимая препятствія и судьба, но не Наполеонъ. Умирая отъ голода, они скорѣе отказывались отъ пищи чѣмъ соглашались произнести бранное слово противъ своего военачальника, въ угоду или въ потѣху Русскимъ.“

Выше уже сказано, что, со вступленіемъ въ Бѣлоруссію, Русскіе стали терпѣть недостатокъ въ сѣбствыхъ припасахъ. Вильсонъ пишетъ, что за фунтъ бѣлаго хлѣба пла-

¹ Во исполненіе высочайшаго рескрипта отъ 7-го ноября на одежду каждаго пѣнаго расходовалось до 50 руб., что, въ совокупности, обошлось казѣ въ нѣсколько миліоновъ. (Богдановичъ. III. 237.)

тили полтора рубля (3 шиллинга), а если появлялась бутылка вина, то, какъ бы оно худо ни было, ее продавали не менѣе 12 рублей (24 шиллинга). Подъ числомъ 24 ноября (6 декабря) онъ отмѣчаетъ какъ чрезвычайный случай, что за обѣдомъ у генерала Тормасова была бутылка вина „сюрпризъ до того пріятный, что не могу не упомянуть о немъ.“ Въ тотъ же день казаки привели ему шесть утокъ, бычка и шесть бѣлыхъ хлѣбовъ, что дало ему возможность угостить тѣхъ изъ своихъ друзей, которые пользуются тѣмъ „что Богъ пошлетъ,“ не спрашивая, откуда оно взято?

Въ Минскѣ Вильсонъ очень пріятно провелъ два дня и уѣхалъ прямо съ танцевальнаго завтрака герцога Виртембергскаго, гдѣ участвовало до двадцати польскихъ дамъ. На переѣздѣ оттуда до главной квартиры (въ Воложинѣ), Вильсону особенно не посчастливилось. Онъ выѣхалъ въ саняхъ и чуть не отморозилъ носа, поѣхалъ верхомъ, чтобы согрѣться, и едва не отморозилъ щеки; пересѣлъ въ коляску, которая сломалась и изъ которой онъ упалъ, причемъ сильно ушибся о бывший въ его карманѣ пистолетъ; и наконецъ, пріѣхалъ къ Тормасову, въ „самомъ жалкомъ положеніи“ съ отмороженною щекой. На пути своемъ въ Вильну ему пришлось также страдать отъ 28градуснаго мороза, „даже страхъ волковъ не могъ разогрѣть его крови.“ Сбившись съ пути, онъ встрѣтился съ Милорадовичемъ, который лежалъ съ отмороженнымъ глазомъ, и наконецъ, уже $\frac{5}{17}$ декабря, прибылъ въ Вильну, прямо къ обѣду фельдмаршала, и провелъ вечеръ въ театрѣ, перейдя такимъ образомъ прямо отъ зрѣлища всевозможныхъ человѣческихъ страданій, видѣнныхъ имъ на пути, къ роскошному пиру и къ удовольствіямъ утонченной образованности.

Въ Вильнѣ онъ встрѣтилъ своего друга графа Воронцова, только что излѣчившагося отъ полученной имъ подъ Бородинымъ раны. Тамъ же засталъ онъ бывшаго при немъ за адъютанта и потомъ находившагося при главной квартирѣ адмирала Чичагова, адъютанта герцога Глостерскаго, графа Тэрконеля. Но онъ засталъ его лишь на нѣсколько дней: $\frac{8}{20}$ числа пишетъ Вильсонъ, онъ умеръ въ Вильнѣ, и Англія лишилась въ немъ одного изъ самыхъ храбрыхъ офицеровъ, и человѣка, служившаго однимъ

изъ достоивѣйшихъ и привлекательнѣйшихъ украшеній общества! Графъ Георгъ Тэрконель былъ молодой человекъ въ цвѣтъ мужества, всего двадцати пяти лѣтъ отъ роду: мало кто пользовался такою доброю славой какъ онъ, не возбуждая зависти; никто не могъ оставить по себѣ болѣе искреннихъ сожалѣній. Обыкновенно люди не имѣющие враговъ суть люди ничтожныя, лишенные самобытности въ мысляхъ и энергіи въ дѣйствіяхъ. Но въ лордѣ Тэрконелѣ сила ума была облечена въ такія пріятныя формы, что дѣйствіе ея никогда не оскорбляло гордости другихъ. Поведеніемъ своимъ въ Петербургѣ, во многихъ затруднительныхъ дѣлахъ, онъ доказалъ какъ рѣшительно исполнялъ онъ намѣренія душевные ему разсудкомъ; изъ официальной его переписки видны его отличныя способности къ государственной службѣ; а разговоръ его обнаруживалъ, что онъ посвящалъ чтенію много такихъ часовъ, которые, по любви его къ обществу, могли бы быть употреблены имъ съ меньшею пользою. ^{10/22} числа, его тѣло было отвесено въ могилу въ сопровожденіи двухъ ротъ императорской гвардіи, и предано землѣ со всѣми возможными почестями. Похоронами, разумѣется, распоряжался я. Торжественъ былъ этотъ обрядъ и трогательны были звуки музыки. Странно созданъ умъ человѣческій: рѣдко испытываешь глубокое сочувствіе къ дѣйствительному горю, но скорбь дѣйствующая на воображеніе растапливаетъ ледяную кору привычки и философіи. Увѣряють, что Адамъ сказалъ: „Чуденъ этотъ міръ!“ когда онъ вступилъ въ него; то же скажетъ и послѣдній человекъ.

Русскіе, въ память Тэрконеля, воздвигли на кладбищѣ въ Вильнѣ монументъ съ надписью, что онъ поставленъ чело-вѣку, стяжавшему всеобщее уваженіе своимъ поведеніемъ на полѣ чести и кротостью своего нрава.“

Вечеромъ того же ^{10/22} декабря прибылъ въ Вильну императоръ. Два дня спустя, въ день его рожденія, Вильсонъ удостоился имѣть продолжительный разговоръ съ его величествомъ и получить отъ государя благодарность за правдивость его донесеній. Александръ Павловичъ вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ ему измѣнить свои отношенія къ фельдмаршалу. ¹ Въ тотъ же день Вильсонъ былъ

¹ Подробности этого разговора см. въ *Narrative*. pp. 356 357.

на обѣдѣ и потомъ танцовалъ на балѣ, данномъ княземъ Кутузовымъ по случаю пожалованія ему высшей воинской награды ордена святаго Георгія первой степени.

Дневникъ свой за 1812 годъ Вильсонъ заключаетъ извѣстіемъ объ ожидаемомъ прибытіи въ армию Беннигсена и Барклая де-Толли, и о назначеніи адмирала Чичагова на мѣсто графа Румянцева.

Наконецъ нельзя не привести еще одного мѣста, гдѣ Вильсонъ описываетъ Вильну во время прибытія въ нее государя:

„Госпитааль въ монастырѣ Св. Василя представляя ужаснѣйшее и отвратительнѣйшее позорище: 7500 труповъ, сложенныхъ въ корридорахъ подобно грудамъ свинца; всюду разбросанныя кости; изломанныя окна и щели въ стѣнахъ заткнутыя руками, ногами, головами и кусками тѣла, чтобы предохранить живыхъ отъ наружнаго воздуха. Наконецъ всюду мертвенный запахъ гнѣющаго мяса... Императоръ самъ прибылъ въ монастырь, осматривалъ его; ласково говорилъ съ несчастными, тамъ лежавшими, и лично отдавалъ приказанія объ ихъ лѣченіи. Великій князь Константинъ Павловичъ усердно участвовалъ въ этомъ подвигѣ милосердія: оба они дѣйствовали, пренебрегая заразой, болѣзнями, отвратительными зрѣлищами и всеми сопряженными съ ними опасностями; великій князь заразился и съ трудомъ выздоровѣлъ.

„Пріѣздъ государя былъ истиннымъ благодѣніемъ для непріятелей оставшихся въ живыхъ: всякая возможная помощь была имъ немедленно оказана, не только по повелѣнію императора, даже подъ личнымъ его надзоромъ; офицерамъ были даны деньги. Можно безъ лести сказать объ императорѣ, что онъ прибылъ на подвигъ высокаго человеколюбія и милосердія къ падшимъ врагамъ.“

Общее заключеніе Вильсона о войнѣ 1812 года лучше всего высказывается словами: „война эта поучительна болѣе тѣмъ, что показала, что слѣдовало бы сдѣлать нежели тѣмъ что было въ ней сдѣлано.“ Собственно же надъ княземъ Кутузовымъ Вильсонъ произноситъ слѣдующій окончательный приговоръ: „Каждая капля русской крови пролитая послѣ сраженія при Красномъ; каждая русская

жизнь, потерянная въ послѣдствіи отъ суровости климата; каждый солдатъ, погибшій отъ дальнѣйшихъ трудовъ и лишеній; каждый рубль, истраченный на продолженіе брани; все русское имущество потомъ погибшее; всякій вредъ, нанесенный русскому жителю бѣжавшимъ неприятелемъ;— все это отдѣльные пункты обвиненія противъ Кутузова, и все это ручается за осужденіе его потомствомъ, которому, по словамъ императора Александра I, онъ обязанъ былъ отвѣтомъ.“

Къ счастью великаго полководца, потомство не утвердило приговоръ пылаго сэра-Роберта Вильсона; а 1814 годъ доказалъ, что еслибы „маститый стражъ страны державной“ воздвигъ въ Красномъ „столпъ русской славы надъ могилой врага вселенной“, то побѣдныя русскія знамена не развѣвались бы въ Парижѣ, а появленіе русскаго цара въ Тюльери не возвѣстало бы конца порабощенію Европы.

Юрій Толстой.

СТОЯЧАЯ ВОДА

ПОВѢСТЬ

I.

Въ городѣ Н., на прошлыхъ святкахъ, былъ назначенъ балъ въ благородномъ собраніи. Въ прежнее время, то-есть лѣтъ пять назадъ, развѣ для молоденькихъ дѣвицъ, чье воображеніе еще сохранило способность волноваться въ ожиданіи танцевъ, балъ въ собраніи былъ важность. Для людей постарше и благоразумнѣе, даже для дамъ, которымъ предстояли хлопоты о нарядахъ, пять лѣтъ назадъ это было обыкновенное житейское, привычное дѣло. Теперь не то. Въ Н. не танцуютъ; въ Н. живутъ скромно; въ Н. собираются въ клубъ мужчины, правда, каждый день, лѣтомъ и зимою, и проигрываются такъ, что иной вечеръ обходится иному отцу семейства дороже не только двухъ баловъ, но всего годоваго воспитанія его дѣтей; но все это не „вздоры, не пляска“, какъ отцы семействъ усвоили себѣ выражаться. Дамы собираются между собою рѣдко; общество не велико, лица всѣхъ этихъ собраній все тѣ же, только въ разныхъ гостиныхъ, но они умѣютъ какъ-то не привыкать другъ къ другу, вѣроятно изъ расчета, что привычка при-

вела бы нецеремонность, а при нецеремонности пришлось бы отказаться отъ прекрасныхъ нарядовъ, которые теперь необходимы, а тогда ихъ надѣть было бы некуда: общественныя удовольствія рѣдки, частныхъ блестящихъ вечеровъ, нарядныхъ обѣдовъ вовсе нѣтъ. Н—скія, дамы очень церемонны между собою, нѣкоторыя можетъ-быть и дружны, но самая нѣжная дружба все-таки не мѣшаетъ переменить туалетъ, хотя бы нужно было запросто отправиться къ пріятельницѣ, которая, чтобы вечеръ вышелъ не совсѣмъ скученъ, позаботится пригласить кого-нибудь третьяго или четвертаго для „ераша“ или „табельки“. Еслибы потрудиться собрать свидѣнія, и по цифрѣ дворянскаго населенія составить сравнительную таблицу, оказалось бы навѣрное, что изъ всѣхъ городовъ Россійской имперіи нигдѣ такъ не развита карточная игра какъ въ Н.; тамъ играютъ всѣ, безъ исключенія и безъ преувеличенія, отъ старцевъ до дѣтей обоего пола. Карточные удовольствія замѣнили всѣ другія; они сдѣлались занятіемъ, дѣломъ. Потому такая рѣдкость балы; потому также такое охлажденіе къ баламъ, что несмотря на ихъ рѣдкость имъ не только не рады, но ими скучаютъ, они пусты, ихъ просто не нужно.

Это доказывалось на дѣлѣ въ тотъ вечеръ на прошлыхъ святкахъ. Едва двѣ-три кареты и нѣсколько скромныхъ саней стояло у подъѣзда собранія, между тѣмъ какъ окна нѣсколькихъ частныхъ домовъ были освѣщены: тамъ были гости, и играли, конечно.

Къ крыльцу одного дома, впрочемъ въ переулкѣ и сѣвшаго мѣсте другихъ, уже довольно поздно, часовъ въ одиннадцать, подъѣхали сани; изъ нихъ вышла дама закутанная въ шубу и капоръ, и сама расплатилась съ извозчикомъ; лакея съ ней не было. Извозчикъ былъ не нарядный, сани даже безъ полости. Онъ сосчиталъ мѣдъ, которую ему дали, и безцеремонно кликнулъ барыню отъ дверей, требуя прибавки. Барыня остановилась, воротилась, скромно попробовала замѣтить, что проѣхали всего двѣ улицы и не отговариваясь больше, торопливо, сконфуженная, постаралась вынуть карманъ между оборками своего подобраннаго шелкового платья, которое сверкало на морозномъ лунномъ свѣтѣ.

— Вотъ, мой любезный, извольте, сказала она, тихо и учтиво кладя въ руку извожника серебряную монету.

Извожникъ былъ доволенъ щедростью, снялъ шляпу и тронулъ лошадь.

— Да нельзя ли вамъ будетъ, продолжала дама:— заѣхать сюда часа черезъ полтора? Я бы назадъ съ вами поѣхала, а то...

Но онъ или не слушалъ или не слышалъ ея тихаго вопроса, и уѣхалъ. Гостыя пошла въ домъ.

Это былъ домъ Катерины Федоровны Бѣловой, старой дѣвы и помѣщицы, жившей постоянно зимою въ Н., а лѣтомъ въ своей деревнѣ въ Н—ской губерніи. Какъ особа со средствами, она часто собирала у себя вечеринки. Она очень хлопотала придать своему дому видъ тѣхъ богатыхъ, открытыхъ домовъ, гдѣ принимаютъ давно и порядочно въшла въ привычку; у ней было много хорошихъ старинныхъ вещей и много накуплено новыхъ; но пылъ какъ-то сжилась съ ея домомъ, прислуга какъ-то не умѣла носить порядочнаго платья, дорогая утварь какъ-то постоянно билась или ломалась. Чтобы помочь этому, Катерина Федоровна являла своихъ людей, ходившихъ по оброку, изъ другихъ господскихъ домовъ, даже столичныхъ, и гостиныя были приведены въ нѣкоторое устройство; но надъ ея домомъ, должно быть, тяготѣлъ рокъ и во внутреннихъ покояхъ сохранились хаамъ и содомъ совершенно барскіе.

Цвѣтъ Н—ской „аристократіи“, это небольшое число избранныхъ, уменьшается день ото дня въ послѣднее время, и уже удостоиваетъ облизаться съ кружками нѣсколько менѣе важными по породѣ и по состоянію. Катерина Федоровна не была „аристократка.“ Въ былыя времена, когда Н—ское общество называло женъ губернаторовъ и предводителей титулами ихъ мужей, считало знакомство этихъ лицъ за особенную почесть, не начинало до ихъ прибытія танцевъ на своихъ балахъ и торопило часы своихъ ужиновъ, если ихъ превосходительства утомались, — Катерина Федоровна благоговѣла и исчезала вмѣстѣ съ другими, кымъ выплывающими личностями. Теперь, въ послѣдніе два-три года, Катерина Федоровна даже запросто принимала титулованныхъ особъ, сдѣлавшихся челоѣчине отъ какого-то внезапнаго повѣтрія равенства, или отъ скуки заставляющей искать разнообразія. Отъ прежняго благоговѣнія со-

правилась у Катерины Федоровны только привычка называть зочно этих дамъ и господъ, конечно, уже не титулами, — она слѣдила за вѣкомъ, — но не по фамилии, а по имени и отчеству, что насто затрудняло тѣхъ, кто, не благоговѣя нисколько, не зналъ этихъ именъ и отчествъ. Катерина Федоровна даже усвоила нѣкоторую фамильярность съ аристократическими молодыми дамами, можетъ-быть потому что открывала въ нихъ общую старческую наклонность къ картамъ и прежде тщательно скрываемую аристократическую наклонность къ сплетнямъ. Катерина Федоровна была геніальна въ томъ и другомъ; она усвоила себѣ всѣ карточныя знанія отъ древней „мушки“ до новѣйшей „стуколки“, примѣняясь къ возрасту и наклонностямъ каждаго; она была авторитетъ, на который ссылались въ спорныхъ случаяхъ, но сама играла неспорливо, хотя жадно. Прогрывать она была неохотница; впрочемъ, это и случалось съ ней рѣдко. Многіе пораженные ею зарекались съ нею „смиться“, но не выдерживали своего зарока и садились, по той же причинѣ, по которой многіе зарекались ѣздить къ ней въ домъ и все-таки ѣздили. Причина была геніальное сплетничество Катерины Федоровны: ея боялись.

Нынѣшнее время слишкомъ роскошно и нарядно; странно, а кажется вѣрно, что нынѣшняя роскошь и наряды укротили сплетню: въ порядочно-убранномъ домѣ шумѣть неидетъ; въ пышномъ платьѣ волноваться неудобно; сильныя жесты ужъ и вовсе невозможны, развѣ en demi-toilette, но тогда ихъ видятъ только горничныя. Пышный нарядъ, сдѣлавшій невозможными даже жаркія объятія, внушаетъ облеченной въ него такое благоговѣніе къ собственной особѣ, что она уже не можетъ сблизиться съ своею горничной до интимныхъ токовъ о нравственности и дѣяніяхъ своего ближняго; она узнаетъ ихъ слегка, свысока, будто презрительно, въ своей неподвижности. Внутренно, конечно, жажда вывѣдыванія и купѣніе сердца все тѣ же, но приличія сковали ихъ; сплетня укрошена.

Катерина Федоровна принадлежала къ проходящему, почти прошедшему поколѣнію. Отъ новаго она приняла только криволіній, и то умѣренный, и самоновѣйшее понятіе, еще и въ наше время не всѣми усвоенное, что не велика была не быть замужемъ: Катерина Федоровна спокойно носила

свое званіе старой дѣвы. Правда, ей было за пятьдесятъ, и печалиться было бы ужъ нѣсколько несвоевременно. Всѣми остающимися своими понятіями и чувствами она принадлежала прошлому; она слушала всѣ саухи, собирала всѣ свѣдѣнія, всѣмъ обо всемъ говорила, по секрету, плела охотно и безъ оглядки, совѣщалась со всѣми своими домашними, отъ форрейтора до людской страпухи включительно, и держа ихъ въ зависимости матеріальной, считала себя въ всякой нравственной зависимости отъ нихъ. Она справедливо надѣялась, что ея люди не осмѣлятся „выводить“ на нее, потому что ее всѣ „знаютъ“. Тамъ гдѣ собраныя свѣдѣнія были неполны или неудовлетворительны, Катерина Федоровна составляла предположенія по догадкѣ, по наведенію, по знанію человеческого сердца, по своей совѣсти. Дѣятельность ея языка была баснословна. Вліяніе, если не участіе этого двигателя, оказывалось почти съ незапамятныхъ, время во всѣхъ неудавшихся бракахъ, семейныхъ разрывахъ, супружескихъ развѣздахъ, свѣтскихъ столкновеніяхъ, низверженіяхъ и замѣщеніяхъ чиновниковъ, во всей общественной Н—ской жизни. У Катерины Федоровны, натурально, были сподвижники и сподвижницы, и съ помощью ихъ она дѣйствовала неутомимо. Когда особы, прикосновенныя къ поднятымъ ею дѣламъ, прятались отъ нея, она умѣла ловить кого ей бывало нужно на перекресткахъ и въ храмахъ Божиихъ, гдѣ не ослабѣвала ея ревность въ наблюденіи за общественною нравственностью. Во времена бюрократическихъ смуть, случавшихся въ Н., она, принявъ участіе въ положеніи одной партіи, служила ей не только словомъ, но и дѣломъ; устраивала у себя „политическія“ свиданія, пересылала кому слѣдовало чрезъ уѣздныя почты разныя безыменныя письма и безграмотныя пасквили. „Dans ses moments perdus“, для развлеченія, или въ первое апрѣля, она посылала къ ревнивымъ супругамъ анонимныя записочки, отъ которыхъ, случалось, весь домъ поднимался вверхъ дномъ и доходило до кровавыхъ исторій. Катерина Федоровна была, конечно, не виновата въ этихъ послѣдствіяхъ: она шутила, повинаясь жившему въ ней духу. Этотъ духъ былъ кротокъ: она никогда не бранилась до азарта; болѣе того, никогда не испытывъ любви, она истинно женственно любила любовь и помогала ей. Конечно,

также женственно, она потомъ болтала о своихъ благодѣяніяхъ, но ей же самой доставалось за это...

Въ нынѣшнее время, отъ духа этого времени, что ли, но дѣятельность Катерины Федоровны стала гораздо ограничена; ея труды были ничтожны въ сравненіи съ прошлыми. За ней оставалась только ея прежняя слава, и неумудрено если эта слава запугивала всѣхъ. Ея боялись, и вслѣдствіе того знались съ нею.

Труды свѣтской и домашней жизни раздѣляла съ Катериной Федоровной ея племянница, Федосья Александровна Ельникова, дѣвушка тридцати восьми лѣтъ. Это продолжалось уже лѣтъ десять, съ тѣхъ поръ какъ братъ ея женился и Федосья Александровна предпочла быть второю въ домѣ тетки, но не невѣстки. Сергѣй Александровичъ Ельниковъ служилъ и жилъ тутъ же, въ Н. съ своею семьей и меньшою сестрой, Анной Александровной, тоже не молодою дѣвицей. Гостья, пріѣхавшая такъ поздно и одиноко на вечеръ Катерины Федоровны,—была она.

Анна Александровна, не снимая шубы и капора, прошла изъ передней въ корридоръ и далѣе, въ комнату, называемую чайною. Тамъ, при свѣтѣ маленькой, оплывающей свѣчки, толпились горничныя и лакеи, звенѣли ложки и чашки, на полу шипѣлъ и вѣсколько чадилъ самоваръ; на кованомъ сундукѣ, возлѣ спящей кошки, лежалъ подносъ съ приготовленными на вѣкъ вязаными салфеточками для чаю; десертъ, уставленный на другомъ подносѣ, находился на лежанкѣ; если ему было и жарко снизу, за то сверху его должно было освѣжать колыханье полотенецъ и салфетокъ, переброшенныхъ на протянутой веревкѣ.

Анна Александровна раскуталась тутъ, поправила волосы предъ осколкомъ зеркальца, отъ страха за свое платье отказавшись чтобъ ей посвѣтили, и поручила положить свою шубу какъ-нибудь поосторожнѣе.

— Уберется, матушка, отвѣчала ей домоправительница, казалось бы занятая совершенно другимъ въ другомъ углу комнаты, но по сознанію своего сана вступавшаяся во все.

Можетъ-быть именно вслѣдствіе ея обѣщанія, Анна Александровна сама повѣсила свою шубу на гвоздѣ за дверь, и затѣмъ отправилась опять черезъ корридоръ въ залу и гостиную.

Общество въ этотъ вечеръ было немногочисленно и не

блестяще: играли только на двухъ столахъ, и то особы не великосвѣтскія; изъ тѣхъ не было ни одной. Мужчинъ было всего двое; изъ нихъ одинъ старичокъ, почтеннейшій въ отставкѣ и на покой, шутливый часто и любезно, хотя совершенно приличнымъ тономъ, постаринному, но и нѣсколько фамильярно; другой—чиновникъ среднихъ лѣтъ, эконокъ какого-то заведенія. При гостяхъ по-лучше, Катерина Федоровна не приглашала ни того, ни другаго. Остальное общество составляли дамы, и всѣ играли.

Анна Александровна вошла и торопливо стала здороваться со всѣми; она обошла оба стола, всѣмъ пожавъ руки.

— А я уже не думала, что ты прійдешь, сказала ей тетка, тасуя карты и не оглядываясь, между тѣмъ какъ Анна Александровна остановилась подлѣ нея, сложивъ свои ручки въ тщательно застегнутыхъ перчаткахъ.

— Я никакъ не могла раньше, тетенька, заговорила она: Лиза собиралась въ собраніе, потому Петя очень плакалъ...

— Позвольте, однако, вы ренонсъ дѣлаете, замѣтила одна изъ игравшихъ, некрасивая дѣвица, и послѣдовавшее затѣмъ волненіе отвлекло общее вниманіе отъ Анны Александровны.

Она искала сестры, удивляясь что ея нѣтъ въ числѣ игравшихъ. Федосья Александровна была въ маленькой угольной комнатѣ, и не намѣреваясь выйти оттуда, услышала привѣтствіе.

— Ахъ!.. сказала она:—Это ты. Я думала Богъ знаетъ кто.

— Да Лиза собиралась въ собраніе, надо было ее одѣть, я и опоздала.

— Безъ тебя некому служить?

— Нѣтъ, все же могла понадобиться... Она такъ интересна сегодня: звѣздочки свои надѣла, знаешь, тѣ что Сержъ отдавалъ отдѣлывать въ Петербургѣ. Такая миленькая, интересная...

— Это какія же звѣздочки? Это что ты продала ей свои брилліанты?

— Да тѣ самыя.

— Ты зачѣмъ же ихъ продала?

— Лизѣ хотѣлось, душа, отвѣчала сконфузась Анна

Александровна:—братъ увѣжалъ въ Петербургъ, случай была отдасть отдавать... А мнѣ неуживо...

— Да вѣдь и я бы хотѣла то же! Ты могла бы лучше ихъ родной сестрѣ продать, чѣмъ какой-нибудь Елизаветѣ Юревичъ. Я думаю, родная сестра тебя бы не обидѣла, то же самое заплатила бы, можешь быть увѣрена, не стала бы торговаться!

— Я очень увѣрена, Фанки; не знаю, что ты такъ горячо приняла...

— Я нисколько не горячо принимаю; мнѣ, право, все равно. Я и узнала-то сегодня только, что ты ихъ продала. А я только поблагодарить тебя хотѣла, что ты вѣчно чужимъ услуживаешь, а я у тебя въ послѣднихъ.

— Право, Фанки, я и не знала...

— Нечего и знать. Сдѣлай одоженіе, переѣвнимъ разговоръ. Какова погода? это будетъ интересно.

— Душка моя, но я, право же, не знала...

— Нѣтъ, пожалуйста, о чемъ-нибудь другомъ.

— Пожалуй, я готова и о другомъ.... Прости меня, сдѣлай милость!.. Ты отчего же не играешь сегодня?

Федосья Александровна засмѣялась довольно принужденно и очень обидно, и готовилась отвѣчать, когда въ гостиной раздались привѣтствія и новый мужской голосъ. Она поспѣшно встала и направилась туда, на пути потревоживъ многое своимъ крикомъ.

Анна Александровна, смущенная, смотрѣла ей вслѣдъ. Федосья Александровна считала себя молодою особой, танцовала и терпѣла обвиненія въ употребленіи румянъ и крашеніи волосъ. Анна Александровна совершенно искренно готова была привеести клятву, что это не правда, но ея клятва, хотя бы искренняя, была бы ложною. Федосья Александровна лѣтъ пятнадцать назадъ была не дурна, но Анна Александровна вѣрила въ это еще донынѣ. Она вѣрила, что время падить эти правильныя черты, что нѣтъ сдѣланы въ этихъ черныхъ локонахъ, гдѣ накладныхъ она не подозрѣвала, со всею невнимательностью невѣдѣнія; Аннѣ Александровнѣ самой было тридцать три года, но употребленіе чего-нибудь фальшиваго она считала грѣхомъ въ своемъ туалетѣ, хотя и очень о немъ заботилась. Но она заботилась робко, аккуратно и бережливо, какъ особа зависящая. Она никогда бы не отважилась на такой размѣръ крикомъ;

ей илкогода не пришла бы идея такой сверкающей пунцовою сѣтки, которая украшала сестру въ этотъ вечеръ. Анна Александровна, конечно, тоже имѣла сѣтку, но скромную, черную, съ маленькою кисточкой, такую, о которыхъ сестра ей говорила что онѣ опомлены, что ихъ на всякой увидишь... Сѣтка—счастливое, гениальное изобрѣтеніе нашего времени. Она примирила враждующихъ, вывела изъ затрудненія, удержала насмѣшки, опредѣлила положеніе многочисленной части человѣческаго рода. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, между тѣмъ какъ семнадцатилѣтняя женщина гордо поднимала голову украшенную перьями и блондами, сорокалѣтняя дѣва клонила свою непокрытую, не зная куда дѣвать ее, что съ ней дѣлать, и никакъ не отваживаясь пойдти наперекоръ обычаю и надѣть чепчикъ приличной сѣдымъ или испорченнымъ волосамъ. Сѣтка рѣшила все; это не чепецъ, эмблема супружества или безнадежности на супружество; это не имѣетъ значенія, не выказываетъ возраста, это нѣчто прикрывающее, но кокетливое, почти дѣтское, почти шутка, которую можно сбросить.... Старыя дѣвы должны бы оставить подписку на монументъ, при жизни, изобрѣтателю сѣтки....

Федосья Александровна возвращалась изъ гостиной не одна; за ней сѣдовалъ гость очень высокій, очень полный и очень молодой, лѣтъ девятнадцати не болѣе. Онъ былъ особенно тщательно завить и въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Моя сестра, сказала вскользь Федосья Александровна, садясь на маленькій диванчикъ подлѣ Анны Александровны, замѣшательство которой удвоилось съ этой минуты: ей было жаль и своего платья, страдавшаго отъ тѣснаго соудства, и неловко, какъ-то совѣстно, встать и пересѣсть на другое мѣсто.

Федосья Александровна не замѣчала ни чьихъ безпокойствъ и затрудненій; она пріятно улыбалась и, сложивъ на колѣнахъ свои руки въ кольцахъ и браслетахъ, спросила юношу:

— Такъ вы не на балѣ?

— Нѣтъ-съ, я здѣсь, отвѣчалъ юноша и чему-то засмѣялся.

— Стало-быть, я проиграла портъ-папирсъ?

— Нѣтъ-съ, я все-таки проигралъ, возразилъ онъ, все смѣясь:—я привезъ конфеты.

— Онъ подвигался съ кресла, уже дѣлая движеніе къ двери. Федосья Александровна будто не замѣтила.

— Такъ вы не хотите у меня выиграть?

— Ахъ, вѣтъ, ей-Богу, хочу!

— Для чего же вы говорите будто сами проиграли? значитъ вы отказываетесь?

— Нѣтъ-съ, я не отказываюсь, а это по совѣсти...

— Какъ, по совѣсти?

— По совѣсти-съ. Мнѣ маменька приказала ѣхать въ собраніе, я сказалъ: хорошо, а самъ до подъѣзда доѣхалъ, въ снѣгъ вошелъ; какъ сами мои отѣхали, такъ я изъ снѣговъ въ кондитерскую и потомъ къ вамъ. Въ снѣгахъ я все-таки былъ. Вотъ, сейчасъ, конфеты...

На этотъ разъ онъ вскочилъ и ушелъ такъ проворно, что его ужъ нельзя было остановить.

— Кто это, Фанни? спросила Анна Александровна.

— Развѣ ты не знаешь? Измишина, воронежская помещица, сюда перѣехала жить. Это ея сынъ.

— Такъ это Измишинъ? Я слышала, но не встрѣчала. Чтò это его матери вздумалось перѣхать? Пятьсотъ веротъ... Развѣ дѣла?

— Никакихъ дѣлъ. Такъ. Ниче всѣ вытѣжаютъ изъ деревень.

— Родные здѣсь у нея?

— Никакихъ родныхъ, отвѣчала съ нетерпѣніемъ Федосья Александровна:—вздумалось перѣхать — перѣехала. Въ деревнѣ оставаться нельзя, въ своемъ губернскомъ городѣ мелко, въ Москвѣ дорого, сюда и пріѣхала. И прекрасно. Познакомится. Вотъ, она съ нами познакомилась, была съ гизитомъ. Вольно же тебѣ ее не видать.

— Гдѣ же, душка? Я недѣлю не выходила изъ дома. У Пети былъ кашель, въ родѣ кокаюша, а ребенокъ такъ ко мнѣ привязанъ. Ты не можешь вообразить: когда я возьму его на руки, тутъ только успокоивается; если надо дать лекарство, или чтò, только я одна...

— Рада связаться съ маадеицами! сказала вскользь Федосья Александровна, обращая взоръ къ двери, въ которую ходилъ Измишинъ.

— Вотъ-съ, сказалъ онъ.

Юный сынъ степей не догадался поднести бонбоньерку; его конфеты были въ простомъ бумажномъ мѣшкѣ, довольно

неизящномъ. Федосью Александровну это вѣроятно покоробило, особенно потому, что случилось при сестрѣ.

— Ахъ, не Петербургъ! сказала она, доставая конфету.

— Не хороши? спросилъ Измишинъ:— а ужъ какъ приказывалъ...

— Нѣтъ, хороши... Какихъ же здѣсь лучше? Хороши, но здѣсь не умятъ... Въ Петербургѣ вамъ дадутъ тоже, но въ какой корзинкѣ! Ахъ, что за коробочки, что за корзинки.

— Да и здѣсь есть, пожалуй, отличныя, съ золотомъ. Развѣ вы ихъ любите?

— Обожаю!

— Ну, такъ я стану возить въ корзинкѣ. Такъ и будемъ знать.

— Такъ и знайте. Васъ учить надо.

Юноша засмѣялся. Федосья Александровнѣ очень хотѣлось пожать ему руку.

— Я васъ еще не благодарила, сказала она.

— Не за что-съ.

— Нѣтъ, все-таки, merci.

Она протянула руку. Измишинъ пожалъ ее развязно и довольно неуклюже.

— Перчатки бабьины, замѣтила она чуть-чуть улыбаясь.

— Да-съ, сказалъ онъ и совсѣмъ захохоталъ.

— Что жь, портъ-папирсъ не хотите выиграть?

— Нѣтъ-съ, хочу, ей-Богу.

— Хорошо, я вамъ завтра пришлю.

— Нѣтъ-съ, я такого, купленного, не хочу; вы сами выйдите.

— Ахъ, работать скучно! протяжно возразила она, сморщивая по-дѣтски свои подрисованныя брови.

— Скучно ли, не скучно, а какъ хотите. Кабы я самъ умялъ конфеты дѣлать, я бы вамъ надѣлалъ... нѣтъ, сами выйдите.

— Хорошо. По утрамъ, когда вы будете сидѣть въ должности, я буду сидѣть за пальцами. Вы ужъ были въ вашей канцеляріи, попробовали, что это такое.

— Какъ же, былъ-съ; вчера все утро.

— Что жь вы тамъ дѣлали?

— Да ничего.

— Какъ такъ?

— Такъ. Я вѣдь только съ прошлой недѣли туда записанъ. Мнѣ еще ничего не поручаютъ.

— А вот как будут поручать!..

— Это еще не скоро-сь.

— Вы гдѣ служили прежде? спросила Анна Александровна, находя свое молчаніе неловкимъ и даже неприличнымъ — Нигдѣ-сь, отвѣчалъ Измишинъ: — все дома жилъ; а вѣдь нигдѣ не учился.

Его появившееся хладнокровіе при этомъ отвѣтѣ, въ наше время, было изумительно какъ рѣдкость. Федосья Александровна бросила недовольный взглядъ на сконфуженную сестру и поспѣшила, мѣняя разговоръ, развлечь гостя отъ такого неприятнаго признанія. Федосья Александровна предполагала, что ему тяжело, но гость не чувствовалъ никакой тяжести.

— Я вамъ почти начальница, сказала она: — правитель канцеляріи губернатора—мой братъ.

— Вашъ братецъ женатъ?

— Да.

— Такъ вотъ кто моя начальница,—его жена-сь, а не вы.

Ему показалось это забавно и онъ разсмѣялся. Анна Александровна сконфузилась еще больше; она рѣшалась пойти посмотреть хоть въ карты.

Изъ внутреннихъ комнатъ растворилась дверь и вошла особа вся въ черномъ; безъ кринолина, къ которому привыкли глаза, ея платье казалось неимоверно длинно и обмято, а она сама худа и отъ чернаго цвѣта блѣдна какъ больная. Входя въ освѣщенную комнату, вѣроятно, изъ потемокъ, она жмурилась на свѣчи и прикрывала глаза рукой.

Измишинъ вскоцалъ и раскланялся проворно, прежде чѣмъ удивился этому явленію; впрочемъ онъ сейчасъ же и вознаграждалъ себя, и удивившись, громко спросилъ Федосью Александровну:

— Это кто-сь?

Федосья Александровна закусила губы, какъ хозяйка, проводящая трудную минуту.

— Машенька! сказала, вставая, Анна Александровна.

— Авточка, ты здѣсь? А я и не знала, сказала гостья: — войдемъ отсюда.

— Куда же?

— Ко мнѣ въ комнату пойдемъ. Гости тутъ... я у себя въ комнатѣ лежала, чай пила..... Я вчера еще пріѣхала къ тетюшкѣ твоей...

Эти объясненія дѣлались уже дорогою чрезъ чайную, корридоръ, дѣвичью, на конецъ дома, гдѣ помѣщалась прѣзжая.

— Это кто же-съ? повторилъ Измитинъ, оставшись одинъ съ Федосеей Александровной.

— Это наша дальняя родственница, Марья Петровна Ружкова. Она всегда въ деревнѣ живетъ, а теперь у насъ прѣздомъ, на нѣсколько дней. Вдѣтъ Богу молиться.

— Дѣтей много у нея?

— У Марьи Петровны? Она не за-мужемъ.

— Почему же-съ.

— Такъ, не случилось, отвѣчала Федосья Александровна, улыбувшись кокетливо:—судьбы не было.

— А развѣ на это судьба? спросилъ юноша, когда-то слышавшій толкъ о чемъ-то подобномъ.

— Какъ же не судьба? Надо чтобы судьба послала человека. Человекъ придетъ, увидитъ меня, узнаетъ, полюбитъ, объяснила Федосья Александровна, прислоняясь покойнѣе къ диванчику:—Безъ любви, что можетъ быть?.. Даете мнѣ папирску: что вы не курите?

II.

Анна Александровна почти не узнала давно знакомой комнаты, куда привела ее пріятельница. Комната была убрана какъ келья,—просвиры, молитвенники, лампадка передъ кіотомъ съ образами, котораго прежде не было; на столахъ, на стульяхъ, въ углахъ, дѣло хозяйство узелковъ, светковъ, посуды, даже съѣстныхъ припасовъ—хлѣбовъ, банокъ съ вареньемъ, бутылокъ съ сыропами; подъ столомъ, изъ кудечка, выглядывала голова сахару. Все было прибрано къ мѣсту и очень аккуратно, также какъ тщательно установленное складное зеркало, окруженное стекляшками отличныхъ духовъ, туалетныхъ спиртовъ и нервныхъ капель. Постель была ужъ приготовлена и на ней лежала такая роскошно-вышитая кофта и чепчикъ, что Анна Александровна невольно схватилась за нихъ.

— Машенька, вскричала она:—что это за прелесть! гдѣ это шили?

— У меня свои дѣвки, отвѣчала Марья Петровна, садясь на постель.— Садись, Анночка, хочешь... Да мы рады съ тобой въ твоихъ фру-фру не помѣстимся. Авфиса, дай стулъ сюда.

Авфиса, горничная Марьи Петровны, появилась изъ-за широкъ, гдѣ лежала. По обычаю старыхъ людей, она не подава вида что не довольна, зачѣмъ ее потревожили.

— Здравствуйте, барышня, сказала она, желая поцѣловать ручку Анны Александровны.

— Здравствуй, моя милая, отвѣчала Анна Александровна, обнимаясь съ ней:— годъ цѣлый мы съ тобой не видались,

— Да, вотъ, барышня, опять Богъ привелъ.

— Да, слава Богу. Какъ твоё здоровье теперь? Чтѣ твой ревматизмъ?

— И барышня! старуха—день ото дня къ смерти ближе.

— Чтѣ ты, Богъ съ тобой, душа моя! Чтѣ ты говоришь! Ты лѣчишься ли?

— Лѣчилась, да чтѣ...

— Лѣчится, замѣтила равнодушно Марья Петровна:— дай намъ сюда банку съ каубникой, Авфиса, да ложки достань. Я тебя каубникой угощу, Анночка.

— Ахъ, чтѣ за шитье! продолжала Анна Александровна, обращаясь опять къ нему.

— У меня еще лучше есть, тоньше этого батистъ. Штучку купила, да ужъ такъ, всю ее на кофты. Годъ слышкомъ вышивала. Покажи, Авфиса.

Авфиса только что заперла одинъ сундукъ, доставая лосечки, и отправилась къ другому. Еслибъ Анна Александровна и не была знатокъ въ шитьѣ, и еслибъ и не любила нарядовъ, то какъ женщина не могла бы устоять при видѣ великолѣпна, которое передъ ней разстлалли.

— Ахъ, ахъ! восклицала она:— чтѣ это такое? ты, я думаю, ими цѣлый день любишься?

— И не смотрю даже. Я не смотрѣла какъ и шили. Шьютъ да шьютъ.

— И тебѣ не жаль на кофты? Какое бы платье было, это бы съ ума сойдти! хоть другіе бы любовались!

— Э, другъ мой, на чтѣ мнѣ! Кто хочетъ любиться или не любиться, чтѣ на мнѣ надѣто, мнѣ все равно. Я не вытекаю, свѣта вашего видѣть не хочу. Я хочу чтобы на мнѣ было тонкое. Въ молодости не имѣла, такъ хотѣ теперь,

когда могу... Я живу для себя, только мнѣ въ жизни и бѣста-
ловъ. Это, вотъ, вы!... Сестра твоя тамъ съ кѣмъ-то лю-
безличаетъ.

— Измишинъ.

— Недоросль? А, знаю, слышала. Твоей сестрѣ что хо-
чешь подай, все ей нужно, счастливый возрастъ, юность
вѣчная! Какъ не устанеть, подумаешь.

Анна Александровна тихо улыбнулась, сконфуженная.

— Что же, Машенька, ей пріятно.

— Все цвѣтеть и расцвѣтаетъ, продолжала Марья Пет-
ровна, безъ малѣйшей насмѣлки, дѣлаю, будто говоря для
того только, чтобы говорить.—Знаешь, я слышала, что ее
прозвали... Чиновникъ одинъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ деревню,
по дѣламъ; я встала, вышла изъ своей комнаты, приняла
его, онъ цѣлалъ чашу сидѣлъ. Надо что-нибудь говорить.
Говорила о здѣшнихъ, Н-скихъ. „Мамзоя Ельникова, го-
ворить, есть въ Н., танцуетъ и штукатуруется, старое строе-
ніе подновляетъ; ее прозвали „елочкой, rien ne me change.“
Да а гауна была: сказала вдругъ, что вы мнѣ родня, онъ
и замолчалъ, а то-бы, можетъ, еще что-нибудь такое отпалъ.
Я послѣ жалѣла. По настоящему, елочка rien ne me change
это ты. Что?..

— Ничего, отвѣчала Анна Александровна, потупивъ глаза.

— Попрежнему?

Марья Петровна лукаво смѣялась.

— Попрежнему, повторила, краснѣя, Анна Александровна.

— Пора бы тебѣ, другъ мой, успокоиться. Вотъ какъ
я—вольный казакъ! Все оставила, все забыла, лежу себѣ
у себя въ берлогѣ.

Марья Петровна будто въ подтвержденіе своихъ словъ
прилегла на постель. Анна Александровна сидѣла неуютно
подлѣ нея на маленькомъ стулѣ. Ея пышное платье, въ осо-
бенности свѣжесть и тщательность всего ея наряда были
какъ то не уместа въ этой тѣсной комнатѣ; ея немного за-
вялое, но замѣчательно хорошенькое тонкое личико смот-
рѣло какъ то испугано, грустно. Ей было неловко. Прихо-
дя къ пріятельницѣ, она не воображала, что пріятельница
намѣрена залечь и не вставать, не показываться въ гости-
ную. Отказаться идти къ ней, Анна Александровна не мог-
ла; онъ давно не видались, и притомъ, отказаться—можетъ
быть, огорчить. А между тѣмъ, можетъ-быть тетенька Ка-

верила Федоровна разчитывала на прїезде Анны Александровны и махота съела за карты: у тетеньки бывають приливы къ головѣ, она горячится въ картахъ, — избави Богъ, что... Тетенька, можетъ-быть, сердится... И посто- рованіе могутъ сказать: пришла, показала на двѣ минуты и проваала... Анна Александровна обводила взглядомъ кру- жокъ себя и ей думалось еще, что еслибъ она знала, какъ проведетъ вечеръ, она не надѣвала бм этого миленькаго платья: оно только другой разъ надѣвается. Ей показа- лось вдругъ даже скучно, но она съ испугомъ проваала это чувство: развѣ не совѣстно скучать, тяготиться и чѣмъ же? тѣмъ, что она проводитъ вечеръ съ Машень- кой, которая такая добрая, и еще нездорова, и характеръ ея такой, что она не любитъ общества... Анна Алекса- ровна начала покать что бы сказать или спросить Машеньку но ея вкусу, когда та сказала вдругъ:

— Анфиса!

Анфиса вышла изъ-за ширмы; по ея глазамъ было за- мѣтно, что она сейчасъ прослулась.

— У меня ноги озябли. Подай мнѣ теплое пальто, скрой.

Пальто лежало рядомъ, на стулѣ. Анфиса исполнила приказаніе и шла къ себѣ.

— Постой. Пошли сейчасъ Лаврентія, чтобъ онъ мнѣ ретчины порцію принесетъ изъ гостиницы.

— Двѣнадцатый часъ...

— У Орлова въ гостиницѣ всегда отперто. Подай мнѣ шкатуку сюда.

Анфиса подала ей шкатуку. Она дѣлала все не по лѣ- тамъ проворно и ступала необыкновенно тихо, уже снявъ башмаки чтобы лучше заснуть. Марья Петровна отперла шкатуку ключикомъ, висѣвшимъ у нея на крестѣ и достала деньги.

— Не веди ему сдачи мѣдью брать, да чтобы скоро приходилъ... Постой; онъ не пьянъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Къ кумѣ своей онъ ходилъ... Да постой. Прими, по- геси свѣчку, мнѣ не нужно, глазамъ больно... Тебѣ не нужно, Анючка?

— Нѣтъ, отвѣчала Анна Александровна.

Анфиса дунула на свѣчку и ушла. Комната освѣщалась

только мерцающею лампадкой; слегка бѣжала постель, и свѣтлое шелковое платье Анны Александровны. Ей стало грустно; ей почудилось, что она у постели больной, умирающей, сердце ея какъ-то ожалось.

— Такъ мнѣ вдругъ захотѣлось этой ветчины, сказала Марья Петровна, закидывая руки за голову:—вдругъ, сама не знаю что, апетитъ. Вспомнила я, какъ семь лѣтъ назадъ, я ее съ такимъ вкусомъ въ этой гостиницѣ ѣла,—ты вообразить не можешь. Пріѣхали мы тогда съ дядей, провѣдомъ въ Москву, и у Орлова остановились. И вдругъ, о счастье! я узнаю, что мой объектъ тутъ, на выборы пріѣхалъ—совсѣмъ для меня неожиданно! Ну, и къ намъ отъѣзжала, и дядю уговорилъ остаться на недѣлю, и въ собраніе звалъ. Выдумалъ—поѣзжай я въ собраніе! это смотрѣть какъ онъ вашимъ здѣшнимъ барынямъ куртизируетъ: покорно благодарю. Я ему такъ и сказала. Дяди не было; онъ приходилъ ко мнѣ въ номеръ. „Если, говорить, такъ ты меня понимаешь, то прощай; это, говорить, низко, это гадко...“ Ну, накричалъ: сейчасъ уйду! Я говорю ему: что жь, хотите—такъ уходите; вы про меня не имѣете права ничего дурнаго сказать. Съ него и сошло. Прощенья просилъ. „Mariette, говорить, я ужасно люблю когда ты ревнуешь.“ „А, говорю, любишь теперь, когда острастку дади!... Ему въ диковинку прикрикнуть на него или даже смѣло сказать: никого на свѣтѣ не боится. Это онъ здѣсь тихъ, въ свѣтѣ вашемъ, а поглядѣть на него въ усадьбѣ, у него въ деревнѣ!.. прелестъ!.. Если я что люблю, такъ это смѣлость, когда мушкетѣ все ни почему. Прелестъ! Видишь что разбойникъ, ну, разбойникъ, нашумѣлъ, накутилъ, голову кому-нибудь проломилъ; а все изъ воды сухъ вышелъ—никто не посмѣлъ тронуть! Увлекателевъ! Ты понятія не имѣешь, какъ это увлекательно. Я размазни этой вашей терпѣть не могу. Вздохи, ахи, учености, комплименты... мнѣ дай чтобъ былъ настоящій человекъ!... И замѣть: онъ уже не молодъ, а что же это было, когда онъ былъ помоложе! Такъ то, такъ-то, другъ мой, онъ прельстилъ меня своею красотою.

Марья Петровна договорила послѣднія слова сквозь зѣвоту; это былъ припѣвъ какого-то романа, возбужденнаго въ ней воспоминанія.

— Такъ-то Авночка, другъ мой, продолжала она протяжно,

во нисколько не печально, а напротивъ, улыбаясь прошедшему будто настоящему наслаженію: и теперь я это все, все, все оставила.

— Для чего же, если онъ тебя любить? спросила Анна Александровна, почти для того только чтобы спросить, потому что больше пугалась такого рода любви нежели принимала въ ней участіе.

— Что за любовь! онъ меня никогда не любилъ. Такъ. Потому не отставааъ, что я умѣла держать его на дистанціи, да дяди моего онъ боялся. Еслибы что, дядя и его бы и меня убилъ на мѣствѣ. А ему только то и можетъ нравиться, чего достать нельзя. Ну, а теперь я постарѣла, подурнѣла... ужь не тѣ годы, другъ мой! Онъ отсталъ, да я и сама не хочу.

— Какія же твои годы, замѣтила Анна Александровна:— ты годомъ моложе меня.

— Это вы, въ свѣтъ!.. возразила Марья Петровна равнодушно и даже нѣсколько презрительно.

— Что же ты дѣлаешь... начала Анна Александровна, желая разспросить о чувствахъ пріятельницы и не зная какъ это сдѣлать.

— Въ деревнѣ-то, что я дѣлаю? Такъ. Ничего. Фортепьяно свое продала. Все оставила.

— Ахъ, что ты! вскричала Анна Александровна, съ сожалѣніемъ, какого не выражала и не испытывала сама Марья Петровна.—Ты бросила музыку? Какъ тебѣ не грѣшно?

— На что мнѣ! Конечно, другъ, теперь всему конецъ.

— Читаешь что-нибудь?

— Я вѣдь, другъ мой, не изъ ученыхъ, отвѣтила Марья Петровна, смѣясь:— никогда терпѣть не могла премудрости вашей, а романы какіе-нибудь—все пустяки. У меня свои есть романы.

— Правда, отвѣтила тихо Анна Александровна:—ты все думаешь, думаешь...

— Да; лежу да думаю. Встану, повѣмъ. Ничего не дѣлаю; да что дѣлать-то? Надоѣсть сложа руки—возьму у Анфисы чулокъ, пасьянсъ разложу... Вотъ, я тебѣ скажу, Анючка, страсть моя: ужасно я стала вѣрить картамъ. Не могу никогда утерпѣть, такъ мнѣ вѣрится, вѣрится. Анфиса!

Анфиса спала; Анна Александровна слышала въ промежуткахъ разговора ея тихое дыханіе, неровное какъ у че-

ловѣка усталого. Сонъ былъ, вѣроятно, крѣпокъ, но этотъ сонъ исчезъ при первыхъ звукахъ господской рѣчи. Анфиса уже была передъ барышней.

— Зажги свѣчку и карты мнѣ подай. Что жь, Лаврентій воротился или нѣтъ?

Анфиса подала свѣчку и карты, и накинувъ кацавейку пошла справляться о Лаврентіи.

— Погадай мнѣ, Анючка, сказала съ увлеченіемъ Марья Петровна, выбравъ трефовую даму и тасуя карты:—ты была мастерица, на, разложи.

— О чемъ же? спросила, улыбувшись, Анна Александровна, и сама смутилась что улыбулась лукаво:—вѣдь ты уже все оставила.

— Старое! отвѣчала Марья Петровна.

— Такъ, стало-быть, есть новое? спросила Анна Александровна укладывая даму и отсчитывая карты.

— Ты гадай, гадай. Бѣе разказывать тебѣ, ты и будешь толковать по сказанному, какъ по писанному. Ничего у меня нѣтъ, другъ мой, никакой страсти, никакого, по вѣстному, увлеченія, а такъ, маленькія слабости...

Марья Петровна расхохоталась.

— Гадай, разказывай.

— Свиданіе, сказала Анна Александровна.

— Неужели? что ты говоришь? гдѣ?

— Вотъ, видишь. Онъ какой, бубновыи?

— Chatain, душечка, глазенки голубые, молоденькій еще вовсе, цыпленокъ.

— Такъ свиданіе... Въ какомъ-то большомъ обществѣ... Въ церкви что ли.

— Ну да, конечно, завтра въ соборѣ! вскричала въ восхищеніи Марья Петровна:—архіерей служить, онъ придетъ смотрѣть... только и развлеченія у бѣдняжки!

— Кто же это такой, Машенька?

— Другъ мой, я вашихъ свѣтскихъ не беру, я глупа, стара, я съ ними говорить не умѣю. Мой новый objet—приказный, зовутъ его Павелъ Максимовичъ, а фамилію я сама не знаю.

— Какъ же такъ? Кто же тебя съ нимъ познакомилъ?

— Никто, душечка, я сама познакомилась. Я нынѣшней осенью у насъ въ уѣздномъ городѣ мѣсяцъ прожила, а вѣ-чаться вздумала, и только мнѣ и было развлеченіемъ, что

по улицамъ бродить. Надѣну шляпку, отправаюсь. Вдругъ, вижу, однажды, идетъ эта милая штучка. Завитой, съ шляпѣ; одѣтъ онъ всегда чисто. Я примѣтила; въ какую онъ верковь ходитъ, и я туда. Стою, смотрю на него. Думаю, за что такая прелесть пропадаетъ, никто ее себѣ не возьметъ? Одинъ разъ, вижу, онъ часы вынимаетъ; а къ нему: „который часъ?“

— Ахъ, Машенька!

— Ахъ, Анночка! Ну, что такое? Самое невинное занятіе. Мы съ нимъ, слово за слово, разговорились, вынули нѣсть, идемъ вѣсть. Онъ ходитъ здоровъ, такъ, мой другъ, я тебѣ скажу, что на первую прогулку мы съ нимъ весь городишко обошли; меня едва ноги носили. Узнала я, что онъ вашъ дѣдичій, Н—скій, а туда прѣважалъ къ бабенькѣ съ дѣдинькой, родителей у него нѣтъ. И такъ-себѣ пріятно поговорили; ему въ диковинку, что барыня въ шляпѣ съ нимъ заговорила. На другой день,—я въ гости-ницѣ жидъ,—гляжу, шатается напротивъ по тротуару; я бурнусь на плечи—гулять. Опять городъ обошли, даже свободы захватили. И такъ всякій почти день, двѣ недѣли. Позвольте, я ему говорю, узнать, какъ васъ зовутъ? А онъ мела и не спрашивалъ, и такъ зналъ, меня вѣдь тамъ всѣ знаютъ.

— Ахъ, Машенька; повторила Анна Александровна:—можно ли такъ изъ удовольствія компрометироваться? Всѣ тебя знаютъ, всѣ видѣли...

— Да что жъ видѣли? Ну, иду я по улицѣ съ приказнымъ, только и было всего. Я бы его теперь къ себѣ позвала, да куда—какъ сюда позовешь, къ тетулкѣ твоей. А ужъ я тебѣ скажу, такая прелесть, и такъ мнѣ его поцѣловать хочется. Это ужъ я не я, поцѣлую.

— Машенька!

— Я не я, а сдѣлаю! повторила Марья Петровна:—что жѣ? Я не свѣтская особа... Да я и не умѣю по вашему, другъ мой. Это, вотъ, сестрица твоя Фешенька женишковъ себѣ довить; ты, никакъ десятый годъ шевроны заслужила, все по одномуъ вздыхаешь, а мнѣ... Сегодня Павелъ Максимовичъ, а завтра будетъ Максимъ Павловичъ; я себѣ изъ малаго люда всегда найду чѣмъ забавиться. Эти, другъ, лучше, безопаснѣе, безотвѣтныя-то! Съ вашими свѣтскими хлопотъ много; свяжешься, а послѣ не развяжешься. А мои,

эти—покорный народъ; учтивые такіе. У меня былъ одинокъ: ему скажешь: поцѣлуй меня, а онъ отвѣчаетъ: „если прикажете-съ,“ а самъ не смѣетъ безъ этого. И выходитъ забава самая незвинная. Вотъ, погоди, я моего Поля Максимовича, щечку его розовую...

Анна Александровна ничего не сказала. Марья Петровна спрятала лицо въ подушку. Анна Александровна тоскливо разбирала карты; она гадала тоже, и мало вѣря своему собственному гаданью, очень бы желала, чтобы кто-нибудь толковалъ ей, какъ она сейчасъ пріятельницѣ. Одну мигу, она хотѣла попросить ея объясненія, но посовѣстилась, даже покраснѣла и поскорѣе смѣшала карты, услыша шорохъ.

Вошла Анфиса съ приборомъ и ветчиной. Она была очень сердита.

— Что такъ долго? спросила Марья Петровна.

— Вонъ, вашъ Лаврентій! отвѣчала Анфиса:—не умѣлъ допроситься въ гостиницѣ, такъ его ни съ чѣмъ и поглали. Ужь Катерины Федоровичинова Еремѣя посылала. Извольте-съ. Здѣсь будете кушать или туда, къ столу?

— Здѣсь. Что, вставать не хочется. Который часъ?

— Первый давно. Лаврентій спрашиваетъ въ которомъ часу завтра изволите ѣхать?

— Да чтобъ ко всеобщей тамъ быть.

— Значить, утромъ надо.

— Да. Послѣ обѣдни. Я отъ обѣдни изъ собора вернусь, чтобъ лошади были готовы.

— Я ему скажу, сказала Анфиса, и ушла опять.

— Ты куда ѣдешь, Машенька?

— Въ Серафимову пустынь, я обѣщалась. Дѣло у меня было съ сосѣдкой моей, Долговской, — помнишь ее? платочкомъ повязана ходить, пятидушная помѣщица.

— Помню.

— Лугъ у нея потравили; она—смѣлость нашлась! просьбу на меня подала. Я велѣла—не смѣй на меня эта дрянь жаловаться! —какъ только ея коровы зашли на мой выгонъ, къ себѣ ихъ загонять, люди тутъ передрались, пастуха ея прибили, дѣло и затянулось. И такъ меня это дѣло мучило, столько я за него переплатила, просто, тоска нашла. Тогда же я обѣщаніе дала, какъ только Богъ меня съ нею развяжетъ, по моему сдѣлается, такъ я въ Серафимову пустынь

отправляюсь и три молебна отслужу. И только я общалась, вообрази, чудесами, на той же почтѣ пришло мое рѣшеніе!

— Неужели тотчасъ? спросила Анна Александровна.

— Я тебѣ говорю, въ тотъ же день! Я всегда и прежде вѣрила въ эту пустынь, а тутъ еще больше. Я такъ и положила, что поѣду непременно, какъ только денегъ. Вотъ славу Богу, завтра тамъ буду, за всеюнощной, за равней и за поздней обѣдней отслужу три молебна, чаю тамъ махаться въ монастырской гостиницѣ и назадъ.

— Возьми меня съ собой, сказала Анна Александровна.

— Ты развѣ тамъ никогда не была?

— Нѣтъ... такъ, Богу захотѣлось помолиться. Пожалуйста, возьми.

Марья Петровна погрозила ей пальцемъ.

— Вѣрно хочешь за своего дружка свѣчку поставить? Ужъ не отговаривайся; я эти штуки знаю. Пожалуй. Только какъ мы встроимъ въ кубиткѣ? Я безъ Анфисы не могу, а ты съ своими юбками...

— Нѣтъ, я ихъ какъ-нибудь...

— Пожалуй, поѣдемъ. Приходи завтра сюда въ обѣдню; къ тому времени какъ я вернусь изъ собора; кофею напьемся и поѣдемъ; я тебя отличнымъ кофеемъ угощу... Ахъ, да! не забыть бы мнѣ велѣть купить его да сжечь завтра пораньше, съ собою взять. Тамъ, другъ мой, въ Серафимовой есть монахъ, отецъ Іакинвъ... я его къ себѣ позову кофею пить; вотъ, посмотри!.. На него изъ Москвы пріѣзжали смотрѣть, а сюда онъ однажды за сборомъ пріѣзжалъ... Памятное мнѣ времячко! Тогда еще мой первый, настоящій то мой объектъ,— что ты, говорить, Mariette, никогда тебя дома не найдешь, все ты Богу молишься; за монахами, что ли бѣгаешь? Догадается, негодный этакой! И досталось же мнѣ...

Анна Александровна не отвѣчала; она почти не слышала, глядя на мерцающую лампадку и какъ-то смутно думая обо всемъ на свѣтѣ.

— Эхъ, жизнь, жизнь, куда ты дѣвалась! заключила Марья Петровна, поднимая руки надъ головой.

Анфиса, возьми эту ветчину; вовсе какой-то дряни прирѣсали мнѣ, не понравилось. Пора и спать.

— Да, пора, сказала, вставая, Анна Александровна:— продай, до завтра, Машенька.

— Прощай, другъ мой. А ты, куда?

— Да, въ гостиную, на минутку. Тетенька, можетъ-быть, спросить...

— Прощай.

Анна Александровна затворила двери, между тѣмъ какъ Марья Петровна, ставъ на колѣни, готовилась положить, по обыкновенію, пятьдесятъ поклоновъ на вечерней молитвѣ.

Когда Анна Александровна отворила дверь, сестра ея, занятая на прежнемъ мѣстѣ съ Измишинымъ, взглянула на нее съ удивленіемъ, будто увидѣла призракъ. Предъ собесѣдниками стояло блюдечко съ вареньемъ и было накурено много папиросъ. Анна Александровна подошла къ столу, постояла съ минуту, старалась зачѣмъ-то пріятно улыбнуться и наконецъ сказала:

— Я домой собираюсь, Фанни.

— Я думала, ты уже давно уѣхала, отвѣчала Федосья Александровна, тономъ особы, у которой прервали значительный разговоръ.

— А вы гдѣ живете? спросилъ Измишинъ, встрепенувшись, будто съ просонка.

— У брата, тихо сказала Анна Александровна. — Adieu, Fanny.

Пока она подавала черезъ столъ руку сестрѣ, Измишинъ вскочилъ и протянулъ свою. Онъ счелъ это какъ-то своимъ правомъ и обязанностью, и признакомъ порядочной развязности. Анна Александровна ушла.

— И мнѣ пора-съ, сказалъ Измишинъ.

— Вотъ еще! возразила Федосья Александровна, прислаиваясь къ диванчику.

Появленіе Анны Александровны тоже удивило всѣхъ играющихъ въ гостиной. Тетка повторила ей то же, что сестра:

— Я думала, ты ужь уѣхала.

Съ минуту колебавшись, не остаться ли ей, нѣтъ ли здѣсь какого-нибудь общественнаго долга, который ей слѣдуетъ исполнить, Анна Александровна рѣшилась и выговорила:

— Прощайте тетенька.

— Прощай, отвѣчала, козыряя, Катерина Федоровна.

III

Было поздно, извозчика не нашли, и Анна Александровна была принуждена воротиться домой пешкомъ, въ сопровожденіи сильно дремавшаго и еще, болѣе, недовольнаго дажея те-тушки. Чтобы сократить этому челоѣвѣку время его не-пріятности, Анна Александровна не шла, но почти бѣжала до своего дома. Домъ былъ не далеко, но она все-таки за-пыталась и озябла.

Ея невѣстка и братъ еще не возвратились изъ собранія.

Анна Александровна переодѣлась, но не ложилась и ждала изъ, приказала чтобъ былъ готовъ самоваръ, на случай если Лизавета Юрьевна захочетъ чаю, приказала накрыть столъ для ужина. Одну минуту, присѣвъ подлѣ этого на-крытаго стола, она вспомнила, что святки и дѣвушки га-даютъ о женихахъ и тихо улыбулась этой мысли: ей за-хотѣлось погадать. Но эта охота прошла также скоро какъ пришла. Единственная свѣчка уже догорала внутри под-стѣчника, Анна Александровна не смотрѣла на огонь, и отерла слезы, набѣжавшія столько же отъ усталости, сколько отъ печали.

Она подумала, что сегодня 29-е декабря, пятый день свя-токъ, ровно восемь лѣтъ, какъ ей объяснился въ любви молодой челоѣвѣкъ, котораго она всею душой любила. Точно также, восемь лѣтъ назадъ, она отпустила на балъ къ гу-бернатору брата съ молоденькою женой, и Фанни тогда повѣдала съ ними. У Лизы былъ тогда всего одинъ ребенокъ, Катя, еще грудная; Анна Александровна измучилась утѣ-шая и закачивая Катю, покуда та заснула у нея на ру-кахъ, а Евгенийъ Андреевичъ сидѣлъ подлѣ нея, и вдругъ поцѣловалъ, сначала, спящую дѣвочку, а потомъ руку Анны Александровны. Анна Александровна испугалась, она не могла отдернуть руки,—она бы уронила ребенка,—даже не ахнула—она бы разбудила ребенка, но хотѣлось ли ей от-нять руку или ахнуть?..

У нея замерло сердце при воспоминаніи. Не въ первый разъ мерещилась ей этотъ поздній вечеръ, но никогда она не могла припомнить ясно, какъ уложила Катю, какъ во-

ротилась въ эту залу съ накрытымъ столомъ и единственнымъ свѣчкой. Она чувствовала сердцемъ, а не помнила памятью, что Евгений сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ, ждалъ ее, что она подошла вдругъ скоро и какъ-то смѣло сѣла рядомъ и опять его руки очутились въ ея рукахъ и что-то говорилось или не говорилось; люди спали или громко звѣвали въ другихъ комнатахъ; часы, Богъ ихъ знаетъ, — забывали бить... братъ и Лиза воротились съ бала. Евгений сказалъ имъ, что просилъ у Анны Александровны позволенія дожидаться вмѣстѣ съ ней; онъ ничего этого не просилъ. Ночь она не спала и всю просидѣла на окнѣ, въ своей комнатѣ на антресоляхъ. Мерзлыя стекла сверкали звѣздочками; въ груди у нея дрожало; хотѣлось молиться, и много плакалось...

Невѣстка была молода и занята собой и ни слова не сказала о неприличіи этого „ожиданія.“ Братъ въ шутку, всего однажды, называлъ сестру „полунощницей.“ Анна Александровна боялась ужасно, но Евгений самъ былъ остороженъ; онъ приходилъ часто, сидѣлъ дни подлѣ ея плеча, вечера подлѣ нея въ уголку гостиной, особенно когда не бывало никого, — случалось, и засиживался поздно. Анна Александровна была счастлива. Ей было тогда двадцать четыре года; онъ — годомъ моложе. Она вдругъ замѣтно похорошѣла. Ея тоненькое нѣжное личико съ милыми кроткими чертами вдругъ освѣжилось, на немъ стали являться выраженія безконечныя. И никто не видалъ этихъ выраженій: семья — потому что не обращала на нее вниманія; Евгений, потому что при немъ она становилась робка, стѣнела, замучена страхомъ приличія и страхомъ семьи. Анна Александровна такъ любила свою семью! Она столько разъ считала, какъ дорого на стоитъ брату, который держитъ ее у себя въ домѣ и не допускаетъ нуждаться, даже дѣлаетъ ей подарки, — напримѣръ, покупая нарядныя платья, бурнусъ Лизѣ, покупаетъ и ей. Это не всякій братъ сдѣлаетъ. На свою четырнадцатую часть она не могла бы жить такъ, какъ живетъ у брата. За это она отблагодарить ни чѣмъ не можетъ; ей даже выразить не чѣмъ, какъ она цѣнитъ заботы брата, вниманіе его жены и... словомъ „все.“ Этимъ *все* женщины всегда называютъ то, чего не находятъ въ своей мысли, вѣрнѣе въ своей дѣйствительности. Анна Александровна привязалась къ маленькой племянницѣ

и къ быстро посаждававшимъ за ней четвертымъ влещамъ съ вѣжливостію дѣвочки, съ страстію матери, съ уголивостію няньки. Непомятно, когда она успѣвала шить на нихъ, вышивать для нихъ, учить ихъ лепетать, завивать ихъ волоски, мастерить имъ игрушки, играть съ ними, твердить съ ними азбуку, молиться съ ними за папу и маму, не думая научить ихъ своему имени въ молитвахъ, развѣ иногда, въ трудную минуту, схватывая ребенка на руки, прижимая его къ груди, цѣлуя порывно, съ слезами, она говорила ему: — „помолись за меня, ангелъ мой, помолись за тетю Анну, чтобъ ей легче было!..“

И это было все, что выговаривало это терпѣливое созданіе, когда вдругъ слишкомъ чувствительна становилась трудность жизни. А жизнь была трудна постоянно; былъ одинъ только свѣтленькій промежутокъ, — восемь лѣтъ назадъ... Онъ начался съ вечера 29 декабря и продолжался полгода. И потому казался онъ свѣтленькимъ, что Анна Александровна прожила его забывшицею, не оглядываясь. Она любила. Евгенийъ бывалъ каждый день. Эта любовь уже перестала быть тайной для брата и невестки. Въ порывѣ счастья, заставающаго вдвое любить все окружающее и быть откровеннѣе, Анна Александровна сама разказала все Лизаветѣ Юрьевнѣ, цѣлуя ножки ребенка, котораго, полудремая, Лизавета Юрьевна въ эту минуту кормила грудью. Аннѣ Александровнѣ вообразилась своя семейная жизнь, свой ребенокъ; она плакала и смѣялась и была такъ хороша, что даже хорошенькая Лизавета Юрьевна замѣтила, улыбувшись на ея признанія:

— Vous êtes très intéressante; le bonnet vous ira beaucoup.

Брату разказала жена; онъ замѣчалъ прежде немного и самъ, по привычкѣ женатыхъ людей замѣчать за женскими исторіями, совершающимися въ ихъ домѣ, но молчалъ, какъ человекъ серьезный, предполагалъ только кокетство старой дѣвы, сестры, съ молодымъ чловникомъ, — вещь забавную, положимъ, но преходящую. Сергій Александровичъ Ельниковъ не безъ основанія считалъ свою сестру старухой: онъ былъ женатъ уже два года, и его женѣ только что исполнилось двадцать, а братья вообще, лучшіе счетчики годовъ своихъ сестеръ. Узнавъ положительно, что между Анной Александровной и Евгениемъ Андреечемъ Куличовымъ не шутка, а настоящая любовь, Ельниковъ при-

шелъ въ нѣкоторое негодованіе. Почему онъ не негодовалъ бы на шутку, на неудачную и неловкую гауптштукъ, которая могла бы даже скомпрометировать его сестру и во всякомъ случаѣ дѣлала бы ее смѣшною; и почему истинное чувство показалось ему неумѣстнымъ, несвоевременнымъ, оскорбительнымъ, объяснить никакъ нельзя; *такъ бываетъ*—единственное объясненіе этого, елишкомъ часто встречающагося факта. Ельниковъ не подумалъ признать самому себѣ, что будь двадцати-четыреклѣтняя Анна Александровна не сестра ему, а просто влюбленная въ него дѣвушка, или еще лучше—жена его знакомаго, онъ не только бы не отказался отъ ея страсти, но увлекся бы самъ. Но теперь онъ взглянулъ на нее предубѣжденными глазами роднаго, то-есть, хуже нежели строгимъ взглядомъ безпристрастнаго посторонняго, и нашелъ смѣшнымъ все что было прелекательнаго въ этой дѣвушкѣ. Кротость составляла ея характеръ и ея красоту; она была боязлива, уступчива, молчалива и предупредительна отъ кротости, весела только тогда, когда была весело другимъ, тороплива отъ вѣчнаго желанія доставить удовольствіе, вѣрнѣе, *пригодиться*, потому что ея неувѣренность въ себя не имѣла границъ. Это иногда выражалось и неловко; въ этой неловкости была сама прелесть. Это-то Ельниковъ и называлъ сентиментальностью и жеманствомъ, рѣшившись, какъ онъ, въ негодованіи сказать женѣ, не допускать вздоровъ у себя въ домѣ.

Онъ получилъ въ это время мѣсто правителя канцеляріи губернатора и, какъ человекъ съ вліяніемъ, устроилъ, что чиновника Куличова послали сначала на ревизію хлѣбныхъ магазиновъ по губерніи, потомъ на разныя свѣдѣнія, такъ что Куличову въ нѣсколько мѣсяцевъ всего одинъ разъ пришлось быть въ Н. и всего на одинъ день, изъ котораго онъ едва одинъ часъ провелъ въ домѣ Ельниковыхъ, но и тотъ въ кабинетѣ Сергія Александровича, въ толкахъ о дѣлахъ. Аннѣ Александровнѣ не удалось сказать съ нимъ и нѣсколькихъ словъ; она только пожала ему руку и то при братѣ и невѣсткѣ. Отъ радости, она измѣнила своему характеру и первая подала руку. Куличовъ былъ какъ-то разсѣянъ, ступаненъ, конечно, дѣлами которыхъ у него была полна голова, внезапностью и краткостью свиданія; по его лицу же было замѣтно что онъ обрадовался. Анну Александровну это свиданіе только смутило и огор-

чел. Когда Куличовъ ушелъ, братъ сталъ разказывать, что въ уѣздѣ онъ производитъ фуроръ между барышнями; тавдуютъ у помѣщиковъ, волочатся, того гаяди, жегится. Правду ли говорилъ братъ—узнать было невозможно, разспрашивать некого... да и какъ разспрашивать?

Анна Александровна припоминала эти первыя сомнѣнія; не надо было припомянуть, такъ далеко ушли они, такъ исчезли потомъ за другими, еще болѣе горькими сомнѣніями, за дѣйствительностью, которую, сколько бывшая дѣвушка ни старалась вообразить лучше и свѣтлѣе, пришлось понять во всей ея печали. Эта дѣйствительность все подохала, подступала ближе, тѣснила; обманываться уже было невозможно.

Воротаясь только позднюю осењью съ своихъ сѣдствій и командировокъ, Куличовъ сталъ бывать у Ельниковыхъ рѣже и всегда ненадолго. Анна Александровна хотя замѣтила это, но еще отъ души вѣрила дѣловымъ отговоркамъ своего малаго, когда онъ вставая съ мѣста будто нехотя, а между тѣмъ давно и проворно надѣвъ перчатки, разказывалъ съ досадою:

— Чтѣ жь дѣлать? Вотъ, какую кину бумагу навесели. До утра проработаешь.

Анна Александровна плакала до утра, воображая какъ работаетъ Евгений. Однажды, когда Куличовъ ушелъ уже такъ поспѣшно, что Анна Александровна не успѣла найдти предмета выйдти вслѣдъ за нимъ въ залу и тамъ еще разъ проститься, Лизавета Юрьевна сказала, взглянувъ на Анну Александровну.

— Куличову не сидится у насъ.

Братъ читалъ газету и промолвилъ, не обращиваясь:

— Магнитъ, развѣ, потерялъ свою силу?

Онъ читалъ о сивонскомъ сраженіи: казалось бы, можно не обратить вниманія на женскія дѣла, но это дѣло видно было слишкомъ близко сердцу Ельникова; въ теченіе дня онъ посматривалъ на сестру пристально, съ какимъ-то лукавымъ оостраданіемъ, и доставилъ себѣ удовольствіе нѣсколько разъ вздохнуть принужденно громко вслѣдъ за нею, если она тихонько вздыхала. Это доставляло занятіе Ельникову. Куличовъ не приходилъ дня три. Анна Александровна измучалась, тоскуя, ожидая и стараясь скрыть это; она не смѣла дышать; не только вздыхать. За то братъ вздыхалъ

громогласно, и говорилъ, заглядывая въ окна и постукивая пальцами по стеклу:

— Не видать-сь, не видать; не ѣдетъ.

— Кто? спрашивала Лизавета Юрьевна.

— Человѣчекъ одинъ, отвѣчалъ съ смиренною улыбкой Ельничковъ.

Анна Александровна была какъ будто нездорова, рано простилась и ушла къ себѣ. Братъ пропѣлъ ей вслѣдъ;

„Сестрица голубушка, ложитесь спать, вамъ нечего ждать.“

Анна Александровна сочла великимъ счастьемъ, что на другой день утромъ не было дома ни брата, ни невѣстки, когда заѣхалъ Куличовъ. Волненіе и страхъ послѣднихъ трехъ дней придали ей смѣлости; она выговорила „милому“ зачѣмъ онъ бываетъ рѣдко, что это даже ея родные замѣтили. Куличовъ растолковалъ ей, что было бы хуже, еслибы они замѣтили, что онъ бываетъ слишкомъ часто, что надо „быть благоразумнѣе.“ Анна Александровна спросила, что это за благоразуміе.

— Какже? горячо возразилъ Куличовъ:—только жениху позволяется цѣлый день торчать подлѣ невѣсты. Можно понять это: ты, слава Богу, не маленькая дѣвочка...

Анна Александровна хорошо вспомнила при этихъ словахъ, что она старше его; она, правда, подумала тоже, что они оба свободны, что ничто не мѣшаетъ имъ сдѣлаться женихомъ и невѣстой, но... она старше его, она бѣдна, она дурна, она его свяжетъ...

— Знаешь что? сказала она, задохнувшись отъ слезъ, которыя удержала:—не приходи никогда, вовсе...

— Зачѣмъ же? спросилъ Куличовъ, пританувъ ее къ себѣ и обнявъ:—или больше не любишь?

— Ахъ, люби ты меня хоть немножко! вскричала она, припавъ къ нему на шею.

Анна Александровна увѣряла себя (хотя объ этомъ не было говоримо ни слова), что Куличовъ женится на ней, едва получить какое-нибудь порядочное мѣсто, деньги отъ какой-то тетки, которыя онъ ждалъ, и такъ даже, въ этомъ родѣ; она мечтала, воображая это счастье, но никогда не говорила „милому“ о своихъ мечтахъ. Она чего то боялась: онъ ужъ слишкомъ толковалъ о благоразуміи, а мечты—глупость. И притомъ, говорить о такихъ планахъ, значить

набиваться чтобы женился.. ловля жениха—избави Боже! И неловко, и неделикатно: онъ самъ знаетъ что .ему дѣлать...

Богъ знаетъ отчего, послѣ такихъ успокоивающихъ размышлений, Анна Александровна принималась горько плакать. Чаще стала она твердить наединѣ Евгению, что любить его; это было ея утѣшеніе, ея поддержка; говоря сама, она забывала, что ее только слушаютъ, но не отвѣчаютъ ей тѣмъ же. Евгенийъ слушалъ, сначала молчаливо улыбаясь, потомъ шутя, потомъ назвавъ все это „экзальтированными, заоблачными воздыханіями“, наконецъ серьезно сказалъ, что это неблагоприятно, смѣшно. Онъ сталъ избѣгать навзничь наединѣ, и дѣлалъ это очень ловко, проводя иногда цѣлые дни у Ельзиныхъ, больше прежняго сдружился съ хозяйномъ, былъ разговорчивъ и любезенъ съ Лизаветой Юрьевной какъ никогда; оживлялъ весь кружокъ если собирались гости, возился съ годовою Катей, когда было не съ кѣмъ больше заняться. Не оставаясь наединѣ, онъ отучилъ Анну Александровну говорить ему ты. Она скоро это забыла. Она упросила, умолила его придти провести съ ней одной вечеръ 29 декабря, годовщину перваго признанія, выпроводивъ всѣхъ своихъ въ гости, уложивъ Катю... (и, грѣшница, какъ тяготила ее Катя въ этотъ вечеръ!) надѣла платье, воротничокъ, ленту, какіе были на ней годъ назадъ, но, вмѣсто того чтобы—какъ хотѣла и собиралась сдѣлать—броситься на шею своему милому, по привычкѣ страха и благоразумія, оторопѣла, холодно смутилась и встрѣтила его словами:

— Добрый вечеръ, Евгенийъ Андреечъ.

Она сѣла у того же стола, на томъ же мѣстѣ, что годъ назадъ.

На этомъ мѣстѣ они сидѣли и теперь...

Тогда былъ 1854 годъ, была война. Они говорили о войнѣ. Говорили о балѣ губернатора: его жена именинница въ этотъ день, балъ ежегодный. Евгенийъ Андреечъ вынулъ часы и посмотрѣлъ. Анна Александровна упала головой на столъ и зарыдала.

— Что же, что вы? спросилъ онъ.

Она чувствовала, что все ея счастье прожито, кончилось. Должно-быть, при рожденіи человека опредѣляется сколько ему отпущится счастья. Счастья достало на годъ,

даже меньше, но все равно,—казалось, что на годъ ровно. Изъ дня въ день, и вотъ, теперь кончилось... Евгений Андреевичъ сказалъ:—„Вы нездоровы!“ взявъ ея руку, поцѣловалъ, перевернулъ и еще разъ поцѣловалъ въ ладонь и пожалъ крѣпко. Анна Александровна приподнялась.

— Послушай...

Онъ между тѣмъ уже взялъ шляпу.

— Вы нездоровы, вамъ успокоиться, лечь надо, повторилъ онъ и отворялъ дверь въ прихожую.

Тамъ были лакеи; звать его назадъ было невозможно. Анна Александровна отошла въ уголъ залы, чтобы не увидели ея расплаканнаго лица, и слышала какъ Евгений Андреевичъ приказывалъ напомнить ея брату о портфель съ бумагами, спокойно, какъ человѣкъ благоразумный...

Привыкъ ли онъ къ дому Ельниковыхъ, какъ случается съ молодыми людьми, которыхъ одолеваетъ скука провинци и которые думаютъ спастись отъ нея, составляя себѣ привычку приходить каждый день въ одно и то же мѣсто, садиться на тотъ же стулъ, говорить одно и то же; казалось ли ему неловко, хотя и нелюбя, прервать разомъ свои отношенія къ Аннѣ Александровнѣ; было ли ему жаль ея по старой памяти или еще отъ остатка любви, но Куличовъ продолжалъ свои посвщенія, не измѣняясь ни въ чемъ. У него бывали приливы нѣжности, совсѣмъ искреннiе; такъ иногда, проходя мимо Анны Александровны, онъ говорилъ ей на ухо: „милая“, неожиданно и никѣмъ не замѣчено бралъ ея руку, цѣловалъ ее въ голову, въ плечо, пользуясь минутой наединѣ. Она была счастлива отъ этихъ ласкъ, и если онъ случалось вслѣдъ за горькими минутами раздумья, обвиненiй на судьбу и сомнѣнiй въ „миломъ“,—то раскаянiю Анны Александровны не было предѣловъ. Она старалась „заслужить“ свои вины,—сдѣлать удовольствiе, сдѣлаться полезною на что-нибудь, если возможно; она ухаживала за Куличовымъ какъ за своими маленькими племянниками. Лизавета Юрьевна, хорошенькая, постоянно вытѣжала или кормила дѣтей; за ея недосугомъ хозяйствомъ занималась Анна Александровна, и потому ей нашелся предлогъ взять кстатѣ на себя заочную заботу о хозяйствѣ такого близкаго человѣка, какъ былъ Куличовъ въ домѣ Ельниковыхъ. Анна Александровна хлопотала о его прислугѣ, закупала ему запасы, варила ему варенье, оты-

сшивала лучшую въ городѣ швею для его бѣлья, платила ей изъ своихъ денегъ лишь бы заказанное было готово къ сроку и, наконецъ,—высшее счастье! сама по ночамъ на своихъ антресоляхъ, строчила рубашки милому, цѣлуя ихъ и обливая слезами. Дарить его она не смѣла,—она для него работала. Все что можно носить на себѣ или имѣть въ комнатѣ вышитаго было у Куличова, и все вышито руками Анны Александровны. Чтобъ заставить его взять, она проигрывала ему на пари, предлагала при постороннихъ. Куличовъ бралъ; впрочемъ, ему бывало и искренно пріятны ея работы и подарки: она *умѣла* ихъ дѣлать, или, вѣрнѣе, она была такъ добра, влюблена, счастлива и слѣдовательно, мила среди заботъ, что не было возможности быть не благодарнымъ. Она слѣзала и больше. У Куличова случилась какъ-то служебная непріятность. Анна Александровна пустилась въ хитрости: чрезъ одну даму, чрезъ другую, чрезъ свою тетюшку Катерину Федоровну, довела до губернатора, что надо принять участіе въ Куличовѣ, и дѣло было поправлено. Правда, когда сестра Фанни все узнала... Анна Александровна слегла въ лихорадку... Фанни пріѣхала внѣ себя. „Что это, матушка, съ чего ты взяла насъ компрометировать? Ты навязываешься мальчишкѣ, который тебя звать не хочетъ, а изъ этого по городу пойдетъ, что я его доваю, или что невістка съ нимъ въ интригѣ? Ты этого хочешь?..“

Анна Александровна перепугалась, хотя пугаться было нечего: одна ея семья волновалась изъ-за этой „исторіи“, отъ нечего-дѣлать; ея вмѣшательство въ дѣла Куличова было такъ ловко скрыто, что никто посторонній не подозрѣвалъ его. Оно открыло сестрѣ и теткѣ ея любовь къ Куличову, оно заставило брата больше насмѣиваться надъ нею,—но тѣмъ все и кончилось. Вся буря осталась въ семьѣ и хотя, конечно, еще болѣе разстроила и безъ того востройную семейную жизнь Анны Александровны, но общество не приняло участія въ этой бурѣ. Общество не обращало вниманія на Анну Александровну: она выѣзжала уже рѣдко, почти не танцевала, за карты еще не садилась. Она была въ переходномъ возрастѣ.

Ей было двадцать шесть лѣтъ, о чемъ она съ ужасомъ думала: она любила удовольствія и отказывалась отъ нихъ единственно изъ робости или изъ экономіи. Евгенийъ прежде

говорилъ ей, что она хорошенькая; ничья похвала такъ ни дорога, ни памятна, какъ похвала любимаго человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ уже не повторялъ этого, Анна Александровна стала больше заниматься собою; перемѣняла прически, подъ предлогомъ что уставали волосы, по ночамъ перешивала свои платья. Она старалась дѣлать это сколько возможно незамѣтно для другихъ, не озабочивая никого; но горничной надобно было глаженье, которое прежде не дѣлалось такъ часто, а Лизавета Юрьевна стала улыбаться на эти мелкія хлопоты, тотчасъ бросающіяся въ глаза женщинамъ. Она, конечно, гораздо больше озабочивала своихъ горничныхъ и ея туалетъ былъ вдвое богаче и сложнее туалета Анны Александровны, но вѣдь Лизавета Юрьевна молодая дама, а Анна Александровна къ чему все это?.. Лизавета Юрьевна, одѣваясь, заводила маленькіе толки съ своими горничными, во что сегодня нарядится Анна Александровна, зачѣмъ еще посылала она въ магазинъ, расплатилась ли она, наконецъ, съ башмачникомъ, который ждалъ отъ нея денегъ за прюневелыя ботинки...

— Должно-быть, расплатилась, прибавила, въ родѣ замѣчанія, Лизавета Юрьевна: — Сергѣй Александрычъ третьего дня взялъ жалованье.

Случалось, иногда, Лизавета Юрьевна, сама не зная почему, такъ, машинально взглядывала на Анну Александровну, одѣтую немножко понаряднѣе, и улыбалась. Братъ поступалъ откровеннѣе: онъ смѣялся громко, встрѣчая сестру утромъ, и распаркивался передъ нею, какъ передъ церемонною гостей.

— *Элеганс!* говорилъ онъ, при всей своей серіозности, даже удостоивая для шутки ломать французскій языкъ: — Булки крепе, почему ужъ не à l'enfant?

Но мелкіе локоны шли къ ея нѣжному лицу, и Анна Александровна продолжала нѣсколько времени носить ихъ подъ страхомъ, извиняясь, позволяя шутить надъ собою, шутя сама. Брату понравилось шутить. Онъ принялъ эту ловкую и удобную манеру, и не относился къ сестрѣ никогда иначе какъ съ шуткой, о чемъ бы ни шло дѣло, даже о хозяйственныхъ счетахъ.

— А позвольте, Анна Александровна, на какомъ жертвенникѣ любви сожигается у насъ столько дровъ? Обратите съ небесъ ваше вниманіе на повара.

Когда за обѣдями стали пѣть молебны о дарованіи по-бѣды, если кто-нибудь изъ постороннихъ спрашивалъ Анну Александровну почему она не была въ церкви, Ельниковъ отвѣчалъ всегда:

— Помните, что Аннѣ Александровнѣ военные! Она за статскихъ молится!

Эта шутка ему особенно полюбилась; онъ повторялъ ее десяткомъ разъ и разнообразилъ; то молитвами Анны Александровны всѣ грѣхи отпустятся чиновничеству, то сама Анна Александровна испрашиваетъ себѣ надъ христіанскимъ чиновничествомъ побѣду и одолѣніе,—и такъ далѣе. Посторонніе не находили, чтобы шутка была обидна, когда Анна Александровна сама не подавала вида, что обижается. Однажды Ельниковъ, не находя другаго предмета разговора, расписывалъ Куличову безобразно и довольно пошло при-четъ того далекаго прихода, гдѣ Анна Александровна „отстояла себѣ колѣни за раннюю обѣдню.“ Ельниковъ наговорился и вышелъ. Куличовъ, оставшись одинъ, не нахо-дилъ тоже предмета для разговора.

— Зачѣмъ вы ходите такъ далеко... началъ онъ.

— Я за тебя молюсь, отвѣчала Анна Александровна, зали-лась слезами и убѣжала.

Это начало ужъ и наскучать Куличову. Она становилась навазчива. Конечно, она не ловила жениха, но требовала любви. Нѣжная, почтительная любовь, которой хотѣла Ан-на Александровна, давно прошла у Куличова, не замѣняясь другою, болѣе пламенною, хотя бы менѣе искреннею: Анна Александровна была слишкомъ робка, слишкомъ чиста ду-шой, чтобы подумать о ней или подать къ ней поводъ, а Куличовъ хорошо разчиталъ, что любовь такого рода къ особѣ изъ общества связываетъ больше женитьбы, и къ тому же, зрѣлая дѣва становилась уже не привлекательна. Онъ особенно замѣтилъ это на одномъ балѣ, гдѣ они были вмѣстѣ. Балъ былъ веселый,—по заключеніи мира. Анна Александровна радовалась этой радости, будто ея соб-ственная жизнь отъ нея зависѣла; на колѣняхъ отстояла благодарственный молебенъ; со слезами поздравляла кого могла—старухъ богомолку своего прихода, хлѣбника, кото-рому заказывала куличъ къ святой (особенно красивый рачи такой радости), прохожихъ мужиковъ, которые встрѣ-чались на улицѣ и, почему-то догадываясь что барыня

добрая, останавливали ее и спрашивали у нея дорогу. Ельниковъ, смѣясь отъ души, прозвалъ сестру благовѣстницею мира, и при ней разказалъ нѣсколькимъ знакомымъ, что Анна Александровна заставляетъ его дѣтей, Катю и едва лепетавшаго Петю, читать особенную благодарственную молитву ея собственнаго сочиненія. Анна Александровна не замѣчала, что на ея порывы любви, дѣлавшіеся смѣлѣе отъ прилива душевнаго довольства, Куличовъ смотрѣлъ болѣе обыкновеннаго сумрачно и досадно. Она еще испортила дѣло. На радости она вздумала воспользоваться общественными удовольствіями, рѣшила, что поѣдетъ въ собраніе, на святой, въ государево рожденіе. Она имѣла неловкость толковать объ этомъ, за двѣ недѣли разказала Куличову какъ намѣрена одѣться, спрашивала его совѣта, показала ему крепь, дѣвѣты, поручила ему (и неловкая, при невѣсткѣ!), несмотря на его явное нежеланіе, выбрать и привезти перчатки; наконецъ довершила — примѣривъ бальное платье, вышла показаться въ немъ Лизаветѣ Юрьевнѣ при Куличовѣ. Это было утромъ, день пасмурный, великая пятница, Анна Александровна была не старательно причесана, блѣдна, устала отъ моленья и домашнихъ хлопотъ. Когда она ушла, Куличовъ переглянулся съ Лизаветой Юрьевной и засмѣялся, ободряемый ея улыбкой.

— Нѣтъ, досадно, сказала молоденькая женщина этому другу дома, — вамъ хорошо, а я должна съ ней ѣхать...

Аннѣ Александровнѣ случилось плакать въ тотъ день какъ было собраніе, такъ что вечеромъ она была дурна. Она сама назначила двѣ кадрили Куличову, протанцовала ихъ, и никто больше не звалъ ея.

— Куличовъ исполнилъ свой долгъ, сказалъ Сергѣй Александровичъ въ каретѣ, когда ѣхали домой.

Куличовъ съ этого времени рѣшительно разлюбилъ Анну Александровну. Онъ, человѣкъ замѣтный въ обществѣ, танцовалъ съ особой, съ которою не танцовалъ больше никто; онъ этимъ обидѣлся; молодые люди, не знавшіе Анну Александровну, спросили его, кто она; все это показалось ему какъ-то неловко, а единственный выходъ изъ неловкаго положенія — собственная насмѣшка надъ этимъ положеніемъ. Куличовъ первый въ собраніи пошутилъ надъ своею дамою...

Дома, у нея, гдѣ надъ ней шутили всѣ, ему сдѣлалось еще удобнѣе. Куличовъ будто согласился съ Ельниковымъ

и Лизаветой Юрьевной, знавшими „страсть *старой дѣвы*“, и позволяя любить себя, покоряясь будто неизбежности, терпѣя, снисходительно вынося эту страсть, съ видомъ небольшого, невольнаго насмѣшливаго состраданія, какъ выносить помѣшательство близкихъ людей. Какъ человекъ умный, не могъ же онъ притворяться, что не замѣчаетъ этого помѣшательства, когда о немъ всѣ знали. Ему было легко и не скучно: поставивъ себя такъ, онъ сохранялъ себѣ полную свободу и могъ сейчасъ жениться на комъ ему угодно, не встрѣтивъ со стороны Ельникова и его жены ни малѣйшаго возраженія за сестру. Между тѣмъ, съ деликатною добротой, основанною все на той же снисходительности къ помѣшательству, онъ принималъ маленькія услуги, единственныя доказательства любви *старой дѣвы*, — стараясь только чтобы не очень замѣчали ихъ посторонніе. Впрочемъ, и для постороннихъ, которые замѣтили бы Куличову, что Анна Александровна по немъ страдаетъ, у него былъ всегда готовъ очень удовлетворительный отвѣтъ:

— Что же мнѣ дѣлать?

Онъ самъ былъ человекъ положительный, и, поигравъ въ востительную любовь съ Анной Александровной, на двадцать четвертомъ году своего возраста, не влюблялся больше, молочился изрѣдка, всегда за замужними женщинами, и, съ нѣдѣль, больше для препровожденія времени нежели со страстью. Это не мѣшало Лизаветѣ Юрьевнѣ говорить иногда Аннѣ Александровнѣ, среди толковъ о составѣ и нравственности общества:

— Куличовъ очень скрытенъ, онъ вамъ этого не скажетъ, mais, positivement, il a des maîtresses.

И Лизавета Юрьевна называла, прибавляя:

— Онъ вѣтренъ; сегодня одна, завтра другая.

Анна Александровна плакала. Ея привязанность была тихая, страсть не возмущала ея; немногіе поцѣлуи были приняты ею со страхомъ, едва ли не съ мученіями совѣсти. Слушавъ объ этихъ женщинахъ, которыхъ, говорятъ, онъ любитъ, она мучилась зачѣмъ онъ отдаетъ имъ свое чувство, — то, чѣмъ ей хотѣлось одной имѣть неоспоримое право, чѣмъ хотѣлось ей владѣть нераздѣльно. Она казалась и ревнива; ей было больно; она не завидовала страсти, но тосковала о чувствѣ... И эта тоска по чувству дѣлала ее еще печальнѣе; запуганная, она становилась все молчали-

вѣе; волнуясь и стыдясь своего волненія, она была неграціозна... Она дурнѣла. Еслибъ она и увлеклась, и забылась, и захотѣла вызвать страсть въ любимомъ человѣкѣ,—ужь было поздно: Кудичовъ привыкъ видѣть въ ней старую влюбленную дѣву,—даже не старшую сестру, не стараго товарища...

Такъ продолжалось пять дѣтъ...

Анна Александровна передумала и припомнила все это еще подробнѣе, въ два три часа, которые провела одна, дожидаясь возвращенія *своихъ* съ бала. Она очень устала и нѣсколько разъ вспомнила, что завтра ей предстоитъ поѣздка, и потому необходимо было бы отдохнуть; но какъ же, *они* воротятся, а она будетъ спать?

Лизавета Юрьевна и Сергій Александровичъ воротились, не захотѣли ни чаю, ни ужина, и пошли почивать. Лизавета Юрьевна гнѣвалась, что въ ея спальнѣ блискомъ жарко, и какъ не догадалась открыть форточки. Анна Александровна ушла къ себѣ, терзалась совѣстью: какъ же это, въ самомъ дѣлѣ, она не догадалась открыть форточки? Разъ пересидѣвъ сонъ, она уже не могла скоро заснуть, а въ семь часовъ надо было встать, распорядиться въ домѣ, одѣться. Ей начало уже казаться, что некогда, что нельзя вѣхать на богомолье. Въ самомъ дѣлѣ, уже девятый часъ, Лизавета Юрьевна еще не просыпалась,—когда же успѣть?

Анна Александровна пошла къ дѣтямъ. Ельниковы держали много прислуги, что де мѣшало, какъ выражался самъ Сергій Александровичъ, быть въ домѣ хаосу довременному. Анна Александровна за три комнаты слышала плачь своего любимца, Пети, и лѣтѣла утѣшить его. Каково же было ея огорченіе, когда она увидѣла, что въ утѣшеніи нуждается не Петя, но меньшей братъ его, Юрочка, у котораго Петя съ великимъ азартомъ сломалъ лошадку и сверхъ того, еще побилъ обиженнаго и самъ разревѣлся!

— Боже мой, что за несчастіе! вскричала Анна Александровна, сама залившись слезами: — помиритесь, подѣлуйтесь, приставала она къ дѣтямъ.

— И, матушка, ихъ дѣло дѣтское, и поссорятся и помирятся промежь себя, замѣтила няня, совершенно равнодушная ко всѣмъ несчастіямъ.

— Купить бы сейчасъ другую лошадку... да праздникъ, до обѣда лавки заверты, говорила Анна Александровна.

Это еще разъ напомнило ей о богомольи.

— Видь я хотѣла ѣхать сегодня, няня, сказала она:— съ Марьей Петровной.

— Ужь это не знаю, сударыня, какъ вы одѣваете; некогда тутъ вовсе безъ васъ; вотъ дѣти, надо и съ ними убраться. Лизвета Юрьевна, вчера, кажется, сказывала гости будутъ обѣдать...

Анна Александровна совсѣмъ растерялась. Дѣти просили, кто чаю, кто завтракать. И еще гости будутъ обѣдать! Юрочка отъ слезъ совсѣмъ одурѣлъ и капризничалъ неумовѣрно. Петя жаловался то на головку, то на животикъ. Катя была завита въ пальчатки съ вечера, по приказанію маменьки, но Анна Александровна не присмотрѣла за этимъ, и волосы дѣвочки совсѣмъ не завились. Пока ихъ припекли, Анна Александровна, въ постоянномъ страхѣ чтобы ихъ не отожгли, наводила справки, кому говорила Лизвета Юрьевна, что будутъ обѣдать гости.

— Да, вотъ, Сергѣй Александрычъ сами встали, сказала няня.

Анна Александровна наскоро причесала Катю и побѣжала къ брату.

Ельниковъ рассказывалъ въ залѣ, въ форменномъ сюртукѣ, совсѣмъ готовый идти со двора.

— Матушка, чаю! сказалъ онъ, увидя сестру:— вамъ поживать, вамъ праздники, а у людей служба не ждетъ.

— У васъ обѣдаютъ сегодня? спросила Анна Александровна хлопоча у самовара.

— У всѣхъ, я думаю, обѣдаютъ, отвѣчалъ Ельниковъ.

— Нѣтъ... (Она засмѣялась.) Я не то хотѣла сказать. У васъ будутъ гости?

— Будутъ ли, не знаю.

— Какъ не знаете? Мнѣ сказали...

— Вамъ эти гости сказали, что будутъ?

— Нѣтъ, Serge, вы все шутите. Мнѣ няня говорила, что Лиза кому-то сказала...

— Ну, вы пообстоятельнѣе спросите няню.

— Я, право, не знаю, Serge...

— Вы бы такъ и сказали. Общали быть многіе, а будутъ ли, не знаю.

— Такъ надо распорядиться...

— Да-съ; и надо было пораньше встать для этого. А то четверть одиннадцатаго.

Ельниковъ какъ-то особенно величаво и небрежно показавъ ей свои часы, и положивъ ихъ въ карманъ, опять обратился къ чаю. Анна Александровна хотѣла оправдаться, что уже часа три какъ встала, но слова у нея замерли.

— Вы, впрочемъ, не волнуйтесь, продолжалъ Ельниковъ, закуривая папироску на спичкѣ, которую сестра держала передъ нимъ:—Мерси. Вы не волнуйтесь. Я послалъ за каубнымъ поваромъ и прикажу самъ. Поручать обѣдъ женщинамъ, такъ нечего вѣтъ будетъ; вѣдь вы всегда въ эмпиреяхъ.

Анна Александровна припомнила какіе-то блины на масляницѣ, не удавшіеся по ея разсѣянности, или вѣрнѣе, потому что она то утро каталась съ Куличовымъ и забыла все на свѣтѣ. Теперь, въ глазахъ брата, она читала упрекъ за эту далекую, но тѣмъ не меньшую вину. Она не возражала.

— Стало-быть, продолжалъ Ельниковъ, повидимому оо-всѣмъ забывъ, что торопился на службу и взявъ еще стаканъ чаю:—можете сидѣть за вашимъ туалетомъ хоть до вечерень... Скажите на милость, что это ребята съ утра ревуть?.. Совѣтую вамъ стянуться въ комариную ножку и ничего не кушать,—это будетъ интереснѣе. Другъ сердца вашего вчера выигралъ; вотъ вамъ радостное извѣстіе... Ну, кого это принесло спозаранку?

Раздался сильнѣйшій звонокъ.

— Измишинъ, доложилъ лакей.

— Кто?.. А, ну его, дурака! проговорилъ Ельниковъ, понижая голосъ:—скажи, дома нѣтъ, въ должности. Пусть въ канцелярію идетъ, тамъ повидаемся... Еще визиты дѣлаетъ.

— Это вашъ новый чиновникъ? спросила Анна Александровна, подумавъ, что сестрѣ Фанни будетъ непріятно, что братъ не принялъ Измишина.

— Младшій, сверхкомплектный подпомощникъ писаря, отвѣчалъ Ельниковъ:—вы уже имъ интересуетесь? Имѣла наслажденіе его видѣть?

— Да, вчера у тетушки.

— Очень милъ. Жиренъ и гаупъ какъ баранъ, и двѣсти душъ у дурака. Партія, если угодно.

— Вотъ что Serge, сказала Анна Александровна, помед-
чай съ минутой и не рывалась: — если въ самомъ дѣлѣ не
нужно мнѣ по хозяйству, я бы хотѣла съѣздить сего-
ды...

— Куда это?

— Это не далеко, Serge, я завтра... такъ, въ половинѣ
дня вернусь... я завтра къ вечеру буду непременно дома,
къ встрѣчѣ новаго года...

— Куда же это вы собрались?

— Машенька Ружкова здѣсь, Serge... Мнѣ хотѣлось съ
ней. Она ѣдетъ въ Серафимову пустынь.

— О Господи, мой Боже! воскликнулъ Бельниковъ засмѣ-
вшись: — передъ новымъ годомъ покаяніе, что ли, при-
носить?

— Нѣтъ, Serge... во...

— Ну, я думаю что нѣтъ! Марья-то Петровна каяться
будетъ! Она здѣсь? Говорятъ, она въ черную свитку на-
рядилась? Увижу, непременно посоветую ей отъ этого ма-
скарада въ проруби выкупаться, — маскарадъ чистѣйшій...
Обидѣлась, Анна Александровна, за вашу пріятельницу? Из-
вините!

— Нѣтъ, Serge... во... Можно мнѣ ѣхать?

— Помилуйте, я не держу васъ, возразилъ онъ, вдругъ
перебѣвивъ тонъ на серьезный и обиженный: — вы намѣ-
рены Богу молиться, — какое же я право имѣю остано-
вливать васъ? Вы совершеннолѣтняя; хотите, поѣзжайте.

Онъ всталъ, двинувъ стулъ, почему-то съ досадой.

— Эй, человѣкъ, человѣкъ! Кто здѣсь есть? Что жь, по-
варъ изъ клуба не приходилъ? Что это за женщина? Отъ
кого женщина? Что тебѣ нужно, матушка?

— Къ Аннѣ Александровнѣ, послышался звонкій дрожа-
щій голосъ Анфисы.

Анна Александровна выбѣжала въ прихожую.

— Къ вамъ записка, сказалъ ей братъ, передавая за-
писку.

— Марья Петровна приказала сказать, говорила Анфиса,
повторяя что между тѣмъ читала Анна Александровна: — что
какъ вамъ угодно съ ней ѣхать, то сейчасъ пожалуйста; ло-
шадки готовы.

— Я не знаю... Serge... Ecoutez un instant, Serge! Est ce
que je puis partir?..

— Ахъ, мой Боже, мнѣ-то что? отвѣчалъ Сергѣй Александровичъ, и обратился къ подходившему повару.

— Проснулась Лизавета Юрьевна? спросила Анна Александровна.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ лакей.

— Видишь, милая, продолжала Анна Александровна Анфисѣ:—ты поди къ Марьѣ Петровнѣ; если она можетъ меня только полчаса подождать... Мнѣ только спросить Лизавету Юрьевну.

— Ахъ, барышня, да что вы, вѣдь не за тысячу верстъ! возразила Анфиса.

— Ты не знаешь, милая, я вчера не успѣла ее предупредить.

Въ корридорѣ слышался шумъ, стукъ, и затѣмъ дѣтскій визгъ. Петя, желавшій поймать Катю за ея завитые волосы, растянулся на полу, и суматоха вышла неописанная. Ребенокъ не ушибся, но кричалъ, будто умиралъ. Ельниковъ, разсердясь, сулилъ ему розгу, Анна Александровна прижимала его къ сердцу и требовала арники, нянька страдала мамашей; лакей, посланный за припасами, втащилъ въ прихожую два огромные кулька, и въ растворенную дверь съней, вмѣстѣ съ клубомъ холода, вѣзали еще ящички и связки, кѣмъ-то несомыя.

— Дѣти простудятся! закричала Анна Александровна.

— Барышня, что жь, изволите вѣхать? вопрошала Анфиса.

— Здравствуйте, Анна Александровна, сказали, вдругъ появляясь, Куличовъ.

— Вотъ, другъ, кстати! пособи горю, вскричалъ Ельниковъ:—рѣши нашу участь: благочестіе нашло на насъ, хотѣли мы вѣхать Богу молиться и не знаемъ — смутило насъ наважденіе, искушеніе, и путь намъ претить.

— Что такое? спросилъ Куличовъ.

— Да что, такъ, вздоръ, прервалъ Ельниковъ: — поди сюда и взгляни вино; помоги, братецъ. Оставь эти глупости. Ну хочеть—молитса, хочеть—вѣтъ, что тамъ...

Онъ увелъ Куличова.

— Я сейчасъ ѣду, Анфиса, сейчасъ капоръ надѣну, сказала Анна Александровна, вдругъ рѣшившись, какъ, почему? она сама не знала:—пойдемъ ко мнѣ, я сейчасъ буду готова...

IV.

Анна Александровна убѣжала отъ дѣтей черезъ заднее крыльцо, иначе бы ей никогда не удалось выѣхать, и на эту мѣру она рѣшилась только по крайнему настоянію Авфисы. Когда обѣ доѣхали до дома Катерины Федоровны, тамъ уже всѣ проснулись.

— Анючка, вотъ не узнала! сказала Катерина Федоровна, которую она нашла въ прихожей, въ весьма легкомъ утреннемъ дезабилье:—у меня, видишь, весь домъ въ разбродѣ. Силъ нѣтъ человѣческихъ, до чего всѣ перебаловались; просто хотъ не жить на свѣтѣ. Ты вообрази только... А у васъ обѣдъ сегодня? мнѣ поваръ сказывалъ... Ты вообрази только....

Катерина Федоровна начала разказывать племянницѣ несчастіе, случившееся у нея вчера, во время карточного вечера, вслѣдствіе чего Катерина Федоровна разсталась съ двумя своими людьми, отправивъ ихъ въ ту же минуту со двора долой. Не было возможности понять въ чемъ дѣло: оно разказывалось прерываемое обращеніемъ къ виноватымъ и ихъ оправданіями, и къ тому же Анна Александровна была сляпкомъ отуманена разнообразіемъ впечатлѣній, которыя вынесла въ это утро.

— Ермолай, почему же не присмотрѣлъ? Ермолай! вопрошала Катерина Федоровна.

— Меня, сударыня, дома не было, возразилъ Ермолай.

— Почему дома не было? Какъ отлучаться, какъ смѣть отлучаться?..

— Да, вотъ, сударыня, вамъ Анна Александровна скажутъ: они тогда изволили быть у Марьи Петровны, я по приказанію Марьи Петровны ходилъ въ гостилицу...

— Ты, батюшка, мнѣ тутъ ни Анны Александровны, ни Марьи Петровны не прилетай. Я эти вещи знаю, я давно знаю. Ходилъ онъ въ гостилицу, Анючка?

Анна Александровна стояла еще не раскутавшись отъ капора и шубы; попавъ на очную ставку, она начинала чувствовать себя въ чемъ-то виноватою...

— Машенька точно посылаа, тетенька, начала она...

— Барышня просить васъ къ себѣ, прервала, являясь, горничная Федосья Александровна: — пожалуйста сію минуту.

Анна Александровна думала, что надо кончить свой отвѣтъ, но тетенька уже сама занялась вопросомъ.

— Пожалуйста, повторила горничная.

Анна Александровна, все въ шубѣ, поспѣшила къ сестрѣ. Федосья Александровна еще не вставала съ постели. Ея туалеть, съ его неисчислимыми принадлежностями, былъ впрочемъ весь приготовленъ и занималъ всю комнату, разложенный по стульямъ и диванчику, разставленный по столамъ и этажеркамъ, привѣшенный къ ширмамъ.

— Анючка, вскричала Федосья Александровна, едва заслыша шаги сестры:—былъ у васъ сегодня Измишинъ?

— Былъ.

— Ну, что онъ говорил? Звали его обѣдать?

— Его не приняли, Фанни.

— Какъ не приняли?

— Лица еще не проснулась.

— Лица, твоя Лица!.. Да вѣдь братецъ твой всталъ? Ты встала? Ты, вотъ, ужъ и со двора уѣхала. Почему же его не приняли?

— Serge торопился, душка...

— Куда? да вѣдь у нихъ обѣдь? Что же вы это дѣлаете, скажи, сдѣлай милость! Да что онъ такое, братецъ твой, какая важность, что ему всѣ ни по чемъ? Чѣмъ Измишинъ хуже его, что онъ не удостоиваетъ? Тысяча душъ, что ли, у вашего Сергѣя Александровича? Почему онъ не принялъ Измишина?

— Я не знаю, душка.

— Такъ я знаю, душечка! Потому что у насъ знакомъ Измишинъ, а Сергѣю Александровичу не угодно, чтобъ его сестра знала кого-нибудь порядочнаго! Это потому, душечка, что я сама его, брата, не захотѣла знать, не захотѣла на чердакъ у Лизаветы Юрьевны сидѣть. Я шагъ впередъ передъ нею итѣю въ общество, такъ дай сдѣлать мнѣ наперекоръ! Куличова принимаете? что? Повѣсьте себѣ на шею вашего Куличова, Рогачова, всякаго чорта— я эти штуки понимаю... да ужъ помните и вы, что если мнѣ на зло дѣлаютъ, такъ я сама сумѣю сдѣлать! Не беспокойтесь,—я этого не подарю ни Сергѣю Александровичу,

ни Лизаветѣ вашей Юрьевнѣ, ни вамъ! Я думаю, 'Изми-
шивъ не на обѣдъ вашъ набивался; отъ трехъ сотъ душъ у
него есть что поѣсть, а уваженіе сдѣлалъ, пріѣхалъ... Важ-
ность какая, видите, правитель губернаторской канцеляріи,
велика фигура, братецъ вашъ! Его завтра же, захотятъ, то
въ шею вытолкаютъ, вашего брата...

Анна Александровна стояла передъ ея постелью, блѣдная,
въ страхѣ, не шевелясь, поврежнему закутанная.

— Послушай, Фанничка...

— Сдѣлай милость, мнѣ фигуръ не выкидывай,—Фанни,
Фанничка!—я все это понимаю и знать васъ не хочу; скажи
ты отъ меня Сергію Александровичу и Лизаветѣ Юрьевнѣ...

— Анночка, ѣдешь ли ты или нѣтъ? А то такъ я одна
уѣду, сказала въ дверяхъ Марья Петровна.

— Я, Фанни, тебѣ послѣ объясню... сказала Анна Але-
ксандровна.

— Избавьте вы меня отъ объясненій! воскричала Федосья
Александровна:—ни васъ мнѣ, ни объясненій вашихъ не
нужно, оставьте вы меня въ покоѣ...

— Прощай, Фанни...

— Ступайте себѣ, молитесь! Фарисейки вы, ничего
больше...

Анна Александровна вышла, напутотвуемая этимъ бла-
гословеніемъ.

— Да иди же, кричала ей Марья Петровна изъ корри-
дора.

Анна Александровна не опомнясь, очутилась на крыльцѣ.
Подъ мерзавымъ сѣрымъ туманомъ мелькала кибитка, ло-
шади, узлы, подушки, и звѣдалъ голосъ Анфисы.

— Ты помѣстившись ли въ своихъ юбкахъ? опросила
Марья Петровна.

— Нѣтъ. Машенька, я... начала Анна Александровна, и
не договорила, но машинально пошла садиться.

Марья Петровна взявша, поддерживаемая Анфисой и ку-
черомъ, который для этого сошелъ съ козла. Вообще, въ
ея восхожденіи было что-то старчески-барское. Есаибъ
Анна Александровна видѣла что-нибудь, она бы, конечно,
замѣтила, что лицо ея пріятельницы было не обрамлено;
но обтянуто плотно, безъ признака волосъ, бѣлымъ чепчи-
комъ, завязаннымъ такъ туго, что покраснѣла борода: сверхъ
чепчика, сѣрая косынка пушистымъ валикомъ глядѣла

изъ-подъ чернаго небольшого, туго выстеганнаго и также туго завязаннаго капора, фасономъ похожаго на монастырскую наметку сверхъ капора былъ черный вуаль, вышитый. Когда Марья Петровна спустила его на лицо, черные цвѣточки припались у нея на концы носа; это было даже очень забавно, но никто не улыбнулся. Анфиса къ этому привыкла, Анаст Александровна было не до того. Марья Петровна, услышавшись, крестилась и шептала молитву.

— Какъ это ты, наконецъ, выбралась? спросила она пріятельницу, когда выѣхали изъ воротъ.

Анна Александровна начала-было разказывать всѣ затрудненія этого утра, но говорить было холодно и пріятельница не слушала.

— Устала я за обѣдой, сказала она:— съ молебномъ еще; сегодня архіерей В—скій именинникъ, а здѣшній вашъ съ нимъ друженъ, такъ о здравіи самъ служилъ. И пѣвалъ, другъ. Отлично поютъ у васъ. Надо мнѣ узнать какъ зовутъ „октаву“—такой черныи, высокій. Ты не знаешь?

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчала Анна Александровна:—я никого тамъ, въ соборъ, не знаю, прибавила она, и спросила въ видѣ оправданія:—А тотъ, былъ?

— Еще бы! Да нѣтъ, я сердита на него. Я ему этого не пропущу. Поклонились мы съ нимъ, я подошла; только было начали говорить,—вдругъ какой-то толстый приказный, что ли, или купецъ подвернулся, а онъ точно обрадовался и улетѣлъ съ нимъ...

— Это жаль, Машенька.

— Ну, пора эти вздоры бросить; онъ мнѣ ужъ надоѣлъ. Да и время не такое... Право, поздно мы выѣхали, первый часъ, туда къ шести не пріѣдемъ, пятьдесятъ верстъ... Я ворочусь, еще погощу у твоей тетюшки; празднику; говорятъ, архіерей почти всякій день будетъ служить... Какое у него, другъ, лицо погное; я къ нему, знаешь, большую вѣру имѣю; тихенькій, тихенькій такой старичокъ... Досадно, не узнала я, какъ этого октаву зовутъ, не успѣла: какъ увидѣла своего объектъ, такъ все изъ ума пошло. А онъ еще кланялся съ тѣмъ, съ октавой; тутъ бы насъ и познакомилъ.

Анна Александровна молчала. Она сжалась въ подушкахъ, прилонивъ голову къ стѣнкѣ кибитки, и глядя на свѣтъ.

День был сумрачный, поля не блестяли; мѣховая полость каботки оцетивалась отъ мороза, заиндевяла, и для прищуреннаго глаза казалась безжизненнымъ кустарникомъ, таявшимся по краю дорога. Все было гладко-кругомъ, тихо и пусто. Печальный просторъ наводитъ на раздумье; у Анны Александровны раздумье вызывало слезы на глаза. Богъ знаетъ что не припомнилось ей, то понемногу, настойчиво, подробно, то какъ-то вдругъ, разомъ, отрывочно и больно; Богъ знаетъ откуда, изъ какой дали вставали годы дѣтства, съ мелочами, которыхъ, казалось, и помнить было невозможно,—холодъ большой деревенской залы, гдѣ, бывало, въ сумерки, прильнувъ къ окнамъ, она разсматривала морозные цвѣты, и дивилась какъ хорошо они нарисованы... Почему эти сумерки и эта зала вспомнились теперь, съ чувствомъ тогда несознаваемого одиночества? Она вспоминала, какъ боялась, что войдутъ, увидать, побранятъ ее... за что? Передъ ней исчезали лица наводившія на нее этотъ страхъ, но она помнила, что эти лица были, и страхъ этотъ былъ, и теперь смѣшивались во что-то общее, отъ чего ей, маленькой дѣвочки, хотѣлось уйти или спрятаться. Куда уйти?..

Ей въ жизни часто хотѣлось куда-нибудь уйти. Разбирая, всегда выходило, что некуда. И потому, какъ это сдѣлать? Разстаться съ тѣми, съ кѣмъ она жила, съ своими старшими? Что скажутъ? Какъ жить—неужели одной и гдѣ же? Конечно, она существо ненужное, но можетъ-быть она и нужна на что-нибудь; можетъ-быть, разлука съ нею огорчитъ кого-нибудь... И какъ же это? совершенное одиночество? Вѣдь разставшись съ близкими, она не можетъ привязаться къ постороннимъ; своихъ нѣтъ, такъ ужъ никого не надо. Вырвать изъ сердца привязанность, другая на ея мѣстѣ не вырастетъ. И какъ это больно! Они не чувствуютъ, не понимаютъ какъ это можетъ-быть больно, оказать, что, вотъ, я васъ всѣхъ оставляю, я хочу быть одна...

А покойно одной! Тихо; все утро занята чѣмъ вздумается, тихо за работой. Часы идутъ; часъ обѣда, отдыхъ, опять работа, книжка; тамъ и вечеръ. Свѣчки тихо мерцаютъ въ тихой комнатѣ; заработать за полночь, помолиться, поблагодарить Бога и заснуть...

Но для кого же работать, о чемъ молиться, за что благо-

дарить Бога? Что видѣть во снѣ, когда на яву могила, на милого голоса, на милого взгляда, на ласки...

Но развѣ теперь есть что-нибудь? развѣ теперь, не все равно, могила? Все умерло, своя жизнь никому неужла, никто не любитъ, никто...

— Амочка, ты опишь? спросила Марья Петровна.

— Нѣтъ... да, душа, дремлю...

— Ты, никакъ, плачешь?

— Нѣтъ, душа. О чемъ же?

— Кто же тебя знаетъ? Я забыла тебѣ сказать; вѣдь я *твоего* сегодня видѣла.

— Кого?

— Да твоего, ну, какъ его, Eugène. Ты его какъ называешь, когда вы одни?

— Евгений Андреевичъ.

— Что ты? Неужели такъ церемонитесь? Я его видѣла въ соборѣ; онъ отъ меня въ двухъ шагахъ стоялъ и не поклонился, не узналъ, что ли. Твой objet, другъ, скотина, ну, да все равно, я не въ претензіи. Я на *сего* больше смотрѣла... Ахъ, идолъ мерзкій, и этотъ приказничиха, мальчишка, и тотъ мнѣ измѣняетъ! Погоди же... Да, кстати: *твоей* тебѣ тоже измѣняетъ; держи ухо востро, другъ. Онъ, твой, все вокругъ какой-то барыни увивался, высокая такая, въ соборахъ, перо бѣлое длиннѣйшее, нарумяненная... Не знаешь, кто?

— Не знаю, отвѣчала Анна Александровна.

— Никого, ты, другъ, не знаешь, и о себѣ даже не заботишься... Ахъ, Боже мой, тихо мы ѣдемъ, не застанемъ воспоющей!.. Лаврентій!.. Амфиса, скажи ему чтобы трогалъ лошадей.

Амфиса, съ просонкой, приподнялась, и толкнувъ Лаврентія, передала приказаніе. Лошади побѣжали, Марья Петровна закуталась шубой и улеглась спать. Анна Александровна опять устремила глаза на дорогу. Она все думала, думала; къ горькимъ собственнымъ воспоминаніямъ стало, вдругъ, несвязно, примѣшиваться постороннее, чуждое, самшанное; мелькали лица знакомыхъ, даже такихъ, къ которымъ она была совсѣмъ равнодушна, ихъ отношенія между собой, ихъ наряды, городскіе саухи, старья опаетки; вдругъ среди этого, вовсе неожиданно, но явственно до послѣдней ноты, раздалась музыка галопода, играннаго когда-то, гдѣ-

то, и за нею въ памяти всплылъ весь балъ, и пикировка предводительши съ губернаторшей, которая тогда случилась... Эта пикировка тогда взволновала весь городъ. Анна Александровна вспомнила, что и она чего-то боялась вмѣстѣ съ другими. Тогда... Этому пятнадцать лѣтъ!.. Объ этомъ вывче говорить уже „времена древнія“. А какъ она памятна, годы первыхъ выходовъ!..

Анна Александровна улыбалась; передъ ея закрытыми глазами пролетали люстры и свѣчи, голубой крепъ, бѣлые маргаритки, серебряный кованный эполетъ, который сверкаетъ въ глаза, между тѣмъ какъ сильная рука обхватываетъ и сжимаетъ талию... А этому пятнадцать лѣтъ! такъ давно! она уже стара, она подурнѣла, она не замужемъ...

Въ тихомъ полѣ, гдѣ-то далеко, раздался колоколъ. Анна Александровна ветреничилась.

— Приѣхали? спросила она Лаврентія.

Марья Петровна и Амфила спали.

— Нѣтъ, это, вотъ тамъ, должно-быть, звать, отличать Лаврентій, показывая въ сторону:—тамъ село. Попъ, должно-быть, задумалъ вечернюю службу, Бога вспоминать. Завтра вѣдь году посаданій денекъ; еще кто доживетъ до другого... Намъ тоже не далеко осталось, уже больше половины проѣхали. Да дождемъ. Сорокъ три версты; это мы всегда въ одну упряжку ѣхали.

Анна Александровна уже не слушала. Она тихонько крестилась, и слезы, вызванные вдругъ и чувствомъ и нервами, покатались по ея лицу...

„Бога вспоминать!“ Последній день года! Господи, а она, грѣшница, ѣдетъ въ святое мѣсто молиться и вспоминаетъ такую оуту! Господи, годъ прошелъ, и много ихъ прошло... о, не дай чтобъ еще ихъ много было! На что ихъ, на что... Ну, дѣти испугаются, когда тетю Анну на столѣ увидятъ... Петь, миленькій мой, испугается; онъ такой перепуганный ребенокъ... А больше кто?.. Войдетъ... и не перекрестится! Ему въ церковь развѣ за барынями бѣгать...

Анна Александровна зарыдала.

А когда никому не жалъ если умру, на что же жить?.. Куда бы нибудь уйти! Господи, возьми куда-нибудь!..

V.

Темнота и метель застали путешественника въ концу дороги. Марья Петровна взволновалась, когда, проснувшись отъ остановки, увидѣла, что Лаврентій оправляет лошадей.

— Скажи, ради Бога, сказала она, — когда же мы дойдемъ? Вотъ, ты увидишь, я не успѣю ко всемогущей. Пошли ты это, я по обѣщанію...

— Дойдемъ-съ, отвѣчалъ Лаврентій, и вспрыгнувъ на облучокъ, погналъ лошадей.

— Тутъ еще горы, да буераки, говорила Марья Петровна: — вывалимся, только хорошаго и будетъ.

— Нѣтъ, Машенька, будь покойна, возражала Анна Александровна: — будь покойна, душа; ничего не можетъ случиться.

Она притворилась храброй, хотя при одномъ словѣ о горахъ и буеракахъ у нея сердце упало.

— Все можетъ случиться, возразила Марья Петровна, — бѣднѣхъ тутъ знаешь сколько? Обернуть, да еще убить.

Анна Александровна стоновала; ей стало ужасно жаль чего то, — не себя; такъ грустно. Ей казалось, что метель, сквозь которую едва видѣлось сумрачное поле; уже заносить ее могла; мелкій сѣнникъ, который началъ попадаться по дорогѣ, торчалъ точно кресты изъ сугробовъ; большое дерево изрѣдка вставало между вѣтъ, точно человѣкъ поднималъ руки къ небу, кричить о помощи...

— Ничего не будетъ, Машенька, ты трусиха, говорила Анна Александровна, чувствуя, что у нея дрожали губы: знаешь, былъ вреднѣйшій случай съ одною моею знакомой; она ѣхала... и еще рѣшилась, ѣхала одна, съ ямщикомъ... только вдругъ...

Анна Александровна рассказывала свой сѣвнѣйшій случай, пока Марья Петровна не прервала ее.

— Я, другъ мой, ничего не скажу, хоть ты что хочешь рассказывай. И душа у меня не на мѣстѣ, и не приѣду я вовремя, ничего не успѣю сдѣлать и принуждена буду еще другую ночь ночевать тамъ, въ гостиницѣ.

— Почему же, дуника?

— Да вѣдь три молебна я обѣщала: за всеюнощной сегодня, да завтра за раннею и за позднею обѣдней. Ко всеюнощной не успѣю, надо будетъ остаться завтра до вечера,—такъ когда же выѣзжать оттуда въ темноту?

— Но вѣдь ты можешь отслужить три молебна и завтра утромъ?

— Я сказала, что обѣщала въ три разныхъ службы; обѣщала я такъ, такъ и сдѣлаю...

Анна Александровна замолчала, сконфузясь: пріятельница объяснялась уже сердито. Анна Александровна сконфузилась еще больше, разчитывая, что если она похуеетъ въ гостиницѣ двѣ ночи, то она никакъ не поспѣетъ домой, такъ чтобы можно было распорядиться и туалетомъ, и по хозяйству къ встрѣчѣ новаго года. Анна Александровна принялась молчать, между тѣмъ какъ Марья Петровна выговаривала Анфису:

— Анфиса, ты, кажется, въ ночь пошла, все спишь? Поднимись, сдѣлай милость, мнѣ плечо больно, ты на меня разлеглась.

Обѣ пріятельницы были въ непріятномъ расположеніи духа и обѣ задремали, когда Анну Александровну разбудило восклицаніе Марьи Петровны:

— Батюшки, что это?

Они были въ совершенныхъ потемкахъ: кубитка въѣзжала подъ сводъ толстой монастырской стѣны; разбитый колоколь дребезжалъ и звякалъ, не печально, а будто прося чого-то.

— Вотъ-съ и ковсеюнощной не опоздали, отозвался изъ тьмы Лаврентій, все время хранившій молчаніе человека несправедливо оскорбленнаго.

— Гдѣ же гостиница? Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь была, ее перевели въ другое мѣсто, говорила Марья Петровна:—спросить бы, гдѣ гостиница?

Лаврентій, привставъ, осматривался кругомъ. Маленькая черная фигурка, съ фонаремъ въ рукѣ, бѣжала по двору некими шажками, бокомъ, глядя на пріѣзжихъ. Анфиса ошанкнула;

— Послушайте... батюшка!.. или кто вы такіе... гдѣ тутъ пристать?

Человѣкъ, видимо обрадовавшись, что его позвали, бѣжалъ къ кибиткѣ, на пути окуная свой маленькій клубочокъ и кланяясь.

— Ахъ, да еще человѣкъ знакомый! воскричала Марья Петровна, вдругъ оживясь и сѣлась:—здравствуйте, милый мой, здравствуйте! Вотъ и я къ вамъ Богу молюсь...

— Кто это, Машенька? спросила Анна Александровна.

— Это служка отца Павла, отвѣчала Марья Петровна, радостно сжимая ей руку:—это... ты увидишь. Зовутъ его Иона Клокатый. Его такъ прозвали. Онъ былъ въ горячкѣ, волосы выросли воъ вихрами... Здравствуйте, милѣишій, какъ поживаете?

— Слава Богу-съ; вашими молитвами.

— Гдѣ ужъ нашимъ! Мы вашими молитвами спасаемся. Что вамъ отецъ Павелъ? Какъ его здравіе драгоценное?

— Все больше лежитъ-съ. Очень слабы стали.

— Ахъ, голубчикъ мой! сказала протяжно Марья Петровна, прервавъ свой смѣхъ:—какая жалость! Вотъ святой человѣкъ. Имъ однимъ вся ваша обитель спасается, договорила она, опять улыбувшись.

— Это точно, правда-съ, отвѣчалъ служка.

— Что правда?

— Что имъ обитель... сказано: праведникомъ единымъ...

— Охъ, вы!.. прервала Марья Петровна, сѣлась и грозя пальцемъ. — Что же вы меня морозите? продолжала она:—Куда вы дѣвали вашу гостиницу? Прежде она была тутъ, прямо у воротъ.

— Нѣтъ-съ; нынѣ она дальше. Вы извольте изъ воротъ выѣхать назадъ, да надѣво, по оградѣ.

— Это кто жъ перемѣтилъ? новый вашъ?

— Да-съ; отецъ Наркисъ устроилъ.

— Ну-съ, это очень хорошо. Позжай, Лаврентій. Вы приходите ло мнѣ, какъ васъ, милѣишій... отецъ Иона.

— Еще не отецъ-съ.

— Да вѣдь вы только...

— Въ рясофорѣ только-съ.

Лаврентій давно трогалъ лошадей и хотѣлъ обернуть назадъ кибитку. Служка мѣшалъ ему, перебѣгая кругомъ съ фонаремъ.

— Вотъ, Анючка, начала-было Марья Петровна, и вы-

судулась опять: — послушайте, послушайте! Всенощная у васъ какъ? долго?

— Да-съ; долѣе прежняго. Сегодня самъ служить; стихиры на оба клира поютъ.

— А отецъ Іакинѣвъ служить?

— Нѣтъ-съ; отецъ Іакинѣвъ сегодня не служить, отвѣчалъ служка, и весело показавъ всѣ свои зубы.

— Что же онъ у васъ сегодня дѣлаетъ?

— Поеть-съ. На правомъ клиросѣ втораго баса поеть. Первый басъ у насъ отецъ Аполлинарій, да онъ сегодня не здоровъ, такъ отецъ Іакинѣвъ первымъ... будетъ стоять, извоите знать, къ рѣшеткѣ...

Лаврентій стегнулъ лошадей и заставилъ отскочить служку, выкатилъ свою тройку опять подъ темныя ворота. Черезъ минуту они были у крыльца гостиницы.

Работникъ отворилъ дверь и свѣтилъ; Марья Петровна взбиралась по досчатымъ ступенямъ, придѣланнымъ къ каменному строенію; Анфиса поддерживала барыню, и введя ее, бросилась къ Аннѣ Александровнѣ. Та едва могла освободиться отъ набросанныхъ вокругъ нея подушекъ и покрывшекъ, и едва ступала усталая, отъ шестичасоваго сидѣнья. Когда она вошла въ комнату, ей казалось, что полъ шатается. Въ низенькой комнатѣ, съ толстыми стѣнами и безобразными маленькими окнами, было душно и сыро. Холодъ, который внесли съ собою прѣзжія, стоялъ паромъ. Марья Петровна не замѣчала этого, распутываясь, а Анфиса проворно доставала изъ чемодана что было приготовлено для перваго вечерняго туалета барышни. Анна Александровна присѣла на диванъ; онъ былъ изъ бѣлаго дерева, обитъ черною кожей, и передъ нимъ стоялъ неуклюжій столъ, покрытый цвѣтною бумажною скатертью. Четыре кожаные стула размѣщались около стѣнъ, въ отдаленіи. Большіе бѣлые часы щелкали въ углу; въ другомъ углу, предъ образомъ въ кіотѣ, горѣла лампада. По стѣнамъ, высоко висѣли бѣлыя автографіи новѣйшей работы, — изображеніе крестнаго хода и другаго священнаго событія, — портреты одного схимника, одного странника, и мѣстнаго архіерея.

Анна Александровна смотрѣла на все это, ничего не видя отъ усталости; Марья Петровна уже одѣвалась, чтобы идти въ церковь.

— Анючка, ты развѣ не идешь? спросила она, завязывая узелъ бѣлаго батистаго чепчика, похожаго на траурный, безъ шитья, съ огромною оборкой.

— Нѣтъ, я сейчасъ, отвѣчала Анна Александровна и заторопилась.

Ей стало совѣстно. Она подумала, что Машенька устала столько же, и съ ея слабымъ здоровьемъ, не жалуется, готова молиться, не ропщетъ. И Машенька еще постилась цѣлый день!..

Анна Александровна забывала, что и она постилась тоже, для компаніи, хотя и не давала обѣщанія. Марья Петровна, выходя, приказывала Анфисѣ распорядиться чтобы былъ чай и ужинъ.

— У нихъ тутъ садки, веди изъ садка рыбу взять свѣжую, и соленую посмотри; если хороша у нихъ, то веди подать.

Онѣ отправились вдвоемъ, по узенькой дорожкѣ, протоптанной вдоль стѣны. Марья Петровна шла впереди и очень скоро; Анна Александровна едва успѣвала за ней. Тонкая метель вилась какъ дымъ по верхушкамъ сугробовъ; небо чуть-чуть темнѣло надъ бѣлымъ полемъ; монастырскій звонарь съ особеннымъ увлеченіемъ отыгралъ послѣднюю трель восьми колоколами, большими и маленькими, и дернулъ въ заключеніе такую звонкую, сухую ноту, что она точно вскрикнула и тоже замолкла. Анна Александровна перекрестилась.

— Ужь начали! вскричала Марья Петровна, исчезая въ темнотѣ, подъ воротами.

Аннѣ Александровнѣ пришлось, просто, бѣжать, чтобы нагнать пріятельницу, хотя на паперти, но и тутъ это было только на мгновеніе. Войдя въ церковь среди пѣнія, огней, тѣсноты — богомольцевъ было много—Анна Александровна не могла осмотрѣться. Она еще подумала, какъ бы стать подлѣ Марьи Петровны, но ея уже не было. Анна Александровна услышала невдалекѣ ея голосъ. Марья Петровна разспрашивала деньги у ящика и разказывала отцу Іереміи, какъ она спѣшила дохватъ и какъ провела лѣто въ деревнѣ. Отецъ Іеремія отбиралъ для нея свѣчи, повторяя: — „Позвольте, подождите“, другимъ покупателямъ, которые вецеремонно прерывали его бесѣду съ давно-невиданною знакомой.

— Вѣдь какъ лѣзутъ, бѣда, съ ногъ спшибаютъ, заключаютъ онъ, передавая ей горсть мелкаго серебра,—извольте, вамъ все ровенькія; постарался.

— Еще бы для меня не постараться! отвѣчала Марья Петровна.

— Свѣчи велите поставить? Куда да куда?

— Нѣтъ, я сама; вотъ эту только возьмите, насъ туда не пускаютъ. Да вы мнѣ все золотыхъ съ узоромъ надавали.

— Какъ же, какъ же, для васъ!..

Анна Александровна пріютилась около дверей между крестьянками; онѣ сложили въ уголѣ свои кошелы, одна качивала груднаго ребенка; тѣ, у которыхъ руки были свободны, молились съ долгими земными поклонами. Анна Александровна сторонилась сначала; ей было тѣсно и неловко въ своемъ длинномъ платьѣ и пышной шубѣ между этими бѣлыми шушуками и полшубками, а сосѣдка не умѣла стоять тихо и отъ частыхъ крестовъ въ маленькой толпѣ было безпрестанное волженіе. Ни одна не обижалась, однако, когда ее задѣвали, какъ случается съ городскими модельщицами; напротивъ, когда порядочно растолкавъ кругомъ себя, которая-нибудь обращалась съ поклономъ на обѣ стороны, — ей отвѣчали такими же безмолвными и степенными поклонами. Анна Александровна подумала, какъ хорошъ этотъ обычай—просить молитвы у предстоющихъ—и сама начала усердно кланяться, когда кланялись въ ея сторону. Одна старуха вздыхала и громко повторяла пѣтыя молитвы; это привело Анну Александровну въ восторженное настроеніе; она вдругъ не могла удержаться отъ слезъ, забыла что кругомъ матоптано мокрыми лавками, стала на колѣни и уже ничего не помнила. Ей было хорошо, болѣзненно и вмѣстѣ отраднo хорошо; огни сверкали и дробились въ ея глазахъ, душа уходила Богъ знаетъ куда; ей хотѣлось бы такъ остаться на всю жизнь; или, вдругъ, въ этомъ состояніи, перейти въ другую жизнь, ей казалось, что она ужъ перешла въ нее.

— Посторонитесь, матушка, сказала ей старуха.

Надъ толпой двигались высокія свѣчи, между раздавшимися рядами катились клубы ладона; священникъ и діаконъ обходили и кадили церковь. Передъ Анной Александровной, едва успѣвшей подняться, мелькнули золотыя ризы, ши-

рѣкіа черныя покрывааа, и затѣмъ еще сильнѣе затѣснили ее усердные поклоны оосѣдокъ. Она не чувствовала тѣсноты, ей стало еще лучше отъ этого вдругъ скользявшаго свѣта и дыма; вдали, съ кайросовъ, дѣлось протяжно, трогательно, точно съ неба.

— Огни-то цвѣтныя! оказала рядомъ крестьянка

Анна Александровна не замѣтила, что отецъ Іеремія и его помощникъ давно хлопотали, и къ прачелю зажгли всѣ цвѣтныя шкалики и лампы. Она оглянулась на пестрые огоньки, она видѣла въ нихъ миллионы звѣздъ, миллионы міровъ...

Вокругъ нея стало что-то просторно. Крестьянки шли, проталиваясь впередъ, прикладываясь къ образу; та, у которой былъ ребенокъ, не знала что съ нимъ дѣлать; онъ удѣшился за нее, когда она вздумала положить его въ уголъ, на кошелу; онъ закричалъ что было голосу.

— Ну, вы, съ ребятами! замѣтилъ, проходя, отецъ Іеремія.

— Господи Владыко, приложиться не дастъ! говорила бѣдная мать, оглядываясь,—кому бы отдать его.

— Дайте, я подержу; у меня не будетъ плакать, сказала Анна Александровна.

Крестьянка оглянулась на нее, и не говоря ни слова, передала ей на руки маленькое существо завернутое въ тряпки и посинѣвшее отъ готовности рѣвѣть. Анна Александровна предупредила этотъ порывъ, вынувъ золотую цѣпочку своихъ часовъ и вертя ее передъ стиснутыми злобными кулачками. Кулачки разжались, схватили цѣпочку, потащили ее въ ротъ, и ожидаемый крикъ превратился въ радостное соизвѣе и болтанье ножками, отчего Анна Александровна пришла въ восторгъ и принуждена была присѣсть на кошелу, цѣлуя безволосую головку и находя, что это не дитя, а ангелъ.

— Любите, видно, сударыня, младенцевъ? раздался подлѣ нея тонкій голосъ сопровождаемый тонкимъ осторожнымъ звономъ.

Передъ Анной Александровной стояла монахиня, съ книжкой въ рукахъ: на книжкѣ лежали двѣ четверть-копѣйки, а на пальцѣ, подъ книжкой, былъ надетъ кошелекъ съ колокольчикомъ, звенѣвшій отъ движенія, вошедшаго въ привычку.

— Изъ Новосрѣтенской обители, на построение церков-

все усердіе не будетъ ли ваше? Благоволите, милостивая государыня; милосердый Господь и Мать Пресвятая...

Анна Александровна не дава ей окончить, и кое-какъ подерживая ребенка, отыскала свой портмоне въ карманѣ.

— Награда вамъ Господь и Его Мать Пресвятая, продолжала монахиня, опуская въ кошелекъ ассигнацію.— По усердію вашему, на поклоненіи здѣсь, сударыня?

— Да, отвѣчала Анна Александровна.

— Съ супругомъ вашимъ, сударыня?

— Я не замужемъ.

— Благое дѣло, сударыня, истинно благое, въ чистотѣ себя сохранять. И въ Писаніи есть, сударыня,— „живыи дѣла нечестыя о мірскихъ...“ Съ родственниками какими здѣсь сударыня?

— Да-съ. Съ моею родственницей...

— На подворьи изволили остановиться?

На каприозъ запыли новый стихъ канона. Анна Александровна перекрестилась, взглянувъ на заснушаго ребенка.

— „Ты моя крѣпость, Господи!“ повторила монахиня, крестясь тоже.— Я вамъ, сударыня, скажу, не взыщете: взяли вы эту обузу на руки; судить-то бы и не приходится. Канонъ—это не сдѣлаемое; тутъ отъ мала до велика, даже немощные самые, и тѣ не садятся. Во всеобщемъ бдѣніи самое важное—канонъ... Родственницы вашей какъ по себѣ, фамилія?

— Фамилія?.. Ружкова.

— А по имени какъ ихъ звать?

— Марья Петровна.

— Въ супружествѣ, или вдовствуетъ?

— Нѣтъ, она тоже не замужемъ.

— Въ лѣтахъ, должна быть?.. И состояніе у нихъ?

— Да-съ; у нея есть состояніе,

— Это не онѣ ли, я видѣла, проходили, въ траурномъ платьѣ? бѣлокурая?

— Можетъ-быть... да, она.

— Сурово смотреть такъ. Должно быть, характеръ имѣть.

— Нѣтъ-съ; она не сурова.

— Такъ, можетъ недостатки какіе, огорчается?

— Да-съ... Такъ, заботится.

— Нывче, матушка, вѣкъ такой всѣмъ настала заботиться. Только вотъ, мы, по милости Отца Небеснаго; доля

наша и легче вашей выходить. Въ вынѣшаемъ вѣкъ, у кого и есть состояніе, тотъ отъ него плачетъ; а намъ, если и слезы, то о грѣхахъ нашихъ только. Въ обители къ скудости всякой привыкаешь, суетой не смущаемся... Вы въ нашихъ странахъ бывали ли когда, сударыня?

— Нѣтъ... Гдѣ же это? спросила Анна Александровна, оглядываясь.

Она развлекалась отъ молитвы, разговаривать ей казалось неловко, а какъ прервать это, она не знала.

— „Хвалимъ, благословимъ...“ повторила монахиня, между тѣмъ какъ Анна Александровна крестилась. — Вотъ ужъ какомъ кончаютъ, заторопились какъ!.. Въ нашей обители, сударыня, извольте побывать, если хотите только видѣть, что такое обитель. Строгость у насъ,—о, строгость большая! Мать Евфимія, матушка наша, эта денно и поцно на молитвѣ. Какъ ужъ Господь ее укрѣпляетъ! И тишина кругомъ, спокойствія. Въ трудахъ всѣ, поочередно. Которыя благородныя, тѣхъ матушка уволала, тѣ по своимъ кельямъ; а то шьютъ у насъ золотомъ и шелками, и такъ разными работы, все собица. Сидятъ всѣ, и рясофорныя, и которыя въ постриженіи, вѣсѣтъ работаютъ.

— Это очень пріятно... сказала Анна Александровна.

— И вовсе пріятно, сударыня, подтвердила монахиня:— а ужъ для души и говорить нечего. Ни пустословія, ни модъ никакихъ. Врагъ приступить, да такъ и отойдетъ, нечего ему взять... Господи, прости наше согрѣшеніе!

Она разсмѣялась, и въ эту минуту показалась Аннѣ Александровнѣ очень милою женщиной. Аннѣ Александровнѣ захотѣлось спросить ее про обитель, но толпа сильно зашевелилась. Крестьянки возвращались на свое мѣсто, мать уже покала своего ребенка на полу.

— Вотъ онъ, сказала тихо Анна Александровна,

— И, опасиво, кормилица, отвѣчала она, радостно хватая его на руки:—дай тебѣ Богъ добраго здоровья.

— А ты, въ другой разъ натащи ихъ десятокъ, сказала ей монахиня:—такъ у тебя ихъ благородныя дамы и разберутъ по рукамъ. Стояли бы сами съ ними и нянчились, а то туда же, впередъ, лѣзете...

— Позвольте... сказалъ ей, проходя, господинъ въ огромной шубѣ.

— Господи помилуй, а этотъ совсѣмъ съ ногъ валить!

Пошли бы, гдѣ вы, въ храмъ-то, толкаться! Еще на томъ свѣтѣ неизвѣстно кто впереди будетъ...

Господи въ саушаа и прошеа. Въ суматохѣ, Анна Александровна увидѣла вдали Марью Петровну; она проходила отъ одного клироса къ другому, въ хлопотахъ.

— Вѣроятно, заказываетъ молебенъ, подумала Анна Александровна, соображая, что ей должно присоедиливться къ вриательницѣ во время этого молебна.

— Вамъ куда же? спросила монахиня, замѣта ея движение:—вонъ, всѣ отъ конца бѣгутъ. Господи, Создатеау! ума этого достать не могутъ, это молебенъ называется!. Вамъ куда же?

— Вотъ, моя родственница, объяснила ей Анна Александровна:—она будетъ саужить молебенъ...

— Дайте имъ, сударыня, разойдтись; видите свалка какая. Я васъ, пожаау, проведу.

Пользуясь движениемъ толпы. Анна Александровна прошла впередъ. За нею слышался темелькй звонъ; ея новая знакомая не отставала отъ неа.

Всенощная кончилась; свѣчи были погашены, братія еще не расходивалась, ожидаа выхода настоятеаа. Саужка вынесъ изъ алтаря зажженный фомаръ и ушелъ къ выходу; за нимъ прошелъ скоро и твердо, не оглядываясь, высокй, еще молодой монахъ, закутаный въ бѣлицью шубу, слегка стуча въ ладты высокою палкой. На пути ему канались; онъ отвѣчалъ на поклоны и благословилъ двухъ подошедшихъ старухъ, не поднимая глазь.

— Это вашъ новый? спросила Марья Петровна черноглазаго и черноволосаго монаха праваго клироса.

— Это.

— Кабукъ надвинулъ, противный какой! смиренничаетъ!

Марья Петровна засмѣялась. Отець Иакинъ улыбулся, и осторожно, не шевелясь, обвелъ кругомъ глазами.

— Прижали васъ?.. Что?

Отець Иакинъ не отвѣчалъ. Марья Петровна вричала.

— А я вѣдь васъ хочу просить, сказала она:—мнѣ молебенъ, отецъ Иакинъ.

— Чтò вамъ вздумалось поаво такъ? Скоро десять, возразилъ онъ:—довольно подвизались. Или еще не устали?

— Нѣтъ, я вѣдь у васъ никогда молиться не устаю. Ужь для меня и вы потрудитесь.

— Извольте, извольте.

— Да ужь, знаете, чтобы пѣлъ кто-нибудь. Вотъ, ваши всѣ разошлись.

Отецъ Іакинъ изънулъ служку Іоану, и на кларосѣ собралось нѣсколько человекъ. Молебствъ слушали только Марья Петровна, Анна Александровна, монахиня и двѣ-три темныя фигуры крестьянъ и нищихъ богомольцевъ у входа.

— Пробудете еще у насъ? спросилъ отецъ Іакинъ, давъ ей подѣловать крестъ.

— Какже, завтра, непременно. Васъ жду къ себѣ.

— Завтра ужь, вѣсѣ поздней обѣдни, какъ кончится...

— Да, да.

Отецъ Іакинъ ушелъ въ алтарь. Служки и причетъ бродили вокругъ Марьи Петровны, которая еще была поклономъ. Кончивъ, она расплатилась съ ними.

— Пойдемъ, Анночка, сказала она, поднимая съ собой Анну Александровну.

— На построение храма, въ Новосѣтенскую обитель, заговорила монахиня, звеня колокольчикомъ.

— Матушка, нѣтъ начето со мной, все раздала, возразила ей Марья Петровна. Пойдемъ, Анночка... Ахъ, надоѣла мнѣ эта съ звонкомъ!.. Пойдемъ. Какое тебѣ показало отецъ Іакинъ?

VI.

Марья Петровна ужинала и пила чай съ большимъ аппетитомъ. Амфиса прислуживала, полусонная. Двѣ постели, устроенныя ею на диванѣ и на одианутыхъ стульяхъ, свидѣтельствовали, что она не праздне провела свое время. Громадныя пуховикъ и подушки были вынуты изъ кубитки для Марьи Петровны. Привычки барышни не были забыты; убрать вѣду со стола, Амфиса преворно замѣнила ее молитвенникомъ, серебряною кружкой съ водой и банкой варенья.

— Амфиса, подай мнѣ папироски сюда, сказала ложась,

Марья Петровна:—совсемъ, другъ, хочу укачаться. Я не курю, а только въ рѣдкихъ, въ экстренныхъ случаяхъ...

Анна Александровна, усталая, отуманенная, улеглась тоже; ей не спалось. Въ комнатѣ было темно; лампада, мерцавшая слабо, наконецъ погасла; у Марьи Петровны горѣла папироска: дымокъ мелькалъ чрезъ тоненькую полоску свѣта изъ щелки сосѣдней двери. Анна Александровна слышала какъ за этою дверью Анфиса осторожно щелкала сахаръ, осторожно стуча чашкой, допивала остатки чая, найдя, наконецъ, время отдохнуть, и погрѣться.

— Анючка, не спишь? окликнула ее Марья Петровна.

— Нѣтъ, душка.

— Я, что, другъ, думаю... Послушай. Не могу заснуть, скушение: стоитъ онъ въ глазахъ, и кончено.

— Ахъ, Машенька, полно! ты такое великое дѣло дѣлаешь, обещаніе исполняешь, а въ головѣ что же? мальчишкѣ восемнадцатилѣтній...

— Э, что выдумала! Все это вздоръ.

Марья Петровна замолчала. Анна Александровна испугалась, что оскорбила ее своимъ наставленіемъ, вырвавшимся отъ чистаго желанія спасти ея душу, и думала какъ бы это поправить.

— Знаешь, Машенька, какъ жила эта молахиня изъ Ново-Срѣтенской. Она такъ много разказывала. Какъ у нихъ хорошо—это прелесть, такой порядокъ. Добрейшая женщина...

Марья Петровна не отвѣчала. Она ткнула папироской въ блюдечко, погасила ее, отвернулась къ стѣнѣ, и сказала:

— Покойной ночи.

Анна Александровна еще долго не спала. Впечатлѣніе вечераго моленья было смѣшанное, но какое-то пріятное; вздыхалось какъ-то легко, и не вспоминалось. Передъ глазами смогъ, ей вообразилась красота и тишина Ново-Срѣтенской обители...

Ее разбудилъ свѣтъ въ комнатѣ. Марья Петровна вставала къ ранней обѣднѣ; ужь благовѣстили. Анна Александровна встала тоже; ей стоило это большого услаія, несмотря на привычку вставать рано, которую поневолѣ она сдѣлала закинаясь хозяйствомъ въ домѣ брата. Послѣ уста-

лости, утренній сонъ былъ особенно сладокъ; ее охватила дрожь; такъ и хотѣлось упасть опять на подушку.

— Пойдешь къ обѣдѣ? спросила Марья Петровна,

— Пойду, отвѣчала Анна Александровна, между тѣмъ какъ за секунду рѣшалась остаться.

— Такъ видишь что... Анфиса, ты хотѣла идти; ступай себѣ, собирайся... Видишь что, Анючка, продолжала Марья Петровна, отославъ Анфису:—ты стань у калроса, впереди, на моемъ мѣстѣ, я впередъ не пойду, а ты только приди мнѣ скажи, тамъ ли отецъ Іакинѣвъ.

— Изволь, душка. Если прикажешь, я попрошу его о молебнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Изъ того-то я и хлопочу. Я вчера тамъ увидѣла... есть еще отецъ Никаноръ; мнѣ хочется этого посмотреть, но чтобы тотъ-то, отецъ Іакинѣвъ не обидѣлся. Ты какъ-нибудь съ нимъ заговори... отведи.

Онѣ отправились.

Анна Александровна исполнила что ей было приказано, извѣстила Марью Петровну, что отца Іакинѣва нѣтъ, и воротилась на свое мѣсто. На сердцѣ у нея было такъ покойно и тихо, что она искренно благодарила Бога за мысль—прѣхать сюда помолиться. Когда кончалась обѣда, она искала свою монахиню, прислушивалась къ звонку, раздававшемуся въ толпѣ. Монахиня искала ее тоже.

— Здравствуйте, сударыня, сказала она:—вотъ, истинно благочестивыя вы, сударыня, не поскучали, встали раненько.

— Какже, отвѣчала Анна Александровна:—только грѣшница! какъ мнѣ спать хотѣлось!

— Трудиться надо, сударыня, не отягощать себя сномъ. Что за давка здѣсь такая! И къ антодору не подойдешь; съ трудомъ великимъ получила. Не желаете ли, сударыня?

— Покорнѣйше васъ благодарю.

— Весь, весь кушайте, родная моя, тѣлу во здравіе, душѣ во спасеніе. Родственница ваша, въ придѣлѣ, я видѣла, молебень служить. Что это она такъ часто? и вчера, и сегодня?

— Она по обѣщанію.

Монахиня покачала головой.

— Гордая такая. Не въ осужденіе сказать—миръ бы душевный прежде соблюла. Вы, родная моя, не взыщите, что

я такъ говорю; отъ Господа намъ показано правду всякому говорить. Идетъ она по храму, ниже она вниманіе на кого обратить, кто тутъ стоитъ, мужичка ли, или наша сестра. Служка ей коврикъ подъ ноги вынесъ. Это припомнить только, гдѣ мы предстоимъ, чтобъ о коврикахъ помышленіе имѣть! Вы, моя голубушка, стоите тутъ, я вижу; и знаю я, что тутъ ковра нѣтъ,—я ему и говорю: батюшка, говорю, вотъ, двѣца благородная стоитъ, подъ ножки ей, какъ двери отворять, все вѣтеръ, да вѣтеръ; вотъ бы ты кому свои ковры подстилалъ... Такъ нѣтъ,—и еще съ озлобленіемъ такимъ, только космами своими машеть. Вонъ они, сколько ихъ!

Она показала на служекъ.

— Въ гостиницѣ изволили ночевать, сударыня?

— Да-съ; и вы тамъ же?

— И, родная моя! нашей ли нищеты! За обителью хитры настроены, такъ тамъ; черный народъ тамъ всякій лаветъ. Намъ, другъ мой, не подобааетъ, гдѣ господа настоящіе, истинные, высокородные. Наше дѣло поклониться, чтобы пожаловали они что-нибудь, по милосердію своему, на украшеніе храма Господня, а ужъ подъ одинъ кровъ съ нами куда намъ! Принимаютъ развѣ насъ, за смиреніе наше... Холодъ-то какой сегодня, морозъ. Вамъ, сударыня, тутъ за воротами, а мнѣ куда идти далеко, и согрѣться не успѣешь, какъ къ поздней ударять начнутъ. Къ поздней пойдете, сударыня?

— Ахъ, право, не знаю какъ вамъ сказать! Испытаніе это, должно-быть, — вотъ мнѣ теперь кажется, что я сейчасъ усну, такъ устала.

— Что же, матушка, Господь съ немощи не взыщеть, не ходите. И поста на себя не налагайте, это я вамъ разрѣшу: чаю выкушайте, или чего; сегодня можно, суббота у насъ. И въ бесѣдѣ можно время провести, Господь не взыщеть. Я сама-то къ поздней не пойду, окаянная. Вы, родная моя, человекъ молодой, вамъ прощается; а какъ вотъ мы, старые люди!.. А куда, я вамъ скажу, немощи одолаживаютъ, да подвига. У насъ въ обители подвижницы есть большія, мать Софронія, мать Еликонада; тѣ ужъ вовсе по цѣлямъ суткамъ не кушаютъ, и все въ молчаніи. Это я такой характеръ имѣю, что иногда словомъ какимъ,—оно и безгрѣшное, да такъ, скажешь. Что же, матушка, между нашими и мо-

лодыя есть: нельзя же имъ между собой чему и не поспѣ-
ваться: житейское дѣло...

— Конечно... Вы, право, такая милая, свисходительная.

— Матушка моя, какъ же къ молодому человѣку свисхож-
денія не имѣть,—къ доброму, то-есть, человѣку, который
заслуживаетъ. Кто не заслужилъ, того наказуй. Вотъ я къ
вамъ,—вы меня извините, такое пристрастіе получила; видно
тотчасъ, что благородная барышня; какъ бы вы у насъ въ
обители были, то, право, такъ бы вамъ и келію свою убо-
гую, и все что имѣю возьмите, до свитки до послѣдней.
Это ужъ такъ, по духу человѣкъ познается. Вы меня из-
вините... Анна Александровна... такъ по имени отечеству
васъ звать?

— Точно такъ-съ.

— Я дѣвушку вашу тутъ видѣла... осмѣлилась, спросила;
худощавая такая дѣвушка.

— Да, такъ точно... А васъ какъ же, матушка? позвольте
мнѣ...

— Митродора, родная моя. Въ постриженіи Митродорой
названа. Вотъ теперь и совсѣмъ съ вами познакомились;
милости просимъ къ намъ въ обитель...

Анна Александровна подумала, что сдѣловало бы сказать
на это „милости просимъ въ гостиницу,“ но не смѣла не
спрося Марью Петровну, когда она сама появилась передъ
нею, въ большомъ волненіи.

— Пойдемъ, Анночка... Нѣтъ ничего со мной, матушка!
отвѣчала она монахинѣ на ея званіе и обычную просьбу, и
увлекла Анну Александровну:—пойдемъ скорѣе. Отецъ Па-
кинъ здѣсь... просто, бѣда. Какъ ты глупа!... Какъ-нибудь
надо отъ него спрятаться. (Марья Петровна замечалась.)
Видѣлъ онъ, видѣлъ какъ я этого звалъ, Никанора, моле-
бенъ служить. Совѣстно! Я мимо прошла, головы не подыала
варочно, притворилась будто не узнала, а онъ должно-быть
видѣлъ... Да какъ ты-то его проглядѣла, что онъ тутъ?

— Не видала, Машенька; должно-быть, онъ пришелъ позд-
нѣе...

— Съ звонкомъ своимъ забесѣдовалась!... Бѣда! вотъ онъ,
на дорогѣ стоитъ... Ступай ты, заговори съ нимъ, а я въ
другія двери выйду.

— О чемъ же я заговорю, Машенька?

Но Марья Петровна ужь скрылась въ толпѣ. Отецъ Іакинѣвъ поклонился Аннѣ Александровнѣ какъ знакомый, когда она наконецъ рѣшилась пройти мимо него.

— Куда такъ поспѣшила Марья Петровна? спросилъ онъ.

— Она очень устала, отвѣчала Анна Александровна въ страхѣ.

— А вы не устали отъ нашей долгой службы? Вы здѣсь, кажется, въ первый разъ? продолжалъ онъ.

— Да, въ первый.

— Понравилось вамъ у насъ?

— Очень. Здѣсь такъ хорошо и... благоговѣнно.

— А вы такъ усердны, сколько я замѣтилъ.

— Ахъ, нѣтъ... проговорила она, сконфузясь.

— Что же вы краснѣете? Усердіе хорошее дѣло, продолжалъ онъ, выйдя вслѣдъ за нею.— Не туда, не туда идете. Это въ корридоры, къ отцу настоятелю. Вотъ гдѣ крыльцо.

— Благодарю васъ.

Анна Александровна пошла къ воротамъ; свѣтъ блестѣлъ отъ морознаго утра.

— Возьмите лѣвѣе, здѣсь сугробъ, сказалъ отецъ Іакинѣвъ. Онъ все еще стоялъ на паперти и глядѣлъ ей вслѣдъ.

Анна Александровна поспѣшила уйдти, не оглядываясь; выйдя изъ воротъ, она увидѣла Марью Петровну, которая ждала ее, продолжая волн ваться.

— Чтожь ты такъ долго, Анночка? Я чуть не замерзла. Заговорила съ нимъ, что ли?

— Да, душка, я говорила... Но я не понимаю, чего же ты пряталась?

— Эхъ, другъ! Ничего ты не понимаешь. Мнѣ вчера при свѣчахъ, этотъ Никаноръ показался... я и хотѣла посмотреть поближе. Да нѣтъ, не нравится мнѣ онъ: ужь очень постылый видъ; я ужь и раскаиваюсь. Въ позднюю опять отца Іакинѣва позову. Не могу себѣ отказать. Знаешь, когда не онъ служить, я молиться не могу, мысли нѣтъ той, чувства никакого. Что жь, это все равно что не молиться.

— Если такъ, то конечно, сказала Анна Александровна.

— Другъ, да ты бы хоть похвалила меня: что за красота! глаза какіе!

Анна Александровна, ни наканунѣ вечеромъ, ни теперь, отъ смущенія не рассмотрѣла отца Іакинѣва, но такъ какъ

приятельница просила порадовать, похвалить его, то Анна Александровна сказала отъ всего сердца:

— Да; онъ удивительно хорошъ.

— И вообрази, вскричала Марья Петровна, даже останавливаясь среди дороги, не смотря на холодъ: — вообрази ты, гдѣ эта красота выросла: въ бурсѣ, другъ, на-просто въ семинаріи. И выгнали его оттуда, лѣнился, что ли. Онъ и пошелъ въ служки, въ Н-скій монастырь. Ему предлагали... онъ очень умный малый... ему предлагали мѣсто, служить въ губерніи, или записаться въ полкъ; одинъ баринъ его къ себѣ въ секретари бралъ. Ему это все не понравилось.

— Вѣрно, призваніе къ монастырской жизни, кротко замѣтила Анна Александровна.

— Никакого призванія, возразила равнодушно Марья Петровна: — а хотѣлось ему остаться тамъ: свободнѣе гораздо, ничѣмъ не стѣсненъ. Помилуй скажи: въ полку, въ губерніи, начальство за начальствомъ; минуты бы своей не было у человѣка. Онъ и остался.

— Да, это я помню. У васъ неприятности были, сказала Анна Александровна, вспоминая, что она сама вынесла изъ-за этихъ неприятностей.

— А потомъ уже его сюда перевели; тутъ онъ прославился; монастырь богатый, богомольцы безпрестанные... Горе мое, онъ никакъ въ Москву перейти хочетъ! У нихъ новый настоятель, все на свой ладъ повертываетъ; это вѣдь не всякой выдержать, кто имѣетъ свой характеръ. Я его разспрошу; вотъ, позову кофей пить.

— Машенька, вотъ что... сказала Анна Александровна.

Она въ эту минуту оглянулась и увидѣла, что монахиня идетъ за ними слѣдомъ, довольно близко, чтобы слышать весь разговоръ.

— Машенька, вотъ что... эта мать Митродора такая обязательная, я познакомилась, надо было бы ее позвать...

— Э, душа моя, когда же? Послѣ поздней обѣды придетъ отецъ Іакинѣвъ, — что этотъ звонокъ будетъ при немъ торчать? Слова нельзя сказать. Онъ вѣдь сплетницы неестественныя. Богъ съ ней совѣмъ.

— Я Машенька, не пойду къ поздней... Ты мнѣ позволишь. Я ее теперь приглашу, и ужь устрою, что она уйдетъ. Я ужь слажу...

— Ну, сладить ты что-нибудь! возразила Марья Пет-

ровна:—пожалуй себя зови ее. Только чтобы къ концу поздней обѣды, здѣсь ея и духу не пахло.

Она съ замѣтнымъ неудовольствіемъ взошла на крыльцо, отчего Анна Александровна совсѣмъ сконфузилась, но все-таки обратилась къ монахинѣ.

— Милости просимъ, пожалуйте къ намъ, матушка.

— Охъ, родная моя! отвѣчала она:—я бы съ превеликимъ удовольствіемъ, да родственница ваша, онѣ такія delicate.

— Она вамъ будетъ очень рада, возразила Анна Александрова.

— Рада ли, не рада, я къ вамъ, драгоценная моя барышня, отвѣчала мать Митродора, входя и сбивая снѣгъ съ своихъ башмаковъ.—Только наслажду я, матушка, не взыщите.

— Ничего-съ, сказала Анна Александровна, думая однако, что на это будетъ сердита Анфиса.

Анфиса и безъ того поступила очень недобро. Она суетилась, раскутывая Марью Петровну, и выглянувъ на стукъ двери, сказала:

— Ишь ты, гостья!

Мать Митродора долго крестилась на образъ, потомъ вкось поклонилась Марьѣ Петровнѣ, которая между тѣмъ сумрачно переменяла ботинки и также сумрачно сказала:

— Здравствуйте. Анфиса, дай мнѣ одѣться.

Анна Александровна оробѣла совсѣмъ. Чувствуя, что ея гостьей недовольны, она сообразила, что гостью надо ублажать, чтобъ она этого не замѣтила.

— Вотъ, матушка, сюда, къ столику, говорила она,—заглядывая за спину монахини подушку. Присядьте, матушка. Мы подорожному, не взыщите.

— Гдѣ мнѣ взыскивать, прекрасная моя барышня. Я и на этомъ такъ вамъ благодарна, что призрѣли и обогрѣли. Дорога милостыня во время скудости.

— Матушка, вы снимите вашу шапочку, нахолодѣла, я думаю.

— Куда, родная, вся мокрая. Вотъ и наметка; я сниму, взыщите.

— Позвольте, матушка... это все исправится.

Анна Александровна схватила ее бархатную шапочку, съ порывчатымъ креповымъ покрываломъ, и немножко за-

метавшись, не знала что съ ней дѣлать. Марья Петровна между тѣмъ кончила полную переѣмку своего туалета, которымъ занималась нисколько не церемонясь, и сказала, смотрясь въ зеркало и наливая духи себѣ на платокъ.

— Ты, другъ мой, уморительная.

Анна Александровна побѣжала вслѣдъ за Анфисой въ другую комнату.

— Душечка, Анфиса, у васъ, я вижу, есть уютъ. Ви-лишь, вотъ крепь, это надо разглядить. Какъ же въ самомъ дѣлѣ, такая почтенная женщина... Ты вообрази, Анфиса, она пѣшкомъ изъ Ново-Срѣтенской,—это сто верстъ... Вѣроятно, у нея только одна эта наметка. Ты разглядь сырое, крепь будетъ тверже... отколоть надо... ахъ, и булавки бѣ-лыя! Вотъ у меня черныя, оправь это, душа моя, я буду тебѣ такъ благодарна. Это такая чудесная женщина... Ты пожалуста постарайся...

— Хорошо-сь, отвѣчала Анфиса, занятая чайнымъ приборомъ:—вотъ прежде подамъ. Вѣдь она тутъ еще долго просидитъ. Это только напустить къ себѣ, не выживешь.

Анна Александровна не слыхала послѣдняго замѣчанія, возвращаясь къ гостѣ. Марья Петровна сидѣла подлѣ нея у стола; онѣ бесѣдовали, что очень обрадовало Анну Александровну; она скромно присѣла и слушала, боясь даже словомъ нарушить согласіе. Мать Митродора разказывала о красотахъ своей обители, къмъ она основана, въ особен-ности украшена, какъ мать Евфимія, выѣшняя игуменья, заботится о всякомъ порядкѣ, какое прекрасное кушанье у нихъ готовятъ, и сколько дохода у нихъ отъ свѣчнаго сбора. Анна Александровна замѣтила съ сожалѣніемъ, что Марья Петровна лучше ея умѣетъ поддержать подобный разговоръ: Марья Петровна знала всѣ монастырскіе порядки и очень всѣмъ интересовалась.

— Я мать Евфимію знала, сказала она:—она, прежде, была въ Н—скомъ монастырѣ.

— Была, это точно, была. Къ намъ чудесами перешла; въ свидѣніи ей было показано, чтобы шла; Ново-Срѣтенская обитель создается, иди, говорить, и управь.

— А я слышала, она въ Н—скомъ монастырѣ со всѣми перебрашилась, отъ того и ушла, возразила Марья Петровна.

Гостья промолчала. Анна Александровна не могла удер-

заться въ душѣ отъ упрека пріятельницѣ, которая давала такое грубое житейское истолкованіе чуду. Она ожидала, что мать Митродора возразить, несмотря на свою кротость; но мать Митродора передала свою пустую чашку Анфисѣ, утѣрилась и сказала:

— Я, сударыня, безъ церемоній, еще попрошу, попользуюсь; чай у васъ прекраснѣйшій... Это точно, что въ Н—ской обители, мы сами слышали, да ужъ то и обитель какаа, все смуты. Гдѣ ихъ не бываетъ? Вотъ хоть бы у васъ. Изволили слышать, Тарчевская есть княжна, она ужъ пожилая. Привесь ее Богъ къ намъ, мутить это тамъ, свары заводитъ, то съ одною сестрой, то съ другою; хочется ей казначеей быть, и къ матушкѣ подбилась. Состояніе свое все на обитель записала, такъ ужъ будто ей и садуетъ начальство взять. Надѣется, какъ изъ матушки душа вошь, такъ у насъ и игуменьей будетъ. Это ужъ не придетъ Царь Небесный; тогда и вовсе разбѣжимся всѣ, по лицу земли разсѣмся. Насъ и такъ шесть сестеръ, вотъ какъ я, всѣ по оборамъ трудимся, лишь бы оттуда-то, отъ грѣха подальше. Великія тяготы на себѣ выносите, лишь бы спасти хоть душу-то отъ смущенія, а тѣло-то грѣшное, развѣ вотъ, какъ вы, сударыня, кто изъ благородныхъ приглашать къ себѣ въ компанію. Я прежде,—вы меня, сударыня, извините,—большую гордость въ васъ подозрѣвала, и съ такимъ сомнѣніемъ къ вамъ шла. Думаю себѣ: ну, онѣ какъ-нибудь...

— Ахъ, какъ это можно! прервала Анна Александровна:— вы такія добрыя, матушка, можете ли вы думать... Машенька отъ всей души...

— Не церемоньтесь, пейте еще, сказала Марья Петровна, съ своимъ обыкновеннымъ хладнокровіемъ оборачивая чашку, которую мать Митродора опрокинула.—Анфиса, налей.

— Благодарствуйте, сударыня, я съ удовольствіемъ, отгичала гостя:—я, признаться, такъ, беспокоить вашу дѣвушку не хотѣла. Крѣпостная у васъ, сударыня?

Анна Александровна съ огорченіемъ замѣтила, что мать Митродора занимается больше Марьей Петровной чѣмъ со. Это испортило ея расположеніе духа и навело на печальное раздумье. Какъ особа, всегда строившая свою жизнь изъ немногаго, Анна Александровна уже придумала, что

между ею и монахиней завязалась истинная дружба, и теперь—не ревновала къ Марьѣ Петровнѣ,—но горевала о своей уtratѣ. Кстати, она припомнила многіе случаи, когда, завязавъ знакомство, кажется все устроить для его удобства и продолженія, она становилась вдругъ не нужна, и ее безъ церемоніи отстраняли. Анна Александровна затосковала о своемъ одиночествѣ и своей бесполезности; это чувство всегда сопровождалось у нея покорностью, молчаливою и кроткою улыбкой, готовностью услужить чѣмъ было въ ея средствахъ. Она передавала папироски и свѣчку Марьѣ Петровнѣ; взлѣзла на стулъ поправить лампаду, чтобъ облегчить труды Анфисы; привязалась къ слову, и подарила свою пуховую косынку матери Митродорѣ. При этомъ подарокѣ у нея ожалось сердце, что нечего подарить больше: ея теплыя ботинки не вошли бы на ногу монахинѣ; ея плаедъ—пестрый; платье, хоть черное, но оно съ нею только одно. Демегъ съ нею было очень не много, — да какъ дарить деньгами? Анна Александровна намѣревалась разспросить въ подробности адресъ и выслать матери Митродорѣ разныхъ гостинцевъ изъ города. Пока она соображала, какіе это будутъ гостинцы, мать Митродора говорила Марьѣ Петровнѣ:

— Только пожалуйте вашу мѣрочку, сударыня, и какія вамъ, угодно туфельки будутъ. У меня послушница, крестница вышиваетъ... Ей ужь и той чести довольно, что для такой примѣрной барышни она потрудится. Я вамъ скапочу съ превеликимъ удовольствіемъ, потому что такъ вы меня истинно по-христіански обласкали и я за милости ваши такъ вамъ довольна. Неблагодарный человекъ, сударыня, змѣѣ уподобляется.

— Анночка, а ты себѣ туфель не закажешь? спросила Марья Петровна.

— Нѣтъ, душка... Мнѣ не надо.

— Имъ не надо, сударыня, повторила монахиня: — онѣ и состоянія такого не имѣютъ, и жизнь онѣ не такую ведутъ.

— Какъ же это вы такъ скоро, матушка, узнали о нашемъ состояніи? сказала, засмѣявшись, Марья Петровна:— да Анна Александровна гораздо разсѣяннѣе меня жизнь ведетъ. Она въ свѣтъ, спросите вы ее.

— Охъ, свѣтъ, свѣтъ прелестный! сказала мать Митро-

дора, покачивая головою.—Блаженъ человекъ, иже отойдетъ отъ зла и сотворитъ благо. Знаемъ мы, матушка, что такое тотъ свѣтъ!

— Вотъ то-то и спросите Анну Александровну, отвѣчала смѣясь, Марья Петровна.—Я уйду отъ васъ. Никакъ заблагоговѣтели?

— Къ поздней удараютъ, отвѣчала монахиня, и набожно эпрекрестилась.

— Смотри жь, чтобъ ея тутъ не было, какъ я вернусь, шепнула, уходя, Марья Петровна.

— Гостей, должно-быть, ожидаетъ? сказала тихо монахиня, когда Марья Петровна вышла, продолжая до крыльца приказывать, чтобъ убрали комнату и достали хорошихъ савокъ.—Знакомыхъ, должно-быть?

— Да-съ... Кажется, желалъ быть отецъ Іакимъ.

— Такъ-съ. (Мать Митродора помолчала.) Добродѣтельный, поистинѣ, человекъ. Вотъ, я ужь здѣсь пятый мѣсяцъ, нѣтъ того, когда какіе господа прѣзжаютъ, чтобъ онъ у нихъ въ компаніи не былъ; всегда приглашаютъ. Вы-то, барышня моя дорогая, давно съ нимъ знакомы?

— Нѣтъ-съ; я его въ первый разъ вижу... Я что-то боюсь, прибавила робко Анна Александровна.

— Ово и лучше, милая моя, и лучше. Ваши годы не такіе. Вотъ, будь вы молодая барышня, ово, конечно, лестно благословеніе получить на счастье, а вамъ ужь куда.

— Правда ваша, отвѣчала Анна Александровна.

Она ни минуты не подумала, что Марья Петровна ей ровесница, и еще дурна собой.

— Вы, милая барышня, съ кѣмъ же живете? спросила монахиня.

— У брата; онъ женатъ.

— Съ сестрой, значить, съ невѣсткой. Ой, вѣдь какія онъ бываютъ! Вотъ, у насъ, три сестры есть, — одна отъ мачихи, а другія двѣ отъ невѣстки къ намъ ушли, и всѣ молодецкія, куда молодежь васъ! Жизнь изъ чужихъ рукъ не красна. Все такъ-то прислуживаешься, себя отягощаешь, а гладить,—ни тебѣ благодарности, ни что. Кусокъ какой, и тотъ съ омерзениемъ даютъ.

— Нѣтъ-съ, я слава Богу... Моя невѣстка—прекрасная женщина.

— Ну, милая моя, знаю! Сами-то вы, посмотрѣть на

вась, ангелъ какъ есть, такъ ужъ не вамъ бы хвалить. Видь ужъ безъ того нельзя, чтобы чего иногда не бывало? На томъ свѣтъ стоитъ. Какъ ужъ этого не будетъ, да вездѣ пойдутъ миръ да тишина, такъ и свѣтъ кончится. И неприятности между собою, и слово какое, по вашему-то, по свѣтскому!

— Это, конечно, но, право...

— Я, матушка, свѣтъ-то знаю, въ городѣ знакомства имью. Знаю. Начнутъ тоже, какъ наши сестры, ни съ чего, и всѣ на свѣтъ прилетутъ, отцовъ родныхъ изъ земли повынутъ... Хозяйство у вась, какъ же, свое, особенное?

— Нѣтъ-съ, общее. Я и хозяйничаю.

— Видите. Довѣрие вамъ стало-быть дѣлаетъ невѣстуха. Ельничковы по-фамиліи?

— Точно такъ.

— Жениховъ у вась, такъ-то, не было?

— У меня нѣтъ состоянія, матушка, отвѣчала Анна Александровна, не много обидясь:—у бѣдныхъ дѣвушекъ жениховъ не бываетъ.

— Это нельзя сказать, возразила монахиня:—и бѣдныя замужъ идутъ. Такъ, что-нибудь. По сердцу никому не пришли, счастья нѣтъ.

— Правда ваша, счастья нѣтъ, повторила Анна Александровна и вздохнула.

— Къ Богу, матушка, надо чаще прибѣгать, къ Богу; онъ и пошлетъ. А вы, чай, Бога-то вовсе забыли? Много ли изволите на молитвѣ стоять?

— Ахъ, я грѣшница! отвѣчала Анна Александровна:— Я съ вами какъ съ родною откровенна. Молюсь я какъ-то разсѣянно...

— Вотъ то-то и нѣтъ вамъ ничего. А многимъ, я знаю, по молитвѣ ихъ давалось, состояніе ли, супругъ ли, все давалось...

— Ахъ, я молилась... прошептала Анна Александровна, и наклонила свою голову въ сѣткѣ, чтобы спрятать слезы.

— Видно, мало, возразила равнодушно монахиня.

Анна Александровна еще наклонила голову и заплакала сильнѣе. Ей хотѣлось выговорить, сколько ночей плакала она, вкочивъ съ постели, на колынахъ, на холодномъ полу, какія тяжкія обѣщанія она давала и выполняла. Но сказать ей показалось страшно. Она ни минуты не сомнѣвалась,

что мать Митродора пойметъ ее и будетъ ей сочувствовать, но она боялась сказать лишнее,—кого-нибудь какъ-нибудь обвинить...

Среди слезъ она подумала, что гостѣмъ можетъ-быть случиво. Мать Митродора—добрѣйшая женщина, это правда, но все же...

Анна Александровна постаралась перестать плакать, что ей удалось, по привычкѣ; подула въ платокъ и отерла глаза, встала и по привычкѣ взглянула въ зеркало. Монахиня сидѣла сложа руки и покачивая головою, будто въ раздумьи. Анна Александровна смотрѣла на нее какъ на свою живую совѣсть.

— Морозъ нынче какой! сказала мать Митродора.

— Да... отвѣчала Анна Александровна, сама чувствуя, что ея голосъ зазвенѣлъ какъ стекло.

— О, Господи, прогнѣвали Создателя! продолжала мать Митродора:—безъ хлѣба будутъ. Намъ-то ничего, все равно, какъ птицы небесныя, ни съемъ, ни жнемъ; все равно, живы будемъ, а вотъ, кому нужда!..

— Да, вотъ, Машенька... начала было Анна Александровна, подумавъ о заботахъ Марьи Петровны, объ урожаѣхъ и неурожаѣхъ.

— Да-съ, матушка; хоть бы и онѣ. У васъ деревня есть?

— Нѣтъ, отвѣчала Анна Александровна, не въ первый разъ слыша этотъ вопросъ и внутренно назвавъ себя грѣшницей, за то что онѣ ей началъ раскучать.

— Чѣмъ же живете? продолжала монахиня.

— Деньги... у меня.

— Капиталъ, то-есть? Великъ?

— Тысячи три.

— На серебро, то-есть. По рукамъ розданъ?

— Нѣтъ-съ. Въ приказѣ.

— На прожитокъ, должно-быть, не достаетъ?

— Конечно... Но я у брата...

— Знаю, мать моя. Вѣдь вы ему, должно-быть, отягощеніе дѣлаете?

— Какъ это-съ?

— Да какъ же. Своя семья немаленькая, да еще сестру мочь, кормить, обувать, одѣвать. Вотъ у васъ салонъ какой прекраснѣйшій; должно-быть тоже братцевъ?

— Да-съ, это онъ.

— Позвольте посмотреть.

Мать Митродора встала и принялась развертывать шубу Анны Александровны, сложенную на стулѣ въ углу.

— Канфой, должно-быть, покрытъ?

— Нѣтъ-съ, это не канфа, это атласъ французскій.

— Видите!.. О, Господи, Царю, Владыка живота моего!..

А какъ вспомнишь, что, вотъ, рубищемъ однимъ, ради спасенія души своей, прикрытъ... Конечно, ради Творца Небеснаго, снесишь, да все... Вотъ онъ, матушка, грѣхъ великій, въ соблазнь вводить!

— Какъ, въ соблазнь? повторила, оторопѣвъ, Анна Александровна.

— Такъ. Вы идете въ салонъ, а иная подлѣ васъ, раздѣта, раскрыта, идетъ тоже, да думаетъ: „за что это ей? Не все равно мы одинокія твари, души христіанскія?“ Да и вамъ-то, если по совѣсти сказать, не легко должно быть,— отъ благодѣянія братцева привыкли, дѣтей его обидѣли. Вѣдь вы, сударыня,— не взыщите,— все у нихъ въ домѣ-то лишній ротъ; а чѣмъ вы имъ это заслужите?

— Ахъ, конечно, ничѣмъ! отвѣчала Анна Александровна, опять со слезами на глазахъ, свертывая свою шубу.

— И суета это, сударыня, не взыщите. Въ ваши годы, при вашей хворости...

Анна Александровна не помнила, чтобы пожаловалась на какую-нибудь болѣзнь, и слабо возразила:

— Я не больна.

— По лицу видно, ужъ не говорите! Вы посмотрите на себя, что вы такое? Подвело васъ; глазъ-то ужъ и не разглядать, сине все кругомъ. Такая ли барышня быть должна; и поглядѣть-то на васъ нечего. Тутъ, матушка, всѣ суеты пора и оставить, да о душѣ подумать. Куда вамъ эти салоны, бриліанты разные? Грѣхи одни. Сказано намъ: „отрекись отъ всѣхъ дѣлъ его“ (мать Митродора плачула), а вы что дѣлаете? Видно учили васъ плохо, сударыня. На томъ свѣтѣ-то что будетъ? Какъ предстанутъ, да спросятъ: „за что ты насъ, дѣтей невинныхъ, обирала?“ вотъ тогда вы и скажете, что атласъ, что канфа!.. Видѣли что въ храмѣ у западныхъ дверей изображено?

Предъ Анной Александровной мелькнули красные языки пламени, намалеванные на стѣнѣ, и неприятно поразившіе

ей глаза, когда она уходила отъ отца Іакінеа. Она назвала себя грѣшницей, за то что подумала только о безобразіи живописи.

— То-то, продолжала мать Митродора,—въ міру-то васъ этому не учать. Мамельки своей давно лишились?

— Я ее почти не знала, проговорила Анна Александровна,— она больше любила сестру и брата. Я росла у няньки. Меня строго держали. Папенька не любилъ меня тоже... Вѣдь это грѣхъ, матушка, а не могу я вспомнить равнодушно, меня не любили за то что я росла не хороша собой, а сестра была красавица... Чѣмъ же я виновата, что я не красавица?

— Охъ, грѣхъ еще роптать на Господа, что рожи красивой не далъ, людей смущать! возразила монахиня:— да вотъ, вы почитайте-ка, люди были святые, нарочно надъ собой искаженія дѣлали. Это вамъ балы да прельщенія изъ себя строить всякія,—а Господь-то себя и показалъ надъ вами: вы прельщать, а никто вами не прельщается. Невось, мечтанія разныя бывали?

— Мечтанія? повторила Анна Александровна.

— Ну, да; офицеры, что ли, какіе?

— Нѣтъ, отвѣчала въ слезахъ Анна Александровна.

— Ну, или такъ кто-нибудь? Грѣхъ, вѣдь, это великій, ничего отъ него душѣ спасенья нѣтъ. Самъ себя смущаетъ человекъ помышленіями; думаетъ, думаетъ; все ему въ глазахъ представляется...

— Послушайте, сказала вдругъ Анна Александровна:— я васъ въ первый разъ вижу, но у меня на душѣ такъ тяжело; мнѣ бы хотѣлось вамъ какъ родной матери... Наставьте меня, научите меня, хоть бравите, наложите на меня покаяніе...

Она бросилась обвинять свою гостью.

— Чтò такое, матушка? Съ вами Отецъ Небесный! чтò такое? Или какой великій грѣхъ на васъ? разрѣшить не могу, но сказать чтò скажу... Говорите, моя сударыня, Господь съ вами!

Она придержала на своемъ плечѣ голову рыдавшей Анны Александровны.

— Я люблю одного человека, проговорила она.

— Ну-съ?

— А онъ меня больше не любитъ.

Монахиня призадумалась, или просто, разсѣянно и молча глядя на передъ собою, пока продолжались рыданія Анны Александровны. Черезъ нѣсколько минутъ, Анна Александровна приподнялась, зажала руками свое личико, и сказала:

— Скажите мнѣ хоть одно слово, матушка.

— Оставить это надо, сударыня моя, отвѣчала холодно монахиня.

— Еслибы вы только знали, какое мученье...

— Оставить надо, повторила мать Митродора:— всенепременно оставить, постомъ себя укрощать. Грѣхъ это передъ Господомъ тяжкій. Я на васъ поглядѣла, вчера еще, по лицу примѣтила: не даромъ, думаю, аки грѣшница какая, въ притворѣ стоитъ, со всякою чернью себя равняетъ. Такъ оно и вышло. Эту, вамъ, сударыня, мерзость непременно оставить должно.

— Но я безъ того уже почти не говорю съ *нимъ*, матушка...

— Это, сударыня, все равно. Скрыться отъ грѣха надо, чтобы не смущалъ, даже въ помыслѣ... Въ городѣ вашемъ, служащій какой, или офицеръ?

— Да-съ; въ городѣ...

— А по фимидіи какъ?

— На что вамъ это, матушка? Довольно того, я вамъ сказала мое горе...

— Такъ, пожелала узнать, если уже вы съ откровенностью. Это не хорошо-съ.

— Что же мнѣ дѣлать?.. Въ семьѣ, вы правду говорите, я лишняя; въ свѣтѣ... такъ меня все утомило...

— Къ Господу чаще прибѣгайте, сударыня, мрачно отвѣчала монахиня.

— Ахъ, сколько могу! я вамъ говорила; конечно, разсѣянно, но я часто прибѣгаю къ Богу.

— Совсѣмъ надо, сударыня; совсѣмъ.

Анфиса зазвенѣла въ дверяхъ подносомъ, на которомъ несла чашки для кофе. Она поставила ихъ на столъ, заглянувъ на гостью и на расплаканную Анну Александровну.

— Наметку я выгладила, сказала она въ видѣ предлога пробыть еще въ комнатѣ:— а ужъ къ достойной давно отзвонили.

Анна Александровна растерялась: она съ ужасомъ вспо-

жила, что раньше конца обѣдни обѣщала выпроводить свою гостью.

— Что жь что отзвонили, возразила мать Митродора:— барышнѣ вѣ куда спѣшить, да и мнѣ тоже, еще побесѣдуемъ.

Анфиса ушла, чему-то смѣясь, что выходило довольно весело на ее высохшемъ лицѣ.

— Раба-то! сказала ей вслѣдъ монахиня:— носъ-то подыма! это значить, вы такого состоянія не имѣете какъ ея барыня, такъ она вамъ и мечетъ все какъ ни попало. Вотъ грѣхъ-то гдѣ! И не безпокойтесь вы ничего, барышня моя милая; какъ есть, все ничего, и все это пройдетъ. Вотъ мы съ вами такъ-то бесѣдуемъ...

— Еслибы вѣкъ такъ! сказала Анна Александровна:— вѣкъ бы съ вами не разсталась; вы первыя мнѣ на свѣтѣ совѣтъ дали, утѣшили...

Она принялась обнимать монахиню, и хотѣла поцѣловать ея руку.

— Матушка моя, барышня, Господь съ вами! воскликнула та ласково.

— Милая матушка, возьмите меня къ себѣ! выговорила Анна Александровна, вся дрожа.

— И, родная моя, куда жь мнѣ васъ взять?

— Къ себѣ, въ обитель... договорила Анна Александровна, и тихонько, сама не помня какъ, упала на колѣни.— Мы жили бы вмѣстѣ... я у васъ... все что у меня есть...

— Э, ужь трезвонятъ! значить, кончилось! сказала Анфиса, вбѣгая съ кофейникомъ.

Она поставила его на подносъ и убѣжала также скоро.

— Пойдемте, матушка, сказала Анна Александровна, въ волевицѣ, не зная, за что взяться:—пойдемте, куда-нибудь.

— Пойдемте, барышня... Или вы ищѣте, родственницу вашу, опасаетесь? И вправду, гордымъ Богъ противится... Мы тутъ около ограды ходимъ, или на посадъ пожадуета?

— Пойдемте на посадъ, я къ вамъ пойду, говорила Анна Александровна.

VII.

Въ городѣ, въ это утро, Федосья Александровна сидѣла въ маленькой гостиной своей тетюшки, на маленькомъ диванчикѣ и принимала Измишина. Добрая тетюшка Катерина Федоровна знала, что съ морозу гости бываютъ не любезны, что степные недоросли любятъ покушать, что за ѣдой лучше говорится, а потому прислала кофе и сухарей. Измишинъ занимался ими, между тѣмъ какъ Федосья Александровна, закрывая глазки, тянула понемножку папироску.

— Я-то къ вамъ, въ три дня, въ четвертый разъ! проговорилъ наконецъ Измишинъ.

— Будто бы? Я не сочла.

— Считайте по субботамъ; нынче, кстати, суббота, сказалъ онъ и расхохотался.

Федосья Александровна сдѣлала то же.

— Ахъ, какой проказникъ! сказала она: — не морите меня со смѣху, я хочу злиться.

— На кого? за что?

— Да на брата... Это ужасъ! Не принялъ васъ, визита вамъ еще не заплатилъ... Развѣ, вотъ что: теперь, покуда вы здѣсь, онъ, можетъ-быть у васъ былъ...

— Да это что же? Мнѣ все равно; я вниманія не обращаю.

— И вы совершенно правы, подтвердила Федосья Александровна, сверкнувъ очами: — но вотъ что досадно: у брата вечеръ сегодня, réveillon...

— Это что такое?

— Новый годъ встрѣчать будутъ.

— Новый встрѣчать, старый провожать. Такъ. Что жъ, танцы?

— Да. Это-то и досадно. Я бы танцевала съ вами.

— А вы развѣ танцуете?

— Какъ же... Почему жъ мнѣ не танцевать?

— Я думалъ, ужъ вы перестали.

— Развѣ я ужъ не гожусь въ танцы?

— Нѣтъ... Что вы, ей Богу, на меня! Я ничего. Вы, по моему, красавица; лучше васъ здѣсь, ей Богу, никого нѣтъ. Это мнѣ говорили...

- Что вамъ говорили?
- Будто вы... Нѣтъ, я, ей Богу, не скажу! Что вздоръ говорить!
- Кто вамъ гов ридъ?
- Да здѣшніе... Вчера, въ гостиницѣ мы у Орлова обѣдали, такъ тамъ здѣшніе собрались...
- Кто здѣшніе?
- Нѣтъ... Да что вы! Это не они говорили... Это, заѣхалъ туда, знаете, здѣсь есть Куличовъ одинъ?
- Ну, знаю.
- Онъ къ вашему брату ѣхалъ обѣдать. Стали говорить о вашемъ братѣ, я васъ помянулъ. Куличовъ мнѣ и сказалъ: — „Ельщикова жена хорошенькая, а эта Федосья Александровна кокетка старая...“ Да что, ей Богу, вздоръ это!
- Что жъ вы ему отвѣчали?
- Ну, я и отвѣчалъ; я, говорю, знакомъ съ Федосьей Александровной... Больше я ничего не сказалъ...
- И этого довольно, сказала съ чувствомъ Федосья Александровна, замѣтно покраснѣвъ и постаравшись укротить себя.—Но, послушайте... Для чего вы все зовете меня Федосьей Александровной? Такое не хорошее имя! Еще за глаза, такъ и быть, а въ глаза...
- Какже мнѣ васъ звать?
- Ну, Фанни, какъ-нибудь... Меня въ Петербургѣ одинъ человекъ звалъ Фидесь... Вы знаете Пророка?
- Какого?
- Да, правда, вы не были въ Петербургѣ... Это, въ томъ году...
- А нынче пророкамъ не годъ, сказалъ онъ и расхохотался.
- Ахъ, проказникъ! повторила Федосья Александровна.
- А то-бы я спросилъ пророка, что со мной на будущій годъ случится; хоть бы погадать, продолжалъ Измишинъ.
- Что случится? Что сами захотите.
- Да я ничего не хочу.
- Будто бы ничего?
- Вы на меня такъ не глядите, ей-Богу! Ничего не хочу.
- Ну, вотъ, этого хотите? спросила Федосья Александровна, поднося къ его носу свою руку, которую онъ догадывая поцѣловать:—хорошо?
- И, славно! вскричалъ онъ:—какая бѣленькая!

— Пустите. А вотъ, когда нынче вечеромъ будемъ вмѣстѣ танцовать, я вамъ еще скажу, чего вы хотите.

— А какъ не позовуть танцовать?

— Не возможно! Впрочемъ, часо́въ въ пять, въ шесть, заѣжайте еще ко мнѣ и скажите, былъ ли у васъ братъ и звалъ ли васъ.

— Извольте, сдѣлаю вамъ удовольствіе, заѣду. Что жъ мнѣ? Лошадь у меня своя. Извозчики здѣсь кусаются.

— Какъ, кусаются? повторила Федосья Александровна, засмѣявшись необыкновенно удачно.

— Деруть. А теперь я домой поѣду.

— Что жъ такъ рано? посидите.

— Пора. И то у васъ засидѣлася... вотъ вы какія!

— Ну, прощайте... Victor.

— Прощайте, Фанничка...

Овъ, закатился отъ смѣха.

— Охъ, ей-Богу, уморительно!

— Какъ, уморительно? Премиленькія имена: Фанни, Викторъ...

— А ну васъ, совсѣмъ! закричалъ овъ, хохоча и убѣгая. — Я вамъ въ шесть часо́въ конфетъ привезу. Привезть, что ли?

— Привезите.

— Сладкимъ годъ проводить. Прощайте.

Когда дверь проходной стукнула за Измишинымъ, Федосья Александровна поднялась съ диванчика такая гнѣвная, что сама могла бы себя испугаться, еслибы взглянула въ зеркало.

— Тетенька! закричала она, отворяя дверь въ чайную.

— Что, матушка? отвѣчала изъ глубины дома Катерина Федоровна:— мнѣ некогда, пооди сюда.

Катерина Федоровна сидѣла въ дѣвичьей, на полу у открытаго подвала и повѣряла счетомъ банки варенья, о которыхъ изъ подвала докладывала ей каючница.

— Послушайте, какія прелести! вскричала, входя, Федосья Александровна:— знаете, что мнѣ сейчасъ разказалъ Измишинъ? Откуда вѣсти-то идутъ, съ какого конца! Куличовъ меня по гостиницамъ ругаетъ, и я кокетка, и завлекаю, и я въ общество не гожусь, и пора мнѣ никуда глазъ не показывать... Это Лизаветы Юрьевны пріятель публично говорить.

— Какъ, что такое? вскричала, поднимаясь, Катерина Федоровна.

— Да вотъ, то и такое, что мы Лизаветѣ Юрьевнѣ было на-глазу, и она не знаетъ что и прилестъ, и нашла кому препоручить на насъ сметничать! Какъ же, свой человекъ—Куличовъ! Она и мила, и красавица: и все это тутъ же въ гостиницѣ, при двадцати человекѣхъ, онь объявляетъ страсть свою... А я... я не жива, если я ей всего не выговорю, я не жива! Я ей такъ старый годъ отпою, что она своихъ не узнаетъ!

— Какъ, матушка, Лиза?...

— Да Лиза, Лиза ваша, Лиза! Пора вамъ догадаться, за чѣмъ тамъ у нея Куличовъ всякій день! Вотъ и Измишина: ей не надо, и мужа такъ настроила, дурака, чтобы лишникъ глазъ не было! Измишина и не принимаютъ, и зла она на меня, и поручила своему Куличову клеветать на меня...

— Вѣдь это вчера, должно-быть, она съ нимъ сговори-лась! прервала Катерина Федоровна.—Аринупка, обратилась она къ ключицѣ, которая все еще возилась въ подвалѣ:— ты туда ходила вчера, во время обѣда...

— Какъ же, сударыня! Я изъ двери поглядѣла: подлѣ самой, подлѣ Лизаветы Юрьевны, онь и за столомъ-то сидѣлъ...

— Ну, вотъ, тутъ и сговорились!

— Нѣтъ-съ, извините, не тутъ, а раньше, прервала Федосья Александровна.

— Не все ли равно, раньше, позже...

— Нѣтъ-съ, не все равно! Я это очень понимаю! Я не понимаю, какъ вы не понимаете! Не вчера, не за обѣдомъ, она нашептала, а всякій день они шепчутся, вотъ что! Вы готовы сейчасъ оправдать; что съ намѣреніемъ самымъ адскимъ дѣлается, вы готовы сказать, что это ничего...

— Матушка, что же я готова?...

— Это одна дура Анна Александровна можетъ сидѣть, да глазами хлопать, а я надъ собой издѣваться никому не позволю! Вамъ ничего, что вашъ племянникъ...

— А я моему племяннику, братцу твоему, сто разъ того же не говорила? вскричала Катерина Федоровна, одушевляясь:—я не говорила: „эй, батюшка, оглянись, что твоя благоверная дѣлается?“ Я не говорила? Не тысячу разъ? Я, вотъ, на нихъ на всѣхъ пошлюсь (Катерина Федоровна

указала на горничныхъ). кричала я и буду кричать: загубилъ себя Сергѣй, что женился! Вотъ, теперь и извольте, какъ по дѣлому городу исторія поидеть!

— Да, послѣдній человекъ и отъ насъ отступится! Кто же велитъ Измишину, послѣ того какъ у братца въ домъ чортъ-знаетъ что,—кто же ему велитъ къ намъ ѣздить? И мы такія же, стало-быть, мы родныя... въ чужомъ пиру похмѣлье!

— Нѣтъ, ужъ извините! воскричала Катерина Федоровна. Я въ чужомъ пиру похмѣлье принимать не намѣрена! Сергѣй Александровичъ моими знакомыми пренебрегаетъ, а я ему покажу, что такое его знакомые, да супруги его приятели! Сейчасъ къ нему ѣду, сейчасъ!

Федосья Александровна выразила то же намѣреніе, но ни та ни другая не повѣхали. Изъ дѣвичьей, слышавшей первые порывы ихъ гнѣва, онѣ перешли въ гостиную, и сѣли. Боле спокойное положеніе, тишина и видъ боле прибранной мѣстности, немного укротили ихъ волненіе: гостинная напомнила объ обществѣ, а слѣдовательно и о томъ, что въ обществѣ не всегда можно дѣйствовать какъ сердце взяло, какъ рука взяла, что это можетъ быть и не выгодно.

— Ну его съ его женой! замѣтила, послѣ нѣсколькихъ соображеній Федосья Александровна, говоря о братѣ:—какъ себѣ хотятъ, такъ и разбираются!

— Нѣтъ, матушка, не „какъ-себѣ-хотятъ!“ Это честь семейная!

— Да я-то за что же, по милости этой чести семейной, останусь ни при чемъ съ Измишинымъ? Покорно васъ благодарю!... Мнѣ пускай Сергѣй Александровичъ приметъ Измишина, познакомятся, а до остальнаго мнѣ и дѣла нѣтъ...

— Да что тебѣ Измишинъ, помилуй!...

— Что мнѣ Измишинъ? Ахъ, Господи, вотъ прелестно! Я еще свитку на себя надѣть не намѣрена, я не Марья Петровна! Марья Петровна, и та за служками рыскаетъ, а я ужъ не должна даже то взять, что само въ руки дается? Слуга покорная!... Я это Сергѣю Александровичу выскажу...

Случай для этого представился какъ разъ. Ельниковъ ѣздилъ къ знакомымъ въ это утро и вздумалъ навѣстить тетюшку. Онъ не то чтобы расходился съ нею въ убѣжденіяхъ, или не любилъ сплетень, или особенно любилъ близкаго, но какъ-то выстроилъ себя на пренебреженіе къ те-

туткъ. У Ельникова была очень развита способность пренебреженія; ему стоило, иногда, взглянуть на человека, чтобы такъ, ни съ чего, начать пренебрегать имъ. Это, впрочемъ, была не гордость, потому что Ельниковъ умѣлъ смирять себя, или даже очень искренно смирялся предъ сильными земцами—богачами и своими начальниками. Большею частію, онъ упражнялъ свою способность надъ людьми выше его образованіемъ и умомъ, но безответными по положенію въ обществѣ, по деликатности или изъ презрѣнія къ самому Ельникову. Тетушка попала въ число пренебреженныхъ, такъ, безъ разбора, можетъ-быть потому что надъ ней смѣялись другіе и что самъ Ельниковъ, развѣ какъ-то, шута, называлъ ея домъ гнѣздомъ старыхъ дѣвъ; въ послѣдствіи, изъ своей собственной шутки онъ сдѣлалъ себѣ что-то въ родѣ убѣжденія. За то въ сердцѣ Ельникова бывали минуты уступки въ пользу тетушки; онъ очень искренно хохоталъ ея разсказаньямъ, передразнивалъ ее за глаза, но всегда ей вѣрилъ; говорилъ, что она дура набитая, но держался тѣхъ же мѣнній, какихъ и она держалась. Онъ первый подсмѣивался надъ мѣщанскою нескладницей ея дома, иногда даже негодовалъ какъ осмѣливается она приглашать цѣвѣть и сановниковъ общества; но у себя дома, Аннѣ Александровнѣ не было покоя отъ сравненій порядка и экономіи хозяйства тетушки съ ея беспорядкомъ и расточительностью. У тетушки все готовилось вкусно, — дома, по милости Анны Александровны ничего въ ротъ взять нельзя, — и такъ далѣе. Ельниковъ не часто бывалъ у тетушки; на ея званыхъ „вечерахъ съ аристократіей“, держалъ себя съ саркастическою улыбкой посторонняго и подтрунивалъ съ гостями надъ хозяйкой; навѣщалъ ее за-просто всегда съ желаніемъ послушать сплетень, — отговаривался, что щить развлеченія, и отъ тетки другаго ждать нечего, — спорилъ съ ней вкривъ и вкось, сердилъ ее, говорилъ ей дерзости, увѣждалъ домой, бранилъ ее дома, попрекалъ ею Анну Александровну, и чрезъ день опять сходился съ тетушкой до прежней короткости.

На этотъ разъ онъ вѣхалъ ее мучить, везъ разказать маленькій скандалчикъ съ иглочки, котораго тетушка знать еще не могла, а потому была бы въ отчаяніи, что опоздала о немъ провѣдать. Ельниковъ не предчувствовалъ, что на него самого готовилась гроза.

— Мое всемижайшее! сказалъ онъ, входя въ гостиную и расшаркиваясь съ разными ужимками.—Что это, тишина у васъ? или нѣтъ достоюдолжнаго предмета для бесѣды? или, въ какомъ-нибудь смыслѣ, утомленіе ощущаете?

— Отъ всего, батюшка, утомисься, кисло отвѣчала Катерина Федоровна.

— Отъ чего же, отъ всего? Какую вы работу работали? Отъ словопреній развѣ?

— Я этихъ вычурностей не понимаю, оказала Катерина Федоровна, чувствуя желаніе браниться, но еще не сразу входя въ свой предметъ.

— Какъ это такъ, не понимаете? Особа вы свѣтская, а сестрица моя и вовсе двѣца-львица. Вонъ, какъ дыжить! Разнообразіе у меня какое. Сестрицы мои: одна соткана вся изъ зѣира, а другая драгунъ. Ну, затягивается! Въ ажитаціи, должно-быть, въ большой... Что же вчера не пожаловали ко мнѣ покушать?

— У меня, благодареніе Богу, свое есть, отвѣчала Катерина Федоровна, покраснѣвъ:—не одолжалась никому еще, обѣдовъ не отыскивала. И былъ ли у васъ обѣдъ, и того не знаю.

— Какъ не знаете? Я вамъ приказывалъ сказать, самъ, съ дѣвкой Марьи Петровны. Развѣ вамъ не передали?

— Ничего не знаю, съ какими вы дѣвками приказывали. Вамъ же больше чести дѣлаетъ, что вы свою тетку родную всякой сволочи приказываете звать. Покорнѣйше васъ благодарю.

— Ахъ, мой Боже, гдѣ же мнѣ людей взять, разсылать съ приглашеніями!

— А некого вамъ разсылать, человѣка у васъ въ домѣ не достало, такъ тѣмъ лучше, что не попала я къ вамъ; у васъ, можетъ-быть, и куска бы мнѣ не достало...

— Отчего жъ это вы предполагаете? Что, ужъ я безумный какой, нищій какой, что назову людей и не станеть кусковъ доставать? Что вы во мнѣ предполагаете...

— Ничего, батюшка, не предполагаю! Кормите себѣ кого хотите, я въ ваше общество не гожусь, да и мнѣ вашего не нужно!

— Что жъ это такое? воскричалъ Ельниковъ, замѣтя, что тутъ гавъ не въ шутку.

— Вы себѣ позволяете манкировать нашими знакомыми

вѣшалась Федосья Александровна, находя что тетка недовольно прямо приступаетъ къ дѣлу, но обдумавъ, что братъ можетъ-быть и былъ у Измишина, и потому торопиться ссорой не слѣдуетъ:—вы не хотите знать нашихъ знакомыхъ, это все равно, что лично насъ оскорблять!

— Это загадка-съ, Федосья Александровна, новѣйшій оркулъ, на сваткахъ кстати.

— Это вислолько не загадка, возразила она съ достоинствомъ:—почему вы вчера не приняли Измишина?

— Почему-съ? Не имѣлъ желанія.

— Почему вы не имѣли желанія?

— Нѣтъ, что же, вы выше всѣхъ себя считаете? вскричала Катерина Федоровна.

— Почему-же вы не имѣли желанія? повторила Федосья Александровна, воздержавшись, ради величія, но тоже громко.

— Потому, что дураковъ мнѣ не надо! отвѣчалъ Ельниковъ, крикнувъ, чтобы выказать характеръ.

Съ этой минуты бесѣда пошла все быстрее и громче; ее сквозь двойныя рамы можно было слышать съ тротуара. Это случилось какъ-то само собою. Цѣлыхъ фразъ было уже не много, были почти одни междометія, отрывки, и тѣ сгущивались одинъ съ другимъ.

— Визитъ благородному человѣку...

— Не отдавалъ, не отдамъ, я не полоумный!

— Что жь, всѣ они полоумные...

— Давно ли вы такъ разборчивы?

— Тетка твоя, стало-быть, полоумная?

— Женѣ вашей, стало-быть, это не угодно?

— Я копакомъ отъ роду не былъ... кому угодно или не угодно...

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, я полоумная?...

— Скажу, старая дѣвка помѣшалась, недороселемъ утѣшается...

— При такомъ братѣ, конечно, останешься старою дѣвкой!

— Вы давно отъ вашего брата бѣжали, избавились!

— И бѣжала, бѣжала, бѣжала!

— Ангель, и тотъ бѣжать!

— Ну, избавились, и вѣшайте вашему ослу на шею! А потворщикомъ отъ роду не былъ, не былъ...

— Ваша жена сама на шею вѣшается...

— Моя жена? Кому моя жена вѣшается?

— Куличову вашему...

Тутъ было ужъ неизобразимо. Бесѣдующіе достигли такого азарта и голоса ихъ такихъ высокихъ нотъ, что прекратить разговоръ сдѣлалось необходимо каждому изъ самоохраненія: могла случиться драка. Ельвиновъ подхватилъ шубу рукавами на бокъ и оправился только въ саняхъ.

Нечего было и думать о голубомъ тюлевомъ платьѣ, которое Федосья Александровна намѣревалась надѣть для встрѣчи новаго года въ цвѣтѣ надежды. Оно было накинута на лицо горничной, которая немовко вздумала спрашивать о немъ приказаній.

— Это племянничекъ почтительный старый годъ спрадывовалъ, тетку утѣшилъ, говорила Катерина Федоровна ключица Аринушкѣ:—за супруга свою, за кошку эту! На цѣлый свѣтъ въ связи съ Куличовымъ. А этоть-то, чѣмъ бы спасибо сказать, что глаза открыли!..

— Нечего и ожидать отъ нихъ, сударыня.

— Нѣтъ, Анночку-то, Анночку чѣмъ она дѣлала, ты скажи? Ширмой своею золотку ставить,—эту подлость-то надо вообразить! И который годъ, почти какъ замужь вышла.

— Да, почти что такъ, сударыня, и всѣ въ голосъ...

— Феничка, слышишь ты? Всѣ въ голосъ!

— Я только, сударыня, вамъ доложить не осмѣлилась. А то, куда, давно!

— Давно? Слышишь, Феничка?... Мать моя, что тутъ не осмѣлится. Лучше какъ бы давно сказала; мнѣ за Анночку...

— А Анна Александровна, какъ есть одинъ отводъ...

— Слышишь Феничка?

— Анна Александровна ваша сама рада ширмой служить, сказала, проходя, Федосья Александровна:—за что жъ бы эту дуру и въ домѣ держали?

Въ такихъ разговорахъ и въ такомъ настроеніи духа прошелъ остатокъ дня. На совѣщанія нѣсколько разъ была приглашена Аринушка. Необходимо прибавить только, что Аринушка никогда, ни отъ кого и ничего не слышала подобнаго тому, что докладывала своимъ господамъ.

VIII.

Анна Александровна возвратилась въ городъ только вечеромъ на третій день новаго года. Марья Петровна пожелала встрѣтить этотъ новый годъ на молитвѣ, въ тихой Серафимовой пустынѣ, и провела тамъ и первый день: на второй она посѣтила еще одинъ монастырь въ окрестности, по совѣту отца Іакинфа, отправлявшагося туда же. Анна Александровна, не имѣя возможности уѣхать домой, вездѣ сопутствовала пріятельницѣ. Въ Серафимовой пустыни, она, хотя не только встревожилась, но испугалась предположенія остаться тамъ и не воротиться въ домъ брата къ назначенному сроку, но все еще нѣсколько успокоивалась и утѣшалась обществомъ и бесѣдой матери Митродоры; за то два саѣдующіе дня были для нея мученіемъ. Переказать нельзя какихъ бѣдствій не вообразила она въ домъ брата, неприяностей на вечерѣ, внезапныхъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ съ дѣтьми, смерти дѣтей, наконецъ, пожара всего города Н., въ которомъ домъ Ельникова долженъ былъ сгорѣть первый. Въ такихъ мечтаніяхъ провела она всю длинную холодную дорогу, не увидѣла втораго монастыря гдѣ онѣ были, и при всей своей терпѣливости, не могла удержаться и два раза выразила свои опасенія и желаніе быть скорѣе дома. На это Марья Петровна заявила ей:

— Ты, Анночка, нестерпимая. Еслибъ я знала, ни за что не взяла бы тебя съ собой. Ты только связываешь.

Пока она спала въ кибиткѣ, Анна Александровна плакала и молчала, чтобъ еще больше не связывать. Даже Анфиса сказала ей:

— Вы, барышня, Богъ знаетъ, что: всего боитесь.

Наконецъ, вечеромъ третьяго января, завидя огни города, Анна Александровна осмѣлилась попросить, чтобъ ее подвезли прямо къ дому брата, но получила отказъ: надо было бы свернуть въ сторону двѣ улицы, а Марья Петровна хотѣлась поскорѣе отдохнуть.

— Правда, сказала, согдашясь, Анна Александровна:—я

еще не видалась съ тетушкой; надо поздравить ее съ новымъ годомъ.

— Ну, вотъ, слава Богу, и дѣло нашлось, отвѣчала Марья Петровна.

Катерина Федоровна и Федосья Алексеевнa кушали вечерній чай, когда вошли путешественницы.

— Машенька! Насилу-то воротилась, другъ мой! вскричала Катерина Федоровна.

— Ахъ, Машенька! сказала Федосья Александровна, вставая ей на встрѣчу.

Федосья Александровна не любила себя беспокоить, вставать съ мѣста, а потому, привѣтливость, которую она оказывала кузинѣ, очень много значила.

— Чтò, душа моя, какъ помолилась? Здорова ли? спрашивала Катерина Федоровна.

Марью Петровну усаживали, разспрашивали, угощали вареньемъ, вообще выражали къ ней дружелюбіе неожиданное.

— Съ новымъ годомъ, ma chère tante, сказала Анна Александровна, едва найдя минуту подойти поздороваться.

— И васъ также, отвѣчала тетушка и обратилась тотчасъ къ Марьѣ Петровнѣ, будто не замѣчая, что Анна Александровна желаетъ поцѣловаться.

— Bonsoir, bon an, Fanny...

— Избавьте отъ лобзаній, возразила Федосья Александровна, отворачиваясь такъ, что сбила свою сѣтку о высокую спинку кресла.

— Fanny, qu'avez vous donc?

— Я говорю: избавьте отъ лобзаній... Лицемерья ваши лобзанія!.. Надо имѣть мѣдный лобъ, послѣ всего...

— Послѣ чего, Фанни? спросила Анна Александровна, уже въ слезахъ.

— Послѣ того какъ вы интриги строите, поселаете вражду въ семействѣ...

— Послѣ того, матушка, вступилась тетка, — какъ тебѣ не удалось замужъ выскочить, ты изъ зависти интригуешь, чтобы счастье сестры разстроить...

— Чтò такое, извольте оказать, наговорили вы братцу вашему про меня и про Измишина?

— Чѣмъ вы мой домъ выставили? перебила тетка: — чтò отъ вамъ достался? Вы то сами чтò, у брата вашего, въ

вертепъ его, дѣлаете? Замужъ не вылетѣла, такъ невѣстушкины проказы прикрываете? Э, сударыня!...

— Или я совсѣмъ ужъ потерялась съ Измишинымъ, что вашъ братецъ кричать будто я ему на шею вѣшалась, будто побить его надо?

— Это вы съ чего взяли, бить благороднаго человѣка? шумѣла Катерина Федоровна.

— Кто изъ вашей семейки видѣлъ меня съ Измишинымъ? Вы? Вы одиѣ видѣли? Чтò же вы сочиняете? Какъ у васъ языкъ повернулся...

— Тетенька, Фанни! Я, право, ничего не понимаю, я ничего не знаю, возразила, рыдая, Анна Александровна:—видитъ Богъ.. я только что Богу молилась, тетенька...

— Матушка, Бога-то зачѣмъ же сюда? Вотъ, совѣсти нѣтъ, такъ тотчасъ божиться! Чтò мнѣ, молилась ты или не молилась? Хороша молитва! Накутила-намутила и по монастырямъ полетѣла! Это молитва называется? Это ты о душѣ думала?

Федосья Александровна считала себя за esprit-fort,—а потому ничего не прибавила, но только величаво отвернулась и произнесла, будто въ сторону:

— Не душа, а душонка мелкая.

— Тетенька, я право не понимаю, чѣмъ я могла заслужить... я спѣшила къ вамъ, хотѣла васъ поздравить,—и такой приемъ...

— Ахъ, Господи, приемъ ей, видите, не понравился! Какихъ же вамъ еще угодно приемовъ, вы какихъ стоите? Не плясать ли еще намъ съ ней на радости, что вы ее очеркили, меня оскорбили, да удостоили,—поздравлять насъ пожаловали? И безъ васъ бы мы обошлись, право,—безъ васъ просторнѣе...

— Я сейчасъ и уйду, тетенька, если вамъ угодно, проговорила Анна Александровна, заливаясь слезами и направляясь къ двери.

— Не вообразите, что по васъ плакать стануть, продолжала Катерина Федоровна, идя за нею въ лакейскую.

Тамъ, никто изъ служителей не имѣлъ, въ глазахъ Катерины Федоровны, мужества подать шубу Аннѣ Александровнѣ и отворить ей дверь. Она сдѣлала это сама и вышла на подъездъ. Тамъ нагнала ее Анфиса съ узелкомъ въ рукахъ.

— Просвирки ваши, барышня, забыли.

— Мнѣ бы извожика... проговорила Анна Александровна.

— Охъ, барышня, некогда, матушка, и устава я до смерти. Вы подите тутъ; можетъ, и самъ какой повстрѣчается.

Ни одинъ не повстрѣчался. Анна Александровна, къ довершенію своихъ несчастій, встрѣтила толпу ряженыхъ, и прибѣжала въ домъ брата ни жива, ни мертва.

Она вошла черезъ дворъ, съ задняго крыльца; ей показалось неловко звонить у подъезда, беспокоить. Несмотря на свою тревогу, она помнила, что у брата *жили поздно* и въ восемь часовъ еще отдыхали передъ вечеромъ. Расплаканная и перепуганная, она явилась въ дѣвичей.

— О, Господи, кто это? закричала, не узнавъ ея, одна изъ горничныхъ.

Маленькій Юрочка, вертѣвшійся тутъ же, завизжалъ бланкомъ матомъ.

— Ангелъ мой, это я, я, тетя Анна, успокаивала его Анна Александровна.

Но мальчикъ не унимался; на его крикъ прибѣжалъ Петя. Анна Александровна протянула руки своему любимцу.

— Ты пришла? спросилъ онъ, равнодушно: — а мама говорила, ты больше никогда не придешь.

— Мама, вѣрно, съ тобой шутила, голубчикъ; вотъ я, поцѣлуй...

— Нѣтъ, не шутила.

— Шутила. Ты, вѣрно, по мнѣ плакалъ? она и сказала, такъ, нарочно. Вѣдь тебѣ было бы жалко, еслибъ я не воротилась?

— Нѣтъ, не жалко, отвѣчалъ спокойно ребенокъ: — зачѣмъ жалко? Я безъ тебя все съ Дуняшей игралъ. Пусти, я къ ней пойду, она сказку скажетъ. Пусти же!

— Я тебѣ лучше сказочку скажу...

— Ты не умѣешь. Не хочу! пусти же! да, ну, пусти! кричалъ онъ, вырываясь: — пусти, злая, гадкая!

— Кто тутъ кричить? спросила, входя, Лизавета Юрьевна: — ахъ, Annette!

Анна Александровна постаралась забыть на минуту всѣ свои огорченія и измѣну своего Пети, чтобы привѣтливѣе встрѣтиться съ невѣсткой. Лизавета Юрьевна не была

ни скрытна, ни сосредоточена, но нѣсколько холодновата отъ природы, а потому неспособна къ нѣжнымъ сердечнымъ изліаніямъ, но она была способна на неудовольствіе, хотя выражала его прилично, признавая себя хорошо воспитанною. Анна Александровна и безъ того разстроенная, замѣтила что-то особенно натянутое и не хорошее, не только въ приѣмѣ, но въ движеніяхъ, въ звукахъ голоса Лизаветы Юрьевны.

— *Qu'avez-vous, ma chère Lise?* спросила она.

— *Kien ma chère.* Пойдемте же отсюда. Вы вѣрно хотите чаю?

— Нѣтъ, душка, merci.... Я сейчасъ отъ тетюшки...

— Тамъ пилу?

— Нѣтъ... Но еще рано, *Lise*, я подожду чаю до обыкновеннаго времени.

Лизавета Юрьевна вошла въ свою маленькую гостиную, гдѣ ужъ была зажжена лампа, приказала затопить каминъ и усѣлась, захвативъ съ этажерки тоненькую книжку. Анна Александровна поспѣшила къ себѣ наверхъ, перебраться туалетъ, разстроенный въ дорогѣ и показавшійся еще разстроеннѣе въ нарядной комнатѣ, подлѣ нарядной хозяйки.

Комната Анны Александровны была не топлена. Конечно, въ этомъ была виновата не Лизавета Юрьевна, а прислуга забывшая свое дѣло, но Анну Александровну задѣло по сердцу это небреженіе; среди всего, что кружилось въ ея головѣ, мелькнула мысль, что о ней забыли и думать. Этотъ маленькій прибавокъ къ мученіямъ заставилъ почувствовать ихъ, если можно, еще сильнѣе, хотя попрежнему смутно. Анна Александровна еще не пришла въ себя. Дрожа отъ холода, въ ожиданіи горничной, которая очень мѣшала придти, Анна Александровна присѣла на свою постель, старалась сообразить что случилось, и не могла. Ясно, что тетка прогнала ее, но за что? Лиза не въ духѣ, но за что? Фанни называла Измишина, — что такое все это? Кого разспросить? Если Лизу, то надо и все рассказать ей... Анна Александровна не могла вообразить, какъ она будетъ откровенна съ Лизаветой Юрьевной, но если и рѣшиться на это, — что она скажетъ? Ничего, кромѣ того что ее выгнали...

Все это такъ запугало Анну Александровну, что она рѣ-

шлаась ничего не говорить: какъ-нибудь такъ все сдѣлается.

Переодѣвшись, она сошла внизъ и раздала свои про-
свиры всѣмъ дѣтямъ, кавыкѣ, дѣвушкамъ, лакеямъ, на-
конецъ, повесила самую большую Лизаветѣ Юрьевнѣ.

— *Chere Lise*, вотъ за ваше здоровье, и Сержа. А гдѣ же Сержъ?

— Онъ еще отдыхаетъ. Мерси. Потрудитесь отдать спря-
тать.

Анна Александровна вышла опять и воротилась уже съ
вечернею работою, рубашкой Юрочки. Лизавета Юрьевна
читала. Анна Александровна не прерывала чтенія, думая,
что оно, конечно, занимательнѣе того, что она можетъ раз-
казать о своемъ путешествіи. А дальше что же рассказы-
вать? Съ тетушкой и съ Фанни бывало ужъ столько исто-
рій изъ-за всякихъ пустяковъ; эта, вѣроятно, такая же.
Конечно, неприятно, но, дастъ Богъ, и такъ все кончится...

Пока Анна Александровна размышляла, опутивъ глаза
и прилежно работая, Лизавета Юрьевна взглядывала на
нее, закрывая свои розовыя щѣчки листами книги. Лиза-
вета Юрьевна тоже рѣшилась. Въ эти три дня, тетка и
Федосья Александровна успѣли сдѣлать и ей сцену, кото-
рую пересказывать довольно трудно—она имѣла тотъ же
отрывочный и бурный складъ, какъ сцена съ Ельниковымъ—
и бесполезно, потому что смыслъ ея заключался въ не-
многихъ словахъ. Результатъ этой сцены вышелъ origi-
нальнѣе ея самой. Ельниковъ, конечно, не повѣрилъ
сплетнѣ на его жену и Куличова и высказалъ это теткѣ и
сестрѣ, но виноватаго все-таки найдти было надобно. Ви-
новатою нашлась Анна Александровна. Лизавета Юрьевна
говорила, что она оскорбила ее больше чѣмъ тетка и
сестра, и объявила мужу, что объяснится съ нею, едва она
привѣдетъ.

— Вы долго пробыли у Катерины Федоровны? спросила
Лизавета Юрьевна, послѣ молчанія достаточно длиннаго,
чтобы приготовить сцену.

— Нѣтъ, душка, не долго, нѣсколько минутъ, отвѣчала
Анна Александровна, вспыхнувъ и отъ смущенія уколовъ
себѣ палецъ иголкой.

— Вы съ ней говорили?

— Да...

— Такъ она объявила вамъ, что мы въ ссорѣ?

— Нѣтъ, душка... за что же?

— Кажется, вы лучше всѣхъ должны знать.

— Право, chère Lise... Вы знаете, я никогда не скрываю... Я не имѣю понятія. Мнѣ показалось, тетенька недовольна Сержемъ.

— Ваша тетенька... Извините, Annette!.. Впрочемъ не вижу, для чего мнѣ извиняться. Ваша тетенька—гадкая сплетница. Она смѣетъ быть не довольна!.. Вы стало-быть, à l'amiable съ нею, что она рассказываетъ вамъ свои неудовольствія?

— Ахъ, нѣтъ, Lise, какъ à l'amiable! она обошлась со мною жестоко...

Можно было повѣрить, что обхождение тетушки было отвратительно: даже Анна Александровна не выдержала и пожаловалась. Лизавета Юрьевна закусила губки и погрузилась въ свое достоинство.

— Такъ я отказываюсь понимать вашу тетушку, сказала она:—она обходится съ вами жестоко, между тѣмъ какъ вся эта исторія дѣлается изъ-за васъ, между тѣмъ, какъ въ ея глазахъ вы—ангелъ, а я—преступница, низкое существо, и заставляю васъ играть низкую роль! Я ужь тутъ ничего не понимаю!

Лизавета Юрьевна пожала плечами.

— Au nom de Dieu, Lise, expliquez moi...

— Нѣтъ, вотъ что Annette, начала Лизавета Юрьевна очень серьезно и холодно, послѣ минуты молчанія:—я хотѣла поговорить съ вами. Конечно, я много моложе васъ и мнѣ не къ лицу давать вамъ совѣты; конечно, вы сестра моего мужа и я обязана васъ уважать; но, благодаря Бога, мой мужъ самъ меня уважаетъ, и я избавлена отъ подчиненности, я не безгласна... я хотѣла спросить васъ серьезно: когда же будетъ конецъ вашей страсти къ Куличову? Потому что всему долженъ быть конецъ. Я столько васъ моложе, что не мнѣ бы говорить вамъ это, но, дѣлать нечего, если ужь все такъ, наыворотъ. Куличовъ къ намъ ѣздитъ. Я, наконецъ, обязана спросить, какія вы подаете ему надежды, потому что онъ-то (покрайней-мѣръ, сколько я замѣчаю) не подаетъ вамъ никакихъ надеждъ. Какъ вы вамѣрены все это развязать? Прошу васъ, отвѣчайте,

чтобы мнѣ знать, по крайней мѣрѣ, въ какое положеніе должна я себя поставить?

Анна Александровна точно угорѣла; у нея стучало въ вискахъ.

— Прощу васъ, объясните, продолжала Лизавета Юрьевна:—мнѣ это необходимо знать.

— Для чего же, *chere Lise?* спросила Анна Александровна, не чувствуя что спрашивала.

Лизавета Юрьевна слегка улыбнулась.

— Пожалуста, извините меня, *Annette*, но наивности, право, не у мѣста. Вы можете наивностями прикрывать вашъ возрастъ предъ посторонними, и то, простите! право, подчасъ очень некстати,—а вотъ, такъ, въ серіозномъ разговорѣ, это можетъ изъ себя вывести... Какъ, для чего мнѣ знать чѣмъ вы хотите кончить съ Куличовымъ? Да хотя бы для того, что я хозяйка дома и что, наконецъ, это двусмысленно!

— Какъ это, *Lise?*..

— Такъ. Вотъ, вы слышали какой смыслъ придаетъ этому ваша тетюшка?

— *Lise*, а вамъ клянусь, я ничего не понимаю!

Анна Александровна зарыдала. Лизавета Юрьевна не видала и не слышала этого и продолжала, не возвышая голоса.

— Ваша тетюшка увѣряетъ, что я—слышите?—я влюблена въ Куличова, а вы только предлогъ... Я васъ спрашиваю, какъ это пріятно! Это-то вы понимаете?

Анна Александровна такъ хорошо поняла, что похолодѣла.

— Обѣ онѣ налетѣли вчера, и тетюшка ваша и сестрица. Я не въ состояніи выдерживать такого неистоваго крика. Изъ одного этого крика, я не хочу видѣть ихъ у себя въ домѣ. И, къ довершенію у меня же въ домѣ особа, за которую я терплю такіа отвратительныя клеветы! Вѣдь попасть на язычокъ Катерины Федоровны, значить, отдаться на растерзаніе всему городу!

— Развѣ ужъ говорить..... въ городѣ? выговорила Анна Александровна.

— Не думаю! возразила грозно Лизавета Юрьевна:—но могутъ заговорить.

— Но, *Lise*, тогда *Serge*...

— Нѣтъ, вы никогда не были замужемъ! прервала Лизавета Юрьевна, торжествуя, что сказала такую истину:— какъ дешево для васъ мужья! Помилуйте у Сергѣя Александровича рукъ не достанетъ выкидывать въ окошко всѣхъ, кто, по вашей милости, заговорить обо мнѣ дурно! Вы понимаете, по крайней мѣрѣ, что за это надо въ окно выкинуть? Одинъ толстый дуракъ Измишинъ, котораго мой мужъ видѣть не хочетъ, и за котораго ваша Фанни замужъ собралась, одинъ онъ будетъ грохотать, его не уймешь... Ужь если вы не можете понять, что такое любовь къ мужу, то хоть подорожите братомъ, которому обязаны.

— О, Lise, неужели вы думаете, неужели вы можете думать, что я не дорожу?

Лизавета Юрьевна сидѣла прямо и говорила глядя предъ собою, слѣдовательно, не видя, какъ Анна Александровна заливалась слезами.

— Вы ему много обязаны. Я это могу говорить безпристрастно. Я могу тоже о себѣ сказать, что вы не можете ни въ чемъ на меня пожаловаться. Какъ вы себя держите съ моими людьми, съ дѣтьми, я вамъ не дѣлаю замѣчаній. Неприятно мнѣ или нѣтъ, вы этого не видали. Даже хозяйка вы, а не я; вы всѣмъ распорядитесь, а я никогда не знаю, буду ли обѣдать,—вотъ, въ какія я поставила себя отношенія! Надѣюсь, я деликатна!... И это продолжается десять лѣтъ. Вѣдь это вся жизнь женщины! Сколько тутъ затаеннаго, я вамъ и не говорю. Вы и не поймете. Вы замужемъ не были, чтобъ это понять. Вы не испытали какво войдти въ домъ, гдѣ надѣешься быть чѣмъ-нибудь, и найти, что ужь тамъ, безъ меня есть старшая. Вы не испытали материнской ревности, этого такого чувства, когда видишь превратную систему воспитанія, которое даютъ нашимъ дѣтямъ.

— Ахъ, Lise, вы знаете, что ваши дѣти... Боже мой, еслибъ у меня свои были, я бы не могла ихъ больше любить! Развѣ можно больше любить?... Lise, повѣрьте, ради Бога.

Анна Александровна схватила ея руку.

— Очень вѣрю, съ достоинствомъ отвѣчала Лизавета Юрьевна:— что вы на счеге! Вы экзальтированы, вамъ все кажется... Полноте, сцены!... Вотъ, потому я и говорю, что вы не имѣете понятія... Я надѣялась, по крайней мѣрѣ,

что хотя моя репутація замужней женщины будетъ сохранена, и вижу, что должна жертвовать и ею... Согласитесь, это ужъ черезчуръ много! прибавила она съ горькимъ смѣхомъ взглянувъ въ сторону Анны Александровны:— въ семьѣ моего мужа я нашла и враговъ, которые меня терзаютъ, и... предательство!

Лизавета Юрьевна долго искала послѣдняго слова, за то и выговорила его особенно съ чувствомъ.

— Lise, вскричала Анна Александровна:— я скажу Куличову, чтобъ онъ глазъ сюда не показывалъ, я его никогда не увижу...

Лизавета Юрьевна, улыбаясь, пожала плечами.

— Дѣло ужъ сдѣлано, возразила она: я ужъ оскорблена!... И почему же вы берете на себя прогонять друзей моего мужа? Это ужъ слишкомъ много! Вы будете по десяти, по пятнадцати лѣтъ завлекать кого-нибудь, не удастся вамъ, скомпрометируете себя и другихъ, а потомъ прогоните человѣка, какъ ни въ чемъ не бывало? Нѣтъ, Анна Александровна, это ужъ слишкомъ много! за что же, по вашей милости, я должна остаться безъ знакомыхъ?

— Lise, но что же я должна дѣлать?

Лизавета Юрьевна опять пожала плечами.

— Мнѣ кажется... проговорила она насмѣшливо, дѣлая видъ, что прекращаетъ разговоръ, потому что засыпала шагъ своего мужа.— Нечего говорить объ этомъ, раздражать Сергѣя Александровича; пощадите хоть этого... Мнѣ кажется, по лѣтамъ, вамъ мнѣ, а не мнѣ вамъ, сѣдовало бы подавать совѣты... „Что дѣлать!...“ О Боже мой!

Лизавета Юрьевна тихо разсмѣялась и обратилась къ мужу.

— Выспался?

— Да... Анна Александровна, мое почтеніе! Ну что, какъ въ своемъ здравіи отецъ Евсикій съ братіей? Всѣ ли вы ваши нечистые помыслы тамъ оставили?... Закури мнѣ папироску, Лиза; я выкурю и въ клубъ; пора. А ты, куда?

— Я думаю. Нѣтъ, куда.

— Что жъ, возлюбленный твой придетъ? ты ждешь?... Слышали вы, Анна Александровна, безъ васъ у моей жены любовникъ завелся? Да невзначай, да какъ проворно! Покуда вы были на лицо, знаете, все еще скрывалось, а чуть вы отлучились на денекъ, тутъ и есть, обозначилось! При-

ятное-сь, пріятное обстоятельство! Покорѣйше васъ благодаримъ, Анна Александровна, вамъ обязаны! Да кланяйся, жена!

Ельниковъ толкнулъ жену въ плечо.

— Охъ! сказала Лизавета Юрьевна, оскорбленная и огорченная, какою не казалась до этихъ поръ:—полно шутить.

— Какія шутки? возразилъ Ельниковъ:—вотъ, не думали, не гадали! Эхъ, семейное счастьеце!..

Анна Александровна не выдержала больше, даже вскинула свою работу на столъ, и вышла поспѣшно.

IX.

Мудрено разказать что передумала и почувствовала Анна Александровна въ этотъ вечеръ, въ эту ночь, въ слѣдующее утро, въ ожиданіи пробужденія Лизаветы Юрьевны. Вечеромъ еще было легче, были гости, и подъ предлогомъ усталости отъ путешествія можно было оставаться наверху, въ своей комнатѣ, и не показываться; но утромъ явились еще и житейскія заботы. Анна Александровна узнала, что, въ ея отсутствіе, Лизавета Юрьевна завела другой порядокъ во вставаньи и завтракъ дѣтей; между прочимъ, имъ было запрещено давать чаю. Когда Анна Александровна хотѣла утѣшать Петю, прибѣжавъ на его вопли и заставъ его за чашкой какого-то настоя, отъ котораго онъ отбивался, буквально руками и ногами,—няня возразила ей:

— Оставьте, барышня; безъ васъ все сдѣлается.

Ельниковъ спросилъ чаю къ себѣ въ кабинетъ и утѣхалъ въ должность, не зайдя въ залу, гдѣ, по обыкновенію, дождалась его сестра. Она узнала, что онъ уже заказалъ обѣдъ. Это окончательно ее разстроило. Она побрела опять наверхъ и опять принялась плакать, думать, передумывать...

Есть счастливыя женскія натуры, — женщины съ сердцемъ и волей. Къ сожалѣнію, онѣ встрѣчаются чаще въ романахъ чѣмъ въ дѣйствительности, гдѣ почти всегда перевѣшиваетъ одно что-нибудь—сердце или воля,—почему женщинъ, конечно съ исключениями, можно раздѣлять на

два сорта: болѣе или менѣе запуганныя и болѣе или менѣе эгоистки. Въ проходящемъ поколѣннн особенно много первыхъ, въ будущемъ будетъ больше послѣднихъ... Въ тяжелую минуту, счастливая натура сначала плачетъ, платя этимъ дань своему сердцу, а потомъ думаетъ и дѣйствуетъ; эгоистка вовсе не плачетъ; Анна Александровна и плакала и думала въ одно время, запугивала сама свои слезы и спутывала припадками слезъ свои размышленія. Размышленій, все объ одномъ и томъ же, было много, что доказывало, какъ они напрасны. Они приходили также и по привычкѣ. Въ дѣтствѣ, съ Анны Александровны строго взыскивали за всякій проступокъ; въ молодости ей безпрестанно толковали о приличіяхъ и приказывали наблюдать за собой. Наблюдать за собой ей было нечего: она была меньшая, всегда робка и безмолвна, — но ея семья умѣла устраивать въ себѣ частыя бури изъ ничего, а это *ничего* оказывалось важнымъ; нельзя было не думать, не толковать о немъ. Среди пустѣйшихъ, но тѣмъ не менѣе мучительныхъ „исторій“, надо было разбирать духъ и отѣнки „партій“, беречься однихъ, приставать къ другимъ, или, вѣрнѣе, не приставать и не беречься, но отъ робости и нѣжности сердца страдать за всѣхъ, а отъ безотвѣтности — отъ всѣхъ... Это, пожалуй, называется мельчать, тратить жизнь, — но когда у женщины больше сердца чѣмъ воли, это иначе не бываетъ.

Анна Александровна спрашивала себя, чѣмъ она могла заслужить такое немилосердіе судьбы, что прогнѣвалась на нее тетушка? И тетушка и Лиза! За что? Рѣшеніе этого вопроса вело за собой разборъ такихъ тонкостей, такихъ мелочей, воспоминаніе такихъ малѣйшихъ обстоятельствъ, такихъ незначащихъ словъ, такихъ пустяковъ, что отъ этого труда всякій вышелъ бы изъ терпѣнія, еслибы не отказался съ первой минуты. Но Анна Александровна ни отъ чего, никогда не выходила изъ терпѣнія, а разъяснить свое положеніе ей было необходимо.

Не успѣвъ въ этомъ, она повторила себѣ въ сотый разъ, что несчастіе ея нѣтъ никого на свѣтѣ. Это она понимала хорошо, потому что дала себѣ волю чувствовать. Она рѣдко, почти никогда не давала себѣ этой воли; она привыкла, когда поднималось у нея горькое чувство, мять его и прогонять, — то отъ все еще молодаго желанія развеселиться чѣмъ-нибудь,

то отъ усталости просившей хотя какого-нибудь покоя, то изъ приличія, то отъ робости, то за недосугомъ, то отъ страха грѣха. Теперь, она давала себѣ волю и оглаждалась, что такое, въ самомъ дѣлѣ, ея жизнь на этомъ свѣтѣ...

Въ послѣдніе три-четыре дня, когда путешествіе вывело ее изъ ея привычекъ, она не разъ объ этомъ думала; ей было свободнѣе думать не дома. Но думы были смутны, въ сожалѣніяхъ было больше горя нежели горечи, въ воспоминаніяхъ много тоски, но тоски отъ пустоты и въ пустотѣ. Все вмѣстѣ бросало въ тяжелую усталость и отнимало послѣднія силы... Но было ли что отнимать, были ли силы? И безъ того, всегда голова Анны Александровны покорно наклонялась предъ всѣмъ, предъ всѣми, кто пробовалъ надъ ней свою силу. Теперь, она наклонилась еще больше, полнѣе понявъ какъ всегда была беззащитна... Но по привычкѣ и отъ кротости, она опять обвинила сама себя.

— У меня такой характеръ, что я ни на что не гожусь, сказала она себѣ въ слезахъ, не отдавая себѣ отчета, что такое это „ни на что“. Въ ея памяти мелькнули и неудачные выѣзды, и свѣтскія недовкости, и хозяйственные безпорядки, и неумѣнье сближаться съ людьми, и шалости дѣтей, въ которыхъ она считала себя виноватою, все мелочи, все вздоры, съ своими крохотными подробностями, утомляющею возней, тошными дразгами: для нея они складывались во что-то огромное и страшное. Она говорила себѣ, что, на ея мѣстѣ, другая сумѣла бы сдѣлать всѣхъ счастливыхъ вокругъ себя, привязать къ себѣ, значить что-нибудь, а теперь...

— Господи! Фанни не довольна, тетушка вообразила не знаю что; за эту несчастную любовь Лиза оскорблена, братъ... братъ имѣеть полное право...

Но помянувъ о своей несчастной любви, Анна Александровна попала въ такую путаницу, изъ которой выйдти уже не могла и потеряла послѣднюю способность соображенія... Но что и соображать? Она несчастна, кругомъ несчастна, немилубима, отброшена всѣми и заслужила это...

Но предъ нимъ, предъ Евгеніемъ, чѣмъ она виновата? И теперь, не за него ли она страдаетъ?

Онъ благородный человѣкъ, онъ пойметъ это...

Что долженъ былъ понять Куличовъ, она сама не знала. Въ тѣхъ порывахъ горя, когда воображается невозможное,

ей казалось, что теперь, ей, всѣми отверженной, Куличовъ одно прибѣжище. Уставая отъ слезъ, она убаюкивала себя этою мыслью; ей пришло въ голову, что надо благодарить Бога за эту мысль; она становилась на колѣни и молилась, — странно, точно ожидая, что Куличовъ войдетъ въ эту минуту. Она сама не знала чего надѣялась, чего хотѣла; предъ ней мелькали сцены примиреній, чьи-то ласки, чьи-то хорошія слезы; ей почему-то мерещилось будто и комнаты ярче освѣщены и какъ-то все нарядно кругомъ, и всѣмъ весело; тетюшка смѣется, и Фанни весела, съ ней Измишинъ, а онъ Евгенийъ...

Аня Александровнѣ вдругъ стало стыдно и все исчезло: она какъ-то вдругъ поняла, что ей мечталось. Съ горькими слезами возвратилась она къ дѣйствительности...

Она рѣшилась еще переговорить съ Лизой. Лизавета Юрьевна не уклонялась отъ разговоровъ. Она объявила давно, что не принадлежитъ и не желаетъ принадлежать къ числу провинціалокъ стараго покроя, охотницъ переливать изъ пустаго въ порожнее и кричать будто домъ горитъ, а потому, хотя сто разъ повторила, что оскорблена выше всякаго вѣроятія, но веда объясненія прилично, не возвышая голоса. Въ этихъ объясненіяхъ ничего понять было не возможно, кромѣ того, что Лизавета Юрьевна была убѣждена, что такой порядокъ вещей существовать не можетъ и все должно разъясниться. Она постоянно просила Анну Александровну подумать. Анна Александровна почти помѣшалась, думая.

Это продолжалось два дня. Ельниковъ довершалъ мученія сестры то плоскими шутками, то нешуточнымъ, хотя сдержаннымъ гнѣвомъ; предлоговъ на гнѣвъ не оказывалось — онъ гнѣвался, придираясь къ пустымъ словамъ, къ неисправностямъ прислуги. Лизавета Юрьевна видѣла и знала, что все это относится не къ ней, а къ сестрѣ, тѣмъ не менѣе принимала видъ жертвы, — гордой, презирующей, но все-таки жертвы. Она не упрекала Анну Александровну, но говорила:

— Вотъ чѣмъ я обязана вашей сестрѣ! Изъ этого вздора, Измишина! Она такъ меня ненавидитъ... ей было тяжело видѣть, что я счастлива...

Лизавета Юрьевна заговорила было о семейныхъ несчастіяхъ, супружескихъ печаляхъ, existences brisées, но появъ

что этотъ тонъ ей не по голосу, заключила кратко и ясно, что она этого не потерпитъ, что она заставитъ мужа перемѣнить службу и уѣхать изъ Н., лишь бы во вѣки не встрѣчаться съ тетужкой и Федосьей Александровной.

— Только этого не доставало! прибавила она, какъ будто переселеніе было ужь окончательно рѣшено:—не доставало вздорнымъ старымъ дѣвамъ заставить человѣка семейнаго, не Богъ знаетъ съ какими средствами, бросить свой домъ, свои привычки, мѣсто своего рожденія, и скитаться по свѣту...

Анна Александровна выплакала всѣ свои слезы. Прошло еще нѣсколько дней. Она получила записку отъ Фанни. Фанни единственно желала выразить чувство негодованія къ поступкамъ невѣстки и брата, и негодованія смѣшаннаго съ сарказмомъ на поведеніе Анны Александровны записка не имѣла другой цѣли. Анна Александровна получила и прочла ее, не разобравъ, въ лихорадкѣ, облила эти строки слезами, вообразила, что въ нихъ шагъ къ примиренію, полетѣла съ ними къ Лизаветѣ Юрьевнѣ, и только прочтя ихъ въ другой разъ, передъ ней, поняла, что это ругательство. Она остолбенѣла. Лизавета Юрьевна спросила вспыхнувъ:

— По какому праву вы приходите читать мнѣ это?

— Lise, я думала...

— Нѣтъ, я думаю, прервала Лизавета Юрьевна:—что я страдаю по милости *васъ*, вашей романтической страсти... такъ я надѣялась, что у васъ найдется хотя капля здраваго смысла,—не совѣсти, не раскаянія,—а просто, смысла, такта...

Звонокъ и прїездъ гостей прервали объясненіе. Всѣ эти дни Лизавета Юрьевна принимала по обыкновенію; въ городѣ никто и не воображалъ „терзать ея добраго имени,“ никто не подозрѣвалъ что происходило въ ея домѣ: тетужка Катерина Федоровна бурлила у себя и слѣшкомъ боялась племянника, чтобы дѣлать огласку. Тѣмъ не менѣе Анна Александровна признала себя преступницей и рѣшилась внезапно: схватила шляпку, шубу и побѣжала къ теткѣ. Ей казалось, что надо переговорить, оправдать Лизу, что надо о чемъ-то умолять тетку... Порывъ рѣшительности перешелъ въ страхъ, когда Анна Александровна достигла

дома тетки. Она почти обрадовалась, узнавъ, что ни тетки, ни сестры вѣтъ дома.

— Скажите, что я была, что мнѣ нужно ихъ видѣть, произнесла она безсознательно, уже не помня зачѣмъ пришла и взявшись за скобку двери, чтобъ уйти.

— Анночка, это ты? раздался голосъ изъ залы.

Марья Петровна, пользуясь тѣмъ, что хозяекъ не было дома, прохаживалась по комнатамъ, непричесанная и волоча свою смятую блузу.

— Пойдемъ ко мнѣ, оказала она, уводя Анну Александровну къ себѣ въ комнату:—мы съ тобой сто лѣтъ не видались.

— Да, ровно недѣлю, какъ пріѣхали, отвѣчала Анна Александровна, по учивой привычкѣ помнившая всѣ свиданія и всѣ разлуки съ знакомыми.

Съ той минуты, какъ съ ней заговаривали посторонніе, Анна Александровна уже не считала себя въ правѣ принадлежать себѣ, думать о себѣ,—и потому, ея первыя слова пріятельницъ были не разказъ о собственныхъ горестяхъ этой недѣли, а вопросъ:

— Чтò жь дѣлала, какъ провела время, Машенька?

— Отлично, другъ!.. Анфиса, торопись, матушка, съ кофеемъ, я голодна ужасно... Отлично, другъ, время провожу; сейчасъ только отъ обѣдни; у Покрова архіерей пріѣхалъ освящать... Что за старичокъ милый!.. Тетуська твоя съ сестрицей тамъ тоже были и отправились на пироги къ церковному старостѣ; ну, а намъ куда въ такой почетъ! Онѣ въ каретѣ, а я на савочкахъ, на извозикѣ. И досада какая — пѣвчіе тоже всѣ на пироги ушли... а то бы я пѣшкомъ оттуда...

— Вѣдь это далеко, Машенька.

— Намъ это ничего, въ пріятномъ обществѣ... Да чтò же я тебѣ не скажу? Павелъ Максимовичъ былъ!

— Павелъ Максимовичъ?.. повторила Анна Александровна, которой на этотъ разъ измѣнила память.

— Ну, да, былъ, былъ! восклицала въ восхищеніи Марья Петровна.—И золь же! я его разозлила: онъ на меня взглянетъ, а я отъ него отвернусь; онъ взглянетъ,—а я отвернусь; онъ поближе пробирается, а я будто не замѣчаю, будто молюсь. Я стояла у самага крылоса, подъ колокола-

ни... Ахъ, другъ, какъ они грянули многолѣтне, я даже издрогнула! *Мой* такъ за всѣхъ отличился...

— Твой? спросила Анна Александровна: — твой? который же?

Марья Петровна заилась смѣхомъ:

— Ты, другъ, ничего не знаешь! *Мой* у меня вѣдь новельскій, архіерейскій октава, чернѣй такой, прелесть что! Я его еще тогда, на Рождество замѣтила, ну, а эту недѣлю архіерей... право, милый какой!.. все служилъ да служилъ, все праздники. А я, куда архіерей, туда и я. Къ крылосу, заговорила, познакомилась съ октавой... Эти птицы скоро на руку идутъ! Выйдемъ вмѣстѣ, идемъ, вмѣстѣ. Они и раннія обѣды пѣли, я и къ раннимъ. Итакъ въ недѣлю у насъ двѣнадцать свиданій съ нимъ было.

Анна Александровна подумала, что въ эту недѣлю ни разу не видѣла Куличова; эта мысль въ одну минуту и разомъ напомнила ей всѣ ея горести.

— Я хотѣла тебя спросить, Машенька, начала она:— не могла ли ты какъ-нибудь понять, за что тетенька на меня сердится? И Фанни. Я тебя увѣряю, душа моя, что съ моей стороны... ты меня знаешь. Я ничего ей кромѣ добра не желаю. Еслибъ я знала, что она надѣется составить партію съ Измишивымъ...

Марья Петровна въ эту минуту привималась за кофе и потому развлеклась отъ собственного разказа; при имени Измишина, она покатила отъ смѣха.

— Охъ, Анночка, не мори! Еслибы ты видѣла, какія она штуки выдѣлываетъ, твоя сестрица! Сѣтку съ золотыми бусами себѣ купила. Онъ ей конфеты возить, брата твоего ругаютъ... А, да ну ихъ! Она меня въ убытокъ ввела, твоя Фанни. Я терпѣть не могу по лавкамъ вашимъ шататься, а ее хлѣбомъ не корми, только пошай. Я ее и прошу купить сатианъ-дублю чернаго... Ужь признаюсь тебѣ хотѣлось отцу Іакинѣу подарить, куда ни шло! Онъ вѣдь заѣсъ былъ, отецъ Іакинѣ. И зла же была твоя тетушка: звала звала его къ себѣ, а онъ глазъ не показалъ. А я такъ съ нимъ видѣлась. Ну, и хотѣлось мнѣ ему презентъ. Фанни твоя и купи мнѣ гро-гро, цѣлковымъ на аршинъ дороже,—шутка, ты скажи! Да ужь такъ и быть, разозлилась я, а дѣлать нечего, отвезла ему,—а онъ мнѣ, другъ, просвиру, вотъ этакую! и образокъ. За это я ему очень

благодарна, за его благословеніе, прибавила Марья Петровна серьезно:—и посмотри, какой образокъ! въ окладѣ, и живопись хорошая.

Анна Александровна набожно перекрестилась, и посмотрѣвъ образокъ, подѣлывала его; у нея набѣжали слезы.

— Вотъ и разорила меня твоя Фанни, а то я разчитывала другой презентъ одѣвать... обоихъ ужъ не обидѣть!... пѣвуу моему прекрасному; октавочкѣ моей. Вѣдь шинелька вѣтеркомъ подбитая и предъ товарищами совѣство; тѣ всѣ разодрѣты, расфранчены, а онъ, красота такая, кое въ чемъ; даже жалко. Носъ въ воротникъ кошачій спрячетъ, тѣмъ и грѣбется. И оттуда голосенокъ его милый:—„Блаженъ мужъ...“ Ахъ, другъ, какъ онъ это поетъ! ты бы заслушалась... Поѣдемъ сегодня ко всенощной; хочешь?

— Нѣтъ, душка, мнѣ некогда... сказала Анна Александровна, ошеломленная.

— Все тебѣ некогда. Я сегодня ѣду въ послѣдній разъ, прощаюсь; завтра чѣмъ свѣтъ домой къ себѣ въ деревню.

— Ты ужъ увѣжаешь?

— Что жъ мнѣ тутъ дѣлать, помилуй скажи? Архіерей ѣдетъ куда-то, и *они* съ нимъ всѣ, пѣвчіе. Съ тетужкой твоей сидѣть, мое почтеніе!... Вотъ мнѣ жаль только, съ пустыми руками я съ *ними* прощусь. За то, какъ только у меня съ обозомъ изъ Москвы воротятся, я ему сукно, и подкладку, и воротникъ, всю шинель однимъ почеркомъ... Павелъ Максимовичъ мой сегодня все плечи къ верху поджималъ, воротникъ новый показывалъ; приказничка противный, крапивное сѣмя!... Вотъ, другъ, какая я стала: ужъ если разлюблю, брошу,—не знаю какъ мнѣ гадокъ человекъ дѣлается, и бѣгаю отъ него, боюсь, какъ бы въ самомъ дѣлѣ съ дерзости не отомстилъ. Я нынче, другъ, свѣтскими, даже приказными, не занимаюсь, у меня все левицы; вотъ, октавочка моя голосиста... Ахъ, постой, я тебѣ еще что разкажу!... Прибирай, Анфиса; что жъ, конфеты мнѣ принесли?

Анфиса положила на столъ мѣшокъ съ конфетами и стала убирать чашки.

— Ышь, другъ, продолжала Марья Петровна: — что ты осовѣла? Кофею не пьешь, ну хоть сладенькаго. Я, вотъ, съ утра. Твоя Фанни меня разманила; ей все ея женишокъ возить, мнѣ и захотѣлось. Думаю, что жъ мнѣ себя не по-

гнать? да фунта по два всякій день и потышаюсь. Ничего больше есть не могу: дай все сладкаго. Расположеніе такое: сладкое пѣніе, сладкія рѣчи... и уста сахарныя...

— Машенька, научи меня, что мнѣ дѣлать? сказала вдругъ Анна Александровна.

Марья Петровна не отвѣчала ничего, хотя не встревожилась; ее затруднялъ не смыслъ вопроса, а то, что ей предлагали вопросъ, ее вызывали думать. Она молчала, покуда Анна Александровна заливалась слезами.

— Да что я тебѣ скажу, другъ? выговорила, наконецъ, Марья Петровна: — нечего тебѣ дѣлать; оставайся какъ есть.

— Но ты пойми, Машенька, душа моя,—всѣ противъ меня...

— Плюнь на всѣхъ, равнодушно отвѣчала Марья Петровна.

Прошло еще нѣсколько минутъ молчанія и слезъ. Марья Петровна съѣла нѣсколько конфетъ и, казалось, надумалась.

— Брось ихъ всѣхъ, живи одна.

— Э, Машенька! возразила Анна Александровна съ кроткимъ упрекомъ:—какъ это!

— Вотъ какъ я. У тебя есть деньги, отдай ихъ по рукамъ, чтобы процентъ больше; найми себѣ комнатку три и живи. Я сама такъ буду жить; въ деревнѣ теперь жить нельзя. А въ городѣ, другъ, да это наслажденіе! Конечно, ты къ свѣту привыкла, ну, отвыкни; разборчивость свою аристократическую отложи. Ты еще и собой недурна... Э, другъ, свѣтъ клиномъ не сошелся, и подучше твоего Куличова найдутся! Ты не взыщи: я его всегда дуракомъ считала... Да чтобы я, на твоемъ мѣстѣ, когда по его милости житья нѣтъ, чтобы я ему не отомстила, не взяла бы другаго? да я не я! Я, вотъ, Павла Максимовича,—ужь ничѣмъ, бѣдненькій, не виновать, по совѣсти говорю,—и то,—надо-тъ—въ три дня въ отставку. И ты по моему. Съ родными своими не встрѣчайся, а встрѣтись—не плавайся; они сами по себѣ, а ты сама по себѣ. Что ты, не человекъ, что ли? ты и сама можешь собой располагать. Не знайся ни съ кѣмъ. Развѣ такъ не живутъ? за что твоя молодость прошла? красота Богъ знаетъ куда дѣвалась? все даромъ? Я когда на тебя посмотрю, да подумаю: вѣдь ты не жила.

Все при братцѣ, при дѣтяхъ, при пеленкахъ, при куклѣ; невѣстка носы срываетъ, на балъ тебя повезутъ Христа-ради, чуть не побитую; все чопорности, да приличія... Вѣдь, знаешь, еслибы ты и съ Куличовымъ не такъ фигурно держалась,—и съ Куличовымъ было бы не то...

— Что жъ было бы? прервала Анна Александровна.

— Ужь я не знаю что, да не то. Ты какъ-то все мамула... ты меня изводи. Я бы съ нимъ рѣшительно. Ну, любить, такъ ужъ любить совсѣмъ, какъ слѣдуетъ. А то, что это твоя любовь, прокислая, стоячая вода какая-то, ни то, ни се!

— Что жъ дѣлать! повторила еще разъ, въ слезахъ, Анна Александровна.

— Вотъ, заживи одна, найди себѣ милаго.

— Я никого кромѣ его любить не могу! вскричала Анна Александровна, рыдая.

— Ну, тогда и его люби, пожалуй, если еще есть охота. Увидишь, на свободѣ и онъ не откажется...

— Машенька, ты Богъ знаетъ что говоришь! прервала Анна Александровна, вскочивъ съ мѣста, съ ужасомъ, между тѣмъ какъ пріятельница хохотала, лежа на подушкахъ.

— Машенька, ты... не знаю что!

— Самъ лукавый, отвѣчала Марья Петровна, глядя на нее и забавляясь.

— Нѣтъ, послушай, продолжала Анна Александровна:— ты знаешь какъ я несчастна... ты знаешь, что это мнѣ никогда и въ голову не приходило... какъ же ты можешь говорить... грѣхъ такой!...

— Я, другъ, изъ всѣхъ вашихъ стиховъ только одинъ знаю и одинъ люблю:

За чѣмъ же то что въ грѣхъ вводило,
Такъ было хорошо и мило?...

— Господи Боже мой, продолжала Анна Александровна, всплеснувъ руками и поднимая къ образу свои кроткіе глазки, всѣ утонувшіе въ слезахъ:—Господи Боже мой, лучше умереть!... Машенька, другъ ты мой, ты такая христіянка: какъ же тебѣ въ мысляхъ входить?..

— Э, матушка, я вѣдь не на исповѣди! прервала Марья Петровна очень обиженная:—не навязываю я тебѣ никого, ни Куличова твоего, дѣлай что хочешь! Добродѣтель твоя

распугивалась очень,—ну, поди къ своей матери Митродоръ,—вотъ, къ тетускѣ своей поди; кстати воротилась, вопрекиваетъ... Амфиса! прибавила она, вставая съ постели:—дай одѣться, и веши мнѣ извощика привести, хорошаго, съ помостью; я кататься поѣду.

— Тетенька ваша прѣехали, доложила между тѣмъ Амфиса Аннѣ Александровнѣ,—онѣ знаютъ, что вы здѣсь, имѣ сказывали.

Но Анна Александровна, не слушая, ужъ надѣла шляпку и бѣжала въ прихожую, а оттуда на улицу.

Гнѣвъ тетуски былъ великъ, когда она узнала объ этомъ посщевіи и бѣгствѣ. Свѣдѣніемъ гнѣва была записка, въ которой говорилось о гнусномъ шпіонствѣ Лизаветы Юрьевны подсылающей свою наперсницу подслушивать въ чужихъ домахъ, о подлости Анны Александровны взявшей на себя эту роль; поведеніе Ельникова, дозволяющаго эти вещи, называлось просто и кратко свинствомъ. Тетуска и Федосья Александровна не поскупились на сильныя выраженія. Записка была писана четко, не запечатана, имена въ ней вошли буквами; относившему ее лакею стоило обронить ее на улицѣ, чтобы семейныя драмы Ельниковыхъ сдѣлались извѣстны всякому любопытному постороннему. Записка, впрочемъ, дошла благополучно. Ельниковъ взялся отвѣчать и отвѣчалъ на четырехъ страницахъ большаго формата, въ большомъ конвертѣ, за гербовою печатью. Это было объясненіе полное достоинства; сильныя выраженія повторялись подчеркнутыя въ видѣ цитаты, и авторы ихъ приглашались принять ихъ всѣ на свой собственный счетъ. Только въ заключеніе, Ельниковъ позволилъ себѣ иронически прибавить, что если тетуска и сестрица пожелаютъ посѣтить его домъ, то найдутъ на подъѣздѣ цѣпную собаку. Тетуска и сестрица не захотѣли оставаться побѣжденными: онѣ написали еще разъ и еще краснорѣчивѣе. Ельниковъ пожелалъ оставить за собой послѣднее слово и еще разъ отвѣчалъ. По поводу этого отвѣта, у него была сцена съ женою: Лизавета Юрьевна, искренно желая чтобы онъ отвѣчалъ, удерживала его, умоляла не волноваться, бросить эти дразги. Въ сумерки, отъ тетуски пришло третье посланіе. Прочтя, Ельниковъна шелъ приличнымъ выйдти изъ себя, изорвалъ записку въ клочки, побилъ посланнаго, и, въ присутствіи нѣсколько неизумленной прислуги,

послалъ тетюшку и сестрицу къ чорту. Затѣмъ, слегка задыхаясь, онъ отдалъ своимъ людямъ приказаніе не принимать больше никакихъ посланныхъ и посланій и не знаться съ челядью Катерины Федоровны. Въ домѣ все притихло. Лизавета Юрьевна такъ старалась дать не замѣтить мужу нервнаго припадка, котораго у нея не было, что Ельниковъ, возвращаясь съ погрома изъ лакейской и мимоходомъ вскидывая стулья, спросилъ, не нужно ли доктора. Лизавета Юрьевна отказалась, но порывисто взявшись за книжку будто за прибижище, казалось, не могла придти въ себя и, молча, вздыхала. Когда эти вздохи были исполнены уже нѣсколько разъ, Ельниковъ, чтобы кончить, подошелъ поцѣловать ея руку и ушелъ по обыкновенію выспаться передъ вечеромъ.

Лизавета Юрьевна бросила книжку и закрыла лицо руками.

Анна Александровна сидѣла у окна, молча, не шевелясь, окаменѣлая; ея не спрашивали во время переписки, съ нею не говорили. Лизавета Юрьевна помнила, что надо забыть спросить лампу и на столѣ передъ нею мерцалъ низенькій огарокъ, зажженный второпяхъ, для прочтенія послѣдняго посланія. Въ комнатѣ былъ странный и непріятный полусвѣтъ. Вошли дѣти, Катя, Петя и Юрочка, и притихнувъ отъ тишины и темноты, стали всѣ трое вокругъ тетки Анны, положивъ ручки на ея широкую юбку. Лизавета Юрьевна вдругъ отняла руки отъ лица и порывисто позвонила. Вбѣжала нянька, но залѣ слышалось какъ бѣжалъ лакей.

— Уведите дѣтей! проговорила Лизавета Юрьевна и прибавила, неизвестно кому объясняя свои чувства:— я не могу ихъ видѣть!..

Анна Александровна тихо встала, тихо и ровно вышла изъ комнаты, и не оступаясь на дѣстища, взшла къ себѣ наверхъ. Тамъ она сѣла тоже у окна, глядя внизъ на темный дворъ и слушая какъ стучало ея сердце...

Х.

Въ слѣдующіе два дня, Анна Александровна убѣдилась, что, въ самомъ дѣлѣ, ей надо какъ-нибудь постараться выйдти изъ своего положенія. Холодное и молчаливое гоненіе, ко-

торое подвлялось на нее, было невыносимо именно потому, что отрывало от нея всё предметы ея привязанности и все-таки не могло вырвать чувства привязанности из этой кроткой души. Братъ смотрѣлъ на нее и будто не видѣлъ; Лизвета Юрьевна видѣла ее и не говорила съ нею ни одного слова; дѣтей не допускали къ ней; она слышала какъ ихъ бранили, если они просили идти къ ней въ комнату; при ней Лизвета Юрьевна разсердилась на Катю, что она играетъ въ грязныя тряпки, и бросила въ печку куклу, которую Анна Александровна сшила для дѣвочки этими днями, найдя среди всей своей печали, время и соображеніе убрать эту куклу въ ленточки и кружева. Анна Александровна сидѣла въ гостиной молча, и работала по обыкновенію; она считала своимъ долгомъ не уходить, боясь, чтобъ этого не приняли за злость съ ея стороны. Она рѣшилась выйдти только услыша, что пріѣхалъ кто-то; ей было совѣстно показать постороннимъ свое лицо, а совѣстно не за себя: что подумаютъ о братѣ, о Лизѣ?.. Но уходя, она узнала голосъ Кудичова.

Это довершило и переполнило мѣру ея терпѣнія. Рыдая, она упала на свою постель и, забываясь, выговорила громко: — Я не могу тамъ быть...

Она не сошла обѣдать; ея не спросили почему. Вечеромъ, являнка принесла ей чаю. Анна Александровна приняла это за вниманіе и доказательство любви, но ошиблась: старухѣ было приказано, а иначе, какъ сама она выразилась, она бы не поспѣла. Анна Александровна съ ужасомъ увидѣла, что даже прислуга, которая никогда не слышала отъ нея ничего кромѣ ласковыхъ словъ, которую она защищала въ ея винахъ, которой помогала, о которой заботилась, — что эта прислуга, изъ страха, изъ угодливости господамъ, сторонилась отъ нея, грубила, какъ будто тоже имѣла причины гнѣваться; въ глазахъ этихъ людей, барышня, которой никогда голоса не было слышно, провинясь предъ господами, стала ужъ вовсе такъ, чѣмъ-то что держали въ домѣ изъ милости, меньшая изъ меньшихъ, которую, если еще нельзя было обижать, то считать за ничто было можно. Отвратительное чувство, котораго Анна Александровна и назвать не умѣла, потому что до сихъ поръ не имѣла о немъ понятія, сжало ея душу, испугало ее, прогнало слезы; грязная обида придавала ей что-то похожее на силу.

„Я вѣдь ни въ чемъ не виновата, сказала она себѣ: это мнѣ за то только, что Фанни разсердилась, зачѣмъ не приняла Измашина... Господи Боже мой, за такую малость!...“

Но здраваго размышленія и силы достало, конечно, только на мигу. Она упрекнула себя за ропотъ, потомъ заплакала слезами, подумавъ, что такой малости было довольно чтобы разрушить все ея счастье... Но счастье ли? Ея здѣсь никто не любилъ!..

Она провела и другой день въ своей комнатѣ. Не сойдя съ утра, въ часъ обѣда ей показалось недовко; рѣшившись, наконецъ, сходя, на половинѣ лѣстницы она услышала, что Лизавета Юрьевна говорила нянькѣ:

— Не знаю, какъ наша затворница глаза покажетъ.

Анна Александровна воротилась наверхъ. Она сочла преступленіемъ, что не показывала глазъ; этотъ поступокъ былъ такъ не похожъ на все что она дѣлала прежде, что она не знала какъ его поправить. Она тосковала по своимъ гонителямъ.

Вечеромъ, Бѣльниковъ и Лизавета Юрьевна куда-то уѣхали. Анна Александровна сообразила, что лучше ей сойдти теперь, въ ихъ отсутствіе, чтобы воротясь, они застали ее уже тамъ,—и сошла въ залу. Дѣти играли; они обрадовались, увидя ее. Нянька увела ихъ тотчасъ; отъ страха ли господь, или по собственному побужденію, но она не дала отвѣта, не только объясненія на просьбу Анны Александровны, оставить хоть Петю. Были ли запуганы дѣти, или ужъ отвыкли отъ тетки въ эти десять дней,—какъ ихъ отдадали отъ нея,—но они ушли послушно, даже безъ жалобъ. Анна Александровна осталась одна. Лакей вошелъ съ намѣреніемъ погасить лампу, будто въ залѣ никого не было. Анна Александровна сказала, въ первый разъ въ жизни, отрывисто и съ досадою:

— Я останусь здѣсь.

Она привыкла ходить по залѣ. Прогулка взадъ и впередъ въ пустой комнатѣ,—занятіе знакомое порывнымъ и страстнымъ характерамъ,—было ей ново. Она никогда не проводила своихъ вечеровъ безъ дѣла; она никогда не ходила такъ скоро, оглядываясь на свою мелькающую тѣнь, останавливаясь безъ мысли, раздражаясь шедестомъ своего платья. Она не думала, но сама себя не узнавала...

Раздался звонокъ. Анна Александровна хотѣла бѣжать, но услышала голосъ въ прихожей: гостю отказывали. Это былъ Куличовъ. Она отворила дверь.

— Евгений Андреевич!

— А, здравствуйте! сказалъ онъ, колеблясь,—сжимать ли пубу.

— Войдите.

Она ждала на порогѣ залы. Куличовъ вошелъ, она затворила дверь.

— Одна? спросилъ онъ.

У Анны Александровны помутилось въ глазахъ, подогнулись ноги; она зарыдала и бросилась ему на шею.

— Что такое?... сказалъ Куличовъ и отсторонился немного.

Она этого не замѣтила, продолжая плакать.

— Что такое? повторилъ Куличовъ.

— Послушайте... послушай... выговорила, наконецъ, Анна Александровна.

— У васъ несчастье какое-нибудь?

— Нѣтъ, слава Богу, не несчастье... Вотъ что... Евгений, жизнь моя, милый мой, скажи мнѣ одно слово!...

— Что сказать? Что только отъ меня зависитъ...

— Право? ты такъ говоришь? такъ? попрежнему?

Куличовъ испугался ея радости, больше нежели сконфузился отъ ея слезъ и даже объятій.

— Если только я могу что-нибудь... сказалъ онъ въ неопытномъ затрудненіи человѣка, для котораго нѣтъ хуже наказанія, какъ принимать участіе въ комъ-нибудь:—что въ моихъ средствахъ, то, конечно...

Она взглянула ему въ глаза и встрѣтила его нерѣшительный взглядъ; ей показалось въ немъ другое чувство, то, котораго ей хотѣлось.

— О, Господи! вскричала она съ радостію:—ты все такой же, такъ же хорошо смотришь! Жизнь моя, счастье мое!... Послушай, я тебѣ этого никогда не говорила... Богъ свидѣтель, и не сказала бы никогда, не осмѣлилась бы советовать; ты самъ знаешь что нужно дѣлать, а я тебѣ вѣрю, вѣрю, какъ не знаю кому!... Но я въ такомъ положеніи... это ужасъ! Тетушка, Фанни... брать... Боже мой, даже люди въ домѣ,—все противъ меня! Не знаю за что, меня всё возненавидѣли! Мнѣ надо уйдти отсюда, я не

могу здѣсь быть... Вы знаете, я никогда бы не рѣшилась, но это, просто, не возможно. Даже для мамы будетъ лучше, если я уйду; моя обязанность не стѣснять ихъ... о, какъ горько! Я все плачу, недѣлю, больше плачу, день, ночь...

Она говорила и плакала, а тутъ задохнулась отъ слезъ.

— Неприятности съ родными? спросилъ Куличовъ.

— Ты мнѣ одинъ остался! отвѣчала она.

Куличовъ тихонько вынулъ свою руку изъ ея руки, и взглянулъ на дверь. Анна Александровна подняла голову и смотрѣла на него. Ея взглядъ былъ полонъ безконечной, будто прощальной вѣжности, робкой надежды, отчаянной, послѣдней просьбы. Все что было порываго, прошло; она притихла, испугалась, хотѣла говорить и не могла; у нея поблѣднѣли губы.

— Я рѣшилась обратиться къ вамъ, Евгеній Андреевичъ. Это не ловко, это... не знаю что. Такъ, я знаю, не принято... но вы видите мое положеніе. Вы меня знаете давно, мой характеръ... Конечно, я ужъ не молода... но Богъ одинъ видитъ какъ я васъ любила и люблю! Я могу вамъ обѣщать, что если надо будетъ жизнь за васъ отдать... Господи, да что тутъ обѣщать! Вы знаете!... И я не ревнива, Евгеній Андреевичъ; если вамъ иногда казалось, будто я ревновала, это такъ... этого не будетъ. Право, я не очень капризна, мнѣ не много нужно... Мое состояніе, конечно, не велико...

— Вамъ что же угодно? спросилъ нервнительно Куличовъ.

— Женитесь на мнѣ... сказала она, и не отвернувшись, не закрыла лица, только опустила глаза, холодѣя, умирая. Вѣдь вы меня любили... выговорила она тихо, но страннымъ, сжатымъ голосомъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, которыя были ей отвѣтомъ.

Куличовъ подставилъ ей стулъ; она сѣла, сжимая руки и глядя передъ собою.

— Видите что, Анна Александровна, началъ онъ, садясь подлѣ нея:—вы не ошибались, я точно много любилъ васъ, и теперь я васъ такъ много уважаю, что нѣтъ жертвы, кланусь вамъ... Однимъ словомъ, нѣтъ жертвы! Я такъ преданъ всему вашему семейству... Но, согласитесь, если тогда,—десять, кажется, лѣтъ назадъ?—разница возраста была еще не такъ замѣтна, то теперь... Я не говорю, что-

бы вы не могли нравиться, но разница возраста между мужем и женой... И потому, состояніе! Противъ этого аргумента ни я, ни даже вы, ничего не скажете. Состояніе,— это, въ наше время, такая важная вещь... Это всегда было причиною, по которой... по которой я не предлагалъ вамъ никогда моей руки. Вы хотя и не знали этой причины, но надѣюсь, могли всегда быть увѣрены, что какая-нибудь причина существовала. Она существовала, дѣйствительно. Вотъ она, самая деликатная,—надѣюсь, вы ее оцените: я не хотѣлъ связывать васъ бѣдностью. Это было мое убѣжденіе. А теперь, эта же причина существуетъ,—стало-быть, что же я могу сказать? Скажите сами: я долженъ, стало-быть, поступить противъ моихъ убѣжденій?

Анна Александровна молчала.

Куличовъ ободрился. Онъ долго искалъ точки опоры и былъ радъ, что нашелъ ее; онъ попалъ на отговорку. Отговорка была ложь,—Куличовъ былъ далеко не бѣденъ, по-радочно служилъ, получалъ разные наслѣдства,—но фразы о деликатности и убѣжденіяхъ, вообще, очень легко свертываются.

— Скажите откровенно, безпристрастно, продолжалъ онъ:— какъ бы вы сами назвали человѣка поступающаго противъ своихъ убѣжденій? Я не отказывался отъ нихъ во всю мою жизнь; захотите ли вы чтобъ я началъ? Не эгоизмъ ли будетъ съ вашей стороны требовать этого? Не распадется ли вся ваша любовь предъ мыслию, что человѣкъ измѣнилъ себѣ... и для чего же?

Анна Александровна не отвѣчала.

— Видите ли, я правъ, продолжалъ опять Куличовъ:— и любовь ужь не та! Мы съ вами ужь не дѣти. Чувствами шутить нельзя. Вамъ ужь только кажется, что вы меня любите, а въ самомъ дѣлѣ вы ошибаетесь. Въ васъ говорить эгоизмъ. Вы разсердились на вашихъ родныхъ, оскорбились изъ-за ничего, несправедливо,—и въ минуты когда вамъ владѣть чувство досады на вашихъ родныхъ, вамъ кажется, будто вы переносите все чувство любви вашей на человѣка когда-то, давно, пожалуй, и искренно вами любимаго. Но вамъ это только такъ кажется. Вы ужь никого не любите. Такъ, пожалуй, пріязнь, сочувствіе... Я отъ всего сердца васъ уважаю и готовъ это повторить. Вы разстроены, даже нездоровы. Дайте этому пройти, и все

опять войдетъ въ обычную колею, по пословицѣ: „перемелется, мука будетъ,“ милая моя Анна Александровна!...

Онъ хотѣлъ взять ея руку и испугался ея холода, Анна Александровна схватила его руку въ обѣ свои, поцѣловала ее, тихо заплакала, встала и тихо вышла.

Черезъ нѣсколько недѣль, Катерина Федоровна разказывала своимъ гостямъ, что ея меньшей племянницѣ было чудо, видѣнiе, поведѣнiе свыше—оставить все житейское и идти въ монастырь.

— И странность какая, прибавила Катерина Федоровна:—непремѣнно въ Новосрѣтенскую обитель, непремѣнно туда! Не даромъ Анючка какъ съзрѣла, вотъ съ Машенькой Ружковой, въ Серафимову, такъ только и твердила, что о Новосрѣтенской. Помилуй, бывало я говорю ей,—что ты, Анючка? далась тебѣ эта Новосрѣтенская, ничего тамъ особеннаго нѣтъ... Такъ, влеченiе было. А теперь, послѣ этого свидѣнiя, она и совсѣмъ рѣшилась...

Нужно замѣтить, что Анна Александровна не только не разказывала тетукѣ о никогда не виданныхъ снахъ и не твердила о своемъ влеченiи въ Новосрѣтенскую обитель,—но и вовсе не видалась съ тетушкой два мѣсяца, съ тѣхъ поръ какъ ее прогнали, до того дня когда являлась въ черной свиткѣ, покрытая чернымъ платкомъ, и, упавъ въ ноги теткѣ, умоляла о своемъ прощенiи.

— Богъ, матушка, и грѣшниковъ прощаетъ, великодушно отвѣчала Катерина Федоровна, подаявъ кающуюся.

Федосья Александровна тоже простила сестру.

Это было предъ началомъ поста, Марья Петровна прѣхала въ городъ, слушать мѣщанскія въ архіерейской крестовой, и въ ожиданiи первой недѣли, остановилась у Катерины Федоровны въ комнатѣ, которую всегда занимала.

Анна Александровна пришла къ ней, измученная сценами примиренiя и убѣгая гостей, которыя въ эту минуту защебетали въ гостиной тетушки. Слышалось, какъ приказывали ставить карточный столъ, чтобъ еще успѣть поиграть до блиновъ, чтобъ не тратить драгоценнаго времени. Веселые голоса были все голоса старческіе и все женскіе. Шутили, что, вотъ, постъ скоро, и всему конецъ и „поклоны“, такъ надо хоть до тѣхъ поръ пожить...

— Анючка, ты это что же вздумала? спросила Марья Петровна.

— Такъ, душка, тихо отвѣчала Анна Александровна, сложа на колѣняхъ свои маленькія ручки, какъ настоящая монашенка.

— Что жь „такъ“? Ты, другъ, съ ума сошла. Если ты тогда огорчилась, что твои перебранились, то вѣдь они съ тѣхъ поръ и помирились, и опять братецъ твой у тетушки козыряетъ, а вѣвѣтка Фанничку нашу сегодня на folle journée везетъ. Видѣла ты какъ Фанничка брови подклеила? Измишинъ будетъ у ней за санями стоять, кататься; дѣло у нихъ на ладъ пошло, цѣлуются, и братецъ твой не прочь; все отлучно, ты чего же бѣжишь? *Своего* бы лучше какъ-нибудь за хвостикъ ловила...

— Охъ, Машенька, Богъ съ тобой!

— Ну, ну, матушка, не смущаю! сказала, смѣясь, Марья Петровна—ты удивить, что ли, кого думала, что ушла отъ нихъ? Никого не удивила: чужіе и не замѣтили, свои не пожалѣли, только сама, Богъ-знаетъ изъ чего... Эхъ, другъ, жила бы да жила! Пожили бы вмѣстѣ, а то захотѣлось къ матери Митродоръ.... Ты какъ себя въ ряефоръ наречешь?

— Евгенія, отвѣчала чуть слышно Анна Александровна.

— Анючка! вскричала Марья Петровна, хохоча и грозя пальцемъ:—а это что? Это не грѣхъ?

— Авось Господь проститъ, отвѣчала Анна Александровна, наклоня голову и закрывая руками свое нѣжное личико.

В. Крестовскій.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА МУРАВЬЕВА
О ВОЙНѢ 1855 ГОДА
ВЪ МАЛОЙ АЗІИ.

Въ № 8 *Русскаго Вѣстника*, за прошедшій годъ, помѣщены были записки мои о взятіи Карса. Цѣль напечатанія ихъ была, какъ и оказалось въ предисловіи, познакомить соотечественниковъ съ этимъ эпизодомъ войны 1855 года въ Малой Азійи, который въ виду громаднѣхъ событій въ Крыму прошелъ какъ-то мало замѣченнымъ, и несмотря на всю свою важность и значеніе, вполнѣ оцѣненные впрочемъ при переговорахъ въ Парижѣ, мало были извѣстны нашей читающей публикѣ. Но всакій, кто прочелъ эти записки, могъ легко замѣтить, что въ нихъ содержится преимущественно только бѣглое повѣствованіе о лагерной жизни нашей, въ послѣднее время блокады Карса, и притомъ повѣствованіе, составленное по впечатлѣніямъ, схваченнымъ какъ бы на лету, на мѣстѣ, и дополненное случайными разнородными показаніями очевидцевъ, а потому и весьма не полное, безъ задуманнаго плана и системы.

Недавно узнавъ я, что бывшій главнокомандующій на Кавказѣ, генералъ-адъютантъ Муравьевъ, пользуясь свободнымъ временемъ въ деревнѣ, занялся составленіемъ подробнаго описанія всей кампаніи въ Азіатской Турціи въ 1855 году, но что трудъ этотъ пока еще не оконченъ.

Полагая, что появленіе въ печати хотя нѣсколькихъ свѣдѣній объ этой кампаніи было бы цѣннымъ приобретеніемъ не только для людей военныхъ, но и для всякаго образованнаго читателя; я обратился къ Николаю Николаевичу Муравьеву, какъ къ прежнему своему начальнику, и просилъ позволенія избрать изъ его книги нѣсколько отдѣльныхъ отрывковъ, для помѣщенія теперь же въ одномъ изъ нашихъ журналовъ.

Даннаго желаніе мое не осталось безъ успѣха, и я, пользуясь даннымъ мнѣ позволеніемъ, избралъ три слѣдующія статьи, независимыя одна отъ другой, но изъ которыхъ каждая представляетъ особый интересъ: въ первой изъ нихъ описываются дѣйствія генерала Вилліамса при образованіи турецкой арміи; во второй заключается взглядъ на значеніе Карса и Эрзурома, а въ послѣдней изображается состояніе нашихъ войскъ въ первое время послѣ отбитаго штурма 17 сентября.

А. КАРСАКОВЪ.

I.

Назначеніе Вилліамса.—Перемѣна турецкаго главнокомандующаго.—Безпорядокъ въ турецкой арміи.—Состояніе каресскаго гарнизона въ ноябрѣ 1854 года.—Шукри-паша.—Неудовольствія между Вилліамсомъ и Редклифомъ.—Вилліамсъ-паша.—Смѣна Шукри-паши.—Васифъ-паша.—Арестованіе Шукри-паши.—Укрѣпленіе Эрзурума.—Укрѣпленіе Карса.—Англійскіе офицеры.—Сила каресскаго гарнизона.—Госпитали.—Продовольствіе.—Требованіе усиленія анатолійской арміи.—Предложеніе мушера оставить Карсъ.—Состояніе турецкой арміи.—Начальники въ турецкихъ войскахъ.—Духъ турецкой арміи.—Дѣйствія Вилліамса.—Силы турецкой арміи при началѣ военныхъ дѣйствій.¹

Въ августѣ мѣсяцѣ 1854 года, англійское правительство, признавъ за нужное назначить комиссара къ турецкой арміи, дѣйствовавшей въ Малой Азійи, избрало для того артиллеріи полковника Вилліамса. По заключеніи Адрианопольскаго мира, Вилліамсъ былъ повѣреннымъ со стороны Англійи при разграниченіи Россіи съ Турціей. Послѣ того, онъ провелъ десять лѣтъ на службѣ въ Остъ-Индіи. Онъ пользовался уваженіемъ своего начальства, и былъ отправленъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, лордомъ Кларендо-

¹ О положеніи Анатолійской арміи въ концѣ 1854 года и въ 1855 году, сообщаются разныя подробности въ перепискѣ, происходившей между англійскимъ правительствомъ и лицами, посланными для наблюденія за дѣйствіями Турокъ. Офіціальныя бумаги сіи, занимательныя по содержанию, были представлены въ обѣ палаты парламента и напечатаны въ видѣ сборника въ Лондонѣ, въ началѣ 1856 года. Овдѣнія ихъ нѣтъ, здѣсь почерпнутыя, дополнены другими изъ записокъ англійскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ каресской кампаніи и обстоятельствами содѣлавшимися въ то время извѣстными самому писателю. За всѣмъ тѣмъ, сей очеркъ не можетъ представлять одинаковую полноту; обѣ швыдхъ предметахъ упоминается слегка, о другихъ же говорится съ большею подробностью; не сега нельзя было избѣжать, какъ потому, что Англичане въ перепискѣ своей преимущественно касались обстоятельствъ больше изъ занимавшихъ, такъ и по затрудненіямъ представляющимъ полному дознанію происходящаго въ непріятельскомъ войскѣ. Не менѣе того, овдѣнія сіи передаются здѣсь въ томъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ ихъ можно было собрать, въ томъ предположеніи, что и частности могутъ служить къ объясненію предметовъ мало доступныхъ въ полномъ объемѣ.

номъ къ англійскому посланнику въ Царьградъ, лорду Стратфорду де-Редклифу и къ командовавшему тогда англійскою арміею лорду Раглану, съ приказаніемъ дѣйствовать, согласно съ послѣднимъ и подъ его начальствомъ. Вилліамсъ засталъ Раглана въ Варнѣ, и получилъ отъ него письменное наставленіе, въ коемъ, жадуясь на разногласіе извѣстій о положеніи турецкихъ войскъ, лордъ Рагланъ поручалъ ему собрать вѣрнѣйшія свѣдѣнія о состояніи ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, дознать также о занятіяхъ турецкихъ начальниковъ и донести о степени ихъ дѣятельности и уваженія, коимъ они пользовались въ войскѣ.

Около того же времени, турецкое правительство, располагая смѣнить Зарифъ-Мустафу-пашу, разбитаго подъ Кюрюкъ-Дере, избрало сперва главнокомандующимъ на его мѣсто Исмаиль-пашу; но онъ скоро отказался ѣхать, отсылаясь тѣмъ, что страдаетъ глазами¹. Тогда назначили временнымъ начальникомъ надъ арміею Шукри-пашу, котораго однакоже Вилліамсъ еще не нашелъ въ Карсѣ, когда прѣзжалъ туда для осмотра войскъ, представленныхъ ему Зарифъ-Мустафою. За исключеніемъ людей, находившихся въ караулахъ и въ прочихъ расходахъ, выведено было въ строй пѣхоты, конницы и артиллеристовъ до 18 т. человекъ, при 84-хъ орудіяхъ, хотя въ то время состояло въ Карсѣ на провіантъ до 28-ми тысячъ человекъ.

Вилліамсъ нашелъ значительные безпорядки. Войско было распущено; множество людей, значившихся по спискамъ,

¹ Спустя довольно времени послѣ того какъ Редклифъ уведомилъ Вилліамса о назначеніи Исмаиль-паши главнокомандующимъ, Вилліамсъ писалъ Кларендону, что по дошедшимъ до него извѣстіямъ, глазная болѣзнь вовсе не угрожаетъ зрѣнію Исмаиль-паши, а служила только предлогомъ для избѣжанія предстоящихъ ему въ теченіи зимы трудовъ въ Малой Азіи. и что въ такомъ случаѣ, съ прибытіемъ его весною къ арміи, онъ никакъ не долженъ былъ надѣяться найти ее готовою къ военнымъ дѣйствіямъ. Вилліамсъ не желалъ назначенія Исмаиль-паши, и въ намѣреніи отклонить оное, сообщилъ Кларендону четыре приказа, посланные коимъ главнокомандующимъ къ арміи еще изъ Царяграда. По 1-му приказу, желтую вымывку на нудирахъ Азиатской арміи должно было загибать красною; 2-й предписывалось офицерамъ носить черныя галстуки; 3-й требовалось, чтобы кисть феса свѣшивалась на лѣвое ухо; 4-й воспрещалось офицерамъ мыться въ банѣ вмѣстѣ съ нижними чинами. Четыре распоряженія сіи указываютъ довольно странное направленіе, господствовавшее въ тѣ тяжкія для Турціи времена между начальниками, коимъ вѣрялось преобразование войскъ.

не выходило въ строй; въ покахъ не занимались учениемъ, не упражнялись въ стрѣльбѣ; люди содержались весьма дурно, не имѣли обуви, одежда и амуниція были въ ищескомъ положеніи; больные безъ призрѣнія гибли въ госпиталяхъ отъ тѣсоты, нечистоты и духоты. Во многихъ частяхъ болѣе года, а въ иныхъ близъ двухъ лѣтъ не выдавалось жалованье; строевыя лошади получали только половинную дачу положеннаго корма, отчего дѣлались неспособны къ службѣ. Лично убѣдившись въ недостаткахъ турецкой арміи, и приведя ихъ съ неутомимою дѣятельностію въ неоспоримую ясность, Вилліамсъ отправилъ къ англійскому посланнику въ Царѣградъ составленныя имъ подробныя вѣдомости о потребностяхъ арміи, прося Редклифа настаивать у турецкаго правительства, дабы поспѣшили выслать изъ Царяграда предметы необходимые для содержанія войска въ порядкѣ; но представленія его остались безъ отвѣта. Онъ также требовалъ отъ мѣстнаго начальства изъ Эрзрума денегъ, для выдачи жалованья; но выслали ихъ только небольшую часть, и то ассигнаціями, не имѣвшими настоящаго курса.

Имѣя въ виду, что Турки въ предшествовавшемъ году лишились въ Карсѣ 18 тысячъ человѣкъ, вслѣдствіе тѣсоты, дурнаго содержанія и возникшихъ отъ того болѣзней, онъ въ избѣжаніе подобнаго на будущее время, предположилъ оставить на зиму въ Карсѣ, соразмѣрно имѣвшемуся тамъ и имѣ лично осмотрѣнному помѣщенію, не болѣе 10 тысячъ человѣкъ, при англійскихъ офицерахъ; остальные же войска, въ томъ числѣ и слабыхъ, отправить на зиму въ Эрзрумъ и окрестъ-лежащіе города и селенія. Указывая все имѣ замѣченное муширу, или главнокомандующему, Зарифъ-Мустафъ-пашѣ, онъ требовалъ отъ него болѣе заботы о вѣренной ему арміи; но встрѣчалъ со стороны Зарифъ-Мустафы-паши равнодушіе и даже неуважительные отзывы, до тѣхъ поръ, пока не погрозился довести до свѣдѣнія султана о его поведеніи. Тогда турецкій главнокомандующій, видя настойчивость Вилліамса, измѣнилъ свое обхожденіе съ нимъ, но ограничивался одними обещаніями тамъ, гдѣ надобно было дѣйствовать.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Вилліамсъ вывелъ, по предположенію своему, лишнія войска изъ Карса и доставилъ Кларедону

слѣдующую таблицу объ оставленномъ имъ тамъ гарнизонѣ:

Состояніе турецкаго гарнизона въ Карсѣ 1854 года.

НАЗВАНІЕ ПОЛКОВЪ.	Число людей.	Командиры.
1-й Арабистанскій пѣхотный	1.076.	Гуссеймъ-бей.
2-й — — — — —	1.528.	Нури-бей.
6-й — — — — —	901.	Кадри-бей.
2-й Анатолійскій пѣхотный	1.762.	Кадри-бей.
6-й — — — — —	1.277.	Али-бей.
2-й пѣхотный (редифъ)	1.564.	Исмаилъ-бей.
1-й пѣхотный (редифъ 2 срока)	2.155.	Османъ-бей.
Батальонъ гвардейскихъ стрѣлковъ	345.	Гуссеймъ-ага.
Саперъ (редифъ)	188.	Хаджи-ага.
1-й Арабистанской команды	490.	Гюсми-бей.
2-й — — — — —	489.	Гассамъ-бей.
Артиллеристовъ	1.446.	

Итого 13,221.

Половыхъ орудій 34; орудій на батареяхъ 67; всего орудій 101.

Лагерь при Карсѣ, 7 ноября.

В. Ф. Вилліамсъ.

Начальство надъ симъ отрядомъ на зиму было поручено Керимъ-пашѣ, при коемъ оставленъ адъютантъ Вилліамсъ Тисдель, съ приказаніемъ блюсти за исполненіемъ распоряженій своего начальника. Продовольствія имѣлось въ то время въ Карсѣ для людей на полтора мѣсяца, а для лошадей на одинъ.

Въ половинѣ ноября, Вилліамсъ возвратился въ Эрзрумъ, а вновь-назначенный Шукри-паша прибылъ въ Карсѣ, гдѣ принялъ отъ Зарифъ-Мустафы начальство надъ аматолійскою арміею; Зарифа же потребовали въ Царьградъ, для преданія, по настоянію англійскаго правительства, суду; но съ перваго пріѣзда Шукри-паши, Вилліамсъ остался имъ также недоволенъ за уклончивость отъ зависимости, въ которой онъ располагалъ его держать. Коммиссаръ жаловался на злоупотребленія полковыхъ командировъ, покрываемыхъ главнымъ начальникомъ, на нетрезвое поведеніе многихъ и на оскорбительное обхожденіе съ присылаемыми изъ Царяграда молодыми турецкими офицерами, получившими образованіе въ Галатскомъ военномъ училищѣ. Узнавъ о разговорѣ между главнымъ начальниками, — не допускать вмѣ-

ительства его въ хозяйственныя распоряженія по войскамъ, онъ донесъ о томъ Кларендону и Редклифу, требуя отознанія Шукри-пашы и преданія всѣхъ виновныхъ суду и наказанію. Вместе съ тѣмъ, Вилліамсъ написалъ Редклифу длинное письмо, конемъ упрекалъ его въ равнодушіе къ пользамъ службы; ибо онъ ни разу не отвѣчалъ на многочисленныя представленія его и не поуждалъ турецкаго правительства къ доставленію требуемыхъ имъ предметовъ снабженія, необходимыхъ для того чтобы возстановить благоустройство въ турецкой арміи и не подвергнуться новымъ бѣдствіямъ въ предстоящую кампанію. Копія съ сего письма была послана Вилліамсомъ къ Кларендону, вслѣдствіе чего возродилась переписка между симъ послѣднимъ и Редклифомъ, который находя упреки Вилліамса неосновательными, а бумаги его слишкомъ обильными, оправдывался, ссылаясь на недѣтельность турецкаго правительства, приведеннаго въ разслабленное состояніе. ¹ Однакоже Кларендонъ не нашелъ посланника правымъ въ томъ, что онъ оставалъ безъ отвѣта требованія Вилліамса, и далъ ему это замѣтить.

Между тѣмъ англійское правительство, убѣждаемо въ необходимости увеличить власть своего комиссара, потребовало отъ султана, чтобы Вилліамсу дано было званіе феракъ, или дивизионнаго начальника. Это было исполнено, послѣ чего Турки стали его называть Ингауизъ-пашою и Вилліамсъ-пашою. Около того же времени, онъ былъ произведенъ своимъ правительствомъ въ бригадные генералы. Въ концѣ 1854 года, Вилліамсъ послалъ изъ Эрзрума въ Топрахъ-Кале четыре баталіона пѣхоты, съ артиллеріей и регулярною кавалеріей, для наблюденія за Баязидомъ, который былъ въ концѣ осени оставленъ нашими войсками, по случаю глубокихъ снѣговъ, затрудняющихъ въ зимнее время сообщенія сего города съ Эриванью, чрезъ Агридагскій хребетъ. Турецкій отрядъ сей въ послѣдствіи времени былъ значительно усиленъ и занялъ оставленный нами Баязидъ. Между тѣмъ, въ Курдистанѣ, одиалось возстаніе, вождь предводительствомъ Эдмиръ-бея, для ускоренія ко-

¹ Положеніе свое въ семъ случаѣ онъ, между прочимъ, сравнивалъ съ положеніемъ человека, приведшаго лошадь къ водопою, но неимѣющаго возможности приулыкать ее лавиться.

его были посланы Шукри-пашою, по распоряженію сераскира и безъ вѣдома Вилліамса, войска изъ Топракъ-Каа въ Сертъ и Дезире. Вилліамсъ, встревоженный сею попыткою дѣйствовать помимо его, написалъ о томъ Стратфорду, прося о снѣжѣ виновнаго другимъ главнокомандующимъ. Представленіе его было уважено, и на мѣсто Шукри назначенъ въ анатолійскую армію главнокомандующимъ Васифъ-Мегмедъ-паша, человекъ старый, кроткій, обладавшій независимымъ состояніемъ, чрезъ что обезпечивалось войско отъ вкоренившагося грабежа.

Васифъ, родомъ изъ нашей Гуріи, селенія Чохлаги, фамиліи Гуджабидзе, былъ взятъ въ плѣнъ Турками на двѣнадцатомъ году отъ рожденія и проданъ на константинопольскомъ рынкѣ извѣстному Решидъ-пашѣ; находясь у него въ услуженіи, онъ принялъ мусульманскую вѣру и получалъ первоначальное образованіе. За услуги Решидъ-пашѣ, Васифъ въ непродолжительномъ времени былъ произведенъ въ званіе капуджи-баша (камергера), и въ послѣдствіи достигъ чина генералъ-майора. Решидъ-паша сдѣлалъ за нимъ и содѣйствовалъ къ повышенію его въ теченіе всей его службы. Его назначили губернаторомъ въ Салоникъ, съ производствомъ въ чинъ генералъ-лейтенанта. Вскорѣ получилъ онъ болѣе важный постъ правителя въ Багдадѣ, а съ званіемъ мушира, или полнаго генерала, въ 1849-мъ году былъ назначенъ въ Трапезунтъ для управленія областію. Въ 1852-мъ году, онъ командовалъ частью войскъ, расположенныхъ въ Анатолиі, и наконецъ возведенъ въ званіе главнокомандующаго анатолійской арміей, къ коей прибылъ въ крѣпость Карсъ, въ началѣ апрѣля 1855 года.

Въ длинныхъ инструкціяхъ, данныхъ Васифъ-пашѣ при отправленіи его изъ Константинополя, въ подробности указаны были всѣ безпорядки, на кои жаловался Вилліамсъ, съ приказаніемъ исправить тѣ, которые были явно обнаружены, и просить у англійскаго генерала объясненія по тѣмъ, которые не были изложены удовлетворительнымъ образомъ; при томъ ему строго предписывалось во всемъ руководствоваться совѣтомъ Вилліамса. Съ такими наставленіями, при извѣстномъ безкорыстіи и мирномъ расположеніи Васифъ-паши, нельзя было сомнѣваться, что онъ поладитъ со змыскательнымъ повѣреннымъ англійскаго правительства, который, основываясь на новомъ званіи своемъ ферика ту-

редкихъ войскъ, еще до прїѣзда Васиѳа, сталъ тѣмъ болѣе настаивать на исполненіи своихъ требованій. Вилліамсъ видѣлъ необходимость преобразовать армію, и не взирая на затрудненія совершить такой подвигъ въ короткое время, не унывалъ и не переставалъ дѣйствовать съ свойственною ему энергіею, безъ пощады преслѣдуя корыстолюбіе и лѣнь, строго въ глаза упрекая начальниковъ и даже сгищая многихъ второстепеннаго званія.

Первымъ дѣйствіемъ Васиѳа, по прїѣздѣ къ арміи, было арестованіе своего предмѣстника Шукри-паши, вмѣстѣ съ его начальникомъ штаба Гуссейнъ-пашою за дурное поведеніе, равно какъ за оскутаніе и дерзости ихъ противъ англійскаго комиссара, требовавшаго наказанія преступныхъ, какъ онъ ихъ называлъ. Оба паши были отправлены въ Царьградъ для преданія суду; но Редклифъ, уже недовольный Вилліамсомъ, въ офиціальной бумагѣ Кларендону жаловался на неумѣстныя къ нему выраженія комиссара и находилъ, что его обращеніе съ Турками не соответствовало дружескимъ отношеніямъ султанскаго двора къ союзнымъ державамъ. Онъ писалъ даже, что поступокъ Вилліамса былъ посадствомъ личности и неоснователенъ, потому что Шукри-паша, по прежнимъ своимъ заслугамъ, пользовался добрымъ именемъ и расположеніемъ генералиссимуса Омеръ-паши, требовавшаго его въ Евпаторію. Въ такомъ образѣ мыслей, посоль встрѣтилъ сочувствіе между главными сановниками султанскаго двора, оказавшими то же участіе къ предмѣстнику Шукри-паши, Зарифъ-Мустафъ-пашѣ, котораго военный судъ оправдалъ. Сераскиръ по сему случаю отозвался даже съ неудовольствіемъ насчетъ власти, присвоенной Вилліамсомъ, говоря, что онъ только что комиссаръ англійскаго правительства, но не главнокомандующій арміею, съ чѣмъ соглашался и Редклифъ. Переписка эта, принявшая колкій оборотъ, служила началомъ къ новымъ неудовольствіямъ, позже еще болѣе развившимся между англійскимъ посланникомъ и комиссаромъ; но не взирая на сіе, Вилліамсъ продолжалъ дѣйствовать съ тою же рѣшимостію, и турецкое правительство, побуждаемое англійскимъ, начало высылать предметы потребныя для вооруженія и снабженія арміи. Въ Анатолиі стали набирать рекрутъ, для укомплектованія полковъ.

Оставаясь въ Эрзрумѣ, Вилліамсъ обратилъ вниманіе на

укрѣпленіе онаго, гдѣ кромѣ батарей воздвигнутыхъ въ окрестностяхъ, устроены были въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, по дорогѣ къ Балзиду, укрѣпленный лагерь при Деве-Бююку. Исполненіе сего было поручено, съ осени 1854 года, инженеръ-полковнику Кааладрезаи, родомъ Итальянцу, находившемуся, какъ и многіе другіе иностранные офицеры, волонтеромъ при турецкихъ войскахъ. Ранѣе весной 1855 года, Вилліамсъ лично руководилъ еими работами, въ производствѣ коихъ побуждалъ жителей Эрзурама какъ мусульманъ, такъ и Армянъ. Находившійся при немъ выходецъ Шварценбургъ, называвшій себя полковникомъ бельгійской службы и барономъ, былъ имъ посланъ для осмотра и укрѣпленія всего пути до Балзида, въ Гассакъ-Кале Кѣрни-Кѣвъ и Топрахъ-Кале. ' Такъ какъ до Вилліамса доходили слухи о намѣреніи нашемъ дѣйствовать наступательно, то онъ посѣбно посматривалъ за войсками, отпавляемыми, какъ выше было сказано, безъ его разрѣшенія изъ Топрахъ-Кале съ Вели-пашою для усмиренія Курдистана.

Не съ меньшею дѣятельностію продолжалъ занятія свои, по устройству военной части въ Карсъ, адъютантъ Вилліамса Тисдель, оставленный при Керимъ-пашѣ. Люди стали получать хорошую пищу и въ полкахъ занимались ученіемъ. Турки продолжали до конца ноября мѣсяца 1854 года работы на укрѣпленіяхъ, предпринятыхъ ими сначала войны. Имъ была указана правильная оборона крѣпости, и артиллерию привели въ порядокъ. Кромѣ имѣвшихся въ ящикахъ зарядовъ, припасено было еще по 400 на орудіе; но Вилліамсъ домогался имѣть по 1200 зарядовъ на каждое, въ томъ числѣ и на крѣпостныя орудія. Изъ крѣпости было выслано до 1000 человекъ вооруженныхъ Карапашовъ, какъ нашихъ, такъ и турецкихъ подданныхъ, постоянно наполнявшихъ базары. Мѣра эта, клопавшаяся къ удержанію порядка въ городѣ, была смѣлая, потому что жители Карса и области его, мало знакомые съ порядкомъ регулярнаго

' Въ посаждствіи времени, Шварценбургу поручено было заняться устройствомъ кавалеріи, и въ помощъ ему данъ былъ выходецъ именованшій себя Ташларъ-бей и майоромъ и получившій по сему случаю чинъ полковника въ турецкой службѣ. Находились въ турецкой арміи и другіе иностранные офицеры, въ числѣ коихъ было много Поляковъ.

войска и придерживаясь болѣ древняго обычая, привыкли считать опорой и защитой своею вооруженныя племена, изъ оружіяющія. Какъ въ теченіе зимы, Карапанахи заняли съ нашей стороны передовые караулы за Арпачаемъ, то Тисдаль, съ разрѣшенія Вилліамса, учредилъ и съ своей стороны подобныя караулы, которые были поручены заѣмчанію выходца, называвшаго себя генераломъ Кмету, родомъ Венгерца, покинувшаго отечество свое послѣ смуты 1849 года. Онъ, повидимому имѣлъ воинскія дарованія; Турки называли его Исмаиль-пашою. Вскорѣ послѣ того Тисдаль получилъ чинъ майора турецкихъ войскъ.

Въ теченіе зимы, были присланы въ помощь къ Вилліамсу, по его требованію, англійскіе офицеры: инженерный полковникъ Лекъ (Lake), артиллеріи майоръ Ольфертсъ и стрѣлковыхъ войскъ капитанъ Томсонъ (Thomson). Изъ нихъ, на службу адъютанта своего, онъ послалъ, весной 1855 года въ Карсъ, Лека и Томсона: Ольфертсъ былъ отправленъ въ Баязидъ. Лекъ стануль въ Карсъ войска, зимовавшія въ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ, такъ что крѣпость имѣла подъ ружьемъ, готовыхъ къ бою 15. тысячъ регулярнаго войска, за исключеніемъ больныхъ, слабыхъ и всѣхъ расходовъ людей. Съ самой ранней весны, началъ онъ усиленно продолжать работы на укрѣпленіяхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ построилъ деревянныя блокгаузы, верки же вооружилъ крѣпостными орудіями, присланными изъ Цараграда. Орудія эти воѣ были мѣдныя и восемь изъ нихъ 27-ми фунтоваго калибра. Въ половинѣ мая было уже собрано въ Карсъ регулярныхъ войскъ, готовыхъ къ бою: пѣхоты 13.900, конницы 1.500, артиллеристовъ 1.500, всего до 17.000 человекъ, что могло составлять на провіантъ до 22.000 человекъ. Въ то же время былъ посланъ Васифъ-пашой приказъ къ войскамъ, находившимся въ Моссулъ подъ начальствомъ Мегеметь-паши, а въ Діарбекірѣ — подъ начальствомъ Мустафы-паши, немедленно слѣдовать къ Эрзруму.

Госпитаали также получили хорошее устройство подъ руководствомъ доктора Сандвита (Sandwith), пріѣхавшаго къ арміи съ Вилліамсомъ. Они были богато снабжены вещами и медикаментами: при нихъ состояло болѣе восьмидесяти лікарей, аптекарей и фельдшеровъ, болѣею частію изъ иностранцевъ.

Анатолійская армія не предназначалась для наступатель-

ныхъ дѣйствій. Предполагалось только оборонять ею Карсъ и всю границу до Балзиде, для прикрытiя Эрзрума. Въ сихъ видахъ, Турки должнъ были особенно заботиться о снабженiи Карса достаточнымъ продовольствиемъ. Хлѣбъ можно было приобрести покупкой; но главныя затрудненiя состояли въ доставкѣ оного. По сему, въ военномъ министерствѣ, предположено было составить постоянный подвижной транспортъ изъ 25-ти тысячъ вьючныхъ лошадей, которыхъ хотѣли собрать во всей Анатолiи въ родѣ новинности, полагая по одной лошади съ 45 домовъ. Съ каждаго же 135-ти домовъ назначено было вызвать по одному человеку для присмотра за тремя лошадьми. Люди и лошади должнъ были оставаться на службѣ до окончанiя войны, послѣ чего распускались по домамъ, съ уплатой хозяевамъ за всякую утрату или ущербъ, могущiе оказаться въ ихъ лошадяхъ. Распоряженiе объ исполненiи сего было прислано изъ Царяграда въ Эрзрумъ.

Такое сложное средство не могло бы имѣть успѣха въ самомъ благоустроенномъ государствѣ, тѣмъ менѣе въ Турци, гдѣ корыстолюбiе властей и чиновниковъ развито въ высшей степени. Виллиамсъ, узнавъ о семъ предположенiи, немедленно писалъ Кларендону, прося его не допускать подобной мѣры, во избѣжанiе неминуемаго при исполненiи оной грабежа со стороны мѣстныхъ начальниковъ и представляя о трудности прокормить такое большое количество лошадей и скота, когда и самыя войска нуждались въ продовольствiи. Онъ просилъ разрѣшенiя нанять 5.000 верблюдовъ и 2.000 лошадей для подвоза въ Карсъ продовольствiя, съ помощью мѣстныхъ обывательскихъ арбъ; но, по видимому, представленiе его въ семъ случаѣ не было уважено, потому что часть лошадей была собрана съ жителей Анатолiи; провиантъ также собирали и свозили изъ отдаленныхъ частей сей области. Между тѣмъ наступила поздняя осень; снѣга покрывали Соганлугскiя горы, и потому успѣли сдѣлать довольно значительные склады только по пути отъ Эрзрума къ Карсу, въ селѣ Энги-Кѣвъ и въ окрестъ-лежащихъ деревняхъ. Въ мѣстечкѣ Бардусъ, гдѣ также былъ учрежденъ складъ, построены были удобныя пекарни, при коихъ занимались изготовленiемъ сухарей трапезунтскiе Греки, исключительно примѣнившiеся къ сему роду занятiй.

Въ Карсъ не могли уже перевезти много провіанта; тѣ изъ прислужниковъ новаго транспорта, которые не успѣвали скрыться побѣгомъ, попадая въ Карсъ, оттуда уже не возвращались. Лишившись лошадей, они были назначены къ разнымъ занятіямъ при осажденномъ гарнизонѣ, частью, были даже записаны въ число обороняющихъ крѣпость. Вознагражденія же за отобранныхъ лошадей, жители никакого не получили. Вилліамсъ, страшая послѣдствій равнодушія, медленности и корыстолюбія турецкихъ начальниковъ, не находилъ иного способа удовлетворить главной потребности—снабженія Карса продовольствіемъ, какъ взять все дѣло въ собственныя руки, и потому просилъ Редклифа объ исходатайствованіи ему сколь можно поспѣшнѣе отъ турецкаго правительства званія интенданта турецкой арміи, съ положительнымъ приказаніемъ мѣстнымъ властямъ виноваться ему въ семъ отношеніи; но и это представленіе его осталось, по видимому, безъ разрѣшенія. Однако оныя отчасти достигли цѣли своей, чрезъ прибывшаго новаго главнокомандующаго Васифъ-пашу, который, во всемъ повиновавъ Вилліамсу, разрѣшилъ ему надзоръ въ Эрзрумѣ за покупкой и отправленіемъ провіанта въ Карсу.

Тутъ Вилліамсъ оказалъ необыкновенную дѣятельность. Въ послѣднихъ числахъ января 1854 года, имѣлось въ Карсѣ продовольствія для тогдашняго гарнизона только на пятьдесятъ дней; въ началѣ апрѣля 1855 оставалось хлѣба только на двѣнадцать дней. Бывшій тогда правителемъ въ Карсѣ, Серри-паша, замѣченный въ неправильномъ употребленіи суммъ, выданныхъ ему для закупки хлѣба, былъ остановленъ въ дѣятіяхъ своихъ Вилліамсомъ. Самъ Вилліамсъ, не щадя трудовъ, входилъ во всѣ подробности кнѣжа у жителей вьючнаго скота, въ чемъ ему преимущественно помогалъ часто выхваляемый имъ начальникъ артиллеріи Тагиръ-паша, воспитанный въ Вудичѣ, и помощникъ его Ибрагимъ-Бей, родомъ Пруссакъ. Вилліамсъ нанялъ даже персидскихъ, такъ-называемыхъ чарвадаровъ (какія и у насъ являлись для вьюки провіанта), угговоривъ ихъ на время сложить товары, обыкновенно перевозимые ими для торговыхъ домовъ изъ Тавриза въ Трапезунтъ, и обратно. Сперва оныя отправилъ ихъ въ Карсъ съ разными предметами снабженія для войскъ, доставленными наконецъ изъ

Царяграда по его настоятельнымъ требованіямъ; послѣ же подрядилъ ихъ, при пособіи мѣстныхъ средствъ, перевозить въ Карсъ сложенный въ теченіе зимы въ осадѣ Эгика-Кѣвъ хлѣбъ. Сія операція не могла начаться прежде конца апрѣля мѣсяца, и потому хотя всего заготовленнаго хлѣба, къ времени открытія военныхъ дѣйствій нельзя было перевезти, но за вѣснѣ тѣмъ къ концу мая имѣлось уже въ Карсѣ четырехмѣсячное продовольствіе для тогдашняго гарнизона. Но какъ съ этого времени гарнизонъ ежедневно усилывался вновь собиравшимися войсками, то по мѣрѣ умноженія войскъ сокращались средства продовольствія.

Турецкое правительство, повидимому, не столько заботилось о происходившемъ въ Азіи, какъ о событіяхъ, совершавшихся въ то время вблизи Царяграда. Вилліамсъ просилъ о присылкѣ артиллеристовъ для прислуги у орудій, что было исполнено; но когда онъ однажды представлялъ о послѣдствіяхъ неудачъ, могущихъ встрѣтиться если не будутъ присланы значительныя силы для удержанія Малой Азіи, то предметъ этотъ былъ переданъ Редклифомъ на обсужденіе въ Порту, которая отвѣчала, что сераскаръ написалъ о семъ Омеръ-пашѣ, поручая ему спросить о томъ мнѣніе обоимъ главнокомандующихъ союзныхъ войскъ, и что въ семъ отношеніи поступлено будетъ согласно съ отзывомъ ихъ. Казалось, въ самомъ дѣлѣ, что союзники, исключительно занятые осадой Севастополя, обращали тогда мало вниманія на военныя дѣйствія въ Малой Азіи. Странно, что такой важный для Англичанъ вопросъ былъ возбужденъ столь поздно, и сіе не можетъ иначе объясниться, какъ недостаткомъ средствъ для противодѣйствія въ той сторонѣ успѣхамъ нашего оружія, до окончанія озабочивавшей ихъ осады Севастополя.

Турки опасались новаго пораженія. Доказательствомъ тревожившихъ ихъ въ то время страховъ можетъ служить слѣдующій случай. Едва узнавъ о намѣреніи генерала Муравьева двинуться за-границу, Вилліамсъ выѣхалъ изъ Эрзрума и прибылъ въ Карсъ 27 мая. На пути своемъ, въ селеніе Даве-Боюну, получилъ онъ отъ мушира Васифъ-пашы письмо изъ Карса, съ предложеніемъ оставить оный и ограничиться обороной Эрзрума. Вилліамсъ ускорилъ свой путь, и по приѣздѣ въ Карсъ, всячески убѣждалъ слабого

Васифа укрѣпиться духомъ и устранить мысль объ оставленіи такого важнаго пункта и крѣпости, для вооруженія и обороны коей было уже приложено столько заботъ. Онъ всецѣлкомъ осматривалъ все укрѣпленія и посты, и убѣдилъ жителей присоединить изъ среды своей къ защитникамъ Карса 800 вооруженныхъ гражданъ, которые тогда же заняли на укрѣпленіяхъ назначенныя имъ мѣста, вмѣстѣ съ регулярными войсками. Послѣднія старанія его въ это время, объ усиленіи запершейся арміи, обратились въ Батумъ къ Мустафѣ-пашѣ, котораго онъ просилъ направить къ нему 5.000 человекъ черезъ Ардеганъ; но Вилліамсу неизвѣстны были мѣстность и обстоятельства того края. Вели-пашѣ, занимавшему тогда Баязидъ, предписалъ онъ чрезъ кушира быть въ готовности двинуться по первому приказанію; требовалъ отъ начальниковъ сосѣдственныхъ областей присылки Лазовъ, башу-бузуковъ, и городъ сталъ наполняться равновременно-приходящими партіями конныхъ и пѣшихъ вооруженныхъ людей.

Къ сожалѣнію, не имѣется въ англійскихъ бумагахъ полного расписанія анатолійской арміи, съ названіемъ частей и ихъ начальниковъ; почему остается единственнымъ руководствомъ въ семъ случаѣ вышепоказанная неполная таблица о войскахъ, остававшихся на зиму въ карскомъ гарнизонѣ. Въ этомъ расписаніи видны три рода войскъ: воики Арабистана, Анатоліи и такъ-называемый редифъ. Сверхъ того было еще три стрѣлковыхъ батальона, изъ коихъ одинъ султанской гвардіи. Регулярная пѣхота анатолійской арміи выучена была по французскому уставу. Она дѣлилась на три дивизіи: одна состояла изъ арабистанскихъ полковъ, служившихъ опорой всей арміи; войско сіе храбро сражалось при Кюрюкъ-Дере. Арабистанцы, совершенно отличающіеся видомъ, нравомъ и языкомъ отъ Турокъ, которыми они пренебрегаютъ, привычны къ терпѣнію, воздержанію, трудамъ и повиновенію; оружіе у нихъ всегда въ порядкѣ. Другая дивизія, анатолійская, уступала первой во многихъ отношеніяхъ; люди были вялы и менѣе способны къ дѣлу; между ними болѣе всего оказывалось лѣнства. Третья часть, составлявшая резервъ, была сформирована изъ отпускныхъ солдатъ и всѣхъ менѣе имѣла устройства и порядка. Гвардейскій батальонъ отличался

видомъ, одеждой и военнымъ образованіемъ. Стрѣлковыя батальоны были вооружены новыми французскими штуцерами со стержнемъ (à tige); въ составъ ихъ преимущественно набирались жители горной части страны, лежащей на югъ отъ Смирны, гдѣ они съ малолѣтства занимаются стрѣльбой; оружіе ихъ всегда содержалось въ отличномъ порядкѣ. Въ кавалерійскихъ полкахъ Арабистана и Анатолиіи были тѣ же отъѣнки, какъ и въ пѣхотѣ. Артиллерійская прислуга была въ особенности хорошо обучена и въ исправности.

Остальныя войска карскаго гарнизона состояли изъ конныхъ баши-бузуковъ и Курдовъ, всегда утумавшихъ нашей кавалеріи, и изъ пѣшихъ Лазовъ, жителей горъ прилегающихъ къ морю и окружающихъ Трапезунтъ. Свѣрѣное и безстрашное племя сіе, съ древнихъ временъ извѣстное по своей храбрости и склонности къ добычѣ, составляло массу ратниковъ надежныхъ для боя, но не всегда покорныхъ властямъ, по привычкѣ къ независимости, кою они пользовались въ недоступныхъ горахъ своихъ. Между всахниками встрѣчались Негры и Абиссинцы; слышно было, что въ гарнизонѣ Карса находилась на первыхъ порахъ также одна сотня Друзовъ съ Ливанской горы. Наконецъ сами жители оберегали стѣны своего города.

Изъ лучшихъ людей между начальниками были: Керимъ-паша, командовавшій арабистанскою дивизіей, Турокъ прежняго времени, какъ онъ самъ себя называлъ, старецъ скромный, испытанный въ бояхъ, хотя безъ образованія, но пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и любовью своихъ подчиненныхъ, называвшихъ его Баба-Керимъ, что значитъ „дѣдушка Керимъ“. Одинъ изъ бригадныхъ командировъ, Гуссейнъ-паша, былъ замѣчателенъ по своей храбрости, быстротѣ и любознательности; родомъ онъ былъ Черкесь, племени Убухъ, обитающаго въ осѣдствѣ Абхазіи. Хаджи-Тамуръ-ага, начальникъ иррегулярной конницы, пользовался особеннымъ уваженіемъ въ войскѣ и на своей родинѣ между Малатіей и Діарбекиромъ, гдѣ обладалъ большими родовыми имѣніями и считался между первыми аристократами. Онъ былъ гостепріименъ, любилъ пышность, и окружалъ себя многочисленною толпою роскошно-убравныхъ слугъ, что придавало ему много вѣса; его часто ви-

дали въ верестрикахъ и узлавали по пышной одеждѣ и богатой конской сбруѣ. Одно присутствіе сего храбраго и ловкаго вельможи привлекало подъ знамена его тысячи удаальцовъ, любителей привольной жизни на конѣ. Ему турецкое правительство обязано пораженіемъ Курдовъ, зимою близъ Джезире. Между Лазами извѣстенъ былъ одинъ изъ начальниковъ ихъ Али-бей. Среди знаменитостей карскаго гарнизона считался также Гешимъ-Оглу, бывшій житель нашей Борчалинской дистанціи, некогда бѣжавшій къ Туркамъ и въ прошедшую войну получившій у нихъ штабъ-офицерскій чинъ. Онъ принадлежалъ къ числу разбойниковъ, извѣстныхъ по отвагѣ, расторопности и знанію мѣстности, и долгое время былъ грозой для нашихъ пограничныхъ жителей Закавказскаго края. Въ быстрыхъ набѣгахъ своихъ, онъ являлся въ границахъ нашихъ и въ тылу войскъ, гдѣ безнаказанно грабилъ и увозилъ плѣнныхъ; но съ именьемъ его, извѣстнымъ по всей Грузіи, соединилось и попятіе о разбойническихъ доблестяхъ—вѣрности въ словѣ и въ дружбѣ, какъ онъ воспѣвается въ народныхъ пѣсняхъ о витязяхъ стараго времени. Гешимъ-Оглу былъ драгоцѣненъ для Турокъ по родственнымъ всякаго рода сношеніямъ, которыя онъ имѣлъ съ нашими Татарами. Къ радости и успокоенію нашихъ подданныхъ, онъ былъ убитъ на приступѣ Карса.

Войско, собранное для обороны Карса, находилось весною въ добромъ расположеніи духа и готовымъ принять бой въ стѣнахъ. Оно было сыто и видѣло попеченіе о немъ начальства. Азіятецъ ближе къ природѣ чѣмъ Европеецъ и болѣе его уподобляется въ матеріальной жизни животному. Онъ угасаетъ, замираетъ въ зимнюю стужу, и получаетъ новую жизнь съ возвращеніемъ теплыхъ дней и съ возрожденіемъ природы. Тѣ же Турки, тѣ же баши-бузуки и Курды, коихъ существованіе увядало въ теченіи зимы, являлись съ новыми силами, на свѣжихъ коняхъ и съ новыми надеждами, при появленіи подножнаго корма. Но люди эти, по природѣ своей любящіе просторъ, не могли бы нести трудной службы, предстоявшей имъ въ тѣсномъ Карсѣ, есаубы ихъ къ тому не подготовили неусыпныхъ заботы Вилліамса.

Возродить разрушавшуюся анатолійскую армію было

дѣло доступное, но довести ее до степени благоустройства европейской арміи было дѣло невозможное. Видѣлись были пораженія равнодушіемъ правительства и корыстолюбіемъ начальниковъ, съ которыми долженъ былъ имѣть сношенія. Онъ видѣлъ въ чемъ заключается главное зло, препятствовавшее всякому усовершенствованію. Для устранения такой заразы, онъ не щадилъ трудовъ своихъ, и какъ человекъ съ твердою волею, проникнутый важностью своихъ обязанностей, бился сначала одинъ, безъ помощниковъ, среди массы людей иновѣрныхъ, помышлявшихъ единственно объ обогащеніи себя, касаясь самой чувствительной ихъ струны, корысти. Онъ не утратился борьбы даже съ могущественнымъ Редклифомъ, и съ успѣхомъ пошелъ къ предназначенной цѣли. Его требованія и взысканія были непомѣрны; но еслибъ онъ ограничилъ ихъ, то и не достигъ бы и той степени благоустройства, до которой доведено было войско къ началу кампаніи 1855-го года. Прямота дѣйствій его доставила ему надскакій вѣсъ въ войскѣ и въ народѣ. Начальники боялись его, низшіе чины уважали и довѣряли ему. Вліяніемъ, имъ приобретеннымъ, всѣ дѣйствія анатолийской арміи подчинились англійскому правительству, ревновавшему объ исключительномъ владычествѣ на азійскомъ театрѣ войны.

При открытіи военныхъ дѣйствій, численность анатолийской арміи находилась въ слѣдующемъ состояніи: въ Карсѣ было, въ началѣ іюня 1855 года на провіантъ до 28 тысячъ человекъ разнаго оружія. Число сіе скоро возрасло до 33 тысячъ, боѣе чего въ Карсѣ не было во все время кампаніи. Баязидскій отрядъ, подъ начальствомъ Вели-паши, состоялъ изъ 7 тыс. регулярнаго войска, при 22 орудіяхъ. Число иррегулярныхъ войскъ при нихъ, часто измѣнялось и доходило отъ 5 до 10 тысячъ. Отрядъ сей занялъ позицію свою въ укрѣпленномъ лагерѣ, при армянскомъ монастырѣ Сурбъ-Оганессъ, или Учъ-Килиса, что на восточномъ Евфратѣ, ниже Баязида. Въ Эрзрумѣ находилось тогда нѣсколько тысячъ человекъ всякаго оружія; но туда стягивались войска изъ Моссула и Діарбекура.

II.

Обстоятельства благопріятствовавшія движенію противъ Вели-наши.—Значеніе Карса въ народѣ.—Стратегическое значеніе Карса.—Важность для Турокъ Согамалугскаго хребта.—Неправильное понятіе о значеніи Карса.—Вели-наша и Эрзрумъ.—Разсужденія о занятіи Эрзрума.—Выгоды отъ занятія Эрзрума.—Невыгоды оного.—Предположенія главнокомандующаго.

Около половины іюля, войска были въ готовности, продовольственныя средства въ изобиліи, подводочныя устройства; почти вся страна окружающая Карсъ, приведена была въ покорность. Отважный поискъ князя Дондукова съ небольшою партіей Донцовъ за Агри-Дагъ, среди кочевьевъ Курдовъ и вблизи расположенія корпуса Вели-наши, указывалъ намъ усыпленіе въ той сторонѣ непріятеля. Свѣдѣнія, доставленныя Дондуковымъ о мѣстности по пути отъ Баязидскаго отряда къ селенію Кёрпи-Кёвъ, удостовѣрили въ возможности двигать по оному войска; вслѣдъ за выѣздомъ Дондукова изъ долины восточнаго Евфрата, генералъ Сулаевъ передвинулся съ отрядомъ своимъ черезъ Топрахъ-Кале къ селенію Зейдиканъ. Все благопріятствовало къ совершенію предположеннаго генераломъ Муравьевымъ вторичнаго перехода за Согамалугъ, для пораженія или отгнѣсненія непріятельскаго корпуса, прикрывавшаго пути ведущіе къ Эрзруму и находившагося въ то время въ укрѣпленномъ лагерѣ при селеніи Кёрпи-Кёвъ. Но прежде чѣмъ приступить къ сему дѣлу, надобно было, съ возможною предусмотрительностію, выкинуть въ обстоятельства, которыя могли встрѣтиться при совершеніи сего предпріятія и съ нѣкоторою опредѣлительностію постановить крайніе предѣлы оного, дабы не увлечься предстоящимъ успѣхомъ и не упустить изъ вида главнаго предмета, азиатской арміи, запершейся въ Карсъ.

Пограничныя крѣпости, подобно лицамъ, иногда пользуются въ народѣ безотчетно повѣрьемъ придающимъ имъ исключительную важность и всеобщую извѣстность. Сими чарами пользовалась на востокѣ эриванская крѣпость, пока не пала передъ нашимъ оружіемъ въ 1827 году; та-

кимъ же призракомъ казался въ народныхъ понятіяхъ вышеградъ Карса, издали представляющійся каравану и указывающій страннику безопасный пріютъ, среди пустыни пробѣгаемой имъ подъ страхомъ хищническихъ нападеній кочевыхъ сосѣдей. Повѣрѣя сіи, опираясь на осады и военныя событія прежнихъ временъ, бывають причиною, что пограничныя крѣпости получаютъ значеніе, не всегда соответствующее ихъ стратегической важности: ихъ называютъ вратами, ключами страны. Такъ разумѣли въ Азіи и крѣпость Карсъ, тогда какъ городъ сей возродился отъ мѣстныхъ нуждъ обывателей, а стѣны и вышеградъ были воздвигнуты для огражденія жителей или правителя отъ внезапнаго нападенія Курдовъ и сосѣдственныхъ Лазовъ. Когда же крѣпость сія, съ измѣненіемъ границъ, очутилась близъ предѣловъ нашихъ, то жители придали ей государственную важность, и Карсъ вмѣстѣ съ воспоминаніями о кровавыхъ событіяхъ прежнихъ и новѣйшихъ временъ, коихъ былъ свидѣтелемъ, даже съ полуразрушенною крѣпостію своею, сохранилъ въ народѣ громкое названіе оплота Малой Азіи.

Конечно, для турецкой арміи намѣревающейся вторгнуться въ наши границы, какъ то было въ 1853 и 54 годахъ, Карсъ имѣлъ значеніе, но иное. Онъ служилъ тогда опорнымъ и складочнымъ пунктомъ для вторгавшихся, потому что равнина, въ коей онъ господствуетъ, опоясана къ сторонѣ Анатоліи высокими хребтами горъ, за которыми наступающей арміи не удобно было бы имѣть своей операціонной базисъ; но въ 1855 году, когда анатолійская армія не признавала себя въ силахъ предпринять противъ насъ наступательныхъ дѣйствій, Карсъ при такомъ отрицательномъ положеніи войска, вовсе не прикрывалъ страны, ни путей ведущихъ къ Эрзруму. И въ семъ году, турецкое начальство, при безотчетливыхъ соображеніяхъ своихъ, можетъ-быть не ошибалось, когда оно до открытія еще военныхъ дѣйствій, желало оставить намъ Карсъ, ибо обширныя равнины пашалыка сего, по свойству своему и доступности, принадлежать не къ предѣламъ Эрзрума, а къ нашимъ владѣніямъ. Природная и лучшая защита Малой Азіи заключается, съ одной стороны, въ тѣснѣнахъ трудно проходимаго Согандугскаго хребта непрерывно

окаймляющаго ее до Чернаго моря; а съ другой, въ двойной цѣпи горъ, опоясывающихъ ее отъ Эривани и Баязида.

Если мы въ кампанію 1829 года, въ виду турецкой арміи, вѣсти безъ сопротивленія овладѣли Согадугомъ, то это случилось по крайней опасности непріятеля. Въ 1855-мъ году, когда Европейцы управляли военными дѣйствіями Турокъ, они должны были предвидѣть, что первымъ дѣйствіемъ нашимъ будетъ овладѣніе проходами чрезъ Согадугъ и продовольственными складами, запасенными къ сторонѣ Эрзрума, и мы могли ожидать, что они укрѣпятъ затруднительные отъ природы подъѣмы на хребты горъ, хотя бы только для охраненія своихъ магазиновъ; а потому трудно себѣ отдать отчетъ съ какою цѣлью анатолійскую армію основали въ Карсѣ и поставили въ такое невыгодное оборонительное положеніе. Неужели въ семъ случаѣ распорядители увлекались однимъ народнымъ повѣрьемъ! Усиленія ли они ожидали? Кто зналъ мѣстность, тотъ былъ убѣжденъ, что отъ береговъ Чернаго моря оно не могло придти въ значительномъ составѣ. Для движенія подкрѣпленій со стороны Эрзрума, пути конечно были доступны; но анатолійская армія, запершись въ Карсѣ, съ трудомъ могла подать руку пѣшему войску, которое всегда могло быть заблаговременно встрѣчено нами съ лица, и тревожимо съ тыла баязидскимъ отрядомъ. Такому безпомощному положенію не подвергался бы непріятель, еслибы онъ при началѣ кампаніи оставилъ намъ Карсѣ, и наученный опытомъ 1829 года, съ лучшимъ знаніемъ дѣла, преградилъ бы доступы къ вершинамъ Согадуга, за коими сохранялись драгоцѣнные для него запасы, и еслибы онъ укрѣпилъ Драмъ-Дагъ, прикрывающій Эрзрумъ со стороны Баязида. Туркамъ предстояло бы тогда оборонять внутреннюю линію огражденную природою, противъ силъ наступающихъ съ двухъ совершенно разъединенныхъ сторонъ. Подкрѣпленія изъ Эрзрума могли бы, по частямъ, безпрепятственно присоединяться къ анатолійской арміи и усилить ее до такой степени, что она, можетъ-быть, въ состояніи была бы, спустившись съ горъ, перейти въ наступленіе противъ нашихъ главныхъ силъ или противъ баязидскаго отряда, смотря по обстоятельствамъ, не лишаясь возможности во всякое время сосредоточиться около Эрзрума. Къ чему бы послужилъ намъ тогда Карсѣ?

Но по какимъ бы то ни было видамъ, крѣпость сію окружили укрѣпленнымъ лагеремъ на 17 верстъ протяженія, вооружили исправною артиллерією, запасли въ ней сколько успѣли продовольствія, въ отѣлахъ ея заключили аматолійскую армію, а Карсъ, сохраняя громкое названіе свое оплота Малой Азіи, въ сущности служилъ только ублаженіемъ войску, предназначавшемуся для обороны всей страны. И при такихъ распоряженіяхъ начальства турецкой арміи, не собственно Карсъ намъ нуженъ былъ, а защитника его. Съ приобрѣтеніемъ сей крѣпости не каючь приобрѣтали мы Малой Азіи, а поражали всѣ дѣйствующія силы непріятеля, который не могъ болѣе обратиться и къ будущей 1856 года кампаніи, не состоявшейся по случаю заключенія мира.

Небольшая только часть войска, корпусъ Вели-паши, поспѣшно бросившій долину восточнаго Евфрата и тѣснимы отбѣгающія ея долины Аракса, держался еще въ полѣ для огражденія Эрзрума, укрѣпившись при селеніи Кѣрни-Кѣвъ. Положеніе сего войска, въ тогдашнемъ его составѣ, не могло быть для насъ опаснымъ, но оно затрудняло наши поиски за Соганлуъ и препятствовало полному владычеству нашему за хребтомъ горъ. Малѣйшее движеніе въ сѣмъ корпусѣ или отправленіе отъ оного партій, перетолковывалось поселянами, которые распространяли молвы объ ожидаемой выручкѣ для Карса со стороны Эрзрума. Слухи о томъ доходили и въ крѣпость, гдѣ начальство ими пользовалось для поддержанія духа въ гарнизонѣ и между жителями. Толики сіи надобно было прекратить пораженіемъ Вели-паши или оттѣсненіемъ его отъ селенія Кѣрни-Кѣвъ, дабы убѣдить карскихъ защитниковъ, что имъ нельзя было ожидать никакой помощи съ той стороны. Но какъ за селеніемъ Кѣрни-Кѣвъ оставалось уже небольшое разстояніе до Эрзрума, то предпріятіе противъ Вели-паши находилось въ близкой связи съ мыслію о покореніи сей столицы.

Многіе полагаютъ, что въ то время слѣдовало бы занять Эрзрумъ; но начальникъ, отвѣтственный за цѣлый край, за ходъ военныхъ дѣйствій и за всѣ послѣдствія своихъ распоряженій, не долженъ руководствоваться порывами къ достиженію временнаго успѣха, обнаруживающаго постороннимъ людямъ лишь заманчивыи блескъ свой. Предметъ начальника—общій результатъ; частныхъ же успѣховъ можетъ оны домогаться единственно тамъ, гдѣ они ведутъ къ до-

стателю сего результата. Взвѣсивъ всѣ обстоятельства и посмотрѣвъ, была ли возможность въ тогдашнее время помышлять о покореніи Эрзрума, къ коему доступны, какъ выше сказано, не прикрывались запершеюся въ Карсъ арміей.

Еслибъ у насъ было пѣхоты пятнадцатью тысячами болѣе, то усиливъ баазидскій отрядъ, можно бы подвинуть его къ Эрзруму и дѣйствовать противъ сего города, независимо отъ войскъ, облежавшихъ Карсъ. Но съ тѣми силами, которыя у насъ имѣлись, едва развѣчисленными турецкими, не основательно было бы раздробляться, и въ одно время дѣйствовать противъ непріятеля, защищавшагося въ двухъ мѣстахъ за укрѣпленіями, вооруженными сильною и исправною артиллеріей. Обративъ большую часть войскъ на покореніе Эрзрума, тогда какъ въ тылу и близъ границъ нашихъ находилась еще двадцати семи тысячная анатолійская армія, наблюдаемая небольшимъ отрядомъ нашимъ, было-бы непростоительно, и потому о занятіи Эрзрума, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, можно было помышлять только по покореніи Карса, когда всѣ силы наши остались бы свободными.

Съ иными надеждами на успѣхъ представлялось внезапное нападеніе на Велі-пашу, стоявшаго у селенія Кёрпи-Кёвъ, для защиты столицы. Пораженіе его или отгнѣненіе изъ занимаемаго или укрѣпленнаго лагеря, было дѣло доступное, какъ по краткости времени нужнаго для сего предпріятія, такъ и потому, что оно не требовало столь значительныхъ средствъ, какія бы понадобились, еслибъ оны заперся во вновь возведенныхъ около Эрзрума укрѣпленіяхъ, и въ первомъ случаѣ, то-есть при удачномъ и совершенномъ пораженіи его, можно было надѣяться, что преслѣдовавшія его по пятамъ войска ворвались бы въ городъ, вмѣстѣ съ разбитыми остатками бѣгущихъ. Съ сей только точки смотрѣлъ главнокомандующій на занятіе Эрзрума, то-есть какъ на дѣйствіе второстепенное, зависѣвшее отъ исхода предпріятія противъ Велі-паши. Покореніе Эрзрума могло быть только послѣдствіемъ успѣховъ пріобрѣтенныхъ при селеніи Кёрпи-Кёвъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что занятіе Эрзрума, тогда загадочное, доставило бы намъ значительныя выгоды не въ однихъ военныхъ дѣйствіяхъ за Кавказомъ; оно несомнѣнно имѣло бы большой вѣсъ въ ходѣ всей войны, называвшейся всѣмъ

сточной до Ботническаго залива и до самыхъ предѣловъ Бѣлаго моря, ибо мысль о движеніи нашемъ черезъ Ана-толію до константинопольскаго Босфора постоянно беспокоила союзниковъ; но къ дальнему походу саму въ то время нельзя еще было приступить и бесполезно было бы предаваться преждевременнымъ мечтамъ по дѣлу, коего исполненіе въ слѣдующемъ 1856 году, уже подготовлялось подѣ стѣнами Карса. Выгоды, которыя бы въ Закавказскомъ краѣ доставило намъ занятіе Эрзурума, были слѣдующія:

1) Нравственное, въ пользу нашу, вліяніе во всей сторонѣ.

2) Устраненіе тревожнаго для насъ колебанія, въ коемъ постоянно находилась персидская политика.

3) Изгнаніе изъ сей столицы дипломатическихъ агентовъ союзниковъ и прекращеніе транзитной торговли, производимой въ семь городѣ Англичанами.

4) Разрушеніе правительственныхъ средствъ для сбора войскъ и продовольствія.

5) Овладѣніе паркомъ артиллеріи большого калибра, недавно привезеннаго изъ Царяграда, для вооруженія вновь устроенныхъ около Эрзурума укрѣпленій.

6) Могло бы случиться и то, что гарнизонъ Карса, узнавъ о паденіи Эрзурума, сдался бы или сталъ уходить изъ крѣпости большими партіями, пользуясь гористостю съ сѣверо-западной стороны города мѣстностью, за которою тогда мы еще вниманія не могли наблюдать.

Разсматривая съ другой стороны обстоятельства, неразлучныя съ положительнымъ намѣреніемъ занять Эрзурумъ, и принимая въ соображеніе, что при этомъ могли еще представиться непредвидѣнныя случайности, — въ покушеніи семъ обнаруживались невыгодныя послѣдствія, какъ то часто на дѣлѣ оказывается, когда, въ одно и тоже время, стремятся къ двумъ различнымъ предметамъ. Съ этой точки зрѣнія представлялось слѣдующее:

1) Еслибы тревожное состояніе жителей занятаго нами обширнаго и многолюднаго Эрзурума задержало въ немъ главныя наши силы, еслибы пребываніе ихъ тамъ оказалось необходимымъ для отраженія новаго непріятеля со стороны Трапезунта или союзственныхъ толпъ свирѣпыхъ Лазовъ, еслибы притомъ гарнизонъ Карса, поддержанный твердостью Вилліамса не сдался и не разбѣжался, то от-

рядъ оставленный нами 'подъ Карсомъ, подвергся бы большой опасности, не столько отъ вылазокъ непріятельскаго гарнизона, сколько отъ пресѣченія продовольческаго продовольствія изъ Александрополя; сверхъ того, Турки могли еще лишити наблюдательный отрядъ нашъ пастбищныхъ мѣстъ и травкошенія.

2) Замеченіе наше въ Эрзрумѣ дало бы способъ: необходимому еще карсскому гарнизону, заготовить продовольствіемъ на цѣлую зиму, по случаю дозрѣвавшихъ въ то время въ поляхъ хлѣбовъ, и тогда рушилась бы для насъ всѣ выгоды, приобретаемыя потребаніемъ турецкихъ запасовъ въ селеніи Энгю-Кѣвъ.

3) Игнорированіе въ предметѣ покоренія Эрзрума, надобно бы было переходить Согамугъ съ сорока-дневнымъ провіантомъ, на что потребовалось бы, кромѣ полковыхъ обозовъ, болѣе тысячи транспортныхъ арбъ; ибо на первыхъ порахъ необходимо было бы устраничь всякую заботу о добываніи въ краѣ продовольствія, дабы постоянно имѣть все войско подъ ружьемъ и быть свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Такое большое количество обозовъ крайне затруднило бы наше движеніе, потребовало бы особеннаго прикрытія, а въ случаѣ дождливой погоды, арбы не могли бы двигаться по непроходимости въ такое время горныхъ путей.

4) Если бы по занятіи Эрзрума оставить для охраненія сего города Балзидскій отрядъ, даже нѣсколько усиленный отъ главнаго корпуса, и возвратити большую часть войскъ къ Карсу, то легко могло случиться, что небольшія силы занявшія Эрзрумъ, при появленіи новаго непріятеля отъ Трапезунта, нашлись бы вынужденными возвратиться въ долину восточнаго Евфрата. Такое отступленіе вдали отъ главныхъ силъ и великаго пособія, среди непріятельской земли, было бы, во всякомъ случаѣ, сопряжено съ опасностію. Христіанское населеніе Эрзрума, намъ сочувствовавшее, было бы совершенно предано мусульманъ; и въ тѣхъ и въ другихъ исчезло бы къ намъ довѣріе, что затруднило бы для насъ приобретеніе сей столицы, при стеченіи обстоятельствъ болѣе благоприятныхъ успѣху сего предвріатія.

Взвѣсивъ всѣ сія соображенія, главнокомандующій, пред-

принимая вторичный переходъ за Согамугъ, совокупно съ движеніемъ балаидскаго отряда, предположилъ:

а) Не устремляя усилій оныхъ въ одно время къ достиженію двухъ предметовъ и не отвѣщаясь отъ единственной цѣли—разрушенія въ Карсѣ азиатской арміи—атаковать Вели-пашу, взирала на поражение или отбѣсненіе его отъ селенія Кёрни-Кёвъ, только какъ на средство къ достиженію главной цѣли своей.

б) Въ случаѣ совершеннаго пораженія Вели-паши, послать на короткое время небольшую часть войскъ въ Эрзрумъ, и то въ такомъ случаѣ, еслибы соединились всѣ условія къ успѣху сего поиска (coup de main).

в) Не касаясь гражданскаго управленія въ Эрзрумѣ и не входя ни въ какія мѣстные распоряженія, истребить всѣ военныя заведенія, вывезти оттуда пушки, оружіе, снаряды, и затѣмъ безотлагательно возвратиться подъ Карсъ, къ покоренію коего должны были прежде всего клониться заботы и направиться всѣ средства въ совокупности.

III.

Надежды непріятеля.—Мѣткіе Кметы.—Положеніе Карса.—Холера.—Мѣры предпринимаемыя генераломъ Муравьевымъ, для возобновленія силъ и возобновленія порядка.—Обобщающее положеніе вѣствующихъ сторонъ.

Заглянемъ въ Карсъ. Азіатчане съ нетерпѣніемъ ожидали нашего отступленія. Изъ книги доктора Самдита видно, что они послѣ штурма ежедневно собирались на равнѣтѣ съ врательными трубами на какое-нибудь возвышеніе, дабы высматривать что у насъ дѣлается, и вида движеніе транспортовъ съ ранами, они прививали ихъ за передовые отряды отступающихъ войскъ. Капитанъ Томсонъ въ письмѣ отъ 21 сентября (3 октября) изъявляетъ надежду, что мы на другой или слѣдующій день, тронемся въ обратный путь. Подковникъ Лекъ, предполагавшій, что мы, оставя Карсъ, обратимся противъ Омеръ-паши, въ письмѣ своемъ отъ 20 сентября (2 октября) предвидитъ, какъ генералу Муравьеву будетъ трудно встрѣтить свѣжую и одушевленную армію Омеръ-паши, съ войскомъ значительно уменьшившимся и въ коемъ упалъ духъ.

Видеть съ тѣмъ, онъ изъявляетъ свое сожалѣніе видѣть разрушенное положеніе, въ которое пришла бластательная дотога армія паша. По словамъ его, Омеръ-паша долженъ былъ безрешительно вступить въ Тифлисъ и завоевать Грузію. Леку казалось, что мы ежедневно обратво отпаралли тысячами подводъ съ запасами и тяжестями; но онъ находилъ, что мы не были въ состояніи отступить, если бы и желали того, потому что не могли бросить раненыхъ. Онъ полагалъ однакоже, что мы чрезъ нѣсколько дней уйдемъ, послѣ чего Вилліамсъ долженъ былъ ѣхать въ Эрзрумъ, назначивъ его начальникомъ гарнизона въ Карсъ, съ общаіемъ не оставлять его тамъ въ теченіи всей зимы, а прислать ему кого-либо на смѣну. Вилліамсъ, по словамъ Лека, оставался очень доволенъ исходомъ кампаніи. (General Williams is very much pleased with the result of the campaign).

Убѣжденіе каресскаго начальства и гарнизона, что съ отбитіемъ штурма они приобрѣли свободу, было такъ сильно, что турецкій главнокомандующій муширъ Васифъ-паша писалъ въ Эрзрумъ, чтобы въ тамошнемъ его домѣ позаботились припаси разныя хозяйственныя заготовленія для стола. Это явствуетъ изъ отрыва на письмо его, писанное 29-го мугарема, соответствовавшего въ 1855 году 29-му сентября ст. ст. Отвѣтъ сей попался къ намъ съ цѣлою почтою замѣчательныхъ бумагъ, захваченныхъ уже вблизи Карса. Повѣренный мушира уведомляетъ, что все заказанное для его дома готовится, и что по окончаніи сего порученія, онъ не преминетъ доложить о томъ Васифъ-пашѣ; но судьба какъ послѣдствіе показало, не привеза его вкушать лакомыхъ запасовъ, имъ заказанныхъ въ Эрзрумъ, и ему довелось пользоваться въ теченіе зимы гостеприимствомъ нашихъ въ Тифлисъ.

Кметы, какъ изъ записокъ его видно, не пускался въ предугадываніе будущаго. Положительный взглядъ его обратился къ обсужденію предстоящихъ послѣ штурма дѣйствій. Онъ между прочимъ находилъ, что карское начальство не воспользовалось приобретеннымъ 17-го сентября успѣхомъ, потому что оно на другой день штурма не атаковало отряда нашего при селеніи Айпала. Такъ онъ называетъ отрядъ Базира, по селенію сего имени, находившемуся вблизи селенія Мѣликъ-Кѣвъ, не далеко отъ коего стоялъ

Базиль Турки, по словамъ Кмета, шли на другой день штурма дѣйствительно до 18.000 войскъ подъ оружіемъ, изъ коихъ значительная часть не была въ дѣлѣ. По мнѣнію его, недостатокъ въ артиллерійскихъ лошадяхъ, не могъ оказать Туркамъ достаточнаго оправданія въ томъ, что они сего не предприняли; ибо ночью на пересѣченной мѣстности около Айнашакаго лагеря, при шевышкахъ у нихъ трехъ батальонахъ отравленъ, не предстало особенной надобности въ артиллерию. Кмета пишетъ, что по большому отдаленію, въ коемъ Базиль находилась отъ главнѣйшихъ силъ нашихъ, отдѣльный отрядъ его не могъ бы получить помощи ранее четырехъ часовъ времени. Такое сужденіе Кмета, выраженное можетъ-быть спустя уже некоторое время послѣ штурма, показывается дѣльнымъ и основательнымъ; но тутъ, кажется, не приняты въ достаточное соображеніе обстоятельства, которыя вскорѣ послѣ штурма могли препятствовать сему предпріятію, какъ-то: разстройство турецкихъ войскъ послѣ боя, всеобщее расслабленіе людей, которые, хотя и были способны защищаться за валами, но отнюдь не могли быть употреблены для наступательныхъ дѣйствій въ полѣ, уборка раненыхъ и убитыхъ, и тому подобное. Впрочемъ, къ совершенію такого предпріятія, предстало боже возможности спустя нѣсколько дней послѣ штурма. Во всякомъ случаѣ, бездѣйствіе Турецкѣ доказываетъ, что, въ сущности, не велики были выгоды приобретаемыя ими отраженіемъ приступа, и что, поэтому, основательны были, какъ и оказалось, надежды не освобождаться отъ нихъ, которыхъ они не дерзали атаковать.

И въ самомъ дѣлѣ, временное торжество непріятеля, не утратило тяготѣвшаго надъ нимъ, и ежедневно услаивающагося бѣдствія—голода,—бѣдствія, для устранения котораго, непріятель не рѣшался предпринять къ наступательнымъ дѣйствіямъ на одну изъ слабыхъ сторонъ блокадной линіи. Вскорѣ появились снова, и съ большою силою, прежніе признаки разрушенія, уже зародившагося въ Карсѣ отъ строгой блокады, въ коей содержался городъ и заключавшаяся въ немъ армія. Cholera, показывавшаяся въ Карсѣ до приступа, въ сильной степени развилась въ турецкой арміи и въ городѣ по окончаніи дѣла; но крайней мѣрѣ, такъ замѣтили обстоятельство это въ народѣ и въ войскахъ, которое отнесло сіе бѣдствіе къ ближайшему съ нами стоакинд-

всѣмъ, что послужило къ выдѣлу противъ насъ озлобленію. Самадитъ пишетъ, что въ ночь на 25 сентября (6 октября) умерло отъ одной холеры, не считая другихъ смертныхъ случаевъ, въ продолженіе двѣнадцати часовъ времени до сорока человекъ.

Но пока начальники непріятельской арміи, упоенные временнымъ успѣхомъ, въ нервности своей колебались между надеждами и опасеніями, Карсу и всему гарнизону крѣпости дѣятельно готовилась у насъ та горькая участь, которой они подверглись черезъ два мѣсяца послѣ штурма. На другой уже день послѣ сего событія, главнокомандующій писалъ князю Бебутову съ нарочнымъ, что если, по случаю выпавшаго въ Кавказскихъ горахъ снѣга, войска находившіяся на Лезгинской линіи и около Тифлиса были уже свободны, то за отдаленіемъ изъ нихъ того числа, которое бы онъ нашелъ нужнымъ направить къ сторонамъ Имеретіи, прочія прислалъ бы въ Александрополь.

Крайне были ощутительны недостатки въ начальникахъ почти во всѣхъ частяхъ войскъ. Ковалевскій былъ незамѣнимъ въ дѣйствующемъ корпусѣ. Управленіе, по званію его начальника 13-й пѣхотной дивизіи, принялъ бригадный командиръ, генералъ-майоръ Будбергъ, находившійся въ Ахалцихѣ, куда отправлены были и дивизионныя дѣла съ остатками его штаба. На мѣсто князя Гагарина, принялъ начальство надъ 18-ю дивизіей тоже бригадный командиръ, генералъ-майоръ Трегубовъ. Майдела замѣнилъ старшій изъ полковниковъ его бригады. Въмѣсто Броневскаго, для управленія военно-походною канцеляріей главнокомандующаго, былъ назначенъ полковникъ Константинъ Кауфманъ. Утрата командира Виленскаго полка, полковника Шликевича, была очень чувствительна; на мѣсто его былъ вызванъ изъ баязидскаго отряда полковникъ Алауховъ, который, за отдаленіемъ, не могъ скоро прибыть. Командиръ Мингрельскаго полка, въ послѣдствіи выздоровѣвшій отъ волоченныхъ имъ ранъ, лежалъ тогда на смертномъ одрѣ. Тѣ же самыя затрудненія встрѣчались въ замѣщеніи батальонныхъ и ротныхъ командировъ, коихъ много вышло изъ строя. Для пополненія по возможности сихъ недостатковъ, было поручено князю Бебутову выслать изъ Тифлиса и изъ штабъ-квартиръ кавказскихъ войскъ штабъ- и

оберъ-офицеровъ остававшихся свободными отъ служебныхъ занятій. Для усиленія же числа рядовъ въ полкахъ гренадерской бригады, приказано князю Бебутову выслать также, изъ штабъ-квартиръ ихъ, всѣхъ нижнихъ чиновъ, которые, послѣ дѣтнихъ занятій по хозяйству, оказывались тамъ излишними.

Большія затрудненія представлялись отъ значительнаго числа раненыхъ, коихъ присутствіе въ лагерѣ дѣлало насъ способности къ движенію. Уходъ за ними врачей и госпитальной прислуги былъ примѣрный, какъ и общее участіе всѣхъ къ страдающимъ сослуживцамъ. Тамъ не нужны побужденія и грозная повѣрка начальника, гдѣ дѣйствіями каждаго, въ дружномъ войскѣ нашемъ, руководило теплое чувство состраданія къ товарищу и уваженіе къ обязанности. Но лѣкаря, изнемогая отъ трудовъ, по малочисленности своей не успѣвали въ должное время обобдти всѣхъ перевязкою; почему вытребованы въ помощь къ нимъ медики изъ другихъ частей Грузіи. Не менѣе того, при всѣхъ недостаткахъ неизбѣжныхъ въ позднее время года и въ краю сильно потерпѣвшемъ отъ военныхъ дѣйствій, въ госпиталяхъ нашихъ, помѣщавшихся подъ большими палаточными наметами, раненые получали всевозможныя пособія.

При посѣщеніи генераломъ Муравьевымъ полевыхъ госпиталей, онъ остался доволенъ ихъ устройствомъ; но всего болѣе поразилъ его тотъ необыкновенный духъ, который оказывался между ранеными. Ни стога, ни вопля не было ни откуда слышно; на привѣтствія же главнокомандующаго, въ каждой палатѣ, страдальцы отзывались бодро и съ жаромъ выражали надежды свои на скорое выздоровленіе, дабы снова идти на приступъ Карса и отомстить Туркамъ за павшихъ товарищей и случившуюся неудачу. При посѣщеніи полковъ въ ихъ лагеряхъ, выбѣгали изъ палатокъ, среди здоровыхъ, съ подвязанными руками, легко раненые офицеры и нижніе чины, которые не хотѣли отстать отъ своихъ частей и поступить въ госпитали. „Турку,“ говорили солдаты, „нельзя съ одного раза добить.“ Духъ въ войскѣ былъ отлично хорошъ; но численность его значительно убавилась.

Отправленіе въ Александрополь перваго транспорта раненыхъ совершилось 21 или 22 сентября. Порядочныхъ

этановъ на дорогѣ еще не было учреждено, и потому надо было довольствоваться нѣсколькими большими палаточными наметами, которые разбили на двухъ назначенныхъ ночлегахъ. Погода была холодная, ночи темныя, и во все время движенія транспорта шелъ мелкій осенній дождь. Достаточнаго количества дровъ для варенія пищи и обогрѣванія заготовить было невозможно, перевозочныя же средства состояли изъ транспортныхъ арбъ, которыя двигались на быкахъ довольно медленно. За всѣмъ тѣмъ, несмотря на такія неблагоприятныя условія и матеріальныя недостатки всякаго рода, перевозка раненыхъ, коихъ въ первомъ транспортѣ было около 800, совершилась благополучно. Дорогою лишь было нѣсколько смертныхъ случаевъ, которые могли быть неизбежны и на мѣстѣ. Заботы о нуждахъ раненыхъ во время пути были поручены попеченіямъ гвардейскаго ротмистра Башмакова, который, движимый участіемъ, не щадилъ трудовъ для доставленія своимъ спутникамъ возможнаго спокойствія.

За первымъ транспортомъ раненыхъ слѣдовалъ другой, потомъ третій, и въ полевыхъ госпиталяхъ стало просторнѣе, въ лагерь свободнѣе. Возродилась прежняя дѣятельность, возстановилась подвижность, и войска снова обратились къ фуражировкамъ, приобретаая сѣно кошеніемъ перерѣлой травы въ отдаленныхъ мѣстахъ, а солому покупкою, въ разстояніи одного дня ѣзды отъ лагеря, у жителей оставшихся въ своихъ деревняхъ. Возобновленіе сего порядка не обошлось однако безъ затрудненій; ибо, въ самый день возвращенія со штурма и на слѣдующій, разнесся по войскамъ слухъ, что они вслѣдъ затѣмъ возвратятся въ свои штабъ-квартиры. И не безъ дурныхъ послѣдствій могло быть такое вредное направленіе умовъ, ибо въ убѣжденіи, что это было намѣреніе главнокомандующаго, начали даже безотчетно пользоваться сѣномъ и дровами изъ большихъ запасовъ заготовленныхъ съ толикими трудами въ теченіе лѣта. Къ счастью, обстоятельство сіе открылось еще вовремя, такъ что генералъ Муравьевъ успѣлъ остановить это неумѣстное распоряженіе и сохранить запасы, съ истребленіемъ коихъ исчезли бы надежды къ покоренію Карса. Сიმъ дѣйствіемъ обнаружилась рѣшительная воля главнокомандующаго—остаться подъ Карсомъ до паденія онога, и вскорѣ измѣнилось ложное на-

правленіе данное войску, которое на все было готово, даже на возобновленіе приступа. Начальники попрежнему начали заботиться объ обезпеченіи своихъ частей, и въ лагерѣ стали показываться при полкахъ и батареяхъ отдѣльные запасы сѣна, дровъ и соломы, которые ежедневно увеличивались.

Наконецъ прекратились раздававшіеся въ разныхъ командахъ лагеря похоронные ружейные залпы, коими отдавали послѣднюю честь при погребеніи умиравшихъ отъ ранъ офицеровъ. Исчезли, передъ палатками раненыхъ начальниковъ и офицеровъ, заготовленные послѣ приступа большіи носилки для переноски ихъ въ Александрополь. Въ полкахъ уравнены были роты по новому разчету людей, а въ 18 пѣхотной дивизіи начались инспекторскіе смотры. Утихла скорбь произведенная утратою многихъ, и кое-гдѣ въ лагерѣ просыпывались даже по вечерамъ пѣсельники.

Но при такомъ обновленіи душевныхъ силъ, — числительныя значительно уменьшились. Взамѣнъ недостаточнаго количества госпитальныхъ служителей, понадобилось отправить при раненыхъ большое число людей взятыхъ изъ строя. Тяжелыя носилки, наскоро заготовленные, уваскали также много прислуги; для поднятія только одной изъ нихъ, требовались 8 человекъ; на перемѣну имъ нужно было другихъ 8, которые въ очередь своего отдыха должны были вестн кромѣ своихъ ружей и аммуниціи ружья и аммуницію своихъ 8 рабочихъ товарищей; такъ что для переноски на 70-верстномъ разстояніи до Александрополя одного раненаго офицера, котораго нельзя было везти на арбѣ, нужно было не менѣе 16 человекъ. При такомъ большомъ количествѣ отдѣльныхъ малыхъ командъ, нельзя было избѣжать нѣкотораго безпорядка по прибытіи ихъ въ Александрополь, гдѣ многіе изъ нихъ, не получая своевременнаго распоряженія отъ мѣстнаго начальства, оставались и не возвращались къ своимъ полкамъ. Обстоятельство это крайне увеличило было, какъ въ такихъ случаяхъ бываетъ, убыль оказавшуюся отъ урона повесеннаго въ день сраженія, и до такой даже степени, что одно время оставалось во всемъ лагерѣ пѣхоты дѣйствительно могущей выдти въ строй только 11 тысячъ рядовыхъ. Для скорѣйшаго возстановленія численности людей въ полкахъ, средствами намѣстѣ представавшимися, были посланы дѣятельные штабъ-офицеры

въ Александрополь, гдѣ они, осмотрѣвъ госпитали и столпившіяся въ городѣ команды, отправляли ихъ въ лагерь; вскорѣ затѣмъ, полки стали еще усиливаться выздоравливающими отъ полученныхъ легкихъ ранъ. Оставалось ожидать прибытія требовавшихся изъ Грузіи новыхъ войскъ и усиливать сколько возможно блокаду посредствомъ кавалеріи нашей, которая была въ хорошемъ состояніи.

Появленіе свѣговъ на окрестъ-лежащихъ хребтахъ горъ подавало надежду, что въ скоромъ времени минуетъ для непріятеля возможность двинуться изъ Эрзрума на помощь Карсу. Еще сильнѣйшія препятствія сего рода встрѣтились бы Омеръ-пашѣ, еслибъ онъ вздумалъ переходить къ Ахалцыху или къ Ардегану черезъ Аджарскія горы; конечно, обрисовалось уже намѣреніе его двинуться долиною Ріона, но приближалось то пагубное для него время года, когда онъ могъ въ той мѣстности встрѣтить непроходимыя топи. Съ появленіемъ свѣговъ на Лезгинской линіи, исчезала въ Кахетіи опасность отъ вторженія Шамиля и отъ набѣговъ горцевъ, такъ что часть изъ находившихся тамъ войскъ могла придти подъ Карсъ. Въ самомъ лагерѣ нашемъ хотя холера еще не прекратилась, но со дня штурма припадки ея потеряли первую свою силу; проявленіе же эпидеміи въ баландскомъ отрядѣ было слабое. Напротивъ того, болѣзнь сія, съ самаго штурма, стала развиваться съ необыкновенною силой въ турецкой арміи, гдѣ она, какъ выше сказано, начинала уже свои опустошенія.

По мѣрѣ того какъ мы усиливались, гарнизонъ Карса ослабѣвалъ; по мѣрѣ того какъ увеличивались продовольственные запасы наши, они изсякали въ Карсѣ. Въ обратномъ содержаніи возрастали также съ одной стороны надежды, и упали съ другой отъ радные виды избавленія. Еще нѣсколько времени промедленія Селимъ-паша, ожидавшася на освобожденіе Карса изъ Трапезунта черезъ Эрзрумъ, еще нѣсколько дней сборовъ и проволочекъ со стороны Омеръ-паша, и Карсъ со своею анатолійскою арміей, не дерзавшею испытать вылазки, дабы выбраться изъ своего заключенія,—Карсъ долженъ былъ пасть передъ нашимъ оружіемъ.

✓ ЧЕШСКАЯ ДЕРЕВНЯ

СЕЛО ГУДЛИЦЫ ¹.

Щедрый вечеръ. Коляды. Торжественное открытіе Юнгмановскаго литературнаго общества. Токио балъ. Сельскія игры и танцы.

Въ Гудлицахъ, въ домѣ П..., съ утра рождественнаго сочельника началась суматоха. Все скоблдилось, чистилось, мылось, все приводилось въ порядокъ. А стоило заглянуть въ кухню! Чего тамъ не было! Молоко, рыба, яйца, черносливъ, мигдаль... трудно и перечесать... Все это готовилось къ вечеру, къ славному *щедрому вечеру*, который съ

¹ Въ ноябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1861 годъ, помѣщена, подъ этимъ же заглавіемъ, статья того же автора, въ которой онъ разсказываетъ пріѣздъ свой въ село Гудлицы, гдѣ онъ гостилъ въ одномъ зажиточномъ крестьянскомъ семействѣ. Семейство состоитъ изъ старика-дѣда, котораго всѣ зовутъ памъ-тата (государь-батюшка), изъ старшаго его сына, который наследуетъ всю его недвижимую собственность и управляетъ хозяйствомъ (Францъ), другаго сына, который, взявъ своей доли по хозяйству, получилъ университетское образованіе, и пр. Адольфъ, молодой пріятель автора, пригласившій его къ себѣ погостить и ознакомиться съ чешскимъ сельскимъ бытомъ, — старшій сынъ Франца, студентъ Пражскаго университета.

такимъ матернвнѣемъ ожидался и дѣтьми и взрослыми, и передъ которыми каждый непременно долженъ былъ постыдѣя.

Но всему было замѣтно, что наступаетъ большой праздникъ; это было замѣтно даже и по умибающимся физиономіямъ дѣтей, которыя постоянно бѣгали изъ переднихъ комнатъ въ кухню, и обратно, сообщая своему дѣдушкѣ, какіе прекрасные колачи, какія прекрасныя *ваночки* и *бухты* пекутся въ кухнѣ.

— Смотрите же дѣти, замѣтила изъ дѣдушка, — если хотите сегодня видѣть *золотого поросенка*¹, такъ постыдитесь до самаго вечера. Да вотъ еще что: не забудьте выучить коляду. Послѣзавтра будете ужъ колядовать.

— Какъ, развѣ послѣзавтра? спросилъ я.

— Да, у насъ всегда колядуютъ въ день Св. Стефана, отъвѣчалъ намъ тата. — Ребятишки не дадутъ вамъ тогда и выспаться. Еще и не разсвѣнетъ хорошенько, а они ужъ почнутъ бѣгать сюда и пѣть.

— Я ужъ знаю одну коляду, заговорила внучка пана-таты. — Коляда, коляда... повторяла она въ полголоса, чтобы дѣдушка услышалъ и похвалялъ ее за это.

— Ну, ну, теперь еще рано колядовать, замѣтила старичокъ. — А если хорошо знаешь, такъ ступай поучи своихъ братьевъ. Сегодня вечеромъ придетъ къ намъ и панъ Р***. Гостямъ надо будетъ хорошенько пропѣть коляду.

„Коляда, коляда!“ забормотали дѣти, и побѣжали снова въ кухню любоваться *колочами* и *ваночками*.

О лѣта дѣтства! Гдѣ вы? Гдѣ та беззаботная, счастливая жизнь? Зачѣмъ она прошла какъ сонъ? Зачѣмъ остались отъ нея одни воспоминанія, да и то воспоминанія смутныя, неясныя? Такъ, глядя на этихъ игривыхъ дѣтей, я невольно переносилась мыслію къ своему прошедшему, невольно вспоминалъ, какъ весело жилось, особенно въ большіе праздники, какъ бывало и у насъ въ домѣ, наканунѣ Рождества, все приводилось въ порядокъ, и какъ нравилась намъ вся эта суматоха, вся эта бѣготня! Какъ много общаго у насъ въ жизни! Но что-то будетъ дальше?

Между тѣмъ, чтобъ убить какъ-нибудь время до вечера, и не мѣшать уборкѣ, мы съ Адольфомъ пошли прогуляться.

¹ Zlatého prasátka.

Было довольно свѣжо, малій снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, шлось отлочно. На улицѣ намъ постоянно встрѣчались то хлопотавыя хозяйки, бѣжавшія или въ лавочку за покупками, или къ остодамъ взять что-нибудь на время, то крестьяннѣ съ возомъ, то дѣти, потерявшія окоту постыться, съ колачами въ рукахъ. Всѣ встрѣчавшіеся говорили намъ: „*poshvalen bud' Jezis Christus*“ (слава Іисусу Христу). Адольфъ научилъ меня отвѣчать каждому: *veku amen* (во вѣки аминь). Это обыкновеніе господствуетъ во всѣхъ селеніяхъ чешскихъ и даже въ нѣкоторыхъ городахъ. Гдѣ мнѣ въ послѣдствіи ни случалось быть, какою деревней я ни проходилъ, привѣтствіе это слышалось постоянно.

За селомъ открылась передъ нами прекрасная картина. На лѣвой рукѣ, у самаго селенія, возвышались двѣ большія скалы, мѣстами покрытыя снѣгомъ; прямо раскидывался крупный сосновый лѣсъ, изъ-за котораго видѣлись горы; съ правой руки тянулось точно такія же горы и бѣлѣлись селенія.

Скоро мы были уже въ лѣсу. Дорога шла все въ гору, и только версты черезъ двѣ началась спускъ въ долину. Здѣсь лѣсъ перемежался. Показался рядъ каменныхъ зданій съ большими дымящимися трубами; это было село Яхимово, съ богатою желѣзною фабрикой. Далѣе, за Яхимовымъ, снова начинался лѣсъ, снова возвышались горы.

Невдалекѣ отъ насъ послышался говоръ. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, мы очутились передъ толпой охотниковъ, большею частію фабричныхъ и чиновниковъ, которые, не желая, вѣроятно, точно также какъ и мы, мѣшать дома уборкѣ и приготовленіямъ къ щедрому вечеру, вздумали поохотиться за зайцами. Охотники прошли уже нѣсколько концовъ лѣса, и остановились для небольшого отдыха. Между собою чиновники говорили большею частію по-нѣмекки, и на чешскомъ языкѣ обращались только къ загонщикамъ, которые были простые крестьяне и, слѣдовательно, не были настолько образованы, чтобы могли говорить на *культурномъ*, какъ выражаются Чехи, языкѣ. Адольфъ представилъ меня почтенному собранію. Чиновники сначала посмотрѣли на меня съ какимъ-то недоумѣніемъ, но потомъ, замѣтивъ вѣроятно, по моей физиономіи, что я человекъ благонамѣренный, стали ко мнѣ довѣрчивѣе, спрашивали меня, давно ли я изъ Россіи, зачѣмъ при-

вѣвалъ въ Гудлицы, знаютъ ли о Чехахъ въ Россіи и пр. Одинъ изъ нихъ предложилъ мнѣ даже свое ружье. Поблагодаривъ за такую любезность, я отказался и попросилъ только позволенія посмотрѣть на охоту.

Начались приготовленія къ походу. Охотники разстоялись по опушкѣ лѣса, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга; между ними стали загонщики. Линія тянулась почти на вероту. Какъ только подавъ былъ знакъ, всѣ двинулись впередъ, по направленію къ Гудлицамъ. Загонщики махали палками, свистали, кричали. По временамъ слышалось: пафъ, пафъ...

Проходя мимо одного небольшого холма, мой сосѣдъ, загонщикъ, замѣтилъ мнѣ:

— Посмотрите на этотъ холмъ: подъ нимъ лежатъ два ваши земляка.

— Какъ такъ? спрашивалъ я.

— Это было уже давно, отвѣчалъ сосѣдъ,—когда Русскіе шли во Францію... Двое изъ нихъ и схоронены здѣсь. Говорятъ, они убили другъ друга...

Послѣ довольно-утомительнаго перехода по оврагамъ и свѣжымъ сугробамъ, мы вышли наконецъ на дорогу, и тутъ разставшись съ охотниками, отправились въ Гудлицы.

Уже стемнѣло, когда мы воротились домой, гдѣ, между тѣмъ, произошла значительная перемена. Прежней бѣготки теперь не было, все было убрано, чисто, свѣтло. Всѣ домашніе, въ праздничныхъ платьяхъ, собрались въ передней комнатѣ, среди которой стоялъ большой столъ, покрытый чистою бѣлою скатертью и уставленный разными кушарьями¹. На этомъ же столѣ была небольшая елка (stromek

¹ Въ то время, когда приходится крѣпшнее Рождество, у язычиковъ-Чеховъ, какъ и у другихъ языческихъ народовъ, праздновался зимній поворотъ солнца, съ котораго начинали прибывать дни, и солнце какъ бы приближалось къ землѣ. Въ *щедрый вечеръ*,—такъ звали,—солнце даже останавливалось на мѣсто, останавливалось и самое время; прошедшее и будущее славались въ одно; небо отверзалось, и видѣлся рай пресвѣтлый, въ которомъ обитало солнце, и въ которомъ никогда не было перемены, а царствовали, напротивъ, вѣчный миръ и счастье. Въ раю постоянно зеленѣли луга и рощи, постоянно цвѣли цвѣты и зрѣли плоды; въ немъ жили боги и души людей, какъ родившихся, такъ еще и не родившихся. Особенно же въ *щедрый вечеръ*, все цвѣло въ раю, такъ что въ это время свѣтъ райскій отражался и на землѣ. Земля становилась совершенно отблескомъ рая, и на ней все цвѣло даже подъ свѣгомъ.

вадошну), ужинавшая яблоками, грушами, грецкими орѣхами¹, и пр. Отъ восковыхъ свѣчъ зажженныхъ на сакѣ падалъ пріятный свѣтъ. Дѣти бѣгали кругомъ стола и иногда оставались передъ сакюю, любясь развѣтвляющимися на ней лакомствами. Одинъ замѣчалъ, что ему хотѣлось бы достать вотъ это яблоко, другой говорилъ, что яблокъ ему не надо, а лучше возьмъ ту грушу. При этомъ дѣти указывали руками на то, кому что особенно нравилось.

— Что же, началъ дядь-татъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ нашего прихода, — пора, кажется, и ужинать. Давайте-ка садитесь за столъ... Только вотъ что, Францъ, обратился онъ потомъ къ своему старшему сыну, когда всѣ усѣлись: — не забылъ ли ты накормить птицъ и позвать къ ужину деревья?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Францъ, — все уже сдѣлано. Жена ходила въ садъ, а работнику я велѣлъ накормить птицъ.

— Что это значитъ, спросилъ я Франца, — вы зовете къ ужину деревья? Такъ, стало-быть, и сакъ явилась сюда по особому приглашенію?

— Знаете, это у насъ такое обыкновеніе, говорилъ онъ, немного замѣвшись. — Въ *щедрый вечеръ*, передъ самымъ ужиномъ, кто-нибудь изъ домашнихъ идетъ въ садъ, обвязываетъ нѣкоторыя плодовые деревья соломой, трясеть² ихъ и приговариваетъ: *vsecky stromu pojďte k nam*

Оттого въ *щедрый вечеръ* можно было или войти въ рай, или, по крайней мѣрѣ, видѣть на землѣ его отблескъ, это сарау. Въ вечеръ передъ Рождествомъ щедро раздавались людямъ всѣ небесныя и земныя блага; отсюда происходитъ и чешское названіе вечера — *štedrý*. Такимъ образомъ, этотъ вечеръ всегда славился, и теперь славится, съ особою торжественностію. У Чеховъ, въ *щедрый вечеръ*, каждый домъ долженъ представлять собою маленькій рай.

¹ Строчекъ вѣношу (сакъ) служатъ здѣсь подобіемъ райскаго дерева и омыломи обила всѣхъ плодовыхъ деревьевъ въ наступающемъ году.

² Трясти деревья и приглашать ихъ къ ужину въ *щедрый вечеръ* — одинъ изъ главныхъ обычаевъ чешскихъ. Этимъ выражается желаніе пробудить деревья отъ зимняго сна. Иногда, кромѣ того, передъ восходомъ солнца, отецъ или мать выводятъ своихъ дѣтей въ садъ, гдѣ трясъ то или другое дерево, говорятъ: *stroměku vstávej, ovoce dávej, dnes je štedrý den* (вставай дерево, давай намъ плодовъ; нынче вѣдь щедрый день). При этихъ словахъ, они бросаютъ на деревья яблоки и груши, которыя, разумеется, тотчасъ же падаютъ на землю, гдѣ дѣти собираютъ ихъ, повторяя: *stroměček vstával, ovoce dával, ze je štedrý den* (дерево вставало, плоды давало, потому что насталъ щедрый день). См. „Bájeslovní

к večerí (всѣ деревья младости просимъ къ намъ ужинать). Кроме того, передъ ужиномъ же, хозяинъ дома, или кто-либо другой, на дворѣ дѣлаетъ изъ цѣпи кругъ, или просто кладетъ на землю обручъ, бросаетъ въ середину круга три горсти муки, три горсти крупъ, гороху и пр., осыпаетъ домашнихъ птицъ и кормитъ ихъ всѣхъ всѣхъ, для того чтобъ они жили согласнѣе.

Въ числѣ кушаньевъ, стоявшихъ на столѣ, главное мѣсто занимали вѣночки ¹ (vánočky), или шедровки (štedrovky) и колачи (koláče) ² съ макомъ, съ творогомъ и черносливомъ. При самомъ началѣ ужина каждый получилъ по вѣночкѣ, а пану-татъ и Францу поданы были самыя большія вѣночки, чѣмъ, какъ мнѣ тутъ же объяснили, выражается желаніе, чтобы въ наступающемъ году въ ихъ домѣ было изобиліе во всемъ, особенно же, чтобы былъ хорошій урожай въ полѣ. Затѣмъ слѣдовали бухты (buchty) ³, ливанцы

kalendář slovanský čili pozůstatky pohanů svátečných obřadů slovanských.
J. J. Hanuš.

¹ Рождественскіе праздники называются по чешски „vánoce“ или „vánočné body.“ Слово vánoce составлено изъ va и pose. Первое образовалось отъ корня vie, vie, великій, который первоначально долженъ былъ произноситься vai. Vai постепенно переходило въ vá, потомъ въ vie, vě и наконецъ въ vá; слѣдовательно и va означаетъ то же, что vie, vě, то-есть великій. Nese, ночи; vánoce, великія ночи (русск. святые вечера, святки). Такимъ образомъ vánočka означаетъ хлѣбъ святочный, рождественскій. Вѣночка готовится изъ пшеничной муки и состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ. Первый слой дѣлается въ видѣ цифры 8, на него кладется второй слой точно такой же формы, только меньшаго объема, на второй слой—третій, еще меньшій и т. д. Затѣмъ вѣночка убирается миндалями и изюмомъ. Вѣночка имѣетъ такое значеніе, что даже и самое ея приготовленіе сопровождается особыми обрядами. Такъ напримѣръ, когда гѣсто для вѣночки уже замѣшено, хозяйка идетъ въ садъ и здѣсь, еще мокрыми отъ гѣста руками, обнимаетъ плодовыя деревья, желая этимъ сообщить имъ силу плодородія.

² Для колачей гѣсто разучивается очень тонко. Сочень бываетъ разной величины, это совершенно зависитъ отъ воли хозяйки. Когда сочень готовъ, на него кладется макъ съ миндалемъ, или сливы, или творогъ съ изюмомъ, или яблоки, обливается то сливками, то сметаной и пр. Края сочня иногда загигаются немного, а иногда и нѣтъ. Когда колачи испекутся, то большіе разрѣзываются на мелкія части, а потомъ подаются на столъ; масляныя же подаются на столъ цѣлыми. Чешскіе колачи очень вкусны. Нѣмцы предпочитаютъ ихъ своимъ Kuchen'amъ, и даже приняли въ свой языкъ чешское слово koláče. Они обыкновенно говорятъ и пишутъ: Kolatschen.

- Бухты тоже родъ колачей, но только гѣсто для нихъ дѣлается пышнѣе, и часто они готовятся безъ всякой начинки.

(lívanse), вѣдоки (vdolky) ¹ и кнедлики (knedlíky) ². Рыбныя кушанья ³ были тоже въ большомъ количествѣ, но они какъ будто исчезли передъ ваячками, колачами и бухтами, на которые было обращено общее вниманіе.

Во время ужина всѣ были веселы; говоръ и смѣхъ не умолкали. Меня постоянно спрашивали о русскихъ рождественскихъ обычаяхъ. Я разказывалъ, разумѣется, какъ могъ. Если же чего не умѣлъ передать, на помощь мнѣ сейчасъ являлся Адольфъ, который уже не дурно говорилъ по-русски и очень много читалъ о Россіи. Всѣхъ занимало то, что въ Россіи есть много обычаевъ, совершенно сходныхъ съ чешскими.

— Да вѣдь какъ же, замѣтилъ Франць,—мы всѣ Славяне. Я думаю, и языкъ-то русскій не очень много разнится отъ нашего. Разказываютъ, что когда проходили здѣсь въ 13 и 14 годахъ русскіе солдаты, то наши крестьяне говорили съ ними и другъ друга хорошо понимали.

По общей просьбѣ, я сказалъ нѣсколько русскихъ словъ, сходныхъ съ чешскими.

— Ну, вотъ, вотъ, продолжалъ Франць.—Ахъ, ты, Боже мой! Панъ Троянскій живеть за нѣсколько сотъ миль отсюда, а тамъ все-таки говорятъ сходно съ нами! Нѣмцы и близко около насъ, а мы не поймемъ другъ друга.

— А велика эта Россія! присовокупилъ панъ-тата.—Вотъ, смотрѣлъ я на карту: Нѣмцы, Франція, Австрія, Англія, Россія; ну, нѣтъ, противъ русской земли не будетъ ни одна земля. А о Чехіи ужъ нечего и говорить. Да знаете чтò, обратился онъ потомъ ко мнѣ, немного понизивъ

¹ Lívanse, это русскіе блины. Самое уже слово указываетъ на способъ приготовленія кушанья. Lívanse происходитъ отъ слова *liti*, сѣдъ это — жидкое тѣсто, вылитое на сковородку и потомъ зажареное. *Vdolky* походятъ на наши аладьи, приготовляемыя обыкновенно на такихъ сковородахъ, на которыхъ дѣлается нѣсколько углубленій. Чешское слово *vdolky* происходитъ отъ *dol*, углубленіе; *vdolky* есть такое кушанье, которое готовится изъ муки и жарится на сковородѣ съ нѣсколькими углубленіями.

² *Кнедлики* приготовляются изъ муки, яицъ и масла, имѣютъ круглую форму и варятся въ водѣ. Потомъ обливаются масломъ и подаются на столъ. Въ нихъ иногда кладется черносливъ. Перечисляемая здѣсь и выше кушанья, исключая ваячекъ, въ семействахъ приготовляются обыкновенно къ каждому большому празднику.

³ Въ шедрый день церковь запрещаетъ ѣсть мясо.

голосъ,—мы часто здѣсь толкуемъ объ этомъ, вѣдь вашъ-то царь былъ бы еще славѣе, еслибы поменьше слушалъ Нѣмцевъ. Этихъ господъ мы ужъ знаемъ хорошо. Они ни намъ, никому въ свѣтѣ не желаютъ добра.

— Ахъ, Боже мой! прервала нашъ разговоръ тетка Адольфа:—заявлясь вы этой политикой, да и забыли о томъ, что стоитъ передъ вами на столѣ. Вотъ *бухтички, ливанцы, ки ед лажы*... берите, пожалуйста, успѣете и послѣ наговоритесь. Панъ Троянскій, обратилась она затѣмъ ко мнѣ съ самою привѣтливою улыбкой,—прошу васъ, кушайте. Возьмите вотъ эту *бухтичку*...

Нѣсколько разъ тетка Адольфа заговаривала со мною по-нѣмецки. То же самое повторилось и теперь. Сначала это меня удивляло, и я никакъ не могъ объяснить себѣ подобную странность,—въ домѣ чешскаго крестьянина, и притомъ далеко отъ нѣмецкихъ границъ, слышать нѣмецкій говоръ! Но дѣло оказалось очень простымъ. Она и ея сестра, покойная жена пана-таты, еще въ дѣтствѣ, переселились съ отцомъ и матерью изъ Саксоніи въ Гудлицы. Поставленная здѣсь въ необходимость говорить только по-чешски, онѣ почти совсѣмъ забыли нѣмецкій языкъ. Но, между тѣмъ, въ теткѣ Адольфа, все-таки еще осталось воспоминаіе о своемъ происхожденіи съ нѣмецкой стороны, и она чрезвычайно любила сказать иногда пять-десять словъ нѣмецкихъ. Доброе созданіе эта старушка! Ея простота, ея привѣтливость съ перваго раза располагали къ ней каждаго.

— Что, что ты говоришь, тетя? засмѣялся Францъ, когда тетка заговорила со мною по-нѣмецки:—я не понимаю ни полслова. Скажите, пожалуйста, панъ Троянскій, тоже самое по-русски, прибавилъ онъ потомъ, обращаясь ко мнѣ.

Я повторилъ слова тетки по-русски, раздѣльно и громко.

— Понимаю, все понимаю, вскричалъ Францъ,—каково? Не правду ли я говорилъ?

— Дѣло ясное, замѣтилъ Адольфъ сухо, какъ филологъ,—не можетъ-быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всѣ мы—Чехи, Русскіе, Поляки, Хорваты, Болгары—составляемъ одинъ великій народъ, извѣстный подъ именемъ Славянъ.

Ужинъ кончился.

— Смотрите же, говорилъ панъ-тата, — остатками ужина надо распорядиться какъ слѣдуетъ. Что въ щедрый вечеръ останется отъ ужина, говорилъ онъ потомъ мнѣ, — то дается коровамъ, чтобы былъ хорошей удой отъ нихъ. Все это, разумѣется, пустяки, но ужь такъ ведется изстари, такъ дѣлали наши отцы. Щедрый вечеръ, какъ видите, богатъ обыкновеніями. Чтобы, напримѣръ, собака была зла, ее кормятъ чеснокомъ и потомъ обводятъ три раза около дома; чтобы неслись курицы, хозяйка бросаетъ имъ горсть гороха. А загляните-ка чрезъ полчаса въ *шалунку*, гдѣ живетъ башмачникъ; тамъ начнется ворожба, и вы увидите много интереснаго.

— Съ удовольствіемъ, только съ вами вмѣстѣ, отвѣчалъ я.

— Хорошо...

— А постылись ли вы сегодня? спросилъ Францъ своихъ дѣтей, когда всѣ встали изъ-за стола.

— Мы не обѣдали, отвѣчали дѣти.

— Но все-таки голодны не были? Ну, да дѣлать нечего, надо вамъ показать золотого поросенка.¹ Смотрите же.

Францъ взялъ въ одну руку небольшое зеркало, въ другую зажженную свѣчу. Держа свѣчу передъ самымъ зеркаломъ, онъ постоянно колебалъ послѣднее, отъ чего на стѣнѣ и на потолкѣ показывались свѣтлыя пятна, постоянно перебѣгавшія съ мѣста на мѣсто.

— Ну, вотъ, вотъ вамъ и золотой поросенокъ, повторялъ Францъ.

Дѣти были довольны и отъ души смѣялись. Они развеселились еще болѣе, когда получили по нѣсколько яблокъ, грушъ и орѣховъ, снятыхъ для нихъ послѣ ужина съ елки².

¹ Въ щедрый вечеръ, какъ сказано выше, отверзается небо, видѣется пресвѣтлый рай, въ которомъ обитаетъ солнце, а свѣтъ райскій отражается въ видѣ той или другой звѣзды. Въ Чехіи родители иногда вводятъ въ щедрый вечеръ своихъ дѣтей на улицу и, указывая имъ на какое-либо созвѣздіе, говорятъ, что это *zlaté prasátko*; иногда же, не желая выходить изъ комнаты, дѣлаютъ такъ, какъ сдѣлалъ Францъ.

² Большія дѣвицы, желая узнать свою будущность, бросаютъ на елку вѣлки. Если брошенный вѣлокъ съ перваго же раза останется на елкѣ то бросившая его дѣвица скоро выйдеть замужъ. Въ противномъ случаѣ, она еще столько лѣтъ должна оставаться въ дѣвицахъ, сколько разъ упадетъ съ елки брошенный на нее вѣлокъ.

Около десяти часовъ приѣхалъ П. А. Р...й. Столъ еще не былъ убранъ. Его попросили садиться и ужинать. Повторилось, конечно; то же самое, что было и при моемъ приѣздѣ. Начались разпросы, дѣти внимательно разсматривали новаго гостя, и черезъ нѣсколько минутъ были уже коротко знакомы съ нимъ.

Между тѣмъ, въ соседнемъ небольшомъ домикѣ, или въ *залупкѣ*, гдѣ жилъ башмачникъ съ семействомъ, происходила теперь совершенно другая сцена. Тамъ собралось нѣсколько дѣвицъ, и тотчасъ же послѣ ужина начались гаданья.

Однѣ дѣвицы несли въ садъ колачи, или куски рыбы; оставшіеся отъ ужина, клали ихъ подъ деревья, и потомъ трасли послѣднія, приговаривая:

Pověz ty mi stromě,
Kde můj milej dnes je?
Trasu, trasu, träs,
Ať se ozve pes.

Скажи ты мнѣ древо
Гдѣ теперь мой милый?
Трасу, трасу-трасъ,
Пусть зазвезъ песь.

При послѣднихъ словахъ дѣвицы прислушивались, откуда раздастся лай собаки, потому что съ той же самой стороны надо ожидать и жениха.

Другія выливали передъ воротами помои, накопившіеся въ продолженіе щедраго вечера, говоря при этомъ:

Nesu, nesu vodu
O vanočnim hodu
Před vrata na drníček,
Na zelený trávníček.—
Vodo, vodičko studeničká!
Nese se ti večeríčka:
Pověz ty mne pravdu,
Co se tě ptát budu;
Kam se dostanu,
Na kterou stranu.
Kde můj chodi dnes
Ozvi se mi pes.
Jest-li na mne myslí,
A jak o mě smejšli,
Vezme-li mne, neb ne,
Na které straně je.
Ať bouchá neb seká,
Troubí aneb píská,
Štříhá nebo práská;
Řezá aneb jede,
V mlejné-li mele,
Odpověz mi směie.

Несу, несу воду
Въ рождественку пору
Передъ ворота на дернъ,
На зеленку травку.
Вода, студеная водичка!
Вотъ тебѣ ужамъ:
Скажи ты мнѣ вою правду,
О чемъ я тебя спрашивать буду:
Куда выйду замужъ,
На которую сторону?
Гдѣ теперь мой милый,
Пусть зазвезъ песь;
Думаетъ ли онъ обо мнѣ,
И что именно думаетъ,
Возьметъ меня, или нѣтъ,
Въ которой сторонкѣ живетъ.
Бьетъ молотомъ, или рубитъ,
Трубитъ, или свищетъ,
Стрѣляетъ, или хлопаетъ бичомъ.
Рѣжетъ, или ѣдетъ,
Или на мельницѣ мелетъ,
Скажи ты мнѣ смѣло.

Послѣ такого вступленія дѣвица оборачиваетъ вверхъ двоякъ ведро, или чашку съ помоаки, прикладываетъ ко дву ухо и слушаетъ, откуда и какой раздается звукъ. Если слышится звукъ молота, то мужъ будетъ кузнецъ; слышится стукъ мельничныхъ колесъ—мельникъ; слышится музыка—музыкантъ; слышится звукъ рожка—пастухъ; ударъ бичомъ—извозчикъ или пахарь и проч. Притомъ, жениха надо ожидать съ той именно стороны, откуда слышится тотъ или другой звукъ.

Однѣ дѣвицы смотрѣли въ печь, при темнотѣ, думая тамъ узнать свою судьбу: если въ печи виденъ огонь, то быть пожару; слышится молящійся голосъ—надо готовиться къ смерти; слышится музыка—будетъ свадьба, и проч. Другія дѣвицы бросали въ колодець ¹ куски замочекъ, оставшіеся отъ ужины, орѣхи, яблоки и т. п., и говорили при этомъ: „studánko! tu ti nesu večerícku, pověz ty mně pravdu, co se té ptát budu“ (колодець! я привнесла тебѣ ужинъ, скажи же ты мнѣ правду, о чемъ я тебя буду спрашивать). Разумѣется, начинались вопросы о томъ, что дѣлаетъ милый, откуда придетъ женихъ, скоро ли будетъ свадьба.

Прислушиваясь къ отвѣтамъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, дѣвицы спѣшили потомъ въ горницу, чтобы тамъ передать подругамъ все видѣнное и слышанное ими и, въ свою очередь, узнать отъ нихъ, что онѣ видѣли и слышали. Отъ того, въ *халупкѣ* былъ постоянный говоръ, постоянная бѣготня,—кто приходилъ, кто уходилъ. „Ну что, что ты видѣла?“ встрѣчали обыкновенно дѣвицы вопросомъ каждую входившую, послѣ чего вшедшая начинала разказывать о своихъ походахъ. „Теперь пойду я,“ слышалась чей-либо другой голосъ.

Въ заключеніе, дѣвицы, всѣ вмѣстѣ, стали лить олово, гадая о своей судьбѣ по той формѣ, какую принималъ слитокъ. Походилъ ли слитокъ сколько-нибудь на телѣгу, или

¹ Въ щедрый вечеръ свѣтъ райскій отражается на землѣ, и всего сильнѣе отражается въ водѣ. Слѣдовательно, въ водѣ скорѣе можно увидеть что дѣлается на небѣ, какая кому судьба готовится тамъ. И у Чеховъ есть повѣрье, что кто въ щедрый вечеръ посмотритъ въ воду, тотъ непремѣнно узнаетъ свое будущее. Часто въ лунную ночь, около двѣнадцати часовъ, дѣвицы ходятъ на прудъ, или на рѣку, смотрятъ здѣсь въ прорубь и видятъ то грѣбъ, то вѣнецъ....

из плугъ,—дѣвушки говорили своей подругѣ, которая лила олово, что она выйдетъ замужъ за крестьянина; выливался какой-либо звѣрь, или ружье,—нѣсколько голосовъ кричали: „ты выйдешь за охотника...“ и проч. Часто слитокъ принималъ самую неопредѣленную форму, и между дѣвицами завязывался споръ о томъ, что означаетъ слитокъ. „Это церковь,“ говорила одна. „Нѣтъ, какая церковь,“ отвѣчала другая, скорѣе же домъ; видишь, крыльцо, окна, крыша... кажется, ясно...“—„И не церковь, и не домъ,“ замѣчали другія дѣвицы, это просто телѣга, а въ ней сидятъ люди и ѣдутъ на свадьбу. Э! Божена, скоро будетъ твоя свадьба.“

Божена, къ которой относились послѣднія слова, зарумянилась, потупила глаза и тихо проговорила: „Не правда, слитокъ совсѣмъ не походитъ на телѣгу. Лучше я переволю еще разъ!“

Божена снова лила олово, и на этотъ разъ гораздо удачѣе. Вышло что-то похожее на свадебный поѣздъ. „Ну, вотъ смотри, смотри,“ говорили ей подруги; теперь вышло опять то же самое; ужъ видно скоро распростишься ты съ дѣвичьимъ житьемъ. А вспомнишь еще о немъ, да иногда и пожалѣешь.“

Но дѣвицы завидовали Боженѣ, и сами желали бы быть на ея мѣстѣ¹.

Гаданія продолжались до самой полночи, и только колокольный звонъ заставилъ дѣвицъ разойтись. Это былъ звонъ призывавшій народъ въ церковь привѣтствовать тамъ родившаго Христа...

Полночью оканчивался щедрый вечеръ, этотъ таинственный праздникъ, эта дивотворная ночь, какъ говорится въ одной народной чешской пѣснѣ!

Насталъ первый день Рождества (hod boží), настала тишина. Какъ бы въ противоположность щедрому вечеру, весь слѣдующій день посвященъ былъ исключительно христіанскимъ обычаямъ. Кромѣ упомянутаго полночнаго богослуженія, утромъ съ большою торжественностію соверша-

¹ Есть еще гаданье орѣховыми скорлупами. Тутъ уже гадаютъ вмѣстѣ и дѣвицы и мужчины. На столѣ ставится обыкновенно большое блюдо съ водою. Дѣвицы ставятъ въ скорлупы грецкихъ орѣховъ бѣлые восковыя свѣчи, а мужчины—розовыя, зажигаютъ ихъ, пускаютъ скорлупы на воду и смотрятъ куда оны поплывутъ. Если встрѣтится скорлупа дѣвицы съ скорлупою мужчины, то въ наступающемъ году будетъ свадьба.

лась литургія, и послѣ обѣда, отъ двухъ до четырехъ часовъ, было такъ называемое роженіи (вечерня). Въ продолженіе цѣлаго дня народъ постоянно шелъ то въ церковь, то изъ церкви; но, несмотря на такое движеніе, въ селеніи царствовала глубокая тишина, не прерывавшаяся ни малѣйшимъ шумомъ, ни малѣйшимъ безпорядкомъ.

Послѣ обѣдни мы зашли къ священнику, который принималъ насъ съ большимъ радушіемъ. Въ разговорѣ съ нимъ, дѣло коснулось политики и литературнаго общества, которое устраивалось крестьянами въ Гудлицяхъ. Священникъ доказывалъ, что, при настоящемъ движеніи народномъ, подобныя общества могутъ принести весьма большую пользу. „Нашъ народъ, говорилъ онъ, грамотенъ: у насъ каждый крестьянинъ умѣетъ читать и писать и, что всего важнѣе, почти каждый читаетъ съ охотою, лишь бы только было что читать. Къ сожалѣнію, нѣсколько лѣтъ мы не имѣли ни одного политическаго органа, тогда какъ для насъ прежде всего необходимо политическое воспитаніе. Только теперь мы начинаемъ понемногу расправлять свои крылья; недавно стала издаваться газета *Часъ*, а съ новаго года будутъ выходить *Народные Листы*. Крестьяне непременно должны читать эти газеты. Между тѣмъ каждый не можетъ выписывать ихъ; очевидно, для этого надо сложиться нѣсколькимъ человѣкамъ вмѣстѣ, надо составить небольшое общество, которое бы выписывало газеты, и члены котораго въ извѣстное время сходились бы вмѣстѣ для чтенія. Такъ дѣлается у насъ уже во многихъ деревняхъ; только мы, гудлицкіе, поотстали отъ другихъ, тогда какъ этому не слѣдовало бы быть, потому что здѣсь родина одного изъ первыхъ воскресителей народности чешской, Юнгмана. А есть ли въ вашихъ селеніяхъ подобныя литературныя общества?“ обратился потомъ священникъ къ намъ съ вопросомъ.

— У насъ вы найдете ихъ даже не въ каждомъ городѣ, отвѣчалъ одинъ изъ насъ.— Впрочемъ, есть три или четыре сельскія литературныя общества; но много ли это сравнительно съ громадною русскаго народонаселенія? Чеховъ только три милліона, а у нихъ болѣе литературныхъ обществъ въ селеніяхъ нежели у насъ въ Россіи, гдѣ считается слишкомъ пятьдесятъ милліоновъ жителей... Да, вашъ народъ стоитъ на высокой степени образованія.

— Этому много содѣйствовало, продолжалъ священникъ,— исключительное положеніе чешской земли. Находясь въ центрѣ Европы, Чехи съ давнихъ временъ были въ сношеніяхъ со многими европейскими народами. Они, конечно, не перенимали отъ сосѣдей всего безъ разбору, не подражали имъ слѣпо, потому что въ прежнее время и тѣ народы относительно образованія не стояли выше Чеховъ; къ тому же, и отношенія Чеховъ къ некоторымъ изъ западныхъ народовъ, особенно къ Нѣмцамъ, не могли благоприятствовать такому подражанію: эти отношенія были большею частію непріязненныя. Но уже одно столкновеніе съ сосѣдскими народами, какого бы оно было свойства, много способствовало развитію Чеховъ, вызывало ихъ къ жизни дѣятельной и разумной.—Мы бы и теперь, навѣрное, не отставали отъ другихъ, присвокупилъ священникъ съ сознаниемъ собственнаго достоинства, — если бы только счастье не измѣнило намъ, если бы мы не лишились самостоятельности. Сколько несчастій обрушилось на насъ съ того времени, сколько преслѣдованій мы должны были вынести! И свѣтъ считалъ было насъ уже совсѣмъ погибшими... Но посмотрите: развѣ мы не живемъ теперь, развѣ мы исчезли съ лица земли?..

Священникъ задумался и потомъ черезъ минуту сказалъ:— Послѣзавтра, господа, будетъ происходить открытіе нашего общества. Вы, конечно, придете на этотъ праздникъ.

— Да, батюшка, намъ бы хотѣлось быть на немъ, отвѣчали мы.

— Милости просимъ, говорилъ священникъ, милости просимъ!

Мы разстались дружески, и священникъ просилъ насъ заходить къ нему потолковать о политикѣ, пока будемъ жить въ Гудлицяхъ. Толковать о политикѣ! Вѣчная политика! Это какая-то болѣзнь, зараза, отъ которой нигдѣ не спасешься! Политика преслѣдуетъ васъ постоянно на каждомъ шагѣ! Чеховъ считаютъ хорошими филологами, и въ шутку часто говорятъ, что если сойдутся вмѣстѣ три, четыре Чеха, то между ними сейчасъ же завязывается споръ о томъ, отъ чего происходитъ слово *však*, откуда взялось *ú*, *í* и пр. Отчасти это справедливо. Филологія, особенно славянская, процвѣтаетъ въ Чехіи. Но страсть

Чеховъ къ филологіи отступила въ послѣднее время на второе мѣсто, а первое мѣсто заняла страсть къ политикѣ. Войдите теперь въ любое чешское общество, и вы непременно услышите толки о политикѣ. Войдите въ кофейню или въ гостиницу; тутъ двое, тамъ трое, пятеро; прислушайтесь, о чемъ идетъ толкъ въ этихъ кружкахъ: вездѣ непременно о непрочности Баховской системы правленія, о значеніи Чеховъ въ исторію, о федеративномъ устройствѣ Австріи и т. д. Сколько самыхъ животрепещущихъ, самыхъ интересныхъ вопросовъ! Можно ли быть къ нимъ равнодушнымъ? Страсть къ политикѣ проникла во всѣ слои чешскаго общества, проникла въ самыя отдаленныя захолустья такъ-называемаго Чешскаго королевства. Страсть къ политикѣ овладела даже прекраснымъ поломъ, и теперь не рѣдкость видѣть какую-либо демонстрацію со стороны чешскихъ дамъ. Дается, напримѣръ, большая бесѣда, или что то же, балъ. Всѣ дѣвицы являються на балъ въ народныхъ платьяхъ. Въ огромномъ залѣ видныются только бѣлый и розовый цвѣта, слышится только чешскій говоръ. Вы заговариваете съ дѣвицей о танцахъ, о музыкѣ, разговоръ вашъ не клеится; что дѣлать, какъ выйдти изъ бѣды? Вы сейчасъ же призываете на помощь политику, и дѣло поправлено. Ваша прекрасная собесѣдница, годъ тому назадъ почти-что не умѣвшая говорить по-чешски, сильно негодуетъ на правительство за то что оно такъ несправедливо къ Чехамъ, что оно такъ святотатственно попираетъ права народностей. Ваша прекрасная собесѣдница находитъ, однако, что Чехи дѣйствуютъ очень хорошо, находятъ, что они въ политическомъ отношеніи стоятъ выше Нѣмцевъ... „Но, Боже мой! восклицаетъ она, глубоко вздыхая: что будетъ съ нами, если опять настанетъ реакція? Кажется, чего бы лучше федеративнаго устройства для Австрійскаго имперіи, какъ это предлагаютъ Палацкій и Ригеръ? Иначе не будетъ конца неудовольствію народовъ. А что если распадется Австрія? Боже мой! Чехію присоединять къ Пруссіи, и тогда намъ будетъ еще хуже!..“ Нисколько не удивительно, поэтому, что и гудлицкій священникъ, при первой же встрѣчѣ съ нами, заговорилъ о любимомъ предметѣ, о политикѣ.

Вечеръ перваго рождественскаго дня прошелъ вообще

тихо. Всѣ оставались дома и проводили время въ семейномъ кругу.

На другой день, часовъ съ шести утра, началось колядованье. Дѣти бѣгали изъ дома въ домъ, распѣвая коляды и собирая колачи, бухты, ливанцы и деньги. Иногда они являлись цѣлыми толпами, и пѣли всѣ вмѣстѣ, хоромъ. Въ такомъ случаѣ не было никакой возможности разобрать, чтò такое они пѣли, потому что все сливалось въ одну общую дисгармонію. Колачи и деньги собирались въ общій мѣшокъ, и дѣлежъ происходилъ уже послѣ, по окончаніи колядованья. Большею же частию дѣти колядовали во одиночку. Вотъ прибѣгаетъ къ намъ одинъ молодецъ и, замѣтивъ, что въ домѣ есть какіе-то пріѣзжіе гости, начинаетъ длинную, предлинную исторію, чтобы получить лишній колачъ или крейцеръ. Онъ поетъ:

Pojďte bratři k nám
 Koledy vám dám!
 Po jablíčku, po oříšku;
 Obklemem se do kožíšku,
 Budem zpívatí,
 Koledovatí.
 Již je zima, mráz,
 Slyším divný hlas.
 Ptáci v půlnoci zpívají,
 A pastuškové troutějí,
 A co nového,
 Neslýchaného?
 V oblacích jasný.
 Anděl se vznáší.
 Divným hlasem prozpěvnje
 Radost lidem vyjevuje.
 Narodil se nám,
 Ježíš, Bůh a Pán.
 Leží v Betlemě,
 V chlévě na seně.
 Nemá žádné poduštičku,
 Ani chatrné plencičku,
 Dítě chudobné,
 Je tam na seně.
 Nuž pacholátka,
 I vy děvčátka!
 Velká, malá se sejděte
 Ježíškovi dary dejte.
 Housky, koláče,
 Ať nám ne pláče.
 Barborka běží,

Идите братцы къ намъ,
 Коляды вамъ дамъ, —
 По яблочку, по орѣшку.
 Надѣнемъ тулупчику,
 Станемъ пѣть,
 Колядовать.
 Ужъ зима, морозъ,
 Слышу дивный гласъ.
 Въ полночь птички поютъ,
 А пастушки трубятъ;
 Чтò же новаго,
 Неслыханнаго?
 Въ облакахъ свѣтлый
 Ангелъ возносится.
 Дивнымъ голосомъ воспѣваетъ,
 Радость людямъ возвѣщаетъ.
 Родился днесь
 Иисусъ, Богъ и Господь.
 Лежить въ Вилелемѣ,
 Въ хлѣвѣ, на снѣ.
 Нѣтъ у него ни подушечку,
 Ни плохой пеленочку,
 Дитя бѣдное,
 Оно тамъ на снѣ.
 Ну же, ребяточку!
 И вы дѣвочки!
 Большіе, малые, идите,
 Подарку Иисусу несите.
 Булочки, колачи,
 Чтòбъ онъ не плакалъ.
 Варвара бѣжитъ.

Už je u dvéři
Nese v hrnku smetaničku,
Hrudku másla a krupičku
Vaří kašičku,
Tomu Ježíšku.
Běž do lesa, běž,
Vášo si pospěš.
Naber dřívka jen suchého,
Ušetř Ježíška milého,
By nemrz simou,
S matičkou milou.
Vavřina s basou
Jde se svou chasou,
Dudy si vzal Bartonček,
Cymbál, housle nes Jiříček.

Všickni se sešli,
U jesli klekli.
Tu hnedky hráli
Malému králi.
Břínky, břínky, tramtarala,
Dudli, dudli, tidli tadla,
Hopsa, hejasa!
Zpívala chasa.
Jozef kolibá,
Vul, osel dýchá,
Zahřívají Jezulátko
Krásné malé pacholátko,
By neplakalo
Zimou nezmrzlo.
Evičko zlostná,
Tys neposlušná,
Nechtěla si v noci vstáti,
Ježíškovi dary dáti.
Ty nemáš milost,
Ty poznáš žalost.
Počkej uhlidáš,
Ten rok se nevdáš.
Ty zůstaneš starou pannou,
Ty nebudeš nikdy babou,
Počkej uhlidáš,
Ten rok se nevdáš.
Kteří jsme vstali,
Do Betlema šli,
Tobě muziku dělali,
Pacholátko jsme spatřili.
Dočkali jsme zas,
Ten vánočný čas.
Bud' Tobě chvála,

Вотъ ужь она и у дверей,
Несетъ въ горшечкѣ сметанку,
Немного масла и крупокъ,
Варитъ кашку
Младенцу Иисусу.
Бѣга, бѣга въ лѣсъ,
Спѣши, Вадава,
Набери дровъ, но только сухихъ,
Успокой Иисусика милаго,
Чтобъ онъ не замерзъ зимою
Съ мамелькой милою.
Лаврентія съ басомъ
Идетъ съ своею толпою,
Дуды взялъ Бартомичекъ,
Цимбалъ, акрунку несъ Иржишекъ
(Юрѣ),

Всѣ собрались,
Передъ яслями поклонились,
И сейчасъ же заиграли
Для младенца-царя.
Брѣянки, брѣянки, тра, та, ла, ла,
Дудли, дудли, тудли, тудла,
Гопса, гуппала,
Распѣвала толпа.
Иосифъ качаетъ колыбель,
Волъ, оселъ дышать,
Согрѣваютъ Иисусика,
Прекрасное малое дитятко,
Чтобы не плакало,
Зимою не замерзало.
Евухка заяя,
Ты непослушная,
Не хотѣла ночью встать,
Иисусику дары дать.
Нѣтъ въ тебѣ милости,
Ты узнаешь жалость.
Постой увидишь,
Въ этотъ годъ замужъ не выйдешь.
Ты останешься старою дѣвою,
Никогда не бывать тебѣ бабою,
Постой, увидишь,
Въ этотъ годъ замужъ не выйдешь.
Мы, что встали,
Пошли въ Вифлеекъ,
Устроили Тебѣ музыку,
Увидѣли дитятко.
Дождались мы опять
Этой ночи великой.
Да будетъ Тебѣ хвала,

Čest, síla, sláva
 Kriste! v novém narození,
 To pro nás, hříšné stvoření
 Bud' vždycky chválen,
 Na věky, amen.

Честь, сила, слава,
 Христе! Въ новомъ рожденіи,
 Ради насъ, грѣшныхъ.
 Будь всегда хваляемъ,
 Во вѣки аминь.

За тѣмъ прибѣгаетъ другой мальчикъ и, едва переводя духъ, бормочетъ:

Koleda, koleda, Dědku!
 Dej oříšek k snědku.
 Ne dáš-li mi oříšek,
 Roztrhám ti kožíšek,
 Koleda, koleda oknem ven,
 Dej vám Pan Bůh dobrý den.
 Máma zabila slepičku
 Ona neměla pupičku.
 Tatiček se rozhněval,
 Dal mamičce šřapičku.

Коляда, коляда, дѣдушка!
 Дай орѣшекъ орѣшекъ.
 Если не дашь ты мнѣ орѣшекъ,
 Я разорву твой тулупчикъ.
 Коляда, коляда, вылезъ въ окно!
 Дай вамъ Богъ добрый день.
 Мама заколола курочку,
 У которой не было пупочка.
 Тятенька разсердился,
 Далъ маминкѣ пощучку.

Когда уже совсѣмъ разсвѣло и въ домѣ все было убрано, въ нашу комнату вошли, одинъ за другимъ, дѣти Франца и за ними панъ-тата.

— Ну, Христина, начинай, командовалъ послѣдній.

Христина откашлялась и потомъ четко и скоро проговорила одну половину первой, приведенной выше коляды. На половинѣ она вдругъ остановилась, откашлялась еще разъ, но, къ сожалѣнію, никакъ не могла вспомнить, что слѣдовало дальше.

Въ то время какъ колядовала Христина, другія дѣти съ улыбкой и немного, изъ-подлѣбья посматривали на насъ, перешептываясь о чемъ-то между собою.

— Теперь колялуй ты, Пепикъ, продолжалъ панъ-тата.

Пепикъ взглянулъ на сестру и братьевъ, и тихимъ, дрожащимъ голосомъ пропѣлъ:

Koleda, koleda, Štěpáně,
 Co to neseš ve džbáně?
 Nesu, nesu koledu
 Upad jsem s ní na ledu,
 Psi se na mne sběhli
 Koledu mi snědli.

Коляда, коляда, Степанъ¹,
 Чтò это ты несешь въ жбанъ?
 Несу, несу коляду,
 Упалъ съ ней на льду,
 Собаки ко мнѣ подбѣжали
 И мою коляду съѣли.

¹ Имя того святаго, память котораго совершается 26 декабря католическою церковью.

— Это еще не слыхкомъ большое несчастье, замѣтилъ панъ-тата, — получишь за нее другую. Поди же, поди сюда, Франта ¹, продолжалъ онъ, выводя за руку на средину комнаты самаго меньшаго внука: — вотъ такъ, стой здѣсь и начинай коляду.

Малютка робко посматривалъ на всѣхъ и никакъ не рѣшался начать; не доставало присутствія духа. — Нѣтъ, нѣтъ, Франта, поди лучше сюда, говорилъ ему Р.... — Будемъ колядовать вмѣстѣ. При этомъ Р.... погладилъ Франту по головѣ, посадилъ его къ себѣ на колѣни, и облаканный мальчикъ проговорилъ скороговоркой:

Narodil se Kristus Pán,
Radujme se,
Kvítek růže vykvět nám,
Veselme se.
Života čistého
Rodu královského
Nám, nám narodil se ².

Рождается Христосъ Господь—
Радуюся.
Роза разцвѣтаетъ—
Веселимся.
Жизни святой,
Рода царскаго,
Дитя у насъ родилося.

— Молодецъ, молодецъ, Франта, повторялъ панъ-тата, около котораго постоянно вертѣлись внуцата.

Черезъ нѣсколько времени, вошли въ комнату три, уже довольно взрослые мальчика. Это были такъ-называемые три царя, а по Евангелію волхвы отыскивавшіе новорожденнаго Іисуса, чтобы поклониться Ему. На гудлицкихъ царяхъ были изорванные длинныя плащи. Одинъ изъ царей былъ вымазанъ сажей, — это былъ, вѣроятно, царь еѳіонскій; другой держалъ въ рукѣ большую палку на подобіе жезла, а на третьемъ висѣлъ барабанъ, что-то въ родѣ деревяннаго жбана, обтянутаго сверху кожей. Барабанъ издавалъ самыя, такъ-сказать, беззвучныя звуки, подъ которые три царя пѣли:

My tři králové jedem k vám
Šťastí, zdraví přejem vám
Šťastí, zdraví, dlouhá léta,
My jsme k vám přišli zdaleka.
Daleká-li cesta vaše?
Až do Betléma, mysl naše.

Мы три царя ѣдемъ къ вамъ:
Счастія, здравія желаемъ вамъ,
Счастія, здравія, долголѣтія.
Мы пришли къ вамъ издалека.
Далекъ ли путь вашъ?
Наша мысль до Вифлеема.

¹ Сокращенное имя—Франтишекъ.

² Эта коляда поется также и въ церкви, въ первый день Рождества.

Двое изъ царей, обратившись къ третьему, продолжали:

Co pak ty tam černý v zadu
Vysirkuješ na nás bradu?

А ты, черныи, что тамъ назадъ
Высовываешь свою бороду?

Вымазанный сажею царь, къ которому относились предыдущія слова, отвѣчалъ:

Slunce je toho příčina,
Že je má tvář spálena.
Kdybys na slunce nechodil,

Солнце причиною того,
Что мое лицо такъ черно.
Еслибы ты на солнце не ходилъ,

(поютъ далѣе два другіе царя)

Nebyl-by si se opálil.
Slunce jest drabé kamení.
Od Kristova narození.

Ты бы себя такъ не спалилъ.
Солнце—камень драгоцѣнный.
Отъ Христова рождества.

Всѣ трое

Herodes král kouká z okna,
Vidi tři krále zdaleka.
Rame, Rame, Rame!
Koledy žádáme.

Иродъ царь смотритъ въ окно,
Видитъ трехъ царей издалека.
Раме, Раме, Раме!
Коляды просимъ.

По окончаніи колядованія, одинъ изъ царей ударилъ по столу палкою, сказавъ:

Ramš!, Ramš!, Ramš!
Co vám udělíš aneb dáš?

Рамши, Рамши, Рамши!
Что вамъ удѣлишь или дашь.

Царямъ дали по колачу и по крейцеру, и они, раскланявшись, отправились далѣе. За дверями еще долго слышались: бррумъ. бррумъ, бррумъ... Цари барабанили въ благодарность за полученные колачи и крейцеры.

— Ахъ, дѣти, дѣти! замѣтилъ панъ-тата:—сегодня для нихъ самый большой праздникъ. И мы когда-то колядовали; бывало ждешь, не дождешься Св. Стефана; бѣгаешь, бывало, изъ дома въ домъ съ раняго утра до самаго обѣда, а вѣдь висколько не устанешь. Прошло то времечко. Теперь только любишься другими да вспоминаешь свою молодость.

Между тѣмъ готовъ былъ обѣдъ. Всѣ сѣли. Хлопотливыя хозяйки постоянно напоминали намъ, чтобы мы не церемонились, и постоянно приносили все новыя и новыя кушанья. Сначала подавались кушанья мясныя, молочныя, потомъ явились колачи, бухты, вдолки, пиво, а въ заключеніе кофе и черносливъ. За обѣдомъ, между прочимъ, шла рѣчь о предстоящемъ торжественномъ открытіи Юнгмановскаго литературнаго общества.

— Приготовленія дѣлаются уже давно, говорилъ Франць.—

Въ церкви станутъ пѣть большую обѣдню. Вчера спѣвались пѣвчіе. Когоутъ, нашъ сельскій учитель, тоже что-то сильно хлопочеть.

— Мѣсто-то только не большое у Когоута, замѣтилъ панъ-тата:—надо было бы устроить это въ гостиницѣ Моттля.

— Ничего, отвѣчалъ Адольфъ,—мѣста доставаетъ. Третьяго дня я говорилъ объ этомъ съ Когоутомъ. Онъ хотѣлъ вывести изъ своей комнаты все лишнее и запасти побольше стульевъ и скамеекъ.

На другой день, 27-го числа, началась торжественная обѣдня въ девять часовъ утра. Въ церкви собрались всѣ члены литературнаго общества. Много было и постороннихъ. По окончаніи службы, священникъ сталъ говорить проповѣдь, предметомъ которой служила, разумеется, значеніе и важность образовавшагося въ селеніи Общества. Изложеніе проповѣди было очень просто и ясно.

Сначала проповѣдникъ говорилъ о необходимости образованія какъ для каждаго человѣка въ отдѣльности, такъ и для цѣлаго общества. Свѣтъ истины доступенъ всѣмъ, ищетъ ли его крестьянинъ, или купецъ, свѣтскій человѣкъ, или духовный. Конечно крестьянину и обществу не слишкомъ развитому, въ дѣлѣ образованія приходится бороться съ большими трудностями нежели горожанину и обществу людей развитыхъ. Очевидно, также, что одному человѣку труднѣе дается что-нибудь нежели цѣлому обществу, хорошо устроенному и твердо идущему къ предположенной цѣли. Каждое предпріятіе скорѣе и лучше можетъ быть выполнено соединенными силами, потому что одинъ никогда не можетъ сдѣлать того, что въ состояніи сдѣлать нѣсколько человѣкъ, которые дѣлаютъ между собою всѣ обязанности и труды, необходимые для достиженія той или другой цѣли. Если же гдѣ, то особенно въ сельскомъ обществѣ необходимо соединеніе силъ, необходимы единодушіе и взаимное довѣріе крестьянъ, когда предпринимается что-либо полезное для цѣлаго селенія. "Наше литературное общество, продолжалъ проповѣдникъ, можетъ служить для васъ, почтенные слушатели, самымъ лучшимъ доказательствомъ сказаннаго мною. Кто изъ васъ въ состояніи выписывать столько журналовъ, сколько выписываетъ ихъ наше Общество? Да положимъ, что кто-нибудь и могъ бы выписывать, но какая польза была бы отъ этого для другихъ?"

А между тѣмъ, Общество приноситъ пользу не только цѣлому селенію, но даже цѣлому краю, потому что каждый крестьянинъ можетъ сдѣлаться его членомъ, внеся установленную незначительную плату... Кромѣ того, почтенные слушатели, часто по вечерамъ вы сходитесь въ гостиницѣ, гдѣ только и есть что пиво да пустые толки. Не во сто ли разъ лучше для васъ придти вечеромъ въ литературное собраніе, въ которомъ вы услышите много хорошаго, много полезнаго для себя? Если вы потомъ придете и въ гостиницу, такъ все-таки у васъ найдется интересный предметъ для бесѣды. Когда же упрочится наше Общество, когда увеличатся его средства и расширится кругъ дѣятельности, тогда оно, навѣрное, будетъ приносить нашему селенію и болѣе существенную пользу. Сославными силами, какъ я уже сказалъ, скорѣе и вѣрнѣе достигается всякая цѣль. Укажу теперь вамъ другой примѣръ. Никто изъ васъ, никто по крайней мѣрѣ безъ большихъ пожертвованій, не могъ бы купить домъ, въ которомъ родился Юнгманъ, для того только, чтобъ удержать его въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ находится доселѣ; а теперь, посмотрите, въ первое предварительное засѣданіе ваше вы уговорились купить и этотъ домъ, и все мѣсто принадлежащее къ нему, и нѣтъ сомнѣнія, вамъ удастся это, потому что на долю каждаго падутъ не слишкомъ большія издержки. Остается только желать, чтобы наше Общество развивалось все болѣе и болѣе, чтобъ оно вездѣ встрѣчало все большее и большее сочувствіе. Да поможетъ же намъ Богъ въ такомъ благомъ дѣлѣ!"

Проповѣдникъ убѣждалъ крестьянъ надѣяться во всемъ на помощь Божію и не забывать, что только то дѣло вѣнчается успѣхомъ, которое совершается во имя и славу Бога. Призвавъ затѣмъ благословеніе на всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ, онъ обратился съ молитвою къ Всевышнему, чтобъ Онъ испослалъ свою помощь молодому, только что образовавшемуся Обществу, и руководилъ членовъ его къ общему благу и счастью.

Во время этой заключительной молитвы всѣ, начиная съ самого священника, стояли на колѣняхъ. Каждый былъ тронутъ до глубины души, каждый молился отъ чистаго и искренняго сердца. Зрѣлище было величественное! Невозможно было оставаться равнодушнымъ зрителемъ!

Изъ церкви члены общества отправились въ домъ учителя, гдѣ, какъ я говорилъ, происходили обыкновенно литературные вечера, и гдѣ предполагено было собраться послѣ обѣды въ день торжественнаго открытія Общества. Въ комнатѣ было убрано по праздничному. На столѣ стояло нѣсколько бутылокъ вина, хлѣбъ и соль. Стали ожидать священника. Всѣ были въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Общій говоръ шелъ о томъ, какъ бы увеличить средства Общества, какъ бы дать ему болѣе широкіе размѣры. Между тѣмъ, въ сторонѣ, то двое, то трое совѣщались о предстоящихъ выборахъ предсѣдателя, казначея и секретаря.

— А что, сосѣдъ, какъ думаешь, кто бы могъ быть предсѣдателемъ нашего Общества? слышалось не вдалекѣ отъ меня.

— Ну, кто? отвѣчалъ крестьянинъ, къ которому относился вопросъ:—извѣстно Моттель. Онъ человѣкъ умный, ловкій, да притомъ, имѣетъ и порядочное состояніе; онъ ужь, стало-быть, ничѣмъ не покорыствуется. Какъ ты, а я такъ за него.

— Я думаю то же самое, сосѣдъ, продолжалъ первый,—хорошимъ бы предсѣдателемъ былъ Гурза, да онъ, видишь, человѣкъ не здѣшній,—сегодня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ будетъ...

— Такъ, слышишь, станемъ выбирать Моттля...

— Непремѣнно, непременно...

— Итакъ, братцы, слышался голосъ въ другой группѣ,—сегодня мы будемъ выбирать предсѣдателя, казначея и секретаря. Только, смотрите,—осторожность! Ну, кто, по вашему, можетъ быть секретаремъ? Что касается, братцы, меня, я убѣжденъ, что лучше Когоута не найдти никого на эту должность. Онъ такъ читаетъ и говоритъ, что любо слушать. А кто лучше его напишетъ?

— Правда, правда, отвѣчали въ одинъ голосъ двое другихъ,—противъ этого, разумѣется, никто не будетъ.

— Ну, хорошо, продолжалъ опять первый,—а кого вы думаете избрать предсѣдателемъ? Я подамъ голосъ за Гурзу. Недавно у меня захворала лошадь, пала было совсѣмъ, да спасибо, помогъ Гурза. Этого я никогда не забуду. Теперь я готовъ все сдѣлать для него.

— Ты, стало-быть, человѣкъ корыстный, замѣтилъ второй;—ты, какъ видно, не имѣешь въ виду пользы Общества,

тебѣ значить все равно, кто бы ни былъ председателемъ. А отъ председателя, братъ, будетъ многое зависть. Нѣтъ, этимъ дѣломъ нельзя шутить.

— Я знаю это не хуже тебя, и не меньше тебя забочусь о пользѣ нашего Общества отвѣчалъ первый, немного обидѣвшись,—потому-то мнѣ и хочется, чтобы Гурза былъ председателемъ: онъ хорошо поведетъ дѣло, я увѣренъ въ этомъ.

— Знаете что, вмѣшался третій,—какъ хотите, а надо выбирать Моття. Сообразите: вѣдь онъ человекъ дѣльный, да къ тому же, владѣлецъ гостиницы, иногда, стало-вательно, угоститъ васъ и пивомъ...

— Въ самомъ дѣлѣ такъ, началъ опять второй...

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ священника. Всѣ почтительно встали и, поклонившись ему, снова усѣлись по прежнимъ мѣстамъ. Настала минутная тишина. Священникъ заговорилъ первый. „Наконецъ-то, обратился онъ къ собранію, исполнилось наше общее и искреннее желаніе. Отъ души поздравляю васъ, господа. Первый, самый трудный шагъ уже сдѣланъ. Остается только идти далѣе. Но пойдемте далѣе такъ же единодушно, съ такимъ же до-вѣріемъ другъ къ другу, какъ это было доселѣ.“

— Благодаримъ и васъ, батюшка, отвѣчалъ староста,—за ваше участіе, какое вы принимали въ устройствѣ нашего Общества. Мы всѣ питаемъ твердую надежду, что и на будущее время вы не откажетесь помочь намъ и совѣтомъ, и дѣломъ.

— Это моя святая обязанность, продолжалъ священникъ,—обязанность какъ члена Общества и какъ вашего пастыря. Прошу и васъ, съ своей стороны, обращаться ко мнѣ съ прежнимъ до-вѣріемъ, съ прежнею искренностію.

— Что же и будетъ хорошаго, отозвалось нѣсколько голосовъ,—если мы не будемъ до-вѣрять другъ другу?...

Между тѣмъ учитель Когоуть, разливъ въ рюмки и стаканы вино, просилъ священника, старосту и всѣхъ остальныхъ гостей выпить въ честь процвѣтанія Общества. *Al' zije nas sprolek!* (да здравствуетъ наше Общество!) громко раздалось въ комнатѣ.

— Покуда мы живемъ, замѣтилъ одинъ изъ членовъ,—будетъ жить и Общество наше.

— Скажи-ка, братъ, лучше, покуда стоятъ Гудлицы,

отвѣчалъ другой;—развѣ ужь наши дѣти не захотятъ продолжать дѣла, начатаго нами?

— Они должны будутъ продолжать его, должны будутъ продолжать, повторяли нѣкоторые.

— Только одно слово, господа, заговорилъ Адольфъ.—Мы уже пили за процвѣтаніе нашего Общества, но его еще нельзя назвать Обществомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, потому что оно еще не совсѣмъ сформировано, не имѣетъ ни предсѣдателя, ни секретаря, ни казначея. Поэтому, я бы предложилъ посвятить выборомъ упомянутыхъ лицъ.

— И потомъ слова выпить за процвѣтаніе Общества, присовокупилъ кто-то изъ членовъ,—не правда ли?

Общій смѣхъ и возгласы:—да, да, превосходно!...

Прежде всего приступлено было къ выбору предсѣдателя.

Каждый членъ записалъ на лоскуткѣ бумаги имя предлагаемаго имъ кандидата. По окончаніи счета оказалось, что большинство голосовъ было въ пользу уже извѣстнаго намъ Моттля. Далѣе слѣдовалъ выборъ казначея. Большинство голосовъ былъ избранъ Мергоутъ, зажиточный *сидлакъ* (крестьянинъ-собственникъ). Оставалось избрать секретаря, но это дѣло обошлось безъ отбирания голосовъ, потому что кандидатъ былъ одинъ—учитель Когоутъ, и всѣ въ одинъ голосъ крикнули: „Когоутъ, Когоутъ долженъ быть секретаремъ!“

По окончаніи выборовъ повѣрена была сумма, хранившаяся доселѣ у учителя Когоута, и передана новому казначею, вмѣстѣ съ приходо-расходными книгами.

Избранные благодарили Общество за то довѣріе, которымъ оно почтило ихъ, обѣщаясь, съ своей стороны, вполне оправдать это довѣріе.

— Надѣюсь, говорилъ между прочимъ предсѣдатель,—надѣюсь, почтенное общество извинить на первый разъ тѣ недостатки, въ которыхъ можетъ-быть провинимся мы при отправленіи нашихъ трудныхъ обязанностей. Но если и произойдутъ какія неисправности, то Общество можетъ быть увѣрено, произойдутъ онѣ не отъ злонамѣренности или нерадѣнія, а единственно отъ неопытности. Мы, разумѣется, всѣми силами будемъ стараться, чтобъ Общество наше получило возможно хорошее устройство, какъ внѣшнее, такъ и внутреннее. Но одно желаніе дѣйствовать честно и добросовѣстно еще не ручается за успѣхъ дѣла. Что касается

въ частности меня, господа, я прошу васъ указывать мнѣ прямо мои недостатки и не оставлять меня своими совѣтами, потому что только въ такомъ случаѣ, то-есть только при взаимномъ довѣрїи, можно ручаться за успѣхъ и процвѣтаніе нашего Общества. Да здравствуетъ же и процвѣтаетъ оно!

Снова хлебнули изъ *кружекъ* и снова раздалось: *at' žije náš spolek!*

Мергоуть и Когоуть сказали нѣсколько словъ въ такомъ же смыслѣ. Пишутъ потомъ за здоровье предсѣдателя, казначея и секретаря. Не забыли и васъ, Русскихъ.

— Намъ очень прїятно, господа, отвѣчалъ Р...,—быть свидѣтелями и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, участниками такого важнаго событія въ вашей жизни. Вѣрьте, господа, что настоящій день никогда не изгладится изъ нашей памяти. Вѣрьте, что мы всегда останемся благодарны вамъ за ваше вниманіе къ намъ, за ваше радушіе и прїѣтствіе. Позвольте и васъ увѣрить въ томъ, что какъ мы, такъ и вообще наши соотечественники, полны братской любви и сочувствія къ вамъ, полны твердой надежды, что снова взойдетъ счастливая звѣзда Чехіи. За это ручаются, между прочимъ, гудайское и всѣ другіе чешскія литературныя общества. Господа! Отъ имени всего русскаго народа я предлагаю тостъ въ честь народа чешскаго и въ честь его передовыхъ людей!

— Да здравствуютъ Чехи, да здравствуютъ! былъ общій отвѣтъ на слова оратора.

— Да здравствуютъ всѣ Славяне, раздалось вдругъ изъ угла комнаты,—да здравствуютъ Чехи, Поляки, Русскіе, Сербы и прочіе!...

Общій смѣхъ и возгласы:—да здравствуютъ всѣ Славяне, да здравствуютъ Русскіе!

Крестьяне пожимали другъ другу руки и поздравляли одинъ другаго съ такимъ счастливымъ, съ такимъ незабвеннымъ днемъ. Увлеченіе было общее. Говоръ не умолкалъ. Кто шутилъ надъ сосѣдомъ, кто старался поймать кого-нибудь въ употребленіи нѣмецкихъ словъ и оборотовъ, за что положенъ былъ штрафъ. Крейцеры то и дѣло откладывались въ особую кассу.

Такое общее увлеченіе навело всѣхъ членовъ Общества на мысль устроить когда-нибудь вечеръ, на которомъ

бы можно было хорошенько повеселиться. Многіе предлагали дать танцевальный вечеръ и пригласить на него гостей изъ ближайшихъ селеній.

— Господа, началъ Гирза, деревенскій врачъ,—пріятное надо соединять съ полезнымъ. Знаете что? вѣдь этимъ случаемъ мы прекрасно можемъ воспользоваться для пополненія нашей общественной казны. Конечно, устройство вечера будетъ соединено съ большими издержками, но мы сдѣлаемъ подписку и назначимъ особую плату за входъ на вечеръ, слѣдовательно сколько-нибудь останется и въ пользу Общества. Оставшимися деньгами Общество распорядится потомъ по своему усмотрѣнію. Мнѣ кажется, всего лучше употребить эти деньги на покупку Юнгманова домика. Да и балъ, по моему, надо давать съ этою именно цѣлюю. Въ такомъ случаѣ больше будетъ гостей, а кто побогаче, тотъ пожертвуетъ три-четыре гульдена лишнихъ.

Мысль была одобрена. Уговорились собрать подписку, передъ баломъ, съ крестьянъ и съ ближайшихъ сосѣднихъ помѣщиковъ и чиновниковъ, и назначить, сверхъ того, за входъ на балъ по 50 крейцеровъ съ особы. Гирза и Кюгутъ вызвались принять на себя хлопоты собрать подписку, пригласить гостей и распорядиться всѣмъ, что только необходимо для танцевальнаго вечера.

— Да бѣлыхъ хлопотъ, господа, не будетъ, замѣтилъ одинъ изъ поселянъ, Оличъ. — Лишь было бы хорошее пиво, ветчина, да музыка, вотъ и все.

— Нѣтъ, Оличъ, говорилъ Гирза,—такъ нельзя сдѣлать. Пиво и ветчина для насъ всегда найдутся въ гостиницѣ. Но вѣдь мы хотимъ дать балъ не столько для себя, сколько для постороннихъ, въ числѣ которыхъ будутъ окрестные чиновники и помѣщики. Можетъ-быть пріѣдетъ кто-нибудь изъ Брауна¹ и изъ Праги; слѣдовательно нельзя сдѣлать кое-какъ, а надо будетъ приготовить что-нибудь лучше. Мы объявимъ, что даемъ балъ съ цѣлюю употребить чистый доходъ отъ него на покупку Юнгманова дома, а между тѣмъ не позаботимся о приличномъ устройствѣ бала; нѣтъ, такъ не должно быть... Что скажутъ о насъ тогда наши гости? Что мы взяли не за свое дѣло? Что мы хотѣли обмануть добрыхъ людей? О, господа, по-

¹ Брауна ближайшій къ Гулицамъ городокъ.

думайте объ этомъ хорошенько, смотрите, чтобы первый балъ не былъ комомъ... чтобы насъ не осмѣли...

— Гирза говорить правду, замѣтили некоторые, — нечего объ этомъ и толковать много. Ужь если давать балъ, такъ надо устроить дѣло лучше, такъ чтобы всѣ остались довольны балаомъ. Надо позвать хорошихъ музыкантовъ, надо приготовить пива, вина, разныхъ лакомствъ и закусокъ, да надо причинѣе убрать и самый залъ для бала.

„Да, да!“ слышалось со всѣхъ сторонъ.

Однако, дальнѣйшее совѣщаніе о балѣ было отложено до слѣдующаго засѣданія, потому что было уже довольно поздно.

— А гдѣ же, господа, соберемся мы сегодня вечеромъ? спросилъ кто-то изъ членовъ.

— Какъ гдѣ? возразилъ другой, — разумѣется, у Моттля; онъ, какъ председатель, долженъ на выѣзній вечеръ позвать насъ къ себѣ.

— Милости просимъ, говорилъ председатель, улыбаясь: — милости просимъ; только ужъ сегодня всякій пей на свой счетъ.

Уговорившись наконецъ собраться въ гостиницѣ Моттля, члены Общества стали расходиться.

Вечеромъ мы отправились въ гостиницу. Тамъ, у длинныхъ столовъ, за кружками пива, сидѣли уже многіе члены общества. Каждый изъ нихъ, какъ только мы вошли, предлагалъ намъ отпить изъ своей кружки. Разумѣется, и мы потому, когда намъ примесли пиво, не остались въ долгу. То же самое повторялось при приходѣ остальныхъ гостей: такое ужъ обыкновеніе въ Чехіи. Самъ хозяинъ гостиницы былъ очень любезенъ и постоянно обращался то къ тому, то къ другому, съ предложеніемъ не угодно ли еще пива, отгѣчая, между тѣмъ, жѣломъ на черной большой доскѣ число кружекъ, если кто изъявлялъ согласіе на его предложеніе. Многіе, такимъ образомъ, обманулись въ расчетъ, думая, что Моттель угоститъ пивомъ всѣхъ членовъ Общества, какъ только будетъ избранъ председателемъ. Наглаяныя ему по этому случаю намеки председатель отгѣчивалъ уклончиво, говорилъ, что когда-нибудь послѣ устроить пирушку, а что теперъ, навѣрное, каждый съ удовольствіемъ выпьетъ четыре-пять кружекъ пива на свой счетъ. Но

конечно, все это были только шутки, и ни Моттель не обижался подобными шутками, ни гости не сердились на Моттеля, за то что должны были пить на свой счет. Напротивъ, все было весело какъ нельзя больше. Стали пѣть пѣсни, то соодиночкѣ, то хоромъ. Соло особенно хорошо выполнялъ хозяинъ гостиницы. Находясь нѣсколько лѣтъ въ военной службѣ, Моттель постоянно игралъ, не зная только на какомъ инструментѣ, въ полковомъ оркестрѣ, а потомъ, взявъ отставку и возвратившись на родину, сталъ управлять хоромъ пѣвцовъ гудачицкой церкви. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ полную возможность довольно основательно изучить музыку, какъ вокальную, такъ и инструментальную. Къ тому же, владея отъ природы чистымъ, звучнымъ голосомъ, председатель пѣлъ всегда, особенно въ приятельскомъ кругу, съ удивительною простотою и неподдѣльностью чувства. Каждая пропѣтая имъ пѣсня вызывала громкія рукоплесканія, и нѣкоторые даже бывали отъ повторенія по нѣскольку разъ.

Другіе солисты уступали председателю литературнаго общества только въ чистотѣ выполненія, но пѣли съ такою же непринужденностію, съ такою же полнотою чувства.

Не могу я забыть эти простодушныя, открытыя лица, не могу забыть какъ эти добрые люди, одушевленные пріятельскимъ разговоромъ, пѣли и, отчасти, пивомъ, предавались неподдѣльному увлеченію, забывая все житейскія невзгоды.

Хоровыя пѣсни шли тоже хорошо. Какъ извѣстно, музыка вообще процвѣтаетъ въ Чехіи, этой странѣ музыкантовъ по преимуществу. Здѣсь, въ каждой деревнѣ, вы найдете порядочный оркестръ, въ каждой сельской церкви услышите пріятное, гармоническое пѣніе. Здѣсь поютъ все, и мужчины и женщины, и старыя и малыя. Въ гостиницѣ Моттеля (на упомянутомъ собраніи) пѣлись, разумѣется, любимыя народныя пѣсни, мелодіи которыхъ чрезвычайно хороши, но большею частію печальны. Въ этихъ пѣсняхъ нѣтъ той удали, того молодечества, которыя слышатся во многихъ русскіхъ народныхъ пѣсняхъ; но въ нихъ часто слышится любовь Чеха къ родинѣ, и непреодолимая твердость его характера. Нѣсколько разъ повторялась пѣсня:

Kde domov můj? kde vlasti má?	Гдѣ домъ мой? Гдѣ моя родина?
Voda hučí po lučinách,	Вода орошаетъ луга,
Bory šumi po skalinách,	Боры шумятъ на скалахъ,
V sadě skví se jara květ,	Въ саду цвѣтеть весенній цвѣтъ:
Zemský ráj to na pohled;	На взглядъ это будто земной рай.
A to je ta krásná země	И эта прекрасная земля,
Země česká domov můj!	Земля чешская— мой домъ!
Kde domov můj? kde domov můj?	Гдѣ домъ мой? гдѣ домъ мой?
V kraji znáš-li bohumilém	Знаете ли благословенную страну,
Duše utlé v těle čilém,	Гдѣ вѣчная душа съ здоровымъ
	тѣломъ,
Mysl jasnou znik a zdar,	Гдѣ раждается и живетъ свѣтлая мысль
To je S eobů slavné plémě,	Гдѣ господствуютъ непреодолимая сила?
A tu sílu, vzdota smar,	Это знаменитое племя Чеховъ!
Mezi Čechy domov můj!	Между Чехами моя отчизна!

Эта пѣсня сочинена не очень давно однимъ изъ лучшихъ композиторовъ чешскихъ¹. Она еще не успѣла проникнуть во всѣ селенія чешскія, но, тамъ гдѣ извѣстна, сдѣлалась уже любимой народною пѣсней.

Время прошло не замѣтно. Было уже около двѣнадцати часовъ, когда гости стали расходиться.

Такъ совершилось торжественное открытіе Гудлицкаго литературнаго общества.

Торжественное открытіе! Но что тутъ торжественнаго, подумаютъ можетъ-быть нѣкоторые читатели:—и стоитъ ли говорить о такомъ не важномъ событіи?

Правда, открытіе Гудлицкаго общества не походило на обычныя открытія обществъ испытателей природы, или обществъ любителей словесности и т. п. Описанное мною торжество, сознаюсь, было слишкомъ не торжественно. Обстановка его была слишкомъ проста. Представьте себѣ старую сельскую церковь, въ ней человекъ сто крестьянъ; что же тутъ особеннаго, какая тутъ торжественность? Представьте себѣ, даже, простую, небольшую комнату, въ которой стоитъ нѣсколько стульевъ, нѣсколько деревянныхъ лавокъ, столъ, на столѣ три или четыре бутылки вина, и хлѣбъ съ солью; представьте себѣ, что эта комната наполнена тоже опять крестьянами, хоть и чисто одѣтыми, но все же крестьянами: какая бѣдность, какая простота!

¹ Онъ сочинилъ и положилъ на ноты только двѣ приведенныя выше строфы. Но другіе чешскіе поэты теперь постоянно присоединяютъ къ нимъ новыя строфы, которыхъ набралось уже очень много.

Что это такое? И это называется торжественнымъ открытiемъ Общества? Да гдѣ же тутъ музыка, гдѣ блескъ золота и серебра, гдѣ великолѣпныя залы, гдѣ тутъ пышныя рѣчи, гдѣ всѣ эти необходимыя принадлежности торжественнаго открытiя каждаго порядочнаго Общества? Гдѣ эти вышеченные господа во фракахъ, гдѣ они съ своими изящными приемами, съ своими заученными рѣчами? Нѣтъ ничего этого... Но мнѣ было невыразимо отрадно въ этомъ деревенскомъ захоластьѣ, гдѣ крестьяне открывали литературное общество...

Юнгмановское литературное общество, со дня своего открытiя, получило окончательное устройство. Установился строгій порядокъ. Между членами было согласiе и взаимное довѣрiе. Всѣми, казалось, руководило одно стремленiе къ своему образованiю, одно желанiе добра. Но такъ уже создаю человечество, что иногда и къ самымъ чистымъ, къ самымъ святымъ дѣйствiямъ приѣшивается какая-нибудь доля эгоизма и тщеславiя. Много совершается, напримеръ, во имя любви къ истинѣ, къ свободѣ, къ отечеству, — все это побужденiя высокiя; но находятся люди, которые употребляютъ ихъ во зло. Нашлись подобные люди и въ Гудлицкомъ литературномъ обществѣ! Судя по дѣлу, съ которою было основано Общество, по единодушiю, съ какимъ всѣ члены стремились къ предположенной дѣлу, судя по первымъ литературнымъ собранiямъ, нельзя было и думать, чтобы современемъ въ Обществѣ произошло раздвоенiе. И однако раздвоенiе произошло. Предположенный балъ послужилъ яблкомъ раздора.

Но до бала оставалось еще долго, и потому никто, какъ изъ членовъ Общества, такъ и изъ лицъ постороннихъ, не могъ предвидѣть приближавшуюся бурю. Да, повторяю, никому бы и въ голову не пришло предполагать что-либо подобное, особенно во время святокъ, когда всѣ слишкомъ заняты были настоящимъ, когда всѣ веселились какъ могли.

Но я отлагаю разказъ о балѣ, и возвращаюсь къ замѣткамъ о бытѣ, который окружалъ насъ и къ которому мы съ жадностiю приглядывались какъ въ самыхъ Гудлицахъ, такъ и въ окрестныхъ селенiяхъ.

Часто уже приводилось мнѣ упоминать о чиновникахъ, фабрикантахъ и помѣщикахъ. Легко было понять, что это люди особаго сорта, отличающiеся отъ простыхъ крестьянъ,

И действительно, какъ въ Гудлицѣхъ, такъ и во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ, общество дѣлится собственно на два разряда,—на высшій и низшій. Къ первому принадлежатъ чиновники, фабриканты и помѣщики, ко второму—крестьяне. Что касается Гудлицъ, въ нихъ господствуетъ элементъ демократическій. Къ аристократіи здѣсь можно отнести собственно только одно семейство помѣщика. Священникъ занимаетъ въ селеніи, разумѣется, совершенно особое положеніе. Могли бы быть причисляемы къ аристократіи сельскіе учителя, какъ это и бываетъ въ другихъ деревняхъ, но гудлицкіе учителя, получая ограниченное содержаніе, не хотятъ тянуться за аристократами и добровольно примыкаютъ ко второму разряду. Одинъ только медикъ Гурза примыкаетъ и къ тому, и къ другому сословію. Со всѣми одинаково хорошъ, онъ приобрѣлъ себѣ необыкновенную популярность, и бываетъ первымъ гостемъ на всѣхъ крестьянскихъ пирушкахъ. А изящество пріемовъ, умѣнье поговорить, прекрасные усы и эспаньолка отворили ему двери во всѣ сельскіе салоны.

Благодаря Гурзѣ и отчасти Адольфу, намъ удалось проникнуть въ сельскій аристократическій кругъ, привелось познакомиться съ его обычаями и нравами.

Но прежде—о крестьянскихъ обычаяхъ.

Между тѣмъ какъ гудлицкіе мужчины ходили по вечерамъ, то въ гостилицу на пиво, то въ литературное общество, женщины на сваткахъ или проводили время дома, или ходили другъ къ другу на посидѣлки. Посидѣлки замужнихъ женщинъ не представляютъ ничего особеннаго. Нѣсколько женщинъ собираются обыкновенно въ какомъ-нибудь домѣ, работаютъ, помѣть, толкуютъ и затѣмъ расходятся. Гораздо веселѣе посидѣлки или вечеринки молодыхъ дѣвицъ и мужчинъ. Дѣвицы ивогда привозятъ съ собою бухты, колачи, а молодые лань покупаютъ пиво. Когда всѣ соберутся, начинаютъ пѣсни и игры. Вотъ нѣкоторыя изъ болѣе извѣстныхъ игръ:

Нга на zlatý prstýnek (игра въ золотой перстень).

Всѣ садятся кругомъ комнаты, среди которой остаются только двое. Одинъ изъ оставшихся беретъ кольцо, подходитъ съ нимъ къ каждому изъ сидящихъ и, какъ бы отдавая кольцо, произноситъ: *schováám, schováám zlatý prstýnek* (прячу, прячу золотое колечко). Онъ долженъ

обойди всѣхъ и кому-нибудь непременно отдать кольцо, но только такъ, чтобы отгадывающій или отгадывающая не могли замѣтить, кому оно отдано. Обойдя весь кругъ, первое изъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ обращается къ другому, постоянно отбдившему доселѣ за нимъ, и проситъ его отгадать, у кого осталось кольцо, говоря:

Hádej, hádáci!
Kde koza bečí?

Гадай, гадаальщикъ!
Гдѣ коза мычить?

Отгадывающій подходитъ то къ тому, то къ другому, и, стараясь отыскать кольцо, повторяетъ:

Já bych rád (a) hádal (la)
Kdy bych o něm věděl (la)
Přes moře jiti,
Zlatou šnůrku plísti,
Kdo ho má,
Ať ho dá,
Ze mně blázna nečelá.

Я бы съ радостью отгадалъ (ла)
Еслибъ зналъ (ла), гдѣ оно.
Черезъ море яти
Золотой снурокъ плести.
У кого кольцо,
Тотъ отдай его мнѣ
И меня не дурачь.

Найдя кольцо, онъ начинаетъ самъ прятать его, первый же садится между другими играющими, а отгадывать долженъ уже тотъ, у кого кольцо было найдено. Такъ продолжается и далѣе.

Игра въ золотое колечко походитъ на наше „золото хронить“, и все различіе между ними состоитъ только въ томъ, что у насъ во время игры поется хоромъ: „ужь я золото хорою, хорою, чисто серебро берегу, берегу“ и пр., а въ Гудлицяхъ и, если не ошибаюсь, во всей вообще Чехіи, нѣтъ этого обыкновенія.

Игра на bábu slepou (игра въ слѣпую бабу).

Передъ началомъ игры всѣ становятся середи комнаты. Кто-нибудь одинъ начинаетъ считать, повторяя:

Jeden, dva, tři,
My jsme bratři,
Který je to mezi námi,
Co to uděl do té slámy?
Ten, ten, ten,
Vyved'te ho ven.

Одинъ, два, три,
Мы всѣ братья,
Кто это изъ насъ
Положилъ это въ солому.
Тотъ, тотъ, тотъ,
Выведите его вонъ.

На кого при счетѣ падетъ послѣднее слово, тотъ долженъ быть слѣпою бабой. Бабы завязываютъ глаза, потомъ двое берутъ ее, съ той и съ другой стороны, подъ руки, обо-

дять три раза кругомъ комнаты и, остановившись у стола, спрашиваютъ:

— Slepá bábo! Kam tě vedou? (Слѣпая баба! куда тебя ведутъ?) Слѣпая баба отвѣчаетъ: do kouta (въ уголъ).

— Co am máš (или: vidíš)? Чтò тамъ, въ углу? спрашиваютъ ее опять.

— Kohouta. (Пѣтуха.)

— Co ještě více? (А что еще)

— Starý střevíc. (Старый башмакъ.)

— Co v střevíci? (Что въ башмакѣ?)

— Klubko. (Клубокъ.)

— Chyt si je babko (поймай его баба), говорятъ провозятые и оставляютъ слѣпую бабу одну, на произволь, судьбы. Баба, однако, не теряетъ присутствія духа, начинаетъ бѣгать по комнатамъ и старается поймать кого-нибудь. Пойманному завязываются точно также глаза, а первая баба присоединяется къ общему кругу, и игра начинается снова. Игра въ слѣпую бабу походить на русскія жмурки

Игра на barvu (игра въ цвѣта).

Дѣвѣцъ и парни становятся среди комнаты. Раздаватель цвѣтовъ выбираетъ ангела и чорта. Кто-нибудь одинъ, точно также какъ и въ предыдущей игрѣ, считаетъ играющихъ повторяя:

Marš, marš, marš!

Mám do vojny kuráš.

Stojí hraška v širém poli

Kdo je šelma, ten se bejí.

Já jsem šelma ne bojím se etc.

Маршъ, маршъ маршъ!

У меня къ войнѣ куражъ.

Стоитъ грушка въ чистомъ полѣ,

Кто шельма, тотъ боится.

Я хоть шельма,—ме боюсь и пр.

На кого при счетѣ упадетъ послѣдній стихъ, тотъ долженъ быть раздавателемъ цвѣтовъ. Счетъ начинается въ другой разъ и тотъ, на кого въ этотъ разъ падетъ послѣдній стихъ, дѣлается ангеломъ. Точно такимъ же образомъ выбирается и чортъ. Когда избраны раздаватель цвѣтовъ, ангелъ и чортъ, всѣ остальные садятся по мѣстамъ. Къ каждому подходитъ раздаватель, и назначаетъ одному зеленый цвѣтъ, другому желтый, третьему голубой и т. д. Говорить онъ такъ, чтобъ его не могли слышать ни ангелъ, ни чортъ.

Когда цвѣта розданы, раздаватель отходитъ въ сторону, а ангелъ и чортъ начинаютъ отгадывать, кому какой назначенъ цвѣтъ.

Сначала ангелъ подходитъ къ одному изъ сидящихъ и, ударивъ его по плечу, говоритъ:

Cinku, cinku, cinku! Цинку, цинку, цинку.

Или: Tluči, tluči, tluči! Стукъ, стукъ, стукъ!

Дѣвица, или мущина, спрашиваетъ:

Kdo to tluče? (Кто тамъ стучить.)

Ангелъ отвѣчаетъ:

Ja jsem anděl. (Я, ангелъ.)

Дѣвица, или мущина:

Co chceš? (Что надо.)

Ангелъ:

Barvu. (Цвѣтъ.)

Дѣвица, или молодецъ:

Jakou? (Какой?)

Ангелъ отвѣчаетъ, что ему надо, напримѣръ, бѣла ыи цвѣтъ или голубой. Если цвѣтъ отгаданъ, то ангелъ отводитъ дѣвицу, или мущину на особое мѣсто, и подходитъ затѣмъ къ слѣдующему; тутъ повторяется то же самое.

Если же ангелъ укажетъ не на тотъ цвѣтъ, который назначенъ раздавателемъ, то ему отвѣчаютъ: tato barva není tu. Она vyletěla komínem ven (такого цвѣта нѣтъ здѣсь, онъ вылетѣлъ въ трубу). Затѣмъ ангелъ отходитъ, и являетъ чортъ, говоря:

— Hurry, hurry, hurry! (Гурръ, гурръ, гурръ!)

— Tluči, tluči, tluči! (Тукъ, тукъ, тукъ!)

— Kdo to tluče? (Кто тамъ? спрашиваютъ чорта.)

— Já jsem čert. (Я, чортъ, отвѣчаетъ чортъ.)

— Co chceš? (Что надо?)

Чортъ: Barvu. (Цвѣтъ.)

— Jakou? (Какой?)

Чортъ, точно также какъ и ангелъ, указываетъ на какой-либо цвѣтъ. Если не угадаетъ, то ему отвѣчаютъ: ta tu není, она vyletěla komínem ven (такого цвѣта нѣтъ здѣсь, онъ вылетѣлъ въ трубу). Если же чортъ укажетъ на тотъ именно

дѣтъ, который назначенъ раздавателемъ, то онъ отводитъ дѣвицу или молодца на особое мѣсто.

Послѣ этого, ангелъ и чортъ отправляются далѣе, къ слѣдующему, гдѣ повторяется опять то же самое, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока они не обойдутъ всѣхъ участвующихъ въ игрѣ. И тотъ и другой стараются, конечно, остаться въ выигрышѣ, приобрести большее число играющихъ. Кругъ обойденъ, остаются двѣ враждебныя стороны, во главѣ которыхъ стоятъ ангелъ и чортъ, и проводится граница раздѣляющая эти двѣ стороны. Не переступая границы, ангелъ и чортъ схватываются за руки или за палку, и стараются перетянуть одинъ другаго. Всѣ остальные держатся или за чорта или за ангела, смотря по тому кто на чьей сторонѣ находится. Перетянувшіе считаются побѣдителями и игра, при общемъ хохотѣ, оканчивается.

Святочныя вечеринки въ Гудлицахъ разнообразились только гаданіями на Новый Годъ и на Крещеніе. Но эти гаданья были тѣ же самыя, какія были и въ щедрый вечеръ; стало-быть, нечего здѣсь и говорить о нихъ.

Гораздо веселѣе стало въ Гудлицахъ, когда по праздникамъ начались танцы. Католическая церковь запрещаетъ общественныя танцевальныя вечера отъ самаго начала Рождественскаго поста до Крещенія. Для Чеховъ подобное церковное постановленіе очень тяжело, потому что они большіе любители танцевъ. Это можно было замѣтить и на гудлицкихъ крестьявахъ. Описанныя мною вечеринки имъ не слѣшкомъ нравились; игры велись какъ-то вяло, безжизненно. За то, съ какимъ увлеченіемъ, какъ неумоимо танцевали Гудлицане! Танцевальныя вечера начались съ Крещенья и продолжались до Великаго поста. Они обыкновенно давались въ гостиницахъ.

Въ Гудлицахъ двѣ гостиницы; одна находится въ центрѣ селенія и принадлежитъ предсѣдателю Юнгмановскаго литературнаго общества. Другая гостиница находится на косягорѣ, въ концѣ селенія. Первую Гудлицане называютъ нижнею гостиницею (*dolejší hostinec*), а вторую верхнею (*horejší hostinec*). Это—каменные двухэтажныя зданія. Во второнъ этажѣ обнхъ гостиницъ находятся очень комфортабельныя залы, которая обыкновенно не топятся въ продолженіе цѣлой зимы, но чрезвычайно

своро нагрѣваются, когда въ мѣхъ соберется до семидесяти человѣкъ.

Каждое воскресенье и вообще каждый праздникъ, около шести часовъ вечера, въ гостиницахъ уже слышится музыка. Народъ идетъ туда толпами. Заглянемъ въ одну изъ этихъ гостиницъ, чтобъ имѣть понятіе о сельскихъ тацахъ въ Чехіи. У самой гостиницы вы видите большую толпу народа. Здѣсь стоятъ большею частію дѣти и пожилыя женщины; они слушаютъ музыку, которая такъ гремитъ, что звенятъ стекла въ окнахъ. Выходя по лѣстницѣ, вы то и дѣло сталкиваетесь, то съ тѣмъ, то съ другимъ; кто бѣжитъ сверху, кто на верхъ. Тутъ же размястались мелочныя торговки съ копѣчными пряниками и конфетами, а около торговыхъ тѣснятся покупатели. Наконецъ вы пробрались въ залъ... Какая тѣснота, какая суматоха! Въ залѣ нѣтъ свободнаго мѣста. Въ одномъ углу сидятъ музыканты, въ другомъ продается пиво, все остальное пространство занято гостями, въ числѣ которыхъ, вмѣстѣ съ молодежью есть и люди пожилые. Отъ лампы, повѣшенной середѣ потолка, падаетъ довольно тусклой свѣтъ, но вы все-таки различаете физиономіи. Есть очень хорошенькія и очень мило едѣтыя крестьяночки. А молодые парни—о, это молодцы первой руки! Они расхаживаютъ по залѣ въ фуражкахъ, съ трубками, или съ сигарами и съ кружками пива въ рукахъ. Вотъ музыка играетъ польку. Толпа раздвигается и ереди комнаты остается большое свободное пространство. Цары уносятся одна за другою. Сначала въ тацахъ еще удерживается порядокъ, но потомъ все перемѣшивается, все танцуетъ и, въ добавокъ, кто подбѣгаетъ, кто подсаживается. Но вы, несмотря на страшную тѣлоту и дулоту, съ удовольствіемъ посмотрите на танцующихъ. Полька идетъ превосходно. Дѣвицы и мужчины держатъ себя очень граціозно. Да и какъ же иначе?—вѣдь полька чешскій народный танецъ! Черезъ полчаса музыка умолкаетъ. Начинается снова бѣготня, говоръ, смѣхъ. Утомленная танцами молодежь спѣшитъ оовѣжить себя нѣсколькими глотками пива. Дѣвицы, конечно, не покупаютъ пива; мужчины обязаны угощать ихъ. И вотъ идетъ угощенье. Вотъ же вдалекѣ отъ васъ одинъ молодецъ подаетъ дѣвицѣ, во всей вѣрности своей возлюбленной, кружку пива; въ

отопьеть не много и потомъ отказывается, говоря, что не можетъ болѣе пить, но услужливый паренъ не хочетъ вѣрить ей, и не беретъ кружки изъ ея руки. Со ѣа, говоритъ оъ ей, *pechutná ti pivó? ne chceš piť zroлу ee pшou?* (Что же, не нравится тебѣ пиво? или не хочешь пить вмѣстѣ со мною?) Раскраскившаяся дѣвица отпиваетъ еще немного и въ то же самое время бросаетъ на молодца взглядъ, полный любви и упрека за подобныя рѣчи... А тамъ, даже, вы видите небольшой кружокъ молодежи, въ которомъ парни рисуются передъ дѣвицами, стараясь показать себя. Тутъ уже не замѣтно никакихъ нѣжныхъ отношеній. „Пейте, пожалуйста, пиво, говоритъ одинъ изъ молодцовъ, обращаясь къ дѣвицамъ, я велю подать еще.“—„Мы не выпьемъ и этого, отвѣчаютъ дѣвицы, больше не надо.“ Молодецъ, дѣйствительно, приказываетъ принести еще нѣсколько кружекъ, но дѣвицы благодарятъ его за любезность и рѣшительно отказываются. „Господа, обращается оъ къ музыкантамъ, ну выпейте вм это пиво,—дѣвицы не хотятъ.“ Музыканты берутъ кружки и разомъ опоражниваютъ ихъ. „Вотъ такъ хорошо, продолжаетъ тароватый молодецъ, съ самодовольною улыбкой поглядывая то на музыкантовъ, то на дѣвицъ,—это я люблю. Ну, теперь сыграйте намъ что-нибудь.“

Музыка загрѣхла снова. Снова началась полька, и всѣ засуетились по прежнему. Полька танцевалась Гуддичамами съ особенными наслажденіемъ. Иногда она перемежалась и другими народными танцами, въ числѣ которыхъ *страшакъ* (*strášák*) и *сосѣдская* (*sousedská*), кажется, особенно любимы гуддичскими крестьянами.

Страшакъ (*strášák*) танцуется подобно вальсу, но отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что въ немъ, при известномъ тактѣ, всѣ пары вкругъ останавливаются, мушкетеры становятся противъ женщины, потомъ всѣ вмѣстѣ топаятъ ногами и грозятъ другъ другу: мушкетеръ грозитъ женщиной правую рукой, и та тоже правую, мушкетеръ грозитъ лѣвою и женщина лѣвою, послѣ чего дѣлается оборотъ, и пары снова увлекаясь въ вальсъ, и вдругъ снова останавливаются при упомянутомъ тактѣ и т. д. Не вся прелесть этого танца состоятъ въ томъ, что въ то самое время какъ пары останавливаются и послѣ упрековъ дѣлаютъ оборотъ, совершаютъ

ся похищеніе дамъ. Это дѣлается обыкновенно такъ: не танцующіе мужчины готовятся къ похищенію и ждутъ, когда всѣ пары останутся. Вотъ, какая-либо пара, при упомянутомъ тактѣ въ музыкѣ, останавливается близъ одного изъ не танцующихъ. Послѣдній пользуется случаемъ и, какъ только дѣлается оборотъ, беретъ чужую даму и увозится съ нею въ вальсъ. Танцовавшій же доселѣ мужчина, оборачиваясь, обхватываетъ только воздухъ вмѣсто талии и рѣшается похитить для себя другую даму при слѣдующей остановкѣ. То же самое несчастіе, и въ то же самое время, постигаетъ и многія другія пары. Конечно, все это дѣлается въ одну минуту и не производитъ ни малѣйшаго безпорядка въ танцахъ, а возбуждаетъ только общій смѣхъ. Угроза же пальцемъ въ страшакѣ имѣетъ особое значеніе; танцующіе, грозя (страшая, отсюда и названіе танца: страшакъ) другъ другу, напоминаютъ предстоящемъ похищенію и просятъ не смѣлать, угрожая, въ противномъ случаѣ, местию.

Сосѣдская (sousedská) тоже очень милый танецъ. Она, точно такъ же, какъ и страшакъ, начинается вальсомъ, потому, при извѣстномъ тактѣ въ музыкѣ, всѣ пары вдругъ останавливаются, мужчины и дамы берутся за руки и начинаютъ дѣлать па: мужчина правою ногой, дама тоже, мужчина лѣвою ногой, дама тоже. Послѣ этого дѣлается полу-оборотъ, и снова продолжается вальсъ до слѣдующаго такта и т. д.

За порядкомъ въ танцахъ слѣдятъ такъ-называемые распорядители. Они должны давать знать музыкантамъ, когда и что именно слѣдуетъ играть. Очень часто голосъ распорядителей остается голосомъ возмущаго въ аудитумѣ, хотя зала и набита народомъ. Но въ некоторыхъ случаяхъ, даже среди самаго разгара танцевъ, распорядитель удается возстановить порядокъ. Такъ мнѣ нѣсколько разъ приводилось быть свидѣтелемъ того, какъ они устраивали „соло“ для старосты или для кого-либо изъ членовъ сельскаго выбора. Послѣднимъ хочется иногда протанцовать польку, или страшакъ на свободѣ, чтобы не было слишкомъ большой тѣсноты, и вотъ они передаютъ свое желаніе одному изъ распорядителей. Распорядитель выходитъ на середину зала и провозглашаетъ: *Pánové, sólo, sólo!* Воцаряется тишина, всѣ отстраиваются, и староста, или

членъ *выбора*,¹ танцуютъ въ первой парѣ, а за ними слѣдуютъ еще паръ пятнадцать, или двадцать, но никакъ не болѣе (распорядитель строго смотритъ, чтобы не было большой толкотни). Вся эта исторія называется у гудлицкихъ крестьянъ *udelat sólo* (устроить соло). Соло устраивается вообще для людей почтенныхъ и для постороннихъ гостей—городскихъ или сельскихъ, все равно, чѣмъ выражается особенное вниманіе къ нимъ всего общества. Ко мнѣ, напримеръ, какъ къ гостю изъ далекаго края, подходили мои знакомые съ предложеніемъ, не хочу ли я танцевать соло.

Деньги за музыку на такихъ вечерахъ собираются обыкновенно съ танцующихъ. Каждый изъ нихъ даетъ столько, сколько можетъ дать. Зрители же ничего не платятъ. Въ случаѣ, если музыканты остаются недовольны собранными деньгами, сборъ повторяется. Вечеръ продолжается до двухъ, до трехъ, а иногда и до четырехъ часовъ утра.

За день до новаго года Гирза и Адольфъ получили изъ Яхимова письма, въ которыхъ писали имъ, что въ Яхимовѣ, въ гостиницѣ у *Филиппа*, яхимовскіе и нѣкоторые окрестные „*рапі* (парни) и „*слесну*“ (дѣвицы) будутъ встрѣчать новый годъ, что, повтому, не угодно ли будетъ и имъ, вмѣстѣ съ *двоими русскими*, провести вечеръ на святаго Сильвестра въ упомянутой гостиницѣ.

Часа въ четыре послѣ обѣда пришелъ къ намъ Гирза.

— Сегодня я получилъ отъ одного моего знакомаго письмо, началъ онъ, значительно улыбаясь и покручивая великолѣпные усы;—всѣхъ насъ просятъ встрѣчать новый годъ въ Яхимовѣ. Чтò же, какъ вы, господа, думаете?

— Да мы только что объ этомъ говорили, отвѣчалъ Адольфъ,—я тоже получилъ письмо, то же самое пишутъ и мнѣ.

— Почему же это хотятъ встрѣчать новый годъ въ гостиницѣ? спросилъ я Гирзу.

— Такъ ужъ принято здѣсь, говорилъ Гирза:—въ гостиницѣ можетъ собраться общество болѣе разнообразное, да

¹ *Выборомъ* (*wýbor*) въ селеніяхъ называется комитетъ состоящій изъ выборныхъ людей, которые слѣдятъ за дѣйствіями старосты (тоже выборнаго), и контролируютъ сельское управленіе. См. *Русскій Вѣстникъ* ноябрь, 1861, стр. 285.

тамъ и мѣста, конечно, больше... Идемте, идемте, господа, будетъ весело, будетъ играть музыка, гостей соберется много.

Мы дали слово идти непремѣнно. Какъ же не встрѣтить новаго года? И какъ же не встрѣтить его въ Яхимовѣ, въ гостиницѣ у Филиппа, когда насъ приглашаютъ туда?

А. Троянскій.

Прага. 1861 года,
сентябра 15-го дня.

ИЗЪ

ДОРОЖНАГО ДНЕВНИКА

ВЕДЕННАГО ЗА ГРАНИЦЕЙ

Въ Копенгагенѣ нашелъ я много расположенія къ Русскимъ, къ языку ихъ и литературѣ. Въ университетѣ недавно славянскіе языки введены въ число предметовъ преподаванія, и доцентомъ по этой части опредѣленъ г. Смитъ, путешествовавшій по нѣкоторымъ славянскимъ землямъ и написавшій весьма хорошую польскую грамматику. Нѣсколько студентовъ усердно посѣщаютъ его лекціи. Другой здѣшній литераторъ, г. Торсонъ, издалъ на датскомъ языкѣ собраніе повѣстей переведенныхъ имъ съ русскаго, польскаго и чешскаго языковъ: въ числѣ первыхъ главное мѣсто занимаютъ произведенія Гоголя и Загоскина.

Между тѣмъ объ здѣшній библіотеки, королевская и университетская, очень бѣдны русскими книгами. Въ первой просмотрѣвъ я эту часть по каталогу и нашелъ въ ней, сверхъ разнаго хлама, изъ новой нашей литературы только сочиненія Пушкина и Гоголя, и то неполныя, да *Библиотечку для Читенія съ 1834 по 1853 г.*, подаренную вѣроятно Сенковскимъ.

Королевская библіотека помѣщается уже лѣтъ двѣсти въ

особомъ флигелѣ Христиансборга, главнаго копенгагенскаго дворца, гдѣ большую часть года живетъ король. Число томовъ ея доходитъ нынѣ уже до 500.000, и помѣщеніе становится тѣснымъ. Главная зала этой библіотеки замѣчательна своею обширностью. Читальная зала (во 2-мъ этажѣ) не велика, да здѣсь нѣтъ и надобности въ болѣе-просторной, потому что книги выдаются всякому желающему на домъ, лишь бы онъ представилъ поручительство какого-нибудь служащаго или другаго надежнаго лица. Книги получаютъ изъ библіотеки тотчасъ по требованію. Библіотека открыта ежедневно, кромѣ воскресенья и праздничныхъ дней, но только отъ 11-ти часовъ до 2-хъ. По срединѣ читальной залы находится большой овальный столъ, за которымъ располагаются посѣтители: въ тотъ день, когда я занимался въ ней, насъ было всего семь человекъ, не считая троихъ служащихъ при библіотекѣ, находившихся тутъ же за другими столами. Каждый разъ, когда удвери раздавался звонокъ, одинъ изъ посѣтителей, занимавшій ближайшее къ выходу мѣсто, вставалъ и впускалъ новое лицо. Вообще въ этой библіотекѣ все устроено чрезвычайно просто, и ничего не сдѣлано для внѣшности. Внизу, въ приемной комнатѣ, гдѣ сидятъ начальникъ библіотеки, почтенный старецъ, конференцъ-секретарь Верауфъ, и его помощникъ, совѣтникъ юстиціи Беллингъ, находятся шкапы со всевозможными библіографическими пособиями и справочными книгами. Въ слѣдующей комнатѣ — каталоги самой библіотеки; систематическій, составляющій 200 фоліантовъ, переплетенныхъ съ большимъ запасомъ пробѣловъ, и алфавитный, состоящій изъ билетовъ, которые наполняютъ 600 напковыхъ футляровъ.

Всѣ образованные люди, съ которыми мнѣ довелось здѣсь разговаривать, отзывались съ особеннымъ участіемъ и уваженіемъ объ ожидаемыхъ въ Россіи улучшеніяхъ, объ успѣхахъ нашей литературы и великомъ будущемъ, котораго можно ожидать наше отечество.

Въ университетѣ кончались уже лекціи весенняго полугодія, когда я пріѣхалъ въ Копенгагенъ. Онѣ прекращаются 9 июня, и до октября продолжаются вакаціи. Университетъ, основанный въ 1479 году (вскорѣ послѣ Упсальскаго), помѣщается въ новомъ зданіи, въ одной изъ лучшихъ частей города. Сверхъ того, въ Копенгагенѣ есть нѣсколько

казенныхъ домовъ, въ которыхъ недостаточные студенты живутъ насчетъ правительства. Они занимаются совершенно свободно, безъ опредѣленнаго времени для курсовъ, и только при экзаменахъ оказывается, къ какому факультету кто изъ нихъ принадлежитъ. Датскіе студенты ведутъ себя скромно и тихо; мнѣ оказывали, что бывающія у нихъ собранія, для которыхъ есть особое помѣщеніе съ читальною залой, очень замѣчательны и сопровождаются прекрасными пѣнями. Въ день пріѣзда моего въ Копенгагенъ, я посвѣщавъ прежде всего посѣтить здѣшній университетъ и приобрѣлъ у вѣхмистра (старшаго служителя) *программъ* лекцій. Изъ этой брошюры узналъ я, что здѣсь пять факультетовъ: 1) богословскій, 2) правъ и государственныхъ наукъ; 3) медицинскій, 4) философскій и 5) математическій и естественныхъ наукъ. Далѣе, изъ этого каталога видно, что кромѣ публичныхъ лекцій почти всѣ профессора имѣютъ такъ-называемыя экзаминаціи, то-есть назначаютъ своимъ слушателямъ, отъ времени до времени, бесѣды по нѣкоторымъ частямъ науки для повѣрки, все ли понято и усвоено какъ слѣдуетъ, и для дополненія лекцій. Это очень употребительно. Многие изъ здѣшнихъ профессоровъ читаютъ свои лекціи послѣ обѣда, отъ 5 до 6 и отъ 6 до 7 часовъ; одинъ изъ нихъ объяснилъ мнѣ, что это время преимущественно избирается по такимъ предметамъ, во которыхъ слушаніе лекцій не такъ обязательно, — чтобы не отнимать у студентовъ важныхъ для нихъ утреннихъ часовъ, въ которые многие изъ нихъ сами даютъ уроки для прокормленія себя.

Въ первый же день послѣ обѣда я попалъ на лекцію г. Гаука, который въ этотъ семестръ объяснялъ значеніе датскаго драматическаго писателя Эвальда. Въ немъ узналъ я стараго знакомаго, съ которымъ въ еороковыхъ годахъ встрѣчался въ Стокгольмѣ у извѣстнаго писателя Бескова; тогда Гаукъ занималъ кафедру датской литературы въ голштейнскомъ городѣ Килѣ и, разумѣется, былъ очень недоволенъ своимъ положеніемъ. Къ удивленію моему, я нашелъ на лекціи его семнадцать дамъ и только четверыхъ молодыхъ людей. Профессоръ кончалъ чтеніе перваго акта одной пьесы Эвальда; онъ разбиралъ нѣкоторыя мѣста, и потомъ распространился о *новостяхъ*. Это была послѣдняя лекція его въ весенній семестръ и

потому-то, вѣроятно, собралось у него на этотъ разъ такъ мало университетскихъ слушателей.

Такъ какъ многія изъ любопытнѣйшихъ для меня лекцій уже не читались, то я и не посѣщалъ болѣе университета; но я былъ въ библіотекѣ его, которая, такъ какъ и обсерваторія, помѣщается до сихъ поръ въ такъ-называемой круглой башнѣ, но вскорѣ будетъ перенесена въ особое зданіе, которое строится при университетѣ. Въ этой библіотекѣ болѣе 200.000 томовъ, и особенно замѣчательно богатѣйшее въ Скандинавіи собраніе исландскихъ рукописей, изъ которыхъ самыя древнія писаны въ XII-мъ столѣтіи особымъ, въ Исландіи изобрѣтеннымъ письмомъ. Многія изъ этихъ рукописей уже напечатаны здѣшнимъ обществомъ свѣрвыхъ древностей: нѣкоторыя рукописи этого рода, но въ гораздо-меньшемъ числѣ, хранятся въ королевской библіотекѣ. Университетъ обязанъ этимъ собраніемъ извѣстному Финнъ-Матусону, который, родясь въ Исландіи, съ дѣтства былъ страстнымъ охотникомъ до памятниковъ старинной литературы, и въ послѣдствіи привезъ въ собранія имъ рукописи въ даръ Копенгагенскому университету.

Башня, въ которой покуда еще находится университетская библіотека, построена Христіаномъ IV, королемъ, участвовавшимъ въ Тридцатилѣтней войнѣ, и примыкаетъ къ церкви Св. Троицы. Это та знаменитая башня, на которую поднимаются по вьющемуся внутри ея винтомъ гладкому мощеному входу: по этому-то входу Петръ Великій, будучи въ Копенгагенѣ въ 1716 году, въѣзжалъ верхомъ, а супруга его въ каретѣ. Съ вершины башни прекрасный видъ на весь городъ съ его окрестностями.

Назову теперь тѣхъ изъ профессоровъ философскаго факультета, которые болѣе замѣчательны въ какомъ-либо отношеніи.

Верлауфъ, начальникъ королевской библіотеки, сеніоръ университета, профессоръ исторіи, освобожденъ отъ лекцій; онъ написалъ подробную исторію старѣйшаго изъ многочисленныхъ копенгагенскихъ ученыхъ обществъ.

Вестергардъ, извѣстный санскритистъ.

Петерсенъ, профессоръ скандинавскихъ языковъ, уже достигшій глубокой старости, уважаемый за нѣсколько превосходныхъ сочиненій, какъ-то: исторію датскаго и швед-

скаго языка; подробную исторію датской литературы, въ семи томахъ, доведенную имъ теперь до 1800 г. и лучшую книгу о скандинавской мифологіи.

Скернъ, профессоръ исторіи, открылъ слѣды славянскихъ колоній на датскихъ островахъ.

Аллема, профессоръ исторіи, написалъ исторію Даніи въ двухъ видахъ: какъ книгу для чтенія, составляющую толстый томъ, напечатанный убористымъ шрифтомъ, и какъ сокращенный учебникъ.

Гисласонъ, профессоръ старо-скандинавскаго языка, глубокий знатокъ древне-германскихъ нарѣчій, отличающийся удивительною памятью и необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Онъ издалъ двѣ небольшія книжки по своему главному предмету, но важнѣйшій его трудъ—большой датско-исландскій словарь, напечатанный въ 1851 г. Теперь Гисласонъ занятъ двумя новыми предпріятіями: исландскимъ словаремъ и хрестоматіей этого языка. Первый трудъ будетъ особенно важнымъ приобретеніемъ для ученаго міра, потому что до сихъ поръ только и есть одинъ исландскій словарь Бьерна Гальдорсона, далеко не удовлетворительный.

О *Смигъ* я уже говорилъ: онъ началъ свое преподаваніе польскимъ языкомъ, потомъ намѣренъ перейти къ церковно-славянскому и еще позже къ русокому. Сверхъ упомянутой выше польской грамматики, онъ издалъ на датскомъ языкѣ брошюру о сербской народной поэзіи и книгу о датскомъ писателѣ Гоальбергѣ (басни котораго переведены у насъ Фонъ-Визинимъ), да на латинскомъ разсужденіе о нѣкоторыхъ формахъ при-балтійскихъ языковъ, которое онъ еще и теперь продолжаетъ.

Изъ профессоровъ прочихъ факультетовъ—самый замѣчательный по общему голосу *Мадсигъ*, котораго часть классическая филологія.

Вотъ еще нѣсколько подробностей о Копенгагенскомъ университетѣ:

Число здѣшнихъ студентовъ трудно знать въ точности, потому что они, разъ записавшись, не подлежатъ никакому контролю и, выходя изъ университета, не обязаны заявлять о томъ. Такимъ образомъ одни поступаютъ въ разныя гражданскія должности, другіе въ инженерное вѣдомство, третьи въ военную службу, четвертые— учителями въ разныя учебныя заведенія. Если предположить, что въ уни-

верситетъ ежегодно поступаютъ отъ 150 до 160 человекъ, и что въ немъ всегда до пяти поколѣній, то число студентовъ можно считать отъ 750 до 800. Университетъ не имѣетъ никакой собственной юрисдикціи; всѣ студенты подлежатъ общей полиціи: въ случаѣ важнаго поступка, она увѣдомляетъ университетское начальство о виновномъ, и отъ университета зависитъ исключить его (релагировать, по употребительному во всѣхъ скандинавскихъ университетахъ выраженію). Изъ среды студентовъ не выходятъ и тѣ лица, которыя поступили уже въ число преподавателей университета или въ государственныя должности; они продолжаютъ считаться студентами, и принадлежать къ студентскому клубу. Отъ того происходятъ особенно близкія отношенія между университетскою молодежью и преподавателями и вообще старшимъ поколѣніемъ, что конечно имѣетъ свою хорошую сторону, но представляетъ также ту невыгоду, что молодые люди, увлекаясь преждевременно въ кругъ дѣятельности чуждой ихъ положенію, не всегда могутъ развиваться съ полною самостоятельностью. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили мнѣ нѣкоторые изъ профессоровъ. Студентскій клубъ (föreläring) состоитъ человекъ изъ пятисотъ, которые вносятъ ежегодную плату и собираются въ особомъ наймаемомъ ими помещеніи, гдѣ находится библіотека съ газетами, гдѣ бывають публичныя чтенія, студентскіе концерты и драматическія представленія, на которыя по билетамъ приглашаются студенты и „ихъ дамы“ (то-есть матери, сестры и другія близкія родственницы). Правительство позволяетъ студентамъ всякія частныя общества, потому что они никогда не обнаруживали вреднаго или опаснаго направленія, хотя въ послѣднее время и стали принимать участіе въ политикѣ, что безъ сомнѣнія не благоприятно дѣйствуетъ на занятія. У студентовъ есть хорошій хоръ, который иногда ѣздитъ въ другіе города и даетъ концерты, но вообще уступаетъ хорамъ шведскихъ университетовъ, доведеннымъ до высокой степени совершенства. Въ Швеціи вообще пѣніе болѣе процвѣтаетъ (Jenny Lind, Nissen и др.).

По поступленію въ университетъ, студентъ первый годъ готовится къ экзамену изъ философіи, и потому почти исключительно слушаетъ лекціи по этой части, да развѣ еще по одному или двумъ предметамъ, которыми хочетъ современемъ спеціально заниматься. Выдержавъ экзаменъ изъ фило-

софiи, который однакожь не даетъ ему никакой степени, студентъ уже переходитъ къ факультетскимъ занятiямъ. Впрочемъ онъ не имѣетъ прямой обязанности быть на всѣхъ лекцiяхъ по своему факультету; при факультетскихъ экзаменахъ требуется только засвидѣтельствованiе, что студентъ прослушалъ нѣкоторую часть курса по главнымъ наукамъ; стипендиатъ же обязанъ слушать лекцiи по крайней мѣрѣ по двумъ наукамъ. Степени магистра здѣсь вовсе нѣтъ; въ старину она здѣсь, какъ и въ Швецию, была соединена съ докторскою (*magister artium et doctor*). Теперь существуютъ здѣсь, правда, степени лиценцiата и доктора, но рѣдко кто ищетъ ихъ; большею частiю одни медики дорожатъ этимъ титуломъ, и то не всѣ: въ Дании есть много искусныхъ врачей не имѣющихъ докторскаго званiя, тѣмъ менѣе приобрѣтаютъ его юристы и богословы; вообще онъ считается необходимымъ только для тѣхъ, которые готовятся въ университетскiе преподаватели. Экзамены производятся въ концѣ семестра публично, безъ предварительнаго домашняго экзамена (*tentamen*), необходимаго въ шведскихъ университетахъ¹. На юридическомъ экзаменѣ присутствуетъ, сверхъ преподавателей, членъ высшаго суда. По каждой наукѣ требуется много, и отъ того полный курсъ продолжается семь лѣтъ.

Наибольшее число студентовъ принадлежитъ къ юридическому, богословскому и медицинскому факультету, но первенство въ отношенiи къ численности колеблется между двумя первыми периодически. Въ настоящее время болѣе всего юристовъ; но лѣтъ десять тому назадъ было болѣе богослововъ. Въ датской части гесударства, на островахъ, въ Ютландiи и сѣверномъ Шлезвигѣ, можно считать до 1200 пасторовъ; отъ того долгое время происходило такое стремленiе къ этимъ должностямъ, что при университетѣ множе-

¹ Въ шведскихъ университетахъ, а по ихъ примѣру и въ нашемъ Гельсингфорскомъ, всякому публичному экзамену, на который смотрятъ только какъ на формальность, предшествуетъ строгое домашнее испытанiе: въ продолженiи нѣсколькихъ часовъ профессоръ спрашиваетъ одного или нѣсколькихъ студентовъ изъ цѣлаго курса науки, и тутъ рѣшаетъ могутъ ли они быть допущены на публичный экзаменъ и какую отiѣтку заслуживаютъ. Юридическiй экзаменъ требуется не для всѣхъ должностей, но для высшихъ административныхъ мѣстъ, для адвокатуры и для судебныхъ должностей.

ство кандидатовъ богословія, выдержавшихъ экзаменъ, оставалось безъ мѣстъ. Ваканціи открывались для каждаго не прежде какъ лѣтъ черезъ двѣнадцать по окончаніи курса. Между тѣмъ, всѣ эти лица дѣлались старыми студентами, не учились, были не доводьны своимъ положеніемъ и, разумѣется, имѣли вредное вліяніе на молодыхъ товарищей. Слѣдствіемъ этого было то, что число богослововъ уменьшилось, и теперь едва достаетъ людей для всѣхъ открывающихся въ церкви вакансій. Большое число изучающихъ медицину происходитъ оттого, что край хорошо населенъ, что даже крестьяне по большей части зажиточны, и потому требуется много врачей не только въ города, но и въ села. Въ Даніи вообще до $2\frac{1}{2}$ мил. жителей. Изъ этого числа на датскія собственно земли приходится до двухъ милліоновъ, и мѣстами на одной квадратной милѣ живетъ болѣе 3.000 человекъ.

Профессора, сверхъ публичныхъ лекцій, могутъ читать приватныя, за которыя студенты должны по настоящему вносить небольшую плату: но на самомъ дѣлѣ и приватныя лекціи читаются даромъ. Только занятія *privatissime* происходятъ по особой просьбѣ желающихъ, которые за полугодіе вносятъ по 10 долларовъ, что на наши деньги составляетъ не болѣе 6 р. Казенное содержаніе старшихъ профессоровъ простирается до 2 т. руб. сер.; въ эту сумку, сверхъ жалованья, входитъ прибавочный окладъ, возрастающій чрезъ каждое трехлѣтіе, потомъ особая сумма на освѣщеніе и другіе меньшіе доходы. Жизнь въ Копенгагенѣ относительно дорога (хотя и дешева въ сравненіи съ петербургскою), и многіе профессора имѣютъ еще постороннія должности; напримѣръ, профессоръ Мадвигъ—инспекторъ частныхъ училищъ; онъ же, по назначенію короля, членъ или даже чуть ли не президентъ государственнаго совѣта; засѣдаетъ и въ другихъ собраніяхъ по управленію, такъ что это отвлекаетъ его отъ науки. Вслѣдствіе политическаго движенія послѣднихъ лѣтъ всего болѣе разрабатываются въ университетѣ скандинавская литература, исторія и древности. Имъ посвящаютъ труды свои Петерсенъ, Гисласонъ, Алленъ, Ворсо. Послѣдній пріобщенъ къ университету, но не несетъ всѣхъ профессорскихъ обязанностей, не экзаменуетъ и получаетъ менѣе всѣхъ жалованья. Онъ вѣчто въ родѣ инспектора надъ древностями, разсѣяанными по всему краю,—охраняетъ старинныя владѣнія, рунны-

чешскіе камни и дѣлаеть путешествія для раскопа кургановъ. Ему же поручено храненіе старинныхъ принадлежностей саксенбургскаго дома въ Розенборгокомъ дворцѣ, гдѣ онъ и живетъ. Надобно звать, что самъ король особенно интересуется скандинавскими древностями, лично участвуетъ въ обществѣ по этому предмету, сносится съ лицами, которыя имъ занимаются, и собираетъ относящіяся къ нему драгоценности.

Киль, какъ главный городъ Готторпскаго герцогства, имѣлъ особенное значеніе, когда эта часть Голштиніи принадлежала царствующему въ Россіи дому (Петру III, Екатеринѣ II и Павлу). Тамашній университетъ, основанный въ 1665 году, помѣщается въ зданіи, которое построено было по случаю его столѣтняго юбилея императрицей Екатериной: она въ теченіи десяти лѣтъ управляла этимъ краемъ за несовершеннолѣтняго сына своего, великаго князя Павла Петровича¹. Черезъ четыре года Кильскій университетъ будетъ слѣдовательно праздновать свой 200лѣтній юбилей. Онъ всегда принадлежалъ къ разряду маленькихъ нѣмецкихъ университетовъ, и число его студентовъ, въ прежнее время, простиралось отъ 200 до 300 человекъ; но особенно уменьшилось оно послѣ 1848 г., когда датское правительство стало стараться привлекать молодыхъ людей изъ Шлезвига въ Копенгагенъ. Такъ, между прочимъ, придумана мѣра, что на пасторскія мѣста въ Шлезвигъ опредѣляются только лица учившіяся въ Копенгагенѣ. Отъ этого шлезвигскіе уроженцы, которые прежде составляли половину всѣхъ студентовъ этого университета, теперь составляютъ едва одну треть ихъ, то-есть человекъ 50: всѣхъ студентовъ не болѣе 150. Приемные экзамены бывають въ концѣ каждаго семестра. Они довольно строги, но чтобъ университетомъ могли пользоваться и тѣ молодые люди, которые получили домашнее воспитаніе и не имѣють намѣренія поступить въ службу, а хотять приобрѣсти только общее университетское образованіе, на приемномъ экзаменѣ не требуется безусловно гимназическій курсъ: требуются только вообще такіа свѣдѣнія, съ которыми студентъ могъ бы слѣдить за лекціями. Такимъ образомъ, въ университетъ могутъ посту-

¹ О времени управленія Голштиніи Екатериной есть брошюра, написанная въ сороковыхъ годахъ профессоромъ Гале (Hale).

пать напиримърь и сыновья помѣщиковъ желающіе заниматься преимущественно сельскимъ хозяйствомъ. Но тѣ молодые люди, которые намѣрены идти по ученой части, должны напередъ выдержать въ такъ-называемой ученой школѣ (гимназіи) удовлетворительный экзамень; иначе они, въ послѣдствіи, и въ университетѣ не имѣютъ права экзаменоваться на ученую степень. Впрочемъ степень доктора здѣсь приобрѣтается почти исключительно только по философскому факультету; по медицинскому обыкновенно довольствуются степенью лиценціата. Вообще всѣ экзамены, кромѣ философскихъ, называются здѣсь *служебными* (Amts-examina). Ректоръ университета, профессоръ Карстенъ, снабдилъ меня нѣсколькими довольно толстыми брошюрами, печатаемыми ежегодно подъ заглавіемъ *Chronik der Universität zu Kiel*. Сверхъ того профессоръ Ратьенъ написалъ исторію этого университета, а докторъ Фольбергъ статью о числѣ студентовъ посѣщавшихъ его въ разное время.

Въ Киалѣ посѣтилъ я, между прочимъ, извѣстнаго профессора классическихъ древностей, Форхгаммера. Онъ разказывалъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ писалъ въ наше географическое общество о посѣщеныхъ имъ странахъ Греціи и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ обществу мысль свою объ обязанности, которая лежитъ на Русскихъ: описать въ точности мѣстность Колхиды и ходъ времени года въ этомъ краю, что необходимо для повѣрки свѣдѣній переданныхъ о немъ древними. Форхгаммеръ выразилъ сожалѣніе, что русское географическое общество, повидимому, не обратило вниманія на его мысль.

Онъ завѣдываетъ кильскимъ музеемъ искусствъ, главное богатство котораго составляютъ гипсовые слѣпки многихъ замѣчательныхъ произведеній древности: между прочимъ знаменитаго фарнезскаго быка и торсовъ вывезенныхъ лордомъ Эльгиномъ изъ Аѳинъ. Замѣчательно-хорошо составленъ каталогъ музея, обогащенный мнѣологическими объясненіями, и продаваемый за безцѣнокъ при входѣ. Такіе каталоги при заграничныхъ музеяхъ — вещь обыкновенная.

Какъ не вспомнить, при этомъ случаѣ, превосходныхъ описаній берлинскаго зоологическаго сада и копенгагенскаго этнографическаго музея? Въ первомъ, при имени каждаго животнаго помѣщены всѣ нужныя свѣдѣнія о его

быть, мѣсть происхожденія и т. п. Въ послѣднемъ разсѣяны любопытнѣйшія этнографическія подробности о народахъ воѣхъ частей свѣта. Этнографическій музей въ Копенгагенѣ, единственный въ мірѣ по своему богатству, замѣчательнъ не только въ этомъ отношеніи, но и по прекрасному размѣщенію всего, что въ немъ содержится. Въ вышнѣмъ состояніи своемъ онъ есть созданіе г. Томсена, который завѣдываетъ имъ уже лѣтъ пятнадцать, и помощника его, г. Стейнгауера, составителя упомянутого мною каталога. Въ одно изъ посѣщеній лишь этого музея, г. Стейнгауеръ водилъ по безчисленнымъ его комнатамъ воспитанниковъ какого-то училища. Надо было видѣть, съ какимъ одушевленіемъ г. Стейнгауеръ объявлялъ имъ воѣ предметы и съ какимъ вниманіемъ молодые люди слушали его. Вотъ какими способами, а не однимъ мертвымъ ученіемъ въ класной комнатѣ, уставленной рядами лакированныхъ скамей, но лишенной всякихъ живыхъ пособій, возбуждается въ молодомъ поколѣніи любовь къ наукѣ и распространяется въ націи свѣтъ знаній.

Къ числу людей, съ которыми я познакомился въ Кильѣ, принадлежитъ также докторъ Клаусъ (то-есть Николай) Гротъ (Grotz), доцентъ университета по нѣмецкой литературѣ, который недавно приобрѣлъ въ Германіи большую извѣстность народными стихами на нижне-нѣмецкомъ нарѣчій (plattdeutsh). Въ этихъ стихахъ много поэтическаго таланта и прекрасно выражается народная жизнь. Отъ извѣстнаго аллеманскаго поэта Гебеля, котораго переводилъ Жуковскій, Клаусъ Гротъ отличается тѣмъ, что его особенность—не младенческое простодушіе, а глубокое сочувствіе всѣмъ сторонамъ народной жизни. Лирическія піесы его нѣсколько сентиментальны и гораздо слабѣе. (Собраніе его стихотвореній напечатано нѣсколько разъ подъ заглавіемъ: *Quickborn*; это имя одной голштинской деревни и значитъ живой каучукъ.) Онъ сынъ мельника, и родился въ 1819 году близъ Гюкштадта, въ западной части Голштиніи, извѣстной подъ именемъ Дитмарсенъ. Въ молодости онъ съ трудомъ добывалъ себѣ пропитаніе, давая уроки иногда по 40 часовъ въ недѣлю. Потомъ онъ хотѣлъ приготовиться къ высшему преподаванію и учился въ Кильскомъ университетѣ. Его *Quickborn* доставилъ ему званіе почетнаго доктора въ университетѣ Боннскомъ.

Поэтъ водилъ меня по красивымъ окрестностямъ Киля, орошаемымъ рѣчкою *Seventine*, которой славянское имя (святыня: я въ первомъ слогѣ звукъ первоначально носовый) остается однимъ изъ немногихъ памятниковъ пребыванія здѣсь въ отдаленное время Славянъ. Замѣчательно еще названіе одной деревни близъ Киля; ее зовутъ *Russen* по небольшому озеру того же имени. Вотъ, стало-быть, еще Русь на берегахъ Балтійскаго моря!

Всѣ сословія въ Голштиніи громко осуждаютъ дѣйствія датскаго правительства въ отношеніи къ этой странѣ и къ Шлезвигу. Трактирщикъ маленькаго города Плёна, куда я ѣздилъ изъ Киля, жаловался, что оно хочетъ отнять у Шлезвига даже родной языкъ, и прибавилъ: *Es gährt Alles* (все въ броженіи)! Профессоръ Михельсонъ въ Іенѣ, прежде бывшій при Кильскомъ университетѣ и много занимавшійся исторіею Голштиніи, говорилъ мнѣ, что по мнѣнію покойнаго датскаго ученаго Мольтена, все населеніе Ютландіи—германское; только въ восточной части ея, языкъ въ граматическомъ отношеніи образовался по скандинавскому типу.

Въ Берлинѣ хотѣлось мнѣ получить понятіе о нѣкоторыхъ знаменитостяхъ тамошняго университета. Я посѣтилъ лекціи тѣхъ изъ профессоровъ, которые читали въ удобные для меня часы.

Раумеръ читалъ при мнѣ о монархической власти и сеймахъ среднихъ вѣковъ. Тиранинъ въ собственномъ смыслѣ тогда не было, власть была ограничена, но не существовало еще въ точности опредѣленныхъ конституцій; сеймы собирались то тутъ, то тамъ, и въ нихъ участвовали то одни лица, то другія. Дваа рѣшались не такъ какъ теперь, ариеметическимъ расчетомъ числа голосовъ, а моральнымъ перевѣсомъ тѣхъ или другихъ мнѣній. Представительство многихъ немногими (депутатами) придумано въ первый разъ императоромъ Фридрихомъ II.

Раумеръ—человѣкъ небольшого роста, сѣдой, довольно полный, съ пріятнымъ выраженіемъ лица; говорить скоро и не очень громко; во всемъ изложеніи его много вѣрности и ясности. Слушателей у него было въ этотъ разъ человѣкъ двадцать пять. Послѣ лекціи нѣкоторые студенты стали подходить къ нему съ какими-то листами, прося его расписать. Одинъ изъ нихъ

объяснилъ мнѣ, что всякій студентъ имѣеть списокъ лекцій, которыя онъ намѣренъ посѣщать: противъ каждаго предмета должна быть расписка профессора, и въ концѣ семестра дѣлается повѣрка дѣйствительно ли заявившіе желаніе слушать посѣщали его лекціи. Въ аудиторіяхъ все очень просто, скамьи старыя и довольно грязныя; на верхней доскѣ каждой изъ нихъ выставленъ номеръ; студенты вѣшаютъ свои шляпы у дверей.

Мишеле (котораго не должно смѣшивать съ французскимъ профессоромъ этого имени) читаетъ исторію философіи, или, вѣрнѣе, философическую исторію XVIII вѣка. У него живые приемы и веселый видъ; онъ преподаетъ съ жаромъ и часто прибѣгаетъ къ жестамъ; иногда читаетъ по бумагѣ, низко наклоня голову. Предметомъ лекціи его при мнѣ было начало французской революціи. Вотъ, въ немногихъ словахъ, содержаніе этой лекціи. Значеніе трехъ собраній: *constituante*, *legislative*, *conventive*; характеристическіе признаку: 1) появленіе *tiers état* вообще; 2) борьба *tiers état* съ 4-мъ сословіемъ, пролетаріатомъ, 3) торжество *tiers état*. Характеристика Лудовика XVI: онъ заплатилъ за вины своихъ, предковъ; самъ образецъ семейныхъ добродѣтелей; но вмѣстѣ лицемѣренъ, двуличенъ. Хотѣлъ реформъ; преобразованія сверху самыя благотворныя; главное дѣло не въ образѣ правленія, а именно въ томъ, чтобы существующее правительство понимало, чего требуетъ время и дѣлало нужныя преобразованія. Лудовикъ понималъ это и избралъ популярныя министровъ, но онъ былъ подъ вліяніемъ придворной партіи (*samarilla*), къ которой принадлежала и королева. Поэтому онъ вскорѣ отмѣнилъ свое распоряженіе и уволилъ министровъ. Назначенъ былъ Клонанъ. Этотъ требовалъ новыхъ налоговъ, но парламентъ и народъ въ нихъ отказали. Такіе налоги, какъ послѣднее средство къ спасенію государства, служатъ дурнымъ предзнаменованіемъ; понимая это, народъ противится имъ. Преемникъ Клонана, Бриеннъ, также не имѣлъ успѣха въ требованіи налоговъ. Тогда вновь назначенъ былъ одинъ изъ прежнихъ популярныя министровъ Неккеръ. Созываемые имъ *notables* не берутся обременять народъ новыми налогами и составляютъ бюджетъ, который обнаруживаетъ отчаянное положеніе финансовъ. За этимъ профессоръ Мишеле перешелъ къ развитію главныхъ по-

дробностей времени учредительнаго собранія (Constituante), находя ихъ необходимыми по важности этой эпохи. Qu'est-ce que le tiers état? C'est la nation. Въ этомъ словѣ, по мнѣнію профессора, заключается вся революція, вся исторія нашего столѣтія. Лекція Миселе продолжалась два часа, съ отдыхомъ между ними на четверть часа.

У Бонна прослушалъ я лекцію о санскритскихъ суффиксахъ, при чемъ онъ приводилъ сравненія изъ другихъ языковъ. По специальности предмета этой лекціи, не стану о ней распространяться.

Экзамень для поступленія въ университетъ производится въ гимназіяхъ и продолжается до пяти дней; въ первый день экзаменующіеся пишутъ латинское сочиненіе и остаются за этою работою часовъ пять взаперти. Во второй день они пишутъ нѣмецкое сочиненіе; потомъ переводятъ письменно же съ латинскаго на нѣмецкій языкъ, также съ греческаго и даже съ еврейскаго. По окончаніи письменнаго экзамена начинается устный, при чемъ предлагаютъ по четыре вопроса изъ разныхъ наукъ. Такъ всѣ поступающіе въ университетъ, для внесенія именъ ихъ въ матрикулу (университетскій альбомъ), должны имѣть *научное образованіе*. Только въ видѣ исключенія допускаются на частныя лекціи, съ разрѣшенія профессора, и сторонніе молодые люди, которые желаютъ временно слушать преподаваніе по какой-нибудь части. Профессоръ долженъ напередъ узнать степень ихъ образованія по разговору съ ними; они посѣщаютъ университетъ только для дополненія общаго образованія, но не могутъ пріобрѣтать степеней. Отдѣльной степени магистра давно уже нѣтъ въ германскихъ университетахъ; она присоединена тамъ къ степени доктора. Кандидатомъ же называется тотъ, кто готовится держать экзамень на степень по какому-нибудь факультету. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что строгость требованій при приѣмѣ въ университетъ необходима; естественно; что молодые люди, слабѣе при поступленіи въ студенты, остаются по большей части слабыми и въ званіи студентовъ. При слабой подготовкѣ большинства слушателей, и лекціи профессоровъ должны болѣе и болѣе принимать характеръ элементарнаго ученія. Отъ степени же образованія между студентами много зависитъ и степень ихъ умственной и нравственной зрѣлости, слѣдовательно весь духъ

университета. Въ примѣръ вліянія слабыхъ требованій при вступленіи въ университетъ можно привести Францію, гдѣ молодые люди поступаютъ въ Collège de France безъ всякихъ условій этого рода, и вслѣдствіе того навсегда остаются, въ общей массѣ, лишенными истиннаго научнаго образованія. Но спрашивается, какъ поступать въ странѣ, гдѣ уровень гимназическаго и вообще приготовительнаго ученія низокъ? Не будутъ ли тамъ слишкомъ строгія требованія для приѣма въ университетъ неумѣстны, потому что при такихъ требованіяхъ университеты будутъ рисковать оставаться пустыми? Подобное опасеніе справедливо: въ такой странѣ нѣкоторое снисхожденіе при приѣмѣ въ университетъ должно составлять временную мѣру, необходимое зло, и для устраненія его всѣ усилія должны быть устремлены къ тому, чтобъ улучшить способы преподаванія въ училищахъ. Но съ этимъ зломъ неизбежно связано и другое: низкая степень общаго развитія студентовъ, недостатокъ въ нихъ самостоятельности, зрѣлости и любви къ труду.

Штейнталь читаетъ исторію греческой грамматики. Когда я былъ на его лекціи, онъ диктовалъ ее, разбирая пзъ разговора Платона нѣкоторыя слова, съ примѣненіемъ къ этикъ древнихъ. Штейнталь совершенно молодой человѣкъ; олушателей у него было не болѣе четырехъ.

Наконецъ я былъ еще на лекціи Ранке. Такъ какъ онъ читаетъ только частныя лекціи, то надо было напередъ испросить у него позволеніе присутствовать на одной изъ нихъ. Я познакомился съ нимъ на университетскомъ дворѣ, гдѣ онъ прогуливался передъ своею лекціей. Это маленькій человѣчекъ, довольно полный и приземистый, рябой, и тѣмъ болѣе некрасивый, что держится криво. Сказавъ мнѣ очень любезно, что для входа въ его аудиторію совсѣмъ не нужно было его позволенія, онъ сталъ разспрашивать меня о русской литературѣ, и между прочимъ замѣтилъ, что у насъ теперь нѣтъ великихъ писателей. „Есть и теперь замѣчательные, отвѣчалъ я, но они мало извѣстны за границей.“ „Однакожь не такіе, какъ Карамзинъ и Пушкинъ,“ отвѣчалъ Ранке. Между тѣмъ пора было начинать лекцію, и мы вошли въ зданіе. Ранке читалъ о реформациіи, но я не слышалъ и половины его лекціи. Онъ сидѣлъ развалившись и закинувъ голову назадъ, гово-

риль то громко, то тихо, то скоро, то медленно и иногда замахиваясь рукою, вообще съ таинственнымъ видомъ и вопросами, произносимыми вполголоса. Слѣдить за его лекціей очень трудно; надобно прежде привыкнуть къ его манерѣ, чтобъ имѣть возможность слушать его съ интересомъ и пользой.

Дройзена, къ сожалѣнію, въ то время не было въ Берлинѣ.

Въ Берлинѣ посѣтилъ я также публичную бібліотеку. На лѣвой сторонѣ сѣней, внизу было окошечко, изъ котораго выдавали книги. Служитель, попросивъ меня расписаться въ книгѣ, повелъ меня къ директору, тайному *регірументу*, доктору Перцу, по порученію котораго одинъ изъ бібліотечарей показалъ мнѣ бібліотеку; порядокъ выдачи книгъ изъ нея очень простъ и легокъ: люди имѣющіе право получать книги (по поручительству) могутъ два раза въ день вкладывать свои письменныя требованія въ особый выставленный передъ бібліотекой ящикъ. Дежурный *sustos* (еженедѣльный) распределяетъ эти билеты, или карточки, по отдѣламъ бібліотеки, и *sustos* каждаго отдѣла отыскиваетъ книги: въ каждую книгу вкладываетъ онъ одну изъ полученныхъ карточекъ, на которыхъ находится заглавіе книги и подпись требователя, и книга кладется на столъ отдѣла. Дежурный слуга подбираетъ всѣ такія книги съ закладками, и онѣ посредствомъ особаго механизма опускаются въ нижній этажъ, гдѣ раскладываются по алфавиту именъ требователей и выдаются имъ чрезъ окошечко, которое я видѣлъ при входѣ. Карточки, содержащія требованіе, напередъ вынимаются: на каждую налагается печать бібліотеки, и карта получаетъ значеніе расписки. Ящикъ, куда опускаются требованія, открывается въ 9 или въ 12 часовъ дня, и кто вложилъ свою карточку до 9 часовъ, можетъ получить книгу уже въ 11; кто чрезъ 4 недѣли не возвратитъ полученной книги, тотъ обязанъ заплатить нѣкоторый штрафъ.

Между берлинскими учеными, которыхъ я посѣтилъ, былъ и знаменитый филологъ Яковъ Гриммъ; онъ живетъ въ отдаленной части города, за Бранденбургскими воротами. У дверей его, въ сѣняхъ, бѣлая доска съ крупною черною надписью: *Grimm*. Пожилая женщина отворила мнѣ дверь, я далъ ей свою карточку, и она тотчасъ же воро-

тилаась съ приглашеніемъ въ кабинетъ. При самомъ входѣ въ него, я былъ встрѣченъ маститымъ хозяиномъ шедшимъ ко мнѣ на встрѣчу; я былъ пораженъ его прекрасною головою, съ греческимъ типомъ въ чертахъ лица, сіявшаго веселою привѣтливостію посреди суровыхъ свѣдѣнь. Гриммъ съ участіемъ разспрашивалъ меня о состояніи филологіи въ Россіи, о занятіяхъ 2-го отдѣленія академіи наукъ и положеніи его членомъ; пожелалъ также узнать, кто изъ Русскихъ занимается теперь литовскимъ языкомъ. На мой вопросъ о ходѣ его словаря, Гриммъ отвѣчалъ мнѣ, что безпрерывно надъ нимъ работаетъ и что надѣется издать вскорѣ еще выпускъ, что смерть брата его Вильгельма нѣсколько замедлила работу, но что впрочемъ онъ не ищетъ новыхъ сотрудниковъ, потому что совокупный трудъ можетъ идти успѣшно только при совершенномъ единодушіи участвующихъ въ немъ, какъ было пока былъ живъ его братъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ надежду, что если самъ онъ не успѣетъ кончить свое огромное предпріятіе, то найдутся люди, которые приведутъ его къ окончанію. Видъ этого почтеннаго труженика посреди нескончаемой работы, наполняющей всю его жизнь, произвелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе. Онъ живетъ только для своей идеи и въ выполненіи ея находитъ свое счастье и свою награду; готова своей націи великое наслѣдіе, онъ не боится ни разнорѣчивыхъ толковъ критики, ни самой смерти, которая, какъ онъ твердо надѣется, не пресѣчетъ его предпріятія. Понимая всю цѣну времени Якова Гримма, я поспѣшилъ проститься съ нимъ, и отъ сердца пожимая ему руку, не могъ удержаться отъ замѣчанія о значеніи, какое его труды имѣли для успѣховъ филологіи въ Россіи, и о славѣ, какою его имя у насъ пользуется. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я былъ опять въ Берлинѣ и видѣлъ бюстъ Гримма въ комнатахъ Александра Гумбольта посреди вещей покойнаго, который слуга и наслѣдникъ его собирался продавать съ публичнаго торгоу. Бюстъ Гримма поразилъ меня своимъ сходствомъ и живымъ выраженіемъ. Онъ возбудилъ во мнѣ желаніе побесѣдовать еще разъ съ ветераномъ нѣмецкой филологіи, но я не рѣшился беспокоить его вторично.

Мѣсто, гдѣ живетъ Гриммъ, отыскалъ я по берлинскому адресъ-календарю. Эта книга, издаваемая подъ заглавіемъ:

Wohnungszwangsregister, находится въ каждомъ берлинскомъ домѣ. Подобныя есть и во всякомъ порядочномъ германскомъ городѣ, не говоря уже о главныхъ столицахъ Европы. Берлинская адресная книга составляется особенно тщательно и заключаетъ въ себѣ наиболѣе свѣдѣній. Чтобы дать о ней сколько-нибудь точное понятіе, сообщу коротко содержаніе ея. Въ ней, послѣ списка королевской фамиліи, заключается:

1) Указатель для отысканія всѣхъ жителей, за исключеніемъ рабочихъ поденщиковъ и слугъ.

2) Указатель для отысканія всякаго нумерованнаго дома, съ означеніемъ жильцовъ и владѣльца, а также улицъ, какъ онѣ взаимно перестѣкаются.

3) Списокъ всѣхъ занимающихся торговлей и промыслами.

4) Указатель всѣхъ правительственныхъ мѣстъ, публичныхъ учрежденій и зданій, а также замѣчательнѣйшихъ частныхъ заведеній.

5) Списокъ улицъ и площадей Берлина и его окрестностей, съ означеніемъ полицейскихъ частей, городскихъ округовъ, комиссій для бѣдныхъ и церковныхъ приходоу.

6) Списокъ городскихъ округовъ, окружныхъ старшинъ, третейскихъ судей, комиссій для бѣдныхъ, начальниковъ этихъ комиссій и врачей для бѣдныхъ.

7) Списокъ членовъ верхней камеры (Herrnenhaus).

8) Списокъ членовъ камеры депутатовъ.

9) Адресный указатель для Шарлоттенбурга (загороднаго дворца и селенія).

Неужели существованіе подобной книги въ одномъ Петербургѣ не возможно? Впрочемъ, для распространенія такого изданія у насъ очевидно не достаетъ одного необходимаго условія—общей грамотности, обстоятельство, которое долго еще будетъ препятствовать въ Россіи многимъ полезнымъ учрежденіямъ. Между тѣмъ—отсутствіе адреснаго указателя безпрестанно чувствуется. Отчего напримѣръ не прививается къ нашему быту обычай означать адреса жителей выставленными на домахъ нумерами? Ясно, что это возможно только при существованіи адресной книги, потому что безъ помощи ея нельзя помнитъ множество цифръ принадлежащихъ домамъ, въ которыхъ каждый изъ насъ имѣетъ надобность.

Замѣчательный признакъ большаго распространенія гар-

мощности въ западной Европѣ составляютъ надписи, которыя встрѣчаются на каждомъ шагѣ, и снаружи, и внутри домовъ. Встрѣчаются иногда и такія, которыя смѣшны, потому что онѣ изащипи предполагають черезчуръ большую недогадливость въ прохожемъ, напр. въ берлинскихъ университетскихъ сѣняхъ, у самаго входа, внизу стѣны вы читаете; *Для чистки ногъ*. Другія надписи забавны по тону или мелочности заключающагося въ нихъ напоминанія, напримѣръ въ Берлинѣ же есть и такія: *Запирайте дверь* (Thür zu!), или: *Просятъ запереть дверь тихонько*. Въ Копенгагенѣ, Берлинѣ и Парижѣ, но не въ Лондонѣ, всего чаще попадаетея на стѣнахъ домовъ, въ разныхъ видахъ надпись, которая на нѣмецкомъ языкѣ обыкновенно читается такъ: „Dieser Ort darf nicht verunreinigt werden“. Иногда частица *nicht* бываетъ нарочно затерта какимъ-нибудь палукомъ. Есть и такія надписи, которыя доказываютъ печальную истину, что съ успѣхами образованія обѣ руку паутъ и успѣхи паутовства. Подъѣзжающаго въ первый разъ къ Берлину, неприятно поражаетъ надпись, повторяющаяся въ нѣсколькихъ мѣстахъ станціи: *Берегитесь карманныхъ воровъ* (Man hüte sich vor Taschendieben). Нѣкоторыя надписи характеризуютъ націю, посреди которой онѣ встрѣчаются; въ Лондонѣ, на площадяхъ и улицахъ начинаютъ появляться домики, подобные тѣмъ, которыхъ такъ много разбѣяно по Парижу; въ одномъ изъ нихъ встрѣчается такая надпись: „пожалуйста, поправьте свой туалетъ, прежде чѣмъ выйдете. (please, adjust your dress before leaving).“

Объявленіе о таксѣ извозчиковъ находится внутри публичныхъ экипажей во всѣхъ странахъ западной Европы, но Берлинъ перецеголяетъ всѣ другія города въ мѣрахъ къ соблюденію такой таксы и въ подробности экипажныхъ объявленій. Надпись внутри берлинскихъ дрожекъ начинается такими словами: „*денегъ за проездъ никто не платитъ извозчику, если онъ не представитъ сѣдоку, при занятіи экипажа, карточку, на которой означена дѣна извѣстнаго рода перевѣзда*.“ На верху каждой карточки выставленъ номеръ, показывающій, которую повѣзку извозчикъ дѣлаетъ съ утра. Въ Берлинѣ извозчицья такса очень низка, именно: за копецъ платится всего 5 серебряныхъ грошей (15 коп. сер.); въ Копенгагенѣ, который менѣе Берлина,

такса выше: 25 к. сер. (2 марки) за конецъ; въ Гамбургѣ 20 коп. (8 шиллинговъ). Въ Берлинѣ сверхъ таксы за конецъ назначена такса по разчету времени, начиная съ 20 минутъ; далѣе за 30, 40, 50 и 70 (т.-е. за часъ съ прибавленіемъ 10 льготныхъ минутъ); если экипажъ берется на нѣсколько часовъ, то за одинъ 1-й часъ опредѣлена нормальная цѣна, за слѣдующіе же уменьшенная. Въ Лондонѣ троякая такса: 1) за конецъ, 2) по разчету времени и 3) по разчету пространства, т.-е. столько-то за милю, за 1½, за 2 и т. д. Само собою разумѣется, для того чтобы возможна была такса послѣдняго рода, разстоянія отъ извѣстнаго пункта должны быть размѣрены и означены. Парижская экипажная такса хорошо извѣстна. Можетъ ли твердая экипажная такса быть введена и у насъ? Что установленіе ея для нашихъ потребностей трудно, показали уже опытъ. Прежде всего должно очень внимательно разобратъ всѣ обстоятельства, находящіяся въ связи съ установленіемъ таксы и вникнуть во всѣ различія нашей городской жизни съ заграничною; только тогда можно будетъ рѣшить, дѣйствительноли такса этого рода возможна въ нашихъ столицахъ при нашихъ нравахъ и порядкахъ, и особенно при безграмотности, почти общей въ нашемъ простомъ народѣ, и если такая такса возможна, то на какихъ именно основаніяхъ¹. Теперь позволю себѣ замѣчаніе со стороны другаго рода: отчего во всѣхъ германскихъ странахъ на материкѣ Европы, отъ Швеціи до Швейцаріи, небольшіе публичные экипажи (крытые вездѣ, кромѣ Швеціи) называются русскимъ именемъ—*дрожками* (eine Droschke)? Кажется, проще всего предположить, что легкія русскія дрожки были когда-то вывезены въ сосѣднія страны, можетъ-быть въ Кенигсбергъ, Любекъ или Гамбургъ, а оттуда распространились въ другіе города, потому были усовершенствованы, но сохранили и въ новомъ видѣ прежнее свое названіе. Впрочемъ, возможно также, что названіе *дрожки* распространилось по Европѣ черезъ Польшу: въ Варшавѣ также извѣстны *дрожки*; конечно ихъ знали и въ Данцигѣ, когда этотъ городъ еще принадлежалъ Польшѣ, а съ Данцигомъ германскіе города всегда находились въ тѣсныхъ

¹ Извозничья такса въ Петербургѣ теперь уже отиѣнена. Ред.

свошеніяхъ. Наконецъ, путемъ для этого заимствованія, могли послужить и наши остзейскія провинціи.

Къ этимъ замѣчаніямъ о наемныхъ экипажахъ кстати будетъ присоединить два слова и объ омнибусахъ. Изумительнаго развитія достигли сообщенія этого рода въ Лондонѣ. Тамъ всѣхъ публичныхъ экипажей, какъ мы говорили, до 12 тысячъ, и между ними число омнибусовъ превышаетъ уже 7300: эту цифру я самъ видѣлъ на одномъ изъ лондонскихъ омнибусовъ. Въ Парижѣ такихъ публичныхъ каретъ гораздо менѣе, и онѣ превосходятъ лондонскія только бдительностію своихъ кондукторовъ во взысканіи платы съ пассажировъ, для чего парижскіе кондукторы безпрестанно взлѣзаютъ на имперіалъ и прогуливаются по ногамъ сидящихъ. Можетъ-быть, еще одно преимущество парижскихъ омнибусовъ состоитъ въ томъ, что снаружи ихъ можно всегда прочесть есть ли въ нихъ еще свободныя мѣста и сколько именно: по крайней мѣрѣ я не примѣтилъ этого въ Лондонѣ. За то въ Лондонѣ всякій омнибусъ со всѣхъ сторонъ покрытъ крупными надписями, по которымъ прохожій издали узнаетъ его направленіе. Кучеръ знаками и крикомъ приглашаетъ встрѣчныхъ присоединиться къ поѣзду. Кондукторъ чрезвычайно услужливъ, и по первому требованію всякаго готовъ остановиться, что въ Лондонѣ непримѣтно задерживаетъ ѣзду при ея удивительной быстротѣ; денегъ кондукторъ никогда не требуетъ впередъ, и всякій расплачивается когда ему удобнѣе. Цѣна мѣсту въ лондонскихъ омнибусахъ бываетъ по большей части въ 4 пенса (11 коп. сер.), но есть и такіе омнибусы, въ которыхъ платятъ по 3 и даже по 2 пенса. Прежде, когда ихъ было не такъ много, мѣсто стоило 6 пенсовъ (около 17 к. сер.), но увеличившееся совмѣстничество повлекло за собой пониженіе платы. Теперь, по тѣмъ направленіямъ гдѣ болѣе ѣзды, тянутся иногда цѣлые ряды омнибусовъ, такъ что пѣшеходу негдѣ пробраться между ними. Устройство ихъ такъ крѣпко, удобно и опратно, ихъ везетъ пара такихъ дюжихъ и прыткихъ лошадей, что весело смотрѣть на этотъ поѣздъ, и въ каждомъ омнибусѣ всегда можно найти хорошее общество, состоящее не только изъ мужчинъ, но и изъ дамъ. Обыкновенно бываетъ 12 мѣстъ внутри и 34 снаружи, то-есть на имперіалѣ и возлѣ кучера; иногда бываетъ еще рядъ открытыхъ мѣстъ

впереди кареты за кучеромъ; число всѣхъ мѣстъ внутри и снаружи всегда бываетъ объявлено особою подписью. Для входа на имперіаль и спуска оттуда висятъ особые толстые ремни, очень облегчающіе эту операцію. И тамъ сидятъ по большей части образованные люди, и у многихъ вы видите газеты въ рукахъ. Въ образованныхъ странахъ понимаютъ цѣну времени: тамъ на чтеніе газетъ многіе употребляютъ потерянные минуты на улицѣ, въ театрѣ, и пр. Въ креслахъ и партерѣ всѣ читаютъ газеты въ антрактахъ.

Говоря о парижскихъ омнибусахъ, я ничего не упомянулъ о такъ-называемой *корреспонденціи*, то-есть о возможности переходить изъ одного омнибуса въ другой, идущій по другому направленію; для этого можно брать билеты изъ особыхъ конторъ, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ города. Бывъ въ Парижѣ только короткое время, я не успѣлъ ближе ознакомиться съ этимъ учрежденіемъ, но понятно, какъ велико доставляемое имъ удобство сообщеній.

Не великолѣпны германскіе театры съ ихъ тѣсными ложками и партерами, гдѣ экономія мѣста доходитъ до того, что для пропуска сосѣда зритель долженъ не только встать самъ, но и поднять свое сидѣніе, чтобы смиренно пріютиться между ножками кресель. Всѣ эти театры, равно какъ и бѣольшая часть парижскихъ, очень скромны; но зато на нихъ можно видѣть пьесы Гете, Шиллера, Расина и Мольера, что и дѣйствительно случилось со мною: въ Гаагѣ веймарскіе актеры сыграли при маѣ *Ифигенію въ Тавриду*, въ Висбаденѣ видѣлъ я *Марію Стюартъ*, въ Берлинѣ *Фауста* Гете, въ Парижѣ *Britannicus*, *Tartuffe* и *le Medecin malgré lui*. Однакожъ не объ этихъ представленіяхъ собираюсь я говорить, а намѣренъ сказать нѣсколько словъ о юмористической пьесѣ, которую видѣлъ на одномъ изъ частныхъ берлинскихъ театровъ, именно на загородномъ (*Vogstädtisches Theater*), что за гамбургскою заставой. Сцена и мѣста для зрителей устроены въ саду; передъ скамьями, — столы уставленные пивными кружками, или стопами разнаго размѣра, начиная отъ самыхъ огромныхъ, въ которыя входитъ бутылки три и за которыми иной охотникъ прохлаждается нѣсколько часовъ сряду. Сверхъ того, въ длинныхъ узенькихъ стопахъ, съ деревянными ложками, подается тутъ чай. Все это получается изъ двухъ палатокъ, изъ

которыхъ одна служить кондитерскою, а другая—рестораномъ. Человѣкъ, который раздавалъ билеты, подсунулъ мнѣ, какъ прѣзжему, самое дорогое мѣсто, то-есть стоившее около полтинаника въ grosceum: это балконъ возлѣ сцены, что-то въ родѣ нашихъ литерныхъ ложъ. Отсюда я могъ свободно обозрѣвать и сцену, и зрителей, но за то и самъ, сидя одинъ впереди на возвышеніи, былъ у всѣхъ безпрестанно на глазахъ. Піеса называлась *Берлинскіе типографцики* и состояла изъ шести отдѣленій. Въ ней интрига плоха, и притомъ тутъ не одна, а двѣ интриги, но довольно хорошо представлены нѣкоторыя стороны берлинскаго быта. Сначала дѣйствіе происходитъ внутри типографіи, потомъ на улицѣ. Главное лицо *Zettelankleber*, то-есть прикаиватель объявленій, который рано утромъ является на берлинскихъ улицахъ съ кипой афишъ и съ мѣднымъ на груди ящичкомъ для клейстера. Это весельчакъ и острякъ. Другое лицо—Русскій, *Рузимовскій*, человѣкъ, котораго вспыльчивость и самовластное обращеніе съ лакеемъ безпрестанно подаютъ поводъ къ разнымъ шуткамъ и остроуміямъ. *Zettelankleber* смѣется надъ его горячкой и говоритъ: „прѣхалъ изъ Сибири и не можетъ выносить здѣшняго жаркаго климата.“ Предметомъ смѣха служитъ также и то, что Рузимовскій своего лакея всегда сажаетъ съ кучеромъ на козлахъ, когда ѣздитъ по городу. На сценѣ являются между прочимъ и небольшіе домики (*Trinkhalle*), недавно построенные мѣстами на берлинскихъ улицахъ для утоленія жажды прохожихъ. Въ этихъ домикахъ льются изъ крановъ зельтерская и содовая вода, которую подаютъ сидящія за прилавкомъ дѣвушки, извѣстныя въ цѣломъ Берлинѣ подъ шуточнымъ названіемъ *kohlensaure Jungfrauen*, то-есть углекислыя дѣвы. Вся эта обстановка служитъ рамкой фарса очень сложнаго, часто безсвязнаго и грубаго, но вообще недурно сыграннаго. Однакожь не совсѣмъ приличныя выходки не повравились нѣкоторымъ бывшимъ тутъ берлинскимъ дамамъ, и я самъ слышалъ, какъ одна старушка, при выходѣ сказала своей сосѣдкѣ, что никогда больше не пойдетъ въ загородный театръ.

¹ Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по всему Берлину, были разставлены особые, довольно красивые столбики для наклеивки всякихъ объявленій, которыми прежде обѣзплавались дома, какъ и до сихъ поръ дѣлается въ Парижѣ и Лондонѣ.

Хотя я и не охотникъ осматривать зданія, однакожь рѣшился съѣздить въ Потсдамъ, какъ мѣсто, извѣстное въ цѣломъ мірѣ. Въ 11 часовъ отправился я на желѣзную дорогу, и для большаго удобства спросилъ билетъ въ Потсдамъ и обратно, (ein Tagesbillet). Дѣйствительно я заплатилъ цѣлый талеръ за проѣздъ туда и назадъ, но разсмотрѣвъ свой билетъ, замѣтилъ съ удивленіемъ, что онъ только на одинъ конецъ. Кассиръ, у котораго я потребовалъ объясненія, извинился въ ошибкѣ и подалъ мнѣ другой. Странная ошибка, подумалъ я: подобныхъ даже и у насъ не бываетъ! Между моими сосѣдами въ каретѣ былъ одинъ молодой человекъ, съ которымъ я случайно завелъ разговоръ. Я замѣтилъ въ немъ большую образованность и потому охотно принялъ его предложеніе соединиться съ нимъ для осмотра Потсдама. Это былъ, какъ я послѣ узналъ отъ него, молодой гамбургскій купецъ, который, по окончаніи воспитанія въ родномъ городѣ, путешествовалъ около двухъ лѣтъ (таковъ обычай между его соотечественниками), много видѣлъ и имѣлъ не только обширныя познанія, но и замѣчательно развитый вкусъ въ изящныхъ искусствахъ; онъ не разъ поражалъ меня своими сужденіями о статуяхъ и картинахъ, которыя мы разсматривали. Не стану разказывать о дворцахъ, по которымъ насъ водили, ни объ аччюсти и важномъ видѣ вожатыхъ, которые какъ будто считаютъ себя хозяевами этихъ зданій и обращаются съ публикою довольно безцеремонно. Упомяну только объ одномъ мальчикѣ, который водилъ насъ по Санбуси и безпрестанно смѣшилъ своими объясненіями, доказывавшими грубѣйшее невѣжество: такъ передъ однимъ фонтаномъ, поддерживаемымъ мальчиками, онъ увѣрялъ насъ, что это 12 апостоловъ—не учениковъ Іисуса Христа, объяснилъ онъ, а тѣхъ апостоловъ, которыхъ будто бы отправилъ Лютеръ „und die die ganze Welt arrangirt haben.“ Моему гамбургскому республиканцу многое казалось страннымъ въ королевскомъ Потсдамѣ, гдѣ даже образцовая ткацкая мастерская носитъ на вывѣскѣ зпитеть Кönigliche. Однакожь онъ отдавалъ Берлинцамъ справедливость въ ихъ уваженіи къ закону, которое въ Гамбургѣ не такъ сильно развито; въ подтвержденіе своихъ словъ приводилъ онъ, что въ Гамбургѣ, напримѣръ, извоцики всегда стараются выманить у сѣдока больше денегъ чѣмъ имъ по положенію слѣдуетъ; онъ цѣнилъ въ Берлинцахъ также ихъ аккурат-

ность и любовь къ порядку, чему именно они, по его мнѣнію, много обязаны своимъ политическимъ возвышеніемъ. Привожу эти замѣчанія, потому что они показали мнѣ особенно любопытными въ устахъ германскаго путешественника, который судить о своихъ соплеменникахъ; притомъ они и въ примѣненіи къ намъ не лишены нѣкотораго значенія. Его поражали большія площади передъ потсдамскими дворцами и пустыя пространства между сельскими домами въ окрестностяхъ, потому что въ Гамбургѣ, напротивъ, очень тѣсно, и даже около него чувствуется недостатокъ земли; удивился онъ также, что деревенскіе мальчишки, близъ Берлина, въ воскресные дни бѣгаютъ босикомъ: этого же около Гамбурга никогда не увидишь.

Городъ Потсдамъ очень напоминаетъ Царское Село, только что въ первомъ вовсе не видать деревянныхъ домовъ, и множество лавокъ свидѣтельствуетъ о большемъ движеніи промышленности; притомъ на каждомъ шагу кофейни и пивныя заведенія, передъ которыми тѣсные ряды скамеекъ и столовъ, и все обвѣяно посѣтителями. Мой спутникъ при этомъ замѣтилъ, что обязательность до того развита въ Германіи, что одинокій человѣкъ можетъ подѣсть къ незнакому кружку и всегда будетъ хорошо принятъ. Мостовая потсдамскихъ улицъ въ родѣ петербургской, но тротуаръ только съ одной стороны, а по срединѣ улицы асфальтовая полоса для экипажей. Изъ мѣстъ, занятыхъ дворцами, лучшее Бабельсбергъ, гдѣ жилъ прежде принцъ-регентъ (нынѣшній король),—живописный уголокъ съ красивыми холмами и озерами.

Послѣ всѣхъ прогулокъ въ плохихъ потсдамскихъ дрожкахъ, запряженныхъ жалкими клячами, мы возвратились къ 9 часамъ вечера на желѣзную дорогу. Товарищъ мой долженъ былъ, по торговымъ дѣламъ своимъ, отправиться въ Магдебургъ, а я назадъ въ Берлинъ. Къ удивленію нашему, вещи гамбургскаго купца, уже свѣщенные въ Берлинѣ, здѣсь были снова положены на вѣсы, несмотря на протестъ владѣльца. Мы много смѣялись возраженіямъ станціоннаго служителя, производившаго эту операцію, и я не могъ не сказать про себя: *Tout comme chez nous*. Проводивъ добраго товарища, съ которымъ случайно прожилъ одинъ день моей жизни и едва ли опять когда-либо встрѣчусь, я хотѣлъ воспользоваться первымъ поѣздомъ (*Kurierzug*) въ

Берлинъ. Мнѣ сказали, что на это мой билетъ, стоявшій однако цѣлымъ талеръ, не даетъ мнѣ права; я желалъ перемѣнить его: „а этого нельзя сдѣлать,“ отвѣчали мнѣ; итакъ пришлось взять новый, чтобы не ждать еще часа, а прежній подарилъ я какому-то бѣдному Нѣмцу, который чрезвычайно обрадовался такой находкѣ. Поездъ тронулся по крайней мѣрѣ десятью минутами позже назначеннаго срока: опять tout comme chez nous!—съ тою однакожь разницею, что въ Германіи случаи подобной неисправности составляютъ рѣдкія исключенія, а у насъ они принадлежатъ къ обычному порядку.

На другой день я посѣтилъ профессора Ю. Р. преподающаго древніе языки въ гимназіи; профессорскій титулъ данъ ему только въ видѣ отличія. Онъ печатаетъ приготовляемое имъ новое изданіе Аристофана, но жалуется, что занятія, которыми онъ обремененъ по преподаванію, не позволяютъ ему вести это дѣло съ желаемымъ успѣхомъ. По этому поводу разговоръ между нами коснулся окладовъ и пенсій по учебному вѣдомству въ Пруссіи. Старшіе преподаватели гимназій получаютъ тамъ до 1200 талеровъ жалованья. Пенсіи всѣхъ вообще служащихъ образуются прибавочнымъ жалованьемъ: за первыя 15 лѣтъ прибавляется $\frac{5}{16}$ частей, и за каждыя слѣдующія 5 лѣтъ еще $\frac{1}{16}$; такъ что за 30 лѣтъ приходится $\frac{9}{16}$ или полъ-оклада, а за 50 лѣтъ $\frac{3}{4}$ оклада. Узнавъ нашъ порядокъ производства пенсій по учебному вѣдомству, Р. позавидовалъ намъ и замѣтилъ, что онъ ничего лучшаго не желалъ бы для Пруссіи. Въ Берлинѣ семь гимназій, и въ нѣкоторыхъ болѣе 600 учениковъ.

Въ тотъ же день вечеромъ готовился между студентами факельный ходъ. Я зналъ это и никакъ не хотѣлъ пропустить такого новаго для меня зрѣлища, а потому и спѣшилъ въ городъ изъ зоологическаго сада, гдѣ удивлялся прекрасному устройству звѣринца. Факельцугъ былъ въ честь профессора Ницша, по случаю празднованія его юбилея; университетскій судья запретилъ было эту манифестацію, подъ предлогомъ болѣзни короля; но министръ просвѣщенія разрѣшилъ студентамъ почтить такимъ образомъ престарѣлаго профессора. Въ 9 часовъ вечера вся широкая улица передъ университетомъ наполнилась народомъ; лѣстница зданія королевской библіотеки была покрыта толпами

любопытныхъ; студенты уже собирались въ университетскомъ саду, съ трудомъ проталкиваясь между народомъ; они были въ красивыхъ костюмахъ: въ черныхъ бархатныхъ кафтанкахъ, съ цвѣтными шарфами, въ бѣлыхъ панталонахъ и ботфортахъ; на головѣ были у нихъ разноцвѣтные береты, а въ рукахъ знамена. Вокругъ университета, на дворѣ его и всюду явилась въ большомъ числѣ полиція. Сборы были очень продолжительны. Толпа все увеличивалась и начинала выражать свое нетерпѣніе; но особенно шумѣли мальчишки, которыхъ множество сбѣжалось къ самому университету: они взлѣзали на столбы и деревья, и безпрестанно огаашали воздухъ дикими криками и свистомъ. Наконецъ вдали, передъ самымъ университетомъ, стали показываться горячіе факелы; безпрестанно зажигались новые, безпрестанно ряды огней становились шире и длиннѣе, и мало-по-малу число факеловъ увеличилось, по крайней мѣрѣ, до двухсотъ. И вотъ, во мракѣ и дымѣ, шестіе тровудось; хорошъ былъ видъ движущейся, дымящейся массы огней, подъ которыми таялась и шевелилась чуть видная въ полумракѣ толпа...

Въ Гаалѣ посѣтилъ я между прочимъ извѣстнаго историка Лео, читающаго также лекціи по древне-скандинавскому языку. Слышавъ прежде, что онъ выучился по-русски, я спросилъ у него: правда ли это? „Да, отвѣчалъ онъ, это было во время крымской войны; я зналъ уже по-польски и меня интересовалъ русскій языкъ; мнѣ хотѣлось видѣть, что говорятъ противники Англичанъ, которыхъ я ненавижу. Я принялся за *Сѣверную Пчелу* и сталъ понимать ее, кромѣ, однакожъ, фельетона, въ которомъ многія выраженія меня затрудняли. А первымъ поводомъ къ этимъ занятіямъ было то, что я, изучая кельтскій языкъ, искалъ пособій къ тому въ англійской литературѣ, и не нашедши никакихъ, былъ въ негодованіи на Англичанъ, за то что они не пользуются для науки близостью остатковъ кельтскаго населенія. Но тутъ у меня родилась мысль; не то ли же и мы дѣлаемъ въ отношеніи къ Славянамъ, когда милахъ въ 20 отъ насъ живутъ Венды? Тогда-то я рѣшился заняться славянскими языками. Прежде всего я обратилась къ нарѣчію Хорутанъ, какъ болѣе испытанному вліяніе нѣмецкаго; потомъ перешелъ къ чешскому.“¹ Помнѣнію Лео, даже въ

окрестностяхъ Галле и въ самомъ городѣ, мѣстныя названія представляютъ остатки присутствія Вендовъ. Таково названіе *Lucke* (мѣсто на берегу рѣки Саалы), въ которомъ онъ видитъ искаженное славянское слово *луга*. Имя улицы *Rannische Strasse*, по мнѣнію его, происходитъ отъ славянскаго корня *ran*, который въ чешскомъ языкѣ значитъ *восточный* (улица та идетъ въ восточномъ направленіи). Самое имя *Берлинъ* Лео признаетъ славянскимъ, находя начало его въ чешскомъ словѣ *brlo*, жезль, скипетръ, откуда *brljn*, рѣшетка (въ смыслѣ забора). Къ этому же корню относитъ онъ названіе встрѣчающагося во многихъ нѣмецкихъ городахъ мѣста: *Brühl*.

Я спросилъ у Лео, все ли еще онъ придерживается особенной орографіи, принятой имъ въ его курсѣ всемірной исторіи. „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, въ послѣднихъ изданіяхъ я бросилъ это правописаніе, по желанію книгопродавцевъ.“ Такимъ образомъ вездѣ повторяется то же явленіе, что въ языкѣ обычай составляетъ силу несокрушимую, и что слыхкомъ рѣзкія отступленія отъ него никогда не удаются.

Я. Гротъ.

(Продолженіе будетъ.)

HÔTEL «LA SIRENA»

ВЪ СОРРЕНТО.

Изъ стихотвореній: *Русскія пьесы на чужбинѣ.*

Здѣсь текутъ стихи природы
Моря звукою волной;
Пѣнась, силою свободы
Дышетъ ритмъ ихъ разсыпной.

Я стыжусь стиха людскаго:
Притаюсь въ душѣ моей,
Онъ созналъ, какъ бѣдно слово
Предъ глаголами зыбей.

Въ ихъ стихахъ мой слухъ ласкала
Рюма—небо и земля,
Ихъ цезура разсѣкала
Острой грудью корабля.

Воздухъ, созданный цвѣтами
Въ померанцевыхъ садахъ,
Тѣ стихи читалъ предъ нами
И по вилламъ, и въ горахъ....

И внимали имъ, смолкая,
Судьи лучшіе стиховъ—
Соловьи земнаго рая,
Соррентинскихъ береговъ....

Но и здѣсь родной Россіи
Отдамъ я себя всего:
Святся мнѣ стихи чины—
Строй народа моего.

Пѣсня Волги удалая
Мнѣ и здѣсь слышна въ волнахъ;
Вижу свѣтъ роднаго края
Въ Калабрійскихъ высотахъ....

Здравствуй, мой землякъ холодный!
Какъ тебя въ отчизну розъ
Вѣтеръ съ сѣвера свободный
На крылахъ своихъ занесть?...

Что жь, ояъ весель, нашъ питалець,
Переживъ свой тяжкій рокъ,
Искони многострадалецъ,
Свѣторусскій мужичокъ?...

Ты здѣсь, глядя на оливь,
Вспоминаешь ли, какъ я,
Наши пажити и нивы—
Безрубежныя поля,

Ширь и глубь души народной:—
То грядущаго зерно,
Что надеждой благородной
Намъ въ сердца заромено?...

Святы! Быть-можетъ, въ край родимый,
Въ стаѣ южныхъ облаковъ,
Завесешься ты, гонимый
Мощной прихотью вѣтровъ,—

Благодатью дождевою
Тамъ свяди на зелена,
И свеси поклонъ съ собою
Русскимъ людямъ отъ меня...

Н. Щербина,

Неаполь.—1861 г.

ПОДРАЖАНІЕ ШЕНЬЕ.

Все ревность, все любовь,—все муки жгучей страсти!
 Когда избавляюсь я отъ ихъ мятежной власти?
 Увы, для нихъ однихъ я чувствовалъ и жилъ,
 И силы юности безумно расточилъ!
 Отъ нихъ я вдаль бѣжалъ искать успокоенья—
 Отдать себя труду и грезамъ вдохновенья;
 Я думалъ: дальній путь, другія небеса,
 Языкъ Итали, природы чудеса.
 Уединенный трудъ и свѣтлый міръ искусства
 Смирять въ моей груди бунтующія чувства,
 И отрезвять мой умъ, и успокоять кровь,—
 Напрасная мечта! И здѣсь, и здѣсь любовь,—
 И здѣсь и здѣсь блещутъ красавицъ гордыхъ очи!
 И здѣсь, бессонныя томительныя ночи!
 Напрасно силюсь я вперить лѣтливый умъ
 Въ творенья мудрецовъ—въ міръ свѣтлыхъ важныхъ думъ,
 Все тщетно, все! Опять то трепеть ожиданья,
 То муки ревности, то пылкія желанья
 Смущаютъ мой покой, тревожатъ въ часъ труда...
 О юность бурная, умчишься ль ты когда?
 А ты, о мудрая и кроткая подруга,
 Цѣлительница грезъ обманчивыхъ недуга,
 О старость тихая, приди, приди скорѣй!
 Дай миръ и тишину и мощь душѣ моей,
 И сердца слабаго въ гноящіяся раны
 Пролей забвенія бальзамъ благоуханный!
 Дай въ чистыхъ помыслахъ мнѣ созерцать черты
 Меня плѣняющей тревожно красоты,—
 Чтобъ твердою рукой, безъ страстнаго волненья,
 Я могъ ихъ начертать въ минуту вдохновенья.

Б. Алмазовъ.

15 января.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григоріемъ Кутшелевымъ-Безбородко. Выпускъ третій. Ложныя и отреченныя книги русской старины, собранныя А. Н. Пыпинымъ. С.-Петербургъ. 1862.

Такъ-называемыя „отреченныя“ книги появляются на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ. Исповѣданіе христіанской вѣры, будто бы представленное греческимъ философомъ великому князю Владиміру Святому, уже заключаетъ въ себѣ выдержки изъ книгъ отреченныхъ. Нестору были извѣстны ложныя сказанія Меѳодія Патарскаго; Даниилъ Паломникъ заносилъ въ свой „Странникъ“ разказы о Мельхиседекѣ, о хожденіи Іоанна Богослова, о Богородицѣ,—разказы, частію слышанныя имъ во время благочестиваго странствованія „отъ вожа и азыка“, или отъ другихъ странниковъ, частію почерпнутыя изъ книжныхъ источниковъ, но въ томъ и другомъ случаѣ составлявшіе достояніе отреченныхъ книгъ. Поэтическія сказанія Востока, созданныя вѣрованіемъ и фантазіей первыхъ христіанскихъ вѣковъ, легли въ основу многихъ неканоническихъ книгъ и, при посредствѣ Византии, передавныя народамъ Европы, обогатили собою сферу христіанской поэзіи европейскихъ народовъ. Съ самой ранней эпохи перенесенныя въ Россію, отреченныя книги сдѣлались у насъ любимымъ, особенно уважаемымъ чтеніемъ грамотныхъ людей. Изъ той же Византии, которая дала намъ большую часть ложныхъ книгъ, пришла въ Россію и индексъ запрещенныхъ произведеній; но это не помѣшало

распространенію ложныхъ писаній. Строго-систематическаго преслѣдованія запрещенныхъ книгъ и предполагать нельзя въ древней Россіи. Составитель *Великихъ Четивхъ Миней* внесъ въ свой громадный сборникъ не мало отреченныхъ книгъ¹, конечно считая ихъ „истинными“,—и что за дѣло, если въ послѣдствіи, по нѣкоторымъ изъ нихъ, прошла красная черта, воздвигшаго цензора? Несомнѣнный остается, что и образованные представители нашего духовенства въ старину не всегда отличали ложную книгу отъ истинной. „Толстые поповскіе сборники“ были хранилищемъ нечистыхъ апокрифическихъ разказовъ и отреченныхъ суевѣрій. Въ старыхъ требникахъ, рядомъ съ церковными молитвами, стояли заговоры и заклинанія языческаго происхожденія. Въ церковныхъ правилахъ, множество положеній и запрещеній заимствовано было изъ ложныхъ книгъ („худые номоканунци“, по выраженію индексовъ), и подъ опасеніемъ проклятія за неисполненіе ихъ, пускались въ невѣжественный и суевѣрный народъ. Бумажки съ надписями Господнихъ именъ или съ посланіемъ Авгаря къ Іисусу Христу навѣшивались при разныхъ причитаніяхъ и молитвахъ на шею больныхъ: старое языческое вѣрованіе въ „наузы“ сливалось съ обрядомъ христіанскимъ. Слѣдованныя псалтпри сопровождалась отреченными гадательными книгами „олунныхъ днѣхъ“, предсказаніями о томъ, когда удобно садить, сѣять, въ бракъ вступать и т. п. Въ религіозномъ сознаніи древняго русскаго человѣка господствовало тяжѣлое двоевѣріе; обрядовая сторона христіанства подавлялась языческими суевѣріями. Въ отреченной литературѣ смѣшались языческія вѣрованія русской старины съ христіанскими догматами и сказаніями. Въ XVII вѣкѣ она являлась для многихъ образованныхъ людей помѣхою на пути къ просвѣщенію; но за то, тѣмъ дороже дѣлалась она для людей, которые, въ виду постепеннаго сближенія Россіи съ латинскимъ Западомъ, крѣпче хватались за свою родную православную старину и бѣжали отъ этого „семиглаваго змѣя, звѣрски превращавшаго весь церковный чинъ, злобно истреблявшаго вся преданія“. Раскольнику сберегли за со-

¹ Въ *Великихъ Четивхъ Миней*хъ находится: Слово Яноса праведнаго, Сказаніе Афродитіана о рождествѣ Спасителя, Разказъ о Вавилонскомъ плѣненіи, означенный въ нашихъ индексѣхъ и др.

бой литературное наследіе старой Руси; отреченная литература осталась для них священнымъ завѣтомъ православной старины, къ которому они любятъ прислушиваться. Ложныя книги русской старины до сихъ поръ живутъ еще въ „полюмъ цвѣтъ“ во многихъ сельскихъ сборникахъ; у нихъ только другіе читатели. Они спустились, съ развитіемъ образованности, въ массы необразованнаго большинства, въ народъ, который влечется къ нимъ всею силою своихъ симпатій, потому что находитъ въ нихъ рѣшеніе занимающихъ его вопросовъ, потому что видитъ въ нихъ свою религиозную и нравственную школу. Въ безднѣ народныхъ книгъ, тетрадокъ, лубочныхъ картинъ, старымъ отреченнымъ книгамъ принадлежитъ самое видное мѣсто. Русскіе духовные стихи представляютъ большею частію только стихотворную обработку отреченныхъ книгъ: критическое изученіе послѣднихъ необходимо для вѣрнаго пониманія историческаго значенія нашихъ духовныхъ стиховъ; безъ него изслѣдователи нашей народной словесности будутъ впадать въ постоянныя промахи.

Критическая разработка индекса запрещенныхъ книгъ должна быть положена въ основу исторіи отреченной русской литературы. Первоначально перенесенные въ намъ изъ Византіи, эти индексы постоянно дополнялись русскими указаніями на ложныя книги и вѣрованія, и къ XVII вѣку статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ вытянулась до длиннаго списка, въ какомъ представляетъ ее Кириллова книга и многочисленныя рукописи XVII вѣка. Къ сожалѣнію, въ нихъ рѣдко приведены точныя заглавія ложныхъ книгъ; индексъ часто ограничивается наудачу вырванными изъ нихъ фразами, часто со словъ индексовъ византійскихъ повторяетъ заглавія такихъ книгъ, которыхъ, вѣроятно, никогда не существовало въ славянскихъ переводахъ. Невѣжество переписчиковъ въ свою очередь исказило непонятныя для нихъ названія многихъ отреченныхъ книгъ и затруднило возможность отыскать и оцѣнить памятники отреченной литературы, упомянутыя въ индексѣ. Г. Пыпинъ „предположилъ издать небольшой рядъ ложныхъ книгъ *русской старины*“. Ему прежде всего слѣдовало выяснить себѣ объемъ и содержаніе *русской* отреченной литературы, на основаніи *русскаго* индекса и полемическихъ указаній въ другихъ памятникахъ древней русской литературы (въ Стоглавѣ,

мостровъ, писаніяхъ Максима Грека и др.) Не одну характеристическую черту древнерусскаго развитія доставить изслѣдователю знакомство съ тѣмъ, что древняя Русь въ разные періоды своей жизни предписывала считать истиннымъ и ложнымъ въ литературѣ, какъ мѣнялись ея взгляды въ этомъ отношеніи, и книга, нѣкогда истинная, переходила въ разрядъ сомнительныхъ или же прямо ложныхъ.¹ И напротивъ, къ какимъ чудовищнымъ результатамъ можетъ придти изслѣдователь русской старины, если будетъ руководствоваться не ея положительными указаніями, а своими собственными соображеніями! Къ сожалѣнію, г. Пыпинъ въ своемъ изданіи часто оставлялъ руководство индекса и печаталъ въ своемъ сборникѣ такія книги, которыя „русская старина“ не считала ни ложными, ни отреченными. Слово *Адама во адѣ къ Лазарю* (стр. 11—12) не упомянуто ни въ одномъ спискѣ ложныхъ русскихъ книгъ и заимствовано изъ такъ-называемаго „Златоуста“, сборника, который пользовался особеннымъ авторитетомъ, какъ книга каноническая и всегда цитовался въ спискѣ книгъ „истинныхъ“. Статья о „пророкѣ Іереміи“ (стр. 72), неправильно приписываемая Св. Епифанію, никогда не считалась отреченною. И почему же г. Пыпинъ изъ всей статьи Псевдо-Епифанія о 16 пророкахъ² выписалъ только разказъ о пророкѣ Іереміи, и пожаловалъ отрывокъ этотъ въ „ложныя книги русской старины“? Статья помѣщалась въ *Кормчихъ*, что можетъ служить *отчасти* доказательствомъ ея каноническаго значенія для русской старины, и *никогда* не упоминалась въ спискѣ ложныхъ книгъ. Быть-можетъ, разказъ Псевдо-Епифанія не отличается вѣрностью каноническимъ; но „русская старина“ нигдѣ не назвала его отреченнымъ или ложнымъ, ни разу его не заподозрила. Г. Пыпинъ руководствуется какими-то особенными соображеніями при опредѣленіи истинности и ложности древнихъ русскихъ памятниковъ. Извѣстное обличительное *Написаніе Анастасія мниха іерусалимскаго къ Папкову о древн. разн.*

¹ Во многихъ индексахъ замѣчено; „Василій же новій, и Нифонтъ, и Андрей Юродивый, и Мефодій Патарскій, и Странникъ—подобаетъ о сихъ вѣдущаго воспросите, аще истинна суть.“

² Наиболѣе исправный текстъ этой статьи издавъ недавно Тшмендорфомъ въ его *Anecdota sacra et profana, Lipsiae, 1861, p. 103—109.*

нѣтъ добру и злу, помѣщавшееся въ Кормчихъ наряду съ церковными постановленіями, онъ печатаетъ въ „ложныхъ книгахъ русской старины“, и обличенію на отреченное писаніе даетъ мѣсто среди ложныхъ писаній, безъ всякихъ оговорокъ! Согласны, что *Написаніе Агапія* имѣетъ отношеніе къ исторіи нашей отреченной литературы; но зачѣмъ же ставить его въ „небольшой рядъ памятниковъ литературы“? — оно совсѣмъ не относится къ ложнымъ произведеніямъ. *Вопросъ отъ Евангелія и другія статьи* (стр. 89) также не относятся къ числу произведеній названныхъ въ индексъ. Можно было бы составить нѣсколько томовъ, безъ всякой пользы для исторіи отреченныхъ русскихъ книгъ, есабы подобныя статьи выписывать изъ нашихъ старыхъ сборниковъ. Легенда о *Св. Агапіи и о раѣ* (стр. 134) также произвольно отнесена г. Пыпинымъ къ числу русскихъ отреченныхъ книгъ; въ одинъ индексъ не упоминаетъ о ней въ этомъ смыслѣ; знаемъ напротивъ, что Агапіи выставлялся образцомъ для подражанія монашествующимъ¹ и его *Хожденіе* въ извѣстный день года читалось иноками². Самый списокъ, по которому напечатана легенда, весьма испорченъ въ концѣ и, какъ статья Пролога, есть только сокращеніе сказанія о *Хожденіи Св. Агапія въ земной раѣ*.

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ, г. Пыпинъ потому произвольно относилъ нѣкоторыя книги къ разряду тѣхъ, которыя русская старина будто бы называла отреченными, что совершенно оставилъ въ сторонѣ указанія индекса. Иногда, подыскивая ложныя книги даже по индексу, г. Пыпинъ вноситъ въ свое изданіе совсѣмъ не ту статью, которую разумѣлъ индексъ, произвольно навязываетъ ей заглавіе искомой статьи и потомъ спокойно печатаетъ, какъ ложную книгу русской старины. На стр. 150 — 153 помѣщена, подъ заглавіемъ: *Епистолия о недѣли*, статья *Свитокъ изъ іерусалимской земли*. Мы рѣшительно не пони-

¹ Одно русское посѣлское къ *Хожденію Агапія* говоритъ: „Порезайте же итрониты и владыкы и игумены и попове и вси христіане отцу сему благородному“ и т. д. Рукопись XVI вѣка Троицко-Сергіевой Лавры, № 784 и 374.

² „Четвѣтъ апріла 14 днѣ“, замѣчаетъ рукопись XVII вѣка Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, № 90 и 1167.

маемъ, почему г. Пыпинъ въ *Иерусалимскомъ Свиткѣ* увидѣлъ *Епистолю о недѣли*. Последняя имѣеть другое содержаніе и встрѣчается и въ старыхъ рукописяхъ, и въ новыхъ раскольничьихъ тетрадкахъ подъ тѣмъ же заглавіемъ, съ которымъ знаетъ ее индексъ: *Епистоля Господа нашего Иисуса Христа о святѣй преславнѣй благочестивѣй недѣли*.¹ Г. Пыпинъ можетъ возразить, что *Иерусалимскій свитокъ* по своему тону и характеру близко подходитъ къ *Епистолѣ*; но мы снова замѣтимъ, что памятники русской старины не доказываютъ, чтобы *Свитокъ* считался ложною книгой, а напротивъ представляютъ доказательство противнаго. Въ древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ намъ списковъ *Иерусалимскаго Свитка* находится слѣдующее замѣчательное послѣсловіе: „Написажеса сіе посланіе въ лѣто 6966 (1448) иудикта 12 въ градѣ Иерусалимѣ; приписажеса сей списокъ въ богоспасаемомъ градѣ славномъ Москвѣ при державѣ великаго самодержца князя Василія Васильевича, а по благословенію господина нашего преосвященнаго митрополита Ионы кievскаго и всея Руси, въ лѣто 6960 (1452) иудикта 15 мѣсяца марта въ 2 день, того году, коли пошелъ князь великій Иванъ Васильевичъ со всемъ своимъ воинствомъ на князя Дмитрія Юрьевича на Шемяку.“ Ясныя и опредѣленныя указанія индекса не спасаютъ г. Пыпина отъ ошибокъ. Этихъ указаній часто бываетъ недостаточно для того чтобы отыскать и напечатать ложную книгу въ ея настоящемъ видѣ. Многія отреченныя произведенія „русской старины“ ходятъ не отдѣльно, а вошедши въ составъ какого-нибудь сборника, въ родѣ *Пролога* или *Златоуста*, или же въ составъ болѣе или менѣе стройной исторической компиляціи, въ родѣ *Палеи*. Въ первомъ случаѣ ложная книга невольно должна утратить нѣкоторыя изъ своихъ первоначальныхъ особенностей, чтобы *по формѣ* поддѣлаться къ остальнымъ

¹ Такъ въ полууставномъ сборникѣ XVI вѣка, принадлежавшемъ Иосифу Волоколамскому монастырю, кнѣж Московской Духовной Академіи, № 135—365; начало статьи: „Епистоля Господа нашего Иисуса Христа пришедши въ Римъ, въ олтарь святыхъ преславныхъ крестяцкихъ апостолъ Петра и Павла, рекмоу Господоу нашему Іс Христу, яко ты еси Петръ...“

² Въ полууставномъ сборникѣ XV вѣка, принадлежавшемъ библіотекѣ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря, кнѣж С.-Петербургской Духовной Академіи. № 11—1088.

статьямъ того же сборника; въ *Прологахъ* она всегда сокращается; въ *Златоустѣхъ* также: *Никодимовъ Евангеліе* въ *Златоустѣхъ* имѣеть совсѣмъ другой видъ и объемъ, нежели какимъ представляютъ его рукописи, въ которыхъ оно стоитъ опредѣленною статьею (хоть бы Погодинская рукопись, по которой напечаталъ Евангеліе г. Пыпинъ). Редакторъ *Палеи*, внося отреченную книгу въ свою обширную компиляцію, уже передаетъ разказъ ея отъ своего собственнаго лица, многое отбрасываетъ, многое прибавляетъ, руководствуясь основною мыслию *Палеи*—представить въ ветхозавѣтныхъ событіяхъ обличеніе жидовину. Разумѣется, критическое изданіе ложныхъ и отреченныхъ книгъ не возьметъ за норму того вида ихъ, въ какомъ онѣ встрѣчаются въ указанныхъ сборникахъ. Роль издателя памятниковъ отреченной русской литературы была бы очень легка и не завидна. еслибъ онъ, взявши въ руки индексъ ложныхъ книгъ, сталъ подыскивать ихъ по каталогамъ Строева, Калайдовича, Востокова, и безъ дальнѣйшихъ разсужденій выписывать ихъ изъ рукописей, указанныхъ этими почтенными библиографами. Такой процессъ изданія немного принесетъ пользы исторической наукѣ, а пожалуй, еще приведетъ къ самымъ ложнымъ выводамъ относительно нашей древней литературы. При такомъ процессѣ ложная книга спутается съ истинною, сокращеніе будетъ принято за цѣлое, середина за конецъ,—и какъ найдти выходъ изъ этого сплетенія ошибокъ и недоразумѣній? Г. Пыпинъ, къ сожалѣнію, не обращалъ особеннаго вниманія на составъ и значеніе тѣхъ сборниковъ, изъ которыхъ выписывалъ свои „отреченныя книги“, а потому и впалъ въ эти ошибки. На стр. 129—133 онъ напечаталъ, въ двухъ вариантахъ, *Павлово видѣніе*¹, заимствуя его изъ одного Погодинскаго сборника (полагаю, изъ *Златоуста*; у г. Пыпина не означенъ вѣкъ рукописи.) Въ примѣчаніи къ этой статьѣ издатель говоритъ: „Подъ такимъ заглавіемъ означали это произведеніе въ старину; съ этимъ именемъ упомянуто оно въ статьѣ о книгахъ истинныхъ

¹ Въ томъ видѣ, какъ представляеть его изданіе г. Пыпина, оно извѣстно намъ въ *Златоустѣ* Новгородской Софійской бібліотеки № 1266. Чудова монастыря № 125, и въ одномъ *Прологѣ* Троицко-Сергіевой лавры.

о ложныхъ.“ Но произведеніе, напечатанное г. Пыпинымъ, есть только *скупое сокращеніе* того, которое упомянуто въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ,—сокращеніе, старавшееся удержать только дидактическую сторону статьи и совершенно отбросившее длинный и любопытный разказъ о хожденіи апостола Павла по мукамъ и по раю. А между тѣмъ именно этотъ разказъ и составляетъ *сущность* видѣнія; начальное обращеніе къ сынамъ человѣческимъ, составляющее въ изданіи г. Пыпина едва ли не треть *Видѣнія*, есть очевидно позднѣйшая вставка. Въ поэмѣ XIII вѣка *la vision de St. Paul*¹ темою разказа служитъ хожденіе апостола Павла по аду, а не различная смерть праведнаго и грѣшнаго, какъ въ сокращенной статьѣ г. Пыпина. *Видѣніе апостола Павла*, въ его настоящемъ видѣ, извѣстное намъ по рукописи XV вѣка,² осязательно убѣждаетъ насъ, что авторъ поэмы *La vision de St. Paul* пользовался тою же самою греческою статьёю (изъ вторыхъ или изъ первыхъ рукъ, все равно), съ которой переведена наша ложная книга, и такимъ образомъ исторію нашей отреченной литературы приводитъ въ связь не только съ исторіею византийской, но и западно-европейской словесности. Славянскій переводъ *Павлова видѣнія* тѣмъ болѣе драгоцененъ, что греческій подлинникъ его, какъ многихъ другихъ апокрифовъ, остается до сихъ поръ неизданнымъ. Мы обращаемъ особенное вниманіе на это обстоятельство, потому что самъ г. Пыпинъ очень хорошо понималъ особенное значеніе нашихъ ложныхъ книгъ для исторіи литературъ византийской и славянскихъ вообще. „Значительная часть ложныхъ книгъ (говоритъ онъ въ предисловіи) была заимствована древнею Русью изъ источниковъ южно-славянскихъ и византийскихъ: они доставляютъ такимъ образомъ *важные данныя* для опредѣленія литературныхъ отношеній къ Византіи и для объясненія самихъ византийскихъ памятниковъ; по нашимъ ложнымъ книгамъ *возстановляется* въ нихъ многое, что до сихъ поръ только подозрѣвали

¹ Издано Озаномъ въ его *Dante et la philosophie catholique au XII siècle*. См. *Oeuvres complètes de A. F. Ozanam* VI, 413.

² Начало: „Въ слово Господне ко мнѣ глагола: рчи людемъ симъ: доколь согрѣшаете.“ Конецъ: „Многашды бо меляхуть его глаголюще ащеми, и рече Господь: потерпитъ дождеже шая помочитя о бездождьи повею о семь посаю дождь на земяю. Богу же....“

ученые или даже считали потеряннымъ. Такую же судьбу постигаютъ наши книги и для древней письменности Славянъ.⁴

Къ какимъ выводамъ придетъ изслѣдователь, соображая сокращеній и отрывковъ, напечатанныхъ г. Пыпинымъ подъ названіемъ ложныхъ книгъ, онъ примется изслѣдовать „важныя данныя для опредѣленія нашихъ литературныхъ отношеній къ Византіи и для объясненія самихъ византійскихъ памятниковъ“, если по позднимъ извлеченіямъ изъ ложныхъ книгъ и ихъ русскимъ передѣлкамъ будетъ „восстанавливать въ византійской литературѣ то, что до сихъ поръ только подозрѣвали ученые или даже считали потеряннымъ“? *Павлово видѣніе*—не единственный примѣръ того, какъ сокращеніе и выпускъ г. Пыпина принимается за самую книгу. Большая часть ложныхъ книгъ, извлеченныхъ г. Пыпинымъ изъ *Палеи*, представляетъ памятники не въ настоящемъ, истинномъ видѣ ихъ, а въ самой обезображенной и изуродованной формѣ,—то съ огромными посторонними наростами, то въ жалкихъ отрывкахъ. А между тѣмъ самой легкой критики рукописей достаточно было для того чтобъ избѣжать этого легкомысленнаго искаженія нашей старой отреченной литературы. Самое бѣглое, поверхностное сравненіе разныхъ списковъ *Палеи* убѣдило бы г. Пыпина, что та редакція *Палеи*, которою онъ пользовался (Румянц. 1494 г.), есть результатъ длинной литературной исторіи этого памятника на русской почвѣ. Древнѣйшіе списки *Палеи* не представляютъ нѣкоторыхъ отреченныхъ статей, которыя г. Пыпинъ беретъ изъ Румянцовской *Палеи* 1494 г. и которыя есть въ большой части списковъ этой компіляціи, относящихся къ концу XV вѣка. Откуда же взялись въ *Палеи* конца XV вѣка эти отреченныя статьи? Онѣ прежде ходили отдѣльно, потомъ вставлены въ *Палею* въ своемъ первоначальномъ видѣ, и сначала стоятъ въ ней особнякомъ, безъ всякой связи съ остальнымъ содержаніемъ этого памятника, и наконецъ уже приспособляются редакторомъ къ содержанію *Палеи*, посредствомъ болѣе или менѣе значительныхъ перемѣнъ въ ихъ составѣ. Вотъ примѣры. Въ древнѣйшемъ изъ известныхъ десетѣ списковъ *Палеи* (паргаментномъ XIV вѣка, принадлежащемъ Александро - Невской Лаврѣ) нѣтъ отреченнаго *Откровенія*

Авраа то въ *Сильвестровскомъ сборникѣ*, часть котораго
 не с о составляла эта *Палея*, *Откровение Авраама* на-
 х отдѣльной книгой, рядомъ съ *Сказаніемъ о житіи*
леніи Бориса и Гльба и другими статьями. Въ ко-
 славной съ этой *Палеи* въ XVI вѣкѣ, *Откровение*
ама стоитъ отдѣльной статьей и вписано въ *Палею*¹;
 въ другихъ спискахъ послѣдней оно потеряло уже зна-
 ченіе самостоятельнаго цѣлаго, перенеслось съ палейными
 обличеніями на жидовина и во многомъ утратило свой пер-
 воначальный видъ. Г. Пыпинъ напечаталъ часть этого от-
 реченнаго памятника подъ произвольнымъ заглавіемъ (за-
 шествованнымъ отъ одного отдѣла *Палеи*) *Книгъ объ Ав-*
раамѣ (стр. 24—26), не прослѣдивъ предварительно ко-
 ротенькой литературной исторіи памятника по разнымъ
 спискамъ *Палеи*, и впалъ въ слѣдующія ошибки: 1) Въ видѣ
 цѣлой самостоятельной статьи, съ громкимъ заглавіемъ
Книгъ объ Авраамѣ, у него издано только небольшое вступи-
 ление въ *Откровение Авраама*. Г. Пыпинъ введенъ былъ въ
 этомъ случаѣ въ заблужденіе, какъ намъ кажется, г. Срезне-
 вскимъ, который, при описаніи *Сильвестровскаго сборника*,²
 для образца языка привелъ именно отрывокъ изъ *Откро-*
венія Авраама въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ изданъ те-
 перь и г. Пыпинымъ. Издатель отреченныхъ книгъ самое-
 то *Откровение* и просмотрѣлъ, чего не случилось бы, еслибъ
 онъ обратился къ другимъ спискамъ *Палеи*. Въ нихъ онъ
 вѣрно нашелъ бы любопытнѣйшую отреченную книгу, съ
 слѣдующимъ заглавіемъ: „*Книги откровленія авраамъ, сына*
ферина, сына наортъ, сына серухова, сына роогова, сына
арфаксадова сына симова, сына ноова, сына ламехова, сына
мелфусаламля. сына снохова, сына аредова“. 2) Къ самому
 отрывку изъ *Откровенія*, принятому издателемъ за цѣлое,
 съ другой стороны приклеено г. Пыпинымъ начало, вовсе
 ему не принадлежащее (Сара роди Аврама — сиди помы-
 сливъ Авраамъ), а захваченное издателемъ изъ *Палеи*.
 3) Отрывку изъ одной книги г. Пыпинъ далъ заглавіе, ко-

¹ Его нѣтъ и въ пергаменномъ спискѣ *Палеи* 1406 г., писанномъ въ Коломнѣ и принадлежащемъ Троицко-Сергіевой Лаврѣ, № 38.

² Такова Уваровская *Палея* № 81/288; при *Откровеніи Авраама* здѣсь находятся тѣ же миниатюры, что и въ *Сильвестровскомъ сборникѣ*.

³ *Сказаніе о Свв. Бористѣ и Гльбѣ*, изданныя И. Срезневскимъ, стр. XIX—XXI.

торое обнимаетъ *всѣ книги* объ Авраамѣ и тѣмъ сузилъ объемъ и значеніе указанія греческихъ индексовъ: *Авраамъ*, ограничивши всѣ апокрифическія сказанія объ Авраамѣ однимъ отрывкомъ. Между тѣмъ, къ тому же цѣлю относится превосходное сказаніе о смерти Авраама, встречающееся въ нашихъ рукописяхъ и указанное въ нашихъ индексахъ словами: „*Архангелъ Михаилъ Авраама вознесъ на небо и далъ ему видѣти, что дѣютъ на землѣ и судилъ имъ*“. Греческіе подлинники той и другой статьи не изда ны. *Житіе Пророка Моисея* (стр. 39—48) также не находится въ древнѣйшихъ спискахъ *Палеи* и внесено въ нее не безъ измѣненій. Длинные обличительныя вставки на жидовина явились въ немъ, только благодаря помѣщенію его въ *Палею*. Г. Пыпинъ оставилъ ихъ безъ всякихъ оговорокъ, какъ принадлежность статьи. Ихъ слѣдовало или выбросить (какъ дѣлаетъ самъ издатель, въ нѣкоторыхъ другихъ отреченныхъ статьяхъ (стр. 9, 78, 52), или оговорить. Кроме того *Житіе* напечатано безъ конца. „На этомъ мы кончаемъ свое извлеченіе (говоритъ издатель): *разказъ о казняхъ египетскихъ не представляетъ особенной занимательности*“ (стр. 48). Напротивъ этотъ разказъ слѣдовало удержать, чтобы представить памятникъ въ его полномъ объемѣ и дать возможность изслѣдователямъ изучить отношеніе нашего *Житія* къ еврейскому подлиннику. Кто знаетъ: можетъ-быть, это изученіе доставило бы важныя данныя для исторіи нашей отреченной литературы въ эпоху ереси жидовствующихъ и для оцѣнки литературнаго значенія *Палеи*? И какой это особенной занимательности принесъ г. Пыпинъ въ жертву цѣлостность историческаго памятника?

Статья о Соломоновыхъ судахъ (стр. 55) также получила въ изданіи г. Пыпина начало, ей не принадлежащее, и снова занятое изъ *Палеи*, по неумѣнью выдѣлितъ изъ послѣдней ложную книгу. Слова: „И возвеличись царь Соломонъ—рече писаніе“ лишнія. Послѣдняя фраза прямо указываетъ, что они заимствованы изъ каноническаго источника; отдѣльно стоящая статья о Соломоновыхъ судахъ прямо начинаются словами: „Бысть Соломонъ мужъ мудръ.“²

¹ Латинскій переводъ еврейскаго подлинника перепечатанъ у Гфререра *Prophetas veteres pseudepigraphi*, 305—316.

² Ср. *Палею* гр. А. С. Уварова,

Наконецъ, въ статьѣ *Листвица* (стр. 27—32) не принадлежащія къ ней палеонныя обличенія занимають вдвое болѣе мѣста нежели сама ложная статья; она должна оканчиваться словами: „и потомъ побореть Господь по племени твоему“ (стр.: 28).

Впрочемъ не одно отсутствіе предварительной критики рукописей заставляло г. Пыпина принимать отрывки за цѣлое или присоединять къ ложнымъ статьямъ такія мѣста, которыя совсѣмъ имъ не принадлежатъ. Издатель упустилъ иногда изъ виду и незначительныя изслѣдованія, которыя изрѣдка посвящались у насъ ложнымъ книгамъ. Сравнивъ напечатанную имъ статью: *О виноградъ и како растяше* (стр. 7) съ разборомъ *сказанія о древь крестномъ*, предложеннымъ въ *Исторически-хъ Очеркахъ* Булаева (II, 491), г. Пыпинъ легко могъ бы убѣдиться, что его статья *о виноградъ* есть не болѣе какъ отрывокъ отреченнаго *Слова о крестъ честнѣ и о двою кресту разбойничкѣ*. Статья *о виноградъ* начинается у г. Пыпина безсвязно: „*Тако* егда насади Господь виноградъ въ рацъ,“ именно потому что это есть отрывокъ указаннаго *слова*, расположеннаго по вопросамъ и отвѣтамъ. Передъ ней опущенъ слѣдующій вопросъ, связывающій ее съ началомъ *Слова*: *Како зачахуи тѣ древа*. Этимъ объясняется *такое*, стоящее въ началѣ статьи. Небольшая загадка изъ *Бесѣды трехъ святителей* помѣщена у г. Пыпина отдѣльною статьёй безъ указанія источника (стр. 11).

Палеографическія особенности рукописей, изъ которыхъ г. Пыпинъ заимствовалъ ложныя книги, также не всегда вѣрно имъ оценены. Въ Румянцевскомъ сборникѣ XVI вѣка, № 96, л. 91—95 об., помѣщено *Слово святаго праведнаго Іоанна Оголова*. Первые два листка этой статьи вписаны позднѣйшею рукою на мѣсто утраченныхъ ея страницъ; эту-то *позднѣе вписанную часть* статьи г. Пыпинъ принимаетъ за *цѣлую* статью (онъ самъ ограничиваетъ объемъ *Слова* листами 91—93), и опять отрывокъ играетъ роль цѣлаго произведенія, хотя въ рукописи оно помѣщено вполнѣ!

Въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ *Громякъ и Колядникъ* (стр. 156—157) напечатаны статьи: 1) о небеси и 2) стихиръ дванадцатимъ мѣсяцомъ. Это опять отрывки, которые не относятся ни къ *Громяку*, ни къ *Коляднику*, и которые со-

ставляют часть обширной статьи *О личном обхождении и воздушных применениях*. Въ этой послѣдней я позволяю себѣ видѣть астролога нашихъ древнихъ индексовъ.

Но довольно о смѣшеніи истинныхъ книгъ съ ложными, о вырѣзкахъ и выдѣлкахъ, которыя позволилъ себѣ г. Пыпинъ въ памятникахъ нашей отреченной литературы; скажемъ хотя нѣсколько словъ объ изданіи тѣхъ отреченныхъ книгъ, въ истинномъ содержаніи и объемѣ которыхъ г. Пыпинъ не могъ ошибиться. Издатель часто не означаетъ, къ какому вѣку относится рукопись, по которой онъ печатаетъ памятникъ, или ограничивается общими и неопредѣленными указаніями. Что значить напр. выраженіе: *изъ старой рукописи* (стр. 58)? Многія описки рукописей оставлены безъ оговорокъ и поправокъ тамъ, гдѣ это было легко сдѣлать: напр. *разорю закону твою* (стр. 5) вм. *икону* (ѣхон, образъ); у вратъ эдемскихъ *заря ми* вм. *за раемъ* (стр. 10). На стр. 13 совершенно напрасно поставленъ вопросительный знакъ послѣ слова *теслоу*: значеніе его понятно.

Чѣмъ важнѣе историческое значеніе тѣхъ памятниковъ, которые имѣлъ въ виду г. Пыпинъ, тѣмъ болѣе осторожности и предварительныхъ работъ требовали они отъ издателя. Произведенія, оставившія такой прочный и долговѣчный слѣдъ въ исторіи народной культуры, какъ отреченныя русскія книги,—произведенія, около которыхъ группируется множество вопросовъ, важныхъ въ исторіи общеевропейской словесности,—должны внушать изслѣдователю некоторое уваженіе и не подвергаться легкомысленнымъ искаженіямъ ради какой-то особенной „занимательности.“ Предлагая ихъ въ первый разъ на судъ „исторической критики,“ слѣдуетъ держаться только положительныхъ требованій науки и отказаться отъ дилеттантизма, оставляющаго при себѣ только то, чтъ кажется ему „занимательнымъ“: подобныя взгляды не имѣютъ ничего общаго съ историческою критикою.

Н. Тихонравовъ.

¹ „Въ старой русской письменности (говорить г. Пыпинъ въ предисловіи къ изданію) до сихъ поръ остается множество памятниковъ, до которыхъ мало касалась историческая критика.“

ЗАМѢТКА

Объ книжки *Русскаго Вѣстника*, послѣдняя за прошлый годъ и первая за нынѣшній, печатались въ одно время и выходятъ почти въ одинъ день. Намъ стоило это немалыхъ усилій; за то отнынѣ каждая книжка будетъ выходить въ тотъ самый мѣсяць, который значится на ея оберткѣ.

Мы надѣемся, что читатели найдутъ удобными новый форматъ и шрифтъ нашего журнала. Форматъ нѣсколько уменьшенъ противъ прежняго, а шрифтъ тотъ самый, къ которому читатели *Современной Лѣтописи*, безъ сомнѣнія, успѣли уже привыкнуть. Онъ мельче нашего прежняго крупнаго шрифта, но нѣсколько шире и разборчивѣе, такъ что даетъ намъ возможность, при уменьшенномъ форматѣ, сохранить прежніе размѣры содержанія.

При выпускѣ этой первой книжки мы болѣе всего хлопотали о томъ, чтобы не слишкомъ запоздать и чтобы войти въ сроки. Вотъ почему нѣкоторыя статьи, предназначавшіяся нами въ эту книжку (между прочимъ и новый романъ г. Тургенева), не могли войти въ нее; вотъ почему также отлагаемъ мы до слѣдующаго нумера наши обычные замѣтки о разныхъ явленіяхъ въ литературной и общественной жизни. Эти замѣтки будемъ мы продолжать и въ нынѣшнемъ году. Недостатка въ

матеріалѣ, кажется, не будетъ; съ каждымъ днемъ является что-нибудь новое, и мы дѣлаемъ надъ собою немалое усиліе, рѣшаясь отложить нашу бесѣду съ читателями до слѣдующаго мѣсяца.

Время дѣйствительно наступаетъ новое, но тѣмъ крѣпче должны мы стоять и тѣмъ усерднѣе дѣйствовать, хотя наша дѣятельность и не совсѣмъ нравится нѣкоторымъ изъ нашихъ соотаварищей по журналистикѣ. Годъ тому назадъ, одна изъ петербургскихъ газетъ объявляла о нашей близкой кончинѣ. Та же газета хоронитъ насъ и теперь. *Русскій Инвалидъ* перемѣнилъ редакцію; но онъ попрежнему думаетъ, что намъ пора умирать. Эту газету почему-то особенно занимаетъ судьба *Русскаго Вѣстника*. Кстати и не кстати обращается она къ *Русскому Вѣстнику*, чтобы сказать ему какую-нибудь любезность. Недавно эта газета обратилась даже лично къ издателю *Русскаго Вѣстника*, называя его по имени и отчеству, находя, что у него очень дурно „въ верхнихъ этажахъ“ (то-есть въ головѣ, какъ надобно думать), сравнивая его въ этомъ отношеніи съ гг. Аскоченскимъ, Полиньякомъ и Гизо, приглашая его покинуть журнальное поприще и предоставить дѣло жизни, въ которомъ онъ ничего не омыслить, *Русскому Инвалиду* и другимъ могучимъ дѣятелямъ, исполненнымъ юныхъ силъ, и составляющимъ одну дружную семью въ петербургской журналистикѣ. *Русскій Инвалидъ* извѣщаетъ насъ, что эта фаланга людей жизни служить усердно правительству и обществу, между тѣмъ какъ мы причиняемъ собою только докучный диссонансъ въ этомъ стройномъ хорѣ. Мы состарѣлись, отстали, испугались „проблесковъ жизни“, не возрадовались великимъ событіямъ, которыми ознаменовался прошлый годъ; мы не понимаемъ прелести разрушенія, мало изучали Токвиля, который учить о пользѣ и необходимости этого процесса: только исчезновенія нѣтъ въ природѣ, учить въ свою очередь *Русскій Инвалидъ*, а разрушеніе есть. Далѣе, эта газета извѣщаетъ насъ, что мы живемъ чужимъ умомъ, не имѣемъ своего сужденія, между тѣмъ какъ самостоятельная мысль вырабатывается въ *Русскомъ Инвалидѣ* и другихъ журналахъ, составляющихъ дружную семью. Выходитъ, что мы все говоримъ съ чужихъ словъ, черпали нашу мудрость изъ *Times*, и что наши теоріи давно опровергнуты въ какихъ-то катихизисахъ, которые печатались въ Брауншвейгѣ

1848 году. *Русскій Инвалидъ* берется открыть и указать наши источники, и мы усердно просимъ его объ этомъ, потому что это и для насъ будетъ интересно новостью; между тѣмъ онъ кое съ чѣмъ познакомится, разыскивая наши источники, а мы можетъ-быть узнаемъ поближе, чтъ такое брауншвейгскіе катихизисы.

Почтенная газета находитъ, что наша дѣятельность бесплодна и безуспѣшна, что наши идеи оказываются совершенно несостоятельными, и что все дѣлается не такъ какъ мы хотимъ. Въ доказательство, *Русскій Инвалидъ* беретъ недавній фактъ,—вопросъ объ устройствѣ университетовъ.

Русскій Инвалидъ свидѣтельствуетъ, что наши взгляды по этому вопросу оказались несостоятельными, что правительство не обратило на нихъ вниманія, и что университеты устраиваются теперь на новыхъ началахъ, въ противность нашимъ „тенденціямъ“. Но мы никогда не имѣли притязаній дѣйствовать на правительство; мы обращаемся не къ правительству, а къ публикѣ; наша обязанность—разъяснять, по силамъ, общественныя понятія, по поводу возникающихъ вопросовъ, а не проводить законодательныя мѣры. Мы не знаемъ, что предполагаетъ правительство, что находитъ оно возможнымъ и нужнымъ; но мы пользуемся правомъ, которое, въ извѣстной мѣрѣ предоставлено всемъ,—высказывать въ печати свои мнѣнія. Далѣе этого наши притязанія не простираются. Но дѣло не въ этомъ,—дѣло вотъ въ чемъ: *Русскій Инвалидъ* радуется, что университеты будто бы получаютъ устройство совершенно не согласное съ нашими взглядами. А какіе наши взгляды? И чему обрадовался *Русскій Инвалидъ*? Послѣ того какъ высказали мы наше мнѣніе о значеніи университетовъ въ возраженіе на проекты нѣкоторыхъ петербургскихъ профессоровъ, завелъ объ этомъ рѣчь и *Русскій Инвалидъ*. Мы помнимъ, въ немъ появилась тогда статья, которая насъ очень порадовала. Мнѣнія, высказанныя въ этой статьѣ, назвали бы мы очень умными и очень дѣльными, еслибы насъ не удерживало чувство скромности. Мнѣнія, высказанныя тогда въ этой газетѣ, совпадали съ нашими. Только одно показалось намъ очень страннымъ: высказавшись въ одинаковомъ смыслѣ съ нами, *Русскій Инвалидъ* заключалъ свою статью гнѣвною выходкой противъ насъ, неизвѣстно за

что. Странная тактика бросаться въ того грязью, съ кѣмъ соглашаешься во мнѣніяхъ. Вотъ еще примѣръ, ближайшій: заговоривъ о дворянствѣ и о томъ какъ должны быть организованы у насъ земскіе выборы, *Русскій Инвалидъ* не преминулъ также ругнуть насъ, хотя высказалъ о выборномъ началѣ именно то, что всегда высказывалось въ *Русскомъ Вѣстникѣ*,—высказывалось тогда, когда новая редакція *Русскаго Инвалида* еще не появлялась на свѣтъ. Странныя отношенія къ тѣмъ, съ кѣмъ сближаешься въ мнѣніяхъ, и странный способъ заявлять свою самостоятельность! Но чему обрадовался *Русскій Инвалидъ*, полагая, что университеты получать устройство не согласное съ нашими взглядами? Забылъ ли онъ, какихъ мнѣній держался самъ нѣсколько недѣль тому назадъ, говорилъ ли онъ тогда безсознательно, или ему точно пріятно думать, что все будетъ сдѣлано въ противность его собственнымъ тенденціямъ“?

Что же касается до совѣта прекратить нашу дѣятельность, то мы затрудняемся послѣдовать ему: не имѣя притязанія дѣйствовать на правительство, не находясь къ нему ни въ какихъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ тѣхъ общихъ, въ какихъ всѣ граждане находятся къ своему правительству, не пользуясь и не желая пользоваться никакою исключительною привилегіей, даже привилегіей частныхъ объявленій, которая предоставляема новой редакціи *Русскаго Инвалида*,—мы служимъ, по мѣрѣ силъ нашихъ, обществу, и думаемъ, что служба наша не бесполезна и не бесплодна. Мы думаемъ такъ, потому что вниманіе публики къ нашему голосу не уменьшалось, а возрастало съ теченіемъ времени, и никогда не было такъ сильно какъ теперь, въ это трудное время съ „проблесками новой жизни“, предъ которыми, по мнѣнію *Русскаго Инвалида*, оказались мы несостоятельными. Въ этомъ отношеніи *Русскій Инвалидъ* и русское общество совершенно расходятся,—и нельзя на насъ свѣтовать за то что мы болѣе руководствуемся мнѣніемъ публики о нашей дѣятельности нежели мнѣніемъ *Русскаго Инвалида*.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ КАТКОВА " К°,

въ Армянскомъ переулкѣ,

продаются слѣдующія книги:

ПОЛНЫЯ ТАБЛИЦЫ для опредѣленія количества оброка или числа барщинскихъ дней въ каждомъ имѣніи, подобно надѣлу крестьянъ землею, составленныя на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 года Положеній о крестьянахъ. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р. сѣр.

ПРАВИЛА для найма рабочихъ, Высочайше утвержденныя 13-го марта 1861 года. Ц. 25 коп.

РАЗЧЕТНАЯ КНИЖКА для рабочихъ, составл. на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ для найма рабочихъ. Ц. 5 коп.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБЩЕЙ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМІИ тканей человѣческаго тѣла. Д-ра А. Винтера. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

РУКОВОДСТВО КЪ ЧАСТНОЙ ПАТОЛОГІИ И ТЕРАПИИ, преимущественно съ физиологической и анатомо-патологической точки зрѣнія. Д-ра Феликса Нимейера. Переводъ съ нѣмецкаго. Выпускъ первый. Переводъ М. Боголюбова. М. 1861. Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА Виленской губерніи на 1861 годъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 коп.

ХИЖИНА ДЯДНИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ВЪ СТОРОНЪ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

Книжки РУССКАГО ВѢСТНИКА выходятъ ежемѣсячно; СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ еженедѣльно, по четвергамъ.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ и СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ въ Москвѣ и Петербургѣ **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **семнадцать рублей**;

за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ отдѣльно въ Москвѣ и Петербургѣ **десять рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **двѣнадцать рублей**;

за СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ отдѣльно въ Москвѣ и Петербургѣ **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **восемь рублей**.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* принимается:

НА 1862 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и К^о, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника* въ Москвѣ. Заграничные обращаются исключительно въ бердинскій почтамтъ.

Печатать дозволяется.

Января 31. Цензоръ А. Петровъ.

Цензоръ Н. Гилъровъ-Платоновъ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

1862

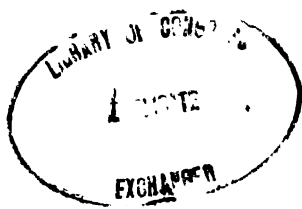
ФЕВРАЛЬ.

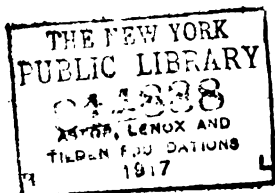
СО Д Е Р Ж А Н І Е :

- I. ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ КАВКАЗА. **Г. Е. Щуровскаго.**
- II. ОТЦЫ И ДѢТИ. **Н. С. Тургенева.**
- III. ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ. **С. Безыменнаго.**
- IV. ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ. Стихотвореніе **Б. Н. Алмазова.**
- V. АТАМАШЪ БРАГИНЪ И РАЗБОЙНИКЪ ЗУБАКИНЪ. **Д. Л. Мерденцева.**
- VI. ИЗЪ ДОРОЖНАГО ДНЕВНИКА ВЕДЕННАГО ЗА ГРАНИЦЕЙ. **Н. К. Грота.**
- VII. ИЗЪ ИСТОРИИ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА. **С.**
- VIII. ОБРАБОТКА ЗЕМЛИ ВОЛЬНОНАЕМНЫМИ РАБОЧИМИ. **В. К. Ржевскаго.**
- IX. СТИХОТВОРЕНІЯ: I. Симпсонская дорога, II. Въ больведерѣ. **Н. Ф. Щербиньы.**
- X. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ НАТУРАЛИСТА. **А. Н. Бекетова.**
- XI. ГРУСТНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТЪ. Доктора **Ястребцова.**
- XII. КЪ КАКОЙ ПРИНАДЛЕЖИМЪ МЫ ПАРТІИ?

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ КАВКАЗА

Кавказъ долгое время былъ для всѣхъ какою-то таинственною странюю. Говоря о немъ, даже теперь все невольно воображаешь себѣ и золотое руно въ Колхидѣ, и Прометей прикованнаго къ вершинамъ Казбека. Менѣе таинственнымъ Кавказъ становится только съ половины XIII столѣтія, именно съ того времени, когда Европейцы, желая ближе познакомиться съ Востокомъ, стали предпринимать частыя путешествія въ Грузію, Арменію, Персію и Индію. Но большая часть этихъ путешественниковъ ограничивалась почти единственно описаніемъ тамошнихъ народовъ, обычаевъ и торговли; только весьма немногіе имѣли цѣлью естественно-историческое изслѣдованіе Кавказа, и притомъ эти немногіе принадлежатъ уже къ позднѣйшему времени. Точнѣе сказать, это были ученые экспедиціи, которыя предпринимались однимъ лицомъ или многими, и большею частію на счетъ русскаго правительства. Изслѣдованія этихъ экспедицій чрезвычайно разнообразны; каждая изъ нихъ представляетъ описаніе какой-либо части Кавказа въ различныхъ отношеніяхъ, описаніе болѣе или менѣе широкое и соответствующее тому состоянію науки, въ какомъ она находилась въ то время. Къ сожалѣнію, эти изслѣдованія,

¹ Подъ названіемъ *Kavkaza* мы разумемъ тутъ не одну Кавказскую цѣпь, а все пространство, лежащее между Чернымъ и Каспійскимъ морями, и врывающееся множествомъ горъ и плоскогорій. Литографированная карта Кавказа будетъ приложена ко второй половинѣ статьи, въ слѣдующемъ № Русскаго Вѣстника.

будучи разбросаны по разнымъ сочиненіямъ, и, сверхъ того, перемѣшаны между собою, требуютъ отъ читателя чрезвычайно усиленнаго вниманія для приведенія ихъ въ одно цѣлое. Безъ всякаго сомнѣнія, онѣ принесли бы гораздо болѣе пользы, еслибы каждая отрасль свѣдѣній, принадлежащая различнымъ экспедиціямъ, была выдѣлена изъ другихъ и представлена особо въ томъ порядкѣ, въ какомъ экспедиціи сдѣлавали одна за другою. Это были бы отдѣльные очерки Кавказа, обнимающіе ту или другую отрасль естествосвѣдѣнія. Тутъ ясно можно было бы видѣть, что сдѣлано каждою экспедиціей по той или по другой части, и что остается еще сдѣлать. Сознывая всю пользу такихъ очерковъ, я намѣренъ въ настоящей статьѣ прослѣдить всѣ ученые экспедиціи, которыя были предприняемы на Кавказѣ, и которыя заключаютъ въ себѣ какія-либо геологическія изслѣдованія этой страны. Я разумю тутъ по преимуществу путешествія Палласа, Энгельгардта вмѣстѣ съ Парротомъ, потомъ одного Паррота, Купфера, Эйхвальда, Дюбуа, Коха, Омеръ-де-Геля, Абиха и Бѣра. Мы рассмотримъ эти путешествія въ историческомъ порядкѣ.

I.

Имя Палласа слишкомъ извѣстно; это одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ русскихъ академиковъ Екатерининскаго вѣка. Лучшіе годы своей жизни онъ провелъ въ непрерывныхъ путешествіяхъ по Россіи, и особенно по Сибири, путешествіяхъ, которыя обогатили естественную науку величайшими приобрѣтеніями¹. Изслѣдованія Палласа въ Россіи также разнообразны и многочисленны, какъ изслѣдованія Гумбольдта въ Америкѣ, по крайней мѣрѣ съ фактической или описательной стороны. Палласу не доставало только тѣхъ всеобъемлющихъ воззрѣній, которыми отличался Гумбольдтъ. Этого великаго германскаго мыслителя весьма справедливо называютъ *вторымъ Колаумбомъ*. Почти то же самое можно сказать о

¹ P. S. Pallas, *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Drei Theile.* St.-Petersb. 1771—76. Переведено на французскій и русскій языки. Его же, *Voyages entrepris dans les gouvernemens méridionaux de l'empire de Russie, dans les années 1793 et 1794* Leipzig. 1799. Перев. съ нѣмецкаго.

Палласъ относительно Сибири; это *второй* Ермакъ, завоевавшій ту же страну для науки.

Самый Кавказъ не былъ изслѣдованъ Палласомъ, кромѣ Пятигорскаго края и полуострова Тамани; но имъ изслѣдованы весьма подробно степи, которыя примыкаютъ къ Каспійскому морю и къ Кавказу, и которыя, какъ увидимъ ниже, играли чрезвычайно важную роль въ образованіи этой гигантской цѣпи.

Что же представляютъ особеннаго прикаспійскія или астраханскія и прикавказскія или каамыцкія степи? По описанію Палласа, онѣ до сихъ поръ находятся въ такомъ состояніи, какъ будто еще недавно вышли изъ моря. Мысль эта, говоритъ онъ, приходитъ сама собою, если посмотрѣть на эти обширныя пустыни, донынѣ еще непокрытыя никакою растительностію, на эту песчаноглинистую почву, перемѣшанную съ морскими раковинами, и на это безчисленное множество солончаковъ, или озеръ наполненныхъ соленымъ растворомъ. Какое же море могло заливать нынѣшнія астраханскія и каамыцкія степи? Конечно, всего вѣроятнѣе, ближайшее къ нимъ, Каспійское. На это есть и нѣкоторыя положительныя доказательства. Самое убѣдительное изъ нихъ представляютъ раковины, которыя перемѣшаны съ тамошней степною почвою: многія изъ нихъ не только похожи на раковины Каспія, но и совершенно одинаковы съ ними. Въ прежнее время это море, по мнѣнію Палласа, должно было простираться гораздо далѣе нынѣшняго. Онъ указалъ даже на вѣроятныя границы этого моря. Съ сѣвера ихъ составляли холмы, которые тянутся отъ Урала къ Волгѣ, и называются Общимъ Сыртомъ; съ запада оно ограничивалось высокою странюю, лежащею между Сарпою и нижнимъ теченіемъ Дона; ближе къ Кавказу, Каспійское море, по всѣмъ признакамъ, имѣло непосредственное сообщеніе съ Чернымъ; восточною границей его, вѣроятно, были Аральское море и окружающія его степи. Слѣды вѣснаго, болѣе высокаго положенія Каспія, Палласъ нашелъ въ самыхъ степяхъ, именно въ тѣхъ небольшихъ горахъ, которыя разсыяны по астраханской степи, и представляются какъ бы островами посреди этого обширнаго пространства. По наблюденіямъ Палласа, онѣ были такими же островами и посреди моря, покрывавшаго степи; это весьма ясно доказано имъ береговыми террасами, ко-

торыя остались на этихъ горахъ отъ продолжительнаго прибоя морской воды.

Положимъ, все это такъ; но что же было причиной удаленія такого обширнаго моря и раздѣленія его на три меньшія, Черное, Каспійское и Аральское? Вслѣдствіе какого переворота могли обнажиться астраханскія и камыцкія степи?

Для рѣшенія этого вопроса, Палласъ весьма искусно воспользовался остроумною догадкой Турнефора относительно Чернаго моря. По мнѣнію этого извѣстнаго ботаника, въ прежнее время Черное море не имѣло сообщенія съ Средиземнымъ, и составляло посреди твердой земли обширное замкнутое озеро. Занимая такое положеніе и принимая въ себя большія рѣки, оно необходимо должно было имѣть гораздо высшій уровень чѣмъ Средиземное море и другія. Вслѣдствіе этого, когда произошелъ прорывъ Босфора Фракійскаго или Дарданелловъ, Черное море со всею стремительностію ринулось въ Средиземное, и произвело огромныя наводненія въ Греціи и другихъ сосѣднихъ странахъ. По мнѣнію Турнефора, это тѣ самыя наводненія, которыя описаны въ исторіи подъ названіемъ Девкаліонова потопа. Тѣмъ же предположеніемъ Палласъ объясняетъ всѣ измѣненія, происходившія съ Каспійскимъ моремъ. „Если вообразимъ себѣ, говоритъ онъ, что Черное море не имѣло сообщенія съ Средиземнымъ и принимало въ себя обильныя рѣки, протекавшія въ то время по сторонамъ еще дикимъ и покрытымъ обширными лѣсами, если представимъ себѣ, что Черное море вслѣдствіе этихъ причинъ дѣйствительно стояло гораздо выше нынѣшняго, то само собою слѣдуетъ, что степи крымскія, кумскія, волжскія и яикскія, и плоскогорье Великой Татаріи до Аральскаго моря включительно, должны были составлять въ то время одно море, которое посредствомъ небольшого и мало глубокаго пролива, являющагося теперь отчасти въ видѣ Маныча, омывало сѣверную подошву Кавказа, и имѣло два огромные залива, одинъ въ Каспійскомъ морѣ, а другой въ Черношъ... Теперь представимъ себѣ, что Черное море нашло возможность излиться въ Средиземное. Послѣ перваго пониженія воды, наибольшая часть его береговъ, низкихъ и ровныхъ, должны были превратиться въ соленыя степи. Каспійское море, сообщавшееся съ Чернымъ только посредствомъ неглубокаго пролива,

также вскорѣ должно было отдѣлиться отъ него, именно когда воды его опустились ниже уровня этого пролива, Послѣ такого переворота, Каспійское море стало отдѣльнымъ озеромъ посреди твердой земли, и какъ оно не воспринимало въ себя столь же многихъ и значительныхъ рѣкъ, какъ Черное, не доставлявшее ему въ это время уже никакого питанія, то испареніемъ и удаленіемъ водъ обмалось еще большее пространство вдоль низменныхъ его береговъ. Значитъ, Каспійское море пришло еще въ меньшіе предѣлы. Тогда же, безъ сомнѣнія, прекратилось сообщеніе его и съ Аральскимъ моремъ. Прежнія песчанья банки перешли въ сыпучій песокъ, и нагромодились въ холмы, какіе находятся теперь въ степяхъ Нарынскихъ и въ южной части Волги. Прежніе острова на высохшемъ морскомъ днѣ явились небольшими горами, каковы Индерскія и другія. Послѣ удаленія воды, на днѣ большого моря остались многія углубленія, которыя удержали въ себѣ воду, и образовали чрезъ то озера или солончаки, донныя еще такъ часто встрѣчающіеся на всемъ протяженіи степи.“

Читая Палласа, вы невольно соглашаетесь съ нимъ, и какъ бы видите собственными глазами, что происходило вѣжкогда въ южной степной Россіи. Дѣйствительно, нельзя сомнѣваться, чтобы Черное море когда-нибудь не было въ соединеніи съ Каспійскимъ и Аральскимъ. Но какимъ образомъ послѣдовало ихъ раздѣленіе? Такъ ли, какъ предполагалъ Палласъ, то-есть вслѣдствіе прорыва Дарданелловъ или Босфора Фракійскаго? Правда ли, что пониженіе Каспійскаго моря, послѣ отдѣленія его отъ Чернаго, зависѣло единственно отъ испаренія воды и незначительности впадающихъ въ него рѣкъ? Наконецъ правда ли, что всѣ эти перемѣны совершились уже на исторической памяти, со времени Девкалионова потопы?

Такія предположенія могли казаться вѣроятными и Палласу, и его современникамъ, единственно по недостатку наблюденій, необходимыхъ для разрѣшенія этихъ вопросовъ. Въ настоящее время извѣстно, что средняя высота астраханской степи, сравнительно съ горизонтомъ Каспійскаго моря, не превосходитъ 50 англійскихъ футовъ; извѣстно также, что само Каспійское море 83,67 англійскими футами ниже Чернаго. Изъ этого видно, что Черное море не могло отдѣлиться отъ Каспійскаго вслѣдствіе одного

только прорыва Дарданелловъ; оно и теперь, при настоящемъ уровнѣ, готово затопить Астраханскія степи, еслибы не было отдѣлено отъ нихъ необоримыми преградами. Судя по этимъ преградамъ, Каспійское море, отдѣлившись отъ Чернаго, все еще должно было стоять на высотѣ нынѣшнихъ астраханскихъ степей, то-есть на высотѣ 133 ф.; спрашивается можно ли допустить, чтобы съ такой высоты оно понизилось до нынѣшняго уровня единственно отъ испаренія и вслѣдствіе уменьшившагося притока прѣсной воды? Еслибы означенныя причины дѣйствительно были такъ могучи, то Аральское море, представляющее меньшую поверхность, чѣмъ Каспійское, должно было бы усохнутъ еще болѣе; но подтверждается ли это наблюденіями? Напротивъ, оно не только выше Каспійскаго, но даже выше Чернаго, на 33 фута. Притомъ, допустивъ такое усиленное испареніе, мы должны ожидать, что Каспійское море гораздо солонѣе чѣмъ другія; но и это не согласно съ наблюденіями; значительная соленость встрѣчается въ немъ только мѣстами, и видимо зависитъ отъ соленыхъ источниковъ, пробивающихся со дна моря; вообще же вода Каспійскаго моря менѣе солонна нежели въ другихъ моряхъ. Наконецъ, нельзя согласиться съ Палласомъ и насчетъ того, чтобы всѣ предполагаемыя имъ перемены въ южной Россіи, произошли въ историческое время; этому явно противорѣчатъ нынѣшнія геологическія наблюденія. Въ астраханскихъ степяхъ, вмѣстѣ съ каспійскими раковинами, встрѣчаются иногда остатки древнихъ слоновъ или мамонтовъ; судя по этимъ остаткамъ, Каспійское море должно было покрывать Астраханскія степи къ концу дилувіальнаго періода, или по крайней мѣрѣ въ самомъ началѣ появленія человека на земной поверхности.

Очевидно, раздѣленіе морей Чернаго, Каспійскаго и Аральскаго, должно было совершиться иначе нежели какъ предполагалъ Палласъ. Но какъ именно это совершилось, мы увидимъ послѣ, а теперь перейдемъ къ другимъ изслѣдованіямъ Палласа.

Кавказъ, какъ замѣчено выше, не былъ обозрѣваемъ Палласомъ, исключая нынѣшняго Пятигорскаго края и полуострова Тамани. Въ Пятигорскомъ краѣ особенно интересовали его минеральныя воды, уже и въ то время славившіяся своими цѣлебными свойствами. Горы, изъ которыхъ вытекаютъ эти источники, представляютъ особую

группу, которая расположена при самой подошвѣ Кавказа, и какъ бы неожиданно поднимается прямо изъ степи. Таковы: Машука, Бештау, Кумъ-гора, Желѣзная, Эмвиная и другія. Изъ этихъ горъ болѣе подробно описаны Палласомъ Машука и Бештау, какъ замѣчательнѣйшія по своей величинѣ и наружному виду. Тамошніе минеральныя источники онъ описываетъ также довольно подробно; нѣкоторые же изъ нихъ изслѣдованы имъ съ особеннымъ вниманіемъ. Таковъ преимущественно углекисло-железный источникъ, находящійся близъ Кисловодска, и на всемъ Кавказѣ извѣстный подъ названіемъ *Нарзана* или *Нардзана*. Это одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ источниковъ по своимъ свойствамъ. Горцы не даромъ назвали его нарзаномъ, то-есть *богатырскою водою*.

Въ Пятигорскомъ краѣ Палласъ оставался не долго; въ это время онъ торопился въ Крымъ, сколько для изслѣдованія этой новопріобрѣтенной страны, столько же и для поправленія своего разстроеннаго здоровья. Дѣйствительно онъ могъ надѣяться удовлетворить той и другой цѣли: тамошняя великолѣпная природа должна была оказать благотвѣтельное дѣйствіе на его здоровье, и въ то же время представить ему богатый матеріалъ для наблюденій. Крымское путешествіе Палласа собственно выходитъ изъ нашего плана, и мы прошли бы его молчаніемъ, еслибъ авторъ не описалъ въ немъ своей поѣздки на полуостровъ Тамань. Осматривая восточную часть Крыма или Керченскій полуостровъ, Палласъ нашелъ необходимымъ осмотрѣть и Тамань, лежащій по ту сторону пролива, и составляющій западную оконечность Кавказа. Въ Тамани и на Керченскомъ полуостровѣ вниманіе Палласа преимущественно было обращено на тамошніе вулканы, которые представляютъ такъ много особеннаго, и извѣстны подъ названіемъ *грязныхъ вулкановъ* или *сальсовъ*. По нынѣшнимъ понятіямъ, это настоящіе вулканы, только извергающіе не лаву, а грязь или илъ, вмѣстѣ съ водяными парами, углеводороднымъ газомъ и нефтью. Палласъ обозрѣвалъ ихъ вскорѣ послѣ бывшаго тамъ большаго изверженія въ 1794 году. Наблюдая явленіе еще по горячимъ слѣдамъ, онъ описалъ его съ чрезвычайною точностію. Но что касается до самой сущности этого явленія, или до тѣхъ причинъ, отъ коихъ происходятъ грязные вулканы, то Палласъ относительно этого

былъ одинаковаго мнѣнія съ своими современниками. Грязные и другіе вулканы онъ приписывалъ не огненно-жидкому ядру, находящемуся въ центрѣ земли, какъ теперь думаютъ, а болѣе мелкимъ и случайнымъ причинамъ.

Какъ жаль, что Палласъ не проникъ глубже въ кавказскія страны. Можно сказать навѣрное, что онъ самъ сожалѣлъ объ этомъ, но не могъ исполнить своего желанія, по разстроенному здоровью, и, быть-можетъ, потому что обзоръ Кавказа было поручено другому академику, Гюльденштедту, путешествовавшему тамъ въ то время, когда Палласъ обозрѣвалъ Сибирь¹.

Описаніе Кавказскаго края Гюльденштедтомъ довольно замѣчательно въ ботаническомъ, географическомъ и другихъ отношеніяхъ, но не представляетъ почти никакого геологическаго интереса; поэтому, мы на немъ не остаемся, и перейдемъ, по порядку, къ описанію Кавказа дерптскими профессорами Энгельгардтомъ и Парротомъ, путешествовавшими тамъ въ 1811 году².

II.

Энгельгардтъ и Парротъ начали свои изсаѣдованія на Кавказѣ съ полуострова Тамани, съ тамошнихъ грязныхъ вулкановъ; потомъ проѣхали по кавказской линіи до Моздока, и оттуда поднялись вверхъ по теченію Терека. Ущелие или долина, по которой мчится эта бурная рѣка, служитъ превосходнымъ разрѣзомъ для наблюденія надъ внутреннимъ образованіемъ кавказской цѣпи. Но этимъ разрѣзомъ Энгельгардтъ и Парротъ могли воспользоваться на столько, на сколько дозволяло имъ тогдашнее состояніе геологіи. Въ описаніи Терекской долины мы находимъ у нихъ одно вычисленіе горныхъ породъ, безъ всякаго указанія на ихъ геологическое значеніе, или на тѣ формации, къ которымъ онъ должны относиться. Вы видите, что стѣны по ту и по другую сторону Терека состоятъ изъ известняка и глинистаго сланца, перемежающихся съ

¹ D. I. A. Güldenstädt, *Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge*. Von P. S. Pallas. St.-Petersb. 1787. Его же, *Reise nach Georgien und Imerethien* Von Klaproth. Berlin, 1815. Его же, *Beschreibung der Kaukasischer Länder*. Von Klaproth. Berlin, 1834.

² M. Engelhardt und Fr. Parrot, *Reise in die Krym und den Kaukasus*. Berlin, 1815.

порфиромъ либо гринштейномъ и сіенито-гранитомъ, но какой это известнякъ, какой глинистый сланецъ, когда они образовались,—эти вопросы остаются безъ разрѣшенія.

Подымаясь къ истокамъ Терека, путешественники имѣли въ виду преимущественно обозрѣть Казбекъ, этотъ гигантскій пикъ, находящійся на самомъ гребнѣ Кавказа, на линіи раздѣленія Терека отъ Арагвы. До того времени онъ не былъ посвящаемъ съ ученою цѣлю, и потому изслѣдованіе его обѣщало имъ богатые результаты. Дѣйствительно, описаніе Казбека принадлежитъ къ лучшимъ и любопытнѣйшимъ страницамъ въ путешествіи Энгельгардта и Паррота. Тутъ въ первый разъ мы знакомимся съ наружнымъ и съ внутреннимъ образованіемъ этой горы. До самой снѣговой поверхности она представляетъ голыя скалы, состоящія изъ порфира, раздѣленнаго на колоссальныя столбы, либо наваленнаго большими горами. Выше снѣговаго предѣла такіе же порфиры представляются въ видѣ зубчатыхъ стѣнъ, нисходящихъ по разнымъ направленіямъ отъ самой вершины, и раздѣляющихъ снѣговую оболочку на болѣе или менѣе широкія полосы. Предѣлъ, съ котораго начинаются постоянныя или нетающіе снѣга Казбека, по измѣренію Паррота, находится на высотѣ 1700 туазовъ надъ моремъ. Ниже этого предѣла спускаются одни ледники. Нѣкоторые изъ этихъ ледяныхъ потоковъ имѣютъ весьма крутое положеніе, и оттого подвергаются частому обрушенію или обваламъ, столько извѣстнымъ на Кавказѣ по своимъ гибельнымъ послѣдствіямъ. Самую верхнюю область Казбека, представляющую наибольшія трудности для восхожденія, Парротъ обозрѣвалъ одинъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ проводниковъ. Взбираясь на эту крутую и ледяную поверхность, они должны были вырубать для себя ступени; сверхъ того, имъ часто приходилось обходить широкія расщелины и снѣговыя стѣны. Достигнувъ извѣстной высоты, кромѣ чрезвычайнаго утомленія, они замѣчали въ себѣ какое-то ослабленіе чувствъ, особенно слуха и зрѣнія. По барометрическому измѣренію Паррота, онъ находился въ это время на высотѣ 2167 туазовъ надъ Чернымъ моремъ. Ему оставалось до самой вершины Казбека не болѣе 200—240 туаз. Но подыавшаяся буря и метель заставили его воротиться назадъ. Всю высоту горы Парротъ вычислилъ въ 2400 туаз. или въ 14.400 футовъ. Но, судя по тѣмъ явленіямъ, какія происходили въ

вѣтъ самою и въ его проводникахъ, надо полагать, что они находились на высотѣ гораздо большей, нежели какая показана Парротомъ. И дѣйствительно, по позднѣйшему, болѣе вѣрному тригонометрическому измѣренію, высота Казбека оказалась въ 16.553 ф. ¹.

Парротъ, восходя на Казбекъ, кромѣ тѣхъ наблюденій, о которыхъ мы говорили выше, имѣлъ въ виду еще одну цѣль,—опредѣлить степени тамошней растительности, или горную кавказскую флору. Кто не знаетъ въ настоящее время, что на высокихъ горахъ растенія распределяются по тѣмъ же самымъ законамъ, какимъ слѣдуютъ онѣ на всей земной поверхности отъ экватора къ полюсамъ? Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, эти законы были еще большою новостью. Весьма замѣчательно, что начало этимъ законамъ было положено въ кавказской странѣ, именно Турнефоромъ при восхожденіи его на Араратъ. Онъ первый замѣтилъ, что настоящія азіійскія растенія находятся только при подошвѣ этой горы, а поднимаясь выше, онъ встрѣчалъ, по порядку, сперва италіанскую флору, потомъ парижскую, шведскую и наконецъ лапландскую. Замѣчаніе Турнефора вскорѣ было подтверждено наблюденіями Линне на Скандинавскихъ горахъ, и особенно Гумбольдтомъ при восхожденіи его на высочайшія горы Южной Америки. По тому же предмету предшественниками Паррота были еще Валенбергъ и Рамондъ. Въ кавказской флорѣ Парротъ не только нашелъ подтвержденіе того, что было уже замѣчено его предшественниками въ другихъ странахъ, но и пополнилъ это еще новыми наблюденіями.

Несмотря на все это, ботаническія наблюденія Паррота не произвели между тогдашними учеными столько шума, какъ его барометрическія измѣренія, которыя онъ предпринималъ для опредѣленія высоты морей Каспійскаго и Чернаго. Мы видѣли выше, что Каспійское море далеко отшло отъ своихъ прежнихъ береговъ, и слѣдовательно, казалось, должно было понизиться въ сравненіи съ Чернымъ и другими морями, имѣющими сообщеніе съ Океаномъ. Но какъ велико это пониженіе?—вопросъ чрезвычайно важный, особенно для геологіи Кавказа. Его старался рѣшить еще нашъ гениальный Ломоносовъ, предлагая снарядить экспе-

¹ *Кавказскій календарь на 1853 годъ.* Стр. 472.

дицію, которая бы произвела нивелирование между Каспійскимъ и Чернымъ морями ¹. Парротъ почти первый сдѣлалъ рѣшительную попытку осуществить предположеніе Ломоносова. Онъ подвергнулъ барометрическому измѣренію пространство, лежащее между означенными морями при сѣверной подошвѣ Кавказа, и нашелъ, что Каспійское море дѣйствительно ниже Чернаго. Но какъ вы думаете, на сколько? на 350 футовъ! Въ половинѣ прошлаго столѣтія, астрономъ Шаппъ д'Аутерашъ (Chappe d'Auterache), основываясь на барометрическихъ наблюденіяхъ Лекре производившихся съ 1732 по 1749 годъ, опредѣлилъ уровень Каспійскаго моря почти во столько же, во сколько Парротъ (51 туаз.), и отвергнулъ это, какъ несбыточный результатъ ². Но Парротъ призналъ его совершенно справедливымъ, и съ полною увѣренностію сообщилъ о томъ ученому свѣту.

Открытіе Паррота занесено въ науку, и доставило ему огромную славу. Но эта самая слава, переходившая изъ одного сочиненія въ другое, повидимому, тревожила Паррота и ставила его въ отвѣтственность передъ наукою. Онъ чувствовалъ необходимость провѣрить свои наблюденія, и потому искалъ случая предпринять второе путешествіе на Кавказъ. Съ этимъ вмѣстѣ ему хотѣлось еще совершить ученую экспедицію на Араратъ, и, если можно, достигнуть его вершины, дотолѣ почитавшейся недоступною. По обстоятельствамъ, Парротъ не могъ приступить къ выполненію задуманнаго имъ плана прежде 1828 года. Въ это время, вмѣстѣ съ нимъ были отправлены на Кавказъ еще двое молодыхъ ученыхъ, именно Федоровъ, бывшій потомъ профессоромъ астрономіи въ Кіевскомъ университетѣ, и Беггелъ, сопровождавшій Паррота въ качествѣ минералога и сотрудника по части барометрической нивелировки. Кромѣ того, Парроту сопутствовали два студента Дерптскаго университета, Генъ и Шиманъ, преимущественно для собиранія растений и животныхъ во время путешествія.

По прибытіи въ Ново-Черкасскъ, экспедиція раздѣлилась на двѣ партіи: Федоровъ отправился черезъ Ставро-

¹ Д. М. Первозицковъ. *Геодазическія и топографическія работы съ Россіи*. Въ *Магазинѣ Фролова*. Т. III. стр. 31—33.

² Dr. H. Berghaus, *Allgemeine Länder- und Völkerkunde*, 2 B. 1837. Стр. 360.

поль на Моздокъ, а Парротъ и Бегагаль поворотили къ устью Маныча, откуда они предполагали начать свою сравнительную нивелировку. Парротъ избралъ для этого степь, которая лежитъ по теченію Маныча и представляетъ кратчайшее разстояніе между обоими морями. Собственно они производили измѣреніе только на протяженіи 250 верстъ, именно до соединенія Маныча съ рѣкою Калаусомъ, а остальное пространство до Каспія старались опредѣлить изъ болѣе достовѣрныхъ разказовъ тамошнихъ жителей. Кромѣ того, они произвели еще двѣ нивелировки: отъ Астрахани до Царицына по теченію Волги, отъ Царицына до Качалинска на Дону, и оттуда внизъ по этой рѣкѣ до Старо-Черкаска. Для вѣрности результата, по словамъ Паррота, были приняты всѣ возможныя предосторожности, какія необходимы въ подобныхъ наблюденіяхъ.

Какой же наконецъ результатъ этой новой нивелировки? Согласенъ ли онъ съ прежнимъ, или уклоняется отъ прежняго, и на сколько?

Результатъ теперешней нивелировки поставилъ Паррота въ страшное недоумѣніе: онъ былъ совершенно противоположенъ прежнему! Но Парротъ съ благородною рѣшимостью опровергнулъ свою семнадцатилѣтнюю славу, и сказалъ прямо, что между высотами морей Чернаго и Каспійскаго нѣтъ значительной разницы. - Этого мало, свой прежній выводъ онъ призналъ совершенно ошибочнымъ, приписывая его невниманію къ нѣкоторымъ условіямъ въ наблюденіяхъ и неисправности употребленныхъ имъ тогда барометровъ. Мы отдаемъ полную справедливость высокому самоотверженію Паррота; только сожалѣемъ, что онъ не высказалъ этого въ то время, когда сообщалъ ученому свѣту о своемъ блестящемъ открытіи.

По крайней мѣрѣ, теперешнія вторичныя измѣренія привели ли Паррота къ настоящему результату? Выводъ, который онъ получилъ изъ своихъ послѣднихъ наблюденій, справедливѣе ли перваго?

Трудно было довѣряться этому выводу, во первыхъ, потому что онъ былъ совершенно противоположенъ первому, а вторыхъ потому, что находился въ явномъ противорѣчьи съ другими барометрическими измѣреніями, которыя были произведены около того же времени въ прикаспійскихъ странахъ. Я разумью измѣренія русскихъ ученыхъ

Гофманна и Гельмерсена, и особенно Гумбольдта во время путешествія его по южной Россіи. Они находили, что Каспійское море должно быть ниже Чернаго. Такое противорѣчіе въ результатахъ, само собою разумѣется, не только не разрѣшало вопроса, давно занимавшаго ученыхъ, но еще болѣе запутывало его. Дабы выйти изъ этого недоразумѣнія, по ходатайству Петербургской академіи наукъ, въ 1836 году была снаряжена особая экспедиція изъ трехъ извѣстныхъ астрономовъ, Фуса, Савича и Саблера, съ тѣмъ чтобъ они уже не барометромъ, а тригонометрическою нивелировкой опредѣлили относительную высоту морей Каспійскаго и Чернаго или Азовскаго. Между этими крайними пунктами, экспедиціей были произведены четыре ряда наблюденій, независимыхъ одно отъ другаго, и результаты каждаго изъ нихъ были весьма близки между собою. Средній результатъ показалъ, что Каспійское море дѣйствительно ниже Чернаго, какъ всегда думали, но не болѣе, какъ на 83, 67 англ. ф. Такимъ образомъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно¹.

Послѣ барометрической нивелировки Парротъ и Бегагель отправились въ Моздокъ, чтобы соединиться съ Федоровымъ, и вмѣстѣ продолжать путешествіе къ Арарату. Для переѣзда на противоположную сторону Кавказа въ то время существовала одна дорога, Военно-Грузинская, отчасти уже знакомая Парроту изъ его перваго путешествія. Она идетъ отъ Владикавказа до Тифлиса, сперва вверхъ по теченію Терека, и потомъ внизъ по теченію Арагвы, стремящейся въ прелестныя долины Грузіи, и недалеко отъ Тифлиса впадающей въ Куру. Въ Тифлисъ, по обстоятельствамъ, экспедиція должна была пребыть долѣе нежели сколько она предполагала; впрочемъ, въ продолженіе этого времени она оставалась не безъ дѣла. Федоровъ занимался географическимъ опредѣленіемъ Тифлиса, другіе—магнитными наблюденіями, и обзорѣніемъ тамошнихъ минеральныхъ источниковъ. На пути отъ Тифлиса до Арарата экспедиція должна была перерѣзать многія горныя цѣпи, простирающіяся тутъ отъ запада къ востоку, каковы Безобдалъ, Памбакъ и другія. Все это пространство, считающееся въ 200 верстъ, было выnivelлировано Парротомъ,

¹ См. ниже о томъ же въ путешествіи Ожеръ-де-Геля.

для того чтобы съ большею точностію опредѣлить высоту самого Арарата.

Наконецъ экспедиція при подошвѣ Арарата.

„Какъ сильно дѣйствіе звуковъ,“ говоритъ Пушкинъ. При одномъ этомъ имени, ему казалось уже, что онъ видитъ ковчегъ, причалившій къ вершинѣ этой библейской горы, съ надеждой обновленія и жизни, видитъ врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія... Но, помимо этихъ библейскихъ воспоминаній, однимъ вѣдшимъ видомъ, Араратъ производитъ глубокое и неизъяснимое впечатлѣніе на каждого сколько-нибудь сочувствующаго красотамъ природы. Многіе путешественники пытались изобразить это впечатлѣніе опытнымъ перомъ или искусною кистію, но рѣдкому изъ нихъ удавалось избѣгнуть поэтическаго увлеченія. Для доказательства этого достаточно привести слова путешественника Морье. „Перешедши равнину Аббасъ-Абада, мы наслаждались великолѣпнымъ видомъ на Араратъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе его формъ, ничего удивительнѣе и поразительнѣе его гигантской величины; въ сравненіи съ нимъ всѣ сосѣднія горы исчезаютъ; его видъ совершенство во всѣхъ частяхъ: ни одной грубой черты, ни одного неестественнаго возвышенія; повсюду гармонія, и все, повидимому, соединилось для того чтобы представить одно изъ самыхъ величественныхъ явленій природы.“¹ Такое же преувеличеніе замѣчается и во всѣхъ извѣстныхъ видахъ Арарата, писанныхъ различными художниками. На экспедицію лежала обязанность исправить всѣ эти неправильности, зависящія отъ впечатлительности наблюдателя или отъ оптическаго обмана, все кажущееся замѣнить дѣйствительнымъ, со всею точностію измѣрить эту гору, опредѣлить ея положеніе, высоту и т. д.

Араратъ, поднимающійся надъ южною равниною Аракса, стоитъ на границѣ между владѣніями Турціи, Персіи и Россіи. Его составляютъ двѣ горы, Большой и Малый Араратъ; вершины ихъ отстоятъ одна отъ другой по прямой линіи на десять верстъ, а подошвы соединены обширною

¹ *Second voyage en Perse, en Arménie, et dans l'Asie le mineure fait de 1810 à 1816 par Jacques Morier secrétaire de la dernière ambassade et ministre plénipotentiaire à la cour de Perse. Trad. de l'Anglais. T. II. Paris, 1818. стр. 237.*

долиной, представляющею превосходное пастбище. На сѣверо-восточной сторонѣ Большаго Арарата уже издали можно видѣть огромную разсѣлину, простирающуюся сверху до низу; ее называютъ мрачнымъ ущелиемъ Арарата или долиною Св. Іакова; при нижнемъ концѣ этой долины, въ то время, находились селеніе Аргури и монастырь Св. Іакова. Малый Араратъ, по формѣ своей, болѣе подходитъ къ правильному конусу чѣмъ Большой. Множество блестящихъ бороздъ, нисходящихъ отъ самой вершины этого конуса, придаютъ ему особенно привлекательный видъ. Постояннымъ или вѣчнымъ снѣгомъ покрытъ одинъ Большой Араратъ, красующійся двумя блестящими вершинами. Книзу снѣговая оболочка его разорвана многими рядами черныхъ скалъ, и потому имѣетъ зубчатую форму. По выраженію Паррота, она походитъ на прекрасно-собранный воротникъ изъ бѣлой блестящей матеріи на темномъ фонѣ.

Мы не будемъ сѣдовать за смѣлымъ путешественникомъ шагъ за шагомъ при восхожденіи его на Араратъ, а покажемъ только главнѣйшіе ступени или отдѣлы его восхожденія. Парротъ достигъ вершины Арарата въ три различные приѣма; двѣ первыя попытки служили только для того, чтобы, такъ сказать, приглядѣться къ Арарату, или ознакомиться съ трудностями при изсѣдованіи горы.

Первое восхожденіе на Араратъ Парротъ сдѣлалъ въ сопровожденіи только одного изъ своихъ товарищей по экспедиціи. Они отправились 12 сентября, и постоянно сѣдовали направленію долины Св. Іакова, взбираясь по голымъ утесамъ. На другой день путешественники находились уже въ той области Арарата, которая представляетъ вѣчные снѣга и льды, и поднялись до высоты 14.550 пар. фут. надъ моремъ, но должны были воротиться назадъ по недостатку снѣжныхъ припасовъ.

Второе восхожденіе было предпринято Парротомъ 18 сентября. Въ этотъ разъ его сопровождали Бегатель, нѣсколько армянскихъ крестьянъ изъ селенія Аргури, и староста этого селенія Степанъ Меликъ. По совѣту этого опытнаго старика, они рѣшились взойти на Араратъ другою дорогою, съ сѣверо-западной стороны, которая нѣсколько длиннѣе восточной, но гораздо положе ея. При этомъ второмъ восхожденіи путешественники были остановлены бурей, какія часто случаются тамъ въ осенніе

мѣсяды, и бываютъ весьма опасны. Отправляясь въ обратный путь, они водрузили большой крестъ со стороны Эривани, и на немъ укрѣпили свинцовую доску съ латинскою надписью. Парротъ повѣсилъ на крестъ барометръ свой, и опредѣлялъ высоту мѣста, на которомъ они находились; они стояли на высотѣ 15.138 пар. ф. надъ моремъ, или на 350 ф. выше Монблана.

Третье восхожденіе на Араратъ, увѣнчавшееся уже полнымъ успѣхомъ, было предпринято Парротомъ довольно поздно, 26 сентябрл. Прежній опытъ научилъ экспедицію, что весь успѣхъ восхожденія зависитъ оттого, чтобы провести первую ночь какъ можно ближе къ снѣговому предѣлу; тогда на слѣдующій день экспедиція имѣетъ довольно времени дойти до вершины и возвратиться къ мѣсту ночлега. Съ этими предосторожностями, на слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, они были уже на томъ уступѣ, гдѣ водрузили крестъ. Отсюда, по направленію къ вершинѣ, путешественники прошли еще три или четыре уступа, вездѣ прорубая для себя ступени, и вдругъ почувствовали холодный воздухъ вершины. „Я сталъ позади одного изъ ледниковъ, пишетъ Парротъ, и изумленнымъ глазамъ моимъ представилась вся глава Арарата.“ Употребивъ еще одно усиліе, пройдя еще одну такую же ледяную равнину, они стояли уже на вершинѣ Арарата!

Трудно представить себѣ то величайшее наслажденіе, какое должны были чувствовать Парротъ и его спутники, достигнувъ такой высоты, которая до того времени почиталась недосыгаемою.

Съ вершины Арарата открылось передъ ними необозримое пространство. Повсюду воздымались горы. Но величественнѣе другихъ рисовалась передъ ними зубчатая глава Алагеза, лежащаго на сѣверъ отъ Арарата, и въ своихъ углубленіяхъ покрытаго огромными массами снѣга. Малый Араратъ, ближайшій сосѣдъ Большаго, казался имъ отсюда не остроконечнымъ конусомъ, какъ изъ долины, а четырехстороннею плоскостію, съ утесистыми возвышеніями. Вершины Большаго Арарата, западная и восточная, теперь также могли быть опредѣлены съ большою точностію. Парротъ съ своими товарищами находились на западной вершинѣ. По измѣренію Федорова и самого Паррота, она имѣетъ 16,254 пар. ф. высоты надъ поверхностію моря. Восточная

вершина ниже западной, но не болѣе какъ на 7 фут. ¹, и отдѣляется отъ нея сѣвн. долиною въ четверть версты или нѣсколько болѣе.

Путешественники, оставаяя вершину Арарата, водрузили на ней крестъ, какъ знаменіе побѣды своей надъ ея мнимою недоступностью.

Послѣ этого Парроту оставалось побывать еще на Маломъ Араратѣ, но это восхожденіе, послѣ испытанныхъ трудностей, должно было казаться ему простою прогулкой. Въ своей нижней половинѣ, Малый Араратъ болѣею частію состоитъ изъ лавовыхъ массъ, легкихъ и рыхлыхъ, или даже превратившихся въ вулканическій песокъ. Тутъ же можно видѣть тѣ полосы, которыя исходятъ отъ самой вершины, и уже издали такъ прекрасно и оригинально характеризуютъ эту гору; онѣ не иное что какъ борозды, которыя пролегаютъ въ рыхлой вулканической почвѣ, и, по всей вѣроятности, образуются весеннею водою. Въ верхней половинѣ Малаго Арарата путешественники повсюду встрѣчали дикія и крутыя скалы, поднимающіяся въ видѣ гребней отъ 40 до 50 ф. Вершину этой горы Парротъ нашелъ точно такую, какою казалась она ему съ Большаго Арарата. По измѣреніямъ Паррота и Федорова (барометрически и тригонометрически), она имѣетъ 12.284 пар. ф. высоты надъ моремъ, слѣдовательно почти 4 тысячами футовъ ниже Большаго Арарата.

Такимъ образомъ экспедиція кончила свои занятія на Арарату, составлявшему главную цѣль ея путешествія въ эту страну. Для болѣе вѣрной оцѣнки ея трудовъ, мы въ краткихъ словахъ укажемъ тѣ результаты, которыхъ она достигла.

Вопервыхъ, она опредѣлила географическое положеніе Арарата и его высоту. Теперь мы положительно знаемъ, что Араратъ выше всѣхъ извѣстныхъ горъ, исключая гигантскихъ пиковъ, находящихся въ средней Азіи и въ южной Америкѣ, и нѣкоторыхъ изъ кавказскихъ вершинъ; изъ послѣднихъ Араратъ уступаетъ только Эльбрусу (18.528 и 18.453 п. ф.), и Безыменной горѣ (16.941). Всѣ означен-

¹ По барометрическимъ измѣреніямъ Абиха, восточная вершина ниже западной 7 туазами (44,7 англ. ф.).

ные пики поднимаются изъ среды другихъ возвышенныхъ горъ; Араратъ, напротивъ, стоитъ одиноко на южной окраинѣ Аракекой долины, и почти съ самой подошвы отдѣляется глубокими лощинами отъ сосѣднихъ горъ, отчего онъ кажется еще громаднѣе въ сравненіи съ ними. Большой Араратъ, по астрономическому опредѣленію Федорова, лежитъ подъ $39^{\circ}42'$ сѣверной широты и $61^{\circ}35'$ восточной долготы, считая отъ острова Ферро; Малый Араратъ находится подъ $39^{\circ}39'$ сѣверной широты и $62^{\circ}2'$ восточной долготы отъ того же меридіана.

Та же экспедиція опредѣлила границу постояннаго снѣга на Большомъ Араратѣ, или его снѣговую линію. Парротъ нашелъ ее на высотѣ 13.300 п. ф. надъ поверхностію моря. Ниже этого предѣла снѣговая оболочка Арарата даетъ отъ себя множество отростковъ, спускающихся на большую или меньшую глубину, оттого она и имѣетъ тотъ зубчатый видъ, о которомъ мы говорили выше. Эти зубцы или отростки большею частію суть ледники. Нѣкоторые изъ нихъ остаются на высотѣ 11.844 ф.; другіе спускаются ниже; самыя же глубокія или наиболѣе спускающіяся ледяныя массы находятся въ долинѣ Св. Іакова.

Кромѣ этого, экспедиція ознакомила насъ съ геологическимъ образованіемъ Арарата. Она вездѣ находила то лаву, то шлаки, то пепель или песокъ, то трахитовыя массы, съ болѣе или менѣе явными признаками порфироваго образованія. Парротъ насчитываетъ 11 различныхъ измѣненій этихъ породъ; но всѣ эти измѣненія, сколько можно судить по описанію, не иное что какъ трахитъ, подвергавшійся болѣе или менѣе сильному подземному жару, и потому выступавшій изъ земли то тѣстообразною массою, то жидкою какъ лава. Судя по множеству вулканическаго пепла и кусковъ огарницы, покрывающихъ скаты Большаго и Малаго Арарата, тутъ необходимо въ прежнія времена долженъ былъ находиться настоящій вулканъ.

Въ ботаническомъ отношеніи восхожденіе Паррота на Араратъ также не осталось безъ пріобрѣтеній. Каменистая почва этой горы и слишкомъ позднее время года были причиною, что Парротъ не могъ собрать богатой растительной жатвы; по крайней мѣрѣ онъ убѣдился, что распредѣленіе растеній на склонахъ Арарата слѣдуетъ тому

же закону, какой замѣченъ имъ во время перваго путешествія по Кавказу, на Казбекѣ; послѣ этого, то же самое онъ имѣлъ случай видѣть въ Швейцаріи, Италиі и на Пиренеяхъ.

Оставляя вмѣстѣ съ экспедиціей Араратъ, намъ необходимо объяснить одно обстоятельство, совершенно случайное, но чрезвычайно важное для чести Паррота. На Кавказѣ, и особенно въ Закавказьѣ, никто не вѣритъ, чтобы Парротъ когда-нибудь былъ на самой вершинѣ Арарата. Вершина этой священной горы, по общему мнѣнію тамошнихъ жителей, недоступна; точнѣе сказать, самая мысль взойти на ея вершину, почитается уже дерзостію или святотатствомъ. Вотъ что разказываютъ объ этомъ въ армянскихъ лѣтописяхъ. Св. Іаковъ, жившій отшельникомъ въ ущельяхъ Арарата, по случаю возникшихъ въ его время споровъ о потопѣ, рѣшился побывать самъ на вершинѣ Арарата, чтобъ удостовѣриться, находится ли еще тамъ Ноевъ ковчегъ. По слабости силъ и по крутости горы, святой отецъ часто засыпалъ отъ усталости, и никакъ не могъ достигнуть вершины. Господь сжалился надъ нимъ и послалъ ангела, который явился ему во время сна, и объявилъ, что его желаніе не можетъ быть исполнено, что вершина горы недоступна, но что за ревность его Богъ посылаетъ ему кусокъ дерева отъ Ноева ковчега, стоящаго на вершинѣ. Этотъ обломокъ допотопнаго дерева и теперь хранится въ Эчмиадзинскомъ монастырѣ, какъ залогъ благоволенія Всевышняго.

Мы нисколько не удивляемся, если простой народъ, вслѣдствіе какого-либо религіознаго повѣрья, или просто приходя въ ужасъ отъ вѣчныхъ снѣговъ покрывающихъ вершину Арарата, почитаетъ ее недоступною; но нельзя не удивляться тому, что многіе изъ людей весьма образованныхъ, или даже ученыхъ, были объ ней того же самаго мнѣнія, и публично, печатно, заподозривали экспедицію Паррота. Невозможность подняться на какую-либо гору можетъ быть абсолютная и относительная. Абсолютная невозможность зависитъ единственно отъ высоты горы, если вершина ея подымается въ такіе слои атмосферы, гдѣ воздухъ, по своей разрѣженности, не способенъ болѣе для дыханія. Относительная невозможность можетъ зависѣть только отъ высшаго образованія горы, и особенно отъ ея чрез-

вычайной крутости. Но представляет ли Араратъ какое-либо изъ этихъ препятствій? Араратъ, какъ доказано тригонометрическимъ измѣреніемъ, подымается до 16.254 п. ф. Конечно, высота весьма большая; но все-таки гораздо меньше той, достигнуть которой удавалось человѣку. Гумбольдтъ и Буссенго, пытаясь взойти на вершину Чимборазо, поднялись болѣе нежели на 18.000 ф., а Ге-Люсакъ поднялся на аэростатѣ еще выше, до высоты 21.000 ф. Изъ этого ясно, что абсолютной невозможности достигнуть вершины Арарата не существуетъ. По крайней мѣрѣ, наружный видъ этой горы не представляет ли какого-либо неодолимаго препятствія къ восхожденію? Такимъ препятствіемъ, мы сказали, въ особенности можетъ быть чрезвычайная крутость горы, именно когда склоны ея имѣютъ 40° или болѣе 40° наклоненія. Но Араратъ не имѣетъ и этого неудобства: въ своей нижней половинѣ онъ представляетъ въ среднемъ числѣ не болѣе 18° наклоненія. Въ верхней половинѣ, по мѣрѣ возвышенія, Араратъ становится круче; въ самыхъ обрывистыхъ мѣстахъ уголъ наклоненія бываетъ въ 35°, 40° и болѣе. Но тутъ помогаетъ восхожденію особенное устройство Арарата: бока его почти до самой вершины прорѣзываются длинными рядами черныхъ скалъ, представляющихъ издали какъ бы гривую серебристой главы Арарата; по этимъ скаламъ, какъ по лѣстницѣ, можно добраться до самой вершины. Очевидно, относительной невозможности взойти на Араратъ также не существуетъ. Но лучшимъ доказательствомъ этой возможности служить самое событіе: Парротъ взомелъ на вершину Арарата, а послѣ него тамъ были еще Спасскій и Абихъ.

Спасскій-Автономовъ, братъ нашего покойнаго товарища профессора Спасскаго, изъ личнаго любопытства и отчасти чтобъ удостовѣриться, дѣйствительно ли Парротъ достигъ вершины Арарата, въ 1834 году рѣшился самъ побывать на этой священной горѣ. Не придавая своему предпріятію никакого особеннаго значенія, онъ отправился на Араратъ съ однимъ изъ своихъ товарищей и съ двумя проводниками, изъ числа тѣхъ, которые сопровождали Паррота, и весьма счастливо взомелъ на вершину горы. Онъ видѣлъ большой крестъ, поставленный Парротомъ, и уже занесенный снѣгомъ; малаго креста, водруженнаго на самой вершинѣ, Спасскій не отыскалъ, но въ существованіи его не можетъ быть

никакого сомнѣнія; по малой величинѣ своей онъ совершенно занесенъ снѣгомъ, когда и большой, который ровно вдвое выше его, теперь едва былъ виденъ изъ-подъ снѣга. Проводники сами показывали Спасскому то мѣсто на вершинѣ горы, гдѣ былъ поставленъ малый крестъ. Отъ сѣверо-западной вершины, на которую восходилъ Парротъ, Спасскій отправился къ сѣверо-восточной, которая почитается менѣе высокой и отдѣлена отъ первой глубокою снѣжною равниной. На эту послѣднюю вершину въ послѣдствіи восходилъ Абихъ, но одинъ Спасскій былъ на обѣихъ вершинахъ¹.

Этимъ мы оканчиваемъ путешествіе Паррота. На возвратномъ пути въ Европу, онъ не столько интересовался кавказскою природою, сколько тамошними народами, ихъ обычаями, нравами и т. п. Все это чрезвычайно любопытно, но не имѣетъ отношенія къ нашему предмету.

III.

Когда Парротъ восходилъ на Араратъ, въ то же время (отъ 8 іюля до 1 августа) другая экспедиція изъ русскихъ ученыхъ взбиралась на Эльбрусъ, самую гигантскую вершину Кавказской цѣпи, и также почитавшуюся до того времени недоступною, какъ по физическимъ причинамъ, такъ и потому что подошва этой горы была окружена независимымъ и воинственнымъ племенемъ, Карачаевцами.

Генералъ Эммануэль, покоривъ этотъ народъ, составилъ проектъ военной экспедиціи въ тамошнюю страну. Цѣлью этой экспедиціи было собрать точныя свѣдѣнія о высотѣ горъ, о направленіи и глубинѣ долинъ, о богатствѣ ихъ лѣсомъ и пастбищами, и отыскать удобнѣйшія позиціи для военной линіи. Сверхъ того, имѣлось въ виду показать Горцамъ, что ихъ скалы, ихъ тѣсныя ущелія, ихъ бурные потоки и снѣга не суть препятствія непобѣдимыя для русскаго солдата, столько же привыкшаго ко всѣмъ трудностямъ, какъ они сами. Но кромѣ этихъ политическихъ и военныхъ видовъ, генералу хотѣлось въ то же время достигнуть еще какихъ-либо научныхъ интересовъ. Съ этою цѣ-

¹ *Восходъ на Араратъ, или какаціальная прогулка отъ Тифлиса до вершинъ Арарата*, К. Спасскаго-Автомолова. Москва. 1839 г.

люю онъ обратился въ Петербургскую академію наукъ, и предложилъ ей воспользоваться посылаемою имъ экспедиціей. Академія тотчасъ же снарядила особую экспедицію изъ извѣстныхъ ученыхъ, Ленца, Мейера и Менетріэ, подъ главнымъ распоряженіемъ Купфера; первый для физическихъ наблюденій, второй для ботаники, третій для зоологіи, самъ же Купферъ для геологіи и магнитныхъ наблюденій¹.

Ученая экспедиція 8 іюля прибыла въ Горячеводскъ, или нынѣшній Пятигорскъ, лежащій, какъ мы видѣли выше, при самой подошвѣ Кавказа. Отсюда начинается холмистая равнина, постепенно возвышающаяся къ центральной цѣпи Кавказа. Съ одной стороны этой равнины горизонтъ ограничивается отдаленными и свѣжными горами, посреди коихъ гордо воздымается Эльбрусъ своими ослѣпительно-бѣлыми вершинами; съ другой стороны той же равнины,—необозримыя степи южной Россіи.

Изъ Горячеводска экспедиція тотчасъ же отправилась къ такъ-называемому *Каменному мосту* на рѣкѣ Малкѣ, гдѣ находилась отрядъ артиллеріи, назначенный сопроводить ее до самаго Эльбруса. Отъ Каменнаго моста экспедиція, прежде чѣмъ двинулась къ своей главной цѣли, сдѣлала нѣсколько она въ горы, которыя составляютъ боковую цѣпь Кавказа (Кинжалъ, Иналь) и пересѣкаются многими рѣками, Баксаномъ, Урдою, Малкою и другими. Въ этихъ экскурсіяхъ она должна была бороться съ большими затрудненіями. Вся боковая цѣпь Кавказа, отъ Горячеводска до Эльбруса, по описанію Купфера, представляетъ возвышенность, незамѣтно поднимающуюся до высоты 8—9.000 фут. надъ моремъ, и разорванную по всѣмъ направленіямъ глубокими и узкими долинами. Вслѣдствіе такого образованія тутъ повсюду встрѣчаются то обширныя степи, гдѣ взоръ не находитъ ни одного дерева, ни одного селенія, то пропасти, куда свергаются бурные водопады.

На свои экскурсіи въ боковыя горы экспедиція употребила двѣнадцать дней, и только 20 іюля могла достигнуть долины Малки, которая беретъ свое начало при самой подошвѣ

¹ Kupffer, *Voyage dans les environs du mont Elbrous, rapport fait à l'Académie des Sciences de St. Pétersb. 1830*

Эльбруса. Въ это время экспедиція находилась уже на высотѣ 8.000 футовъ, и вступила въ центральную цѣпь, представившую ей совершенно особенныя формы отъ тѣхъ, какія принадлежатъ боковой цѣпи. Это различіе видимо зависѣло отъ неодинаковаго внутренняго образованія тѣхъ и другихъ горъ. Дѣйствительно, боковая цѣпь Кавказа, по изслѣдованіямъ Купфера, состоитъ изъ нептуническихъ осадковъ, именно изъ песчаниковъ и известняковъ, имѣющихъ весьма правильное напластованіе; напротивъ того, центральную цѣпь Кавказа составляютъ глинистый сланецъ и трахитъ; послѣдній, прорѣзывая глинистый сланецъ, образуетъ скалы, поднимающіяся до 12.000 ф. надъ моремъ и болѣе. Самый Эльбрусъ также состоитъ изъ трахита, который очень похожъ на трахитъ юго-американскаго вулкана Пичинчи.

Отправляясь на вершину Эльбруса, путешественники взяли съ собою лишь нѣсколько проводниковъ. Въ тотъ же день (21 іюля) они достигли снѣговаго предѣла, и оттуда могли обозрѣвать Кавказъ во всемъ его великолѣпнѣи. Купферъ описываетъ его такимъ образомъ: „Представьте себѣ вытянутую плоскость, отъ 8 до 10 тысячъ футовъ высоты, разорванную по всемъ направленіямъ узкими и глубокими долинами, и пересекаемую посредию въ всю длину гребнемъ живописныхъ скалъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ; этотъ гребень почти на половинѣ своей длины образуетъ глубокую, но весьма неширокую впадину; посреди ея конусъ съ двумя снѣжными вершинами, на которыхъ кое-гдѣ выдающіяся скалы представляются небольшими пятнами. Этотъ конусъ—Эльбрусъ. Высота его превосходитъ высоту сосѣднихъ вершинъ на 3—4.000 фут.“

Путешественники провели ночь при подошвѣ этого конуса, подъ защитой огромныхъ глыбъ чернаго трахита. На другой день они стали подыматься выше. Вскорѣ восхожденіе сдѣлалось столь затруднительнымъ, что необходимо было двѣять ступени въ снѣгу, который былъ еще довольно твердъ. Когда солнечные лучи разорвали туманъ, долго носившійся подъ ногами путешественниковъ, то передъ ними открылись всѣ долины и горы, составляющія боковую цѣпь Кавказа. Самыя высокія вершины этой цѣпи, Иналь, Кивджаль, Бермамукъ и другія, расположились почти полукругомъ около Эльбруса, и представляютъ видъ

обширнаго кратера, посреди котораго подымается цѣлая громада вулканическихъ массъ, превосходящихъ высоту края самаго кратера.

Усиліе путешественниковъ достигнуть вершины Эальбруса, прежде нежели солнце успѣетъ размягнуть снѣговую поверхность, утомило ихъ до того что они часто должны были останавливаться. Къ счастью, ближе къ вершинѣ, именно на высотѣ 14.000 ф. Эальбрусъ представляетъ рядъ голыхъ скалъ, состоящихъ изъ чернаго трахита, и образующихъ такую же лѣствицу, облегчающую восхожденіе, какою мы видѣли на Арабатѣ. Несмотря на это, Купферъ не могъ продолжать дороги; одинъ только Ленцъ, сопровождаемый двумя Черкесами и однимъ казакомъ, все подвигался впередъ по той лѣствицѣ скалъ, о которой мы говорили. Когда Ленцъ достигъ уже послѣдней ступени этой лѣствицы, онъ находился на высотѣ 14.800 ф. До самой вершины ему оставалось не болѣе 600 ф. ¹, но снѣгъ въ это время былъ уже до того мягокъ, что невозможно было идти по немъ. Очевидно, дабы достигнуть вершины, имъ надо было отправиться съ ночлега нѣсколькими часами ранѣе. Этимъ очень удачно воспользовался одинъ изъ Черкесовъ (Килларъ), сопровождавшихъ экспедицію, и болѣе ихъ знакомый съ тамошнею мѣстностію. Онъ ранѣе перешелъ границу постояннаго снѣга, и въ то время, когда Ленцъ достигъ послѣдней точки своего восхожденія, Черкесъ возвращался уже съ вершины.

Тутъ оканчивается самая важная часть путешествія ученой экспедиціи. Купферъ заключаетъ ее общимъ взглядомъ на центральную Кавказскую цѣпь. „Хотя въ центральной цѣпи Кавказа, говоритъ онъ, часто встрѣчаются отвѣсныя скалы, пропасти съ такими же отвѣсными стѣнами, и чудныя формы горъ, оживленныя каскадами, надо однако сознаться, что Кавказъ представляетъ гораздо менѣе живописныхъ положеній чѣмъ Альпы Швейцаріи и Тироля. Пустыня, его характеризующая, однообразіе и, можно

¹ По барометрическому измѣренію Купфера и Ленца выходитъ, что Эальбрусъ подымается только на 15.400 ф., но, по тригонометрическому опредѣленію академической экспедиціи 1836—37 годовъ, одна изъ его вершинъ (восточная) находится на высотѣ 18.453 ф., а другая (западная) 18.524 ф.

прибавить, простота геологическаго образованія, исключаютъ ту живость въ цвѣтахъ, то разнообразіе въ контурахъ, ту свѣжесть, которыя придаютъ невыразимую прелесть смѣющимся долинамъ Швейцаріи. Взоръ путешественника тщетно тщеть тутъ какого-либо селенія, обработаннаго поля; онъ не видитъ ничего, кромѣ пустыхъ скалъ и степей; даже и этотъ видъ скрывается отъ него постоянными туманами. "Безъ сомнѣнія, это описаніе, основанное на обзорѣннн весьма ограниченнаго пространства, должно быть относимо только къ извѣстной части Кавказа, и принимается за личное впечатлѣніе автора. Быть-можетъ, многіе, короче знакомые съ Кавказомъ, и не будутъ съ нимъ согласны.

На возвратномъ пути въ Горячеводскъ путешественники спустились по кубанской долинѣ, одной изъ обширнѣйшихъ на всемъ сѣверномъ склонѣ Кавказа. Посѣтивъ Бештау и желѣзныя воды, и сдѣлавъ тутъ нѣкоторыя барометрическія наблюденія, Купферъ и Ленцъ отправились въ обратный путь, а Мейеръ и Менетрѣзъ остались еще на нѣсколько времени для обзорѣнн Казбека.

Экспедиція Купфера, какъ видно изъ предыдущаго, не богата геологическими изслѣдованіями; вниманіе ея преимущественно было обращено на физическія наблюденія и на тамошнюю флору. Гораздо обильнѣйшіе результаты для геологіи Кавказа представляетъ путешествіе, которое теперь слѣдуетъ рассмотретьъ, именно путешествіе академика Эйхвальда. Собственно оно предшествовало экспедиціямъ Паррота и Купфера, но сдѣлалось извѣстнымъ ученому свѣту не прежде 1834—37 годовъ ¹. Онъ путешествовалъ по Кавказу въ то время, когда былъ профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, именно въ 1825—26 годахъ.

Изслѣдованія Эйхвальда не ограничивались однимъ Кавказомъ; его столько же или еще болѣе интересовало Каспійское море съ своими историческими берегами. Тѣ же страны служили ему богатымъ матеріаломъ и для другихъ въ послѣдствіи изданныхъ имъ сочиненій. Мы разумѣемъ тутъ въ особенности два сочиненія Эйхвальда: *Atlas Geographique des Kaspischen Meeres, des Kaukasus und des Südlichen*

¹ Dr. E. Eichwald, *Reise auf dem Kaspischen Merre und in den Kaukasus*, in den Jahren 1825—26. 2 B-de. Stuttgart und Tübingen, 1834—37.

Russlands, 1838, и *Fauna Caspio-Caucasia*, 1841. Ихъ можно назвать продолженіемъ его путешествія по Кавказу и Каспійскому морю. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что, отправляясь въ эти страны, Эйхвальдъ предварительно изучалъ ихъ по всѣмъ возможнымъ источникамъ; иначе трудно было бы объяснить себѣ то удивительное разнообразіе историческихъ и политическихъ свѣдѣній, какое находится въ его путешествіи. Нельзя не удивляться также его обширному знакомству со всѣми естественными науками: онъ и ботаникъ, и зоологъ, и геологъ. Изъ всей массы этихъ разнообразныхъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ его сочиненіи, мы оставимся тольکو на томъ, что относится къ нашему предмету.

Путешествіе Эйхвальда началось обзорѣніемъ Каспійскаго моря, съ его островами и берегами. Дабы вполнѣ оцѣнить его изслѣдованія въ этихъ странахъ, необходимо припомнить себѣ тѣ гениальныя предположенія, которыя относительно тѣхъ же странъ были высказаны Гумбольдтомъ во время путешествія его по Россіи въ 1829 году¹. По мнѣнію этого великаго наблюдателя, Каспійское море вмѣстѣ съ Аральскимъ составляютъ самую низменную часть огромнѣйшей впадины, какая только существуетъ на земной поверхности. Эту впадину онъ назвалъ *Арало-Каспійскою* котловиной. Подъ этимъ собственно надо разумѣть не однѣ прикаспійскія страны, а все пространство, которое, начавшись отъ западныхъ береговъ Чернаго моря, простирается чрезъ южную Россію до Хивы и далѣе, вѣроятно до озеръ Балкаша и Иссык-куля въ Джунгаріи. По выраженію Гумбольдта, это *страна-кратеръ* (crater-land), какими считаются на лунѣ Гиппархъ, Архимедъ и Птоломей. Спрашивается: какое же физическое событіе могло повлечь земную кору на такое обширное пространство? По мнѣнію Гумбольдта, образованію Каспійской котловины всего болѣе содѣйствовало поднятіе Кавказа и параллельныхъ ему азійскихъ горныхъ хребтовъ, именно Гималайскаго, Куенлунскаго и Тянь-Шанскаго. Съ поднятіемъ этихъ огромныхъ хребтовъ, при подожвѣ ихъ необходимо должна была образоваться столь же огромная впадина или котловина.

Эйхвальдъ, обзорѣвая прикаспійскія страны, наметъ са-

¹ A de Humboldt, *Fragmens de géologie et de climatologie asiatiques*. Paris 1831. Его же, *Asie centrale*. Paris, 1843.

мыя убѣдительныя доказательства, что вулканическія силы, участвовавшія въ образованіи каспійской котловины, еще донынѣ не успокоились и продолжаютъ дѣйствовать, поднимая ее въ однихъ мѣстахъ и опуская или понижая въ другихъ. Слѣды этого движенія, совершавшагося, безъ сомнѣнія, чрезвычайно медленно, въ теченіи многихъ столѣтій, были наблюдаемы Эйхвальдомъ преимущественно по направленію каспійскихъ береговъ. Такъ, около городовъ Баку, Тарки и на противоположномъ берегу около Тюкъ-Карагана, повсюду замѣчалъ онъ вымоины или террасы, заключающія въ себѣ множество раковинъ совершенно одинаковыхъ съ нынѣшними каспійскими. Эти вымоины находятся на такой высотѣ, до которой не достигаетъ нынѣшнее море, даже во время самаго сильнаго волненія. Очевидно, это то же самое, что замѣчено Палласомъ на сѣверной сторонѣ Каспія, или въ Астраханской степи, но было объясняемо имъ не поднятіемъ земли, а усыханіемъ моря. Такія же явленія, по свидѣтельству Эйхвальда, обнаруживаются на берегахъ Балханскаго залива, и отсюда вдоль по всему восточному берегу до Астрабата. Поднятіе этого берега, по мнѣнію Эйхвальда, доказывается еще тѣми измѣненіями, которыя произошли въ направленіи теченія Аму-Дарьи или Оксуса. Эта рѣка, еще не такъ давно впадавшая въ Балханскій заливъ или въ Каспій, вслѣдствіе поднятія Трухменской степи, поворотила къ востоку и впадала въ Аральское море.¹

Несмотря на это общее поднятіе прикаспійской страны, въ ней находятся и такія явленія, которыя доказываютъ ея пониженіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Такъ въ недалекомъ разстояніи отъ Баку, каменныя стѣны какихъ-то зданій, безъ сомнѣнія, находившихся нѣкогда на берегу, опустились въ море на такую глубину, на которой могутъ быть видимы только въ ясную погоду². Есть преданіе, и даже нѣкоторые историческіе намеки, что берега Каспійскаго моря въ прежнее время соединялись между собою перешейкомъ, и что нынѣшній Апшеронскій полуостровъ съ одной

¹ Впрочемъ, Мурчисонъ думаетъ, что, быть-можетъ, Аму-Дарья отведена въ Аральское море туземцами искусственнымъ образомъ. См. *Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго*, Мурчисона, Верлейла и графа Кейзерлингга. Пер. полковника Озерскаго. С.-Петербургъ 1849 г. II. стр. 584.

² Ихъ принимаютъ за остатки каравансараявъ или гостиницъ дворовъ.

стороны, и дѣльный Каспiоводскiй съ другой, представляють остатки этого перешейка ¹.

Нѣкоторые изъ ученыхъ такое предположенiе называютъ восточными сказками ². Мы не беремса рѣшать, въ какой степени оно справедливо исторически, но въ географическомъ отношенiи оно весьма правдоподобно; взглянувъ на карту Каспiйскаго моря, вы какъ бы ищите глазами перешейка въ томъ небольшомъ промежуткѣ, который отдѣляетъ Апшеронскiй полуостровъ отъ Каспiоводскаго. Существованiе предполагаемаго перешейка становится еще болѣе вѣроятнымъ, если припомнимъ, что на восточномъ берегу Каспiя, именно вдоль Балхановъ, въ недавнее время найдено продолженiе Кавказа ³. Уничтоженiе перешейка, о которомъ идетъ рѣчь, могло быть слѣдствiемъ пониженiя морскаго дна, либо продолжительнаго размыванiя водой.

Всѣ исчисленныя измѣненiя Каспiйской котловины, безъ сомнѣнiя, зависѣли отъ огненно-жидкаго ядра, находящагося внутри земли. Оно обнаруживаетъ себя въ этихъ странахъ не только вѣковыми поднятiями и пониженiями, о которыхъ мы говорили выше, но и обыкновенными вулканическими явленiями, именно отдѣленiемъ нефти, углеводороднаго газа и такими же грязными изверженiями или сальсами, какiя находятся на полуостровѣ Тамани. Главнымъ мѣстомъ этихъ явленiй въ прикаспiйской странѣ служитъ Апшеронскiй полуостровъ и ближайшiе къ нему острова. Тамоннiя изверженiя почти всегда сопровождаются отдѣленiемъ нефти, выбрасыванiемъ камней и огненными столбами, поднимающимися иногда на весьма большую высоту. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ изверженiй такого рода было близъ селенiя Гокмала, въ 15 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Баку, 27 iюля 1827 года. Главную причину огненныхъ явленiй въ сальсахъ состав-

¹ Эти историческiе намеки Эйхвальдъ находитъ у Страбона и Помпонiя Мелы, которые, вмѣсто тершняго Каспiйскаго моря принимали два отдѣльныя, Каспiйское и Гурканское. Существованiе предполагаемаго перешейка Эйхвальдъ подтверждаетъ еще свидѣтельствомъ г. Колоткина, который видѣлъ изображенiе его на одной изъ старыхъ персидскихъ картъ. Г. Колоткинъ извѣстенъ составленiемъ весьма хорошей карты Каспiйскаго моря. Она приложена къ путешествiю Эйхвальда.

² *Записки Русскаго Географическаго Общества*. Кн. XI. 1856, стр. 194.

³ Мурчисонъ *Геологическое описанiе Европейской Россii и гребня Урала*. Перев. Озерскаго. Т. I. стр. 1119.

ааеть углеводородный газъ, отдѣляющійся вмѣстѣ съ водяными парами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Апшеронскаго полуострова этотъ газъ выходитъ прямо изъ земли. Близъ Баку онъ образуетъ такъ-называемыя *стѣнные* или *связанные* огни, постоянно поддерживаемыя Индѣйцами, поклонниками огня. Углеводородный газъ выходитъ тутъ въ такомъ изобиліи, что Индѣйцы не только употребляютъ его въ своемъ монастырѣ вмѣсто дровъ для приготовления пищи, но и проводятъ его въ большія, высокія трубы, гдѣ онъ непрерывно горитъ, и въ ночное время служитъ маякомъ для плавающихъ по Каспійскому морю.

Нефть, другой вулканической продуктъ каспійской котловины, подобно углеводородному газу, поднимается изъ земли въ огромномъ количествѣ, цѣлыми родниками. Онъ собирается жителями въ особо устроенныя колодцы, и составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ промышленности для тамошняго края. Отдѣленіе нефти не ограничивается материкомъ; она находится на нѣкоторыхъ островахъ Каспійскаго моря, особенно на Челекентѣ, даже подымается со дна моря, и придаетъ водѣ свой отвратительный запахъ.

Кромѣ Апшеронскаго полуострова, сальсы и нефтяныя источники были наблюдаемы Эйхвальдомъ въ Кахетіи между рѣками Иора и Алазань. Они находятся въ одной линіи съ Апшеронскими. При сѣверной подошвѣ Кавказа такую же вулканическую линію составляютъ таманскіе сальсы и тѣ, которые находятся близъ крѣпости Грозной, между рѣками Сунджей и Терекъ.

Обозрѣвъ берега Каспійскаго моря, Эйхвальдъ проѣхалъ по всему южному склону Кавказа, отъ Баку и Сальяна до береговъ Чернаго моря. Въ описаніи этого пути встрѣчается множество замѣчаній, доказывающихъ глубокое знакомство автора со всеми отраслями естествознанія, и столь же глубокое съ древнею географіею Кавказа по греческимъ и римскимъ источникамъ. Въ геологическомъ отношеніи особенно замѣчательно описаніе разработокъ кварцоваго камня и мѣдныхъ Алавердскихъ рудниковъ. Первые находятся въ Елизаветпольскомъ округѣ, около селенія Загликъ, и представляютъ богатѣйшій источникъ для добыванія кварцовъ. Алавердскіе рудники принадлежатъ къ горамъ Сомхетіи, которая тоже самое для Грузіи что Рудныя горы для Саксоніи.

Эйхвальду желательно было осмотрѣть озеро Гокчай, со всеми его окрестностями, и побывать на Араратѣ; но желанія его, по обстоятельствамъ, не могли исполниться. Недостатокъ собственныхъ наблюденій въ этихъ странахъ онъ пополнилъ весьма любопытными извлеченіями изъ описанія ихъ русскими горными офицерами Гурьевымъ ¹, Куромъ ² и Воскобойниковымъ ³. Не менѣе любопытно извлеченіе изъ путешествія по Кавказу Шлегельмидля, именно описаніе сѣверо-восточной части Памбакскаго хребта.

Возвращаясь въ Европу по Военно-Грузинской дорогѣ, Эйхвальдъ не могъ не обратить особеннаго вниманія на лавовые потоки, такъ часто встрѣчающіеся въ ущельяхъ Арагвы и Терека, и вытекавшіе нѣкогда изъ кавказскихъ вулкановъ, каковы напримѣръ Красныя горы, находящіяся близъ селенія Кашаура, на самомъ гребнѣ Кавказа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти лавовые потоки раздѣлены на призматическіе столбы, и представляются съ перваго взгляда настоящими базальтами. На сѣверной сторонѣ Кавказа вниманіе Эйхвальда преимущественно было обращено на тамошніе минеральныя источники. Они описаны имъ весьма подробно ⁴.

IV.

Послѣ Эйхвальда путешествовали по Кавказу, вскорѣ одинъ за другимъ, Дюбуа ⁵, Кохъ ⁶ и Омеръ-де-Гель ⁷. Въ

¹ Путешествіе по Казахской и Шамшадильской дистанціямъ и Елизаветпольскому округу въ 1829 году. Горн. Жур. 1830. кн. IV.

² Геогностическое описаніе нѣкоторыхъ странъ Армянской области, съ особенностями окрестностей озера Гокчай. Горн. Жур. 1829. Кн. IV.

³ Описаніе горы, содержащей въ себѣ каменную соль, въ Армянской области, въ бывшей Эриванской провинціи. Горн. Жур. 1828. Кн. II.

⁴ Тотъ же предметъ изложенъ Эйхвальдомъ еще съ большою подробностію въ его недавнемъ сочиненіи: О минеральныхъ водахъ Россіи съ естественнотрическомъ отношеніи. Спб. 1860.

⁵ Fr. Dubois de Montpéroux, *Voyage autour du Caucase, chez les Taberkesses et les Abhases, en Colchide, en Georgie, en Arménie et en Crimée*. Avec atlas. Tome 1—6. Paris. 1839—1843.

⁶ K. Koch. *Reise durch Russland und den Kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836—38*. Mit Atlas. Stuttg. u. Tübing. 1842.

⁷ X. Hommaire-de-Hell, *Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale*. Avec atlas. Tom. 1—3. Paris. 1843—45.

геологическомъ отношеніи главнѣйшій интересъ представляетъ путешествіе Дюбуа, на которомъ мы преимущественно и остановимся; о другихъ достаточно указать нѣсколько словъ.

Омеръ-де-Гель провелъ около пяти лѣтъ въ южной Россіи, и особенно въ Крыму. Собственно на Кавказѣ онъ обозрѣвалъ только Кумо-Манычскую низменность, на пути отъ Астрахани въ Пятигорскъ, Ставрополь и Таганрогъ. Въ его путешествіи чрезвычайно много историко-географическихъ и физическихъ замѣчаній объ южной Россіи и объ Арало-Каспійской котловинѣ. Эти замѣчанія заимствованы имъ изъ древнихъ, либо изъ русскихъ писателей. Такъ относительно Каспійскаго моря онъ преимущественно пользовался извѣстнымъ сочиненіемъ Эйхвальда, и отчасти замѣчаніями инженеръ-поручика Фелькнера¹. Его собственныя наблюденія надъ Кумо-Манычскою низменностію не имѣютъ большаго достоинства, какъ доказано это позднѣйшими изслѣдованіями академика Бѣра. Описаніе его, говоритъ онъ, составлено такъ, какъ это сдѣлалъ бы человѣкъ, знающій описываемый предметъ только по наслышкѣ. Мнѣнія его относительно образованія нынѣшнихъ морей Чернаго и Каспійскаго, и его нивелировка между Азовскимъ и Чернымъ морями, также не выдерживаютъ строгой критики². Геологическая карта, приложенная къ его сочиненію, ничѣмъ не отличается отъ карты Дюбуа и другихъ, которыя ему предшествовали.

Что касается до путешествія Коха по Кавказу, то въ геологическомъ отношеніи оно не имѣетъ почти никакого значенія. О немъ можно было бы и не упоминать, еслибы къ его сочиненію не было приложено геологической карты Кавказскаго перешейка. Впрочемъ, эта карта имѣетъ болѣе географическое чѣмъ геологическое достоинство, по своему слѣшкомъ общему обозначенію тамошнихъ формаций.

Переходимъ къ Дюбуа. Этого извѣстнаго ученаго, по всей справедливости, можно назвать основателемъ геологіи

¹ *Геогностическій обзоръ восточнаго берега Каспійскаго моря отъ Астрабадскаго залива до мыса Тюкъ-Караама, въ 1836 году. Горн. Жур. 1838. № I.*

² См. ниже Дополненіе I

Кавказа. Онъ первый познакомилъ насъ съ общимъ образованіемъ тамошнихъ горъ, и съ тѣми переворотами, которые подвѣли ихъ на вывѣшнюю высоту.

Дюбуа, кромѣ Кавказа, объѣзжалъ Украину, Новороссію и Крымъ, и потому долго колебался, съ чего начать свое повѣствованіе, съ Украины ли и Крыма, бывшихъ первыми и послѣдними предметами его изслѣдованій, или съ самаго сердца загадочнаго Кавказа, этого великаго центра историческихъ и геологическихъ явленій. Наконецъ, онъ нашелъ самымъ лучшимъ слѣдующій порядокъ:

„Очертить сначала высокую Кавказскую цѣпь, съ ея внутренними долинами; изучить древнюю Колхиду или Грузію при истокахъ Фазиса и Куры; спуститься въ тѣ обширные бассейны, гдѣ сосредоточены ея памятники, ея столицы; посѣтить ея братьевъ въ Арменіи, по ту сторону высокихъ горъ, всегда таинственно увѣнчанныхъ снѣгами и льдами; прослѣдить теченіе бурнаго Аракса до широкихъ прикаспійскихъ равнинъ, умѣряющихъ его быстроту;—потомъ, переступивъ черезъ Кавказъ по его средней линіи, вступить въ другія равнины, въ эти необозримыя степи, обширныя пастбища, обширныя мѣста побоищъ, и столбовыя дороги столбыхъ различныхъ народовъ, которые, выходя изъ Азіи какъ бурный потокъ, были отбрасываемы къ сѣверу суровыми отрогами недоступнаго для нихъ Кавказа; посѣтить стамовища, и могилы Скифовъ, Сарматовъ, Готовъ, Славянъ и Варяговъ; мимоходомъ побывать въ Тавридѣ, этомъ сокращенномъ Кавказѣ, настоящей точкѣ соприкосновенія Европы съ Азіей, великомъ рынкѣ древней Греціи, таящемъ въ себѣ еще такъ много сокровищъ.“

Дюбуа путешествовалъ четыре года. Изслѣдованія его до того разнообразны, что могли бы сдѣлать честь любой экспедиціи, состоящей изъ многихъ ученыхъ, и археологовъ, и историковъ, и географовъ, и геологовъ, и ботаниковъ. Конечно, для разработки собранныхъ имъ матеріаловъ, онъ обращался къ помощи и совѣту извѣстныхъ ученыхъ, исключительно занимающихся этими предметами. Такъ относительно геологіи и минералогіи онъ пользовался совѣтами Буха, Эли-де-Бомона, Агассица и Густава Розе. Великолепный атласъ, приложенный къ сочиненію Дюбуа, состоитъ изъ пяти отдѣловъ: географическаго, видописнаго

(pittoresque), архитектурнаго, археологическаго и геологическаго.

Мы остановимся на однихъ геологическихъ изслѣдованіяхъ Дюбуа.

Какъ у путешественника, переходившаго отъ одной мѣстности къ другой и останавливавшася преимущественно на томъ что поражало его своею особенностію въ томъ или другомъ отношеніи, геологическія изслѣдованія Дюбуа не представляютъ никакой опредѣленной системы, а разбросаны по всему сочиненію. Геологическія описанія постоянно перебиваются у него съ другими, и особенно съ описаніями великолѣпной кавказской природы, тамошнихъ водопадовъ, ущелій, пороговъ, отвѣсныхъ скалъ, горныхъ переваловъ и т. п., и достаются читателю безъ всякаго труда, посреди самой увлекательной бесѣды. Впрочемъ, какъ эти описанія ни живы, все-таки читателю остается еще много для собственнаго соображенія, для приведенія всѣхъ этихъ частностей въ одно цѣлое. Дюбуа самъ чувствовалъ необходимость общаго геологическаго взгляда на Кавказъ, и сообщилъ его въ послѣдствіи въ особомъ письмѣ къ Эли де-Бомону: „Сперва я думалъ, пишетъ Дюбуа, сообщать вамъ отъ времени до времени родъ своихъ путевыхъ журналовъ; но послѣ разсудилъ, что извѣщенія мои будутъ короче и яснѣе, когда, пропустивъ всѣ излишнія подробности, я поставлю себя вдругъ на такую точку, откуда удобно будетъ наблюдать развитіе геологическихъ силъ и главныя ихъ дѣйствія. Итакъ я прошу васъ взойти со мною на вершину Кавказа, откуда мы увидимъ слѣдующія явленія.“¹

Кавказъ, по мнѣнію Дюбуа, есть слѣдствіе трехъ или четырехъ главныхъ переворотовъ. Первый подъемъ Кавказа, по всей вѣроятности, говоритъ онъ, послѣдовалъ къ концу такъ-называемаго юрскаго періода, и былъ произведенъ *гранитами*, поднявшими на себѣ огромные пласты чернаго глинистаго сланца и известняка. Этотъ первый подъемъ, положившій начало Кавказской цѣпи, и подняв-

¹ *Bull. de la Societ. géologique de France* T. VIII. 1837. *Горн. Журн.* 1838. Ч. I. стр. 346—380.

шій ее на нѣсколько тысячъ футовъ изъ юрскаго моря, по мнѣнью Дюбуа, находится въ связи съ тою гранитною полосою, которая, начавшись отъ самаго Кавказа, проходить чрезъ устье Дона, пересѣкаетъ Днѣпръ тринадцатю порогами, тянется по правую сторону этой рѣки, и наконецъ исчезаетъ въ Пинскихъ болотахъ. Двѣтвія этого подъема не ограничиваются одною Кавказскою цѣпью; Дюбуа преслѣдовалъ ихъ во всея Закавказьи, до персидской провинціи Азербейджана.

Послѣ гранитнаго переворота наступилъ періодъ покоя. Въ это время, по ту и по другую сторону Кавказа, въ прилегавшихъ моряхъ, образовались два нижніе яруса мѣловой формаци, слѣдовавшей непосредственно за юрскою, именно известковый сланецъ и зеленый песчаникъ. Окончательное образование зеленого песчаника было ознаменовано новымъ подъемомъ, именно подъемомъ Ахалцихскаго хребта, который лежитъ къ югу отъ Кавказской цѣпи, и отдѣляетъ Мингрелію и Грузію отъ другихъ болѣе южныхъ странъ. Главнымъ дѣятедемъ въ этомъ переворотѣ былъ *меллафиръ* или пироксеновый порфиръ, выступившій изъ длинной трещины въ разныхъ мѣстахъ, и поднявшій на себѣ съ той и другой стороны оба яруса мѣловой формаци.

Послѣ означеннаго переворота при сѣверной подотвѣ Кавказа, по мнѣнью Дюбуа, было еще обширное море, покрывавшее нынѣшнія необозримыя степи, а съ южной стороны находился одинъ узкій проливъ, занимавшій Куро-ріонскую долину или Грузію и Мингрелію. Въ этихъ моряхъ происходило осажденіе верхняго яруса мѣловой формаци. Но въ то же время на всея пространствѣ, отдѣляющемъ нынѣ Каспійское море отъ Чернаго, обнаружались настоящія *вулканическія* движенія, и были причиною образованія обширнѣйшихъ кратеровъ. Въмѣстѣ съ высокими плоскогорьями, поднявшимися въ то же время, эти кратеры представляются какъ бы террасами или уступами. Дюбуа называетъ ихъ *амфитеатрами*. Лишь только вы переступите чрезъ куро-ріонскую долину, вамъ тотчасъ представится цѣлый лабиринтъ вулканическихъ амфитеатровъ. Начиная съ восточной стороны, ближе къ Каспійскому морю, вы видите порфиры Шуши и Капана, видите обширные слои шлаковъ и вулканическаго пепла, которые,

перемѣшавшись съ водяными осадками, загромодили собою всю долину по теченію Бергухетты. Къ сѣверо-западу отъ этого амфитеатра поднимается другой, вокругъ озера Севанга или Гокчай, лежащаго на высотѣ 5.000 фут. надъ моремъ. Оно окружено со всѣхъ сторонъ вулканами, составляющими около него почти непроницаемую стѣну, и само не иное что какъ кратеръ, въ послѣдствіи наполнившійся водою. Сомхетія, составляющая южную часть Грузіи, есть также вулканическій амфитеатръ, отдѣляющійся отъ предыдущаго горами Памбакъ и Безобдалъ. Онъ состоитъ изъ огромныхъ потоковъ лавы и обсидіана, изливавшихся нѣкогда изъ Триалетскихъ вулкановъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Сомхетіи. То же самое представляетъ намъ Ахалцыхъ. Но самый огромный изъ вулканическихъ амфитеатровъ во всемъ Закавказьи есть амфитеатръ средней Арменіи. Со стороны озера Гокчай его окружаютъ Кіотандахъ, Агманганъ, и другія вулканическія горы; съ сѣвера—Алагезъ; съ юга—Араратъ и Такъ яльту. Эти величественные конусы, остатки прежнихъ вулкановъ, своими изверженіями покрыли все высокое плоскогорье средней Арменіи. Вокругъ этихъ горъ вы повсюду встрѣчаете потоки лавы, пемзу, обсидіанъ, шлаки или огарину, пепелъ и другія вулканическія произведенія. Къ югу отъ средней Арменіи, въ персидскихъ владѣніяхъ находятся два обширнѣйшіе амфитеатра около соленыхъ озеръ Ванъ и Урміа. Дюбуа почитаетъ ихъ весьма загадочными; думаетъ однако, что они не иное что, какъ остатки древняго моря.

Поднятіе вулканическихъ амфитеатровъ, безъ всякаго сомнѣнія, должно было произвести чрезвычайныя измѣненія въ положеніи или размѣщеніи мѣловыхъ морей, находившихся къ югу отъ Кавказской цѣпи. При этомъ случаѣ они необходимо должны были превращаться въ отдѣльные бассейны и заливы. Въ настоящее время трудно составить себѣ точное понятіе обо всѣхъ измѣненіяхъ южнаго кавказскаго моря въ эту бурную эпоху. Можно однако полагать навѣрное, что въ нынѣшней Куро-ріонской долинѣ были тогда два отдѣльные залива, раздѣлявшіеся между собою Мескинскими горами, именно мингрельскій и грузинскій. Въ средней Арменіи, по теченію Аракса, находился отдѣльный бассейнъ. Что касается до сѣверной подошвы

Кавказа, гдѣ не было еще никакихъ вулканическихъ движеній, то тамъ должно было простираться обширнѣйшее море, которое покрывало всѣ степи южной Россіи, и составляло одинъ океанъ вмѣстѣ съ морями Чернымъ и Каспійскимъ. Кавказъ и Закавказье были островами посреди этого великаго океана.

Во всѣхъ означенныхъ моряхъ и заливахъ, въ описываемый нами періодъ, происходило осажденіе такъ-называемыхъ третичныхъ формацій, считающихся болѣе поздними или болѣе новыми въ сравненіи съ мѣловыми. На сѣверной сторонѣ Кавказа третичныя формаціи остались безъ всякаго измѣненія, а къ югу отъ него во многихъ мѣстахъ подняты на большую высоту. Частию это зависело отъ тѣхъ вулканическихъ движеній, о которыхъ мы говорили, всего же болѣе отъ тѣхъ, которыя послѣдовали къ концу третичнаго періода.

Въ это время Кавказъ былъ свидѣтелемъ величайшаго и всеобщаго переворота, для котораго всѣ предыдущіе были только одною подготовкой, или частными явленіями, независимыми одно отъ другаго. Это тотъ самый переворотъ, который сообщилъ Кавказу его нынѣшнюю высоту, и былъ причиной осушенія всѣхъ морей омывавшихъ его подошву. Мингрелія, Грузія, всѣ обширныя степи вокругъ Чернаго и Азовскаго морей, Крымскій полуостровъ,—сдѣлались материками или твердою землею только со времени этого общаго поднятія. Имъ же положено начало совершенному отдѣленію Чернаго моря отъ Каспійскаго.

Такое могучее дѣйствіе подземныхъ силъ не могло не обнаружиться столь же могучими вулканическими изверженіями. Въ это время вулканы открылись не только къ югу отъ Кавказа, но и посреди самого Кавказа. На мѣстѣ ихъ прежнихъ жерлъ теперь подымаются высочайшія горы: Эльбрусъ, Пассефта, Казбекъ и Красная гора. Онѣ всѣ состоятъ изъ трахита и лавовыхъ потоковъ, какъ бы недавно еще остановившихся въ своемъ теченіи.

Таково мнѣніе Дюбуа о главнѣйшихъ преобразованіяхъ Кавказа, выведенное имъ изъ своихъ частныхъ изслѣдованій тамошнихъ странъ. Оно чрезвычайно грандіозно, и въ то же время, какъ увидимъ послѣ, нисколько не противорѣчитъ послѣдующимъ наблюденіямъ.

Принимая въ соображеніе всю прошедшую исторію образованія Кавказа, и донынѣ дѣйствующія тамъ подземныя силы, геологи всегда останавливались на мысли: не угрожаетъ ли Кавказу новая опасность? не можетъ ли тутъ образоваться новый вулканъ, или не могутъ ли прежніе изъ потухшаго, покойнаго состоянія, перейти въ дѣйствующее? Есть много примѣровъ, что вулканы, оставшіеся нѣсколько столѣтій потухшими, вдругъ снова начинали дѣйствовать. Такіе переходы большею частію сопровождались страшными потрясеніями, доказывавшими, что внутреннія силы должны были бороться съ большими препятствіями, чтобы проложить себѣ дорогу. Примѣромъ этого можетъ служить всѣмъ извѣстное изверженіе Везувія, поглотившее города Геркуланумъ и Помпею. Покойное состояніе Везувія передъ этимъ событіемъ продолжалось такъ долго, что жерло его поросло лѣсомъ, и вообще такъ мало походило на вулканъ, что никому не приходило на мысль, чтобы тутъ было когда нибудь что-либо подобное.

Предчувствіе геологовъ относительно кавказской страны, къ сожалѣнію, оправдалось, и самымъ печальнымъ событіемъ. Въ послѣдніе годы на Кавказѣ, и особенно въ Закавказскомъ краѣ, было нѣсколько весьма разрушительныхъ землетрясеній, и вслѣдъ за тѣмъ произошло настоящее изверженіе, въ самомъ центрѣ Кавказскаго перешейка, именно въ Араратѣ (30 іюня 1840 года). Оно описано еще по свѣжимъ слѣдамъ Морицомъ Вагнеромъ¹.

По собраннмъ свѣдѣніямъ, это изверженіе началось подземными звуками, которые походили на раскаты грома, и наиболѣе были слышны вблизи Большаго Арарата. За этимъ послѣдовало волнообразное колебаніе земли, которое продолжалось два часа, преимущественно къ востоку и юго-востоку отъ Арарата, и производило ужасныя разрушенія. Въ то же время, въ шести верстахъ выше селенія Аргури, при концѣ знакомаго намъ араратскаго ущелья, образовалась расщелина, и извергла изъ себя огромную массу водяныхъ паровъ и газовъ, поднявшихся выше Ара-

¹ Въ *Beilage sur Allgemeinen Zeitung*, 1843. № 212—214. Тоже въ *Горномъ Журн.* 1843. Ч. IV. стр. 135—161.

рата. Изъ той же разсѣлины, по разказамъ очевидцевъ, выбрасывалось такое множество камней, что по прошествіи часа вся долина при подошвѣ Арарата была завалена ими. Богатое селеніе Аргури, заключавшее около 2000 жителей, монастырь Св. Іакова съ братіей и прислугой, цвѣтуція поля, фруктовые сады, все было погребено подъ выброшенными камнями и землею. Нѣкоторыя изъ этихъ каменныхъ глыбъ вѣсили болѣе 1250 пудовъ и почти исключительно состояли изъ трахита.

Землетрясеніе, сопровождавшее изверженіе Арарата, было однимъ изъ самыхъ ужасныхъ и самыхъ обширныхъ, когда-либо опустошавшихъ западную Азію и Арменію. Оно, какъ сказано выше, преимущественно распространялось къ востоку и юго-востоку отъ Арарата. Такъ Эривань, несмотря на свое близкое сосѣдство съ центромъ землетрясенія, мало пострадала, между тѣмъ какъ въ Нахичевани, Маку, въ Шарурскомъ и Ордубадскомъ уѣздахъ, болѣе 6000 домовъ разрушено до основанія. Къ счастью, землетрясеніе происходило вечеромъ, когда жители, по восточному обычаю и тамошнему климату, болѣею частію были внѣ своихъ жилищъ, и потому обрушившіеся дома погребли подъ своими развалинами относительно меньшее число людей нежели какого можно было бы ожидать, еслибы землетрясеніе случилось нѣсколькими часами позже.

При подошвѣ Арарата, въ руслѣ Аракса и Карасу во время изверженія появилось множество трещинъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли до двухъ саженей въ поперечникѣ. Пары и газы, выходявшіе оттуда, въ иныхъ мѣстахъ выбрасывали рѣчной песокъ, либо землю, а въ другихъ образовали длинный рядъ фонтановъ; въ то же время, во многихъ мѣстахъ, вода выступала изъ береговъ и производила наводненія. Большая часть означенныхъ трещинъ закрылась послѣ землетрясенія, а другія еще долго оставались открытыми и продолжали выбрасывать воду. Точно такія же явленія, какъ извѣстно, бываютъ и въ окрестностяхъ Везувія, только послѣ изверженія, и называются тамъ мофеттами.

Замѣчательно также вліяніе, какое изверженіе Арарата имѣло на многіе сосѣдніе ключи. Нѣкоторыя изъ нихъ съ этого времени совершенно измѣнили свои свойства; вмѣ-

сто прежняго пріятнаго вкуса, получили вкусъ сѣрнистаго водорода, либо изъ свѣтлыхъ сдѣлались мутными. Другіе ключи въ это время пересохли, либо наоборотъ, стали гораздо обильнѣе чѣмъ прежде.

Къ сожалѣнію, бѣдствіе, постигшее Арменію, не ограничилось тѣми несчастными случаями, о которыхъ мы говорили. Спустя четыре дня послѣ описаннаго изверженія, на Араратѣ произошло новое событіе, которое распространило вокругъ него еще болѣе разрушенія нежели самое изверженіе. Жерло, изъ котораго выбрасывались пары и каменья, къ концу изверженія повидимому закрылось, и образовало глубокую котловину. Отъ дождей, растаявшаго снѣга и льда, эта котловина обратилась въ нагорное озеро, которое, по свойству своему, болѣе походило на грязное болото, и сдерживалось какъ бы плотиною навесенными туда каменьями и глиною. Но сильнымъ напоромъ грязной массы плотина была прорвана. Тогда грязные потоки со всею быстротою ринулись по склонамъ горы, разлились по равнинѣ, вторглись въ русло Карасу, и измѣнили его теченіе. Въ стремленіи своемъ они увлекли все встрѣчавшееся на пути, оставшіяся еще деревья, обломки горныхъ породъ и трупы погибшихъ жителей Аргури. Вся страна, болѣе нежели на 25 верстѣ въ окружности, долгое время представляла собою сплошное илстое болото.

Грязные потоки повторялись три раза и, какъ сказываютъ, сопровождались подземными ударами. Если это послѣднее обстоятельство справедливо, то, быть-можетъ, эти потоки имѣли другое значеніе нежели какое мы придали имъ въ началѣ. Не выходили ли они изнутри земли? не были ли это размягченные водяными парами и газами трахиты, подобно мойфъ, извергаемой юго-американскими вулканами? Относительно этого Вагнеру невозможно было собрать достаточныхъ свѣдѣній, и вопросъ остался нерѣшеннымъ. Впрочемъ, изверженіе Арарата, кромѣ этого вопроса, представляло такъ много геологическаго интереса, что необходимо требовало болѣе точнаго изслѣдованія. Вопросъ объ Араратѣ становился теперь какъ бы общимъ вопросомъ о кавказскихъ вулканахъ, и открывалъ обширное поприще для геологовъ.

Само собою разумѣется, что всего сподручнѣе было выступить на это поприще русскимъ геологамъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, никто не имѣлъ на это столько правъ, какъ дерптскій профессоръ Абихъ. Еще задолго до араратскаго изверженія онъ имѣлъ возможность весьма коротко познакомиться съ вулканическими явленіями западной Европы, особенно Этны и Везувія. Карты этихъ двухъ вулкановъ, составленныя Абихомъ, почитаются образцовыми.

Г. Щуровскій.

(До слѣд. №.)

ОТЦЫ И ДѢТИ.

I.

— Что, Петръ? не видать еще? спрашивалъ 20-го мая 1859 года, выходя безъ шапки на низкое крылечко постоянного двора на*** шоссе, баринъ лѣтъ сорока пяти, въ запыленномъ пальто и клѣтчатыхъ панталонахъ, у своего слуги, молодого и щекастаго малаго съ бѣловатымъ пухомъ на подбородкѣ и маленькими тусклыми глазенками.

Слуга, въ которомъ все, и бирюзовая сережка въ ухѣ, и напомаженные разноцвѣтные волосы, и учтивыя тѣлодвиженія, словомъ, все изобличало человѣка новѣйшаго, усовершенствованнаго поколѣнія, посмотрѣлъ свисходительно вдоль дороги и отвѣтствовалъ: „никакъ нѣтъ-съ, не видать.“

— Не видать? повторилъ баринъ.

— Не видать, вторично отвѣтствовалъ слуга.

Баринъ вздохнулъ и присѣлъ на скамеечку. Познакомимъ съ нимъ читателя, пока онъ сидитъ подогнувши подъ себя ножки и задумчиво поглядывая кругомъ.

Зовутъ его Николаемъ Петровичемъ Курсановымъ. У него въ пятнадцать верстахъ отъ постоянного дворака хорошее имѣнiе въ двѣсти душъ, или, какъ онъ выражается, съ тѣхъ поръ какъ размежевався съ крестьянами и завелъ „ферму“,—въ двѣ тысячи десятинъ земли. Отецъ его, боевой генералъ 1812 года, полуграмотный, грубый, но не злой русскій человѣкъ, всю жизнь свою тянулъ лямку, командо-

валъ сперва бригадой, потомъ дивизіей, и постоянно жилъ въ провинціи, гдѣ въ силу своего чина игралъ довольно значительную роль. Николай Петровичъ родился на югѣ Россіи, подобно старшему своему брату, Павлу, о которомъ рѣчь впереди, и воспитывался до четырнадцатилѣтняго возраста дома, окруженный дешевыми гувернерами, развязными, но подобострастными адъютантами и прочими полковыми и штабными личностями. Родительница его, изъ фамиліи Колязиныхъ, въ дѣвцахъ Agathe, а въ генеральшахъ Агаѳоклея Кузьминишна Кирсанова, принадлежала къ числу „матушекъ командиршъ“, носила пышные чепцы и шумныя шелковыя платья, въ церкви подходила первая ко кресту, говорила громко и много, допускала дѣтей утромъ къ ручкѣ, на ночь ихъ благословляла,—словомъ жила, въ свое удовольствіе. Въ качествѣ генеральскаго сына, Николай Петровичъ—хотя не только не отличался храбростью, но даже заслужилъ прозвище трусишки — долженъ былъ, подобно брату Павлу, поступить въ военную службу; но онъ переломилъ себѣ ногу въ самый тотъ день, когда уже было извѣстіе объ его опредѣленіи и, пролежавъ два мѣсяца въ постели, на всю жизнь остался „хроменькимъ“. Отецъ махнулъ на него рукой и пустилъ его по штатской. Онъ повезъ его въ Петербургъ, какъ только ему минулъ восемнадцатый годъ, и помѣстилъ его въ университетъ. Кстати братъ его о ту пору вышелъ офицеромъ въ гвардейскій полкъ. Молодые люди стали жить вдвоемъ на одной квартирѣ подъ отдаленнымъ надзоромъ двоюроднаго дяди съ материнской стороны, Ильи Колязина, важнаго чиновника. Отецъ ихъ вернулся къ своей дивизіи и къ своей супругѣ, и лишь изрѣдка присылалъ сыновьямъ большія четвертушки сѣрой бумаги, испещренныя размашистымъ писарскимъ почеркомъ. На концѣ этихъ четвертушекъ красовались, старательно окруженныя „выкрутасами,“ слова: „Піотръ Кирсановъ, генераль-маіоръ“. Въ 1835 году Николай Петровичъ вышелъ изъ университета кандидатомъ, и въ томъ же году генераль Кирсановъ, уволенный въ отставку за неудачный смотръ, пріѣхалъ въ Петербургъ съ женою на житье. Онъ нанялъ было домъ у Таврическаго сада и записался въ англійскій клубъ, но внезапно умеръ отъ удара. Агаѳоклея Кузьминишна скоро за нимъ послѣдовала: она не могла привыкнуть къ глухой

столичной жизни; тоска отставнаго существованья ее загрызла. Между тѣмъ Николай Петровичъ успѣлъ, еще при жизни родителей и къ немалому ихъ огорченію, влюбиться въ дочку чиновника Преполовенскаго, бывшаго хозяина его квартиры, миловидную и, какъ говорится, развитую дѣвицу: она въ журналахъ читала серіозныя статьи въ отдѣлѣ „Наука“. Онъ женился на ней, какъ только минулъ срокъ траура и, покинувъ министерство удѣловъ, куда по протекціи отецъ его записалъ, блаженствовалъ со своею Машей сперва на дачѣ около Лѣснаго Института, потомъ въ городѣ, въ маленькой и хорошенькой квартирѣ съ чистою лѣстницей и холодноватою гостиною; наконецъ—въ деревнѣ, гдѣ онъ поселился окончательно и гдѣ у него въ скоромъ времени родился сынъ, Аркадій. Супруги жили очень хорошо и тихо: они почти никогда не разставались, читали вмѣстѣ, играли въ четыре руки на фортепьяно, пѣли дуэты; она сажала цвѣты и наблюдала за птичьимъ дворомъ, онъ изрѣдка ѣздилъ на охоту и занимался хозяйствомъ, а Аркадій росъ-да-росъ—тоже хорошо и тихо. Десять лѣтъ прошло какъ сонъ. Въ 47-мъ году жена Кирсанова скончалась. Онъ едва вынесъ этотъ ударъ, посѣдѣлъ въ нѣсколько недѣль; собрался было за границу, чтобы хотя немного разсвѣяться... но тутъ насталъ 48-й годъ. Онъ поневолѣ вернулся въ деревню и послѣ довольно продолжительнаго бездѣйствія занялся хозяйственными преобразованіями. Въ 55-мъ году онъ повезъ сына въ университетъ; прожилъ съ нимъ три зимы въ Петербургѣ, почти никуда не выходя и стараясь заводить знакомства съ молодыми товарищами Аркадія. На послѣднюю зиму онъ пріѣхать не могъ,—и вотъ мы видимъ его въ маѣ мѣсяцѣ 1859 года уже совсѣмъ сѣдаго, пухленькаго и немного спорбленнаго: онъ ждетъ сына, получившаго, какъ нѣкогда онъ самъ, званіе кандидата.

Слуга, изъ чувства приличія, а можетъ быть и не желая остаться подъ барскимъ глазомъ, зашелъ подъ ворота и закурилъ трубку. Николай Петровичъ поникъ головою и началъ глядѣть на ветхія ступеньки крылечка: крупный, пестрый дылаенокъ степенно расхаживалъ по нимъ, крѣпко стуча своими большими желтыми ногами; запачканная копка недружелюбно посматривала на него, жеманно прикурнувъ на перила. Солнце пекло; изъ полу-темныхъ сѣней стоялаго двора несло запахомъ теплаго ржанаго хлѣба.

Замечтался нашъ Николай Петровичъ. „Сынъ..... кандидатъ..... Аркаша“..... безпрестанно вертѣлось у него въ головѣ; онъ пытался думать о чемъ-нибудь другомъ, и опять возвращались тѣ же мысли. Вспомнилась ему покойница жена..... „Не дождалась!“ шепнулъ онъ уныло..... Толстый сизый голубь прилетѣлъ на дорогу и поспѣшно отправился пить въ лужицѣ возлѣ колодца. Николай Петровичъ сталъ глядѣть на него, а ухо его уже ловило стукъ приближавшихся колесъ...

— Никакъ они ѣдутъ-сь, доложилъ слуга, вынырнувъ изъ-подъ воротъ.

Николай Петровичъ вскочилъ и устремилъ глаза вдаль дороги. Показался тарантасъ, запряженный тройкой ямскихъ лошадей, въ тарантасѣ мелькнулъ околышъ студентской фуражки, знакомый очеркъ дорогаго лица...

— Аркаша! Аркаша! закричалъ Кирсановъ, и побѣжалъ, и замахалъ руками... Нѣсколько мгновений спустя, его губы уже прильнули къ безбородой, запыленной и загорѣлой щекѣ молодаго кандидата.

II.

— Дай же отряхнуться, папаша, говорилъ нѣсколько сильнѣе отъ дороги, но звонкимъ юношескимъ голосомъ Аркадій, весело отвѣчая на отцовскія ласки,—я тебя всего запачкаю.

— Ничего, твердилъ, умиленно улыбаясь, Николай Петровичъ, и раза два ударилъ рукою по воротнику сыновней шинели и по собственному пальто.—Покажи-ка себя, покажи-ка, прибавилъ онъ, отодвигаясь и тотчасъ же пошелъ торопливыми шагами къ постоялому двору, приговаривая: „вотъ сюда, сюда, да лошадей поскорѣе“.

Николай Петровичъ казался гораздо встревоженнѣе своего сына; онъ словно потерялся не много, словно робѣлъ. Аркадій остановилъ его.

— Папаша, сказалъ онъ, позволь познакомить тебя съ моимъ добрымъ пріятелемъ, Базаровымъ, о которомъ я тебѣ такъ часто писалъ. Онъ такъ любезенъ, что согласился погостить у насъ.

Николай Петрович быстро обернулся и, подойдя къ человеку высокаго роста въ длинномъ балахонѣ съ кистями, только что выльзшему изъ тарантаса, крѣпко стиснулъ его обнаженную, красную руку, которую тотъ не съ разу ему подалъ.

— Душевно радъ, началъ онъ,—и благодаренъ за доброе намѣреніе посѣтить насъ, надѣюсь... позвольте узнать ваше имя и отчество?

— Евгений Васильевъ, отвѣчалъ Базаровъ лѣнивымъ но мужественнымъ голосомъ, и отвернувъ воротникъ балахона, показалъ Николаю Петровичу все свое лицо. Длинное и худое, съ широкимъ угреватымъ лбомъ, кверху плоскимъ, книзу заостреннымъ носомъ, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочнаго цвѣту, оно оживлялось спокойною улыбкой и выражало самоувѣренность и умъ.

— Надѣюсь, любезнѣйшій Евгений Васильичъ, что вы не соскучитесь у насъ, продолжалъ Николай Петровичъ.

Тонкія губы Базарова чуть тронулись, но онъ ничего не отвѣчалъ и только приподнял фуражку. Его темно-бѣлокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупныхъ выпуклостей просторнаго черепа.

— Такъ какъ же, Аркадій, заговорилъ опять Николай Петровичъ, оборачиваясь къ сыну,—сейчасъ закладывать лошадей, что ли? Или вы отдохнуть хотите?

— Дома отдохнемъ, папаша; вели закладывать.

— Сейчасъ, сейчасъ, подхватилъ отецъ.—Эй, Петръ, слышишь? Распорядись, братецъ, поживѣе.

Петръ который въ качествѣ усовершенствованнаго слуги не подошелъ къ ручкѣ барича, а только издали поклонился ему, снова скрылся подъ воротами.

— Я здѣсь съ коляской, но и для твоего тарантаса есть тройка, хлопотливо говорилъ Николай Петровичъ, между тѣмъ какъ Аркадій пилъ воду изъ желѣзнаго ковшика, привнесеннаго хозяйкой постоялаго двора, а Базаровъ закурилъ трубку и подошелъ къ ямщику, отпрягавшему лошадей:—только коляска двумѣстная, и вотъ я не знаю, какъ твой пріятель...

— Онъ въ тарантасѣ поѣдетъ, перебилъ вполголоса Аркадій.—Ты съ нимъ, пожалуйста, не церемонься. Онъ чудесный малый, такой простой, ты увидишь.

Кучеръ Николая Петровича вывелъ лошадей.

— Ну, поворачивайся, толстобородый! обратился Базаровъ къ ямщику.

— Слышь, Митюха, подхватилъ другой тутъ же стоявшій ямщикъ съ руками, засунутыми въ заднія прорѣхи тулупа,—баринъ-то тебя какъ прозвалъ. Тостобородый и есть.

Митюха только шапкой тряхнулъ и потащилъ вожжи съ потной коренной.

— Живѣй, живѣй, ребята, подсобляйте, воскликнулъ Николай Петровичъ,—на водку будетъ.

Въ нѣсколько минутъ лошади были заложены; отецъ съ сыномъ помѣстились въ коляскѣ; Петръ взобрался на козлы; Базаровъ вскочилъ въ тарантасъ и уткнулся головой въ кожаную подушку,—и оба экипажа покатали.

III.

— Такъ вотъ какъ, наконецъ ты кандидатъ и домой приѣхалъ, говоритъ Николай Петровичъ, потрогивая Аркадія то по плечу, то по колѣну...—Наконецъ!

— А что дядя? здоровъ? спросилъ Аркадій, которому, несмотря на искреннюю, почти дѣтскую радость, его наполнившую, хотѣлось поскорѣе перевести разговоръ съ настроенія взволнованнаго на обыденное.

— Здоровъ. Онъ хотѣлъ было выѣхать со мной къ тебѣ навстрѣчу, да почему-то раздумалъ.

— А ты долго меня ждалъ? спросилъ Аркадій.

— Да часовъ около пяти.

— Добрый папаша!

Аркадій живо повернулся къ отцу и звонко поцѣловалъ его въ щеку. Николай Петровичъ тихонько засмѣялся.

— Какую я тебѣ славную лошадь приготовилъ! началъ онъ:—ты увидишь. И комната твоя теперь оклеена обоями.

— А для Базарова комната есть?

— Найдется и для него.

— Пожалуста, папаша, приласкай его. Я не могу тебѣ выразить, до какой степени я дорожу его дружбой.

-- Ты недавно съ нимъ познакомился?

— Недавно.

— То-то прошлою зимой я его не видалъ. Онъ чѣмъ занимается?

— Главный предметъ его—естественныя науки. Да онъ все знаетъ. Онъ въ будущемъ году хочетъ держать на доктора.

— А! онъ по медицинскому факультету, замѣтилъ Николай Петровичъ и помолчалъ.—Петръ, прибавилъ онъ и протянулъ руку,—это никакъ, наши мужики ѣдутъ?

Петръ глянулъ въ сторону, куда указывалъ баринъ. Нѣсколько телѣгъ, запряженныхъ разнузданными лошадьми, шибко катились по узкому проселку. Въ каждой телѣгѣ сидѣло по одному, много по два мужика въ тулупахъ на распашку.—Точно такъ-съ, промолвилъ Петръ.

— Куда это они ѣдутъ, въ городъ, что ли?

— Полагать надо, что въ городъ. Въ кабакъ, прибавилъ онъ презрительно и слегка наклонился къ кучеру, какъ бы ссылаясь на него. Но тотъ даже не пошевелинулся: это былъ человѣкъ стараго закала, не раздѣлявшій новѣйшихъ воззрѣній.

— Хапопы у меня большія съ мужиками въ нынѣшнемъ году, продолжалъ Николай Петровичъ, обращаясь къ сыну. Не платятъ оброка. Что ты будешь дѣлать?

— А своими наемными работниками ты доволенъ?

— Да, процѣдилъ сквозь зубы Николай Петровичъ.—Подбиваютъ ихъ, вотъ что бѣда: ну, и настоящаго старанія все еще нѣту. Сбрую портятъ. Пахали, впрочемъ, ничего. Перемелется—мука будетъ. Да развѣ тебя теперь хозяйство занимаетъ?

— Тыни нѣтъ у насъ, вотъ что горе, замѣтилъ Аркадій, не отвѣчая на послѣдній вопросъ.

— Я съ сѣверной стороны надъ балкономъ большую маркизу придѣлалъ, промолвилъ Николай Петровичъ, теперь и обдѣлать можно на воздухъ.

— Что-то на дачу больно похоже будетъ, а впрочемъ, это все пустяки. Какой за то здѣсь воздухъ! Какъ славно пахнетъ! Право, мнѣ кажется, нигдѣ въ мѣрѣ такъ не пахнетъ, какъ въ здѣшнихъ краяхъ! Да и небо здѣсь...

Аркадій вдругъ остановился, бросилъ косвенный взглядъ назадъ и умолкъ.

— Конечно, замѣтилъ Николай Петровичъ, — ты здѣсь

родился, тебѣ все должно казаться здѣсь чѣмъ-то особеннымъ...

— Ну, папаша, это все равно, гдѣ бы человекъ ни родился.

— Однако.

— Нѣтъ, это совершенно все равно.

Николай Петровичъ посмотрѣлъ сбоку на сына, и коляска проѣхала съ полверсты, прежде чѣмъ разговоръ возобновился между ними.

— Я не помню, писалъ ли я тебѣ, началъ Николай Петровичъ,—твоя бывшая нянюшка, Егоровна скончалась.

— Неужели? Бѣдная старуха! А Прокофьичъ живъ?

— Живъ и нисколько не измѣнился. Все также брызжитъ. Вообще ты большихъ перемѣнъ въ Марьянѣ не найдешь.

— Прикащикъ у тебя все тотъ же?

— Вотъ развѣ что прикащика я смѣнилъ. Я рѣшился не держать больше у себя вольноотпущенныхъ, бывшихъ дворовыхъ, или по крайней мѣрѣ, не поручать имъ никакихъ должностей, гдѣ есть отвѣтственность (Аркадій указалъ глазами на Петра). Il est libre, en effet, замѣтилъ вполголоса Николай Петровичъ,—но вѣдь онъ—камердинеръ.

Теперь у меня прикащикъ изъ мѣщанъ; кажется, дѣловитый малый. Я ему назначилъ двѣсти пятьдесятъ рублей въ годъ. Впрочемъ, прибавилъ Николай Петровичъ, потирая лобъ и брови рукою, что у него всегда служило признакомъ внутренняго смущенія,—я тебѣ сейчасъ сказалъ, что ты не найдешь перемѣнъ въ Марьянѣ... Это несомнѣнно справедливо. Я считаю своимъ долгомъ предупредить тебя, хотя...

Онъ запнулся на мгновенье и продолжалъ уже по-французски.

— Строгий моралистъ найдетъ мою откровенность неумѣстнойю, но, впервыхъ, это скрыть нельзя, а вовторыхъ, тебѣ извѣстно, у меня всегда были особенные принципы насчетъ отношеній отца къ сыну. Впрочемъ, ты, конечно, будешь въ правѣ осудить меня. Въ мои дѣта... Словомъ, эта... эта дѣвушка, про которую ты, вѣроятно, уже слышалъ...

— Сеничка? развязно спросилъ Аркадій.

Николай Петровичъ покраснѣлъ.—Не называй ея, пожалуйста, громко... Ну, да... она теперь живетъ у меня. Я ее

помѣстивъ въ домѣ... тамъ были двѣ небольшія комнатки. Впрочемъ, это все можно переимѣнить.

— Помилуй, папаша, зачѣмъ?

— Твой пріятель у насъ гостить будетъ... недовко...

— На счетъ Базарова ты, пожалуйста, не безпокойся. Онъ выше всего этого.

— Ну, ты наконецъ, проговорилъ Николай Петровичъ.— Флигелекъ-то плохъ—вотъ бѣда.

— Помилуй, папаша, подхватилъ Аркадій,—ты какъ будто извиняешься; какъ тебѣ не совѣстно?

— Конечно, мнѣ должно быть совѣстно, отвѣчалъ Николай Петровичъ, все болѣе и болѣе краснѣя.

— Полно, папаша, полно, сдѣлай одоженіе!—Аркадій ласково улыбнулся. „Въ чемъ извиняется!“ подумалъ онъ про себя и чувство снисходительной нѣжности къ доброму и мягкому отцу, смѣшанное съ ощущеніемъ какого-то тайнаго превосходства, наполнило его душу.—Перестань, пожалуйста, повторилъ онъ еще разъ, неволью наслаждаясь сознаниемъ собственной развитости и свободы.

Николай Петровичъ глянулъ на него изъ-подъ пальцевъ руки, которою онъ продолжалъ тереть себѣ лобъ, и что-то кольнуло его въ сердце... Но онъ тутъ же обвинилъ себя.

— Вотъ это ужъ наши поля пошли, проговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— А это впереди, кажется, нашъ лѣсъ? спросилъ Аркадій.

— Да, нашъ. Только я его продалъ. Въ нынѣшнемъ году его сводить будутъ.

— Зачѣмъ ты его продалъ?

— Деньги были нужны; притомъ же эта земля отходить къ мужикамъ.

— Которые тебѣ оброка не платятъ?

— Это уже ихъ дѣло, а впрочемъ будутъ же они когда-нибудь платить.

— Жаль лѣса, замѣтилъ Аркадій и сталъ глядѣть кругомъ.

Мѣста, по которымъ они проѣзжали, не могли назваться живописными. Поля, все поля тянулись вплоть до самаго небосклона, то слегка вздымаясь, то опускаясь снова; кое-гдѣ видѣлись небольшіе лѣса, и, усѣянные рѣдкимъ и низкимъ кустарникомъ, вились овраги, напоминая глазу ихъ

собственное изображеніе на старинныхъ планахъ Екатерининскаго времени. Попадались и рѣчки съ обрытыми берегами, и крошечные пруды съ худыми плотинами, и деревеньки съ низкими избенками подъ темными, часто до половины разметанными крышами, и покривившіеся молотильные сараичики съ плетеными изъ хвороста стѣнами и звѣющими воротницами, возлѣ опустѣлыхъ гумень, и церкви, то кирпичныя съ облупившеюся кое-гдѣ штукатуркой, то деревянныя съ наклонившимися крестами и разоренными кладбищами. Сердце Аркадія понемногу сжималось. Какъ нарочно мужички встрѣчались все обтерханые, на плохихъ клячонкахъ; какъ нищіе въ лохмотьяхъ, стояли придорожныя ракиты съ ободранною корой и обломанными вѣтвями; исхудалыя шершавыя, словно обглоданныя, коровы жадно щипали траву по канавамъ. Казалось, онѣ только что вырвались изъ чьихъ-то грозныхъ, смертоносныхъ когтей—и, вызванный жалкимъ видомъ обезсиленныхъ животныхъ, среди весеняго краснаго дня, вставалъ бѣлый призракъ безотрадной, безконечной зимы съ ея метелями, морозами и снѣгами... „Нѣтъ, подумалъ Аркадій, не богатый этотъ край, не поражаетъ онѣ ни довольствомъ, ни трудолюбіемъ; нельзя, нельзя ему такъ остаться, преобразованія необходимы... но какъ ихъ исполнить, какъ приступить?..“

Такъ размышлялъ Аркадій... а пока онѣ размышлялъ, весна брала свое. Все кругомъ золотисто зеленѣло, все широко и мягко волновалось и лоснилось подѣ тихимъ дыханіемъ теплаго вѣтерка, все—деревья, кусты и травы; повсюду нескончаемыми, звонкими струйками заливались жаворонки; чибиры то кричали, вѣсь надъ низменными лугами, то молча перебѣгали по кочкамъ; красиво чернѣя въ нѣжной зелени еще низкихъ яровыхъ хлѣбовъ, гуляли грачи; они пропадали во ржи, уже слегка побѣлѣвшей; лишь изрѣдка выказывались ихъ головы въ дымчатыхъ ея волнахъ. Аркадій глядѣлъ, глядѣлъ, и, понемногу ослабѣвая, исчезали его размышленія... Онѣ сбросилъ съ себя шинель, и такъ весело, такимъ молоденькимъ мальчикомъ посмотрѣлъ на отца, что тотъ опять его обнялъ.

— Теперь ужъ недалеко, замѣтилъ Николай Петровичъ, — вотъ стоить только на эту горку подняться, и домъ будетъ виденъ. Мы заживемъ съ тобой на славу, Аркаша; ты мнѣ помогать будешь по хозяйству, если только это тебѣ не

наскучить. Намъ надобно теперь тѣсно сойдтись другъ съ другомъ, узнать другъ друга хорошенько, не правда ли?

— Конечно, промолвилъ Аркадій:—но что за чудный день сегодня!

— Для твоего прїѣзда, душа моя. Да, весна въ полномъ блескѣ. А впрочемъ, я согласенъ съ Пушкинымъ—помнишь, въ Евгениіи Онегинѣ.

Какъ грустно мнѣ твое явленье.

Весна, весна, пора любви!

Какое...

— Аркадій! раздался изъ тарантаса голосъ Базарова:— пришли мнѣ спичку, нѣтъ ли трубку раскурить.

Николай Петровичъ умолкъ, а Аркадій, который началъ было слушать его не безъ нѣкотораго изумленія, но и не безъ сочувствія, успѣшилъ достать изъ кармана серебряную коробочку со спичками и послалъ ее Базарову съ Петромъ.

— Хочешь сигарку? закричалъ опять Базаровъ.

— Давай, отвѣчалъ Аркадій.

Петръ вернулся къ коляскѣ и вручилъ ему вмѣстѣ съ коробочкой толстую, черную сигарку, которую Аркадій немедленно закурилъ, распространяя вокругъ себя такой крѣпкій и кислый запахъ заматерѣлаго табаку, что Николай Петровичъ, отроду не курившій, поневолѣ, хотя незамѣтно чтобы не обидѣть сына, отворачивалъ носъ.

Четверть часа спустя, оба экипажа остановились передъ крыльцомъ новаго деревяннаго дома, выкрашеннаго сѣрою краской и покрытаго желѣзною красною крышей. Это и было Марьино, Новая Слободка тожъ, или, по крестьянскому наименованью, Бобылій Хуторъ.

IV.

Толпа дворовыхъ не высыпала на крыльцо встрѣчать господъ; показалась всего одна дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, а вслѣдъ за ней вышелъ изъ дому молодой парень, очень похожій на Петра, одѣтый въ сѣрую ливрейную куртку съ бѣлыми гербовыми пуговицами, слуга Павла Петровича Кирсанова. Онъ молча отворилъ дверцу коляски и отстегнулъ фартукъ тарантаса. Николай Петровичъ съ сыномъ и

съ Базаровымъ отправились черезъ темную и почти пустую залу, изъ-за двери которой мелькнуло молодое женское лицо, въ гостиную убранную уже въ новѣйшемъ вкусѣ.

— Вотъ мы и дома, промолвилъ Николай Петровичъ, снимая картузь и встряхивая волосами.— Главное, надо теперь поужинать и отдохнуть.

— Повѣсть, дѣйствительно, не худо, замѣтилъ потягиваясь Базаровъ и опустился на диванъ.

— Да, да, ужинать давайте, ужинать поскорѣе.— Николай Петровичъ безо всякой видимой причины потопалъ погами.— Вотъ кстати и Прокофьичъ.

Вошелъ человекъ лѣтъ шестидесяти, бѣловолосый, худой и смуглый, въ коричневомъ фракѣ съ мѣдными пуговицами и въ розовомъ платочкѣ на шеѣ. Онъ ослабился, подошелъ къ ручкѣ къ Аркадію, и поклонившись гостю, отступилъ къ двери и положилъ руки за спину.

— Вотъ онъ, Прокофьичъ, началъ Николай Петровичъ,— пріѣхалъ къ намъ наконецъ... Чтò? какъ ты его находишь?

— Въ лучшемъ видѣ-съ, проговорилъ старикъ и опять ослабился, но тотчасъ же нахмурилъ свои густыя брови.— На столъ накрывать прикажете? проговорилъ онъ внушительно.

— Да, да, пожалуста. Но не пройдетъ ли вы сперва въ вашу комнату, Евгений Васильичъ?

— Нѣтъ, благодарствуйте, незачѣмъ. Прикажете только чемоданишко мой туда стащить, да вотъ эту одежонку, прибавилъ онъ, снимая съ себя свой балахонъ.

— Очень хорошо. Прокофьичъ, возьми же ихъ шинель. (Прокофьичъ, какъ бы съ недоумѣніемъ взялъ обѣими руками Базаровскую „одежонку„ и, высоко поднявъ ее надъ головою, удалился на цыпочкахъ.) А ты, Аркадій, пойдешь къ себѣ на минутку?

— Да, надо почиститься, отвѣчалъ Аркадій и направился было къ дверямъ, но въ это мгновеніе вошелъ въ гостиную человекъ средняго роста, одѣтый въ темный англійскій *сьютъ*, модный низенькій галстукъ и лаковые полусапожки, Павелъ Петровичъ Кирсановъ. На видъ ему было лѣтъ сорокъ пять: его коротко остриженные сѣдые волосы отливали темнымъ блескомъ, какъ новое серебро, лицо его, желчное, но безъ морщинъ, необыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонкимъ и легкимъ рѣзцомъ

являло слѣды красоты замѣчательной: особенно хороши были свѣтлые, черные, продолговатые глаза. Весь обликъ Аркадіева дяди, изящный и породистый, сохранилъ юношескую стройность и то стремленіе вверхъ, прочь отъ земли, которое большею частью исчезаетъ послѣ двадцатыхъ годовъ.

Павель Петровичъ вынулъ изъ панталонъ свою красивую руку съ длинными розовыми ногтями, руку, казавшуюся еще красивѣй отъ свѣтлой бѣлизны рукавчика, застегнутаго одинокимъ крупнымъ опаломъ, и подаль ее племяннику. Совершивъ предварительно европейское „shake hands“, онъ три раза, порусски, поцѣловался съ нимъ, то-есть три раза прикоснулся своими душистыми усами до его щекъ, и проговорилъ: „Добро пожаловать.“ Николай Петровичъ представилъ его Базарову: Павель Петровичъ слегка наклонилъ своей гибкій станъ и слегка улыбнулся, но руки не подаль и даже положилъ ее обратно въ карманъ.

— Я уже думалъ, что вы не придѣте сегодня, заговорилъ онъ пріятнымъ гортаннымъ голосомъ, любезно покачиваясь, подергивая плечами и показывая прекрасные бѣлые зубы.—Развѣ чтѣ на дорогѣ случилось?

— Ничего не случилось отвѣчалъ Аркадій,—такъ, замѣшались немного. За то мы теперь голодны, какъ волки. Поторопи Прокофѣича, папаша, а я сейчасъ вернусь.

— Постой, я съ тобой пойду, вскрикнулъ Базаровъ, внезапно порываясь съ дивана. Оба молодые человѣка вышли.

— Кто сей? спросилъ Павель Петровичъ.

— Пріятель Аркаши, очень, по его словамъ, умный человѣкъ.

— Онъ у насъ гостить будетъ?

— Да.

— Этотъ волосатый?

— Ну, да.

Павель Петровичъ постучалъ ногтями по столу.—Я нахожу, что Аркадій s'est dégonrdi, замѣтилъ онъ.—Я очень радъ его возвращенію.

За ужиномъ разговаривали мало. Особенно Базаровъ почти ничего не говорилъ, но ѣлъ много. Николай Петровичъ разказывалъ разные случаи изъ своей, какъ онъ выражался, фермерской жизни, толковалъ о предстоящихъ правительственныхъ мѣрахъ, о комитетахъ, о депутатахъ, о необходимости заводить машины и т. д. Павель Петро-

вичъ медленно похаживалъ взадъ и впередъ по столовой (онъ никогда не ужиналъ), изрѣдка отхлебывая изъ рюмки наполненной краснымъ виномъ, и еще рѣже произнося короткое словечко, или скорѣе восклицаніе, въ родѣ: „А! Эге! Гм!“ Аркадій сообщалъ нѣсколько петербургскихъ новостей, но онъ ощущалъ небольшую неловкость, ту неловкость, которая обыкновенно овладѣваетъ молодымъ человѣкомъ, когда онъ только что пересталъ бить ребенкомъ и возвратился въ мѣсто, гдѣ привыкли видѣть и считать его ребенкомъ. Онъ безъ нужды растягивалъ свою рѣчь, избѣгалъ слова „папаша“ и даже разъ замѣнилъ его словомъ „отецъ“, произнесеннымъ, правда, сквозь зубы; съ излишнею развязностью налилъ себѣ въ стаканъ гораздо больше вина чѣмъ самому хотѣлось, и выпилъ все вино. Прокофьичъ не спускалъ съ него глазъ и только губами пожевывалъ. Послѣ ужина всѣ тотчасъ разошлись.

— А чудоковать у тебя дядя, говорилъ Аркадію Базаровъ, сидя въ халатѣ возлѣ его постели и насасывая короткую трубочку.—Щегольство какое въ деревнѣ, подумаешь! Ногти-то, ногти, хоть на выставку посылай!

— Да вѣдь ты не знаешь, отвѣтилъ Аркадій,—вѣдь онъ львомъ былъ въ свое время. Я когда-нибудь разкажу тебѣ его исторію. Вѣдь онъ красавцемъ былъ; голову кружилъ женщинамъ.

— Да, вотъ что! По старой, значить, памяти. Плънять-то здѣсь, жаль, некого. Я все смотрѣлъ: эдакіе у него удивительные воротнички, точно каменные, и подбородокъ такъ аккуратно выбритъ. Аркадій Николаичъ, вѣдь это смѣшно?

— Пожалуй; только онъ, право, хорошій человѣкъ.

— Архаическое явленіе! А отецъ у тебя славный малый. Стихи онъ напрасно читаетъ, и въ хозяйствѣ врядъ ли смыслить, но онъ добрякъ.

— Отецъ у меня золотой человѣкъ.

— Замѣтилъ ли ты, что онъ робѣетъ?

Аркадій качнулъ головою, какъ будто онъ самъ не робѣлъ.

— Удивительное дѣло, продолжалъ Базаровъ,—эти старенькіе романтики! Разовьютъ въ себѣ нервную систему до раздраженія, ну, равновѣсіе и нарушено. Однако, прощай! Въ моей комнатѣ англійскій рукомоиникъ, а дверь не запирается. Все-таки это поощрять надо—англійскіе рукомоиники то-есть; прогрессъ!

Базаровъ ушелъ, а Аркадіемъ овладѣло радостное чувство: сладко засыпать въ родимомъ домѣ, на знакомой постели, подъ одѣяломъ, надъ которымъ трудились любимыя руки, быть-можетъ, руки нянюшки, тѣ ласковыя, добрыя и неутомимыя руки. Аркадій вспомнилъ Егоровну, и вздохнулъ, и пожелалъ ей царствія небеснаго... О себѣ онъ не молился.

И онъ, и Базаровъ заснули скоро, но другія лица въ домѣ долго еще не спали. Возвращеніе сына взволновало Николая Петровича. Онъ легъ въ постель, но не загасилъ свѣчки и, подперши рукою голову, думалъ долгія думы. Братъ его сидѣлъ далеко за полночь въ своемъ кабинетѣ, на широкомъ гамбсовомъ креслѣ, передъ каминомъ, въ которомъ слабо тлѣлъ каменный уголь. Павелъ Петровичъ не раздѣлся, только китайскія красныя туфли безъ задковъ сбѣгали на его ногахъ лаковые полусапожки. Онъ держалъ въ рукахъ послѣдній нумеръ *Galignani*, но онъ не читалъ; онъ глядѣлъ пристально въ каминъ, гдѣ, то замирая, то вспыхивая, вздрагивало голубоватое пламя... Богъ знаетъ, гдѣ бродили его мысли, но ни въ одномъ только прошедшемъ бродили онъ: выраженіе его лица было сосредоточенно и угрюмо, чего не бываетъ, когда человѣкъ занятъ одними воспоминаніями. А въ маленькой задней комнаткѣ, на большомъ сундукѣ, сидѣла въ голубой душегрѣвкѣ и съ наброшеннымъ бѣлымъ платкомъ на темныхъ волосахъ, молодая женщина, Феничка, и то прислушивалась, то дремала, то посматривала на растворенную дверь, изъ-за которой видѣлась маленькая кроватка и слышалось ровное дыханіе спящаго ребенка.

V.

На другое утро Базаровъ раньше всѣхъ проснулся и вышелъ изъ дому. „Эге!“ подумалъ онъ, посмотрѣвъ кругомъ: „мѣстечко-то не казисто.“ Когда Николай Петровичъ разжевался съ своими крестьянами, ему пришлось отвести подъ новую усадьбу десятины четыре совершенно ровнаго и голаго поля. Онъ построилъ домъ, службы и ферму, разбилъ садъ, выкопалъ прудъ и два колодца, но молодыя деревца плохо принимались, въ прудѣ воды набралось очень мало, и колодцы оказались солонковаго вкуса. Одна только

бесѣдка изъ сиреней и акаціи порядочно разрослась; въ ней иногда пили чай и обѣдали. Базаровъ въ нѣсколько минутъ обѣгалъ всѣ дорожки сада, зашелъ на скотный дворъ, на конюшню, отыскалъ двухъ дворовыхъ мальчишекъ, съ которыми тотчасъ свелъ знакомство и отправился съ ними въ небольшое болотце, съ версту отъ усадьбы, за лягушками.

— На что тебѣ лягушки, баринъ? спросилъ его одинъ изъ мальчиковъ.

— А вотъ на что, отвѣчалъ ему Базаровъ, который владелъ особеннымъ умѣньемъ возбуждать къ себѣ довѣріе въ людяхъ низшихъ, хотя онъ никогда не потакалъ имъ и обходился съ ними небрежно,—я лягушку распластаю да посмотрю что у нея тамъ внутри дѣлается; а такъ какъ мы съ тобой тѣ же лягушки, только что на ногахъ ходимъ, я и буду знать что и у насъ внутри дѣлается.

— Да начто тебѣ это?

— А чтобы не ошибиться, если ты заемежешь и мнѣ тебя лѣчить придется?

— Развѣ ты дохтуръ?

— Да.

— Васька, слышь, баринъ говоритъ, что мы съ тобой тѣ же лягушки. Чудно!

— Я ихъ боюсь, лягушекъ-то, замѣтилъ Васька, мальчикъ лѣтъ семи, съ бѣлою какъ лень головою, въ толстомъ свромѣ казакинѣ съ стоячимъ воротникомъ, и босой.

— Чего бояться? Развѣ онѣ кусаются?

— Ну, подѣзайте въ воду, философы, промолвилъ Базаровъ.

Между тѣмъ Николай Петровичъ тоже проснулся и отправился къ Аркадію, котораго засталъ одѣтымъ. Отецъ и сынъ вышли на террасу подѣ навѣсъ маркизы; возлѣ перилъ на столѣ, между большими букетами сирени, уже кипѣлъ самоваръ. Явилась дѣвочка та самая, которая наканунѣ первая встрѣтила пріѣзжихъ на крыльцѣ, и тонкимъ голосомъ проговорила:

— Оедосья Николавна не совсѣмъ здоровы, придти не могутъ; приказали васъ спросить, вамъ самимъ угодно разлить чѣ или прислать Дуняшу?

— Я самъ разолью, самъ поспѣшно подхватилъ Николай Петровичъ.—Ты, Аркадій, съ чѣмъ пьешь чай, со сливками или съ лимономъ?

— Со слівками, отвѣчалъ Аркадій, и помолчавъ немного, вопросительно произнесъ:—папаша?

Николай Петровичъ съ замѣшательствомъ посмотрѣлъ на сына.—Что? промолвилъ онъ.

Аркадій опустилъ глаза.—Извини, папаша, если мой вопросъ тебѣ покажется неумѣстнымъ, началъ онъ, — но ты самъ, вчерашнею своею откровенностью, меня вызываешь на откровенность... ты не разсердишься?..

— Говори.

— Ты мнѣ даешь смѣлость спросить тебя... Не отъ того ли Оен.... не оттого ли она не приходитъ сюда чай разливать, что я здѣсь?

Николай Петровичъ слегка отвернулся.—Можетъ-быть, проговорилъ онъ наконецъ,—она предполагаетъ... она стыдится...

Аркадій быстро вскинулъ глазами на отца.

— Напрасно жъ она стыдится. Впервыхъ, тебѣ извѣстенъ мой образъ мыслей (Аркадію очень было пріятно произнести эти слова), а вовторыхъ—захочу ли я хоть на волосъ стѣснять твою жизнь, твои привычки? Притомъ, я увѣренъ, ты не могъ сдѣлать дурной выборъ; если ты позволилъ ей жить съ тобой подъ одною кровлей, стало-быть она это заслуживаетъ: во всякомъ случаѣ, сынъ отцу не судья, и въ особенности я, и въ особенности такому отцу, который, какъ ты, никогда и ни въ чемъ не стѣснялъ моей свободы.

Голосъ Аркадія дрожалъ сначала, онъ чувствовалъ себя великодушнымъ, однако въ то же время понималъ, что читаетъ нѣчто въ родѣ наставленія своему отцу; но звукъ собственныхъ рѣчей сильно дѣйствуетъ на человѣка, и Аркадій произнесъ послѣднія слова твердо, даже съ эффектомъ.

— Спасибо, Аркаша, глухо заговорилъ Николай Петровичъ, и пальцы его опять заходили по бровямъ и по лбу.—Твои предположенія, дѣйствительно, справедливы. Конечно, есаибъ эта дѣвушка не стоила... Это не легкомысленная прихоть. Мнѣ не ловко говорить съ тобой объ этомъ; но ты понимаешь, что ей трудно было придти сюда, при тебѣ, особенно въ первый день твоего пріѣзда.

— Въ такомъ случаѣ я самъ пойду къ ней, воскликнулъ Аркадій съ новымъ приливомъ великодушныхъ чувствъ, и

вскочилъ со стула.—Я ей растолкую, что ей нечего меня стыдиться.

Николай Петровичъ тоже всталъ.—Аркадій, началъ онъ, сдѣлай одолженіе... какъ же можно.... Тамъ... Я тебя не пред-варилъ...

Но Аркадій уже не слушалъ его и убѣжалъ съ террасы. Николай Петровичъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ и въ смущеніи опустился на стулъ. Сердце его забилось... Представилась ли ему въ это мгновеніе неизбѣжная странность будущихъ отношеній между имъ и сыномъ, сознавалъ ли онъ, что едва ли не большее бы уваженіе оказалъ ему Аркадій, еслибъ онъ вовсе не касался этого дѣла, упрекалъ ли онъ самого себя въ слабости—сказать трудно: всѣ эти чувства были въ немъ, но въ видѣ ощущеній, и то неясныхъ; а съ лица не сходила краска, и сердце билось.

Послышались торопливые шаги, и Аркадій вошелъ на террасу.—Мы познакомились, отецъ! воскликнулъ онъ съ выраженіемъ какого-то ласковаго и добраго торжества на лицѣ.—Федосья Николаевна, точно, сегодня не совсѣмъ здорова и придетъ попозже. Но какъ же ты не сказалъ мнѣ, что у меня есть братъ? Я бы уже вчера вечеромъ его расцѣловалъ, какъ я сейчасъ расцѣловалъ его.

Николай Петровичъ хотѣлъ что-то вымолвить, хотѣлъ под-няться и раскрыть объятія. Аркадій бросился ему на шею.

— Чтò это? опять обнимаются? раздался сзади ихъ го-дось Павла Петровича.

Отецъ и сынъ одинаково обрадовались появленію его въ эту минуту; бываютъ положенія трогательныя, изъ кото-рыхъ все-таки хочется поскорѣе выйдти.

— Чему жь ты удивляешься? весело заговорилъ Николай Петровичъ.—Въ кои-то вѣки дождался я Аркаши... Я со вчерашняго дня и насмотрѣлся на него не успѣлъ.

— Я вовсе не удивляюсь, замѣтилъ Павелъ Петровичъ:— я даже самъ не прочь съ нимъ обняться.

Аркадій подошелъ къ дядѣ и снова почувствовалъ на ще-кахъ своихъ прикосновеніе его душистыхъ усовъ.

Павелъ Петровичъ присѣлъ къ столу. На немъ былъ изящный утренній въ англійскомъ вкусѣ костюмъ; на головѣ красовалась маленькая феска. Эта феска и небрежно по-вязанный галстучекъ намекали на свободу деревенской жизни; но тугіе воротнички рубашки, правда не бѣлой, а

пестрянкой, какъ оно и слѣдуетъ для утренняго туалета, съ обыкновенною неумолимостью упирались въ выбритый подбородокъ.

— Гдѣ же новый твой пріятель? спросилъ онъ Аркадія.

— Его дома вѣтъ; онъ обыкновенно встаетъ рано и отправляется куда-нибудь. Главное не надо обращать на него вниманія: онъ церемоній не любитъ.

— Да, это замѣтно.

Павелъ Петровичъ началъ, не торопясь, намазывать масло на хлѣбъ.—Долго онъ у насъ прогоститъ?

— Какъ придется. Онъ заѣхалъ сюда по дорогѣ къ отцу.

— А отецъ его гдѣ живетъ?

— Въ нашей же губерніи, верстъ восемьдесятъ отсюда. У него тамъ небольшое имѣніе. Онъ былъ прежде полковымъ докторомъ.

— Тэ, тэ, тэ, тэ... То-то я все себя спрашивалъ: гдѣ слышалъ я эту фамилію Базаровъ?.. Николай, помнится, въ батюшкиной дивизіи былъ лѣкаръ Базаровъ?

— Кажется, былъ.

— Точно, точно. Такъ этотъ лѣкаръ его отецъ. Гм!—Павелъ Петровичъ повелъ усамі.—Ну, а самъ господинъ Базаровъ собственно что такое? спросилъ онъ съ разстановкой.

— Что такое Базаровъ?—Аркадія усмѣхнулся.—Хотите, дядюшка, я вамъ скажу, что онъ собственно такое?

— Сдѣлай одолженіе, племянничекъ.

— Онъ нигилистъ.

— Какъ? спросилъ Николай Петровичъ, а Павелъ Петровичъ поднялъ на воздухъ ножъ съ кускомъ масла на концѣ лезвія, и остался неподвиженъ.

— Онъ нигилистъ, повторилъ Аркадія.

— Нигилистъ, проговорилъ Николай Петровичъ.—Это отъ латынскаго *nihi*, *ничего*, сколько я могу судить, стало-быть это слово означаетъ человѣка, который... который ничего не признаетъ?

— Скажи: который ничего не уважаетъ, подхватилъ Павелъ Петровичъ, и снова принялся за масло.

— Который ко всему относится съ критической точки зрѣнія, замѣтилъ Аркадія.

— А это не все равно? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, не все равно. Нигилистъ, это человекъ, который не склоняется ни передъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ.

— И что жь это хорошо? перебилъ его Павелъ Петровичъ.

— Смотря какъ кому, дядюшка. Иному отъ этого хорошо, а иному очень дурно.

— Вотъ какъ. Ну, это, я вижу, не по нашей части. Мы люди стараго вѣка, мы полагаемъ, что безъ принциповъ (Павелъ Петровичъ выговаривалъ это слово мягко, на французскій манеръ, Аркадій напротивъ произносилъ „принципъ“, налегая на первый слогъ), безъ принциповъ принятыхъ, какъ ты говоришь, на вѣру, шагу ступить, дохнуть нельзя. Vous avez changé tout cela, дай вамъ Богъ здоровья и генеральскій чинъ, а мы только любоваться вами будемъ господа... какъ бишь?

— Нигилисты, отчетливо проговорилъ Аркадій.

— Да. Прежде были гегелисты, а теперь нигилисты. Посмотримъ, какъ вы будете существовать въ пустотѣ, въ безвоздушномъ пространствѣ; а теперь позволи-ка, пожалуйста, братъ Николай Петровичъ, мнѣ пора пить мой какао.

Николай Петровичъ позволилъ и закричалъ: „Дуняша!“ Но вмѣсто Дуняши на террасу вышла сама Оеничка. Это была молодая женщина лѣтъ двадцати трехъ, вся бѣлая и мягкая, съ темными волосами и глазами, съ красными, дѣтски-пухлявыми губками и нѣжными ручками. На ней было опрятное ситцевое платье; голубая новая косынка легко лежала на ея круглыхъ плечахъ. Она несла большую чашку какао и, поставивъ ее среди Павломъ Петровичемъ, вся застыдилась: горячая кровь разлилась алою волной подъ тонкою кожей ея миловиднаго лица. Она опустила глаза и остановилась у стола, слегка опираясь на самые кончики пальцевъ. Казалось, ей и совѣстно было, что она пришла, и въ то же время она какъ будто чувствовала, что имѣла право придти.

Павелъ Петровичъ строго нахмурилъ брови, а Николай Петровичъ смутился.—Здравствуй Оеничка, проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Здравствуйте-съ, отвѣтила она не громкимъ, но звучнымъ голоскомъ и, глянувъ искоса на Аркадія, который

дружелюбно ей улыбаясь, тихонько вышла. Она ходила немножко въ развалку, но и это къ ней пристало.

На террасѣ въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній господствовало молчаніе. Павелъ Петровичъ похлебывалъ свой какао, и вдругъ поднялъ голову.—Вотъ и господинъ нигилистъ къ намъ жалуетъ, промолвилъ онъ вполголоса.

Дѣйствительно по саду, шагая черезъ каумбы, шелъ Базаровъ. Его полотнояное пальто и панталоны были запачканы въ грязи; цѣпкое болотное растеніе обвивало тулюю его старой, круглой шляпы; въ правой рукѣ онъ держалъ небольшой мѣшокъ; въ мѣшкѣ шевелилось что-то живое. Онъ быстро приблизился къ террасѣ и, качнувъ головою, промолвилъ:—Здравствуйте, господа; извините что опоздалъ къ чаю; сейчасъ вернусь; надо вотъ этихъ пльвицицъ къ мѣсту пристроить.

— Что это у васъ, пивки? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, лягушки.

— Вы ихъ ѣдите или разводите?

— Для опытовъ, равнодушно проговорилъ Базаровъ и ушелъ въ домъ.

— Это онъ ихъ рѣзать станетъ, замѣтилъ Павелъ Петровичъ. Въ принципы не вѣрить, а въ лягушекъ вѣрить.

Аркадій съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на дядю, и Николай Петровичъ украдкой пожалъ плечомъ. Самъ Павелъ Петровичъ почувствовалъ, что сострилъ неудачно, и заговорилъ о хозяйствѣ и о новомъ управляющемъ, который наканунѣ приходилъ къ нему жаловаться, что работникъ Ома „дибширничаетъ“ и отъ рукъ отбился. „Такой ужъ онъ езопъ,“ сказалъ онъ между прочимъ: „всюду протестовалъ себя дурнымъ человѣкомъ, поживетъ и съ глупостью отойдетъ.“

VI.

Базаровъ вернулся, сѣлъ за столъ и началъ поспѣшно пить чай. Оба брата молча глядѣли на него, а Аркадій украдкой посматривалъ то на отца, то на дядю.

— Вы далеко отсюда ходили? спросилъ наконецъ Николай Петровичъ.

— Тутъ у васъ болотце есть, возлѣ осимовой рощи. Я взогналъ штукъ пять бекасовъ; ты можешь убить ихъ, Аркадій.

— А вы не охотникъ?

— Нѣтъ.

— Вы собственно физикой занимаетесь? спросилъ въ свою очередь Павелъ Петровичъ.

— Физикой, да; вообще естественными науками.

— Говорять, Германцы въ послѣднее время сильно успѣли по этой части.

— Да, Нѣмцы въ этомъ наши учителя, небрежно отвѣчалъ Базаровъ.

Слово Германцы, вмѣсто Нѣмцы, Павелъ Петровичъ употребилъ ради ироніи, которой однако никто не замѣтилъ.

— Вы столь высокаго мнѣнія о Нѣмцахъ? проговорилъ съ изысканною учтивостью Павелъ Петровичъ. Онъ начиналъ чувствовать тайное раздраженіе. Его аристократическую натуру возмущала совершенная развязность Базарова. Этотъ дѣкарскій сынъ не только не робѣлъ, онъ даже отвѣчалъ отрывисто и неохотно, и въ звукѣ его голоса было что-то грубое, почти дерзкое.

— Тамошніе ученые дѣльный народъ.

— Такъ, такъ. Ну, а объ русскихъ ученыхъ вы, вѣроятно, не имѣете столь лестнаго понятія?

— Пожалуй что такъ.

— Это очень похвальное самоотверженіе, произнесъ Павелъ Петровичъ, выпрямляя станъ и закидывая голову назадъ.— Но какъ же намъ Аркадію Николаичу сейчасъ казывается, что вы не признаете никакихъ авторитетовъ? Не вѣрите имъ?

— Да зачѣмъ я стану ихъ признавать? И чему я буду вѣрить? Мнѣ скажутъ дѣло, я соглашаюсь, вотъ и все.

— А Нѣмцы все дѣло говорятъ? промолвилъ Павелъ Петровичъ, и лицо его приняло такое безучастное, отпаленное выраженіе, словно онъ весь ушелъ въ какую-то заоблачную высь.

— Не всѣ, отвѣтилъ съ короткимъ зѣвкомъ Базаровъ, которому явно не хотѣлось продолжать словопрение.

Павелъ Петровичъ взглянулъ на Аркадія, какъ бы желая сказать ему: „учтивъ твой другъ, признаться.“— Что касается до меня, заговорилъ онъ опять, не безъ нѣкотораго усилія,—я Нѣмецъ, грѣшный человѣкъ, не жажду. О русскихъ Нѣмцахъ я уже не упоминаю: извѣстно, что это за птицы. Но и нѣмецкіе Нѣмцы мнѣ не по нутру. Еще

прежніе туда, сюда; тогда у нихъ были—ну, тамъ Шиллеръ, что ли, Гетте... Братъ вотъ имъ особенно благопріятствуетъ... А теперь пошли все какіе-то химики да матеріалисты...

— Порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта, перебилъ Базаровъ.

— Вотъ какъ, промолвилъ Павелъ Петровичъ, и, словно засыпая, чуть-чуть приподнялъ брови.—Вы, стало-быть, искусства не признаете?

— Искусство наживать деньги, или нѣтъ болѣе геморроя! воскликнулъ Базаровъ съ презрительною усмѣшкой.

— Такъ-съ, такъ-съ. Вотъ какъ вы изволите шутить. Это вы все стало быть отвергаете? Положимъ. Значитъ вы вѣрите въ одну науку?

— Я уже доложилъ вамъ, что ни во что не вѣрю; и что такое наука, наука вообще? Есть науки, какъ есть ремесла, званія; а наука вообще не существуетъ вовсе.

— Очень хорошо-съ. Ну, а на счетъ другихъ, въ людскомъ быту принятыхъ постановленій, вы придерживаетесь такого же отрицательнаго направленія?

— Что это, допросъ? спросилъ Базаровъ.

Павелъ Петровичъ слегка поблѣднѣлъ... Николай Петровичъ почелъ должнымъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Мы когда-нибудь поподробнѣе побесѣдуемъ объ этомъ предметѣ съ вами, любезный Евгенийъ Васильичъ; и ваше мнѣніе узнаемъ, и свое выскажемъ. Съ своей стороны я очень радъ, что вы занимаетесь естественными науками. Я слышалъ, что Либихъ сдѣлалъ удивительныя открытія на счетъ удобренія полей. Вы можете мнѣ помочь въ моихъ агрономическихъ работахъ; вы можете дать мнѣ какой-нибудь полезный совѣтъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, Николай Петровичъ; но куда намъ до Либиха! Сперва надо азбуку выучиться и потомъ уже взяться за книгу, а мы еще аза въ глаза не видали.

„Ну, ты, я вижу, точно нигилистъ,“ подумалъ Николай Петровичъ.—Все-таки позвольте прибѣгнуть къ вамъ при случаѣ, прибавилъ онъ вслухъ. А теперь намъ, я полагаю, братъ, пора пойдти потолковать съ прикащикомъ.

Павелъ Петровичъ поднялся со стула.

— Да, проговорилъ онъ, ни на когѣ не глядя,—бѣда по-

жить эдакъ годковъ пять въ деревнѣ, въ отдаленіи отъ великихъ умовъ! Какъ разъ дуракъ дуракомъ станешь. Ты стараешься не забыть того, чему тебя учили, а тамъ—хватъ!—оказывается, что все это вздоръ, и тебѣ говорятъ, что путные люди эдакими пустяками больше не занимаются и что ты, молъ, отсталой колпакъ. Чтò дѣлать! Видно молодежь, точно, умнѣ насъ.

Павель Петровичъ медленно повернулся на каблукахъ и медленно вышелъ; Николай Петровичъ отправился всадъ за нимъ.

— Чтò онъ всегда у васъ такой? хладнокровно спросилъ Базаровъ у Аркадія, какъ только дверь затворилась за обоими братьями.

— Послушай, Евгенийъ, ты уже слишкомъ рѣзко съ нимъ обошелся, замѣтилъ Аркадія. — Ты его оскорбилъ.

— Да, стану я ихъ баловать, этихъ увѣданныхъ аристократовъ! Вѣдь это все самолюбіе, львиныя привычки, фатство! Ну, продолжалъ бы свое поприще въ Петербургѣ, коли ужъ такой у него складъ... А впрочемъ Богъ съ нимъ совсѣмъ! Я нашелъ довольно рѣдкій экземпляръ водянаго жука, *Dytiscus marginatus*, знаешь? Я тебѣ его покажу.

— Я тебѣ обѣщался разказать его исторію, началъ Аркадія.

— Исторію жука?

— Ну, полно, Евгенийъ. Исторію моего дяди. Ты увидишь, что онъ не такой человѣкъ, какимъ ты его воображаешь. Онъ скорѣе сожалѣнія достоинъ чѣмъ насмѣшки.

— Я не спорю; да что онъ тебѣ такъ дался?

— Надо быть справедливымъ, Евгенийъ.

— Это изъ чего слѣдуетъ?

— Нѣтъ, слушай...

И Аркадія разказалъ ему исторію своего дяди. Читатель найдетъ ее въ слѣдующей главѣ.

VII.

Павель Петровичъ Курсановъ воспитывался сперва дома, также какъ и младшій братъ его Николай, потомъ въ пансіонѣ въ корпусѣ. Онъ съ дѣтства отличался замѣчательною красотой; къ тому жъ онъ былъ самоувѣренъ, немного насмѣшливъ и какъ-то забавно жолченъ—онъ не могъ не

вравиться. Онъ началъ появляться всюду, какъ только вышелъ въ офицеры. Его носили на рукахъ, и онъ самъ себя баловалъ, даже дурачился, даже ломался; но и это къ нему шло. Женщины отъ него съ ума сходили, мужчины называли его фатомъ и тайнѣ завидовали ему. Онъ жилъ, какъ уже сказано, на одной квартирѣ съ братомъ, котораго любилъ искренно, хотя вислоко на него не походилъ. Николай Петровичъ прихрамывалъ, черты имѣлъ маленькія, пріятныя, но нѣсколько грустныя, небольшіе черные глаза и мягкіе, жидкіе волосы, онъ охотно лѣнился, но и читалъ охотно, и боялся общества. Павелъ Петровичъ ни одного вечера не проводилъ дома, славился смѣлостію и ловкостію (онъ ввелъ было гимнастику въ моду между свѣтскою молодежью) и прочелъ всего пять, шесть французскихъ книгъ. На двадцать восьмомъ году отъ роду онъ уже былъ капитаномъ; блестящая карьера ожидала его. Вдругъ все измѣнилось.

Въ то время, въ петербургскомъ свѣтѣ, изрѣдка появлялась женщина, которую не забыли до сихъ поръ, княгиня Р. У ней былъ благовоспитанный и приличный, но глуповатый мужъ, и не было дѣтей. Она внезапно уѣзжала за границу, внезапно возвращалась въ Россію, вообще вела странную жизнь. Она слыла за легкомысленную кокетку, съ увлеченіемъ предавалась всякаго рода удовольствіямъ, танцевала до упаду, хохотала и шутила съ молодыми людьми, которыхъ принимала передъ обѣдомъ въ полумракѣ гостиной, а по ночамъ плакала и молилась, не находила мигѣ покою, и часто до самаго утра металась по комнатѣ, тоскливо ломая руки, или сидѣла, вся блѣдная и холодная, надъ псалтыремъ. День настаивалъ, и она снова превращалась въ свѣтскую даму, снова выѣзжала, смѣялась, бѣгала, и точно бросалась на встрѣчу всему что могло доставить ей малѣйшее развлеченіе. Она была удивительно сложена; ея коса золотого цвѣта и тяжелая, какъ золото, падала ниже колѣнъ, но красавицей ее никто бы не называлъ; во всемъ ея лицѣ только и было хорошаго что глаза, и даже не самые глаза—они были не велики и сѣры—но взглядъ ихъ, быстрый и глубокій, безпечный до удали и задумчивый до унынія,—загадочный взглядъ. Что-то необычайное свѣтилось въ немъ, даже тогда, когда языкъ ея лепеталъ самыя пустыя рѣчи. Одѣвалась она изысканно.

Павелъ Петровичъ встрѣтилъ ее на одномъ балѣ, протанцовалъ съ ней мазурку, въ теченіи которой она не сказала ни одного путнаго слова, и влюбился въ нее страстно. Привыкшій къ побѣдамъ, онъ и тутъ скоро достигъ своей цѣли; но легкость торжества не охладила его. Напротивъ: онъ еще мучительнѣе, еще крѣпче привязался къ этой женщинѣ, въ которой, даже тогда, когда она отдавалась безвозвратно, все еще какъ будто оставалось что-то завѣтное и недоступное, куда никто не могъ проникнуть. Что гнѣздилося съ этой душѣ—Богъ вѣсть! Казалось, она находилась во власти какихъ-то тайныхъ, для нея самой невѣдомыхъ силъ; онъ игралъ ею, какъ хотѣлъ; ея небольшой умъ не могъ сладить съ ихъ прихотью. Все ея поведеніе представляло рядъ несообразностей: единственные письма, которыя могли бы возбудить справедливыя подозрѣнія ея мужа, она написала къ человѣку почти ей чужому, а любовь ея отзывалась печалью: она уже не смѣялась и не шутила съ тѣмъ кого избирала, и слушала его и глядѣла на него съ недоумѣніемъ. Иногда, большею частью внезапно, это недоумѣніе переходило въ холодный ужасъ; лицо ея принимало выраженіе мертвенное и дикое; она запиралась у себя въ спальнѣ, и горничная ея могла слышать, прижавъ ухо къ замку, ея глухія рыданія. Не разъ, возвращаясь къ себѣ домой послѣ вѣчнаго свиданія, Кирсановъ чувствовалъ на сердцѣ ту разрывающую и горькую досаду, которая поднимается въ сердцѣ послѣ окончателной неудачи. „Чего же хочу я еще?“ спрашивалъ онъ себя, а сердце все ныло. Онъ однажды подарилъ ей кольцо съ вмрзаннымъ на камнѣ сфинксомъ.

— Что это? спросила она:—сфинксъ?

— Да, отвѣтилъ онъ,—а этотъ сфинксъ вы.

— Я? спросила она, и медленно подняла на него свой загадочный взглядъ.—Знаете ли, что это очень лестно? прибавила она съ незначительною усмѣшкой, а глаза глядѣли все такъ же страшно.

Тяжело было Павлу Петровичу даже тогда, когда княгиня Р. его любила, но когда она охладѣла къ нему, а это случилось довольно скоро, онъ чуть съ ума не сошелъ. Онъ терзался и ревновалъ, не давалъ ей покою, таскался за ней повсюду; ей надоѣло его неотвязное преслѣдованіе, и она уѣхала за границу. Онъ вышелъ въ отставку, несмотря

на просьбы пріятелей, на увѣщанія начальниковъ, и отправился всадъ за княгиней; года четыре провелъ онъ въ чужихъ краяхъ, то гоняясь за нею, то съ намѣреніемъ теряя ее изъ виду; онъ стыдился самого себя, онъ негодовалъ на свое малодушіе... но ничего не помогало. Ея образъ, этотъ непонятный, почти бессмысленный, но обаятельный образъ, слишкомъ глубоко выдѣрился въ его душу. Въ Баденѣ онъ какъ-то опять сошелся съ нею попрежнему; казалось, никогда еще она такъ страстно его не любила, но черезъ мѣсяць все уже было кончено: огонь вспыхнулъ въ послѣдній разъ, и угасъ навсегда. Предчувствуя неизбѣжную разлуку, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ остаться ея другомъ, какъ будто дружба съ такою женщиной была возможна. Она тихонько вышла изъ Бадена, и съ тѣхъ поръ постоянно избѣгала Кирсанова. Онъ вернулся въ Россію, попытался зажить старою жизнью, но уже не могъ попасть въ прежнюю колею. Какъ отравленный бродилъ онъ съ мѣста на мѣсто; онъ еще выѣзжалъ, онъ сохранялъ всѣ привычки свѣтскаго человѣка, онъ могъ похвастаться двумя-тремя новыми побѣдами; но онъ уже не ждалъ ничего особеннаго ни отъ себя, ни отъ другихъ, и ничего не предпринималъ. Онъ состарѣлся, посѣдѣлъ; сидѣть по вечерамъ въ клубѣ, жадно скучать, равнодушно поспорить въ холостомъ обществѣ, стало для него потребностію, — знакъ, какъ извѣстно, плохой. О женитьбѣ онъ, разумѣется, и не думалъ. Десять лѣтъ прошло такимъ образомъ, безцвѣтно, бесплодно и быстро, страшно быстро. Нигдѣ время такъ не бѣжитъ, какъ въ Россіи: въ тюрьмѣ, говорятъ, оно бѣжитъ еще скорѣй. Однажды за обѣдомъ, въ клубѣ, Павелъ Петровичъ узналъ о смерти княгини Р. Она скончалась въ Парижѣ, въ состояніи близкомъ къ помѣшательству. Онъ всталъ изъ-за стола и долго ходилъ по комнатамъ клуба, останавливаясь, какъ вкопанный, близь карточныхъ игроковъ; но не вернулся домой раньше обыкновеннаго. Черезъ нѣсколько времени онъ получилъ пакетъ, адресованный на его имя: въ немъ находилось данное имъ княгинѣ кольцо. Она провела по сфинксу крестообразную черту, и велѣла ему сказать, что крестъ — вотъ разгадка.

Это случилось въ началѣ 48-го года, въ то самое время, когда Николай Петровичъ, лишившись жены, пріѣзжалъ въ Петербургъ. Павелъ Петровичъ почти не видался съ братомъ, съ тѣхъ поръ какъ тотъ поселился въ деревнѣ: свадьба

Николая Петровича совпала съ самыми первыми днями знакомства Павла Петровича съ княгиней. Вернувшись изъ-за границы, онъ отправился къ нему съ намѣреніемъ погостить у него мѣсяца два, полюбоваться его счастіемъ, но выжилъ у него одну только недѣлю. Различіе въ положеніи обоихъ братьевъ было слѣшкомъ велико. Въ 48 году это различіе уменьшилось: Николай Петровичъ потерялъ жену, Павелъ Петровичъ потерялъ свои воспоминанія; послѣ смерти княгини онъ старался не думать о ней. Но у Николая оставалось чувство правильно проведенной жизни, сынъ выросъ на его глазахъ; Павелъ, напротивъ, одинокій холостякъ, вступалъ въ то смутное сумеречное время, время сожалѣній похожихъ на надежды, надеждъ похожихъ на сожалѣнія, когда молодость прошла и старость еще не настала. Это время было труднѣе для Павла Петровича чѣмъ для всякаго другаго: потерявъ свое прошедшее, онъ все потерялъ.

— Я не зову теперь тебя въ Марьино, сказалъ ему однажды Николай Петровичъ (онъ назвалъ свою деревню этимъ именемъ въ честь жены),—ты и при покойницѣ тамъ соскучился, а теперь ты, я думаю, тамъ съ тоски пропадешь.

— Я былъ еще глупъ и суетливъ тогда, отвѣчалъ Павелъ Петровичъ:—съ тѣхъ поръ я уговорился, если не помнѣю. Теперь, напротивъ, если ты позволишь, я готовъ навсегда у тебя поселиться.

Вмѣсто отвѣта, Николай Петровичъ обнялъ его; но полтора года прошло послѣ этого разговора, прежде чѣмъ Павелъ Петровичъ рѣшился осуществить свое намѣреніе. За то, поселившись однажды въ деревнѣ, онъ уже не покидалъ ея, даже и въ тѣ три зимы, которыя Николай Петровичъ провелъ въ Петербургѣ съ сыномъ. Онъ сталъ читать, все больше по-англійски; онъ вообще всю жизнь свою устроилъ на англійскій вкусъ, рѣдко видался съ сосѣдями и выѣзжалъ только на выборы, гдѣ онъ большею частію помалчивалъ, лишь изрѣдка дразня и пугая помѣщиковъ стараго покроя либеральными выходками и не обличаясь съ представителями новаго поколѣнія. И тѣ, и другіе считали его гордецомъ; и тѣ, и другіе его уважали за его отличныя аристократическія манеры, за слухи о его побѣдахъ; за то что онъ прекрасно одѣвался и всегда остава-

ваиваясь въ лучший номеръ лучшей гостиницы; за то что онъ вообще хорошо обѣдалъ, а однажды даже пообѣдалъ съ Веллингтономъ у Лудовика-Филиппа; за то что онъ всюду возилъ съ собою настоящій серебряный несесеръ и походную ванну; за то что отъ него пахло какими-то необыкновенными, удивительно „благородными“ духами; за то что онъ мастерски игралъ въ вистъ и всегда проигрывалъ; наконецъ, его уважали такъ же за его безукоризненную честность. Дамы находили его очаровательнымъ меланхоликомъ, но онъ не знался съ дамами.

— Вотъ видишь ли, Евгеній, промолвилъ Аркадій, оканчивая свой разказъ, какъ несправедливо ты судишь о дядѣ! Я уже не говорю о томъ что онъ не разъ выручалъ отца изъ бѣды, отдавалъ ему всѣ свои деньги,—имѣнне, ты можеть-быть не знаешь, у нихъ не раздѣлено,—но онъ всякому радъ помочь и, между прочимъ, всегда вступается за крестьянъ; правда, говоря съ ними онъ морщится и нюхаетъ одеколоны.

— Известное дѣло, нервы, перебилъ Базаровъ.

— Можеть-быть; только у него сердце предоброе. И онъ далеко не глупъ. Какіе онъ мнѣ давалъ полезныя совѣты... особенно... особенно насчетъ отношеній къ женщинамъ.

— Ага! На своемъ молокѣ обжогся, на чужую воду дуешь. Знаемъ мы это!

— Ну словомъ, продолжалъ Аркадій;—онъ глубоко несчастливъ, повѣрь мнѣ; презирать его—грѣшно.

— Да кто его презираетъ? возразилъ Базаровъ.—А я все-таки скажу, что человекъ, который всю свою жизнь поставилъ на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ, эдакой человекъ—не мушкетеръ, не самецъ. Ты говоришь, что онъ несчастливъ: тебѣ лучше знать; но дурь изъ него не вся вышла. Я увѣренъ, что онъ не шутя воображаетъ себя дѣловымъ человекомъ потому что читаетъ Галинъ-ашку и разъ въ мѣсяцъ избавить мужика отъ экзекуціи.

— Да вспомни его воспитаніе, время, въ которое онъ жилъ, замѣтилъ Аркадій.

— Воспитаніе? подхватилъ Базаровъ.—Всякій человекъ самъ себя воспитать долженъ, — ну, хоть какъ я напри-

мѣрь... А что касается до времени, отчего я отъ него зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависить отъ меня. Нѣтъ, братъ, это все распущенность, пустота! И что за таинственныя отношенія между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаемъ какія это отношенія. Ты проштудируй-ка анатомію глаза: откуда тутъ вѣзаться, какъ ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизмъ, чепуха, гниль, художество. Пойдемъ лучше смотрѣть жука.

И оба пріятели отправились въ комнату Базарова, въ которой уже успѣлъ установиться какой-то медицинско-хирургическій запахъ, смѣшанный съ запахомъ дешеваго табака.

VIII.

Павель Петровичъ недолго присутствовалъ при бесѣдѣ брата съ управляющимъ, высокимъ и худымъ человекомъ съ сладкимъ чахоточнымъ голосомъ и плутовскими глазами, который на всѣ замѣчанія Николая Петровича отвѣчалъ: „помилуйте-съ, извѣстное дѣло-съ“, и старался представить мужиковъ пьяницами и ворами. Недавно заведенное на новый ладъ хозяйство скрипѣло какъ не мазанное колесо, трещало какъ доломѣнная мебель изъ сыраго дерева. Николай Петровичъ не унывалъ, но частенько вздыхалъ и задумывался: онъ чувствовалъ, что безъ денегъ дѣло не пойдетъ, а деньги у него почти всѣ перевелись. Аркадій сказалъ правду: Павель Петровичъ не разъ помогалъ своему брату; не разъ, видя какъ онъ бился и ломалъ себѣ голову, придумывая какъ бы извернуться, Павель Петровичъ медленно подходилъ къ окну и, засунувъ руки въ карманы, бормоталъ сквозь зубы: „mais je puis vous donner de l'argent“, и давалъ ему денегъ; но въ этотъ день у него самого ничего не было, и онъ предпочелъ удалиться. Хозяйственные дразги наводили на него тоску; притомъ ему постоянно казалось, что Николай Петровичъ, несмотря на все свое рвеніе и трудолюбіе, не такъ принимается за дѣло, какъ бы слѣдовало; хотя указать въ чемъ собственно ошибается Николай Петровичъ, онъ не сумѣлъ бы. „Братъ не довольно практиченъ“, рассуждалъ онъ самъ съ собою, — „его обманываютъ.“ Николай Петровичъ, напротивъ, былъ высокаго мнѣнія о практичности Павла Петровича, и всегда

спрашивалъ его совѣта. „Я человекъ мягкій, слабый, вѣкъ свой провелъ въ глуши“, говаривалъ онъ;— „а ты не даромъ такъ много жилъ съ людьми, ты ихъ хорошо знаешь: у тебя оравный взглядъ“.

Павелъ Петровичъ въ отвѣтъ на эти слова только отворачивался, но не разувѣрялъ брата.

Оставивъ Николай Петровича въ кабинетъ, онъ отправился по корридору, отдѣлявшему переднюю часть дома отъ задней, и, поравнявшись съ низенькою дверью, остановился въ раздумьи, подергалъ себѣ усы и постучался въ нее.

— Кто тамъ? Войдите, раздался голосъ Фенички.

— Это я, проговорилъ Павелъ Петровичъ и отворилъ дверь.

Феничка вскочила со стула, на которомъ она усѣлась со своимъ ребенкомъ и, передавъ его на руки дѣвушкѣ, которая тотчасъ же вынесла его вонъ изъ комнаты, торопливо поправила свою косынку.

— Извините, если я помѣшалъ, началъ Павелъ Петровичъ, не глядя на нее:— мнѣ хотѣлось только попросить васъ... сегодня, кажется, въ городъ посылаютъ... велите купить для меня зеленого чаю.

— Слушаю-сь, отвѣчала Феничка:— сколько прикажете купить?

— Да полфунта довольно будетъ, я полагаю. А у васъ здѣсь, я вижу, перемѣна, прибавилъ онъ, бросивъ вокругъ быстрый взглядъ, который скользнулъ и по лицу Фенички.— Занавѣски вотъ, промолвилъ онъ, видя что она его не понимаетъ.

— Да-съ, занавѣски. Николай Петровичъ вамъ ихъ пожаловалъ; да ужъ онѣ давно повѣшены.

— Да и я у васъ давно не былъ. Теперь у васъ здѣсь очень хорошо.

— По милости Николая Петровича, шепнула Феничка.

— Вамъ здѣсь лучше чѣмъ въ прежнемъ флигелькѣ? спросилъ Павелъ Петровичъ вѣжливо, но безъ малѣйшей улыбки.

— Конечно, лучше-сь.

— Кого теперь на ваше мѣсто помѣстили?

— Теперь тамъ прачки.

— А!

Павелъ Петровичъ умолкъ. „Теперь уйдетъ“, думала Фе-

ничка; но онъ не уходилъ, и она стояла передъ нимъ, какъ вкопаная, слабо перебирая пальцами.

— Отчего вы велѣли вашего маленькаго вывести? заговорилъ наконецъ Павелъ Петровичъ. — Я люблю дѣтей: покажите-ка мнѣ его.

Өеничка вся покрасѣла отъ смущенія и отъ радости. Она боялась Павла Петровича: онъ почти никогда не говорилъ съ ней.

— Дуняша, кликнула она: — принесите Митю (Өеничка всѣмъ въ домѣ говорила *ей*). А не то погодите; надо ему плащце надѣть. — Өеничка направилась къ двери.

— Да все равно, замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Я сейчасъ, отвѣтила Өеничка, и проворно вышла.

Павелъ Петровичъ остался одинъ, и на этотъ разъ съ большимъ вниманіемъ оглянулся кругомъ. Небольшая, низенькая комнатка, въ которой онъ находился, была очень чиста и уютна. Въ ней пахло недавно выкрашеннымъ поломъ, ромашкой и мелиссой. Вдоль стѣны стояли стулья съ задками въ видѣ луръ; они были куплены еще покойникомъ генераломъ въ Польшѣ, во время похода; въ одномъ углу возвышалась кровать подъ кисейнымъ пологомъ, рядомъ съ кованымъ сундукомъ съ круглою крышей. Въ противоположномъ углу горѣла лампадка передъ большимъ темнымъ образомъ Николая Чудотворца; крошечное фарфоровое ячико на красной лентѣ висѣло на груди святаго, прицѣпленное къ сіянію; на окнахъ банки съ прошлогоднимъ вареньемъ, тщательно завязанныя, сквозили зеленымъ свѣтомъ; на бумажныхъ ихъ крышкахъ сама Өеничка написала крупными буквами: „кружовникъ“; Николай Петровичъ любилъ особенно это варенье. Подъ потолкомъ, на длинномъ шнуркѣ, висѣла клятка съ короткохвостымъ чижомъ; онъ безпрестанно чирикалъ и прыгалъ, и клятка безпрестанно качалась и дрожала; конопляныя зерна съ легкимъ стукомъ падали на полъ. Въ простѣлкѣ, надъ небольшимъ комодомъ, висѣли довольно плохіе фотографическіе портреты Николая Петровича въ разныхъ положеніяхъ, сдѣланныя заѣзжимъ художникомъ; тутъ же висѣла фотографія самой Өенички, совершенно не удавшаяся: какое-то безглазое лицо напряженно улыбалось въ темной рамочкѣ, — больше ничего нельзя было разобрать; а надъ Өеничкой — Ермоловъ въ буркѣ грозно хмурился на отда-

левыми Кавказскія горы, изъ-подъ шелкового башмачка для булавокъ падавшего ему на самый лобъ.

Прошло минутъ пять, въ соседней комнатѣ слышались шестеть и шопоть. Павелъ Петровичъ взялъ съ комода замасленную книгу, разрозненный томъ *Стрельцовъ* Масальскаго, перевернулъ нѣсколько страницъ... Дверь отворилась, и вошла Феничка съ Митей на рукахъ. Она надела на него красную рубашечку съ галуномъ на воротѣ, причесала ему волосики и утерла лицо; онъ дышалъ тяжело, порывался всѣмъ тѣломъ и подергивалъ ручонками, какъ это дѣлаютъ всѣ здоровыя дѣти; но щегольская рубашечка видимо на него подѣйствовала: выраженіе удовольствія отражалось на всей его пухлой фигуркѣ. Феничка и свои волосы привела въ порядокъ, и косынку надела получше; но она могла бы остаться, какъ была.

И въ самомъ дѣлѣ, если на свѣтѣ что-нибудь плѣнительнѣе молодой красивой матери съ здоровымъ ребенкомъ на рукахъ?

— Экой буту зѣ, снисходительно проговорилъ Павелъ Петровичъ, и пощекоталъ двойкой подбородокъ Мити концомъ длиннаго ногтя на указательномъ пальцѣ; ребенокъ устался на чужа, и засмѣялся.

— Это дядя, промолвила Феничка, склоняя къ нему свое лицо и слегка его встряхивая, между тѣмъ какъ Дуляша тихонько ставила на окно зажженную курительную свѣчку, подложивши подъ нее грошъ.

— Сколько, бишь, ему мѣсяцевъ? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Шесть мѣсяцевъ; скоро вотъ седьмой пойдетъ, 11-го числа.

— Не восьмой ли, Федосья Николаевна? не безъ робости вмѣшалась Дуляша.

— Нѣтъ, седьмой; какъ можно!—Ребенокъ опять засмѣялся, устался на сувадукъ, и вдругъ схватилъ свою мать всюю пятерней за носъ и за губы.

— Баловникъ, проговорила Феничка, не отодвигая лица отъ его пальцевъ.

— Онъ похожъ на брата, замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

„На кого жь ему и походить?“ подумала Феничка.

— Да, продолжалъ, какъ бы говоря съ самимъ собой,

Павелъ Петровичъ—незамѣтное сходство. — Онъ внимательно, почти печально посмотрѣлъ на Феничку.

— Это дядя, повторила она, но уже шепотомъ.

— А! Павелъ! вотъ гдѣ ты! раздавался вдругъ голосъ Николая Петровича.

Павелъ Петровичъ торопливо обернулся и нахмурился; но братья его такъ радостно, съ такою благодарностью глядѣли на него, что онъ не могъ не отвѣтить ему улыбкой.

— Славный у тебя мальчуганъ, промолвилъ онъ и посмотрѣлъ на часы;—а я завернулъ сюда насчетъ чаю...

И принявъ равнодушное выраженіе, Павелъ Петровичъ тотчасъ же вышелъ вонъ изъ комнаты.

— Самъ собой зашелъ? спросилъ Феничку Николай Петровичъ.

— Самы-съ; постучались и вошли.

— Ну, а Аркаша больше у тебя не былъ?

— Не былъ. Не перейди ли мнѣ во флигель, Николай Петровичъ?

— Это зачѣмъ?

— Я думаю не лучше ли будетъ на первое время.

— И... вѣтъ, произнесъ съ запиской Николай Петровичъ и потеръ себѣ лобъ.—Надо было прежде... Здравствуй, пузырь, проговорилъ онъ съ внезапнымъ оживленіемъ и приблизившись къ ребенку, поцѣловалъ его въ щеку; потомъ онъ нагнулся немного и приложилъ губы къ Феничкиной рукѣ, бывшей какъ молоко на красной рубашечкѣ Мити.

— Николай Петровичъ! что вы это? пролепетала она и опустила глаза, потомъ тихонько подняла ихъ... Прелестно было выраженіе ея глазъ, когда она глядела какъ бы изъ-подъ бровей, да посмѣивалась ласково и немножко глупо.

Николай Петровичъ познакомился съ Феничкой сдѣлающимъ образомъ. Однажды, года три тому назадъ, ему пришлось ночевать на постояломъ дворѣ въ отдаленномъ уѣздномъ городѣ. Его пріятно поразила чистота отведенной ему комнаты, свѣжесть постельнаго бѣлья: ужъ не Нѣмка ли здѣсь хозяйка? пришло ему на мысль; но хозяйка оказалась Русская, женщина лѣтъ пятидесяти, опрятно одѣтая, съ благообразнымъ, умнымъ лицомъ и степною рѣчью. Онъ разговорился съ ней за часомъ; очень она ему понравилась. Николай Петровичъ въ то время только что переселился въ новую свою усадьбу и, не же-

ая держать при себѣ вѣрностныхъ людей, искалъ наемныхъ; хозяйка, съ своей стороны, жаловалась на малое число провѣжающихъ въ городѣ, на тяжелыя времена; онъ предложилъ ей поступить къ нему въ домѣ, въ качествѣ экономки; она согласилась. Мужъ у ней давно умеръ, оставивъ ей одну только дочь, Феничку. Недѣлю черезъ двѣ Арина Савишна (такъ звали новую экономку) прибыла вмѣстѣ съ дочерью въ Марьино, и поселилась во флигелѣхъ. Выборъ Николая Петровича оказался удачнымъ. Арина завела порядокъ въ домѣ. О Феничкѣ, которой тогда минулъ уже семнадцатый годъ, никто не говорилъ, и рѣдкій ее видѣлъ: она жила тихонько, какъ мышонокъ въ норкѣ, и только по воскресеньямъ Николай Петровичъ замѣчалъ въ приходской церкви, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, тонкій профиль ея бѣленькаго лица. Такъ прошло болѣе года.

Въ одно утро Арина явилась къ нему въ кабинетъ и, по обыкновенію, низко поклонившись, спросила его, не можетъ ли онъ помочь ея дочкѣ, которой искра изъ печки прыгнула въ глазъ. Николай Петровичъ, какъ всѣ домохозяды, занимался лѣченіемъ, и даже выписалъ гомеопатическую аптечку. Онъ тотчасъ велѣлъ Аринѣ привести больную. Узнавъ, что баринъ ее зоветъ, Феничка очень перетрусилась, однако пошла за матерью. Николай Петровичъ подвелъ ее къ окну и взялъ ее обѣими руками за голову. Разсмотрѣвъ хорошенько ея покрасѣвшій и воспаленный глазъ, онъ прописалъ ей свинцовую примочку, которую тутъ же самъ составилъ и, разорвавъ на части своей платокъ, показалъ ей какъ надо примачивать. Феничка выслушала его и хотѣла выйти. „Поцѣлуй же ручку у барина, гаупенъкая,“ сказала ей Арина. Николай Петровичъ не далъ ей своей руки и, сконфузившись, самъ поцѣловалъ ее въ наклоненную голову, въ проборъ. Феничкины глаза скоро выздоровѣли; но впечатлѣніе, произведенное ею на Николая Петровича, прошло не скоро. Ему все мерещилось это чистое, нѣжное, боязливо приподнятое лицо; онъ чувствовалъ подъ ладонями рукъ своихъ эти мягкіе волосы, видѣлъ эти невинныя, слегка раскрытыя губы, изъ-за которыхъ влажно блистали на солнцѣ жемчужныя зубки. Онъ началъ съ большимъ вниманіемъ глядѣть на нее въ церкви, старался заговаривать съ нею. Сначала она его дичилась, и однажды, передъ вечеромъ, встрѣтивъ его на узкой

тропинкѣ, проложенной пѣшеходами черезъ ржаное поле, зашла въ высокую, густую рожь, поросшую полынью и васильками, чтобы только не попасться ему на глаза. Онъ увидалъ ея головку сквозь золотую сѣтку колосьевъ, откуда она выматривала, какъ звѣрокъ, и ласково крикнулъ ей:—Здравствуй Феничка! Я не кусаюсь.

— Здравствуйте, прошептала она, не выходя изъ своей засады.

Понемногу она стала привыкать къ нему, но все еще робѣла въ его присутствіи, какъ вдругъ ея мать Арина умерла отъ холеры. Куда было дѣваться Феничкѣ? Она наследовала отъ своей матери любовь къ порядку, разсудительность и степенность; но она была такъ молода, такъ одинока, Николай Петровичъ былъ самъ такой добрый и скрытый... Остальное досказывать нечего.

— Такъ-таки братъ къ тебѣ и вошелъ? спрашивалъ ее Николай Петровичъ.—Постучался и вошелъ?

— Да-съ.

— Ну, это хорошо. Дай-ка мнѣ покачать Митю.

И Николай Петровичъ началъ его подбрасывать почти подъ самый потолокъ, къ великому удовольствію маляутки и къ немалому безпокойству матери, которая, при всякомъ его взлетѣ, протягивала руки къ обнажавшимся его ножкамъ.

А Павелъ Петровичъ вернулся въ свой изящный кабинетъ, оклеенный по стѣнамъ красивыми обоями дикаго цвѣта, съ развѣшаннымъ оружіемъ на пестромъ персидскомъ коврѣ, съ ореховою мебелью, обитой темно-зеленымъ трипомъ, съ библіотекой гениссансе изъ стараго чернаго дуба, съ бронзовыми статуэтками на великолѣпномъ письменномъ столѣ, съ каминомъ... Онъ бросился на диванъ, заложилъ руки за голову и остался неподвиженъ, почти съ отчаяньемъ глядя въ потолокъ. Захотѣлъ ли онъ скрыть отъ самыхъ стѣнъ что у него происходило на лицѣ, по другой ли какой причинѣ, только онъ всталъ, отстегнулъ тяжелыя занавѣски оконъ, и опять бросился на диванъ...

IX.

Въ тотъ же день и Базаровъ познакомился съ Феничкой. Онъ вмѣстѣ съ Аркадіемъ ходилъ по саду и толковалъ ему, почему иныя деревца, особенно дубки, не прижились.

— Надо серебристыхъ тополей побольше здѣсь сажать да елокъ, да пожалуй липокъ, подбавивши чернозему. Вонъ бесѣдка прижилась хорошо, прибавилъ онъ:—потому что акація да сирень—ребята добрые, ухода не требуютъ. Ба! да тутъ кто-то есть.

Въ бесѣдкѣ сидѣла Феничка съ Дуняшей и Митей. Базаровъ остановился, а Аркадій кивнулъ головою Феничкѣ какъ старый знакомый.

— Кто это? спросилъ его Базаровъ, какъ только они прошли мимо.—Какая хорошенькая!

— Да ты о комъ говоришь?

— Извѣстно о комъ: одна только хорошенькая.

Аркадій, не безъ замѣнательства, объяснилъ ему въ короткихъ словахъ, кто была Феничка.

— Ага! промолвилъ Базаровъ:—у твоего отца видно губа не дура. А онъ мнѣ нравится, твой отецъ, ей-ей! Онъ молодець. Однако надо познакомиться, прибавилъ онъ, и отправился назадъ къ бесѣдкѣ.

— Евгений! съ испугомъ крикнулъ ему вследъ Аркадій:—осторожнѣй, ради Бога.

— Не волнуйся, проговорилъ Базаровъ:—народъ мы терпимъ, въ городахъ жилали.

Приблизясь къ Феничкѣ, онъ скинулъ картузь. — Позвольте представиться, началъ онъ съ вѣжливымъ поклономъ:—Аркадію Николаичу пріятель и человекъ смирный.

Феничка приподнялась со скамейки и глядѣла на него молча.

— Какой ребенокъ чудесный! продолжалъ Базаровъ.—Не безъокойтесь, я еще никого не слазилъ. Что это у него щеки такія красныя? Зубки, что ли, прорѣзаются?

— Да-съ, промолвила Феничка:—четверо зубковъ у него уже прорѣзались, а теперь вотъ десны опять припухли.

— Покажите-ка... да вы не бойтесь, я докторъ.

Базаровъ взялъ на руки ребенка, который къ удивленію и Фенички, и Дуляши, не оказалъ никакого сопротивленія и не испугался.

— Вижу, вижу... Ничего, все въ порядкѣ: зубастый будетъ. Если что случится, скажите мнѣ. А сами вы здоровы?

— Здорова, слава Богу.

— Слава Богу—лучше всего. А вы? прибавилъ Базаровъ, обращаясь къ Дуляшѣ.

Дуляша, дѣвуха очень строгая въ хоромахъ и хохотуля за воротами, только фыркнула ему въ отвѣтъ.

— Ну и прекрасно. Вотъ вамъ вашъ богатырь.

Феничка приняла ребенка къ себѣ на руки.

— Какъ онъ у васъ тихо сидѣлъ, промолвила она вполголоса.

— У меня всѣ дѣти тихо сидятъ, отвѣчалъ Базаровъ,— я такую штуку знаю.

— Дѣти чувствуютъ, кто ихъ любитъ, замѣтила Дуляша.

— Это точно, подтвердила Феничка.—Вотъ и Митя, къ иному ни за что на руки ни пойдетъ.

— А ко мнѣ пойдетъ? спросилъ Аркадій, который, постоявъ нѣкоторое время въ отдаленіи, приблизился къ бесѣдкѣ.

Онъ помянулъ было къ себѣ Митю, но Митя откинулъ голову назадъ и зашипѣлъ, что очень смутило Феничку.

— Въ другой разъ,—когда привыкнуть успѣеть, снисходительно промолвилъ Аркадій, и оба пріятеля удалились.

— Какъ, бимъ, ее зовутъ? спросилъ Базаровъ.

— Феничкой... Федосьей, отвѣтилъ Аркадій.

— А по батюшкѣ? Это тоже нужно знать.

— Николаевной.

— *Веле.* Мнѣ нравится въ ней то, что она не сминкомъ конфузится. Иной, пожалуй, это-то и осудилъ бы въ ней. Что за вздоръ? Чего конфузиться? Она мать—ну, и права.

— Она-то права, замѣтилъ Аркадій,— но вотъ отецъ мой...

— И онъ правъ, перебилъ Базаровъ.

— Ну, нѣтъ, я не нахожу.

— Видно лишній насаѣдничекъ намъ не по нутру?

— Какъ тебѣ не стыдно предполагать во мнѣ такіа мысли! съ жаромъ подхватилъ Аркадій.—Я не съ этой точки

зрѣнія почитаю отца неправымъ; я нахожу, что онъ долженъ былъ жениться на ней.

— Эге-ге! спокойно проговорилъ Базаровъ.— Вотъ мы какіе великодушные! Ты придаешь еще значеніе браку; а этого отъ тебя не ожидалъ.

Пріатели сдѣлали нѣсколько шаговъ въ молчаньи.

— Видѣлъ я всѣ заведенія твоего отца, началъ опять Базаровъ.— Скотъ плохой, и лошади разбитыя. Строевія тоже подгуляли, и работники смотрять отъявленными лѣнивцами; а управляющій либо дуракъ, либо плутъ, а еще не разобралъ хорошенько.

— Строгъ же ты сегодня, Евгенийъ Васильичъ.

— И добрымъ мужички надуютъ твоего отца всенепременно. Знаешь поговорку: „русскій мужикъ Бога споеаетъ“.

— Я начинаю соглашаться съ дядей, замѣтилъ Аркадій.— ты рѣшительно дурнаго мнѣнія о Русскихъ.

— Эка важности! Русскій человѣкъ только тѣмъ и хорошъ, что онъ самъ о себѣ пресквернаго мнѣнія. Важно то, что дважды два четыре, а остальное все пустяки.

— И природа пустяки? проговорилъ Аркадій, задумчиво глядя вдаль на пестрыя поля, красиво и мягко освѣщенныя уже невисокимъ солнцемъ.

— И природа пустяки, въ томъ значеніи, въ какомъ ты ее теперь понимаешь. Природа не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ.

Медлительные звуки віолончели долетѣли до нихъ изъ дому въ это самое мгновеніе. Кто-то игралъ съ чувствомъ, хотя и неопытною рукою *Азидалие* Шуберта, и медомъ разливалась по воздуху сладостная мелодія.

— Это что? произнесъ съ изумленіемъ Базаровъ.

— Это отецъ.

— Твой отецъ играетъ на віолончели?

— Да.

— Да сколько твоему отцу лѣтъ?

— Сорокъ четыре.

— Базаровъ вдругъ расхохотался.

— Чему же ты смѣешься?

— Помилуй! въ сорокъ четыре года, человѣкъ, *paterfamilias*, въмъ угадъ—играетъ на віолончели!

Базаровъ продолжалъ хохотать; но Аркадій, какъ ни благоговѣлъ передъ своимъ учителемъ, на этотъ разъ даже не улыбулся.

X.

Прошло около двухъ недѣль. Жизнь въ Марьиинѣ текла своимъ порядкомъ: Аркадiй сибаритствовалъ, Базаровъ работалъ. Всѣ въ домѣ привыкли къ нему, къ его небрежнымъ манерамъ, къ его немногосложнымъ и отрывочнымъ рѣчамъ. Оевичка въ особенности до того съ нимъ освоилась, что однажды ночью велѣла разбудить его: съ Митей сдѣлались судороги; и онъ пришелъ и, по обыкновенiю, подушута, полу-зѣвая, просидѣлъ у ней часа два и помогъ ребенку. За то Павелъ Петровичъ всѣми силами души своей возненавидѣлъ Базарова: онъ считалъ его гордецомъ, нахаломъ, циникомъ, плебеемъ; онъ подозрѣвалъ, что Базаровъ не уважаетъ его, что онъ едва ли не презираетъ его—его, Павла Кирсанова! Николай Петровичъ побаивался молодого „янгилста“ и сомнѣвался въ пользѣ его влiянiя на Аркадiя; но онъ охотно его слушалъ, охотно присутствовалъ при его физическихъ и химическихъ опытахъ. Базаровъ привезъ съ собой микроскопъ, и по цѣлымъ часамъ съ нимъ возился. Слуги также привязались къ нему, хотя онъ малъ ими подтрунивалъ: они чувствовали, что онъ все-таки свой братъ, не баринъ. Дуняша охотно съ нимъ хихикала и, искоса, значительно поглядывала на него, пробѣгая мимо „перепелочкой“; Петръ, человекъ до крайности самолюбивый и глупый, вѣчно съ раздраженными морщинами на лбу, человекъ, котораго все достоинство состояло въ томъ, что онъ глядѣлъ учтиво, читалъ во складанъ и часто чистилъ щеточкой свой сюртучокъ, и тотъ ухмылялся и свѣтилъ, какъ только Базаровъ обращалъ на него вниманiе; дворовые мальчишки бѣгали за „дохтуромъ“ какъ собаченки. Одинъ старикъ Прокофiичъ не любилъ его, съ угрюмымъ видомъ подавалъ ему за столомъ кушанья, называлъ его „живодеромъ“ и прощелыгей, и увѣрялъ, что онъ съ своими бакенбардами—настоящая свинья въ кусть. Прокофiичъ, по своему, былъ аристократъ не хуже Павла Петровича.

Наступили лучшiе дни въ году—первые дни iюня. Погода стояла прекрасная; правда, издали грозилась опять холера, но жители ой губерниi успѣли уже привы-

вать къ ея посвященіямъ. Базаровъ вставалъ очень рано и отправлялся версты за двѣ, за три, не гулять—онъ прогулокъ безъ дѣла терпѣть не могъ—а собирать травы, насекомыхъ. Иногда онъ бралъ съ собой Аркадія. На возвратномъ пути у нихъ обыкновенно завязывался споръ, и Аркадія обыкновенно оставался побѣжденнымъ, хотя говорилъ больше своего товарища. Однажды они какъ-то долго замѣшкались; Николай Петровичъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу въ садъ и, поровнявшись съ бесѣдкой, вдругъ услышалъ быстрые шаги и голоса обоихъ молодыхъ людей. Они шли по ту сторону бесѣдки и не могли его видѣть.

— Ты отца недостаточно знаешь, говорилъ Аркадія.

Николай Петровичъ притаился.

— Твой отецъ добрый малый, промолвилъ Базаровъ,— но онъ человекъ отставной, его пѣсенка спѣта.

Николай Петровичъ прикилъ ухомъ... Аркадія ничего не отвѣчалъ.

„Отставной человекъ“ постоялъ минуты двѣ неподвижно и медленно пошелъ домой.

— Третьяго дѣя, я смотрю, онъ Пушкина читаетъ, продолжалъ между тѣмъ Базаровъ.— Растолкуй ему, пожалуйста, что это къуда не годится. Вѣдь онъ не мальчикъ: пора бросить эту ерунду. И охота же быть романтикомъ въ вышшее время! Дай ему что-нибудь дѣльное почитать.

— Что бы ему дать? спросилъ Аркадія.

— Да, я думаю, Вюхнерова *Stoff und Kraft* на первый случай.

— Я самъ такъ думаю, замѣтилъ одобрительно Аркадія. *Stoff und Kraft* написано популярнымъ языкомъ.

— Вотъ мы какъ съ тобой, говорилъ въ тотъ же день посабъ обѣда Николай Петровичъ своему брату, сидя у него въ кабинетѣ:—въ отставные люди попали, пѣсенка наша спѣта. Что жь? Можетъ-быть Базаровъ и правъ; но мнѣ, признаюсь, одно больно: я надѣялся именно теперь тѣсно и дружески сойдтись съ Аркадіемъ, а выходитъ, что я остался назади, онъ ушелъ впередъ, и понять мы друга друга не можемъ.

— Да почему онъ ушелъ впередъ? И чѣмъ онъ отъ насъ

такъ ужь очень отличается? съ нетерпѣніемъ восклицаютъ Павелъ Петровичъ.—Это все ему въ голову синьйоръ этотъ вбилъ, виглаистъ этотъ. Ненавижу я этого дѣкаришку; по моему, онъ просто шарлатанъ; я увѣренъ, что со всѣми своими лягушками онъ и въ физикѣ недалеко ушелъ.

— Нѣтъ, братъ, ты этого не говори: Базаровъ умнѣе и знающѣе.

— И самолюбіе какое противное, перебилъ опять Павелъ Петровичъ.

— Да, замѣтилъ Николай Петровичъ:—онъ самолюбивъ. Но безъ этого, видно, нельзя: только вотъ чего я въ толкъ не возьму. Кажется, я все дѣлаю, чтобы не отстать отъ вѣка: крестьянъ устроилъ, ферму завелъ, такъ что даже меня во всей губерніи *краснымъ* величаютъ; читаю, учусь, вообще стараюсь стать въ уровень съ современными требованіями, а они говорятъ, что пѣсенка моя спѣта. Да что, братъ, я самъ начинаю думать, что она точно спѣта.

— Это почему?

— А вотъ почему. Сегодня я сижу да читаю Пушки. а... Помнится *Дьяне* мнѣ попались... Вдругъ Аркадій подходит ко мнѣ и, молча, съ эдакимъ ласковымъ сожалѣніемъ на лицѣ, тихонько, какъ у ребенка, отнял у меня книгу и положилъ передо мной другую, нѣмецкую... улыбнулся и ушелъ, и Пушкина унесъ.

— Вотъ какъ! Какую же онъ книгу тебѣ далъ?

— Вотъ эту.

И Николай Петровичъ вынулъ изъ задняго кармана сюртука пресловутую брошюру Бюхнера, девятаго изданія.

Павелъ Петровичъ повертѣлъ ее въ рукахъ.—Гм! промышчалъ онъ.—Аркадій Николаевичъ заботится о твоёмъ воспитаніи. Что жь, ты пробовалъ читать?

— Пробовалъ.

— Ну и что же?

— Либо я глупъ, либо это все—вздоръ. Должно-быть, я глупъ.

— Да ты по-нѣмецки не забылъ? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Я по-нѣмецки понимаю.

Павелъ Петровичъ опять повертѣлъ книгу въ рукахъ и изподлобья взглянулъ на брата. Оба помолчали.

— Да, кстати, началъ Николай Петровичъ, видимо же-

лая переменить разговор.—Я получилъ письмо отъ Колызина.

— Отъ Матвея Ильича?

— Отъ него. Онъ пріѣхалъ въ *** ревизовать губернію. Онъ теперь въ тузы вышелъ и пишетъ мнѣ, что желаетъ, по родственному, повидаться съ вами и приглашаетъ васъ съ тобой и съ Аркадіемъ въ городъ.

— Ты поѣдешь? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ; а ты?

— И я же поѣду. Очень нужно тащиться за пятьдесятъ верстъ кисея въстъ. Mathieu хочетъ показаться намъ во всей своей славѣ; чортъ съ нимъ! будетъ съ него губернскаго ошмама, обойдется безъ нашего. И велика важность, тайный совѣтникъ! Есaubъ я продолжалъ служить, тянуть эту глупую ляжку, а бы теперь былъ генераль-адъютантомъ. Притомъ же мы съ тобой отставные люди.

— Да, братъ; видно пора гробъ заказывать и ручки складывать крестомъ на груди, замѣтилъ со вздохомъ Николаи Петровичъ.

— Ну, я такъ скоро не сдамся, пробормоталъ его братъ.— У насъ еще будетъ схватка съ этимъ дѣкаремъ, я это предчувствую.

Схватка произошла въ тотъ же день за вечернимъ чаемъ. Павелъ Петровичъ сошелъ въ гостиную уже готовый къ бою, раздраженный и рѣшительный. Онъ ждалъ только предлога, чтобы накинуться на врага; но предлогъ долго не представлялся. Базаровъ вообще говорилъ мало въ присутствіи „старичковъ Кирсановыхъ“, такъ онъ называлъ обоихъ братьевъ, а въ тотъ вечеръ онъ чувствовалъ себя не въ духъ и молча выпивалъ чашку за чашкой. Павелъ Петровичъ весь горѣлъ нетерпѣніемъ; его желанія сбылись наконецъ.

Рѣчь зашла объ одномъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ. „Дрянъ, аристократшко“, равнодушно замѣтилъ Базаровъ, который встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ.

— Позвольте васъ спросить, началъ Павелъ Петровичъ, и губы его задрожали:—по вашимъ понятіямъ слова: „Дрянъ“ и „аристократъ“ одно и то же означаютъ?

— Я сказалъ: „аристократшко“, проговорилъ Базаровъ, дѣливо отхлебывая глотокъ чаю.

— Точно такъ-съ; но я полагаю, что вы такого же мнѣнія объ аристократахъ, какъ и объ аристократшкохъ. Я

считаю долгомъ объявить вамъ, что я этого мнѣнія не раздѣляю. Смѣю сказать, меня всѣ знаютъ за человѣка либеральнаго и любящаго прогрессъ; но именно потому я уважаю аристократовъ, настоящихъ. Вспомните, милостивый государь (при этихъ словахъ Базаровъ поднял глаза на Павла Петровича), вспомните, милостивый государь, повторилъ онъ съ ожесточеніемъ:—англійскихъ аристократовъ. Они не уступаютъ йоты отъ правъ своихъ, и потому они уважаютъ права другихъ; они требуютъ исполненія обязанностей въ отношеніи къ нимъ, и потому они сами исполняютъ свои обязанности. Аристократія дала свободу Англии и поддерживаетъ ее.

— Слышали мы эту пѣсню много разъ, возразилъ Базаровъ:—но что вы хотите этимъ доказать?

— Я *эфтимъ* хочу доказать, милостивый государь (Павелъ Петровичъ, когда сердился, съ нетерпѣніемъ говорилъ: „эфтимъ“ и „эфто,“ хотя очень хорошо зналъ, что подобныхъ словъ грамматика не допускаетъ. Въ этой причудѣ сказывался остатокъ преданій александровскаго времени. Тогдашніе тузы, въ рѣдкихъ случаяхъ когда говорили на родномъ языкѣ, употребляли, одни—*эфто*, другіе—*это*: мы, моль, коренные русаки, и въ то же время мы вельможи, которымъ позволено пренебрегать школьными правилами), я *эфтимъ* хочу доказать, что безъ чувства собственного достоинства, безъ уваженія къ самому себѣ,—а въ аристократѣ эти чувства развиты,—нѣтъ никакого прочнаго основанія общественному..... *bien public*..... общественному зданію. Личность, милостивый государь,—вотъ главное; чело-
вѣческая личность должна быть крѣпка, какъ скала, ибо на ней все строится. Я очень хорошо знаю, навримѣръ, что вы изволите находить смѣшными мои привычки, мой туалетъ, мою опрятность наконецъ, но это все происходитъ изъ чувства самоуваженія, изъ чувства долга, да-съ да-съ, долга. Я живу въ деревнѣ, въ гауши, но я не рѣняю себя, я уважаю въ себѣ человѣка[†].

— Позвольте, Павелъ Петровичъ, промолвилъ Базаровъ:—вы вотъ уважаете себя и сидите сложа руки; какая жь отъ этого польза для *bien public*? Вы бы не уважали себя, и тоже бы дѣлали.

Павелъ Петровичъ добавивъ.—Это совершенно другой вопросъ. Мнѣ вовсе не приходится объяснять вамъ

теперь, почему я сижу сложа руки, какъ вы изволите выраться. Я хочу только сказать, что аристократизмъ—принципъ, а безъ принциповъ жить въ наше время могутъ одни безнравственные или пустые люди. Я говорилъ это Аркадію на другой день его прѣзда, и повторяю теперь вамъ. Не такъ ли, Николай?

Николай Петровичъ кивнулъ головой.

— Аристократизмъ, либерализмъ, принципы, прогрессъ, говорилъ между тѣмъ Базаровъ.—Подумаешь, сколько иностранныхъ и полезныхъ словъ! Русскому человѣку они даромъ не нужны.

— Что же ему нужно, по вашему? Послушать васъ, такъ мы находимся внѣ человѣчества, внѣ его законовъ. Помыслите—логика исторіи требуетъ...

— Да на что намъ эта логика? Мы безъ нея обходимся.

— Какъ такъ?

— Да такъ же. Вы, я надѣюсь, не нуждаетесь въ логикѣ для того чтобы положить себѣ кусокъ хлѣба въ ротъ, когда вы голодны. Куда намъ до этихъ отвлеченностей!

Павелъ Петровичъ взмахнулъ руками.—Я васъ не понимаю послѣ этого. Вы оскорбляете русскій народъ. Я не понимаю, какъ можно не признавать принциповъ, правилъ! Въ силу чего же вы дѣйствуете?

— Я уже говорилъ вамъ, дядюшка, что мы не признаемъ авторитетовъ, вѣшался Аркадій.

— Мы дѣйствуемъ въ силу того, что мы признаемъ полезнымъ, промолвилъ Базаровъ.—Въ теперешнее время полезнѣе всего отрицаніе,—мы отрицаемъ.

— Все?

— Все.

— Какъ? не только искусство, поэзію... но и..... страшно вымолвить...

— Все, съ невыразимымъ спокойствіемъ повторилъ Базаровъ.

Павелъ Петровичъ уставился на него. Онъ этого не ожидалъ, а Аркадій даже покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Однако позвольте, заговорилъ Николай Петровичъ. Вы все отрицаете, или, выражаясь точнѣе, вы все разрушаете.... Да вѣдь надобно же и строить.

— Это уже не наше дѣло... Сперва нужно мѣсто расчистить.

— Современное состояніе народа этого требуетъ, съ важною прибавилъ Аркадій:—мы должны исполнять эти требованія, мы не имѣемъ права предаваться удовлетворенію личнаго эгоизма.

Эта послѣдняя фраза, видимо, не понравилась Базарову: отъ нея вѣяло философіей, то-есть романтизмомъ, ибо Базаровъ и философію называлъ романтизмомъ; но онъ не почелъ за нужное опровергать своего молодого ученика.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ съ внезапнымъ порывомъ Павелъ Петровичъ:—я не хочу вѣрить, что вы, господа, точно знаете русскій народъ, что вы представители его потребностей, его стремленій! Нѣтъ, русскій народъ не такой, какимъ вы его воображаете. Онъ свято чтитъ преданія, онъ—патріархальный, онъ не можетъ жить безъ вѣры....

— Я не стану противъ этого спорить, перебилъ Базаровъ:—я даже готовъ согласиться, что *въ этомъ* вы правы.

— А если я правъ...

— И все-таки это ничего не доказываетъ.

— Именно ничего не доказываетъ, повторилъ Аркадій съ увѣренностію опытнаго шахматнаго игрока, который предвидѣлъ опасный повидимому ходъ противника, и потому нисколько не смутился.

— Какъ ничего не доказываетъ? пробормоталъ изумленный Павелъ Петровичъ.—Стало-быть, вы идете противъ своего народа?

— А хоть бы и такъ? Народъ полагаетъ, что когда громъ гремитъ, это Илья пророкъ въ колесницѣ по небу развѣзжаетъ. Чтò жь? Мнѣ соглашаться съ нимъ? Да притомъ—онъ Русскій, а развѣ я самъ не Русскій?

— Нѣтъ, вы не Русскій послѣ всего, чтò вы сейчасъ сказали! Я васъ за Русскаго признать не могу.

— Мой дѣдъ землю пахалъ, съ надменною гордостію отвѣчалъ Базаровъ.—Спросите любого изъ вашихъ же мужиковъ, въ комъ изъ насъ,—въ васъ или во мнѣ,—онъ скорѣе признаетъ соотечественника. Вы и говорить-то съ нимъ не умѣете.

— А вы говорите съ нимъ и презираете его въ то же время.

— Чтò жь, коли онъ заслуживаетъ презрѣнія! Вы порицаете мое направленіе, а кто вамъ сказалъ, что оно во мнѣ

случайно, что оно не вызвано тѣмъ самымъ народнымъ духомъ, во имя котораго вы такъ ратуете?

— Какъ же! Очень нужны нигилисты.

— Нужны ли они или нѣтъ—не намъ рѣшать. Вѣдь и вы считаете себя не бесполезнымъ.

— Господа, господа, пожалуста безъ личностей! воскликнулъ Николай Петровичъ и приподнялся.

Павель Петровичъ улыбулся и, положивъ руку на плечо брату, заставилъ снова сѣсть.— Не безпокойся, промолвилъ онъ.— Я не позабудусь, именно вслѣдствіе того чувства достоинства, надъ которымъ такъ жестоко трунить господишь... господишь докторъ. Позвольте, продолжалъ онъ, обращаясь снова къ Базарову.— Вы, можетъ-быть, думаете, что ваше ученіе новость? Напрасно вы это воображаете. Матеріализмъ, который вы проповѣдуете, былъ уже не разъ въ ходу и всегда оказывался несостоятельнымъ...

— Опять иностранное слово! перебилъ Базаровъ. Онъ начиналъ злиться, и лицо его приняло какой-то мѣдвнй и грубый цвѣтъ.— Впервыхъ, мы ничего не проповѣдуемъ; это не въ нашихъ привычкахъ...

— Чтò же вы дѣлаете?

— А вотъ чтò мы дѣлаемъ. Прежде, въ недавнее еще время, мы говорили, что чиновники наши берутъ взятки, что у насъ нѣтъ ни дорогъ, ни торговли, ни правльаго суда.

— Ну да, да, вы обличители,—такъ, кажется, это называется. Со многими изъ вашихъ обличеній и, я соглашусь, но...

— А потому мы догадались, что богатъ, все только болтать о нашихъ язвахъ не стòитъ труда, что это ведетъ только къ пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, такъ-называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, [что] мы занимаемся вздоромъ, толкуемъ о какомъ-то искусствѣ, [безсознательномъ творчествѣ, о парламентаризмѣ, объ адвокатурѣ, и чортъ знаетъ о чемъ] когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, когда грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ, когда всѣ наши акціонерныя общества лопаются единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въ честныхъ людяхъ, когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдеть

намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакъ.

— Такъ, перебилъ Павелъ Петровичъ:— такъ; вы во всемъ этомъ убѣдились и рѣшились сами ни за чтò серьезно не приниматься?

— И рѣшились ни за чтò не приниматься, угромо повторилъ Базаровъ. Ему вдругъ стало досадно на самого себя, зачѣмъ онъ такъ распространился передъ этимъ баринкомъ.

— А только ругаться?

— И ругаться.

— И это называется нигилизмомъ?

— И это называется нигилизмомъ, повторилъ опять Базаровъ, на этотъ разъ съ особенною дерзостію.

Павелъ Петровичъ слегка прищурился.— Такъ вотъ какъ! промолвилъ онъ странно спокойнымъ голосомъ.— Нигилизмъ всему горю помочь долженъ, и вы, вы наши избавители и герои. Такъ. Но за чтò же вы другихъ-то, хоть бы тѣхъ же обвинителей, честите? Не такъ же ли вы болтаете, какъ и всѣ?

— Чѣмъ другимъ, а этимъ грѣхомъ не грѣшны, произнесъ сквозь зубы Базаровъ.

— Такъ чтожь? вы дѣствуете, что ли? Собираетесь дѣствовать?

Базаровъ ничего не отвѣчалъ. Павелъ Петровичъ такъ и дрогнулъ, но тотчасъ же овладѣлъ собою.

— Гм!... Дѣствовать, ломать... продолжалъ онъ.— Но какъ же это ломать, не зная даже, почему?

— Мы ломаемъ, потому что мы сила, замѣтилъ Аркадій.

Павелъ Петровичъ посмотрѣлъ на своего племянника и усмѣхнулся.

— Да, сила такъ и не даетъ отчета, проговорилъ Аркадій и выпрямился.

— Несчастный! возопиъ Павелъ Петровичъ; онъ рѣшительно не былъ въ состояніи крѣпиться долѣе:—хоть бы ты подумалъ чтò въ Россіи ты поддерживаешь твоею пошлою сентенціей? Нѣтъ это можетъ ангела изъ терпѣнія вывести! Сила! И въ дикомъ Каабыкѣ, и въ Монголіи есть сила—да на что намъ она?—Намъ дорога цивилизація, да-съ, да-съ, милостивый государь; намъ дороги ея плоды. И не поворите мнѣ, что эти плоды ничтожны: послѣдній пачкутъ, *un barbouilleur*, тапёръ, которому даютъ пять копѣекъ за

вечеръ, и тѣ полезнѣе васъ, потому что они представители цивилизаціи, а не грубой монгольской силы! Вы воображаете себя передовыми людьми, а вамъ бы только въ калмыцкой кубиткѣ сидѣть! Сила! Да вспомните наконецъ, господа сильные, что васъ всего четыре человека съ половиною, а тѣхъ милліоны, милліоны, которые не позволятъ вамъ попирать ногами свои священнѣйшія вѣрованія, которые раздавятъ васъ!

— Коли раздавятъ, туда и дорога, промолвилъ Базаровъ.— Только бабушка еще на двое сказала. Насъ не такъ мало, какъ вы полагаете.

— Какъ? Вы не шутя думаете одолеть, одолеть съ цѣлымъ народомъ? -

— Отъ копѣчной свѣчи, вы знаете, Москва сгорѣла, отвѣтилъ Базаровъ.

— Такъ, такъ. Сперва гордость почти сатанинская, потомъ мумленіе. Вотъ, вотъ чѣмъ увлекается молодежь, вотъ чѣмъ покоряются неопытныя сердца мальчишекъ! Вотъ, поглядите, одинъ изъ нихъ рядомъ съ вами сидитъ, вѣдь онъ чуть не молится на васъ, полюбуйтесь. (Аркадій отворотился и нахмурился.) И эта зараза уже далеко распространилась. Мнѣ сказывали, что въ Римѣ наши художники въ Ватиканѣ ни ногой: Рафаэля считаютъ чуть не дуракомъ, потому что это, молъ, авторитетъ, а сами безсильны и безплодны до гадости; а у самихъ фантазія дальше „Дѣвушки у фонтана“ не хватаетъ, хоть ты что! И написана-то дѣвушка прескверно. По вашему они молодцы, не правда ли?

— По моему, возразилъ Базаровъ:—и Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ; да и они не лучше его.

— Bravo! bravo! Слушай, Аркадій... вотъ какъ должны современные молодые люди выражаться! И какъ, подумаешь, имъ не идти за вами! Прежде молодымъ людямъ приходилось учиться; не хотѣлось имъ прослыть за невѣжды, такъ они поневолѣ трудились. А теперь имъ стоить сказать: все на свѣтѣ вздоръ! — и дѣло въ шляпѣ. Молодые люди обрадовались. И въ самомъ дѣлѣ, прежде они просто были бовакы, а теперь они вдругъ стали нигилисты.

— Вотъ и измѣнилось вамъ хваленое чувство собственного достоинства, флегматически замѣтилъ Базаровъ, между тѣмъ какъ Аркадій весь вспыхнулъ и засверкалъ гла-

заму.—Споръ нашъ зателъ слишкомъ далеко... Кажется, лучше его прекратить. А я тогда буду готовъ согласиться съ вами, прибавилъ онъ, вставая:—когда вы представите мнѣ хоть одно постановленіе въ современномъ нашемъ быту, въ семейномъ или общественномъ, которое бы не вызвало полного и безошаднаго отрицанія.

— Я вамъ милліоны такихъ постановленій представляю, воскликнулъ Павелъ Петровичъ:—милліоны! Да вотъ, хоть община, напримеръ.

Холодная усмѣшка скривила губы Базарова.—Ну, на счетъ общины, промолвилъ онъ:—поговорите лучше съ вашимъ братцемъ. Онъ теперь, кажется, извѣдалъ на дѣлѣ что такое община, круговая порука, трезвость и тому подобныя штуки.

— Семья, наконецъ, семья, такъ какъ она существуетъ у нашихъ крестьянъ! закричалъ Павелъ Петровичъ.

— И этотъ вопросъ, я полагаю, лучше для васъ же самихъ не разбирать въ подробности. Послушайтеся меня, Павелъ Петровичъ, дайте себѣ денька два сроку; сразу вы едва ли что-нибудь найдете. Переберите всѣ наши сословія, да подумайте хорошенько надъ каждымъ, а мы пока съ Аркадіемъ будемъ...

— Надо всѣмъ глумиться, подхватилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, лягушекъ рвать. Пойдемъ, Аркадіи; до свиданія, господа!

Оба пріятели вышли. Братья остались наединѣ и сперва только посматривали другъ на друга.

— Вотъ, началъ наконецъ Павелъ Петровичъ:—вотъ вамъ нынѣшняя молодежь! Вотъ они—наши наследники!

— Наследники, повторилъ съ унылымъ вздохомъ Николай Петровичъ. Онъ въ теченіи всего спора сидѣлъ какъ на угляхъ, и только украдкой, болѣзненно взглядывая на Аркадія.—Знаешь что я вспомнилъ, братъ? Однажды я съ покойницей матушкой поссорился: она кричала, не хотѣла меня слушать... Я наконецъ сказалъ ей, что вы, молъ, меня понять не можете, мы, молъ, принадлежимъ къ двумъ различнымъ поколѣніямъ. Она ужасно обидѣлась, а я подумалъ: что дѣлать? Пилюля горька, а проглотить ее нужно. Вотъ теперь настала наша очередь, и наши наслед-

ники могутъ оказать намъ: вы, молъ, не нашего поколѣнія, глотайте пилюлю.

— Ты уже черезчуръ благодушенъ и скроменъ, возразилъ Павелъ Петровичъ.—Я, напротивъ увѣренъ, что мы съ тобой гораздо правѣ этихъ господчиковъ, хотя выражаемся, можетъ-быть, нѣсколько устарѣлымъ языкомъ, *vieilli*... И такая надутая эта нынѣшняя молодежь. Спросишь иного: какого вина вы хотите, красного или бѣлаго? „Я имѣю привычку предпочитать красное!“ отвѣчаетъ онъ басомъ и съ такимъ важнымъ лицомъ, какъ будто вся вселенная глядитъ на него въ это мгновеніе... И не имѣемъ той дерзкой самоувѣренности...

— Вамъ больше чаю не угодно? промолвила Феничка, просунувъ голову въ дверь: она не рѣшалась войти въ гостиную, пока въ ней раздавались голоса спорившихъ.

— Нѣтъ, ты можешь велѣть самоваръ принять, отвѣчалъ Николай Петровичъ, и поднялся къ ней на встрѣчу. Павелъ Петровичъ отрывисто сказалъ ему: *bonsoir*, и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

XI.

Полчаса спустя, Николай Петровичъ отправился въ садъ, въ свою любимую бесѣдку. На него нашла грустная думы. Впервые онъ ясно созналъ свое разъединеніе съ сыномъ; онъ предчувствовалъ, что съ каждымъ днемъ оно будетъ становиться все больше и больше. Стало-быть, напрасно онъ, бывало, зимою въ Петербургѣ, по цѣлымъ днямъ просиживалъ надъ новѣйшими сочиненіями; напрасно прислушивался къ разговорамъ молодыхъ людей; напрасно радовался, когда ему удавалось вставить и свое слово въ ихъ кипучія рѣчи. „Братъ говорить, что мы правы“, думалъ онъ, „и отложивъ всякое самолюбіе въ сторону, мнѣ самому кажется, что они дальше отъ истины нежели мы, а въ то же время я чувствую, что за ними есть что-то, чего мы не имѣемъ, какое-то преимущество надъ нами... Молодость? Нѣтъ: не одна только молодость. Не въ томъ ли состоитъ это преимущество, что въ нихъ меньше сѣвдовѣ барства чѣмъ въ насъ?“

Николай Петровичъ потупилъ голову и провелъ рукой по лицу.

„Но отвергать поэзію? подумалъ онъ опять: не сочувствовать художеству, природѣ.“

И онъ посмотрѣлъ кругомъ, какъ бы желая понять, какъ можно не сочувствовать природѣ. Уже вечерѣло; солнце открылось за небольшую осиную рощу, лежавшую въ поперекъ отъ сада: тѣнь отъ нея безъ конца тянулась черезъ неподвижныя поля. Мужичокъ ѣхалъ рысцою на бѣлой лошади по темной узкой дорожкѣ вдоль самой рощи: онъ весь былъ ясно виденъ, весь, до заплаты на плечѣ, даромъ что ѣхалъ въ тѣни; приятно-отчетливо мелькали ноги лошади. Солнечные лучи съ своей стороны забирались въ рощу и, пробиваясь сквозь чащу, обливали стволы осинъ такимъ теплымъ свѣтомъ, что онѣ становились похожи на стволы сосенъ, а листва ихъ почти синѣла и надъ нею поднималось блѣдно-голубое небо, чуть обруманенное зарей. Ласточки летали высоко; вѣтеръ совсѣмъ замеръ; запоздалыя пчелы лѣзливо и сомливо жужжали въ цвѣтахъ сирени; мошки толкались столбомъ надъ одинокою, далеко протянутою вѣткой. „Какъ хорошо, Боже мой!“, подумалъ Николай Петровичъ, и любимые стихи пришли было ему на уста: онъ вспомнилъ Аркадія, *Stoff und Kraft*, и умолкъ, но продолжалъ сидѣть, продолжалъ предаваться горестной и отрадной игрѣ одинокихъ думъ. Онъ любилъ помечтать; деревенская жизнь развила въ немъ эту способность. Давно ли онъ также мечталъ, поджидая сына на постояломъ дворикѣ, а съ тѣхъ поръ уже произошла перемѣна, уже опредѣлились, тогда еще неясныя, отношенія... и какъ! Представилась ему опять покойница жена, но не такую, какою онъ ее зналъ въ теченіи многихъ лѣтъ, не домовитою, доброю хизяйкою, а молодою дѣвушкой съ тонкимъ станомъ, невинно-пылцвымъ взглядомъ и туго закрученною косой надъ дѣтскою шейкой. Вспомнилъ онъ, какъ онъ увидалъ ее въ первый разъ. Онъ былъ тогда еще студентомъ. Онъ встрѣтилъ ее на лѣстницѣ квартиры, въ которой онъ жилъ и, нечаянно толкнувъ ее, обернуся, хотѣлъ извиниться, и только могъ пробормотать: „pardon monsieur“, а она наклонила голову, улыбнулась, и вдругъ какъ будто испугалась и побѣжала, а на поворотѣ лѣстницы быстро взглянувъ на него, приняла серьезный видъ и покраснѣла. А потомъ, первыя робкія посѣщенія, поуслова, полуулыбки, и недоумѣніе, и грусть, и порывы, и наконецъ эта задыхающаяся

радость... Куда это все ушло? Она стала его женой, онъ былъ счастливъ, какъ немногіе на землѣ... „Но, думалъ онъ:— тѣ сладостныя, первыя мгновенія, отчего бы не жить имъ вѣчною, не умирающею жизнью?“

Онъ не старался уяснить самому себѣ свою мысль, но онъ чувствовалъ, что ему хотѣлось удержать ихъ, удержать то блаженное время чѣмъ-нибудь болѣе сильнымъ нежели память; ему хотѣлось вновь осязать близость своей Маріи, ощутить ея теплоту и дыханіе, и ему уже чудилось, какъ будто надъ нимъ..

— Николай Петровичъ, раздался вблизи его голосъ Фенички:—гдѣ вы?

Онъ вдрогнулъ. Ему не стало ни больно, ни совѣстно... Онъ не допускалъ даже возможности сравненія между женой и Феничкой, но онъ пожалѣлъ о томъ, что она вздумала его отыскивать. Ея голосъ разомъ напомнилъ ему его сѣдые волосы, его старость, его настоящее.. Волшебный міръ, въ который онъ уже вступалъ, который уже возникалъ изъ туманныхъ вольнъ прошедшаго, шевельнулася—и исчезъ.

— Я здѣсь, отвѣчалъ онъ:—я приду, ступай. „Вотъ они, слѣды-то барства,“ желькнуло у него въ головѣ. Феничка молча заглянула къ нему въ бесѣдку и скрылась; а онъ съ изумленьемъ замѣтилъ, что ночь успѣла наступить съ тѣхъ поръ какъ онъ замечтался. Все потемнѣло и затихло кругомъ, и лицо Фенички скользнуло передъ нимъ такое блѣдное и маленькое. Онъ приподнялся и хотѣлъ возвратиться домой; но размягченное сердце не могло успокоиться въ его груди, и онъ сталъ медленно ходить по саду, то задумчиво глядя себѣ подъ ноги, то поднимая глаза къ небу, гдѣ уже роились и перемигивались звѣзды. Онъ ходилъ много, почти до усталости, а тревога въ немъ, какая-то ищущая, неопредѣленная, печальная тревога, все не унималась. О, какъ Базаровъ посмѣялся бы надъ нимъ, еслибъ онъ узналъ что въ немъ тогда происходило! Самъ Аркадій осудилъ бы его. У него, у сорокачетырехлѣтняго человѣка, агронома и хозяина, навертывались слезы, безпричинныя слезы; это было во сто разъ хуже влодочели. Николай Петровичъ продолжалъ ходить, и не могъ рѣшиться войти въ домъ, въ это мирное и уютное гнѣздо, которое такъ привѣтно глядѣло на него всеми своими освѣщенными окнами; онъ не въ силахъ былъ разстаться съ темнотой,

съ садомъ, съ ощущеніемъ свѣжаго воздуха на лицѣ, и съ этою грустію, съ этою тревогой...

На поворотѣ дорожки встрѣтился ему Павелъ Петровичъ.

— Что съ тобой? спросилъ онъ Николая Петровича:—ты блѣденъ, какъ привидѣніе; ты нездоровъ; отчего ты не ложишься?

Николай Петровичъ объяснилъ ему въ короткихъ словахъ свое душевное состояніе, и удалился. Павелъ Петровичъ дошелъ до конца сада, и тоже задумался, и тоже подвѣялъ глаза къ небу. Но въ его прекрасныхъ, темныхъ глазахъ не отразилось ничего кромѣ свѣта звѣздъ. Онъ не былъ рожденъ романтикомъ, и не умѣла мечтать его щегольски-сухая и страстная, на французскій ладъ мизантропическая душа.

— Знаешь ли что? говорилъ въ ту же ночь Базаровъ Аркадію.—Мнѣ въ голову пришла великолѣпная мысль. Твой отецъ намъ сказывалъ сегодня, что онъ получилъ приглашеніе отъ этого вашего знатнаго родственника. Твой отецъ не поѣдетъ; махнемъ-ка мы съ тобой въ ***; вѣдь этотъ господинъ и тебя зоветъ. Вишь какая сдѣлалась здѣсь погода; а мы прокатимся, городъ посмотримъ. Поболтаемся дней пять, шесть, и баста!

— А оттуда ты сюда вернешься?

— Нѣтъ, надо къ отцу проѣхать. Ты знаешь, онъ отъ *** въ тридцати верстахъ. Я его давно не видалъ, и мать тоже; надо стариковъ потѣшить. Они у меня люди хорошие, особенно отецъ; презабавный. Я же у нихъ одинъ.

— И долго ты у нихъ пробудешь?

— Не думаю. Чай скучно будетъ.

— А къ намъ на возвратномъ пути заѣдешь?

— Не знаю, посмотрю. Ну, такъ, что ли? Мы отправляемся?

— Пожалуй, лѣнливо замѣтилъ Аркадій.

Онъ въ душѣ очень обрадовался предложенію своего пріятеля, но почелъ обязанностію скрыть свое чувство. Не даромъ же онъ былъ нигилистъ!

На другой день онъ уѣхалъ съ Базаровымъ въ ***. Молодежь въ Марьинѣ пожалѣла объ ихъ отъѣздѣ; Думяша даже расплакалась... но старичкамъ вздохнулось легко.

XII.

Городъ ***, куда отправились наши пріятель, состоялъ въ вѣдѣніи губернатора изъ молодыхъ, прогрессиста и деспота, какъ это сплошь да рядомъ случается на Руси. Онъ, въ теченіи перваго года своего управленія, успѣлъ верессориться не только съ губернскимъ предводителемъ, отставнымъ гвардіи штабсъ-ротмистромъ, коннымъ заводчикомъ и хлѣбосоломъ, но и съ собственными чиновниками. Возникшія по этому поводу распри привели наконецъ такіе размѣры, что министерство въ Петербургѣ нашло необходимымъ послать довѣренное лицо съ порученіемъ разобрать все на мѣстѣ. Выборъ начальства палъ на Матвея Ильича Колязина, сына того Колязина, подъ попечительствомъ котораго находились нѣкогда братья Курсановы. Онъ былъ тоже изъ „молодыхъ“, то-есть ему недавно минуло сорокъ лѣтъ, но онъ уже мѣтилъ въ государственные люди и на каждой сторонѣ груди носилъ по звѣздѣ. Одна, правда, была иностранная изъ плохенькихъ. Подобно губернатору, котораго онъ пріѣхалъ судить, онъ считался прогрессистомъ и, будучи уже тузовъ, не походилъ на большую часть тузовъ. Онъ имѣлъ о себѣ самое высокое мнѣніе; тщеславіе его не знало границъ, но онъ держался просто, глядѣлъ одобрительно, слушалъ снисходительно, и такъ добродушно смѣялся, что на первыхъ порахъ могъ даже прослыть за „чуднаго малаго.“ Въ важныхъ случаяхъ онъ умѣлъ однако, какъ говорится, задать пыли. „Энергія необходима,“ говаривалъ онъ тогда, *l'énergie est la première qualité d'un homme d'état,* а совсѣмъ тѣмъ онъ обыкновенно оставался въ дуракахъ, и всякій нѣсколько опытный чиновникъ садился на него верхомъ. Матвей Ильичъ отзывался съ большимъ уваженіемъ о Гизо, и старался внушить во всемъ и каждому, что онъ не принадлежитъ къ числу рутинеровъ и отсталыхъ бюрократовъ, что онъ не оставляетъ безъ вниманія ни одного важнаго проявленія общественной жизни... Всѣ подобныя слова были ему хорошо извѣстны. Онъ даже слѣдилъ, правда съ небрежною величавостію, за развитіемъ

современной литературы: такъ взрослый человекъ, встрѣтивъ на улицѣ процессію мальчишекъ, иногда присоединяется къ ней. Въ сущности Матвей Ильичъ недалеко ушелъ отъ тѣхъ государственныхъ мужей Александровскаго времени, которые, готовясь идти на вечеръ къ г-жѣ Свѣчиной, жившей тогда въ Петербургѣ, прочитывали поутру страницу изъ Кондиляка; только приемы у него были другіе, болѣе современные. Онъ былъ ловкій придворный, большой хитрецъ, и больше ничего; въ дѣлахъ толку не звалъ, ума не имѣлъ, а умѣлъ вести свои собственные дѣла: тутъ ужъ никто не могъ его осѣдлатъ, а вѣдь это главное.

Матвей Ильичъ принялъ Аркадія съ свойственнымъ просвѣщенному сановнику добродушіемъ, скажемъ болѣе, съ игривостію. Онъ однако изумился, когда узналъ, что приглашенные имъ родственники остались въ деревнѣ. „Чудакъ былъ твой папà всегда,“ замѣтилъ онъ, побрасывая кистями своего великолѣпнаго бархатнаго шафрока и, вдругъ обратясь къ молодому чиновнику въ благонамѣреннѣйше-застегнутомъ вицъ-мундирѣ, воскликнулъ съ озабоченнымъ видомъ: „чего?“ Молодой человекъ, у котораго отъ продолжительнаго молчанія слипались губы, приподнялся и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на своего начальника. Но, озадачивъ подчиненнаго, Матвей Ильичъ уже не обращалъ на него вниманія. Сановники наши вообще любятъ озадачивать подчиненныхъ; способы, къ которымъ они прибѣгаютъ для достиженія этой цѣли, довольно разнообразны. Слѣдующій способъ, между прочимъ, въ большомъ употребленіи, „is quite a favourite,“ какъ говорятъ Англичане: сановникъ вдругъ перестаетъ понимать самыя простыя слова, глухоту на себя выпускаетъ. Онъ спроситъ, напримѣръ: какой сегодня день?

Ему почтительнѣйше докладываютъ: „пятница сегодня, ваше с... с... с... ство.“

— А? Что? Что такое? Что вы говорите? мавраженно повторяетъ сановникъ.

— Сегодня пятница, ваше с... с... с... ство.

— Какъ? Что? Что такое пятница? какая пятница?

— Пятница, ваше с... ссс... ссс... с... ство, день въ недѣлѣ.

— Ну-у, ты учишь меня вздумалъ?

Матвей Ильичъ все таки былъ сановникъ, хоть и считался либераломъ.

— Я совѣтую тебѣ, другъ мой, съѣздить съ визитомъ къ губернатору, сказалъ онъ Аркадію:—ты понимаешь, я тебѣ это совѣтую не потому, чтобъ я придерживаюсь старинныхъ понятій о необходимости ѣздить къ властямъ на поклонъ, а просто потому, что губернаторъ—порядочный человѣкъ; притомъ же ты, вѣроятно, желаешь познакомиться съ здѣшнимъ обществомъ... Вѣдь ты не медвѣдь, надѣюсь? А онъ послѣ завтра дастъ большой балъ.

— Вы будете на этомъ балѣ? спросилъ Аркадій.

— Онъ для меня еѣо даетъ, проговорилъ Матвей Ильичъ почти съ сожалѣніемъ.—Ты танцуешь?

— Танцую, только плохо.

— Это напрасно. Здѣсь есть хорошенькія, да и молодому челоѣвѣку стыдно не танцовать. Опять таки я это говорю не въ силу старинныхъ понятій; я вовсе не полагаю, что умъ долженъ находиться въ ногахъ, но байронизмъ смѣшонъ, il a fait son temps.

— Да я, дядюшка, вовсе не изъ байронизма, не...

— Я познакомлю тебя съ здѣшними барынями, я беру тебя подъ свое крылышко, перебилъ Матвей Ильичъ, и самодовольно засмѣялся.—Тебѣ тепло будетъ, а?

Слуга вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ предсѣдателя казенной палаты, сладкоглазаго старика съ сморщенными губами, который чрезвычайно любилъ природу, особенно въ лѣтній день, когда, по его словамъ „каждая пчелочка съ каждаго цвѣточка беретъ взяточку...“

Аркадій удалился.

Онъ засталъ Базарова въ трактирѣ, гдѣ они остановились, и долго его уговаривалъ пойдти къ губернатору. „Нечего дѣлать!“ сказалъ наконецъ Базаровъ: „взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ. Пріѣхали смотрѣть помѣщиковъ, давай ихъ смотрѣть!“ Губернаторъ принялъ молодыхъ людей привѣтливо, но не посадилъ ихъ и самъ не сѣлъ. Онъ вѣчно суетился и спѣшилъ; съ утра надѣвалъ тѣсный видъ-мундиръ и чрезвычайно тугой галстухъ, не дождавъ и не допивая,—все распоряжался. Его въ губерніи прозвали Бурдалу, намекая тѣмъ не на извѣстнаго французскаго проповѣдника, а на бурду. Онъ пригласилъ Кирсанова и Базарова къ себѣ на балъ, и черезъ двѣ минуты

пригласилъ ихъ вторично, считая ихъ уже братьями и называя ихъ Кайсаровыми.

Они шли къ себѣ домой отъ губернатора, какъ вдругъ изъ проѣзжавшихъ мимо дрожекъ выскочилъ человекъ небольшого роста, въ славянофильской венгеркѣ, и съ крикомъ: „Евгеній Васильчъ!“ бросился къ Базарову.

— А! это вы, герръ Ситниковъ, проговорилъ Базаровъ, продолжая шагать по тротуару:—какими судьбами?

— Вообразите, совершенно случайно, отвѣчалъ тотъ, и, обернувшись къ дрожкамъ, махнулъ разъ пять рукой и закричалъ:—ступай за нами, ступай!—У моего отца здѣсь дѣло, продолжалъ онъ, перепрыгивая черезъ канавку:— ну такъ онъ меня просилъ... Я сегодня узналъ о вашемъ прѣздѣ и уже былъ у васъ... (Дѣйствительно, пріятель, возвратясь къ себѣ въ номеръ, нашолъ тамъ карточку съ загнутыми углами и съ именемъ Ситникова, на одной сторонѣ по-французски, на другой—славянскою вязью.) Я надѣюсь, вы не отъ губернатора?

— Не надѣйтесь, мы прямо отъ него.

— А! въ такомъ случаѣ и я къ нему пойду... Евгеній Васильчъ, познакомьте меня съ вашимъ... съ ними...

— Ситниковъ, Курсановъ, проворчалъ, не останавливаясь, Базаровъ.

— Мнѣ очень лестно, началъ Ситниковъ, выступая бокомъ, ухмыляясь и поспѣшно стаскивая свои уже черезчуръ элегантныя перчатки.—Я очень много слышалъ... Я старинный знакомый Евгенія Васильича, и могу сказать—его ученикъ. Я ему обязанъ моимъ перерожденіемъ...

Аркадій посмотрѣлъ на Базаровскаго ученика. Тревожное и тупое напряженіе сказывалось въ маленькихъ, прочемъ пріятныхъ чертахъ его прилизаннаго лица; небольшіе, словно удавленные глаза глядѣли пристально и безпокойно, и смѣялся онъ безпокойно: какимъ-то короткимъ, деревяннымъ смѣхомъ.

— Повѣрите ли, продолжалъ онъ:—что когда при мнѣ Евгеній Васильчъ въ первый разъ сказалъ, что не должно признавать авторитетовъ, я почувствовалъ такой восторгъ... словно прозрѣлъ! Вотъ, подумалъ я, наконецъ нашелъ я человека! Кстати, Евгеній Васильчъ, вамъ непремѣнно надобно сходить къ одной здѣшней дамѣ, которая совершенно въ состояніи понять васъ и для которой

ваше посвященіе будетъ настоящимъ праздникомъ; вы, я думаю, слышали о ней?

— Кто такая? произнесъ нехотя Базаровъ.

— Кукшина, Eudoxie, Евдокія Кукшина. Это—замѣчательная натура, étapairée въ истинномъ смыслѣ слова, передовая женщина. Знаете ли что? Пойдемте теперь къ ней всё вмѣстѣ. Она живетъ отсюда въ двухъ шагахъ. Мы тамъ позавтракаемъ... Вѣдь вы еще не завтракали?

— Нѣтъ еще.

— Ну, и прекрасно. Она, вы понимаете, развѣхалась съ мужемъ, ни отъ кого не зависитъ...

— Хорошенькая она? перебилъ Базаровъ?

— Н... нѣтъ, этого нельзя сказать.

— Такъ для какого же дьявола вы насъ къ ней зовете?

— Ну, шутникъ, шутникъ... Она намъ бутылку шампанскаго поставитъ.

— Вотъ какъ! Сейчасъ виденъ практическій человекъ. Бстаги, вашъ батюшка все по откупамъ?

— По откупамъ, торопливо проговорилъ Ситниковъ и визгливо засмѣялся.—Что же? идетъ?

— Не знаю, право.

— Ты хотѣлъ людей смотрѣть, ступай, замѣтилъ вполголоса Аркадія.

— А вы-то что жъ, г. Кирсановъ? подхватилъ Ситниковъ.—Пожалуйте и вы, безъ васъ нельзя.

— Да какъ же это мы всё разомъ нагрянемъ?

— Ничего. Кукшина—человекъ чудный.

— Бутылка шампанскаго будетъ? спросилъ Базаровъ.

— Три! воскликнулъ Ситниковъ.—За это я ручаюсь.

— Чѣмъ?

— Собственною головою.

— Лучше бы мощною батюшки. А впрочемъ пойдёмъ.

XIII.

Небольшой дворянскій домикъ на московскій манеръ, въ которомъ проживала Авдотья Никитишна (или *Евдокія*) Кукшина, находился въ одной изъ ново-выгорѣвшихъ улицъ города ***; извѣстно, что наши губернскіе города горятъ черезъ каждыя пять лѣтъ. У дверей, надъ криво-прибитою визитною карточкой, виднѣлась ручка колокольчика, и въ

передней встрѣтила пришедшихъ какая-то, не то служанка, не то компаньонка въ чепцѣ, — явные признаки прогрессивныхъ стремленій хозяйки. Ситниковъ спросилъ, дома ли Авдотья Никитишна?

— Это вы, Victor? раздался тонкій голосъ изъ соседней комнаты. — Войдите.

Женщина въ чепцѣ тотчасъ исчезла.

— Я не одинъ, промолвилъ Ситниковъ, лихо складывая свою венгерку, подъ которою оказалось нѣчто въ родѣ поддевки или пальто-сака, и бросая боікій взглядъ Аркадію и Базарову.

— Все равно, отвѣчалъ голосъ. — Entrez.

Молодые люди вошли. Комната, въ которой они очутились, походила скорѣе на рабочій кабинетъ чѣмъ на гостиную. Бумаги, письма, толстые номера русскихъ журналовъ, большею частью неразрѣзанные, валялись по запыленнымъ столамъ; вездѣ бѣжали разбросанные окурки папирось. На кожаномъ диванѣ полулежала дама, еще молодая, бѣлокурая, нѣсколько растрепанная, въ шелковомъ не совсемъ опрятномъ платьѣ, съ крупными браслетами на коротенькихъ рукахъ и кружевною косынкой на головѣ. Она встала съ дивана и, небрежно натягивая себѣ на плечи бархатную шубку на пожелтѣломъ горностаевомъ мѣху, лѣниво промолвила: „Здравствуйте, Victor“ и пожала Ситникову руку.

— Базаровъ, Кирсановъ, проговорилъ онъ отрывисто, въ подражаніе Базарову.

— Милости просимъ, отвѣчала Кукшина и, уставивъ на Базарова свои круглые глаза, между которыми сиротливо краснѣлъ крошечный вздернутый носикъ, прибавила: — я васъ знаю, — и пожала ему руку тоже.

Базаровъ поморщился. Въ маленькой и невзрачной фигуркѣ эманципированной женщины не было ничего безобразнаго; но выраженіе ея лица неприятно дѣйствовало на зрителя. Невольно хотѣлось спросить у ней: „Что ты, голодна? Или скучаешь? Или робѣешь? Чего ты пружимься?“ И у ней, какъ у Ситникова, вѣчно скребло на душѣ. Она говорила и двигалась очень развязно и въ то же время неловко; она, очевидно, сама себя считала за добродушное и простое существо, и между тѣмъ, что бы она ни дѣлала, вамъ постоянно казалось, что она именно это-то и не хо-

тѣла едѣлать; все у ней выходило, какъ дѣти говорятъ—нарочно.

— Да, да, я знаю васъ, Базаровъ, повторила она. (За ней водилась привычка свойственная многимъ провинціальнымъ и московскимъ дамамъ—съ перваго дня знакомства звать мужицкѣю по фамиліи.)—Хотите сигарку?

— Сигарку сигаркой, подхватилъ Ситниковъ, который успѣлъ развалиться въ креслахъ и задрать ногу къверху:— а дайте-ка намъ позавтракать. Мы голодны ужасно; да велите намъ воздвигнуть бутылочку шампанскаго.

— Сибарить, промолвила Евдоксія, и засмѣялась. (Когда она смѣялась, ея верхняя десна обнажалась надъ зубами.) Не правда ли, Базаровъ, онъ сибарить?

— Я люблю комфортъ жизни, произнесъ съ важностію Ситниковъ.—Это не мѣшаетъ мнѣ быть либераломъ.

— Нѣтъ, это мѣшаетъ, мѣшаетъ! воскликнула Евдоксія, и приказала однако своей прислужницѣ распорядиться и на счетъ завтрака, и на счетъ шампанскаго.—Какъ вы объ этомъ думаете? прибавила она, обращаясь къ Базарову.—Я увѣрена, вы раздѣляете мое мнѣніе.

— Ну, нѣтъ, возразилъ Базаровъ:— кусокъ мяса лучше куска хлѣба, даже съ химической точки зрѣнія.

— А вы занимаетесь химіей? Это моя страсть! Я даже сама выдумала одву мастику.

— Мастику? вы?

— Да, я. И знаете ли съ какою цѣлью? Куклы дѣлать, головки, чтобы не ломались. Я вѣдь тоже практическая. Но все это еще не готово. Нужно еще Либиха почитать. Кстати, читали вы статью Кислякова о женскомъ трудѣ въ *Московскихъ Ведомостяхъ*? Прочтите, пожалуйста. Вѣдь васъ интересуетъ женскій вопросъ? И школы тоже? Чѣмъ вашъ пріятель занимается? Какъ его зовутъ?

Госпожа Кукшина *роняла* свои вопросы одинъ за другимъ съ изнѣженной небрежностію, не дожидаясь отвѣтовъ; избалованныя дѣти такъ говорятъ съ своими няньками.

— Меня зовутъ Аркадій Николаичъ Кирсановъ, проговорилъ Аркадій:— и я ничѣмъ не занимаюсь.

Евдоксія захохотала.— Вотъ это мило! Чтѣ вы не курите? Викторъ, вы знаете, я на васъ сердита.

— За чтѣ?

— Вы, говорить, опять стали хвалить Жоржъ Санда.

Отсталая женщина и больше ничего! Какъ возможно сравнить ее съ Эмерсономъ! Она никакихъ идей не имѣетъ ни о воспитаніи, ни о физиологіи, ни о чемъ. Она, я увѣрена, и не слыхивала объ эмбриологіи, а въ наше время—какъ вы хотите безъ этого? (Евдоксія даже руки разставила.) Ахъ, какую удивительную статью по этому поводу написалъ Елѣисъвичъ! Это гениальный господинъ! (Евдоксія постоянно употребляла слово „господинъ“ вмѣсто „человѣкъ“.) Базаровъ, садитесь возлѣ меня на диванъ. Вы, можетъ-быть, не знаете, я ужасно васъ боюсь.

— Это почему? Позвольте полюбопытствовать.

— Вы опасный господинъ; вы такой критикъ. Ахъ, Боже мой! мнѣ смѣшно, я говорю, какъ какая-нибудь степная помѣщица. Впрочемъ, я дѣйствительно помѣщица. Я сама имѣніемъ управляю и, представьте, у меня староста Ерошей—удивительный типъ, точно Патфайндеръ Купера: что-то такое въ немъ непосредственное! Я окончательно поселилась здѣсь; несносный городъ, не правда ли? Но что дѣлать!

— Городъ какъ городъ, хладнокровно замѣтилъ Базаровъ.

— Все такіе мелкіе интересы, вотъ что ужасно! Прежде я по зимамъ жила въ Москвѣ... но теперь тамъ обитаетъ мой благовѣрный, мсьё Кукшинъ. Да и Москва теперь... ужъ я не знаю—тоже ужъ не то. Я думаю съѣздить за границу; я въ прошломъ году уже совсѣмъ было собралась.

— Въ Парижъ, разумѣется? спросилъ Базаровъ.

— Въ Парижъ и въ Гейдельбергъ.

— Зачѣмъ въ Гейдельбергъ?

— Помилуйте, тамъ Бунзенъ!

На это Базаровъ ничего не нашелся отвѣтить.

— Ріегге Сапожниковъ... вы его знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Помилуйте, Ріегге Сапожниковъ... онъ еще всегда у Лидіи Хостатовой бываетъ.

— Я и ея не знаю.

— Ну вотъ онъ взялся меня проводить. Слава Богу, я свободна, у меня нѣтъ дѣтей... Чт) это я сказала: *слава Богу!* Впрочемъ, это все равно.

Евдоксія свернула папироску своими побурѣвшими отъ табаку пальцами, провела по ней языкомъ, пососала ее и закурила. Вошла прислужница съ подносомъ.

— А, вотъ и завтракъ! Хотите закусить? Викторъ, откупорьте бутылку; это по вашей части.

— По моей, по моей, пробормоталъ Ситниковъ, и опять визгаиво засмѣялся.

— Есть здѣсь хорошенькія женщины? спросилъ Базаровъ, допивая третью рюмку.

— Есть, отвѣчала Евдоксія:— да всѣ онѣ такія пустыя. Навримуръ, топ амиѣ Одинцова—недурна. Жаль, что репутація у ней какая-то... Впрочемъ, это бы ничего, но никакой свободы возрѣнія, никакой ширины, ничего... этого. Всю систему воспитанія надобно перемѣнить. Я объ этомъ уже думала; наши женщины очень дурно воспитаны.

— Ничего вы съ ними не сдѣлаете, подхватилъ Ситниковъ.—Ихъ сѣдуетъ презирать, и я ихъ презираю, вполне и совершенно! (Возможность презирать и выражать свое презрѣніе было самымъ пріятнымъ ощущеніемъ для Ситникова; онъ въ особенности нападалъ на женщинъ, не подозревая того, что ему предстояло, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, пресмыкаться передъ своей женой, потому только, что она была урожденная княжна Дурдолесова.) Ни одна изъ нихъ не была бы въ состояніи понять нашу бесѣду; ни одна изъ нихъ не стоить того, чтобы мы, серьезные мужчины, говорили о ней!

— Да имъ совсѣмъ ненужно понимать нашей бесѣды, промолвилъ Базаровъ.

— О комъ вы говорите? вмѣшалась Евдоксія.

— О хорошенькихъ женщинахъ.

— Какъ? Вы, стало-быть, раздѣляете мнѣніе Прудона? Базаровъ надменно выпрямился.—Я ничьихъ мнѣній не раздѣляю; я имѣю свои.

— Долой авторитеты! закричалъ Ситниковъ, обрадовавшись случаю рѣзко выразиться въ присутствіи человѣка, передъ которымъ раболѣпствовалъ.

— Но самъ Маколей; начала было Кукушина...

— Долой Маколея! загремѣлъ Ситниковъ.—Вы заступаетесь за этихъ бабенокъ?

— Не за бабенокъ, а за права женщинъ, которыя я поклялась защищать до послѣдней капли крови.

— Долой!..—Но тутъ Ситниковъ остановился.—Да я ихъ не отрицаю, промолвилъ онъ.

— Нѣтъ, я вижу, вы славагофилъ!

— Нѣтъ, я не славянофилъ, хотя конечно...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы славянофилъ. Вы послѣдователь *Домостроя*. Вамъ бы палтку въ руки!

— Палтка дѣло доброе, замѣтилъ Базаровъ:—только мы вотъ добрались до послѣдней капли.

— Чего? перебила Евдоксія.

— Шампанскаго, почтеннѣйшая Авдотья Никитишна, шампанскаго—не вашей крови.

— Я не могу слышать равнодушно, когда нападаютъ на женщину, продолжала Евдоксія.—Это ужасно, ужасно. Въ-сто того чтобы нападать на нихъ, прочтите лучше книгу Мишеле *de l'Amour*. Это чудо! Господа, будемте говорить о любви, прибавила Евдоксія, томно уронивъ руку на смятую подушку дивана.

Наступило внезапное молчаніе.—Нѣтъ, зачѣмъ говорить о любви, промолвилъ Базаровъ:—а вотъ вы упомянули объ Одицовой.. Такъ, кажется, вы ее назвали? Кто эта барыня?

— Прелесть, прелесть! защищалъ Ситниковъ.—Я васъ представляю. Умница, богачка, вдова. Къ сожалѣнію, она еще не довольно развита: ей бы надо съ нашею Евдоксіей познакомиться. Пью ваше здоровье, Eudoxie! Чокнемтесь!
„Et toc, et toc, et tin tin tin! et toc, et toc, et tin tin tin!“

— Victor, вы шалунъ.

Завтракъ продолжался долго. За первую бутылкой шампанскаго послѣдовала другая, третья и даже четвертая... Евдоксія болтала безъ умолку; Ситниковъ ей вторилъ. Много толковали они о томъ, чтѣ такое бракъ—предразсудокъ или преступленіе? и какіе рождаются люди—одинаковые или нѣтъ? и въ чемъ собственно состоитъ индивидуальность? Дѣло дошло наконецъ до того, что Евдоксія, вся красная отъ выпитаго вина, и стуча плоскими ногтями по клавишамъ разстроеннаго фортепьяно, принялась пѣть сильнѣмъ голосомъ сперва цыганскія пѣсни, потомъ романсъ Сеймуръ-Шиффа: „Дремлетъ сонная Гранада,“ а Ситниковъ повязалъ голову шарфомъ и представлялъ замиравшаго любовника, при словахъ:

„И уста твои съ моими
„Въ подѣлу горачій слухъ!“

Аркадій не вытерпѣлъ наконецъ. „Господа, ужъ это что-

то на Бедаме похоже стало,“ замѣтилъ онъ вслухъ. Базаровъ, который лишь изрѣдка вставляя въ разговоръ насмѣшливое слово—онъ занимался больше шампанскимъ—громко зѣвнулъ, всталъ и, не прощаясь съ хозяйкой, вышелъ вонъ вмѣстѣ съ Аркадіемъ. Ситниковъ выскочилъ вслѣдъ за ними.

— Ну что, ну что, спрашивалъ онъ, подобострастно забывая то справа, то слѣва: — вѣдь я говорилъ вамъ: замѣчательная личность! Вотъ какихъ бы намъ женщинъ побольше! Она, въ своемъ родѣ, высоко-нравственное явленіе.

— А это заведеніе *твоего* отца тоже нравственное явленіе? промолвилъ Базаровъ, ткнувъ палецъ на кабакъ, мимо котораго они въ это мгновеніе проходили.

Ситниковъ опять засмѣялся съ визгомъ. Онъ очень стыдился своего происхожденія, и не зналъ, чувствовать ли ему себя польщеннымъ или обиженнымъ отъ неожиданнаго *тыканья* Базарова.

XIV.

Нѣсколько дней спустя состоялся балъ у губернатора. Матвей Ильичъ былъ настоящимъ „героемъ праздника“. Губернскій предводитель объявлялъ всѣмъ и каждому, что онъ пріѣхалъ собственно изъ уваженія къ нему, а губернаторъ, даже и на балѣ, даже оставаясь неподвижнымъ, продолжалъ „распоряжаться“. Мягкость въ обращеніи Матвея Ильича могла равняться только съ его величавостью. Онъ ласкалъ всѣхъ—однихъ съ отгѣнкомъ угодливости, другихъ съ отгѣнкомъ уваженія; рассыпался „en vai chevalier français“ передъ дамами и безпрестанно смѣялся крупнымъ, звучнымъ и одинакимъ смѣхомъ, какъ оно и слѣдуетъ савоннику. Онъ потрепалъ по спицѣ Аркадія и громко называлъ его „племянничкомъ“, удостоилъ Базарова, облеченнаго въ староватый фракъ,—разсѣяннаго, но свисходительнаго взгляда вскользь черезъ щеку и неяснаго, но привѣтливаго мычанья, въ которомъ только и можно было разобратъ, что „я.“ да „осьма“; подалъ палецъ Ситникову и улыбнулся ему, но уже отвернувъ голову; даже самой Кукшиной, явившейся на балъ безо всякой криволины и въ грязныхъ перчаткахъ, но съ райскою птицей въ волосахъ, даже Кукшиной онъ сказалъ: „Enchanté“. Народу

было пропасть и въ кавалерахъ не было недостатка; штатскіе болѣе тѣснились вдоль стѣны, но военные танцовали усердно, особенно одинъ изъ нихъ, который прожилъ недѣль шесть въ Парижѣ, гдѣ онъ выучился разнымъ захватскимъ восклицаньямъ въ родѣ: „zut!“ „Ah sichtsrrrre“, „pst, pst, mon bibi и т. п. Онъ произносилъ ихъ въ совершенствѣ, съ настоящимъ парижскимъ *шикомъ*, и въ то же время говорилъ: „si j'augais“ вмѣсто „si j'avais“, „absolument“ въ смыслѣ: „непремѣнно“, словомъ, выражался на томъ великорусско-французскомъ нарѣчій, надъ которымъ такъ смѣются Французы, когда они не имѣютъ нужды увѣрять нашу братью, что мы говоримъ на ихъ языкѣ, какъ ангелы, „comme des anges“.

Аркадій танцовалъ плохо, какъ мы уже знаемъ, а Базаровъ вовсе не танцовалъ: они оба помѣстились въ уголокъ; къ нимъ присоединился Ситниковъ. Изобразивъ на лицѣ своемъ презрительную насмѣшку и отпуская ядовитыя замѣчанія, онъ дерзко поглядывалъ кругомъ и, казалось, чувствовалъ истинное наслажденіе. Вдругъ лицо его измѣнилось и, обернувшись къ Аркадію, онъ какъ бы съ смущеніемъ проговорилъ: „Одидцова прѣехала“.

Аркадій оглянулся и увидалъ женщину высокаго роста въ черномъ платьѣ, остановившуюся въ дверяхъ залы. Она его поразила достоинствомъ своей осанки. Обнаженные ея руки красиво лежали вдоль стройнаго стана; красиво падали съ блестящихъ волосъ на покатыя плечи легкія вѣтки фуксій; спокойно и умно, именно спокойно, а не задумчиво, глядѣли свѣтлые глаза изъ-подъ немнога-нависшаго бѣлаго лба, и губы улыбались едва замѣтной улыбкою. Какою-то ласковой и мягкой силой вѣяло отъ ея лица.

— Вы съ ней знакомы? спросилъ Аркадій Ситникова.

— Коротко. Хотите я васъ представлю?

— Пожаауй... послѣ этой кадрили.

Базаровъ также обратилъ вниманіе на Одидцову.— Это что за фигура? проговорилъ онъ.— На остальныхъ бабъ не похожа.

Дождавшись конца кадрили, Ситниковъ подвелъ Аркадія къ Одидцовой; но едва ли онъ былъ коротко съ ней знакомъ: и самъ онъ запутался въ рѣчахъ своихъ, и она глядѣла на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Однако лицо ея приняло радушное выраженіе, когда она услышала

фамилію Аркадія. Она спросила его, не сынъ ли онъ Николая Петровича?

— Точно такъ.

— Я видѣла вашего батюшку два раза, и много слышала о немъ, продолжала она;—я очень рада съ вами познакомиться.

Въ это мгновеніе подлетѣлъ къ ней какой-то адъютантъ и пригласилъ ее на кадрили. Она согласилась.

— Вы развѣ танцуете? почтительно спросилъ Аркадій.

— Танцую. А вы почему думаете, что я не танцую? Или я вамъ какъ-то слишкомъ стара?

— Помните, какъ можно... Но въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ пригласить васъ на мазурку.

Одинцова описходительно усмѣхнулась.—Извольте, сказала она и посмотрѣла на Аркадія, не то чтобы свысока, а такъ какъ замужнія сестры смотрятъ на очень молоденькихъ братьевъ. Одинцова была немного старше Аркадія, ей пошелъ двадцать девятый годъ, но въ ея присутствіи онъ чувствовалъ себя школьникомъ, студентикомъ, точно разница лѣтъ между ними была гораздо значительнѣй. Матвей Ильичъ приблизился къ ней съ величественнымъ видомъ и подобострастными рѣчами. Аркадій отошелъ въ сторону, но продолжалъ наблюдать за нею: онъ не спускалъ съ нея глазъ и во время кадрили. Она такъ же не принужденно разговаривала съ своимъ танцоромъ, какъ и съ савонникомъ, тихо поводила головой и глазами, и два два тихо засмѣялась. Носъ у ней былъ немного толстъ, какъ почти у всѣхъ Русскихъ, и цвѣтъ кожи не былъ совершенно чистъ; совсѣмъ тѣмъ Аркадій рѣшилъ, что онъ еще никогда не встрѣчалъ такой прелестной женщины. Звукъ ея голоса не выходилъ у него изъ ушей; самыя складки ея платья, казалось, ложились у ней иначе чѣмъ у другихъ, стройнѣе и шире, и движенія ея были особенно плавны и естественны въ одно и то же время.

Аркадій ощущалъ на сердцѣ вѣкоторую робость, когда, при первыхъ звукахъ мазурки, онъ усаживался возлѣ своей дамы и, готовясь вступить въ разговоръ, только проводилъ рукой по волосамъ и ни находилъ ни единого слова. Но онъ робѣлъ и волновался недолго; спокойствіе Одинцовой сообщалось и ему: четверти часа не прошло, какъ ужъ онъ свободно разказывалъ о своемъ отцѣ, дядѣ,

о жизни въ Петербургѣ и въ деревнѣ. Одинцова саушала его съ вѣжливымъ участіемъ, слегка раскрывая и закрывая вѣрзь; болтовня его прерывалась, когда ее выбирали кавалеры; Ситниковъ, между прочимъ, пригласилъ ее два раза. Она возвращалась, садилась снова, снова брала вѣрзь, а даже груль ея не дышала быстрѣе, а Аркадію опять принимался болтать, весь проникнутый счастіемъ находится въ ея близости, говорить съ ней, глядя въ ея глаза, въ ея прекрасный лобъ, во все ея милое, важное и умное лицо. Сама она говорила мало, но знаніе жизни сказывалось въ ея словахъ; по цнымъ ея замѣчаніямъ Аркадію заключилъ, что эта молодая женщина уже успѣла почувствовать и передумать многое...

— Съ кѣмъ вы это стояли? спросила она его: — когда г-нъ Ситниковъ подвелъ васъ ко мнѣ?

— А вы его замѣтили? спросилъ въ свою очередь Аркадію.— Не правда ли какое у него славное лицо? Это нѣкто Базаровъ, мой пріятель.

Аркадію принялся говорить о „своемъ пріятелѣ“.

Онъ говорилъ о немъ такъ подробно и съ такимъ восторгомъ, что Одинцова обернулась къ нему и внимательно на него посматрѣла. Межау тѣмъ мазурка приближалась къ концу. Аркадію стало жалко разстаться съ своею дамой: онъ такъ хорошо провелъ съ ней около часа! Правда, онъ въ теченіи всего этого времени постоянно чувствовалъ, какъ будто она къ нему снисходила, какъ будто ему слѣдовало быть ей благодарнымъ... но молодыя сердца не тягостятся этимъ чувствомъ.

Музыка умолкла.— Мерсі, промолвила Одинцова, вставая.— Вы обѣщали мнѣ посѣтить меня, привезите же съ собою и вашего пріятеля. Мнѣ будетъ очень любопытно видѣть человѣка, который имѣетъ смѣлость ни во что не вѣрить.

Губернаторъ подошелъ къ Одинцовой, объявилъ, что ужинъ готовъ и съ озабоченнымъ видомъ подалъ ей руку. Уходя, она обернулась, чтобы въ послѣдній разъ улыбнуться и кивнуть Аркадію. Онъ низко поклонился, посматрѣлъ ей вслѣдъ (какъ строевъ показался ему ея станъ, облитый сѣроватымъ блескомъ чернаго шелка!), и подумавъ— „въ это мгновеніе она уже забыла о моемъ существованіи“— почувствовалъ на душѣ какое-то изящное смиреніе...

— Ну что? спросилъ Базаровъ Аркадію, какъ только тотъ

вернулся къ нему въ уголокъ.—Получилъ удовольствіе? Мнѣ сейчасъ сказывалъ одинъ баринъ, что эта госпожа — ой, ой, ой; да баринъ-то, кажется, дуракъ. Ну а по твоему, что она точно—ой, ой, ой?

— Я этого опредѣленья не совсѣмъ понимаю, отвѣчалъ Аркадія.

— Вотъ еще! Какой невинный!

— Въ такомъ случаѣ я не понимаю твоего барина. Одицова очень мила—безспорно, но она такъ холодно и строго себя держитъ, что...

— Въ тихомъ омутѣ... ты знаешь! подхватилъ Базаровъ.— Ты говоришь, она холодна. Въ этомъ-то самый вкусъ и есть. Видь ты любишь мороженое.

— Можетъ-быть, пробормоталъ Аркадія, — я объ этомъ судить не могу. Она желаетъ съ тобой познакомиться, и просила меня, чтобъ я привезъ тебя къ ней.

— Воображаю, какъ ты меня расписывалъ! Впрочемъ, ты поступилъ хорошо. Вези меня. Кто бы она ни была—просто ли губернская львица, или „эманципе“ въ родѣ Кукшиной, только у ней такія плеча, какихъ я не видывалъ давно.

Аркадія покоробило отъ цинизма Базарова, но—какъ это часто случается—онъ упрекнулъ своего пріятеля не за то именно, что ему въ немъ не понравилось...

— Отчего ты не хочешь допустить свободы мысли въ женщинахъ? проговорилъ онъ вполголоса.

— Оттого, братецъ, что, по моимъ замѣчаніямъ, свободно мыслить между женщинами только уроды.

Разговоръ на этомъ прекратился. Оба молодыхъ человека уѣхали тотчасъ послѣ ужина. Кукшина нервически злобно, но не безъ робости, засмѣялась имъ во слѣдъ: ея самолюбіе было глубоко уязвлено тѣмъ, что ни тотъ ни другой не обратили на нее вниманія. Она оставалась позже всѣхъ на балѣ, и въ четвертомъ часу ночи протягивала польку-мазурку съ Ситниковымъ на парижскій манеръ. Этимъ поучительнымъ зрѣлищемъ и завершился губерна-торскій праздникъ.

XV.

— Посмотримъ, къ какому разряду млекопитающихъ принадлежитъ сія особа, говорилъ на слѣдующій день Аркадію Базаровъ, поднимаясь вмѣстѣ съ нимъ по лѣстницѣ гостиницы, въ которой остановилась Одинцова. — Чувствуешь мой носъ, что тутъ что-то не ладно.

— Я тебѣ удивляюсь! воскликнулъ Аркадій. — Какъ? Ты, ты, Базаровъ, придержишься той узкой морали, которую...

— Экой ты чудакъ! небрежно перебилъ Базаровъ. — Развѣ ты не знаешь, что на нашемъ нарѣчій и для нашего брата не ладно значитъ ладно? Пожива есть, значитъ. Не самъ ли ты сегодня говорилъ, что она страшно вышла замужъ, хотя, по мнѣнію моему, выдти за богатаго старика — дѣло ничуть не страшное, а напротивъ благоразумное. Я городскимъ толкамъ не вѣрю; но люблю думать, какъ говорить нашъ образованный губернаторъ, что они справедливы.

Аркадій ничего не отвѣчалъ и постучался въ дверь номера. Молодой слуга въ ливрѣхъ ввелъ обоихъ пріятелей въ большую комнату, меблированную дурно, какъ всѣ комнаты русскихъ гостиницъ, но уставленную цвѣтами. Скоро появилась сама Одинцова въ простомъ утреннемъ платьѣ. Она казалась еще моложе при свѣтѣ веселого солнца. Аркадій представилъ ей Базарова и съ тайнымъ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ какъ будто сконфузился, между тѣмъ какъ Одинцова оставалась совершенно спокойною, по вчерашнему. Базаровъ самъ почувствовалъ, что сконфузился, и ему стало досадно. „Вотъ тебѣ разъ! — бабы испугался!“ подумалъ онъ, и развалился въ креслѣ, не хуже Ситникова, заговорилъ преувеличенно развязно, а Одинцова не спускала съ него своихъ донныхъ гадъ.

Анна Сергѣевна Одинцова родилась отъ Сергѣя Николаевича Доктева, известнаго красавца, аффериста и игрока, который, продержавшись и прошумѣвъ лѣтъ пятнадцать въ Петербургѣ и въ Москвѣ, кончилъ тѣмъ, что проигрался въ прахъ и принужденъ былъ поселиться въ деревнѣ, гдѣ впрочемъ скоро умеръ, оставивъ крошечное состояніе двумъ своимъ дочерямъ, Аннѣ—двадцати и Катеринѣ двѣнадцати

лѣтъ. Мать ихъ, изъ обидѣвшаго рода князей Х.....ъ, скончалась въ Петербургѣ, когда мужъ ея находился еще въ полной силѣ. Положеніе Анны послѣ смерти отца было очень тяжело. Влестящее воспитаніе, полученное ею въ Петербургѣ, не подготовило ея къ перенесенію заботъ по хозяйству и по дому,—къ глухому деревенскому! житію. Она не знала никого рѣшительно въ цѣломъ околоткѣ, и посоветоваться ей было не съ кѣмъ. Отецъ ея старался избѣгать сношеній съ сосѣдями, онъ ихъ презиралъ, и они его презирали, каждый по своему. Она однако не потеряла головы и немедленно выписала къ себѣ сестру своей матери, княжну Авдотью Степановну Х.....ю, злую и чванную старуху, которая, поселившись у племянницы въ домѣ, забрала себѣ всѣ лучшія комнаты, ворчала и брюзжала съ утра до вечера, и даже по саду гуляла не иначе, какъ въ сопровожденіи единственнаго своего крѣпостнаго человѣка, угрюмаго лакея въ изношенной гороховой ливреѣ съ голубымъ позументомъ и въ треуголкѣ. Анна терпѣливо выносила всѣ причуды тетки, исподволь занималась воспитаніемъ сестры и, казалось, уже примирилась съ мыслию увлечь въ глуши... Но судьба сулила ей другое. Ее случайно увидѣлъ нѣкто Одинцовъ, очень богатый человѣкъ лѣтъ сорока шести, чудакъ, эпоходрикъ, пухлый, тяжелый и кислый, впрочемъ, не глупый и не злой; влюбился въ нее и предложилъ ей руку. Она согласилась быть его женой,—а онъ пожилъ съ ней лѣтъ шесть и, умирая, упрочилъ за ней все свое состояніе. Анна Сергѣевна около года послѣ его смерти не выѣзжала изъ деревни, потомъ отправилась вмѣстѣ съ сестрой за границу, но побывала только въ Германіи; соскучилась и вернулась на жительство въ свое любезное Никольское, отстоявшее верстъ сорокъ отъ города ***. Тамъ у ней былъ великолѣпный, отличнo-убранный домъ, прекрасный садъ съ оранжереями: покойный Одинцовъ ни въ чемъ себѣ не отказывалъ. Въ городѣ Анна Сергѣевна являлась очень рѣдко, большею частью по дѣламъ, и то не на долго. Ея не любили въ губерніи, ужасно кричали по поводу ея брака съ Одинцовымъ, разказывали про нее всевозможныя небылицы, увѣряли, что она помогала отцу въ его шулерскихъ продѣлкахъ, что и за границу она ѣздила недаромъ, а изъ необходимости скрыть несчастныя послѣдствія... „Вы понимаете чего?“ договари-

вали негодующіе разкащики.—„Пршла черезъ огонь и воду,“ говорили о ней; а извѣстный губерскій остракъ обыкновенно прибавлялъ: „и черезъ мѣдныя трубы.“ Всѣ эти толки доходили до нея; но она пропускала ихъ мимо ушей: характеръ у нея былъ свободный и довольно рѣшительный.

Одинцова сидѣла, прислонясь къ спинкѣ кресла и, положивъ руку на руку, слушала Базарова. Онъ говорилъ, противъ обыкновенія, довольно много и явно старался занять свою собесѣдницу, что опять удивило Аркадія. Онъ не могъ рѣшить — достигалъ ли Базаровъ своей цѣли. По лицу Анны Сергѣевны трудно было догадаться, какія она испытывала впечатлѣнія: оно сохраняло одно и то же выраженіе, пріятливое, тонкое; ея прекрасныя глаза свѣтились вниманіемъ, но вниманіемъ безмятежнымъ. Ломаніе Базарова, въ первыя минуты посѣщенія, непріятно подѣйствовало на нее, какъ дурной запахъ или рѣзкій звукъ; но она тотчасъ же поняла, что онъ чувствовалъ смущеніе, и это ей даже польстило. Одно пошлое ее отталкивало, а въ пошлости никто бы не упрекнулъ Базарова. Аркадію пришлось въ тотъ день не переставать удивляться. Онъ ожидалъ, что Базаровъ заговоритъ съ Одинцовой, какъ съ женщиной умною, о своихъ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ: она же сама изъявила желаніе послушать человѣка, „который имѣетъ смѣлость вѣчному не вѣрить“; но вмѣсто того Базаровъ толковалъ о медицинѣ, о гомеопатіи, о ботаникѣ. Оказалось, что Одинцова не теряла времени въ удивленіи: она прочла нѣсколько хорошихъ книгъ и выражалась правильнымъ русскимъ языкомъ. Она навела рѣчь на музыку, но замѣтивъ что Базаровъ не признаетъ искусства, потихоньку возвратилась къ ботаникѣ, хотя Аркадію и пустился было толковать о значеніи народныхъ мелодій. Одинцова продолжала обращаться съ нимъ какъ съ младшимъ братомъ: казалось, она цѣнила въ немъ доброту и простодушіе молодости—и только. Часа три слиткомъ длилась бесѣда меторопая, разнообразная и живая.

Пріятели наконецъ поднялись и стали прощаться. Анна Сергѣевна ласково поглядѣла на нихъ, протянула обоимъ свою красивую, бѣлую руку и, подумавъ немного, съ рѣшительною, но хорошею улыбкой проговорила:—Если вы, господа, не боитесь скуки, пріѣзжайте ко мнѣ въ Никольское.

— Помилуйте, Анна Сергѣевна, воскликнулъ Аркадій,—я за особенное счастье почту...

— А вы, мсьѣ Базаровъ?

Базаровъ только поклонился,—и Аркадію въ послѣдній разъ пришлось удивиться: онъ замѣтилъ, что пріятель его покраснѣлъ.

— Ну? говорилъ онъ ему на улицѣ:—ты все того же мѣжня, что она—ой, ой, ой?

— А кто ее знаетъ! Вишь, какъ она себя заморозила! возразилъ Базаровъ и, помолчавъ немного, прибавилъ:—герцогиня, владѣтельная особа. Ей бы только шлейфъ сзади носить да корону на головѣ.

— Наши герцогини такъ по-русски не говорятъ, замѣтилъ Аркадій.

— Въ передѣлкѣ была, братецъ ты мой, нашего хлѣба покушала.

— А все-таки она прелесть, промолвилъ Аркадій.

— Эдакое богатое тѣло! продолжалъ Базаровъ:—хоть сейчасъ въ анатомическій театръ.

— Перестань ради Бога, Евгеній? это ни на что не похоже.

— Ну, не сердись, нѣженка. Сказано—первый сортъ. Надо будетъ повхвать къ ней.

— Когда?

— Да хоть послѣзавтра. Что намъ здѣсь дѣлать-то! Шампанское съ Кукшиной пить? Родственника твоего, либеральнаго савонника, слушать?... Послѣзавтра же и махнемъ. Кстати—и моего отца усадьбишка оттуда не далеко. Вѣдь это Никольское по *** дорогѣ?

— Да.

— Ортине. Нечего мѣшкать; мѣшкаютъ одни дураки—да умники. Я тебѣ говорю: богатое тѣло!

Три дня спустя, оба пріятеля катили по большой дорогѣ въ Никольское. День стоялъ свѣтлый и не слишкомъ жаркій, и ямскія сытыя лошадки дружно бѣжали, слегка помахая своими закрученными и заплетенными хвостами. Аркадій глядѣлъ на дорогу и улыбался, самъ не зная чему.

— Поздравь меня, воскликнулъ вдругъ Базаровъ,—сегодня 22-ое іюня, день моего ангела. Посмотримъ, какъ-то онъ обо мнѣ печется. Сегодня меня дома ждуть, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ...—Ну, подождутъ, что за важность!

XVI.

Усадьба, въ которой жила Анна Сергѣевна, стояла на пологомъ открытомъ холмѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ желтой каменной церкви съ зеленою крышей, бѣлыми колоннами и живописью *al fresco* надъ главнымъ входомъ, представлявшею „Воскресеніе Христово“ въ „итальянскомъ“ вкусѣ. Особенно замѣчательны своими округленными контурами былъ распростертый на первомъ планѣ смуглый воишь въ шпакѣ. За церковью тянулось въ два ряда длинное село съ кое-гдѣ мелькавшими трубами надъ соломенными крышами. Господскій домъ былъ построенъ въ одномъ стилѣ съ церковью, въ томъ стилѣ, который извѣстенъ у насъ подъ именемъ александровскаго; домъ этотъ былъ также выкрашенъ желтою краскою, и крышу имѣлъ зеленую, и бѣлыя колонны, и фронтоны съ гербомъ. Губернскій архитекторъ воздвигнулъ оба зданія съ одобренія покойнаго Одинцова, не терпѣвшаго никакихъ пустыхъ и самопроизвольныхъ, какъ онъ выражался, нововведеній. Къ дому съ обѣихъ сторонъ прилегалъ темный деревья стариннаго сада; аллея стриженыхъ елокъ вела къ подъѣзду.

Пріятели нашихъ встрѣтили въ передней два рослые лакея въ ливреѣ, одинъ изъ нихъ тотчасъ побѣжалъ за дворецкимъ. Дворецкій, толстый человекъ въ черномъ фракѣ, немедленно явился и направилъ гостей по устланной коврами лѣстницѣ въ особую большую комнату, гдѣ уже стояли двѣ кровати со всѣми принадлежностями туалета. Въ домѣ видимо царствовалъ порядокъ: все было чисто, всюду пахло какимъ-то приличнымъ запахомъ, точно въ министерскихъ приемныхъ.

— Анна Сергѣевна проситъ васъ пожаловать къ нимъ черезъ полчаса, доложилъ дворецкій, — не будетъ ли отъ васъ покаянствъ, какихъ приказаній?

— Никакихъ приказаній не будетъ, почтеннѣйшій, отвѣтилъ Базаровъ: — развѣ рюмку водочки соблаговолите поднести.

— Слушаю-съ, промолвилъ дворецкій не безъ недомыслия, и удалился, скривя сапогами.

— Какой гранжандр! замѣтилъ Базаровъ:—кажется это такъ по вашему называется? Герцогиня, да и полно.

— Хороша герцогиня, возразилъ Аркадій,—съ перваго раза пригласила къ себѣ такихъ сильныхъ аристократовъ, каковы мы съ тобой.

— Особенно я, будущій дѣкарь и дѣкарскій сынъ и дьячковскій внукъ... Вѣдь ты знаешь, что я внукъ дьячка?... Какъ Сперанскій, прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія и скривилъ губы.—А все-таки избаловала она себя; охъ, какъ избаловала себя эта барыня! Ужь не фраки ли мамѣ надѣть?

Аркадій только плечомъ пожалъ... но и онъ чувствовалъ небольшое смущеніе.

Полчаса спустя Базаровъ съ Аркадіемъ сошли въ гостиную. Это была просторная, высокая комната, убранная довольно роскошно, но безъ особеннаго вкуса. Тяжелая дорогая мебель стояла въ обычномъ чопорномъ порядкѣ вдоль стѣнъ, обитыхъ коричневыми обоями съ золотыми разводами; покойный Одинцовъ выписалъ ее изъ Москвы черезъ своего пріятеля и комиссіонера, виннаго торговца. Надъ среднимъ диваномъ висѣлъ портретъ обрюзгаго бѣлокурого мужчины—и, казалось, недружелюбно глядѣлъ на гостей. „Должно быть самъ“, шепнулъ Базаровъ Аркадію и, сморщивъ носъ, прибавилъ: „ахъ удрать!“ Но въ это мгновеніе вошла хозяйка. На ней было легкое барежевое платье; гладко зачесанные за уши волосы придавали дѣвическое выраженіе ея чистому и свѣжему лицу.

— Благодарствуйте, что одержали слово, мацала она,—погостите у меня: здѣсь, право, не дурно. Я васъ познакомаю съ моей сестрою; она хорошо играетъ на фортепьяно. Вамъ, мсьё Базаровъ, это все равно; но вы, мсьё Курсановъ, кажется, любите музыку; кромѣ сестры у меня живетъ старушка тетка, да сосѣдъ одинъ иногда набѣзжаетъ въ карты играть, вотъ и все наше общество. А теперь следемъ.

Одинцова провела ея весь этотъ маленькій спичъ съ особенною отчетливостью, словно она наизусть его выучила; потомъ она обратилась къ Аркадію. Оказалось, что мать ея знавала Аркадіеву мать, и была даже повѣренной ея любви къ Николаю Петровичу. Аркадій съ жаромъ заговорилъ о покойницѣ; а Базаровъ между тѣмъ принялся

разсматривать альбомы. „Какой я смиренникъ сталъ,“ думалъ онъ про себя.

Красивая борзая собака съ голубыми ошейникомъ вѣжала въ гостиную, стуча ногтями по полу, а вслѣдъ за нею вошла дѣвушка лѣтъ восемнадцати, черноволосая и смуглая, съ нѣсколькими круглыми, но пріятными лицомъ, съ небольшими темными глазами. Она держала въ рукахъ корзину, наполненную цвѣтами. „Вотъ вамъ и моя Катя,“ проговорила Одинцова, указавъ на нее движеніемъ головы. Катя слегка присѣла, помѣстившись возлѣ сестры и принялась разбирать цвѣты. Борзая собака, имя которой было Фифи, подошла, махая хвостомъ, поочередно къ обоимъ гостямъ, и ткнула каждого изъ нихъ своимъ холоднымъ носомъ въ руку.

— Это ты все сама нарзала? спросила Одинцова.

— Сама, отвѣчала Катя.

— А тетушка придетъ къ чаю?

— Придетъ.

Когда Катя говорила, она очень мило улыбалась, застѣливо и откровенно и глядѣла, какъ то забавно-сурово, снизу вверхъ. Все въ ней было еще молодо-зелено: и голось, и пушокъ на всемъ лицѣ, и розовыя руки съ бѣловатыми кружками на ладоняхъ, и чуть-чуть сжатые плечи... Она безпрестанно краснѣла и быстро вѣдыкала.

Одинцова обратилась къ Базарову. — Вы изъ пріличія разсматриваете картинку, Евгеній Васильичъ, начала она. — Васъ это не занимаетъ. Пододвиньтесь-ка лучше къ намъ, и давайте поспоримъ о чемъ-нибудь.

Базаровъ приблизился. — О чемъ прикажете-съ? проговорилъ онъ.

— О чемъ хотите. Предупреждаю васъ, что я ужасная спорщица.

— Вы?

— Я. Васъ это какъ будто удивляетъ. Почему?

— Потому что, сколько я могу судить, у васъ правъ спокойный и холодный; а для спора нужно увлеченіе.

— Какъ это вы успѣли меня узнать такъ скоро? Я, впервыя, нетерпѣлива и настойчива, спросите лучше Катю; а ввторыя, я очень легко увлекаюсь.

Базаровъ поглядѣлъ на Анну Сергѣевну. — Можетъ-быть, вамъ лучше знать. Итакъ, вамъ угодно спорить, — извольте..

Я разсматривала виды Саксонской Швейцарии въ вашемъ альбомѣ, а вы мнѣ замѣтили, что это меня занять не можетъ. Вы это сказали оттого что не предполагаете во мнѣ художественнаго смысла,—да во мнѣ дѣйствительно его нѣтъ; но эти виды могли меня заинтересовать съ точки зрѣнія геологической, съ точки зрѣнія формации горъ, напримеръ.

— Извините; какъ геологъ, вы скорѣе къ книгѣ прибѣгаете, къ спеціальному сочиненію, а не къ рисунку.

— Рисункъ наглядно представитъ мнѣ то, что въ книгѣ изложено на цѣлыхъ десяти страницахъ.

Анна Сергѣевна помолчала.

— И такъ-таки у васъ ни капельки художественнаго смысла нѣтъ? промолвила она, облокотясь на столъ, и этимъ самымъ движеніемъ приблизивъ свое лицо къ Базарову.—Какъ же вы это безъ него обходитесь?

— А на что онъ нуженъ, позвольте спросить?

— Да хоть на то, чтобъ умѣть узнавать и изучать людей.

Базаровъ усмѣхнулся.

— Впервыхъ, на это существуетъ жизненный опытъ; а во вторыхъ, доложу вамъ, изучать отдѣльныя личности не стоить труда. Все люди другъ на друга похожи, какъ тѣломъ, такъ и душой; у каждаго изъ насъ мозгъ, селезенка, сердце, легкія одинаково устроены; и такъ-называемыя нравственныя качества одни и тѣ же у всѣхъ: небольшія видоизмѣненія ничего не значатъ. Достаточно одного человѣческаго экземпляра, чтобы судить обо всѣхъ другихъ. Люди, что деревья въ лѣсу; ни одинъ ботаникъ не станеть заниматься каждою отдѣльною березой.

Ката, которая, не спѣша, подбирала цвѣтокъ къ цвѣтку, съ недоумѣніемъ подняла глаза на Базарова,—и встрѣтивъ его быстрый и небрежный взглядъ, вспыхнула вся до ушей. Анна Сергѣевна покачала головой.

— Деревья въ лѣсу, повторила она.—Стадо-быть, по вашему нѣтъ разницы между глупымъ и умнымъ человѣкомъ, между добрымъ и злымъ?

— Нѣтъ, есть; какъ между больнымъ и здоровымъ. Легкія у чахоточнаго не въ томъ положеніи, какъ у насъ съ вами, хоть устроены одинаково. Мы приблизительно знаемъ, отчего происходятъ тѣлесныя недуги; а нравственныя болѣзни происходятъ отъ дурнаго воспитанія, отъ всякихъ пустяковъ, которыми сызмала набиваютъ людскія головы;

отъ безобразнаго состоянiя общества, однимъ словомъ. Исправьте общество, и болѣзней не будетъ.

Базаровъ говорилъ все это съ такимъ видомъ, какъ будто въ то же время думалъ про себя: „вѣрь мнѣ или не вѣрь, это мнѣ все едино!“ Онъ медленно проводилъ своими длинными пальцами по бакенбардамъ, а глаза его бѣгали по угламъ.

— И вы полагаете, промолвила Анна Сергѣевна, — что, когда общество исправится, уже не будетъ ни глупыхъ, ни злыхъ людей?

— По крайней мѣрѣ, при правильномъ устройствѣ общества, совершенно будетъ равно, глупъ ли человекъ или уменъ, золъ или добръ.

— Да, понимаю; у всѣхъ будетъ одна и та же селезенка.

— Именно такъ-съ, сударыня.

Одидцова обратилась къ Аркадiю. — А ваше какое мнѣнiе, Аркадiй Николаевичъ?

— Я согласенъ съ Евгениемъ, отвѣчалъ онъ.

Катя поглядѣла на него изподлобья.

— Вы меня удивляете, господа, промолвила Одидцова;— но мы еще съ вами потолкуемъ. А теперь, я самшу, тетушка идетъ чай пить, мы должны пощадить ее уши.

Тетушка Анны Сергѣевны, княжна Х.....ая, худенькая и маленькая женщина съ сжатыхъ въ кулачокъ лицомъ и неподвижными, злыми глазами подъ сѣдою накладкой, вошла и, едва поклонившись гостямъ, опустилась въ широкое бархатное кресло, на которое никто, кромѣ ея, не имѣлъ права садиться. Катя поставила ей скамейку подъ ноги; старуха не поблагодарила ея, даже не взглянула на нее, только пошевелила руками подъ желтою шалью, покрывавшею почти все ее тщедушное тѣло. Княжна любила желтый цвѣтъ: у ней и на чепцѣ были ярко-желтыя ленты.

— Какъ вы почивали, тетушка? спросила Одидцова, возвысивъ голосъ.

— Опять эта собака здѣсь, проворчала въ отвѣтъ старуха, и замѣтивъ, что Фифи сдѣлала два нерѣшительные шага въ ея направленiи, воскликнула:— брысь, брысь!

Катя позвала Фифи и отворила ей дверь.

Фифи радостно бросилась вонъ, въ надеждѣ что ее поведутъ гулять, но, оставшись одна за дверью, начала скре-

стись и повизгивать. Княжна нахмурилась, Катя хотѣла было выйти.

— Я думаю, чай готовъ? промолвила Одинцова.—Господа, пойдите; тетюшка, пожалуйста чай кушать.

Княжна молча встала съ кресла, и первая вышла изъ гостиной. Всѣ отправились вслѣдъ за ней въ столовую. Казачокъ въ дивреѣ съ шумомъ отодвинулъ отъ стола обложенное подушками, также завѣтное кресло, въ которое опустилась княжна; Катя, разливавшая чай, первой ей подала чашку съ раскрашеннымъ гербомъ. Старуха положила себѣ меду въ чашку (она находила, что пить чай съ сахаромъ и грѣшно, и дорого, хотя сама не тратила копѣйки ни на что), и вдругъ спросила хрипавымъ голосомъ:

— А что пишетъ *князь Иванъ*?

Ей никто не отвѣчалъ. Базаровъ и Аркадій скоро догадались, что на нее не обращали вниманія, хотя обходились съ нею почтительно. „*Для ради важности держать, потому что княжеское отродье,*“ подумалъ Базаровъ... Послѣ чаю Анна Сергѣевна предложила пойти гулять; но сталъ накрапывать дождикъ, и все общество, за исключеніемъ княжны, вернулось въ гостиную. Пріѣхалъ сосѣдъ, любитель карточной игры, по имени Порфирій Платовичъ, толстенькій, сѣденькій человекъ съ короткими, точно выточенными волосами, очень вѣжливый и смѣшливый. Анна Сергѣевна, которая разговаривала все больше съ Базаровымъ, спросила его—не хочетъ ли онъ сразиться съ ними постаромодному въ преферансъ. Базаровъ согласился, говоря, что ему надобно заранѣе приготовиться къ предстоящей ему должности уѣзднаго лѣкаря.

— Берегитесь, замѣтила Анна Сергѣевна,—мы съ Порфиріемъ Платовичемъ васъ разобьемъ. А ты, Катя, прибавила она, — сыграй что-нибудь Аркадію Николаевичу; онъ любитъ музыку, мы кстати послушаемъ.

Катя неохотно приблизилась къ фортепьяно; и Аркадій, хотя точно любилъ музыку, неохотно пошелъ за ней: ему казалось, что Одинцова его отсылаетъ,—а у него на сердцѣ, какъ у всякаго молодаго человека въ его годы, уже накопало какое-то смутное и томительное ощущеніе, похожее на предчувствіе любви. Катя подняла крышу фортепьяно, и не глядя на Аркадія, промолвила вполголоса:

— Что же вамъ сыграть?

— Что хотите, равнодушно отвѣтилъ Аркадiй.

— Вы какую музыку больше любите? повторила Катя, не перемѣняя положенiя.

— Классическую, тѣмъ же голосомъ отвѣтилъ Аркадiй.

— Моцарта любите?

— Моцарта люблю.

Катя достала це-мольную сонату-фантазiю Моцарта. Она играла очень хорошо, хотя не много строго и сухо. Не отводя глазъ отъ нотъ и крѣпко стиснувъ губы, сидѣла она неподвижно и прямо, и только къ концу сонаты, лицо ея разгорѣлось, и маленькая прядь разившихся волосъ упала на темную бровь.

Аркадiя въ особенноти поразила послѣдняя часть сонаты, та часть, въ которой, посреди плавнительной веселости безпечнаго напѣва, внезапно возникаютъ порывы такой горестной, почти трагической скорби... Но мысли, возбужденныя въ немъ звуками Моцарта, относились не къ Катѣ. Глядя на нее, онъ только подумалъ: „А вѣдь недурно играетъ эта барышня и сама она не дура.“

Кончивъ сонату, Катя, не принимая рукъ съ клавишей, спросила: „довольно?“ Аркадiй объявилъ, что не смѣетъ утруждать ее болѣе, и заговорилъ съ ней о Моцартѣ, спросилъ ее, — сама ли она выбрала эту сонату или кто ей ее рекомендовалъ? Но Катя отвѣчала ему односложно, она *спряталась*, ушла въ себя. Когда это съ ней случалось, она нескоро выходила наружу, самое ея лицо принимало тогда выраженiе упрямое, почти тупое. Она была не то что робка, а недоувѣрчива и немного запугана воспитавшею ее сестрой, чего, разумѣется, та и не подозрѣвала. Аркадiй кончилъ тѣмъ что, подозвавъ возвратившуюся Фифи, отащъ для компанансу, съ благосклонною улыбкой, гладить ее по головѣ. Катя опять взялась за свои цѣвты.

А Базаровъ, между тѣмъ, режизился да режизился. Анна Сергѣевна играла мастерски въ карты, Порфирiй Платоничъ тоже могъ постоять за себя. Базаровъ остался въ проигрышѣ, хотя незначительною, но все-таки не совсѣмъ для него приятною. За ужиномъ Анна Сергѣевна снова завела рѣчь о ботаникѣ.

— Пойдемте гулять завтра поутру, сказала она ему, — я хочу узнать отъ васъ латинскiя названiя полевыхъ растенiй и ихъ свойства.

— На что вамъ латинскія названія? спросилъ Базаровъ.

— Во всемъ лучшея порядокъ, отвѣчала она..

— Что за чудесная женщина Анна Сергѣевна! воскликнулъ Аркадій, оставившея наединѣ съ своимъ другомъ въ отведенной имъ комнатѣ.

— Да, отвѣчалъ Базаровъ,—баба съ мозгомъ. Ну, и видела же она виды.

— Въ какомъ смыслѣ ты это говоришь, Евгений Васильичъ?

— Въ хорошемъ смыслѣ, въ хорошемъ, батюшка вы мой, Аркадій Николаичъ! Я увѣренъ, что она и своимъ имѣниемъ отачно распорядится. Но чудо—не она, а ея сестра.

— Какъ? эта смугленькая?

— Да, эта смугленькая. Это вотъ сѣшь, и петровуто, и путяиво, и молчаливо, и все что хочешь. Вотъ кѣмъ можно заняться. Изъ этой еще, что вздумашь, то и сблаещь; а та — тертый калачъ.

Аркадій ничего не отвѣчалъ Базарову, и каждый изъ нихъ легъ спать съ особенными своими мыслями въ головѣ.

И Анна Сергѣевна въ тотъ вечеръ думала о своихъ гостяхъ. Базаровъ ей понравился—отсутствіемъ кокетства и самою рѣзкостью сужденій. Она видѣла въ немъ что-то новое, съ чѣмъ ей не случалось встрѣтиться, а она была любопытна.

Анна Сергѣевна была довольно странное существо. Не имѣла никакихъ предрасудковъ, не имѣла даже никакихъ сильныхъ вѣрованій, она ни передъ чѣмъ не отступала и никуда не шла. Она многое ясно видѣла, многое ее занимало, и ничто не удовлетворяло ея вполне; да она едва ли и желала полного удовлетворенія. Ея умъ былъ пытливъ и равнодушенъ въ одно и то же время; ея сомнѣнія не утихали никогда до забывчивости, и никогда не достигали до тревоги. Не будь она богата и независима, она бытъ-можетъ бросилась бы въ битву, узнала бы страсть... Но ей жилось легко, хотя она и скучала подчасъ, и она продолжала провожать день за днемъ, не спѣша и лишь изрѣдка волнуясь. Радужная краска загоралась иногда и у ней передъ глазами, но она отдыхала, когда онѣ угасали, и не думала о нихъ. Воображеніе ея уносилось даже за предѣлы того, что по законамъ обыкновенной морали счи-

тается дозволеннымъ; но и тогда кровь ея непрежисму тихо катилась въ ея обаятельно-стройномъ—и спокойномъ тѣлѣ. Бывало, выйдя изъ благовонной ванны, вся теплая и разлѣженная, она замечается о ничтожности жизни, объ ея горѣ, трудѣ и злѣ... Душа ея наполняется внезапною смѣлостію, закипитъ благороднымъ стремленіемъ; но сквозной вѣтерокъ подуетъ изъ полузакрытаго окна, и Анна Сергѣевна вся сожметъ, и жалуетъ, и вочти сердится, и только одно ей и нужно въ это мгновение: чтобы не дулъ на нее этотъ гадкій вѣтеръ. Какъ всѣ женщины, которымъ не удалось полюбить, она хотѣла чего-то, сама не зная, чего именно. Собственно ей ничего не хотѣлось, хотя ей казалось, что ей хотѣлось всего. Некогда Одицова она едва выносила (она вышла за него по расчету, хотя она, вѣроятно, не согласилась бы сдѣлаться его женой, еслибы она не считала его за добраго человека) и получила тайное отвращеніе ко всѣмъ мужчинамъ, которыхъ представляла себѣ не иначе, какъ неоправданными, тяжелыми и вялыми, бессильно докучливыми существами. Разъ она гдѣ-то за границей встрѣтила молодого, красиваго Шведа съ рыцарскимъ выраженіемъ лица; съ честными, голубыми глазами подъ открытымъ лбомъ, но это не помѣшало ей вернуться въ Россію. „Странный человекъ этотъ лѣкарь!“ думала она, лежа въ своей великолѣпной постели, на кружевныхъ подушкахъ, подъ легкимъ шелковымъ одѣяломъ... Анна Сергѣевна наследовала отъ отца частицу его наклонности къ роскоши. Она очень любила своего грѣшнаго, но добраго отца, а онъ обожалъ ее, дружелюбно шутилъ съ ней, какъ съ ровней, и довѣрялся ей вполнѣ, совѣтовался съ ней. Мать свою она едва помнила.

„Странный этотъ лѣкарь!“ повторила она про себя. Она потянулась, улыбулась, закунула руки за голову, потомъ пробѣжала глазами страницы двѣ глупаго французскаго романа, выронила книжку—и заснула, вся чистая и холодная въ частомъ и душистомъ бѣльѣ.

На слѣдующее утро Анна Сергѣевна тотчасъ послѣ завтрака отправилась ботанизировать съ Базаровымъ и возвратилась передъ самымъ обѣдомъ; Аркадій никуда не отлучался и провелъ около часа съ Катей. Ему не было скучно съ нею, она сама вызвалась повторить ему вчерашнюю сонату; но когда Одицова возвратилась нахо-

лицъ, когда онъ увидалъ ее,—сердце въ немъ мгновенно сжалось... Она шла по саду нѣсколько усталою походкой; щеки ея алма и глаза свѣтились ярче обыкновеннаго подъ соломенною круглою шляпою. Она вертѣла въ пальцахъ тонкій стебелекъ полевого цвѣтка, легкая мантія спустилась ей на локти, и широкія, сѣрыя ленты шляпы прильнули къ ея груди. Базаровъ шелъ сзади ея, самоуверенно и небрежно, какъ всегда, но выраженіе его лица, хотя веселое и даже ласковое, не понравилось Аркадію. Пробормотавъ сквозь зубы: „здравствуй“! Базаровъ отправился къ себѣ въ комнату, а Одинцова разсѣянно пожала Аркадію руку и тоже прошла мимо его.

— „Здравствуй“! подумалъ Аркадій... „Развѣ мы не видались сегодня?“

XVII.

Время (дѣло извѣстное) летитъ иногда птицей, иногда ползетъ червякомъ; но человѣку бываетъ особенно хорошо тогда, когда онъ даже не замѣчаетъ—скоро ли, тихо ли оно проходитъ. Аркадій и Базаровъ именно такимъ образомъ провели дней ватнацать у Одинцовой. Этому участи способствовалъ порядокъ, который она завела у себя въ домѣ и въ жизни. Она строго его придерживалась и заставляла другихъ ему покоряться не безъ деспотизма. Все въ теченіи дня совершалось въ извѣстную пору. Утромъ, ровно въ восемь часовъ, все общество собиралось къ чаю; отъ чая до завтрака всакій дѣлалъ что хотѣлъ, сама хозяйка занималась съ прикащикомъ (имѣніе было на оброкѣ), съ аворецкимъ, съ главною ключницей. Передъ обѣдомъ общество опять сходилось для бесѣды или для чтенія; вечеръ посвящался прогулкѣ, картамъ, музыкѣ; въ половинѣ одиннадцатаго Анна Сергѣевна уходила къ себѣ въ комнату, отдавала приказанія на слѣдующій день и ложилась спать. Базарову не нравилась эта разнѣренная, нѣсколько торжественная правильность ежедневной жизни; „какъ по рельсамъ катисься,“ увѣрялъ онъ; ливрейные лакеи, чинные дворецкіе оскорбляли его демократическое чувство. Онъ находилъ, что ужь если на то пошло, такъ и обѣдать слѣдовало бы по-англійски, во фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ. Онъ однажды объяснился объ этомъ съ

самою Анной Сергѣевной. Она такъ себя держала, что каждый человекъ, не обинуясь, высказывалъ передъ ней свои мнѣнія. Она выслушала его и промолвила: „съ вашей точки зрѣнія вы правы—и, можетъ-быть, въ этомъ случаѣ, я—барыня; но въ деревнѣ недѣла жить безпорядочно, скука одолеваетъ“—и продолжала дѣлать по своему. Базаровъ ворчалъ; но и ему, и Аркадію оттого между прочимъ и жилось такъ легко у Одинцовой, что все въ ея домѣ „катилось какъ по рельсамъ“. Со вѣдомъ тѣмъ, въ обоихъ молодыхъ людяхъ, съ первыхъ же дней ихъ пребыванія въ Никольскомъ, произошла перемѣна. Въ Базаровѣ, къ которому Анна Сергѣевна очевидно благоволила, хотя рѣдко съ нимъ соглашалась, стала проявляться небывалая прежде тревога: онъ легко раздражался, говорилъ нехотя, глядя въ сѣрдито и не могъ усидѣть на мѣстѣ, словно что его подмывало; а Аркадію, который окончателно самъ съ собой рѣшилъ, что влюбленъ въ Одинцову, началъ предаваться тихому унынію. Впрочемъ, это уныніе не мѣшало ему сблизиться съ Катей; оно даже помогло войти съ нею въ ласковыя, пріятельскія отношенія. „Меня она не цѣпляетъ! Пусть!... А вотъ доброе существо меня не отвергаетъ“, думалъ онъ, и сердце его снова вкушало сладость великодушныхъ ощущеній. Катя смутно понимала, что онъ искалъ какого-то утѣшенія въ ея обществѣ, и не отказывала ни ему, ни себѣ въ невинномъ удовольствіи полустыдливой, полудовѣрчивой дружбы. Въ присутствіи Анны Сергѣевны они не разговаривали между собою: Катя всегда сжималась подъ зоркимъ взглядомъ сестры, а Аркадію, какъ оно и слѣдуетъ влюбленному человеку, вблизи своего предмета уже не могъ обращать вниманіе ни на что другое; но хорошо ему было съ одной Катей. Онъ чувствовалъ, что не въ силахъ занять Одинцову; онъ робѣлъ и терялся, когда оставался съ нею наединѣ; а она не знала что ему сказать: онъ былъ слишкомъ для нея молодъ. Напротивъ, съ Катей Аркадію было какъ дома; онъ обращался съ ней свысока, не мѣшалъ ей высказывать впечатлѣнія, возбужденныя въ ней музыкой, чтеніемъ повѣстей, стиховъ и прочими пустяками, самъ не замѣчалъ или не признавалъ, что эти предметы и его занимали съ своей стороны. Катя не мѣшала ему грустить. Аркадію было хорошо съ Катей, Одинцовой съ Базаровымъ..., а потому обыкновенно случалось такъ: обѣ

парочки, побывавъ немного вмѣстѣ, расходилась каждая въ свою сторону, особенно во время прогулокъ. Катя *обожала* природу, и Аркадій ее любилъ, хоть и не смѣлъ признаться въ этомъ; Одинцова была къ ней довольно равнодушна, такъ же какъ и Базаровъ. Почти постоянное разединеніе нашихъ пріятелей не осталось безъ послѣдствій: отношенія между нами стали мѣняться. Базаровъ пересталъ говорить съ Аркадіемъ объ Одинцовой, пересталъ даже бранить ее „аристократическія замашки“; правда, Катя *онъ* хвалила попрежнему и только совѣтовала умѣрять въ ней сентиментальныя наклонности, но похвалы его были торопливы, совѣты оухи, и вообще *онъ* съ Аркадіемъ *бесѣдовалъ* гораздо меньше прежняго... *онъ* какъ будто изѣбалъ, какъ будто стыдился его... Аркадій все это замѣчалъ, но хранилъ про себя свои замѣчанія.

Настоящею причиною всей этой „возвизны“ было чувство, внушенное Базарову Одинцовой, чувство, которое его мучило и бѣсило, и отъ котораго *онъ* тотчасъ отбѣгался бы съ презрительнымъ хохотомъ и двинувшею бранью, еслибы кто-нибудь, хотя отдаленно, намекалъ ему на возможность того, что въ немъ произошло. Базаровъ былъ великій охотникъ до женщины и до жестокой красавицы, но любовь въ самомъ идеальномъ типѣ, какъ *онъ* выражался, романтическомъ, называла белобердой, непристойною дурью, считалъ рыцарскія чувства чѣмъ-то въ родѣ уродства или болѣзни, и не однажды выражал свое удивленіе, почему не посадили въ желтый домъ Таленбурга съ всеми миннезенгерами и трубадурами? — „Правится тебѣ женщина“, возразивалъ *онъ*, „старайся добиться толку; а нельзя—ну, не надо, отъарнись—земля не каменная сошлась“. Одинцова ему правилась: разброшканные слухи о ней, свобода и независимость ея мыслей, *онъ* несомнѣнное разположеніе къ нему—все, казалось, говорило въ его пользу; но *онъ* скоро понималъ, что съ ней не добьешься толку, а отвернуться отъ нея, *онъ*, къ сожалѣнію своему, не имѣлъ силъ. Кровь его загораивалъ, какъ только *онъ* вспоминалъ о ней; *онъ* легко владалъ бы съ своею кровью, но что-то другое въ него вселялось, чего *онъ* никакъ не допускалъ, надъ чѣмъ всегда трунилъ, что возмущало всю его гордость. Въ разговорахъ съ Анной Сергѣевной *онъ* еще

больше прежняго высказывалъ свое равнодушное презрѣнiе ко всему романтическому; а оставшись наединѣ, онъ отъ погодованiемъ оознавалъ романтика въ самомъ себѣ. Тогда онъ отправлялся въ лѣсъ и ходилъ по немъ большими шагами, ломая попадавшiяся вѣтки, и браня въ погodosа и ее, и себя; или забираясь на сѣновалъ, въ сарай, и упрямо закрывалъ глаза, заставляя себя спать, что ему, разумеется, не всегда удавалось. Вдругъ ему представится, что эти цѣломудренныя руки когда-нибудь обожьются вокругъ его шеи, что эти гордыя губы отвѣтять на его поцѣлуи, что эти умные глаза съ вѣжностью — да, съ вѣжностью — останавятся на его глазахъ, и голова его закружится, и онъ забудется на мигъ, пока опять не вспыхнетъ въ немъ погодованiе. Онъ ловилъ самого себя на всякаго рода „постыдныхъ“ мысляхъ, точно бѣсъ его дразнилъ. Ему казалось иногда, что и въ Одинцовой происходитъ перемѣна, что въ выраженiи ея лица проявлялось что-то особенное, что, можетъ-быть... Но тутъ онъ обыкновенно товалъ ногою или скрежеталъ зубами и гровилъ себѣ кулакомъ.

А между тѣмъ Базаровъ не совсѣмъ ошибался. Онъ поразилъ воображенiе Одинцовой; онъ занималъ ее, она много о немъ думала. Въ его отсутствiи она не скучала, не ждала его; но его появленiе тотчасъ ее оживляло; она охотно оставалась съ нимъ наединѣ и охотно съ нимъ разговаривала, даже тогда, когда онъ ее сердилъ или ескорблялъ ея вкусъ, ея изящныя привычки. Она какъ будто хотѣла и его испытать и себя извѣдать.

Однажды онъ, гуляя съ ней по саду, внезапно промолвилъ угрюмымъ голосомъ, что намѣренъ скоро уѣхать въ деревню къ отцу.... Она небылогла, словно ее что въ сердце кольнуло, да такъ кольнуло, что она удивлялась и долго потомъ размышляла о томъ, что бы это значило. Базаровъ объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ не съ мыслию испытать ее, несмотрѣть что изъ этого выйдетъ; онъ никогда не „оочиналъ“. Утромъ того дня онъ видѣлся съ отцовскими прикащиками, бмещикомъ своимъ дядькой, Тимофеевичемъ. Этотъ Тимофеечъ, потертый и проворный старичокъ, съ выдвѣтшими желтыми волосами, выдвѣтренными красными лицомъ и крошечными слезинками въ сжеженныхъ глазахъ, неожиданно предсталъ передъ Базаровымъ въ своей коротенькой чуйкѣ изъ толстаго сѣре-синеватаго сукна, подпо-

асанный ремешкомъ обрывочкомъ и въ дегтярныхъ сапогахъ.

— А, старина, здравствуй! воскликнулъ Базаровъ.

— Здравствуйте, батюшка Евгенийъ Васильчъ, началъ старичокъ и радостно улыбнулся, отчего все лицо его вдругъ покрылось морщинами.

— Зачѣмъ пожаловалъ? За мной, что ль, прислали?

— Помилуйте, батюшка, какъ можно! залепеталъ Тимоѣичъ (онъ вспомнилъ строгій наказъ, полученный отъ барина при отъѣздѣ).— Въ городъ по господскимъ дѣламъ ѣхали, да про вашу милость услышали, такъ вотъ и завернули по пути, то-есть,—посмотрѣть на вашу милость... а то какъ же можно беспокоить!

— Ну, не ври, перебилъ его Базаровъ.— Въ городъ тебѣ развѣ здѣсь дорога?—Тимоѣичъ помялся и ничего не отвѣчалъ.— Отецъ здоровъ?

— Слава Богу-съ.

— А мать?

— И Архива Власьева, слава тебѣ Господи.

— Ждутъ меня, небось?

Старичокъ склонилъ набокъ свою крошечную головку.— Ахъ, Евгенийъ Васильчъ, какъ не ждать-то-съ! Вѣрите ли Богу, сердце измяло на родителей на вашихъ гляючи.

— Ну, хорошо, хорошо! не расписывай. Скажи имъ, что скоро буду.

— Слушаю-съ, со вздохомъ отвѣчалъ Тимоѣичъ. Выйдя изъ дома, онъ обѣими руками нахлобучилъ себѣ картузь на голову, взобрался на убогя бѣговма дрожки, оставленные имъ у воротъ, и поплеся рысцою, только не въ направленіи города.

Вечеромъ того же дня Одинцова сидѣла у себя въ комнатѣ съ Базаровымъ, а Аркадій рассказывалъ по залѣ и слушалъ игру Кати. Княжна ушла къ себѣ наверхъ; она вообще терпѣть не могла гостей, и въ особенности этихъ „новыхъ оголтелыхъ“, какъ она ихъ называла. Въ парадныхъ комнатахъ она только дулась; зато у себя, передъ своею горничной, она разражалась иногда такою бранью, что чепецъ прыгалъ у ней на головѣ вмѣстѣ съ накладкой. Одинцова все это знала.

— Какъ же это вы ѣхать собираетесь, начала она,—а обещаніе ваше?

Базаровъ встрепетулся.—Какое-съ?

— Вы забыли? Вы хотѣли дать мнѣ нѣсколько уроковъ химіи.

— Что дѣлать-съ! Отецъ меня ждетъ; нельзя мнѣ больше мѣшкать. Впрочемъ, вы можете прочесть Pélouse et Fremy, *Notions Générales de Chimie*: книга хорошая и написана ясно. Вы въ ней найдете все, что нужно.

— А помните, вы меня уверяли, что книга не можетъ замѣнить... а забыла какъ вы выразились, но вы знаете что я хочу сказать... помните?

— Что дѣлать-съ! повторилъ Базаровъ.

— Зачѣмъ вѣхать? проговорила Одинцова, понизивъ голосъ.

Она взглянула на нее. Она закинула голову на спинку кресель и скрестила на груди руки, обнаженныя до локтей. Она казалась блѣднѣй при свѣтѣ одинокой лампы, завѣшенной вырвзною бумажною сѣткой. Широковъ бѣлое платье покрывало ее всю своимъ мягкимъ складками; едва видѣлись кончики ея ногъ, тоже скрещенныхъ.

— А зачѣмъ оставаться? отвѣчалъ Базаровъ.

Одинцова слегка повернула голову.—Какъ зачѣмъ? Развѣ вамъ у меня не весело? Или вы думаете, что объ васъ здѣсь жалѣть не будутъ?

— Я въ этомъ убѣжденъ.

Одинцова возмолчала.—Напрасно вы это думаете. Впрочемъ, я вамъ не вѣрю. Вы не можете сказать это серьезно. Базаровъ продолжалъ сидѣть неподвижно.—Евгеній Васильевичъ, что же вы молчите?

— Да что мнѣ сказать вамъ? О людяхъ вообще жалѣть не стоить, а обо мнѣ подавно.

— Это почему?

— Я человекъ положительный, неинтересный. Говорить не умѣю.

— Вы озабочиваетесь на любовномъ, Евгеній Васильевичъ.

— Это не въ моихъ интересахъ. Развѣ вы не знаете сами, что западная сторона жизни нѣтъ недоступна, та сторона, которую вы такъ дорожите?

Одинцова покусала уголь носоваго платка.— Думайте, что хотите, но мнѣ будетъ скучно, когда вы уйдете.

— Аркадій останется, замѣтилъ Базаровъ.

Одинцова слегка пожалала плечомъ.—Мнѣ будетъ скучно, повторила она.

— Въ самомъ дѣлѣ? Во всякомъ случаѣ долго вы скучать не будете.

— Отчего вы такъ полагаете?

— Оттого, что вы сами мнѣ сказали, что скучаете только тогда, когда вашъ порядокъ нарушается. Вы такъ непогрѣшительно-правильно устроили вашу жизнь, что въ ней не можетъ быть мѣста ни скукѣ, ни тоскѣ, ни какому-нибудь тяжелымъ чувству.

— И вы находите, что я непогрѣшительна... то-есть, что я такъ правильно устроила свою жизнь?

— Еще бы! Да вотъ напримѣръ: черезъ нѣсколько минутъ пробьютъ десять часовъ, и я уже напередъ знаю, что вы прогоните меня.

— Нѣтъ, я васъ не прогоню, Евгенийъ Васильичъ. Вы можете остаться. Отворите это окно... мнѣ что-то душно.

Базаровъ всталъ и толкнулъ окно. Оно разомъ со стукомъ распахнулось... Онъ не ожидалъ, что оно такъ легко отворялось; притомъ его руки дрожали. Темная, мягкая ночь глянула въ комнату съ своимъ почти чернымъ небомъ, слабо-шумѣвшими деревьями свѣжимъ запахомъ вольнаго, чистаго воздуха.

— Саустите стору и сядьте, промолвила Одинцова:—мнѣ хочется поболтать съ вами передъ вашимъ отъѣздомъ. Расскажите мнѣ что-нибудь о самомъ себѣ; вы никогда о себѣ не говорите.

— Я стараюсь бесѣдовать съ вами о предметахъ полезныхъ, Анна Сергѣевна.

— Вы очень скромны... Но мнѣ хотѣлось бы узнать что-нибудь о васъ, о вашемъ семействѣ, о вашемъ отцѣ, для котораго вы насъ покидаете.

„Зачѣмъ она говорить такіа слова?“ подумалъ Базаровъ.— Все это нисколько незанимательно, произнесъ онъ вслухъ. Особенно для васъ; мы люди темные...

— А я, по вашему, аристократка?

Базаровъ поднялъ глаза на Одинцову.—Да, промолвилъ онъ преувеличительно-рѣзко.

Она усмѣхнулась.—Я вижу вы меня знаете мало, хотя

вы и увѣряете, что всѣ люди другъ на друга похожи, и что ихъ изучать не стоить. Я вамъ когда-нибудь разкажу свою жизнь... но вы мнѣ прежде разкажите свою.

— Я васъ знаю мало, повторилъ Базаровъ.— Можетъ-быть, вы правы; можетъ-быть, точно, всякій человекъ—загадка. Да хоть вы, напримѣръ: вы чуждаетесь общества, вы имъ тяготитесь,—и пригласили къ себѣ на жительство двухъ студентовъ. Зачѣмъ вы, съ вашимъ умомъ, съ вашей красотой, живете въ деревнѣ?

— Какъ? Какъ вы это сказали? съ живостью подхватила Одинцова.— Съ моей... красотой.

Базаровъ нахмурился.— Это все равно, пробормоталъ онъ,— я хотѣлъ сказать, что не понимаю хорошенько, зачѣмъ вы поселились въ деревнѣ?

— Вы этого не понимаете... Однако, вы объясняете это себѣ какъ-нибудь?

— Да... я полагаю, что вы постоянно остаетесь на одномъ мѣстѣ потому что вы себя избаловали, потому что вы очень любите комфортъ, удобства, а ко всему остальному очень равнодушны.

Одинцова опять усмѣхнулась.— Вы рѣшительно не хотите вѣрить, что я способна увлекаться?

Базаровъ изподлбья взглянулъ на нее.— Любопытствомъ—пожалуй; но не иначе.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, теперь я понимаю, почему мы сошлись съ вами; вѣдь и вы такой же какъ я.

— Мы сошлись... глухо промолвилъ Базаровъ.

— Да!.. вѣдь я забыла, что вы хотите ухъать.

Базаровъ всталъ. Лампа тускло горѣла посреди потемнѣвшей, благовонной, уединенной комнаты; сквозь узрѣдка колыхавшуюся стору вливалась раздражительная свѣжесть ночи, слышалось ея таинственное шептаніе. Одинцова не шевелилась ни однимъ членомъ, но тайное волненіе охватывало ее понемногу... Оно сообщилось Базарову. Онъ вдругъ почувствовалъ себя наединѣ съ молодой, прекрасною женщиной...

— Куда вы? медленно проговорила она.

Онъ ничего не отвѣчалъ и опустился на стулъ.

— Итакъ, вы считаете меня спокойнымъ, изнѣженнымъ, избалованнымъ существомъ, продолжала она тѣмъ же голосомъ,

не спуская глазъ съ окна.—А я такъ знаю о себѣ, что я очень несчастлива.

— Вы несчастливы! Отчего? Неужели вы можете придавать какое-нибудь значеніе дряннымъ сплетнямъ?

Одинцова нахмурилась. Ей стало досадно, что онъ такъ ее помялъ.

— Меня эти сплетни даже не смѣшать, Евгенийъ Васильичъ, и я слишкомъ горда, чтобы позволить имъ меня безвокоить. Я несчастлива оттого... что нѣтъ во мнѣ желанія, охоты жить. Вы недоувѣрчиво на меня смотрите, вы думаете: это говорить „аристократка“, которая вьса въ кружевахъ и сидитъ на бархатномъ креслѣ. Я и не скрываюсь: я люблю то, что вы называете комфортомъ, и въ то же время я мало желаю жить. Примирите это противорѣчіе какъ знаете. Впрочемъ, это все въ вашихъ глазахъ романтизмъ.

Базаровъ покачалъ головою.—Вы здоровы, независимы, богаты; чего же еще? Чего вы хотите?

— Чего я хочу, повторила Одинцова, и вздохнула.—Я очень устала, я стара; мнѣ кажется, я очень давно живу. Да, я стара, прибавила она, тихонько натягивая концы мантильи на свои облаженные руки.—Ея глаза встрѣтились съ глазами Базарова, и она чуть-чуть покраснѣла.—Позади меня уже такъ много воспоминаній: жизнь въ Петербургѣ, богатство, потомъ бѣдность, потомъ смерть отца, замужство, потомъ заграничная повѣдка, какъ слѣдуетъ. . . воспоминаній много, а вспоминать нечего, а впереди, передо мной—длинная, длинная дорога, а цѣли нѣтъ... Мнѣ и не хочется идти.

— Вы такъ разочарованы? спросилъ Базаровъ.

— Нѣтъ, промолвила съ разстановкой Одинцова,—но я веудовлетворена. Кажется, еслибъ я могла сильно привязаться къ чему-нибудь. . .

— Вамъ хочется полюбить, перебилъ ее Базаровъ,—а полюбить вы не можете: вотъ въ чемъ ваше несчастіе.

Одинцова принялась разсматривать рукава своей мантильи.—Развѣ я не могу полюбить? промолвила она.

— Едва ли! Только я напрасно назвалъ это несчастіемъ. Напротивъ, тотъ скорѣе достоинъ сожалѣнія, съ кѣмъ эта штука случается.

— Случается, что?

— Полюбить.

— А вы почему это знаете?

— Понаслышкѣ, сердито отвѣчалъ Базаровъ. „Ты кокетничаешь“, подумалъ онъ, „ты скучаешь и дразнишь меня отъ нечего-дѣлать, а мнѣ...“

Сердце у него, дѣйствительно, такъ и рвало.

— Притомъ, вы, можетъ-быть, слишкомъ требовательны, промолвилъ онъ, наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ и играя бахрамою кресла.

— Можетъ-быть. По моему, или все или ничего. Жизнь за жизнь. Взялъ мою, отдай свою, и тогда уже безъ сожалѣнія и безъ возврата. А то лучше и не надо.

— Что жь? замѣтилъ Базаровъ:—это условіе справедливое, и я удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ... не наши, чего желали.

— А вы думаете легко отдаться вполне чему бы то ни было.

— Не легко, если станешь размышлять да выжидать, да самому себѣ придавать цѣну, дорожить собою, то-есть; а не размышляя отдаться очень легко:

— Какъ же собою не дорожить? Если я не имѣю никакой цѣны, кому же нужна моя преданность?

— Это уже не мое дѣло; это дѣло другаго разбирать, какая моя цѣна. Главное, надо умѣть отдаться.

Одинцова отдѣлилась отъ спинки кресла.—Вы говорите такъ, начала она,—какъ будто вы все это испытали...

— Къ слову пришлось, Анна Сергѣевна; это все, вы знаете, не по моей части.

— Но вы бы сумѣли отдаться?

— Не знаю, хвастаться не хочу.

Одинцова ничего не сказала, и Базаровъ умолкъ. Звуки фортепіяно долетѣли до нихъ изъ гостиной.

— Чтò это Катя какъ поздно играетъ, замѣтила Одинцова.

Базаровъ поднялся.—Да, теперь точно поздно, вамъ пора почивать.

— Погодите, куда же вы спѣшите... мнѣ нужно сказать вамъ одно слово.

— Какое?

— Погодите, шепнула Одинцова.—Ея глаза остановились на Базаровѣ; казалось, она внимательно его разсматривала.

Онъ прошелся по комнатѣ, потомъ вдругъ приблизился

къ ней, торопливо сказавъ „прощайте,“ стиснулъ ей руку такъ что она чуть не векрикнула, и вышла вонъ. Она поднесла свои оклеившіеся пальцы къ губамъ, подула на нихъ, и внезапно, порывисто поднявшись съ кресла, направилась быстрыми шагами къ двери, какъ бы желая вернуть Базарова. Горничная вошла въ комнату съ графиномъ на серебряномъ подносѣ. Одинцова остановилась, велѣла ей уйдти и сѣла опять, и опять задумалась. Коса ея развилась и темною змѣей упала къ ней на плечо.

Лампа еще долго горѣла въ комнатѣ Анны Сергѣевны, и долго она оставалась неподвижною, лишь изрѣдка проводя пальцами по своимъ рукамъ, которыя слегка покусывала вѣчной холодъ.

А Базаровъ, часа два спустя, вернулся къ себѣ въ спальню съ мокрыми отъ росы сапогами, взъерошенный и угрюмый. Онъ засталъ Аркадія за письменнымъ столомъ, съ книгой въ рукахъ, въ застегнутомъ до верху сюртукѣ.

— Ты еще не ложишься? проговорилъ онъ какъ бы съ досадою.

— Ты долго сидѣлъ сегодня съ Анной Сергѣевной, промолвилъ Аркадій, не отвѣчая на его вопросъ.

— Да, я съ ней сидѣлъ все время, пока вы съ Катериной Сергѣевной играли на фортепіано.

— Я не игралъ... началъ было Аркадій, и умолкъ. Онъ чувствовалъ, что слезы приступали къ его глазамъ, а ему не хотѣлось заплакать передъ своимъ насмѣшливымъ другомъ.

XVIII.

На слѣдующій день, когда Одинцова явилась къ чаю, Базаровъ долго сидѣлъ нагнувшись надъ своею чашкой, да вдругъ взглянулъ на нее. Она обернулась къ нему, какъ будто онъ ее толкнулъ, и ему показалось, что лицо ея слегка поблѣднѣло за ночь. Она скоро ушла къ себѣ въ комнату и появилась только къ завтраку. Съ утра погода стояла дождливая, не было возможности гулять. Все общество собралось въ гостиную. Аркадій досталъ послѣдній номеръ журнала, и началъ читать. Княжна, по обыкновенію своему, сперва выразила на лицѣ своемъ удивленіе, точно онъ затѣвалъ нѣчто непривычное, потомъ злобно

установилась на него, но онъ не обратилъ на нее вниманія.

— Евгений Васильичъ, проговорила Анна Сергѣевна, — пойдемте ко мнѣ... Я хочу у васъ спросить... Вы назвали вчера одно руководство...

Она встала и направилась къ дверямъ. Клякша посмотрѣла вокругъ съ такимъ выраженіемъ, какъ бы желала сказать: „посмотрите, посмотрите, какъ я изумляюсь!“ и опять установилась на Аркадія, но онъ возвысилъ голосъ и, переглянувшись съ Катей, возлѣ которой сидѣлъ, продолжалъ чтеніе.

Одинцова скорыми шагами дошла до своего кабинета. Базаровъ проворно сѣдовалъ за нею, не поднимая глазъ и только ловя слухомъ тонкій свистъ и шелестъ скользяшаго передъ нимъ шелкового платья. Одинцова опустилась на то же самое кресло, на которомъ сидѣла наканунѣ, и Базаровъ занялъ вчерашнее свое мѣсто.

— Такъ какъ же называется эта книга? начала она послѣ небольшого молчанія.

— Pelouse et Frémy, *Notions générales...* отвѣчалъ Базаровъ.— Впрочемъ, можно вамъ также порекомендовать Ganot, *Traité élémentaire de physique expérimentale*. Въ этомъ сочиненіи рисунки отчетливѣе и вообще этотъ учебникъ...

Одинцова протянула руку.— Евгений Васильичъ, извините меня, но я позвала васъ сюда не съ тѣмъ, чтобы разсуждать объ учебникахъ. Мнѣ хотѣлось возобновить нашъ вчерашній разговоръ. Вы ушли такъ внезапно... Вамъ не будетъ скучно?

— Я къ вашимъ услугамъ, Анна Сергѣевна. Но о чемъ, бишь, бесѣдовали мы вчера съ вами?

Одинцова бросила косвенный взглядъ на Базарова.— Мы говорили съ вами, кажется, о счастіи. Я вамъ разказывала о самой себѣ. Кстати готъ, я упоминала слово „счастіе“. Скажите, отчего, даже когда мы наслаждаемся, напримѣръ музыкой, хорошимъ вечеромъ, разговоромъ съ симпатическими людьми, отчего все это кажется скорѣе намекомъ на какое-то безмѣрное, гдѣ-то существующее счастіе, чѣмъ дѣйствительнымъ счастіемъ, то-есть такимъ, которымъ мы сами обладаемъ? Отчего это? Или вы, можетъ-быть, ничего подобнаго не ощущаете?

— Вы знаете поговорку: „тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ“;

возразилъ Базаровъ:—притомъ же вы сами сказали вчера, что вы неудовлетворены. А мнѣ въ голову, точно, такія мысли не приходятъ.

— Можеть-быть онѣ кажутся вамъ смѣшными?

— Нѣтъ, но онѣ мнѣ не приходятъ въ голову.

— Въ самомъ дѣлѣ? Знаете, я бы очень желала знать, о чемъ вы думаете?

— Какъ? Я васъ не понимаю.

— Послушайте, я давно хотѣла объясниться съ вами. Вамъ нечего говорить,—вамъ это самимъ извѣстно,—что вы человѣкъ не изъ числа обыкновенныхъ; вы еще молоды—вся жизнь передъ вами. Чему вы себя готовите? какая будущность ожидаетъ васъ; я хочу сказать—какой цѣли вы хотите достигнуть, куда вы идете, что у васъ на душѣ; словомъ, кто вы, что вы?

— Вы меня удивляете, Анна Сергѣевна. Вамъ извѣстно, что я занимаюсь естественными науками, а кто я...

— Да, кто вы?

— Я уже докладывалъ вамъ, что я будущій уздный лѣкарь.

Анна Сергѣевна сдѣлала нетерпѣливое движеніе.—За-чѣмъ вы это говорите? Вы этому сами не вѣрите. Аркадій могъ бы мнѣ отвѣчать такъ, а не вы.

— Да чѣмъ же Аркадій...

— Перестаньте! Возможно ли, чтобы вы удовольствовались такою скромною дѣятельностью, и не сами ли вы всегда утверждаете, что для васъ медицина не существуетъ. Вы—съ вашимъ самолюбіемъ — уздный лѣкарь! Вы мнѣ отвѣчаете такъ, чтобъ отдѣлаться отъ меня, потому что вы не имѣете никакого довѣрія ко мнѣ. А знаете ли, Евгенийъ Васильичъ, что я умѣла бы понять васъ: я сама была бѣдна и самолюбива, какъ вы; я прошла, можеть-быть, черезъ такія же испытанія, какъ и вы.

— Все это прекрасно, Анна Сергѣевна, но вы меня извините... я вообще не привыкъ высказываться, и между вами и мною такое разстояніе...

— Какое разстояніе?—Вы опять мнѣ скажете, что я аристократка?—Полноте, Евгенийъ Васильичъ; я вамъ, кажется, доказала...

— Да и кромѣ того, перебилъ Базаровъ,—что за охота говорить и думать о будущемъ, которое большею частью

не отъ насъ зависить? Выдѣтъ случай что-нибудь сдѣлать—прекрасно, а не выдѣтъ—по крайней мѣрѣ тѣмъ будешь доволенъ, что заранѣе напрасно не боатааь.

— Вы называете дружескую бесѣду болтовней... Или, можетъ-быть, вы меня, какъ женщину, не считаете достойною вашего довѣрія?—Вѣдь вы насъ всѣхъ презираете!

— Васъ я не презираю, Анна Сергѣевна, и вы это знаете.

— Нѣтъ, я ничего не знаю... но положимъ; я понимаю ваше нежеланіе говорить о будущей вашей дѣятельности: но то, что въ васъ теперь происходитъ....

— Происходитъ! повторилъ Базаровъ:—точно я государство какое или общество! Во всякомъ случаѣ, это вовсе не любопытно; и притомъ, развѣ человѣкъ всегда можетъ громко сказать все, что въ немъ „происходитъ?“

— А я не вижу, почему нельзя высказать все, что имѣешь на душѣ.

— Вы можете? спросилъ Базаровъ.

— Могу, отвѣчала Анна Сергѣевна послѣ небольшого келебанія.

Базаровъ наклонилъ голову.—Вы счастливице меня.

Анна Сергѣевна вопросительно посмотрѣла на него.—Какъ хотите, продолжала она,—а мнѣ все-таки что-то говорить, что мы сошлись не даромъ, что мы будемъ хорошими друзьями. Я увѣрена, что ваша эта, какъ бы сказать, ваша напряженность, сдержанность исчезнетъ наконецъ.

— А вы замѣтили во мнѣ сдержанность... какъ вы еще выразились? напряженность?

— Да.

Базаровъ всталъ и подошелъ къ окну.—И вы желали бы знать причину этой сдержанности, вы желали бы азньть, что во мнѣ происходитъ?

— Да, повторила Одинцова, съ какимъ то ей еще непонятнымъ испугомъ.

— И вы не разсердитесь?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ?—Базаровъ стоялъ къ ней спиною.—Такъ знайте же, что я люблю васъ глупо, безумно... Вотъ чего вы добились.

Одинцова протянула впередъ обѣ руки, а Базаровъ

уперся лбомъ въ стекло окна. Онъ задмкнулся; все тѣло его видимо трепетало. Но это было не трепетаніе юношеской робости, не сладкій ужасъ перваго признанія овладѣвъ имъ: это страсть въ немъ билась, сильная и тяжелая—страсть, похожая на злобу и, быть-можетъ, сродни ей... Одавцовой стало и страшно, и жалко его.

— Евгений Васильичъ, проговорила она, и невольная нѣжность зазвенѣла въ ея голосѣ.

Онъ быстро обернулся, бросилъ на нее пожирающій взоръ—и, схвативъ ея обѣ руки, внезапно привлекъ ее къ себѣ на грудь...

Она не тотчасъ освободилась изъ его объятій; но мгновенно спустя, она уже стояла далеко въ углу, и глядѣла оттуда на Базарова.

Онъ рванулся къ ней...

— Вы меня не поняли, прошептала она съ торопливымъ испугомъ. Казалось, шагнул онъ еще разъ, она бы вскрикнула... Базаровъ закусилъ губы и вышелъ.

Полчаса спустя служанка подала Аннѣ Сергѣевнѣ записку отъ Базарова; она состояла изъ одной только строчки: „долженъ ли я сегодня уѣхать—или могу остаться до завтра?“—„Зачѣмъ уѣзжать? — Я васъ не понимала — вы меня не поняли,“ отвѣтила ему Анна Сергѣевна, а сама подумала: „я и себя не понимала.“

Она до обѣда не показывалась, и все ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ, заложивъ руки назадъ, изрѣдка останавливаясь то передъ окномъ, то передъ зеркаломъ, и медленно проводила платкомъ по шеѣ, на которой ей все чудилось горячее пятно. Она спрашивала себя, чтѣ оставяло ее „добиваться“, по выраженію Базарова, его откровенности, и не подозрѣвала ли она чего-нибудь... „Я виновата“, промолвила она вслухъ, „но я это не могла предвидѣть“. Она задумывалась и краснѣла, вспоминая почти зѣвское лицо Базарова, когда онъ бросился къ ней.

„Или?“ произнесла она вдругъ, и остановилась, и трянула кудрями... Она увидала себя въ зеркалѣ; ея назадъ-закиннутая голова съ таинственною улыбкой на полу-закрытыхъ, полу-раскрытыхъ глазахъ и губахъ, казалось, говорила ей въ этотъ мигъ что-то такое, отъ чего она сама смутилась...

„Нѣтъ, рѣшила она наконецъ,—Богъ знаетъ, куда бы

это повело; этимъ нельзя шутить, спокойствіе все-таки лучше всего на свѣтѣ.“

Ея спокойствіе не было потрясено; но она опечалилась, и даже всплакнула разъ, сама не зная отчего, только не отъ навеселнаго оскорбленія. Она не чувствовала себя оскорбленною: она скорѣе чувствовала себя виноватою. Подъ вліяніемъ различныхъ смутныхъ чувствъ, сознанія уходящей жизни, желанія новизны, она заставила себя дойти до извѣстной черты, заставила себя заглянуть за нее—и увидала за ней, даже не бездну, а пустоту... или безобразіе.

XIX.

Какъ ни владела собою Одинцова, какъ ни стояла выше всякихъ предрасудковъ, но и ей было немовко, когда она явилась въ столовую, къ обѣду. Впрочемъ, онъ прошелъ довольно благополучно. Порфирій Платонычъ пріѣхалъ и разказалъ разные анекдоты; онъ только что вернулся изъ города. Между прочимъ, онъ сообщалъ, что губернаторъ Бурдалу приказалъ своимъ чиновникамъ по особымъ порученіямъ носить шпory, на случай, если онъ пошлетъ ихъ куда-нибудь, для скорости, верхомъ. Аркадій вполголоса разсуждалъ съ Катей и дипломатически присаживаясь княжѣ. Базаровъ упорно и угрюмо молчалъ. Одинцова раза два—прямо, не украдкой—посмотрѣла на его лицо, строгое и жесткое, съ опущенными глазами, съ отпечаткомъ презрительной рѣшимости въ каждой чертѣ, и подумала: „нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ...“ Послѣ обѣда она со всѣмъ обществомъ отправилась въ садъ и, видя, что Базаровъ желаетъ заговорить съ нею, сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону и остановилась.

Онъ приблизился къ ней, но и тутъ не поднималъ глазъ, и глухо промолвилъ:

— Я долженъ извиниться передъ вами, Анна Сергѣевна. Вы не можете не гнѣваться на меня.

— Нѣтъ, я на васъ не сержусь, Евгенийъ Васильичъ, отвѣчала Одинцова,—но я огорчена.

— Тѣмъ хуже. Во всякомъ случаѣ, я довольно наказанъ. Мое положеніе, съ этимъ вы вѣроятно согласитесь, самое глупое. Вы мнѣ написали: зачѣмъ уѣзжать? А я не могу и не хочу остаться. Завтра меня здѣсь не будетъ.

— Евгений Васильичъ, зачѣмъ вы...

— Зачѣмъ я увѣжаю?

— Нѣтъ, я не то хотѣла сказать.

— Прощедшаго не воротить, Анна Сергѣевна... а рано или поздно это должно было случиться. Свѣдѣтельно, мнѣ надобно увѣжать. Я понимаю только одно условіе, при которомъ я бы могъ остаться; но этому условію не бывать никогда. Вѣдь вы, извините мою дерзость, не любите меня и не полюбите никогда?

Глаза Базарова сверкнули на мгновеніе изъ-подъ темныхъ его бровей.

Анна Сергѣевна не отвѣчала ему. „Я боюсь этого чело-вѣка“, мелькнуло у ней въ головѣ.

— Прощайте-съ, проговорилъ Базаровъ, какъ бы угадавъ ея мысль, и направился къ дому.

Анна Сергѣевна такълько пошла вслѣдъ за нимъ и, подзвавъ Катю, взяла ее подъ руку. Она не разставалась съ ней до самаго вечера. Въ карты она играть не стала, и все больше посмѣивалась, что вовсе не шло къ ея поблѣднѣвшему и смущенному лицу. Аркадій недоумѣвалъ и наблюдалъ за нею, какъ молодые люди наблюдаютъ, то-есть постоянно вопрошалъ самого себя: что, молъ, это значитъ? Базаровъ заперся у себя въ комнатѣ, къ чаю онъ однако вернулся. Аннѣ Сергѣевнѣ хотѣлось сказать ему какое-нибудь доброе слово, но она не знала, какъ заговорить съ нимъ...

Неожиданный случай вывелъ ее изъ затрудненія: дворецкій доложилъ о пріѣздѣ Ситникова.

Трудно передать словами, какою перепелкой влетѣлъ въ комнату молодой прогрессистъ. Рѣшившись, съ свойственною ему назойливостью, поѣхать въ деревню къ жемцинкѣ, которую онъ едва зналъ, которая никогда его не приглашала, но у которой, по собраннѣмъ свѣдѣніямъ, гостили такіе умные и близкіе ему люди, онъ все-таки робѣлъ до мозга костей и вмѣсто того, чтобы произнести заранѣе затверженныя извѣщенія и привѣтствія, пробормоталъ какую-то дрянь, что Евдоксія, дескать, Кукишина прислала его узнать о здоровьи Анны Сергѣевны, и что Аркадій Николаевичъ тоже ему всегда отзывался съ величайшею похвалою. На этомъ словѣ онъ застрялъ и потерялся до того, что свѣлъ на собственную шляпу. Однако, такъ какъ никто его не прогналъ и Анна Сергѣевна даже представила его теткѣ и сестрѣ,

онъ скоро оправился и затрепалъ на славу. Появленіе пошлости бываетъ часто полезно въ жизни: она ослабляетъ слишкомъ высоко настроенныя струны, отрезвляетъ самоуверенныя или самозабывчивыя чувства, напоминая имъ свое близкое родство съ ними. Съ прибытіемъ Ситникова все стало какъ-то тупѣе, пустѣе и проще; всѣ даже поужидали плотвѣй и разошлись спать полчасомъ раньше обыкновеннаго.

— Я могу тебѣ теперь повторить, говорилъ, лежа въ постели, Аркадію Базарову, который тоже раздѣлся, — то, что ты мнѣ сказалъ однажды: „Отчего ты такъ грустенъ? Вѣрно исполнилъ какой-нибудь священный долгъ?“ — Между обоими молодыми людьми съ нѣкоторыхъ поръ установилась какое-то лжеразвязное подтруниваніе, что всегда служитъ признакомъ тайнаго неудовольствія невысказанныхъ подозрѣній.

— Я завтра къ батькѣ уѣзжаю, проговорилъ Базаровъ.

Аркадію приподнялся и уперся на локоть. Онъ и удивился, и почему-то обрадовался. — А! промовилъ онъ. — И ты отъ этого грустенъ?

Базаровъ зѣвнулъ. — Много будешь знать — состарѣешься.

— А какъ же Анна Сергѣевна? продолжалъ Аркадію.

— Что такое Анна Сергѣевна?

— Я хочу сказать: развѣ она тебя отпустить?

— Я у ней не нанимался.

Аркадію задумался, а Базаровъ легъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи. — Евгению! воскликнулъ вдругъ Аркадію.

— Ну?

— Я завтра съ тобой уѣду тоже.

Базаровъ ничего не отвѣчалъ.

— Только я домой поѣду, продолжалъ Аркадію. — Мы вмѣстѣ отправимся до Хохловскихъ выселковъ, а тамъ ты возьмишь у Федота лошадей. Я бы съ удовольствіемъ познакомился съ твоими, да я боюсь и ихъ стѣснить, и тебя. Вѣдь ты потомъ опять пріѣдешь къ мамѣ?

— Я у васъ свои вещи оставилъ, отозвался Базаровъ, не оборачиваясь.

„Зачѣмъ же онъ меня не спрашиваетъ, почему я ѣду? и такъ же внезапно, какъ и онъ?“ подумалъ Аркадію. „Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я ѣду, и зачѣмъ онъ ѣдетъ?“ продолжалъ онъ

своих размышлений. Онъ не могъ отвѣчать удовлетворительно на собственный вопросъ, а сердце его наполнялось чѣмъ-то вѣдкимъ. Онъ чувствовалъ, что тяжело ему будетъ разстаться съ этою жизнью, къ которой онъ такъ привыкъ; но и оставаться одному было какъ-то странно. „Что-то у нихъ произошло, разсуждалъ онъ самъ съ собою, зачѣмъ же я буду торчать передъ нею послѣ отъезда? я ей окончательно надоѣмъ; я и послѣднее потеряю.“ Онъ началъ представлять себѣ Анну Сергѣевну; потомъ другія черты пошемяго проступили сквозь красивый обликъ молодой вдовы.

„Жаль и Катю!“ шепнула Аркадію въ подушку, на которую уже капнула слеза... Онъ вдругъ вскинулъ волосы и громко промолвилъ:—На какого чорта этотъ гаупецъ Ситниковъ пожаловалъ?

Базаровъ сперва пошевелился на постели, а потомъ произнесъ саѣдующее:—Ты, братъ, гаупъ еще, я вижу. Ситниковы намъ необходимы. Мнѣ, пойми ты это—мнѣ нужны подобные олухи. Не богамъ же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигать!...

„Эге, ге!...“ подумалъ про себя Аркадію, и тутъ только открылась ему на мигъ вся бездонная пропасть Базарова каго самолюбія.—Мы стало-быть съ тобою боги?—То-есть—ты богъ? А олухъ ужь не я ли?

— Да, повторилъ угрюмо Базаровъ,—ты еще гаупъ.

Одинцова не изъявила особеннаго удивленія, когда на другой день Аркадію сказалъ ей, что уѣзжаетъ съ Базаровымъ; она казалась разсѣянною и усталою. Катя молча и серьезно посмотрѣла на него, княжна даже перекрестилась подъ своею шапкою, такъ-что онъ не могъ этого не замѣтить; за то Ситниковъ совершенно переполошился. Онъ только что сошелъ къ завтраку въ новомъ щегольскомъ, на этотъ разъ не славянофильскомъ марадѣ; наканунѣ онъ удивилъ присутствующаго къ нему человѣка множествомъ навезеннаго имъ бѣлья, и вдругъ его товарищи его покидаютъ!—Онъ немножко посеменялъ ногами, пометался, какъ гонимый заяцъ на опушкѣ лѣса,—и внезапно, почти съ испугомъ, почти съ крикомъ объявилъ, что и онъ намѣренъ уѣхать. Одинцова не стала его удерживать.—У меня очень покойная коляска, прибавилъ несчастный молодой человѣкъ, обращаясь къ Аркадію,—я могу васъ подвести, а Евгенію Вавильичъ можетъ взять вашу тарантасъ; такъ оно даже удобнѣе будетъ.

— Да помилюте, вамъ совсѣмъ не подорогѣ, и до меня далеко.

— Это ничего, ничего; времени у меня много, притомъ у меня въ той сторонѣ дѣла есть.

— По откупамъ? спросилъ Аркадiй, уже слишкомъ презрительно.

Но Ситниковъ находился въ такомъ отчаянiи, что, противъ обыкновенiя, даже не засмѣялся. — Я васъ увѣряю, коляска чрезвычайно покойная, пробормоталъ онъ, — и всѣмъ мѣсто будетъ.

— Не огорчайте мсье Ситникова отказомъ, промолвила Анна Сергѣевна... Аркадiй взглянулъ на нее и значительно наклонилъ голову.

Гости уѣхали послѣ завтрака. Прощаясь съ Базаровымъ, Одинцова протянула ему руку и сказала: — мы еще увидимся, не правда ли?

— Какъ прикажете, отвѣтилъ Базаровъ.

— Въ такомъ случаѣ, мы увидимся.

Аркадiй первый вышелъ на крыльцо: онъ взобрался въ ситниковскую коляску. Его почтительно подсаживалъ дворецкiй, а онъ бы съ удовольствiемъ его побилъ или расплакался. Базаровъ помѣстился въ тарантасъ. — Добравшись до Хохловскихъ выселковъ, Аркадiй подождалъ, пока Федотъ, содержатель постоялаго двора, запретъ лошадей, и, подойдя къ тарантасу, съ вѣжливой улыбкой сказалъ Базарову: — Евгений, возьми меня съ собой; я хочу къ тебѣ поѣхать.

— Садись, произнесъ сквозь зубы Базаровъ.

Ситниковъ, который рассказывалъ, бойко пошвытывая, вокругъ колесъ своего экипажа, только ротъ разинулъ, услышавъ эти слова, а Аркадiй хладнокровно вынулъ свои вещи изъ его коляски, сѣлъ возлѣ Базарова — и, учтиво поклонившись своему бывшему спутнику, крикнулъ: „трогай!“ Тарантасъ покатилъ и скоро исчезъ изъ вида... Ситниковъ, окончательно сконфуженный, посмотрѣлъ на своего кучера, но тотъ игралъ кнутикомъ надъ хвостомъ пристяжной. Тогда Ситниковъ вскочилъ въ коляску — и, загремѣвъ на двухъ проходившихъ мужиковъ: „надѣньте, шапки, дураки!“ — потащился въ городъ, куда прибылъ очень поздно и гдѣ на сѣдующiй день у Кукшиной сильно досталось двумъ „противнымъ гордецамъ и невѣжамъ“.

Садясь въ тарантасъ къ Базарову, Аркадiй крѣпко стис-

нулъ ему руку и долго ничего не говорилъ. Казалось, Базаровъ помялъ и оцѣнилъ и это пожатіе, и это молчаніе. Предшествовавшую ночь онъ всю не спалъ, и не курилъ, и почти ничего не ѣлъ уже нѣсколько дней. Сумрачно и рѣзко выдавался его похудалый профиль изъ-под нахлобученной фуражки.

— Что, братъ, проговорилъ онъ наконецъ, — дай-ка сигарку... Да посмотри, чай, желтый у меня языкъ?

— Желтый, отвѣчалъ Аркадій.

— Ну да... вотъ и сигарка невкусна.—Расклеилась машина.

— Ты, дѣйствительно, измѣнился въ это послѣднее время, замѣтилъ Аркадій.

— Ничего! поправимся. Одно скучно, — мать у меня такая сердобольная: коли брюха не отростилъ, да не ѣшь десять разъ на день, она и убивается. Ну, отецъ ничего, тотъ самъ былъ вездѣ, и въ ситѣ, и въ рѣшетѣ. Нѣтъ, нельзя курить, прибавилъ онъ, и швырнулъ сигарку въ пылъ дороги.

— До твоего имѣнія двадцать пять верстъ? спросилъ Аркадій.

— Двадцать пять. Да вотъ спроси у этого мудреца. Онъ указалъ на сидѣвшаго на козлахъ мужика, Федотова работника.

Но мужикъ отвѣчалъ, что: „ктошь е знаетъ — вероты тутотка не мѣрямыя“, и продолжалъ вполголоса бранить коремную за то, что она „головизной агааетъ“, то-есть дергаетъ головой.

— Да, да, заговорилъ Базаровъ, — урокъ вамъ, юный другъ мой, поучительный нѣкій примѣръ. Чортъ знаетъ, что за вздоръ! Каждый человекъ на виточки виситъ, бездна ежеминутно подъ нимъ разверзнуться можетъ, а онъ еще самъ придумываетъ себѣ всякія неприятели, портитъ свою жизнь.

— Ты на что намекаешь? спросилъ Аркадій.

— Я ни на что не намекаю, я прямо говорю, что мы оба съ тобою очень глупо себя веди. Что тутъ толковать! Но я уже въ каукиѣ замѣтилъ: кто злится на свою боль — тотъ непременно ее побѣдитъ.

— Я тебя не совсѣмъ понимаю, промолвилъ Аркадій, — кажется, тебѣ не на что было пожаловаться.

— А коли не совсѣмъ меня понимаешь, такъ я тебѣ до-

ложу слѣдующее: по моему—лучше камни бить на мостовой, чѣмъ позволить женщинѣ завладѣть хотя бы кончикомъ пальца. Это все... Базаровъ чуть было не произнесъ своего любимаго слова „романтизмъ“—да удержался, и оказалъ: вздоръ.—Ты мнѣ теперь не повѣришь, но я тебѣ говорю: мы вотъ съ тобой попали въ женское общество, и намъ было пріятно; но бросить подобное общество—все равно, что въ жаркій день колодною водою окатиться.—Мушницѣ некогда заниматься такими пустяками; мушница долженъ быть свирѣпъ, гласить отличная испанская поговорка. Вѣдь вотъ ты, прибавилъ онъ, обращаясь къ сидѣвшему на козлахъ мужику—ты, умница, есть у тебя жена?

Мужикъ показалъ обоимъ пріятелямъ свое плоское и подслуповатое лицо.

— Жена-то? Есть. Какъ не быть женѣ.

— Ты ее бьешь?

— Жену-то? Всяко случается. Безъ причины не бьемъ.

— И прекрасно. Ну, а она тебя бьетъ?

Мужикъ задергалъ возжами.—Эко слово ты сказалъ, баринъ. Тебѣ бы все шутить... Онъ виднѣе обидѣлся.

— Слышишь, Аркадій Николаевичъ! А насъ съ вами прибили... вотъ оно что значитъ быть образованными людьми.

Аркадій принужденно засмѣялся, а Базаровъ отвернулся и во всю дорогу уже не развѣвалъ рта.

Двадцать пять верстъ показали Аркадію за цѣлыхъ пятьдесятъ. Но вотъ на скатѣ пологого холма открылась наконецъ небольшая деревушка, гдѣ жили родители Базарова. Рядомъ съ нею, въ молодой березовой рощицѣ, виднѣлся дворянскій домикъ подъ соломенною крышею. У первой избы стояли два мужика въ шапкахъ и бранились.—Большая ты свинья, говорилъ одинъ другому, а хуже малаго поросенка.—А твоя жена—колдуныя, возражалъ другой.

— По непринужденности обращенія, замѣтилъ Аркадію Базаровъ,—и по игривости оборотовъ рѣчи, ты можешь судить, что мужики у моего отца не слишкомъ притѣснены. Да вотъ и онъ самъ выходитъ на крыльцо своего жилища. Услыхалъ, звать, колокольчикъ. Онъ, онъ—узнаю его фигуру. Эге, ге! какъ онъ однако посѣдѣлъ, бѣдняга!

XX.

Базаровъ высунулся изъ тарантаса, а Аркадій вытянулъ голову изъ-за спины своего товарища, и увидалъ на крыльцѣ господскаго домика высокаго, худоцаваго человѣка съ взъерошенными волосами и тонкимъ орлинымъ носомъ, одѣтаго въ старый военный сюртукъ на распашку. Онъ стоялъ, растопыривъ ноги, курилъ длинную трубку и щурился отъ солнца.

Лошади остановились.—Наконецъ пожаловалъ, проговорилъ отецъ Базарова, все продолжая курить, хотя чубукъ такъ и прыгалъ у него между пальцами.—Ну выдѣвай, выдѣвай, „почеломкаемся.“

Онъ сталъ обнимать сына... „Енюша, Енюша“, раздался трепещущій женскій голосъ. Дверь распахнулась и на порогѣ показалась кругленькая, низенькая старушка, въ бѣломъ чепцѣ и короткой пестрой кофточкѣ. Она ахнула, пошатнулась и навѣрно бы упала, еслибы Базаровъ не поддержалъ ея. Пухлыя ея ручки мгновенно обвили вокругъ его шеи, голова прижалась къ его груди, и все замолкло. Только слышались ея прерывистыя всхлипыванья. Старикъ Базаровъ глубоко дышалъ и щурился пуце прежняго.

— Ну, полно, полно, Арша! перестань, заговорилъ онъ, помѣнявшись взглядомъ съ Аркадіемъ, который стоялъ неподвижно у тарантаса, между тѣмъ какъ мужикъ на козлахъ даже отвернулся:—это совсѣмъ не нужно! пожалуста перестань.

— Ахъ, Василій Ивановичъ, пролетела старушка,—въ кой-то вѣки батюшку-то моего, голубчика-то, Енюшеньку... и, не разжимая руки, она отодвинула отъ Базарова свое мокрое отъ слезъ, смятое и умиленное лицо, посмотрѣла на него какими-то блаженными и смѣшными глазами, и опять къ нему припала.

— Ну да, конечно, это все въ натурѣ вещей, промолвилъ Василій Ивановичъ,—только лучше ужъ въ комнату пойдемъ. Съ Евгениемъ вотъ гость пріѣхалъ. Извините, прибавилъ онъ, обращаясь къ Аркадію и шаркнувъ слегка ногой, —вы понимаете, женская слабость; ну и сердце матери...

А у самого и губы, и брови дергаю, и подбородокъ трясся... но онъ видимо желалъ побѣдить себя и казаться чуть не равнодушнымъ.

Аркадій наклонился.—Пойдемте, матушка, въ самый дѣлѣ, промолвилъ Базаровъ, и повелъ въ домъ ослабѣвшую старушку. Усадивъ ее въ покойное кресло, онъ еще разъ наскоро обнялся съ отцомъ и представилъ ему Аркадія.

— Душевно радъ знакомству, проговорилъ Василій Ивановичъ,—только ужъ вы не взъщитѣ: у меня здѣсь все по простотѣ, на военную ногу. Арина Власьева, успокойся, сдѣлай одолженіе; что за малодушіе? Господинъ гость долженъ осудить тебя.

— Батюшка, сквозь слезы проговорила старушка,—имени и отчества не имѣю чести знать...

— Аркадій Николаичъ, съ важностію, вполголоса, подсказалъ Василій Ивановичъ.

— Извините меня, глупую. Старушка выморкалась и, нагиная голову то направо, то налево, тщательно утерав одинъ глазъ послѣ другаго.—Извините вы меня. Вѣдь я такъ и думала, что умру, не дожудь моего го...о.....лубчика.

— А вотъ и дождались, сударыня, подхватилъ Василій Ивановичъ.—Танюшка, обратился онъ къ босомогой дѣвочкѣ лѣтъ тринадцати, въ ярко-красномъ ситцевомъ платьѣ, пугливо выглядывавшей изъ-за двери,—принеси барынкѣ стаканъ воды—на подносѣ, слышишь? а вась, господа, прибавилъ онъ съ какою-то старомодною игривостію,—позвольте попросить въ кабинетъ къ отставному ветерану.

— Хоть еще разочекъ дай обнять себя, Емюшечка, простонала Арина Власьева. Базаровъ нагнулся къ ней.—Да какой же ты красавчикъ сталъ!

— Ну, красавчикъ не красавчикъ, замѣтилъ Василій Ивановичъ,—а мущина, какъ говорится—*омлѣв*. А теперь, я надѣюсь, Арина Власьева, что насытивъ свое материнское сердце, ты позаботишься о насыщеніи своихъ дорогихъ гостей, потому что, тебѣ извѣстно, соловья баснями кормить не слѣдуетъ.

Старушка привстала съ кресла.—Сію минуточку, Василій Ивановичъ, столъ накрытъ будетъ, сама въ кухню сбѣгаю и сакварь поставитъ вею, все будетъ, все. Вѣдь три года его не видала, не кормила, не поила, легко ли?

— Ну, смотри же, хозяйшка, хлопочи, не острямись; а

вась, господа, прошу за мной пожаловать. Вотъ и Тимоѣичъ явился къ тебѣ на поклонъ, Евгений. И онъ, чай, обрадовался, старый барбось. Что? вѣдь обрадовался, старый барбось? Милости просимъ за мной. И Василий Ивановичъ суетливо пошелъ впередъ, шаркая и шлепая стоптанными туфлями.

Весь его домикъ состоялъ изъ шести крошечныхъ комнатъ. Одна изъ нихъ, та, куда онъ привелъ нашихъ гостей, называлась кабинетомъ. Толстоногой столъ, заваленный почернѣвшими отъ старинной пыли, словно прокопченными бумагами, занималъ весь промежутокъ между двумя окнами; по стѣнамъ висѣли турецкія ружья, нагайки, сабля, двѣ ландкарты, какіе-то анатомическіе рисунки, портретъ Гуфеланда, вензель изъ волосъ въ черной рамкѣ и дипломъ подъ стекломъ; кожаный, кое-гдѣ продавленный и разорванный диванъ, помѣщался между двумя громадными шкапами изъ карельской березы; на полкахъ въ безпорядкѣ тѣснились книги, коробочки, птичьи чучелы, банки, пузырьки; въ одномъ углу стояла сломанная электрическая машина.

— Я вась предупредилъ, любезный мой посѣтитель, началъ Василий Ивановичъ, — что мы живемъ здѣсь, такъ сказать, на бивуакахъ...

— Да перестань, что ты извиняешься! перебилъ Базаровъ. Кирсановъ очень хорошо знаетъ, что мы съ тобой не кресты, и что у тебя не дворецъ.—Куда мы его помѣстимъ, вотъ вопросъ.

— Помилуй, Евгений; тамъ у меня во флигелькѣ отличная комнатка; имъ тамъ очень хорошо будетъ.

— Такъ у тебя и флигелекъ завелся?

— Какъ же-съ; гдѣ баня-съ, вѣщала Тимоѣичъ.

— То-есть рядомъ съ баней, поспѣшно присовокупилъ Василий Ивановичъ.—Теперь же лѣто... Я сейчасъ сбѣгаю туда, распоряджусь; а ты бы, Тимоѣичъ, пока ихъ вещи внесь. Тебѣ, Евгений, я, разумѣется, предоставляю мой кабинетъ. *Si vis suique.*

— Вотъ тебѣ на! Презабавный старикашка, прибавилъ Базаровъ, какъ только Василий Ивановичъ вышелъ.—Такой же чудакъ, какъ твой, только въ другомъ родѣ.—Много ужъ очень болтаешь.

— И мать твоя, кажется, прекрасная женщина, замѣтилъ Аркадій.

— Да, она у меня безъ хитрости. Обѣдъ вамъ, посмотри, какой задасть.

— Сегодня васъ не ждали, батюшка, говядинки не привезли, промолвилъ Тимоѣичъ, который только что втащилъ Базаровскій чемоданъ.

— И безъ говядинки обойдемся, на нѣтъ и суда нѣтъ.— Бѣдность, говорятъ, не порокъ.

— Сколько у твоего отца душъ? спросилъ вдругъ Аркадій.

— Имѣніе не его, а матери; душъ, помнится, пятнадцать.

— И всѣ двадцать двѣ, съ неудовольствіемъ замѣтилъ Тимоѣичъ

Послышалось шлепаніе туфель и снова появился Василій Ивановичъ.— Черезъ нѣсколько минутъ ваша комната будетъ готова принять васъ, воскликнулъ онъ съ торжественностію, Аркадій... Николаичъ? Такъ, кажется, вы изволите величаться? А вотъ вамъ и прислуга, прибавилъ онъ, указывая на вошедшаго съ нимъ коротко-остриженнаго мальчика въ синемъ, на локтяхъ прорванномъ кафтанѣ и въ чужихъ сапогахъ. Зовутъ его Фадькой. Опять-таки повторяю, хотя сынъ и запрещаетъ, не взыщите. Впрочемъ, трубку набивать онъ умѣетъ. Вѣдь вы курите?

— Я курю больше сигары, отвѣтилъ Аркадій.

— И весьма благо разумно поступаете. Я самъ отдаю преферансъ сигаркамъ, но въ нашихъ уединенныхъ краяхъ доставать ихъ чрезвычайно затруднительно.

— Да полно тебѣ Лазаря нѣтъ, перебилъ опять Базаровъ.— Сядь лучше вотъ тутъ на диванъ, да дай на себя посмотрѣть.

Василій Ивановичъ засмѣялся и сѣлъ. Онъ очень походилъ лицомъ на своего сына, только лобъ у него былъ ниже и уже, и ротъ немного шире, и онъ безпрестанно двигался, поводилъ плечами, точно платье ему подъ мышками рѣзало, моргалъ, покашливалъ и шевелилъ пальцами, между тѣмъ какъ сынъ его отличался какою-то небрежною неподвижностію.

— Лазаря нѣтъ! повторилъ Василій Ивановичъ.— Ты, Евгенийъ, не думай, что я хочу, такъ сказать, разжалобить гостя: вотъ, молю, мы въ какомъ захолустѣ живемъ. Я, напротивъ, того мнѣнія, что для человѣка мыслящаго нѣтъ захолустья. По крайней мѣрѣ, я стараюсь, по возможности, не зарости, какъ говорится, мохомъ, не отстать отъ вѣка.

Василій Ивановичъ вытащилъ изъ кармана новый желтый фуляръ, который успѣлъ захватить, бѣгая въ Аркадіеву ком-

нату, и продолжалъ, помахая имъ по воздуху:—я уже не говорю о томъ, что я, напримѣръ, не безъ чувствительныхъ для себя пожертвованій, посадилъ мужиковъ на оброкъ и отдалъ имъ свою землю изъ-пола. Я считалъ это своимъ долгомъ, самое благоразуміе въ этомъ случаѣ повелѣваетъ, хотя другіе владѣльцы даже не помышляютъ объ этомъ; я говорю о наукахъ, объ образованіи.

— Да; вотъ я вижу у тебя, — *Другъ здравія* на 1855 годъ, замѣтилъ Базаровъ.

— Мнѣ его по знакомству старый товарищъ высылаетъ, восторженно проговорилъ Василій Ивановичъ, — номы, напримѣръ, и о френологіи имѣемъ понятіе, прибавилъ онъ, обращаясь впрочемъ болѣе къ Аркадію и указывая на стоявшую на шкапѣ небольшую гипсовую головку, разбитую на нумерованные четырехугольники—намъ и Шенлейнъ не остался безызвѣстенъ и Радемахеръ.

— А въ Радемахера еще вѣрятъ въ*** губерніи? спросилъ Базаровъ.

Василій Ивановичъ закашлялъ.—Въ губерніи... Конечно, вамъ, господа, лучше знать, гдѣ жь намъ за вами угоняться? Вѣдь вы намъ на смѣху пришли. И въ мое время какой-нибудь гуморалистъ Гоффманъ, какой-нибудь Броунъ съ его витализмомъ—казались очень смѣшны, а вѣдь тоже гремѣли когда-то. Кто-нибудь новый замѣнилъ у васъ Радемахера, вы ему поклоняетесь, а черезъ двадцать лѣтъ, пожалуй, и надъ тѣмъ смѣяться будутъ.

— Скажу тебѣ въ утѣшеніе, промолвилъ Базаровъ:—что мы теперь вообще надъ медициной смѣемся и ни передъ кѣмъ не преклоняемся.

— Какъ же это такъ? Вѣдь ты докторомъ хочешь быть?

— Хочу,—да одно другому не мѣшаетъ.

Василій Ивановичъ потыкалъ третьимъ пальцемъ въ трубку, гдѣ еще оставалось немного горячей зола.—Ну, можетъ быть, можетъ быть—спорить не стану. Вѣдь я что?—Отставной штабъ-лѣкаръ, *салату*; теперь вотъ въ агрономы попалъ.—Я у вашего дѣдушки въ бригадѣ служилъ, обратился онъ опять къ Аркадію,—да-съ, да-съ;—много я на своемъ вѣку видалъ видовъ.—И въ какихъ только обществахъ не бывалъ, съ кѣмъ не важивался!—Я, тотъ самый я, котораго вы изволите видѣть теперь передъ собою, я у князя Витгенштейна, и у Жуковского пульсъ щупалъ! Тѣхъ-то, въ

ожной-то арміи, по четырнадцатому, вы понимаете (и тутъ Василій Ивановичъ значительно сжалъ губы), всѣхъ зналъ наперечетъ. Ну да вѣдь мое дѣло — сторона; знай свой ланцетъ и баста! А дѣдушка вашъ очень почтенный былъ человекъ, настоящій военный.

— Сознайся, дубина была порядочная, лѣживо промолвилъ Базаровъ.

— Ахъ Евгеній, какъ это ты выражаешься! помилосердуй.... Конечно, генералъ Кирсановъ не принадлежалъ къ числу...

— Ну, брось его, перебилъ Базаровъ.—Я, какъ подъѣзжалъ сюда, порадовался на твою березовую рожицу: славно вытянулась.

Василій Ивановичъ оживился.—А ты посмотри, садикъ у меня теперь какой! Самъ каждое дерево сажалъ. И фрукты есть, и ягоды, и всякія медицинскія травы. Ужъ какъ въ тамъ ни хитрите, господа молодые, а все-таки старикъ Парадельскій святую правду изрекъ: in herbis, verbis et lapidibus... Вѣдь я, ты знаешь, отъ практики отказался, а раза два въ недѣлю приходится стариной тряхнуть. Идутъ за софтомъ—нельзя же гнать въ шею. Случается, бѣдные прибѣгаютъ къ помощи. Да и докторовъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Одинъ здѣшній сосѣдъ, представь, отставной майоръ, тоже лѣчить. Я спрашиваю о немъ: учился ли онъ медицинѣ? Говорятъ мнѣ: нѣтъ, онъ не учился, онъ больше изъ филантропіи... Ха, ха! изъ филантропіи! а? каково? ха, ха! ха, ха!

— Оедька! набей мнѣ трубку! сурово проговорилъ Базаровъ.

— А то здѣсь другой докторъ—пріѣзжаетъ къ больному, предлагалъ съ какимъ-то отчаяньемъ Василій Ивановичъ,—а больной уже ad ratres; человекъ и не пускаетъ доктора, говоритъ: теперь больше не надо. Тотъ этого не ожидалъ, сконфузился и спрашиваетъ: „что, баринъ, передъ смертью икалъ?“—„Икали-съ.“—„И много икалъ?“—Много.—„А, ну—это хорошо“—да и верть назадъ. Ха ха ха!

Старикъ одинъ засмѣялся; Аркадій выразилъ улыбку на своемъ лицѣ, Базаровъ только затыкнулся. Бесѣда продолжалась такимъ образомъ около часа; Аркадій успѣлъ сходить въ свою комнату, которая оказалась предбанникомъ, но очень уютнымъ и чистымъ. Наконецъ вошла Тамюша и доложила, что обѣдъ готовъ.

Василій Ивановичъ первый поднялся.—Пойдемте, господа! Извините великодушно, коли раскучилъ. Авось хозяйка моя удовлетворитъ васъ болѣе моего!

Обѣдъ, хотя вскорѣ сготовленный, вышелъ очень хорошій, даже обильный, только вино немного, какъ говорится, подгуляло: почти черный хересъ, купленный Тимоѣичемъ въ городѣ у знакомаго купца, отзывался не то мѣдью, не то канифолью;—и мухи тоже мѣшали. Въ обыкновенное время дворовый мальчикъ ихъ отгонялъ большою зеленою вѣткой; но на этотъ разъ Василій Ивановичъ услалъ его изъ боязни осужденія со стороны юнаго поколѣнія. Арина Власьева успѣла принарядиться; надѣла высокій чепецъ съ шелковыми лентами и голубую шаль съ разводами. Она опять всплакнула, какъ только увидѣла своего Елюшку, но мужу не пришлось ее усовѣщевать: она сама поскорѣй утерла свои слезы, чтобы не закапать шаль. Бли одни молодые люди: хозяева давно пообѣдали. Прислуживалъ Федька, видимо обремененный необычными, сапогами, да помогала ему женщина съ мужественнымъ лицомъ и кривая, по имени Аяфисушка, исполнявшая должности ключницы, птичницы и прачки. Василій Ивановичъ во все время обѣда расхаживалъ по комнатамъ и съ совершенно счастливымъ и даже блаженнымъ видомъ говорилъ о тяжелыхъ опасеніяхъ, внушаемыхъ ему наполеоновскою политикою и запутанностью итальянскаго вопроса. Арина Власьева не замѣчала Аркадія, не подчивала его; подперши кулачкомъ свое круглое лицо, которому одутловатыя, вишневаго цвѣта губки и родинки на щекахъ и надъ бровями придавали выраженіе очень добродушное, она не сводила глазъ съ сына и все вздыхала: ей смертельно хотѣлось узнать, на сколько времени онъ пріѣхалъ, но спросить его она боялась. „Ну, какъ скажете на два дня“. думала она, и сердце у ней замирало. Послѣ жаренаго Василій Ивановичъ исчезъ на мгновеніе и возвратился съ откупоренною полубутылкой шампанскаго. „Вотъ,“ воскликнулъ онъ,—„хоть мы и въ гауши живемъ, а въ торжественныхъ случаяхъ имѣемъ чѣмъ себя повеселить!“—Онъ налилъ три бокала и рюмку, провозгласилъ здоровье „неоцѣненныхъ посѣтителей“ и разомъ, по военному, хлопнулъ свой бокалъ, а Арину Власьевну заставилъ выпить рюмку до послѣдней капельки. Когда настала очередь варенья,

Аркадіѣ, не терпѣвшій ничего сладкаго, почелъ однако своею обязанностью отвѣдать отъ четырехъ различныхъ, только что сваренныхъ сортовъ, тѣмъ болѣе что Базаровъ отъказался наотрѣзъ и тотчасъ закурилъ сигарку. Потомъ явился на сцену чай со сливками, съ масломъ и кренделями; потомъ Василій Ивановичъ повелъ всѣхъ въ садъ, для того чтобы полюбоваться красотой вечера. Проходя мимо скамейки, онъ шепнулъ Аркадію:— На семь мѣствъ я люблю философствовать, глядя на заходженіе солнца: оно приличествуетъ пустынику. А тамъ подальше я посадилъ нѣсколько деревьевъ, любимыхъ Гораціемъ.

— Что за деревья? спросилъ, вслушавшись, Базаровъ.

— А какъ же... акаціи.

Базаровъ началъ звать.

— Я полагаю, пора путешественникамъ въ объятія къ Морфею, замѣтилъ Василій Ивановичъ.

— То-есть, пора спать! подхватилъ Базаровъ.— Это сужденіе справедливое. Пора, точно.

Прощаясь съ матерью, онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, — а она обняла его и за спиной украдкой его благословила трижды. Василій Ивановичъ проводилъ Аркадія въ его комнату и пожелалъ ему „такого благодатнаго отдохновенія, какое и я купалъ въ ваши счастливыя дѣта.“ И дѣйствительно, Аркадію отлично спалось въ своемъ предбанникѣ: въ немъ пахло мятой, и два сверчка въ перебивку усыпительно трещали за печкой. Василій Ивановичъ отправился отъ Аркадія въ свой кабинетъ и, прикорнувъ на диванѣ въ ногахъ у сына, собирался, было, поболтать съ нимъ; но Базаровъ тотчасъ его отослалъ, говоря, что ему спать хочется, а самъ не заснулъ до утра. Широко раскрывъ глаза, онъ злобно глядѣлъ въ темноту: воспоминавія дѣтства не имѣли власти надъ нимъ, и онъ еще не успѣлъ отдѣлаться отъ послѣднихъ горькихъ впечатлѣній. Арина Власьевна сперва помодилась въ сласть; потомъ долго, долго бесѣдовала съ Анфисушкой, которая, ставъ какъ вкопанная передъ барыней и вперивъ въ нее свой единственный глазъ, передавала ей таинственнымъ шепотомъ все свои замѣчанія и соображенія на счетъ Евгенія Васильевича. У старушки отъ радости, отъ вина, отъ сигарочнаго дыма совсѣмъ закружилась голова; мужъ заговорилъ было съ ней, и махнулъ рукою.

Арина Власьева была настоящая русская дворяночка прежняго времени; ей бы слѣдовало жить дѣтъ за двѣсти, въ старо-московскія времена. Она была очень набожна и чувствительна, вѣрила во всевозможныя примѣты, гаданья, заговоры, сны; вѣрила въ юродивыхъ, въ домовыхъ, въ лѣшихъ, дурныя встрѣчи, въ порчу, въ народныя лѣкарства, въ четверговую соль, въ скорый конецъ свѣта; вѣрила, что если въ Свѣтлое Воскресеніе на всемогной не погаснутъ свѣчи, то гречиха хорошо уродится, и что грибъ больше не растетъ, если его человѣческій глазъ увидитъ; вѣрила, что чортъ любитъ быть тамъ, гдѣ вода, и что у каждаго Жида на груди кровавое пятнышко; боялась мышей, ужей, лягушекъ, воробьевъ, пивокъ, грома, холодной воды, сквознаго вѣтра, лошадей, козловъ, рыжихъ людей и черныхъ кошекъ, и почитала сверчковъ и собакъ нечистыми животными; не ѣла ни телятины, ни голубей, ни раковъ, ни сыру, ни спаржи, ни земляныхъ грушъ, ни зайца, ни арбузовъ, потому что взрѣзанный арбузъ напоминаетъ голову Іоанна Предтечи; а объ устрицахъ говорила не иначе, какъ съ содроганіемъ; любила покушать — и строго постилась; спала десять часовъ въ сутки — и не ложила въ постель, если у Василя Ивановича заболѣвала голова; не прочла ни одной книги, кромѣ *Алексиса или Хижини въ лесу*; писала одно, много два письма въ годъ, а въ хозяйствѣ, сушеньи и вареньи знала толкъ, хотя своими руками ни до чего не прикасалась и вообще неохотно двигалась съ мѣста. Арина Власьева была очень добра и, по своему, вовсе не глупа. Она знала, что есть на свѣтѣ господа, которые должны приказывать, и простой народъ, который долженъ служить, — а потому не гнушалась ни подобострастіемъ, ни земными поклонами; но съ подчиненными обходилась ласково и кротко, ни одного нищаго не пропускала безъ подачки и никогда никого не осуждала, хотя и сплетничала подчасъ. Въ молодости она была очень милосядна, играла на клавикордахъ и изъяснялась немного по-французски; но въ теченіи многолѣтнихъ странствій съ своимъ мужемъ, за котораго она вышла противъ воли, расплылась и позабыла и музыку, и французскій языкъ. Сына своего она любила и боялась несказанно; управленіе имѣніемъ предоставила Василю Ивановичу — и уже не входила ни во что; она охала, отмахивалась платкомъ и отъ испуга подымала брови все выше и выше, какъ только ея старикъ

начиналъ толковать о предстоящихъ преобразованіяхъ и о своихъ планахъ. Она была мнительна, постоянно ждала какого-то большаго несчастья, и тотчасъ плакала, какъ только вспоминала о чемъ-нибудь печальномъ... Подобныя женщины теперь уже переводятся. Богъ знаетъ,—свѣдуетъ ли радоваться этому!

XXI.

Вставъ съ постели, Аркадій раскрылъ окно, — и первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, былъ Василій Ивановичъ. Въ бухарскомъ плафрокѣ, подпоясанный носовымъ платкомъ, старикъ усердно рылся въ огородѣ. Онъ замѣтилъ своего молодого гостя и, опершись на лопату, воскликнулъ:—Здравія желаемъ! Какъ почивать изволили!

— Прекрасно, отвѣчалъ Аркадій.

— А я здѣсь, вы видите, какъ нѣкій Цинциннатъ: грядку подъ позднюю рѣпу отбиваю. Теперь настало такое время,—да и слава Богу!—что каждый долженъ собственными руками пропитаніе себѣ доставлять; на другихъ нечего надѣяться: надобно трудиться самому. И выходитъ, что Жанъ-Жакъ Руссо правъ. Полчаса тому назадъ, сударь вы мой, вы бы увидали меня въ совершенно другой позиціи. Одной бабѣ, которая жаловалась на гнетку,—это по ихнему, а по нашему—диссентерію,—я... какъ бы выразится лучше... я вливалъ опиумъ; а другой я зубъ вырвалъ. Этой я предложилъ эеризацію... только она не согласилась. Но это я дѣлаю *gratis*—*анаматеръ*. Впрочемъ, мнѣ не въ диво: я вѣдь плебей, homo povus—не изъ столбовыхъ, не то, что моя благовѣрная... А неужодно ли пожаловать сюда въ тѣнь, вдохнуть передъ чаемъ утреннюю свѣжесть?

Аркадій вышелъ къ нему.

— Добро пожаловать еще разъ! промовилъ Василій Ивановичъ, прикадывая по военному руку къ засаленной ермолкѣ, прикрывавшей его голову.—Вы, я знаю, привыкли къ роскоши, къ удовольствіямъ, но и великіе міра сего не гнушаются провести короткое время подъ кровомъ хижинъ.

— Помилуйте, Василій Ивановичъ, возопилъ Аркадій,—какой же я великій міра сего? И къ роскоши я не привыкъ.

— Позвольте, позвольте, возразилъ съ любезною ужимкой Василій Ивановичъ.—Я хоть теперь и сдаю въ архивъ, а

тоже потерялся въ свѣтъ—узнаю птицу по полету. Я тоже психологъ по своему и физиогномистъ. Не смѣю я этого, смѣю сказать, дара,—давно бы я пропалъ; затерли бы меня, маленькаго человѣка. Скажу вамъ безъ комплиментовъ: дружба, которую я замѣчаю между вами и моимъ сыномъ, меня искренно радуетъ. Я сейчасъ видѣлся съ нимъ: онъ, по обыкновенію своему, вѣроятно вамъ извѣстному, вскочилъ очень рано и побѣжалъ по окрестностямъ. Позвольте полюбопытствовать,—вы давно съ моимъ Евгениемъ знакомы?

— Съ нынѣшней зимы.

— Такъ-съ. И позвольте васъ еще спросить,—но не при- състь ли намъ? — Позвольте васъ спросить, какъ отцу, со всею откровенностью: какого вы мнѣнія о моемъ Евгениѣ?

— Вашъ сынъ—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, съ которыми я когда-либо встрѣчался, съ живостью отвѣ- чалъ Аркадію.

Глаза Василія Ивановича внезапно раскрылись и щеки его слабо вспыхнули. Лопата вывалилась изъ его рукъ.

— Итакъ, вы полагаете, началъ онъ...

— Я увѣренъ, подхватилъ Аркадію,—что сына вашего ждетъ великая будущность, что онъ прославитъ ваше имя. Я убѣдился въ этомъ съ первой нашей встрѣчи.

— Какъ... какъ это было? едва проговорилъ Василій Ива- новичъ. Восторженная улыбка раздвинула его широкія губы, и уже не сходила съ нихъ.

— Вы хотите знать, какъ мы встрѣтились?

— Да... и вообще...

Аркадію началъ разказывать и говорить о Базаровѣ еще съ большимъ жаромъ, съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ въ тотъ вечеръ, когда онъ танцевалъ мазурку съ Одинцовой. Василій Ивановичъ его слушалъ, слушалъ, сморкался, каталъ платокъ въ обѣихъ рукахъ, кашлялъ, ерошилъ свои волосы— и наконецъ не вытерпѣлъ: нагнулся къ Аркадію и поцѣло- валъ его въ плечо.—Вы меня совершенно осчастливили, про- молвилъ онъ, не переставая улыбаться, — я долженъ вамъ сказать, что я... боготворю моего сына; о моей старухѣ я уже не говорю: извѣстно—мать!—но я не смѣю при немъ выказывать свои чувства, потому что онъ этого не любитъ. Онъ врагъ всѣхъ изліяній; многіе его даже осуждаютъ за такую твердость его права и видятъ въ ней признакъ гор- дости или безчувствія; но подобныхъ ему людей не прихо-

дится мѣрить обыкновеннымъ аршиномъ, не правда ли? Да вотъ напримѣръ: другой на его мѣстѣ тянулъ бы да тянулъ съ своихъ родителей; а у насъ,—повѣрите ли? онъ отроду лишней копѣйки не взялъ, ей Богу!

— Онъ безкорыстный, честный человекъ, замѣтилъ Аркадій.

— Именно безкорыстный. А я, Аркадій Николаичъ, не только боготворю, я горжусь имъ; и все мое честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы современемъ въ его біографіи стояли славящія слова: сынъ простаго штабъ-лекаря, который, однако, рано умѣлъ разгадать его и ничего не жалѣлъ для его воспитанія... Голосъ старика перервался.

Аркадій стиснулъ ему руку.

— Какъ вы думаете, спросилъ Василій Ивановичъ послѣ нѣ котораго молчанія,—вѣдь онъ не на медицинскомъ поприщѣ достигнетъ той извѣстности, которую вы ему пророчите?

— Разумѣется, не на медицинскомъ, хотя онъ и въ этомъ отношеніи будетъ изъ первыхъ ученыхъ.

— На какомъ же, Аркадій Николаичъ?

— Это трудно сказать теперь, но онъ будетъ знаменитъ.

— Онъ будетъ знаменитъ! повторилъ старикъ и погрузился въ думу.

— Арина Власьевна приказали просить чай кушать, проговорила Анфисушка, проходя мимо съ огромнымъ блюдомъ спѣлой малины.

Василій Ивановичъ встрепенулся.—А холодныя сливки къ малинѣ будутъ?

— Будутъ-съ.

— Да холодныя, смотри! Не церемоньтесь, Аркадій Николаичъ,—берите больше. Чтò жь это Евгеній не идетъ?

— Я здѣсь, раздавался голосъ Базарова, изъ Аркадіевой комнаты.

Василій Ивановичъ быстро обернулся.—Ага! ты захотѣлъ воспѣтить своего пріятеля; но ты опоздалъ, amici, и мы имѣли уже съ нимъ продолжительную бесѣду. Теперь надо идти чай пить: мать зоветъ. Кстати мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— О чемъ?

— Здѣсь есть одинъ мужичокъ, онъ страдаетъ иктеромъ.

— То-есть желтухой?

— Да, хроническимъ и очень упорнымъ иктеромъ. Я про-

писывалъ ему золототысячникъ и звѣробой; морковь заставляла ѣсть, давалъ соду; это все *поллѣитивныя* средства; надо что-нибудь порѣшительнѣе. Ты хоть и сѣбьешься надъ медициной, а я увѣренъ, можешь подать мнѣ дѣльный совѣтъ. Но объ этомъ рѣчь впереди. А теперь пойдемъ чай пить.

Василій Ивановичъ живо вскочилъ съ скамейки и запылъ изъ Роберта:

„Заколъ, заколъ, заколъ себяпоставимъ

На ра... на ра... на радости пожить!“

— Замѣчательная живучесть! проговорилъ, отходя отъ окна, Базаровъ.

Насталъ полдень. Солнце жгло изъ-за тонкой завѣсы сплошныхъ бѣловатыхъ облаковъ. Все молчало: одни пѣтухи задорно перекликались на деревнѣ, возбуждая въ каждомъ, кто ихъ слышалъ, странное ощущеніе дремоты и скуки; да гдѣ-то высоко въ верхушкѣ деревьевъ звенѣлъ плаксивымъ призывомъ немолчный пискъ молодого ястребка. Аркадій и Базаровъ лежали въ тѣни небольшого стога сѣна, подостлавши подъ себя охапки двѣ шумливо-сухой, но еще зеленой и душистой травы.

— Та осина, заговорилъ Базаровъ, — напоминаетъ мнѣ мое дѣтство; она растетъ на краю ямы, оставшейся отъ кирпичнаго сарая, и я въ то время былъ увѣренъ, что эта яма и осина обладали особеннымъ талисманомъ: я никогда не скучалъ возле нихъ. Я понималъ тогда, что я не скучалъ отъ того, что былъ ребенкомъ. Ну, теперь я взрослый, талисманъ не дѣйствуетъ.

— Сколько ты времени провелъ здѣсь всего? спросилъ Аркадій.

— Года два сряду; потомъ мы навѣзжали. Мы вели бродячую жизнь; больше все по городамъ шлѣлись.

— А домъ этотъ давно стоитъ?

— Давно. Его еще дѣдъ построилъ, отецъ моей матери.

— Кто онъ былъ, твой дѣдъ?

— Чортъ его знаетъ. Секундъ-майоръ какой-то. При Суворовѣ служилъ, и все разказывалъ о переходѣ черезъ Альпы. Вралъ должно быть.

— То-то у васъ въ гостиной портретъ Суворова виситъ.

А я люблю такіе домики, какъ вашъ, старенькіе да тепленькіе, и запахъ въ нихъ какой-то особенный.

— Лампаднымъ масломъ отзывается да донникомъ, произвесь зѣвая Базаровъ.—А что мухъ въ этихъ милыхъ домикахъ... Фа!

— Скажи, началъ Аркадіи послѣ небольшого молчанія,—тебя въ дѣтствѣ не притѣсняли?

— Ты видишь, какіе у меня родители.—Народъ нестрогий.

— Ты ихъ любишь, Евгений?

— Люблю, Аркадіи!

— Они тебя такъ любятъ!

Базаровъ помолчалъ.—Знаешь ли ты, о чемъ я думаю? промолвилъ онъ наконецъ, закидывая руки за голову.

— Не знаю. О чемъ?

— Я думаю: хорошо моимъ родителямъ жить на свѣтѣ! Отецъ въ шестьдесятъ лѣтъ хлопочетъ, толкуетъ о „политивныхъ“ средствахъ, лѣчитъ людей, великодушничаетъ съ крестьянами,—кутитъ, однимъ словомъ; и матери моей хорошо, день ея до того напичканъ всякими занятіями, охами да ахами, что ей и опомниться некогда; а я...

— А ты?

— А я думаю: я вотъ лежу здѣсь подъ стогомъ... Узенькое мѣстечко, которое я занимаю, до того крохотно въ сравненіи съ остальнымъ пространствомъ, гдѣ меня нѣтъ и гдѣ дѣла до меня нѣтъ; и часть времени, которую мнѣ удастся прожить, такъ ничтожна передъ тою вѣчностью, гдѣ меня не было и не будетъ... А въ этомъ атомѣ, въ этой математической точкѣ, кровь обращается, мозгъ работаетъ, чего-то хочетъ тоже... Что за безобразіе! Что за пустяки!

— Позволь тебѣ замѣтить: то, что ты говоришь, пригнѣняется вообще ко всемъ людямъ...

— Ты правъ, подхватилъ Базаровъ.—Я хотѣлъ сказать, что они вотъ, мои родители то-есть, заняты и не беспокоятся о собственномъ ничтожествѣ, оно имъ не смердитъ... а я... я чувствую только скуку да злость.

— Злость? почему же злость?

— Почему? Какъ почему? Да развѣ ты забылъ?

— Я помню все, но все-таки я не признаю за тобою права злиться. Ты несчастливъ, я согласенъ, но...

— Э! да ты, я вижу, Аркадіи Николаевичъ, понимаешь любовь, какъ всѣ новѣйшіе молодые люди: дыпъ, дыпъ, дыпъ,

курочка, а какъ только курочка начинаетъ приближаться, давай Богъ ноги! — Я не таковъ. Но довольно объ этомъ. Чему помочь нельзя, о томъ и говорить стыдно. — Онъ повернулся на бокъ. — Эге! вонъ молодецъ муравей тащить по-лумертвую муху. Тащи ее, братъ, тащи! Не смотри на то, что она упирается, пользуйся тѣмъ, что ты, въ качествѣ животнаго, имѣешь право не признавать чувства состраданія, не то, что нашъ братъ, самолюбивый!

— Не ты бы говорилъ, Евгений! — Когда ты себя ломалъ?

Базаровъ приподнялъ голову. — Я только этимъ и горжусь. Самъ себя не сломалъ, такъ и бабенка меня не ломаетъ. Амины! Конечно! Слова объ этомъ больше отъ меня не услышишь.

Оба пріятеля полежали въ некоторое время въ молчаніи.

— Да, началъ Базаровъ, — странное существо человекъ. Какъ посмотришь эдакъ сбоку да издали на глухую жизнь, какую ведутъ здѣсь „отцы“, кажется: чего лучше? — Вшь, пей, и знай, что поступаешь самымъ правильнымъ, самымъ разумнымъ манеромъ. — Ахъ нѣтъ; тоска одолеваетъ. Хочется съ людьми возиться, хотѣ ругать ихъ, да возиться съ ними.

— Надо бы такъ устроить жизнь, чтобы каждое мгновеніе въ ней было значительно, произнесъ задумчиво Аркадій.

— Кто говорить! Значительное, хотѣ и ложно бываетъ, да сладко, но и съ незначительнымъ помириться можно... а вотъ — дразги, дразги... это бѣда.

— Дразги не существуютъ для человекъ, если онъ только не захочетъ ихъ признать.

— Гмъ! это ты сказалъ *противоположное общее мѣсто*.

— Чтò? — Что ты называешь этимъ именовъ?

— А вотъ чтò: сказать, напримѣръ, что просвѣщеніе полезно, это общее мѣсто; а сказать, что просвѣщеніе вредно, это противоположное общее мѣсто. Оно какъ будто щеголеватѣе: а въ сущности, одно и тоже.

— Да правда-то гдѣ, на какой сторонѣ?

— Гдѣ? Я тебѣ отвѣчу какъ эхо: гдѣ?

— Ты въ меланхолическомъ настроеніи сегодня, Евгений.

— Въ самомъ дѣлѣ? Солнце меня, должно быть, распарило, да и малыны нельзя такъ много ѣсть.

— Въ такомъ случаѣ не худо вздремнуть, замѣтилъ Аркадій.

— Пожалуй; только ты не смотри на меня: всякаго чело-
вѣка лицо глупо, когда онъ спитъ.

— А тебѣ не все равно, что о тебѣ думаютъ?

— Не знаю, что тебѣ сказать. Настоящій челоувѣкъ объ
этомъ не долженъ заботиться; настоящій челоувѣкъ тотъ, о
которомъ думать нечего, а котораго надобно слушаться или
ненавидѣть.

— Странно! я никого не ненавижу, промолвилъ подумав-
ши Аркадій.

— А я такъ многихъ. Ты вѣрная душа, размазня, гдѣ
тебѣ ненавидѣть!.. Ты робѣешь, мало на себя надѣешься...

— А ты, перебилъ Аркадій,—на себя надѣешься? Ты вы-
сокаго мнѣнія о самомъ себѣ?

Базаровъ помолчалъ.—Когда я встрѣчу челоувѣка, который
не спасовалъ бы передо мною, проговорилъ онъ съ разста-
новкой,—тогда я измѣню свое мнѣние о самомъ себѣ.—Не-
навидѣть! Да вотъ, напримѣръ, ты сегодня сказалъ, прохо-
дя мимо избы вашего старосты Филипа—она такая слав-
ная, бѣлая—вотъ, сказалъ ты,—Россія тогда достигнетъ со-
вершенства, когда у послѣдняго мужика будетъ такое же
помѣщеніе, и всякій изъ насъ долженъ этому способство-
вать... А я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Фи-
липа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть
и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ
его спасибо?—Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ
меня лопухъ расти будетъ;—ну, а дальше?

— Полно, Евгенийъ... послушать тебя сегодня, поневолѣ со-
гласишься съ тѣми, которые упрекаютъ насъ въ отсутствіи
принциповъ.

— Ты говоришь, какъ твой дядя. Принциповъ вообще нѣтъ,
ты объ этомъ не догадаеся до сихъ поръ!—а есть ощуще-
нія.—Все отъ нихъ зависитъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ же.—Напримѣръ я; я придерживаюсь отри-
цательнаго направленія—въ силу ощущеній. Мнѣ пріятно
отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ—и баста! Отчего мнѣ
нравится химія? Отчего ты любишь яблоки?—тоже въ силу
ощущенія. Это все едино. Глубже этого люди никогда не
проникнутъ. Не всякій тебѣ это скажетъ, да и я въ дру-
гой разъ тебѣ этого не скажу.

— Что жъ? и честность—ощущеніе?

— Еще бы!

— Евгений! началъ печальнымъ голосомъ Аркадій...

— А? что? Не по вкусу? перебилъ Базаровъ. — Нѣтъ, братъ! Рѣшился все косить — валяй и себя по ногамъ!.. Однако мы довольно философствовали. „Природа навѣваетъ молчаніе сна,“ сказалъ Пушкинъ.

— Никогда онъ ничего подобнаго не сказалъ, промолвилъ Аркадій.

— Ну, не сказалъ, такъ могъ и долженъ былъ сказать въ качествѣ поэта. Кстати, онъ, должно-быть, въ военной службѣ служилъ.

— Пушкинъ никогда не былъ военнымъ.

— Помилуй, у него на каждой страницѣ: На бой, на бой! за честь Россіи!

— Что ты это за небылицы выдумываешь! Вѣдь это клевета наконецъ.

— Клевета? Эка важность! Вотъ вздумалъ какимъ словомъ испугать! Какую клевету ни взведи на человека, онъ въ сущности заслуживаетъ въ двадцать разъ хуже того.

— Давай лучше спать! съ досадою проговорилъ Аркадій.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ Базаровъ.

Но ни тому, ни другому не спалось. Какое-то почти враждебное чувство охватывало сердца обоихъ молодыхъ людей. Минутъ пять спустя, они открыли глаза и переглянулись молча.

— Посмотри, сказалъ вдругъ Аркадій, — сухой кленовый листъ оторвался и падаетъ на землю: его движенія совершенно сходны съ полетомъ бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мертвое — сходно съ самымъ веселымъ и живымъ.

— О, другъ мой Аркадій Николаичъ! воскликнулъ Базаровъ: — объ одномъ прошу тебя: не говори красиво.

— Я говорю, какъ умѣю... Да и наконецъ это деспотизмъ. Мнѣ пришла мысль въ голову: отчего ея не высказать?

— Такъ; но почему же и мнѣ не высказать своей мысли. Я нахожу, что говорить красиво — неприлично.

— Что же прилично? Ругаться?

— Э, э! да ты, я вижу, точно намѣренъ пойти по стопамъ дядюшки. Какъ бы этотъ идиотъ поразился, еслибъ услышалъ тебя!

— Какъ ты называлъ Павла Петровича?

— Я его называлъ, какъ слѣдуетъ, — идиотомъ.

— Это однако нестерпимо! воскликнулъ Аркадій.

— Ага! родственное чувство заговорило, спокойно промовилъ Базаровъ. — Я замѣтилъ: оно очень упорно держится въ людяхъ. Оно всего готовъ отказаться человекъ, со всякимъ предразсудкомъ разстанется; но сознаться, что на-примѣръ, братъ, который чужіе платки крадетъ, воръ — это выше его силъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: мой братъ, мой — и не геній... возможно ли это?

— Во мнѣ простое чувство справедливости заговорило, а вовсе не родственное, возразилъ запальчиво Аркадій. — Но такъ какъ ты этого чувства не понимаешь, у тебя нѣтъ этого *ощущенія*, то ты и не можешь судить о немъ.

— Другими словами: Аркадій Курсановъ слишкомъ вышеяъ для моего пониманія, — преклоняюсь и умоляю.

— Полно, пожалуйста, Евгенийъ; мы наконецъ посоримся.

— Ахъ, Аркадій! Сдѣлай одолженіе, посоримся раз хорошенько — до положенія ризъ, до истребленія.

— Но вѣдь эдакъ, пожалуй, мы кончимъ тѣмъ...

— Что подеремся? подхватилъ Базаровъ. — Что жъ? Здѣсь на свѣтѣ, въ такой идеальной обстановкѣ, вдали отъ свѣта и людскихъ взоровъ — ничего. Но ты со мной не сладишь. Я тебя сейчасъ схвачу за горло...

Базаровъ растопыривъ свои длинные и жесткіе пальцы... Аркадій повернулся и приготовился, какъ бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему такимъ зловѣщимъ, такая нешуточная угроза почудилась ему въ кривой усмѣшкѣ его губъ, въ загорѣвшихся глазахъ, — что онъ почувствовалъ невольную робость...

— А! вотъ вы куда забрались! раздался въ это мгновеніе голосъ Василя Ивановича, и старый штабъ-гваркіаръ предсталъ передъ молодыми людьми, облеченный въ домо-дѣланый полотняный пиджакъ и съ соломенной тоже домо-дѣланною шляпой на головѣ. — Я васъ искалъ, искалъ... Но вы отличное выбрали мѣсто, и прекрасному предаетесь занятію. Лежа на „землѣ“, глядѣть въ „небо“... Знаете ли — въ этомъ есть какое-то особое значеніе!

— Я гляжу въ небо только тогда, когда хочу чихнуть, проворчалъ Базаровъ и, обратившись къ Аркадію, прибавилъ вполголоса: — Жаль, что помѣшалъ.

— Ну полно, шепнулъ Аркадій. — Но никакая дружба долго не выдержитъ такихъ столкновеній.

— Смотрю я на васъ, мои юные собесѣдники, говорилъ между тѣмъ Василій Ивановичъ, покачивая головой и опираясь скрещенными руками на какую-то хитро перекрученную палку собственнаго издѣлія, съ фигурой Турка вмѣсто набалдашника, — смотрю, и не могу не любоваться. Сколько въ васъ силы, молодости, самой цвѣтущей; способностей, талантовъ! Просто... Касторъ и Поллуксъ!

— Вонъ куда—въ мнѳологию метнулъ! промолвилъ Базаровъ. — Сейчасъ видно, что въ свое время сильный былъ латинистъ! Вѣдь ты, помнится, серебряной медали за сочиненіе удостоился,—а?

— Диоскуры, Диоскуры! повторилъ Василій Ивановичъ.

— Однако полно, отецъ,—не нѣжничай.

— Въ кои-то вѣки разикъ можно, пробормоталъ старикъ.— Впрочемъ, я васъ, господа, отыскалъ не съ тѣмъ чтобы говорить вамъ комплименты; но съ тѣмъ чтобы, впервыхъ, доложить вамъ, что мы скоро обѣдать будемъ; а вовторыхъ—мнѣ хотѣлось предварить тебя, Евгенийъ... Ты умный человекъ, ты знаешь людей, и женщинъ знаешь, и слѣдовательно извинишь... Твоя матушка молебень отслужить хотѣла, по случаю твоего пріѣзда. Ты не воображай, что я зову тебя присутствовать на этомъ молебнѣ: ужь онъ конченъ; но отецъ Алексѣй...

— Попъ?

— Ну да, священникъ; онъ у насъ... кушать будетъ... Я этого не ожидалъ и даже не совѣтовалъ... но какъ-то такъ вышло... онъ меня не боялъ... Ну, и Арина Васильевна... Притомъ же, онъ у насъ очень хорошій и разсудительный человекъ.

— Вѣдь онъ моей порціи за обѣдомъ не съѣстъ? спросилъ Базаровъ.

Василій Ивановичъ засмѣялся.—Помилуй, что ты!

— А больше я ничего не требую. Я со всякимъ человекомъ готовъ за столъ сѣсть.

Василій Ивановичъ поправилъ свою шляпу.—Я былъ напередъ увѣренъ, промолвилъ онъ,—что ты выше всякихъ предразсудковъ. На что вотъ я—старикъ, шестьдесятъ второй годъ живу, а и ихъ не имѣю. (Василій Ивановичъ не смѣлъ сознаться, что онъ самъ пожелалъ молебна... Набоженъ онъ былъ не менѣ своей жены.) А отцу Алексѣю очень хотѣлось съ тобой познакомиться. Онъ тебѣ понравится,

ты увидишь. Онъ и въ карточки не прочь поиграть, и даже... но это между нами... трубочку курить.

— Чего же? Мы послѣ обѣда засядемъ въ ералашъ, и я его обыграю.

— Хе хе хе, посмотримъ! Бабушка на двое сказала.

— А что? развѣ стариной тряхнешь? промолвилъ съ особеннымъ удареніемъ Базаровъ.

Бронзовыя щеки Василя Ивановича смутно покрасѣли.

— Какъ тебѣ не стыдно, Евгений... Что было, то прошло. Ну да, я готовъ вотъ передъ *ними* признаться, имѣлъ я эту страсть въ молодости — точно; да и поплатился же я за нее!—Однако, какъ жарко! Позвольте подѣвствъ къ вамъ. Вѣдь я не мѣшаю?

— Нисколько, отвѣтилъ Аркадій.

Василій Ивановичъ кряхтя опустился на сѣно.—Напоминаетъ мнѣ ваше теперешнее ложе, государи мои, началъ онъ,— мою военную, бивачную жизнь, перевязочные пункты, тоже гдѣ-нибудь эдакъ возлѣ стога, и то еще слава Богу!—Онъ вздохнулъ.—Много, много испыталъ я на своемъ вѣку. Вотъ, напримѣръ, если позволите, я вамъ разкажу любопытный эпизодъ чумы въ Бессарабіи.

— За который получилъ Владиміра? подхватилъ Базаровъ.—Знаемъ, знаемъ... Кстати, отчего ты его не носишь?

— Вѣдь я тебѣ говорилъ, что я не имѣю предразсудковъ, пробормоталъ Василій Ивановичъ (онъ только наканунѣ велѣлъ спороть красную ленточку съ сюртука), и принялся разказывать эпизодъ чумы. — А вѣдь онъ заснулъ, шепнулъ онъ вдругъ? Аркадію, указывая на Базарова и добродушно подмигнувъ. — Евгений! вставай! прибавилъ онъ громко.—Пойдемъ обѣдать.

Отецъ Алексѣй, мущина видный и полный, съ густыми, тщательно расчесанными волосами, съ вышитымъ поясомъ на лиловой шелковсѣй рясѣ, оказался человѣкомъ очень ловкимъ и находчивымъ. Онъ первый поспѣшилъ пожать руку Аркадію и Базарову, какъ бы понимая заранее, что они не нуждаются въ его благословеніи, и вообще держалъ себя непринужденно. И себя онъ не выдалъ, и другихъ не задѣлъ; кстати посмѣялся надъ семинарскою латынью, и заступился за своего архіерея; двѣ рюмки вина выпилъ, а отъ третьей отказался; принялъ отъ Аркадія сигару, но курить ее не сталъ, говоря, что

везеть ее домой. Не совсѣмъ приятно было въ немъ только то, что онъ то и дѣло медленно и осторожно заносилъ руку, чтобы ловить мухъ у себя на лицѣ, и при этомъ иногда давилъ ихъ. Онъ сѣлъ за зеленый столъ съ умѣреннымъ изъясненіемъ удовольствія и кончилъ тѣмъ, что обыгралъ Базарова на 2 руб. 50 коп. ассигнаціями: въ домѣ Арины Власьевны и понятія не имѣли о счетѣ на серебро... Она попрежнему сидѣла возлѣ сына (въ карты она не играла), попрежнему подпирая щеку кулачкомъ, и вставала только затѣмъ чтобы велѣть подать какое-нибудь новое яство. Она боялась ласкать Базарова, и онъ не ободрялъ ее, не вызывалъ ее на ласки; притомъ же и Василій Ивановичъ присовѣтовалъ ей не очень его „безпокоить“. — „Молодые люди до этого не охотники“, твердилъ онъ ей (нечего говорить, каковъ былъ въ тотъ день обѣдъ: Тимошеичъ собственно персоной скакалъ на утренней зарѣ за какою-то особенною черкасскою говядиной; староста вѣздилъ въ другую сторону за налимми, ершами и раками; за одни грибы бабы получили 42 копейки мѣдью); но глаза Арины Власьевны, неотступно обращенные на Базарова, выражали не одну преданность и вѣжность; въ нихъ видѣлась и грусть смѣшанная съ любопытствомъ и страхомъ, видѣлся какой-то смиренный укоръ. Впрочемъ, Базарову было не до того, чтобы разбирать чтò именно выражали глаза его матери: онъ рѣдко обращался къ ней, и то съ коротенькимъ вопросомъ. Разъ онъ попросилъ у ней руку „на счастье“; она тихонько положила свою мягкую ручку на его жесткую и широкую ладонь.

— Чтò, спросила она, погода немного, — не помогло?

— Еще хуже пошло, отвѣчалъ онъ съ небрежною усмѣшкой.

— Очевно они уже рискуютъ, какъ бы съ сожалѣніемъ произнесъ отецъ Алексѣй, и погладилъ свою красивую бороду.

— Наполеоновское правило, батюшка, наполеоновское, подхватилъ Василій Ивановичъ, — и пошелъ съ туза.

— Оно же и довело его до острова Святыя Елены, промолвилъ отецъ Алексѣй, и покрылъ его туза козыремъ.

— Не желаешь ли смородинной воды, Енютечка? спросила Арина Власьева.

Базаровъ только плечами пожалъ.

— Нѣтъ! говорилъ онъ на слѣдующій день Аркадію, — уѣду

отсюда завтра. Скучно; работать хочется, а здѣсь нельзя. Отправляюсь опять къ вамъ въ деревню; я же тамъ всѣ свои препараты оставилъ. У васъ, по крайней мѣрѣ, запереться можно. А здѣсь отецъ мнѣ все твердитъ: „мой кабинетъ къ „твоимъ услугамъ—никто тебѣ мѣшать не будетъ“; а самъ отъ меня ни на шагъ. Да и совѣстно какъ-то отъ него заператься. Ну и мать тоже. Я слышу, какъ она вздыхаетъ за стѣной; а выйдешь къ ней—и сказать ей нечего.

— Очень она огорчится, промолвилъ Аркадій,—да и онъ тоже.

— Я къ нимъ еще вернусь.

— Когда?

— Да вотъ какъ въ Петербургъ поѣду.

— Мнѣ твою мать особенно жалко.

— Что такъ? Ягодами, что ли, она тебѣ угодила?

Аркадій опустилъ глаза.—Ты матери своей не знаешь, Евгений. Она не только отличная женщина, она очень умна, право. Сегодня утромъ она со мной съ полчаса бесѣдовала, и такъ дѣльно, интересно.

— Вѣрно обо мнѣ все распространялась?

— Не о тебѣ одномъ была рѣчь.

— Можетъ-быть; тебѣ со стороны виднѣй. Коли можетъ женщина получасовую бесѣду поддержать, это ужъ знакъ хорошій. А я все-таки уѣду.

— Тебѣ не легко будетъ сообщить имъ это извѣстiе. Они все разсуждаютъ о томъ что мы черезъ двѣ недѣли дѣлать будемъ.

— Не легко. Чортъ меня дернулъ сегодня подразнить отца: онъ на дняхъ велѣлъ высѣчь одного своего оброчнаго мужика—и очень хорошо сдѣлалъ; да, да, не гляди на меня съ такимъ ужасомъ—очень хорошо сдѣлалъ, потому что воръ и пьяница онъ страшнѣйшій; только отецъ никакъ не ожидалъ, что я объ этомъ, какъ говорится, извѣстенъ стану. Онъ очень сконфузился, а теперь мнѣ придется въ добавокъ его огорчить... Ничего! До свадьбы заживетъ.

Базаровъ сказалъ: „ничего“! но цѣлый день прошелъ прежде чѣмъ онъ рѣшился увѣдомить Василя Ивановича о своемъ намѣренiи. Наконецъ, уже прощаясь съ нимъ въ кабинетъ, онъ проговорилъ съ натянутымъ зѣвкомъ:

— Да... чуть было не забылъ тебѣ сказать... Велика завтра нашихъ лошадей къ Фодоту выслать на подставу.

Василій Ивановичъ изумился.—Развѣ г-нъ Курсановъ отъ насъ уѣзжаетъ.

— Да и я съ нимъ уѣзжаю.

Василій Ивановичъ перевернулся на мѣстѣ.—Ты уѣзжаешь?

— Да... мнѣ нужно. Распорядись, пожалуйста, на счетъ лошадей.

— Хорошо... залепеталъ старикъ:—на подставу... хорошо... только... только... Какъ же это?

— Мнѣ нужно съѣздить къ нему на короткое время. Я потомъ опять сюда вернусь.

— Да! На короткое время... Хорошо.—Василій Ивановичъ вынулъ платокъ и, сморкаясь, наклонился чуть не до земли.—Что жъ? это... все будетъ. Я было думалъ, что ты у насъ... подождать. Три дня... Это, это, послѣ трехъ лѣтъ, маловато; маловато, Евгений!

— Да я жъ тебѣ говорю, что я скоро вернусь.

— Необходимо... Чтò жъ? Прежде всего надо долгъ исполнять... Такъ выслать лошадей? Хорошо. Мы, конечно, съ Ариной этого не ожидали. Она вотъ цѣлтовъ выпросила у сосѣдки, хотѣла комнату тебѣ убрать. (Василій Ивановичъ уже не упомянулъ о томъ, что каждое утро, чуть свѣтъ, стоя о босу ногу въ туфляхъ, онъ совѣщался съ Тимоѣевичемъ и, доставая дрожащими пальцами одну изорванную ассигнацію за другою, поручалъ ему разныя закупки, особенно налегая на съѣстные припасы и на красное вино, которое, сколько можно было замѣттить, очень понравилось молодымъ людямъ.) Главное—свобода; это мое правило... не надо стѣснять... не...

Онъ вдругъ умолкъ и направился къ двери.

— Мы скоро увидимся, отецъ, право.

Но Василій Ивановичъ, не оборачиваясь, только рукой махнулъ и вышелъ. Возвратясь въ спальню, онъ засталъ свою жену въ постели и началъ молиться шепотомъ, чтобы ея не разбудить. Однако она проснулась.—Это ты, Василій Ивановичъ? спросила она.

— Я, матушка!

— Ты отъ Елюши? Знаешь ли, я боюсь: покойно ли ему спать на диванѣ. Я Анфисукѣ велѣла положить ему твой походный матрасикъ и новыя подушки; я бы нашъ пуховикъ ему дала, да онъ, помнится, не любитъ мягко спать.

— Ничего, матушка, не безпокойся. Ему хорошо. Гос-

поди, помилуй насъ грѣшныхъ! продолжалъ онъ вполголоса свою молитву. Василій Ивановичъ пожалѣлъ свою старушку; онъ не захотѣлъ сказать ей на ночь какое горе ее ожидало.

Базаровъ съ Аркадіемъ уѣхали на другой день. Съ утра уже все приуныло въ домѣ; у Анфисушки посуда изъ рукъ валилась; даже Федька недоумѣвалъ, и кончилъ тѣмъ, что снялъ сапоги. Василій Ивановичъ суетился больше чѣмъ когда-либо: онъ видимо храбрился, громко говорилъ и стучалъ ногами, но лицо его осунулось и взгляды постоянно скользили мимо сына. Арина Власьевна тихо плакала; она совсѣмъ бы растерялась и не совладѣла бы съ собою, еслибы мужъ рано утромъ цѣлые два часа ея не уговаривалъ. Когда же Базаровъ, послѣ неоднократныхъ обѣщаній вернуться никакъ не позже мѣсяца, вырвался наконецъ изъ удерживавшихъ его объятій, и сѣлъ въ тарантасъ; когда лошади тронулись, и колокольчикъ зазвенѣлъ, и колеса завертѣлись,—и вотъ уже глядѣть вслѣдъ было незачѣмъ, и пыль улеглась, и Тимоѣичъ, весь сгорбленный и шатаясь на ходу, поплелся назадъ въ свою коморку; когда старички остались одни въ своемъ, тоже какъ будто внезапно съжившемся и подражвшемъ домѣ: Василій Ивановичъ, еще за нѣсколько мгновеній молодцовато махавшій платкомъ на крыльцѣ, опустился на стулъ и уронилъ голову на грудь. „Бросилъ, бросилъ насъ!“ зашепталъ онъ:—„бросилъ; скучно ему стало съ нами. Одинъ, какъ перстъ теперь, одинъ!“ повторилъ онъ нѣсколько разъ, и каждый разъ выносилъ впередъ свою руку съ отдѣленнымъ указательнымъ пальцемъ. Тогда Арина Власьевна приблизилась къ нему и, присловивъ свою сѣдую голову къ его сѣдой головѣ, сказала: „Что дѣлать, Вася! Сынъ отрѣзанный ломоть. Онъ, что соколъ: захотѣлъ, прилетѣлъ, захотѣлъ, улетѣлъ; а мы съ тобой, какъ опенки на дуплѣ, сидимъ рядкомъ, и ни съ мѣста. Только я останусь для тебя навѣкъ неизмѣнно, какъ и ты для меня.“

Василій Ивановичъ принялъ отъ лица руки и обнялъ свою жену, свою подругу, такъ крѣпко, какъ и въ молодости ея не обнималъ: она утѣшила его въ его печали.

XXII.

Молча, лишь изрѣдка мѣняясь незначительными словами, доѣхали наши пріатели до Федота. Базаровъ былъ не

совсемъ собой доволенъ. Аркадій былъ недоволенъ имъ. Къ тому же онъ чувствовалъ на сердцѣ ту безпричинную грусть, которая знакома только однимъ очень молодымъ людямъ. Кучеръ перепрягъ лошадей и, взобравшись на козлы, спросилъ: направо, аль налѣво?

Аркадій дрогнулъ. Дорога направо вела въ городъ, а оттуда домой; дорога налѣво вела къ Одинцовой.

Онъ взглянулъ на Базарова.

— Евгений, спросилъ онъ, — налѣво?

Базаровъ отвернулся. — Это что за глупость? пробормоталъ онъ.

— Я знаю, что глупость, отвѣтилъ Аркадій... Да что за бѣда? Развѣ намъ въ первый разъ?

Базаровъ надвинулъ картузъ себѣ на лобъ. — Какъ знаешь, проговорилъ онъ наконецъ.

— Пошелъ налѣво, крикнулъ Аркадій.

Тарантасъ покотилъ въ направленіи къ Никольскому. Но, рѣшившись на *глупость*, пріятели еще упорѣе прежняго молчали, и даже казались сердитыми.

Уже по тому, какъ ихъ встрѣтилъ дворецкій на крыльцѣ Одинцовскаго дома, пріятели могли догадаться, что они поступили неблагоразумно, поддавшись внезапно пришедшей имъ фантазіи. Ихъ очевидно не ожидали. Они просидѣли довольно долго и съ довольно-глупыми физиономіями въ гостиной. Одинцова вышла къ нимъ наконецъ. Она привѣтствовала ихъ съ обыкновенною своею любезностью, но удивилась ихъ скорому возвращенію и, сколько можно было судить по медлительности ея движеній и рѣчей, не слишкомъ ему обрадовалась. Они успѣшили объявить, что заѣхали только по дорогѣ, и часа черезъ четыре отправятся дальше, въ городъ. Она ограничилась легкимъ восклицаніемъ, попросила Аркадія поклониться отцу отъ ея имени, и послала за своею теткой. Княжна явилась вся заспанная, что придавало еще болѣе злобы выраженію ея сморщенного стараго лица. Катѣ не здоровилось, она не выходила изъ своей комнаты. Аркадій вдругъ почувствовалъ, что онъ по крайней мѣрѣ столько же желалъ видѣть Катю, сколько и самое Анну Сергѣевну. Четыре часа прошло въ незначительныхъ толкахъ о томъ, о семъ; Анна Сергѣевна и слушала, и го-

ворила безъ улыбки. Только при самомъ прощаніи прежнее дружелюбіе какъ будто шевельнулось въ ея душѣ.

— На меня теперь нашла хандра, сказала она,—но вы не обращайтесь на это вниманія и пріѣзжайте опять, я вамъ это обоимъ говорю, черезъ нѣсколько времени.

И Базаровъ, и Аркадіи отвѣтили ей безмолвнымъ поклономъ, сѣли въ экипажъ и, уже нигдѣ не останавливаясь, отправились домой, въ Марьино, куда и прибыли благополучно на слѣдующій день вечеромъ. Въ продолженіе всей дороги ни тотъ, ни другой не упомянулъ даже имени Одинцовой; Базаровъ, въ особенности, почти не раскрывалъ рта, и все глядѣлъ въ сторону, прочь отъ дороги, съ какимъ-то ожесточеннымъ напряженіемъ.

Въ Марьинѣ имъ всѣ чрезвычайно обрадовались. Продолжительное отсутствіе сына начинало беспокоить Николай Петровича; онъ вскрикнулъ, заболталъ ногами и подпрыгнулъ на диванѣ, когда Феничка вбѣжала къ нему съ сіяющими глазами и объявила о пріѣздѣ „молодыхъ господъ“; самъ Павелъ Петровичъ почувствовалъ нѣкоторое пріятное волненіе и снисходительно улыбаясь, потрясая руки возвратившихся странниковъ. Пошли толки, разпросы; говорилъ больше Аркадіи, особенно за ужиномъ, который продолжался далеко за полночь. Николай Петровичъ велѣлъ подать нѣсколько бутылокъ портера, только что привезеннаго изъ Москвы, и самъ раскутился до того, что щеки у него сдѣлались мааиновыя, и онъ все смѣялся какимъ-то не то дѣтскимъ, не то нервическимъ смѣхомъ. Всеобщее одушевленіе распространилось и на прислугу. Дуняша бѣгала взадъ и впередъ какъ угорѣлая, и то и дѣло хлопала дверями; а Петръ даже въ третьемъ часу ночи все еще пытался сыграть на гитарѣ вальсъ-казакъ. Струны жалобно и пріятно звучали въ неподвижномъ воздухѣ, но за исключеніемъ небольшой первоначальной фіоритурѣ ничего не выходило у образованнаго камердинера: природа отказала ему въ музыкальной способности, какъ и во всѣхъ другихъ.

А между тѣмъ жизнь неслышкомъ красиво складывалась въ Марьинѣ, и бѣдному Николаю Петровичу приходилось плохо. Хлопоты по фермѣ росли съ каждымъ днемъ—хлопоты безотрадные, безтолковыя. Возня съ наемными ра-

ботниками становилась невыносимой. Одни требовали расчета или прибавки, другие уходили, забравши задатокъ; лошади заболѣвали; збуря горѣла какъ на огнѣ; работы исполнялись небрежно; выписанная изъ Москвы молотильная машина оказалась негодной по своей тяжести; другую, въяку, съ перваго разу испортили; половина скотнаго двора сгорѣла, оттого что слѣпая старуха изъ дворовыхъ въ вѣтряную погоду пошла съ головешкой окуривать свою корову... Грѣва, по увѣренію той же старухи, вся бѣда произошла оттого что барину вздумалось заводить какіе-то небывалые сыры и молочные скопы. Управляющій вдругъ облѣнился и даже началъ толстѣть, какъ толстѣетъ всякій русскій человекъ попавшій на „вольные хлѣба“. Завидя издали Николая Петровича, охъ, чтобы заявить свое рвеніе, бросалъ щепкой въ пробѣгавшаго мимо поросенка, или грозился полунагому мальчишкѣ, а впрочемъ больше все спалъ. Посаженные на оброкъ мужики не вносили денегъ въ срокъ, крали дѣсь; почти каждую ночь сторожа ловили, а иногда съ бою забирали крестьянскихъ лошадей на лугахъ „фермы“. Николай Петровичъ опредѣлялъ было денежный штрафъ за поправу, но дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что, постоявъ день или два на господскомъ кормѣ, лошади возвращались къ своимъ владѣльцамъ. Къ довершенію всего, мужики начали между собою ссориться: братья требовали раздѣла; жены ихъ не могли ужиться въ одномъ домѣ; внезапно закипала драка, и все вдругъ поднялось на ноги, какъ по командѣ, все сбѣгалось передъ крыльцо конторы, дѣшло къ барину, часто съ избитыми рожками, въ пьяномъ видѣ, и требовало суда и расправы; возникалъ шумъ, вопль, бабій хныкающій визгъ въ перемежку съ мужскою бранью. Нужно было разбирать враждующія стороны, кричать самому до хрипоты, зная напередъ, что къ правильному рѣшенію все-таки придти невозможно. Не хватало рукъ для жатвы: сосѣдній дводворецъ, съ самымъ благообразнымъ лицомъ, порячился доставить жнецовъ по два рубля съ десятины, и надулъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ; свои бабы заламывали цѣны неслыханныя, а хлѣбъ между тѣмъ осыпался, а тутъ съ косьюбой не совладѣли, а тутъ опекунскій совѣтъ грозитъ и требуетъ немедленной и безнедоумочной уплаты процентовъ...

— Силъ моихъ нѣтъ! не разъ съ отчаяніемъ восклицалъ

Николай Петровичъ. — Самому драться невозможно, посылать за становымъ — не позволяютъ принципы, а безъ страха наказанія ничего не подѣлаешь!

— Du calme, du calme, замѣчалъ на это Павелъ Петровичъ, а самъ мурлыкалъ, хмурился и подергивалъ усы.

Базаровъ держался въ отдаленіи отъ этихъ „дрязговъ“, да ему, какъ гостю, не приходилось и вмѣшиваться въ чужія дѣла. На другой день послѣ пріѣзда въ Марьино, онъ принялся за свои лягушки, за инфузоріи, за химическіе составы, и все возился съ ними. Аркадій, напротивъ, почелъ своею обязанностію если не помогать отцу, то по крайней мѣрѣ показать видъ, что онъ готовъ ему помочь. Онъ терпѣливо его выслушивалъ и однажды подаль какой-то совѣтъ, не для того чтобъ ему послѣдовали, а чтобы заявить свое участіе. Хозяйничанье не возбудило въ немъ отвращенія: онъ даже съ удовольствіемъ мечталъ объ агрономической дѣятельности; но у него въ ту пору другія мысли зародились въ головѣ. Аркадій, къ собственному изумленію, безпрестанно думалъ о Никольскомъ; прежде онъ бы только плечами пожалъ, еслибы кто-нибудь сказалъ ему, что онъ можетъ соскучиться подъ однимъ кровомъ съ Базаровымъ, и еще подъ какимъ! — подъ родительскимъ кровомъ; а ему точно было скучно, и тянуло его вонъ. Онъ вздумалъ гулять до усталости, но и это не помогло. Разговаривая однажды съ отцомъ, онъ узналъ, что у Николая Петровича находилось нѣсколько писемъ, довольно интересныхъ, писанныхъ нѣкогда матерью Одинцовой къ покойной его женѣ, и не отсталъ отъ него до тѣхъ поръ, пока не получилъ этихъ писемъ, за которыми Николай Петровичъ принужденъ былъ рыться въ двадцати различныхъ ящикахъ и сундукахъ. Вступивъ въ обладаніе этими полуистлѣвшими бумажками, онъ какъ будто успокоился, точно онъ увидѣлъ передъ собою цѣль, къ которой ему слѣдовало идти. „Я вамъ это обоимъ говорю, безпрестанно шепталъ онъ, — сама прибавила, Поѣду, поѣду чортъ возьми!“ Но онъ вспоминалъ послѣднее послѣщеніе, холодный пріемъ и прежнюю неловкость, и робость овладѣвала имъ. „Авось“ молодости, тайное желаніе извѣдать свое счастье, испытать свои силы въ одиночку, безъ чьего бы то ни было покровительства одолѣло наконецъ. Десяти дней не прошло со времени его возвращенія въ Марьино, какъ уже онъ опять, подъ предлогомъ изученія механизма воскрес-

выхъ школь, скакаль въ городъ, а оттуда въ Никольское. Безпрерывно погоняя ямщика, несся онъ туда, какъ молодой офицеръ на сраженъе: и страшно ему было, и весело, и нетерпѣннѣе его душило. „Главное—не надо думать,“ твердилъ онъ самому себѣ. Ямщикъ ему попался лихой, онъ останавливался передъ каждыиъ кабакомъ, приговаривая: „чкнуть?“ или: „аль чкнуть?“ но за то, *чкнувши*, не жалѣль лошадей. Вотъ, наконецъ, показалась высокая крыша знакомаго дома... „Что я дѣлаю?“ мелькнуло вдругъ въ головѣ Аркадія. „Да, вѣдь не вернуться же!“ Тройка дружно мчалась; ямщикъ гикаль и свисталь. Вотъ уже мостикъ загремѣль подъ копытами и колесами, вотъ уже надвинулась аллея стриженыхъ елокъ... Розовое женское платье мелькнуло въ темной зелени, молодое лицо выглянуло изъ-под легкой бахромы зонтика... Онъ узналь Катю, и она его узнала. Аркадій приказаль ямщику остановить разскакавшихъ лошадей, выпрыгнуль изъ экипажа и подошелъ къ ней. „Это вы! промолвила она, и понемножку вся покраснѣла: пойдѣмте къ сестрѣ, она тутъ въ саду; ей будетъ пріятно васъ видѣть.“

Катя повела Аркадія въ садъ. Встрѣча съ нею показала ему особенно счастливымъ предзнаменованіемъ; онъ обрадовался ей, словно родной. Все такъ отлично устроилось: ни дворецкаго, ни доклада. На поворотѣ дорожки онъ увидѣль Анну Сергѣевну. Она стояла къ нему спиной. Услышавъ шаги, она тихонько обернулась. Аркадій омутился было снова, но первыя слова, ею произнесенныя, успокоили его тотчасъ. „Здравствуйте, бѣглець!“ проговорила она своимъ ровнымъ, ласковымъ голосомъ, и пошла къ нему на встрѣчу, улыбаясь и щурясь отъ солнца и вѣтра: „гдѣ ты его нашла, Катя?“

— Я вамъ, Анна Сергѣевна, началъ онъ,—привезъ нѣчто такое, чего вы никакъ не ожидаете...

— Вы себя привезли; это лучше всего.

XXIII.

Проводивъ Аркадія съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ и давъ ему понять, что онъ нисколько не обманывается на счетъ настоящей цѣли его поѣздки, Базаровъ уединился окончательно: на него нашла лихорадка работы. Съ Павломъ

Петровичемъ онъ уже не спорилъ, тѣмъ болѣе что тотъ въ его присутствіи принималъ черезчуръ аристократическій видъ и выражалъ свои мнѣнія болѣе звуками чѣмъ словами. Только однажды Павелъ Петровичъ пустился было въ состязаніе съ *нигилистомъ* по поводу моднаго въ то время вопроса о правахъ остзейскихъ дворянъ, но самъ вдругъ остановился, промолвивъ съ холодною вѣжливостію:—впрочемъ, мы другъ друга понять не можемъ. Я, по крайней мѣрѣ, не имѣю чести васъ понимать.

— Еще бы! воскликнулъ Базаровъ.— Человѣкъ все въ состояніи понять—и какъ трепещетъ зѣуръ, и что на солнцѣ происходитъ; а какъ другой человѣкъ можетъ иначе сморкаться чѣмъ онъ самъ сморкается, этого онъ понять не въ состояніи.

— Что, это остроумно? проговорилъ вопросительно Павелъ Петровичъ, и отошелъ въ сторону.

Впрочемъ, онъ иногда просилъ позволенія присутствовать при опытахъ Базарова, а разъ даже приблизилъ свое раздушенное и вымытое отлщнымъ свадобьемъ лицо къ микроскопу, для того чтобы посмотреть какъ прозрачная инфузорія глотала зеленую пылинку и хлопотливо пережевывала ее какими-то очень проворными кулачками, находившимися у ней въ горлѣ. Гораздо чаще своего брата посѣщалъ Базарова Николай Петровичъ; онъ бы каждый день приходилъ, какъ онъ выражался, „учиться,“ еслибы хлопоты по хозяйству не отвлекали его. Онъ не стѣснялъ молодого естествоиспытателя: садился гдѣ-нибудь въ уголокъ комнаты и глядѣлъ внимательно, изрѣдка позволяя себѣ осторожный вопросъ. Во время обѣдовъ и ужиновъ, онъ старался направлять рѣчь на физику, геологію или химию, такъ какъ всѣ другіе предметы, даже хозяйственные, не говоря уже о политическихъ, могли повести если не къ столкновеніямъ, то ко взаимному неудовольствію. Николай Петровичъ догадывался, что ненависть его брата къ Базарову нисколько не уменьшилась. Неважный случай, между многими другими, подтвердилъ его догадки. Холера стала появляться кое-гдѣ по окрестностямъ и даже „выдернула“ двухъ людей изъ самого Марьино. Ночью съ Павломъ Петровичемъ случилась довольно сильный припадокъ. Онъ промучился до утра, но не прибѣгъ къ искусству Базарова—и увидавшись съ нимъ на слѣдующій день, на его вопросъ:

„зачѣмъ онъ не послалъ за нимъ?“—отвѣчалъ, весь еще блѣдный, но уже тщательно расчесанный и выбритый:—„вѣдь вы, помните, сами говорили, что не вѣрите въ медицину?“ Такъ проходили дни. Базаровъ работалъ упорно и угрюмо, а между тѣмъ въ домѣ Николая Петровича находилось существо, съ которымъ онъ не то чтобы отводилъ душу, а охотно бесѣдовалъ.... Это существо была Феничка.

Онъ встрѣчался съ ней большею частью по утрамъ рано, въ саду или на дворѣ; въ комнату къ ней онъ не заходилъ, и она всего разъ подошла къ его двери, чтобы спросить его—купать ли ей Митю или нѣтъ? Она не только довѣрялась ему, не только его не боялась, она при немъ держалась вольнѣе и развязнѣе чѣмъ при самомъ Николаѣ Петровичѣ. Трудно сказать, отчего это происходило; можетъ быть оттого, что она бессознательно чувствовала въ Базаровѣ отсутствіе всего дворянскаго, всего того высшаго, что и привлекаетъ, и пугаетъ. Въ ея глазахъ онъ и докторъ былъ отличный, и человѣкъ простой. Не стѣсняясь его присутствіемъ, она возилась съ своимъ ребенкомъ, и однажды, когда у ней вдругъ закружилась и заболѣла голова—изъ его рукъ приняла ложку лѣкарства. При Николаѣ Петровичѣ она какъ будто чуждалась Базарова: она это дѣлала не изъ хитрости, а изъ какого-то чувства приличія. Павла Петровича она боялась больше чѣмъ когда-либо; онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ наблюдать за нею, и неожиданно появлялся, словно изъ земли выросталъ за ея спиною, въ своемъ *сьютъ*, съ неподвижнымъ зоркимъ лицомъ и руками въ карманахъ.—„Такъ тебя холодомъ и обдастъ“, жаловалась Феничка Дуляшѣ, а та въ отвѣтъ ей только вздыхала и думала о другомъ „безчувственномъ“ человѣкѣ. Базаровъ, самъ того не подозревая, сдѣлался *жестокимъ тираномъ* ея души.

Феничкѣ нравился Базаровъ; но и она ему нравилась. Даже лицо его измѣнялось, когда онъ съ ней разговаривалъ: оно принимало выраженіе ясное, почти доброе, и къ обычной его небрежности примѣшивалось какая-то шутовская внимательность. Феничка хорошѣла съ каждымъ днемъ. Бываетъ эпоха въ жизни молодыхъ женщинъ, когда онѣ вдругъ начинаютъ расцвѣтать и распускаться, какъ лѣтнія розы; такая эпоха наступила для Фенички. Все къ тому способствовало,

даже июльскій зной, который стоялъ тогда. Одѣтая въ легкое, бѣлое платье, она сама казалась бѣлѣе и легче: загаръ не приставалъ къ ней, а жара, отъ которой она не могла уберечься, слегка румянила ея щеки да уши и, вливая тихую лѣнь во все ея тѣло, отражалась дремотною томностью въ ея хорошенькихъ глазкахъ. Она почти не могла работать; руки у ней такъ и скользили на колѣни. Она едва ходила, и все охала да жаловалась съ забавнымъ безсиліемъ.

— Ты бы чаще купалась, говорилъ ей Николай Петровичъ. Онъ устроилъ большую, подотномъ покрытую купальню въ томъ изъ своихъ прудовъ, который еще несомнѣнно ушелъ.

— Охъ, Николай Петровичъ! Да пока до пруда дойдешь—умрешь, и назадъ пойдешь—умрешь. Вѣдь тѣни-то въ саду нѣту.

— Это точно, что тѣни нѣту, отвѣчалъ Николай Петровичъ, и потиралъ себѣ брови.

Однажды, часу въ седьмомъ утра, Базаровъ, возвращаясь съ прогулки, засталъ въ давно-отцвѣтшей, но еще густой и зеленой сиреневой бесѣдкѣ Февличку. Она сидѣла на скамейкѣ; подлѣ нея лежалъ цѣлый пукъ еще мокрыхъ отъ росы красныхъ и бѣлыхъ розъ. Онъ поздоровался съ нею.

— А! Евгеній Васильичъ! проговорила она, и приподняла немного край платка, чтобы взглянуть на него, причемъ ея рука обнажилась до локтя.

— Что вы это тутъ дѣлаете? промолвилъ Базаровъ, садясь возлѣ нея.—Букетъ вяжете?

— Да; на столъ, къ завтраку. Николай Петровичъ это любить.

— Но до завтрака еще далеко. Экая пропасть цвѣтовъ!

— Я ихъ теперъ нарвала, а то станетъ жарко, и выйдти нельзя. Только теперъ и дышашь. Совсѣмъ я ослабѣла отъ этого отъ жару. Ужъ я боюсь, не заболѣю ли я?

— Это что за фантазія! Дайте-ка вашъ пульсъ пощупать.—Базаровъ взялъ ея руку, отыскалъ ровно бившуюся жилку, и даже не сталъ считать ея ударовъ.—Сто лѣтъ проживете, промолвилъ онъ, выпуская ея руку.

— Ахъ, сохрани Богъ! воскликнула она.

— А что? Развѣ вамъ не хочется долго пожить?

— Да вѣдь сто лѣтъ! У насъ бабушка была, восьмидесяти пяти лѣтъ—такъ ужь что же это была за мученица! Черная, глухая, горбатая, все кашляла; себѣ только въ тягость. Какая ужь это жизнь!

— Такъ лучше быть молодой?

— А то какъ же?

— Да чѣмъ же оно лучше? Скажите мнѣ?

— Какъ чѣмъ? Да вотъ я теперь молодая, все могу сдѣлать—и пойду, и приду, и принесу, и никого мнѣ просить не нужно... Чего лучше?

— А вотъ мнѣ все равно: молодъ ли я или старъ.

— Какъ это вы говорите—все равно? это невозможно, что вы говорите.

— Да вы сами посудите, Федосья Николавна, на что мнѣ моя молодость? Живу я одинъ, бобылемъ....

— Это отъ васъ всегда зависитъ.

— То-то что не отъ меня! Хоть бы кто-нибудь надо мною скалился.

Феничка сбоку посмотрѣла на Базарова, но ничего не сказала.

— Это что у васъ за книга? спросила она, погода немного.

— Эта-то? Это ученая книга, мудреная.

— А вы все учитесь? И не скучно вамъ? Вы ужь и такъ, а чай, все знаете.

— Видно не все. Попробуйте-ка вы прочесть немного.

— Да я ничего тутъ не пойму. Она у васъ русская? спросила Феничка, принимая въ обѣ руки тяжело переплетенный томъ.—Какая толстая!

— Русская.

— Все равно, я ничего не пойму.

— Да я и не съ тѣмъ чтобы вы поняли. Мнѣ хочется посмотрѣть на васъ, какъ вы читать будете. У васъ, когда вы читаете, кончикъ носика очень мило двигается.

Феничка, которая принялась было разбирать вполголоса попавшуюся ей статью „о креозотѣ“, засмѣялась и бросила книгу... Она скользнула со скамейки на землю.

— Я люблю тоже, когда вы смѣетесь, промолвила Базаровъ.

— Полноте!

— Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеекъ журчить.

Феничка отворотила голову.—Какой вы! промолвила она,

перебирая пальцами по цвѣтамъ.—И что вамъ меня слушать? Вы съ такими умными дамами разговоръ имѣли.

— Эхъ, Федосья Николавна! повѣрьте мнѣ: всѣ умныя дамы на свѣтѣ не стоятъ вашего локотка.

— Ну, вотъ еще что выдумали! шепнула Феничка, и поджала руки.

Базаровъ поднялъ съ земли книгу.—Это лѣкарская книга, зачѣмъ вы ее бросаете?

— Лѣкарская? повторила Феничка, и повернулась къ нему.—А знаете что? Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ тѣ капельки дали, помните? ужъ какъ Митя спитъ хорошо! Я ужъ и не придумаю, какъ мнѣ васъ благодарить; такой вы добрый, право.

— А по настоящему надо лѣкарямъ платить, замѣтилъ съ усмѣшкой Базаровъ.—Лѣкаря, вы сами знаете, люди корыстные.

Феничка подняла на Базарова свои глаза, казавшіеся еще темнѣе отъ бѣловатаго отблеска, падавшаго на верхнюю часть ея лица. Она не знала—шутить ли онъ, или нѣтъ.

— Если вамъ угодно, мы съ удовольствіемъ... Надо будетъ у Николая Петровича спросить...

— Да вы думаете, я денегъ хочу? перебилъ ее Базаровъ.—Нѣтъ, мнѣ отъ васъ не деньги нужны.

— Что же? проговорила Феничка.

— Что? повторилъ Базаровъ.—Угадайте.

— Что я за отгадчица!

— Такъ я вамъ скажу; мнѣ нужно.... одну изъ этихъ розъ.

Феничка опять засмѣялась и даже руками всплеснула, до того ей показалось забавнымъ желаніе Базарова. Она смѣялась, и въ то же время чувствовала себя польщенною. Базаровъ пристально смотрѣлъ на нее.

— Извольте, извольте, промолвила она наконецъ, и, нагнувшись къ скамейкѣ, принялась перебирать розы.—Какую вамъ, красную или бѣлую?

— Красную, и не слишкомъ большую.

Она выпрямилась.—Вотъ возьмите, сказала она, но тотчасъ же отдернула протянутую руку, и, закусивъ губы, глянула на входъ бесѣдки, потомъ принула ухомъ.

— Что такое? спросилъ Базаровъ.—Николай Петровичъ?

— Нѣтъ... Они въ поле уѣхали... да я и не боюсь ихъ... а вотъ Павелъ Петровичъ... Мнѣ показалось...

— Чтѣ?

— Мнѣ показалось, что *они* тутъ ходятъ. Нѣтъ... никого нѣтъ. Возьмите.—Фенючка отдала Базарову розу.

— Съ какой стати вы Павла Петровича боитесь.

— Они меня все пугаютъ. Говорить—не говорить, а такъ смотреть мудро. Да вѣдь и вы его не любите. Помните прежде, вы все съ нимъ спорили. Я и не знаю, о чемъ у васъ споръ идетъ, а вижу, что вы его и такъ вертите, и такъ...

Фенючка показала руками какъ, по ея мнѣнью, Базаровъ вертѣлъ Павла Петровича.

Базаровъ улыбнулся.—А еслибъ онъ меня побѣждать сталъ, спросилъ онъ,—вы бы за меня заступились?

— Гдѣ жь мнѣ за васъ заступаться? Да нѣтъ, съ вами не сладить.

— Вы думаете? А я знаю руку, которая, захочетъ, и пальцемъ меня спишетъ.

— Какая такая рука?

— А вы, небось, не знаете? Понюхайте, какъ славно пахнетъ роза, чтѣ вы мнѣ дали.

Фенючка вытянула шейку и приблизила лицо къ цвѣтку... Платокъ скатился съ ея головы на плеча; показалась мягкая масса черныхъ, блестящихъ, слегка растрепанныхъ волосъ.

— Пойдите, я хочу понюхать съ вами, промолвилъ Базаровъ, нагнулся, и крѣпко поцѣловалъ ее въ раскрытыя губы.

Она дрогнула, уперлась обѣими руками въ его грудь, но уперлась слабо, и онъ могъ возобновить и продлить свой поцѣлуй.

Сухой кашель раздался за спинами. Фенючка мгновенно отодвинулась на другой конецъ скамейки. Павелъ Петровичъ показался, слегка поклонился и, проговоривъ къ какому-то забавною улыбающею: „вы здѣсь“ — удался. Фенючка тотчасъ подобрала всѣ розы и вышла вонъ изъ бесѣдки. „Грѣшно вамъ, Евгеній Васильичъ“, шепнула она, уходя. Неподдѣльный упрекъ слышался въ ея шепотѣ.

Базаровъ вспомнилъ другую недавнюю сцену, и совѣстно ему стало, и презрительно досадно. Но онъ тотчасъ же встряхнулъ головой, пронычски поздравилъ себя „съ фор-

малынымъ поступленіемъ въ селадоны“, и отправился къ себѣ въ комнату.

А Павелъ Петровичъ вышелъ изъ сада и, медленно шагая, добрался до лѣса. Онъ остался тамъ довольно долго, и когда онъ вернулся къ завтраку, Николай Петровичъ заботливо спросилъ у него, здоровъ ли онъ? до того лицо его потемнѣло.

— Ты знаешь, я иногда страдаю разлитіемъ желчи, спокойно отвѣчалъ ему Павелъ Петровичъ.

XXIV.

Часа два спустя, онъ стучался въ дверь къ Базарову.

— Я долженъ извиниться, что мѣшаю вамъ въ вашихъ ученыхъ занятіяхъ, началъ онъ, усаживаясь на стулъ у окна и опираясь обѣими руками на красивую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости (онъ обыкновенно хаживалъ безъ трости),—но я принужденъ просить васъ удѣлить мнѣ пять минутъ вашего времени... не болѣе.

— Все мое время къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ Базаровъ, у котораго что-то пробѣжало по лицу, какъ только Павелъ Петровичъ переступилъ порогъ двери.

— Съ меня пяти минутъ довольно. Я пришелъ предложить вамъ одинъ вопросъ?

— Вопросъ? О чемъ это?

— А вотъ извольте выслушать. Въ началѣ вашего пребыванія въ домѣ моего брата, когда я еще не отказывалъ себѣ въ удовольствіи бесѣдовать съ вами, мнѣ случалось слышать ваши сужденія о многихъ предметахъ; но, сколько мнѣ помнится, ни между нами, ни въ моемъ присутствіи, рѣчь никогда не заходила о поединкахъ, о дуэли вообще. Позвольте узнать, какое ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ?

Базаровъ, который всталъ было на встрѣчу Павлу Петровичу, присѣлъ на край стола и скрестилъ руки.—Вотъ мое мнѣніе, сказалъ онъ: съ теоретической точки зрѣнія, дуэль—нелѣпность; ну, а съ практической точки зрѣнія—это дѣло другое.

— То-есть, вы хотите сказать, если я только васъ по-
нялъ, что какое бы ни было ваше теоретическое воззрѣніе

на дуэль, на практикѣ вы бы не позволили оскорбить себя, не потребовать удовлетворенія?

— Вы вполне отгадали мою мысль.

— Очень хорошо-съ. Мнѣ очень пріятно это слышать отъ васъ. Ваши слова выводятъ меня изъ неизвѣстности...

— Изъ нерѣшимости, хотите вы сказать.

— Это все равно-съ; я выражаюсь такъ, чтобы меня поняли; я... не семинарская крыса. Ваши слова избавляютъ меня отъ нѣкоторой печальной необходимости. Я рѣшился драться съ вами.

Базаровъ вытаращилъ глаза. — Со мной?

— Непремѣнно съ вами.

— Да за что? помилуйте.

— Я бы могъ объяснить вамъ причину, началъ Павелъ Петровичъ. — Но я предпочитаю умолчать о ней. Вы на мой вкусъ здѣсь лишній; я васъ терпѣть не могу, я васъ презираю, и если вамъ этого недовольно...

Глаза Павла Петровича засверкали... Они вспыхнули и у Базарова.

— Очень хорошо-съ, проговорилъ онъ. — Дальнѣйшихъ объясненій не нужно. Вамъ пришла фантазія испытать на мнѣ свой рыцарскій духъ. Я бы могъ отказать вамъ въ этомъ удовольствіи, да ужь куда ни шло!

— Чувствительно вамъ обязанъ, отвѣтилъ Павелъ Петровичъ, — и могу теперь надѣяться, что вы примете мой вызовъ, не заставивъ меня прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ.

— То-есть, говоря безъ аллегорій, — къ этой палкѣ? хладнокровно замѣтилъ Базаровъ, — Это совершенно справедливо. Вамъ нисколько не нужно оскорблять меня. Оно же и не совсѣмъ безопасно. Вы можете остаться джентльменомъ... Привимаю вашъ вызовъ тоже по-джентльменски.

— Прекрасно, промолвилъ Павелъ Петровичъ, и поставилъ трость въ уголъ. — Мы сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ объ условіяхъ нашей дуэли; но я сперва желалъ бы узнать, считаете ли вы нужнымъ прибѣгнуть къ формальности не-большой ссоры, которая могла бы служить предлогомъ моему вызову?

— Нѣтъ, лучше безъ формальностей.

— Я самъ такъ думаю. Полагаю также неумѣстнымъ вникать въ настоящія причины нашего столкновенія. Мы другъ друга терпѣть не можемъ. Чего же больше?

— Чего же больше? повторилъ иронически Базаровъ.

— Что же касается до самыхъ условій поединка, то такъ какъ у насъ секундантовъ не будетъ,—ибо гдѣ жь ихъ взять?

— Именно, гдѣ ихъ взять?

— То я имѣю честь предложить вамъ слѣдующее: драться намъ завтра рано, положимъ въ шесть часовъ, за рощей, на пистолетахъ; барьеръ въ десяти шагахъ...

— Въ десяти шагахъ? это такъ; мы на это разстояніе невидимъ другъ друга.

— Можно и восемь, замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Можно; отчего же!

— Стрѣлять два раза; а на всякій случай каждому положить себѣ въ карманъ письмоце, въ которомъ онъ самъ обвинитъ себя въ своей кончинѣ.

— Вотъ съ этимъ я несомнѣнно согласенъ, промолвилъ Базаровъ. — Немножко на французскій романъ обивается, неправдоподобно что-то.

— Быть-можетъ. Однако согласитесь, что неприятно подвергнуться подозрѣнію въ убійствѣ?

— Соглашаюсь. Но есть средство избѣгнуть этого грустаго нареканія. Секундантовъ у насъ не будетъ, но можетъ быть свидѣтель.

— Кто именно, позвольте узнать?

— Да Петръ.

— Какой Петръ?

— Камердинеръ вашего брата. Онъ человѣкъ, стоящій на высотѣ современнаго образованія, и исполнитъ свою роль со всемъ необходимымъ въ подобныхъ случаяхъ *collyre*.

— Мнѣ кажется, вы шутите, милостивый государь.

— Нисколько. Обсудивши мое предложеніе, вы убѣдитесь, что оно исполнено здраваго смысла и простоты. Шила въ мѣшкѣ не утаишь, а Петра я берусь подготовить надлежащимъ образомъ и привести на мѣсто побойща.

— Вы продолжаете шутить, произнесъ, вставая со стула, Павелъ Петровичъ. — Но послѣ любезной готовности, оказанной вами, я не имѣю права быть на васъ въ претензіи... Итакъ все устроено... Кстати, пистолетовъ у васъ нѣтъ?

— Откуда будутъ у меня пистолеты, Павелъ Петровичъ? Я не воинъ.

— Въ такомъ случаѣ предлагаю вамъ мои. Вы можете

быть увѣрены, что вотъ уже пять лѣтъ какъ я не страдаю изъ нихъ.

— Это очень утѣшительное извѣстіе.

Павелъ Петровичъ досталъ свою трость...—За симъ, милостивый государь, мнѣ остается только благодарить васъ и возвратить васъ вашимъ занятіямъ. Честь имѣю кланяться.

— До пріятнаго свиданія, милостивый государь мой, промовилъ Базаровъ, провожая гостя.

Павелъ Петровичъ вышелъ, а Базаровъ постоялъ передъ дверью и вдругъ воскликнулъ: „Фу ты, чортъ! какъ красиво, и какъ глупо! Экую мы комедію отломали! Ученныя собаки такъ на заднихъ лапахъ танцуютъ. А отказать было невозможно; вѣдь онъ меня, чего добраго, ударилъ бы, и тогда... (Базаровъ поблѣднѣлъ при одной этой мысли, вся его гордость такъ и подвѣлась на дыбы.) Тогда пришлось бы задушить, его какъ котенка.“ Онъ возвратился къ своему микроскопу, но сердце у него расшевелилось и спокойствіе, необходимое для наблюденій, исчезло. „Онъ насъ увидѣлъ сегодня, думалъ онъ, но неужели жь это онъ за брата такъ вступился? Да и что за важность, поцѣлуй? Тутъ что-нибудь другое есть. Ба! да не влюбленъ ли онъ самъ? Разумеется, влюбленъ; это ясно какъ день. Какой переплетъ, подумаешь!..“

„Скверно! рѣшилъ онъ наконецъ:—скверно, съ какой стороны ни посмотри.—Во первыхъ, надо будетъ подставлять лобъ, и во всякомъ случаѣ увѣхать; а тутъ Аркадій... и эта Божья коровка Николай Петровичъ. Скверно, скверно.“

День прошелъ какъ-то особенно тихо и вяло. Фенички словно на свѣтѣ не бывало; она сидѣла въ своей комнаткѣ, какъ мышонокъ въ норкѣ. Николай Петровичъ имѣлъ видъ озабоченный. Ему донесли, что въ его пшеницѣ, на которую онъ особенно надѣялся, показалась головня. Павелъ Петровичъ подавлялъ всѣхъ, даже Прокофьича, своею леденящею вѣжливостью. Базаровъ началъ было письмо къ отцу, да разорвалъ его и бросилъ подъ столъ. „Умру, подумаю онъ, узнаю; да я не умру. Нѣтъ, я еще долго на свѣтѣ маячить буду.“ Онъ велѣлъ Петру придти къ нему на слѣдующій день чуть свѣтъ, для важнаго дѣла: Петръ вообразилъ, что онъ хочетъ взять его съ собой въ Петербургъ. Базаровъ легъ поздно и всю ночь его мучили безпорядочныя сны... Одицова кружилась передъ нимъ, она

же была его мать, за ней ходила кошечка съ черными усиками, и эта кошечка была Феничка; а Павелъ Петровичъ представлялся ему большимъ дѣсомъ, съ которымъ онъ все-таки долженъ былъ драться. Петръ разбудилъ его въ четыре часа; онъ тотчасъ одѣлся и вышелъ съ нимъ.

Утро было славное, свѣжее; маленькія пестрыя тучки стояли барашками на блѣдно-ясной лазури; мелкая роса высыпала на листьяхъ и травахъ, блистала серебромъ на паутинкахъ; влажная, темная земля, казалось, еще хранила румяный слѣдъ зари; со всего неба сыпались пѣсни жаворонковъ. Базаровъ дошелъ до рощи, присѣлъ въ тѣни на опушку, и только тогда открылъ Петру какой онъ ждалъ отъ него услуги. Образованный лакей перепугался на смерть; но Базаровъ успокоилъ его увѣреніемъ, что ему другого нечего будетъ дѣлать какъ только стоять въ отдаленіи да глядѣть, и что ответственности онъ не подвергается никакой.— „А между тѣмъ,“ прибавилъ онъ, „подумай, какая предстоитъ тебѣ важная роль!“ Петръ развелъ руками, потупился, и весь зеленый прислонился къ березѣ.

Дорога изъ Марьино огибала дѣсокъ; легкая пыль лежала на ней, еще не тронутая со вчерашняго дня ни колесомъ, ни ногою. Базаровъ невольно посматривалъ вдоль той дороги, рвалъ и кусалъ траву, а самъ все твердилъ про себя. „Экая глупость!“ Утренній холодокъ заставилъ его раза два вздрогнуть... Петръ уныло взглянулъ на него, но Базаровъ только усмѣхнулся: онъ не трусилъ.

Раздался топотъ конскихъ ногъ по дорогѣ... Мужикъ показался изъ-за деревьевъ. Онъ гналъ двухъ спутанныхъ лошадей передъ собою и, проходя мимо Базарова, посмотрѣлъ на него какъ-то странно, не ломая шапки, что видимо смутило Петра, какъ недоброе предзнаменозаніе... „Вотъ этотъ тоже рано всталъ, подумалъ Базаровъ, да по крайней мѣрѣ за дѣломъ, а мы?..“

— Кажись, они идутъ-съ, шепнулъ вдругъ Петръ.

Базаровъ поднялъ голову и увидалъ Павла Петровича. Одѣтый въ легкій клетчатый пиджакъ и бѣлые, какъ свѣтъ, панталоны, онъ быстро шелъ по дорогѣ; подъ мышкой онъ несъ ящикъ, завернутый въ зеленое сукно.

— Извините, я, кажется, заставилъ васъ ждать, промолвилъ онъ, кланяясь сперва Базарову, потомъ Петру, въ ко-

торомъ олъ въ это мгновеніе уважалъ къчто въ родѣ секунданта.—Я не хотѣлъ будить моего камердинера.

— Ничего-съ, отвѣтилъ Базаровъ,—мы сами только что пришли.

— А! тѣмъ лучше!—Павелъ Петровичъ оглянулся кругомъ.—Никого не видать, никто не помѣшаетъ... Мы можемъ приступить?

— Приступимъ.

— Новыхъ объясненій вы, я полагаю, не требуете?

— Не требую.

— Угодно вамъ заряжать? спросилъ Павелъ Петровичъ, вынимая изъ ящика пистолеты.

— Нѣтъ; заряжайте вы, а я шагу отступать стану. Ноги у меня длиннѣе, прибавилъ Базаровъ съ усмѣшкой.— Разъ, два, три.

— Евгенийъ Василычъ, съ трудомъ пролетѣлъ Петръ (онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ), вся ваша воля, я отойду.

— Четыре... пять... Отойди, братецъ, отойди; можешь даже за дерево стать и уши заткнуть, только глазъ не закрывай; а повалится кто, бѣги подымать. Шесть... семь... восемь...—Базаровъ остановился.—Довольно? промолвилъ олъ, обращаясь къ Павлу Петровичу:—или еще два шага накинуть?

— Какъ угодно, проговорилъ тотъ, заколачивая вторую пулю.

— Ну, накинемъ еще два шага.—Базаровъ провелъ носкомъ сапога черту по землѣ.—Вотъ и барьеръ. А кстати: на сколько шаговъ каждому изъ насъ отъ барьера отойти? Это тоже важный вопросъ. Вчера объ этомъ не было дискуссіи.

— Я полагаю, на десять, отвѣтилъ Павелъ Петровичъ, подавая Базарову оба пистолета.—Соблаговолите выбрать.

— Соблаговоляю. А согласитесь, Павелъ Петровичъ, что поединокъ нашъ необычаенъ до смѣшнаго? Вы посмотрите только на физіонмію нашего секунданта.

— Вамъ все желательно шутить, отвѣтилъ Павелъ Петровичъ.—Я не отрицаю странности нашего поединка, но я считаю долгомъ предупредить насъ, что я намѣренъ драться серьезно. А bon entendeur, salut!

— О! я не сомнѣваюсь въ томъ, что мы рѣшились потреблять другъ друга; но почему же не посмѣяться и не

соединить *utile dulci*? Такъ-то: вы мнѣ по-французски, а я вамъ по-латыни.

— Я буду драться серьезно, повторилъ Павелъ Петровичъ, и отправился на свое мѣсто. Базаровъ съ своей стороны отсчиталъ десять шаговъ отъ барьера и остановился.

— Вы готовы? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Совершенно.

— Можемъ сходитьсь.

Базаровъ тихонько двинулся впередъ, и Павелъ Петровичъ пошелъ на него, заложивъ лѣвую руку въ карманъ и постепенно поднимая дуло пистолета... „Онъ мнѣ прямо въ носъ цѣлитъ“, подумалъ Базаровъ, „и какъ щурится старательно, разбойникъ! Однако это неприятное ощущение. Стану смотреть на цѣпочку его часовъ...“

Что-то рѣзко зыкнуло около самаго уха Базарова, и въ то же мгновеніе раздался выстрѣлъ. — „Слышалъ, стало-быть ничего“, успѣло мелькнуть въ его головѣ. Онъ ступилъ еще разъ и, не цѣлая, подавилъ пружинку.

Павелъ Петровичъ дрогнулъ слегка, и хватился рукою за ладку. — Струйка крови потекла по его бѣлымъ панталонамъ.

Базаровъ бросилъ пистолетъ въ сторону и приблизился къ своему противнику. — Вы равны? спросилъ онъ.

— Вы имѣли право позвать меня къ барьеру, проговорилъ Павелъ Петровичъ; — а это пустяки. По условію, каждый имѣетъ еще по одному выстрѣлу.

— Ну, извините, это до другаго раза, отвѣчалъ Базаровъ, и обхватилъ Павла Петровича, который начиналъ блѣднѣть. Теперь я уже не дуалистъ, а докторъ, и прежде всего долженъ осмотрѣть вашу рану. Петръ! поди же сюда, Петръ! куда ты спрятался?

— Все это вздоръ... Я не нуждаюсь ни въ чьей помощи, промолвилъ съ разстановкой Павелъ Петровичъ, — и... надо... опять... — Онъ хотѣлъ было дернуть себя за усь, но рука его ослабла, глаза закатились, и онъ лишился чувствъ.

— Вотъ новость! Обморокъ! Съ чего бы? невольнo воскликнулъ Базаровъ, опуская Павла Петровича на траву... Посмотримъ, что за штука? — Онъ вынулъ платокъ, отеръ кровь, пощупалъ вокругъ раны... Кость цѣла, бормоталъ онъ сквозь зубы, — пуля прошла неглубоко насквозь, одинъ мускулъ *vastus externus* задѣтъ. Хоть пляши черезъ три не-

дѣла!.. А обморокъ! Охъ, ужь эти мнѣ нервные люди! Вишь, кожа-то какая тонкая.

— Убиты-съ? прошелестилъ за его спиной трепетный голосъ Петра.

Базаровъ огагнулся. — Ступай за водой поскорѣе, братецъ, а онъ насъ съ тобой еще переживетъ.

Но усовершенствованный сауга, казалось, не понималъ его словъ и не двигался съ мѣста. Павелъ Петровичъ медленно открылъ глаза.

— Кончается! шепнулъ Петръ и началъ креститься.

— Вы правы... Экая гаупаа физиономія! проговорилъ съ насильственной улыбкой раненый джентльменъ.

— Да ступай же за водой, чортъ! крикнулъ Базаровъ.

— Не нужно... Это былъ минутный vertige... Помогите мнѣ състѣ... вотъ такъ... Эту царапину стоить только чѣмъ-нибудь прихватить, и я дойду домой пѣшкомъ, а не то можно дрожки за мной прислать. Дуэль, если вамъ угодно, не возобновляется. Вы поступили благородно... сегодня, сегодня—замѣтьте.

— О прошломъ вспоминать незначѣтъ, возразилъ Базаровъ, — а что касается до будущаго, то о немъ не стоить голову ломать, потому что я намѣренъ немедленно улизнуть. Дайте, я вамъ перевяжу теперь ногу; рана ваша—неопасная, а все лучше оставить кровь. Но сперва необходимо этого смертнаго привести въ чувство.

Базаровъ встряхнулъ Петра за воротъ и послалъ его за дрожками.

— Смотри, брата не испугай, сказалъ ему Павелъ Петровичъ,—не вздумай ему докладывать.

Петръ помчался; а пока онъ бѣгалъ за дрожками, оба противника сидѣли на землѣ и молчали. Павелъ Петровичъ старался не глядѣть на Базарова; помириться съ нимъ онъ все-таки не хотѣлъ; онъ стыдился своей заносчивости, своей неудачи, стыдился всего затѣяннаго имъ дѣла, хотя и чувствовалъ, что болѣе благоприятнымъ образомъ оно кончиться не могло. „Не будетъ по крайней мѣрѣ здѣсь торчать, успокоивалъ онъ себя:—и на томъ спасибо.“ Молчаніе дѣлалось тяжелое и неловкое. Обоимъ было не хорошо. Каждый изъ нихъ сознавалъ, что другой его понимаетъ. Дружбѣ это сознаніе—пріятно, и весьма непріятно недругамъ, особенно когда нельзя ни объясниться, ни разойтись.

— Не туго ли я завязалъ вамъ ногу? спросилъ наконецъ Базаровъ.

— Нѣтъ, ничего, прекрасно, отвѣчалъ Павелъ Петровичъ и, погода немного, прибавилъ:—брата не обманешь, надо будетъ сказать ему, что мы повздорили изъ-за пошитки.

— Очень хорошо, промолвилъ Базаровъ. — Вы можете сказать, что я бранилъ всѣхъ англомановъ.

— И прекрасно. Какъ вы полагаете, что думаетъ теперь о насъ этотъ человѣкъ? продолжалъ Павелъ Петровичъ, указывая на того самаго мужика, который за нѣсколько минутъ до дуэли прогналъ мимо Базарова спутанныхъ лошадей и, возвращаясь назадъ по дорогѣ, „забочилъ“ и снялъ шапку при видѣ „господъ“.

— Кто жь его знаетъ! отвѣтилъ Базаровъ:— всего вѣроятнѣе, что ничего не думаетъ. Русскій мужикъ—это тотъ самый таинственный незнакомецъ, о которомъ нѣкогда такъ много толковала госпожа Радклиффъ. Кто его пойметъ? Онъ самъ себя не понимаетъ.

— А! вотъ вы какъ! началъ было Павелъ Петровичъ и вдругъ воскликнулъ:—посмотрите, что вашъ глупецъ Петръ надѣлалъ! Вѣдь братъ сюда скачетъ!

Базаровъ обернулся и увидалъ блѣдное лицо Николая Петровича, сидѣвшаго на дрожкахъ. Онъ соскочилъ съ нихъ, прежде нежели онъ остановились, и бросился къ брату. Что это значить? проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ:—Евгеній Васильичъ, помилуйте, что это такое?

— Ничего, отвѣчалъ Павелъ Петровичъ,—напрасно тебя потревожили. Мы немножко повздорили съ господиномъ Базаровымъ, и я за это немножко поплатился.

— Да изъ-за чего все вышло, ради Бога?

— Какъ тебѣ сказать? Господинъ Базаровъ непочтительно отозвался о сэрѣ-Робертѣ Пилѣ. Спѣшу прибавить, что во всемъ этомъ виноватъ одинъ я, а господинъ Базаровъ велъ себя отлично. Я его вызвалъ.

— Да у тебя кровь, помилуй!

— А ты полагалъ у меня вода въ жилахъ? Но мнѣ это кровопусканіе даже полезно. Не правда ли, докторъ? Помоги мнѣ сѣсть на дрожки, и не предавайся меланхоли. Завтра я буду здоровъ. Вотъ такъ; прекрасно. Трогай, ку-черъ.

Николай Петровичъ пошелъ за дрожками; Базаровъ остался было назади...

— Я долженъ васъ просить заняться братомъ, сказалъ ему Николай Петровичъ,— пока намъ изъ города привезутъ другого врача.

Базаровъ молча наклонилъ голову.

Часъ спустя, Павелъ Петровичъ уже лежалъ въ постели съ искусно забинтованною ногой. Весь домъ переполошился; Феничкѣ сдѣлалось дурно. Николай Петровичъ втихомолку ломалъ себѣ руки, а Павелъ Петровичъ смѣялся, шутилъ, особенно съ Базаровымъ; надѣлъ тонкую батистовую рубашку, щегольскую утреннюю курточку и феску, не позволялъ опускать шторы оконъ, и забавно жаловался на необходимость воздержаться отъ пищи.

Къ ночи съ нимъ однако сдѣлался жаръ; голова у него заболѣла. Явился докторъ изъ города. (Николай Петровичъ не послушался брата, да и самъ Базаровъ этого желалъ; онъ цѣлый день сидѣлъ у себя въ комнатѣ, весь желтый и злой, и только на самое короткое время забѣгалъ къ больному; раза два ему случилось встрѣтиться съ Феничкой, но она съ ужасомъ отъ него отскакивала.) Новый докторъ посоветовалъ прохладительныя питья, а впрочемъ подтвердилъ увѣренія Базарова, что опасности не предвидится никакой. Николай Петровичъ сказалъ ему, что братъ самъ себя поранилъ по неосторожности, на что докторъ отвѣчалъ: „Гм!“—но получивъ тутъ же въ руку 25 рублей серебромъ, промолвилъ: „Скажите! Это часто случается, точно.“ Никто въ домѣ не ложился и не раздѣвался. Николай Петровичъ то и дѣло входилъ на цыпочкахъ къ брату, и на цыпочкахъ выходилъ отъ него: тотъ забывался, слегка охалъ, говорилъ ему по-французски: „souchez-vous“,—и просилъ пить. Николай Петровичъ заставлялъ разъ Феничку поднести ему стаканъ лимонаду; Павелъ Петровичъ посматрѣлъ на нее пристально, и выпилъ стаканъ до дна. Къ утру жаръ немного утихнулъ, показался легкій бредъ. Сперва Павелъ Петровичъ произносилъ несвязныя слова; потомъ онъ вдругъ открылъ глаза и, увидавъ возлѣ своей постели брата, заботливо наклонившагося надъ нимъ, промолвилъ:—А не правда ли, Николай, въ Феничкѣ есть что-то общее съ Нелли?

— Съ какою Нелли, Паша?

— Какъ это ты спрашиваешь! Съ княгинею Р... Особенно въ верхней части. *C'est de la même famille.*

Николай Петровичъ ничего не отвѣчалъ, и самъ про себя подивилася живучести старыхъ чувствъ въ человѣкѣ. „Вотъ когда вспыхло“, подумалъ онъ.

— Ахъ, какъ я люблю это пустое существо! простомалъ Павелъ Петровичъ, тоскливо закидывая руки за голову.— Я не потерплю, чтобы какой-нибудь наглецъ посмѣлъ коснуться... лепеталъ онъ нѣсколько мгновеній спуста.

Николай Петровичъ только вздохнулъ; онъ и не подоврѣвалъ, къ кому относились эти слова.

Базаровъ явился къ нему на другой день, часовъ въ восемь. Онъ успѣвалъ уже уложиться и выпустить на волю вѣкъ своихъ лягушекъ, насѣкомыхъ и птицъ.

— Вы пришли со мной проститься? проговорилъ Николай Петровичъ, поднимаясь ему на встрѣчу.

— Точно такъ-съ.

— Я васъ понимаю, и одобряю васъ вполне. Мой бѣдный братъ, конечно, виноватъ: за то онъ и наказанъ. Онъ мнѣ самъ сказалъ, что поставилъ васъ въ невозможность иначе дѣйствовать. Я вѣрю, что вамъ нельзя было избѣгнуть этого поединка, который... который до нѣкоторой степени объясняется однимъ лишь постояннымъ антагонизмомъ вашихъ взаимныхъ воззрѣній. (Николай Петровичъ путался въ своихъ словахъ и дышалъ усиленно.) Мой братъ—человѣкъ прежняго закала, вспыльчивый и упрямый... Слава Богу, что еще такъ комчилось. Я принялъ всѣ нужныя мѣры къ избѣжанію огласки...

— Я вамъ оставаю свой адресъ на случай, если выйдетъ исторія, замѣтилъ небрежно Базаровъ...

— Я надѣюсь, что никакой исторіи не выйдетъ, Евгенийъ Васильичъ... Мнѣ очень жаль, что ваме пребываніе въ моемъ домѣ получило такое... такой конецъ. Мнѣ это тѣмъ огорчительнѣе, что Аркадій...

— Я, должно-быть, съ нимъ увижусь, перебилъ Базаровъ, въ которомъ всякаго рода „объясненія“ и „изъявленія“ постоянно возбуждали нетерпѣливое чувство:—въ противномъ случаѣ, прошу васъ поклониться ему отъ меня и принять выраженіе моего сожалѣнія.

— И я прошу... отвѣтилъ съ поклономъ Николай Петровичъ; но Базаровъ не дождался конца его фразы и вышелъ.

Узнавъ объ отъѣздѣ Базарова, Павелъ Петровичъ пожалъ его видѣть и пожалъ ему руку. Но Базаровъ и тутъ остался холоденъ какъ ледъ; онъ понималъ, что Павлу Петровичу захотѣлось повеликодушничать. Съ Феничкой ему не удалось проститься: онъ только переглянулся съ нею изъ окна. Ея лицо показалось ему печальнымъ. „Пропадеть, пожалуй!“ сказа ъ онъ про себя... „Ну, выдерется какъ-нибудь!“ За то Петръ расчувствовался до того, что плакалъ у него на плечѣ, пока Базаровъ не охладилъ его вопросомъ: „Не на мокромъ ли мѣстѣ у него глаза?“ а Дуняша принуждена была убѣжать въ рошу, чтобы скрыть свое волненіе. Виновику всего этого горя взобрался на телѣгу, закурилъ сигару, и когда, на четвертой верстѣ, при поворотѣ дороги, въ послѣдній разъ предсталъ его глазамъ развернутая въ одну линію Кирсановская усадьба съ своимъ новымъ господскимъ домомъ, онъ только сплюнулъ и, пробормотавъ: „барчуки проклятые“, плотнѣе завернулся въ шинель.

Ему и въ голову не пришло, что онъ въ этомъ самомъ домѣ нарушилъ всѣ права гостепріимства.

Павлу Петровичу скоро полегчало; но въ постели пришлось ему пролежать около недѣли. Онъ переносилъ свой, какъ онъ выражался, *плънъ* довольно терпѣливо, только ужъ очень возился съ туалетомъ и все приказывалъ курить одеколономъ. Николай Петровичъ читалъ ему журналы, Феничка ему прислуживала попрежнему, приносила бульонъ, лимонадъ, яйца въ смятку, чай; но тайный ужасъ овладѣвалъ ею каждый разъ, когда она входила въ его комнату. Неожиданный поступокъ Павла Петровича запугалъ всѣхъ людей въ домѣ, а ее больше всѣхъ; одинъ Прокофьичъ не смутился и толковалъ, что и въ его время господа дрывались, „только благородные господа между собою, а эдакихъ процалыгъ они бы за грубость на конюшнѣ отодрать велѣли.“

Совѣсть почти не упрекала Феничку; но мысль о настоящей причинѣ ссоры мучила ее повременамъ; да и Павелъ Петровичъ глядѣлъ на нее такъ странно... такъ, что она, даже обернувшись къ нему спиною, чувствовала на себѣ его глаза. Она похудѣла отъ непрестанной внутренней тревоги и, какъ водится, стала еще милѣй.

Однажды—дѣло было утромъ—Павелъ Петровичъ хорошо себя чувствовалъ и перешелъ съ постели на диванъ,

а Николай Петровичъ, освѣдомившись объ его здоровьи, отлучился на гумно. Феничка принесла чашку чаю и, поставивъ ее на столѣкъ, хотѣла было удалиться. Павелъ Петровичъ ее удержалъ.

— Куда вы такъ спѣшите, Федосья Николаевна, началъ онъ, — развѣ у васъ дѣло есть?

— Нѣтъ-съ... да-съ... Нужно тамъ чай разливать.

— Дуняша это безъ васъ сдѣлаетъ; посидите немножко съ больными человѣкомъ. Кстати, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Феничка молча присѣла на край кресла.

— Послушайте, промолвилъ Павелъ Петровичъ, и подергалъ свои усы, — я давно хотѣлъ у васъ спросить: вы какъ будто меня боитесь?

— Я-съ?..

— Да, вы. Вы на меня никогда не смотрите, точно у васъ совѣсть не чиста.

Феничка покраснѣла, но взглянула на Павла Петровича. Онъ показался ей какимъ-то страннымъ, и сердце у ней тихонько задрожало.

— Вѣдь у васъ совѣсть чиста? спросилъ онъ ее.

— Отчего же ей не быть чистою? шепнула она.

— Мало ли отчего! Впрочемъ, передъ кѣмъ можете вы быть виноватою? Передо мной? Это невѣроятно. Передъ другими лицами здѣсь въ домѣ? Это тоже дѣло несбыточное. Развѣ передъ братомъ? Но вѣдь вы его любите?

— Люблю.

— Всею душой, всѣмъ сердцемъ?

— Я Николая Петровича всѣмъ сердцемъ люблю.

— Право? Посмотрите-ка на меня, Феничка (онъ въ первый разъ такъ называлъ ее)... вы знаете—большой грѣхъ лгать!

— Я не лгу, Павелъ Петровичъ. Мнѣ Николая Петровича не любить, да послѣ этого мнѣ и жить не надо!

— И ни на кого вы его не промѣняете?

— На кого жь могу я его промѣнять?

— Мало ли на кого! Да вотъ хоть бы на этого господина что отсюда уѣхалъ.

Феничка встала.—Господи Боже мой, Павелъ Петровичъ, за что вы меня мучите? Что я вамъ сдѣлала? Какъ это можно такое говорить?..

— Феничка, промолвилъ печальнымъ голосомъ Павелъ Петровичъ:—вѣдь я видѣлъ...

— Что вы видѣли-съ?

— Да тамъ... въ бесѣдкѣ.

Өеничка зардѣлась вся до волосъ и до ушей. — А чѣмъ же я тутъ виновата? произнесла она съ трудомъ.

Павель Петровичъ приподнялся. — Вы не виноваты? Нѣтъ? Нисколько?

— Я Николая Петровича одного на свѣтѣ люблю, и вѣкъ любить буду! проговорила съ внезапною силою Өеничка, между тѣмъ какъ рыданья такъ и поднимали ея горло: — а что вы видѣли, такъ я на страшномъ судѣ скажу, что вины моей въ томъ нѣтъ, и не было, и ужъ лучше мнѣ умереть сейчасъ, коли меня въ такомъ дѣлѣ подозрѣвать могутъ, что я передъ моимъ благодѣтелемъ, Николаемъ Петровичемъ...

Но тутъ голосъ измѣнилъ ей, и въ то же время она почувствовала, что Павель Петровичъ ухватилъ и стиснулъ ея руки... Она посмотрѣла на него, и такъ и окаменѣла. Онъ сталъ еще блѣднѣе прежняго; глаза его блустили, и что всего было удивительнѣе, тяжелая, одинокая слеза катилась по его щекѣ.

— Өеничка! сказалъ онъ какимъ-то чуднымъ шепотомъ: — любите, любите моего брата! Онъ такой добрый, хорошій человекъ! Не измѣняйте ему ни для кого на свѣтѣ, не слушайте ничьихъ рѣчей! Подумайте, что можетъ быть ужаснѣе, какъ любить и не быть любимымъ! Не покидайте никогда моего бѣднаго Николая!

Глаза высохли у Өенички, и страхъ ея прошелъ, — до того велико было ея изумленіе. Но что случилось съ ней, когда Павель Петровичъ, самъ Павель Петровичъ, прижалъ ея руку къ своимъ губамъ, и такъ и приникъ къ ней, не цѣлая ея и только пзрѣдка судорожно вздыхая...

„Господи! подумала она, ужъ не припадокъ ли съ нимъ?..“

А въ это мгновеніе цѣлая погибшая жизнь въ немъ трепетала.

Дѣйствица закричала подъ быстрыми шагами... Онъ оттолкнулъ ее отъ себя прочь, и откинувся головой на подушку. Дверь раскрылась, — и веселый, свѣжій, румяный появился Николай Петровичъ. Митя, такой же свѣжій и румяный какъ и отецъ, подпрыгивалъ въ одной рубашечкѣ на его груди, цѣпляясь голыми ножками за большія пуговицы его деревенскаго пальто.

Феничка такъ и бросилась къ нему и, обвивъ руками и его, и сына, припала головой къ его плечу. Николай Петровичъ удивился: Феничка, застѣнчивая и скромная, никогда не ласкалась къ нему въ присутствіи третьяго лица.

— Что съ тобой? промолвилъ онъ и, глянувъ на брата, передалъ ей Митю.— Ты не хуже себя чувствуешь? спросилъ онъ, подходя къ Павлу Петровичу.

Тотъ уткнулъ свое лицо въ батистовый платокъ.— Нѣтъ... такъ... ничего... Напротивъ, мнѣ гораздо лучше.

— Ты напрасно поспѣшилъ перейти на диванъ. Ты куда? прибавилъ Николай Петровичъ, оборачиваясь къ Феничкѣ, но та уже захлопнула за собою дверь.— Я было привезъ показать тебѣ моего богатыря; онъ соскучился по своему дядѣ. Зачѣмъ это она унесла его? Однако, что съ тобой? Произошло у васъ тутъ что-нибудь, что ли?

— Братъ! торжественно проговорилъ Павелъ Петровичъ.

Николай Петровичъ дрогнулъ. Ему стало жутко, онъ самъ не понималъ почему.

— Братъ, повторилъ Павелъ Петровичъ,— дай мнѣ слово исполнить одну мою просьбу.

— Какую просьбу? Говори.

— Она очень важна; отъ нея, по моимъ понятіямъ, зависитъ все счастье твоей жизни. Я все это время много размышлялъ о томъ, что я хочу теперь сказать тебѣ... Братъ, исполни обязанность твою, обязанность честнаго и благороднаго человѣка, прекрати соблазнъ и дурной примѣръ, который подается тобою, тобою, лучшимъ изъ людей!

— Что ты хочешь сказать, Павелъ?

— Женись на Феничкѣ... Она тебя любитъ; она—мать твоего сына.

Николай Петровичъ отступилъ на шагъ и всплеснулъ руками.— Ты это говоришь, Павелъ? ты, котораго я считалъ всегда самымъ непреклоннымъ противникомъ подобныхъ браковъ! Ты это говоришь! Но развѣ ты не знаешь, что единственно изъ уваженія къ тебѣ я не исполнилъ того, что ты такъ справедливо называлъ моимъ долгомъ!

— Напрасно жъ ты уважалъ меня въ этомъ случаѣ, возразилъ съ унылою улыбкой Павелъ Петровичъ.— Я начинаю думать что Базаровъ былъ правъ, когда упрекалъ меня въ аристократизмѣ. Нѣтъ, милый братъ, полно намъ ломаться и думать о свѣтѣ: мы люди уже старые и смир-

ные; пора намъ отложить въ сторону всякую суету. Именно, какъ ты говоришь, станемъ исполнять нашъ долгъ; и посмотри, мы еще и счастье подучимъ въ придачу.

Николай Петровичъ бросился обнимать своего брата.

— Ты мнѣ окончательно открылъ глаза! воскликнулъ онъ.— Я недаромъ всегда утверждалъ, что ты самый добрый и умный человекъ въ мірѣ; а теперь я вижу, что ты такой же благоразумный, какъ и великодушный.

— Тихе, тихе, перерывъ его Павелъ Петровичъ.— Не разведи ногу твоего благоразумнаго брата, который подь пятьдесятъ лѣтъ дрался на дуэли, какъ прапорщикъ. Итакъ, это дѣло рѣшеное: Фенюшка будетъ моею... *belle soeur*.

— Дорогой мой Павелъ! Но что скажетъ Аркадій?

— Аркадій? Онъ восторжествуетъ, помилуй! Бракъ не въ его принципахъ, за то чувство равенства будетъ въ немъ польщено. Да и дѣйствительно, что за касты au dix-neuvième siècle?

— Ахъ, Павелъ, Павелъ! дай мнѣ еще разъ тебя поцѣловать. Не бойся, я осторожно.

Братья обнялись.

— Какъ ты полагаешь, не объявить ли ей твое намѣреніе теперь же? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Къ чему спѣшить? возразилъ Николай Петровичъ.— Развѣ у васъ былъ разговоръ?

— Разговоръ, у насъ? *Quelle idée!*

— Ну, и прекрасно. Прежде всего выздоравливай, а это отъ насъ не уйдетъ. Надо подумать хорошенько, сообразить...

— Но вѣдь ты рѣшился?

— Конечно рѣшился, и благодарю тебя отъ души. Я теперь тебя оставляю; тебѣ надо отдохнуть; всякое волненіе тебѣ вредно... Но мы еще потолкуемъ. Засни, душа моя, и дай Богъ тебѣ здоровья!

„За что онъ меня такъ благодарить? подумалъ Павелъ Петровичъ, оставшись одинъ. Какъ будто это не отъ него зависѣло! А я, какъ только онъ женится, уѣду куда-нибудь подальше, въ Дрезденъ или во Флоренцію, и буду тамъ жить, пока околѣю.“

Павелъ Петровичъ помочилъ себѣ добъ одеколономъ и открылъ глаза. Освѣщеная яркимъ дневнымъ свѣтомъ, его красивая, исхудалая голова лежала на бѣлой подушкѣ, какъ голова мертвеца... Да онъ и былъ мертвецъ....

XXV.

Въ Никольскомъ, въ саду, въ тѣни высокаго ясеня, сидѣли на дерновой скамейкѣ Катя съ Аркадіемъ; на землѣ вондѣ нихъ помѣстилась Фифи, придавъ своему длинному тѣлу тотъ изящный поворотъ, который у охотниковъ самъ-ветъ „русачьей полежкой“. И Аркадій, и Катя молчали; онъ держалъ въ рукахъ полураскрытую книгу, а она выбирала изъ корзинки оставшіяся въ ней крошки бѣлаго хлѣба, и бросала ихъ небольшой семейкѣ воробьевъ, которые, съ свойственной имъ трусливою дерзостью, прыгали и чирикали у самыхъ ея ногъ. Слабый вѣтеръ, шевеля въ листьяхъ ясеня, тихонько двигалъ взадъ и впередъ, и по темной дорожкѣ, и по желтой спинѣ Фифи, блѣдно-золотыя пятна свѣта; ровная тѣнь обливала Аркадія и Катю; только изрѣдка въ ея волосахъ зажигалась яркая полоска. Они молчали оба; но именно въ томъ, какъ они молчали, какъ они сидѣли рядомъ, сказывалось довѣрчивое сближеніе: каждый изъ нихъ какъ будто и не думалъ о своемъ осѣдѣ, а втайнѣ радовался его близости. И лица ихъ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ мы ихъ видѣли въ послѣдній разъ: Аркадій казался спокойнѣе, Катя оживленнѣе, смѣльчѣ.

— Не находите ли вы, началъ Аркадій,—что *ясень* порусски очень хорошо названъ: ни одно дерево такъ легко и *ясно* не сквозитъ на воздухѣ, какъ онъ.

Катя подняла глаза кверху и промолвила: „Да,“ а Аркадій подумалъ: „вотъ эта не упрекаетъ меня за то, что я *красиво* выражаюсь.“

— Я не люблю Гейне, заговорила Катя, указывая глазами на книгу, которую Аркадій держалъ въ рукахъ,—ни когда онъ смѣется, ни когда онъ плачетъ: я его люблю, когда онъ задумчивъ и груститъ.

— А мнѣ нравится, когда онъ смѣется, замѣтилъ Аркадій.

— Это въ васъ еще старые сѣбды вашего сатирическаго направленія... (Старые сѣбды! подумалъ Аркадій—еслибъ Базаровъ это слышалъ!) Погодите, мы васъ передѣлаемъ.

— Кто меня передѣлаетъ? Вы?

— Кто? Сестра; Порфирій Платовичъ, съ которымъ вы уже не ссоритесь; тетюшка, которую вы третьяго дня проводили въ церковь.

— Не могъ же я отказаться! А что касается до Анны Сергѣевны, она сама, вы помните, во многомъ соглашалась съ Евгеніемъ.

— Сестра находилась тогда подъ его вліяніемъ, также какъ и вы.

— Какъ и я! Развѣ вы замѣчаете, что я уже освободился изъ-подъ его вліянія?

Катя промолчала. — Я знаю, продолжалъ Аркадій, — онъ вамъ никогда не нравился.

— Я не могу судить о немъ.

— Знаете ли что, Катерина Сергѣевна? Всякій разъ, когда я слышу этотъ отвѣтъ, я ему не вѣрю... Нѣтъ такого человѣка, о которомъ каждый изъ насъ не могъ бы судить! Это просто отговорка.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что онъ... не то, что мнѣ не нравится, а я чувствую, что и онъ мнѣ чужой, и я ему чужая... да и вы ему чужой.

— Это почему?

— Какъ вамъ сказать... Онъ хищный, а мы съ вами ручные.

— И я ручной?

Катя кивнула головой.

Аркадій почесалъ у себя за ухомъ. — Послушайте, Катерина Сергѣевна: вѣдь это въ сущности обидно.

— Развѣ вы хотѣли бы быть хищнымъ?

— Хищнымъ нѣтъ; но сильнымъ, энергическимъ.

— Этого нельзя хотѣть... Вотъ вашъ пріятель этого и не хочетъ, а въ немъ это есть. Гм! Такъ вы полагаете, что онъ имѣлъ большое вліяніе на Анну Сергѣевну?

— Да. Но надъ ней никто долго взять верхъ не можетъ, прибавила Катя вполголоса.

— Почему вы это думаете?

— Она очень горда.. а не то хотѣла сказать... она очень дорожитъ своею независимостью.

— Кто же ею не дорожитъ? спросилъ Аркадій, а у самого въ умѣ мелькнуло: „на что она?“ „На что она?“ мелькнуло и у Кати. Молодымъ людямъ, которые часто и дружелюбно сходятся, безпрестанно приходятъ одні и тѣ же мысли.

Аркадій улыбнулся и, слегка придвинувшись къ Катѣ,

промолвилъ шепотомъ:—Сознайтесь, что вы невозможно *ея* боитесь.

— Кого?

— *Ея*, значительно повторилъ Аркадій.

— А вы? въ свою очередь спросила Катя.

— И я; замѣтите, я сказалъ: *и я*.

Катя погрозила ему пальцемъ.—Это меня удивляетъ, начала она,—никогда сестра такъ не была расположена къ вамъ, какъ именно теперь, гораздо больше чѣмъ въ первый вашъ прѣздъ.

— Вотъ какъ!

— А вы этого не замѣтили? Васъ это не радуетъ?

Аркадій задумался.—Чѣмъ я могъ заслужить благоволеніе Анны Сергѣевны? Ужь не тѣмъ ли, что привезъ ей письма вашей матушки?

— И этимъ, и другія есть причины, которыхъ я не скажу.

— Это почему?

— Не скажу.

— О! я знаю: вы очень упрямы.

— Упряма.

— И наблюдательны.

Катя посмотрѣла сбоку на Аркадія.—Можетъ-быть васъ что сердить? О чемъ вы думаете?

— Я думаю о томъ, откуда могла придти вамъ эта наблюдательность, которая дѣйствительно есть въ васъ. Вы такъ пугливы, недоувѣрчивы; вы всѣхъ чуждаетесь...

— Я много жила одна; поневолѣ размышлять станешь. Но развѣ я всѣхъ чуждаюсь?

Аркадій бросилъ признательный взглядъ на Катю.—Всеэто прекрасно, продолжалъ онъ,—но люди въ вашемъ положеніи, я хочу сказать съ вашимъ состояніемъ, рѣдко владѣютъ этимъ даромъ; до нихъ, какъ до царей, истинѣ трудно дойти.

— Да вѣдь я не богатая.

Аркадій изумился и не сразу понялъ Катю. „И въ самомъ дѣлѣ, имѣніе-то все сестрино!“ пришло ему въ голову; эта мысль ему не была неприятна.—Какъ вы это хорошо сказали! промолвилъ онъ.

— А что?

— Сказали хорошо; просто; не стыдись и не рисуясь. Кстати: я воображаю, въ чувствѣ человека, который знаетъ

и говорить, что онъ бѣденъ, должно быть что-то особенное, какое-то своего рода тщеславіе.

— Я ничего этого не испытала по милости сестры; я упоминала о своемъ состояніи только потому что къ слову пришлось.

— Такъ; но сознайтесь, что и въ васъ есть частица того тщеславія, о которомъ я сейчасъ говорилъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ,—вѣдь вы извините мой вопросъ,—вы бы не пошли замужъ за богатаго человѣка?

— Еслибъ я его очень любила... Нѣтъ, кажется, и тогда бы не пошла.

— А! вотъ видите! воскликнулъ Аркадій и, погода немножко, прибавилъ:—а отчего бы вы за него не пошли?

— Оттого, что и въ пѣснѣ про неровнюшку поется.

— Вы, можетъ-быть, хотите властвовать иди...

— О, нѣтъ! къ чему это? Напротивъ, я готова покараться, только неравенство тяжело. А уважать себя и покараться, это я понимаю; это счастье; но подчиненное существованіе... Нѣтъ, довольно и такъ.

— Довольно и такъ, повторилъ за Катей Аркадій.—Да, да, продолжалъ онъ,—вы не даромъ одной крови съ Анной Сергѣевной; вы такъ же самостоятельны какъ она; но вы болѣе скрытны. Вы, я увѣренъ, ни за что первая не выскажете своего чувства, какъ бы оно ни было сильно и свято...

— Да какъ же иначе? вмѣшалась Катя.

— Вы одинаково умны; у васъ столько же, если не больше, характера, какъ у ней...

— Не сравнивайте меня съ сестрой, пожалуста, послѣднее перебила Катя,—это для меня слишкомъ невыгодно. Вы какъ будто забыли, что сестра и красавица, и умница. и... вамъ въ особенности, Аркадій Николаичъ, не слѣдовало бы говорить такія слова, и еще съ такимъ серьезнымъ лицомъ.

— Что значитъ это: вамъ въ особенности, — и изъ чего вы заключаете, что я шучу?

— Конечно, вы шутите.

— Вы думаете? А что, если я убѣжденъ въ томъ что я говорю? Если я нахожу, что я еще не довольно сильно выразился?

— Я васъ не понимаю.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, теперь я вижу: я, точно, слыш-
комъ превозносилъ вашу наблюдательность.

— Какъ?

Аркадiй ничего не отвѣтилъ и отвернулся, а Катя отыскала въ корзинкѣ еще нѣсколько крошекъ и начала бросать ихъ воробьямъ; но взмахъ ея руки былъ слышкомъ силенъ, и они улетали прочь, не успѣвши клюнуть.

— Катерина Сергѣевна! заговорилъ вдругъ Аркадiй:—вамъ это, вѣроятно, все равно; но знайте, что я васъ не только на вашу сестру, — ни на кого въ свѣтѣ не промѣняю.

Онъ всталъ, и быстро удалился, какъ бы испугавшись словъ, сорвавшихся у него съ языка.

А Катя уронила обѣ руки вмѣстѣ съ корзинкой на колѣни, и наклонивъ голову, долго смотрѣла вслѣдъ Аркадiю. По-немногу, алая краска чуть-чуть выступила на ея щѣки; но губы не улыбались и темные глаза выражали недоумѣние и какое-то другое, пока еще безыменное чувство.

— Ты одна? раздался возлѣ нея голосъ Анны Сергѣевны. Кажется, ты пошла въ садъ съ Аркадiемъ.

Катя, не спѣша, перевела свои глаза на сестру (изящно, даже изысканно одѣтая, она стояла на дорожкѣ и кончикомъ раскрытаго зонтика шевелила уши Фифи), и не спѣша промолвила:—Я одна.

— Я это вижу, отвѣчала та со смѣхомъ:—онъ стало-быть ушелъ къ себѣ?

— Да.

— Вы вмѣстѣ читали?

— Да.

Анна Сергѣевна взяла Катю за подбородокъ и приподняла ея лицо.—Вы не поссорились, надѣюсь?

— Нѣтъ, сказала Катя, и тихо отвела сестрину руку.

— Какъ ты торжественно отвѣчаешь! Я думала найти его здѣсь, и предложить ему пойдти гулять со мною. Онъ самъ меня все проситъ объ этомъ. Тебѣ изъ города привезли ботинки, поди примѣрь ихъ: я уже вчера замѣтила, что твои прежнія совсѣмъ износились. Вообще, ты не довольна этимъ занимаешься, а у тебя еще такія предестыя ножки! И руки твои хороши... только велики; такъ надо ножками брать. Но ты у меня не кокетка.

Анна Сергѣевна отправилась дальше по дорожкѣ, слегка шумя своимъ красивымъ платьемъ; Катя поднялась со ска-

нейки и, взявъ съ собою Гейне, ушла тоже—только не прихватить ботинки.

„Прелестныя ножки, думала она, медленно и легко взоходя по раскаленнымъ отъ солнца каменнымъ ступенямъ террасы:—прелестныя ножки, говорите вы... Ну, онъ и будетъ у нихъ.“

Но ей тотчасъ стало стыдно, и она проворно побѣжала вверхъ.

Аркадій шелъ по корридору къ себѣ въ комнату; дворецкій нагналъ его и доложилъ, что у него сидитъ господинъ Базаровъ.

— Евгений! пробормоталъ почти съ испугомъ Аркадій:—давно ли онъ пріѣхалъ?

— Сію минуту пожаловали, и приказали о себѣ Аннѣ Сергѣевнѣ не докладывать, а прямо къ вамъ себя приказали провести.

„Ужь не несчастье ли какое у насъ дома,“ подумалъ Аркадій, торопливо взбѣжавъ по лѣстницѣ, разомъ отперъ дверь. Видъ Базарова тотчасъ его успокоилъ, хотя болѣе опытный глазъ, вѣроятно, открылъ бы въ его, энергической попрежнему, но осунувшейся фигурѣ, признаки внутренняго волненія. Съ пыльною шинелью на плечахъ, съ картузомъ на головѣ, сидѣлъ онъ на оконницѣ; онъ не поднялся и тогда, когда Аркадій бросился съ шумными восклицаніями къ нему на шею.

— Вотъ неожиданно! Какими судьбами! твердилъ онъ, суетясь по комнатѣ, какъ человѣкъ, который и самъ воображаетъ, и желаетъ показать, что радуется.—Вѣдь у насъ все въ домѣ благополучно, всѣ здоровы, не правда ли?

— Все у васъ благополучно, но не всѣ здоровы, проговорилъ Базаровъ.—А ты не тараторь, вели принести мнѣ квасу, присядь и слушай чтò я тебѣ сообщу въ немногихъ, но, надѣюсь, довольно сильныхъ выраженіяхъ.

Аркадій притихъ, а Базаровъ разказалъ ему свою дуэль съ Павломъ Петровичемъ. Аркадій очень удивился и даже опечалился; но не почелъ нужнымъ это выказать; онъ только спросилъ, дѣйствительно ли неопасна рана его дяди? и получивъ отвѣтъ, что она—самая интересная, только не въ медицинскомъ отношеніи,—принужденно улыбнулся.

— Вотъ я и отправился къ „отцамъ“, такъ заключилъ Базаровъ,—и на дорогѣ завернулъ сюда, чтобы все это пе-

редать, сказалъ бы я, еслибъ я не почиталъ бесполезную ложь—глупостью. Нѣтъ, я завернулъ сюда—чортъ знаетъ зачѣмъ. Видишь ли, человѣку иногда полезно взять себя за хохоль да выдернуть себя вонъ, какъ рѣдку изъ гряды это я совершилъ на дняхъ... Но мнѣ захотѣлось взглянутьеще разъ на то, съ чѣмъ я разстался; на ту гряду, гдѣ я сидѣлъ.

— Я надѣюсь, что эти слова ко мнѣ не относятся, возразилъ съ волненіемъ Аркадій,—я надѣюсь, что ты не думаешь разстаться со мною.

Базаровъ пристально, почти провзительно взглянулъ на него.

— Будто это такъ огорчить тебя? Мнѣ сдается, что ты уже разстался со мною. Ты такой свѣженькій да чистенькій... должно-быть твои дѣла съ Анной Сергѣвной идутъ отлично.

— Какія мои дѣла съ Анной Сергѣвной?

— Да развѣ ты не для нея сюда пріѣхалъ изъ города, птенчикъ? Кстати, какъ тамъ подвизаются воскресныя школы? Развѣ ты не влюбленъ въ нее? Или уже тебѣ пришла пора скромничать?

— Евгений, ты знаешь, я всегда былъ откровененъ съ тобою; могу тебя увѣрить, боюсь тебѣ, что ты ошибаешься.

— Гм! Новое слово, замѣтилъ вполголоса Базаровъ.— Но тебѣ не для чего горячиться, мнѣ вѣдь это совершенно все равно. Романтикъ сказалъ бы: я чувствую, что наши дороги начинаютъ расходиться, а я просто говорю, что мы другъ другу пріѣлись.

— Евгений....

— Душа моя, это не бѣда; то ли еще на свѣтѣ пріѣдается. А теперь, я думаю, не проститься ли намъ? Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я препакою себя чувствую, точно я начитался писемъ Гоголя къ калужской губернаторшѣ. Кстати жь я не велѣлъ откладывать лошадей.

— Помилуй, это невозможно!

— А почему?

— Я уже не говорю о себѣ; но это будетъ въ высшей степени невѣжливо передъ Анной Сергѣвной, которая непременно пожелаетъ тебя видѣть.

— Ну, въ этомъ ты ошибаешься.

— А я, напротивъ, увѣренъ, что я правъ, возразилъ Арка-

дѣй.—И къ чему ты притворяешься? Ужь коли на то пошло, развѣ ты самъ не для нея сюда прѣхалъ?

— Это, можетъ-быть, и справедливо, но ты все-таки ошибаешься.

Но Аркадѣй былъ правъ. Анна Сергѣевна пожелала по-видаться съ Базаровымъ, и пригласила его къ себѣ черезъ дворецкаго. Базаровъ переодѣлся прежде чѣмъ пошелъ къ ней: оказалось, что онъ уложилъ свое новое платье такъ, что оно было у него подъ рукою.

Одницова его приняла не въ той комнатѣ, гдѣ онъ такъ неожиданно объяснился ей въ любви, а въ гостиной. Она любезно протянула ему кончики пальцевъ, но лицо ея выражало невольное напряженіе.

— Анна Сергѣевна, поторопится сказать Базаровъ,— прежде всего я долженъ васъ успокоить. Передъ вами смертный, который самъ давно опомнился, и надѣется, что другіе забыли его глупости. Я увѣжаю надолго, и согласитесь, хоть я и не мягкое существо, но мнѣ было бы невесело унести съ собою мысль, что вы вспоминаете обо мнѣ съ отвращеніемъ.

Анна Сергѣевна глубоко вздохнула, какъ человѣкъ только-что взобравшійся на высокую гору, и лицо ея оживилось улыбкой. Она вторично протянула Базарову руку, и отвѣчала на его пожатіе.

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, сказала она,— тѣмъ болѣе что, говоря по совѣсти, и я согрѣшила тогда, если не кокетствомъ, такъ чѣмъ-то другимъ. Одно слово: будемте пріятелями попрежнему. То былъ союзъ, не правда ли? А кто же сны помнить?

— Кто ихъ помнить? Да притомъ любовь... вѣдь это чувство напускное.

— Въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ очень пріятно это слышать.

Такъ выражалась Анна Сергѣевна, и такъ выражался Базаровъ; они оба думали, что говорили правду. Была ли правда, полная правда, въ ихъ словахъ? Они сами этого не знали, а авторъ и подавно. Но бесѣда у нихъ завязалась такая, какъ будто они совершенно повѣрили другъ другу.

Анна Сергѣевна спросила, между прочимъ, Базарова что онъ дѣлалъ у Курсановыхъ? Онъ чуть было не разказалъ ей своей дули съ Павломъ Петровичемъ, но удержался при мысли, какъ бы она не подумала, что онъ интересничаетъ,

и отвѣчалъ ей, что онъ все это время работалъ.—А я, промолвила Анна Сергѣевна,—сперва хандрила, Богъ знаетъ отчего, даже за границу собиралась, вообразите!... Потому это прошло; вашъ пріятель, Аркадій Николаичъ, пріѣхалъ, и я опять попала въ свою колею, въ свою настоящую роль.

— Въ какую это роль, позвольте узнать?

— Роль тетки, наставницы, матери, какъ хотите назовите. Кстати, знаете ли, что я прежде хорошенько не понимала вашей тѣсной дружбы съ Аркадіемъ Николаичемъ; я находила его довольно незначительнымъ. Но теперь я его лучше узнала, и убѣдилась, что онъ умень... А главное, онъ молодъ, молодъ... не то что мы съ вами, Евгений Васильичъ.

— Онъ все—также робѣетъ въ вашемъ присутствіи? спросилъ Базаровъ.

— А развѣ... начала было Анна Сергѣевна и, подумавъ немного, прибавила:—теперь онъ довѣрчивѣе сталъ, говорить со мною. Прежде онъ избѣгалъ меня. Впрочемъ, и я не искала его общества. Они большіе пріатели съ Катей.

Базарову стало досадно. — „Не можетъ женщина не хитрить!“ подумалъ онъ.—Вы говорите, онъ избѣгалъ васъ, произнесъ онъ съ холодною усмѣшкой,—но, вѣроятно, для васъ не осталось тайной, что онъ былъ въ васъ влюбленъ?

— Какъ? И онъ? сорвалось у Анны Сергѣевны.

— И онъ, повторилъ Базаровъ съ смиреннымъ поклономъ. Неужели вы этого не знали и я вамъ сказалъ новость?

Анна Сергѣевна опустила глаза.—Вы ошибаетесь, Евгений Васильичъ.

— Не думаю. Но, можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало упоминать объ этомъ. „А впередъ не хитри“, прибавилъ онъ про себя.

— Отчего не упоминать? Но я полагаю, что вы и тутъ придаете слишкомъ большое значеніе мгновенному впечатлѣнію. Я начинаю подозрѣвать, что вы склонны къ преувеличенію.

— Не будете лучше говорить объ этомъ, Анна Сергѣевна.

— Отчего же? возразила она, а сама перевела разговоръ на другую дорогу. Ей все-таки было неловко съ Базаровымъ, хотя она и ему сказала, и сама себя увѣрила, что все позабыто. Мѣняясь съ нимъ самыми простыми рѣчами, даже шутя съ нимъ, она чувствовала легкое стѣсненіе

отраха. Такъ люди на пароходѣ, въ морѣ, разговариваютъ и смѣются беззаботно, ни дать, ни взять, какъ на твердой землѣ; но случись малѣйшая остановка, появившись малѣйшій признакъ чего-нибудь необычайнаго, и тотчасъ же на всѣхъ лицахъ выступить выраженіе особенной тревоги, свидѣтельствующее о постоянномъ сознаниіи постоянной опасности.

Бесѣда Анны Сергѣевны съ Базаровымъ продолжалась недолго. Она начала задумываться, отвѣчать разсѣянно, и, предложила ему наконецъ перейти въ залу, гдѣ они нашли княжну и Катю. „А гдѣ же Аркадій Николаичъ?“ спросила хозяйка и, узнавъ что онъ не показывался уже болѣе часа, послала за нимъ. Его не скоро нашли: онъ забрался въ самую глушь сада и, опершись подбородкомъ на скрещенныя руки, сидѣлъ погруженный въ думы. Онъ былъ глубоко и важенъ, эти думы, но не печальны. Онъ зналъ, что Анна Сергѣевна, сидитъ наединѣ съ Базаровымъ, и ревности онъ не чувствовалъ, какъ бывало; напротивъ, лицо его тихо свѣтлѣло; казалось, онъ и дивился чему-то, и радовался, и рѣшался на что-то.

XXVI.

Покойный Одинцовъ не любилъ нововведеній, но допускалъ „нѣкоторую игру облагороженнаго вкуса“, и вслѣдствіе этого воздвигнулъ у себя въ саду, между теплицей и прудомъ, строеніе въ родѣ греческаго портика изъ русскаго кирпича. На задней, глухой стѣнѣ этого портика, или галереи, были вѣдланы шесть нишъ для статуй, которыя Одинцовъ собирался выписать изъ-за границы. Эти статуи должны были изображать собою: Уединеніе, Молчаніе, Размышленіе, Меланхолію, Стыдливость и Чувствительность. Одну изъ нихъ, богиню Молчанія, съ пальцемъ на губахъ, привезли было и поставили; но ей въ тотъ же день дворовыя мальчишки отбили носъ, и хотя сосѣдній штукатуръ брался придѣлать ей носъ „вдвое лучше прежняго“, однако Одинцовъ велѣлъ ее принять, и она очутилась въ углу молотильнаго сарая, гдѣс товала долгіе годы, возбуждая суевѣрный ужасъ бабъ. Передняя сторона портика давно заросла густымъ кустарникомъ: одни капители колоннъ виднѣлись надъ сплошною зеленью. Въ самомъ портикѣ, даже въ полдень, было прохладно. Анна Сергѣевна не любила

посвѣщать это мѣсто съ тѣхъ поръ, какъ увидала тамъ ужа; но Катя часто приходила садиться на большую каменную скамью устроенную подъ одною изъ нишъ. Окруженная свѣжестью и тѣнью, она читала, работала, или предавалась тому ощущенію полной тишины, которое, вѣроятно, знакомо каждому, и прелесть котораго состоитъ въ едва-созвучательномъ, нѣмотствующемъ подкарауливаньи широкой, жизненной волны, непрерывно катящейся и кругомъ насъ, и въ насъ самихъ.

На другой день по пріѣздѣ Базарова, Катя сидѣла на своей любимой скамьѣ, и рядомъ съ нею сидѣлъ опять Аркадій. Онъ упросилъ ее пойдти съ нимъ въ „портикъ“. До завтрака оставалось около часа; росистое утро уже смѣнялось горячимъ днемъ. Лицо Аркадія сохраняло вчерашнее выраженіе, Катя имѣла видъ озабоченный. Сестра ея, тотчасъ послѣ чаю, позвала ее къ себѣ въ кабинетъ и, предварительно приласкавъ ее, что всегда немного пугало Катю, посоветовала ей быть осторожнѣй въ своемъ поведеніи съ Аркадіемъ, а особенно избѣгать уединенныхъ бесѣдъ съ нимъ, будто бы замѣченныхъ и теткой, и всѣмъ домою. Кромѣ того, уже наканунѣ вечеромъ, Анна Сергѣевна была не въ духѣ, да и сама Катя чувствовала смущеніе, точно сознавала вину за собою. Уступая просьбѣ Аркадія, она себѣ сказала, что это въ послѣдній разъ.

— Катерина Сергѣевна, заговорилъ онъ съ какою-то застѣнчивою развязностью, — съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю счастье жить въ одномъ домѣ съ вами, я обо многомъ съ вами бесѣдовалъ, и между тѣмъ есть одинъ очень важный для меня... вопросъ, до котораго я еще не касался. Вы замѣтили вчера, что меня здѣсь передѣлали, прибавилъ онъ, и лоя, и избѣгая вопросительно устремленный на него взоръ Кати. — Дѣйствительно, я во многомъ измѣнился, и это вы знаете лучше всякаго другаго, — вы, которой я, въ сущности, и обязанъ этою переимѣной.

— Я?... Мнѣ?... проговорила Катя.

— Я теперъ уже не тотъ заносчивый мальчикъ, какимъ я сюда пріѣхалъ, продолжалъ Аркадій, — не даромъ же мнѣ и минулъ двадцать третій годъ; я попрежнему желаю быть полезнымъ, желаю посвятить всѣ мои силы истинѣ; но я уже не тамъ ищу свои идеалы, гдѣ искалъ ихъ прежде; они представляются мнѣ... гораздо ближе. До сихъ поръ я не

понималъ себя, я задавалъ себѣ задачи, которыя мнѣ не по силамъ... Глаза мои недавно раскрылись, благодаря одному чувству... Я выражаюсь не совсѣмъ ясно, но я надѣюсь, что вы меня поймете..

Катя ничего не отвѣчала, но перестала глядѣть на Аркадія.

— Я полагаю, заговорилъ онъ снова, уже болѣе взволнованнымъ голосомъ, а зябликъ надъ нимъ въ листьвѣ березы беззаботно распѣвалъ свою пѣсенку,—я полагаю, что обязанность всякаго честнаго человѣка быть вполнѣ откровеннымъ съ тѣми... съ тѣми людьми, которые... словомъ, съ близкими ему людьми, а потому я... я намѣренъ...

Но тутъ краснорѣчіе измѣнило Аркадію; онъ сбился, замялся и принужденъ былъ немного помолчать. Катя все не поднимала глазъ. Казалось, она и не понимала, къ чему онъ это все ведетъ, и ждала чего-то.

— Я предвижу, что удивляю васъ, началъ Аркадій, снова собравшись съ силами,—тѣмъ болѣе что это чувство относится нѣкоторымъ образомъ... нѣкоторымъ образомъ, зайдите,—до васъ. Вы меня, помнится, вчера упрекнули въ недостаткѣ серіозности, продолжалъ Аркадій, съ видомъ человѣка, который вошелъ въ болото, чувствуетъ что съ каждымъ шагомъ погружается больше и больше, и все-таки сившить впередъ, въ надеждѣ поскорѣ перебраться:—этотъ упрекъ часто направляется... падаетъ... на молодыхъ людей, даже когда они перестаютъ его заслуживать; и еслибы во мнѣ было больше самоувѣренности... „Да помоги же мнѣ, помоги!“ съ отчаяніемъ думалъ Аркадій, но Катя попрежнему не поворачивала голову.—Еслибъ я могъ надѣяться...

— Еслибъ я могла быть увѣрена въ томъ, что вы говорите, раздався въ это мгновеніе ясный голосъ Анны Сергѣевны.

Аркадій тотчасъ умолокъ, а Катя поблѣднѣла. Мимо самыхъ кустовъ, заслонявшихъ портикъ, пролегла дорожка. Анна Сергѣевна шла по ней въ сопровожденіи Базарова. Катя съ Аркадіемъ не могли ихъ видѣть, но слышали каждое слово, шелестъ платья, самое дыханіе. Они сдѣлали нѣсколько шаговъ и, какъ нарочно, остановились прямо передъ портикомъ.

— Вотъ видите ли, продолжала Анна Сергѣевна,—мы съ вами ошиблись; мы оба уже не первой молодости, особенно я; мы пожилы, устали! мы оба,—къ чему церемониться?—

умны: сначала мы заинтересовали другъ друга, любопытство было возбуждено... а потомъ...

— А потомъ я выдохся, подхватилъ Базаровъ.

— Вы знаете, что не это было причиной нашей размолвки. Но какъ бы то ни было, мы не нуждались другъ въ другѣ, вотъ главное; въ насъ слишкомъ много было... какъ бы это сказать... однороднаго. Мы это не сразу поняли. Напротивъ, Аркадій...

— Вы въ немъ нуждаетесь? спросилъ Базаровъ.

— Полноте, Евгенийъ Васильичъ. Вы говорите, что онъ неравнодушенъ ко мнѣ, и мнѣ самой всегда казалось, что я ему нравлюсь. Я знаю, что я гожусь ему въ тетки, но я не хочу скрывать отъ васъ, что я стала чаще думать о немъ. Въ этомъ молодомъ и свѣжемъ чувствѣ есть какая-то прелесть...

— Слово *обаяніе* употребительнѣе въ подобныхъ случаяхъ, перебилъ Базаровъ; купѣнныя желчи слышалось въ его спокойномъ, но глухомъ голосѣ.—Аркадій что-то секретничалъ вчера со мною, и не говорилъ ни о васъ, ни о вашей сестрѣ... Это симптомъ важный.

— Онъ съ Катей совсѣмъ какъ братъ, промолвила Анна Сергѣевна,—и это мнѣ въ немъ нравится, хотя, можетъ-быть, мнѣ бы и не слѣдовало позволять такую близость между ними.

— Это въ васъ говорить... сестра? произнесъ протяжно Базаровъ.

— Разумѣется... Но что же мы стоимъ? Пойдемте. Какой страшный разговоръ у насъ, не правда ли? И могла ли я ожидать, что буду говорить такъ съ вами! Вы знаете, что я васъ боюсь... и въ то же время я вамъ доверяю, потому что въ сущности вы очень добры.

— Впервые, я вовсе не добръ; а во вторыхъ, я потерялъ для васъ всякое значеніе, и вы мнѣ говорите, что я добръ... Это все равно, что класть вѣнокъ изъ цвѣтовъ на голову мертвеца.

— Евгенийъ Васильичъ, мы не властны... начала было Анна Сергѣевна; но вѣтеръ налетѣлъ, зашумѣлъ листьями и унесъ ея слова.—Вѣдь вы свободны, произнесъ, немного погодя, Базаровъ. Больше ничего нельзя было разобрать; шаги удалились... все затихло.

Аркадій обратился къ Катѣ. Она сидѣла въ томъ же положеніи, только еще ниже опустила голову.

— Катерина Сергѣевна, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ и стиснувъ руки:—я люблю васъ навѣкъ и безвозвратно, и никого не люблю кромѣ васъ. Я хотѣлъ вамъ это сказать, узнать ваше мнѣніе и просить вашей руки, потому что я и не богатъ, и чувствую что готовъ на всѣ жертвы... Вы не отвѣчаете? Вы мнѣ не вѣрите? Вы думаете, что я говорю легкомысленно? Но вспомните эти послѣдніе дни. Неужели вы давно не убѣдились, что все другое—поймите меня—все, все другое давно исчезло безъ слѣда? Посмотрите на меня, скажите мнѣ одно слово... Я люблю... я люблю васъ... повѣрьте же мнѣ!

Катя взглянула на Аркадія важнымъ и свѣтлымъ взглядомъ и, посапъ долгаго раздумья, едва улыбувшись, проговорила:—Да.

Аркадій вскочилъ со скамьи.—Да! Вы сказали: да, Катерина Сергѣевна! Чтѣ значитъ это слово? То ли, что я васъ люблю, что вы мнѣ вѣрите... Или... или... я не смѣю докончить...

— Да, повторила Катя, и въ этотъ разъ онъ ее поцалъ. Онъ схватилъ ея большія, прекрасныя руки и, задыхаясь отъ восторга, прижалъ ихъ къ своему сердцу. Онъ едва стоялъ на ногахъ и только твердилъ: „Катя, Катя...“; а она какъ-то невинно заплакала, сама тихо смѣясь своимъ слезамъ. Кто не видалъ такихъ слезъ въ глазахъ любимаго существа, тотъ еще не испыталъ до какой степени, замирая весь отъ благодарности и отъ стыда, можетъ быть счастливъ на землѣ человѣкъ.

На слѣдующій день, рано поутру, Анна Сергѣевна велѣла позвать Базарова къ себѣ въ кабинетъ, и съ принужденнымъ смѣхомъ подала ему сложенный листокъ почтовой бумаги. Это было письмо отъ Аркадія: онъ въ немъ просилъ руки ея сестры.

Базаровъ быстро пробѣжалъ письмо, и сдѣлалъ усиліе надъ собою, чтобы не выказать злораднаго чувства, которое мгновенно вспыхнуло у него въ груди.

— Вотъ какъ, проговорилъ онъ,—а вы, кажется, не далѣе какъ вчера полагали, что онъ любитъ Катерину Сергѣевну братскою любовью. Что же вы намѣрены теперь сдѣлать?

— Чтѣ вы мнѣ посоветуете? спросила Анна Сергѣевна, продолжая смѣяться.

— Да, я полагаю, отвѣтилъ Базаровъ тоже ео смѣхомъ, хотя ему вовсе не было весело и нисколько не хотѣлось смѣяться, также какъ и ей:—я полагаю, слѣдуетъ благословить молодыхъ людей. Партія во всѣхъ отношеніяхъ хорошая; состояніе у Кирсанова изрядное, онъ одинъ сынъ у отца, да и отецъ добрый малый, прекословить не будетъ.

Одинцова прошлась по комнатѣ. Ея лицо попеременно краснѣло и блѣднѣло.

— Вы думаете? проговорила она.—Что жъ? Я не вижу препятствій... Я рада за Катю... и за Аркадія Николаича. Разумѣется, я подожду отвѣта отца. Я его самого къ нему пошлю. Но вотъ и выходитъ, что я была права вчера, когда я говорила вамъ, что мы оба уже старые люди... Какъ это я ничего не видѣла? Это меня удивляетъ!

Анна Сергѣевна опять засмѣялась и тотчасъ же отворотилась.

— Нынѣшняя молодежь больно хитра стала, замѣтилъ Базаровъ, и тоже засмѣялся.—Прощайте, заговорилъ онъ опять, послѣ небольшого молчанія.—Желаю вамъ окончить это дѣло самымъ пріятнымъ образомъ; а я издали порадуюсь.

Одинцова быстро повернулась къ нему.

— Развѣ вы убѣждаете? Отчего же вамъ *теперь* не остаться? Оставайтесь... съ вами говорить весело... точно по краю пропасти ходишь. Сперва робѣешь, а потомъ откуда смѣлость возьмется. Оставайтесь.

— Спасибо за предложеніе, Анна Сергѣевна, и за лестное мнѣніе о моихъ разговорныхъ талантахъ. Но я нахожу, что я ужъ и такъ слишкомъ долго враждался въ чужой для меня сферѣ. Летучія рыбы нѣкоторое время могутъ поддерживаться на воздухѣ, но вскорѣ должны шлепнуться въ воду; позвольте же и мнѣ плюхнуться въ мою стихію.

Одинцова посмотрѣла на Базарова. Горькая усмѣшка подергивала его блѣдное лицо. „Этотъ меня любилъ!“ подумала она—и жалко ей стало его, и съ участіемъ протянула она ему руку.

Но и онъ ее понималъ. —Нѣтъ! сказалъ онъ, и отступилъ на шагъ назадъ.—Человѣкъ я бѣдный, но милостыни еще до сихъ поръ не принималъ. Прощайте-съ, и будьте здоровы.

— Я убѣждена, что мы не въ послѣдній разъ видимся, произнесла Анна Сергѣевна съ невольнымъ движеніемъ.

— Чего на свѣтѣ не бываетъ! отвѣтилъ Базаровъ, поклонился и вышелъ.

— Такъ ты задумалъ гнѣздо себѣ свить? говорилъ онъ въ тотъ же день Аркадію, укладывая на корточкахъ свой чемоданъ. — Что жь? дѣло хорошее. Только напрасно ты лукавилъ. Я ждалъ отъ тебя совсѣмъ другой дирекціи. Или, можетъ-быть, это тебя самого огоршило?

— Я, точно, этого не ожидалъ, когда разставался съ тобою, отвѣтилъ Аркадій, — но зачѣмъ ты самъ лукавишь и говоришь: „дѣло хорошее“, точно мнѣ неизвѣстно твое мнѣніе о бракѣ?

— Эхъ, другъ любезный! проговорилъ Базаровъ: — какъ ты выражаешься! Видишь, чтò я дѣлаю: въ чемоданѣ оказалось пустое мѣсто, и я кладу туда сѣно; такъ и въ жизненномъ нашемъ чемоданѣ: чѣмъ бы его ни набили, лишь бы пустоты не было. Не обижайся, пожалуста: ты вѣдь вѣроятно помнишь, какого я всегда былъ мнѣнія о Катеринѣ Сергѣевнѣ. Иная барышня только отъ того и слыветъ умною что умно вздыхаетъ, а твоя за себя постоитъ, да и такъ постоитъ, что и тебя въ руки заберетъ, — ну, да это такъ и слѣдуетъ. — Онъ захлопнулъ крышку и приподнялся съ полу. — А теперь повторяю тебѣ на прощаньи, потому что обманываться нечего: мы прощаемся навсегда, и ты самъ это чувствуешь... Ты поступилъ умно; для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не созданъ. Въ тебѣ нѣтъ ни дерзости, ни злости, а есть молодая смѣлость да молодой задоръ; для нашего дѣла это не годится. Наша пыль тебѣ глаза выѣстъ, наша грязь тебя замазаетъ, да ты и не доросъ до насъ, ты невольно любишься собою, тебѣ приятно самого себя бранить; а намъ это скучно — намъ другихъ подавай! намъ другихъ ломать надо! Ты славный малый; но ты все-таки мякенькій, либеральный барычъ, — *э волату*, какъ выражается мой родитель.

— Ты навсегда прощаешься со мною Евгений? печально молвилъ Аркадій: — и у тебя нѣтъ другихъ словъ для меня?

Базаровъ почесалъ у себя въ затылкѣ. — Есть, Аркадій; есть у меня другія слова, только я ихъ не выскажу, потому что это романтизмъ, — это значитъ: разсыропиться. А ты поскорѣ женись; да своимъ гнѣздомъ обзаведись, да надѣлай дѣтей побольше. Умницы они будутъ уже потому

что вовремя они родятся, не то что мы съ тобой. Эге! я вижу лошади готовы. Пора! Со всѣми я простился... Ну что жь? обняться, что ли?

Аркадій бросился на шею къ своему бывшему наставнику и другу и, слезы такъ и брызнули у него изъ глазъ.

— Что значитъ молодость! произнесъ спокойно Базаровъ, — да я на Катерину Сергѣевну надѣюсь. Посмотри, какъ живо она тебя утѣшитъ!

— Прощай, братъ! сказалъ онъ Аркадію, уже взобравшись на телегу, и указавъ на пару галокъ, сидѣвшихъ рядышкомъ на крышѣ конюшни, прибавилъ:— Вотъ тебѣ! — изучай!

— Это что значитъ? спросилъ Аркадій.

— Какъ? развѣ ты такъ плохъ въ естественной исторіи? или забылъ, что галка самая почтенная, семейная птица? Тебѣ примѣръ!.. Прощайте, сеньоръ!

Телега задрезжалась и покатилась.

Базаровъ сказалъ правду. Разговаривая вечеромъ съ Катей, Аркадій совершенно позабылъ о своемъ наставникѣ. Онъ уже начиналъ подниматься ей, и Катя это чувствовала, и не удивлялась. Онъ долженъ былъ на слѣдующій день ѣхать въ Марьино, къ Николаю Петровичу. Анна Сергѣевна не хотѣла стѣснять молодыхъ людей, и только для приличія не оставляла ихъ слѣшкомъ долго наединѣ. Она великодушно удалила отъ нихъ княжну, которую извѣстіе о предстоящемъ бракѣ привело въ слезливую ярость. Сначала Анна Сергѣевна боялась, какъ бы зрѣлище ихъ счастья не показалось ей немного тягостнымъ: но вышло совершенно напротивъ; это зрѣлище не только не отягощало ее, оно ее занимало, оно ее умишало наконецъ. Анна Сергѣевна этому и обрадовалась, и опечалилась. „Видно правъ Базаровъ, подумала она, любопытство, одно любопытство, и любовь къ покою, и эгоизмъ...“

— Дѣти! промолвила она громко:— что, любовь чувство напускное?

Но ни Катя, ни Аркадій ея даже не поняли. Они ея дичились; невольно подслушанный разговоръ не выходилъ у нихъ изъ головы. Впрочемъ, Анна Сергѣевна скоро успокоила ихъ; и это было ей нетрудно: она успокоилась сама.

XXVII.

Старики Базаровы тѣмъ больше обрадовались внезапному прїѣзду сына, чѣмъ меньше они его ожидали. Арина Власьевна до того переполошилась и взбѣгалась по дому, что Василій Ивановичъ сравнилъ ее съ „курпатацей“: кудрый хвостикъ ея коротенькой кофточкы дѣйствительно придавалъ ей нѣчто птичье. А самъ онъ только мычалъ да покусывалъ сбоку янтарчикъ своего чубука, да, прихвативъ шею пальцами, вертѣлъ головою, точно пробовалъ, хорошо ли она у него привинчена, и вдругъ развѣвалъ широкій ротъ и хохоталъ безъ всякаго шума.

— Я къ тебѣ на цѣлыхъ шесть недѣль прїѣхалъ, старина; сказалъ ему Базаровъ: — я работать хочу, такъ ты ужь, пожалуста, не мѣшай мнѣ.

— Физиономію мою забудешь, вотъ какъ я тебѣ мѣшать буду! отвѣчалъ Василій Ивановичъ.

Онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Помѣстивъ сына попрежнему въ кабинетъ, онъ только что не прятался отъ него, и жену свою удерживалъ отъ всякихъ лишнихъ изъясненій нѣжности. „Мы, матушка моя, говорилъ онъ ей, — въ первый прїѣздъ Енюшки ему надоѣдали маленько: теперь надо быть умнѣй.“ Арина Власьевна соглашалась съ мужемъ, но немного отъ этого выигрывала, потому что видѣла сына только за столомъ и окончательно боялась съ нимъ заговаривать. „Енюшенька!“ бывало скажетъ она, — а тотъ еще не успѣетъ оглянуться, какъ ужь она перебираетъ шкурками ридикюля и лепечетъ: „ничего, ничего, я такъ,“ а потомъ отправится къ Василію Ивановичу, и говоритъ ему, подперши щеку: „какъ бы, голубчикъ, узнать: чего Енюша желаетъ сегодня къ обѣду, щей или борщу?“ — „Да что жь ты у него сама не спросила?“ — „А надоѣмъ!“ Впрочемъ, Базаровъ скоро самъ пересталъ заператься; лихорадка работы съ него *соскочила*, и замѣнилась тоскливою скукой и глухимъ безпокойствомъ. Странная усталость замѣчалась во всѣхъ его движеніяхъ, даже походка его, твердая и стремительно смѣлая, измѣнилась. Онъ пересталъ гулять въ одиночку и началъ искать общества; пилъ чай въ гостиной, бродилъ по

огороду съ Василиемъ Ивановичемъ и курилъ съ нимъ „въ молчанку“; освѣдомился однажды объ отцѣ Алексѣѣ. Василий Ивановичъ сперва обрадовался этой перемятѣ, но радость его была не продолжительна. „Енюша меня сокрушаетъ,“ жаловался онъ втихомолку женѣ; „онъ не то что недоволенъ или сердитъ, это бы еще ничего; онъ огорченъ, онъ грустенъ—вотъ что ужасно. Все молчитъ, хоть бы побранилъ насъ съ тобою; худѣетъ, цвѣтъ лица такой нехорошій.“ — „Господи, Господи!“ шептала старушка: „надѣла бы я ему ладонку на шею, да вѣдь онъ не позволить.“ Василий Ивановичъ нѣсколько разъ пытался самымъ осторожнымъ образомъ разспросить Базарова объ его работѣ, объ его здоровьи, объ Аркадіи... Но Базаровъ отвѣчалъ ему нехотя и небрежно, и однажды, замѣтивъ что отецъ въ разговорѣ по-немножку подо что-то подбирается, съ досадой сказалъ ему: „Что ты все около меня словно на цыпочкахъ ходишь? Эта манера еще хуже прежней.“ — „Ну, ну, ну, я ничего!“ поспѣшно отвѣчалъ бѣдный Василий Ивановичъ. Такъ же безплодны остались его политическіе намеки. Заговоривъ, однажды, по поводу близкаго освобожденія крестьянъ, о прогрессѣ, онъ надѣялся возбудить сочувствіе своего сына; но тотъ равнодушно промолвилъ: „Вчера я прохожу мимо забора и слышу, здѣшніе крестьянскіе мальчишки, вмѣсто какой-нибудь старой пѣсни, горланятъ: *Время вѣрное приходитъ, сердца чувствуютъ любовь...* вотъ тебѣ и прогрессъ.“ Иногда Базаровъ отправлялся на деревню и, подтрунивая по обыкновенію, вступалъ въ бесѣду съ какимъ-нибудь мужикомъ. „Ну, говорилъ онъ ему,“ излагай мнѣ свои воззрѣнія на жизнь, братецъ: вѣдь въ васъ, говорятъ, вся сила и будущность Россіи, отъ васъ начнется новая эпоха въ исторіи, вы намъ дадите и языкъ настоящій, и законы.“ Мужикъ либо не отвѣчалъ ничего, либо произносилъ слова въ родѣ слѣдующихъ: „А мы можемъ... тоже, потому значить... какой положонъ у насъ, примѣрно, придѣлъ.“ — „Ты мнѣ растолкуй, что такое есть вашъ міръ?“ перебивалъ его Базаровъ: „и тотъ ли это самый міръ что на трехъ рыбахъ стоитъ?“

— Это, батюшка, земля стоитъ на трехъ рыбахъ, успокоительно, съ патриархально-добродушною пѣвучестью объяснялъ мужикъ, — а противъ нашего, то-есть, міру, извѣстно,

господская воля; потому вы наши отцы. А чѣмъ строже баринъ взыщеть, тѣмъ милѣе мужику.

Выслушавъ подобную рѣчь, Базаровъ однажды презрительно пожалъ плечами и отвернулся, а мужикъ побрелъ во свояси.

— О чемъ толковалъ? спросилъ у него другой мужикъ среднихъ лѣтъ и угрюмаго вида, издали, съ порога своей избы, присутствовавшій при бесѣдѣ его съ Базаровымъ. — О недоумкѣ, что ль?

— Какое о недоумкѣ, братецъ ты мой! отвѣчалъ первый мужикъ, и въ голосѣ его уже не было слѣда патриархальной пѣвучести, а напротивъ, слышалась какая-то небрежная суровость:— такъ, болталъ коѣ-что; языкъ почесать захотѣлось. Известно, баринъ; развѣ онъ что понимаетъ?

— Гдѣ понять! отвѣчалъ другой мужикъ и, тряхнувъ шапками и осунувъ кушаки, оба они принялись разсуждать о своихъ дѣлахъ и нуждахъ. Увы! презрительно пожимавшій плечомъ, умѣвшій говорить съ мужиками Базаровъ (какъ хвалился онъ въ спорѣ съ Павломъ Петровичемъ), этотъ самоувѣренный, Базаровъ и не подозревалъ, что онъ въ ихъ глазахъ былъ все-таки чѣмъ-то въ родѣ шута гороховаго...

Впрочемъ, онъ нашелъ, наконецъ, себѣ занятіе. Однажды, въ его присутствіи, Василій Ивановичъ перевязывалъ мужику равеную ногу, но руки тряслись у старика, и онъ не могъ справиться съ бинтами; сынъ ему помогъ, и съ тѣхъ поръ сталъ участвовать въ его практикѣ, не переставая въ то же время подсмѣиваться и надъ средствами, которыя самъ же совѣтовалъ, и надъ отцомъ, который тотчасъ же пускалъ ихъ въ ходъ. Но насмѣшки Базарова нисколько не смущали Василя Ивановича; онъ даже утѣшалъ его. Придерживая свой засаленный плафрокъ двумя пальцами на желудкѣ и покуривая трубочку, онъ съ наслажденіемъ слушалъ Базарова, и чѣмъ больше злости было въ его выходкахъ, тѣмъ добродушнѣе хохоталъ, выказывая всѣ свои черные зубы до одинаго, его осчастливленнаго отца. Онъ даже повторялъ эти, часто тупыя или бессмысленныя выходки, и напримѣръ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, ни къ селу, ни къ городу, все твердилъ: „ну, это дѣло девятое!“ потому только, что сынъ его, узнавъ, что онъ ходилъ къ заутрени, употребилъ это выраженіе. „Слава Богу! пересталъ хандрить!“ шепталъ онъ своей супругѣ: „какъ от-

дѣлалъ меня сегодня, чудо!“ За то мысль, что онъ имѣеть такого помощника, приводила его въ восторгъ, наполняя его гордостью. „Да, да, говорилъ онъ какой-нибудь бабѣ въ мужскомъ армякѣ и рогатой кичкѣ, вручая ей склянку Гулярдовой воды или банку бѣленой мази,—ты, голубушка, должна ежеминутно Бога благодарить за то, что сынъ мой у меня гостить: по самой научной и новѣйшей методѣ тебя лѣчатъ теперь, понимаешь ли ты это? Императоръ Французовъ, Наполеонъ, и тотъ не имѣеть лучшаго врача.“ А баба, которая приходила жаловаться, что ее „на колотика подняло“ (значенія этихъ словъ она, впрочемъ, сама растолковать не умѣла), только кланялась и лѣзла за пазуху, гдѣ у ней лежали четыре яйца завернутыя въ конецъ полотенца.

Базаровъ разъ даже вырвалъ зубъ у заѣзжаго разнощика съ краснымъ товаромъ, и хотя этотъ зубъ принадлежалъ къ числу обыкновенныхъ, однако Василій Ивановичъ сохранилъ его какъ рѣдкость и, показывая его отцу Алексѣю, безпрестанно повторялъ:

— Вы посмотрите, что за корни! Эдакая сила у Евгения Краснорядецъ такъ на воздухъ и поднялся... Мнѣ кажется, дубъ и тотъ бы вылетѣлъ вонъ!..

— Похвально! промолвилъ наконецъ отецъ Алексѣй, не зная что отвѣчать и какъ отдѣлаться отъ пришедшаго въ экстазъ старика.

Однажды мужичокъ сосѣдней деревни привезъ къ Василію Ивановичу своего брата, больного тифомъ. Лежа ничкомъ на связкѣ соломы, несчастный умиралъ; темныя пятна покрывали его тѣло, онъ давно потерялъ сознание. Василій Ивановичъ изъявилъ сожалѣніе о томъ, что никто раньше не вздумалъ обратиться къ помощи медицины, и объявилъ, что спасенія нѣтъ. Дѣйствительно, мужичокъ не довезъ своего брата до дома; онъ такъ и умеръ въ телѣгѣ.

Дня три спустя, Базаровъ вошелъ къ отцу въ комнату, и спросилъ, нѣтъ ли у него адскаго камня?

— Есть; на что тебѣ?

— Нужно... ранку прижечь.

— Кому?

— Себѣ.

— Какъ, себѣ! Зачѣмъ же это? Какая это ранка? Гдѣ она?

— Вотъ тутъ, на пальцѣ. Я сегодня ѣздилъ въ деревню, знаешь, откуда тифознаго мужика привозили. Они почему-то вскрывать его собирались, а я давно въ этомъ не упражнялся.

— Ну?

— Ну, вотъ я и попросилъ уѣзднаго врача; ну, и поѣхался.

Василій Ивановичъ вдругъ поблѣднѣлъ весь и, ни слова не говоря, бросился въ кабинетъ, откуда тотчасъ же вернулся съ кусочкомъ адскаго камня въ рукѣ. Базаровъ хотѣлъ было взять его и уйти.

— Ради самого Бога, промолвилъ Василій Ивановичъ:— позволь мнѣ это сдѣлать самому.

Базаровъ усмѣхнулся.— Экой ты охотникъ до практики!

— Не шути, пожалуста. Покажи свой палецъ. Ранка-то не велика. Не больно?

— Напирай сильнѣе, не бойся.

Василій Ивановичъ остановился. — Какъ ты полагаешь, Евгений, не лучше ли намъ прижечь желѣзомъ?

— Это бы раньше надо сдѣлать; а теперь, по настоящему, и адскій камень ненуженъ. Если я заразился, такъ ужъ теперь поздно.

— Какъ... поздно... едва могъ произнести Василій Ивановичъ.

— Еще бы! съ тѣхъ поръ четыре часа прошло слѣшкомъ.

Василій Ивановичъ еще немного прижегъ ранку.— Да развѣ у уѣзднаго лѣкаря не было адскаго камня?

— Не было.

— Какъ же это, Боже мой! Врачъ — и не имѣетъ такой необходимой вещи!

— Ты бы посмотрѣлъ на его ланцеты, промолвилъ Базаровъ, и вышелъ вонъ.

До самаго вечера и въ теченіи всего слѣдующаго дня. Василій Ивановичъ придирался ко всѣмъ возможнымъ предлогамъ чтобы входить въ комнату сына, и хотя онъ не только не упоминалъ объ его ранѣ, но даже старался говорить о самыхъ постороннихъ предметахъ; однако онъ такъ настойчиво заглядывалъ ему въ глаза и такъ тревожно наблюдалъ за нимъ, что Базаровъ потерялъ терпѣніе и погрозился уѣхать. Василій Ивановичъ далъ ему слово не беспокоиться, тѣмъ болѣе что и Арина Власьевна, отъ

которой онъ разумѣется все скрывалъ, начинала приставать къ нему, зачѣмъ онъ не спитъ и что съ нимъ такое педѣвалось? Цѣлыхъ два дня онъ крѣпился, хотя видъ сына, на котораго онъ все посматривалъ украдкой, ему очень не нравился... но на третій день за обѣдомъ онъ не выдержалъ. Базаровъ сидѣлъ потупившись и не касался ни до одного блюда.

— Отчего ты не ѣшь, Евгений? спросилъ онъ, придавъ своему лицу самое беззаботное выраженіе.—Кушанье, кажется, хорошо сготовлено.

— Не хочется, такъ и не ѣмъ.

— У тебя аппетита нѣту? А голова? прибавилъ онъ робкимъ голосомъ:—болитъ?

— Болитъ. Отчего ей не болѣть?

Арина Власьева выпрямилась и насторожилась.

— Не разсердись, пожалуйста, Евгений, продолжалъ Василій Ивановичъ,—но не позволяешь ты мнѣ пульсъ у тебя пощупать?

Базаровъ приподнялся.—Я и не щупая, скажу тебѣ, что у меня жаръ.

— И ознобъ былъ?

— Былъ и ознобъ. Пойду прилягу; а вы мнѣ пришлите липоваго чаю. Простудился должно-быть.

— То-то, я слышала ты сегодня ночью кашлялъ, промолвила Арина Власьева.

— Простудился, повторилъ Базаровъ и удалился.

Арина Власьева занялась приготовленіемъ чаю изъ липоваго цвѣту, а Василій Ивановичъ вышелъ въ сосѣдную комнату и молча схватилъ себя за волосы.

Базаровъ уже не вставалъ въ тотъ день, и всю ночь провелъ въ тяжелой, полузабывчивой дремотѣ. Часу въ первомъ утра, онъ, съ усиліемъ раскрывъ глаза, увидѣлъ надъ собою при свѣтѣ лампадки блѣдное лицо отца, и велѣлъ ему уйдти; тотъ повиновался, но тотчасъ же вернулся на цыпочкахъ и, до половины заслонившись дверцами шкапа, неотвратно глядѣлъ на своего сына. Арина Власьева тоже не ложилась и, чуть отворивъ дверь кабинета, то и дѣло подходила послушать „какъ дышетъ Еяшкка“ и посмотрѣть на Василя Ивановича. Она могла видѣть одну его неподвижную, сгорбленную спину, но и это ей доставляло нѣкоторое облегченіе. Утромъ Базаровъ попытался

встать; голова у него закружилась, кровь пошла носомъ; онъ легъ опять. Василій Ивановичъ молча ему прислуживалъ; Арина Власьевна вошла къ нему и спросила его, какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ отвѣчалъ: „лучше“, и повернулся къ стѣнѣ. Василій Ивановичъ замахалъ на жену обѣими руками; она закусила губу, чтобы не заплакать, и вышла вонъ. Все въ домѣ вдругъ словно потемнѣло; всѣ лица вытянулись, сдѣлалась странная тишина; со двора унесли на деревню какого-то горластаго пѣтуха, который долго не могъ понять, зачѣмъ съ нимъ такъ поступаютъ. Базаровъ продолжалъ лежать, уткнувшись въ стѣну. Василій Ивановичъ пытался обращаться къ нему съ разными вопросами, но они утомляли Базарова, и старикъ замеръ въ своихъ креслахъ, только изрѣдка хрустя пальцами. Онъ отправлялся на нѣсколько мгновеній въ садъ, стоялъ тамъ какъ истуканъ, словно пораженный несказаннымъ изумленіемъ (выраженіе изумленія вообще не сходило у него съ лица) и возвращался снова къ сыну, стараясь избѣгать распросовъ жены. Она наконецъ схватила его за руку, и судорожно, почти съ угрозой, промолвила: „да что съ нимъ?“ Тутъ онъ спохватился и принудилъ себя улыбнуться ей въ отвѣтъ; но, къ собственному ужасу, вмѣсто улыбки у него откуда-то взялся смѣхъ. За докторомъ онъ послалъ съ утра. Онъ почелъ нужнымъ предувѣдомить объ этомъ сына, чтобы тотъ какъ-нибудь не разсердился.

Базаровъ вдругъ повернулся на диванѣ, пристально и тупо посмотрѣлъ на отца, и попросилъ напитокъ.

Василій Ивановичъ подалъ ему воды, и кстати пощупалъ его лобъ. Онъ такъ и пылалъ.

— Старина, началъ Базаровъ слабымъ и медленнымъ голосомъ, — дѣло мое дрянное. Я зараженъ, и черезъ нѣсколько дней ты меня хоронить будешь.

Василій Ивановичъ пошатнулся, словно кто по ногамъ его ударилъ. — Евгений пролепеталъ! онъ: — что ты это!.. Богъ съ тобою! Ты простудился...

— Полно, не спѣша перебилъ его Базаровъ. — Врачу непозволительно такъ говорить. Всѣ признаки зараженія, ты самъ знаешь.

— Гдѣ же признаки... зараженія, Евгений?.. помилуй!

— А это что? промолвилъ Базаровъ, и приподнявъ ру-

кавъ рубашку, показалъ отцу уже выступившія зловѣщія красныя пятна.

Василій Ивановичъ дрогнулъ и походѣлъ отъ страха.— Положимъ, сказалъ онъ наконецъ,— похоложимъ... если... если даже что-нибудь въ родѣ... зараженія.....

— Піэміи, подсказалъ сынъ,

— Ну да... въ родѣ... эпидеміи...

— *Піэміи*, сурово и отчетливо повторилъ Базаровъ,— аль ужъ забылъ свои тетрадки.

— Ну да, да, какъ тебѣ угодно... А все-таки, мы тебя выльѣчимъ!

— Ну, это дудки. Но не въ томъ дѣло. Я не ожидаю, что такъ скоро умру; это случайность, очень, по правдѣ сказать, неприятная. Вы оба съ матерью должны теперь воспользоваться тѣмъ, что въ васъ религія сильна; вотъ вамъ случай поставить ее на пробу.—Онъ отпилъ еще немного воды.—А я хочу попросить тебя объ одной вещи... пока еще моя голова въ моей власти. Завтра или послѣ завтра мозгъ мой, ты знаешь, въ отставку подасть. Я и теперь не совсѣмъ увѣренъ, ясно ли я выражаюсь. Пока я лежалъ, мнѣ все казалось, что вокругъ меня собаки бѣгали, а ты надо мной стойку дѣлалъ, какъ надъ тетеревомъ. Точно я пьяный. Ты хорошо меня понимаешь.

— Помилуй, Евгенийъ, ты говоришь совершенно какъ слѣдуетъ.

— Тѣмъ лучше; ты мнѣ сказалъ, ты послалъ за докторомъ... Этимъ ты себя потѣшилъ... потѣшь и меня: пошли ты нарочнаго.

— Къ Аркадію Николаичу, подхватилъ старикъ.

— Кто такій Аркадію Николаичъ? проговорилъ Базаровъ, какъ бы въ раздумьи... — Ахъ, да! птенецъ этотъ! Нѣтъ, ты его не трогай; онъ теперь въ галки попалъ. Не удивляйся, это еще не бредъ. А ты пошли нарочнаго къ Одинцовой, Аня Сергѣевна, тутъ есть такая помѣщица... Знаешь? (Василій Ивановичъ кивнулъ головой.) Евгенийъ, молъ, Базаровъ кланяться велѣлъ и велѣлъ сказать, что умираеть. Ты это исполнишь?

— Исполню... Только возможное ли это дѣло, чтобы ты умеръ, ты, Евгенийъ!.. Самъ посуди! Гдѣ жъ послѣ этого будетъ справедливость?

— Этого я не знаю; а только ты нарочнаго пошли.

— Сію минуту пошлю, и самъ письмо напишу.

— Нѣтъ, зачѣмъ; скажи, что кланяться велѣлъ, больше ничего не нужно. А теперь я опять къ моимъ собакамъ. Странно! хочу остановить мысль на смерти, и ничего не выходитъ. Вижу какое-то пятно... и больше ничего.

Онъ опять тяжело повернулся къ стѣнѣ; а Василій Ивановичъ вышелъ изъ кабинета и, добравшись до жениной спальни, такъ и рухнулся на колѣни передъ образами.

— Молись, Арина, молись! простоналъ онъ: — нашъ сынъ умираетъ.

Докторъ, тотъ самый увѣдывый лѣкарь, у котораго не нашлось адскаго камня, пріѣхалъ и, осмотрѣвъ больнаго, посоветовалъ держаться методы выжидающей, и тутъ же сказалъ нѣсколько словъ о возможности выздоровленія. „А вамъ случалось видѣть, что люди въ моемъ положеніи не отправляются въ Елисейскія?“ спросилъ его Базаровъ и, внезапно схвативъ за ножку тяжелой столъ, стоявшій возлѣ дивана, потрясъ его и сдвинулъ съ мѣста.

— Сила-то, сила, промолвилъ онъ, все еще тутъ, а надо умирать!... Старикъ, тотъ по крайней мѣрѣ успѣлъ отвыкнуть отъ жизни, а я... Да, поди, попробуй, отрицать смерть. Она меня отрицаетъ, и баста. Кто тамъ плачетъ? прибавилъ онъ, погода немного. — Мать? Бѣдная! Кого-то она будетъ кормить теперь своимъ удивительнымъ борщомъ? А ты, Василій Ивановичъ, тоже, кажется, нюнишь? Ну, коли христіанство не помогаетъ, будь философомъ, стоикомъ, что ли! Вѣдь ты хватался, что ты философъ?

— Какой я философъ! завопилъ Василій Ивановичъ, и слезы такъ и закатали по его щекамъ.

Базарову становилось хуже съ каждымъ часомъ; болѣзнь приняла быстрый ходъ, что обыкновенно случается при хирургическихъ отравахъ. Онъ еще не потерялъ памяти и понималъ, что ему говорили; онъ еще боролся. „Не хочу бредить, шепталъ онъ, сжимая кулаки, — что за вздоръ!“ И тутъ же говорилъ: „Ну, изъ восьми вычестъ десять, сколько выйдетъ?“ Василій Ивановичъ ходилъ, какъ помѣшанный, предлагалъ то одно средство, то другое, и только и дѣлалъ что покрывалъ сынуноги. „Обернуть въ холодныя простыни... рвотное... горчичники къ желудку... кровопусканіе,“

говорилъ онъ съ напряженіемъ. Докторъ, котораго онъ умолилъ остаться, ему поддакивалъ, поилъ больного лимонадомъ, а для себя просилъ то трубочки, то „укрѣпляющаго-согрѣвающаго“, то-есть водки. Арина Власьева сидѣла на низенькой скамеечкѣ возлѣ двери, и только по временамъ уходила молиться; нѣсколько дней тому назадъ туалетное зеркальцо выскользнуло у ней изъ рукъ и разбилось, а это она всегда считала худымъ предзнаменованіемъ; сама Аффисушка ничего не умѣла сказать ей. Тимошеичъ отправился къ Одицовой.

Ночь была нехороша для Базарова... Жестокій жаръ его мучилъ. Къ утру ему полегчало. Онъ попросилъ, чтобъ Арина Власьева его причесала, поцѣловала у ней руку, и выпилъ глотка два чаю. Василій Ивановичъ оживился немного.

— Слава Богу! твердилъ онъ:— наступилъ кризисъ... прошелъ кризисъ.

— Эка, подумаешь! промолвилъ Базаровъ:— слово-то что значить! Нашелъ его, сказала: „кризисъ“, и утѣшенъ. Удивительное дѣло, какъ человѣкъ еще вѣрить въ слова. Скажутъ ему, напримеръ, дурака ѿ не прибьютъ,—онъ опечалится; назовутъ его умницей и денегъ ему не дадутъ, онъ почувствуетъ удовольствіе.

Эта маленькая рѣчь Базарова, напоминавшая его прежнія „выходки“, привела Василю Ивановича въ умиленіе.

— Bravo! прекрасно сказано, прекрасно! воскликнулъ онъ, показывая видъ, что бьетъ въ ладоши.

Базаровъ печально усмѣхнулся.

— Такъ какъ же по твоему, промолвилъ онъ,— кризисъ прошелъ или наступилъ?

— Тебѣ лучше, вотъ что я вижу, вотъ что меня радуетъ, отвѣчалъ Василій Ивановичъ.

— Ну, и прекрасно; радоваться всегда не худо. А къ той, помнишь? послалъ?

— Послалъ, какъ же.

Перемена къ лучшему продолжалась недолго. Приступы болѣзни возобновились. Василій Ивановичъ сидѣлъ подлѣ Базарова. Казалось, какая-то особенная мука терзала старика. Онъ нѣсколько разъ собирался говорить—и не могъ.

— Евгений! произнесъ онъ наконецъ:— сынъ мой, дорогой мой, милый сынъ!

Это необычайное воззваніе подѣйствовало на Базарова... Онъ повернулъ немного голову и, видимо стараясь выбиться изъ-подъ бремени давившаго его забвѣтья, произнесъ:—Что, мой отецъ?

— Евгений, продолжалъ Василій Ивановичъ, и опустилсѣ на колѣни передъ Базаровымъ, хотя тотъ не раскрывалъ глазъ, и не могъ его видѣть.—Евгеній, тебѣ теперь лучше; ты, Богъ дастъ, выздоровѣешь; но воспользуйся этимъ временемъ, утѣшь насъ съ матерью, исполни долгъ христіянина! Каково-то мнѣ это тебѣ говорить, это ужасно; но еще ужаснѣе... вѣдь на вѣкъ, Евгений... ты подумай, каково-то...

Голосъ старика перервался, а по лицу его сына, хоть онъ и продолжалъ лежать съ закрытыми глазами, проползло что-то странное.—Я не отказываюсь, если это можетъ васъ утѣшить, промолвилъ онъ наконецъ,—но мнѣ кажется, спѣшить еще не къ чему. Ты самъ говоришь, что мнѣ лучше.

— Лучше, Евгений, лучше; но кто знаетъ, вѣдь это все въ Божьей волѣ, а исполнивши долгъ...

— Нѣтъ, я подожду, перебилъ Базаровъ.—Я согласенъ съ тобою, что наступилъ кризисъ. А если мы съ тобою ошиблись, что жъ! вѣдь и безпамятныхъ причащаютъ.

— Помилуй, Евгений...

— Я подожду. А теперь я хочу спать. Не мѣшай мнѣ. И онъ положилъ голову на прежнее мѣсто.

Старикъ поднялся, сѣлъ на кресло и, взявшись за подбородокъ, сталъ кусать себѣ пальцы...

Стукъ рессорнаго экипажа, тотъ стукъ, который такъ особенно замѣтенъ въ деревенской глуши, внезапно поразилъ его слухъ. Ближе, ближе катились легкія колеса; вотъ уже послышалось фырканье лошадей... Василій Ивановичъ вскочилъ и бросился къ окошку. На дворъ его домика, запряженная четверней въѣзжала двумѣстная карета. Не отдавая себѣ отчета, что бы это могло значить, въ порывѣ какой-то бессмысленной радости, онъ выбѣжалъ на крыльцо... Ливрейный лакей отворялъ дверцы кареты; дама подъ чернымъ вуалетъ, въ черной мантильѣ выходила изъ нея...

— Я Одинцова, промолвила она.—Евгеній Васильичъ живъ? Вы его отецъ? Я привезла съ собою доктора.

— Благодарствуйница! воскликнулъ Василій Ивановичъ, и схвативъ ея руку, судорожно прижалъ ее къ своимъ

губамъ, между тѣмъ какъ привезенный Анной Сергѣевной докторъ, маленькій человѣчекъ въ очкахъ, съ нѣмецкою физиономіей, выдвѣзалъ не торопясь изъ кареты.—Живъ еще, живъ мой Евгенийъ, и теперь будетъ спасенъ! Жена! жена!.. Къ намъ ангелъ съ неба...

— Что такое, Господи! пролетѣла, выбѣгая изъ гостиной старушка, и ничего не понимая, тутъ же въ передней упала къ ногамъ Анны Сергѣевны и начала, какъ безумная, цѣловать ея платье.

— Что вы! что вы! твердила Анна Сергѣевна; но Арина Власѣвна ея не слушала, а Василий Ивановичъ только повторялъ: „ангелъ! ангелъ!“

— Wo ist der Kranke? Игдѣ же есть пациентъ? проговорилъ, наконецъ, докторъ, не безъ нѣкотораго негодованія.

Василий Ивановичъ опомнился.—Здѣсь, здѣсь, пожалуйста за мной, *вертестеръ герръ коллега*, прибавилъ онъ по старой памяти.—Э? произнесъ Нѣмецъ, и кисло осклабился. Василий Ивановичъ привелъ его въ кабинетъ.—Докторъ отъ Анны Сергѣевны Одинцовой, сказалъ онъ, наклоняясь къ самому уху своего сына, и она сама здѣсь.

Базаровъ вдругъ раскрылъ глаза.—Что ты сказалъ?

— Я говорю, что Анна Сергѣевна Одинцова здѣсь, и привезла къ тебѣ сего господина доктора.

Базаровъ повелъ вокругъ себя глазами.—Она здѣсь... я хочу ее видѣть.

— Ты ее увидишь, Евгенийъ; но сперва надобно побесѣдовать съ господиномъ докторомъ. Я имъ разкажу всю исторію болѣзни, такъ какъ Сидоръ Сидорычъ уѣхалъ (такъ звали уѣзднаго врача), и мы сдѣлаемъ маленькую консультацію.

Базаровъ взглянулъ на Нѣмца.—Ну, бесѣдуйте скорѣе; только не полатыни; я вѣдь понимаю, что значитъ *jam moritur*.

— Der Herr scheint des Deutschen mächtig zu sein, началъ новый питомецъ Эскулапа, обращаясь къ Василию Ивановичу.

— *Ихъ... габѣ...* Говорите ужь лучше по-русски, промовилъ старикъ.

— А, а! такъ это фотъ какъ это... Пошалауй...—И консультація началась.

Полчаса спустя, Анна Сергѣевна, въ сопровожденіи Василя Ивановича, вошла въ кабинетъ. Докторъ успѣлъ шепнуть ей, что нечего и думать о выздоровленіи больного.

Она взглянула на Базарова, и остановилась у двери, до

того поразило ее это воспаленное и, въ то же время, мертвенное лицо съ устремленными на нее мутными глазами. Она просто испугалась какимъ-то холоднымъ и томительнымъ испугомъ; мысль, что она не то бы почувствовала, еслибы точно его любила, мгновенно сверкнула у ней въ головѣ.

— Спасибо, усиленно заговорилъ онъ,—я этого не ожидалъ. Это доброе дѣло. Вотъ мы еще разъ и увидѣлись, какъ вы общали.

— Анна Сергѣевна такъ была добра, началъ Василій Ивановичъ...

— Отецъ, оставь насъ.—Анна Сергѣевна, вы позволяете? Кажется, теперь...

Онъ указалъ головою на свое распростертое безсильное тѣло.

Василій Ивановичъ вышелъ.

— Ну, спасибо, повторилъ Базаровъ.—Это по-царски. Говорятъ цари тоже посѣщаютъ умирающихъ.

— Евгений Васильичъ, я надѣюсь...

— Эхъ, Анна Сергѣевна, станемте говорить правду. Со мной кончено. Попалъ подъ колесо. И выходитъ, что нечего было думать о будущемъ. Старая штука, смерть, а каждому вновь. До сихъ поръ не трушу... а тамъ придетъ безпамятство, и *фюитъ!* (Онъ слабо махнулъ рукой.) Ну, что жь мнѣ вамъ сказать... Что я любилъ васъ? это и прежде не имѣло никакого смысла, а теперь, подавно. Любовь—форма, а моя собственная форма уже разлагается. Скажу я лучше, что какая вы славная! И теперь вотъ вы стоите, такая красивая...

Анна Сергѣевна невольно содрогнулась.

— Ничего, не тревожьтесь... съядте тамъ... Не подходите ко мнѣ: вѣдь моя болѣзнь заразительная.

Анна Сергѣевна быстро перешла комнату и сѣла на кресло возлѣ дивана.

— Великодушная! шепнулъ Базаровъ.—Охъ, какъ близко, и какая молодая, свѣжая, чистая... въ этой гадкой комнатѣ!.. Ну, прощайте! живите долго, это лучше всего, и пользуйтесь пока время. Вы посмотрите что за безобразное зрѣлище: червякъ полураздавленный, а еще топорщится. И вѣдь тоже думалъ: обломаю дѣлъ много, не умру, куда! задача есть, вѣдь я гигантъ! А теперь вся задача

шганта какъ бы умереть прилично, хотя никому до этого дѣла нѣтъ... Все равно: вилять хвостомъ не стану.

Базаровъ умолкъ и сталъ ощупывать рукой свой стаканъ. Анна Сергѣевна подала ему напитокъ, не снимая перчатокъ и боязливо дыша.

— Меня вы забудете, началъ онъ опять, — мертвый живому не товарищъ. Отецъ вамъ будетъ говорить, что вотъ, молъ, какого человека Россія теряетъ... Это чепуха; но не разувѣряйте старика... Чѣмъ бы дитя ни гѣшилось... вы знаете... Я нуженъ Россіи!... Нѣтъ, видно не нуженъ. Да и кто нуженъ? Сапожникъ нуженъ, портной нуженъ, мясникъ... мясо продаетъ... мясникъ... постоитъ, я путаюсь... Тутъ есть дѣль...

Базаровъ положилъ руку на лобъ.

Анна Сергѣевна наклонилась къ нему. — Евгенийъ Васильичъ, я здѣсь...

Онъ разомъ принялъ руку и приподнялся. — Прощайте, проговорилъ онъ съ внезапною силой, и глаза его блеснули послѣднимъ блескомъ. — Прощайте... Послушайте... вѣдь я васъ не поцѣловалъ тогда... Дуньте на умирающую лампу и пусть она погаснетъ...

Анна Сергѣевна приложила губами къ его лбу.

— И довольно! промолвилъ онъ, и опустил на подушку. — Теперь... темнота...

Анна Сергѣевна тихо вышла. — Что? спросилъ ее шепотомъ Василій Ивановичъ.

— Онъ заснулъ, отвѣчала она чуть слышно.

Базарову уже не суждено было просыпаться. Къ вечеру онъ впалъ въ совершенное безпамятство, а на слѣдующій день умеръ. Отецъ Алексѣй совершилъ надъ нимъ обряды религіи. Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, одинъ глазъ его раскрылся и, казалось, при видѣ священника въ облаченіи, дымящагося кадила, свѣчъ передъ образомъ, что-то похожее на содроганіе ужаса мгновенно отразилось на помертвѣломъ лицѣ. Когда же наконецъ онъ испустилъ послѣдній вздохъ и въ домѣ поднялось всеобщее стenanіе, Василюмъ Ивановичемъ обужло внезапное изступленіе. „Я говорилъ, что я возропщу,“ хрипло кричалъ онъ, съ пылающимъ, перекошеннымъ лицомъ, потрясая въ воздухъ кудакомъ, какъ бы грозя кому-то, „и возропщу, возропщу!“ Но Арина Власевна, вся въ

слезахъ, повисла у него на шеѣ, и оба вмѣстѣ пали ницъ. — „Такъ, разказывала потомъ въ людской Анфисушка, рядышкомъ и понурили свои головки, словно овечки въ полдень.“

Но полуденный зной проходить, и настаетъ вечеръ и ночь, а тамъ и возвращеніе въ тихое убѣжище, гдѣ сладко спится измученнымъ и усталымъ...

XXVIII.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Стояла бѣлая зима съ жестокою тишиной безоблачныхъ морозовъ, плотнымъ, скрипучимъ свѣгомъ, розовымъ инеемъ на деревьяхъ, блѣдно-изумруднымъ небомъ, шапками дыма надъ трубами, клубами пара изъ мгновенно раскрытыхъ дверей, свѣжими, словно укушенными лицами людей, и хлопотавымъ бѣгомъ продрогшихъ лошадокъ. Январскій день уже приближался къ концу вечерней холодъ еще сильнѣе стискивалъ недвижный воздухъ, и быстро гасла кровавая заря. Въ окнахъ Марьяинскаго дома зажигались огни; Прокофьичъ, въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, съ особенною торжественностію накрывалъ столъ на семь приборовъ. Недѣлю тому назадъ, въ небольшой приходской церкви, тихо и почти безъ свидѣтелей состоялись двѣ свадьбы: Аркадія съ Катей и Николая Петровича съ Феничкой; а въ самый тотъ день Николай Петровичъ давалъ прощальный обѣдъ своему брату, который отправлялся по дѣламъ въ Москву. Анна Сергѣевна уѣхала туда же тотчасъ послѣ свадьбы, щедро надѣливъ молодыхъ.

Ровно въ три часа всѣ явились къ столу. Митю помѣстили тутъ же; у него уже появилась нянюшка съ глазетовымъ кокошникомъ. Павелъ Петровичъ возсѣдалъ между Катей и Феничкой; „мужья“ пристроились возлѣ своихъ жень. Знакомцы наши измѣнились въ послѣднее время: всѣ какъ будто похорошѣли и возмужали; одинъ Павелъ Петровичъ похудѣлъ, что, впрочемъ, придавало еще больше изящества и *грансенъности* его выразительнымъ чертамъ... Да и Феничка стала другая. Въ свѣжемъ шелковомъ платьѣ, съ широкою бархатною наколкой на волосахъ, съ золотою цѣпочкой на шеѣ, она сидѣла почтительно-неподвижно, почтительно къ самой себѣ, ко всему, что ее окружало, и

такъ улыбалась, какъ будто хотѣла сказать; „вы меня извините, я не виновата.“ И не она одна другіе всё улыбались, и тоже какъ будто извинялись; всѣмъ было немножко неловко, немножко грустно, и въ сущности очень хорошо. Каждый прислуживалъ другому съ забавною предупредительностію, точно всё согласились разыграть какую-то простодушную комедію. Бѣта была спокойнѣе всѣхъ: она доврчиво посматривала вокругъ себя, и можно было замѣтить, что Николай Петровичъ успѣлъ уже полюбить ее безъ памяти. Передъ концомъ обѣда онъ всталъ и, взявъ бокалъ въ руки, обратился къ Павлу Петровичу.

— Ты насъ покидаешь... ты насъ покидаешь, милый братъ, началъ онъ:—конечно не надолго; но все же я не могу не выразить тебѣ, что я... что мы... сколь я... сколь мы... Вотъ въ томъ-то и бѣда, что мы не умѣемъ говорить спичи! Аркадій, скажи ты.

— Нѣтъ, папаша, я не приготовлялся.

— А я хорошо приготовился! Просто, братъ, позволь тебя обнять, пожелать тебѣ всего хорошаго, и вернись къ намъ поскорѣе!

Павелъ Петровичъ облобызался со всѣми, не исключая, разумѣется, Мити: у Оенички онъ сверхъ того поцѣловалъ руку, которую та еще не умѣла подавать какъ слѣдуетъ, и, выпивая вторично-налитый бокалъ, промолвилъ съ глубокимъ вздохомъ: „Будьте счастливы, друзья мои! Farewell!

Этотъ англійскій хвостикъ прошелъ незамѣченнымъ; но всё были тронуты.

„Въ память Базарова,“ шепнула Катя на ухо своему мужу, и чокнулась съ нимъ. Аркадій въ отвѣтъ пожалъ ей крѣпко руку; но не рѣшился громко предложить этотъ тостъ.

Казалось бы, конецъ? Но, быть-можетъ, кто-нибудь изъ читателей пожелаетъ узнать что дѣлаетъ теперь, именно теперь, каждое изъ выведенныхъ нами лицъ. Мы готовы удовлетворить его.

Анна Сергѣевна недавно вышла замужъ, не по любви, но по убѣжденію, за одного изъ будущихъ русскихъ дѣятелей, человѣка очень умнаго, законника, съ крѣпкимъ практическимъ смысломъ, твердою волею и замѣчательнымъ даромъ слова,—человѣка еще молодого, добраго и холоднаго какъ

ледь. Они живутъ въ большомъ ладу другъ съ другомъ, и доживутся, пожалуй, до счастья... пожалуй до любви. Княжна Х....ая умерла, забытая въ самый день смерти. Курсановъ, отецъ съ сыномъ, поселились въ Марьянѣ. Дѣла ихъ начинаютъ поправляться; Аркадій сдѣлался рьянымъ хозяиномъ, и „ферма“ уже приноситъ довольно значительный доходъ. Николай, Петровичъ попалъ въ мировые посредники и трудится изо всѣхъ силъ; онъ безпрестанно развѣзжаетъ по своему участку, произноситъ дливныя рѣчи (онъ придерживается того мнѣнія, что мужичковъ надо „вразумлять“, то-есть, частымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ доводить ихъ до истомы), и все-таки, говоря правду, не удовлетворяетъ вполне ни дворянъ образованныхъ, говорящихъ то съ шикомъ, то съ меланхоліей о *мунципаціи* (произнося *ан* въ мось), ни необразованныхъ дворянъ, безцеремонно бранящихъ „евту *мунципацію*“. И для тѣхъ, и для другихъ онъ слишкомъ мягокъ. У Катерины Сергѣевны родился сынъ Коля, а Митя уже бѣгаетъ молодцомъ и болтаетъ рѣчисто. Фенючка, Федосья Николаевна, послѣ мужа и Мити никого такъ не обожаетъ какъ свою невѣстку, и когда та садится за фортепіяно, рада цѣлый день не отходить отъ нея. Упомянемъ кстати о Петрѣ. Онъ совсемъ окочемѣлъ отъ глупости и важности, произноситъ всѣ *e* какъ *ю: тюпюръ, обюзтючюмъ*, но тоже женился и взялъ порядочное приданое за своею невѣстой, дочерью городского огородника, которая отказала двумъ хорошимъ женихамъ, только потому, что у нихъ часовъ не было: а у Петра не только были часы—у него были лаковые полусапожки!

Въ Дрезденѣ, на Брюлевской террасѣ, между 2-мя и 4-мя часами, въ самое фешенебельное время для прогулки, вы можете встрѣтить человѣка лѣтъ около пятидесяти, уже совсемъ сѣдого и какъ бы страдающаго подагрой, но еще красиваго, изящно одѣтаго и съ тѣмъ особеннымъ отпечаткомъ, который дается человѣку однимъ лишь долгимъ пребываніемъ въ высшихъ слояхъ общества. Это Павелъ Петровичъ. Онъ уѣхалъ изъ Москвы за границу для поправленія здоровья, и остался на жительство въ Дрезденѣ, гдѣ знаетса больше съ Англичанами и съ пробѣжками Русскими. Съ Англичанами онъ держится просто, почти скромно, но не безъ достоинства; они находятъ его нежного скучнымъ, но уважаютъ въ немъ совершеннаго джентльмена, „a perfect

gentleman.“ Съ Русскими онъ развязѣе, даетъ волю своей желчи, трунить надъ самимъ собой и надъ нами; но все это выходитъ у него очень мило, и небрежно, и прилично. Онъ придерживается славянофильскихъ воззрѣній: извѣстно, что въ высшемъ свѣтѣ это считается *très distingué*. Онъ ничего русскаго не читаетъ, но на письменномъ столѣ у него находится серебряная пепельница въ видѣ мужицкаго лаптя. Наши туристы очень за нимъ волочатся. Матвей Ильичъ Колязинъ, находящійся *en position*, величаво посѣтилъ его, проѣзжая на богемскія воды; а туземцы, съ которыми онъ, впрочемъ, видится мало, чуть не благоговѣють передъ нимъ. Получить билетъ въ придворную капеллу, въ театръ и т. д. никто не можетъ такъ легко и скоро какъ der Herr Baron von Kirzanoff. Онъ все дѣлаетъ добро, сколько можетъ; онъ все еще шумитъ понемножку не даромъ же былъ онъ нѣкогда львомъ;—но жить ему тяжело... тяжелой чѣмъ онъ самъ подозрѣваетъ.. Стоить взглянуть на него въ русской церкви, когда, прислонясь въ сторонкѣ къ стѣнѣ, онъ задумается и долго не шевелится, горько стиснувъ губы, потомъ вдругъ опомнится и начнетъ почти незамѣтно креститься..

И Кукшина попала за границу. Она теперь въ Гейдельбергѣ и изучаетъ уже не естественныя науки, но архитектуру, въ которой, по ея словамъ, она открыла новыя законы. Она попрежнему яхшается съ студентами, особенно съ молодыми русскими физиками и химиками, которыми наполненъ Гейдельбергъ и которые, удивляя на первыхъ порахъ наивныхъ нѣмецкихъ профессоровъ своимъ трезвымъ взглядомъ на вещи, въ послѣдствіи удивляютъ тѣхъ же самыхъ профессоровъ своимъ совершеннымъ бездѣйствіемъ и абсолютною лѣзью. Съ такими-то двумя-тремя химиками, не умѣющими отличить кислорода отъ азота, но испоуверенными отрицанія и самоуваженія, да съ великимъ Елисейвичемъ, Ситниковъ, тоже готовящійся быть великимъ, толчется въ Петербургѣ и, по его увѣреніямъ, продолжаетъ „дѣло“ Базарова. Говорятъ его кто-то недавно побилъ, но онъ въ долгу не остался: въ одной темной статейкѣ, тиснутой въ одномъ темномъ журналѣ, онъ намекаетъ, что побившій его—трусъ. Онъ называетъ это провѣй. Отецъ имъ помыкаетъ попрежнему, а жена считаетъ его дурачкомъ.. и авторомъ.

Есть небольшое сельское кладбище, въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Какъ почти всѣ наши кладбища, оно являетъ видъ печальный: окружавшія его каналы давно заросли; сѣрые деревянные кресты поникли и гниютъ подъ своими когда-то крашенными крышами; каменные плиты всѣ сдвинуты, словно кто ихъ подталкиваетъ снизу; дватри щипаныхъ дерева едва даютъ скудную тѣнь; овцы безвозбранно бродятъ по могиламъ... Но между ними есть одна, до которой не касается человѣкъ, которую не топчетъ животное: одиѣ птицы садятся на нее и поютъ на зарѣ. Желѣзная ограда ее окружаетъ; двѣ молодыя елки посажены по обѣимъ ея концамъ: Евгеній Базаровъ похороненъ въ этой могилѣ. Къ ней, изъ недалекой деревушки, часто приходятъ два уже дряхлые старичка — мужъ съ женою; поддерживая другъ друга, идутъ они отяжелѣвшею походкой; приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни, и долго, и горько плачутъ, и долго, и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ; помѣняются короткимъ словомъ, пылъ смахнутъ съ камня, да вѣтку елки поправятъ, и снова молятся и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ... Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нѣтъ! Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ могилѣ, цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами: не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ намъ они, о томъ великомъ спокойствіи „равнодушной“ природы; они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной.

Августъ, 1861 года.

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ

Представляя читателямъ эти болѣе анекдотическія, нежели дѣловыя замѣтки о нѣсколькихъ любопытныхъ мѣсяцахъ въ моей жизни, я заранѣе извиняюсь въ ихъ неполнотѣ и легкости. Многаго я просто не могъ касаться; касаться кое-чего другаго мнѣ казалось не своевременнымъ и такъ-сказать не великодушнымъ. Многое я долженъ былъ преднамѣренно затемнить, чтобы характеръ вымысла сохранился и не повелъ къ личностямъ. Посреди всякаго рода трудностей, я просто рѣшился держаться анекдотической стороны дѣла, и если позволялъ себѣ общія соображенія, то позволялъ ихъ лишь относительно самого себя и своихъ собственныхъ промаховъ въ хозяйствѣ.

I.

Выѣздъ изъ столицы съ путевыми мыслями и сценами.

Въ ясное и свѣжее утро, двадцатаго іюня 1861 года, я помѣстился въ одномъ изъ вагоновъ желѣзной дороги. Путь мой лежалъ до станціи.*** На станціи долженъ я былъ найти коляску и лошадей, отдохнуть немного, и двинуться въ мое имѣніе Петровское, для составленія уставной грамоты. Утвердительно могу сказать, что изъ всѣхъ помѣщиковъ, въ это время разлетавшихся изъ Петербурга съ тою же цѣлью, я

былъ самымъ веселымъ и покойнымъ. Причинъ тому было много: я не имѣлъ ни семьи, ни долговъ, доходы съ Петровскаго не были единственнымъ доходомъ въ моемъ бюджетѣ; само имѣнiе принадлежало къ оброчнымъ, за исключенiемъ малой запашки и двадцати тяголъ на барщину. Сверхъ того, я безвредно пережилъ года, когда человекъ привязывается къ деньгамъ, и хорошо помню, что лучшею порой моей жизни была весьма безденежная и крайне некомфортабельная молодость.

Поэтому не мудрено, что не смотря на мои довольно солидные лѣта я выходилъ изъ вагона при каждой остановкѣ, разговорчивостью своей очаровывалъ кондукторовъ и съ удовольствiемъ раздумывалъ о дѣлѣ своей поѣздки. Въ моемъ вагонѣ было пусто, и уединенiе только дѣлало мои розовыя фантази. Къ обѣденной порѣ я уже былъ готовъ глядѣть на себя какъ на мудраго практическаго человека, всю свою жизнь заботившагося о благѣ меньшихъ братьевъ и стремящагося къ конечному благодѣтельству персонъ ему подвластныхъ, *pour souponner l'édifice*, по выраженiю нынѣшняго французскаго императора. Скверный обѣдъ, однакоже, разсѣялъ мои грезы.

Но только къ вечеру, когда я и мои вещи очутились на платформѣ уединенной станцiи, когда поѣздъ со свистомъ исчезъ въ отдаленiи, и безпредѣльная лѣсная пустыня охватила меня справа и слева, я почувствовалъ тягость на сердцѣ и спросилъ самъ себя, однако подготовился ли я какъ слѣдуетъ къ тому дѣлу, за которое долженъ приняться? Вопросъ этотъ меня озадачилъ. Тихо вошелъ я на станцiю, помѣстился на диванъ и опустилъ голову. Комары кусали меня безжалостно, но я не обращалъ на нихъ вниманiя. „Да, повторяю я самъ себя, — не мѣшаетъ узнать, готовъ ли я для того дѣла, за которое предстоитъ мнѣ вѣяться?“

Экземпляръ Положенiя о крестьянахъ, скрывавшiйся въ моемъ дорожномъ мѣшкѣ и уродливо оттопырившiй всю правую его сторону, кинулся мнѣ въ глаза на эту минуту. Со вздохомъ сознался я, что этотъ экземпляръ только одинъ разъ прочитанъ мною, что на немъ нѣтъ никакихъ моихъ отнѣтокъ въ отношенiи къ Петровскому, и что о подробностяхъ въ немъ заключенныхъ я больше знаю изъ вечернихъ разговоровъ съ прiятелями нежели изъ собственнаго, внимательнаго изученiя.

Затѣмъ представились мнѣ всѣ трудности, предстоящія мнѣ вслѣдствіе необходимости личныхъ условій, личныхъ объясненій съ крестьянами. Я не умѣлъ говорить съ мужикомъ. Объяснялся съ нимъ, а или смысломъ выраженіями ему непонятными, или вѣдаясь въ простоту рѣчи, неясность которой тотчасъ же меня самого конфузила. Двадцать лѣтъ владѣть хорошами имѣніемъ и въ двадцать лѣтъ не выучиться говорить съ его населеніемъ—надо сознаться, что то была плохая подготовка.

Отъ перваго вопроса о самомъ себѣ родились вопросы новые и въ большомъ количествѣ. А крестьянъ моихъ подготавливалъ ли я къ новому ихъ положенію? Имѣю ли я право хотя на малѣйшую ихъ благозарность за все время моего управленія? Честно ли велъ я себя относительно людей, которыхъ благосостояніе столько лѣтъ зависѣло отъ моей прихоти?

Отвѣты шли исключительно невеселые.

Въ одномъ я могъ назваться честнымъ передъ своею совѣстью: я не притѣснялъ крестьянъ, ни оброчныхъ, ни находящихся на натуральной повинности. Тѣлесное наказаніе я помню у насъ одно, и только одно: Василій Сидоровъ, осмнадцатилѣтній парень, по желанію міра былъ вывѣченъ два года тому назадъ, за побитіе своего восьмидесятилѣтняго родителя. Крестьяне были зажиточны, оброкъ не великъ, на барщину рабочіе выходили въ восемь часовъ утра. Становые и иные пьющіе кровь лица по годамъ не заглядывали въ Петровское.

Треть оброка пропадала въ ежегодной недоимкѣ, и никогда я ее не взыскивалъ.

Иные лѣтвицы, два бывшихъ ополченца, и родственники бурмисгра, почти никогда не являлись на работу; никакихъ побудительныхъ мѣръ по этой части не принималось.

Кажется, все было какъ слѣдуетъ быть у списходительно-гуманнаго землевладѣльца, съ дѣтства ненавидящаго крепостное право и съ восторгомъ встрѣчавшаго каждый слухъ о его уничтоженіи. И между тѣмъ я чувствовалъ себя, можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни, глубоко чувствовалъ себя человекомъ дряннымъ и несправедливымъ. Подъ гуманностью моею крылась мертвенная лѣнь; подъ кротостью — *полная неправда*. У сосѣда Петра Ивановича, въ жизнь свою не

думавшаго мнѣ о крѣпостномъ и ни о какомъ иномъ правѣ, крестьяне были далеко зажиточнѣе моихъ; старушку Пакратьеву, исполняющую самыхъ застарѣлыхъ помѣтій, ея крестьяне любили, мои же питали ко мнѣ... какое-то чувство нечуждое сожалѣнія. Въ ихъ глазахъ я даже не былъ человѣкомъ *неспособнымъ на зло*, ибо моя вялость и безтолковая снисходительность приносили съ собою зло самое положительное. Честный ли мужикъ выигрывалъ отъ процентной недоимки? Честный мужикъ мирно вносилъ свою часть, и даже въ затруднительныхъ обстоятельствахъ не дѣлъ ко мнѣ за отерочкой. Вся премія выдавалась гулякамъ и продохамъ; всякій тружевикъ это зналъ и говорилъ, что у насъ нѣтъ правды. Отъ работъ уклонялись люди не имѣвшіе правъ на снисхожденіе, и смиренный Иванъ пакалъ поле, хорошо зная что кумъ его Власъ въ это время лежитъ на пекчѣ. Такъ шли дѣла у меня, и такъ къ сожалѣнію шли они у тысячи *добрыхъ помѣщиковъ* почти что презираемыхъ ихъ крестьянами. И я и помѣщики эти, мы были убѣждены что иначе и быть не можетъ, что при крѣпостномъ правѣ всякое улучшеніе управленія невозможно, что просвѣщенный владѣтель человѣческихъ душъ обязанъ сидѣть сложа руки, и не допускать у себя лишь вопіющихъ беззаконій. Мы забыли святое правило о томъ, что подъ всякимъ, самымъ дурнымъ закономъ, до его отмены—человѣкъ долженъ оставаться существомъ трудящимся и твердымъ. Мы слепкомъ думали о принципѣ, мокрывая себя стыдомъ во всѣхъ подробностяхъ практической жизни. Глядя на небо, мы не замѣчали, что наши ноги вьзвуть въ болотѣ, между тѣмъ какъ другіе путники, умѣющіе глядѣть себѣ подъ ноги, даже по болоту шли безопасно и ровно.

Мысли мои становились мрачнѣе и мрачнѣе, наконецъ они стали просто меня мучить. Я обрадовался когда дверь закрипѣла, и въ комнаткѣ показалась фигура моего кучера.

— Все готово-съ, сказалъ онъ, поднимая съ полу мой дорожный мѣшокъ, и заключавшаеся въ немъ *Положеніе*.

— Постой, сказалъ я, поглядѣвъ на часы.—Я обѣщался ночевать у посредника, еще дождемъ засвѣтло. Здѣсь на станціи можно достать чаю; скажи, чтобы мѣѣ подали.

Кучеръ вышелъ и вернулся съ страннымъ извѣстіемъ. Новый смотритель станціи не только объявилъ, что въ *сказаніе*

не дозволяется что-либо пить и ѣсть, но что я долженъ сейчасъ же очистить комнату, которая запрется.

Помня любезность и услужливость прежняго смотрителя, я отворилъ дверь и очутился передъ новымъ... То былъ красивый молодой человекъ, какъ кажется проникнутый величіемъ своего званія и мундира съ серебряными украшениями. На мой вѣжливый протестъ онъ отвѣчалъ положительнымъ отказомъ.—Вы пробыви въ *вокзалъ* (вокзалъ состоялъ изъ комнаты съ диваномъ и пятью стульями) болѣе получаса. Далѣе оставаться вы не можете. Чаю здѣсь нѣтъ; вы можете его найти на постояломъ дворѣ, рядомъ.

Онъ приложилъ руку къ фуражкѣ, и исчезъ какъ мимолетное видѣніе.

Убѣдясь что дѣлать нечего, я прошелъ на постоялый дворъ, шагахъ въ осьмидесяти сзади строенія станціи. Но увы! къ сожалѣнію, зданіе, украшенное ложнымъ имевемъ постоялаго двора, было харчевней или попросту кабакомъ, имѣвшимъ обширную практику. Мѣсто увеселеній состояло изъ обширной, но грязной комнаты раздѣленной на четыре части тоненькими перегородками; меня провели въ послѣднюю кѣлтку, безъ двери; ея убранство состояло изъ огромной кровати съ ситцевымъ одѣяломъ, издававшимъ сильный запахъ деревяннаго масла. Въ остальныхъ комнатахъ происходили сцены обычныя въ подобнаго рода пріютахъ. Какой-то человекъ въ синей чуйкѣ безъ чувствъ лежалъ на лавкѣ; руки у него были связаны полотенцемъ, во избѣжаніе какого-нибудь непріятнаго экстремта. Далѣе, пьяная компанія изъ четырехъ молодыхъ крестьянъ говорила о своихъ домашнихъ дѣлахъ, въ очень сильныхъ выраженіяхъ, отзываясь о какой-то Дулянкѣ, — особѣ, какъ можно было помять, отличавшейся довольно зазорнымъ поведеніемъ. Я вспомнилъ строгаго смотрителя съ серебрянымъ шитьемъ на мундирѣ и подумалъ, что если онъ и другихъ проѣзжихъ выгоняетъ со своей станціи на постоялый дворъ, — то по всей вѣроятности, благодаря ему, мною дамѣ и дѣвушкѣ, въ ожиданія лошадей, приходится присутствовать при разговорахъ не весьма назидательныхъ.

Наконецъ, въ третьей и послѣдней комнаткѣ, два крестьянина, весьма нетрезвые и оборванные, нѣжно прощались съ какимъ-то путникомъ сомнительнаго вида, въ длинномъ коричневомъ сюртукѣ съ продранными локтями. По наряду,

ужимкамъ и складу рѣчи, этотъ почтенный незнакомецъ подходилъ на писаря или младшаго конторщика, давно уже лишившагося должности и скитающагося по свѣту.

— Благодаримъ на угощеніи, говорилъ онъ, въ четвертый разъ вставая со скамейки.—Прощайте! добрые люди.

— Прощай, батюшка, прощай, Антипычъ, отвѣчалъ, заключая его въ объятія, младшій крестьянинъ.—Такъ ты говоришь, за хрустальною печатью будетъ?

— За хрустальною, за хрустальною печатью. Это ужъ будетъ настоящая, третья воля.

— Ишь ты, окромно замѣтилъ старшій мужикъ.—Первая за золотою, вторая за серебряною...

— Первая за серебряною, вторая за золотою, сурово поправилъ Антипычъ.

— А третья за хрустальною печатью, добавилъ младшій изъ собесѣдниковъ.—И коли работать придется, за день по новому серебряному рублю отваять.

— Возьмешь и старый, холодно ввернулъ слово старшій крестьянинъ.

— Нѣтъ, Иванъ Акимычъ, внушительно отозвался коричневый сюртукъ,—старыхъ рублей не будетъ, вотъ-те Христочъ, ни одного не увидишь. Всякую субботу съ Питера стануть присылать новехонькіе. Ахти, кажись, и машина засвистала! Прощайте, братцы; вѣкъ не забуду вашего неоставленія.

И коричневый сюртукъ ушелъ, оставивъ за собой слова, повтореніе которыхъ можетъ быть дорого обойдется Ивану Акимову и въ особенности его болѣе довѣрчивому товарищу. Наскоро выпивши свой чай, я оставилъ пріютъ російскаго Бахуса въ самую пору; связанный молодецъ очнулся отъ своего усыпленія и заревѣлъ неистовымъ голосомъ. Когда я проходилъ мимо всей пирующей компаніи, меня поразило стоическое хладнокровіе хозяина и его прислуги: казалось, весь домъ долженъ былъ разрушиться; чуйка ревѣла; одинъ изъ пьющихъ занесъ пустой штофъ надъ головою другаго; оборванный товарищъ Ивана Акимова ругался съ какимъ-то вновь прибывшимъ разнощикомъ; все шумѣло и кажется находилось на волосокъ отъ отчаянной драки; но никто не тревожился, никто не являлся примирителемъ, никто не ускорялъ шага и не останавливался въ спокойномъ исполненіи своей должности.

Съ наслажденіемъ очутился я на чистомъ воздухѣ, съ наслажденіемъ вѣхалъ въ лѣсъ, отъ котораго пахнуло на меня такую свѣжестью и здоровьемъ. Солнце уже было, но путь предстоялъ мнѣ недалгій.

Версть пять вѣхалъ я **скимъ лѣсомъ, носившимъ нѣкоторые слѣды того замѣшательства, которое на короткое время случилось въ нашемъ краѣ вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста. Мѣстахъ въ двухъ видѣлись значительныя порубки, сдѣланныя наскоро и остановленныя въ расплохъ; оно было замѣтно по живымъ деревьямъ, уже поврежденнымъ топоромъ, но оставленнымъ на корябъ. Тамъ и сямъ видѣлись такъ-называемыя *головки*, а немного подалее сосна, поваленная, но не увезенная. Дорога казалась несравненно хуже нежели прошлаго года въ эту же пору; одишь мостикъ совсѣмъ обвалился, и объѣзжать его пришлось по болоту. Но всего страннѣе кинулось мнѣ въ глаза крестьянское поле деревни Осиновки,—первое поле начавшееся за лѣсомъ. Только двѣ полоски въ дѣломъ полѣ имѣли на себя кучи вывезеннаго навоза; на остальныхъ или ничего не было, или удобреніе только начало вывозиться. Осиновка принадлежала къ имѣніямъ оброчнымъ, господа въ ней никогда не жили, всею землею располагали крестьяне. Я указалъ кучеру на это поле, онъ только усмѣхнулся: «Совсѣмъ зашалили Осиновцы,» сказалъ онъ подѣвжая къ деревенькѣ, „только одни старики и выходятъ на полосу.“ Вообще въ нашемъ краѣ за это лѣто крестьяне и для себя самихъ работали плохо; но Осиновскіе мужики вели себя совершенно какъ сумашедшіе. Половину своихъ яровыхъ полей они не засѣяли, а ржаное поле, опять за исключеніемъ двухъ или трехъ полосъ, оставалось невыжатымъ въ концѣ августа.

Около слѣдующихъ трехъ деревень все обстояло по старому, безъ признака перемѣны. И на господскія и на крестьянскія поля навозъ былъ вывеземъ; чему слѣдовало быть вспаханымъ, было вспахано совѣтливо и добропорядочно; яровые посѣвы зеленѣли; ничто не говорило о безпорядкахъ, замедленіи или брошенныхъ запашкахъ. И вотъ наконецъ, въ свѣтомъ, все еще немного розовомъ сумракѣ, обозначился впереди меня знакомый бѣлый домъ съ зелеными ставнями, знакомый старый садъ круто спускавшійся къ рѣчкѣ нѣсколькими уступами, знакомыя хозяй-

ственная постройка за садомъ, знакомое село, выстроенное, какъ у Собакевича, изъ самаго крѣпкаго дѣса неспособнаго покоситься мизернымъ образомъ. Близость желѣзной дороги сказывалась недавнимъ сооруженіемъ двухъ лавочекъ, чистаго постоялаго двора, не имѣвшего ничего общаго съ кабакомъ, въ который отправляемъ я былъ ***скимъ смотрителемъ да еще крестьянской избой въ два этажа, такою великою по пропорціямъ, что она походила на какой-то обедскій съ своею высокою пирамидальною кровлею.

Село принадлежало Владиміру Матвеевичу Матвееву, нашему посреднику, и одному изъ тѣхъ людей, съ которыми, разъ сблизившись, невозможно ни разоидтись, ни стать въ холодныя отношенія.

Ближе и ближе подвигаюсь я къ этому милому дому, гдѣ мнѣ всегда бывало такъ привѣтно и весело, гдѣ имѣлъ я столько живыхъ бесѣдъ и ночей съ богатырскимъ сномъ, и тихихъ, свѣтлыхъ минутъ, какія даетъ намъ лишь близость человека, котораго мы почему-нибудь считаемъ выше и лучше многихъ людей. Вотъ и веселыя комнаты увѣшанныя ружьями и охотничьими принадлежностями, вотъ кабинетъ съ каминомъ никогда не угасающимъ. Хозяинъ идетъ мнѣ на встрѣчу, не торопясь и какъ будто хмурясь, но привѣтливая улыбка не можетъ спрятаться подъ его бѣлокурными усами, будто нарочно спущенными книзу чтобы маскировать добрую улыбку. Вотъ онъ, мой полулѣтшій, бородатый Владиміръ Матвеевъ, котораго уже столько лѣтъ всякій окрестный мужикъ знаетъ въ лицо и по имени, какъ умницу-барина и защитника въ случаѣ нужды. Онъ измѣнился за этотъ годъ, похудѣлъ, но много ожидался и выпрямился.—Насилу то пожаловали, говорилъ онъ цѣлуясь со мною,—а ужъ у насъ говорили, что вы собрались въ Баденъ; оно же къ тому и самое время.

— Ну, ну, не начинайте бранью, Владиміръ Матвеевъ. Какъ дѣла ваши, какъ посредничество? что въ уѣздѣ?

— Конечно скверно, еще скверно и опять скверно.

Но подъ усами опять мелькнуло что-то обавлявшее часть горечи съ несомнѣннѣйшею радостной оцѣнки. Я безъ труда составилъ заключеніе, что не все было скверно, по крайней мѣрѣ въ участкѣ нашего посредника.

— Странно, сказалъ я, садясь у камина и желая подразвить хозяина (это было лучшимъ средствомъ для его оживле-

нiя)—странно, почему бы дѣламъ быть такимъ сквернымъ. У насъ, вы сами знаете, помѣщики смиренныя, Нѣмецкыя-управляющихъ не водилось, половина имѣній въ женскихъ рукахъ... Если гдѣ были лишнiя работы, онѣ отиѣнены положенiемъ, а народъ нашъ никогда не отличался буйствомъ.

— Да неужели вы думаете, возразилъ Владимиръ Матвеевичъ,—что безпорядокъ непременно происходитъ или отъ притѣсненiя старшихъ, или отъ буйства со стороны имъ подвластныхъ? Такъ позволяется судить людямъ книжнымъ или чиновникамъ, а вы кажется никогда не вдавались въ эту сторону. Безпорядки, дорогой мой сосѣдъ, рождаются прежде всего изъ безтолковщины, а смѣю спросить, у кого изъ нашихъ, начиная съ васъ, не было большей или меньшей, но постоянной, безтолковщины въ имѣнiи? Безтолковщина эта, столько лѣтъ таившаяся во мракъ, теперь только вышла на свѣтъ и заявила себя торжественно, съ украшенiями и фiоритурами, дополненная новизной положенiя и нѣкоторыми недосмотрами въ данныхъ намъ правилахъ.

— То-есть перебилъ я, выходитъ что я, сидя въ Петербургѣ, причинилъ часть безпорядковъ и повиненъ въ томъ, что въ вашемъ сосѣдствѣ полевая работа идетъ худо.

— И выходитъ, и повиненъ, весело сказалъ посредникъ, наливая мнѣ стаканъ чаю.— Нашли вы какъ оправдываться передъ человекомъ, у котораго ваше Петровское сидитъ вот тутъ, добавилъ онъ, стукнувъ себя рукой около затылка.— Вы въ свою жизнь лично не сдѣлали зла мухѣ, я это знаю. А у фонъ-Зильбера, который довелъ оброки до безумной суммы и у котораго пришлось уничтожить множество безобразныхъ поборовъ, я не имѣлъ половины возни какую пришлось имѣть съ вашимъ Петровскимъ. Люди не выходили на работы,— а кто началъ? тѣ самые, которые не выходили на работу столько лѣтъ и которымъ ваши власти мирволили. Кто ревѣлъ, городилъ чужь на окодакъ и силится выбрать въ старшины отъявленнаго пьяницу, Федота Иванова, не платившаго вамъ оброку три года? Тѣ крестьяне, на которыхъ вы распространили ту же привилегiю уклоняться отъ повинностей. Еслибъ вы прямо обратили всѣхъ вашихъ крестьянъ въ Федотовъ Ивановыхъ, я бы не сказалъ слова—уравнять всѣхъ и не получать гроша съ имѣнiя вредно для кармана, но оно не возвращаетъ мужика и не отви-

маеть у него правды, какъ отнимаетъ ее наложеніе всей тяготы на людей добросовѣстныхъ и безотвѣтныхъ съ полною льготой для плута и лѣнтяя. Ну да успѣемъ поговорить объ этомъ. Надолго вы пріѣхали?

— А вотъ сперва составлю грамоту, такъ и рѣшу надолго ль. Можно будетъ принанять вашего землемѣра?

— При мнѣ не имѣется землемѣра.

— И ни при комъ изъ посредниковъ?

— И ни при комъ изъ посредниковъ.

— Однако въ Положеніи...

— Вижу, что вы читали Положеніе.

— Ну есть же землемѣры у кого-нибудь изъ сосѣдей?

— Ни одного въ уѣздѣ не оказывается.

— Какъ же быть, Боже мой! вскричалъ я съ досадою.— Вѣдь планамъ Петровскаго болѣе сорока лѣтъ: что по нимъ сдѣлаешь? О томъ какъ мѣряютъ землю, я имѣю столько же понятія сколько о китайской азбукѣ... а между тѣмъ, время пройдетъ понапрасну,

Веселый хохотъ посредника былъ отвѣтомъ на мои жалобы.—Да помилосердуйте, Сергѣй Ильичъ, перебилъ онъ меня, кусая губы, какимъ это образомъ вы, человекъ жившій въ деревнѣ, могли подумать о составленіи уставныхъ грамотъ въ іюнь мѣсяцъ? Или вы ужъ рѣшились мѣшать и тѣмъ лѣтнимъ работамъ, которыя у васъ происходятъ? Вѣдь безъ ходьбы по полямъ и долгихъ разговоровъ съ крестьянами вамъ согласиться трудно. Да какъ же наконецъ въ самую горячую пору отрывать крестьянъ отъ ихъ собственныхъ полей, для того что можно сдѣлать въ сентябрѣ мѣсяцъ? Другое дѣло, еслибы вы были заняты, еслибы только одинъ іюнь былъ въ вашемъ распоряженіи...

— Правда, правда, дорогой сосѣдъ, отвѣчалъ я, вполне признавая себя побѣжденнымъ,—я еще разъ показалъ вамъ, что не рожденъ для самыхъ простыхъ обязанностей сельской жизни.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ уѣздной хроникѣ, къ домашнимъ воспоминаніямъ, и мы разошлись на разсвѣтѣ.

— Послушайте меня, сказалъ мнѣ на прощанье Владимиръ Матвѣевичъ,—не мучьте себя, не забѣгайте впередъ, проживите мѣсяца два какъ наблюдатель. Ручаюсь вамъ, что такого любопытнаго лѣта вы еще не проводили нигдѣ, даже на островѣ Вайтъ. Мы будемъ видѣться часто, я стану

разказывать обо всемъ что сдѣлалъ, и что свершается въ краѣ; сосѣдей у васъ довольно; къ сестрѣ вашей ѣздить помѣщицы, а это тоже не малое преимущество. Не выходя изъ дома, вы составите себѣ понятіе обо всемъ, приглядитесь къ тому, что сдѣлано людьми болѣе опытными и положите основаніе своему плану. А теперь отдыхайте; я и самъ былъ въ разѣздахъ двѣ послѣднія ночи.

— Еще одно слово, перебилъ я посредника улыбаясь, — безъ сомнѣнія вы на вашихъ сходкахъ говорите крестьянамъ *вы* и „господинъ Ефимъ Ивановъ“, „господинъ Семенъ Федоровъ?“

Но этого чудака и подразнить не легко было. — Я не подхожу подъ эти правила, отвѣчалъ онъ холодно, — мы съ здѣшними крестьянами знакомцы не новые. Мы десять лѣтъ *говоримъ другъ другу ты*, и на *вы* сѣзжать не видимъ надобности.

Мы простились, и когда я проснулся, было уже восемь часовъ утра.

II.

Нашъ мировой посредникъ.

Теперь предстоитъ сказать нѣсколько словъ о Владимірѣ Матвѣевичѣ, моемъ посредникѣ и амфитрионѣ.

Есть люди, у которыхъ все въ жизни идетъ такъ твердо, просто и рѣшительно, что въ самой скромной долѣ они глядятъ избранныками изъ массы. По моему мнѣнію, безъ такихъ людей худо бы пришлось свѣту, особенно въ наше время колебаній и духовнаго безсилія. Какъ ни оправдывай современнаго человѣка,

„Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйстви пустомъ.“

внутреннее чувство, намъ заявляетъ, что человѣкъ созданъ не для озлобленія, не для раздвоенія, не для сомнѣнія и не для стремленій къ утопіямъ. Что Владиміръ Матвѣевичъ не былъ человѣкомъ такого разряда, доказывала вся жизнь его, въ своихъ малѣйшихъ подробностяхъ. Молодость Матвѣева была блистательна въ

служебномъ отношеніи. Двадцати трехъ лѣтъ онъ былъ капитаномъ и адъютантомъ при одномъ изъ прежнихъ главнокомандующихъ на Кавказѣ, въ пору огромныхъ экспедицій, наградъ и отличій. Но за два дня до одной экспедиціи, весьма важной и занимательной, Матвѣевъ получилъ письмо извѣщавшее его о тяжелой болѣзни отца, вмѣстѣ съ самымъ критическимъ положеніемъ имѣнія. Старикъ Матвѣевъ, хлѣбосолаъ и собачникъ стараго времени, давно уже жилъ не по состоянію, въ огромныхъ деревенскихъ палатахъ, занимая деньги гдѣ могъ и не желая вѣдать о существованіи Опекунскаго Совѣта съ его претензіями. Существованіе это обнаружилось описью имѣнія. Кредиторы, при первой о томъ вѣсти, подали векселя ко взысканію, а старикъ, безстрашный въ отъѣзжѣхъ полѣ, пришелъ въ такое отчаяніе, что параличъ стукнулъ его разомъ. Кромѣ жены и Владиміра, онъ имѣлъ еще сына и дочь, малолѣтнихъ.

Молодой Матвѣевъ прочелъ письмо и просидѣлъ задумавшись минутъ пять, не больше. Затѣмъ онъ поднялъ голову, положилъ въ конвертъ всѣ деньги, которыя по счастью были у него подъ рукою, прибавилъ записочку къ матери и послалъ пакетъ на почту. Потомъ онъ написалъ своимъ ровнымъ почеркомъ двѣ просьбы, о немедленномъ отпускѣ и объ отставкѣ, и понесъ ихъ къ начальнику. Онъ даже не думалъ о томъ какъ можетъ быть перетолкована иными людьми отставка наканунѣ похода. И онъ былъ правъ; его не запятнали тѣнью подозрѣнія. Напротивъ того, его увѣщевали и почти упрашивали, ему предлагали годовой отпущекъ, Матвѣевъ благодарилъ и не подался. Черезъ мѣсяцъ онъ былъ въ отцовскомъ имѣніи, среди растерявшейся семьи, празднующейся дворни и всякой гнусной чиновной челяди, подобно орламъ слетающей всюду, гдѣ пахнетъ разложеніемъ и раззореніемъ. Первые дни, при недостаткѣ денегъ и добрыхъ людей, были ужасны, но Владиміръ Матвѣевичъ извернулся. Онъ продалъ лѣсъ, продалъ главную усадьбу, наскоро поправилъ домикъ въ одной изъ заброшенныхъ деревень, и перевезъ туда отца съ семьей. Изъ полуторы тысячъ душъ оставилъ онъ триста; продажа была поспѣшна и не выгодна, но медлить не позволялось. Мало того, мой сосѣдъ самъ лишилъ себя порядочнаго куша денегъ, и никто, кромѣ иного умнаго мужичка, даже

не похвалилъ его за это. Когда еще не была заключена продажа, эстляндскій баронъ фонъ-Зильберъ прибылъ въ уѣздъ и надбавилъ за усадьбу Матвѣевыхъ пятнадцать тысячъ. Условіе съ прежнимъ покупщикомъ не было кончено, Владиміръ Матвеевичъ могъ безъ грѣха его нарушить. Но онъ отозвался, что никогда ни одна изъ деревень ему принадлежавшихъ не будетъ въ рукахъ фонъ-Зильбера. Баронъ понялъ отвѣтъ какъ нельзя лучше и даже говорилъ о дуэли, но сообразивши что деревенскій скандалъ, чего добраго, заставитъ говорить столицу о гадостяхъ совершавшихся въ его имѣніяхъ, счелъ за лучшее успокоиться.

Тѣтъ семь тянулась для Матвѣева-сына жизнь почти что каторжная. Больной и прихотливый отецъ, мать съ вѣчными слезами, худое положеніе мужиковъ, слѣдъ стараго управленія, наконецъ удовлетвореніе разныхъ остальныхъ кредиторовъ, все это не могло назваться радостнымъ. Въ горькой школѣ молодой человѣкъ выучился, впервыхъ, опираться лишь на самого себя, а ввоторыхъ—спасать себя ежеминутною, непрерывною работою. Въ полѣ, особеннo при уборкѣ сѣна, онъ работалъ наравнѣ съ рабочими, дома давалъ уроки брату, наконецъ, когда серіозная работа истощалась,—пилилъ, стругалъ, точилъ, чертилъ планы. Его выбирали въ разныя должности по уѣзду, онъ принималъ всякую, и во всякой велъ себя такъ, какъ будто бы все его благосостояніе отъ ней зависѣло. Онъ грызся за земскія суммы всегда почти безуспѣшно, онъ ни пяди не уступалъ начальству, коли оно было неправо, и за то имѣлъ много непріятностей. Но служебная непріятность огорчала его не болѣе сутокъ, нисколько ни усмиряя и не повергая въ апатію. Изъ десяти случаевъ, въ девяти онъ убѣждался, что плетью не перебьешь обуха, но иногда выпадали случаи полной удачи, и Матвѣевъ мастерски ими пользовался. Онъ не брезгалъ ничѣмъ, не пренебрегалъ старыми связями, и по мѣрѣ того какъ его бывшіе боевые товарищи подвигались вверхъ по бюрократической лѣстницѣ, прибѣгалъ къ ихъ кредиту. Случилось наконецъ такъ, что одиень губернский магогъ, совсѣмъ было приготовившійся проглотить нестерпимаго Матвѣева, самъ полетѣлъ долой послѣ самой нечаянной ревизіи. Съ этихъ поръ, моего сосѣда уже никто не собирався глотать, а голосъ его сталъ слышнѣе въ край.

Я сблизился съ Владиміромъ Матвѣвичемъ уже послѣ его са служебныхъ и домашнихъ тревоженій. Родители его умерли, въ покоѣ и довольствѣ, сестра вышла замужъ, мужику совсѣмъ поправились. Но привычка къ ежеминутной дѣятельности уже вошла въ жизнь. Благодаря ей, этотъ человекъ строгій и суровый по натурѣ, оказывался услужливѣйшимъ хлопотуномъ, помощникомъ и ходатаемъ для всякаго, кто къ нему за чѣмъ-нибудь обращался. Стало только не быть отъявленнымъ негодяемъ, для того чтобы двери Матвѣева были для васъ отперты, а его хлопоты и кошелокъ къ вашимъ услугамъ. Всякая просьба, особенно со стороны сосѣда ***скаго жителя, исполнялась безотлагательно. Межевались ли вы, имѣли ли дѣло въ судѣ, собирались ли покупать землю, вы прямо шли къ Владиміру Матвѣвичу за совѣтомъ, содѣйствіемъ и помощью. И странно то, что его надуваали рѣдко, а еще рѣже принимали его услуги недостойнымъ образомъ. Можетъ-быть оно происходило отъ того что онъ умѣлъ одолжать по-братски, помогать ближнему безъ замашекъ à la prince Rodolphe, какъ выразилась по этому случаю одна барыня.

Съ мужиками своего околотка, особливо подгородными Матвѣевъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, безъ малѣйшей натяжки. Отношенія эти образовались сами собою, безъ всякаго участія книгъ и филантропическихъ порывовъ. Никогда Матвѣевъ не питалъ особенно высокихъ понятій о народѣ, простомъ и не простомъ, но никогда не отказывалъ онъ въ услугѣ слабому и угнетенному. И услуги эти были весьма просты: служба по выборамъ Матвѣевъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ одно присутственное мѣсто и пользовался ваіаніемъ на другія; по этой то части крестьяне впервые узнали и полюбили его. Мужикъ, вносившій подати за свою деревню, зналъ что съ него не станутъ требовать копѣйки лишней; свидѣтели по судному дѣлу имѣли вѣру, что послѣ необходимыхъ спросовъ ихъ отпустить домой безъ промедленія; проситель въ лаптяхъ, имѣя правду на своей сторонѣ, былъ убѣжденъ что его отстоятъ и поддержать. Владиміра Матвѣевича,—это имя часто произносилось по избамъ и клѣткамъ въ трудныя минуты,—Владиміра Матвѣевича знали въ лицо всѣ ребятишки края, хотя въ обращеніи онъ былъ не ласковъ и не шутивъ (качество особенно цѣнимое крестьянами). Но я

заговорился о нашемъ мировомъ посредникѣ, совершенно забывая, что ему самому предстоитъ еще много говорить и дѣйствовать. Уже прошло девять часовъ, когда я проснулся, одѣлся и вышелъ на широкій балконъ, гдѣ въ лѣтнюю пору хозяинъ работалъ и принималъ просителей. Утро было великолѣпное. Ароматъ цвѣтовъ вѣсся изъ сада, но на балконѣ еще не исчезъ запахъ отъ огромнаго количества сапжовъ, смазанныхъ дегтемъ, вѣрный признакъ того что на утренней посреднической аудіенціи находилось много народа. Одни изъ отпущенныхъ просителей тянулись по горкѣ къ церкви, другіе еще гуторили гдѣ-то за заборомъ сада. На балконѣ, кромѣ Матвѣева, находились только два лица—мужичокъ, до крайности оборванный (въ нашемъ краѣ, гдѣ даже голяки одѣваются щеголевато, оборванная одежда есть какъ бы признакъ великой и униженной просьбы), да еще высокій, молодецки сложенный иностранецъ въ синемъ сюртукѣ изъ толстаго сукна, застегнутомъ до верху. То былъ Швейцарецъ, Вильгельмъ Гильфъ, управляющій въ одномъ изъ сосѣднихъ имѣній.

Матвѣевъ говорилъ съ Швейцарцемъ по-нѣмцки. Языкъ оный зналъ плохо, и все-таки его рѣчь отличалась бойкостью и вразумительностію.

— Такъ нельзя вести дѣлъ, Вильгельмъ Ивановичъ, говорилъ посредникъ,—по вашимъ жалобамъ приходится не выслушивать, а самихъ васъ тянуть къ отвѣту. Вы требуете лишняго, и раздражаете крестьянъ чѣмъ только можете. Въ какой части Швейцаріи жили вы до пріѣзда въ Россію?

— Въ кантонѣ Аппенцель, отвѣчалъ Вильгельмъ Ивановичъ, видимо порадованный любезнымъ вопросомъ послѣ суроваго замѣчанія.

— Такъ и ведите себя такъ какъ вели бы себя на работахъ въ кантонѣ Аппенцель. Тамъ бы васъ побили за ваши порядки; зачѣмъ же вы думаете что здѣсь все вамъ дозволяется? Вы пробовали ужъ хозяйничать и такъ и эдакъ, только все безъ толку. Ну теперь попробуйте жь быть съ мужикомъ какъ съ рабочимъ въ Аппенцель, можетъ-быть такъ оно и пойдетъ лучше.

— О, нельзя, совершенно нельзя, милостивый герръ,—отвѣчалъ Вильгельмъ Ивановичъ,—люди здѣсь другіе.

— А коли другіе, такъ не вамъ ихъ передѣлывать. Я буду у васъ на дняхъ, и самъ опрошу кого слѣдуетъ. И если я

найду что вы, хотя въ какой-нибудь мелочи, позволаете себѣ править по прошлогоднему, и даете рукамъ волю, я буду просить объ удаленіи васъ изъ уѣзда безъ всякаго отлагательства. Прощайте.

Гильфъ ускользнулъ съ балкона, и оборванный мужичокъ очутился передъ посредникомъ.—Уже какъ хочешь, Владиміръ Матвѣичъ, сказалъ онъ вкрадчиво,—а ежели мнѣ съ женой будетъ обидно.

— Тебѣ чего? спросилъ хозяинъ.—Вѣдь ужъ тебѣ было оказано?

— Да ужъ бабу мою я не вышлю на барщину.

— Тебѣ жъ хуже, коли тебя высвкнутъ въ волости.

— Да ты, Владиміръ Матвѣичъ, старшинѣ то прикажи чтобы не придирался.

— Вотъ какой! А на бѣду я велѣлъ глядѣть за тобой въ оба!

— Да вѣдь первую мою жену сама барыня свободила.

— Первая жена у тебя была больная.

— Такъ ты мнѣ скажи, для какого же бѣса я женился теперича? возразилъ мужикъ, видимо стараясь разсмѣшить посредника.

Но Владиміра Матвѣевича разсмѣшить было трудно.

— Ты у меня шутомъ не прикидывайся, сказалъ онъ коротко.—Волостной знаетъ что дѣлать при первомъ ослушаніи. А ужъ тамъ какъ знаешь, держи бабу или нѣтъ; самъ нарядешь, самъ и разпутывай.

— Такъ на что жъ я женился, Господи ты Боже мой, еще разъ сказалъ проситель и медленно выползъ съ балкона, напередъ посмотрѣвши мнѣ въ глаза, какъ бы отыскивая въ нихъ сочувствія своему горю.

— Надо признаться, довольно странный проситель! замѣтилъ я, когда проситель скрылся изъ виду.

— Не знаю что и сказать вамъ, отвѣтилъ Владиміръ Матвѣевичъ,—мужикъ кажется негаупный и недѣливый, а вотъ протащился десять верстъ съ недѣлюю просьбой! И на всякомъ шагѣ вы увидите то же.

— Мнѣ кажется, только одною глупостію и можно объяснить эти претензіи.

— Не думаю, отвѣчалъ посредникъ.—Вчера, одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ мужиковъ въ околоткѣ, грамотный еще въ добавокъ, спросилъ что же?.. чтобы я разрѣшилъ ему строить

новую избу на лучшей десятинѣ господскаго поля! Вы конечно воспитывались въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи?

— Конечно, какъ и всѣ на свѣтѣ.

— А хорошо помните время передъ выпускомъ?

— Еще бы не помнить!

— Это время, въ которое начальство дозволяетъ поспать подольше и покурить безпрепятственно?.. Перенеситесь же памятью къ порѣ, про которую мы разсуждаемъ. Не хотѣлось вамъ иногда до точности измѣрить на сколько простирается терпимость начальника, превысить мѣру льготъ вамъ данныхъ, уйти на цѣлый день, закурить трубку въ самомъ дортуарѣ, пронести бутылку шампанскаго, и въ кружку товарищей распить ее не безъ трепета? Не только человекъ, сама лошадь устроена такъ, что едва ей отпустятся поводья, она инстинктивно попытается добыть больше воли нежели сколько ей положено. Вотъ что, по моему мнѣнію, объясняетъ много нелѣпницъ въ нынѣшнихъ сношеніяхъ крестьянина съ его властями. И вы, какъ помѣщикъ, не уйдете отъ самыхъ вздорныхъ требованій. Васъ закидаютъ просьбами о льготахъ, о которыхъ вамъ и въ умъ не приходило; это вамъ должно знать прежде всего, и быть готовымъ.

— Однако, замѣтилъ я,—нельзя же во всемъ отказывать и отказывать.

— Однако, отвѣтилъ посредникъ, нельзя же давать безтолковую льготу одному передъ другими, за то лишь что онъ смѣлѣй и умѣлъ забѣжать къ вамъ раньше сосѣда. Да и вообще, даже на льготы самыя разумныя подавайтесь съ осторожностію. Я говорю про мелкія льготы. Во всемъ дѣльномъ и основномъ, если вы желаете добра и любите крестьянина, будьте добры и щедры. Не жалѣйте хорошей земли при надѣлѣ, обезпечьте мужика лѣсомъ, сдѣлайте все что можно для того чтобы даже его дѣти современемъ помянули васъ добрымъ словомъ. Но мелкихъ льготъ не давайте. Копѣчныя пособія не помогали никому никогда; а раззориться на нихъ очень можно. Больше всего берегитесь... Однако сегодня намъ трудно бесѣдовать, вотъ еще кто-то ѣдетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на дорогѣ, по которой сейчасъ шли мужики съ посреднической аудіенціи, въ облакахъ пыли показался экипажъ не совсѣмъ обыкновеннаго вида. Четыре

лошади прекрасной породы, но старыя и запаленныя, везли коляску прекрасной работы, но ветхую и сверхъ того украшенную золотыми колесами. На купеческихъ свадьбахъ бывають дивныя экипажи, но такихъ золотыхъ колесъ и тамъ не встрѣтишь. Они рѣшительно сіяли; ихъ позолота или бронзировка побѣдоносно выдержала напоръ сурьсаго времени. Кучеръ имѣлъ кафтанъ съ галунами, но галуны не сіяли, а глядѣли блѣднѣй плохаго басона. Въ коляскѣ сидѣла дама лѣтъ тридцати-пяти, въ темномъ платьѣ, загорѣлая, съ бѣлыми глазами безъ всякаго выраженія. Я безъ труда узналъ въ ней Анну Васильевну Десятникову, сестрку сестры по имѣнію, имѣвшую обыкновеніе заѣзжать къ намъ въ самое неуказанное для визитовъ время, въ восемь часовъ пополудни, въ пять часовъ пополудни и такъ далѣе. При видѣ Анны Васильевны, посредникъ видимо выразилъ маленькую досаду; однако онъ успѣшилъ оправить жилетъ слѣшкомъ растекнутый, вышелъ на крыльцо, подавъ руку гостѣ, и черезъ минуту оба они были на балконѣ.

Несмотря на наше двадцатилѣтнее знакомство, Анна Васильевна поклонилась мнѣ, такъ какъ будто бы привѣтствовала въ моемъ лицѣ какого-нибудь лорда Пальмерстона. Потомъ она сѣла и вздохнула. Потомъ на нее видимо напалъ припадокъ робости: она завертѣлась на стулѣ, и бѣлые глаза ея приняли какое-то безпомощное выраженіе.

— Я къ вамъ по великой крайности, Владиміръ Матвѣичъ, наконецъ сказала она глухимъ шепотомъ, — я просто ночей не сплю, и какъ быть не знаю.

— Чтò же у васъ такое сдѣлалось? спросилъ посредникъ заботливо.

— Да я все по тому дѣлау... ужь не знаю какъ и разказать вамъ.

На лицѣ Матвѣева опять мелькнула досада. — Кажется мнѣ, что по тому дѣлау мы наговорились досыта, замѣтилъ онъ улыбувшись.

— Позвольте, съ запинками продолжала Анна Васильевна, — еще поговорить съ вами въ вашемъ кабинетѣ.

— Да неужели вы Сергѣя Ильича боитесь?

— Я знаю, что *они* будутъ смѣяться.

— Ну если и посмѣется, бѣда не большая.

— Нѣтъ ужь позвольте въ кабинетъ. Они будутъ смѣяться, а знаю.

Пока посредникъ и робкая дама бесѣдуютъ въ кабинетъ, я попробую взяться за трудное дѣло, изобразить типическую личность Анны Васильевны Десятниковой. Подобныя ей помѣщицы разсыяны по всему лицу земли Русской, ихъ кто-то очень вѣрно окрестилъ именемъ *сѣчно-несовершеннолѣтнихъ*, а между тѣмъ ихъ еще никто не описывалъ. Знаю, что мой разказъ выйдетъ сухъ и голъ, но и онъ можетъ навести на хорошую мысль какого-нибудь настоящаго художника.

Анна Васильевна родилась въ деревнѣ и всю жизнь свою не показывалась ни въ одномъ городѣ, даже уѣздномъ. Отецъ ея, мрачный чиновникъ, нажилъ себѣ пятьсотъ душъ, женился на своей ключницѣ, которая скоро умерла, и предался деревенскому *far niente*. Посреди домашняго гарема онъ думалъ о дочери менѣе чѣмъ о послѣдней дѣвчонкѣ своей усадьбы. Одинъ разъ однако онъ было выписалъ ей гувернантку-Француженку, но воспитательница, едва осмотрѣвшись въ домѣ, завела легкую интригу съ поваромъ, что и повело къ ея изгнанію. Отецъ-дьяконъ выучилъ Анну Васильевну читать и писать по-русски, тѣмъ все и кончилось. Можно было надѣяться, что дѣвочка взрослая на свободѣ, въ красивомъ и здоровомъ сельскомъ уголкѣ, пополнитъ недостатокъ образованія бойкостью, свѣжестью, тою простою, но привлекательною веселостью, которая иногда такъ краситъ самыхъ заброшенныхъ деревенскихъ барышень, съ румяными щеками и добрыми застанными глазками. Ни чуть не бывало; изъ Анны Васильевны вышла такая длинная, хилая, вялая, слабого здоровья дѣвица, какія выходятъ изъ голодныхъ институтовъ сотнями. Только лицо ея оказалось не блѣднозеленымъ, а сѣрожелтымъ,—изъ сапожнаго товара, какъ говорили уѣздные остроумцы. Она могла сѣбѣ дать огромное количество смородины, крыжовнику и яблокъ; другихъ же достоинствъ или другихъ недостатковъ за ней не имѣлось.

Дѣвушка исполнилось двадцать лѣтъ, когда умеръ ея отецъ, не посѣщавшій никого изъ сосѣдей и въ своемъ имѣніи принимавшій лишь становаго пристава, да по большимъ праздникамъ священника и дьякона. Смерть старика была какъ бы сигналомъ для всѣхъ окрестныхъ холостя-

ковъ, промотавшихся одинокихъ вивѣровъ и авантюрьеровъ красивой наружности. Даже изъ Петербурга иныя искатели счастья направлялись къ***скому уѣзду: пятьсотъ незаложенныхъ душъ со всеми угодами и строевымъ лѣсомъ имѣли свою пріятность! Но усилія селадоновъ были остановлены въ самомъ началѣ: пока они списывались съ сосѣдями, заказывали себѣ фраки и выискивали предлога къ знакомству, писмоводитель уѣзднаго судьи, не имѣющій чина дворянина, Модестъ Десятниковъ, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ, переговорилъ съ попадѣей, бывавшей у Анны Васильевны, явился въ церковь къ обѣднѣ, весь завитой и напомаженный, проглотилъ дѣвичье сердце, и черезъ два дни получилъ званіе жениха, вмѣстѣ съ нѣкоторою денежною суммой на уплату своихъ холостыхъ должковъ. Господинъ Десятниковъ былъ дѣйствительно дородень, бѣлъ, румявъ; его лицо живо напоминало вывѣски въ хорошихъ цирюльняхъ: когда онъ собирался на побѣды или кутилъ съ друзьями, вамъ зрѣлся парикмахерскій кавалеръ, самодовольный, наряженный и расчесанный; но когда ему случалось быть съ дамами, хотя бы съ дичихой или каючницей аптекаря, томная предель разлитая во всей его фигурѣ, рисовала передъ вами меланхолическаго щеголя на стулѣ, съ протянутою рукой, изъ которой кровь легкою дугою струится въ тарелку. Про характеръ счастливица трудно было отозваться съ похвалою: почти всякую недѣлю, съ перваго года свадьбы, онъ жестоко билъ Анну Васильевну; имѣніе ея разстроилъ, и доходы съ него поглощали необыкновенно быстро. А между тѣмъ куда уходили эти доходы—совершенно неизвѣстно. Коляска съ золотыми колесами и четверня заводскихъ лошадей—далѣе этой роскоши Десятниковъ не пускался. Жилъ онъ свиньей, знакомство велъ лишь съ буянами любившими выпить. Не надолго бы хватило имѣнія Анны Васильевны; но къ счастью, на шестой годъ брака, въ одно жаркое утро, плотно закусивъ и выпивши графинъ настойки, Модестъ Пахомовичъ пошелъ купаться и погибъ скоропостижно едва залѣзши въ воду.

Слова сосѣдка моя очутились свободною, но увы! на этотъ разъ холостяки уѣздные вивѣры не пршали въ движеніе. Изъ пятисотъ душъ осталось триста заложенныхъ; лѣсъ былъ почти весь проданъ; сверхъ коляски съ золочеными колесами, Модестъ Десятниковъ оставилъ четверыхъ дѣ-

тей, трехъ мальчиковъ и одну дѣвочку. Впрочемъ Анна Васильевна не тяготилась свободою: по всѣмъ примѣтамъ, она была очень влюбчива, но ея натура, подавленная мрачными отцомъ и мужемъ-буяномъ, никогда и ни въ чемъ не высказывалась. Она стала жить одна, иногда вызывая въ своей коляскѣ къ ближайшимъ сосѣдямъ; тамъ она молчала, ѣла много ягодъ и беспокоилась о томъ, что надъ ней *будутъ смѣяться*. Но смѣяться надъ ней было бы тяжело и гадко. Часто, встрѣчая ее у сестры, я забираясь въ уголокъ и долго глядѣлъ на загорѣлое лицо Анны Васильевны, на ея довольно правильный профиль, на ея недовкую фигуру. И невольно во мнѣ рождался вопросъ о томъ, для чего жила и живетъ эта женщина, какое, хотя бы самое маленькое, но ясно очерченное назначеніе дано ей на свѣтѣ.

И дѣйствительно, трудно было представить себѣ жизнь болѣе безцвѣтную, бессмысленную и бесполезную чѣмъ жизнь госпожи Десятниковой. Должно было ожидать, что хотя отъ нечего-дѣлать, она сосредоточитъ всѣ любящія силы души на своихъ дѣтяхъ, но этого не было. Дѣти бѣгали оборванные и грязные, не учились ничему; кучеръ по десяти разъ въ день прутомъ гонялъ ихъ изъ конюшни, которая даже для дѣвочки казалась какимъ-то земнымъ раемъ. Казалось, что съ дѣтства живши возлѣ крестьянъ, Анна Васильевна станетъ хорошо ими править и будетъ способна къ хозяйству—этого не было: она не умѣла сказать двухъ словъ мужику, и едва отличала рожь отъ пшеницы. Наконецъ отъ женщины, съ дѣтства обращавшейся въ тѣснѣйшемъ кругѣ домашней жизни, всякій могъ ждать хотя нѣкоторой домовитости, но Анна Васильевна и тутъ была несостоятельна. Въ ея домѣ все смотрѣло грязно и неряшливо до безобразія; съ ея обѣда даже невзыскательныя духовныя особы уходили голодными; тощая прислуга грубила и ничего не дѣлала; толстяку исправнику, за непогодой, случилось одинъ разъ переночевать въ домѣ Анны Васильевны: объ этой ночи онъ до сихъ поръ разказываетъ отплевываясь!

Не просидѣвъ я десяти минутъ на балконѣ, въ одиночествѣ, какъ въ сторонѣ кабинета послышались голоса и шаги особъ державшихъ совѣщаніе. Аудіенція кончилась, какъ кажется, къ неудовольствію просительницы. Анна Василь-

евна, возвращаясь на балконъ, глядѣла совсѣмъ потерянною и шептала: „пожалуста, ради Бога“... А Владиміръ Матвѣвичъ худо скрывалъ свою досаду.

— И на будущее время я попрошу васъ, Анна Васильевна, говорилъ онъ,—я усерднѣйше попрошу васъ не обращаться ко мнѣ помимо мирового посредника, у котораго вы въ участкѣ. Если не вѣрите мнѣ, спросите Сергѣя Ильича, онъ скажетъ вамъ то же. Вашъ посредникъ извѣстенъ всему уѣзду за честнаго человѣка; крестьяне ему довѣряютъ: чего же вамъ надо еще, для чего вы отнимаете у меня время, а себя мучите?

— Степанъ Алексѣвичъ такіе гордые, отвѣчала Анна Васильевна,—дая ихъ и видѣла-то только одинъ разъ, въ церкви. Они будутъ смѣяться.

— Да въ чемъ дѣло, если мой вопросъ не нескромнѣй спросилъ я, видя что посредникъ теряетъ терпѣніе при этомъ несчастномъ: *они будутъ смѣяться.*

— Дѣло довольно серіозное, отвѣчалъ Владиміръ Матвѣвичъ, но по моему крайнему разумнѣію, уже рѣшеное и неисправимое. Вы слышали о томъ, въ какомъ положеніи находились дѣла нашего уѣзда болѣе мѣсяца послѣ обнаруженія манифеста и Положенія. Съ половины февраля предводитель хворалъ въ Петербургѣ, судья временно правилъ его должность. Исправникъ былъ въ отпуску за тысячу верстъ; изъ четырехъ станovýchъ двое были смѣнены, и мѣста ихъ оставались не занятыми. Ни волостей, ни посредниковъ, ни старшинъ еще не назначали, само собой разумѣется. Какъ удержался у насъ порядокъ, безъ жалобъ, безъ экзекуцій, безъ призыва военной силы, я и самъ не знаю. Въ это странное безначальное время, крестьяне Анны Васильевны пришли къ ней, стали говорить что теперь уже конецъ барщинѣ, и пользуясь ея... неопытною и совершеннымъ незнаемъ Положенія выторговали себѣ на это лѣто двѣ трети ея луговъ, клочокъ строеваго лѣса да вырубку, и половину поля (конечно съ хлѣбомъ), за то только чтобы собрать остальной хлѣбъ и сѣно. Сдѣлка была добровольная; ни грубостей, ни угрозъ ни одинъ мужикъ себѣ не дозволилъ.

— Только одинъ рыжій, замѣтила Анна Васильевна,—сказалъ мнѣ, уже тебѣ ли, барынька, имѣемъ-то управить!

— Кто же этотъ рыжій? спросилъ Владиміръ Матвѣвичъ.

Помѣщица опустила глаза и покраснѣла, она не знала въ лицо ни одного своего крестьянина.

— Условія были конечно неразумны, продолжалъ мировой посредникъ,—но они приняты добровольно, и до іюня мѣсяца Анна Васильевна никому на нихъ не жаловалась. Теперь у ней оказывается желаніе вернуться къ тѣмъ правамъ на работу, которыя даетъ ей Положеніе. По моему крайнему разумѣнію, это дѣло потерянное; но каково бы оно ни было, собственно я тутъ лицо чужое, а обращаясь ко мнѣ, Анна Васильевна тратитъ время по пустому.

Гостыя встала съ своего мѣста, на лицѣ ея выразилось такое безконечное уныніе, что оба мы почувствовали жалость. Столько дѣтъ въ ея глазахъ Владиміръ Матвѣвичъ былъ героемъ-олимпійцемъ, общимъ благодѣтелемъ, человекомъ всемогущимъ,—и вотъ, этотъ самый герой холодно отправляетъ ее къ другому мировому посреднику, который будетъ надъ ней смѣяться.

— Богъ съ вами, Владиміръ Матвѣвичъ, сказала бѣдняжка, и не выдержавши характера, добавила:—я вамъ сегодня помѣшала, а вотъ завтра или послѣзавтра еще приѣду посоветоваться.

— Завтра я на Ильинской волости, послѣзавтра на мировомъ сѣздѣ. Я попрошу Степана Алексѣича, чтобъ онъ побывалъ у васъ и въ чемъ можно васъ успокоилъ. Больше я ничего не могу и не сдѣлаю. До свиданія, Анна Васильевна!

Онъ проводилъ ее до коляски и вернулася ко мнѣ, не теряя времени.

— Я думаю все это вамъ кажется ужасно скучно, сказалъ онъ садясь и закуривая трубку.

— Не только не скучно, а интересно до крайности, отвѣчалъ я посреднику. — Надо быть невыразимымъ дурнемъ, чтобы не интересоваться даже небольшими подробностями такого дѣла. Теперь вся жизнь края кипитъ по провинціямъ и сельскимъ участкамъ, ужъ конечно не по столичнымъ канцеляріямъ, не по столичнымъ гостиницамъ, не въ столичной литературѣ, которой придется горько заплатить за всю ея непрактичность, за ея толки о крайнемъ и нестройномъ прогрессѣ, за всѣ ея фокусы, передѣланные съ французскаго. Скучно, говорите вы! Да я, со всею своею лѣтностью и негодностью, счелъ бы за великое счастье взглянуть въ дѣла каждой сосѣдней деревни, побе-

сѣдовать со всякимъ помѣщикомъ и крестьяниномъ, еслибы только я умѣлъ говорить съ мужикомъ и мужикъ могъ бы оказаться передо мной откровеннымъ. Никогда еще не жалѣлъ я такъ о томъ, что мнѣ не двадцать лѣтъ, и о томъ что я, кажется, въ концѣ испорченъ и книгами, и жизнію за границей.

— Браво, браво! перебилъ посредникъ улыбаясь. — И уж если у васъ явилась такая охота до наблюденій, то я вамъ могу предложить сегодня же одну экспедицію. Въмѣсто того чтобъ ѣхать въ Петровское, не желаете ли, вмѣстѣ со мною, обѣдать у сосѣдки моей Варвары Михайловны?

— Будто она здѣсь? Варвара Михайловна Краснопольская въ своемъ имѣніи?

— Да какъ же ей и не быть въ немъ, ей, жаркой ревнительницѣ новыхъ порядковъ? Вѣдь изъ нея же гостиной вы почерпали свѣдѣнія о ходѣ крестьянскаго дѣла, со многими умствованіями, отъ которыхъ можно бы уволить и ее, и ея мужа, и ея друзей, важныхъ чиновниковъ? Какъ же ей теперь не соорудать у себя дома общаго благоденствія? Мужъ далъ ей въ пособіе одного чиновника, одного писаря (онъ хоть и молодой бюрократъ, но отъ старыхъ привилегій отказаться не хочетъ). Выписываютъ и землемѣра, по знакомству, въ видѣ командировки, съ оставленіемъ казеннаго содержанія. Ну да что толковать объ этомъ? Коли съ вами взять фракъ, переждемте жару и велимъ закладывать.

III.

Барыня-бюрократка.

Двѣнадцать верстъ отдѣлявшихъ усадьбу Матвѣева отъ замка Варвары Михайловны, мы проѣхали скоро и приятно. Воображеніе перенесло меня за десять лѣтъ назадъ, къ той порѣ, когда ея превосходительство была одною изъ прелестнѣйшихъ женщинъ Петербурга, а супругъ ея, нынѣ участникъ великихъ вопросовъ, тайный совѣтникъ, Викторъ Петровичъ Краснопольскій, несъ скромную должность чиновника особыхъ порученій при министертвѣ. Не знаю какъ и почему оно происходило,

но этотъ истинно-честный и превосходный чиновникъ особыхъ порученій, изъ всѣхъ городовъ и селъ Россіи отъ рожденія своего бывалъ только въ Петербургѣ, Гатчинѣ, Петергофѣ, Царскомъ Селѣ, и почему-то въ Коопинѣ. Онъ отлично владелъ перомъ и работалъ скоро, и вотъ пагубная причина тому, что его вѣчно держали за бумагами. И теперь, на своемъ замѣтномъ посту, Викторъ Петровичъ считался человѣкомъ благонамѣреннымъ, либеральнымъ, неподкупнымъ; но позволительно думать, что изъ него вышла бы кое-что несравненно полезнѣйшее, еслибы онъ не засушилъ себя перепиской, бумажными проектами, пустохвальными преніями въ гостиныхъ, впрочемъ превосходно убранныхъ, да еслибы сверхъ того былъ познакомѣ съ своимъ любезнымъ и обширнымъ отечествомъ.

Варвара Михайловна и мужъ ея всегда жили хорошо, изящно и, что какъ-то не вяжется съ ихъ демократическими принципами, даже щепетильно. Питая любовь къ меньшимъ братіямъ, они всегда одѣвали свою присаугу въ ливрею съ гербами, и независимо глядя на общественныя предразсудки, дулись на пріятеля, приходившаго къ нимъ вечеромъ не во фракѣ. Съ полученіемъ важной должности, образъ жизни ихъ принялъ размѣры болѣе широкіе. Появились англійскія привычки и англійская складка: обѣды въ восемь часовъ, особенная упряжь; даже достойный Викторъ Петровичъ, всю жизнь свою сидѣвшій сиднемъ, началъ ѣздить въ извѣстные часы по Лѣтнему Саду, на очень долгоногой и кудой лошади. Домъ въ деревнѣ былъ перестроенъ, снабженъ какими-то башенками, шпильями, выступами и кровельными зигзагами. Къ этому-то замку мы подъѣхали съ Матвѣевымъ. Трое хорошенькихъ дѣтей хозяйки встрѣтили насъ на лужкѣ передъ домомъ, голыя икры бѣдняжекъ были страшно укушены комарами. Старшая дочь Варвары Михайловны, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, замѣтно конфузилась отсутствіемъ чулокъ, хотя, кажется, имѣла довольно времени къ тому привыкнуть.

Двѣ гувернантки, Англичанка и Француженка, сидѣли на зеленой скамьѣ, рядомъ, не мѣняясь ни однимъ словомъ. Должно быть *entente cordiale* между ними не имѣлось.

Не успѣлъ я перецѣловаться съ моими маленькими пріятелями, какъ раздался возлѣ насъ милый голосокъ хозяйки, и изъ ближайшей аллеи вышла сама Варвара Михайловна.

Давно уже не случалось мнѣ видѣть ее такую молодой, свѣжею и привлекательною. Высокая, стройная, гибкая, съ своими голубыми глазами, золотисто-пепельными волосами, ея превосходительство глядѣла не маменькой, а сестрицей шуауновъ удѣившихся за обѣ мои руки. Она обрадовалась гостямъ, назвала Владимира Матвѣевича идеальнымъ посредникомъ, и сообщила мнѣ, что сочла бы меня своимъ врагомъ, еслибъ я попыталъ не захватить къ ней по пути изъ города. Уже воображеніе мое готово было перенести меня за десять лѣтъ назадъ, въ годы теплой дружбы и пожалуй чего-то еще большаго, когда Варвара Михайловна разрушила всѣ иллюзіи, сказавъ внушительно: „Вамъ дѣлаетъ честь, что вы идете въ свое имѣніе; я не говорю уже объ обязанностяхъ помѣщика, но провести это лѣто не въ деревнѣ значитъ отстать отъ всего на десять лѣтъ по крайней мѣрѣ.“

Тутъ уже слышался томъ самовницы, у которой въ гостиной разсуждаютъ о крайне-важныхъ вопросахъ. Я довольно холодно принялъ одобреніе, и въ свою очередь спросилъ какъ идетъ хозяйство Варвары Михайловны.

— Сильно разказывать, отвѣчала она, покуда мы шли по лѣстницѣ и выступилому балкону въ прохладную, уставленную цвѣтами гостиную, — сильно разказывать, потому что при общихъ и мелкихъ помѣщичьихъ жалобахъ, можетъ показаться, что я просто выдумываю. Впрочемъ Владиміръ Матвѣичъ будетъ моимъ свидѣтелемъ. Ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго недоразумѣнія, я до сихъ поръ не видѣла. Работы идутъ превосходно, какъ не шли никогда, даже при прежнемъ, строгомъ управителѣ. Скажу вамъ откровенно, что покорность крестьянъ и ихъ вѣчные отзвывы: „вѣтъ ничего не надо, съ вами мы хотимъ жить по старому“, мнѣ даже не совсѣмъ нравятся; я бы желала встрѣтить больше самостоятельности, больше инициативы, хоть бы и неправильной. Въ этомъ есть что-то сонное; впрочемъ, сонъ кажется проходить. И какъ хорошо имѣе крестьяне выучили Положеніе! Я увѣрена, что Сергѣя Ильича всякій изъ нихъ заговялетъ. Но что болѣе всего меня радуетъ, это успѣхъ вольнаго труда. Да-съ, mon très cher pessimiste, у меня теперь уже двѣнадцать лошадей и двѣнадцать наемныхъ рабочихъ. Пишутъ, что вольный трудъ вдвое дѣйствительнѣе

обязаннаго; по моему мнѣнію это невѣрно, надо бы сказать втрое.

— Не рано ли вы собрались увеличивать запашку? замѣтила я на этотъ потокъ радостныхъ свѣдѣній.—Я бы на вашемъ мѣстѣ погодилъ немного.

— Да кто же вамъ сказалъ, что я ее увеличиваю?

— Такъ на что же вамъ двѣнадцать наемныхъ рабочихъ, если работы идутъ лучше прежняго? Или для чего жь у васъ осталась барщина, если эти двѣнадцать человекъ трудятся за троихъ каждый?

— Боже мой, какъ во всякомъ вашемъ словѣ сказывается человекъ, полъ-жизни пропатавшійся гдѣ-то въ Италиі! весело возразила Варвара Михайловна.—Да развѣ можно сейчасъ же уничтожить обязательный трудъ, не подготовивъ ему замѣны? Я чрезвычайно довольна нанятыми людьми, но они еще не помѣщены какъ слѣдуетъ, выборъ ихъ слѣдуетъ случайно... Колесо еще не пущено полнымъ ходомъ, хотя и нѣтъ сомнѣнія, что оно завертнется отлично. Обо всемъ этомъ я ужь писала въ Петербургъ; мужъ извѣщалъ меня, что мои письма ходятъ по рукамъ, а иногда заходятъ очень высоко. А кстати, Владиміръ Матвѣичъ, въ послѣдній разъ я писала о васъ очень много. Я прямо сообщила, что будь по Россіи двадцать пять посредниковъ на васъ похожихъ, можно было бы полнѣе успокоиться на счетъ пользы этого учрежденія..

— И очень худо слѣдали, что писала, отвѣчалъ Матвѣевъ,— въ особенности если ваши письма читаются не однимъ Викторомъ Петровичемъ. Доказывать пользу учрежденія какимъ-нибудь однимъ частнымъ примеромъ, удачнымъ или неудачнымъ, значить имѣть очень мало вѣры въ самое учрежденіе.

— Да я и не имѣю въ него большой вѣры, замѣтила ея превосходительство.—И какъ, и многимъ лицамъ болѣе вліятельнымъ, учрежденіе мировыхъ посредниковъ вовсе не кажется чѣмъ-то ужь очень блестящимъ... Эти громкія одобренія, отовсюду привѣтствующія посредничество и посредниковъ, даже немного подозрительны: откуда идутъ одобренія? Со стороны помѣщицъей, а потому они и односторонни. Сословію, отъ котораго невозможно и требовать безпристрастія въ своемъ дѣлѣ, предоставлены самыя важныя заботы по этому самому дѣлу, самыя многочисленныя

мѣста съ вліаніемъ—и какъ еще предоставлены? почти съ полною независимостью отъ администраціи!..

— Скажите лучше, отъ шаткой и придирчивой бюрократіи, возразилъ я въ свою очередь.

— Я ненавижу это слово „бюрократія“, сказала Варвара Михайловна,—за него уцѣпились разные фантазеры, во вредъ людямъ дѣйствительно трудящимся и направляющимъ общее движеніе. Бюрократія, бюрократы!.. И всякій произноситъ эти слова съ отвращеніемъ, какъ будто бы просвѣщенный чиновникъ, головой и перомъ трудящійся въ столицѣ, не стоить какого-нибудь помѣщика-рутинера, только умѣющаго помышлять о своихъ двадцати десятинахъ въ каждомъ полѣ!

— Согласитесь однако, милая защитница чиновниковъ, что когда дѣло именно идетъ о сохраненіи собственныхъ десятинъ, о надѣлѣ другими десятинами своихъ „меньшихъ братьевъ“, человекъ сидящій на десятинахъ, окажется толковѣе мудреца умирающаго за горой бумажныхъ проектовъ.

— И соглашаюсь и не соглашаюсь, возразила хозяйка.— Спора вѣтъ, что нѣкоторое количество посредниковъ могло быть взято изъ помѣщиковъ, но большинству лучше бы состоять изъ людей совершенно новыхъ, испытанныхъ въ службѣ и способныхъ быть проводниками идей и стремлений администраціи...

— То-есть вертѣться по вѣтру, поминутно прислушиваться къ петербургскимъ толкамъ, при Федорѣ Степановичѣ тѣснить одну сторону, а послѣ назначенія Михаила Васильича мирволить другой?.. оно конечно по'ойнѣ, но само дѣло отъ того не подвинется. И наконецъ, гдѣ вы найдете такое огромное количество испытанныхъ, надежныхъ чиновниковъ, какое понадобится по числу мировыхъ посредниковъ въ Россіи? Всякій знаетъ, кѣмъ у насъ занимаются мѣста, если имъ случится открываться въ большомъ количествѣ. Всякій начальникъ оставляетъ лучшаго труженника при себѣ, а всю посредственность сбываетъ съ благословеніемъ на нозу дѣятельность. Потомъ хватаются за юношей, чуть лишь кончившихъ воспитаніе, еще не раздѣлавшихся съ журнальнымъ вздоромъ, набившимся въ ихъ голову, юношей ретивыхъ и покуда еще честныхъ, но знающихъ жизнь не болѣе какъ ее знаетъ какая-нибудь институтка. Затѣмъ все еще много не замѣченныхъ вакансій,

и вотъ, при помощи рекомендательныхъ писемъ, ходатайства княгинь и сановниковъ, вербуются масса всякой неспособности изъ попрошайекъ, лѣвтяевъ и такъ далѣе. И этой-то неопытной, сбродной фалангѣ вы желали бы поручить исполненіе одной изъ труднѣйшихъ реформъ, когда-либо предпринятыхъ! И отъ нея вы могли бы ждать единства, твердости и устойчивости! Да черезъ годъ половина фаланги стала бы жить грабежомъ, жалуясь, что ей вѣсть нечего.

— Въ первый разъ слышу я, замѣтила Варвара Михайловна, — что содержаніе мировыхъ посредниковъ недостаточно.

— Оно достаточно для посредниковъ изъ класса помѣщиковъ мѣстныхъ, и совершенно недостаточно для посредниковъ вашего воображенія, для чиновниковъ пришлыхъ. У помѣщика уже есть домъ, есть хозяйство, есть экипажъ и лошади, при этихъ условіяхъ полторы тысячи подмоги значать много. Посредники, которыхъ навязала бы намъ бюрократія, потратя почти все жалованье на свое помѣщеніе, на канцелярію, на лошадей, на средства продовольствія, остались бы почти нищими, въ чужомъ краѣ, между людей къ нимъ нерасположенныхъ. А о томъ, къ чему можетъ привести чиновника недостаточность средствъ къ жизни, распространяться нечего...

Краснорѣчивые доводы мои были прерваны жесточайшимъ звономъ, раздавшимся гдѣ-то въ самомъ домѣ. Желая узнать его причину, я оглянулся назадъ, потомъ направо и лѣво, но звонокъ умолкъ, и когда я собрался вернуться къ прерванному разговору, оказалось, что Варвары Михайловны въ гостиной не было. За то мимо насъ съ шумомъ пробѣжали дѣти, крича своими звонкими голосками: *dress for dinner! dress for dinner!* Руководствуясь нашимъ болѣе чѣмъ скромнымъ знаніемъ англійскаго языка, мы съ посредникомъ догадались, что скоро будетъ обѣдъ по поводу коего оказывается необходимымъ надѣть фракъ. Мы вышли въ сосѣднюю залу, гдѣ уже ждалъ насъ старичокъ въ бѣломъ галстукѣ, повидимому первый мажордомъ ея превосходительства. Черезъ галерею съ цвѣтными окнами, онъ проводилъ насъ въ комнаты, назначаемыя для посѣтителей. Окна этого апартамента выходили на красивый дво-

рикъ со службами; комната Владиміра Матвѣевича приходилась рядомъ съ моею.

Весь парадный костюмъ, словно для балѣ, оказывался въ полной готовности около моей кровати, но мнѣ было жарко, меня разбирала лѣнь, и я рѣшился сдѣлать уступку хозяйкѣ лишь относительно фрака, оставивъ на себѣ безъ перемѣны всѣ остальные лѣтнія принадлежности. Старичокъ въ бѣломъ галстукѣ объявилъ, что звонокъ къ обѣду раздастся черезъ полчаса, не ранѣе. Мы его отпустили, я прилежъ на диванъ, Матвѣевъ ушелъ въ свою комнату, и вскорѣ въ ней раздались чьи-то тяжелые шаги, а потомъ пошелъ разговоръ не лишennyй занимательности. Дверь, насъ раздѣлявшая, не была притворена, и я, лежа въ полномъ спокойствіи, могъ наблюдать за всѣмъ, что происходило. Передъ посредникомъ стоялъ человекъ высокаго роста, геркулесовскаго сложенія, съ прекраснѣйшею сѣдою бородой и лицомъ съ котораго иной ловкій поставщикъ патриотическихъ картинъ могъ бы рисовать всѣхъ знаменитыхъ мужей старой Руси: Минина или Пожарскаго, Силвестра или Адашева. Красиваго старика портило только толстое брюхо. Одѣтъ онъ былъ въ довольно длинный синій казакинъ покроя особенно любимаго прикащиками и бурмистрами. Въ начало разговора я не вслушался.

— Ужь какъ ты себѣ знаешь, Владиміръ Матвѣичъ, говорилъ синій казакинъ, — а безъ тебя мы просто пропали... Эдакой напасти, прости Господи, я думаю и при Татарахъ не было. Говорить срамно, а у насъ еще навозъ не вывезенъ, яроваго поля кусокъ незасѣяннымъ остался. Черезъ недѣлю добрые люди возьмутся за косу, а наши еще съ полемъ не управились; я изъ силъ выбился; на чужаго человека взглянуть стыдно. Коли ты ихъ не приструнишь, батюшка, все наше хозяйство пойдетъ прахомъ.

— Развѣ могу я соваться въ ваши дѣла мимо помѣщицы? возражалъ посредникъ. — Варвара Михайловна всѣмъ довольна.

— Да вѣдь она-то сама все и путаетъ, батюшка! У насъ народъ не задорный, не великая на немъ тягота, кажется, дурить не изъ чего: а какъ не дурить, когда барыня во всемъ потакаетъ? Намедни барщина пришла въ поле въ десятомъ часу. Смотрю я, катитъ генеральша; ну, думаю, слава Богу, скажетъ имъ: нехристи вы эдакіе! Ну подѣвхала, всѣ къ ней, смѣются идучи, говорятъ: разговоръ

будеть! Оно и точно, стала говорить такъ сладко, про школу, да про то, что надо завести казну общую, начинать рекрутовъ—самое дѣлать время къ такой рѣчи; поле не запахано, чего торопиться! Шепнулъ я было, что на работу поздно выѣхали, а она твердитъ: это ничего, лишьбы дѣло шло живо. У самой словно глазъ вѣту—дѣло идетъ живо! Вечеромъ валять наши барщинники мимо мызы, солнце еще высоко, сами ушли безъ спросу, а она велитъ водку вынести, бабамъ даетъ пряники, дѣвки набѣгутъ изъ деревни, пѣсни затянутъ какъ въ праздникъ. Веселое стало у насъ житье, Владимиръ Матвѣичъ, ужъ какое веселое!

Трудно передать скорбь и злобу, съ какими сказана была эта послѣдняя фраза.

— У тебя есть нанятые рабочіе, у тебя цѣлыхъ двѣнадцать лошадей, замѣтилъ Матвѣевъ.

— Не двѣнадцать, а пять, отвѣчалъ прикащикъ,—а работали эти лошади всего два дни: то губернянку до станціи свезти надо, то записки разослать къ сосѣдямъ, то фортепьяно доставить къ желѣзной дорогѣ. Самъ знаешь, теперь работа конная, навоза не повесешь въ оханкѣ, не станешь лопатой ковырять поля! И сидѣли безъ дѣла рабочіе, да и весь-то народъ разбаловался. Вѣришь ли, на прошлой недѣлѣ Карпа Васильева въ барскомъ лѣсу поймали—старый мужикъ, честная душа,—и тотъ лѣсъ воруетъ! Ужъ коли ты намъ не поможешь...

— И конечно не помогу, отвѣчалъ Матвѣевъ.— Можно коня привести на рѣку, а насильно пить его не заставишь. Другое дѣло, коли сама барыня...

— Да развѣ ты не видишь, батюшка, что у насъ барыня-то ровно какъ шальная?...

Ровно какъ шальная! Бѣдная, бѣдная Варвара Михайловна! И вотъ твоя награда за всѣ добрыя намѣренія, за безропотное пожертвованіе своими интересами, за твои умныя письма изъ деревни, за все твое рвеніе къ крестьянскому дѣлу, за безчисленные турниры, совершавшіяся въ твоей гостиной по поводу великаго вопроса! Ровно какъ шальная! И кто знаетъ на сколькихъ благонамѣренныхъ людей, слуги самые преданные смотрятъ какъ на ошамѣлыхъ? Мнѣ стало очень грустно, но къ счастью, звонокъ къ обѣду не позволилъ мнѣ очень расчувствоваться.

Столъ былъ накрытъ въ красивой легкой галлерей,

соединявшей главный корпусъ дома съ оранжереей. Изъ растворенной двери въ это жилище рѣдкихъ растений несся аромат цвѣтовъ, даже черезчуръ пахучихъ. Другіе цвѣты стояли въ самой галлерей, около красиваго переноснаго фонтана, хотя отчасти освѣжавшаго не кстату-тропическую атмосферу галлерей. Уже мы собирались занять свои мѣста за столомъ, когда въ сѣняхъ раздался звонокъ, затѣмъ по комнатамъ посышались шаги, и въ галлерей вошелъ мужчина еще не старый, толстый, съ лицомъ умнымъ и веселымъ, но не симпатическимъ. Одѣтъ онъ былъ очень небрежно, въ бѣлыхъ панталонахъ и жакеткѣ изъ какой-то сѣровой матеріи, въ рукахъ держалъ сѣрую шляпу съ широкими полями. Лицо Варвары Михайловны немного омрачилось при видѣ такого презрѣнія къ декоруму, однако она дала руку гостю и приняла его привѣтливо.

— Не хмурьтесь, не хмурьтесь, ваше превосходительство, весело сказалъ гость послѣ первыхъ привѣтствій.— Одѣтъ я такимъ уродомъ, потому что на солнцѣ больше двадцати пяти градусовъ, а во фракъ не облакся по случаю двухъ сотъ причинъ, изъ которыхъ первая—неумѣніе фрака. Предоставляю вамъ право изгнать меня съ поношеніемъ: я захвалъ лишь на минуту взглянуть на васъ и спросить о Викторѣ.

— Садитесь, садитесь, отвѣчала хозяйка.— Гдѣ вы скитались цѣлую недѣлю?

— Скитался я въ ***, у синяго моря. Знаете вы что цѣна хлѣбу дошла до десяти рублей за четверть?

Мы съ Матвѣевымъ невольно переглянулись: въ этомъ страшномъ возвышеніи цѣны, совпадавшимъ съ вѣстями о бросаемыхъ помѣщикамъ запашкахъ, имѣлось нѣчто зловѣщее. Только къ концу лѣта оказалось что не одна паника, но и усиленное требованіе хлѣба за границу, были причиной ужасающихъ цѣнъ, стоявшихъ въ *** за іюль мѣсяцъ.

— Я немного разумѣю въ цѣнахъ, спокойно сказала Варвара Михайловна,— да кажется мнѣ, что и вы, Петръ Тимоѣевичъ, къ нимъ довольно равнодушны.

— Ну, нельзя сказать чтобъ равнодушнѣе, весело возразилъ толстякъ, кончая свою тарелку супа.— Благодаря этимъ десяти рублямъ за четверть, я смотрю на себя какъ на человѣка получившаго щедрый выкупъ и за крестьянъ, и за полный надѣлъ земли, къ нимъ отходящей.

— А этого ужъ я вовсе не понимаю, отвѣтила хозяйка, глядя на Матвѣева.

— Петръ Тимоѣевичъ хочетъ вѣроятно сказать, улыбаясь замѣтилъ Владиміръ Матвѣевичъ,—что онъ продалъ въ *** нѣсколько тысячъ четвертей хлѣба. Безъ крестьянскаго дѣла не было бы десяти рублей за четверть; оттого онъ и смотритъ на свои барыши какъ на выкупную премію.

— Совершенно такъ, идеальнѣйшій и проицательнѣйшій изъ мировыхъ посредниковъ, съ хохотомъ прервалъ толстый посѣтитель;—только щадя меня, уже и безъ того отъявленнаго ретрограда, вы умолчали о томъ, что вся операція была мною предугадана и подготовлена за два года назадъ. Два года я не продавалъ ни зерна, два года скупалъ хлѣбъ, гдѣ только было можно, настроилъ лишнихъ амбаровъ; за то и дождался, и подвезъ хлѣбъ безъ задержки. Конечно, это смѣлая спекуляція.

— И къ сожалѣнію, спекуляція на страхъ и дурные слухи. сухо прибавилъ Матвѣевъ.

— Да, спекуляція на страхъ и дурные слухи; но если ужъ нельзя безъ страха и дурныхъ слуховъ, то почему же выгода должна достаться не мнѣ, а другому? Или вы думаете, что сосѣди мои, да и всѣ поставщики хлѣба скажутъ *** скимъ торговцамъ: „что вы дурачитесь и даете такую цѣну?—для пользы рода человѣческаго, я отдамъ мой хлѣбъ по пяти за четверть.“ Будьте покойны, никто не окажетъ такого великодушія. А если кто виноватъ въ страхѣ на хлѣбномъ рынкѣ, такъ конечно не я, а ваше же начальство, сидѣвшее по своимъ нормамъ въ самое критическое время, когда въ краѣ еще не было ни волостей, ни посредниковъ. И если въ будущемъ году, и черезъ два года, и черезъ три года хлѣбъ дойдетъ до двадцати рублей за четверть, я его буду припасать и сбывать безъ всякаго угрызенія совѣсти.

— Это едва ли вамъ удастся, серьезно возразила Варвара Михайловна.—Съ паденіемъ крѣпостнаго права, производительность усилится, хлѣбъ подешевѣтъ, и черезъ три года вы не узнаете нашего края.

— Срокъ не великъ, съ усмѣшкой замѣтилъ Петръ Тимоѣевичъ.

— Я еще кладу самый долгій, съ благородною пылкостью отвѣчала хозяйка.—Видѣли ли вы окрестности Берлика и

вообще восточную часть Пруссіи, гдѣ земля гораздо хуже вашей, а кашмать только немногимъ лучше? И что же? Весь этотъ край покрытъ фермами, плодородными полями, онъ кормитъ столицу и никогда не знаетъ неурожаевъ: вотъ вамъ живой примѣръ тому что значить вольный трудъ, тому что можетъ совершить работа человѣка не подавляемаго крѣпостнымъ правомъ.

— Конечно, конечно, говорилъ толстый гость съ своею водразнивающею усмѣшкою.— Давлюсь я только одному: какъ это у насъ земли удѣльныхъ крестьянъ или деревни государственныхъ имуществъ не похожи на окрестности Берлина? Видъ тутъ не было никого подавляемаго крѣпостнымъ правомъ...

— Cher monsieur Атабековъ, сказала ея превосходительство, — хорошо что вы сидите между людьми знающими вашу страсть представляться отсталымъ человѣкомъ. Не знаю какъ на другихъ, но на меня ваши насмѣшливые отзывы по поводу всего что похоже на реформу, производятъ самое ужасное впечатлѣніе. Не такимъ я знала васъ, когда вы служили вѣсть съ Викторомъ, и когда даже онъ укорялъ васъ за экадѣлѣцію вашихъ политическихъ мнѣній.

— Дѣло не въ политическихъ мнѣніяхъ, возразилъ толстякъ, какъ будто замѣвшись,— а въ томъ что ваша иллюзія о блаженствѣ, которое прольется на насъ черезъ три года, и была и останется иллюзіей. Вамъ теперь очень пріятно говорить и воображать, что черезъ три года, ***скій уѣздъ сравняется съ самыми богатыми уголками Бельгіи, а по всей Россіи потекутъ медовыя рѣки; но смѣю спросить, что скажете вы, когда пройдутъ три года, и вы еще не дождетесь даже малѣйшаго осуществленія вашихъ предчувствій? А что осуществленія не будетъ въ такой короткій срокъ— это вамъ скажетъ всякій человѣкъ, если только онъ не изсохъ надъ книгой и не протухъ нравственно въ одной изъ вашихъ канцелярій. Если не вѣрите мнѣ, отчаянному скептику, спросите Владиміра Матвѣича; онъ ужъ конечно не врагъ крестьянскому вопросу. Какъ вы думаете, дорогой нашъ посредникъ, обратится ли, въ три года, начиная отъ сего дня, то-есть къ 20-му іюля 1864 года, вся Россія въ цѣлѣности окрестности Берлина или Дрездена?..

— Хотя мнѣ и не совсѣмъ по вкусу форма запроса вашего, сказалъ Матвѣевъ, — но я долженъ заявить, что эта

мысль о немедленномъ появленіи благоосостоянія, вслѣдствіе отнятія крѣпостнаго права, кажется мнѣ истинно пагубною. Предразсудки закоренѣлаго плантатора кажутся мнѣ не такъ вредными какъ эти преувеличенныя ожиданія, за которыми не минуемо послѣдуетъ отчаяніе въ добромъ началѣ. Сама обстоятельство и свой интересъ насильно вдвинутъ плантатора въ сферу людей порядочныхъ; но какая сила утѣшить и укрѣпить тѣхъ добрыхъ людей, которые, разчитывая, что ими уже достигнута грань обѣтованной земли, увидятъ, что можетъ-быть не имѣть, а ихъ дѣтямъ придется увидѣть эту землю? Не могу безъ горести вспомнить какъ въ прошломъ мѣсяцѣ, въ Петербургѣ, при мнѣ, однимъ изъ благороднѣйшихъ людей когда-либо мною встрѣченныхъ, профессоръ, умница, человекъ положившій всю душу на вопросъ о концѣ крѣпостнаго права, съ восхищеніемъ говорилъ мнѣ: „черезъ два года, мы не найдемъ словъ, чтобы выразить какъ переродилась Россія!“ Онъ былъ еще горяче Варвары Михайловны и давалъ два года тамъ гдѣ она даетъ три. А по моему искреннему убѣжденію и черезъ два, и черезъ три года, и черезъ десять лѣтъ, мы не увидимъ ни окрестностей Берлина, ни диковинныхъ фермъ, ни чудесъ вольнаго хлѣбопашества, какъ они описаны въ книгахъ. По всей вѣроятности, до конца жизни нашей мы увидимъ лишь трудъ и лишенія, жертвы и жертвы. И невозможно жалѣть объ этомъ тому кто знаетъ, что люди живутъ въ мірѣ не для спокойствія и не для увеселеній.

Пока мы бесѣдовали такимъ образомъ, поздній обѣдъ кончился; хозяйка, дѣти и господинъ Атабековъ вышли на балконъ подышать чуднымъ вечернимъ воздухомъ. Мы съ Матѣевымъ немного отстали отъ компаніи.

— Не нравится мнѣ этотъ человекъ, сказалъ посредникъ, глядя въ слѣдъ толстому помѣщику.—Я легко мирюсь со всякими убѣжденіями, очень хорошо знаю, что можно быть трехбунчуковымъ пашой въ душѣ и самымъ кроткимъ господиномъ въ дѣйствительной жизни; но этихъ себялюбцевъ и насмѣшниковъ переносить не умѣю.

— За то я къ нимъ достаточно присмотрѣлся, замѣтилъ я въ свою очередь.—Атабековъ—это представитель неудавшихся бюрократовъ, сгорача оставившихъ служебную карьеру и бросившихъ въ оппозицію всему хорошему и дурному, что только идетъ отъ ихъ бывшихъ сверстни-

ковъ. Еслибъ этихъ людей поскорѣ сдѣлали генералами и со слезами упросили принять видныя мѣста, они пустились бы прославлять то, что теперь ругаютъ. Вы думаете, что онъ очень враждебенъ крестьянскому вопросу, а мнѣ кажется, онъ болѣе злится на то, что Викторъ Петровичъ и Семенъ Михайловичъ и другіе сослуживцы имѣли въ немъ голосъ, а онъ не имѣлъ и не будетъ имѣть, хоть по уму имъ равенъ, и во сто разъ больше чѣмъ равенъ. Изъ-за чего онъ съ такимъ торжествомъ сообщалъ о своей хлѣбной спекуляціи, можетъ-быть преувеличивая ея размѣры? Ему просто хотѣлось кольнуть хозяйку, дать ей замѣтить, какихъ бѣдъ надѣлаю ея друзьями, а намъ показать, что вотъ вы дескать, дураки, готовитесь къ жертвамъ, а для меня и трудное время даетъ выгоду!

Въ это время послышался съ балкона голосъ Варвары Михайловны, а дѣти прибѣжали съ извѣстіемъ, что настъ ждуть пить кофе.

Приказавъ закладывать коляску, я пробрался къ ея превосходительству и гостямъ ея превосходительства. Солнце ужъ стояло очень низко; небольшая свѣжесть разлилась въ воздухъ; за рѣчкой, отдѣлявшею садъ отъ деревни, собрался большой хороводъ женщинъ и дѣвухекъ; парни въ синихъ кафтанахъ накумутыхъ сверхъ рубашекъ бродили около прекраснаго поля и играли на гармоникахъ. День былъ праздничный: Варвара Михайловна дала знакъ рукой, и по ея мановенію, веселыя группы перешли мостъ, съ пѣснями двинулись въ нашу сторону и съ пѣснями вошли въ садъ; за хороводомъ и парнями притащилось до тридцати ребятшекъ.

За угощеніемъ дѣло не стало: лакеи и горничныя показались между народомъ; одни разносили водку, другіе надѣлали пѣвицъ пряниками и кренделями. Дѣти Варвары Михайловны забавлялись тѣмъ, что кидали лакомства въ толпу ребятшекъ, что производило сваку и крики: я подивился тому, что этотъ довольно обидный и ужъ вовсе не демократическій способъ угощенія не былъ тотчасъ же остановленъ хозяйкой.

Однообразныя пѣсни дились, дѣвухи поочереду выходили въ кругъ, по двое, и танцевали, съ платочками; мушкетеры, подкрѣпившись водкой, бойко разсуждали съ Варварой Михайловной, видимо гордившеюся передъ нами своею популярностью. Къ сожалѣнію, крестьяне, выходяв-

шіе впередъ для бесѣды, все оказывались одними и тѣми же какъ разговаривающіе актеры въ какой-нибудь комедіи изъ крестьянскаго быта. И надо признаться, что трое или четверо парней, бесѣдовавшихъ съ помѣщицей, совершенно походили на мужиковъ, какъ намъ ихъ показываютъ въ Александринскомъ театрѣ, и подпоясывались они какъ-то странно, и кафтанъ наброшенъ былъ съ шикомъ, и лица у нихъ были какія-то прилизанныя, нездоровыя. Настоящіе же, солидные мужики, съ золотисто-бѣлокуроыми бородами, загорѣлые и спокойные, только слушали въ какой-то и не враждебной, и не одобрительной задумчивости.

— Матушка няша, ваше превосходительство, говорилъ ковайкѣ старшій изъ удалыхъ парней,—что же свѣтъ нашъ Викторъ Петровичъ на дѣто къ намъ не заглянетъ?

— Служба совсѣмъ его замучила, былъ отвѣтъ Варвары Михайловны,—даже оставила я его больнымъ; теперь, слава Богу, пишетъ что лучше.

— Слава Богу, слава Богу, поддержалъ парень.

— А хочется ему побывать здѣсь, продолжала помѣщица,—во всякомъ письмѣ спрашиваетъ про васъ, говорить, нѣтъ ли мужичкамъ нашимъ въ чемъ обиды?

— Какая обида! раздалось въ группѣ четырехъ артистовъ съ рѣчами:—дамы за вами какъ за каменной стѣной.

— Отъ такой барыни быть обидѣ!

Я посмотрѣлъ на смирныхъ крестьянъ безъ рѣчей: они молчала и слушали разговоръ, не производя никакой демонстраціи.

— Я тебѣ скажу, матушка ты наша, началъ самый рѣчистый артистъ, проникнутый какимъ-то лиризмомъ,—намъ съ тобою, да съ нашимъ соколомъ баринкомъ никакихъ новыхъ порядковъ не надо. Рады мы всею вотчиной и землю твою пахать и служить вамъ во всемъ какъ служили. Другимъ, говорятъ, воля на радость, а намъ про волю и говорить-то не хочется.

— И очель худо, коли не хочется, внушительно перебила Варвара Михайловна.—Всякому человеку дорога воля; воля дѣло прочное, а мы у васъ не вѣчные. Конечно, пока вы за мной и мужемъ, притѣсненій не будетъ, а развѣ безъ воли, вы не могли бы послѣ насъ попасть въ руку худому барину?

— Хоть ко мнѣ напиримъ, вмѣшался Атабековъ, — у

меня четыре управляющихъ-Нѣмца, и всѣ крестьяне по міру ходятъ.

— Полюте говорить вздоръ, строго возразила Варвара Михайловна и снова пустилась объяснять, на общедоступномъ языкѣ, почему надо дорожить дарованною волей, если не для себя, то для своихъ дѣтей и внуковъ.

Трудно сказать почему именно, но эта бесѣда меня тяготила. Чѣмъ-то нескладнымъ, живымъ звучало для меня каждое слово. Я совершенно вѣрилъ, что Варвара Михайловна любила крестьянъ, не имѣлъ никакой причины думать, чтобы мужику ея не любили, а между тѣмъ разговоръ съ обѣихъ сторонъ былъ натянутъ, чувства въ немъ выразившіяся до крайности приторны. И почему эти одини и тѣ же четыре оратора занимали сцену, и для чего помѣщица, если дѣйствительно искала бесѣды по душѣ, не обратилась къ задней, молчаливой группѣ своихъ вассаловъ? Вся сцена пахла горькою ложью, безнадежною фразой; сами говорившіе чувствовали, что ихъ рѣчь почему-то не клеится, что имъ нечего сказать другъ-другу. Атабековъ цинически улыбался и иногда ввертывалъ въ разговоръ злую шутку. Владиміръ Матвѣевичъ курилъ сигару, и занимаясь съ дѣтьми, силался не видѣть и не слышать того, что дѣлалось и говорилось. Чтѣ до меня, то я въ самомъ разгарѣ разговора Варвары Михайловны ускользнулъ изъ сада, боковою калиткой вышелъ къ надворнымъ строеніямъ, и примѣтивъ, что моя коляска заложена, сѣлъ въ нее и велѣлъ кучеру везти меня въ Петровское.

Всю дорогу меня разбирала грусть, а дорога тянулась до ночи. На мызѣ все спало, въ домѣ тоже. Запретивъ будить сестру, я пробрался въ свою половину и утомленный до крайности, заснулъ очень крѣпко.

С. БЕЗЫМЕННЫЙ.

ПОДРАЖАНІЕ А. ПЕНЬЕ.

Въ дни жизненныхъ невгодъ, когда моя казна
Рукой безпечною исчерпана до дна,
Друзья бѣгутъ меня и, взоръ потупя строго,
Сосѣдка гонить прочь отъ своего порога,—
Недолго я ропщу на свой суровый рокъ:
Укрывшись отъ суетъ въ свой тихій уголокъ,
Въ Платона, Тацита я мыслью погружаюсь,
И забываю свѣтъ и свято наслаждаюсь
Уединеніемъ, покоемъ и трудомъ.
И вспоминаю я съ досадою и стыдомъ
Любви и роскоши заботы и тревоги,
И вѣтренныхъ долговъ нежданнныя итоги.
И восклицаю я: „что свѣтъ, что красота,
И деньги и любовь!? Все тлѣнь и суета!“
Но если, заглянувъ въ мое уединенье,
Фортуна подаетъ мнѣ руку примиренья,
И если, долгою разлукой смягчена,
Сосѣдка милая изъ своего окна
На мой тоскливый взглядъ съ стыдливостью наивной
Отвѣтитъ весело улыбкою призывной,—
Тогда прощай и трудъ, и Тацитъ, и Платонъ,
И мудрый взглядъ на жизнь, и толстый лексиконъ!
Прощай и ты, пріютъ священныхъ размышленій!
Бросаюсь я въ потокъ мятежныхъ наслажденій,—
И снова безъ борьбы разсудокъ побѣжденъ;
И снова пѣсень кликъъ, и чашъ задравныхъ звонъ,
Веселый смѣхъ друзей, въ шуму безумныхъ оргій,
И пламенной любви мученья и восторгу!

Б. АЛМАЗОВЪ.

15 февраля.
1862 г.

АТАМАНЪ БРАГИНЪ,

И

РАЗБОЙНИКЪ ЗУБАКИНЪ

„Наши историки (Карамзинъ, Соловьевъ и пр.) обратили преимущественное вниманіе такъ оказать на центростремительную силу нашей исторіи, почти вовсе опускаемая изъ виду значеніе силы центробѣжной... Эта центробѣжная сила нерѣдко представляетъ такихъ же грозныхъ дѣятелей, какъ и противоположная ей. Самыя дикія ея обнаруженія доказываютъ только, что въ русскомъ народѣ всегда жило, хоть и смутно, сознаніе необходимости существованія, помимо государства—еще гражданскаго общества,—истина, которую вполне ясно и опредѣленно выразить предоставлено было нашему времени. Нерѣдко страшныя проявленія этой центробѣжной силы въ нашей исторіи—не что иное, какъ протестъ ея противъ излившихъ притязаній силы ей противоположной.“

В. Ламанскій.

(О Славянахъ въ Малой Азіи и пр.)

Въ предлагаемомъ здѣсь небольшомъ очеркѣ на первый планъ выступаютъ не полководцы, не законодатели, а простые разбойники, которые заслужили право на вниманіе исторіи не личными качествами и не какими-либо особенными подвигами а во первыхъ тѣмъ, что въ нихъ выразился характеръ эпохи, о которой у насъ большею частью судятъ ошибочно, во вторыхъ тѣмъ вліяніемъ, какое имѣли они на окружающую ихъ среду (а эту среду составляли массы такихъ же свѣрыхъ людей, какъ и они сами), и наконецъ тѣмъ что заставляли задумываться и тревожиться полководцевъ и законодателей.

Нельзя не пожалѣть, что исторія разбоевъ, происходившихъ въ нашемъ отечествѣ во второй половинѣ XVIII столѣтїа, мало разработана. Никто изъ писателей даже прошлаго вѣка не счелъ нужнымъ обратить вниманіе на эти отграниченныя корпораціи разбойниковъ, какъ будто ихъ не было вовсе. Только имя атамана Заметаева сохранилось въ одной иностранной монографіи, посвященной описанію походовъ Суворова. Ф. Антингъ, авторъ весьма пространнаго сочиненія: *Les campagnes du Feldmaréchal Comte de Soutoroff-Rumnikski*,—называетъ Заметаева „преемникомъ Пугачева“ (successeur de Pugatschew), даетъ ему эпитетъ „умнаго и мужественнаго“, прибавляетъ, что только быстро-пріятыя мѣры помѣшали этому человѣку достаточно усилиться, и въ нѣсколькихъ словахъ разказываетъ объ его подвигахъ на Каспійскомъ морѣ и объ его поимкѣ¹. Впрочемъ и о Заметаевѣ упоминалось только потому, что подошелъ случай. А между тѣмъ исторія лицъ подобныхъ Заметаеву весьма любопытна, и объясняетъ многое въ исторіи прошлаго вѣка. Это былъ особеннаго рода протестъ слабого противъ сильнаго, протестъ, при которомъ не разбиралось средствъ, именно

¹ Ф. Антингъ называетъ Заметаева *Semetriow* и *Sametriow*. Антингъ говоритъ, что этотъ разбойникъ—„un successeur de Pugatschew, nommé *Sametriow*, s'était montré sur les bords de la mer Caspienne. *Semetriow* avait exercé divers brigandages contre les Turcs, il s'était emparé de quelques vaisseaux marchands avec 4 canons, il faisait des incursions par eau et par terre et il s'approchait d'Astracan du côté du lac Aral. — On prit aussitôt contre lui les mesures nécessaires. Le comte (Суворовъ) envoya 2 bataillons avec de l'artillerie et quelques escadrons de dragons dont les uns s'embarquèrent et les autres descendirent le Wolga sur la rive. En même tems il fit part de cette nouvelle au gouverneur d'Astracan. *Semetriow* avait été simple soldat d'infanterie sous Tottleben en Géorgie, ensuite appointé, et il avait déserté. Il était homme d'esprit et de courage, mais il n'eût pas le tems de se procurer des moyens; son parti était d'environ 300 hommes avec lesquels il vint à Tchernoyar, d'où il se retira au travers des landes d'Astracan à peu pres vers le milieu du Don. Ses gens qui apprirent qu'on le poursuivait, l'abandonnèrent en route, et quand il arriva sur le Don, il lui restait tout au plus dix hommes. De là il en envoya quelques uns chercher du pain dans un village voisin. On les arrêta comme suspects. Ils indiquèrent l'endroit où il se trouvait à un demi-mille de là dans la plaine. On y envoya des Cosaques du Don qui le firent prisonnier ainsi que les autres pendant qu'ils dormaient“ *Les campagnes* etc., par Frédéric Anthing. Trad. de l'Allemand par M. de Serionne, Membre de plus. académies. Avec des planches. Götting. 1799. I vol. p. 170—171.) Ср. нашу статью о Заметаевѣ въ *Русскомъ Дневникѣ*, 1859, №№ 7 и 8.

вслѣдствіе увѣренности, что честными средствами ни въ какомъ случаѣ выиграть его невозможно.

Почти въ одно время съ Заметаевымъ дѣйствовали еще атаманъ Кулага, Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ, каждый съ своею шайкой. Кулага, какъ и Заметаевъ, производилъ свои пиратскія экспедиціи на Каспійскомъ морѣ и на Волгѣ, на легкихъ лодочкахъ, тогда какъ послѣдніе дѣйствовали на сушѣ, предпринимая отдаленные походы въглубь Россіи. Брагинъ и Зубакинъ не пользовались такою громкою популярностью въ Россіи, какъ Заметаевъ, который, какъ выражался о немъ Суворовъ, „былъ оглашаемъ въ разныхъ странахъ“; но ихъ шайка имѣла соучастниковъ на Волгѣ, на Илавлѣ, на Медвѣдицѣ, Хопрѣ и Воронѣ-рѣкѣ. Товарищи Брагина и Зубакина принадлежали къ разнымъ сословіямъ: были межау ними казаки, Малороссіяне, русскіе рекруты и русскіе крестьяне; косвенно къ корпораціи ихъ принадлежали и помѣщики, и духовенство, и чиновники. Разбойничьи станы этой шайки находились не въ одномъ мѣстѣ: они собирались то въ одинъ притонъ, то въ другой; сегодня станъ ихъ на Медвѣдицѣ, на Илавлѣ, а черезъ мѣсяцъ они держатъ „воровской“ совѣтъ гдѣ-нибудь за триста, за чetyреста верстъ оттуда. Передъ отправленіемъ въ походъ, они сходились въ одномъ изъ становъ, совѣтовались куда идти, вооружались, запасались иногда подводами для перевозки добычи, и подъ предводительствомъ атамана, есаула или одного изъ старшихъ и опытныхъ разбойниковъ, какимъ былъ Зубакинъ, шли на промыселъ. Послѣ удачнаго или неудачнаго похода, когда шумъ о разбояхъ распространится по городамъ и селамъ и правительство поспѣшитъ принять противъ разбойниковъ мѣры, шайка разбредется въ разныя стороны: кто убить или пойманъ и попалъ въ острогъ, кто идетъ на Волгу, кто за Волгу, иной на Илавлю, на Каспійское взморье, кто въ лѣсъ и степи, и шатаются бѣглецы до новаго случая, до призыва атаманскаго, распѣвая старинныя пѣсни про свои станы да лѣса темные.

Лѣса ли вы, лѣсочки, лѣса темные!
 Кусты ли вы, кусточки, кусты частые!
 Ахъ, станы ли вы, станочки, станы теплые!
 Еще всѣ-то вы кусточки ужъ повыжежы,
 Еще всѣ наши станочки поразворемы,
 Еще всѣ наши товарищи переиманы.

Какъ и первой-то товарищъ въ градѣ Києвѣ,
 А второй-то нашъ товарищъ въ каменной Москвѣ,
 Какъ и третій-то товарищъ въ славномъ Петербѣ.
 Я остался, добрый молодецъ, въ темныхъ лѣсахъ...
 Закружилася моя головошка, закружилася!..

Объ одной изъ такихъ экспедицій шайки Брагина и Зубакина мы намѣрены разказать здѣсь по старымъ архивнымъ документамъ¹. Какъ оказывается изъ дѣла, разбойники снарядились въ походъ наскоро, и хотя шайка ихъ была многочисленна, однако, опасаясь ли возбудить подозрѣнiе или разчитывая, что небольшими партiями удобнѣе дѣлать набѣги, Брагинъ собралъ въ свой станъ и вывелъ въ поле лишь нѣсколько человекъ. Это было лѣтомъ 1775 года. Онъ снаряжался въ путь въ то самое время, когда Кулага пробирался отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ, а Заметаевъ, покончивъ разбой на Каспiйскомъ морѣ и простившись съ своимъ есауломъ послѣ побѣды надъ высланнымъ противъ нихъ отрядомъ, пробирался на Донъ, уклоняясь отъ посланныхъ Суворовымъ драгунскихъ эскадроновъ.

Въ то время когда Брагинъ собралъ въ одномъ изъ своихъ становъ нѣсколько человекъ изъ предводительствуемой имъ шайки, въ Камышинъ прiѣхалъ изъ верховыхъ городовъ купецъ, котораго въ городѣ знали подъ именемъ Бѣлевцова. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ тархана, хотя не торговалъ ничѣмъ; иногда являлся въ видѣ перекупщика старыхъ вещей, въ другой разъ прiѣзжалъ въ качествѣ хлѣбнаго торговца; былъ онъ и рыбакомъ и повѣреннымъ по дѣламъ; отъ чужаго имени продавалъ онъ даже и людей, которыхъ бралъ Богъ-вѣсть откуда. Однимъ словомъ, личность довольно подозрительнаго свойства, и видно было, что профессiя торговца маскировала что-то другое. На этотъ разъ Бѣлевцовъ прiѣзжалъ для покупки рыбы, но, неизвестно почему, рыбы не купилъ, а задумалъ какое-то новое дѣло. Наѣзжая въ Камышинъ, онъ останавливался обыкновенно у одного Малороссiянина, камышинскаго бобыля, по прозванiю Пучка. Слѣдуетъ замѣтить, что около того времени среднее Поволжье стало заселяться выходцами изъ Украйны, которыхъ называли „черкасами“. Стѣсняемые на родинѣ въ своихъ вольностяхъ; посполитые

¹ Изъ числа полученныхъ нами отъ Н. И. Костомарова.

люди, особенно изъ наиболѣе тѣскимыхъ мѣстностей, разбрелись по всей Россіи: кто шель въ Запорожскую Сѣчь, къ тогдашнему атаману Потемкину, кто на Днѣвъ, иные пробирались на Волгу. Большія передвиженія начались особенно послѣ жестокаго усмиренія бунта гайдамаковъ: избавившись отъ кола и висѣлицы, бездомные и безпріютные гайдамаки разсыпались по всей южной половинѣ Россіи, „съ вожомъ за голенищемъ“, по выраженію народнаго поета. Потянулись гайдамаки и къ привольному Поволжью, подѣлались честными гражданами: кто пошелъ въ крестьянѣ, кто въ бурлаки на суда, кто въ бобылаи; но при своихъ честныхъ занятіяхъ не забывали и гайдамацкихъ привычекъ, особенно когда трудъ не спасалъ отъ бѣдности. Оттого такъ часто и охотно приставали они къ разбойничьимъ шайкамъ; иные изъ нихъ сами дѣлались атаманами. Изъ числа такихъ переселенцевъ было и семейство бобыля Пучка. Бѣлевцовъ, будучи давно знакомъ съ бобылемъ, пригласилъ его отправиться съ нимъ въ Русь, для разныхъ торговыхъ дѣлъ, подговоривъ еще другаго Малороссіянина, тоже давно ему знакомаго и пріятеля Пучка. Бѣлевцовъ звалъ ихъ на Медвѣдицу, въ село Кочетовку, для покупки, какъ онъ говорилъ, ржаной и пшеничной муки, на продажу. Онъ обѣщалъ „не обидѣть“ ихъ, когда отъ этой операціи получить прибыль. Малороссіяне согласились, и всѣ втроемъ отправились въ путь на двухъ телегахъ.

Но они ѣхали не долго. За рѣчкою Карамышемъ, за поселкомъ Топовкою, когда они проѣзжали по степи, изъ буграка, „на перехватъ ихъ“, выѣхало нѣсколько вооруженныхъ всадниковъ.

— Чтò за люди? закричали они ѣхавшимъ:—куда ѣдете?

Тѣ отвѣчали, что ѣдутъ изъ Камышина за покупкой хлѣба. Тогда незнакомые вооруженные люди велѣли имъ идти съ собой къ разбойничьему стану, приглашая также вступить въ шайку. Это были разбойники. Они тѣмъ болѣе хотѣли завербовать къ себѣ въ соучастники трехъ своихъ пѣвниковъ, что Бѣлевцовъ, по роду своей торговли, долженъ былъ очень хорошо знать, гдѣ разбойники могутъ получить важную добычу, и могъ указать имъ на самыхъ богатыхъ людей въ тѣхъ губерніяхъ, по которымъ онъ разѣзжалъ. Разбойники, кажется, знали чтò за человекъ этотъ Бѣлевцовъ, хотя быть-можетъ онъ и не принадле-

жалъ къ ихъ шайкѣ. Но ни Бѣлевцовъ, ни товарищи его, разумеется, не желали слѣдовать за разбойниками къ ихъ притону. Разбойники грозили имъ смертью, были ихъ и особенно Бѣлевцова, въ которомъ наиболѣе нуждались. Не имѣя силъ сопротивляться, пойманные торгаши должны были слѣдовать за разбойниками, которые и привели ихъ въ свой станъ.

Въ то время, когда нижнее Поволжье было еще такъ мало заселено, когда отъ поселка къ поселку вели пустынные степныя тропы или извилистыя лѣсныя дорожки, когда дремучіе лѣса, стоявшіе нетронутыми по отлогостямъ и вершинамъ волжскихъ горъ и по всѣмъ впадающимъ въ Волгу, Медвѣдицу и Хоперь рѣчкамъ, представляли безопасное уѣжище всякой вольницѣ — разбойничьимъ притонамъ было много мѣста. Темный лѣсъ, высокіе камыши у рѣчекъ и глубокія степныя бадки, буераки и яры покрывали днемъ все что дѣлалось ночью. Вновь заводимый гдѣ-нибудь на отшибѣ поселокъ, глухая, заросшая лѣсомъ, деревенька, степные хутора и уметы, гумна разкиданные по полямъ, вдали отъ жилья, и даже большія села и кабаки по городамъ, служили притонами для разбойниковъ. Жить было тяжело, и потому надо было или жить на чужой счетъ и грабить, или привимать у себя награбленное. Вотъ отчего такъ много было въ то время пристанодержателей, и такъ много было воровскихъ становъ. Тамъ же, гдѣ былъ встрѣченъ Бѣлевцовъ, мѣстность представляла и другія удобства: около Топовки разстилается ровная степь, усыпанная множествомъ кургановъ, которые слывятся въ народѣ подъ именемъ „татарскихъ могилъ“. Степь эта представляетъ плоскую возвышенность, владычествующую надъ всею окрестностью, и между курганами замѣтнѣе прочихъ „Большой Курганъ“, съ котораго глазъ видитъ все что дѣлается вокругъ, далеко въ степи. Разбойники умѣли выбрать эту мѣстность для своего стана: съ Большаго Кургана они наблюдали за каждымъ проѣзжимъ и прохожимъ, тѣмъ болѣе что здѣсь шла большая дорога, ведущая отъ Поволжья въ „Русь“. И при Пугачевѣ около Топовки было особенное движеніе.

Разбойники и ихъ плѣнные пробыли въ станѣ два дни. Это былъ притонъ Брагина и Зубакина. Самъ Брагинъ находился въ то время въ станѣ и правилъ имъ какъ ата-

манъ. Брагинъ служилъ когда-то, какъ казакъ Волжскаго войска, въ Московскомъ легіонѣ, и бѣжалъ оттуда. Это тотъ самый легіонъ, который формировался въ Поволжьѣ за годъ до появленія Пугачова, и главнымъ командиромъ котораго былъ извѣстный князь Прозоровскій; въ этомъ легіонѣ служилъ предшественникъ Пугачова, молодой самозванецъ Богомоловъ, и часть этого самаго легіона, стоявшая у Дубовки, взбунтовалась въ 1772 году, защищая, въ лицѣ Богомолова, покойнаго императора Петра III, и требуя чтобы именной царь велъ бунтовщиковъ на Москву. Должно думать, что Брагинъ зналъ Богомолова. Во время пребыванія въ станѣ, въ продолженіе двухъ дней, Брагинъ, не разбивавшій средствъ для достиженія цѣли, успѣлъ сдѣлать все что ему было нужно: онъ жестоко мучилъ Бѣлевцова, принуждая вступить въ шайку и быть ея провожатымъ по русскимъ селамъ; взатымъ съ Бѣлевцовымъ Малороссіянамъ грозили смертью, еслибъ они не согласились слѣдовать за шайкой¹. Бѣлевцовъ и Малороссіяне должны были повиноваться. Брагинъ и другіе разбойники, находившіеся въ станѣ, изъ которыхъ одинъ былъ волжскій казакъ Кошечевъ, а другіе Малороссіяне, вооружились передъ отъѣздомъ на разбой, точно шли на сраженіе: всѣ они сѣли на лошадей; каждый взялъ по ружью и по пукѣ съ дротикомъ; у каждаго была шашка и пистолетъ. Неизвѣстно, былъ ли тогда въ станѣ и Зубакинъ: изъ показаній этого не видно. Можетъ-быть, личность Брагина, какъ атамана, стояла на первомъ планѣ и закрывала собой простаго, хоть и опытнаго разбойника; только послѣдующія обстоятельства показываютъ, что Зубакинъ участвовалъ въ этой экспедиціи, и болѣе другихъ навлекъ на себя преслѣдованіе правительства. Очень можетъ быть, что онъ пристаалъ къ шайкѣ уже послѣ, подъ новымъ вымышленнымъ именемъ, которыхъ у него было такъ много.

Впередѣ этой, выступившей въ путь партіи, ѣхалъ Брагинъ съ разбойниками, а за ними слѣдовалъ Бѣлевцовъ съ товарищами на двухъ телегахъ. Повѣздъ имѣлъ видъ небольшого казацкаго отряда, посланнаго съ какимъ-нибудь

¹ „Тотъ Брагинъ съ Кошечевымъ, мучивши немилостиво Лукьяна Бѣлевцова, принуждали, чтобъ онъ, какъ изъ русскіихъ мѣстъ, указалъ и повелъ ихъ въ лучшія мѣста для разбою и воровства.“ (Слова Пучка на допросѣ.)

важнымъ порученіемъ, и дѣйствительно, когда въ селахъ и деревняхъ, черезъ которыя отряду приходилось проѣзжать, спрашивали разбойниковъ: куда и зачѣмъ они ѣдутъ? Брагинъ отвѣчалъ, что онъ смаряженъ изъ Дубовки „съ командою по дѣлу“. Продовольствіе для маленькаго отряда покупалось на деньги, а для ночлега отрядъ останавливался гдѣ-нибудь въ полѣ или въ лѣсу, въ сторонѣ отъ жилья. Въ то смутное время, когда четверть населенія Россіи, бѣглые крестьяне, солдаты, раскольники и даже не бѣглые, но нищіе земледѣльцы всѣхъ наименованій, бродили по бѣлу свѣту, мыкаясь изъ конца въ конецъ и питаясь грабежомъ и воровствомъ, когда дубинка и ружье кормили сытнѣе чѣмъ паугъ и соха, военные разѣзды „для сыоку воровъ и разбойниковъ“ ходили по всѣмъ направленіямъ, по большимъ и малымъ дорогамъ, и потому разбойничій отрядъ Брагина не могъ никому внушить подозрѣніе; многіе, можетъ-быть, думали, что онъ-то и спасетъ ихъ отъ оборванныхъ шаекъ, шатавшихся по проселкамъ.

По переправѣ черезъ рѣку Медвѣдицу, поѣздъ останавливался на время, и атаманъ ѣздилъ зачѣмъ-то въ село Кочетовку, ко вдовѣ капитана Агешева, которая, по словамъ одного изъ разбойниковъ, „Брагину незнаемо почему называется своя.“ Есть причины думать, что между этою помѣщицей и атаманомъ разбойниковъ существовали какія-то странныя отношенія, можетъ-быть даже родственная, но всего скорѣй, что это было простое знакомство. Брагинъ могъ заѣзжать къ ней во всякое время, посѣщенія его не казались ни для кого странными и не считались предосудительными; въ отсутствіе помѣщицы, его принимали крестьяне и дворовые люди Агешевой, какъ знакомаго ихъ госпожи. Можетъ-быть Агешева не знала о профессіи Брагина, хотя трудно было не догадаться, какимъ ремесломъ занимается этотъ странный гость. А можетъ-быть госпожа Агешева и посвящена была въ тайну имени и существованія атамана, и это тѣмъ вѣроятнѣе что разбойники, пріѣзжавшіе къ нему, отправлялись обыкновенно прямо къ Агешевой, когда не находили своего водителя въ стану. На этотъ разъ Брагинъ не застаѣт вдовы дома, и потому, взявъ у дворовыхъ людей припасовъ на дорогу, скоро воротился къ товарищамъ, и шайка отправилась далѣе.

Такъ вѣхали они пять дней по направленію къ сѣверу, „въ Русь“, какъ они говорили, въ верховые города. Доѣхали наконецъ почти до Вороны-рѣки.

Въ одну ночь, по указанію Бѣлевцова, Брагинъ подступилъ съ своею шайкой къ довольно-большой деревнѣ, гдѣ жилъ самъ помѣщикъ, поручикъ Исѣевъ. Думали вѣроятно найдти у него большія деньги, или быть-можетъ Бѣлевцовъ имѣлъ свои причины не любить Исѣева, и желалъ его гибели. Какъ бы то ни было, разбойники вѣхали въ деревню и приблизились къ господской усадьбѣ. Разчитавъ, что только быстрота и нечаянность нападенія помогутъ имъ исполнить свой замыселъ, и что ничтожной горсти разбойниковъ не устоятъ противъ цѣлой деревни, Брагинъ приказалъ верховымъ пустить лошадей во весь опоръ, и скакать прямо къ помѣщику на дворъ. Прискакавъ къ самому дому, разбойники сдѣлали залпъ изъ ружей прямо въ окна помѣщичьяго дома, и потомъ закричали чтобы помѣщикъ тотчасъ выходилъ. Несчастный вышелъ на крыльцо и Брагинъ потребовалъ отъ него денегъ. Исѣевъ говорилъ, что денегъ у него нѣтъ; разбойники требовали, и одинъ изъ нихъ, Малороссіянинъ, повидимому самый жестокій изъ всей шайки (мы догадываемся, что это и былъ самъ Зубакинъ), схватилъ несчастнаго Исѣева, стащилъ съ крыльца, и тутъ же повѣсилъ его на воротахъ, на волосяномъ арканѣ. Въ то время ворота всегда замѣняли висѣлицу, особенно когда требовалось быстрое исполненіе приговора; сколько жертвъ погибло на воротахъ во время форсированнаго марша Пугачова къ Царицыну, на разстояніи тысячи верстъ!.. Напрасно Пучокъ съ товарищемъ, которые оставались за воротами у своихъ телѣгъ, увидя эту сцену съ бѣднымъ Исѣевымъ, просили разбойника не дѣлать убійства; напрасно они плакали передъ нимъ...

— Коли его не повѣсимъ, сдѣлаетъ за нами погоню, сказалъ разбойникъ, и поднялъ несчастнаго къ воротамъ.

„И какъ сталъ Малороссіянинъ Степанъ (онъ же и Фролъ Зубакинъ) его, Исѣева, вѣшать, то мы его, чтобы не чинилъ смертнаго убійства, плакавши слезно просили; только онъ, сказавши, что-де когда не повѣсимъ, сдѣлаетъ погоню... не послушалъ“, говорилъ послѣ Пучокъ, когда его допрашивали въ Камышнѣ.

Не медля ни минуты, разбойники вломились въ домъ, и на-

чали обыскъ, но несмотря на всѣ усилія, нашли самую ничтожную сумму денегъ, которая даже не вознаграждала ихъ за ужасную смерть повѣшеннаго ими помѣщика: во всемъ домѣ отыскали только около трехъ рублей, да захватили платье, которое казалось поцѣвнѣе. Жена несчастнаго и ея маленькія дѣти умоляли разбойниковъ оставить имъ жизнь, и Брагинъ, сжалившись надъ ихъ беззащитностью, тронутый просьбами дѣтей и бѣдной матери, или не желая напрасно проливать кровь, сказалъ Исьевой:

— Богъ, государь и мы тебя прощаемъ!

Въ деревнѣ услышали между тѣмъ, что на господскомъ дворѣ происходитъ что-то недоброе. Дворовые раньше поднялись на шумъ и выбѣжали. Стрѣльба разбудила и всю деревню. Собралась огромная толпа народа, и все вошло на барскій дворъ. Тогда Брагинъ закричалъ сбѣжавшемуся народу:

— Кто станетъ мѣшать моему дѣлу, всѣхъ перестрѣлю и деревню выжгу!..

Двухъ изъ разбойниковъ онъ выслалъ за ворота на улицу, гдѣ въ то время, какъ мы сказали, находился Бѣлевцовъ съ товарищами, и они развели около самаго двора большой костеръ, угрожая сжечь деревню, если кто-нибудь изъ народа осмѣлится препятствовать имъ въ грабежѣ; они жгли холсты, и показывали видъ, что готовятъ растопку для деревни. Между тѣмъ самъ Брагинъ и другіе разбойники таскали изъ дому все, что въ немъ было годнаго. Все награбленное они уложили въ телѣги, вывели изъ конюшни пару господскихъ лошадей, и прежде чѣмъ народъ могъ придти въ себя, усаkali изъ деревни.

Станнымъ можетъ показаться этотъ смѣлый набѣгъ ничтожной горсти разбойниковъ на большую населенную деревню. Но не забудемъ, что это происходило въ 1775 году. Въ то время имя Пугачова было еще у всѣхъ въ памяти. Хотя народъ и слышалъ, что на Москвѣ казнили какого-то Пугачова; но онъ этимъ слухамъ вѣрилъ только на половину. Слухъ между тѣмъ ходилъ о какомъ-то Заметаевѣ, который долженъ былъ сдѣлаться освободителемъ народа; слухъ этотъ, какъ извѣстно, встревожилъ даже Суворова и графа Петра Панина, занимавшихся возстановленіемъ тишины въ Поволжѣ, потому что имя Заметаева произносилось даже за границей, и ему придавали какое-то особенное

значеніе. Не удивительно, что народъ постоянно находился въ какомъ-то напряженномъ состояніи, чего-то боясь и ожидая, съ надеждой перемѣны своей доли. Оттого онъ даже не зналъ, за кого принимать разбойниковъ, за враговъ ли, или за своихъ друзей, предшественниковъ тащественнаго освободителя. Этимъ состояніемъ умовъ пользовался и Брагинъ, а потому обращался къ народу съ такою фразой: „Богъ, государь и мы тебя прощаемъ!..

По убійствѣ Исьева, разбойники продолжали свой путь вглубь Россіи, перешли Ворону и слѣдовали вдоль этой рѣки. Три дня они ѣхали такимъ образомъ, не встрѣчая ни военныхъ разбѣдовъ, ни другихъ выслоекъ отъ командировъ находившихся вездѣ „у сыску воровъ и разбойниковъ“. Командиры вѣроятно предпочитали сидѣть въ городахъ, и только доносили въ государственную военную коллегію о совершившихся преступленіяхъ, или гонялись за шайками, на которыя имъ указывало мѣстное начальство, отправляясь на поиски уже тогда, когда разбойники уходили вглубь лѣсовъ или успѣвали прятаться въ станахъ, и когда искать уже было нечего. Иногда поиски ихъ возобновлялись съ большею силой, когда они нечаянно натыкались на мертвое тѣло, на ограбленный обозъ, на сожженное жилье, и тщетно прождавъ прихода разбойниковъ, доносили куда слѣдуетъ, что все обстоитъ благополучно, что они продолжаютъ наблюдать за спокойствіемъ страны „недреманнымъ окомъ“. Чаще всего поиски начинались по взятіи въ кабаки какого-нибудь подозрительнаго бродяги, который и наводилъ командировъ на слѣды преступленій, утаивая въ показаніи девяносто девять процентовъ изъ всего, что отъяно имъ самимъ и артелью, къ которой онъ принадлежалъ и для выгоды которой не жалѣлъ своей руки.

Шайка Брагина ѣхала благополучно до новой встрѣчи. Встрѣча не замедлила порадовать разбойниковъ. Въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ Вороны, въ лѣсу, они нагнали какихъ-то путешественниковъ, и рѣшились попытаться счастья. Впереди ѣхалъ, какъ видно, барскій „берлинь“, а за нимъ слѣдовали три повозки съ людьми, какъ обыкновенно ѣздили богатые люди въ то время. Тогда знатные господа путешествовали по Россіи съ маленькими отрядами своей дворцовой конницы, вооруженной по всемъ правиламъ воюемаго искусства; а жемье знатные брали съ собой

дворовыхъ людей, снабжали ихъ ружьями, пистолетами, кинжалами, дубинами и чѣмъ попаало. Когда бераницъ остановился зачѣмъ-то на горѣ, а слѣдовавшіе за нимъ повозки стали спускаться подъ гору, къ Воронѣ рѣкѣ, разбойники рѣшились напасть на путешественниковъ, и употребили тотъ же маневръ, какой имъ такъ хорошо удался въ имѣніи Исъева. По командѣ Брагина, разбойники во весь опоръ впустились къ бераницу, подскакали и слѣлали по немъ залпъ изъ ружей. По счастью, никто изъ находившихся въ каретѣ не былъ убитъ, даже никто не былъ раненъ, можетъ-быть потому, что пули, пущенныя изъ дурныхъ казацкихъ ружей, не могли пробить кузовъ экипажа. Это печальное нападеніе навело такой ужасъ на путешественниковъ, что никто не думалъ защищаться, и даже люди, испуганные выстрѣлами, не только не думали спасать господина, но, быть-можетъ, не чаяли даже спасти и свою собственную жизнь.

Изъ бераница вышелъ какой-то господинъ съ дамою и небольшою дѣвочкой. Застигнутые враслохъ, покинутые людьми (ихъ было семь человекъ, но, испуганные, они не смѣли тронуться съ мѣста), путешественники не знали, что дѣлать. Они умоляли Брагина взять все, что у нихъ есть, только не лишать жизни. Для Брагина было уже достаточно того убійства, которое онъ слѣлаалъ три дня назадъ, и онъ не тронулъ этихъ новыхъ жертвъ. Но, собравъ всѣхъ тѣлохранителей путешественника въ куцу, онъ воставилъ тутъ же его самого съ дамою и дѣвочкой, и велѣлъ прочимъ разбойникамъ выбирать все изъ возовъ и сундуковъ бераница. Они взяли у путешественника пятьсотъ рублей серебряною монетою, множество платья, серебряной посуды, ложки, стакановъ, чарокъ и не малое количество оловянной и мѣдной посуды; кромѣ того взяли у нихъ четыре лошади. Путешественника и его прислугу Брагинъ не велѣлъ обижать, и самъ никого не тронулъ. Есаубы не свирѣлость Зубакина, атаманъ вѣроятно не погубилъ бы и Исъева.

Послѣ открылось, что этотъ новый ограбленный былъ майоръ Зайцевъ съ женою и дочерью. Можетъ-быть, послѣ казни Пугачова и по усмиреніи нареднаго волненія, Зайцевъ возвращался теперь въ покинутое имѣніе, изъ Москвы или другаго безопаснаго города, гдѣ онъ жилъ, пока шайки бродили по всей юго-восточной половинѣ Россіи; можетъ-быть, съ нимъ находилось теперь все его достояніе; какъ

бы то ни было, но Брагинъ не оставилъ ему ничего цѣннаго.

Отрабивъ Зайцева, разбойники повернули назадъ, и снова перѣехали Воронежу, принявъ направленіе къ югу. Можно думать, что дальнѣйшее ихъ слѣдованіе по направленію къ сѣверу и новые разбои могли быть уже не безопасны, тѣмъ болѣе что разбойники заходили уже въ очень заселенныя мѣстности средней Россіи. Походъ ихъ могъ кончиться весьма трагически. Атаманъ зналъ это, и потому рѣшился отступить заблаговременно. Зубакинъ на время исчезаетъ изъ виду, и объ немъ не слышно долго. Послѣ оказывается, что онъ опять перемѣнилъ имя и дѣйствовалъ въ пользу своей шайки.

Въ первую же ночь, проѣхавъ верстъ тридцать отъ мѣста разбоя, отрядъ Брагина своротилъ въ лѣсъ, остановился отдохнуть и сдѣлалъ „дуванъ“, то-есть дѣлаетъ всему награбленному. Бѣлевцову, какъ человѣку торговому, официально называвшемуся купцомъ, отдали все отягое у Исыева и Зайцева имущество, серебряную, мѣдную и оловянную посуду и пару лошадей; Пучку съ товарищемъ удѣлили часть денегъ, а все остальное взялъ себѣ Брагинъ по праву атамана шайки. Здѣсь же разбойники положили на совѣтъ отпустить Пучку съ товарищемъ на родину, а Бѣлевцовъ долженъ былъ взять съ собой Коцеева и, подъ видомъ купца, ѣхать къ Волгѣ, именно въ Дубовку, для продажи награбленнаго имущества. Въ то время Дубовка была самымъ удобнымъ для этого мѣстомъ. Волжскіе казаки вообще никогда не пользовались репутаціей хорошихъ гражданъ и кнѣнее поволжье рѣдко было спокойно; къ Дубовкѣ шли выходцы („околоты“) изъ разныкъ мѣстъ, преимущественно изъ верховыхъ городовъ и изъ Малороссіи; рѣка Илавая считалась притономъ разбойниковъ и бродягъ; туда шли съ Волги бѣглые бурлаки, если находили, что на Волгѣ имъ оставаться опасно; туда стремились бѣглые солдаты и рекруты, бѣглые донскіе и волжскіе казаки, потому что здѣсь былъ конецъ цивилизованной Россіи и начало Азіи, предѣлъ, гдѣ было легко дышать всякой волюнціѣ. Тамъ находили притонъ знаменитые поволжскіе атаманы разбойниковъ; тамъ явился предшественникъ Пугачова, самозванецъ Богомоловъ; тамъ же думалъ привести въ исполненіе свой планъ несчастный послѣдователь Пугачова и Бого-

молова, самозванецъ Лавинъ, объявившій о своемъ высокомъ происхожденіи черезъ три года послѣ описываемыхъ нами событій и, можетъ-быть, также какъ и Богомоловъ, лично знавшій Брагина съ товарищами. Отправляя Бѣлевцова съ Коцеевымъ въ Дубовку, Брагинъ снабдилъ ихъ деньгами, и велѣлъ имъ возвратиться къ нему опять и искать его за Медвѣдицей, у капитанаши Агашевой; или же въ разбойничьемъ стану, за посеекомъ Топовкою, тамъ гдѣ взятъ былъ Бѣлевцовъ и Пучокъ съ товарищами. Отпущая Пучка на родину, Брагинъ подтверждалъ подъ прещеніемъ смерти, чтобы про него и про его товарищей ни въ какомъ случаѣ не оказывали. Не зная дороги, Пучокъ просилъ, чтобы Брагинъ позволилъ ему вѣхать вмѣстѣ съ Бѣлевцовымъ и Коцеевымъ.

Простившись съ атаманомъ, они отправились въ повожье „глухими дорогами“, которыя такъ хорошо были извѣстны Бѣлевцову. Дорогой, въ селѣ Бакаушахъ, Бѣлевцовъ нанялъ себѣ въ работники одного экономическаго крестьянина, который скорѣе напоминалъ какого-нибудь коновода воровской партіи, чѣмъ простаго мужичка-работника; даже волосы носилъ онъ по казацкому или по воровскому обычаю, подстригаясь „въ-кругло“ или въ-кружало. Въ паспортѣ онъ назывался Васильемъ Михайловымъ. Послѣ мы узнаемъ, что настоящее имя этого работника было очень хорошо извѣстно Бѣлевцову, и въ особенности Коцееву. Нанявъ этого работника, Бѣлевцовъ вывелъ потомъ свою партію на Илавлю, къ Петрулиной мельницѣ. Съ этою мельницей связано много преданій и эпизодовъ изъ разбойничьихъ подвиговъ того времени; она была удобнѣйшимъ мѣстомъ для притоновъ, и очень часто упоминается во всѣхъ показаніяхъ воровскихъ людей прошлаго вѣка. Здѣсь-то разбойники разстались: Бѣлевцовъ съ Коцеевымъ и нанятымъ работникомъ поѣхали въ Дубовку, а Пучокъ съ товарищемъ возвратился въ Камышинъ; здѣсь они явились къ своему сотскому, и когда тотъ спросилъ ихъ, куда они ѣздили, они отвѣчали, что ѣздили было въ Русь покупать хлѣбъ, но не купили.

Между тѣмъ, Бѣлевцовъ и нанятой имъ работникъ явились въ Дубовку и стали продавать награбленное имущество. Только Коцеевъ зналъ, кто они такіе; онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ ними въ Дубовку, но впрочемъ не какъ това-

рищъ, а какъ будто лицо совершенно постороннее. Онъ разказывалъ, что встрѣтилъ купца съ работникомъ на дорогѣ, согласился съ ними ѣхать въ Дубовку торговать рыбой, а потому помѣстилъ ихъ въ квартиру у своего родственника, есаула Волжскаго войска Щербакова. Купецъ однако возбудилъ подозрѣніе, сперва въ капитанѣ Московскаго легіона, ротмистрѣ Дьяченковѣ, которому онъ продавалъ нѣкоторыя вещи; а потомъ подозрительно взглянулъ на его торговлю и мѣстныя власти Волжскаго войска: войсковой атаманъ Василій Персидскій, имя котораго такъ извѣстно и громко въ исторіи южнаго повожья, войсковые старшины Федоръ Персидскій и Дмитрій Савельевъ и войсковой дьякъ Кривушинъ. Мы не знаемъ, какими побужденіями руководствовались власти, только подозрительный купецъ и его работникъ были арестованы и продержаны подъ карауломъ болѣе мѣсяца. Товаръ ихъ также былъ задержанъ¹. Въ войсковой канцеляріи Бѣлевцовъ говорилъ, что пріѣхалъ торговать и что у него есть законный билетъ; что онъ житель Московской губерніи, Переяславскаго уѣзда, пригородка Михайлова купецъ Лукьянъ Малаховъ; что товаръ купленъ имъ на Хопрѣ, въ селѣ Макаровѣ, у крестьянъ, которые признавались откровенно, что „имѣющаяся оная у нихъ пажитъ набрана ими во время бывшаго возмущенія“, то-есть въ смутную пору неурядицъ, произведенныхъ въ Россіи Пугачовымъ. Онъ представилъ при этомъ и билетъ свой, выданный изъ Михайловской ратуши. Для властей сомнительнаго не видѣлось, кажется, ничего, тѣмъ болѣе что и купеческій работникъ имѣлъ законный видъ, выданный ему изъ села Бакулшъ, Верхоломовскаго уѣзда, отъ сельскаго старосты, лучшихъ стариковъ и всего міра. Относительно формы, законность была на сторонѣ арестованныхъ. Нашлись, кажется, и другія обстоятельства, которыми власти были расположены въ ихъ пользу,

¹ Въ имѣющихся у насъ бумагахъ находится подробная опись имущества, взятаго разбойниками у Исыева и Зайцева. При чтеніи этой описи, будто живые встаютъ передъ нами покойники, жильцы „златаго на сѣверѣ вѣка“, въ шелковыхъ красныхъ, алыхъ, бѣлыхъ съ разводами и „съ прозументами“ и даже въ ситцевыхъ камзолахъ, въ робронахъ цѣтливой тафты, въ лазоревыхъ, синихъ и набойчатыхъ шугаяхъ; тутъ есть и дѣтскія атласныя одѣяльца съ кружевами, и манталы, и скатерти бранная, и шальны съ „прозументами“, и весь тогдашній дамскій костюмъ и пр.

поэтому нашлись въ законахъ подходящія къ дѣлу благопріятныя статейки. Статьи эти живо характеризуютъ эпоху, въ которую онѣ писались; это были приложенія къ манифесту, изданному по заключеніи вѣчнаго мира съ Оттоманскою Портою и усмиренія пугачевского бунта. Въ нихъ говорится:

„Всѣмъ тѣмъ городамъ, селамъ, селеніямъ, жилищамъ, мѣстамъ и людямъ въ оныхъ живущимъ и внѣ оныхъ находящимся, однимъ словомъ всѣмъ во внутреннемъ бунтѣ, возмущеніи и безпокойствѣ и неурядицѣ 1773 и 1774 годовъ участвовавшимъ, по большей части отъ ослѣпленія, глупости, невѣжества или суевѣрія, ея императорскаго величества всемилостивѣйшее общее и частное прощеніе, предавъ все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію, и запрещаетъ ея императорское величество впредь чинить о сихъ дѣлахъ притязаніе и изысканіе“ (пунктъ 38).

„Всаждствие сего всемилостивѣйшаго прощенія повелѣваетъ производство саждствій и взысканіе вытей по вышесказанному случаю о происшедшихъ разграбленіяхъ и о поличеніи не только въ Оренбургской, Казанской и Нижегородской, но и всѣхъ прочихъ губерніяхъ, въ которыхъ съ разграбленными и переходившими изъ рукъ въ руки пожитками и вещми люди оказываться могутъ, оныя саждствія и взысканія уничтожить и оставить, ибо такового рода выходятъ изъ того общественнаго порядка, для котораго законы и ихъ теченіе устроены, прекращеніе же таковыхъ дѣлъ для народнаго спокойствія подлежитъ единственно самодержавной ея императорскаго величества власти, которая повелѣваетъ нынѣ предать вышесказанныя дѣла на вѣчное время забвенію и глубокому молчанію“ (пунктъ 39).

Основываясь на этихъ двухъ пунктахъ, дубовское начальство освободило арестантовъ и возвратило имъ имущество. Послѣ мы увидимъ, какую неблагоприятную тѣнь набросило это обстоятельство на имена Персидскихъ, Савельева и другихъ властей Волжскаго войска, уже очернившая свою репутацію предъ правительствомъ присягою на вѣрность Пугачову. (Что Волжское войско признало Пугачова государемъ, на это мы имѣемъ положительныя доказательства, которыя не были извѣстны ни Пушкину, ни другимъ историкамъ, касавшимся этой любопытной эпохи.)

Когда все это происходило въ Дубовкѣ, вѣсть объ убійствѣ Исьева распространилась, между тѣмъ, въ окрестностяхъ и дошла до правительства. Слухи ходили, что шайки разбойниковъ наполняютъ Воронежскую и Астраханскую губерніи, безъ всякаго страха врываются въ деревни, обираютъ проѣзжихъ и держатъ страну въ постоянной опасности. Прошла вѣсть, что пойманы самые опасные разбойничьи атаманъ Заметаевъ, Кулага; переловлены шайки атамановъ Сучкова, Тарелкина и другихъ; а между тѣмъ появились другія партіи и другіе атаманы, о которыхъ прежде не слышали. Тотчасъ донесли объ этихъ происшествіяхъ Григорію Александровичу Потемкину, въ то время еще графу вновь пожалованному, но который однако былъ уже сенаторомъ, вице-президентомъ военной коллегіи, командиромъ всѣхъ легкихъ и нерегулярныхъ войскъ и проч., и проч. Ни мало немедля, Потемкинъ послѣдовалъ командировать въ Верхнеломовскій и Нижнеломовскій уѣзды отрядъ драгунъ, подъ командою секундъ-майора Смоленскаго драгунскаго полка Циммермана. Этому отряду поручено было дѣйствовать противъ разбойниковъ, и въ особенности противъ извѣстной въ окрестностяхъ шайки Брагина и Зубакина. Думали, что главные разбойники гдѣ-нибудь близко; начальственные лица слышали, кажется, объ одномъ Зубакинѣ, а фамиліи самаго атамана не знали, и потому распорядились поисками Зубакина съ шайкою. Но шайку его настигнуть было не легко, а еще труднѣе было поймать самаго Зубакина, не только Брагина, который точно пропалъ безъ вѣсти, хотя, быть-можетъ, покойно жилъ у вдовы Агшевой, какъ самъ говорилъ когда-то своимъ товарищамъ. Вообще дѣло Циммермана было не легко. Въ то время въ разбойники поступалъ всякій, кому тяжело было жить; а кому тогда не тяжело было? Въ разбой шелъ горемыка, не имѣвшій ни кола, ни двора, ни сохи, ни лошади; шелъ тотъ, кого томилъ голодъ и тяготило большое, не обутое и не одѣтое семейство, кому не подъ силу была барщина, оброкъ и судейское вымоганье посулъ и поклоновъ; шелъ и тотъ, въ комъ играла молодая кровь, кого мучило зелено вино. Ловить разбойниковъ было потому не легко, что каждый, уходя въ разбой, бралъ свой паспортъ и добывалъ себѣ въ кабакѣ другой, а иногда запасался и тремя паспортами, чтобы въ случаѣ поимки

предъявить тотъ, который сподручѣе: въ одной воеводской канцеляріи онъ является Иваномъ, въ другой Петромъ, въ третьей Карпомъ, а домой приходитъ съ собственнымъ именемъ и съ рублевиками въ кожаной мотнѣ. За то уже и слѣдственные комиссіи вознаграждали себя за трудъ, съ какимъ сопряжена была поимка разбойниковъ: сыщики хватали правого и виноватаго, забирали всякаго, кто давалъ разбойнику воды напиться, не зная, что поитъ разбойника, или, по тогдашнему выраженію, „незавѣдомо“, водили къ пыткѣ бабъ, ни душой, ни тѣломъ не виноватыхъ въ преступленіяхъ мужей и дѣтей. Циммерманъ успѣлъ однако захватить многихъ изъ шайки Брагина и Зубакина; но ни Зубакинъ, ни Брагинъ не давались ему въ руки; другіе коноводы шайки были также въ разбродѣ.

Во время такихъ трудныхъ и бесполезныхъ поисковъ, одинъ крестьянинъ изъ села Зубриловки (на Хопрѣ), Илья Андреевъ, между прочимъ разказалъ Циммерману, что въ сентябрѣ этого года онъ видѣлъ въ Дубовкѣ у есаула Щербакова, трехъ колодниковъ, и что одинъ изъ этихъ колодниковъ разказывалъ ему о своей родинѣ, о знакомыхъ: почему-то показалось Циммерману, что арестантъ, о которомъ ему говорилъ Илья Андреевъ, былъ тотъ Зубакинъ, котораго онъ тщетно искалъ; по крайней мѣрѣ наружность этого арестанта, какъ описывалъ ее Андреевъ, соответствовала примѣтамъ Зубакина. Циммерманъ тотчасъ же командировалъ въ Дубовку квартирмистра Кулаковскаго, нѣсколько драгунъ, и съ ними крестьянина Андреева и еще другаго мужика, который лично зналъ Зубакина; поручилъ имъ „опознать“ арестанта и вытребовать его и его товарищей у дубовскаго начальства, въ случаѣ если это былъ въ самомъ дѣлѣ Зубакинъ.

Дѣйствительно, Андреевъ видѣлъ у есаула Щербакова именно тѣхъ людей, которые нужны были Циммерману. Но, какъ мы сказали выше, люди эти были уже освобождены изъ-подъ ареста. Изъ войсковой канцеляріи выпустили ихъ еще въ началѣ октября, а Кулаковскій прибылъ въ Дубовку только 27-го ноября. Кулаковскій не нашелъ, кого искалъ. „Опознатею“ Андрееву показаны были всѣ арестанты, находившіеся тогда въ Дубовкѣ, но онъ не нашелъ между ними того, съ которымъ встрѣтился у есаула Щербакова. Тутъ только догадалось дубовское начальство

(сомнительно, чтобъ оно не подозрѣвало чего-нибудь прежде), что выпущенные имъ арестанты подѣ скромнымъ именемъ торгашей скрывали важныя преступленія, и что ихъ не слѣдовало освобождать даже и на основаніи манифеста. Тогда, желая поправить дѣло, оно разослало въ тотъ же день войсковыя грамоты ко всѣмъ станичнымъ атаманамъ, старшинамъ и казакамъ Волжскаго войска, а также послало увѣдомленія и въ верховыя станицы. Въ грамотахъ говорилось: „войсковая канцелярія, усумнясь, не изъ тѣхъ ли упущенныхъ людей будетъ тотъ злодѣй Зубакинъ, симъ вамъ, станичнымъ атаманамъ, повелѣваетъ предъоказанныхъ выпущенныхъ изъ-подъ караула купца Малахова и работника его Михайлова приказать казакамъ сыскивать и есть ли объ нихъ, гдѣ они находятся, увѣдано будетъ, то старались бы, поймавъ, представить въ войсковую канцелярію неотмѣнно, и вамъ, станичнымъ атаманамъ, объ ономъ учинить по сей грамотѣ неотмѣнное исполненіе.“ Тогда же разосланы были во всѣ мѣста нарочные съ публикаціями. Но не дальше какъ черезъ два дня въ Дубовкѣ узнали, что Малаховъ съ работникомъ пойманы въ Камышинѣ, гдѣ и содержатся подѣ карауломъ. Они схвачены, какъ тогда выражались, „съ продажными неприличными вещами.“ Въ Камышинѣ, кажется, не догадывались, кто такіе эти люди, хотя и подозрѣвали, что ихъ скромная профессія скрываетъ что-то недоброе. Тайну ихъ имени знали только два человѣка въ городѣ, которые и навѣщали ихъ въ тюрьмѣ, подѣ видомъ простыхъ подавателей милостыни. Это были бобыль Пучокъ, участвовавшій въ послѣднемъ разбоѣ Брагина, и его пріятель.

Дубовское начальство отправило въ Камышинъ нарочнаго просить тамошнія власти, чтобъ арестанты отосланы были къ Циммерману. Но камышинскія власти не отдали арестантовъ нарочному, опасаясь, вѣроятно, чтобъ изъ Дубовки не выпустили ихъ опять подѣ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, а прислали имъ только описаніе примѣтъ этихъ колодниковъ.

Здѣсь начинается вторая половина походовъ Зубакина и Брагина, изъ которой едва ли можно вывести положительное заключеніе, кто былъ болѣе виноватъ, разбойничья ли шайка, или лица которымъ поручено было охраненіе спокойствія страны. Картина „златаго вѣка“ рисуется здѣсь

безъ прикрасъ, и, глядя на нее, невольно радуешься, что вѣкъ этотъ уже не повторится.

Имя Потемкина произвело магическое дѣйствіе на дубовское начальство. Когда тамъ узнали, что этотъ вельможа лично интересуется ходомъ поисковъ за Зубакинымъ и его шайкой, купецъ Малаховъ и его работники, бывшіе въ ихъ рукахъ, но ускользнувшіе по ихъ же оплошности, высоко поднялись во мнѣніи дубовскихъ старшинъ. Теперь они писали въ Камышинъ, чтобъ этихъ арестантовъ берегли, держали подъ крѣпкимъ карауломъ и проч. Притомъ, чувствуя свою вину болѣе чѣмъ можетъ-быть кто-нибудь могъ догадываться, начальники Волжскаго войска видимо стали заискивать у Циммермана. Извѣщая его о поимкѣ Малахова съ работникомъ въ Камышинѣ, они распространяются и о своемъ личномъ усердіи, и о заслугахъ всего Волжскаго войска. Они говорятъ, что „таковыхъ злодѣевъ (какъ Зубакинъ) стараніемъ войсковою канцеляріи въ нынѣшнемъ году до нѣсколька человекъ, въ томъ числѣ и славный разбойникъ Кулагинъ съ товарищи, переловлены и отосланы въ подлежащее мѣсто.“ Они послали къ Циммерману описаніе примѣтъ Малахова съ работникомъ, отравили даже особаго нарочнаго, казацкаго старшину, для личныхъ объясненій. Вообще замѣтно, что въ Дубовкѣ очень суетились, да и было отчего.

Объяснившись съ нарочнымъ, Циммерманъ не остановился однако на этомъ объясненіи. Ему нужно было довести дѣло до конца. Онъ увѣдомлялъ дубовское начальство, что считая за нужное довести до свѣдѣнія правительства „о усердіи, въ снисканіи тѣхъ злодѣевъ отъ оной станицы употребленномъ и употребляемомъ“, желалъ бы знать подробности о томъ третьемъ лицѣ, которое крестьянинъ Андреевъ видѣлъ у есаула Щербакова, не самъ ли то Зубакинъ, слѣдовъ котораго все еще онъ нигдѣ не находилъ; онъ требовалъ поймать его какимъ бы то ни было способомъ, несмотря даже на то, еслибы примѣты оказались несходными съ показаніемъ Андреева. Но изъ Дубовки извѣстили Циммермана, что при арестованіи Малахова и его

¹ Атаманъ Кулагу во всѣхъ тогдашнихъ офиціальныхъ бумагахъ называютъ славнымъ разбойникомъ, зпитеть, котораго не удостоивался даже знаменитый Захатаевъ. О разболахъ Кулаги будетъ особая статья.

работника не было третьяго лица, что можетъ-быть Андреевъ видѣлъ тамъ казака Кощеева, который дѣйствительно вмѣстѣ съ ними прїѣхалъ въ Дубовку, но „только оной Кощеевъ подлинно здѣсь природной казакъ и реченному Щербакову шурина“, какъ будто шурина Щербакова не могъ быть разбойникомъ.

Наконецъ, къ Циммерману привезли Малахова съ работникомъ. Допросивъ ихъ, Циммерманъ убѣдился, что нашелъ именно того кого искалъ: подъ невинною наружностію работника, остриженного впрочемъ въ кружало, скрывался самъ знаменитый воръ Зубакинъ, о поимкѣ котораго такъ заботился Потемкинъ. Настоящее имя купца намъ уже давно извѣстно: это былъ Лукьянъ Бѣлевцовъ, постоянно ѣздившій въ Камышинъ по дѣламъ торговли и бывшій потомъ въ партіи Брагина и Зубакина. Циммерманъ узналъ и еще много подробностей, раскрытія которыхъ всего болѣе страшилась войсковые старшины и атаманъ; онъ узналъ, что войсковою атаманъ Василій Персидскій и братъ его Федоръ Персидскій, а также войсковою старшина Савельевъ и войсковою дьякъ Криулинъ взяли у Зубакина и Бѣлевцова, при арестованіи, всѣ деньги и имущество, пограбленное у майора Зайцева и у повѣшеннаго Исѣва, и вынудили ихъ дать росписку такого содержанія, будто вещи эти проданы чѣмъ по собственному желанію продавцовъ; что въ полученіи разбойниками денегъ и имущества росписался дубовскій соборный священникъ Николаевъ, тоже за извѣстную сумму вознагражденія. Циммерманъ узналъ имена всѣхъ участвовавшихъ въ послѣдней разбойничьей экспедиціи на рѣку Ворону; отъ него не скрылось также и то, что когда онъ посылалъ изъ своего отряда поручика Куроша съ командой для поисковъ за Зубакинымъ, Волжское войско не только не давало Курошу „ни за какіе прогоны“ подводъ, но вообще не допускало его до розысковъ; и что Курошъ получилъ лошадей только тогда, когда сказалъ, что ѣдетъ назадъ къ Циммерману, и т. д.

Обо всемъ этомъ Циммерманъ донесъ воронежскому губернатору Потапову. Замѣчательно, что по поводу этого обстоятельства онъ протестовалъ между прочимъ противъ откуповъ, которые, по его мнѣнію, болѣе чѣмъ что-либо способствовали усиленію разбоевъ. Начало каждаго зло-

дѣйства, говоритъ онъ, скрывается въ кабацкѣ; тамъ разбойники, въ пьянствѣ, „чинятъ свои договоры“ и обдумываютъ воровскія экспедиціи; а огромные лѣса и степи Верховомовскаго уѣзда, помогали скрываться разбойникамъ. Какъ на одинъ изъ главныхъ притоновъ, Циммерманъ указываетъ на село Дмитриевское или Дуровщину, отдаленное отъ всѣхъ населенныхъ мѣстностей, и въ особенности на кабацкѣ, находившійся въ этомъ селѣ. Циммерманъ просилъ губернатора „куда бы то ни было свести питейный домъ.“ Съ своей стороны губернаторъ донесъ о продѣлакахъ волжскихъ властей военной коллегіи.

Но аккуратный Циммерманъ не остановился и на этомъ. Онъ написалъ обо всемъ Потемкину, не утаивъ ничего, что дѣлалось въ Дубовкѣ. Въ кратковременное свое пребываніе на мѣстѣ разбоевъ, Циммерманъ успѣлъ захватить 86 человекъ, „разныхъ злодѣевъ, смертоубивцовъ, разбойниковъ, пристанодержателей и, по оговору злодѣевъ, знавшихъ о ихъ злодѣйствахъ“. Замѣчательно, что между захваченными преступниками, духовенство составляло 8-й или 9-й процентъ¹: такъ незавидно было положеніе дѣлъ повидимому счастливаго государства! Но при всемъ томъ, не поймано было еще много лицъ изъ шайки Брагина, а еще большее число разбойниковъ было вовсе неизвѣстно Циммерману и Потемкину даже по именамъ, хотя отряды Циммермана, его нарочные и курьеры, летали по всѣмъ направленіямъ. Отважныя шайки совершали экспедиціи на тысячи верстъ, и часто одно и то же страшное имя раздавалось и въ низовьяхъ Волги или на Каспійскомъ морѣ у самыхъ персидскихъ границъ, или на берегахъ Оки и Урала. Вотъ какова въ сущности была жизнь въ государствѣ, наружнымъ блескомъ котораго очаровывался Дидро!

Пойманныхъ разбойниковъ повезли на судъ къ верховомовскому воеводѣ, а надъ дѣйствіями начальниковъ Волжскаго войска Потемкинъ, въ то время уже князь,² велѣлъ нарядить слѣдственную комиссію. Онъ между прочимъ писалъ

¹ „Поповъ 3, церковниковъ 3, рекрутъ 4, однодворцевъ 10, крестьянъ 65, дяколовъ 1.“

² Вотъ въ какихъ выраженіяхъ относились тогда официально къ Потемкину такія лица, какъ губернаторы (воронежскій) и имъ равные: „Высокочрезвычайному господину генералъ-аншефу, командирующему легкую Конницу, всеми пореуга ирными войсками и санктпетербургскою ди-

воронежскому губернатору: „касательно же до вреднаго поступка Дубовской станицы начальниковъ, то предписалъ я Волскаго войска атаману, чтобъ онъ ко изысканію истины, по требованіямъ вашимъ, прислалъ обстоятельной ствѣтъ, по которому и благоволите меня увѣдомить, подлинно ли описываемой поступокъ въ Дубовской станицѣ и отъ кого именно учиненъ, дабы виновные въ страхъ другимъ наказаны были.“ Въмѣсто Циммермана и его драгунъ, для истребленія разбойниковъ, назначены были казацкіе отряды, и начальникомъ надъ ними командированъ полковникъ Платовъ, одинъ изъ любимѣйшихъ героев войска Донскаго, въ послѣдствіи гроза Французовъ.

На щекотливые запросы воронежскаго губернатора войсковой атаманъ Персидскій отвѣчалъ:

„Пажити и денегъ за выпускъ ихъ (т.-е. Зубакина и Бѣлевцова) изъ-за караула я во взятокъ никогда не бирывалъ.“

Атаманъ при этомъ оправдывался, что освободилъ ихъ изъ-подъ ареста^{на} „съ пахитью“ и съ деньгами; что еще до ареста и послѣ освобожденія изъ-подъ караула разбойники продавали имѣвшіяся у нихъ вещи „несравненно цѣною“, то-есть дороже того (добавлялъ онъ), „какъ послѣ разбитія злодѣя Пугачева въ здѣшнихъ мѣстахъ многіе люди такія жъ вещи продавали“; что освободилъ онъ ихъ на основаніи манифеста; что послѣ освобожденія дѣйствительно купилъ у Малахова лошадь, но заплатилъ за нее всѣ деньги сполна, и т. д. „Показаніе жъ ихъ ложное на меня не изъ чего другаго происходитъ, какъ изъ одной злости, потому что чрезъ стараніе войсковой канцеляріи они сысканы и въ

визіеб, сенатору, государственной военной коллегіи вице-президенту, Новороссійской, Азовской и Астраханской губерній государеву наместнику (или генералъ-губернатору), войскъ тамъ поселенныхъ и Днѣпровской линіи главному командиру, ея императорскаго величества генералъ-адыютанту, дѣйствительному камергеру, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковнику, кавалергардскаго корпуса поручику, кирасирскаго Новотроицкаго полка шефу, мастеровой и оружейной палаты верховному начальнику и разнымъ орденовъ кавалеру, свѣтлѣйшему князю Григорію Александровичу Потемкину — всепокорнѣйшій рапортъ.“ Замячательно, что все это безконечно длинное перечисленіе отгѣнковъ въ титулѣ соблюдалось строжайшимъ образомъ, хотя часто случалось, что самый рапортъ, то-есть сущность дѣла выходила короче титула Потемкина. Но такъ было принято. Потемкинъ пожалованъ княземъ Римской Имперіи . 27. февр. 1776.

коммиссію взяты, и тѣмъ ихъ злодѣйство утаиться не могло.“ Такъ заключалъ Персидскій свое оправданіе, забывая, что разбойники пойманы не ихъ стараніемъ.

То же самое отвѣчалъ братъ атамана, войсковой старшина Ѳедоръ Персидскій, говоря, что ни пажити, ни денегъ „во взятокъ я никогда не бирывалъ и не знаю, и подъ видомъ покупки ничего я у себя не оставлялъ и не покупалъ“ и т. д.

„А по освобожденіи ихъ (добавлялъ Персидскій), чрезъ нѣсколько время, по просьбѣ, у купца Малахова я размѣнялъ червонныхъ имперіаловъ сто рублей на мелкія деньги, вмѣсто которыхъ онъ получилъ отъ меня мѣдныя и серебряныя, а послѣднія получилъ у чумака (цѣловальника) моего въ кабацкѣ при людяхъ.“ По примѣру брата, онъ утверждалъ, что разбойники ложно показали на него по злобѣ.

Въ такихъ точно выраженіяхъ оправдывались и войсковой старшина Савельевъ, и войсковой дьякъ Крѣулицъ.

Священникъ Николаевъ, котораго разбойники уличали въ стачкѣ съ дубовскими властями, и въ томъ, что онъ бралъ ихъ на поруки,—отвѣчалъ, что на поруки онъ ихъ никогда не бралъ, а въ день освобожденія ихъ изъ-подъ караула зашелъ въ канцелярію по собственному дѣлу, совершенно случайно и только росписался за нихъ въ полученіи имущества. „А послѣ того (признавался священникъ), они ко мнѣ на квартиру выпросились и были нѣсколько время, продавали разнымъ людямъ пажити; а во время то ихъ у меня бытности довольствовалъ я ихъ своимъ хлѣбомъ и разною харчью, почему по счетѣ и оказалось за то издержанныхъ денегъ десять рублей, въ уплату которыхъ мнѣ оной купецъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Дубовки, отдалъ деньгами жъ пять рублей, а за остальные изъ рухледи ветхой. А во взятокъ денегъ десяти рублей, и никакой пажити не бирывалъ, что и показываютъ они на меня ложно.“

Наконецъ, Зубакинъ увѣрялъ Циммермана, что, при освобожденіи его изъ-подъ ареста въ Дубовкѣ, онъ долженъ былъ дать взятку даже канцелярскому сторожу.

Въ такомъ-то неблагопріятномъ свѣтѣ выказывались поступки всего офиціальнаго міра въ волжскомъ войскѣ. Дѣйствія дубовскихъ властей въ самомъ дѣлѣ казались очень подозрительными: показаніе Зубакина было слишкомъ правдоподобно. Въ Дубовкѣ понимали это, и потому представи-

ли воронежскому губернатору пространнѣйшее объясненіе, и просили его „отъ напраснаго нареканія милостиво защитить и представить его свѣтлости, чтобы понапрасну за невѣдѣніе не могли повести какова отвѣта.“ Но дѣло постановлено было такъ, что его трудно уже было повернуть назадъ. Все опрокинулось на представителей волжскаго войска: и члены военной коллегіи, и князь Потемкинъ, и воронежскій губернаторъ Потаповъ, и астраханскій губернаторъ Якобій, всѣ требовали строжайшаго суда надъ обвиняемыми, — и полетѣли ордеры по инстанціямъ, отъ высшей къ низшей, отъ военной коллегіи къ Потемкину, отъ Потемкина къ Потапову и Якобію, отъ Якобія къ астраханскому оберъ-коменданту генералу Левину, отъ него къ царицынскому коменданту полковнику Цыплетеву, и т. д. Поступокъ дубовскихъ властей называется уже „гнуснымъ и не соотвѣтствующимъ званію ихъ поступкомъ“. Цыплетевъ не стѣсняется бросать имъ въ лицо оскорбительное названіе „продерзателей“. По приказанію Потемкина, Якобія и Левина, Цыплетевъ назначаетъ слѣдствіе и посылаетъ въ Дубовку секундъ-майора Венцеля; ему велѣно, „какъ невозможно яснѣе и доказательнѣе изслѣдовать, буде окажутся притчинниками по тому гнусному поступку объявленные старшины, привести ихъ въ Астрахань“.

9 августа (1776 г.) обвиняемые призваны были въ комиссію. Достоинно особаго замѣчанія, что дубовскія власти, когда пріѣхалъ къ нимъ Венцель, тотчасъ отвели ему квартиру, прислали на производство дѣла бумаги, сургучу, нитокъ, свѣчъ, чернильницъ, перьевъ, и даже коробку для песку, дали въ караулъ казаковъ, а формально отвѣчать на вопросы не хотѣли... Они ссылались на то, что послали отъ себя объясненіе къ воронежскому губернатору, который представилъ ихъ отвѣты Потемкину; они просили Венцеля отложить слѣдствіе до другаго дня, чтобъ успѣть довести обо всемъ Цыплетеву. Дѣйствительно, они отправили Цыплетеву копию съ отвѣтовъ, которые были посланы воронежскому губернатору, и „нижайше“ просили Цыплетева объяснить все это Якобію. Но Цыплетевъ не уважилъ ихъ просьбы, и въ жесткихъ выраженіяхъ относился о нихъ въ своемъ рапортѣ къ астраханскому оберъ-коменданту, говоря, что „оныя отвѣты писаны единственно отъ самихъ тѣхъ

написанныхъ продержателей въ ихъ пользу и оправданіе“, и даетъ этимъ отвѣтамъ эпитетъ „самопроизвольныхъ“.

Но какъ бы то ни было, а слѣдствіе пока приостановилось на время, и Венцель долженъ былъ уѣхать изъ Дубовки; тѣмъ не менѣе обвиняемые черезъ это ничего не выиграли, а только раздражили Якобія. Прочитавъ ихъ оправданія, онъ не перемѣнилъ своего мнѣнія, и между прочимъ писалъ Цыплетеву: „рекомендую, не смотря ни на какіе ихъ отвѣты, произвести... настоящее и какъ возможно непродолжительное слѣдствіе, ибо по силѣ повелѣнія его свѣтлости не только слѣдовать, но и судить ихъ довѣтъ; но пока первое совершится, послѣднее до того времени остается,—въ чемъ не оставте дойти до самой дѣла того истинны, я же буду ожидать послѣднѣйшаго въ томъ содѣйствія.“ Тогда наряжена была новая коммиссія, презумсомъ въ которую командировали секундъ-майора Титова съ другими офицерами. Прибывъ на мѣсто слѣдствія, Титовъ тотчасъ отправился къ атаману Персидскому, а на слѣдующій день разослалъ нарочныхъ казаковъ съ требованіемъ, чтобы всѣ лица, подлежащія слѣдствію, явились въ коммиссію. Это было 22 октября. Но войсковой атаманъ „отозвался тогда слабымъ“ и не явился въ коммиссію. Титовъ назначилъ сборъ на 24 число, на понедѣльникъ, къ девятому часу утра; обвиняемые отвѣчали, что они готовы и будутъ въ коммиссіи. Но въ понедѣльникъ, на разсвѣтъ, вѣстовой солдатъ доложилъ Титову, что войсковой атаманъ отправляется въ путь, а куда неизвестно. Тогда Титовъ послалъ къ Персидскому находившагося при немъ офицера Кирсанова съ требованіемъ отложить этотъ „невременной“ отъѣздъ, и явиться въ коммиссію для отвѣтовъ. Кирсановъ засталъ атамана уже выѣхавшимъ со двора, въ дорожной коляскѣ, и, подойдя, объяснилъ зачѣмъ посланъ отъ Титова.

— Я отвѣты учинилъ отъ себя и самъ своеручно написалъ, отвѣчалъ Персидскій:—почему уже и не принадлежу къ нынѣшнему слѣдствію... А каковъ отвѣтъ состоялся, будетъ прислано къ майору за извѣстіе, теперь же ѣду и ничего не опасюсь.

Кирсановъ говорилъ, что атаманъ рискуетъ навлечь на себя гнѣвъ правительства „за ослушаніе высокой команды повелѣнія“; что его могутъ задержать...

— Ничего не трушу! сказалъ Персидскій, и уѣхалъ.

Черезъ часъ къ Титову принесли письменное объясненіе Персидскаго, которое онъ оставилъ, уѣзжая изъ Дубовки. Въ немъ было то же, что и въ прежнихъ отвѣтахъ атамана; въ добавокъ только, онъ обвиняетъ здѣсь Циммермана въ намеренномъ умолчаніи о нѣкоторыхъ фактахъ, говорящихъ будто бы въ пользу Волжскаго войска; онъ увѣряетъ, будто Циммерманъ вовсе не посылалъ къ нимъ поручика Куроша для отысканія разбойниковъ, и проч. Относительно же самовольнаго отъѣзда изъ Дубовки онъ говоритъ, что получилъ на это приказаніе отъ Потемкина и Якобія, и отправляется въ Петербургъ „къ его свѣтлости для самонужнѣйшихъ надобностей и испрошенія не полученнаго на войско денежнаго жалованья, какъ оное войску нынѣ весьма нужно для исправленія къ веснѣ, къ переселенію на Терекъ въ силу имяннаго ея императорскаго величества повелѣнія“. ¹ Доносъ обо всемъ этомъ Цыплетеву, Титовъ добавлялъ, что силой удержать Персидскаго онъ не могъ „по неимѣнію команды“, и началъ производить слѣдствіе надъ остальными обвиняемыми; вытребовалъ изъ Камышина Пучка съ товарищемъ; потребовалъ отъ станичнаго начальства казака Кощеева, Брагина (о которомъ только теперь вспомнили) и другихъ. Пучка съ товарищемъ переслали, но о прочихъ полученъ отвѣтъ, что Кощеевъ находился въ Моздоцкомъ казачьемъ полку, только оттуда бѣжалъ, а гдѣ самъ Брагинъ и другіе—никому неизвѣстно.

Не будемъ вдаваться въ утомительныя подробности этого дѣла; скажемъ только, что чѣмъ дальше изслѣдовалось оно, тѣмъ болѣе подало подозрѣнія на войсковаго атамана и его сослуживцевъ. Пучокъ съ товарищемъ на допросахъ показали, что знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ о томъ, что происходило въ Дубовкѣ. Между тѣмъ, по пріѣздѣ войсковаго атамана изъ Петербурга, назначенъ былъ вмѣсто Титова новый слѣдователь, капитанъ Масленниковъ. Время шло, а дѣло все запутывалось и запутывалось. Даны были очныя ставки атаману съ другими обвиняемыми. Взятъ и Кощеевъ уже въ 1778 году;—появились новыя шайки разбойниковъ; въ народѣ началъ наконецъ ходить слухъ и говоръ о новомъ появленіи того страннаго призрака, возму-

¹ Извѣстно, что послѣ усмиренія народнаго волненія 1773—75 годовъ, Волжское войско переселено было на Терекъ за признаніе Пугачова государемъ и за подачу ему помощи.

щавшаго народное спокойствіе въ продолженіе десятковъ лѣтъ, того вѣчно выходившаго изъ гроба государя Петра Федоровича, имя котораго принимали на себя столько смѣльчаковъ, однимъ словомъ, заговорили о новомъ самозванцѣ, Ханинѣ; переселили наконецъ все Волжское войско на Терекъ; а дѣло о Зубакинѣ и подозрительныхъ поступкахъ дубовскихъ начальниковъ не кончалось. Въ комиссіи перебивало много лицъ, имена которыхъ замѣшаны были въ дѣло или со стороны разбойниковъ, или со стороны дубовскихъ властей; призывались въ судъ и женщины, безъ которыхъ едва ли обходилось хоть одно дѣло въ ту смутную пору. Но какъ ни путали слѣдствіе, все-таки доходили до того заключенія, что Волжское войско было виновато; что люди, подобные Зубакину, дѣйствовали бы осторожнѣе при лучшихъ органахъ администраціи; одинъ изъ слѣдователей прямо выразился о Персидскомъ, что манифестъ о преданіи забытію преступленій пугачовщины „у нево (т. е. у Персидскаго), какъ видно, еще на цѣлой вѣкъ останется.“

1778-мъ годомъ кончаются свѣдѣнія о Зубакинѣ и о Персидскомъ. А Брагинъ какъ въ воду канулъ. Можетъ-быть судьба его тогда же рѣшилась въ Верхоломовской воеводской канцеляріи, а можетъ-быть, онъ сформировалъ новую шайку, и еще долго навѣщалъ госпожу Агшеву: ничего объ этомъ неизвѣстно. По всей вѣроятности, участь Зубакина съ Брагинымъ окончательно рѣшилась точно такъ, какъ и всѣхъ подобныхъ людей:—сначала простой допросъ, потомъ „пристрастный“ съ увѣщаніями духовника, или, по тогдашнему канцелярскому выраженію, „допросъ подъ пристрастіемъ плетей и батожьевъ“, затѣмъ кнутъ, висѣлица или Сибарь—все какъ водится. Но интереснѣе всего здѣсь то, что послѣ разгрома шайки Брагина и Зубакина, въ томъ же году, пришлось громить нѣсколько новыхъ скопищъ: вмѣсто Брагина на сцену являются новыя лица, новые атаманы и есаулы, и дѣлаютъ то же, что дѣлали ихъ предшественники.

Д. МОРДОВЦЕВЪ.

ИЗЪ
ДОРОЖНАГО ДНЕВНИКА
ВЕДЕННАГО ЗА ГРАНИЦЕЙ

II.

Пріѣхавъ въ Галле поздно вечеромъ, я на другой день (воскресенье), еще въ 7 часовъ утра, пошелъ осмотрѣть городъ, и по обыкновенію, прежде всего отправился въ университетъ, чтобы достать себѣ каталогъ лекцій; но тамъ мнѣ не могли дать его, и я долженъ былъ пойти за нимъ въ книжную лавку, открытую до обѣдни. Попавшійся мнѣ навстрѣчу студентъ, проводилъ меня потомъ въ соборную церковь, гдѣ служба начиналась въ 8 часовъ и гдѣ въ этотъ день проповѣдывалъ извѣстный профессоръ богословія, Толукъ. Старинная большая церковь была уже биткомъ набита, и между слушателями множество студентовъ. Въ тотъ разъ была такъ-называемая академическая, то-есть университетская служба, бывающая черезъ каждыя двѣ недѣли. Для пѣнія псалмовъ, многіе держали въ рукахъ особые печатные листки. Толукъ сказалъ очень одушевленную проповѣдь о нравственномъ безсиліи человѣка, о томъ, что благія мысли и намѣренія человѣка приходятъ отъ Бога но мы даемъ имъ пропадать безслѣдно; средство противъ этого—молитва, о свойствахъ которой и распространился

проповѣдникъ. Въ заключеніе онъ молился о пробужденіи спящихъ духомъ, и если нужно объ испытаніи ихъ, для того чтобы достиженіе блаженства было для нихъ не второстепеннымъ дѣломъ, а главною задачею жизни.

Двое изъ преподавателей университета въ Галле занимаются преимущественно критическою разработкою Данте; одинъ—профессоръ правъ, Витте, а другой—лекторъ французскаго языка, Бланкъ. Витте приготавливаетъ новое изданіе *Божественной Комедіи*, котораго тогда вышло уже два тома. Онъ печатаетъ его въ двухъ видахъ: одно, ученое изданіе въ четвертку, другое общедоступное, безъ примѣчаній, въ осьмушку. При этомъ онъ пользуется рукописями изъ Ватиканской и другихъ библіотекъ. Всѣ критическія примѣчанія намѣренъ онъ соединить въ особомъ вступленіи. У него собраны переводы Данте на всѣ европейскіе языки, въ томъ числѣ и русскіе переводы фанъ-Дима и Мина ¹.

Бланкъ издалъ особый словарь для чтенія Данте и опытъ объясненія его съ помощію однихъ филологическихъ основаній. Теперь этому почтенному труженнику уже восьмидесятый годъ, но онъ все еще бодръ и продолжаетъ прилежно работать, несмотря на слабѣющее зрѣніе. Онъ жаловался мнѣ, что Италіяны безъ его спросу перевели на свой языкъ словарь его, изданный имъ по-французски, и даже не прислали ему экземпляра этого перевода, такъ что онъ самъ долженъ былъ выписать его. Италіянскому языку выучился онъ уже лѣтъ двадцати отъ роду; онъ уроженецъ берлинскій, но предки его были французскіе эмигранты, поселившіеся въ Бранденбургъ, вслѣдствіе отъѣзды Навтскаго эдикта. „Я слышалъ, сказалъ онъ мнѣ, что въ южной Франціи фамилію Бланкъ даютъ незаконнымъ дѣтямъ.“ На мое замѣчаніе, что въ Россіи былъ извѣстный архитекторъ Бланкъ, старикъ отвѣчалъ улыбаясь: „Мой родоначальникъ былъ знатіе,—онъ былъ обобщикъ.“ Въ Галле Бланкъ уже около тридцати лѣтъ; попавъ туда въ качествѣ пастора, онъ и не думалъ сдѣлаться профессоромъ, но ему предложили каѳедру французской литературы, и онъ при-

¹ Въ послѣдствіи я познакомился въ Парижѣ съ Англичаниномъ, докторомъ Барановымъ, который также посвятилъ себя критическому изученію Данте и далъ мнѣ нѣсколько изданныхъ имъ, по этому предмету брошюръ.

ялъ ее. Нѣсколько лѣтъ ораду онъ публично читалъ Данте въ тамошнемъ литературномъ обществѣ.

Извѣстный филологъ Поттъ живетъ за-городомъ; онъ уже съѣдъ, такъ какъ и Лео. Я навелъ разговоръ между прочимъ на его книгу о происхожденіи нѣмецкихъ фамильныхъ именъ; онъ смотритъ на это сочиненіе болѣе какъ на шутку чѣмъ на серьезный трудъ: „я желалъ, говорилъ онъ, показать, что и фамильныя прозванія скрываютъ въ себѣ какой-нибудь смыслъ, и произошли не случайно. Затѣмъ мы толковали о нѣкоторыхъ филологическихъ вопросахъ и вспоминали троихъ почтенныхъ филологовъ Финляндіи, нѣкогда общихъ нашихъ знакомыхъ, умершихъ въ молодости:—Кастрѣна, Валлина и Чельгрѣна. При мнѣ къ Потту пришелъ профессоръ восточныхъ языковъ Рѣдигеръ. Разговоръ коснулся вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, и Рѣдигеръ замѣтилъ: „Конечно мы теперь болѣе прежняго будемъ смотрѣть на Русскихъ какъ на братьевъ европейской семьи.“

При здѣшнемъ университетѣ ректоръ избирается только на одинъ годъ; вновь, послѣ этого срока, онъ можетъ быть избранъ не иначе какъ съ особаго разрѣшенія правительства. Нынче занимаетъ эту должность Эрлманъ, уроженецъ Лифляндскаго города Вольмара. Между студентами въ Галле мало развита разгульная жизнь, которая въ ходу при нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ университетахъ; учащіеся здѣсь по большей части бѣдные люди.

На другой день рано утромъ пошелъ я посмотрѣть знаменитые соляные ключи на краю города близъ рѣки Салы. Работники на варницахъ, такъ-называемые Галлары (Hallogen), принадлежатъ къ особому роду племени и отличаются оригинальною одеждою: ходятъ въ чулкахъ и башмакахъ, черныхъ панталонахъ въ обтяжку, и синихъ курткахъ. Они говорятъ на своемъ особенномъ нарѣчій, славятся большою честностію и искусствомъ въ плаваніи и нырваніи, такъ что не разъ уже спасали жизнь утопавшимъ. Прежде считали ихъ потомками Вѣддозъ (Славянъ); но теперь большая часть ученыхъ, въ томъ числѣ и Лео, не признаютъ этого. Многіе полагаютъ, что Галлары кельтскаго происхожденія. Меня повели въ одну изъ варницъ, зданіе, гдѣ внизу топится печь, а сверху видны котлы и т. п. Въ огромномъ котлѣ кипитъ соляная вода; вокругъ

такой жаръ, что работники ходятъ почти голые. Накапывающая пѣна снимается и сбрасывается, или вѣрнѣе, скатывается въ особые сосуды, и потомъ въ другомъ котлѣ еще переваривается. Добытая соль сгрѣбается въ назначенныя на то вмѣстилища надъ навѣсомъ котла, а оттуда сваливается въ заостренныя къ низу, круглыя корзины и переносится для сушки въ другія хранилища, откуда разсылается уже въ бочкахъ по Пруссiи и всей Германiи (бочка стоитъ 12 талеровъ). Изъ соляныхъ ключей вода проводится сюда подземными трубами; часть ея, превращающаяся въ паръ, и по охлажденiю снова претворенная въ воду, идетъ другими трубами назадъ и вливается въ мутную Салу. Замѣтимъ, что самое слово Галле значитъ: соль, соловарня. Отсюда и названiе Галлоры.

Съ особеннымъ любопытствомъ отправился я осмотрѣть такъ-называемыя Франковскiя заведенiя (Franckesche Stiftungen), доставившия городу Галле, независимо отъ его университета, педагогическую славу въ цѣлой Европѣ. Они находятся въ особомъ предмѣстiи и составляютъ цѣлую улицу, по обѣ стороны которой идутъ зданiя занятыя училищами разнаго рода; сверхъ того на одномъ концѣ улицы, стоитъ поперекъ ея домъ съ аптекой и книжною лавкой, а съ другаго она замыкается еще однимъ учебнымъ заведенiемъ. Всего замѣчательнѣе происхождение всѣхъ этихъ учрежденiй. Въ самомъ концѣ XVII столѣтiя Франке, профессоръ здѣшняго университета и вмѣстѣ пасторъ предмѣстiя Глауха, видя недостатокъ образованiя и бѣдность своихъ прихожанъ, началъ учить дѣтей ихъ и вскорѣ взялъ къ себѣ въ домъ четырехъ сиротъ. Таково было начало предпрiятiя, которое, при необыкновенномъ христіанскомъ усердiи и неутомимой дѣятельности Франке, мало-по-малу разраслось въ огромныя размѣры, такъ что еще при жизни его уже существовали почти всѣ заведенiя извѣстныя нынѣ подъ его именемъ. А между тѣмъ, онъ не употребилъ на нихъ ничего кромѣ собственныхъ скудныхъ средствъ и частныхъ пожертвованiй, которыя стали стекаться къ нему со всѣхъ сторонъ, когда распространилась молва объ этомъ дѣлѣ. Нашлись и люди, которые, воодушевляясь человѣколюбивыми идеями Франке, стали за самое ничтожное вознагражденiе трудиться съ величайшею ревностiю въ созданныхъ имъ заведенiяхъ.

Всего тутъ семь училищъ: двѣ лативскія школы, то-есть гимназіи, и пять нѣмецкихъ школъ, между которыми три элементарныя училища (два для мальчиковъ и одно для дѣвочекъ), далѣе реальная школа и такъ-называемый *педагогичулъ*, для сыновей достаточныхъ фамилій, съ платою за каждаго по 400 талеровъ въ годъ. Учениковъ во всѣхъ этихъ заведеніяхъ 3.200 слишкомъ, а учителей болѣе 90. Между учениками есть пенсіонеры, постоянно живущіе тутъ въ особыхъ домахъ; въ каждой небольшой комнатѣ помѣщается до пяти мальчиковъ, изъ которыхъ старшій имѣетъ надзоръ надъ прочими. Разумѣется, что все здѣсь очень просто и даже бѣдно, но въ каждой комнаткѣ есть не только столы и стулья, но и шкапы, а въ нѣкоторыхъ даже и фортепіаны, конечно тоже очень простенькія. Каждыми пятью комнатами завѣдываетъ одинъ изъ учителей, живущихъ въ заведеніи (многіе нанимаютъ себѣ квартиры въ городѣ). Впрочемъ воспитанники содержатся свободно, безъ всякой вѣншей дисциплины и выправки. „Вамъ это можетъ показаться страннымъ, сказалъ мнѣ докторъ Экштейнъ, видѣвшій меня очень услужливо по заведеніямъ: „но у насъ здѣсь управленіе совершенно отеческое; у насъ дѣти какъ въ родительскомъ домѣ и никому изъ нихъ не придетъ въ голову употреблять во зло довѣріе воспитателей.“ Докторъ Экштейнъ, одинъ изъ двухъ директоровъ, управляющихъ заведеніемъ; они входятъ съ представленіями въ провинціальную коллегію, которая препровождаетъ дѣла на окончательное рѣшеніе въ министерство. Собственныя средства заведеній состоятъ въ деньгахъ, вносимыхъ платящими учениками, въ выручкѣ книжной лавки и аптеки, и въ доходахъ съ нѣкоторыхъ участковъ земли; но этихъ средствъ уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія оказалось недостаточно, и въ дополненіе къ нимъ правительство ассигновало 19.000 талеровъ. Все содержаніе стоить около 40.000. Плата учителямъ, которые всѣ исключительно принадлежатъ этимъ заведеніямъ, довольно низкая, и возвышенія ея ожидаютъ только въ будущемъ.

Мы подробно осмотрѣли реальную школу, помѣщающуюся въ сторонѣ отъ улицы заведеній, въ новомъ зданіи, покрытомъ снаружи порфиромъ и стоившемъ не болѣе 30.000 талеровъ. Удивительно, какъ при небольшихъ средствахъ это училище обладаетъ всѣми возможными, отчасти даже

роскошными, пособіями; физическій кабинетъ недавно подаренъ училищу прусскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія¹; далѣе, тутъ есть минералогическій кабинетъ, химическая лабораторія, гдѣ ученики сами работаютъ подъ руководствомъ учителя, и наконецъ библіотека, состоящая большею частію изъ книгъ которыя могутъ быть раздаваемы ученикамъ для чтенія въ свободные часы; напримѣръ, я тутъ видѣлъ собраніе нѣмецкихъ классиковъ. Директоръ сдѣлалъ библіотекарю дружеское замѣчаніе, зачѣмъ брошюры стоятъ на полкахъ сплошными рядами, и что надобно расположить ихъ по предметамъ или авторамъ въ папкахъ. Библіотекарь спорилъ, но директоръ убѣдилъ его, сказавъ, что онъ уже на опытъ, въ собственной своей библіотекѣ, удостовѣрился въ превосходствѣ предлагаемаго имъ порядка. „Перепадетъ брошюры въ цѣлый томъ, прибавилъ директоръ, неудобно, потому что когда ради одной брошюры осудишь цѣлую книгу, то ее иногда всю и зачитаютъ.“

Въ классѣ естественныхъ наукъ и математики скамьи расположены амфитеатромъ, чтобы при показываніи опытовъ и ученики послѣднихъ рядовъ ясно видѣли ихъ. Въ рисовальномъ классѣ, гдѣ мы разсматривали труды лучшихъ воспитанниковъ, директоръ ласково ободрялъ нѣкоторыхъ.

Въ зданіи общей всѣмъ учрежденіямъ библіотеки мы не были, но заходили въ книжную лавку, гдѣ главный предметъ продажи составляютъ библіи, издавна печатаемыя этими заведеніями и рассылаемыя по всей Европѣ; ихъ выписывается много и въ Россію (откуда также присылались сюда въ прежнее время дѣти для воспитанія). Въ типографію, куда мы пошли изъ книжной лавки, было нѣсколько скоропечатныхъ станковъ; тамъ работаютъ и женщины; онѣ при насъ заняты были изготовленіемъ стереотиповъ для Библіи. Процессъ этой работы очень простъ: сперва набираютъ текстъ, потомъ оттискиваютъ его въ гипсовые формы, льютъ на нихъ металлическую массу и стереотипы готовы.

Хотя это было въ концѣ іюня, занятія въ училищахъ

¹ Министерство предлагало на выборъ этотъ кабинетъ или гербарій: училище выбрало физическій кабинетъ.

шли обыкновеннымъ порядкомъ; только въ юліѣ учениковъ распускаютъ на одну недѣлю, чтобъ они могли полакомиться у родителей вновь собираемыми плодами (penes Obst). Въ канікулахъ Нѣмцы не чувствуютъ надобности; у нихъ вмѣсто лѣтнихъ ферій бываютъ осеннія, совпадающія съ временемъ жатвы и собираія винограда.

На учрежденія пастора Франке смотрятъ здѣсь какъ на послѣдній плодъ стариннаго христіанскаго благочестія; въ память основателя поставлена передъ зданіемъ сиротскаго дома (лѣтъ 30 тому назадъ) статуя его, съ надписью: „Онъ уповалъ на Бога“. Въ числѣ здѣшнихъ сиротъ нѣтъ вообще такъ-называемыхъ найденышей. Германія еще не заводила у себя воспитательныхъ домовъ въ смыслѣ тѣхъ, какіе существуютъ во Франціи, Австріи и у насъ въ Россіи. О томъ, нужны ли они, мнѣнія еще несогласны; большинство въ Германіи думаетъ, что они способствуютъ къ увеличенію числа незаконнорожденныхъ. Однакожь Гамбургъ и Берлинъ доказываютъ, что то же самое можетъ быть и при отсутствіи такихъ заведеній.

Находясь въ Лейпцигѣ, я между прочимъ отправился въ близъ-лежащій садъ Розенталь, любимое гульбище жителей. Вдоль крайней аллеи въ полѣ тянулся цѣлый рядъ палатокъ съ разными надписями; во всѣхъ стояли столы и скамейки для простаго народа и главное угощеніе заключалось въ пиво и сосискахъ. Послѣднія въ разныхъ видахъ встрѣчаются на каждъ шагъ въ Саксоніи и Тюрингіи; здѣсь для Русскаго становится понятнымъ, почему у насъ Нѣмецъ получилъ прозваніе колбасника. Даже и въ самой опрятной и просторной палаткѣ, стоявшей поодаль отъ другихъ и не имѣвшей надписи, внутри выставлено было крупными буквами объявленіе: *Франкфуртскія жаренныя колбасы*. На полѣ происходило ученіе національной гвардіи (Bürgergarde.) Отъ одного изъ солдатъ, по ремеслу бочара, узналъ я, что она состоитъ изъ 17-ти ротъ, что въ каждой ротѣ по 30 человекъ, и что отъ поступленія въ нее очень многіе отговариваются, кто нездоровьемъ, кто другимъ вымышленнымъ предлогомъ; нѣкоторые, чтобъ освободить себя отъ этой службы, живутъ нарочно за городомъ, и т. п. Одинъ изъ колбасниковъ сказывалъ мнѣ, что національная гвардія нужна особенно на случай революціи, и дѣйствительно, я слышалъ потомъ отъ профессора ***,

что въ 1848 году лейпцигская полиція вездѣ встрѣчала сопротивленіе, тогда какъ всѣ распоряженія національной гвардіи и производившіеся ею аресты принимались безпрекословно. Профессоръ самъ служилъ тогда въ этой гвардіи.

Отъ него же узналъ я разныя подробности о Лейпцигскомъ университетѣ. Здѣсь болѣе 800 студентовъ. При приемѣ, экзаменуютъ только тѣхъ, которые не имѣютъ достаточныхъ свидѣтельствъ о приговорительныхъ знаніяхъ (Maturitäts-Zeugnisse). Строги бываютъ особенно къ поступающимъ для факультетскихъ занятій; отъ другихъ требуютъ только доказательствъ, что они въ состояніи пользоваться лекціями. Нынче большая часть студентовъ занимается здѣсь серіозно; въ послѣдніе годы старинный духъ разгуля и буйства очень ослабѣлъ. Этому много способствовало опредѣленіе, чтобы пребываніе въ университетѣ продолжалось три года и никакъ не долѣе пяти лѣтъ (въ Берлинѣ обыкновенный курсъ продолжается 2½ года). Многие студенты пользуются стипендіями, изъ которыхъ однѣ королевскія, а другія частныя, напримѣръ познанскаго архіепископа; нѣкоторыя простираются до 300 талеровъ; иныя состоятъ въ квартирныхъ деньгахъ или даже въ квартирахъ натурой. Кромѣ того въ зданіи университета находится особая столовая (Convict), куда допускаются недостаточные студенты и гдѣ собирается болѣе 250 человекъ; каждый профессоръ поочереду предлагаетъ извѣстное число участниковъ столовыхъ стипендій. Студенты подчинены общей полиціи, и только въ дисциплинарныхъ случаяхъ зависятъ отъ университетскаго суда. Профессора получаютъ хорошее содержаніе, нѣкоторые до 2.000 и даже до 3.000 талеровъ, что при дешевой жизни въ Лейпцигѣ составляетъ очень много (профессоръ *** за просторную квартиру съ садомъ въ центрѣ города платитъ не болѣе 300 талеровъ); кромѣ того, они получаютъ съ слушателей особую плату за частныя лекціи или такъ-называемыя коллегіи. Правда, что за то у нихъ и дѣла очень много: они по большей части имѣютъ отъ трехъ до четырехъ лекцій въ день, и лекціи начинаются въ 6 часовъ утра; впрочемъ, кто хочетъ, можетъ читать не болѣе двухъ или четырехъ публичныхъ лекцій въ недѣлю. Мы разговорились о разныхъ способахъ чтенія лекцій. Профессоръ сказалъ мнѣ при этомъ, что онъ никогда не позволяетъ себѣ читать съ

каедръ безъ письменныхъ, хотя и краткихъ замѣтокъ, импровизируемыя лекціи, по его мнѣнію, часто не имѣютъ достаточной связи и полноты, и даже рѣдко обходятся безъ ошибокъ въ фактахъ. Въ примѣрѣ приведены были лекціи извѣстнаго Савиньи, по которымъ, при всей ихъ увлекательности, трудно было составлять связныя записки. Впрочемъ, г. *** сознался, что при всякихъ лекціяхъ очень многое зависитъ отъ индивидуальности профессора.

Посѣтивъ бібліотеку университета, въ которой считается до двухъ сотъ тысячъ томовъ, я отправился въ комнату суда, чтобы тамъ просмотрѣть старинныя университетскіе альбомы. Въ прежнія времена Лейпцигскій университетъ пользовался такою славою, что привлекалъ множество слушателей изъ разныхъ странъ Европы, такъ что въ теченіе года иногда записывалось въ его альбомы болѣе 600 студентовъ. Еще въ прошломъ столѣтіи тутъ бывали Англичане, Датчане, изрѣдка Французы, часто Лифляндцы, Эстонцы и иногда Русскіе; еще ранѣе прїѣзжали сюда въ большомъ числѣ Шведы и Финляндцы. Мнѣ хотѣлось узнать, кто именно изъ Русскихъ посѣщаль этотъ университетъ во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, и я выписалъ изъ альбомовъ сорокъ именъ нашихъ соотечественниковъ, учившихся здѣсь съ 1750 года до конца столѣтія. Между ними выдаются имена *Козицкаго* (1752), графовъ *Владимира* и *Александра Владиміровича Орловыхъ* (1763 и 1771), *Радицева* (1767), *Козадавлева* (1769), *Алексѣя Григорьевича Теплова* (1769), который дотогу учился въ Кильскомъ университетѣ¹, и *Моисѣенкова*. Вмѣстѣ съ *Радицевымъ* отправлено было въ Лейпцигъ, въ 1767 году, еще десять молодыхъ людей для изученія правъ. Въ одномъ изъ его сочиненій (*Житіе Федора Васильевича Ушакова*) имена нѣкоторыхъ изъ его товарищей означены только начальными буквами; вотъ они вполнѣ: князь *Александръ Песвицкій*, князь *Василій Трубецкой*, *Федоръ Ушаковъ*, *Михаилъ Ушаковъ*, *Николай Зимовьевъ*, *Алексѣй Кутузовъ*, *Челищевъ*, *Андрей Рубановскій*, *Сергій Яновъ* и *Иванъ Насакинъ*. Лейпцигскіе студенты въ старину раздѣлялись на четыре

¹ Между Русскими, посѣщавшими Кильскій университетъ, особенно замѣчательно имя князя *Александра Борисовича Куракина*.

націи, Саксонцевъ, Мейсенцевъ, Баварцевъ и Поляковъ; Русскіе всегда причислялись здѣсь къ польской націи ¹.

Лейпцигъ и его окрестности богаты военно-историческими воспоминаніями. Въ самомъ городѣ есть башня обсерваторіи Плейсенбургъ, на которую взбираются чтобъ издали посмотрѣть въ подзорную трубу на знаменитое поле сраженія 1813 года: отсюда можно даже различить, хотя съ трудомъ, пирамидальный памятникъ воздвигнутый на этомъ полѣ. На этой башнѣ сошелся я между прочимъ съ человѣкомъ, который для той же цѣли явился туда съ другаго конца свѣта—изъ Сѣверной Америки. Словоохотливый сторожъ объяснялъ намъ ходъ сраженія, со всеми подробностями, на большой картѣ, разставляя особыя разноцвѣтныя дощечки означавшія арміи.

По дорогѣ въ Йену видно Люценское поле, гдѣ палъ шведскій король Густавъ Адольфъ. Желѣзная дорога идетъ здѣсь по самымъ живописнымъ мѣстамъ, мимо горъ и виноградниковъ. Въ Апольдѣ, которая славится своими шерстяными чулками, я пересѣлъ въ омнибусъ и попалъ въ общество, состоявшее изъ профессора, купца и дамы съ дочерью. Мы ѣхали шагомъ по гористому краю; передъ глазами было опять поле битвы. Здѣсь, въ 1806 году, французская армія застигла въ распахъ нѣмецкую; Пруссаки такъ были стиснуты и кровопролитіе такъ велико, что убитые не падали, а стоймя подпирали другъ друга, и цѣлые ряды оставались на ногахъ, прислоненные къ другимъ рядамъ мертвыхъ тѣлъ. До сихъ поръ на этомъ полѣ находятъ въ землѣ деньги, зарытыя во время сраженія прусскими солдатами, думавшими послѣ взять ихъ назадъ. Влѣво отъ дороги показываютъ мѣсто (три дерева), гдѣ въ 1808 году императоры Александръ и Наполеонъ сиживали вмѣстѣ во время охоты, и гдѣ Наполеонъ назначалъ пенсіи родственникамъ убитыхъ за два года передъ тѣмъ. И въ самой Йенѣ много разказовъ о Наполеонѣ, напримѣръ какъ онъ заставилъ пастора-ботаника вести его на гору для помѣщенія артиллеріи.

Можно сказать, что Йена—городъ студентовъ и розъ:

¹ Полный списокъ Русскихъ, учившихся въ означенный періодъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, помѣщенъ мною въ извѣстіяхъ II Отд. Ак. Наукъ т. IX, вып. 3.

такъ этими цвѣтами украшены здѣсь садики, окружающіе почти всѣ дома. Пышно цвѣтутъ на своихъ высокихъ стебляхъ іенскія розы, а студенты здѣшніе сохраняютъ всѣ особенности прежняго быта своихъ собратій. Іена всегда была и до сихъ поръ остается центромъ и типомъ нѣмецкаго студенчества. Оно здѣсь сохраняетъ свой старинный, исторически разившійся характеръ. Іенскіе студенты, которыхъ около 500, все еще раздѣляются на ландсманшафты, нынче называемые просто корпораціями, ихъ цѣль — поддержаніе студенчества въ извѣстномъ значеніи, выражающемся гулявками, попойками и дуэлями, но они не имѣютъ никакого политическаго значенія.¹ Впрочемъ, далеко не всѣ студенты приписываются къ этимъ корпораціямъ, которыя отличаются одна отъ другой своими фурражками, отчасти очень фантастическими. Замѣчательны ихъ сборныя мѣста (Кнеірен); въ главной изъ этихъ тавернъ развѣшены гербы корпораціи, портреты знаменитѣйшихъ сочленовъ, кружки, изъ которыхъ пили дѣды, оружія и проч.; все это хранится какъ святыня. Еще не задолго до моего пріѣзда, здѣсь происходила одна изъ рѣдкихъ уже въ настоящее время дуэлей *на штофъ* (на шпагахъ); но что студенты въ Іенѣ рубятся еще довольно часто, доказываютъ картины подобныхъ сценъ развѣшенныхъ въ окнахъ здѣшнихъ книжныхъ магазиновъ. Бываютъ также по-старому студенческіе поѣзды по городу въ колесницахъ съ разными символическими изображеніями и затѣйливыми костюмами для осмѣянія современныхъ лицъ или явленій; на примѣръ недавно былъ поѣздъ, имѣвшій цѣлью предъставить, что Нѣмцы только пишутъ, а ничего не дѣлаютъ. Отъ названныхъ корпораціи отличаются *буршен-*

¹ Прежде студенты раздѣлялись на *ландсманшафты* по странамъ или областямъ, откуда они были родомъ; но такъ какъ въ послѣдствіи въ каждый отдѣлъ стали принимать молодыхъ людей безъ строгаго различія ихъ мѣстнаго происхожденія, то въ новѣйшее время и отмѣнено первоначальное названіе этихъ отдѣловъ, которые однакожь во многихъ мѣстахъ еще носятъ по старой памяти имена: Саксонцевъ, Франковъ, Вестфальцевъ и т. п. Нѣмецкая литература не оставляетъ безъ вниманія ни одного явленія народной жизни, и въ прошломъ году появились дѣ книги, выставяющія наружу все безобразіе извѣстной стороны германскаго студенческаго быта. Вотъ ихъ заглавія: 1) *Deutsche Studentenlieder des 17 und 18 Jahrhunderts*, von Keil и 2) *Modernes Studententhum. Eine satirisch-didaktische Humoreske*.

шафты, которыхъ цѣль есть охраненіе чистой нѣмецкой національности и строгой нравственности. Управление университета тоже остается старинное: мѣстное начальство принадлежитъ проректору; главноначальствующій же, великій герцогъ, носить званіе ректора. Правила приѣма въ студенты тѣ же что и въ другихъ университетахъ, то-есть чтобы быть записаннымъ въ это званіе нужно предъявить такъ-называемое свидѣтельство зрѣлости; но къ слушанію лекцій допускаются молодые люди и безъ этого условія.

Одинъ изъ любимыхъ здѣшнихъ профессоровъ есть Куно Фишеръ, преподающій философію. Я былъ у него на двухъ лекціяхъ изъ логики, которымъ онъ, не смотря на сухость предмета, умѣлъ придать чрезвычайную живость и увлекательность. На первой лекціи онъ говорилъ объ атомахъ, единицахъ и числахъ, разбиралъ значеніе ариѳметическихъ дѣйствій и доказывалъ, что счисленіе не подвигаетъ духа въ развитіи, а доставляетъ ему только извѣстный навыкъ (*Fertigkeit*). Предметомъ второй лекціи было опредѣленіе качествъ матеріи и различія между жидкими и плотными тѣлами. Въ бѣдной и даже не совсѣмъ опрятной аудиторіи, посреди восьмидесятимолодыхъ людей, которые съ напряженнымъ вниманіемъ ловили каждое слово профессора, я чувствовалъ живо, что значить соединеніе науки и таланта, не поддерживаемыхъ никакими внѣшними приманками или соблазнами.

Я былъ также на двухъ лекціяхъ извѣстнаго филолога Шлейхера; онъ читалъ предъ немногочисленною аудиторіей о формахъ склоненія въ индо-европейскихъ языкахъ, показывая ихъ родство, и о старо-нѣмецкомъ языкѣ, и читалъ съ такою живостію, какую можетъ дать только истинная любовь къ наукѣ. Дѣятельность Шлейхера изумительна: читая въ университетѣ почти ежедневно по два часа, онъ прилежно участвуетъ въ изданіи филологическаго журнала и безпрестанно печатаетъ замѣчательныя изслѣдованія, въ кругъ которыхъ входятъ и славянскіе языки; но зато онъ встаетъ постоянно въ 5-мъ часу утра, и не знаетъ почти никакихъ другихъ развлеченій кромѣ работы въ своемъ садикѣ и гимнастикѣ. Онъ, какъ мнѣ показалось, человекъ правдивый, энергическій, всѣмъ интересующійся. Въ молодости готовился онъ въ богословы и уже проповѣдывалъ въ церквахъ, но страсть къ изученію языковъ

увлекла его на нынѣшнее поприще; въ Гейѣ онъ еще недавно; прежде занималъ онъ лѣтъ семь катедру въ Пражскомъ университетѣ, но недовольный тамошнимъ своимъ положеніемъ, принялъ съ восторгомъ неожиданннй вызовъ въ Гейу. Домъ, въ которомъ живетъ Шлейхеръ, служилъ въ-когда жилищемъ поэту Фоссу, имя котораго и читается въ крупныхъ буквахъ на одной изъ наружныхъ стѣнъ. Въ Гейѣ почти на каждомъ шагѣ встрѣчаются на домахъ имена прежнихъ славныхъ жильцовъ ихъ, съ означеніемъ и годовъ, когда они тутъ жили. Эти надписи подѣланы года три тому назадъ по случаю правднованія трехсотлѣтняго юбилея университета. Замѣчательнъ домъ, въ которомъ жилъ бывшій здѣсь профессоромъ Шиллеръ, статуя котораго при этомъ торжествѣ поставлена здѣсь въ саду; двѣнадцать дѣвицъ возложили на нее тогда вѣнки, ими самими плетенные, и пѣли хоромъ въ честь поэта. Близъ статуи положенъ гранитный камень, большая рѣдкость въ здѣшнемъ краю. Домъ Шиллера сохранилъ прежній видъ свой только съ наружной стороны; внутри все уже подверглось измѣненію. Два дня спустя я былъ въ Веймарѣ, гдѣ вы на каждомъ шагѣ встрѣчаете воспоминанія литературной славы этого города въ портретахъ и статуяхъ Гете, Шиллера, Гердера, Виланда и др., разставленныхъ въ окнахъ магазиновъ; здѣсь и внутренность дома Гете осталась неприкосновенною. Мнѣ хотѣлось проникнуть туда, но нынѣшній владѣлецъ дома, внукъ гениальнаго писателя, заперъ двери его для всѣхъ путешественниковъ, и ни для кого не допускаетъ исключенія: я долженъ былъ удовольствоваться лѣстницею и собраніемъ разставленныхъ на ней художественныхъ произведеній и рѣдкостей.—Говоря о надписяхъ на домахъ въ Гейѣ, нельзя забыть и той, которая сдѣлана была мѣломъ надъ окномъ университетскаго карцера и долго красовалась тамъ: „гостиница академической свободы.“

Миновавъ Франкфурктъ на Майнѣ, перелетѣлъ я по знаменитой горной дорогѣ, посреди множества селеній, въ виду живописнаго Шварцвальда, черезъ рѣку Некаръ—въ Гейдельбергъ. Здѣшній университетъ, также сохраняющій до сихъ поръ старинный характеръ, основанъ въ 1346 году курфирстомъ Рупрехтомъ I, по образцу Парижскаго, съ монастырскими учрежденіями. Студенты жили по факульт-

тетамъ, подъ надзоромъ своихъ наставниковъ, въ особыхъ коллегіяхъ, которыя назывались бурсами. Такимъ образомъ это, рядомъ съ Пражскимъ, древнѣйшій въ Германіи университетъ. Онъ очень скоро приобрѣлъ знаменитость, благодаря особенно своей богатой библіотекѣ, и уже въ первое время имѣлъ болѣе пятисотъ студентовъ. Онъ былъ преобразованъ въ эпоху реформаціи по мысли Меллахтона. Одинъ изъ курфирстовъ учредилъ особую коллегію, гдѣ недостаточные студенты находили бесплатно жилище, содержаніе и книги. Къ числу здѣшнихъ профессоровъ нѣкогда принадлежалъ знаменитый Пуффендорфъ. Присоединеніе Гейдельберга къ Баденскимъ владѣніямъ въ 1802 году было для университета счастливымъ обстоятельствомъ. Великій герцогъ Карлъ Фридрихъ, обогативъ его новыми средствами, сдѣлался какъ бы вторымъ основателемъ его, почему съ тѣхъ поръ этотъ университетъ и носитъ названіе Ruperto-Carolina. Между здѣшними студентами, которыхъ болѣе шестисотъ, много достаточныхъ людей; въ корпораціи, подобныя іенскимъ, принимаютъ только такихъ молодыхъ людей, которые представляютъ ручательство, что будутъ получать изъ дому не менѣе опредѣленной суммы въ годъ (чуть ли не 3000 талеровъ). Они щеголяютъ въ разныхъ формахъ и одна изъ нихъ похожа на гусарскую: къ ней принадлежатъ ботфорты и шитая золотомъ куртка. Многіе носятъ бархатныя шапочки, шитыя также золотомъ и серебромъ, которыя продаются уже готовыя въ магазинахъ, и стоятъ болѣе десяти талеровъ каждая; ихъ надвигаютъ на лобъ и прикрѣпляютъ ремнемъ, проведеннымъ къ затылку.

Я нашель здѣсь знакомаго, молодого Б., который съ отличнымъ успѣхомъ занимался въ Петербургскомъ университетѣ и теперь доканчиваетъ въ Гейдельбергѣ свое образованіе. Онъ платитъ здѣсь за слушаніе лекцій по двумъ предметамъ 30 гульденовъ въ семестръ, да за пользованіе библіотекой 7½ гульденовъ (гульденъ составляетъ 60 коп. серебромъ), такъ что все содержаніе обходится ему около 100 талеровъ въ мѣсяць, что конечно не дешево. Мы вмѣстѣ отправились на лекцію историка Гейссера (Häusser), читающаго о французской революціи. На кафедрѣ взошелъ здоровый, плотный мужчина, съ крупными чертами лица, и во все время говорилъ стоя. Мастерски охарактеризовавъ Робеспьера и вообще терроризмъ, онъ распро-

страшился о жалкомъ состояніи тогдашняго французскаго общества, въ которомъ все низшло на степень посредственности, такъ какъ всякое проявленіе таланта подвергалось неумолимому гоненію отъ тиранической власти. Картину несчастныхъ результатовъ терроризма Гейссеръ заключилъ замѣчаніемъ: „многіе думаютъ, что возрожденіе Германіи невозможно безъ пролитія крови; но справедливо ли это? что было послѣдствіемъ терроризма во Франціи?—диктатура Наполеона и военный деспотизмъ, возбудившій вскорѣ всеобщую ненависть.“ Эта лекція была такъ хороша, такъ богата фактами и вмѣстѣ замѣчательна самобытнымъ взглядомъ на нихъ, что я на другой день опять пошелъ слушать Гейссера. Лекціи его производятъ на слушателей сильное впечатлѣніе, что въ первый разъ и обнаружилось при мнѣ легкимъ постукиваніемъ ногъ при выходѣ профессора изъ аудиторіи. Онъ уже восемнадцатъ лѣтъ постоянно читаетъ лекціи по исторіи французской революціи, продолжая непрерывно изучать источники; можно представить себѣ, какъ великъ накопившійся у него запасъ матеріаловъ, а при его искусствѣ въ разработкѣ ихъ, результатъ не можетъ не быть блистательный.

Въ Гейдельбергѣ живетъ еще другой извѣстный историкъ, нынѣ экспрофессоръ Гервинусъ, который пишетъ теперь исторію XIX столѣтія, но еще болѣе извѣстенъ своею подробною исторіей національной поэзіи Нѣмцевъ. Я его навѣстилъ въ его уютномъ домикѣ по ту сторону Неккара, на берегу рѣки. Мнѣ описывали его человѣкомъ страннымъ и необщительнымъ; я вовсе не нашелъ этого: мы бесѣдовали долго и между прочимъ о Россіи, настоящее положеніе которой очень интересуетъ его. При своемъ умѣренно-либеральномъ образѣ мыслей, Гервинусъ высказалъ мнѣ по этому предмету нѣсколько очень здравыхъ замѣчаній.

Еще посѣтилъ я въ этомъ городѣ, чтобъ услышать добрый совѣтъ, знаменитость другаго рода, доктора Хеліуса или, какъ здѣсь говорятъ, Шеліуса. Въ 8 часу утра я уже не засталъ его: молодой человѣкъ, который мылъ на дворѣ экипажъ, сказалъ мнѣ что Herr Gehsimegath отъ 7 до 8 часовъ читаетъ лекцію, а оттуда отправится въ госпиталь, потому будетъ ѣздить по городу, по своимъ больнымъ, въ часъ будетъ кушать; застать же его можно послѣ обѣда въ

3 часа. Когда я вторично пришелъ, въ назначенное время, человекъ, мывшій поутру экипажъ, теперь переважно сидѣлъ въ бѣломъ галстукѣ передъ входомъ въ покои г. тайнаго совѣтника, и показалъ мнѣ дорогу въ кабинетъ. Старикъ почтеннаго вида сидѣлъ у письменнаго стола и, казалось, ждалъ посѣтителей. Разспросивъ меня съ большимъ вниманіемъ, и высказавъ свое мнѣніе, онъ съ привѣтливою улыбкой пожелалъ, чтобъ его совѣтъ послужилъ мнѣ впрокъ. Я уже прежде слышалъ отъ нѣкоторыхъ Русскихъ хорошіе отзывы о Хеліусѣ; на меня онъ также произвелъ пріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что его совѣтъ, устранявшій всякое строгое лѣченіе и открывавшій передо мною близкую перспективу знакомства съ Швейцаріей, совершенно соотвѣтствовалъ собственнымъ моимъ желаніямъ.

Чѣмъ далѣе паръ уносилъ меня на югъ, тѣмъ виды становились интереснѣе: горы смѣнялись долинами, по обѣ стороны дороги мелькали красивыя сторожки (оригиналы Петергофскихъ); наконецъ явился самъ Рейнъ, въ плоскихъ берегахъ, но окаймленный цѣлымъ рядомъ городовъ и деревушекъ. Между пассажирами былъ Еврей изъ Франкфурта на Майнѣ, который съ женою своею ѣхалъ во Фрейбургъ. Хотя одежда ихъ ничѣмъ не отличалась отъ общеупотребительной, однако нельзя было ошибиться въ ихъ національности, по рѣзкому типу ихъ лицъ. Мужъ былъ поразителемъ своимъ невѣдѣніемъ: я никакъ не могъ растолковать ему различіе между Фрейбургомъ Баденскимъ, куда онъ ѣхалъ, и Фрейбургомъ Швейцарскимъ, и хотя я прибѣгнулъ къ помощи карты, онъ продолжалъ все-таки смѣшивать оба города и въ своемъ дорожникѣ читалъ о швейцарскомъ Фрейбургѣ...

Я. ГРОТЪ.

ИЗЪ ИСТОРИИ

ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА ¹

Извѣстно, что вскорѣ послѣ того какъ расколъ отдѣлился отъ церкви и образовалъ самостоятельное общество, въ немъ произошло внутреннее распаденіе, вслѣдствіе котораго явились двѣ главныя секты — поповщинская и безпоповщинская. Первая, желая сохранить характеръ церковности, которою такъ дорожили предки раскольниковъ, признала нужду священства, и для отправленія богослуженія и разныхъ требъ стала принимать бѣглыхъ поповъ отъ православной церкви; другая, оставаясь болѣе послѣдовательною въ приложеніи основнаго ученія раскольниковъ объ истребленіи православія во всемъ мірѣ и наступленіи временъ антихриста, рѣшительно отвергла нужду священства и совершеніе таинствъ, какія признавала необходимыми, предоставила простодушнымъ изъ своей среды. Обѣ секты, какъ всегда бываетъ въ обществахъ, основанномъ на ложныхъ началахъ, раздробились потомъ на множество отдѣльныхъ толковъ, большею частію враждебныхъ одинъ другому. Особенно важное значеніе между безпоповщинцами, въ началѣ XVIII вѣка, приобрѣла секта поморская, благодаря талантамъ и усиліямъ двухъ знаменитыхъ учителей, братьевъ Денисовыхъ, которые

¹ Преданія о Преображенскомъ кладбищѣ, сообщаемыя въ этой статьѣ, почерпнуты изъ одной (не многимъ извѣстной) рукописи, въ которой она записана большею частію по разказахъ самихъ Преображенцевъ.

утвердили средоточіе этой секты въ пресловутомъ Выгорѣцкомъ монастырѣ. Тогда же образовалась въ безпопощивнѣ секта еедосѣвцевъ, которой въ послѣдствіи суждено было приобрѣсти не менѣе важное значеніе въ исторіи раскола, какъ и сектѣ поморской. Основатель ея, нѣкто Θεодосій, дьячокъ Крестецкаго яма, человекъ, какъ видно изъ его дѣйствиій, довольно умный и предприимчивый, первоначально принадлежалъ къ поморскому толку; но потомъ отдѣлился отъ него, вслѣдствіе несогласія въ нѣкоторыхъ пунктахъ ученія. Несогласія касались главнымъ образомъ: 1) вопроса о томъ, какъ писать титуло на крестѣ Спасителя;—поморцы писали: царь славы Ісусъ Христосъ сынъ Божій, а Θεодосій училъ, что должно писать: Ісусъ Назорянинъ царь Іудейскій,—2) вопроса, касательно пищи покупаемой на торгу, у православныхъ,—Θеодосій, вопреки ученію поморянъ, признавалъ необходимымъ очищать ее молитвами, какъ оскверненную ¹. По поводу этихъ разногласій у поморцевъ съ еедосѣвцами происходила полемика ², и послѣдніе, несмотря на всѣ усилія Денисовыхъ возстановить согласіе, отдѣлились отъ поморянъ. Раздѣленіе усилилось еще болѣе, когда еедосѣвцы узнали, что поморяне въ 1739 г., по случаю извѣстной комиссіи Самарина, сдѣлали постановленіе молиться за царя ³: за это они признали ихъ рѣшительно еретиками и въ насмѣшку прозвали вмѣсто поморянъ, самарянами, примѣняясь къ фамиліи Самарина. Чтò касается вѣшняго положенія еедосѣвцевъ,

¹ Объ этихъ пунктахъ различія, какъ главныхъ, писалъ въ послѣдствіи и Андрей Денисовъ въ своемъ примирительномъ посланіи къ еедосѣвцамъ: „что бо умствуютъ? въ ересь тяжку, глаголютъ, поморскіе пустыяжиители зпадоша не пишуще на Животворящемъ Крестѣ четырема буквами, знаменавными Псалтомъ: І. Н. Ц. І. Оле тяжкіа таковыа хулы!“ И „за покупаемое съ торжищъ брашно осуждаютъ ны тяжцѣ, скверноленіемъ сіа и достойнымъ отреченія хульствуютъ и брашна покупаемая скверна и нечиста, увы, дерзостно шемуютъ“. (Аандр. Иоан. ч. II стр. 19).

² Θεодосій не одинъ разъ ходилъ для состязаній въ Выгорѣцкій монастырь и писалъ къ поморцамъ „предложеніе о догматѣхъ и о титулѣ“.

³ На поморцевъ сдѣланъ былъ доносъ правительству, что они не молятся за царя и для изсаждованія дѣла на мѣстѣ, въ Выгорѣцкомъ монастырѣ, наряжена была особая комиссія подъ начальствомъ чиновника Самарина. Тогда-то въ монастырѣ составленъ былъ советъ и для отвращенія непріятностей, „нужды ради“, сдѣлано постановленіе поминать, гдѣ сѣдуетъ, на молитвахъ царское имя.

то въ первое время послѣ отдѣленія отъ поморянъ, оно было довольно трудно: имъ не удавалось нигдѣ утвердиться прочно и жили они большею частію отдѣльными небольшими кружками въ разныхъ мѣстахъ Россіи и Польши, даже въ Австріи и Пруссіи. Только во второй половинѣ XVIII вѣка они пріобрѣтаютъ особенно важное значеніе въ исторіи раскола, именно когда успѣли прочно утвердиться въ Москвѣ. Исторія основанія и утвержденія здѣсь еедосѣвской общины, ея распространенія и быстрыхъ успѣховъ, сообщившихъ ей огромное вліяніе на всѣ безпоповщинскія секты, представляетъ немало любопытнаго и достойнаго вниманія, особенно потому что даетъ понятіе о средствахъ, какими распространялся расколъ въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, и о характерѣ раскольниковъ этого времени.

Въ половинѣ XVIII вѣка, когда расколъ распространился и процвѣталъ, можно сказать, во всѣхъ концахъ Россіи,—въ Москвѣ, бывшей нѣкогда рассадникомъ его и средоточіемъ, было весьма незначительное число раскольниковъ, особенно безпоповщинскаго толка. Ихъ можно было насчитать не болѣе десяти семействъ, и положеніе ихъ было самое жалкое. Отмѣченные особеннымъ знакомъ на платвѣ (желтымъ козыремъ), они бѣгали общества, не смѣли показываться, особенно у кремлевскихъ стѣнъ и на многолюдныхъ улицахъ; народъ смотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ и питалъ отвращеніе къ нимъ; о нихъ ходили различныя вѣрные разказы, такъ что образовалось убѣжденіе, что съ безпоповцемъ страшно встрѣтиться и жить вмѣстѣ. Особенно трудно было ихъ существованіе въ царствованіе императрицы Анны, когда они могли только по ночамъ, тайно и съ величайшею осторожностію, собираться для отправленія своихъ службъ въ нѣсколькихъ избахъ, построенныхъ въ самомъ глухомъ мѣстѣ тогдашней Москвы,—на берегу Яузы и близъ Хапиловскаго пруда. Императрица Екатерина облегчила ихъ участь: имъ позволено было ходить безъ козырей, и они могли теперь жить по своимъ обычаямъ, не обращая на себя особеннаго вниманія; съ этого времени начинаются у нихъ сношенія съ иногородными, и между ними большее значеніе начинаютъ пріобрѣтать приходившіе изъ Новгорода еедосѣвцы. Они составили отдѣльное общество, правда, незначительное,—оно

состояло не болѣе, какъ изъ двадцати семействъ, но тѣсно соединенное глубокимъ отвращеніемъ къ православнои церкви; преданіе говоритъ, что всякое прикосновеніе „церковниковъ“ къ ихъ вещамъ они считали оскверненіемъ, никогда не впускали ихъ въ свои дома, и если кто изъ православныхъ по какому-либо случаю являлся къ нимъ, они позволяли ему подходить только къ крыльцу, и здѣсь грубо, съ явною неохотою, оканчивали всѣ объясненія, послѣ чего весь домъ окуривали ладномъ, чтобъ очистить, какъ говорили, запахъ арианскій; проходя мимо церкви они зажимали носъ и затыкали уши, чтобы „не обонять воню діавола и не слышать львиного рыканія“, отъ православныхъ не принимали пасхальнаго привѣтствія и новый годъ начинали съ сентября, а не съ января: „чернокнижникъ Брюсъ, говорили они, велѣлъ такъ считать, а міръ созданъ 1-го сентября“; и въ доказательство приводили то, что тогда уже поспѣли яблоки, потому что Ева спѣлымъ яблокомъ соблазнила Адама. Тѣсно соединенные этою общою имъ ненавистію къ православнои церкви, едосѣвцы сходились вмѣстѣ для отправленія своихъ службъ, состоявшихъ главнымъ образомъ въ продолжительномъ чтеніи псалмовъ и молитвъ. Они имѣли наставникомъ ярославскаго крестьянина Илью Иванова, который часто приходилъ въ Москву и проживая здѣсь подолгу, перекрещивалъ иногда обращенныхъ имъ въ расколъ разнаго званія людей въ Хапиловскомъ прудѣ, что онъ дѣлалъ обыкновенно по ночамъ. Таинственныя ночныя собранія на берегу пруда обратили на себя вниманіе двухъ московскихъ купцовъ Федора Зенкова и Ильи Ковылина, имѣвшихъ здѣсь усадьбы и фабричныя заведенія; они пожелали познакомиться съ Ильей Ивановымъ; знакомство кончилось тѣмъ, что оба они были перекрещены въ томъ же Хапиловскомъ прудѣ. Это, повидимому, незначительное событіе было чрезвычайно важно для раскольниковъ, ибо въ лицѣ Ковылина они приобрѣли человека, которому расколъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, обязанъ несравненно болѣе, нежели знаменитымъ братьямъ Денисовымъ.

Едосѣвцы, послѣ уклоненія въ расколъ Ковылина и Зенкова, стали собираться для богослуженія въ домъ послѣдняго, который устроилъ для своихъ единовѣрцевъ общественную

моельню; но эти собранія производились съ соблюденіемъ величайшей осторожности, и вообще еедосѣвцы, попрежнему, продолжали скрывать отъ всѣхъ свое существованіе въ Москвѣ. Такъ было до 1771 года: этотъ страшный для Москвы годъ, былъ для еедосѣвцевъ счастливымъ годомъ, — изъ бѣдствій Москвы Ковылинъ умѣлъ извлечь существенныя выгоды для своего общества и положить прочное начало его будущаго процвѣтанія. Извѣстно, что въ этомъ году страшная чума и голодъ опустошали столицу. Отъ голода одинаково страдали и бѣдные люди и богатые, такъ какъ по случаю заразы привозъ съѣстныхъ припасовъ въ столицу прекратился; чума въ то же время дѣйствовала съ ужасающею силой, — число ея жертвъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Все это навело такой ужасъ на жителей, что всѣ, кто имѣлъ какую-либо возможность, спѣшили оставить Москву и бѣжали въ сосѣдніе города и селенія. Отсюда возникла новая опасность: бѣжавшіе могли разнести чуму и заразить окрестныя села и города. Правительство видѣло необходимость противодѣйствовать этому новому бѣдствію; но при тогдашнемъ устройствѣ полиціи не видѣло возможности съ успѣхомъ противодѣйствовать ему. Этимъ-то затруднительнымъ положеніемъ и воспользовались Ковылинъ и Зенковъ для утвержденія и распространенія въ Москвѣ своей секты: они придумали испросить у правительства позволеніе учредить на собственное иждивеніе частный карантинъ для осмотра всѣхъ, выходящихъ изъ Москвы, и кладбище для погребенія умершихъ отъ чумы, изъ которыхъ многіе долгое время оставались безъ погребенія.хлопотать предъ начальствомъ вызвался самъ Ковылинъ, который основательно разчитывалъ на успѣхъ своего предпріятія; принимая казенные подряды кирпича, онъ имѣлъ нѣкоторыя связи съ московскимъ начальствомъ, которое знало его какъ человѣка честнаго и благонамѣреннаго (что онъ принадлежалъ къ сектѣ еедосѣвцевъ, объ этомъ едва ли кому было извѣстно); притомъ благотворительная цѣль учрежденія, на которое испрашивалъ онъ позволеніе, должна была отклонить всякое подозрѣніе касательно истинныхъ намѣреній его. Ковылинъ дѣйствительно не ошибся въ расчетъ. Московское начальство охотно согласилось на его просьбу устроить карантинный домъ, и

даже въ скоромъ времени испросило на то Высочайшее разрѣшеніе ¹.

Итакъ Ковылинъ и Зенковъ приступили къ устройству карантиннаго дома. Они наняли у крестьянъ села Черкузова землю, чрезъ которую пролегала дорога изъ Москвы во Владиміръ и другіе города; поставили заставу, построили наскоро нѣсколько домиковъ и задерживали всѣхъ, кто хотѣлъ выйдти изъ Москвы. Ковылинъ и Зенковъ истощали всѣ старанія и средства, чтобъ этимъ людямъ, спасавшимся отъ голода и язвы, какъ скоро поступали они въ карантинъ, доставлялось пропитаніе и уходъ во время болѣзни; всѣ едосѣвцы, жившіе въ Москвѣ, собраны были сюда для служенія и безъ страха ухаживали за больными, даже зараженными чумою; умирающихъ Ковылинъ напутствовалъ исповѣдью; мертвыхъ отпѣвалъ и хоронилъ на своемъ кладбищѣ. Молва обо всемъ этомъ скоро распространилась, и не трудно понять какое впечатлѣніе она должна была произвести на народъ умиравшій отъ голода и язвы, и видѣвшій какъ фурманы въ дегтярныхъ рубашкахъ, пьяные и буйные, ѣздили по улицамъ, желѣзными крюками собирали мертвыхъ, на отвратительныхъ телѣгахъ свозили ихъ на кладбища, и зарывали въ общихъ могилахъ, безъ священническаго отпѣванія и безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ, между тѣмъ какъ у Ковылина голодные получали хорошую пищу, больными не гнушались и мертвыхъ хоронили съ честью. Не удивительно, что къ нему стало появляться много и такихъ людей, которые вовсе не хотѣли оставить Москвы и искали только спасенія отъ голода и чумы. Ковылинъ никому не отказывалъ; каждый приходившій могъ жить въ его заведеніи и пользоваться всѣмъ необходимымъ; для этого онъ только требовалъ отъ нихъ сначала исполненія нѣкоторыхъ особенныхъ обрядовъ, какъ напримѣръ,

¹ Коварное камѣреніе Ковылина подъ видомъ благотворительнаго заведенія устроить гнѣздо одной изъ раскольническихъ сектъ повялъ архіепископъ московскій Амвросій и рѣшился воспрепятствовать этому предпріятію. Но ему, по словамъ извѣстнаго писателя о расколѣ, протоіерея Андрея Іоаннова, „поднесена была отъ рукъ едосѣвцевъ смертная чаша.“ Извѣстна печальная судьба этого святителя, убитаго во время чумы возмущающею чернью. Матаежъ, по свидѣтельству того же писателя, возбужденъ былъ раскольниками и первый камень бросенъ былъ въ архіепископа едосѣвцевъ Иланомъ Дмитріевичемъ. (Изв. о раск. стр. 25)

обычныхъ у едосѣвцевъ семи поклоновъ предъ трапезою и послѣ трапезы: потомъ всѣмъ поступившимъ онъ старался внушить, что бѣдствія язвы и голода произошли отъ никоновской вѣры, что Богъ караетъ ими враговъ своихъ, отступниковъ отъ православія, щепотниковъ, что кто желаетъ спастись отъ этихъ временныхъ бѣдствій и получить вѣчное спасеніе, тотъ долженъ непременно отречься отъ церкви и „переправиться“, то-есть перекреститься, и всѣмъ, особенно же умирающимъ, предлагалъ это спасительное средство. Подъ страхомъ смерти отъ голода или заразы, которая казалась неизбежною въ томъ случаѣ если лишится покровительства Ковылина, легковѣрный народъ не затруднялся исполнять его требованіе. Преданіе свидѣтельствуесть, что чаны, нарочно для того приготовленные, безпрестанно наполнялись водою для перекрещиванія желающихъ; крестили и такихъ, которые сами уже не въ состояніи были выразить никакого желанія. Случалось даже, что многіе, изнуренные голодомъ и болязнію, умирали при самомъ погруженіи въ воду: ихъ хоронили съ отпѣваніемъ, объясняя смерть ихъ тѣмъ, что они не могли перенести свѣта истины, поразившаго ихъ.

Такимъ образомъ карантинъ, устроенный съ разрѣшенія правительства, повидимому съ благотворительною и благонамѣренною цѣлью противодѣйствовать распространенію морской язвы, неожиданно сдѣлаался обителію раскольниковъ безпоповщинской секты, число которыхъ въ самое непродолжительное время увеличилось до того, что прежнихъ карантинныхъ домиковъ, устроенныхъ на скорую руку стало уже недостаточно; построить новыя, болѣе удобныя и просторныя зданія Ковылинъ считалъ необходимымъ и для упроченія будущаго существованія едосѣвской общины, устройство которой онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ уже въ виду и въ то время, когда испрашивалъ у правительства позволеніе на основаніе карантина и кладбища. Чума помогла ему и въ этомъ случаѣ. Тогда въ Москвѣ осталось много домовъ совершенно опустѣлыхъ; нѣкоторые изъ нихъ принадлежали обратившимся въ новую едосѣвскую общину, владѣльцы другихъ или оставили Москву, или умерли отъ чумы. Ковылинъ велѣлъ, безъ всякаго на то права, разломать эти дома, перевезти на купленную у черкизовскихъ крестьянъ землю и изъ прибрѣтенныхъ такимъ

образомъ матерiаловъ построилъ обширныя помѣщенiя, въ которыхъ и размѣстилъ многочисленныхъ членовъ новой раскольнической общины. Многочисленность общины требовала также дать ей какое-либо внутреннее устройство; особенно нуженъ былъ настоятель, который могъ бы заведывать ея дѣлами и, въ случаѣ надобности, ходатайствовать за нее предъ правительствомъ. Общимъ голосомъ выбранъ былъ въ настоятели самъ Илья Алексѣевъ Ковылинъ, который съ этого времени еще дѣятельнѣе занялся дѣлами общины.

Итакъ во время самой жоровой язвы община московскихъ едосѣвцевъ, основанная Ковылинымъ и Зенковымъ, является уже въ устроенномъ видѣ. Между тѣмъ язва миновалась, а съ тѣмъ вмѣстѣ должно было прекратиться и существованiе устроеннаго Ковылинымъ благотворительнаго заведенiя, ибо миновалась нужда, для которой оно основано. Многие изъ жившихъ въ немъ, поблагодаривъ Ковылина, дѣйствительно обнаружили намѣренiе возвратиться домой, къ прежнему образу жизни, хотя крещенiе, которое они приняли отъ едосѣвцевъ, уже необходимо соединяло ихъ съ общиною. Но Ковылинъ вовсе не для того основалъ кладбище и собралъ въ немъ столько жителей, чтобы потомъ распустить ихъ. Напротивъ, заранѣе предвидя это, онъ заранѣе же обдумалъ и приготовилъ нужныя средства, чтобы удержать въ общинѣ всѣхъ поступившихъ въ нее во время жоровой язвы. Для этого онъ употреблялъ и нравственныя убѣжденiя, и болѣе дѣйствительныя матерiальныя средства. Такъ какъ намѣренiе оставить общину выражали болѣею частiю люди семейные, то Ковылинъ старался внушить этимъ новымъ членамъ едосѣвскаго толка, что они вѣнчаны въ еретической церкви и браки ихъ нечисты предъ Богомъ, и будутъ наказаны отъ Него; что они должны непременно расторгнуть ихъ и начать жизнь безбрачную, какую ведутъ всѣ члены едосѣвскаго согласiя,—и сдѣлать это они обязаны тѣмъ болѣе, что Богъ избавилъ ихъ отъ ужасной смерти, и что, въ противномъ случаѣ, ихъ снова постигнетъ глѣвъ Божiй и наказанiе еще болѣе тяжкое, нежели какого они избѣгли. Воспоминанiе о недавнихъ ужасахъ смерти придавало этимъ увѣщанiямъ особенную силу и легковѣрные невольнo подчинялись имъ. Еще сильнѣйшимъ побужденiемъ остаться въ общинѣ служило то

обстоятельство, что имѣніе поступившихъ въ нее во время язвы, какъ будетъ сказано, Ковылинъ хитро умѣлъ обратить въ собственность общины; такимъ образомъ отъ общины зависѣло теперь и ихъ матеріальное существованіе. Что касается до людей безбрачныхъ, то между прочимъ довольно сильнымъ побужденіемъ остаться въ общинѣ служили для нихъ и самыя учрежденія ея, съ которыми они могли уже познакомиться: несмотря на требованіе жизни безбрачной, община смотрѣла весьма свисходительно на непопозволенные связи съ женщинами. Наконецъ, для тѣхъ и другихъ немаловажнымъ побужденіемъ было и то, что община представляла готовый пріютъ и всякое продовольствіе, не требуя никакихъ особенныхъ трудовъ. Благодаря этимъ средствамъ, община основанная Ковылинымъ не распалась и по прекращеніи чумы.

Удержавъ такимъ образомъ въ общинѣ тѣхъ, кого успѣлъ привлечь въ нее во время моровой язвы, Ковылинъ, для обезпеченія ея будущаго существованія, считалъ необходимымъ заняться особенно приведеніемъ въ строгій порядокъ ея внѣшняго и внутренняго устройства. Вновь-построенныхъ зданій на первый разъ было достаточно для помѣщенія общины; онъ озаботился теперь устройствомъ трапезы и молитвеннаго дома, и оба зданія скоро были построены. Обширная молеельня имѣла видъ простой четвероугольной избы съ осмиконечнымъ крестомъ; внутри ея всѣ стѣны были обвѣшаны старинными иконами въ богатыхъ окладахъ, принадлежавшими прежде различнымъ членамъ общины. Предположено было поставить въ ней иконостасъ, но не могли найти для него большихъ мѣстныхъ иконъ древняго письма; въ послѣдствіи, однакожь, Ковылинъ посредствомъ низкаго обмана успѣлъ пріобрѣсть для часовни весьма древнія и дорогія мѣстныя иконы изъ церкви Св. Анастасіи, что на Неглинной, близъ Кузнецкаго моста¹. Построивъ часовню, Ковылинъ пожелалъ дать своей

¹ Исторія похищенія иконъ довольно любопытна; она показываетъ, къ какимъ средствамъ прибѣгалъ Ковылинъ для достиженія своихъ цѣлей. На Неглинной, близъ самой церкви Анастасіи, у него былъ погребъ иностранныхъ винъ, который привлекалъ многихъ поспитителей. Въ числѣ ихъ часто являлся священникъ упомянутой церкви. Ковылинъ сблизился съ нимъ, поощрялъ въ немъ слабость къ вину, и однаъ разъ, послѣ обильныхъ возіаній, предложилъ ему за значительную сумму отдать

общинѣ видѣ монастыря, и даже запретилъ еодосѣвцамъ называть ее иначе. Для соблюденія наружнаго сходства съ монастыремъ, онъ назначилъ всемъ живущимъ въ общинѣ особенную одежду: мужчинамъ кафтаны, отороченные чернымъ сукномъ, съ тремя складками на лифѣ, застегивавшіеся напередѣ восьмью пуговицами, и сапоги непременно на каблукахъ; женщинамъ—черныя бархатныя, или плюсовые повязки на голову, черныя китайчатыя сарафаны и такого же цвѣта платки. Такъ какъ ученіе еодосѣвцевъ воспрещало брачную жизнь, то на преображенскомъ кладбищѣ мужчины и женщины раздѣлены были въ особые зданія, раздѣленныя низкою дощатою стѣной. Но Ковылинъ вовсе не хотѣлъ чрезъ это противодѣйствовать распространенію разврата; онъ напротивъ готовъ былъ поощрить его, желая поскорѣ увидѣть новое поколѣніе еодосѣвцевъ, которыхъ надѣялся воспитать въ духѣ совершенной преданности новой общинѣ. И, какъ извѣстно, въ монастырѣ дѣйствительно скоро появилось значительное, притомъ постоянно возрастающее, число такъ-называемыхъ „воспитанниковъ Иаки Алексѣевича“, для которыхъ устроены были особыя пріюты, гдѣ ихъ обучали уставному чтенію, письму, пѣнію, вообще давали приличное для еодосѣвца образованіе. Для соблюденія порядка въ новомъ монастырѣ, Ковылинъ ввелъ нѣкоторыя, строго исполнявшіяся, правила: у часовни по-

старинныя мѣстные образа изъ его церкви, а на мѣсто ихъ поставилъ копию, приготовленную Ковылинимъ, и довольно искусно сдѣланную. Тотъ согласился и образа поступилъ въ собственность еодосѣвской общины. Похищеніе однакожъ скоро было замѣчено, и священникъ отдалъ подъ судъ. Опасаясь лишиться драгоценнаго приобрѣтенія, Ковылинъ передалъ иконы для сохраненія одному крестьянину Черкизову, Давидъ Герову, у котораго онъ лежалъ семь лѣтъ, зарытыя во ржи; въ то же время еодосѣвцы распустили слухъ, что иконы сгорѣли во время какого-то лебывалаго пожара. Когда же свѣдѣніе было прекращено, онъ украсилъ иконostasъ преображенской часовни. Послѣ этого еодосѣвцы начали разглашать, что выходящіяся у нихъ иконы прибрѣтены имъ изъ большаго Успенскаго собора, и этимъ, писалъ въ свое время Амарѣ Ивановъ, „многихъ изъ чернаго народа смутили такъ, что нѣкоторые и по сіе время при тѣхъ мысляхъ остались, что образа взяты изъ собора, тѣмъ паче что они похожи на соборныя, какъ я и самъ ихъ видѣлъ; но еще, по моему замѣчанію, видѣлъ и лучше: ибо соборныя весьма потемнѣли.“ Ковылинъ не забылъ священника, который оказалъ ему такую важную услугу и изъ-за него отставленъ былъ отъ мѣста: онъ постоянно выдавалъ ему дежежный пенсіонъ по 25 р. въ мѣсяцъ.

вѣшена была желѣзная доска, и по ударамъ въ эту доску всѣ немедленно должны были собираться къ службамъ; чинно отправлялись вечерня, утреня и часы; послѣ часовъ всегда служили панихиду по умершихъ отъ мороваго повѣтрія. По окончаніи службы, всѣ въ порядкѣ и съ пѣніемъ отправлялись въ трапезу въ предшествіи очереднаго, который несъ икону, обернутую по краямъ въ бѣлое полотно, и, пришедши въ трапезу, полагалъ ее на приготовленный аналой; наставникъ читалъ молитву Господню, затѣмъ всѣ дѣлали обычное число земныхъ поклоновъ и чинно сажались за столъ; среди общаго молчанія раздавался только голосъ читавшаго житіе праздуемаго святаго; прислужники разносили пищу, всегда постную, или изъ овощей. По окончаніи трапезы всѣ пѣли: „достоинно есть,“ опять клали обычное число поклоновъ, и въ прежнемъ порядкѣ слѣдовали за иконою въ модельню, гдѣ и оставляли ее; затѣмъ всѣ расходились по кельямъ. Женщинамъ не позволялось присутствовать при общественныхъ служеніяхъ и въ одной трапезѣ съ мужчинами; въ послѣдствіи для нихъ были устроены отдѣльныя часовня и трапеза, въ которыхъ соблюдался, подъ надзоромъ избраннаго на то наставника, тотъ же самый порядокъ, что и въ мужскомъ отдѣленіи.

Впрочемъ, Ковылинъ чувствовалъ, что для прочнаго существованія „киновіи,“ необходимо ввести въ ней строгій уставъ, правила котораго, соблюдаемые всеми еодосѣвцами, были бы почитаемы засвято, и тѣсно связывали бы всѣхъ съ общиною. Для пріобрѣтенія податнаго устава онъ ѣздилъ въ знаменитый Выгорѣцкій монастырь, гдѣ его принимали съ большимъ почетомъ. Но правила поморскаго согласия, какъ и надлежало ожидать, не могли удовлетворить его; особенно невыгодно подѣйствовало на него, что въ модельнѣ выгорѣцкой приносили молитвы за царя, „страха ради Самарина“, какъ говорилъ онъ. Итакъ осмотрѣвъ бытъ выговскаго общежитія и заимствовавъ изъ него нѣкоторыя учрежденія, казавшіяся ему полезными для его общины, онъ пріѣхалъ въ Москву безъ устава. Около этого времени, какъ онъ возвратился отъ поморянъ, въ его общину поступилъ одинъ изъ еодосѣвцевъ проживавшихъ въ Стародубѣ, нѣкто Петръ Федоровъ, и предложилъ Ковылину принять тамошнія правила; за вѣрнымъ спискомъ этихъ правилъ Ковылинъ послалъ въ Стародубъ самого Петра

Федорова. Когда онъ возвратился оттуда, Ковылинъ съ братіею встрѣтилъ его съ крестнымъ ходомъ за оградой монастыря; потомъ всѣ едосѣвцы собрались въ молельню, выслушали принесенныя правила, одобрили ихъ, и всѣ, начиная съ самого Ковылина, цѣловали крестъ въ томъ, что ненарушимо будутъ соблюдать ихъ. Такимъ образомъ Ковылину удалось ввести въ своей общинѣ строгій уставъ, которымъ онъ надѣялся крѣпче связать членовъ ея между собою и съ кладбищемъ.

Но самымъ сильнымъ средствомъ къ упроченію существованія общины служили не заведенныя въ ней порядки общежитія, а огромныя матеріальныя средства, которыми она располагала, и искусное устройство, какое далъ ей Ковылинъ въ этомъ отношеніи. Ни самъ онъ, ни сотрудникъ его купецъ Зенковъ, не были такъ богаты, чтобы могли содержать собственными средствами поступившихъ къ нимъ въ карантинъ, еще въ самомъ началѣ его основанія, особенно во время голода, — да они и не намѣрены были истощать для этого собственныхъ капиталовъ; напротивъ, у нихъ былъ другой, вѣрный расчетъ продовольствовать поступающихъ на ихъ же собственное иждивеніе, и на средства самихъ поступившихъ въ общину устроить ея существованіе. Планъ ихъ удался какъ нельзя лучше. Переkreщивая приходящихъ, они обыкновенно предлагали имъ, для спасенія души посвятить Богу свое имущество; страшныя явленія смерти, которыя были тогда у всѣхъ предъ глазами и на которыя имъ при этомъ указывали, придавали особенную силу убѣжденіямъ Ковылина и Зенкова. Больные и умирающіе, которымъ было уже не до заботы о земныхъ стяжаніяхъ, охотно дѣлали Ковылина полнымъ распорядителемъ своихъ имуществъ, оставленныхъ при томъ, большею частію, безъ защиты отъ грабителей, которые бродили по Москвѣ, а теперь, какъ думали они, поступавшихъ по крайней мѣрѣ въ добрыя руки и на богоугодное дѣло. Имущество, собранное этимъ средствомъ, было чрезвычайно велико. Ковылинъ имѣлъ сто лошадей, для перевозки кирпича съ своихъ заводовъ; эти лошади были употреблены на перевозку жертвуемыхъ имуществъ; все, что ни было въ домахъ — иконы, бархаты, парчи, наличныя деньги — все шло въ кладовыя и погреба Ковылина и Зенкова: извозчики, которымъ Ковылинъ поручалъ это дѣло, по разка-

замъ дѣтей ихъ, „такъ искусно очищали дома, какъ будто въ нихъ никто и не жилъ, и все, что ни брали, доставляли въ дѣлості Ильѣ Алексѣвичу, потому что считали смертнымъ грѣхомъ утаить что-либо.“ Свезенное безчисленное имущество Ковылинъ свѣшилъ обратить въ прочный капиталъ: позументы, парчи и всѣ ткани изъ серебра и золота, которыми нѣкогда щеголяли Москвитянки, равно какъ серебряные и золотые оклады съ иконъ, онъ обратилъ въ огромные слитки серебра и золота; наличной же монеты было собрано такъ много, что запасъ ея весьма долго не истощался въ кассѣ кладбища. Правда, по прекращеніи чумы нѣкоторые изъ поступившихъ на кладбище, обратились было къ Ковылину съ просьбою возвратитъ имъ ихъ имущество и позволить жить попрежнему въ городѣ; но такимъ онъ отвѣчалъ рѣшительно, что кто однажды посвятилъ свой избытокъ Богу, тотъ не можетъ уже требовать обратно своей жертвы. „Посмотрите, говорилъ онъ, на свѣчу, которую вы ставите предъ иконою: она сгараетъ, то-есть Богъ принимаетъ ее себѣ; какъ же можно взять ее обратно? Тоже самое должно сказать и объ имуществѣ, которое вы отдали Богу и которое онъ принялъ.“ Волею, или неволею жертвователи должны были предоставить свое богатство во всегдашнее владѣніе общины. Вознагражденіемъ служило для нихъ довольство, какимъ пользовались они въ монастырѣ. Должно замѣтить, впрочемъ, что Ковылинъ умѣлъ прекрасно распорядиться собранными огромными богатствами: это не былъ мертвый капиталъ; напротивъ, онъ пускалъ часть его въ обороты, и чрезъ то сдѣлалъ средства кладбищами неистощимыми. Значительныя суммы, выдаваемые изъ кассы кладбища, послужили основаніемъ многихъ купеческихъ капиталовъ въ Москвѣ, естественно ставшихъ такимъ образомъ въ зависимость отъ кладбища. Сокровища кладбища охотно содѣйствуя обогащенію многихъ купеческихъ домовъ, помогая имъ въ трудныхъ коммерческихъ оборотахъ, Ковылинъ приобрѣлъ своему обществу весьма многихъ сильныхъ капиталистовъ, которые поддерживали общину и въ то же время сами тѣсно связаны были съ нею собственными выгодами; многіе извѣстные своимъ богатствомъ купеческіе дома обязаны были своимъ состояніемъ единственно кладбищу, и разумѣется состояли въ числѣ прихожанъ его. Эти тѣсныя связи съ капиталистами и сообщали учрежде-

нiю Ковылина чрезвычайную силу, и обезпечивали прочнымъ образомъ его будущее существованiе.

Показанное нами устройство московской еедосѣвской общины или Преображенскаго кладбища, подъ именемъ котораго оно извѣстно было до послѣдняго времени, скоро привлекло въ общину весьма многихъ членовъ: одни, большею частiю люди бѣдные и бездомные, искали въ ней спокойнаго убѣжища и привольной жизни, которая дѣйствительно и находили; другихъ и именно людей богатыхъ, или желавшихъ обогатиться, привлекали коммерческiя выгоды, какiя доставляло кладбище; и спустя какихъ-нибудь двадцать или двадцать пять лѣтъ послѣ моровой язвы въ прiютахъ его считалось 500 человекъ обоего пола, и до 3000 прихожанъ, большею частiю изъ зажиточныхъ купцовъ, открыто посѣщавшихъ его молеблю.

Слухъ о богатствѣ Преображенскаго кладбища и молва о самомъ Ковылинѣ скоро распространились въ иногородныхъ еедосѣвскихъ общинахъ, и изъ всѣхъ городовъ: изъ Риги, Ярославля, Пскова, Тулы, Суздаля, Краснаго Холма и др. стали прiѣзжать въ Москву къ Ильѣ Алексѣвичу почетныя еедосѣвцы искать его покровительства. Ковылинъ понималъ важность такихъ посѣщенiй, и рѣшился посредствомъ ихъ распространить влiянiе своей общины на всѣ иногородныя еедосѣвскiя общества. Приемы, какiе дѣлалъ онъ прiѣзжающимъ, отличались торжественностiю. Ковылинъ былъ видный мущина, имѣлъ очень выгодную наружность, и для сохраненiя своего достоинства принималъ посѣтителей сидя въ дорогихъ креслахъ, при чемъ они клали предъ нимъ по семи земныхъ поклоновъ; въ молебнѣ онъ старался произвести на нихъ особенное впечатлѣнiе богатымъ украшенiемъ иконъ, стройностiю пѣнiя и благочиннымъ отправленiемъ службы. Прiѣзжiе еедосѣвцы обыкновенно просили при этомъ Ковылина дать имъ, ради общей пользы христiянства пѣвчихъ, образовавшихся въ его обители, и наставниковъ воспитавшихся подъ его руководствомъ. Ковылинъ разумѣется охотно соглашался на такiя просьбы, но всегда съ условiемъ, чтобы настоятели иногородныхъ еедосѣвскихъ общинъ „крестнымъ цѣлованiемъ утвердили преданность свою и своихъ единовѣрцевъ кладбищу и готовность быть послушными всѣмъ его требованiямъ.“ Съ своей стороны онъ обѣщаль имъ всякую помощь, даже матеріальными

средствами кладбища, что дѣйствительно и исполнялъ на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ кладбище сдѣлалось средоточіемъ не только московскихъ, но и всѣхъ иногородныхъ еедосѣвскихъ общинъ. Особенную важность для кладбища имѣла связи его съ петербургскими еедосѣвцами. Эти посаѣдніе, во главѣ которыхъ находился богатый и извѣстный въ Петербургѣ купецъ Косцовъ, просили Ковылина устроить у нихъ общину, по образцу московской. Ковылинъ нарочно не разъ ѣздилъ по этому дѣлу въ Петербургъ, и дѣйствительно успѣлъ здѣсь устроить общину, при чемъ заботился особенно о томъ чтобы поставить ее въ тѣсной связи съ московскою. Эту связь онъ надѣялся поддержать главнымъ образомъ, посредствомъ совѣщаній, на которыя по взаимному рѣшенію Ковылина и Косцова, должны были чрезъ каждые три года съѣзжаться въ Москву всѣ иногородные еедосѣвскіе учителя. Важное также значеніе для кладбища имѣло близкое знакомство Ковылина съ Косцовымъ, а чрезъ него съ знаменитымъ вельможею княземъ Куракинымъ, съ которымъ Косцовъ находился въ близкихъ отношеніяхъ; самъ Ковылинъ такъ умѣлъ поправиться князю, что онъ между прочимъ писалъ московскому главнокомандующему: „окажите доброму Иаѣ Алексѣвичу помощь въ случаѣ нужномъ“. Это знакомство имѣло для кладбища важныя посаѣдствія.

Итакъ, вотъ чѣмъ являются въ самое непродолжительное время тѣ ничтожныя карантинныя строевія, которыя въ 1771 г. поставлены были съ разрѣшенія правительства для пресѣченія дальнѣйшаго распространенія заразы дѣйствовавшей въ столицѣ: на ихъ мѣстѣ является обширное и сильное учрежденіе раскольнической общины, имѣвшей правильное устройство и многочисленныхъ членовъ, обладавшей чрезвычайными матеріальными средствами, открывшей сношенія со многими городами Россіи и сдѣлавшейся средоточіемъ всѣхъ общинъ еедосѣвскаго толка. Нельзя не удивляться, какъ подобное общество могло возникнуть и утвердиться не въ отдаленномъ и глухомъ краю отечества, какъ напримѣръ Выгорѣцкое общежитіе, но среди одной изъ столицъ имперіи, въ глазахъ у гражданскаго и церковнаго правительства. Все дѣло объясняется необыкновеннымъ умѣньемъ Ковылина обращаться съ властями.

Мы замѣтили выше, что по торговымъ сношеніямъ

своимъ Ковылинъ былъ лично извѣстенъ въ некоторымъ изъ правительственныхъ лицъ Москвы; теперь, когда нужды кладбища дѣлали эти знакомства особенно полезными, онъ видѣлъ необходимость упрочить ихъ еще болѣе. Какъ человѣкъ умный и въ высшей степени хитрый и изворотливый, простотою обращенія и наружнымъ радушиемъ онъ умѣлъ легко расположить въ свою пользу многихъ московскихъ вельможъ. Кромѣ того, онъ не щадилъ богатой казны кладбища, чтобы поддержать это расположеніе милостивцевъ: дѣлалъ имъ роскошныя обѣды и большіе подарки. Обѣды Ковылина посѣщались очень усердно многими вельможами, любившими широкій русскій разгулъ¹. Пользуясь расположеніемъ правительственныхъ лицъ Москвы, Ковылинъ при каждомъ удобномъ случаѣ выпрашивалъ у нихъ различныя льготы для своей общины, казавшіяся для нихъ ничтожными, но въ сущности весьма важными; хитро отвлекая вниманіе отъ своихъ замысловъ, онъ заставлялъ ихъ смотрѣть сквозь пальцы на возникшее близъ Преображенскаго, на мѣстѣ прежняго карантина, учрежденіе, важности котораго они, разумѣется, совсѣмъ не понимали.

Благодаря такимъ отношеніямъ къ Ковылину московскаго правительства, въ царствованіе императрицы Екатерины, Преображенское кладбище возникло и устроилось безпрепятственно. Но съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, покровительствовавшаго православію и духовенству Православному, кладбище подверглось неожиданной опасности: московскій главнокомандующій получилъ высочайшее повелѣніе уничтожить его. Ковылинъ отправился въ Петербургъ ходатайствовать чрезъ тамошнихъ друзей о помоло-

¹ Въ какихъ близкихъ отношеніяхъ къ московскимъ знаменитостямъ находился Ковылинъ, это хорошо показываетъ слѣдующій анекдотъ: однажды гости такъ сильно подгуляли у Ковылина, что не замѣтили, какъ онъ развезилъ ихъ, шутки ради, по чужимъ акиважамъ,—губернатора посадилъ въ карету оберъ-полиціймейстера, этого послѣдняго также въ чужую и т. д. Кучера развезли баръ и разумѣется каждый изъ нихъ попалъ въ чужой домъ. И эта дерзкая продѣлка не имѣла никакихъ худыхъ послѣдствій для Ковылина: напротивъ доставила всѣмъ немало забавы. „Время то было христіанское.“ прибавляютъ, разсказывая этотъ случай старики-ефодосѣвцы, „никто не посѣтовалъ, но гѣшились сему смѣшенію весьма долго, благодаря Илью Алексѣевича за угощеніе.“ Повятко однакожъ, что на такую опасную шутку съ людьми сильными могъ рѣшиться только человѣкъ находившійся къ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ.

ваніи. Но не всякій могъ рѣшиться ходатайствовать о такомъ дѣлѣ предъ императоромъ Павломъ. И Ковылинъ два раза ни съ чѣмъ долженъ былъ возвратиться изъ Петербурга. Зато ему не измѣнили московскіе друзья его. Высочайшій указъ долженъ былъ привести въ исполненіе оберъ-полицеймейстеръ В—въ; Ковылинъ явился къ нему на поклонъ и поднесъ, съ помощію своего товарища Милованова, большой пирогъ начиненный червонцами. Полицеймейстеръ скоро уразумѣлъ вкусъ этого пирога, благодарилъ Ковылина за хлѣбъ-соль, и, какъ говоритъ преданіе, „не тревожилъ общину Ильи Алексѣевича исполненіемъ указа.“ А между тѣмъ скоро послѣдовала кончина императора и дѣло объ уничтоженіи кладбища было предано совершенному забвенію.

Настало краткое царствованіе Александра Павловича; императоръ объявилъ о своемъ вступленіи на престолъ манифестомъ, въ которомъ между прочимъ обѣщалъ полную религіозную свободу въ своемъ государствѣ всѣмъ вѣроученіямъ. Ковылинъ оживъ; онъ чувствовалъ, что настало самое благоприятное для него время. Онъ рѣшился привести, и дѣйствительно привелъ, въ исполненіе самыя смѣлыя планы свои касательно кладбища: только старость и приближавшаяся смерть тревожили его и заставляли опасаться, что не успѣетъ совершить всего что задумалъ: „еслибъ мнѣ пожелось подолѣе,“ часто говорилъ онъ своимъ близкимъ друзьямъ, „я показалъ бы всѣмъ что могъ я сдѣлать.“ Въ царствованіе Александра, и особенно въ первое десятилѣтіе его, когда живъ былъ Ковылинъ, Преображенское кладбище дѣйствительно приведено было въ цвѣтущее состояніе, и получило многія права упрочившія его существованіе.

Ковылинъ съ перваго раза понялъ, какія выгоды могъ онъ извлечь изъ манифеста, въ силу котораго его община становилась подъ покровительство законовъ, и постышился воспользоваться выгодами своего положенія. Прежде всего онъ предложилъ богатымъ московскимъ едодствцамъ сдѣлать пожертвованія для построенія каменныхъ зданій кладбища; желаніе уважаемаго настоятеля всѣ спѣшили исполнить съ величайшею готовностію. Ковылинъ хотѣлъ, чтобъ устройство и расположеніе замышляемыхъ имъ великолѣпныхъ построекъ кладбища соотвѣтствовали внутрен-

нему характеру общины. Призванъ былъ лучший московскій архитекторъ и назначилъ мѣста для зданій и ограды. Немедленно приступили къ исполненію плана. Сначала приступили къ постройкѣ помѣщенія для женскаго отдѣленія кладбища, на которое огромную сумму пожертвовалъ купецъ Грачевъ, такъ что самое зданіе въ послѣдствіи названо Грачевскимъ. Черезъ три года оно было совершенно кончено, и Ковылинъ перевезъ въ него свою богатую молеельню: предѣлками, блиставшими золотомъ и драгоценными камнями, затѣпались двадцати-фунтовыя свѣчи; право отправлять службу въ этой молеельнѣ Ковылинъ предоставилъ самимъ женщинамъ. Строевіе прочихъ зданій шло также успѣшно.

Продолжая пользоваться снисхожденіемъ объявленнымъ въ манифестѣ, Ковылинъ въ то же самое время поспѣшилъ привести въ исполненіе другое важное предпріятіе. Самымъ страшнымъ для общины лицомъ въ Москвѣ, котораго Ковылинъ особенно не любилъ и опасался, былъ, какъ и надлежало ожидать, московскій митрополитъ Платонъ. Душа этого пастыря болѣла, когда онъ видѣлъ, какъ въ его паствѣ усиливался подъ покровительствомъ сильныхъ людей опасный и беззавѣстный расколъ. Сильнымъ и теплымъ словомъ старался онъ удержать православныхъ отъ уклоненія въ обольстительныя сѣти раскола распространяемаго Ковылинскимъ, и возвратитъ къ церкви тѣхъ, кто имѣлъ неосторожность попасть въ нихъ. Пастырокія увѣщанія митрополита Платона, впрочемъ, не слишкомъ безпокоили Ковылина, хотя онъ зналъ, что нѣкоторые изъ его согласія, вслѣдствіе этихъ увѣщаній, начали колебаться и выражать готовность присоединиться къ церкви: онъ умѣлъ ослабить силу его проповѣди и зналъ, какъ удержать недовольныхъ въ своей общинѣ¹. Ковылина озабочивало

¹ Вотъ примѣръ того, какъ Ковылинъ дѣйствовалъ въ подобныхъ случаяхъ. Однажды въ великій постъ, онъ пригласилъ на обѣдъ знатнѣйшее московское общество и велѣлъ приготовить роскошный скоромный столъ. Въ то же время пригласилъ къ себѣ тѣхъ изъ едосѣдцевъ, которыхъ подозревалъ въ намѣреніи отложиться отъ кладбища: для нихъ былъ приготовленъ самый скромный постный обѣдъ. Самъ Ковылинъ занялся угощеніемъ собравшихся вельможъ. Нѣкоторые изъ нихъ съ удивленіемъ замѣтили ему, какъ это онъ позволялъ у себя въ постъ приготовить мясное? Ковылинъ отвѣчалъ, что ради друзей постъ разрѣшается, что по нуждѣ и закону прѣхлѣніе бываетъ. Послѣ вкуснаго обѣда гости пере-

собственно то, что митрополитъ Платонъ, какъ высшее правительственное лицо въ духовенствѣ московскомъ, имѣлъ законное право наблюдать въ столицѣ за всѣмъ что касается вѣры, и такимъ образомъ самое кладбище состояло въ нѣкоторой отъ него зависимости, которая угрожала ему дѣйствительною опасностію, хотя доселѣ Ковылинъ умѣлъ искусно отклонять ее¹. Сдѣлать кладбище совершенно независимымъ отъ духовной власти, подчинить его единственно вѣдѣнію гражданскаго правительства, съ которымъ такъ умѣлъ онъ обращаться: вотъ планъ, который хотѣлъ Ковылинъ привести въ исполненіе, пользуясь благопріятнымъ временемъ.хлопотать по этому дѣлу онъ отправилъ въ Петербургъ купца Грачова, на котораго вполне могъ положиться, объяснивъ ему предварительно со всею подробностію къ кому онъ долженъ обратиться, чтобъ испросить высочайшее разрѣшеніе на просьбу кладбища, чрезъ кого дѣйствовать, какъ и какія долженъ представить основанія для своей просьбы и т. п. Грачовъ дѣйствовалъ съ замѣчательнымъ искусствомъ: вездѣ, куда ни являлся хлопотать по своему дѣлу, онъ являлся самымъ безсовѣстнымъ образомъ,—называя кладбище ничтожнымъ заведеніемъ, дающимъ пріютъ нѣсколькимъ десяткамъ престарѣлыхъ и безпріютныхъ стариковъ и старухъ, на счетъ нѣкоторыхъ благотворителей изъ московскаго купечества, валяясь въ ногахъ и плакалъ, прося покровительства этому богоудному заведенію; богатые петербургскіе еедосѣвцы тѣсно связанные, какъ мы видѣли, съ Преображенскимъ кладбищемъ, усердно помогали ему, посредствомъ своихъ связей съ вельможами. Наконецъ, чрезъ князя К—на Грачовъ успѣлъ получить высочайшее разрѣшеніе—называть впредь

шли въ другую комнату, въ которой стоны въ подобныхъ случаяхъ всегда покрывались бутылками дорогаго вина. Въ это время Ковылинъ ввелъ собравшихъ у него еедосѣвцевъ, которые только что кончали свою скудную трапезу, въ комнату, гдѣ обѣдали гости и показывая имъ на остатки мясныхъ блюдъ, сказалъ: „посмотрите, какъ гѣшатся въ великій постъ исповѣдники правосавія платомакаго; не угодно ли и вамъ подражать имъ? Ихъ вѣра разрѣшаетъ все!“ Съ воплемъ ужаса выбѣжали раскольники изъ комнаты и обѣщали положить животъ за правосавіе Иаъи Алексѣевича.

¹ Довольно вѣроятно, что вслѣдствіе представленія Платона императоръ Павелъ сдѣлалъ извѣстное намъ опредѣленіе касательно уничтоженія кладбища.

Преображенское кладбище богатырскими домою и подчинить его одному полицейскому надзору. Исходатайствованное Грачовымъ разрѣшеніе императора—считать кладбище учрежденіемъ гражданскимъ развязало руки Ковылину; оно совершенно освобождало его изъ-подъ зависимости отъ митрополита Платона, который принялъ извѣстіе объ этомъ разрѣшеніи съ великимъ огорченіемъ и, какъ самъ говорилъ, обращеніе едосѣвцевъ къ православію долженъ былъ предоставить теперь единственно волю Господа; напротивъ, кладбище переходило теперь вполнѣ въ вѣдѣніе главнаго начальника Москвы. Ковылинъ явился къ графу Т—ну, скоро умѣлъ заслужить его полное расположеніе, и приступилъ къ исполненію чрезъ него новыхъ предпріятій въ пользу кладбища.

Въ зависимости отъ губернатора, главнымъ и единственнымъ распорядителемъ кладбища оставался самъ Ковылинъ. Очень естественно, онъ желалъ, чтобъ и послѣ него управленіе кладбищемъ предоставлено было вполнѣ его настоятелямъ; но основательно опасаясь, что не каждый настоятель можетъ въ достаточной степени обладать нужными для этого званія талантами и довѣріемъ общества, онъ считалъ необходимымъ учредить, такъ-называемыхъ попечителей, которые были бы избираемы общимъ голосомъ отъ лица всей общины, и содѣйствовали настоятелю въ управленіи кладбищемъ. На избраніе попечителей онъ находилъ нужнымъ испросить согласіе гражданскаго начальства, чтобъ это, такъ-сказать, внутреннее правительство кладбища могло дѣйствовать самостоятельно въ своихъ распоряженіяхъ. Ковылинъ явился къ графу Т—ну съ просьбою, дать ему помощниковъ для хозяйственнаго управленія и для разбирательства дѣлъ возникающихъ въ кладбищѣ: „у меня же, батюшка графъ“, прибавлялъ онъ, „есть на примѣтѣ почтенные старички и тебѣ извѣстные—Шкаринъ, Садовниковъ, Грачовъ, Красновъ, Заикинъ, Никифоровъ: благоволи ваше сіятельство, утвердить моими помощниками“. Причины, представленныя Ковылинымъ въ объясненіе того, почему онъ просилъ себѣ помощниковъ, были такъ благовидны и основательны, что графъ не замедлилъ дать полное согласіе на его просьбу. И съ этого времени внутреннее управленіе кладбища должно было состоять постоянно изъ настоятеля и извѣстнаго числа попечителей.

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ царствованія императора Александра, подызуясь объявленнымъ имъ снисхожденіемъ ко всѣмъ вѣроученіямъ, Ковылинъ положилъ основаніе богатымъ зданіямъ кладбища, большею частию существующимъ доселѣ, и успѣлъ исходатайствовать ему два важныя права,—право называться богадѣленнымъ домомъ, съ которымъ соединялось подчиненіе кладбища одному гражданскому правительству,—и право имѣть постоянное внутреннее управленіе, состоящее изъ настоятеля и попечителей кладбища.

Первыя удачи внушили Ковылину смѣлость попытаться привести въ исполненіе еще одно чрезвычайно дерзкое предпріятіе,—именно выхлопотать еедосѣвскому согласію покровительство государя, одинаковое съ православнымъ исповѣданіемъ. Съ этою цѣлію онъ собралъ попечителей кладбища и предложилъ имъ: не хотятъ ли они, въ ознаменованіе своей преданности государю, за всѣ его благодѣянія, назвать Преображенскій богадѣленный домъ Александровскимъ? Предложеніе это было совершенно противно правиламъ еедосѣвскаго толка, который не почиталъ царской власти и какъ мы видѣли, за то особенно питалъ непріязнь къ поморскому, что въ немъ приносились молитвы за царя: поэтому предложеніе Ковылина нѣкоторыми изъ еедосѣвцевъ принято было съ такимъ неудовольствіемъ, что они отдѣлились отъ кладбища, составили особое общество и устроили свою модельню.¹ Но Ковылинъ не такъ строго смотрѣлъ на правила своего согласія, или, быть-можетъ, видѣлъ возможность совмѣстить вѣншее уваженіе къ предержавшей власти. изъ котораго могъ извлечь многія выгоды для своего общества, съ внутреннимъ отрицаніемъ ея достоинства и значенія; вообще же замѣтно какъ въ немъ, такъ и во всѣхъ богатыхъ прихожанахъ кладбища, преобладающее стремленіе къ прочному обезпеченію и устройству вѣншняго, матеріальнаго существованія кладбища, хотя бы то съ ущербомъ для правилъ еедосѣвскаго толка. Оттого, несмотря на возникшее несогласіе въ прихожанахъ кладбища по поводу предложенія Ковылина назвать богадѣленный домъ

¹ Въ главѣ недовольныхъ стоялъ мѣщанинъ Кондрать Федотовъ, въ домѣ котораго устроена была и часовня, гдѣ собиралось это общество, названное по его имени кондратьевцами.

Александровскимъ, знатнѣйшіе изъ нихъ рѣшили испросить на то согласіе императора. Съ этою цѣлю Ковылинъ приготовилъ на высочайшее имя прошеніе, искусно составленное, состоявшее изъ нѣсколькихъ пунктовъ. Прося государя принять кладбище подъ свое покровительство и выражая надежду, что онъ удостоитъ своего посвященія ихъ богатырскій домъ, гдѣ для него, какъ для будущаго покровителя общины, они приготовили уже особыя кресла, — еедосѣвцы въ то же время ходатайствуютъ предъ нимъ между прочимъ о повелѣніи совершенно освободить кладбище отъ зависимости синода, не ограничивать числа желающихъ поступать въ него, предоставить кладбищу полное право владѣть и распоряжаться завѣщанными ему движимыми и недвижимыми имуществами, и никому не давать отчета въ своихъ оборотахъ. Само собою разумѣется, что это прошеніе, исполненіе котораго сравняло бы въ правахъ еедосѣвское согласіе съ православнымъ исповѣданіемъ, не имѣло успѣха.

Впрочемъ неудача эта, какъ ни была она неприятна, не остановила Ковылина отъ новыхъ попытокъ къ возвышенію своей общины. Достигнувъ того, что кладбище признано было учрежденіемъ гражданскимъ, Ковылинъ видѣлъ въ то же время, что прихожане кладбища все еще числились принадлежащими къ приходамъ московскихъ церквей, хотя, разумѣется, не ходили въ нихъ и не принимали православныхъ священниковъ; особенно стѣснены были въ этомъ отношеніи иногородные еедосѣвцы. Онъ рѣшился ходатайствовать о совершенной независимости еедосѣвцевъ отъ православнаго духовенства и о распространеніи этого права на всѣхъ иногородныхъ членовъ еедосѣвскаго толка. Хлопотать по этому дѣлу въ Петербургѣ отправился самъ Ковылинъ. Черезъ князя К—на онъ подавъ государю прошеніе, въ которомъ раскрылъ, какія будто бы незаконныя притѣвленія дѣлаютъ священники старообрядцамъ, зачисляя ихъ въ метрическихъ книгахъ въ число своихъ прихожанъ, и какія отсюда возникаютъ раззорительныя для нихъ и обременительныя для правительства тяжбы, и въ заключеніе просилъ высочайшаго повелѣнія: исключить изъ метрическихъ книгъ по приходамъ всѣхъ старообрядцевъ. Повелѣніе дѣйствительно послѣдовало, но касалось только московскихъ безпоповщинцевъ. Это чрезвычайно огорчило

Ковылина. Совершенно разстроенный, съ заплаканными глазами, вошелъ онъ въ кабинетъ къ князю К—ну, гдѣ этотъ послѣдній обыкновенно принималъ его: „Бога не боишься, князь“, сказалъ онъ, „печь, да не допечь! Твоими милостями облагодѣтельствованы московскіе старообрядцы; на что же пожоже, чтобъ ихъ единовѣрцы мучились да плакали? Похлопочи, чтобы указецъ-то былъ и для всего общества, чтобъ намъ не драли глазъ, воть-де московскіе счастливы, а мы иногородные бѣдняки горюемъ, — тревожатъ насъ попы.“ Князь старался успокоить расплакавшаго старика, а онъ продолжалъ плакаться: „или князь не доволенъ нами? прогнѣвался за что? Умилосердися, мы тебѣ поклонимся всѣмъ нашимъ бытіемъ“. Князь уступилъ такимъ жалобнымъ просьбамъ и чрезъ нѣсколько дней вручилъ Ковылину указъ, которымъ всѣ едосѣвцы освобождались отъ записыванія въ приходскія вѣдомости.

Довольный и торжествующій возвращался Ковылинъ изъ Петербурга, но дорогой простудился, и въ Москву воротился больной; немедленно далъ онъ знать графу Т—ну о своемъ прѣздѣ, извиняясь, что по болѣзни не можетъ къ нему явиться. Графъ просилъ его не беспокоиться, сказалъ, что самъ у него будетъ, и дѣйствительно со всѣмъ семействомъ прѣхалъ навѣстить Илью Алексѣевича, при чемъ долго бесѣдовалъ съ нимъ объ успѣхахъ его въ Петербургѣ. О новомъ указѣ въ пользу едосѣвцевъ скоро узнали въ иногородныхъ едосѣвскихъ общинахъ. Выборные изъ этихъ общинъ прѣхали въ Москву благодарить Ковылина за его, какъ говорили, „подвиги по христіанству.“ Ковылинъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ упрочить вліяніе кладбища на иногородныя едосѣвскія общины: онъ взялъ съ выборныхъ обѣщаніе, чтобы съ этого времени наставники во всѣхъ едосѣвскихъ общинахъ въ Россіи были поставляемы не иначе, какъ съ утвержденія настоятеля и попечителей Преображенскаго кладбища, отъ которыхъ должны получать и грамоты на сіе званіе. Чрезъ это всѣ иногородныя едосѣвскія общины стали въ ближайшую зависимость отъ Преображенскаго кладбища.

Выхлопотавъ столько правъ кладбищу и всему едосѣвскому согласію, Ковылинъ, безъ сомнѣнія, много сдѣлалъ бы и еще для усиленія и распространенія раскола въ Москвѣ и по городамъ, еслибы смерть не пресѣкла наконецъ

его дѣятельность. Онъ умеръ въ 1809 году. Московскіе и ближайшихъ мѣстъ едосѣвцы собрались на его похороны; ихъ плачь и стонъ прерывали отпѣваніе. Многія знатныя особы, хорошо помня гостепріимство и щедрость Ковылина, съѣхались также на кладбище бросить горсть земли на могилу почтеннаго Ильи Алексѣевича.

Смерть Ковылина была для Преображенскаго кладбища событіемъ великой важности. Кладбище лишилось въ Ковылинѣ человѣка, которому обязано своимъ началомъ, который въ продолженіе съ небольшимъ тридцати лѣтъ умѣлъ привести его въ самое цвѣтущее состояніе, оградивъ притомъ его существованіе многими правами, и котораго никто уже не былъ въ состояніи замѣнить для этой общины; не менѣе горестна была эта потеря и для всего едосѣвскаго толка, для котораго онъ сдѣлалъ такъ много. Дѣйствительно, нельзя не признать въ Ковылинѣ человѣка весьма замѣчательнаго по своимъ талантамъ. Не имѣя никакого образованія, но обладая въ высшей степени хитрымъ и тонкимъ умомъ, равно какъ чрезвычайною предприимчивостью и смѣлостью, онъ успѣлъ въ столицѣ, на глазахъ у гражданской и духовной власти, основать, устроить, привести въ цвѣтущее состояніе и поставить подъ покровительство законовъ такое общество, которое не признаетъ ни церкви, ни законной государственной власти. При своемъ необыкновенномъ умѣньи узнавать людей и обращаться съ ними, несмотря на свое низкое происхожденіе, онъ успѣлъ войти въ тѣсныя связи съ знатными вельможами своего времени, искусно узнавалъ ихъ слабости и умѣлъ употреблять ихъ въ свою пользу. Въ своемъ собственномъ кругу, въ отношеніяхъ къ своимъ единовѣрцамъ, онъ представляетъ полное олицетвореніе раскольника лицемѣрнаго, наружнымъ благочестіемъ прикрывающаго самыя грубые пороки, полагающаго всю силу благочестія въ соблюденіи извѣстныхъ обрядовъ¹. Проповѣдуя постъ и воздержаніе, самъ онъ

¹ Едосѣвцы, дѣйствительно, считали Ковылина великимъ праведникомъ. Еще при жизни его между ними ходили разказы о восхищеніи его въ рай. По этому случаю одинъ изъ поморянъ (Федоръ Авикинъ) написалъ сатирическое сочиненіе, съ коакими насмѣшками надъ едосѣвцами; сочиненіе имѣетъ заглавіе: „замѣчательная, дива и любопытства исполненнаго повѣсть о восхищеніи въ рай Ильи Алексѣева главы едосіанской церкви и о видѣніи его въ ономъ единовѣрцѣхъ и любимыхъ его въ чудной савѣ.“ (см. Словарь Павла Любопыт. изд. 1861 г. стр. 145.)

соблюдая его только въ общихъ трапезахъ; говоря о воздержаніи страстей, онъ въ то же время потворствовалъ разврату: самъ часто посѣщалъ одинъ богато отдѣланный на его счетъ домъ въ Лефортовской части, въ которомъ жила нѣкая мѣщанка Анна Дмитриевна; на доносы о безнравственной жизни кого-либо изъ принадлежащихъ къ кладбищу, онъ отвѣчалъ обыкновенно, что „тайно содѣянное, тайно и судится;“ нѣкоторые изъ богатыхъ прихожанъ кладбища даже испрашивали у него позволеніе имѣть наложницъ: „не возбраняется,“ отвѣчалъ онъ на такія просьбы, „утолять похоть, да не обуреваются челоѣкъ нечистымъ помысломъ;“ и вообще держался самъ, и другимъ совѣтовалъ держаться того правила, что, какъ говорить онъ, „не павши не спасешься.“ Чтобы видѣть въ какое состояніе этотъ предприимчивый и хитрый челоѣкъ привелъ кладбище, состоявшее первоначально изъ нѣсколькихъ ничтожныхъ карантинныхъ домиковъ, гдѣ искали пріюта спасшіеся отъ голода и моровой язвы, для этого достаточно замѣтить, что послѣ его смерти, кладбище состояло изъ нѣсколькихъ обширныхъ каменныхъ зданій, правильно расположенныхъ и обнесенныхъ каменною оградой, изъ которыхъ нѣкоторыя были уже совершенно отдѣланы, другія приводились къ окончанію; что въ немъ проживало болѣе 1.500 челоѣкъ обоого пола, получавшихъ отъ кладбища обильное содержаніе, и въ одной Москвѣ оно имѣло до 10.000 прихожанъ, изъ которыхъ большая половина пользовалась отъ него значительными вспоможеніями ¹; въ такъ-

¹ Перекрещиваніе вновь поступавшихъ въ общину производилось по-прежнему въ Халиловскомъ прудѣ, только уже въ нарочно-устроенной для этого удобной купальнѣ; перекрещиваніемъ занимались, болѣею частью, такъ-называемые наставники; иногда, впрочемъ, и самъ Ковылинъ совершалъ это дѣло надъ бѣглыми людьми всякаго званія, послѣ чего обыкновенно говорилъ имъ: слава Богу! вы теперь переправились, идите—живите съ христіанами. Перекрещивали также и въ Москвѣ-рѣкѣ, которую при этомъ едосѣвцы называли Горданомъ-рѣкой; здѣсь обыкновенно перекрещивались поступавшіе въ общину купца Семена Михайлова. Эта община, состоявшая въ полной зависимости отъ кладбища, находилась въ Серпуховской части, на урочищѣ „озеркахъ,“ здѣсь жили по преимуществу бѣглые раскольники, такъ какъ самое положеніе общины въ одномъ изъ наиболѣе глухихъ концовъ Москвы, представляло много удобствъ для безопаснаго укрытія такого рода людей. Около 1809 г. въ этой общинѣ считалось 150 челоѣкъ.

называемой дѣтской палатѣ, гдѣ подъ именемъ воспитанниковъ Ильи Алексѣевича, помѣщались незаконнорожденные дѣти жившихъ въ кладбищѣ, обучаясь здѣсь грамотѣ и пѣнію, по смерти Ковылина состояло 200 малолѣтнихъ дѣтей: значительное число это объясняется тѣмъ, что кладбище въ своихъ стѣнахъ давало вѣрный пріютъ разврату, охотно принимая въ дѣтскую палату подкидышей со всей Москвы; вѣрѣдко случалось, что въ тайныхъ мѣстахъ кладбища находили мертвыхъ младенцевъ, и все это совершалось безнаказанно. „Антихристовы приставники,“ говорятъ еодосѣвцы, называя такъ полицію, „не дерзали вмѣшиваться въ дѣла обители“¹; кромѣ того въ зависимости отъ кладбища состояло множество иногородныхъ еодосѣвскихъ общинъ въ губерніяхъ Ярославской, Тверской, Новгородской, Рижской, Нижегородской, Саратовской, Казанской, Симбирской, на Дону и Кубани: всѣ онѣ получали отъ кладбища наставниковъ и покупали въ его конторѣ богослужебныя книги. Не говоримъ о тѣхъ важнѣйшихъ заслугахъ Ковылина кладбищу, что онъ обезпечилъ его существованіе, испросивъ ему нѣкоторыя гражданскія права и поставивъ его даже подъ покровительство законовъ².

¹ Въ число воспитанниковъ Ковылина поступали иногда и дѣти православныхъ. Онъ позволялъ проживавшимъ у него иногороднымъ женщинамъ ходить по временамъ на родину и онѣ возвращались вѣрѣдко привозя съ собою малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ брали, или просто похищали у родственниковъ, чтобы воспитать ихъ въ монастырѣ Ильи Алексѣевича, гдѣ, какъ говорили, они не изблауются, но поступать въ христіанство.

² Помѣщаемъ здѣсь замѣчательный отзывъ о Ковылинѣ раскольническаго писателя Павла Любопытнаго, въ его историческомъ словарѣ старообръческой церкви: „Илья Алексѣевъ Ковылинъ, московскій купецъ; главный членъ еодосіанской церкви сей столицы; рѣдкій букванистъ и твердой памяти; мужъ былъ даровитый, смѣлый, предприимчивый и примѣрной ревности благочестія, не разъ торжественно поражавшій ажеудіе никоніанства въ глазахъ вельможъ и обожателей его; не разъ побѣждалъ явныя заблужденія, старообрядцевъ и сѣпота нѣтошники. Онъ былъ общій и отличныи покровитель всѣхъ церквей старообрѣтства отъ владыкъ міра и насилія іерархіи его, тщательный строитель великолѣпнаго и огромнаго зданія въ Москвѣ на Преображенскомъ кладбищѣ и пожертвовавшій оному своимъ имуществомъ до трехсотъ тысячъ рублей на вѣчное его существованіе. А при сихъ важныхъ отличіяхъ, онъ былъ рѣдкій собиратель священныхъ предметовъ древности и предковъ своихъ твореній, соборовъ и мысленій догматизма и обычаевъ. Милость его къ страждущимъ за благовѣстіе православія и угнетающимъ бѣдствіями міра,

Понятно отсюда, какъ дорогъ былъ этотъ человѣкъ для Преображенскаго кладбища и для всего едосѣвскаго согласія, и какую чувствительную потерю оно понесло съ его смертію. Дѣйствительно отсутствіе этого человѣка скоро почувствовалось. Хотя Ковылинъ, повидимому, хорошо обезпечилъ порядокъ внутренняго управленія въ своей общинѣ, и она никогда не имѣла недостатка въ людяхъ умныхъ и распорядительныхъ, но замѣнить самого Ковылина было уже трудно. Настоятелемъ послѣ него избранъ былъ купецъ Гончаровъ; попечители остались прежніе. Гончаровъ былъ умный человѣкъ и, повидимому, поставленъ былъ на своемъ мѣстѣ; но онъ не могъ уже внушить къ себѣ того безотчетнаго довѣрія и повиновенія со стороны принадлежащихъ къ кладбищу, какимъ пользовался Ковылинъ. Ковылинъ распоряжался капиталами кладбища безъ всякаго контроля; отъ новаго настоятеля требовали въ этомъ отношеніи отчетности и самые капиталы почли необходимымъ привести въ извѣстность¹. Отношенія къ

озаряя всѣ пути его, и возносили они его до небесъ. Отличная его слава за доблести гремѣла по всей Москвѣ, и раздавалась звукъ ея въ Петропольш, Ригѣ, Астрахану, Нижнему и въ прочихъ странахъ благочестія. Онъ жилъ въ мірѣ не для себя, а для церкви и ближнихъ, словомъ, онъ былъ единственный человѣкъ ради церкви и ея создателій; разительное его краснорѣчіе, живая память, ясный и пріятный его тонъ въ убѣжденіи истинъ, пѣвали каждому въ его послушаніе, и обращали на него глубокое вниманіе. Впрочемъ при всѣхъ таковыхъ доблестяхъ онъ былъ, къ общему сожалѣнію, отличныи бракоробецъ и читатель постыднаго галилейства, любитель пышной жизни и другой нечестивости, по предмету удовлетворенія тѣла. Онъ имѣлъ важный и сановитый видъ: ростъ его былъ высокій, корпусъ красивой, лицо бѣлое и продолговатое, взоръ веселой и прозительной; брада была у него окладистая, долгая и кругооватая, украшенная сѣдинами; на лбу и верху главы его, время изгладило всѣ власы у него; при первомъ на него взорѣ каждый замѣчалъ, что онъ есть человѣкъ отличный и рѣдкій; въ церкви патріархъ, а въ мірѣ владыка міра. Онъ скончался въ Москвѣ благочестно и погребенъ славно 1809 года, въ августѣ, отъ рожденія своего семидесяти восьми лѣтъ.“ Любопытный принадлежалъ къ сектѣ поморянъ, враждебной едосѣвцамъ; этимъ объясняется его упрекъ Ковылину въ бракоробствѣ и галилействѣ. О Любопытномъ и его отношеніяхъ къ едосѣвцамъ см. предисловіе къ Словарию Павла Любопытнаго.

¹ При осмотрѣ имуществъ кладбища, въ это время нашли, что общая стоимость пожертвованныхъ кладбищу домовъ (въ томъ числѣ былъ домъ и самого Ковылина), заводовъ, луговъ, земли, рыбныхъ ловель, также золота и серебра (въ монетѣ и слиткахъ), жемчугу и каменьевъ, равнялась болѣе нежели 2.000.000 рублей.

иногороднымъ еодосѣевскимъ общинамъ также нѣсколько измѣнились; особенно петербургскіе еодосѣевцы не питали уже прежняго уваженія къ кладбищу, и бывшихъ при Ковылинѣ съѣздовъ въ Москву уже не было. Связи съ вельможными лицами также прекратились: новый настоятель и попечители кладбища стали искать у нихъ покровительства черезъ болѣе мелкихъ чиновниковъ, платя значительныя суммы въ канцеляріяхъ генералъ-губернатора и оберъ-полицеймейстера.

Между тѣмъ наступилъ столь памятный для Россіи 1812-й годъ, который и въ исторіи Преображенскаго кладбища составляетъ замѣчательную эпоху. Слухи о приближеніи Французовъ къ Москвѣ побудили настоятеля и попечителей кладбища принять необходимыя мѣры къ сохраненію общины. Весь наличный капиталъ кладбища, всѣ драгоценности, также всѣхъ молодыхъ женщинъ, проживавшихъ въ кладбищѣ, въ числѣ 250, отправили они въ село Иваново, Владимірской губерніи; съ ними поѣхалъ самъ настоятель Гончаровъ и нѣкоторые изъ попечителей. Въ Москвѣ же, въ опустѣлыхъ пріютахъ кладбища, гдѣ остались только старики и нѣсколько женщинъ, о неприкосновенности которыхъ община, какъ видно, не слишкомъ заботилась, поселились нѣкоторые изъ прихожанъ кладбища съ попечителемъ купцомъ Никифоровымъ.

1-го сентября Наполеонъ вступилъ въ Москву; оставшіеся на кладбищѣ еодосѣевцы, для спасенія зданій кладбища отъ раззоренія, общимъ совѣтомъ рѣшили отправить посольство къ французскому императору просить его покровительства. Они отыскали гдѣ-то челоуѣка, знавшаго французскій языкъ; упросили его явиться къ главному начальнику Кремля и объяснить, „что общество древнихъ христіанъ, угнетаемое правительствомъ русскимъ, но имѣющее во всей Россіи своихъ единовѣрцевъ, преимущественно въ простомъ народѣ, признаетъ императора Наполеона своимъ государемъ и проситъ его величество оградить ихъ монастырь отъ всѣхъ военныхъ насилій.“ Съ посланнымъ отправили они глубокую тарелку, наполненную золотомъ монетой и огромной величины быка, котораго вели двое кладбищенскихъ сторожей. Планъ былъ придуманъ такъ хитро, что въ успѣхъ его нельзя было сомнѣваться; посланный возвратился съ извѣстіемъ, что дары и покор-

ность кладбища приняты благосклонно и что вслѣдъ за нимъ прибудеть охранная стража для защиты кладбища. Утромъ 2-го сентября дѣйствительно явился отрядъ французскихъ жандармовъ и отъкрылъ караулы вокругъ кладбища. Преданіе гласитъ, что самъ Наполеонъ, въ сопровожденіи короля неаполитанскаго и съ свитою генераловъ, посѣтилъ Преображенское кладбище, что еодосѣвцы встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью и онъ обѣщаль имъ свое покровительство, и что въ контору кладбища вскорѣ потомъ привезены были станки для печатанія русскихъ ассигнацій. Еодосѣвцы умѣли расположить въ свою пользу французскихъ жандармовъ, содержавшихъ караулъ кладбища: Французы, найдя удобства жизни, какихъ они давно уже не видали, хорошее содержаніе, и даже женское общество, усердно охраняли кладбище отъ своихъ голодныхъ соотечественниковъ, которые нерѣдко появлялись въ окрестностяхъ кладбища; въ то же время они предоставили полную свободу живущимъ здѣсь раскольникамъ выходить куда имъ угодно. Пользуясь такимъ образомъ безопасностію и свободою, еодосѣвцы старались извлечь выгоды изъ своего положенія. Должно замѣтить, что эти люди всегда радовались бѣдствіямъ отечества и пользовались ими ко вреду церкви и государства. Теперь, вмѣстѣ съ Французами, они занимались расхищеніемъ сокровищъ столицы, оставленной на жертву непріятелямъ, съ тѣмъ различіемъ, что послѣдніе брали все, что имѣло какую-нибудь цѣнность, они же заботились преимущественно о похищеніи драгоцѣнныхъ для православнаго священныхъ древностей московскихъ. Не мало древнихъ иконъ было похищено ими изъ Срѣтенскаго и другихъ московскихъ монастырей; пренебрегая всеми опасностями, какія могли встрѣтить въ Москвѣ, наполненной Французами, нерѣдко подвергаясь побоямъ, проникали они въ приходскія церкви и даже въ частные дома, гдѣ надѣялись найти какую-либо древность; особенно привлекалъ жадные взоры ихъ древній Кремль, въ которомъ оставалось еще много драгоцѣнной русской святыни: и они успѣли-таки пріобрѣсти нѣкоторыя изъ этихъ драгоцѣнностей. Французскіе жандармы охраняли кладбище до 10 октября; вечеромъ этого дня они получили приказаніе выступить въ походъ и на слѣдующее утро отправились, сопровождаемые благословеніями кладбищенскихъ жителей,

снабдившихъ ихъ провіантомъ и деньгами. Такимъ образомъ въ то время когда опустошенная Москва сдѣлалась жертвою пламени, Преображенское кладбище не только осталось неприкосновеннымъ и не потерпѣло никакихъ тяжелыхъ лишеній, но, пользуясь бѣдствиями столицы, сдѣлало даже многія безцѣнные приобрѣтенія, потеря которыхъ невозможно вознаграждать для православныхъ храмовъ московскихъ, тогда какъ лишенія, нанесенныя непріятелемъ, скоро вознаграждены были усердіемъ народа.

Между тѣмъ въ Ивановѣ кладбищенскія женщины жили очень удобно и весело. Всѣ заботы объ нихъ взяла на себя дочь попечителя Грачова: за большія деньги наняла для нихъ квартиры въ лучшихъ домахъ; съ избыткомъ доставляла имъ всякое продовольствіе; работники съ фабрики Грачова прислуживали имъ. Въ это время Иваново значительно обогатилось на счетъ общины; но тогда же сильно распространился въ немъ и расколъ, чему особенно способствовали непопозволительныя связи, которыя прибывшія раскольницы не замедлили завести и здѣсь. Этимъ путемъ цѣлыя сотни Ивановцевъ уклонились въ расколъ. Какъ скоро получено было извѣстіе о выходѣ непріятеля изъ Москвы, вся община возвратилась изъ Иванова на кладбище.

По возобновленіи Москвы послѣ французскаго года, кладбище существовало на прежнихъ основаніяхъ, въ зависимости отъ гражданскаго начальства. Новый московскій губернаторъ, графъ Т—въ, принявъ Гончарова съ попечителями благосклонно и обѣщалъ покровительство; но ближайшимъ образомъ Преображенскій богадѣльный домъ зависѣлъ отъ оберъ-полицеймейстера, благосклонность котораго покупалъ постоянною платой по 1000 рублей каждаго мѣсячно. Слѣдя за исторіей кладбища въ царствованіе императора Александра Павловича, мы находимъ, что оно, повидимому, клонилось къ упадку, такъ какъ въ немъ возникали сильныя распри, угрожавшія опасностію даже самому существованію общины, и что вообще внутреннее состояніе его значительно измѣнилось къ худшему; и однакоже, несмотря на это, вліяніе кладбища еще болѣе распространилось въ Москвѣ, и богатства его достигли огромной цифры. Своимъ существованіемъ и процвѣтаніемъ кладбище обязано главнымъ образомъ тому прочному устройству, какое далъ

ему Ковылинъ, и тѣмъ отношеніямъ къ гражданскому начальству, въ какія онъ первоначально поставилъ кладбище, и которыя старались поддержать преемники Ковылина, а еще болѣе само гражданское начальство. Эти отношенія и теперь въ исторіи кладбища стоятъ на первомъ планѣ.

1816 годъ весьма памятенъ въ исторіи Преображенскаго кладбища по возникшей тогда сильной распрѣ между прихожанами, которая угрожала большою опасностію всему московскому обществу едосѣвцевъ. Въ этомъ году кладбище лишилось трехъ попечителей, пользовавшихся общимъ довѣріемъ прихожанъ,—Заикина, Шкарина и Садовникова; нужно было на ихъ мѣсто выбрать новыхъ. Попечитель Грачовъ предложилъ трехъ кандидатовъ; другой богатый прихожанинъ кладбища, купецъ Осиповъ, былъ недоволенъ его выборомъ и предложилъ своихъ четверыхъ кандидатовъ. Вся община раздѣлилась на двѣ половины, поддерживая ту или другую сторону; сторону Грачова особенно сильно поддерживали попечитель Никифоровъ и наставникъ Гнусинъ¹. Между противниками происходили жаркіе споры; несогласіе дошло наконецъ до того, что спорящіе не стали сходить въ общественныхъ молебныхъ, и при взаимныхъ встрѣчахъ преслѣдовали другъ друга насмѣшками; общественныя модельни опустѣли². По замѣчанію безпри-

¹ Никифоровъ былъ приближеннымъ Ковылина, который давалъ ему большія вспоможенія, изъ кладбищенскихъ капиталовъ. При жизни своего благодѣтеля онъ держалъ себя въ сторонѣ и не вмѣшивался въ дѣла кладбища; но при Гончаровѣ приобрѣлъ сильное вліяніе на дѣла. Онъ-то настоялъ, чтобы по смерти Ковылина было приведено въ ясность имущество кладбища, и чтобы впредъ настоятели производили траты съ разрѣшенія попечителей, которые такимъ образомъ приобрѣтали большую власть. «За тѣмъ они и приставлены къ настоятелю отъ Ильи Алексѣевича», говорилъ онъ, «чтобъ общество было покойно насчетъ обереженія пожертвованныхъ имуществъ, какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ.» О Гнусинѣ будетъ сказано послѣ.

² Для объясненія столь сильнаго раздора между прихожанами кладбища надобно замѣтить, что Осиповъ не только предложилъ новыхъ кандидатовъ въ попечители, но и требовалъ привести въ извѣстность расходы кладбища за время управленія прежнихъ попечителей, и особенно опредѣлить, кто изъ прихожанъ состоитъ должнымъ кладбищу и на какую сумму, такъ какъ кладбище, съ самаго основанія никому изъ прихожанъ не отказывало въ вспоможеніи. Это послѣднее требованіе особенно не понравилось Никифорову, у котораго была фабрика, построенная на кладбищенскія сужмы. Его сторону приняла и другіе купцы, состоявшіе

страстныхъ людей изъ самихъ раскольниковъ для правительства открывался теперь самый удобный случай уничтожить кладбищенскую общину, еслибы только оно желало этого. Основываясь на правахъ кладбища, какъ общества покровительствуемаго законами, Грачовъ и его товарищи обратились для рѣшенія спора во 2-й департаментъ московскаго магистрата съ просьбой утвердить избранныхъ ими попечителей.¹ Осиповъ съ своей стороны сдѣлалъ тоже самое. Изъ магистрата ихъ просьба поступила на разсмотрѣнiе губернскаго правленія, которому Грачовъ объяснилъ въ своей просьбѣ, что Осиповъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла кладбища, потому что онъ „новоженъ“,—находится въ супружествѣ, что нетерпимо по уставамъ общества, воспрещающимъ женатое состоянiе. Объясняя такимъ образомъ безнравственныя начала своей общины, Грачовъ самъ

должныи кладбищу. Не открывая настоящихъ причинъ, почему несогласны на утвержденiе избранныхъ Осиповымъ кандидатовъ, даже не говоря, что не желаютъ имѣть ихъ попечителями, они только предлагали имъ такія условія, на которыя, въ свою очередь, не могли согласиться эти послѣдніе,—именно, они требовали, чтобы назначенные Осиповымъ попечители по избраніи безотлучно жили на кладбищѣ, наблюдая за порядкомъ, продажей свѣчъ и проч.,—чтобы принявъ на себя ходатайство въ судебныхъ мѣстахъ по дѣламъ всѣхъ прихожанъ, и чтобы всѣ вклады и пожертвованія принимали собора и отдавали отчетъ обществу какъ въ доходахъ, такъ и въ расходахъ. Два первыхъ условія были неудобныя для указанныхъ Осиповымъ лицъ, потому что это были богатые купцы (Наковъ, Рожинъ, Шевадышевъ, Давыловъ), занятые своими торговыми дѣлами, которыхъ не могли же они оставить для кладбища; а послѣднее было оскорбительно и для нихъ, и для Осипова. Такимъ образомъ въ дѣло замѣшались личные интересы и самолюбіе; оттого раздоръ и принялъ такіе широкіе размѣры.

¹ Эта мѣра къ прекращенію спора не только, какъ увидимъ, отдавала кладбище въ руки гражданскаго правительства, которое могло бы законнымъ образомъ уничтожить его, но была опасна для кладбища и по отношенію къ его прихожанамъ. Эти послѣдніе были вообще недовольны тѣмъ, что попечители обратились къ посредству правительства. Наставникъ Антонъ Андреевъ гласно проповѣдывалъ, что „они нарушили Вѣтковскій уставъ (звездный Ковыльинъ), предписывающій оставшимъ христіанамъ не подчиняться суду имовѣрному“. Объяснивъ, что „съ таковыми жить душепагубно“, онъ переселился изъ кладбищенскаго пріюта въ собственный домъ въ Лефортовской части, куда собралось къ нему не мало единомышленниковъ. Такимъ образомъ, кромѣ партіи Грачова и Осипова, явилась третья партія, которая также должна была не мало обезсудить кладбище.

отдавалъ ее въ руки законовъ, въ силу которыхъ она могла быть уничтожена. Но губернское правленіе и потомъ графъ Т—въ, на личное разсмотрѣніе котораго поступила тяжба, вовсе не обратили на это вниманія; напротивъ послѣдній употреблялъ всѣ усилія, какъ бы прекратить несогласіе между враждующими, столь опасное для общины, какъ будто именно онъ трепеталъ за существованіе этого столь драгоценнаго для нѣкоторыхъ учрежденія. Однакожь, несмотря на всѣ его усилія, примиренія не послѣдовало¹. Повѣренные той и другой стороны отправились даже въ Петербургъ, хлопотать по своему дѣлу предъ высшимъ начальствомъ. Наконецъ дѣло рѣшено въ пользу Грачова; избранные имъ попечители утверждены.

Такое рѣшеніе сильно озлобило Осипова; кладбище теперь важило въ немъ опаснаго врага, который рѣшился отмстить за оскорбленіе. Онъ явился къ графу Т—ву съ донесеніемъ, что въ пріютахъ кладбища скрывается много бѣглыхъ и злонамѣренныхъ людей, при чемъ указалъ особенно на одного изъ такихъ, наставника Гнусина. Гнусинъ—лицо замѣчательное въ исторіи кладбища. Онъ былъ; дѣйствительно, бѣглый крестьянинъ; съ фальшивымъ паспортомъ бродилъ по разнымъ мѣстамъ, проповѣдая расколъ, и еще при Ковылинѣ пришелъ на Преображенское кладбище; здѣсь принялъ его попечитель Никифоровъ и записалъ въ цехъ иконныхъ мастеровъ; вскорѣ онъ сдѣлался наставникомъ, и своимъ ученіемъ приобрѣлъ большое значеніе на кладбищѣ. Его ученіе было въ высшей степени нечестиво и безнравственно: основаніемъ его служила главная мысль безпоповщинскаго раскола, что антихристъ уже пришелъ и видимо царствуетъ; кромѣ того, онъ старался убѣждать всѣхъ, что бракъ есть дѣло богопротивное, и что напротивъ союзы должны происходить внѣ брака. Свое ученіе онъ изложилъ въ двухъ сочиненіяхъ, въ *Пандектъ* и *Семитолковомъ евангеліи*, которыя распространялъ въ народѣ по-

¹ По порученію губернатора для примиренія спорящихъ пріѣхали на кладбище градскій голова Т—въ и губерскій стражій И—въ. Они лаша сторонниковъ Грачова собравшимся въ молеельнѣ надъ воротами, а сторонниковъ Осипова, въ лѣтней молеельнѣ, и напрасно переходили изъ одной молеельни въ другую, уговаривая противниковъ сойтись и помириться.

средствомъ списковъ. Но главнымъ образомъ онъ распро­странялъ свое ученіе посредствомъ проповѣди въ кладби­щенскихъ пріютахъ, и особенно въ женскомъ отдѣленіи, гдѣ подъ вліяніемъ его ученія расколъ достигъ крайнихъ пре­дѣловъ: много купеческихъ дочерей бѣжали изъ дому и пе­рекрещивались на Преображенскомъ кладбищѣ; число неза­коннорожденныхъ постоянно увеличивалось. Все это Осиповъ въ подробности пересказалъ губернатору. Но самымъ глав­нымъ въ его доносѣ было извѣстіе, что Гнусинъ примѣ­нительно къ своему ученію объ антихриствѣ составилъ оскорбительную для царскаго величія картину, которая хра­нится на кладбищѣ¹.

Съ помощію значительной суммы денегъ, Гнусинъ успѣлъ узнать въ канцеляріи генераль-губернатора, что доносъ

¹ Картина изображала императора и имѣла надпись „семи пріиуди Христе; себо на тя бравъ готовую“. Для полноты свѣдѣній о Гнусинѣ приведемъ здѣсь отзывъ о немъ изъ словаря Павла Любопытнаго. Любопытный пи­салъ о Гнусинѣ, очевидно, подъ вліяніемъ сильной вражды къ нему; тѣмъ не менѣе отзывъ его о знаменитомъ едосианцѣ недалекъ отъ исти­ны. „Михаилъ Ивановъ Гнусинъ, семи-именная особа и гражданинъ всей Россіи (намекъ на то, что Гнусинъ съ фальшивыми паспортами стра­ствовалъ подъ разными именами), знаменитый учитель и наставникъ едосіанской церкви въ Москвѣ, рѣдкій буквалистъ, ужасный изуверъ и злохульникъ святости законовъ. Человѣкъ замудренный, врагъ евангель­скаго мира и священныхъ мужъ: исполняемый пустосвятства и обманъ, лютой бракоборецъ и наглый чтецъ галубейства, возмутившій своихъ замудріемъ Москву, Петербургъ и прочія страны едосіанъ. Онъ зло­умствуя, промышля Божій ограничивалъ единственно своею церковію; а прочія подвергалъ подъ скипетръ антихриста. Человѣкъ былъ самоуправ­ный, честолюбивый, непокорнаго духа и мстительный, осыпанный съ го­ловы до ногъ злохитростію и лечестіемъ. Небеса, на стертъвъ его сата­ническихъ козлей, бунтующихъ противъ Господа Саваоиа, праведно его осудили и предали на вѣчное наказаніе въ Соловецкую лазру 1823 года. Онъ и нынѣ живъ (писано въ 1829 году), томится тамъ въ своемъ изу­верствѣ и ажезвятствѣ“. Поморцы писали даже сочиненія противъ Гну­сина, какъ хитраго распространителя едосіанскаго ученія и человѣка вообще опаснаго для раскольниковъ, напр. „Окружное посланіе ко всемъ старообрѣческимъ церквамъ въ Петрополѣ, о хитромъ и хищномъ отъѣздѣ изъ Москвы въ упомянутый градъ московскихъ возмутителей и разврат­никовъ благочестія Вавьки Фодотова съ его лукавыми и непотребными товарищемъ (Гнуевымъ) и проч., также: „Возвѣщатель всей Поморской церкви въ Петрополѣ о пораженіи лебомъ враговъ и супостатовъ Богу, природѣ и Христовой церкви Сергѣя или Михаила Гнусы (намекъ на то, что Гнусинъ принималъ различные имена, — былъ „семи-именная особа“) и Вавьки Фодотова (см. Слов. Любоп. № 173 и 174).

Осипова не только принять и уважень, но что получено уже и высочайшее повелѣніе схватить виновнаго. Въ ту же ночь онъ бѣжалъ изъ богадѣннаго дома въ костромскую еедосѣвскую общину купца Папулина (въ Судиславѣ). Оберъ-полицеймейстеръ Ш. и самъ графъ Т—въ напрасно употребляли всѣ усилія отыскать бѣглеца. Т—въ пригласилъ къ себѣ настоятеля и попечителей, чтобъ отъ нихъ вывѣдать, куда скрылся Гнусинъ, но не узналъ ничего. Впрочемъ кладбище дорого поплатилось за то, чтобы въ Петербургъ донесли, что ни въ Москвѣ, ни въ уѣздахъ ея, послѣ строжайшихъ поисковъ, бѣжавшій не отысканъ.

Оберъ-полицеймейстеръ Ш. въ исторіи кладбища пользуется печальною извѣстностію покровителя этой общины, — покровителя, разумѣется, не безкорытнаго. Въ 1818 году, по случаю закладки на Воробьевыхъ горахъ храма Христа Спасителя, въ Москву прибылъ, въ числѣ другихъ войскъ, батальонъ Семеновскаго полка, которому пришлось праздновать свой храмовый праздникъ въ Москвѣ: государю угодно было, чтобъ это торжество совершенно было въ бывшемъ селѣ Семеновскомъ, гдѣ полкъ получилъ свое начало. Ш. зналъ, что Семеновское наполнено еедосѣвцами и предложилъ попечителямъ кладбища воспользоваться случаемъ показать свое усердіе правительству; именно сдѣлать угощеніе для семеновцевъ. „Мое дѣло будетъ“, говорилъ онъ, „представить государю вашу преданность, увеличу вшестеро количество и цѣну всего что пожертвуете; только рѣшитесь для своей пользы, дабы его величество обратилъ на васъ свое благоволеніе.“ Попечители отвѣчали, что издержки для нихъ ничего не значатъ; но они не знаютъ, какъ будетъ искупить потомъ грѣхъ, что служили антихристу. Однакоже представленные оберъ-полицеймейстеромъ выгоды были сильнѣе этихъ опасеній. Въ бывшемъ домѣ Ковылина, который принадлежалъ теперь кладбищу, гвардейцамъ предложено было обильное угощеніе; кромѣ того, для всѣхъ солдатъ приготовлены были мягкія постели, на которыхъ они отдыхали послѣ обѣда. Ш. не ошибся въ разчетахъ: государь приказалъ ему представить попечителей кладбища, за ихъ усердіе, къ награждѣ медалями. Онъ собралъ всѣхъ попечителей и объявилъ имъ, что кто хочетъ получить медаль, долженъ немедленно представить ему 1.000 р. „Дорогонько съ насъ взялъ Александръ Сер-

гвичъ," разказывалъ въ послѣдствіи попечитель Никифоровъ, „пиръ таки пиромъ; посуду и постели оставилъ себѣ; да за Антихристовы значки по 1.000 р.; а годовой-то окладъ подай ему особо. Но что же дѣлать? отъ міра не прочь; грѣха ради гордости житейской поклонился и я своею тысячею его милости.“ Неравнодушно также смотрѣла община и на то, что издержки на угощенія оказались слишкомъ велики. Но Стукачовъ, одинъ изъ попечителей, распорядившійся угощеніемъ семеновцевъ, говорилъ въ утѣшеніе, что все дѣлалось для будущаго блага, что за то, по милости Александра Сергвича, у нихъ можетъ жить кто хочетъ, могутъ хоронить и переправлять, кого хотятъ.

Въ 1820 году сдѣланъ былъ губернаторомъ московскимъ князь Г—нъ. Знаменитый вельможа этотъ, не имѣвшій никакого понятія о расколѣ и совершенно не подозрѣвавшій гнусныхъ дѣлъ, какія совершаются на кладбищѣ, принялъ попечителей благосклонно: „молитесь старики Богу,“ сказалъ онъ, „и будьте покойны.“ Въ продолженіе двухъ лѣтъ, находясь подъ непосредственнымъ надзоромъ Ш. община существовала покойно. Но одно случайное событіе побудило князя обратить особенное вниманіе на кладбище. Однажды проѣзжая по дорогѣ Стромынкѣ, въ 18 верстахъ отъ Москвы, князь вздумалъ напиться чаю. Увидѣвъ въ сторонѣ хорошо-устроенную усадьбу, онъ послалъ туда попросить воды. Это былъ еедосѣвскій монастырь, основанный попечителемъ кладбища, Никифоровымъ; еедосѣвцы грубо отказали княжескимъ людямъ. Это обстоятельство внушило Г—ну невыгодное понятіе о кладбищѣ; по пріѣздѣ въ Москву, онъ отдалъ приказаніе немедленно уничтожить общину Никифорова и поручилъ чиновнику своему Т—ву, собрать подробныя свѣдѣнія о Преображенскомъ кладбищѣ; къ сожалѣнію, для выполненія столь важнаго порученія, отъ котораго надлежало ожидать самыхъ благопріятныхъ послѣдствій для церкви, князь выбралъ человѣка не заслуживающаго довѣрія. Правда, Т—въ вполне обладалъ нужною въ этомъ дѣлѣ ловкостію и находчивостію, умѣлъ искусно узнавать все, что ни дѣлалось въ оградѣ кладбища; но онъ не имѣлъ столько честности, чтобы дѣйствовать въ то же время безкорыстно и съ полнымъ безпристрастіемъ; напротивъ онъ принялъ, порученіе князя какъ вѣрное средство составить себѣ состояніе, чего и достигъ вполне. Онъ

скоро отгвѣсилъ Ш. отъ непосредственнаго завѣдыванія кладбищемъ. Черезъ одну старуху-раскольницу, бывшую въ близкихъ сношеніяхъ съ кладбищемъ, которая дотолѣ оказывала ему услуги совершенно въ другомъ родѣ, онъ постарался развѣдать обо всѣхъ секретныхъ дѣлахъ происходившихъ въ кладбищѣ, и обо всемъ подробно разказалъ князю, объяснивъ ему въ то же время, какіе поборы съ раскольниковъ дѣлалъ оберъ-полицеймейстеръ и какъ онъ вообще покровительствуетъ кладбищу. Князь Г—въ до того раздраженъ былъ донесеніями Т—ва, что выразилъ намѣреніе немедленно приступить къ уничтоженію общины. Но Т—въ хотѣлъ совсѣмъ не этого; онъ успѣшилъ объяснить князю, что уничтожить общину нельзя, ибо она существуетъ на основаніи высочайшихъ указовъ. Тогда губернаторъ возложилъ на Т—ва порученіе постоянно и строго наблюдать за кладбищемъ и немедленно доносить ему обо всѣхъ безпорядкахъ, какіе найдеть тамъ. Этому только и желалъ Т—въ. Онъ понялъ, что теперь кладбище въ его рукахъ,—и съ этого времени, въ продолженіе почти двадцати лѣтъ, онъ дѣйствительно играетъ весьма важную, но въ то же время несчастную роль въ исторіи Преображенскаго кладбища.

Черезъ упомянутую женщину Т—въ осторожно извѣстилъ попечителей, что судьба кладбища много зависитъ отъ него. Тѣ поняли, что значило это извѣщеніе и успѣшили задобрить его въ свою пользу значительнымъ подаркомъ. Но, вѣроятно, подарокъ не соответствовалъ ожиданіямъ Т—ва, потому что вскорѣ онъ сдѣлалъ кладбищу большую непріятность. Онъ основательно разчиталъ при этомъ случаѣ, что заразъ можетъ достигнуть двухъ равно важныхъ для него цѣлей: обезпечить за собою полное довѣріе князя по дѣламъ кладбища, и слѣдовательно полную свободу дѣйствовать здѣсь, какъ ему угодно, и съ другой стороны—пучить попечителей кладбища, чтобъ они знали, съ какимъ человѣкомъ имѣютъ дѣло, поняли его силу и научились, какъ слѣдуетъ, располагать его въ свою пользу. Т—въ, зная о враждѣ кладбища съ купцомъ Осиповымъ, вошелъ въ сношенія съ этимъ послѣднимъ; отъ него онъ успѣлъ вывѣдать, что картина, написанная Гнусинымъ, хранится въ кладбищенской модельнѣ за иконостасомъ, узналъ также, гдѣ скрывается и самъ Гнусинъ. Потомъ, онъ искусно

втерся въ довѣренность попечителей, съ искреннею, повидимому, откровенностью разказывалъ имъ, что князь Г—нъ считаетъ ихъ общину за сборище людей опасныхъ для государства, озлобленныхъ противъ царя, и намѣренъ уничтожить ее, и все это единственно на основаніи извѣстнаго дѣла о картинахъ, оскорбительной для царскаго величія; что самъ онъ вовсе не придаетъ дѣлу такой важности, никакъ не думаетъ, чтобы картина имѣла такое важное значеніе, какое придаютъ ей, что они хорошо сдѣлаютъ, если покажутъ ему эту картину, а онъ, съ своей стороны, сумѣетъ уже представить князю все дѣло въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ. Словомъ, онъ хитрилъ такъ ловко, что попечители скоро вдались въ обманъ: они вручили картину Т—ву, который отправился съ нею прямо къ князю Г—ну, въ доказательство своей усердной и безкорыстной службы, по порученію князя, наблюдать за кладбищемъ. Г—нъ немедленно отправилъ картину въ Петербургъ. Слѣдствіе о Гнусинѣ, составитель картинны, начато снова; по указанію Т—ва отыскать Гнусина было не трудно; отправили въ Судиславъ ловкаго сыщика: Гнусина схватили и сослали въ Соловецкій монастырь¹. Попечители были до крайности огорчены такимъ исходомъ дѣла. Понимая истинное побужденіе, по которому дѣйствовалъ здѣсь Т—въ, они съ упрекомъ говорили ему: „еслибы вы сказали, что вамъ нужны деньги, мы не пожалѣли бы дать вамъ 50.000 руб.“ — Напрасно вы не предупредили меня объ этомъ, отвѣтилъ Т—въ. Такимъ образомъ отношенія между ними уяснились, къ полному удовольствію послѣдняго: онъ достигъ обѣихъ цѣлей, и скоро началъ вкушать плоды своего искуснаго дѣла.

Князь Г—нъ, вслѣдствіе донесеній Т—ва, принялъ рѣшительное намѣреніе отобрать у оберъ-полицеймейстера завѣдываніе Преображенскимъ кладбищемъ; для ближайшаго за нимъ надзора, онъ рѣшился опредѣлить особаго чиновника, подъ именемъ смотрителя, который зависѣлъ бы отъ

¹ Сыщикъ, дѣйствительно, умѣлъ очень ловко схватить Гнусина. Во время заутрени подъ Рождество Христово онъ нечаянно вошелъ въ домъ Папулина и потребовалъ выдачи бѣгаго, который скрывается у него въ мезонинѣ. Папулинъ такъ растерялся, что не только выдалъ Гнусина, но далъ еще 5.000 р. сыщику, лишь бы онъ сказалъ, что схватилъ бѣгаго на улицѣ, а не въ его домѣ.

собственной его канцеляріи, а въ канцеляріи всѣ дѣла по кладбищу поручить Т—ву, какъ чиновнику испытанной вѣрности и вполне безкорыстному. О такомъ намѣреніи князя Т—въ немедленно далъ знать попечителямъ Преображенскаго кладбища, которые, какъ и слѣдовало ожидать, были сильно озабочены этимъ извѣстіемъ; ихъ пугало больше всего то, что смотритель, какъ они думали, станетъ производить на кладбищѣ неожиданныя ревизіи, а у нихъ проживало множество народа безъ всякихъ видовъ, и еще больше незаконнорожденныхъ дѣтей: они-то особенно и озабочивали попечителей. Но теперь явился къ нимъ на помощь Т—въ; онъ предложилъ кладбищу свои услуги, зная, что онъ будутъ оценены уже какъ слѣдуетъ. Большую часть жившихъ на кладбищѣ безпаспортныхъ онъ постарался приписать къ московскому мѣщанству, другимъ выхлопоталъ законные виды, — вообще обезопасилъ кладбище на случай неожиданной ревизіи новаго смотрителя, котораго со страхомъ ожидали попечители, хотя опасались его совершенно напрасно, что, безъ сомнѣнія, было хорошо извѣстно Т—ву. Въ признательность за его услугу кладбище положило ежегодно платить ему по 7.000 рублей.

Между тѣмъ ожидаемый кладбищемъ смотритель былъ назначенъ (кто С—въ) онъ былъ, дѣйствительно, совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ опасались попечители. Кладбище назначило ему 2.000 р. жалованья въ годъ, да годовую порцію разныхъ запасовъ. Посредствомъ этой платы попечители совершенно овладѣли имъ, и съ учрежденіемъ должности смотрителя приобрѣли даже многія выгоды: они могли теперь не слишкомъ опасаться генералъ-губернатора, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ имѣли офиціальный ходатай по своимъ дѣламъ, и могли безпрепятственно, подъ его прикрытіемъ, совершать въ стѣнахъ кладбища всѣ прежнія незаконныя дѣла. Такимъ образомъ князь Г—въ ошибся въ расчетъ, когда назначая непосредственно, ближайшаго наблюдателя надъ кладбищемъ, надѣялся остановить распространеніе раскола, и прекратить тѣ беспорядки и тѣ гнусныя дѣла, которыя совершались на кладбищѣ; напротивъ, своимъ распоряженіемъ онъ только облегчилъ кладбищу средства къ безпрепятственному и свободному существованію, которое и продолжалось очастливо до 1825 года.

Надобно сказать теперь о внутреннемъ состоянїи кладбища отъ смерти Ковылина до наступленія прошедшаго царствованія.

Отсутствіе такого вліятельнаго челоувѣка, каковъ былъ Илья Алексѣевъ, обнаруживалось иногда, какъ мы видѣли, очень опасными для кладбища раздорами прихожанъ. Власть настоятеля значительно упала, и бывшіе послѣ Ковылина настоятели, Гончаровъ, Яковлевъ и Носковъ, вообще имѣли мало вліянія на дѣла кладбища; за то большое значеніе приобрѣли попечители и наставники. Теперь именно можно было оцѣнить дальновидную мысль Ковылина—учрежденіемъ попечителей упрочить существованіе и процвѣтаніе кладбища: онъ не былъ въ зависимости отъ одного лица, которое могло бы произвольно распоряжаться въ немъ дѣлами; напротивъ, попечители составляли постоянный совѣтъ, безъ согласія котораго не совершалось ни одно сколько-нибудь важное распоряженіе по управленію, или хозяйству, и въ которомъ члены всегда могли ограничивать и контролировать другъ друга. Поэтому, несмотря на происходившія по временамъ несогласія между попечителями и безпорядки, общій ходъ дѣлъ на кладбищѣ, установленный Ковылинымъ, шелъ стройно, такъ что въ теченіе пятнадцати лѣтъ послѣ его смерти кладбище сдѣлало весьма важныя успѣхи во всѣхъ отношеніяхъ.

Около 1825 года, въ пріютахъ кладбища считалось 1950 челоувѣкъ обоего пола, а прихожанъ въ одной Москвѣ до 12.000 челоувѣкъ. Что касается малолѣтнихъ, или воспитанниковъ Ильи Алексѣевича, то учрежденное имъ воспитаніе ихъ приняло видъ еще болѣе правильнѣй. Въ одномъ изъ зданій кладбища устроено училище, гдѣ мальчики съ бойкими способностями обучались чтенію и письму церковному подъ руководствомъ наставника Осипова; потомъ очередные наставники толковали имъ катихизисъ; образованіе оканчивалось изученіемъ главнѣйшихъ пунктовъ отація отъ православной церкви. Для учениковъ открыта была библіотека кладбища, состоявшая изъ старопечатныхъ книгъ и раскольничьихъ сочиненій, которою они пользовались подъ руководствомъ своихъ учителей. Все образованіе было направлено къ тому, чтобы внушить дѣтямъ отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ. Изъ этой-

то школы выходили самые закоренѣлые раскольники и самые приверженные члены кладбища, чего именно и надѣялся Ковылинъ отъ молодаго поколѣнія, выроставаго на его глазахъ. Нѣкоторые изъ членовъ кладбищенской школы приобрѣтали замѣчательное искусство писать поуставному, и потомъ занимались переписываніемъ богослужебныхъ книгъ, которыя по дорогой цѣнѣ продавались въ конторы кладбища иногороднымъ едосѣвскимъ общинамъ и зажиточнымъ едосѣвцамъ. Другіе занимались иконописнымъ искусствомъ и дѣлали копіи съ древнихъ иконъ, иногда такъ удачно, что самые знатоки съ трудомъ могутъ отличить копію отъ оригинала. Весьма искусно умѣли воспитанники поддѣлываться и подъ древнія рукописи, измѣняя притомъ самый цвѣтъ бумаги и соблюдая малѣйшіе оттѣнки древности. Кладбищенскія работы въ этомъ родѣ, подъ именемъ настоящихъ древнихъ рукописей, продавались за дорогую цѣну и распространялись даже между православными. Такихъ списковъ не мало можно отыскать въ Москвѣ въ старинныхъ купеческихъ домахъ и даже, вѣроятно, въ древнехранилищахъ нѣкоторыхъ археологовъ.

Средства кладбища въ указанное время выросли весьма значительно, частію отъ пожертвованій, внесенныхъ вновь-присоединившимися къ кладбищу богатыми купеческими домами¹, частію отъ постоянныхъ доходовъ съ недвижимыхъ имуществъ прежнихъ и вновь пожертвованныхъ кладбищу. Весьма значительные доходы получало кладбище отъ сборовъ за могилы, погребеніе, поминовеніе, молебны. Богатые не щадили денегъ, особенно при погребеніи родственниковъ. Покойниковъ встрѣчали обыкновенно наставники съ пѣвчими обоихъ пріютовъ, то-есть женскаго и мужскаго; самые бѣдные истрачивали при этихъ встрѣчахъ не менѣе 50 руб.; понятно, какъ много тратили богатые². На поминовеніе же богачей, по ихъ завѣщаніямъ, родственники вносили въ кассу кладбища десятки и сотни тысячъ. Кроме того, кладбищенскіе наставники ѣздили въ разные города для отправленія требъ и этимъ способомъ приобрѣтали для

¹ Нѣкоторые купцы вносили въ кладбище по 500 и 1000 руб. ежемѣсячно,—вообще ежемѣсячный сборъ съ прихожанъ простирался до 7.500 руб.

² Доходъ по этой статьѣ, среднимъ числомъ, простирался каждаго года до 50.000 руб.

кладбища весьма значительныя суммы. Три части изъ этихъ доходовъ поступали въ собственность кладбища, четвертая обращалась въ пользу наставниковъ, и нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь этою четвертою частью, оставляли послѣ себя капиталы въ 20 и 30.000 руб.; понятнo, какъ велики были получаемые отсюда доходы кладбища. Немалый доходъ получался еще отъ продажи книгъ, рукописей и иконъ, приготовлявшихся въ кладбищенскихъ пріютахъ: иногородные едосѣвцы покупали ихъ въ большомъ количествѣ и за дорогую цѣну. Наконецъ, источникомъ доходовъ для кладбища служило то, что въ своихъ пріютахъ оно давало помѣщеніе пріѣзжавшимъ въ Москву иногороднымъ богатымъ едосѣвцамъ, которые предпочитали останавливаться на кладбищѣ, также богатымъ московскимъ прихожанамъ, которые во время постовъ проживали на кладбищѣ по недѣлѣ и больше, чтобъ удобнѣе говѣть: тѣ и другіе дорого платили за кладбищенскія квартиры. Должно замѣтить притомъ, что содержаніе проживавшихъ въ пріютахъ обоего пола людей почти ничего не стоило кладбищу: изъ разныхъ мѣстъ отъ богатыхъ едосѣвцевъ оно получало готовые запасы. Такъ изъ Астрахани купецъ Пѣсковскій ежегодно присылалъ на 30 подводяхъ лучшую рыбу; изъ Саратова ту же провизію присылалъ купецъ Прядильщиковъ на 20 подводяхъ; изъ Углича купецъ Хархоринъ доставлялъ масло; простой народъ, приходившій на богомолье, обрабатывалъ огороды, доставлявшіе годовой запасъ овощей, довольствуясь за то однимъ прокормленіемъ кладбища. При всѣхъ указанныхъ средствахъ и источникахъ доходовъ, капиталы кладбища возрасли до огромной цифры. О многочисленности и богатствѣ прихожанъ, разбогатѣвшихъ большею частію вспоможеніями кладбища и потомъ въ свою очередь поддерживавшихъ его своими богатыми вкладами, можно судить по числу частныхъ моледелей, существовавшихъ въ Москвѣ: однихъ замѣчательныхъ по драгоцѣнности украшеній считалось болѣе сорока.

Отношенія Преображенскаго кладбища къ иногороднымъ едосѣвскимъ общинамъ, какъ было уже замѣчено, нѣсколько измѣнились по смерти Ковылина. Начальники иногородныхъ общинъ не ѣздили уже такъ часто въ Москву какъ было при немъ; за то теперь сами наставники кладбища ѣздили по разнымъ мѣстамъ, гдѣ были едосѣвскія

общины, жилали тамъ подоагу, отправляя разныя требы и проповѣдуя правила согласія, чрезъ что и поддерживали связь иногородныхъ еедосѣвцевъ съ кладбищемъ. Эти проповѣдники путешествовали по всѣмъ концамъ Россіи, большею частію подъ видомъ мелкихъ торговцевъ. Особенно много путешествій совершилъ наставникъ Семень Кузминъ, который потомъ, въ 40-хъ годахъ, былъ настоятелемъ кладбища. Онъ ѣздилъ къ закубанскимъ еедосѣвцамъ, потомъ на Донъ, въ Воронежъ, Тулу, Юхновъ. Ученіе, имъ распространенное, имѣло въ основаніи безнравственныя начала, какія проповѣдывалъ Гнусинъ, и дышало ненавистью къ православію и правительству. Онъ даже успѣлъ проникнуть въ Соловецкій монастырь, чтобъ увидѣться съ самимъ Гнусинымъ, который со времени ссылки приобрѣлъ еще больше уваженія у еедосѣвцевъ какъ мученикъ за вѣру. Кузминъ имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду и получилъ отъ него разныя наставленія касательно обращенія съ учениками.

Что касается связей съ Петербургомъ, то по смерти Ковылина кладбище не имѣло съ нимъ тѣхъ сношеній, которыя онъ такъ дѣятельно поддерживалъ. Это отчужденіе еще болѣе усилить купецъ Осиповъ, отдѣлившійся отъ кладбища по извѣстному дѣлу о выборѣ попечителей. Бывая по торговымъ дѣламъ въ Петербургъ, Псковъ и Новгородъ, онъ успѣлъ внушить тамошнимъ еедосѣвцамъ, что московскіе ихъ собратія за возвращеніе свое преслѣдуются правительствомъ, и что всякое общеніе съ ними не только богопротивно, но и опасно. Этимъ онъ совершенно разъединилъ петербургскую и московскую еедосѣвскія общины.

Итакъ сношенія кладбища съ иногородними общинами, поддерживавшіяся при Ковылинѣ сѣздами ихъ начальниковъ въ Москву, если не ослабѣли въ разсматриваемое нами время, то значительно измѣнились и получили другой характеръ. Впрочемъ и въ это время на кладбищѣ были два общія собранія еедосѣвцевъ по дѣламъ согласія. Въ 1817 г. собрались въ конторѣ кладбища всѣ наличные наставники и даже многіе начитанные еедосѣвцы изъ ближайшихъ иногородныхъ общинъ по слѣдующему случаю. Въ Саратовѣ явился учитель, упрекавшій тамошнюю еедосѣвскую общину за то, что богопротивно творять на себѣ крестное знаменіе, ибо произнося молитву: *Господи Исусе*

Христе Сыне Божій помилуй насъ, при словахъ: *Сыне Божій* полагають руку на лѣвое плечо, на которомъ у человека сидитъ диаволь, и тѣмъ имя Божіе отдають ему на поруганіе. Въ Саратовѣ рѣшить этого недоумѣнія не могъ даже купецъ Прядильщиковъ на соборномъ совѣщаніи съ саратовскими наставниками. Община рѣшила отправить наставниковъ въ Москву на Преображенское кладбище съ просьбою „помочь бѣдѣ и вывести изъ сумнѣнія все христіанство.“ На кладбищѣ составилось общее совѣщаніе, но и здѣсь рѣшить дѣла были не въ состояніи. Помочь бѣдѣ могъ только всѣми уважаемый наставникъ Гнусинъ, который въ это время скрывался отъ преслѣдованій правительства въ костромской общинѣ. Обратились къ нему, и Гнусинъ дѣйствительно не затруднился рѣшеніемъ дѣла: онъ отвѣтилъ, что произнося слово *Христе*, должно класть руку на чрево и не донося руки до лѣваго плеча договаривать остальные слова молитвы: „а ради невѣдѣнія христіанства, крестившагося прежде не такъ“, прибавилъ онъ, „грѣхъ этотъ отпускается, и я беру на себя испросить у Бога прощеніе.“ Этимъ мудрымъ рѣшеніемъ и было прекращено „возникшее въ христіанствѣ сумнѣніе“.

Около того же времени прибыли въ Москву посланные отъ закубанскихъ едосѣвцевъ съ жалобой, что у нихъ пришли въ упадокъ правила христіанской вѣры, полученныя ими еще отъ Ильи Алексѣевича, отчего многіе уклоняются въ поморское согласіе, даже въ поповщину, и что все зло происходитъ отъ недостатка въ учителяхъ, которые знали бы правила согласія и могли бы крестить и отпѣвать по уставу христіанскому; они просили кладбище избавить ихъ отъ гибели, помочь ветшающему христіанству. По этому случаю въ конторѣ кладбища происходило новое совѣщаніе; тогда-то положено было отправить за Кубань наставника Семена Кузмилы и пѣвчихъ, поручивъ имъ исправить чинъ молитвеннаго служенія у закубанскихъ едосѣвцевъ и научить ихъ правильному чтенію и пѣнію. Кузмилъ возвратился съ письменною благодарностью кладбищу и богатыми пожертвованіями.

Теперь слѣдуетъ изложить исторію Преображенскаго кладбища въ первую половину прошедшаго царствованія. Само собою разумѣется, что мы должны будемъ ограничиться здѣсь только немногими извѣстіями и замѣтками.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, императоръ Николай издалъ указъ объ уничтоженіи безпоповщинскихъ молеленъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя основаны не менѣе, какъ за десять лѣтъ до изданія указа. Узнавъ объ этомъ, еедосѣвцы сильно встревожились: они поняли, что при новомъ царствованіи существованію ихъ угрожаютъ серіозныя опасности; самый указъ объ уничтоженіи молеленъ наносилъ уже чувствительный ударъ ихъ согласію. Но въ этомъ указѣ была лазейка, которой московскіе еедосѣвцы и не преминули воспользоваться съ обычною ловкостью, разумѣется при помощи своего милостивца Т—ва. Указъ позволялъ существованіе молеленъ, построенныхъ за десять лѣтъ до его изданія: оказалось, что въ Москвѣ, у еедосѣвцевъ не было ни одной часовни, построенной въ послѣднее десятилѣтіе... Такимъ образомъ, благодаря покровительству Т—ва въ Москвѣ, остались неприкосновенными всѣ прежнія еедосѣвскія молеельни, даже образовались новыя, подъ именемъ старыхъ; да и самое число молеленъ показано было столь незначительнымъ, что правительство не могло обратить на нихъ и особеннаго вниманія. „Дорого мы купили право молиться соборѣ въ своихъ собственныхъ домахъ,“ разказывали потомъ еедосѣвцы, „угобзили ниву антихристовыхъ приставниковъ; за то съ ихъ дозволенія утвердились наши грѣшныя молеельни.“ Но еедосѣвцы другихъ городовъ или не имѣли средствъ дѣйствовать такъ какъ московскіе, или не находили такихъ смѣлыхъ милостивцевъ, какихъ имѣли послѣдніе: въ силу указа 1826 г. очень много частныхъ еедосѣвскихъ молеленъ закрыто въ разныхъ губерніяхъ. Такое бѣдственное положеніе иногородныхъ общинъ озабочивало попечителей Преображенскаго кладбища; они придумали испросить у государя разрѣшеніе обновить старыя, дозволенные часовни, подъ предлогомъ же обновленія старыхъ надѣялись удобно построить новыя, снискавъ предварительно расположеніе мѣстнаго начальства. Кладбище отправлено въ Петербургъ конторщика Калину Нестерова хлопотать о высочайшемъ разрѣшеніи чрезъ петербургскихъ еедосѣвцевъ, которые, какъ разчитывали въ Москвѣ, не могли же не принять участія въ судьбѣ своихъ собратьевъ. Нестеровъ объяснилъ намѣреніе кладбища покровителю петербургской общины купцу Яковлеву. Яковлевъ отвѣчалъ, что дѣйствительно было бы хорошо полу-

чить такую царскую милость, тогда всѣ согласія во всей Россіи были бы успокоены, но прибавилъ, что теперь совсѣмъ не то время, чтобы можно было разчитывать на успѣхъ. Онъ совѣтовалъ Нестерову повременить, выждать удобнаго случая. Но всѣ выжиданія были напрасны. Нестеровъ успѣлъ только выхлопотать увольненіе прежняго смотрителя С—ва, который надѣвалъ кладбищу своими частыми поборами сверхъ условленной ему платы. На его мѣсто смотрителемъ кладбища генераль-губернаторъ опредѣлилъ другаго чиновника. При этомъ чиновникъ Т—въ былъ уже отстраненъ отъ завѣдыванія дѣлами кладбища; но, какъ увидимъ, по прежнему имѣлъ сношенія съ ними, и оказывалъ ему услуги весьма важныя, предваряя о секретныхъ распоряженіяхъ касательно кладбища.

Наступилъ 1831 годъ, печально памятный для Москвы и для Россіи, появленіемъ дотогда невѣдомой болѣзни—холеры. Кладбище, и первоначально возникшее среди страшныхъ явленій смерти, по обыкновенію воспользовалось новымъ общественнымъ бѣдствіемъ для умноженія своихъ богатствъ и приобрѣтенія новыхъ членовъ. По тому, какъ нынѣ встрѣчаютъ эпидемію, невозможно составить понятія о страшномъ впечатлѣніи, какое производила она въ то время вездѣ, гдѣ ни появлялась: уныніе, пустота, и какое-то общее чаяніе смерти повсюду сопровождали эту болѣзнь, которой никто не понималъ, противъ которой не знали никакого средства, и которая дѣйствительно свирѣпствовала съ ужасною силой и быстротой. Въ это время, особенно тяжелое для многолюдной Москвы, едосѣвцы Преображенскаго кладбища смущали и безъ того встревоженныхъ жителей разказами, что этотъ седьмой фіалъ гнѣва Божія, какъ называли они холеру, изливается на Россію за ея отпаденіе отъ христіанской вѣры, что никониане сами распространяютъ заразу посредствомъ различныхъ лѣкарствъ и многихъ живыхъ зарываютъ въ землю, и что есть одно средство спасенія—оставить міръ, гдѣ царствуетъ антихристъ, и бѣжать въ ограду истиннаго христіанства, Преображенское кладбище: здѣсь молитва наставниковъ спасетъ и отъ дѣйствительной, и отъ подложной холеры. Такими разказами они смущали жителей столицы.

Едосѣвцы со всѣхъ концовъ Москвы стекались на

кладбище, увлекая съ собою и много православныхъ; обширныя кладбищенскія модельни не могли вмѣщать приходившихъ; наставники непрерывно служили молебны. Многіе богатые еедосѣвцы изъ своихъ домовъ совсѣмъ переселились на кладбище. Чѣмъ болѣе усиливалась болѣзнь, тѣмъ болѣе увеличивалось и стеченіе народа въ кладбищенскихъ пріютахъ. Само собою разумѣется, ограда истиннаго христіанства, Преображенское кладбище, не спасало отъ холеры; напротивъ, здѣсь самое стеченіе народа и тѣснота помѣщенія еще болѣе способствовали ея развитію и только увеличили число ея жертвъ. Но это множество умирающихъ собственно и послужило къ обогащенію кладбища: наставники, исповѣдцы больныхъ, обыкновенно убѣждали ихъ жертвовать все имущество въ пользу общины.

Обогащаясь такимъ образомъ насчетъ еедосѣвцевъ, умиравшихъ отъ холеры въ богадѣленномъ кладбищенскомъ домѣ, попечители весьма жалѣли, что многіе изъ ихъ единовѣрцевъ умирали кромѣ того въ общественныхъ больницахъ, чрезъ что, какъ говорили, христіанство терпитъ ущербъ, ибо собратія умираютъ безъ напутствованія исповѣди, а главное—не имѣя чрезъ кого завѣщать Христу остающееся достояніе. Чтобъ устранивъ такой ущербъ, попечители рѣшились открыть въ городѣ больницу на собственное иждивеніе. Испросить у начальства позволеніе на открытіе такого благотворительнаго заведенія, при ощутительной нуждѣ въ больницахъ, было не трудно. При посредствѣ Т—ва позволеніе было получено очень скоро и больница открыта въ домѣ купца Бавыкина, въ Лефортовской части. Поступавшіе сюда холерные, большею частію еедосѣвцы, исповѣдывались у преображенскихъ наставниковъ, которые безвыходно жили въ больницѣ; имѣніе умиравшихъ здѣсь, разумѣется, поступало въ пользу кладбища.

Въ числѣ еедосѣвцевъ, обогатившихъ кладбище посредствомъ завѣщаній, было много совраченныхъ въ расколъ во время самой эпидеміи. Не легко понять, какъ умѣли наставники Преображенскаго кладбища дѣйствовать на совѣсть совращаемыхъ и трудно объяснить готовность, съ какою эти послѣдніе, оставляя церковь и православныхъ священниковъ, шли молиться въ неосвященныхъ храмахъ и на исповѣдь къ престолюдинамъ; но какъ велико было

число ихъ, можно судить потому, что на кладбищѣ не доставало чановъ для перекрещиванія желающихъ, что крещальни на Хапиловскомъ прудѣ были постоянно заняты и что наконецъ пришлось нанять для той же цѣли какія-то бани у Покровскихъ воротъ...

Такимъ образомъ несчастный 1831 годъ для кладбища былъ не менѣе важенъ, какъ и 1771 годъ. Кладбище сильно обогатилось и приобрѣло весьма много новыхъ членовъ, искусно пользуясь бѣдствіями и беспорядками столицы. И несмотря на все это, попечителямъ даны золотыя медали за подвиги благотворенія: ходатаемъ и въ этомъ случаѣ былъ Т—въ. Иногородныя еедосѣвскія общины также значительно увеличились во время холеры, и такъ какъ имъ не доставало опытныхъ учителей, то по прекращеніи болѣзни изъ Преображенскаго кладбища отправились наставники въ Ростовъ, Владиміръ, Калугу и другіе города, для перекрещиванія новыхъ еедосѣвцевъ и объясненія имъ правилъ согласія.

Несмотря однакоже на этотъ временный успѣхъ, положеніе кладбища не было такъ спокойно и безопасно, какъ въ прежнее время. Генераль-губернаторъ неоднократно получалъ строгія приказанія касательно кладбища, которыя впрочемъ приводились въ исполненіе очень не искусно. Укажемъ нѣсколько фактовъ.

Въ 1835 году послѣдовалъ указъ объ отобраніи отъ кладбища незаконнорожденныхъ дѣтей. Этою мѣрой, по всей вѣроятности, надѣялись отнять у раскола будущихъ ревностныхъ распространителей его. Но Т—въ заблаговременно сообщилъ попечителямъ это страшное для кладбища извѣстіе. Немедленно дѣти, прижитые болѣе значительными прихожанами, въ числѣ 200 были отправлены въ Коломну, Иваново и другія мѣста. Взрослымъ выходпотами приличные виды и размѣстили ихъ по домамъ принадлежавшимъ кладбищу. Такимъ образомъ, когда смотритель явился на кладбище для приведенія въ исполненіе высочайшаго указа, онъ нашелъ тамъ не болѣе двадцати питомцевъ и, къ удивленію, толпу фабричныхъ, которые собрались защищать прижитыхъ ими дѣтей; женщины осыпали дерзкими укорузнами государя и исполнителя его воли. Несмотря на то, смотритель въ точности исполнилъ порученіе. Въ послѣд-

ствіи, отобранныя дѣти были возвращены на кладбище и воспитаны въ правилахъ едосѣвскаго согласія.

Въ другой разъ послѣдовало опредѣленіе привести въ извѣстность всѣ недвижимыя имѣнія кладбища, состоявшія въ долгахъ, заводахъ, лавкахъ, земляхъ и лугахъ, и продать ихъ съ аукціоннаго торга, чтобы такимъ образомъ отнять у кладбища одинъ изъ наиболѣе важныхъ источниковъ дохода. Но преображенцы успѣли устроить дѣло такъ, что на торги явился купецъ Г.—въ, бывший притомъ прихожаниномъ кладбища. Онъ и приобрѣлъ недвижимыя кладбищенскія имѣнія за 130.000 р.; но имѣнія эти только числились за Г.—мъ, въ самомъ же дѣлѣ составляли собственность кладбища, какъ и прежде.

Между тѣмъ въ 1838 г. смотрителемъ кладбища опредѣленъ былъ князь У.—въ, человѣкъ очень религіозный, совершенно безкорыстный и не чуждый свѣдѣній о расколѣ. Онъ находился въ должности смотрителя очень не долго и былъ слишкомъ благороденъ и довѣрчивъ въ своихъ отношеніяхъ къ кладбищу. Его смѣнилъ человѣкъ умѣвшій съ замѣчательнымъ талантомъ узнавать все, что ни дѣлалось въ стѣнахъ кладбища, когда и сколько являлось безпаспортныхъ, когда производились погребенія, когда находили мертвыхъ младенцевъ и т. п. Попечители хотѣли назначить ему годовую плату за покрытіе всѣхъ злоупотребленій на кладбищѣ; но онъ объявилъ, что находитъ болѣе согласнымъ съ правилами благоразумія, и даже болѣе справедливымъ, оцѣнивать каждое изъ нихъ въ отдѣльности. При этомъ смотрителю была назначена внезапная ревизія кладбища, слѣдствіемъ которой могло быть совершенное его уничтоженіе. Новый смотритель успѣлъ провѣдать о ревизіи и, разумѣется, за соразмѣрное вознагражденіе, извѣстилъ о ней попечителей. Въ продолженіе однихъ сутокъ они распорядились слѣдующимъ образомъ: 200 женщинъ и всѣ безпаспортные отправлены изъ Москвы на подводахъ подрядчика Чицова; имѣвшіе паспорта размѣщены въ городѣ по кладбищенскимъ домамъ; сундуки съ капиталомъ въ 12.000.000 р. и всѣми драгоценностями кладбища переведены къ купцу, Г.—ву; всѣ зданія, вновь построенныя только съ позволенія послѣдняго смотрителя, перекрашены въ сѣрый, грязноватый цвѣтъ, такъ что казались старыми. Словомъ, все устроено было такъ, что ревизія была не страшна, и дѣй-

ствительно она прошла безъ особенныхъ послѣдствій для кладбища. Въ непродолжительномъ времени возвратились и всѣ уѣзжавшіе изъ Москвы по случаю ревизіи.

Здѣсь кончаются наши свѣдѣнія о Преображенскомъ кладбищѣ. Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ московскихъ едосѣвцевъ. Изъ всей исторіи Преображенскаго кладбища не трудно замѣтить, что основаніемъ для прочнаго существованія этой общины служило не строгое выполненіе правилъ едосѣвскаго толка, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ даны самимъ основателемъ толка; напротивъ, скоро открылось, что московская едосѣвская община держалась и распространялась благодаря той безнравственной „свободѣ ложа“, какъ выражаются сами едосѣвцы, которая допущена въ ней, несмотря на строгое запрещеніе брака, или, лучше сказать, именно вслѣдствіе этого запрещенія брака, и что главную силу кладбища составляли его матеріальныя средства и искусное употребленіе ихъ въ общую пользу. Собственно раскольническія, такъ-сказать, церковныя начала едосѣвскаго толка здѣсь стояли уже на второмъ планѣ и ими безъ затрудненія жертвовали въ пользу указанныхъ, болѣе сильныхъ интересовъ общины. Такое направленіе обществу преображенскихъ едосѣвцевъ далъ самъ основатель кладбища Ковылинъ, который, какъ мы видѣли, умѣлъ соглашать вышнее соблюденіе строгихъ правилъ едосѣвскаго толка съ полною свободою жизни, считалъ общеніе съ православными оскверненіемъ, и въ то же время, ради выгодъ кладбища, входилъ съ ними въ самыя тѣсныя связи. Во второй четверти текущаго столѣтія это направленіе достигло полнаго развитія и выразилось въ совершенномъ противорѣчій образа жизни преображенцевъ съ правилами едосѣвскаго толка, которыхъ они въ то же время не отвергаютъ. Такой именно двусмысленный характеръ московскихъ едосѣвцевъ указанъ въ наставленіи знаменитаго учителя ихъ Гнусина наставнику Семену Кузмину, когда этотъ послѣдній ѣздилъ въ Соловецкій монастырь посѣтить „страждущаго праведника“. Страждущій праведникъ этотъ, хорошо знавшій духъ московскихъ едосѣвцевъ, въ откровенной бесѣдѣ съ Кузминымъ, далъ ему такое наставленіе: „Если пожелаешь быть начальникомъ всего согласія въ Россіи, то помни, что оно сосредоточено въ московской общинѣ; но общину состав-

ляють люди; а чтобъ овладѣть ими, надо имъ не противиться. Терпи, если найдешь ихъ отпаденіе; потворствуй, не тронь молодыхъ, противящихся старинамъ. Чѣмъ чаще будешь отпускать имъ согрѣшенія, тѣмъ сильнѣе они привержены будутъ къ согласію и не пойдутъ въ церковь. Что имъ дѣлать тамъ, гдѣ даютъ по одной жемѣ, да и ту не смѣй кинуть! Отверзай входеніе на ложе мужское женщинамъ и дѣвамъ, и тебя почтутъ мужи и ты вознесешься. А пойдешь противъ, низринешься, падешь, полетишь на крылу вѣтреню“... Такъ понималъ духъ современныхъ еедосѣвцевъ Преображенскаго кладбища человекъ, имѣвшій возможность хорошо изучить ихъ характеръ. И въ то именно время, когда Кузминъ ѣздилъ въ Соловецкій монастырь для духовной бесѣды съ своимъ уважаемымъ наставникомъ, въ богатыхъ московскихъ еедосѣвцахъ очень ясно обнаружился указанный характеръ. Возвратившись въ Москву, Кузминъ нашелъ, что они измѣнили многимъ постановленіямъ согласія: маковицы у нихъ заросли ¹, одежда измѣнилась, стали ходить по трактирамъ и другимъ увеселительнымъ заведеніямъ, не гнушались табакомъ и т. п. Все это огорчило его немало: но узнавъ, что всѣ эти люди въ душѣ были истые еедосѣвцы и попрежнему продолжали считать никоніанъ сынами антихриста, особенно же помня наставленіе Гнусина потворствовать слабостямъ своихъ дѣтей духовныхъ, нейдти вопреки имъ, дабы не полетѣть *на крылу вѣтреню*, онъ утѣшился и оставилъ дѣла идти своимъ порядкомъ...

8.

1 У еедосѣвцевъ было поставлено правиломъ брить на головахъ маковицы, чтобъ удобнѣе могла сходить на нихъ благодать.

ОБРАБОТКА ЗЕМЛИ

ВОЛЬНО-НАЕМНЫМИ РАБОЧИМИ.

Обработка земли наемными рабочими, при собственных орудіяхъ и рабочемъ скотѣ, можетъ быть для помѣщика выгодна только въ томъ случаѣ, если чистый доходъ получаемый съ земли этимъ способомъ будетъ болѣе чистаго дохода получаемаго всякимъ другимъ способомъ. Таково первое и основное условіе выгоды или невыгоды обработки земли вольнонаемными рабочими.

Подъ другими способами получения съ земли чистаго дохода я разумѣю слѣдующіе:

2. Отдачу земли подъ пастбища.
3. Собственное овцеводство, скотоводство или коневодство, безъ распашки земли или при весьма незначительной запашкѣ.
4. Оставленіе всей земли подъ луговья степи для укоса сѣна.
5. Оставленіе земли для натурального облѣсненія или для лѣсныхъ посѣвовъ.

Къ числу этихъ способовъ пользованія землей, я не отношу отдачу земли внаймы подъ хлѣбопашество, болѣе или менѣе большими участками и на болѣе или менѣе продолжительные сроки, потому что если нанимающій землю находитъ для себя выгоду обрабатывать ее наймомъ или своимъ личнымъ трудомъ, то это значитъ, что чистый полу-

чаемый имъ доходъ довольно значителенъ, чтобы вознаграждать его за труды или за наемъ рабочихъ, и что то же самое экономическое отношеніе существуетъ и для владѣльца земли, если онъ станетъ производить эту операцію на собственный страхъ. Можетъ-быть владѣлецъ земли на это не рѣшится и предпочтетъ отдать ее внаемъ, что и будетъ конечно имѣть мѣсто въ большей части имѣній, но это не должно быть почитаемо признакомъ невыгодности рассматриваемаго способа, а должно быть объясняемо посторонними, не экономическими обстоятельствами, какъ напримеръ желаніе жить въ городѣ, необходимость службы или воспитанія дѣтей, наконецъ личный вкусъ, незнакомство съ земледѣліемъ, нерасположеніе къ нему и проч.

Мы не упомянули также о сравненіи чистаго дохода, получаемаго съ земли при рассматриваемомъ способѣ, съ процентомъ, который могъ бы быть полученъ съ капитала, соответствующаго цѣнности этой земли, потому что это отношеніе между доходностію земли и ея цѣною зависитъ весьма часто отъ причинъ и обстоятельствъ не экономическихъ, а политическихъ.

Въ Англіи, какъ извѣстно, земля такъ дорога, что фермеры, имѣющіе значительные капиталы, а слѣдовательно и возможность купить землю въ собственность, предпочитаютъ затрачивать свои капиталы на усиленіе производства и на улучшеніе наемной земли. Еслибы процентъ получаемый ими съ капитала употребляемаго ими такимъ образомъ равнялся тому проценту, который получаетъ собственникъ съ цѣны своей земли въ видѣ арендной платы, то конечно они предпочли бы этотъ послѣдній способъ размѣщенія капитала, какъ болѣе вѣрный, и стали бы покупать землю. Но въ Англіи ни одинъ изъ фермеровъ не мечтаетъ сдѣлаться собственникомъ земли, потому что ему и такъ хорошо; ему даже лучше быть фермеромъ нежели владѣльцемъ земли: для того чтобы пользоваться доходомъ въ 3.000 рублей, будучи землевладѣльцемъ, надо, по крайней мѣрѣ, имѣть 100.000 рублей капитала; фермеру же достаточно 30.000 для достиженія того же результата.

У насъ, вслѣдствіе разныхъ политическихъ причинъ, а въ особенности вслѣдствіе ограниченнаго круга людей имѣвшихъ право пріобрѣтать населенныя имѣнія, нѣтъ такого различія между доходностію земли и промышленныхъ

капиталовъ, а потому цѣна земли можетъ имѣть у насъ вліяніе не на выгодность или невыгодность обработки земли наемными рабочими, а только на измѣненіе отношенія между продажною цѣною земли и доходомъ съ этой земли, какимъ бы онъ изъ пяти означенныхъ нами способовъ ни извлекался.

Возвращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію того условія выгодности обработки земли наемными рабочими, которое мы назвали главнымъ и основнымъ, именно условія, чтобы чистый доходъ получаемый этимъ способомъ превышалъ чистый доходъ получаемый остальными четырьмя указанными выше способами, необходимо опредѣлить изъ чего именно составляется и какъ можетъ быть великъ валовой доходъ, и изъ чего составляется и какъ можетъ быть малъ валовой расходъ, чтобы получить наибольшую разность, то-есть наибольшій чистый доходъ.

Изъ чего можетъ составиться валовой доходъ при разсматриваемомъ способѣ пользованія землею? Изъ всѣхъ или изъ нѣкоторыхъ слѣдующихъ статей:

- a) продажа зерноваго хлѣба;
- b) продажа произведеній скотоводства, какъ-то: молока, масла, шерсти и проч.;
- c) продажа скота и лошадей;
- d) продажа корнеплодныхъ растений, какъ-то: картофеля и свекловицы;
- f) продажа сѣна и гуженнаго корма.

Двѣ послѣднія статьи дохода возможны только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ, каковы близость городовъ или заводовъ, на которыхъ эти продукты обрабатываются. Заводы, хотя бы и находились внутри самаго имѣнія, должны быть разсматриваемы какъ отдѣльныя коммерческія предпріятія и окупать сами себя, а не поглощать доходы съ земли, какъ у насъ большею частію и случается. Что касается до продажи сѣна и гуженнаго корма, то она можетъ быть допускаема, безъ ущерба землѣ, только тамъ, гдѣ можно имѣть удобреніе даромъ, то-есть вблизи городовъ, особенно если скотоводство не возможно, именно по причинѣ этой близости.

Главнымъ источникомъ дохода будетъ всегда, или по крайней мѣрѣ очень долгое время, продажа зерноваго хлѣба.

Количество получаемого от этой продажи дохода зависит от цѣны на хлѣбъ и количества продажнаго хлѣба.

Разсмотримъ вопросъ о цѣнахъ на хлѣбъ, то-есть постараемся опредѣлить, будутъ ли цѣны на него понижаться или повышаться, и тѣмъ самымъ благоприятствовать или вредить распространенію обработки земли занимающимъ насъ способомъ.

Цѣна всякаго предмета *въ данной мѣстности* зависитъ отъ отношенія предложенія къ запросу на тотъ или другой предметъ въ *этой мѣстности*.

Читатели конечно обратили вниманіе на курсивъ, которымъ напечатано слово *мѣстность*, прибавленное къ обыкновенному опредѣленію цѣны не безъ особаго умысла. Перемѣщеніе предметовъ торговли есть весьма важное обстоятельство, и особенно важно оно въ отношеніи къ предметамъ тяжелымъ, каковъ зерновой хлѣбъ, и препятствуетъ свободѣ запроса и предложенія, этимъ основнымъ элементамъ всякой цѣны.

Положимъ, что при новыхъ условіяхъ хозяйства хлѣба будетъ производиться то же самое количество какъ прежде, то-есть предложеніе останется то же, и что никакія постороннія обстоятельства не повысятъ и не понизятъ запроса. Могутъ ли цѣны остаться тѣ же?

Никакимъ образомъ. Хлѣбъ продавался у насъ всегда въ городахъ, на рѣчныхъ пристаняхъ и въ приморскихъ портахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ мѣстъ производства, и доставка его на мѣста первой продажи изъ рукъ производителей происходила самымъ анти-экономическимъ, нерациональнымъ образомъ. Провозъ отъ мѣста производства до мѣста сдачи, продавецъ то-есть помѣщикъ, принималъ всегда на свой счетъ, то-есть на счетъ своихъ крестьянъ. Въ старину эти даровыя поставки или такъ-называемые обозы, дѣлались на очень дальнія разстоянія и были для крестьянъ весьма обременительны. Сдѣлавъ два-три обоза зимою, крестьянинъ оставался къ веснѣ безъ корму, а иногда и безъ лошади. Крестьяне часто даже предпочитали, вмѣсто поставки въ дальній городъ, продать хлѣбъ въ ближайшемъ, а разность въ цѣнѣ доплатить изъ своего кармана. Благоразумные помѣщики, разумѣется, не прибѣгали къ этому способу, но большинство пользовалось случаемъ продать хлѣбъ подороже, пока наконецъ не замѣтили,

что даровыя поставки или доплаты, раззоряя крестьянъ, и имъ обходятся въ убытокъ, потому что къ веснѣ они были принуждены кормить крестьянъ, давать имъ яровыя сѣмена и покупать лошадей, безъ чего господскія поля остались бы незаспаиваемыми. Поставки хлѣба въ мѣста слишкомъ отдаленныя большею частію прекратились, но онѣ и до сихъ поръ еще продолжаютъ верстъ за сто и болѣе какъ по старой привычкѣ, такъ и по необходимости. Если помѣщики благонамѣренныя и дѣлали крестьянамъ за эти поставки вознагражденіе, если эти вознагражденія и равнялись цѣнѣ провоза или даже превышали ее, то все-таки это не могло имѣть вліянія на рыночную цѣну въ мѣстѣ сдачи, потому что цѣна хлѣбу дѣлалась безъ соображенія стоимости этого вознагражденія, которое было чисто произвольное и скорѣе должно быть названо пособіемъ или подаркомъ нежели торговымъ разчетомъ. По отмѣнѣ обязательной извозной работы, всѣ доставки хлѣба должны будутъ отнынѣ производиться наймомъ, а цѣна найма, какъ всякая цѣна, будетъ измѣняться отъ множества обстоятельствъ. Вотъ почему различіе въ цѣнахъ на хлѣбъ въ мѣстахъ сбыта или на рынкахъ и на мѣстахъ производства будетъ весьма значительное и не постоянное.

Какія обстоятельства имѣютъ вліяніе на цѣну провоза тяжестей отъ одного мѣста до другаго? Разстояніе, удобство пути, цѣнность фуража и наконецъ развитіе торговли.

Въ разсматриваемомъ нами случаѣ, разстояніе отъ мѣста производства до ближайшихъ мѣстъ сбыта можно положить въ двѣ упряжки, на основаніи слѣдующихъ соображеній: Большая часть нашихъ уѣздовъ имѣютъ въ діаметрѣ около ста верстъ, хотя есть разстоянія несравненно большія, особенно по неправильности фигуръ уѣздовъ, которые часто имѣютъ форму весьма растянутую; допустимъ самое выгодное положеніе города въ центрѣ уѣзда, разстояніе до него отъ большей части точекъ будетъ 50 верстъ или двѣ упряжки, слѣдовательно такое разстояніе, на которое поставка на собственныхъ лошадяхъ дѣлается невозможною, ибо рабочіе были бы оторваны цѣлую зиму отъ молотбы, да и наблюденіе за ними и за лошадьми, при отдаленныхъ поѣздкахъ, весьма затруднительно. Извозъ наймомъ дѣлается неизбѣжнымъ, а слѣдовательно и

значительно изменить цѣну, по которой продаютъ свой хлѣбъ производитель близкій къ мѣсту сбыта и производитель отдаленный. Различіе, которое существуетъ и теперь въ доходности имѣній подгородныхъ и дальнихъ, еще болѣе увеличится и въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ такъ велико, что подвергнетъ сомнѣнію самую выгоду обработки земли подъ зерновой хлѣбъ.

Удобство путей сообщенія играетъ столь же важную роль какъ и разстояніе, а часто еще и болѣшую. Кромѣ небольшого числа шоссе, у насъ вовсе нѣтъ дорогъ, потому что широкія, пустопорожнія, болѣею частію непроходимыя пространства, называемыя у насъ большими дорогами, нельзя назвать путями, а скорѣе преградами сообщенія. Взгляните на положеніе и направленіе этихъ дорогъ, особенно не по главнымъ почтовымъ трактамъ, но между уѣздными или губерскими городами. Дороги эти идутъ страшными зигзагами: вы идете то впередъ, то почти назадъ. Какая причина этихъ изворотовъ? Они сдѣланы вѣроятно для обхода овраговъ, горъ и вообще неудобныхъ мѣстъ? Напротивъ, они сдѣланы именно для того, чтобы пройти по этимъ мѣстамъ, то-есть пустить дорогу по мѣстамъ неудобнымъ, а земли удобныя сохранить подъ пашню. Дороги эти прокладывались очень давно, когда, съ одной стороны, административныя лица, гораздо болѣе чѣмъ теперь, кормились и предавались произволу, а съ другой, мѣстные жители были гораздо простодушнѣе. Проведеніе дорогъ и проѣздъ партіи землеустроителей были общественнымъ бѣдствіемъ, и каждый изъ жителей и владѣльцевъ земли не только молилъ Бога, но и принималъ матеріальныя мѣры, чтобы дорога проходила какъ можно подалѣе, потому что кромѣ потери земли самая близость дороги была уже весьма тягостна, вслѣдствіе воинскихъ постоевъ и требованія подводъ; а если уже не было возможности отвести дорогу отъ своей земли, о чемъ заботился каждый, то по крайней мѣрѣ старались отдать подъ нее земли самыя неудобныя для пашни, а слѣдовательно и невозможныя для проѣзда. Вотъ почему наши уѣздныя большія дороги, да почти и всѣ прежнія, кромѣ шоссе, обходятъ ровныя мѣста и разными изворотами отыскиваютъ горы, овраги и болота. Само собою разумѣется, что землеустроители, проектировавшіе дороги, не смѣли думать о томъ, чтобы пролагать ихъ по землямъ зна-

чительныхъ или сіятельныхъ лицъ, а если и дѣлали это, то ошибка ихъ тотчасъ же была исправляема... Очень часто случается, что ямщикъ сворачиваетъ съ большой дороги и ѣдетъ проселкомъ, и если вы его спросите для чего онъ это дѣлаетъ, то онъ скажетъ, что тутъ и ближе, и лучше. Но для чего же большая дорога положена гдѣ дальше и хуже? спросите вы его.—*„Да ужь такъ, батюшка, слѣдуетъ по плану!“*

Что касается до нашихъ мостовъ на большихъ дорогахъ то репутація ихъ уже установилась въ общественномъ мнѣніи, и всякое порицаніе было бы дѣломъ совершенно лишнимъ. Я даже готовъ похвалить эти мосты именно потому, что ихъ нѣтъ и безъ нихъ кое-какъ обходятся; но вотъ замѣчаніе, которое не знаю было ли высказано печатно, хотя и сдѣлано весьма многими. Отчего, проѣзжая по шоссе, вы на всѣхъ оврагахъ, ручьяхъ и даже на рѣкахъ встрѣтите прекрасные и удобные мосты, но какъ въѣдете въ какой-нибудь городъ, гдѣ есть рѣка, то или находите едва держащійся мостъ или не находите никакого. Отчего это? Мосты въ городахъ строятся на счетъ земскихъ повинностей; а мосты внѣ городовъ построены не на счетъ ли тѣхъ же земскихъ повинностей? конечно, но внѣ городовъ они построены вѣдомствомъ путей сообщенія непосредственно, а въ городахъ чрезъ губернскія строительныя комиссіи: для чего же?—видно такъ лучше. Конечно такъ лучше, но только для кого: для содержателей постоянныхъ дворовъ, для содержателей перевозовъ, для откупщиковъ и для полицейскихъ чиновниковъ, но уже никакъ не для проѣзжающихъ и, въ особенности, не для провозящихъ значительныя клади. Еще другое замѣчаніе: отчего мосты на плашкотахъ, удобно сводимые, замѣняются въ городахъ плохими мостами на сваяхъ, не скоро возстановляемыми послѣ весеннихъ разливовъ и паводковъ, отчего и эти мосты стремятся къ превращенію въ паромы, а паромы склонны превращаться въ переправы на лодкахъ? Отчего это, не знаю. Вотъ еще третье и послѣднее замѣчаніе: отчего такъ трудно возстановить въ городахъ переправу черезъ рѣки послѣ весеннихъ разливовъ, паводковъ, и отчего она такъ легко и скоро возстановляется, если пройдетъ слухъ о проѣздѣ какого-нибудь значительнаго лица?

Но извилистые пути сообщенія отвлекли насъ отъ главнаго предмета. Мы сказали, что цѣны фуража могутъ имѣть вліяніе на цѣны провоза. Вліяніе это, хотя и постоянное, дѣйствуетъ гораздо правильнѣе прочихъ, потому что цѣны на фуражъ возвышаются и падаютъ вмѣстѣ съ цѣнами на прочіе сельскіе продукты, чѣмъ и уравнивается ихъ дѣйствіе на облегченіе или затрудненіе доставки зерноваго хлѣба.

Гораздо важнѣе вліяніе развитія торговли. При неразвитости торговли, продавецъ зерноваго хлѣба долженъ платить не только за путь отъ мѣста произведенія до мѣста доставки, но и за путь обратный, хотя и съ пустыми подводами; если же торговая дѣятельность оживлена, то на обратный путь эти подводы будутъ наняты кѣмъ-либо другимъ для провоза другаго рода товаровъ, какъ напримѣръ, желѣза, лѣсныхъ матеріаловъ и такъ далѣе; словомъ, провозъ будетъ стоить вдвое дешевле.

Итакъ цѣны на зерновой хлѣбъ и другія сельскія произведенія не останутся тѣ же какія нынѣ: онѣ возвысятся въ мѣстахъ сбыта и упадутъ въ мѣстахъ производства. Упадокъ цѣны въ мѣстахъ производства будетъ пропорціоналенъ разстоянію этихъ мѣстъ отъ мѣстъ сбыта, а самый размѣръ упадка будетъ зависѣть отъ цѣнности провоза, то-есть отъ состоянія путей сообщенія и развитія торговли. Выгодность землевоздѣлыванія посредствомъ найма будетъ обратно пропорціональна разстоянію отъ рынка, то-есть чѣмъ ближе къ нему находится земля тѣмъ выгоднѣе, и чѣмъ далѣе тѣмъ менѣе выгодно при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, какъ напримѣръ, качество почвы и цѣнность производства.

Какъ далеко зайдетъ это уменьшеніе, это будетъ зависѣть отъ множества условій, которыя мы разсмотримъ въ свою очередь; но опредѣлить результатъ ихъ съ точностію можетъ каждый разъ только практика. Вѣроятно, найдутся мѣстности, въ которыхъ будетъ необходимо, вмѣсто воздѣлыванія земли подъ зерновыя хлѣба, прибѣгнуть къ остальнымъ четыремъ способамъ пользованія землей, исчисленнымъ нами выше.

Что касается до валоваго довода, то предстоящее измѣненіе цѣны увеличитъ его въ мѣстностяхъ близкихъ къ рынкамъ и уменьшитъ въ мѣстностяхъ отдаленныхъ

пропорціонально этому удаленію, что необходимо принимать въ расчетъ въ каждомъ частномъ случаѣ при рѣшеніи вопроса, выгодно ли въ данной мѣстности заводить земледѣлываніе на собственный счетъ или лучше прибѣгнуть къ одному изъ остальныхъ четырехъ способовъ пользованія землей, указанныхъ намъ выше.

Мы сказали, что количество валового дохода при хозяйствѣ основанномъ на посѣвѣ зерновыхъ хлѣбовъ зависитъ отъ цѣны на хлѣбъ и отъ количества проданнаго хлѣба. Посмотримъ, можетъ ли это количество измѣниться въ частныхъ случаяхъ и отъ какихъ причинъ, а потомъ выведемъ общее заключеніе.

Количество урожая прежде всего зависитъ отъ качества почвы, при одинаковыхъ условіяхъ климата и обработки. Обращалось ли прежде вниманіе на качество земли при устройствѣ барщиннаго хозяйства? Весьма мало. Вопросъ о томъ, оставить ли имѣніе на оброкъ или обратиться на пашню рѣшался большею частію подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ. Очень часто, несмотря на дурное качество земли и даже на малое ея количество, имѣніе было на запашкѣ, потому что крестьяне по какимъ-либо причинамъ не могли платить оброкъ. Въ имѣніяхъ барщинныхъ и при достаточномъ количествѣ земли, она не вся была одинаковаго качества. Земли такъ называемыя запольныя или отдаленныя либо были истощены, либо сами по себѣ имѣли дурное свойство и давали урожай самъ-другъ или только возвращали сѣмена. Земли эти конечно не стоили траты труда, но трудъ этотъ былъ даровой и неучитываемый правильно; а потому подобныя земли продолжали засѣвать и получали съ нихъ обратно сѣмена и солону въ видѣ дохода. При введеніи хозяйства правильнаго, земли дурнаго качества, и при томъ отдаленныя, конечно не будутъ засѣваемы. Онѣ будутъ имѣть другое назначеніе, пока не окажется недостатка въ землѣ, что будетъ у насъ конечно еще весьма не скоро.

Въ имѣніяхъ обширныхъ, гдѣ господская запашка заключаетъ въ себѣ нѣсколько тысячъ десятинъ, обработка земли наймомъ не можетъ быть введена вполне такъ скоро, какъ въ имѣніяхъ средняго размѣра, при личномъ надзорѣ владѣльцевъ. На первое время, часть земель въ этихъ имѣніяхъ будетъ или отдаваться въ наймы крестьянамъ, или ею бу-

дуть пользоваться по одному изъ четырехъ вышеозначенныхъ способовъ, то-есть безъ посѣва зерновыхъ хлѣбовъ. Нѣтъ спора, что современемъ образуется непременно классъ фермеровъ, которые съ выгодой для себя и для владѣльцевъ земли будутъ нанимать эти земли; но теперь пока ихъ нѣтъ, и явятся они конечно не внезапно. Что касается до земель отдаваемыхъ въ наймы крестьянамъ, то хотя онѣ и будутъ засѣваться зерновымъ хлѣбомъ, но количество поступающее съ нихъ въ продажу не будетъ то же самое какъ прежде. Оно значительно уменьшится, по слѣдующей причинѣ: Крестьянинъ зажиточный не любитъ продавать хлѣбъ, и прибѣгаетъ къ этой продажѣ только въ крайнемъ случаѣ. Онъ скорѣе самъ пойдетъ въ работу или отпустить сына нежели повезетъ хлѣбъ на продажу, совершенно противно тому какъ дѣлаетъ крестьянинъ раззоренный. Имѣтъ нѣсколько *одонковъ*, то-есть скирдовъ немолоченаго хлѣба за два, за три года есть первый признакъ довольства и благосостоянія, цѣль трудовъ и желаній каждаго крестьянина. Простоявшіе нѣсколько лѣтъ одонки не дадутъ уже и половины того количества зерна, которое въ нихъ первоначально заключалось, потому что другая половина будетъ съѣдена мышами. Многие порицаютъ этотъ обычай крестьянъ, но не совершенно основательно, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, когда внутренняя торговля находится у насъ еще въ совершенномъ младенчествѣ. Непостоянство нашего климата дѣлаетъ довольно частыми мѣстные неурожаи. Имѣя въ запасъ хлѣбъ не молоченый, крестьянинъ не боится остаться безъ фуража для своего скота и лошадей, главнаго его капитала. Продавать же скотъ въ этихъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности, потому что отсутствіе правильной торговли вынуждаетъ отдавать его за безцѣнокъ, а потомъ покупать на слѣдующій годъ страшно дорогою цѣною, и то въ мѣстахъ отдаленныхъ.

Вотъ главныя причины, по которымъ мы полагаемъ, что количество зерновыхъ посѣвовъ уменьшится, а съ нимъ вмѣстѣ и количество хлѣба поступающаго въ продажу, пока улучшеніе земледѣлія возстановитъ, а можетъ-быть и увеличить прежнюю цифру.

Въ настоящее время уже много имѣній отпущено на оброкъ съ прежнимъ крестьянскимъ надѣломъ, а господскія

распахныя земли или отданы въ наймы крестьянамъ порознь или отданы значительными участками подъ гурты (2-й способъ пользованія землей), или подъ степи (4-й способъ).

Въ общей сложности уменьшеніе количества проданнаго хлѣба увеличитъ валовой доходъ тѣхъ, кто будетъ воздѣлывать землю наймомъ, потому что возвыситъ цѣну на хлѣбъ, но въ частныхъ случаяхъ требуется большая осмотрительность, какъ при выборѣ мѣстности относительно близости къ рынкамъ, такъ и при выборѣ качества почвы.

Намъ остается сказать еще о двухъ источникахъ валоваго дохода въ сельскомъ хозяйствѣ,—о продажѣ произведеній скотоводства, какъ-то молока, масла, шерсти и проч. и продажѣ рогатаго скота и лошадей.

Безъ всякаго сомнѣнія скотоводство будетъ играть въ нашемъ хозяйствѣ такую роль, до которой ему при крѣпостномъ правѣ достигнуть было невозможно. Не говоря уже о томъ, что со введеніемъ плодоперемѣннаго хозяйства и травосѣянія, средства прокормленія увеличатся, и можно будетъ держать несравненно большее количество скота нежели сколько держать его теперь лучшіе хозяева,—самая система скотоводства совершенно измѣнится. До сихъ поръ варварская рутинная крѣпостныхъ скотниковъ, и происходящая отъ нея каждая весна лимоктонія, а главное комитеты и интриги дворни до того спутывали всѣ дѣяствія и распоряженія помѣщика, что нововведенія были весьма трудны, а улучшенія вовсе невозможны. Вотъ причина неудачи большей части хозяйствъ на европейскую ногу, и невозможность держать иностранца управляющаго, какой бы онъ ни былъ свѣдущій человекъ по своей части. Дворовые, составляя между собой древній родовой союзъ и пользуясь всѣми преданіями бывалыхъ ухищреній, всегда устраивали дѣло такъ, что все, что бы вы ни предприняли противное ихъ видамъ и желаніямъ, было вамъ въ убытокъ, а все что вы дѣлали по совѣту одного изъ нихъ, и въ особенности по внушеніямъ начальниковъ ихъ союза, сопровождалось удачей, по крайней мѣрѣ повидимому. Опека, въ которой держали дворовые каждаго помѣщика, была неудовима, но чрезвычайно сильна. Какъ бы вы ни хлопотали, вы продавали ваши произведенія только тому, кому позволяли дворовые, покупали только у того, кому они покровительствовали. Опи-

сывать способы, которыми двигалась эта опека, было бы слышать долго, хотя и можно было бы сообщить много любопытных фактовъ. Дворянъ каждого помѣщика составляла постоянный тайный заговоръ противъ помѣщика, подъ руководствомъ одного, двухъ или трехъ хитрыхъ стариковъ или старухъ, которые съ неумолимою дисциплиной управляли дѣйствіями и даже словами каждого члена. Еслибы который изъ нихъ вздумалъ не подчиняться этой корпораціи то его ожидали убытки въ домашнемъ его быту, порча скота, пропажи въ бѣльѣ, платьѣ и другой движимости, а иногда даже отравы. Уликъ и свидѣтелей подобныхъ преступленій искать невозможно: Божья воля, да и только. Впрочемъ, крѣпостные дворовые вполне покорялись своему синедриону, хорошо понимая невозможность и опасность противиться ему; но люди наемные и особенно иностранцы, бывали часто жертвой этихъ интригъ, и во всякомъ случаѣ косвенною причиною убытковъ для помѣщика. Если опыты клеветы и доноса противъ наемнаго челоуѣка не удавались, то заговорщики старались *de facto* доказать его негодность, или неспособность по вѣренному ему дѣлу, разумѣется, насколько не жалѣя интересовъ помѣщика, насчетъ котораго совершались всѣ эти наглядныя доказательства. Главнымъ и первымъ средствомъ, къ которому прибѣгали въ такомъ случаѣ, была отравы лошадей и скота: сперва отдѣльно по нѣскольку штукъ, а потомъ и въ видѣ общей заразы. Всѣ эти гадости исчезнуть съ крѣпостнымъ правомъ, и тогда можно будетъ думать объ улучшеніи скотоводства, и о полученіи съ него дохода. Отрасль эта способна у насъ къ огромному развитію, и нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ мѣстностяхъ она будетъ въ хозяйствѣ не побочнымъ, какъ до сихъ поръ, но главнымъ источникомъ доходовъ. Въ имѣніяхъ отдаленныхъ отъ торговыхъ центровъ будетъ выгодно продавать зерновой хлѣбъ, обративъ его въ мясо, или перейти къ способу пользованія землей, означенному у насъ подъ № 3, и даже къ способу № 4.

Что касается до коннозаводства, то ему предстоитъ у насъ весьма важное измѣненіе. Въ настоящее уже время простая крестьянская порода лошадей чрезвычайно вздороджала, вслѣдствіе введенія во многихъ мѣстахъ обработки земли наемными рабочими на господскихъ лошадяхъ, а лошади, употребляемыя для извозовъ, или такъ-называемые

битюки при одномъ и двухъ вершкахъ роста продаются гораздо дороже, нежели заводскія, особенно верховыя при трехъ и четырехъ вершкахъ. Это возвышеніе въ цѣнѣ рабочихъ лошадей, и упадокъ лошадей каретныхъ, а еще болѣе верховыхъ, будетъ постоянно увеличиваться; онъ произведетъ совершенную реформу въ нашемъ коннозаводствѣ, и дастъ ему болѣе естественное и слѣдовательно болѣе выгодное направленіе.

Я старался съ возможною полнотою указать на всѣ источники валоваго дохода, котораго можно ожидать при предстоящей реформѣ сельскаго хозяйства; мнѣ остается еще сказать о способѣ пользованія землей, означенномъ мною подъ № 5, то-есть о лѣсоразведеніи.

Уничтоженіе лѣсовъ и возвышеніе цѣнности лѣсныхъ матеріаловъ съ одной стороны, и невозможность полученія дохода съ нѣкоторыхъ земель, каковы напримѣръ песчаныя мѣстности, бугры, скаты и проч., съ другой, сдѣлали бы разведеніе лѣсовъ чрезвычайно выгодною и доходною статью, еслибъ охраненіе лѣсовъ отъ порубокъ и лѣсоразведеній отъ потрава было у насъ возможно при настоящемъ положеніи постановленій по этой части.

Желающимъ ознакомиться съ этимъ предметомъ въ болѣе подробностяхъ, я предлагаю прочесть статью мою, о самовольныхъ порубкахъ и о потравахъ, или матеріалы для сельскаго устава, помѣщенные въ *Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи*, издаваемомъ г. Калачовымъ.

Обращаясь къ элементамъ валоваго расхода, то-есть къ издержкамъ на обработку земли, мы должны опровергнуть старинное и вошедшее у насъ въ нравы ошибочное убѣжденіе, что чѣмъ меньше расходъ тѣмъ лучше. Оно конечно лучше при данномъ доходѣ, но если отъ увеличенія расхода увеличивается доходъ, разумѣется не рубль за рубль, а вдвое, втрое, что у насъ возможно, то подобный расходъ будетъ очень выгоденъ. Какъ, повидимому, не понять такой простой истины, а между тѣмъ вы увидите, что изъ согласившихся съ ея очевидною справедливостію почти ни одинъ предусмотрительный хозяинъ не рѣшится на затраты. Отчего это? Вопервыхъ отъ невозможности улучшеній въ хозяйствѣ при барщинной работѣ, а вовторыхъ и еще болѣе, отъ неправильности и шаткости всѣхъ юридиче-

скихъ и административныхъ отношеній. Самое выгодное употребленіе сбереженій для простолюдина—зарыть деньги въ землю, а для лицъ другихъ сословій, не исключая и торговаго, положить ихъ въ кредитное учрежденіе, хотя бы изъ 2-хъ процентовъ. Когда эта неурядица прекратится, тогда только можно будетъ совѣтовать частнымъ лицамъ не бояться производительныхъ затратъ.

Расходы для обработки земли наемными рабочими могутъ быть раздѣлены на два рода: расходы единовременные на обзаведеніе строеніями, машинами, орудіями лошадыми, сбруей, скотомъ и такъ далѣе, и расходы ежегодные на поддержаніе и ремонтъ всего заведеннаго, на наемъ и пищу рабочимъ людямъ. Отношеніе между расходами единовременными, или на обзаведеніе, и расходами ежегодными, или на производство, таково, что чѣмъ съ большею предусмотрительностію, съ бѣльшимъ знаніемъ дѣла и въ бѣльшихъ размѣрахъ сдѣланы первые, тѣмъ болѣе сокращаются вторые, безусловно, или относительно, то-есть увеличивается ихъ производительность.

Важность затраты значительныхъ капиталовъ и особенно заботливости при первоначальномъ заведеніи очевидна; отъ первоначальнаго заведенія зависитъ успѣхъ дальнѣйшаго хозяйства.

Всѣ прежнія наши издержки на строенія можно считать почти совершенно пропавшими, потому что они дѣлались совершенно съ другими цѣлями и намѣреніями. Прежде старались концентрировать всѣ хозяйственныя заведенія, теперь напротивъ необходимо раздѣлять большія хозяйства на отдѣльныя фермы или хутора; прежде строили для щегольства, теперь нужно имѣть въ виду практическую пользу; прежде строили деревянныя строенія, не боясь ихъ непрерывнаго ремонта, который былъ даровой,—теперь необходимо строить все каменное, чтобы не тратить денегъ и времени на непрерывныя починки, и т. д. Кроме того всѣ земледѣльческія орудія, телеги, сбрую лошадей нужно заводить совершенно вновь, что потребуетъ много денегъ, особенно при неприступной дороговизнѣ у насъ чугуна и желѣза.

Гдѣ взять капиталовъ на всѣ эти издержки? Вопросъ не разрѣшимый при настоящемъ окончательномъ уничтоженіи

поземельнаго кредита; а между тѣмъ отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ вся будущность нашего земледѣлія.

Что касается издержекъ ежегодныхъ, то главная статья между ними есть плата наемнымъ рабочимъ. Плата эта и въ настоящее время не велика; но можно ожидать, что она еще уменьшится при совершенномъ прекращеніи барщины. Такъ какъ число вольнонаемныхъ рабочихъ для той же работы, которая дѣлалась обязательнымъ трудомъ, по самому свойству наемнаго труда должна быть менѣе, то очевидно, что предложеніе превзойдетъ запросъ. Къ этому обстоятельству слѣдуетъ еще прибавить, что во многихъ мѣстностяхъ, по ихъ положенію и другимъ условіямъ, будутъ введены способы пользованія землею требующіе весьма малаго числа рукъ, и это еще болѣе понизитъ заработную плату. Если представятся затрудненія по найму рабочихъ, то они будутъ происходить не отъ цѣны, а отъ недостатка правильности всѣхъ денежныхъ сдѣлокъ у насъ, то-есть отъ неудовлетворительности суда и администраціи.

До сихъ поръ крестьянинъ нанимался въ батраки только тогда когда находился въ совершенной нуждѣ, слѣдовательно непременно бралъ денегъ впередъ. Давъ ему денегъ подъ будущій трудъ, хозяинъ находился къ нему въ обязательномъ отношеніи, то-есть долженъ былъ довольствоваться всякою работой, потому что не могъ пользоваться главнымъ преимуществомъ вольнаго труда, возможностью удалить юрודהго работника. Взыскать данныя впередъ деньги не было никакой возможности даже и тогда, если работникъ, взявъ деньги, просто не возвращался къ хозяину, а нанимался у сосѣда за лишній рубль. Ни суда, ни самыхъ законовъ на этотъ предметъ у насъ не было. Вотъ почему не было возможности нанимать государственныхъ крестьянъ и безсрочныхъ солдатъ, подчиненныхъ своимъ опричнымъ защитникамъ, жалоба которымъ была всегда по крайней мѣрѣ бесполезна, если не навлекала еще дальнѣйшихъ неприяностей. Кромѣ совершеннаго ухода со взятыми впередъ деньгами, — случая не слишкомъ частаго, который можетъ быть даже взятъ въ соображеніе при бюджетѣ расходовъ, есть еще общій обычай несравненно болѣе затрудняющій правильность хода земледѣльческихъ работъ, — это невозвращеніе по нѣсколькимъ днямъ послѣ праздниковъ и особенно мѣстныхъ, храмовыхъ. Въ самую ра-

бочую пору, въ то время когда дорога каждая минута, вдругъ недостаетъ третьей или четвертой части рабочихъ въ продолженіи трехъ или четырехъ дней, несмотря на ихъ обѣщаніе возвратиться на другой день послѣ праздника. Единственное средство въ этомъ случаѣ былъ бы наемъ на эти дни поденщиковъ, но гдѣ ихъ взять въ ту минуту, а нанимать наканунѣ невозможно, потому что неизвѣстно возвратятся ли гуляки или нѣтъ, и притомъ такой наемъ ведетъ къ спорамъ не разрешимымъ. Вообще о наймѣ сельскихъ рабочихъ людей должны быть сдѣланы точныя, ясныя и практическія постановленія, которыя бы устранили всякій произволъ и не казались рабочимъ выдумкой и притѣвленіемъ со стороны нанимателей. Составленіе хорошаго сельскаго устава есть въ настоящее время самая насущная, самая не отлагательная потребность, отъ разумнаго удовлетворенія которой зависитъ все направленіе нашего земледѣлія и весь успѣхъ его на будущее время.

Выразимъ вкратцѣ все сказанное нами о способѣ обработки земли вольно-наемными рабочими.

Способы пользованія землею могутъ быть различныя:

1. Обработка земли подъ зерновые хлѣба и корнеплодные растенія.
2. Отдача земли подъ пастбища.
3. Скотоводство, овцеводство и коневодство безъ запашки земли или при весьма незначительной запашкѣ.
4. Оставленіе земли подъ степи для укоса сѣна.
5. Лѣсоводство натуральное и искусственное.

Не должно вездѣ вводить перваго способа пользованія землею безъ всякаго разбора и разчета, слѣдуя лишь примѣру прежнихъ барщинныхъ хозяйствъ.

Остальные четыре способа могутъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, давать столько же, а иногда и болѣе, чистаго дохода.

Обстоятельства благоприятныя для перваго способа суть:

Близость сбыта произведеній земледѣлія.

Хорошее качество земли.

Возможность употребить достаточный капиталъ для первоначальнаго обзаведенія.

Правильность въ наймѣ рабочихъ.

Собственное знаніе дѣла, или по крайней мѣрѣ, готовность къ его приобрѣтенію.

Обстоятельства неблагопріятныя для перваго способа суть тѣ же самыя въ отрицательной формѣ.

Возможность перехода отъ обстоятельствъ неблагопріятныхъ къ обстоятельствамъ благопріятнымъ первому способу зависить:

1. Отъ улучшенія путей сообщенія и усиленія средствъ доставки произведеній на мѣста сбыта вслѣдствіе развитія правильной торговли.

2. Отъ усиленія плодородія земель посредственнаго или даже дурнаго качества предварительнымъ примѣненіемъ къ нимъ одного изъ остальныхъ четырехъ способовъ пользованія.

3. Отъ возстановленія поземельнаго кредита и отъ огражденія кредита личнаго.

4. Отъ составленія разумнаго и практическаго сельскаго устава, которымъ бы не только опредѣлились правильно отношенія между наемателемъ и наемщикомъ, но и охранялась бы земледѣльческая собственность отъ обычныхъ нарушеній, какъ потравы, порубки, конокрадство и поджоги, введеніемъ такого судопроизводства, по которому бы обвиняемый былъ или оправданъ или наказанъ, а не оставленъ только въ подозрѣніи, то-есть получилъ возможность мстить своему обвинителю, всѣмъ свидѣтелямъ и самому производителю слѣдствія.

Неудовлетворительность суда и злоупотребленія администраціи гораздо губительнѣе для народнаго благосостоянія нежели моровая язва, война, наводненія и землетрясенія. Вредъ причиняемый послѣдними имѣетъ характеръ мѣстный и временный, а вредъ причиняемый первыми повсемѣстный и постоянный; бѣдствія эти уничтожаютъ богатство и цѣнности уже существующія, между тѣмъ какъ отсутствіе суда и злоупотребленія администраціи уничтожаютъ самую возможность образованія этихъ богатствъ и производства этихъ цѣнностей; можно изчислить стоимость потерь причиненныхъ войною, наводненіемъ или землетрясеніемъ, потому что цѣнности ими уничтоженныя уже существовали, но вредъ причиняемый развитію народнаго богатства отсутствіемъ суда и злоупотребленіями

администраціи не исчислимъ: какъ опредѣлить цѣну того, что могло бы быть, но осуществленію чего они препятствуютъ?

5. Земледѣлія въ новыхъ его условіяхъ никто еще у насъ не знаетъ, и успѣхъ его болѣе зависитъ отъ ясности взгляда, наблюдательности, любви къ этому занятію, и главное, отъ твердости характера начинателя, нежели отъ познаній, пріобрѣтенныхъ при старой системѣ барщиннаго хозяйства.

Дѣйствительно, для дѣятельности въ провинціи, среди того общественнаго порядка, которымъ заключается наша деревенская жизнь, нужна не только твердость характера, но даже нѣкоторая степень геройства. Всякій, кто жилъ въ деревнѣ, не будучи очень богатымъ или вліятельнымъ лицомъ, пойметъ насъ, и мы не станемъ далѣе развивать нашу мысль, которую могли бы подтвердить весьма поучительными примѣрами.

Облегченіе удобствъ деревенской жизни и огражденіе ея отъ всѣхъ безобразныхъ аномалій, которыми она со всѣхъ сторонъ обставлена, гораздо болѣе и успѣшнѣе будетъ содѣйствовать развитію земледѣлія и увеличенію народнаго богатства, нежели всѣ земледѣльческія газеты, министерскіе журналы, выставки, образцовые хутора, модели, преміи и всѣ прочіе блестящіе мнимыя поощренія и покровительства.

Улучшеніе путей сообщенія, развитіе правильной торговли, возстановленіе поземельнаго кредита, обезпеченіе кредита личнаго, устройство судовъ, прекращеніе безнаказанности частныхъ лицъ и злоупотребленій лицъ официальныхъ — вотъ тѣ средства, которыми высшая администрація можетъ дѣйствовать на оживленіе и введеніе правильного земледѣлія, на увеличеніе народнаго богатства и на благо цѣлой Россіи.

Меня могутъ упрекнуть, что все мною доселѣ сказанное носитъ характеръ общій и даже теоретическій, тогда какъ было бы желательно встрѣтить болѣе данныхъ, которыми можно было бы воспользоваться на практикѣ. Мнѣ кажется, что послѣднія еще далеко не установились, и что въ настоящее время гораздо поучительнѣе, полезнѣе и практичнѣе излѣдовать тѣ основныя причины, отъ которыхъ зависитъ дальнѣйшее ихъ опредѣленіе.

Что касается до вычисленій во что обходится каждая десятина при обработкѣ вольнонаемными рабочими, скажу только она даетъ дохода и до всѣхъ цифровыхъ доказательствъ превосходства этого способа земледѣлыванія, то я тоже имѣлъ бы право сказать свое слово, потому что владѣю населеннымъ хуторомъ въ 660 казенныхъ десятинъ и держу 30 годовыхъ работниковъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ нанимаю лѣтомъ, и веду свое хозяйство этимъ способомъ уже пять лѣтъ; но не хочу пускаться въ обнародованіе подробностей, потому что нахожу преждевременнымъ дѣлать какіе-нибудь выводы изъ своей практики.

В. Ржевскій.

СИМЦІОНСКАЯ ДОРОГА

Всѣ эти бездны да обвалы,
Снѣга, потоки, водопадъ,
Да сѣрыя нагія скалы
Мнѣ въ душу холодно глядятъ.
Крутятся горы облаками,
Курится ими тощій лѣсъ;
Гдѣ-гдѣ безцвѣтными клочками
Лишь видны полосы небесъ.
Смѣшеные нищеты съ величьемъ
Повсюду царствуетъ въ горахъ...
Безлюдно:—развѣ съ зобомъ птичьимъ
Дѣвчонку видишь при овцахъ,
Да горный камышекъ цвѣтистый
Убогій мальчикъ продаетъ,
Да дождикъ бѣдневскій, но чистый,
Изъ-за утеса промелькнетъ...
Узка кремнистая дорога,
Віась надъ бездною, кекъ змѣя:
Съ ней поднимаюсь въ область Бога,
И въ пропасти спускаюсь я...

Но свѣтъ мгновенно исчезаетъ,
 Глубокій мракъ разлитъ въ очахъ:
 То веттуринь мой провѣзжаетъ
 Провалъ прорубленный въ скалахъ...
 И вновь на свѣтъ, на холодъ свѣжннй,
 И вновь я слышу хороводъ
 Однообразный, мелкоблнзый
 По камнямъ прыгающихъ водъ.

Я въ Альпы такъ зашелъ высоко,—
 Когда бъ не тучъ, не сосенъ строй,—
 Кажись, изъ моего далека,
 Возмогу бы видѣть край родной;
 И мнѣ казали сосны эти
 Къ своимъ поволожскимъ сестрамъ путь...
 Да и пора въ родимой кѣтти
 Отъ дальнихъ странствій отдохнуть!
 Вѣдь намъ ужъ съ родины дѣлами
 И трезвой мыслью понесло...

Намъ холодно за облаками,
 А на землѣ у насъ тепло!

Бригъ (въ Швейцаріи).
 7 іюня, 1861 г.

Н. ЦЕРВИНА.

ВЪ БЕЛЬВЕДЕРЪ.

По ватиканскимъ галлереймъ,
Путемъ гробницъ къ нему я шель:
Тамъ торжество надъ древнимъ змѣемъ
Намъ провѣщательный глаголь...

И я увидѣлъ Аполлона,
Съ побѣдой свѣтлой на челѣ,
Ужь поразившаго Писона
Въ болотной тинѣ и во мглахъ...

Не наше ль впереди блаженство
Въ его рисуется чертахъ,
Не мысли ль нашей совершенство,
Не зло ль поверженное въ прахъ?

Намъ этотъ мраморъ указываетъ
Людей грядущую судьбу:
Такъ свѣтъ надъ тьмой восторжествуетъ,
Пройдя сквозь долгую борьбу.

Во мнѣ я слышала какъ цѣлилась
Болѣзнь отчаянья людей,
Какъ давь яснѣе становилась
Подъ тяготою вашихъ дней;

И хоть порывъ къ труду сильнѣе,
Душимый жизнью, вопіялъ,
Хоть чувство русское больнѣе
Въ крови я сердца ощущаю:

Но все же вспомню я порою,
Страдая отъ житейскихъ ранъ,
Что съ облегченною душою
Тебя оставилъ, Ватиканъ!

Римъ. 1861 г.

Н. ЦЕРВИНА.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ НАТУРАЛИСТА.

Руководство къ Зоологіи Х. Г. Бронна, переводъ А. Богданова. Москва. Изданіе книгопродавца А. И. Глазунова. 1860—1861.

Всѣмъ извѣстно до чего усилилась въ послѣднее время дѣятельность русской печати; извѣстно какъ эта дѣятельность разрослась внезапно какимъ-то дихорадочнымъ взмахомъ. Нѣкоторыя изъ причинъ такого, не совсѣмъ обыкновеннаго явленія, весьма ясны и заключаются въ самой литературѣ съ ея обстановкою; но любопытно узнать, увеличилась ли потребность къ чтенію въ самомъ обществѣ, или лучше сказать, соответствуетъ ли потребленіе производству въ дѣлѣ литературы?

Я говорю только о книгахъ по части естественной исторіи и намѣренъ обратить вниманіе читателей лишь на стремленіе нашей публики къ этой отрасли литературы и науки. Что это стремленіе существуетъ, видно изъ большаго числа естественно-историческихъ книгъ изданныхъ у насъ въ послѣднее время. Бросивъ однакоже взглядъ на каталоги этихъ книгъ, и на тѣ изъ нихъ, которыя у меня подъ рукою, мнѣ приходитъ въ голову горестная мысль, что интересъ нашего общества къ естественнымъ наукамъ далеко не такъ великъ, какъ то можно заключить изъ этихъ длинныхъ списковъ. Вотъ наприимѣръ хоть *Руководство къ Зоологіи* Бронна, въ переводѣ А. Богданова, остановилось на первомъ выпускѣ втораго тома, и Богъ знаетъ, пойдетъ ли еще дальше. Посмотримъ виновата ли въ томъ книга или ея переводъ? Я тѣмъ болѣе нахожу неуместнымъ поговорить объ этомъ сочиненіи, что считаю его превосходнымъ и въ высшей степени полезнымъ, не только для студентовъ, но и для всякаго любителя природы, для всякаго преподавателя естественныхъ наукъ.

Гейдельбергскій профессоръ Броннъ есть одинъ изъ знаменитѣйшихъ зоологовъ нашего времени. Обширность и многосторонность его познаній обнаружилась блистательнѣйшимъ образомъ въ его *Lethaea geognostica*; талантъ и сила соображенія—въ его *Разысканіяхъ законовъ развитія органическаго міра*, твореніи, за которое авторъ получилъ большую премию отъ Французской академіи наукъ (въ 1857), предпочтительно предъ французскимъ ученымъ Д Обиньи. Громадное трудолюбіе Бронна выражается многочисленностію сочиненій¹, которыя всѣ отличаются величайшею основательностію и подробнѣйшимъ знаніемъ ученой литературы *Руководство къ Зоологіи* или, какъ его назвалъ самъ авторъ, *Классы и Отряды животнаго царства*², представляютъ самую полную картину науки о животныхъ, въ современномъ ея состояніи. До сихъ поръ еще не окончены и третій томъ сочиненія, заключающій въ себя моллюсковъ, но оно уже имѣетъ большое значеніе, тѣмъ болѣе что именно назшія животныя, съ которыхъ Броннъ начинается, теперь изслѣдуются съ наибольшимъ рвеніемъ. Если названное твореніе окончится, то оно послужитъ прочнымъ памятникомъ своему отроителю.

Вотъ планъ сочиненія.

Животныя описываются по классамъ, которыя приняты авторомъ въ смыслъ несравненно болѣе тѣсномъ чѣмъ у Кювье, фонъ-деръ-Гувена и другихъ зоологовъ. Бронновскіе классы соответствуютъ отрядамъ Кювье и другихъ, что уже показываетъ степень подробности, принятую авторомъ. Кювьеровскіе же классы онъ называетъ *Кругами*. На характеристикѣ этихъ круговъ онъ останавливается не долго, ибо то что можно сказать общаго о такомъ большомъ количествѣ существъ, которое входитъ въ составъ обширныхъ группъ, весьма незначительно, и притомъ имѣло бы догматическій характеръ, вовсе не согласный съ сущ-

¹ См. его: *Lethaea geognostica*. Два тома. 8 д. съ атласомъ, 1835—1837. Второе изданіе въ сообществѣ съ Рёмеромъ. Шесть томовъ. 8 д, 1851—1856. *Geschichte der Natur*. IV. 8 д. 1841—49. *Morphologische Studien über die Gestaltung-Gesetze der Natur-Körper etc.* 1853. 8 д. *Allgemeine Zoologie*. 1850. 8 д.

² *Die Klassen und Ordnungen des Thier-Reichs, wissenschaftlich dargestellt in Wort und Bild*. Von Dr. H. G. Bronn. Leipzig und Heidelberg. 1860. Еще продолжится.

ностью предмета. При этой характеристикѣ представлено однако историческое развитіе науки и полная общія литература описываемаго круга животныхъ. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе естественной исторіи классовъ характеризованнаго круга. Каждое изъ такихъ изложеній содержитъ слѣдующія главы:

I. *Введеніе*. Исторія изслѣдованій оуществъ класса, установленіе его имени и весьма полная литература заключающая въ себѣ списокъ не только отдѣльныхъ сочиненій, но и ученыхъ журнальныхъ статей.

II. *Органическое строеніе*. Общія черты организациі, гистология, наружное и внутреннее анатомическое строеніе по системамъ органовъ,—все это изложено съ большою подробностію чѣмъ въ какомъ-либо другомъ курсѣ сравнительной анатоміи.

III. *Химическій составъ*.

IV. *Отправленія органовъ по ихъ системамъ*.

V. *Развитіе*, изложенное въ большой полнотѣ.

VI. *Классификація*. Установленіе класса, отрядовъ съ семействами, и ключъ воіхъ извѣстныхъ живущихъ и ископаемыхъ родовъ, чего нѣтъ ни въ одномъ курсѣ зоологіи.

Классификація является такимъ образомъ отраженіемъ организациі животныхъ. Читатель ясно видитъ причину, по которой тотъ или другой родъ, то или другое семейство занимаетъ свое мѣсто. Пройдя длинный рядъ отрядовъ, семействъ и родовъ съ ихъ характеристиками, онъ имѣетъ передъ глазами тѣ разнообразныя степени аналогій и сходствъ, которыя опредѣляютъ оближеніе или удаленіе оуществъ другъ отъ друга, однимъ словомъ, видитъ такъ сказать собственными глазами процессъ построенія естественной системы, и понимаетъ что значитъ слова великаго Кювье: „Каждый шагъ естественной системы есть шагъ впередъ и движеніе впередъ всей науки“.

VII. *Топографическое и географическое размѣщеніе животныхъ класса*. Мѣстонахожденіе ихъ, географическое распредѣленіе. Обширныя таблицы распредѣленія живущихъ и ископаемыхъ родовъ (по числу ихъ видовъ) въ геологическихъ періодахъ и въ наше время.

VIII. *Геологическое развитіе*. Постепенное развитіе животныхъ класса въ теченіе ряда геологическихъ періодовъ.

IX. *Значеніе въ природѣ*: отношеніе къ другимъ существамъ, польза или вредъ человѣку и пр.

Этотъ перечень уже показываетъ, какія полныя свѣдѣнія можетъ почерпнуть читатель изъ сочиненія Бронна. Изложеніе отличается большою ясностію и отсутствіемъ всякихъ теоретическихъ разглагольствій. Сходства и аналогіи выставляются сами собою.

Такое сочиненіе не могло быть лишено рисунковъ, и согласно заглавію своему, оно украшено весьма многими таблицами, не отличающимися роскошью исполненія; но сдѣланными весьма отчетливо.

Послѣ этого легко повѣрить, что *Зоологія* Бронна можетъ, какъ я сказалъ, служить съ пользою не только студентамъ, но также учителямъ, профессоорамъ и любителямъ природы. По ней можно опредѣлять роды животныхъ, распределять зоологическія коллекціи, и главное, выикать погубже чѣмъ то дѣлается обыкновенно въ міръ одушевленныхъ существъ отовсюду насъ окружающій.

Мнѣ кажется, что популяризація, распространеніе науки, можетъ гораздо вѣрнѣ совершаться сочиненіями подобными этому чѣмъ такъ-называемыми *популярными* книгами. Прочитавъ хорошо написанное, легкое сочиненіе, въ которомъ авторъ обыкновенно старается игриво представить предметъ свой, избѣгая *скучныхъ* подробностей, читатель можетъ-быть и проведетъ нѣсколько пріятныхъ часовъ, приобрететъ нѣсколько полезныхъ свѣдѣній,—но и только. Напротивъ того, серьезное и обширное сочиненіе, изложенное ясно и отчетливо, даетъ ему возможность углубиться самому въ предметъ, сдѣлаться тотчасъ самому изслѣдователемъ, и съ помощьюмогучаго руководителя извѣдать наслажденіе истиннаго знанія. Каждое изъ тѣхъ безчисленныхъ, мелкихъ существъ, которыя вращаются вокругъ насъ въ дѣтнее время, когда многіе не знаютъ часто куда дѣться отъ скуки, живя въ деревнѣ или на дачѣ,—каждое изъ нихъ можетъ послужить источникомъ цѣлаго ряда наслажденій. Доискиваться того что описано, вдумываться въ архитектуру природы, есть, право, отдыхъ самый существенный отъ тысячи мелкихъ житейскихъ заботъ; надо только разъ испытать его до конца, и тогда оныя окажется самъ за себя.

Сочиненіе Бронна не заключаетъ въ себѣ никакихъ новыхъ философскихъ воззрѣній, все достоинство его заклю-

чается въ полнотѣ, отчетливости и ясности изложенія; но по обѣщанію автора, въ концѣ его будутъ изложены общіе законы строенія и жизни животнымъ, то-есть то, что можно бы справедливо назвать *теоретическою зоологіей*, и мы въ правѣ надѣяться, что эта часть будетъ отличаться высокимъ научнымъ интересомъ.

Теперь спрашивается: отчего русскій переводъ этого сочиненія такъ мало сходится?

На это предъявляются обыкновенно три причины. Впервыхъ говорятъ, что занимающіеся науками почти всегда накомы съ нѣмецкимъ языкомъ. Это справедливо только, касательно специалистовъ, но и для нихъ необходимо имѣть на русскомъ языкѣ сочиненіе подобное Бронну, сочиненіе, въ которомъ переводчикъ могъ бы установить русскую зоологическую номенклатуру, или по крайней мѣрѣ положить ей основаніе. Впрочемъ специалистовъ по зоологіи у насъ очень не много, и они навѣрное всё имѣютъ русскій переводъ Бронновскаго руководства. Что же касается до студентовъ естественнаго и медицинскаго факультетовъ, то о нихъ далеко невѣрно мнѣніе, что они могутъ читать по нѣмецки также легко какъ по-русски; то же самое должно сказать и о просвѣщенныхъ любителяхъ зоологіи.

Ввторыхъ, ссылаются на дороговизну; но вѣдь книга издавалась выпусками, изъ которыхъ только послѣдній стоить 1 р. 50 к., а остальные 1 р. 25, 75, 60 и 50 к., между тѣмъ какъ многочисленныя литографированныя таблицы, къ нимъ приложенныя, весьма мало уступаютъ нѣмецкимъ и весьма хороши. Я бы думалъ, что между нашими учащимися и любителями серіозныхъ занятій могла найдтись тысяча человекъ свободно располагающихъ пятью рублями въ годъ на покупку книги.

Втретьихъ наконецъ, ссылаются на дурной переводъ. Переводъ дѣйствительно не изъ лучшихъ; но все же онъ не такъ плохъ, чтобы затенять смыслъ, особенно въ чисто описательной части, которая составляетъ почти все сочиненіе—*le vœux de l'ouvrage*.

Слѣдовательно, остается объяснить тугой ходъ русскаго перевода зоологіи Бронна крайнимъ равнодушіемъ публики къ серіозному изученію природы, да развѣ еще тѣмъ, что книга медленно издавалась.

Сказавъ что-переводъ не изъ лучшихъ, я долженъ под-

твердить это фактами. Въ краткомъ введеніи, на страницѣ VI, находимъ слѣдующій періодъ. „Но какъ ни общи и ни существенны воѣ эти отличительныя свойства животныхъ отъ растений, тѣмъ не менѣе однакоже нѣтъ ни одного изъ нихъ (за исключеніемъ развѣ, врадъ ли могущихъ во всѣхъ случаяхъ быть дознанными практически, явленій чувствительности и питанія *только посредствомъ органическихъ веществъ?*), которое было бы безъ исключенія обще всѣмъ животнымъ и могло одно само по себѣ служить безусловнымъ отличительнымъ признакомъ, такъ какъ всѣ эти свойства появляются въ низшихъ типахъ стоящихъ на границѣ животнаго царства, настолькоъ постепенно, что оба царства—растительное и животное—представляются развивающимися изъ одного общаго корня, дѣлающаго въ высшей степени труднымъ фактическое установленіе границъ, отдѣляющихъ оба эти царства.“ Эта тирада, разумѣется, не изъ лучшихъ. Далѣе въ томъ же введеніи, на страницѣ VII, находимъ слѣдующее мѣсто. Сказавъ, что всего естественнѣе начинать изложеніе зоологіи съ простѣйшихъ животныхъ, хотя обратный путь часто удобнѣе и согласнѣе съ историческимъ развитіемъ науки, Броннъ продолжаетъ:

Jener Gang ist es aber auch, der uns veranlasst, statt der analytischen eine mehr synthetische Behandlungsweise unserer Wissenschaft zu wählen und aus allen besonderen Beobachtungen erst allmählich die allgemeineren Gesetze der Erscheinungen zu entwickeln.

Естественный ходъ изученія животныхъ обуславливаетъ аналитическій методъ обработки науки, руководствуясь которымъ, мы будемъ получать изъ отдѣльныхъ наблюденій постепенно все болѣе общіе законы явленій животной жизни.

Изъ сравненія текста съ переводомъ ясно, что переводчикъ говоритъ вовсе не то что авторъ,—это очень большая небрежность, къ счастью, она лишь во введеніи доходитъ до извращенія смысла. Въ изложеніи самаго предмета замѣчается только большая шероховатость слога, запутанность выраженій и неудача въ выборѣ терминологическихъ названій. Можно ли напримѣръ употреблять выраженіе *магодирочники*? Ужъ лучше мнѣ кажется говорить *рышетчатники*, согласно второму термину, предложенному г. Богдановымъ, хотя и то весьма плохо. При выборѣ названій ученый отнюдь не долженъ переводить съ того или другаго языка; тутъ должно стараться подобрать слово, тѣтко вы-

ражающее сущность предмета, въ которомъ можно почти всегда найти нѣсколько равносильныхъ признаковъ: а изъ этихъ признаковъ одни легче фиксируются напримѣръ нѣмецкимъ словомъ, другіе — русскимъ. Даже въ латинской терминологіи, наиболее прочной, разные авторы придаютъ нерѣдко однимъ и тѣмъ же группамъ животныхъ или растений разныя названія, основываясь на различныхъ признакахъ. Такъ напримѣръ членистыхъ называютъ *Articulata* и *Arthropoda* (членистыми и члено-ногими¹); пресмыкающихся (лягушекъ, тритоновъ и пр.) называютъ *Dipnoa* или *Psiloderma*, при чемъ обращается вниманіе или на органы дыханія, или на наружныя покровы. Такъ точно и насчетъ *полицистиній*, — вмѣсто непріятнаго выраженія *многодирочники* можно бы сказать напримѣръ *кремнепанцирные*, *кремнепокровныя*², прицѣпляя во вниманіе, что животные соотвѣднаго класса, корненожки, снабжены почти всегда известковыми раковинками; да и у другихъ животныхъ, снабженныхъ каменными частями, части обыкновенно роговыя или известковыя, — такъ что преобладаніе кремнезема въ твердыхъ частяхъ полицистиній можетъ считаться весьма характернымъ признакомъ для этихъ мелкихъ тварей.

Я уже сказалъ, что въ описательной части переводъ не представляетъ особыхъ неудобствъ при чтеніи; слѣдовательно, повторяю опять, книга Бронна не расходится по тому, что между нами еще мало настоящихъ любителей природы: мы видно довольствуемся пока, въ этомъ отношеніи, такъ называемыми пассивными наслажденіями. А все-таки нельзя не пожелать, чтобъ это превосходное сочиненіе было переведено у насъ вполне.

А. БЕКЕТОВЪ.

¹ *Arthropoda* собственно *сочлененно-ногія*.

² Это выраженіе предложено мною, разумѣется, лишь въ видѣ примѣра, я вовсе не считаю его окончательнымъ и тѣмъ, думаю только, что оно лучше слова *многодирочники*. *Polycystina*, *Polycystinaria* значитъ собственно *многочлестныя*, *многокамерныя*. Последний терминъ встрѣчается уже въ русскихъ книгахъ.

ГРУСТНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТЪ.

Г. Коссовичъ издалъ въ прошломъ году *Четыре статьи изъ Зендавесты*, съ текстами зендскимъ и персидскимъ, съ переводами латинскимъ и русскимъ, и съ глоссариемъ. Это въ высокой степени необыкновенное явленіе въ русской литературѣ встрѣчено критикою довольно странно, чуть не съ напутствіемъ въ родѣ овидіевскаго:

Parve, nec invideo, sine me liber ibi:.. (*ad Orcum*).

Оно почти не замѣчено и перешло въ книгопродавческій каталогъ, какъ продуктъ типографскаго станка, не означающій ничего особеннаго. Сколько намъ извѣстно, ученые спеціалисты не остановили на немъ своего вниманія, а нѣкоторые критики неспеціалисты даже нашли въ немъ предметъ осужденія. Такъ, въ прошломъ году, *Литературная Лѣтопись С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, № 225, отозвалась хотя съ почетомъ о сочинителѣ, но замѣтила, что такой трудъ его не своевремененъ въ русской литературѣ и составляетъ бесполезную, едва ли не вредную въ ней роскошь. Полагая, что мнѣніе это могутъ раздѣлять многіе, требующіе отъ литературы непосредственной пользы, рассмотримъ, каково его значеніе. Съ перваго взгляда нельзя не видѣть въ немъ оппозиціи, если не учености вообще, то нѣкоторымъ ученымъ занятіямъ. Оппозиція эта имѣетъ, повидимому, благонамѣренную цѣль и внушена какъ бы невольнымъ усердіемъ къ общему благу. „Намъ еще не под силу, говоритъ *Литературная Лѣтопись*, удѣлять своимъ лучшимъ людямъ, своимъ честнымъ труженникамъ, для изученія какого-нибудь Зороастра.“ Мы отнюдь не думаемъ защищать г. Коссовича, котораго не имѣемъ чести знать лично, и который вовсе не нуждается въ нашей защитѣ. Не желали бы обвинять и *Литературную Лѣтопись*, которая высказала свое мнѣніе съ искреннимъ расположеніемъ къ добру, и хочетъ, чтобы всѣ умственные силы любителей науки были посвящены одному интересу—пользѣ общества. Но намъ кажется, что здѣсь таится недоразумѣніе и нѣкоторыя бессознательныя побужденія сомнитель-

наго достоинства. Едва ли справедливо думать, что *чистая* ученость, если можно такъ выразиться, вовсе *неприкладна* къ цивилизаціи текущей минуты и не вліятельна на нее ни сколько. Едва ли справедливо требовать, чтобы все вниманіе мыслящихъ людей было обращено на одни животрепещущіе вопросы времени, и что отвлекаться отъ нихъ наукою для науки—вредъ. Нѣтъ ли здѣсь односторонности взгляда? Есть даже, по нашему мнѣнію, нѣчто худшее, это—равнодушіе къ малодоступнымъ сферамъ учености; скажемъ болѣе: это—безотчетное пренебреженіе науки. *Литературная Лѣтопись* говоритъ: „Годами отзывается этотъ трудъ (г. Коссовича), несмотря на малый объемъ книги, и для чего все это? Для четырехъ главъ изъ Зендавесты, въ которыхъ почти нѣтъ ничего!“ Какъ должно быть больно, думаемъ мы, человѣку, который посвящалъ всю жизнь свою высокой эрудиціи, который, послѣ долголѣтняго благороднаго труда, разчитываетъ, что пора ему подѣлиться своимъ ученымъ богатствомъ съ соотечественниками, и которому благонамѣренно говорятъ: „Не надо, не надо! Намъ не этого теперь надобно!“ И говорятъ это люди образованные, ревнители просвѣщенія, усердствующіе руководить мнѣніемъ публики. За пренебреженіемъ недалеко и до презрѣнія. Вотъ собственныя слова *Литературной Лѣтописи* о книгѣ г. Коссовича: „Потрачено много упорнаго, усидчиваго труда... и проч. Оно (прекрасное предисловіе) только капля въ морѣ труда, потраченнаго г. Коссовичемъ.“ Потраченнаго! Какъ будто это была работа фигляра, котораго Александръ Македонскій достойно награждалъ мѣркой гороха. Трудъ этотъ былъ бы потраченъ въ такомъ только случаѣ, еслибы онъ не объяснялъ подлинника, а затемнялъ его въ текстахъ и переводахъ. Этого не обнаружено *Литературною Лѣтописью*, да она и осуждаетъ не качество, а выборъ труда. Откуда у насъ такая поспѣшность въ приговорахъ! На какой силѣ она основывается! Почему мы такъ смѣло предаемъ своей, какъ намъ кажется, непогрѣшительности? Сказать ли?.. По недостатку контроля нашихъ свѣдѣній въ публикѣ,—не въ литературѣ, а въ публикѣ. Назначать по своему произволу занятія ученому, это развѣ не деспотизмъ своего рода? Развѣ возможно перепиачивать самовольно натуру ума? Какоемы имѣемъ право роптать на ученаго, что онъ не посвящалъ себя „другимъ ча-

ствамъ науки, имѣющимъ ближайшее приложение? Всякому свое. Въ началѣ XV столѣтія, безъ дальней науки, простой рыбакъ Бейкельсъ выучилъ Голландцевъ солить и укладывать въ бочки сельди, и отечество воздвигло ему статую. Карлъ V и венгерская королева, сестра его, поклонились его гробу. Отличіе и честь заслуженныя. Но сколько же открытій, и какихъ произвела наука! Мы настаиваемъ здѣсь не на пользѣ наукъ. Въ этомъ уже никто не сомнѣвается. Мы указываемъ на *непредвидимость* открытій вслѣдствіе науки. Высшая филологія и лингвистика даже теперь даютъ предчувствовать, что они помогутъ раскрыть со временемъ глубокія тайны исторіи. „И для кого, спрашиваетъ *Литературная Лѣтопись*, поднять этотъ тяжкій трудъ?“ Конечно не для большинства. Для самаго большаго большинства, для всѣхъ, всего нужна азбука, хотя и противъ нея напелся одинъ заслуженный русскій литераторъ съ приговоромъ: „Рано!“ Нѣтъ сомнѣнія, что наука предназначена для всѣхъ, но не всѣми она создается. *Литературная Лѣтопись* сожалѣвается въ существованіи публики для книги г. Коссовича. Надѣмся на лучшее. По историческимъ условіямъ литературная наша публика (мы разумѣемъ не однихъ писателей) такъ устроилась, что, несмотря на ея малочисленность, въ ней есть люди высокой образованности и науки. Но еслибъ и не было публики для книги г. Коссовича, почему знать, что она не производитъ ее сама? Зачѣмъ скажете. Слово: зачѣмъ, не новое; оно слышалось и читалось давнымъ-давно, и не у насъ однихъ. Это его повторяется и теперь не рѣдко. Зачѣмъ, напримеръ, философскія теоріи, зачѣмъ считать звѣзды на небѣ? Какая въ томъ польза? Не лучше ли приложить свое стараніе къ градѣ огурцовъ или капусты, чѣмъ зазѣвать Богъ знаетъ куда попусту? Но, во первыхъ, — и это выше всего, — упражнять духъ по его стремленію къ наукѣ — польза и необходимость; вторыхъ, явится оттого въ свое время и польза общая, матеріальная, — какъ и когда, не извѣстно, можетъ-быть и очень скоро, только она явится въ свое время. *Литературная Лѣтопись* хвалитъ предисловіе къ четыремъ статьямъ *Зендавесты*. „Но мы бы, продолжаетъ она, искренно говоря, съ удовольствіемъ ограничились этимъ прекраснымъ предисловіемъ.“ Предисловіе можетъ быть прекрасно: это мы легко допускаемъ (хотя и не видѣли книги г. Кос-

совица, и разбираемъ не книгу, а возникшій изъ нея фактъ), судя по предыдущимъ трудамъ его; со всѣмъ тѣмъ очень жалѣли бы, еслибы литература наша лишена была четырехъ главъ *Зендавесты*, и, можетъ-быть, промѣняли бы на нихъ самое прекрасное предисловіе. Ничто такъ не возбуждаетъ для ума, какъ занятіе важными подлинниками. Ихъ непосредственное, такъ-сказать, соприкосновение дѣйствуетъ на разумъ гораздо плодотворнѣе чѣмъ всѣ ихъ изложенія. Есть какая-то таинственная сила въ оригинальныхъ произведеніяхъ, изъясняющая ихъ, которая сказывается только прямо или и задерживается болѣе или менѣе отъ всякаго посредничества для передачи ихъ смысла и значенія. Они впрямую дѣйствуютъ такъ же на волю, а только на сознательныя дѣйствія такъ же на умъ и чувства. Возьмите примѣръ съ картинъ великихъ мастеровъ. Но въ искусствѣ замѣнить еще многое, при недостаткѣ высокихъ оригиналовъ, природный геній художниковъ. Въ эрудиціи ничто не замѣнить оригинальнаго произведенія. Удивительнымъ намъ показался вопросъ *Литературной Лѣтописи*: „Что же такое *Зендавеста*“ Неужели она не признаетъ, что это не только памятникъ глубокой древности (за тысячу лѣтъ до.. во все равно), но такой, который имѣлъ огромное влияние на восточный міръ, и не на одинъ восточный, ученіе, которое проникало въ человечество по разнымъ направленіямъ, прямо не безъ посредствъ чрезъ средніе вѣка, и теперь еще дышитъ не въ одной Азіи? Анкетиль зналъ что дѣлать, когда пошелъ въ простые солдаты въ Индію, для того чтобы добыть для Европы это сокровище. По словамъ *Литературной Лѣтописи*: „Мы еще очень и долго можетъ обойтись безъ *Зендавесты*.“ Долго! Мы обходились долго, тысячу лѣтъ... безъ многого. Только хорошо ли это? Закажемъ коротко: осужденіе ученой литературы, недостаточной для большинства, какъ бы оно ни наслоилось видами общей пользы, есть пренебреженіе науки. Оказавшее ей пренебреженіе людьми изъ числа образованныхъ легко распространяется въ малоразсуждающей, хотя и грамотной толпѣ, которая любитъ всякое осужденіе больше похвалы. Она рада этимъ случаямъ и увлекается въ своихъ порицаніяхъ гораздо дальше той осторожности, которой придерживается ея руководитель. Конечно, она не будетъ въ ученаго „бросать бѣшено камень“, какъ въ Лермонтова пророка. Не досрочъ онъ до пророка; но вѣдь и „онъ горькъ, онъ не ужился съ нами“. Камни зачѣмъ? А вотъ, развѣ, грязною... Побольше, побольше уваженія къ благороднымъ трудамъ!

ДОКТОРЪ ЯСТРЕБЦОВЪ.

КЪ КАКОЙ ПРИНАДЛЕЖИМЪ МЫ ПАРТИИ?

Хорошо то слово, которое рождается вмѣстѣ съ дѣломъ и служить ему завершеиіемъ; оно хорошо, потому что пронесено самою жизнью, развилось изъ тѣхъ же источниковъ, изъ какихъ происходитъ дѣло, и содержитъ его въ себѣ. Потому оно полнозвѣсно, знаменательно, исполнено жизненной силы. Такое слово есть свѣтъ, оно сознание, оно душа живаго дѣла, съ которыми оно связано неразрывно. У всякаго человѣка и во всякомъ обществѣ есть большій или меньшій запасъ такихъ жизненныхъ словъ, и ихъ легко отличить отъ словъ другаго рода, которыхъ къ сожалѣнію бываетъ у людей великое множество. Особенно у насъ люди образованные изнемогаютъ подъ страшнымъ обиліемъ такихъ словъ, которыя въ устахъ произносящихъ не имѣютъ никакого жизненнаго значенія,—словъ пустыхъ, звонко стекающихъ въ каледоскопъ фразъ и загадывающихъ всякое проявленіе мысли.

Человѣкъ хорошо понимаетъ только то, что онъ дѣйствительно извѣдалъ, что было имъ испытано, что наконецъ было имъ сдѣлано или что сдѣлалось въ немъ. Какъ хорошо чувствуется такое слово, кто бы ни произносилъ его, и къ чему бы оно ни относилось? Въ немъ вся сила поэзіи, все очарованіе жизни, въ немъ неотразимое могущество убѣжденія. Но гдѣ найти человѣка, у котораго всѣ помысла бы были бы такими живыми силами? Большею частію люди безъ грѣха пробавляются помыслами составленными изъ элементовъ общихъ, представляющими лишь смутные очерки, ни мало не воспроизводящими дѣйствительнаго, внутренняго собственнаго значенія вещи. Иначе и не возможно: никакой человѣкъ не можетъ собственнымъ опытомъ извѣдать всѣ положенія жизни, и во многомъ по необходимости онъ долженъ довольствоваться опытами другихъ, суррогатами воображенія, отвлеченными схемами. Кто не испыталъ извѣстной привязанности, кто не извѣдалъ извѣстнаго лишенія, тотъ никогда не пойметъ ихъ отличительной сущности, тому никакъ не растолкуете

растолкуете въ чемъ состоитъ ихъ живая особенность, и тому приходится довольствоваться понятіями, которыя выработались изъ другихъ, болѣе или менѣе близкихъ, или болѣе или менѣе отдаленныхъ источниковъ; остается только желать, чтобъ эти источники были по возможности близки, чтобъ эти понятія не были вовсе пустыми словами, которыя вносятъ въ жизнь приторную аффектацію, изнуряющую ложь, общіе фразы и общіе мѣсты, тяжелымъ хламомъ ложатся на способности людей, на общественныя силы, и дѣлаютъ ихъ негодными къ плодотворной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи общество и отдѣльные люди подлежатъ одному и тому же закону: что бываетъ съ лицами, то бываетъ и съ общественною средой. Общественныя понятія бываютъ или живыми силами, или пустыми словами.

Въ нашей литературѣ есть всевозможныя слова, какія только есть во всѣхъ литературахъ въ мірѣ; намъ знакомы всѣ термины; мы всего касаемся, обо всемъ говоримъ; мы насколько не затрудняемся въ характеристикѣ всевозможныхъ явленій. Мы сыплемъ терминами, сортируемъ, классифицируемъ. На все готово у насъ соответственное прозвище. У насъ есть философы всѣхъ разрядовъ: и матеріалисты, и идеалисты, и всевозможные исты, хотя философію у насъ еще не бывало. У насъ есть политическія партіи всѣхъ отѣнковъ: консерваторы, умѣренные либералы, прогрессисты, конституціоналисты (даже не выговорить этого ужаснаго термина!), и демократы, и демагоги, и социалисты, и коммунисты; но у насъ нѣтъ ничего похожего на политическую жизнь. У насъ есть слова и нѣтъ дѣла, и всѣ наши исты—существа воображаемыя, призраки, слова и слова, которымъ ничто въ дѣйствительности не соответствуетъ, а если что и соответствуетъ, то совсѣмъ другое, ни мало не похожее на смыслъ этихъ рассыпаемыхъ нами терминовъ. Наши кружки, наши партіи, ихъ борьба и ихъ сдѣлки, ихъ статьи и ихъ журналы, — все это явленія воздушныя, которыя конечно имѣютъ свои причины и принадлежатъ къ области дѣйствительнаго, но дѣйствительный смыслъ ихъ совсѣмъ не то, чѣмъ они кажутся или чѣмъ хотятъ казаться. И степное марево происходитъ отъ дѣйствительныхъ причинъ; но эти колокольни, эти города, эти пейзажи, эти

озера, которыя кажетъ оно путнику, все это чистѣйшій обманъ, призракъ, пустота.

Нельзя безъ смѣха слышать, какъ распредѣляютъ себя по различнымъ политическимъ партіямъ наши общественные дѣятели. Всего почетнѣе было прослыть прогрессистомъ; всего позорнѣе было попасть въ разрядъ консерваторовъ. Было время (оно еще не миновало), когда слово *консерваторъ* употреблялось вмѣсто брани, и несчастный, въ котораго бросалось это карательное прозвище, трепеталъ и блѣднѣлъ, и готовъ былъ пройти колесомъ по городскимъ улицамъ, чтобъ искупить свой грѣхъ и перечислиться въ ряды прогрессистовъ. Консерваторъ—это обскурантъ, крѣпостникъ, ненавистникъ человѣческаго рода, врагъ меньшихъ братій, подлецъ и собачій сынъ. Прогрессистъ—это другъ человечества, готовый на великіе подвиги, на всяческія жертвы, въ интересъ просвѣщенія, свободы, благоденствія всѣхъ и каждаго. То—скарредное дердце, а это—широкая, прекрасная, благородная душа, исполненная гражданской скорби. Какъ же было тутъ колебаться въ выборѣ? Можно ли было позволить себя назвать консерваторомъ?—и вотъ всѣ изъ всей мочи пускались предъявлять свои права на почетное званіе прогрессиста. Такъ какъ прозвище прогрессиста означало все самое лучшее и самое пріятное на свѣтѣ, то стало-быть чѣмъ болѣе прогрессистъ казался прогрессистомъ, тѣмъ было лучше. Всѣ по широкому пути спѣшили впередъ, облачая, отрицая, плюясь, ругаясь и кувыркаясь на всѣ манеры; естественно, разжигалось желаніе обогнать другъ друга, опередить всѣхъ и прослыть прогрессистомъ изъ прогрессистовъ. Такъ какъ дѣло происходило на воздухѣ, то разрушать и созидать было дѣло самое легкое. Недѣлями переживались цѣлыя эпохи, и, что третьяго дня казалось отважнѣйшею мыслию, дающею почетнѣйшее мѣсто въ рядахъ прогрессистовъ, становилось пошlostью, отсталостью, ограниченностью, достойною смѣха. Судостроительство, администрація, политическія учрежденія, свобода во всѣхъ ея видахъ, наука, все одно за другимъ выбрасывалось за бортъ въ этой воздушной гонкѣ. Прогрессисту было уже совѣстно заниматься всѣмъ этимъ вздоромъ, и всякій еще занимавшійся имъ, отбрасывался съ громкимъ воплемъ въ мрачные ряды консерваторовъ, становился челоѣкомъ узколобымъ, „тупоумнымъ дуракомъ“ (sic).

И въ самомъ дѣлѣ, можно ли было толковать о такихъ мизерныхъ вещахъ, какъ напримѣръ административныя или судебныя преобразованія, экономическая свобода или формы государственнаго устройства, когда можно было заняться разрушеніемъ дѣлага міра съ тѣмъ чтобы возсоздать изъ ничего? Наконецъ не замедлило стать постыднымъ всякое опредѣленное направленіе, всякая мысль, въ которой оставался какой-нибудь вкусъ, какой-нибудь цвѣтъ. Наши прогрессисты размахнулись до того, что все исчезло передъ ними, и имъ осталось только придти въ себя и догадаться, что они до одурѣнія кружились на одномъ мѣстѣ. Теперь нашимъ прогрессистамъ болѣе не предстоитъ ничего дѣлать; всѣ ихъ эволюціи окончены; имъ остается только, отдохнувъ и протеревъ глаза, догонять отстающихъ изъ консерваторовъ, которые понемножку подобрали себѣ то, что побросали эти дервиши. Прозвище консерваторовъ мало-по-малу утратило бранное значеніе, оно начинаетъ входить въ честь, и очень немудрено, что въ одно прекрасное утро всѣ проснутся отъявленными консерваторами, и званіе прогрессиста, нѣкогда такъ славное, станетъ въ свою очередь браннымъ словомъ, обиднымъ и позорнымъ. Нѣтъ основанія отчаиваться, чтобы скоро потомъ не совершился новый оборотъ, чтобы не наступила новая очередь, чтобы снова не вошли въ честь прогрессисты, и чтобы снова не подверглись поруганію консерваторы, и чтобы въ сущности все это не было одно и то же. Эти побѣды и пораженія, эта слава и позоръ, эти великія партіи, эти консерваторы и прогрессисты, эти знамена и значки,—все это одна фантазмагорія, которая совсѣмъ не то значить, что ею представляется.

Что пріятнѣе нашей жизни? Постоянная, вѣчная игра! Прежде наши *beaux esprits* играли въ философскія школы, теперь играютъ въ политическія партіи.

Мы никогда не искали чести принадлежать къ какой-нибудь изъ нашихъ партій, мы никогда не соглашались быть органомъ какого-нибудь кружка. Ни званіе прогрессиста, ни званіе консерватора не заключало въ себѣ ничего для насъ пѣвнтельнаго. Но если мы сами не причисляли себя ни къ какому разряду, за то другіе заботились о нашемъ цвѣтѣ. Насъ бранили и чествовали то консерваторами, то либералами, то прогрессистами, то отстающимъ. Но мы смѣемъ

увѣрить нашихъ классификаторовъ, что нисколько не тщимся принадлежать къ тому или другому разряду; мы не видимъ ни малѣйшей для себя чести слыть прогрессистами или консерваторами, крайними или умѣренными, передовыми или отстаыми. Признаемся, мы даже не видимъ существенной разницы между всеми этими отбѣнками въ нашей литературѣ, и какъ сказано выше, не видимъ въ нихъ никакого серьезнаго смысла. Пусть называютъ насъ какъ кому угодно: ни чести, ни стыда мы въ этомъ для себя не видимъ.

Не только къ этимъ шутовскимъ партіямъ, но и къ партіямъ серьезнымъ, еслибъ онѣ когда-нибудь образовались у насъ, мы не могли бы примкнуть. Мы понимаемъ всю важность политическихъ партій, тамъ гдѣ онѣ являются дѣломъ серьезнымъ; мы готовы отдать должную честь органамъ политическихъ партій тамъ гдѣ онѣ существуютъ, и однако сами не согласились бы принять на себя обязанность служить органамъ какой бы то ни было партіи. У всякаго своя натура и свое призваніе, какъ у человека, такъ и у журнала. Всякій можетъ быть полезенъ только въ предѣлахъ своей природы и по своимъ средствамъ. Претензія стать чѣмъ-нибудь, вопреки кореннымъ основамъ своего существованія, ни къ чему не ведетъ и портитъ всякое дѣло.

Мы понимаемъ, что всякій общественный интересъ можетъ и долженъ собирать вокругъ себя людей, и связывать ихъ въ одно дѣло. Чѣмъ могущественнѣе и богаче жизнь, тѣмъ сильнѣе заявляетъ въ ней себя каждое начало, тѣмъ упорнѣе держится всякій интересъ, тѣмъ болѣе чувствуетъ и знаетъ себя всякое возникшее въ ней право. Въ этомъ-то жизнь и состоитъ; гдѣ напротивъ все расплывается, ничто не заявляетъ и не чувствуетъ себя, ничто не выступаетъ и не дѣйствуетъ, тамъ нѣтъ и жизни,—тамъ призраки и тѣни, но силъ живыхъ тамъ нѣтъ. Все, что въ жизни образовалось, все существующее, естественно должно заботиться и о сохраненіи, и объ улучшеніи своего существованія. Людямъ весьма естественно чувствовать съ особенною силой тотъ интересъ которому они служатъ, и дѣйствовать съ особенною энергіей въ пользу того начала, которое создаетъ и держитъ ихъ. Очень естественно, что всякій другой интересъ чувствуется ими съ мень-

шею силой, а въ случаѣ столкновенія, чувствуется даже враждебнымъ образомъ. Когда разыгрывается жизнь и различные общественные интересы между собою стакиваются, непремѣнно возникаютъ противоположныя направленія, которыя между собою борются и оспариваютъ другъ у друга и силу, и самое существованіе. Органы противоположныхъ направленій, и по влеченію и по долгу, прежде всего заботятся о томъ, чему служить. Въ разгарѣ борьбы, имъ трудно, а иногда и вовсе невозможно сохранить безпристрастіе и свободу сужденія. Они склонны смотрѣть на все съ особой точки зрѣнія, и все оцѣнивать по отношенію къ тому началу, которое сознательно или безсознательно, корыстно или безкорыстно, владѣтъ ихъ сердцемъ и господствуетъ надъ ихъ умами; имъ бываетъ трудно и почти невозможно ставить себя на другія точки зрѣнія и входить въ другія положенія: цѣль ихъ — непосредственное дѣйствіе въ извѣстномъ смыслѣ, тотъ или другой результатъ въ томъ или другомъ направленіи. Понятія ихъ принимаютъ одинъ привычный оборотъ. Первая, основная, инстинктивная забота ихъ не въ томъ чтобы система ихъ воззрѣній соотвѣтствовала цѣлой истинѣ, а въ томъ чтобы достигнуть ближайшей цѣли, которая у нихъ передъ глазами, и которая овладѣваетъ ихъ дѣятельностію. Понятія служатъ для нихъ только средствомъ; они располагаются въ ихъ мысли такъ какъ требуется положеніемъ дѣлъ въ данную минуту и соотвѣтственно ихъ точкѣ зрѣнія. Они не имѣютъ ни побужденія, ни досуга заботиться о критикѣ своихъ воззрѣній; имъ некогда приводить свои понятія въ ихъ естественныя соотношенія, ставить ихъ въ полной независимости отъ случайныхъ вліяній, отъ настроеній минуты, отъ ближайшей практической цѣли. Имъ болѣе или менѣе чужды интересъ всесторонней оцѣнки, главный интересъ разумнѣя и знанія. Но цѣлое общество не можетъ быть равнодушно къ этому послѣднему интересу; человѣческая жизнь не можетъ безъ него обходиться. Между множествомъ разнородныхъ интересовъ, раздѣляющихъ общественную дѣятельность, долженъ дѣйствовать и этотъ интересъ, какъ особая сила. Люди, призванные служить ему, не могутъ быть органами партій, которыя между собою борются, оспаривая другъ у друга успѣхъ, вліяніе и власть. Эти люди заботятся не о томъ,

чтобы повернуть по своему ходъ дѣла, но чтобы въ каждомъ положеніи, въ каждую минуту, служить органомъ независимой и всесторонней оцѣнки. Это не значитъ, чтобы они должны были оставаться равнодушными къ текущимъ интересамъ жизни; напротивъ, все достоинство такихъ органовъ зависитъ отъ того участія, которое они принимаютъ во всемъ, на все отзываясь. Но ихъ призваніе — искать рѣшенія вопросовъ не въ интересъ какого-либо особаго направленія, не въ видахъ какой-либо отдѣльной партіи, а въ общемъ интересѣ дѣла, согласно съ его сущностію и его естественнымъ положеніемъ въ системѣ того дѣла, къ которому они принадлежатъ. Они не могутъ служить органомъ тому или другому изъ противоположныхъ направленій, какъ бы ни были они почтенны; они не могутъ отдавать себя на службу тому или другому изъ спорящихъ между собою стремленій, правъ или даже истинъ; но они должны имѣть въ виду то, что каждому особому праву даетъ характеръ и силу права, то, что каждой особой истинѣ сообщаетъ значеніе истины, то, что въ каждомъ направленіи составляетъ его дѣйствительную основу, часто не сознаваемую, его истинный интересъ, часто затемняемый недоразумѣніями, страстями и обстоятельствами. Если это партія, то это партія въ всякихъ партій. Такое призваніе нисколько не предопредѣляетъ достоинства его органовъ; оно только обозначаетъ ихъ относительное положеніе, характеръ и задачу ихъ дѣятельности. Они могутъ быть хороши и дурны, способны и неспособны, удовлетворять и не удовлетворять своему призванію; но такое призваніе непременно должно заявлять себя посреди общества, въ которомъ пробудилась жизнь и дѣятельность.

Такого рода направленіе, по своей натурѣ, не можетъ замыкаться въ какую-нибудь отдѣльную организацію. Органы этого направленія не могутъ и не должны быть ни присяжными консерваторами, ни присяжными либералами. Они должны заботиться только о томъ, чтобы сохранять независимость сужденія и держаться ко всему въ отношеніяхъ совершенно свободныхъ. Для нихъ міръ не долженъ раздѣляться на двѣ рѣзкія полосы: черную и бѣлую, дурную и хорошую, злую и добрую. Не будучи ни формальными консерваторами, ни формальными прогрессистами, они могутъ

быть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстномъ смыслѣ.

Въ чемъ состоитъ истинное назначеніе охранительнаго начала? Въ чемъ заключается сущность и цѣль прогресса? У насъ эти вопросы давно уже рѣшены; тѣмъ не менѣе посмотримъ въ чемъ состоитъ сущность того и другаго направленія. Истинно прогрессивное направленіе должно быть въ сущности консервативнымъ, если только оно понимаетъ свое назначеніе и дѣйствительно стремится къ своей цѣли. Чѣмъ глубже преобразование, чѣмъ рѣшительнѣе движеніе, тѣмъ крѣпче должно держаться общество тѣхъ началъ, на которыхъ оно основано, и безъ которыхъ прогрессъ обратится въ воздушную игру тѣней. Все, что будетъ клониться къ искорененію какого-нибудь существеннаго элемента жизни, должно быть противно прогрессивному направленію, если только оно понимаетъ себя. Всякое улучшеніе происходитъ на основаніи существующаго; этому учитъ насъ природа, во всѣхъ своихъ явленіяхъ и формаціяхъ. Тотъ же законъ господствуетъ и въ исторіи: всякое преобразование, всякое усовершенствованіе, можетъ происходить только на основаніи существующаго, съ сохраненіемъ всѣхъ его силъ, всѣхъ его зиждательныхъ элементовъ. Общественное устройство не можетъ по произволу отказываться отъ того или другаго начала, которое требуется его нормой. Какъ во всякомъ развитіи природы, такъ и во всякомъ историческомъ развитіи есть извѣстная сумма элементовъ, изъ которыхъ оно слагается, такъ что при отсутствіи того или другаго изъ нихъ, оно вовсе невозможно, или невозможно въ своемъ нормальномъ видѣ. Исключить какія-либо существенныя начала изъ даннаго развитія, значить измѣнить сущность вещей, перепрыгнуть, какъ говорится въ логикѣ, изъ одного рода въ другой; значить имѣть въ виду что-нибудь другое, а не то о чемъ идетъ рѣчь. Исключить изъ общественнаго развитія какое-нибудь начало, которое служитъ однимъ изъ необходимыхъ условій человеческого общества, значить обезсилить общество, изуродовать его, подвергнуть его болѣзнямъ тяжелымъ и опаснымъ, отъ которыхъ придется лѣчиться. Часто такія катастрофы бывають неизбѣжны. Слишкомъ часто случаются онѣ въ исторіи народовъ; но надобно знать, что онѣ случаются вовсе не въ

интересъ прогресса, а вопреки его видамъ. Жизнь пользуется всѣмъ; она пользуется и разрушеніемъ и смертію; но разрушеніе и смерть не можетъ быть цѣлью жизни; не того она хочетъ. Общественное развитіе можетъ изъ всякаго паденія подниматься съ новыми силами; но паденія не могутъ быть его цѣлю, оно не можетъ сознательно готовить ихъ подъ видомъ прогресса. Интересъ прогресса состоитъ не въ томъ, чтобъ изгнать изъ общества то или другое начало: изгнанное въ дверь, оно воротится въ окно; напротивъ, задача состоитъ въ томъ, чтобы каждому началу, безъ котораго не можетъ обойтись нормальное развитіе общества, дать соответственное положеніе и силу, отвести его въ должные предѣлы. Зло и вредъ заключаются не въ томъ или другомъ элементѣ, а въ неправильномъ положеніи, которое онъ занимаетъ; надобно измѣнить его положеніе, поставить его въ другія отношенія, и онъ получитъ совершенно новый характеръ. Въ этомъ и состоитъ вся цѣль прогресса,—прогресса не отвлеченно-взятаго, и неизвѣстно что означающаго,—но прогресса въ чемъ-нибудь дѣйствительно-существующемъ, въ томъ или другомъ народѣ, въ томъ или другомъ обществѣ. Напрасно мы будемъ думать, что, подвергнувъ остракизму какое-нибудь общественное начало, неправильно дѣйствующее, мы освободимъ отъ него общество. Оно не исчезнетъ, оно не уничтожится; исчезнетъ только доля добра, а ядъ останется; оно явится въ другомъ видѣ, подъ другимъ именемъ. Потерявъ одно изъ существенныхъ условій своего развитія, общество получить его обратно, но какъ начало ему чуждое и враждебное, которое до тѣхъ поръ будетъ его язвой и задержкой на всѣхъ путяхъ, пока не будетъ призвано, не будетъ замирено и не найдетъ себѣ надлежащаго мѣста. Возьмемъ примѣръ. Часто государство находится въ неправильномъ отношеніи къ жизни; централизація и вмѣшательство, стѣсняющія и убивающія жизнь, вызываютъ справедливыя жалобы и реакцію, и нередко возникаетъ вопросъ, не есть ли государство, со всѣми своими принадлежностями и отправлениями, только помѣха для общественной жизни? И не въ томъ ли долженъ состоять прогрессъ, чтобъ общество наконецъ освободилось отъ государства? Жалкое заблужденіе! Лишь только мы представимъ себѣ, что государственное начало будетъ исключено,

лишь только мы вообразимъ себѣ, что самостоятельная и отдѣльная организація государственныхъ властей исчезнетъ, какъ въ тотъ же самый мигъ, общество, повидимому освобожденное отъ государства, утратитъ напротивъ значеніе свободнаго общества, и во всемъ составѣ своемъ превратится въ то самое начало, отъ котораго думало освободиться; оно само будетъ государствомъ, и государствомъ тѣмъ худшимъ, что государство будетъ въ немъ все во всемъ, не давая ничему свободнаго существованія и на все налагая свою печать. Что это не есть только теоретическое соображеніе, что дѣйствительно такъ бываетъ, въ томъ удостовѣряетъ насъ исторія многими примѣрами. Возьмите древнія республики, возьмите Соединенные Штаты. Если вѣтъ самостоятельной организаціи государственнаго начала, все общество принимаетъ болѣе или менѣе его характеръ; если не будетъ опредѣленной государственной функціи, то вся общественная жизнь по необходимости превратится въ функцію; если не будетъ правильнаго суда и расправы, то явится законъ Линча. Вырвите съ корнемъ монархическое начало, оно возвратится въ деспотизмъ диктатуры; уничтожьте естественный аристократическій элементъ въ обществѣ, мѣсто его не останется пусто, оно будетъ занято или бюрократами, или демагогами, олигархіей самаго дурнаго свойства, Негодуя и жалуясь на злоупотребленія и излишества централизаціи, попробуйте коснуться самаго начала, уничтожьте централизацію не въ ея злоупотребленіяхъ, а въ самомъ ея корнѣ, — вы убьете цѣлую національность, вы разрушите трудъ вѣковъ, подорвете основу дальнѣйшаго развитія, но эда не уничтожите, напротивъ еще усилите: вмѣсто одного органическаго центра явится нѣсколько фальшивыхъ, нѣсколько мелкихъ деспотій, гдѣ еще ревливѣе и придирчивѣе разовьется духъ вмѣшательства и опеки, и гдѣ для личной свободы будетъ еще менѣе благоприятныхъ условій. Что такое рабство во всѣхъ видахъ личнаго, семейнаго и общиннаго деспотизма? Не есть ли это тотъ же принципъ власти только въ своемъ грубомъ видѣ, не есть ли это то же государственное начало только въ дикомъ состояніи? Исторія, полагая общій центръ народной жизни, собираетъ мало-по-малу всѣ элементы власти изъ всѣхъ закоулковъ, въ которыхъ она вѣдряется, дико разливаясь по всему простору народной жизни. Сосредоточивая власть въ одинъ общій для

цѣлой страны органъ, образуя правильное государство, историческое развитіе даетъ возможность человѣку существовать по человѣчески. По мѣрѣ развитія правильного и благоустроеннаго государства, развивается и укрѣпляется въ своихъ основахъ свободное общество, и государственное начало, преобразуясь, согласно своему истинному назначенію, опредѣляя все яскѣ свойственную ему функцію, становится источникомъ великихъ благодѣній, крѣпкою основой свободы, и соединяется съ нею въ общемъ интересѣ. Даже принципъ неволи, убивавшій человѣка или ставившій его въ неестественное положеніе, не исчезаетъ, не уничтожается. Исчезаетъ только его противоестественное, грубое, дикое дѣйствіе. Исчезаетъ невольничество, — но въ образованномъ обществѣ каждый человѣкъ жертвуетъ частію своей воли. Исчезаетъ рабство, которое убиваетъ одного человѣка и уродуетъ другаго, но возникаютъ взаимныя обязательства, связывающія людей во всякомъ благоустроенномъ обществѣ. Чѣмъ глубже и шире развивается общественная свобода, тѣмъ яскѣ и опредѣленнѣе становятся обязанности людей другъ передъ другомъ и передъ цѣлымъ обществомъ, и тѣмъ охотнѣе люди подчиняются принципу неволи въ высшемъ, благородномъ, священномъ значеніи долга.

Что можетъ быть предметомъ сознательнаго и разумнаго храненія? Никакъ не отживающія формы, которыя рушатся сами собой. Истиннымъ предметомъ храненія должны быть не формы, а начала, которыя въ нихъ живутъ и даютъ имъ смыслъ. Всякая опасность, которой подвергается какое-либо начало, живущее въ обществѣ, вызываетъ въ чуткой средѣ проявленіе охранительныхъ силъ. Интересъ охранительный состоитъ не въ томъ, чтобы помѣшать дальнѣйшему развитію начала, которое ему дорого, но чтобъ обезнечить и оградить самое его существованіе. Консерватизмъ есть живая, великая сила, когда онъ чувствуется въ глубокихъ корняхъ жизни, а не въ поверхностныхъ явленіяхъ, когда онъ относится къ существованію зидительныхъ началъ человѣческой жизни, а не къ формамъ, въ которыхъ они являются. Формы дороги для него только въ той мѣрѣ, въ какой еще чувствуется въ нихъ жизненное присутствіе начала; они дороги для него пока съ ними тѣсно связано существованіе живущаго въ нихъ начала. Вотъ проба

истиннаго консерватизма: почувствуетъ ли онъ гдѣ и въ какой мѣрѣ погасло жизненное дѣйствіе хранимаго начала, и гдѣ мертвые остатки обращаются во вредъ ему, удерживая его въ ложномъ и опасномъ положеніи? узнаетъ ли онъ то же начало въ новой принятой имъ формѣ, въ новомъ положеніи, въ новомъ образѣ дѣйствія? Понятны разныя постороннія побужденія;—привычка или корысть,—которыя могутъ привязывать людей къ отжившимъ условіямъ быта, но дѣло не въ отдѣльныхъ людяхъ, а въ сущности направленія. Чуткій, понимающій себя консерватизмъ, не врагъ прогресса, нововведеній и реформъ; напротивъ онъ самъ вызываетъ ихъ въ интересъ своего дѣла, въ интересъ храненія, въ пользу тѣхъ началъ, которыхъ существованіе для него дорого; но онъ съ инстинктивною заботливостію слѣдитъ за процессомъ переработки, опасаясь, чтобы въ ней не утратилось чего-либо существеннаго. Его, очень естественно, болѣе заботитъ сохраненіе этихъ существенныхъ началъ нежели конечный результатъ процесса. Истинно-охранительное направленіе въ сущности дѣйствуетъ заодно съ истинно-прогрессивнымъ; но у каждаго есть своя опредѣленная функція въ одномъ общемъ дѣлѣ, и въ своихъ частныхъ проявленіяхъ онѣ непрерывно могутъ расходиться и сталкиваться.

Плохіе тѣ консерваторы, которые имѣютъ своимъ лозунгомъ *statu quo*, какъ бы ни было оно гнило, которые держатся господствующихъ формъ и очень охотно мѣняютъ начала. Для такихъ все равно какое бы ни образовалось положеніе дѣла, для нихъ все равно какая бы комбинація ни вступила въ силу; имъ важно только знать, на которой сторонѣ власть. Они презрительно относятся къ прошедшему и цинически смотрятъ на будущее. Нынче они посвящаютъ свои охранительныя услуги монархіи, завтра они явятся такими же ревностными хранителями власти въ республикѣ, и вслѣдъ за тѣмъ поступятъ на службу къ диктатору. Они слѣдятъ только за переходами власти. Имъ все равно, утратится или не утратится то или другое начало въ организаціи общественной жизни; имъ нужно только, чтобы гдѣ-нибудь и какъ-нибудь образовалась власть, вокругъ которой они всегда съ поспѣшностью сгруппируются, не спрашивая болѣе ни о чемъ. Они равнодушны къ интересу свободы, который составляетъ душу добраго консерватизма; они

готовые поклонники всякаго успѣха, всякой торжествующей формы. Ихъ инстинктивный порывъ влечетъ ихъ не туда, гдѣ чувствуется нарушеніе равновѣсія, гдѣ дѣйствующее начало подвергается опасности и теряетъ силу; напротивъ ихъ тянетъ въ ту сторону, гдѣ оказывается преобладаніе. Они всегда рады оказать помощь торжествующей силѣ, которая въ помощи не нуждается. Если они иногда колеблются, не рѣшаясь пойти въ ту или другую сторону, то это значитъ, что они сомнѣваются въ побѣдѣ и не увѣрены, на которой сторонѣ окажется перевѣсъ. Такіе консерваторы, сознательно или безсознательно, дѣйствуютъ заодно со лже-прогрессистами и, какъ говорятъ Нѣмцы, работаютъ другъ другу въ руки. Если, современемъ, разовьется у насъ политическая жизнь и образуются партіи, то да избавить Богъ наше отечество отъ такихъ консерваторовъ!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ.

	<i>Стр.</i>
Попытки мѣстнаго самоуправленія во Франціи <i>Θ. Г. Тернера</i>	5
Воспоминаніе о Гоголѣ. <i>Д. Арнольди</i>	54
Новый талантъ въ современной англійской литературѣ. <i>А. В. Дружинина</i>	96
Записки Вильсона. <i>Ю. В. Толстаго</i>	120
Стоячая Вода. Повѣсть. <i>В. Крестовскаго</i>	196
Изъ записокъ генераль-адъютанта Муравьева о войнѣ 1855 года въ Малой Азіи.	310
Чешская Деревня. <i>А. С. Троянскаго</i>	342
Изъ дорожнаго дневника веденнаго за границей. <i>Я. К. Грота</i>	383
Hôtel „La Siréna“. Стихотвореніе. <i>Н. Θ. Щербини</i>	411
Подражаніе Шенье. Стих. <i>Б. Н. Алмазова</i>	414
Русская Литература: <i>Ложныя и отреченныя книги русской старины</i> . Собр. <i>А. Н. Пыпанымъ</i> . <i>Н. С. Тихонравова</i>	415
Замѣтка.	428

ФЕВРАЛЬ.

Геологическіе очерки Кавказа. <i>Г. Е. Щуровскаго.</i>	433
Отцы и Дети. <i>И. С. Тургенева.</i>	473
Прошлое лѣто въ деревнѣ. <i>С. Безыменнаго.</i>	664
Подражаніе А. Шенье. Стихотвореніе. <i>Б. Н. Алмазова.</i>	702
Атаманъ Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ. <i>Д. Л. Мор-</i> <i>довцева.</i>	703
Изъ дорожнаго дневника веденнаго за границей. <i>Я.</i> <i>К. Грота.</i>	734
Изъ исторіи Преображенскаго кладбища. <i>С.</i>	747
Обработка земли вольнонаемными рабочими. <i>В. К.</i> <i>Рѣвскаго.</i>	796
Стихотворенія: I. Симпловская дорога. II. Въ Бельве- дерѣ. <i>Н. Ѡ. Щербини.</i>	817
Критическія замѣтки натуралиста. <i>А. Н. Бекетова.</i>	821
Грустный литературный фактъ. <i>Доктора Ястребцова.</i>	828
Къ какой принадлежимъ мы партіи?	832

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и К^о,

въ Армянскомъ переулкѣ,

продаются слѣдующія книги:

ПОЛНЫЯ ТАБЛИЦЫ для опредѣленія количества оброка или числа барщинскихъ дней въ каждомъ имѣніи, сообразно надѣлу крестьянъ землею, составленныя на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 года Положеній о крестьянахъ. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Т. I съ 4-мя рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861. (Т. II печатается.) Ц. за оба тома 3 р. 50 коп. с., перес. за 3 ф.

РУКОВОДСТВО КЪ ЧАСТНОЙ ПАТОЛОГИИ И ТЕРАПИИ, преимущественно съ физиологической и анатомопатологической точки зрѣнія. Д-ра Феликса Нимейера. Переводъ съ нѣмецкаго. Выпускъ первый. Переводъ М. Боголюбова. М. 1861. Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБЩЕЙ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ тканей человѣческаго тѣла. Д-ра А. Винтера. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

ПРАВИЛА для найма рабочихъ, Высочайше утвержденныя 13-го марта 1861 года. Ц. 25 коп.

РАЗЧЕТНАЯ КНИЖКА для рабочихъ, составл. на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ для найма рабочихъ. Ц. 5 коп.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ., книга для чтенія и перевода. Составл. Л. Фонъ деръ-Эльснитцомъ. М. 1861. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ. Переводы В. Д. Костомарова и Ф. Н. Берга.

Выпускъ I: Викторъ Гюго, Г. Гейне, П. Ж. Берамже, А. Трегеръ, А. Шамиссо, Леопарди, Филликаля, Никколини, Х. Г. Андерсенъ, А. Эленшлегеръ. М. 1860. Ц. 1 р., перес. за 1 фунтъ.

Выпускъ II: Р. Борисъ, Г. Гейне, А. Шуальтсъ, Г. Х. Андерсенъ. Съ портретомъ и факсимиле Бориса. Въ приложеніи: Легенды Сербовъ. М. 1862. Ц. 1 р. 25 коп., перес. за 1 фунтъ.

МОЯ БИОГРАФІЯ. Посмертное сочиненіе, **БЕРАНЖЕ.** Съ приложеніемъ портрета автора и перевода нѣкоторыхъ, нигдѣ не напечатанныхъ, пѣсень. Изд. В. Д. Костомарова. М. 1861. Ц. 1 р. с., перес. за 1 фунтъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. И. КРАСОВА. Изданіе П. Шейна. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп. с.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА Виленской губерніи на 1861 годъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 коп.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

Книжки РУССКАГО ВѢСТНИКА выходятъ ежемѣсячно; СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ еженедѣльно, по четвергамъ.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ и СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ въ Москвѣ и Петербургѣ **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **семнадцать рублей**;

за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ отдѣльно — въ Москвѣ и Петербургѣ **десять рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **двѣнадцать рублей**.

за СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ отдѣльно въ Москвѣ и Петербургѣ **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **восемь рублей**.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* принимается:

НА 1862 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ Квоторѣ Типографіи Каткова и К^о, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Бабунова, на Страснонѣ Бульварѣ, въ домѣ Загражскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Бабунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника* въ Москвѣ. Заграничные обращаются исключительно въ берлинскій почтамтъ.

Печатать дозволяется.

Февраля 28. Цекзоръ А. Петровъ.
Цекзоръ Н. Гиларовъ-Платоновъ.

